

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913

1

стр.

5. Речь П. И. Бартечева Славянскимъ представителямъ въ 1867 году.
8. Страница изъ жизни Московскаго Университета. Профессора Н. П. Боголъпова.
87. Баптисты Новоузенскіе. Статья П. Л. Юдина.
93. Переписка П. Д. Голохвастова съ И. С. Аксаковымъ о «Земскомъ Соборѣ».
112. Калмыки и Отечественная война. Статья С. В. Фарфоровскаго.
116. Предисловіе Барона Будберга (посланника въ Парижъ) къ перепискѣ Кристина съ княжною Турнестановой.
137. Письма Кристина и княжны Турнестановой.

„Русскій Архивъ“ оплакиваетъ утрату
Графа Арсенія Аркадіевича Голенищева-Куту-
зова. Вѣчная память ему людей, словесности
приверженныхъ.

МОСКВА
Синодальная Типографія
1913

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ.

1913.

І.

РУССКОЙ ПРАКТИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ (младшимъ)

„Обычайъ правъ, усвоившихъ важный смыслъ.
Намъ почитать издревле повелѣвшій“.

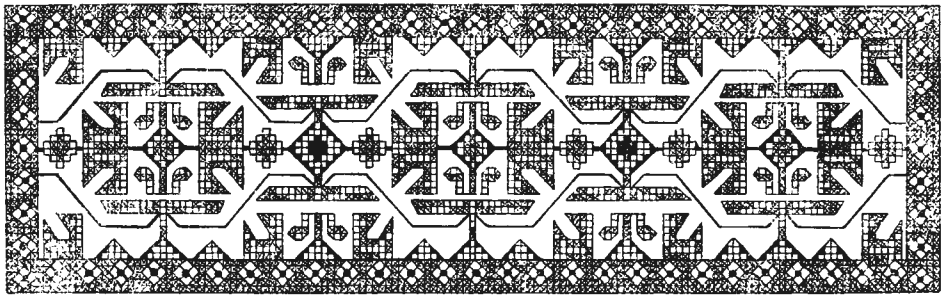
Бартевскій.

1913

КНИГА ПЕРВАЯ

МОСКВА
Синодальная Типографія
1913

Высокопочтеннѣйшее собраніе*)!

Въ дни нашихъ Славянскихъ праздниковъ, столь утѣшительныхъ въ *настоящемъ* и обѣщающихъ такъ много для словеснаго преуспѣванія въ *будущемъ*,—да будетъ позволено издателю „Русскаго Архива“ отвлечь на нѣсколько минутъ мысль Вашу къ прошедшему. Только то и прочно, что связано съ стариной. Коль скоро побужденія, нынѣ насъ руководящія, коренятся въ прошедшемъ, тогда нечего смущаться: они богаты послѣдствіями. Чувство единенія нашего съ тѣми племенами, представителей которыхъ мы радостно видимъ здѣсь, столь же долговѣчно, какъ и сама Россія. Оно живо на первыхъ страницахъ нашей лѣтописи, въ разсказъ преподобнаго Нестора о распредѣленіи народовъ. Оно даетъ себя знать въ теченіи вѣковъ, когда наши предки, еще до изобрѣтенія печати, молились по рукописнымъ книгамъ, то Болгарскаго то Сербскаго письма. Царство Сербское падаетъ, и почти въ самый годъ битвы на Коссовомъ полѣ, гдѣ палъ царь Лазарь, полки Мамаевы бѣгутъ съ поля Куликова, и полагается основаніе Русскому могуществу. Чѣмъ свободнѣе расправляетъ свои члены Русскій народъ, тѣмъ живѣе возрастаетъ это чувство славянскаго единства. Чудо богатырь Русской земли, Петръ Великій дѣлается извѣстнымъ всему славянскому міру. Мы знаемъ теперь, что первоначальная мысль его была учить насъ чрезъ посредство образованныхъ Чеховъ и опытныхъ мореходовъ Далматинскаго побережья. Туда къ Адриатическому морю снарядилъ онъ въ 1697 году свой походъ за необходимою ему мор-

*) Въ виду славныхъ и грозныхъ событій, совершившихся и совершиться имѣющихъ въ мірѣ Славянскомъ, печатаемъ ниже слѣдующую рѣчь почившаго составителя и издателя „Русскаго Архива“ П. И. Бартечева, произнесенную имъ въ 1867 г. въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, гдѣ онъ указываетъ на близость нашу со всѣмъ славянствомъ и близости этой радуется. П. В. (младшій).

скою наукою; но послѣ шумныхъ пиршествъ въ Пруссіи направленіе пути неожиданно измѣняется, и Петръ поворачиваетъ въ Голландію. Черезъ двадцать лѣтъ войска его занимаютъ южный берегъ Балтійскаго моря, ту Померанію, на которой ему такъ хотѣлось утвердиться, и гдѣ потомъ нѣсколько лѣтъ господствовала дочь его императрица Елизавета, вѣрная завѣтнымъ мыслямъ отца. Занявъ поморіе балтійское, Петръ посылаетъ Римскому императору требованіе о выдачѣ непокорнаго сына, несчастнаго представителя косныхъ началъ земли нашей, и Карлъ VI, въ своемъ тайномъ совѣтѣ, говоритъ: „надобно выдать Алексѣя, иначе царь двинется войскомъ въ Богемію, и подлая Богемская чернь вся станетъ за него“. Тогда это была только подлая чернь, ибо чехское общество, подобно нашему въ недавно прошедшее время, находилось подъ духовнымъ игомъ иностранцевъ. Сподвижникъ Петра Теофанъ хлопочетъ у императрицы Анны за православныхъ Австрійскихъ славянъ. При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ десятки тысячъ Сербовъ населяютъ южныя края Россіи, и имя „царицы Елисавки“ слышится въ пѣсняхъ народонаселенія Балканскаго полуострова. Геній Екатерины вполнѣ сознавалъ силу славянскаго единства. Она первая ученымъ образомъ указала на сродство нашихъ языковъ; она открыто утверждала, что Латинскіе монахи исказили средневѣковую исторію, нарочно умалчивая о Славянахъ. Она воспользовалась мыслию Петра, призвавъ Серба Янковича*) для заведенія народныхъ училищъ, которыя по духу своему и до сихъ поръ могутъ служить образцомъ для подражанія. При императорѣ Павлѣ какою-то причудою исторіи, Русскія войска проходятъ вдоль и поперекъ Славянскія земли Австрійской монархіи и, по свидѣтельству участниковъ этого удивительнаго похода, встрѣчаютъ радушный пріемъ и братское сочувствіе въ мѣстномъ забитомъ и униженномъ населеніи. Ближайшая за тѣмъ исторія еще не выяснилась, но, сколько мы знаемъ, императору Александру Павловичу принадлежатъ обширнѣйшія, самыя смѣлыя предначертанія относительно Славянскихъ племенъ въ борьбѣ съ Наполеономъ I-мъ. Часть древняго Сербскаго царства свергла мусульманское иго при участіи Русскихъ войскъ. Въ порученной моему храненію Чертовской библіотекѣ хранятся тѣ *письма объ освобожденіи Сербіи*, которыхъ напечатали Сербскіе посланцы въ Петербургъ въ 1806 году, пріѣхавъ просить о помощи противъ Турокъ. Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія начинается словесное изученіе обще Славянской старины. Профессоръ Кайсаровъ, сочинитель Славянской міеологіи, первый сколько намъ

*) Потомки этого Янковича живутъ въ Россіи до нашихъ дней. П. Б. (младшій).

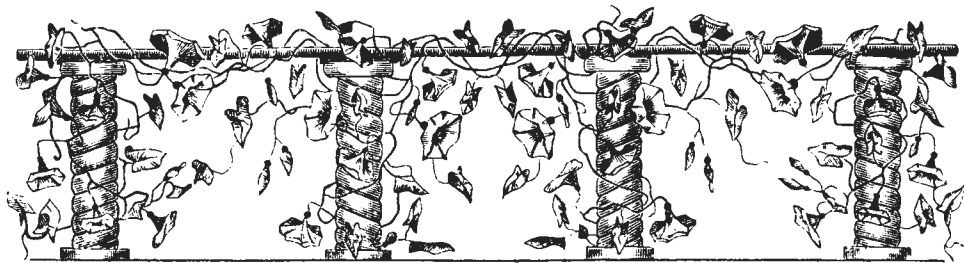
извѣстно, сталъ усердно заниматься этимъ предметомъ, о томъ свидѣтельствуеть его библіотека, находящаяся въ этомъ самомъ зданіи.

Всѣмъ извѣстно и памятно, какъ любилъ Славянскія племена, какъ ясно сознавалъ ихъ братство съ нами покойный императоръ Николай Павловичъ. Ему лично принадлежитъ мысль о преподаваніи Славянскихъ нарѣчій въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

И такъ нынѣшнія наши рѣчи, наша братская встрѣча и радостное торжество не есть что либо недавнее, оно имѣетъ свою исторію, которая можетъ быть написана и напишется со всѣми подробностями. Если сближеніе почувствовалось сильнѣе прежняго, то въ этомъ смѣемъ мы видѣть только доказательство нѣкотораго преуспѣванія въ нашемъ самосознаніи, ибо не трудно отыскать связь между нашею этнографическою выставкою, виновницею нашей Славянской радости, и тѣми льготами, которыя въ послѣднее время дарованы Русской мысли. Да крѣпнетъ же и мужаетъ она, эта Русская мысль, поддерживаемая единеніемъ славянскимъ; да растетъ и процвѣтаетъ многомилліонный Славянскій языкъ во славу и благо человѣчества!

П. Б.

Страница изъ жизни Московскаго университета.

Изъ записокъ профессора Н. П. Боголѣпова.

14 Декабря 1894 г. Мнѣ бы хотѣлось записать ноябрьскія и декабрьскія событія въ нашей университетской жизни. Но пока нѣтъ времени. Въ немногихъ словахъ произошло слѣдующее.

Въ концѣ ноября студенты освистали В. О. Ключевского, въ то время, когда онъ читалъ лекцію. Всѣ знали, что это было наказаніе (чье?) за то, что онъ хвалилъ покойнаго Государя¹⁾ въ своей рѣчи, сказанной въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, и что онъ, будто бы, лицемѣрилъ, такъ какъ раньше держался совершенно другихъ взглядовъ на власть. Нѣкоторыхъ свистуновъ судили въ правленіи и трехъ изъ нихъ исключили изъ университета. Это вызвало сходку на слѣдующій день (въ химической лабораторіи). По обыкновенію сходка не послушалась увѣщаній университетскихъ властей, и была призвана полиція, которая переписала не успѣвшихъ разбѣжаться и отпустила ихъ. Небольшая часть записанныхъ была судима въ правленіи и присуждена къ легкимъ наказаніямъ.

Между тѣмъ полицейская власть распорядилась высылкой 48 человекъ студентовъ, большею частью старшихъ курсовъ, по ея словамъ—главныхъ вожаковъ въ землячествахъ,—кажется, тѣхъ, которые являлись членами Союзнаго Совѣта²⁾. Послѣ этого часть профессоровъ

¹⁾ Императора Александра III.

²⁾ Союзъ соединенныхъ землячествъ, образовавшійся изъ отдѣльныхъ земляческихъ кружковъ, создалъ Союзный Совѣтъ и при немъ Судебную Комиссію. Первоначальной задачей Союзнаго Совѣта было устроить студенческія столовыя, бібліотеки и кружки саморазвитія. Мало-по-малу онъ расширилъ кругъ своей дѣятельности—издавалъ прокламаціи съ явно-революционными программами и собиралъ деньги въ пользу политическихъ преступниковъ. Что касается Судебной Комиссіи, то она сперва вѣдала только предосудительныя дѣла товарищей-студентовъ, но спустя нѣсколько времени присвоила себѣ право суда и надъ профессорами.

стала собираться, чтобы обсудить нѣкоторые вопросы. Первый разъ собрались 10 декабря (въ субботу) у Остроумова (А. А.), подъ предсѣдательствомъ В. И. Г. . . , принесшаго уже готовые положенія, которыя должны были послужить основаніемъ петиціи къ Великому Князю*), генераль-губернатору. Какъ передавалъ графъ Камаровскій, со словъ проф. Ю. С. Гамбарова, а потомъ—Митропольскаго (Н. А.), положенія были слѣдующія: 1) просить возвращенія высланныхъ студентовъ, 2) просить, чтобы студентовъ, не арестовывали иначе какъ при депутаціи университета, такъ какъ полиція дѣйствуетъ слишкомъ произвольно, 3) просить, чтобы измѣнено было устройство университетскаго суда, такъ какъ теперешній судъ находится въ рукахъ администраціи. Нѣкоторые изъ профессоровъ робко возражали, что не слѣдовало бы затрогивать университетскаго суда, но большинствомъ всѣхъ противъ одного профессора П. М. Черинова рѣшили о судѣ говорить.

Профессоръ А. Я. Кожевниковъ выразилъ сомнѣніе, могутъ ли профессора касаться дѣйствій полиціи, такъ какъ не одни студенты, но и всѣ подчинены ей одинаково.
Для выслушанія окончательно выработанной редакціи рѣшено собраться во вторникъ (13 дек.).

Въ этотъ день (13 дек.) я по другому дѣлу зашелъ къ Черинову и засталъ тамъ Митропольскаго, который еще наканунѣ былъ у меня и выразилъ подозрѣніе, не ведется ли все это дѣло, чтобы косвенно выразить порицаніе В. О. Ключевскому. Здѣсь вдвоемъ они обсуждали эти событія. Я поддержалъ ихъ, въ увѣренности, что нельзя соглашаться на пунктъ, осуждавшій университетскій судъ. При этомъ я рассказалъ кое-что о томъ, какъ землячества и ихъ Союзный Совѣтъ образовали изъ себя подпольное правительство, начавшее давать свои предписанія и профессорамъ (напр. запрещеніе проф. Владимирову читать лекціи). Оба согласились на засѣданіи во вторникъ рѣшительно выяснить прочимъ профессорамъ, что пунктъ объ университетскомъ судѣ будетъ заключать въ себѣ косвенное осужденіе теперешнему составу правленія и Ключевскому.

Сегодня вечеромъ М. П. Чериновъ пріѣхалъ ко мнѣ и рассказалъ слѣдующее: вчера вечеромъ къ Остроумову прибыли частью тѣ же профессора, которые и ранѣе собирались у него по дѣлу обсужденія

*) Сергій Александровичъ, Московскій генераль-губернаторъ

петиціи, частью иные, но въ общемъ количество ихъ было одинаково въ оба раза—человѣкъ 30. В. И. Г . . . , по словамъ Черинова, прочиталъ черновикъ петиціи, написанный очень растянуто. Въ петиціи былъ и пунктъ о судѣ. Проф. А. И. Булыгинскій очень основательно возражалъ противъ такого пункта, указывая на то, что студенты и безъ того не уважаютъ авторитета университетскаго суда, а послѣ такого заявленія профессоровъ и подавно не станутъ уважать его: „Всему свое время; если нужно измѣнять устройство суда, то объ этомъ надо говорить въ другое, болѣе спокойное время“. То же приблизительно высказывали проф. А. А. Бобровъ и еще кто-то. Тогда проф. И. М. Съченоевъ предложилъ прибавить въ началѣ этого пункта слова: „не осуждая дѣйствій теперешняго состава правленія“. Чупровъ (А. И.) предложилъ тоже что-то въ этомъ родѣ. Чериновъ всталъ и рѣшительно возражалъ противъ всего пункта. Тогда Г . . . , съ ядовитой улыбкой, предложилъ, будто согласно заявленію Черинова, ходатайствовать, чтобы вернули всѣхъ студентовъ, кромѣ тѣхъ трехъ, которыхъ осудило правленіе. Чериновъ взбѣсился и громкимъ голосомъ крикнулъ: „Вы не смѣете исказать мои слова!“ Г . . . сконфузился и замѣтилъ: „Зачѣмъ же такой тонъ!“ Встаетъ Н. Я. Гротъ. „Мы все толкуемъ о деталяхъ: будетъ проще—прямо подписать составленное заявленіе“. Чериновъ уѣхалъ, не дождавшись конца. Сегодня къ нему пріѣхалъ Митропольскій и рассказалъ, что затѣмъ рѣшено было прибавить къ пункту о судѣ такое замѣчаніе: „не считая себя въ правѣ судить о бывшемъ судѣ надъ студентами и т. д.,—слѣдуетъ все-таки требовать перемѣны устройства суда“. Такъ какъ переписывать было некогда, то предложили подписываться на чистомъ листѣ, и всѣ—подписались, не исключая и Булыгинскаго, Боброва, Митропольскаго и другихъ, говорившихъ противъ пункта о судѣ. Когда Митропольскій возразилъ Остроумову, что на чистомъ листѣ опасно подписываться, что къ нему можно придѣлать какой угодно текстъ, Остроумовъ насмѣшливо замѣтилъ: „Это предлогъ не подписываться“,—и Митропольскій подмахнулъ. Чериновъ говоритъ, со словъ Митропольскаго, что къ подпискѣ толкали нравственно*). Нужно прибавить, что въ обоихъ засѣданіяхъ присутствовалъ Милюковъ (П. Н.), который, не будучи профессоромъ, не долженъ былъ принимать участія въ этихъ профессорскихъ засѣданіяхъ. Одинъ изъ профессоровъ сказалъ на ухо Черинову: „Милюковъ послѣ нашихъ совѣщаній отправляется на засѣданія Союзнаго Совѣта землячествъ и тамъ передаетъ обо всемъ случившемся. Онъ служитъ посредникомъ между Г . . . и землячествами“.

*) См. I приложение.

Сегодня вечеромъ заѣхалъ ко мнѣ А. С. Алексѣевъ. Онъ передалъ мнѣ слѣдующее: Гамбаровъ, не скрываясь, говорилъ профессору Тарасову (И. Т.) и студенту Живаго (С. И.), что попечитель округа (графъ П. А. Капнистъ) поручилъ Г войти въ сношенія съ землячествами и обѣщать имъ его содѣйствіе къ возвращенію высланныхъ студентовъ, если они будутъ сидѣть тихо.

Если это вѣрно, не удивительно, что Г и его сподвижники—П. Г. Виноградовъ и Эрисманъ (Θ. Θ.) дѣйствуютъ такъ открыто и такъ нагло. Эрисманъ, между прочимъ, сказалъ Черинову: „Да, мы хотимъ выразить порицаніе дѣйствіямъ правленія“.

Бѣдный ректоръ и его помощники! Какое счастье, что я во время ушелъ изъ ректоровъ. Какъ тонко моя милая Катя¹⁾ понимала Капниста, когда еще два года тому назадъ уговаривала меня бросить ректорство, потому что подозрѣвала, что Капнистъ предастъ меня.

15 декабря. Сегодня Н. А. Звѣревъ рассказалъ мнѣ, какъ вчера досталось Духовскому (М. В.). Этотъ п²⁾ пріѣхалъ вчера къ нему, чтобы прочитать свой отзывъ о книгѣ Таганцева и въ то же время пригласить Звѣрева подписаться подъ ихъ петиціей. Чтобы отдѣлаться отъ него поскорѣй, Звѣревъ предложилъ ему вмѣстѣ поѣхать къ Колоколову (Г. Е.). Тамъ они застали Алексѣева и Даневскаго (В. П.). Алексѣевъ напалъ на Духовскаго и, по словамъ Звѣрева, очень вѣскими аргументами доказалъ ему, какъ они дурно поступаютъ своей петиціей. Даневскій наговорилъ ему много рѣзкихъ вещей и назвалъ его „толпой“. Къ нимъ затѣмъ присоединились Колоколовъ и Звѣревъ, такъ что Духовскому приходилось жарко. Онъ вертѣлся во всѣ стороны. Всѣ его аргументы сводились къ тому, что онъ подробностей никакихъ не знаетъ, но что вообще очень сочувствуетъ студентамъ и находитъ нужнымъ какънибудь выразить имъ это сочувствіе.

Сегодня Алексѣевъ заходилъ къ Г , чтобы попросить самую петицію для прочтенія. Г отказался подъ предлогомъ, что не имѣетъ ея. На упреки Алексѣева, что все дѣло велось потихоньку отъ многихъ профессоровъ, Г отвѣчалъ, что приглашали всѣхъ, кого

¹⁾ Жена Н. П. Богольцова, Екатерина Александровна, рожденная свѣтлѣйшая княжна Ливень.

²⁾ Весьма пелестный эпитетъ.

могли, что если кого-нибудь не пригласили, то это вышло случайно. Алексѣевъ выразилъ удивленіе, что случайное приглашеніе пало на людей одного только благопріятнаго имъ направленія. что не были приглашены многіе истинно—университетскіе дѣятели. Г сказалъ, что началось это дѣло среди дюжины профессоровъ естественниковъ и медиковъ, изъ филологовъ среди нихъ былъ только одинъ и къ тому же не профессоръ. Алексѣевъ ему замѣтилъ: „И не трудно угадать—кто“.—„Кто же?“—„Милюковъ“.— „Д-д-да, это онъ“, нехотя отвѣтилъ Г

Отъ Г Алексѣевъ прошелъ къ Павлову, Алекс. Степановичу; тотъ не подписалъ петиціи. Нужно, впрочемъ, сказать, что Павловъ отнесся къ ней враждебно потому, что страшно взбѣсился на Духовскаго за то, что тотъ прислалъ ему приглашеніе подписаться подъ петиціей съ разсылнымъ. Павловъ долженъ былъ расписываться въ полученіи. Это ему показалось въ высшей степени оскорбительно. Почему? Это очень характерно для вздорности профессорскихъ нравовъ.

Некрасовъ (П. А.) и Звѣревъ узнали о слухѣ, что вся исторія съ петиціей затѣяна самимъ Капнистомъ. Этотъ слухъ въ ихъ глазахъ подтверждается ихъ разговоромъ съ попечителемъ, который вчера самъ рассказывалъ имъ, будто Г только во вторникъ сообщилъ ему о петиціи, послѣ чего графъ совершенно случайно зашелъ къ Виноградову, который также говорилъ ему о петиціи; онъ же имъ обоимъ отвѣтилъ, что не одобряетъ ихъ затѣи. Затѣмъ, въ ихъ глазахъ подозрѣніе подтверждается и тѣмъ, что въ послѣднемъ собраніи профессоровъ у Остроумова присутствовали всѣ близкіе Капнисту профессора: Г, Виноградовъ, Ш, К Эрисманъ.

Мы съ Алексѣевымъ предложили устроить контръ-петицію. Но ректоръ и Звѣревъ находятъ, что въ настоящее время это ни къ чему не поведетъ,—во всякомъ случаѣ не исправитъ того факта, что значительное число профессоровъ высказалось противъ правленія, а попечитель, по меньшей мѣрѣ, отнесся къ этому пассивно. Они думаютъ, что имъ оставаться нельзя и надо подавать въ отставку, какъ скоро петиція будетъ подана. Вопросъ: найдутъ ли нужнымъ сдѣлать то же самое и деканы?

Г прислалъ мнѣ записочку, въ которой сообщаетъ, что если я хочу, то могу прочесть и подписать просьбу о возвращеніи

высланныхъ студентовъ. При этомъ ничего не упоминаетъ о пунктѣ, касающемся университетскаго суда.

16 декабря. Алексѣевъ былъ вчера у Остроумова, прочелъ петицію. Въ ней говорится приблизительно слѣдующее: „Не считая себя въ правѣ произносить сужденіе о состоявшемся приговорѣ надъ студентами, мы не можемъ не указать на неудовлетворительное устройство университетскаго суда. Въ немъ участвуютъ лица, завѣдующія администраціей и нерѣдко сталкивающіяся со студентами, которыхъ вслѣдъ за тѣмъ должны судить. Они не могутъ быть неизмѣнно безпристрастными, и студенты не могутъ относиться къ такому суду съ довѣріемъ“.—Остроумовъ, подобно Г , сталъ увѣрять, что приглашали всѣхъ; если кто не получилъ приглашенія, то случайно, что юристовъ долженъ былъ пригласить Гамбаровъ. Какъ нарочно, Гамбаровъ въ это время вошелъ къ Остроумову. Онъ сначала сказалъ, что еще 6 декабря, на именинахъ Звѣрева, говорилъ о собраніи. Но Алексѣевъ напомнилъ ему, что наканунѣ самой сходки у насъ было факультетское засѣданіе, гдѣ онъ могъ бы пригласить всѣхъ, а между тѣмъ онъ пригласилъ только одного Камаровскаго, отведя его въ сторону. Тогда Гамбаровъ сказалъ: „Ну, да я вѣдь не умѣю долго играть роль дипломата. Дѣйствительно, мы рѣшили пригласить только единомышленныхъ, потому что надо было дѣйствовать быстро, не задерживаясь преніями“.

Къ моему удивленію, къ Остроумову при Алексѣевѣ пріѣхалъ Ключевскій и подписалъ тоже.

Рѣшено съ петиціей послать депутацію изъ Г , Тимирязева (К. А.), Эрисмана и Чупрова. Вѣроятно, это было вчера или третьяго дня. Вчера же Чупровъ заболѣлъ и писалъ Камаровскому: „Умственно и душевно я здоровъ, но докторъ запретилъ двигаться“. Такъ удачно у него всегда случается, что, когда надо взять на себя отвѣтственность за свои прошлыя дѣйствія, ему нужно бываетъ ѣхать въ Петербургъ, или онъ заболѣваетъ.

Судя по бѣглымъ разговорамъ, Звѣревъ и Некрасовъ думаютъ, что деканы, по крайней мѣрѣ—Легонинъ (В. А.) и Бугаевъ (Н. В.), не намѣрены выходить въ отставку. Можетъ быть, они еще не знаютъ всѣхъ послѣднихъ событій?

Любопытныя статистическія свѣдѣнія собралъ Некрасовъ. Изъ 48 студентовъ, высланныхъ полиціей и бывшихъ, повидимому, жоками

въ землячествахъ, приходится, приблизительно, такіе проценты на долю всѣхъ студентовъ разныхъ факультетовъ:

на юридическомъ	$\frac{1}{2}\%$	всего числа студентовъ
„ математическомъ	1%	„ „ „
„ медицинскомъ	1%	„ „ „
„ филологическомъ	2%	„ „ „
„ естественномъ	5%	„ „ „

Эти проценты совершенно совпадаютъ съ тѣмъ, сколько профессоръ-агитаторовъ существуетъ по факультетамъ. На филологическомъ факультетѣ число агитаторовъ можетъ быть не очень велико, но тамъ оно пополняется приватъ-доцентами (Милюковъ, особенно).

18 дек. Вчера въ 3 часа было засѣданіе Совѣта. Передъ засѣданіемъ среди профессоровъ было сильное движеніе. Оказалось, что ректоръ уже подалъ въ отставку. На меня набросилось нѣсколько чело-чѣкъ, между прочимъ и Легонинъ, прося, чтобы я уговорилъ Некрасова повременить. Я оспаривалъ. Послѣ коротенькаго засѣданія Некрасовъ обратился къ профессорамъ съ рѣчью, въ которой описалъ свое положеніе: съ одной стороны—тайный Союзный Совѣтъ, небольшо-шой сравнительно по числу студентовъ, но плотно сложившійся и принимающій на себя роль распорядителя въ университетѣ, съ другой стороны—заявленіе 42 профессоровъ, что при теперешнемъ устройствѣ университетскаго суда онъ не можетъ быть правосуденъ, и студенты не могутъ питать къ нему довѣрія. Со студентами еще можно бы справиться, если бы всѣ профессора были единодушны, но если почти половина профессоровъ заявляетъ, что ректоръ и правленіе при тепе-решнемъ строе не заслуживаютъ довѣрія, то онъ, Некрасовъ, не можетъ управлять и подалъ въ отставку, которая въ принципѣ принята, но попечитель и генералъ-губернаторъ попросили его повременить. Помощникъ ректора Звѣревъ заявилъ, что тоже подаетъ въ отставку.

Рѣчь ректора была сказана просто, искренно, коротко и произвела тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе.

Нѣсколько человекъ изъ подписавшихъ петицію (не изъ жожа-ковъ) вскочили и стали заявлять, что у нихъ не было намѣренія вы-ражать недовѣріе кому-либо изъ университетскихъ властей. Одинъ изъ нихъ (Умовъ, Н. А.) сказалъ даже, что цѣль ихъ была умиротворить университетъ. Я было хотѣлъ также говорить, но ораторовъ было

много, и я рѣшилъ выждать, когда они выскажутся. Профессоръ Алексѣевъ очень громко и рѣзко заявилъ Некрасову, что большинство профессоровъ не участвовало въ петиціи, потому что не могло одобрить образа дѣйствія петиціонеровъ, которые хотѣли общеуниверситетское дѣло рѣшить въ ограниченномъ кружкѣ, и что это большинство, безъ сомнѣнія, сочувствуетъ Некрасову. Ректоръ просилъ прекратить бесполезный споръ и ушелъ. Многіе изъ петиціонеровъ вскочили съ мѣстъ и кричали Некрасову: „Павель Алексѣевичъ, вернитесь. выслушайте насъ: это одно недоразумѣніе“. Тутъ вскочили всѣ, и поднялся гамъ невообразимый, всѣ спорили, ссорились. Надо сказать, что вожаковъ петиціонеровъ не было никого, такъ что доставалось выслушивать укоры лицамъ, сравнительно невиннымъ. Изъ неподписавшихъ двое явились миротворцами—графъ Камаровскій и Самоквасовъ (Д. Я.). Они стали упрашивать меня, чтобы я взялъ на себя предсѣдательство для обсужденія дѣла. Я рѣшительно отказался и ушелъ. Послѣ меня гр. Камаровскій взялъ на себя предсѣдательство, и было выработано рѣшеніе: написать письмо Некрасову съ выраженіемъ довѣрія, съ тѣмъ, чтобы его подписали всѣ. Мы съ Алексѣевымъ рѣшили никакихъ заявленій не подписывать вмѣстѣ съ петиціонерами, потому что это послужило бы имъ только прикрытіемъ. Вечеромъ пріѣхалъ Самоквасовъ и опять уговаривалъ меня сдѣлать что нибудь. Я отказался на томъ основаніи, что въ настоящую минуту не видѣлъ средствъ помочь дѣлу; ректоръ не можетъ управлять, когда авторитетъ его и правленія подорванъ заявленіемъ 40 профессоровъ. Къ тому же я и не находилъ, чтобы Самоквасовъ и гр. Камаровскій были умѣлыми союзниками. Вечеромъ же я получилъ отъ Некрасова письмо съ просьбой въ воскресенье (18 Декабря) быть въ 4 часа у Легонина и пригласить туда же и Алексѣева, что я и исполнилъ.

Сегодня утромъ, когда я еще умывался, явился Самоквасовъ. Его надежды на удачу въ дѣлѣ примиренія видимо ослабли. Онъ былъ вчера вечеромъ у Г, который принялъ его холодно и между прочимъ сказалъ: „Какія заявленія будемъ мы дѣлать ректору, когда мы и не думали выражать ему недовѣріе? Въ нашей бумагѣ этого не видно. А потомъ—о какихъ волненіяхъ вы говорили? Молодежь вовсе не думаетъ волноваться, она совершенно спокойна“.

Самоквасовъ передалъ мнѣ, что попечитель желаетъ меня видѣть. и пригласилъ пріѣхать въ 11 ч. утра. Я поѣхалъ и засталъ тамъ Камаровскаго и Самоквасова. Гр. Капнистъ взялъ копію съ петиціи и началъ разбирать ее передъ нами. Въ ней говорится въ началѣ, что

студенты подверглись преслѣдованію и высылкѣ за участіе въ земляческой организаціи, которая была давно извѣстна не только полиціи, но и университетскимъ властямъ,—слѣдовательно, была какъ бы молчаливо ими признана. Буквально это тамъ не говорится, но, по мнѣнію гр. Капниста, петиція хочетъ сказать, что студенты высланы за участіе въ организаціи, которая молчаливо разрѣшалась самимъ начальствомъ университета. „Это завѣдомая ложь“, говорилъ гр. Капнисть. „а между тѣмъ студенты примутъ ее за истину, которая не можетъ не возмущать ихъ“. Затѣмъ онъ указалъ, что петиція, какъ я уже излагалъ выше, подрываетъ довѣріе къ университетскому суду. Все это попечитель излагалъ пространно, хорошо, совершенно вѣрно. Затѣмъ онъ чрезвычайно вѣрно описалъ безвыходность положенія ректора и его самого. По его словамъ, при первомъ щекотливомъ дѣлѣ, они будутъ имѣть на своей шеѣ 4000 человѣкъ студентовъ. Онъ понимаетъ, что ректоръ уходитъ. Самъ онъ уйти не можетъ, но, конечно, пламенно желалъ бы быть подальше отъ Московскаго и вообще отъ всякаго университета. „Мы идемъ къ страшной университетской катастрофѣ“, говорилъ онъ, „дай Богъ, чтобы мнѣ не пришлось быть участникомъ въ ней“. На мой вопросъ, отчего онъ раньше не сказалъ вожакамъ петиціонеровъ, чтобы они прекратили свою агитацію, онъ сталъ увѣрять, что онъ раньше послѣдняго засѣданія профессоровъ не зналъ о содержаніи петиціи. Виноградовъ и Эрисманъ говорили ему, что профессора хотятъ собраться для обсужденія вопроса о петиціи; они даже предлагали ему, чтобы онъ собралъ ихъ, но больше онъ ничего не зналъ. Его чрезвычайно удивляетъ, что въ петиціи участвовали Г К , и даже Ш , столь близкій ему человѣкъ, съ которымъ у него нѣтъ секретовъ.

Камаровскій спросилъ его, нельзя ли все-таки сдѣлать что-нибудь, чтобы уговорить ректора остаться. Капнисть видитъ возможность попытать одно средство: петиціонеры должны написать Некрасову письмо, въ которомъ они рѣшительно заявили бы: 1) что они порицаютъ запрещенныя студенческія организаціи, особенно Союзный совѣтъ, 2) что они общающъ поддерживаютъ ректора и правленіе съ ихъ теперешнимъ правомъ суда въ правленіи.

Я замѣтилъ, что если бы петиціонеры и рѣшились высѣчь самихъ себя этимъ письмомъ, то это не можетъ служить ручательствомъ, что они затѣмъ не будутъ продолжать свою теперешнюю агитацію и все-таки дѣлать положеніе ректора невозможнымъ. — „Ну, тогда я буду бить прямо по головѣ“, возразилъ попечитель, „я тогда буду бить на смерть“.

Конечно, это было хвастовство.

Если-бъ въ эти годы онъ билъ хоть и не на смерть, а только больно, то мы не переживали бы теперешняго состоянія.

Гр. Камаровскій, несмотря на его оптимизмъ, былъ совсѣмъ смущенъ всѣмъ разговоромъ и, хотя взялъ съ собой проектъ заявленія, въ которомъ петиціонеры должны были себя сѣчь, но едва ли рѣшится предложить его этимъ господамъ.

Не могу догадаться, для чего звалъ меня попечитель. Совѣта моего онъ не спрашивалъ. Думаю, что онъ хотѣлъ разыграть передо мною роль корректнаго начальства, возмущеннаго дѣйствіемъ профессоръ, въ надеждѣ, что я потомъ буду рассказывать это среди своихъ знакомыхъ. Его поведеніе мнѣ все-таки сомнительно.

Къ обѣду у Легонина собрались всѣ, кого я назвалъ выше, и кромѣ того—Даневскій, харьковскій профессоръ. Звѣревъ рассказалъ то, что ему говорилъ попечитель вчера вечеромъ, и чего онъ не сказалъ намъ, именно—какъ держалъ себя Великій Князь. По словамъ Капниста, на первомъ докладѣ о намѣреніи профессоровъ, Великій Князь гнѣвно выразился о профессорахъ, какъ о творящихъ смуту; на слѣдующій день онъ говорилъ спокойнѣе, но все-таки сказалъ, что петиціи онъ не приметъ, а на третій день—принялъ очень любезно, но сказалъ, что исполнить только ту часть, которая относится къ его вѣдомству, именно—о пересмотрѣ вопроса о высылкѣ, а остальные оставить безъ послѣдствій. На четвертый день, когда попечитель докладывалъ объ отставкѣ ректора, Великій Князь будто бы сказалъ: „Да, Вы должны обуздать профессоровъ!“ Тогда попечитель, будто бы замѣтилъ, что разъ Его Высочество принялъ петицію, онъ, попечитель, безсиленъ сдѣлать что-нибудь; а когда Великій Князь сказалъ, что обуздать долженъ министръ, гр. Капнистъ отвѣтилъ, что и министръ встрѣтится съ тѣмъ же затрудненіемъ. Правда ли все это, не берусь рѣшить.

Легонинъ предложилъ написать Некрасову письмо отъ лица только тѣхъ профессоровъ, которые не подписали петиціи, приблизительно такого содержанія: „Мы, нижеподписавшіеся профессора, не подписавшіе петиціи и не одобряющіе образа дѣйствій профессоровъ подписавшихъ, заявляемъ Вамъ уваженіе, какъ человѣку, и довѣріе, какъ ректору“. Копію съ этого письма предположено представить графу Капнисту. Легонинъ увѣренъ, что попечитель долженъ будетъ *volens-*

полена представить ее и Великому Князю и министру, а это еще болѣе отгнѣнить поведеніе петиціонеровъ. Мы согласились, хотя я не думаю, чтобы это могло имѣть серьезныя послѣдствія.

Во время обѣда Звѣревъ получилъ длинное письмо отъ проф. Грота, который, умоляя его и ректора не спѣшить отставкой, говоритъ, что 39 изъ 42-хъ подписавшихся попали въ ловушку, устроенную интриганами. Затѣмъ онъ прислалъ второе письмо, гдѣ проситъ Звѣрева зайти къ нему, потому что хочетъ сообщить ему о какой-то двойной интригѣ. Звѣревъ пошелъ. Любопытно, что онъ узнаеть. Алексѣевъ поѣхалъ собирать подписи къ нашему письму.

Слышно, что на вторникъ слѣдующей недѣли назначено у Митропольскаго собраніе всѣхъ кающихся петиціонеровъ. Они хотять писать какое-то письмо.

Звѣревъ и Некрасовъ рѣшили просить С. А. Петровскаго напечатать въ завтрашнемъ номерѣ Московскихъ Вѣдомостей слухъ объ ихъ отставкѣ.

Для вопроса о томъ, какъ воспитываются студенты въ революціонномъ духѣ, любопытенъ разсказъ Алексѣева объ его разговорѣ съ приватъ-доцентомъ И. И. И Этотъ господинъ заявилъ, что въ исторіи бывають моменты, когда нарушеніе закона обязательно, когда даже начальственныя лица должны нарушить его. Алексѣевъ замѣтилъ ему на это, что, конечно, бывають такіе моменты, но эти моменты бывають тогда, когда начинается революція; что едва ли можно сказать это про наше время. Можно себѣ представить, какъ понемножку обрабатываютъ студентовъ такіе преподаватели.

21 Дек. Въ понедѣльникъ я не видѣлъ никого изъ профессоровъ. Вечеромъ ко мнѣ зашелъ И. Е. Цвѣтковъ; я очень люблю бесѣдовать съ нимъ, не только потому, что онъ во многомъ думаетъ, какъ я, но и потому, что онъ съ природнымъ умомъ соединяетъ большую искренность, житейскій опытъ и твердый характеръ. Бесѣдуя съ нимъ, чувствуешь, что это нравственная сила. Онъ въ главныхъ чертахъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ университетѣ и смотритъ на нихъ очень мрачно. Между прочимъ онъ обратилъ мое вниманіе на то, что приговоръ Союзнаго Совѣта объ И. И. Янжулѣ былъ напечатанъ въ лондонскомъ русскомъ журналѣ, который редактируется Степякомъ, убійцей Мезенцева. Изъ этого видно, что Союзъ имѣетъ связь съ рево-

люціонерами самаго крайняго характера. Онъ же мнѣ разсказалъ нѣкоторыя подробности по прошлогоднему дѣлу Янжула. Послѣ того, какъ его освистали за отказъ прекратить лекцію въ день 19 Февраля и за сравненіе этой формы празднованія съ показываніемъ кукиша, къ которому прибѣгаютъ лакеи, Янжулъ былъ встревоженъ анонимными письмами, которыя грозили ему новыми оскорбленіями, а профессора, по крайней мѣрѣ—нѣкоторые, возмущались студенческой расправой. Въ это время къ Янжулу явился профессоръ Эрисманъ, чтобы успокоить его и сказать, что къ нему явятся человекъ 30 изъ его слушателей, принадлежащихъ къ Центральному Союзу, и разъяснятъ ему все дѣло. Явилось, дѣйствительно, нѣсколько студентовъ, но не юристовъ, а медиковъ, и въ дѣйствительности—не для успокоенія, а для того, чтобы получить отъ Янжула объясненія, снять съ него допросъ. По словамъ Цвѣткова, это былъ допросъ въ присутствіи слѣдователя и прокурора, для доклада судебной комиссіи Совѣта. Очевидно, что уже тогда готова была организація, которая въ нынѣшнемъ году судила Владимірова.

Во вторникъ 20 Дек. я зашелъ-было въ университетъ, чтобы повидаться съ ректоромъ, но узналъ, что послѣ засѣданія правленія ректоръ съ помощникомъ и деканами заняты какимъ-то новымъ засѣданіемъ. Въ сѣняхъ я встрѣтилъ Цвѣтаева (И. В.). Всеволодъ Миллеръ очень уговаривалъ Цвѣтаева подписать петицію, говоря, что этому дѣлу успѣхъ обезпеченъ, Цвѣтаевъ же разсказалъ мнѣ, какъ нѣкоторые объясняютъ смѣлость Г. . . . , который обыкновенно отличается большою трусостью и никогда не подписывается ни подъ какимъ заявленіемъ, пока этого не сдѣлаютъ прочіе товарищи, а въ этомъ дѣлѣ вдругъ взялся даже за предсѣдательство: думаютъ, что онъ захотѣлъ, передъ тѣмъ, какъ покинуть университетъ, принять вѣнецъ мученика за „дѣло молодежи“ въ расчетъ, что это создастъ ему популярность въ думѣ (московской городской), гдѣ онъ желалъ бы играть видную роль и, можетъ быть, сдѣлаться головой.

Вечеромъ заѣхалъ ко мнѣ Алексѣевъ. Онъ все время объѣзжалъ профессоровъ съ предложеніемъ подписаться подъ бумагой, сочиненной у Легонина. Подписка шла туго. Отговаривались разными причинами, повидимому—пугали больше всего слова: „*порицаемъ образъ дѣйствиій*“. Алексѣевъ былъ между прочимъ у Анатолія Петровича Богданова, который далъ ему характерный для него, но, во всякомъ случаѣ, умный совѣтъ: „Борьба, которая идетъ теперь между профессорамп.

не есть только домашній споръ; это борьба двухъ политическихъ направлений, борьба, которая зарождается по всей Россіи и между прочимъ въ Петербургѣ, около самого Императора. Поэтому будьте осторожны, не пишите никакихъ документовъ, которые могли бы быть впоследствии выставлены противъ васъ. Если побѣдитъ партія, называемая либеральной, то, повѣрьте, она не дастъ вамъ пощады и воспользуется противъ васъ всѣми вашими промахами. Ваша позиція очень сильна, потому что вы стоите на почвѣ законности; но теперь надо выждать, выбравъ хорошаго руководителя, который бы стоялъ у руля“.

Сегодня у насъ на юридическомъ факультетѣ было засѣданіе. Передъ тѣмъ я зашелъ къ ректору. Отъ него узналъ, что Великій Князь подлинную петицію отослалъ къ попечителю, а этотъ въ университетъ. Что это значитъ, не знаю, но думаю, что скорѣй это значитъ, что Великій Князь отказывается дать ей какое-либо движеніе. По словамъ Звѣрева, онъ выразилъ попечителю, что отставка ректора и его помощника ему понятна, ибо онъ признаетъ, что петиція сдѣлала для нихъ управленіе невозможнымъ. Это тоже говоритъ за то, что онъ противъ петиции. Попечитель представилъ ему докладъ, въ которомъ письменно изложилъ то, что я уже слышалъ въ устномъ изложеніи въ прошлое воскресенье. Если онъ дѣйствительно представилъ этотъ докладъ Великому Князю, то онъ долженъ былъ произвести впечатлѣніе, потому что составленъ искусно. Только, къ сожалѣнію, попечитель не указываетъ въ немъ на послѣдствія петиции, которыя онъ мнѣ описывалъ въ воскресенье.

Мы толковали съ ректоромъ, Звѣревымъ и Алексѣевымъ, что необходимо будетъ созвать профессоровъ для того, чтобы выяснить теперешнее положеніе и намѣтить образъ дѣйствій въ ближайшемъ будущемъ: это должно объединить нашихъ единомышленниковъ.

25 Дек. Вчера ректоръ позвалъ меня, Алексѣева и Легонина для совѣщанія съ нимъ и Звѣревымъ относительно общаго собранія профессоровъ, которое онъ назначилъ на четвергъ, 29 Декабря.

Здѣсь я узналъ, во 1-хъ, что петиціонеры представили Некрасову письмо въ отвѣтъ на его рѣчь въ Совѣтъ. Въ немъ они прежде всего хвалятъ его довольно пространно за то, что, несмотря на назначеніе отъ правительства, онъ сообразуется съ настроеніемъ профессоровъ и даже выходитъ въ отставку, заподозривъ, что значительное меньшинство

не довѣряетъ ему (странное пониманіе образа дѣйствія ректора—все съ точки зрѣнія тоски по уставу 1863!). Затѣмъ они толкуютъ смыслъ петиціи, стараясь доказать, что въ ней нѣтъ ничего обиднаго для ректора. Эти толкованія произвели на ректора, Звѣрева, Легонина, однимъ словомъ—на всѣхъ насъ впечатлѣніе лицемѣрія. Можетъ быть, тутъ было и не одно лицемѣріе.
 Можетъ быть, тутъ много и недомыслія. Во 2-хъ, я узналъ о слѣдующемъ разсказѣ попечителя: по его словамъ, черезъ нѣсколько дней по подачѣ петиціи, т.-е. дня 3—4 тому назадъ, Г. былъ вызванъ въ канцелярію ген.-губернатора. Ис. отъ имени Великаго Князя объявилъ ему, что ген.-губернаторъ исполнитъ то, что намѣревался сдѣлать и самъ, т. е. пересмотритъ основанія высылки студентовъ; остальныхъ пунктовъ петиціи не исполнитъ, ибо они до него не относятся. Г. при этомъ заявилъ, что онъ въ этомъ дѣлѣ сторона. Ис., замѣтивъ ему, что онъ очень радъ слышать это, сказалъ, что можно вслѣдствіе этого говорить съ нимъ свободнѣе, и началъ очень рѣзко критиковать содержаніе петиціи.

Ректоръ рѣшилъ 29 Декабря представить профессорамъ подробное изложеніе всѣхъ добытыхъ документовъ, характеризующихъ Союзный Совѣтъ землячества; и затѣмъ кто-нибудь изъ его сторонниковъ долженъ будетъ предложить профессорамъ сдѣлать письменное заявленіе въ томъ смыслѣ, что они порицаютъ Союзный Совѣтъ, какъ вредный студенческой союзъ, и общеніе съ нимъ профессоровъ признаютъ противнымъ долгу службы и нравственности.

Сегодня у меня былъ Митропольскій. Онъ увѣрялъ, что изъ подписавшихъ петицію многіе готовы искупить чѣмъ-нибудь этотъ шагъ. Я старался его подготовить къ принятію вышеупомянутаго заявленія. Онъ хотѣлъ поговорить со своими товарищами.

28 Декабря. За послѣдніе дни университетская исторія подвинулась немного. Третьяго дня забѣжалъ ко мнѣ Гротъ, который никогда у меня не бываетъ. Узнавши, что у меня въ домѣ скарлатина, онъ очень быстро надѣлъ шубу и тогда только сталъ разговаривать: „Я слышалъ, что вы хотите обратиться къ студентамъ съ рѣчью?“ Я былъ очень удивленъ такимъ глупымъ вопросомъ и объяснилъ ему, что не только не хочу, но и не имѣю на это права. Профессору, какъ и студенту, все кажется возможно! Гротъ передалъ мнѣ, что онъ только что отъ ректора, который былъ вызванъ къ ген.-губернатору. Ректоръ разсказалъ ему, что Великій Князь очень сердитъ на профессоровъ,

подавшихъ петицію. Вѣроятно, это заставило Грота заглянуть ко мнѣ, чтобы заявить, что теперь онъ понялъ характеръ Союзнаго Совѣта и будетъ рѣшительно противъ него.

Былъ я у Тарасова. Онъ мнѣ разсказалъ, что у него былъ молодой Пржевальскій (В. В., присяжный повѣренный), который передалъ ему московскій слухъ, будто гр. Капнистъ увольняется, и на его мѣсто назначаютъ меня. Конечно, это московскій вымыселъ¹⁾.

30 Декабря. Третьяго дня (28 Декабря) пріѣхали ко мнѣ Некрасовъ и Митропольскій.

Послѣдній просилъ заѣхать къ нему вечеромъ въ виду того, что нѣкоторые изъ петиціонеровъ желали бы послушать о моихъ взглядахъ на текуція событія. Некрасовъ не засталъ меня дома. Я поѣхалъ къ нему, и въ сѣняхъ его квартиры (послѣ скарилатины у Маруси²⁾), мы бесѣдовали. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ подѣлиться впечатлѣніемъ, которое произвело на него хронологическое сопоставленіе нѣкоторыхъ данныхъ относительно поступковъ попечителя. Во 1-хъ, кажется, 7-го Декабря кн. Трубецкой привозитъ Капнисту извѣстіе изъ Петербурга, что Великій Князь Сергій Александровичъ относится *очень тепло къ студентамъ*. Въ этотъ же день попечитель заявляетъ ректору, что онъ (Капнистъ) либераль (повидимому, вслѣдствіе какихъ-то свѣдѣній отъ Трубецкаго). Во 2-хъ, 8-го или 9 Дек. (по словамъ самого же Капниста) онъ встрѣчается *случайно* съ Г. . . . и говоритъ съ нимъ о проектируемомъ собраніи профессоровъ. Совершенно *случайно* (!) попечитель заходитъ и къ Виноградову и съ нимъ говоритъ опять объ этомъ собраніи. Въ 3-хъ, наканунѣ послѣдняго собранія петиціонеровъ, онъ видится съ Г. . . . въ Думѣ, и тотъ предлагаетъ ему прочесть проектъ петиціи. Попечитель увѣряетъ, что онъ прочиталъ начало, а дальше читать отказался, потому что уже въ самомъ началѣ встрѣтилъ осужденіе дѣйствій правленія. Это послѣднее безусловно не заслуживаетъ довѣрія: петиція недѣли двѣ служила предметомъ интереса и разговора всей Москвы; ею несомнѣнно интересовался Великій Князь, живя въ Петербургѣ.
 Можетъ ли быть, чтобы попечитель округа, имѣя въ рукахъ проектъ самой петиціи, отказался познакомиться съ нимъ! Въ 4-хъ, Г. . . .

¹⁾ Слухъ этотъ оправдался, Н. П. Боголѣповъ былъ назначенъ попечителемъ 29-го Іюня 1895 г. П. Б. (младшій).

²⁾ Дочь Н. П. Боголѣпова.

въ собраніи петиціонеровъ выразился такимъ образомъ: „Я былъ у попечителя, потомъ поѣхалъ въ Союзный Совѣтъ землячествъ.... затѣмъ я выработалъ слѣдующія положенія“. Эти слова Г. . . . передалъ проф. Алекс. Петр. Павловъ (геологъ), бывший въ собраніи петиціонеровъ. На него они произвели такое впечатлѣніе, что Г. умышленно сопоставилъ эти три обстоятельства, дабы слушатели поняли, что онъ дѣйствуетъ съ одобренія попечителя. Въ 5-хъ, въ собраніи присутствовали лица, близкія попечителю: самъ Г. К., Ш., Эрисманъ, Виноградовъ. Смѣлость Г. тоже удивляетъ всѣхъ: обыкновенно онъ въ случаяхъ, когда нужно подписывать какое-нибудь общее заявленіе, подходит послѣдній, а здѣсь онъ является авторомъ проэкта, предсѣдателемъ собранія и парламентаромъ между профессорами и Союзнымъ Совѣтомъ.

1-го Января 1895 г. Все это время я не имѣлъ возможности описать важное въ нашей жизни событіе—собраніе профессоровъ 29 Декабря въ четвергъ.

Наканунѣ я былъ у Митропольскаго. Собрались: Маклаковъ (А. Н.), Умовъ (Н. А.), Корсаковъ Сергѣй, Лопатинъ, Гротъ. До начала бесѣды о завтрашнемъ засѣданіи Гротъ и Лопатинъ рассказали, что письмо, написанное петиціонерами ректору и заключающее въ себѣ, въ сущности, только подтвержденіе того, что было въ петиціи, было сначала проэктировано К. въ иномъ духѣ и заключало въ себѣ, будто бы, нѣкоторое дѣйствительное удовлетвореніе ректору: но тамъ надо было сдѣлать маленькую поправку, которая поручена была К. Однако, къ нему присоединился Г. и передѣлалъ все письмо радикально, придавъ ему вышеуказанный лицемѣрный тонъ. Сами петиціонеры сердиты за это на Г. Ш. негодовалъ на К., какъ онъ рѣшился дозволить Г. такія передѣлки въ письмѣ,

Когда всѣ собрались (не пріѣхали К. и Кожевниковъ), разговоръ начался прямо съ вопроса: слѣдуетъ ли профессорамъ выразить порицаніе Союзному Совѣту. Гротъ заявилъ, что въ настоящее время у Виноградова собираются профессора филологи, и тамъ Виноградовъ предложить поддерживать одно требованіе,—чтобы профессора высказались въ пользу узаконенія землячествъ. Гротъ самъ тоже горячо стоялъ за нихъ. Другіе возражали, что нѣтъ нужды смѣшивать два вопроса, что обсужденіе вопроса о землячествахъ въ связи съ вопросомъ о Союзномъ Совѣтѣ можетъ даже повредить первымъ, потому что они посылали своихъ представителей въ Совѣтъ. Я старался доказать

невозможность университетской жизни при существованіи подпольнаго студенческаго правительства, претендующаго управлять не только студентами, но и профессорами. Со мной вполнѣ и открыто соглашался только Лопатинъ. Маклаковъ молчалъ, хотя видно было, по отрывочнымъ фразамъ, что онъ не согласенъ. Меньше всѣхъ могли понять мой взглядъ Умовъ и Корсаковъ. Умовъ началъ какую-то длинную рѣчь, цѣли которой я никакъ не могъ понять. Закончилъ онъ ее словами: „нужно относиться къ студентамъ отечески“. Я спросилъ: „Чего же вы хотите? Признать Союзный Совѣтъ законнымъ или устроить еще что-нибудь?“ Онъ остановился въ недоумѣніи и отвѣтилъ: „Я, право, не знаю“. Корсаковъ заявилъ, что онъ не можетъ сейчасъ сказать, нужно ли порицать Союзный Совѣтъ, что ему нужно еще объ этомъ подумать. Наши разговоры затянулись до часу ночи. Я вынесъ изъ нихъ такія заключенія: во 1-хъ, что на общемъ собраніи профессоровъ необходимо непременно считаться съ требованіемъ узаконить землячества и вообще обсуждать Союзный Совѣтъ въ связи съ землячествами; во 2-хъ, что у многихъ профессоровъ крѣпко засѣла мысль о необходимости допустить студентовъ къ активному участию въ управленіи университетскими дѣлами, или, по крайней мѣрѣ, къ веденію дѣлъ, имѣющихъ цѣлью улучшение экономическаго быта студентовъ. Это особенно замѣтно было въ разговорахъ съ Умовымъ и Корсаковымъ. Въ доказательство благотѣльнаго участія студентовъ въ университетскомъ управленіи Умовъ привелъ случай въ Одессѣ, когда студенческіе беспорядки были прекращены благодаря тому, что человекъ 200 студентовъ заняли всѣ коридоры и другія помѣщенія университета и не допускали товарищей, желавшихъ шумѣть. Корсаковъ увѣрялъ, что землячества вошли въ плоть и кровь студенческой жизни. Маклаковъ указывалъ, что въ Парижѣ образовались студенческія ассоціаціи, которыя устроили дешевыя квартиры, рестораны и т. п. Они не придавали значенія моимъ возраженіямъ, что къ студенческимъ союзамъ у насъ неизбежно прививается политиканство, но что даже если этого и не будетъ, то занятіе дѣлами землячествъ, особенно если они поставлены широко, не оставитъ мѣста для главнаго дѣла студентовъ—ученья. Въ 3-хъ, наконецъ, я еще разъ убѣдился, что у нѣкоторыхъ профессоровъ идеалы относительно студенчества очень неопредѣленны. Они желаютъ для нихъ какой-то свободы, а въ чемъ она должна выразиться, они и сказать не могутъ. Главное побольше протестовать, побольше „прогресса“.

На слѣдующій день, въ четвергъ 29-го Декабря, профессоровъ собралось много. Ректоръ началъ съ представленія документовъ, кото-

рые должны были характеризовать Союзный Совѣтъ. Онъ выбралъ пять. Первымъ была прочитана прокламація Союзнаго Совѣта въ отвѣтъ на объявленіе попечителя, который предостерегалъ студентовъ отъ участія въ беспорядкахъ, указывая, что они возбуждаются кучкой неблагонамѣренныхъ товарищей. Въ своей прокламаціи Союзный Совѣтъ хочеть просвѣтить студентовъ и публику о томъ, что онъ такое есть. Я не могу подробно передать содержаніе этого документа, такъ же, какъ и послѣдующихъ. Я надѣюсь получить съ нихъ копіи. Въ главныхъ чертахъ содержаніе прокламаціи слѣдующее: студенты давно чувствовали потребность единенія для взаимной помощи—матеріальной, умственной и нравственной. Союзный Совѣтъ является органомъ, который долженъ удовлетворить этой цѣли: онъ не только собираетъ денежные средства для помощи товарищамъ, но и слѣдитъ за ихъ нравственностью. Помнится, тамъ сказано, что онъ ставитъ своей цѣлью препятствовать и неправильнымъ дѣйствіямъ начальства и профессоровъ. Совѣтъ выдѣлилъ изъ себя *Судебную Комиссію*. Второй документъ представлялъ копію съ „приговора Судебной Комиссіи по дѣлу Владимірова“. Въ ней сказано, что Союзный Совѣтъ, узнавъ о переходѣ проф. Владимірова изъ Харькова въ Москву, въ присяжные повѣренные, и о намѣреніи его открыть курсъ въ университетѣ, а также о намѣреніи студентовъ устроить ему скандалъ, поручилъ Судебной Комиссіи разслѣдовать дѣло. Судебная Комиссія выслушала свидѣтелей и собрала справки (замѣчу, что свидѣтелемъ, повидимому, былъ только одинъ харьковскій профессоръ Даневскій, который въ письмѣ изложилъ разныя свѣдѣнія о Владиміровѣ; письмо онъ написалъ Гольцеву (В. А.), который просилъ его сообщить ему *достоверныя* свѣдѣнія, такъ какъ они предназначаются для студентовъ; это рассказывалъ Звѣреву самъ Даневскій). Затѣмъ излагаются обстоятельства. Владиміровъ прежде былъ либераль, стоялъ за состязательность и гласность въ судѣ; съ 1886 г. онъ начинаетъ мѣнять свои взгляды вмѣстѣ съ наступленіемъ реакціоннаго направленія въ правительствѣ. При этомъ перечисляются его новые взгляды, высказанные въ литературѣ и лекціяхъ, напр., онъ сталъ совѣтовать предсѣдателямъ судовъ давать окрики на адвокатовъ. Далѣе указывается, что Владиміровъ защищалъ земскаго начальника Протопопова и ростовщика Канерова. Въ заключеніе выставляются три обвинительные пункта: Владиміровъ—реакціонеръ, защищаетъ грязныя дѣла, проповѣдуетъ идеи правительства и еще что-то въ этомъ родѣ.

Приговоръ: не допускать Владимірова въ Московскій университетъ.

Третій документъ—выдержки изъ лондонскаго русскаго журнала, называемаго, кажется: „Russian Free Press Fund“.

Здѣсь сначала излагается прошлогодняя исторія съ профессоромъ Янжуломъ, котораго студенты освистали за то, что онъ отказался прекратить лекцію въ день 19-го Февраля и ихъ манеру праздновать этотъ день сравнилъ съ показываніемъ кукиша въ карманѣ.

Союзный Совѣтъ говорить, что онъ поручилъ Судебной Комиссіи разслѣдовать это дѣло и, на основаніи ея донесенія, рѣшилъ результаты разслѣдованія предать широкой гласности; а затѣмъ „объявилъ дальнѣйшую агитацію противъ профессора Янжула нежелательной и излишней“ *).

Проф. Янжулъ при этомъ рассказалъ, какъ къ нему являлись студенты, съ которыми онъ бесѣдовалъ очень дружелюбно, не подозревая, что это делегаты Союзнаго Совѣта, и какъ онъ былъ удивленъ послѣ, когда весной, находясь въ Крыму, получилъ копію съ приговора Судебной Комиссіи, изъ которой увидалъ, что бесѣда съ этими студентами была его допросомъ.

Четвертый документъ былъ образчикъ административныхъ распоряженій Союзнаго Совѣта. Передъ его чтеніемъ проф. Г. . . . объяснилъ, что слушатели просили его ходатайствовать о возвратѣ высланныхъ студентовъ. Съ этой цѣлью онъ ѣздилъ къ попечителю. По возвращеніи отъ него онъ засталъ у себя ожидавшихъ его неизвѣстныхъ студентовъ, которые назвались членами Союзнаго Совѣта, пріѣхавшими просить его о помощи. Г. . . . ѣздилъ вечеромъ въ засѣданіе этого Совѣта и засталъ тамъ человѣкъ 30; онъ сообщилъ имъ, что попечитель обѣщался хлопотать о смягченіи участи высланныхъ и о мягкомъ приговорѣ надъ участниками сходки. Это произвело на нихъ пріятное впечатлѣніе. Они просили его помочь предупредить сходку, которая предполагалась на слѣдующій день. Послѣ беспорядковъ, вызванныхъ исторіей съ Ключевскимъ, Союзный Совѣтъ издалъ прокламацію къ студентамъ, въ которой онъ проситъ не производить беспорядковъ, ибо надѣется добиться возвращенія высланныхъ студентовъ другими средствами: „мы вошли въ сношеніе съ высшими сферами, профессора сообщили намъ реніе хлопотать о высланныхъ:

*) Russian Free Press Fund. 25 Іюня 1894 (н.—с.) Лондонъ. Листокъ 9-ый. (Въ унив. дѣлѣ это листъ 23-й и слѣд.).

нѣкоторыя высокопоставленныя лица также принимаютъ участіе въ ихъ дѣлѣ“. Союзный Совѣтъ просилъ студентовъ не брать отпусковъ до 15-го Декабря. Если къ этому времени студенты не будутъ возвращены, то Совѣтъ беретъ на себя устройство бурныхъ демонстрацій.

Пятымъ документомъ было воззваніе бывшихъ московскихъ студентовъ къ обществу. По словамъ ректора, онъ написанъ тою же рукой, какъ и прочіе документы, и, вѣроятно, исходитъ отъ того же Союзнаго Совѣта, такъ какъ прежніе его члены, окончившіе курсъ въ университетѣ, не прекращаютъ связи съ нимъ. Это воззваніе полно громкихъ фразъ о прогрессѣ, гуманности и т. п. Существенно въ немъ то, что оно ругаетъ университетское начальство, особенно графа Капниста, запятнавшего себя и какъ человѣкъ и какъ администраторъ, и приглашаетъ содѣйствовать его удаленію.

По прочтеніи этихъ документовъ, изъ которыхъ судебныя приговоры, кажется, произвели самое сильное впечатлѣніе, ректоръ предложилъ приступить къ выраженію своихъ мнѣній. Наступило молчаніе. Никто не поднимался. Тогда я всталъ и сказалъ въ существѣ слѣдующее:

1. Изъ сообщенія ректора видно, что еще съ прошлаго года студенческой Союзный Совѣтъ сталъ судить и наказывать профессоровъ или за то, что они говорили оскорбительныя слова, или за то, что они держались такихъ взглядовъ на общественные вопросы, которые были антипатичны членамъ Союзнаго Совѣта, или за то, что они измѣнили свои прежніе взгляды, которые были членамъ совѣта симпатичны.

2. Эти сообщенія ректора открываютъ передъ нами пропасть, въ которую мы стремимся и упадемъ, если не примемъ своевременно мѣръ. Если профессоръ не можетъ свободно держаться извѣстныхъ взглядовъ или не можетъ измѣнять ихъ, не рискуя подвергнуться за это оскорбленію со стороны тайнаго студенческаго кружка, то, строго говоря, университетъ, какъ учебно-воспитательное заведеніе, уже не существуетъ. Это, конечно, понимаетъ всякій профессоръ.

Но, можетъ быть, нѣкоторые скажутъ себѣ: Союзный Совѣтъ преслѣдуетъ за выраженіе только *извѣстныхъ* взглядовъ; я не буду выражать ихъ и буду себѣ читать лекціи безъ всякихъ непріятностей, а если я буду выражать взгляды, пріятныя для молодежи, то даже буду

пользоваться съ ихъ стороны оваціями. Но это расчетъ невѣрный: разъ молодые люди, организованные въ кружокъ, почувствовали свою силу, они не останутся на томъ, что сдѣлали теперь. Они прежде всего переберутъ и другихъ профессоровъ съ неприятными имъ взглядами. Затѣмъ они начнутъ предъявлять профессорамъ и новыя требованія. Выступятъ наружу разные темные инстинкты. Малоуспѣшные студенты будутъ назойливо требовать снисходительной оцѣнки ихъ работъ и экзаменныхъ отвѣтовъ. Если профессоръ будетъ упираться, они будутъ рассказывать о немъ невѣроятные случаи строгости, и „Судебная Комиссія“ сдѣлаетъ ему предостереженіе или прямо наложитъ наказаніе. Студенты могутъ потребовать большей власти въ распоряженіи кабинетами, лабораторіями, большей снисходительности при раздачѣ стипендій и пособій.

Этого мало. Самыя наказанія, которыя Союзный Совѣтъ будетъ налагать на профессоровъ, должны неизбѣжно усиливаться. Уже и теперь свистки для многихъ профессоровъ не страшны.

Чтобы настоять на своемъ. Союзный Совѣтъ долженъ придумать новую мѣру. Говорятъ, что проф. Владимирову, на случай упорнаго желанія читать лекціи, была указана такая градація: свистки, брань, побои. Не знаю, достовѣрны ли эти рассказы, но градація естественна. Объ убійствѣ не говорятъ, потому что и послѣ побоевъ профессоръ, вѣроятно, покорится, а до побоевъ дѣло должно дойти, ибо и къ брани профессора могутъ привыкнуть.

Сколько же униженій долженъ будетъ вынести профессоръ, рѣшившійся терпѣть вплоть до побоевъ! А главное: какое страшное развращеніе должно поселиться въ душахъ цѣлаго ряда студенческихъ поколѣній, какое презрѣніе вынесутъ они изъ университета при видѣ безпомощныхъ профессоровъ, которые не поняли своего долга или не имѣли мужества исполнять его!

Но, какъ бы ни были терпѣливы профессора, наконецъ, и они потеряютъ терпѣніе. Террористическій кружокъ не можетъ остановиться на полпути: и въ своихъ требованіяхъ, и въ своихъ насиліяхъ онъ дойдетъ, наконецъ, до того, что задѣнетъ очень многихъ профессоровъ. Тогда они поднимутъ вопль и будутъ просить правительство о спасеніи; они будутъ взывать и къ обществу (какъ взывали Русскія Вѣдом. въ 1880 г., когда студенты стали наступать на Тихонравова), которое до тѣхъ поръ наполнялось выпусками изъ университета демо-

рализованныхъ учениковъ этихъ же самыхъ профессоровъ. Тогда, конечно, наступитъ реакція всюду, и первой жертвой ея будутъ сотни, если не тысячи молодыхъ людей, въ сущности гораздо менѣ виновныхъ, чѣмъ мы, профессора, которые частью своею близорукостью, частью недостаткомъ чувства гражданскаго долга доводимъ ихъ до гибели,—погибели не только въ практической жизни и карьерѣ, но и въ нравственной: они останутся нравственно изувѣченными на всю жизнь.

Что же? Неужели нѣтъ выхода изъ этой пропасти? Я думаю, что еще есть возможность, если не уничтожить сразу опасную подпольную организацію, то остановить дальнѣйшее ея развитіе.

Средство борьбы находится въ рукахъ профессоровъ. Если вы согласны, что обстоятельства, сообщенныя ректоромъ, дѣйствительно извращаютъ университетскую жизнь, дѣлаютъ ее даже невозможной. если это убѣжденіе дѣйствительно проникаетъ васъ, то уже половина дѣла сдѣлана. Другая половина должна заключаться въ томъ, чтобы это убѣжденіе перешло въ дѣло. 1) Студенты и все московское общество должны узнать, что профессора *порицаютъ Союзный Совѣтъ*, этотъ союзъ, претендующій судить профессоръ и университетское начальство, предписывать имъ образъ дѣйствій и наказывать за несогласіе съ ними; что профессора, узнавъ о такомъ характерѣ Союзнаго Совѣта, считаютъ сношенія профессоръ съ членами этого Совѣта противными самымъ основамъ университетской жизни, ихъ служебному и нравственному долгу. 2) Въ дальнѣйшей, будничной жизни профессора должны имѣть мужество дружно проводить то правило, что студенты въ университетѣ должны *только* учиться, что они обязаны уважать авторитетъ ихъ учителей и университетской власти. Какъ скоро студенты увидятъ, что всѣ профессора, какъ одинъ человекъ, держатся этихъ взглядовъ, не смотря на разницу въ своихъ ученыхъ, политическихъ убѣжденіяхъ и проч., такъ тотчасъ же среди нихъ появится совсѣмъ иной духъ, и такимъ образомъ мы навсегда распростимся со студенческими безпорядками.

Но мы должны имѣть мужество заявить открыто наше убѣжденіе и довести его такъ или иначе до свѣдѣнія студентовъ и общества: существованіе Союзнаго Совѣта грозитъ подорвать въ корнѣ здоровую университетскую жизнь, потому что студенты присвоиваютъ себѣ право судить профессоръ и университетское начальство, предписывать имъ образъ дѣйствій и наказывать за неповиновеніе. Дѣло не можетъ огра-

ничиться тѣми случаями суда и наказаніями, которые были до сихъ поръ. Разъ студенты организовались и почувствовали силу, они начнутъ увеличивать свои требованія и средства принужденія; въ одинъ-два года они дойдутъ до такихъ требованій, которые возмутятъ самаго терпѣливаго профессора, и отъ свистковъ легко перейдутъ къ насилиямъ. Тогда профессора завопятъ, и наступитъ реакція, которая отразится исключеніемъ и высылкой цѣлыхъ сотенъ или же тысячъ студентовъ, т.-е. тѣхъ, кого мы сами развращаемъ теперь своимъ попустительствомъ. Чтобы предупредить эти бѣдствія, главное средство—чтобы профессора дѣйствительно прониклись убѣжденіемъ, что теперешній порядокъ ненормаленъ, не долженъ быть терпимъ. Вторымъ шагомъ должно быть громкое заявленіе, которое должны услышать студенты и общество,—заявленіе, что профессора считаютъ Союзный Совѣтъ вреднымъ, несомѣстнымъ съ правильной университетской жизнью. А затѣмъ, въ ежедневной будничной жизни, профессора въ своихъ сношеніяхъ со студентами должны постоянно проводить то правило, что въ университетѣ профессора должны учить, а студенты только учиться.

Послѣ меня Виноградовъ сказалъ приблизительно слѣдующее: высказать только порицаніе Союзному Совѣту—будетъ одностороннимъ рѣшеніемъ дѣла. Нельзя закрывать глаза на то, какими причинами вызвано появленіе Союзнаго Совѣта. Студенты имѣютъ много неудовлетворенныхъ потребностей, матеріальныхъ и отчасти нравственныхъ. Землячества являются естественнымъ выраженіемъ попытокъ удовлетворить этому стремленію студентовъ помогать другъ другу. Поэтому, если выразить порицаніе Союзному Совѣту, то одновременно надо выразить желаніе, чтобы землячества были узаконены и организованы. Ту же мысль высказалъ и Сѣченовъ, хотя въ очень неуклюжей формѣ. Профессоръ Тихомировъ (Александръ Андреевичъ) сказалъ, что мы должны придти на помощь благоразумной части студентовъ: слыша о Союзномъ Совѣтѣ, объ его власти, они колеблются; профессора должны указать имъ, какъ они смотрятъ на этотъ Совѣтъ, и такимъ образомъ оберечь отъ его приманокъ. Такъ какъ желаніе, чтобы профессора высказались въ пользу землячествъ, стало овладѣвать собраніемъ, то проф. Алексѣевъ всталъ и напомнилъ, что настоящее положеніе требуетъ, чтобы профессора оказали дружную поддержку ректору, а эта поддержка можетъ состоять только въ томъ, чтобы они искренно и громко заявили, что существованіе Союзнаго Совѣта они считаютъ подрывающимъ основы университетской жизни, не ослабляя силы своего заявленія оговорками о землячествахъ.

Проф. Чупровъ находилъ, что не слѣдуетъ выражать порицанія Союзному Совѣту, или, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ отложить рѣшеніе профессоровъ, ибо: во 1-хъ, порицаніе непременно отягчитъ участь высланныхъ членовъ Совѣта; во 2-хъ, происхожденіе документовъ, прочитанныхъ ректоромъ, сомнительно: документы можно и поддѣлать; въ 3-хъ, неизвѣстно, существуетъ ли дѣйствительно Союзный Совѣтъ, и какова его организациі. Чупровъ забылъ, что В. И. Г . . . самъ засвидѣтельствовалъ, что онъ ѣздилъ въ Совѣтъ.

Это адвокатская рѣчь не вызвала даже возраженій. Профессора А. С. Павловъ и Н. А. Елеонскій ограничились заявленіемъ, что у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ существованіи Союзнаго Совѣта.

Профессоръ М. А. Мензбиръ, съ видомъ обиженной старой дѣвы, заявилъ, что такъ какъ профессора не имѣютъ права участвовать въ управленіи университетомъ, то нечего имъ и высказываться по настоящему дѣлу.

Послѣ всѣхъ этихъ рѣчей возникла нѣкоторая неурядица въ преніяхъ о томъ, ограничиться ли однимъ порицаніемъ Союзному Совѣту, или оговориться относительно землячества. Одни предлагали одно заявленіе съ оговорками, другіе два заявленія: въ одномъ—осужденіе Союзнаго Совѣта, въ другомъ—пожеланіе землячества. На это возражали, что о землячествахъ имъ нужно долго разсуждать, и неизвѣстно къ какому заключенію придутъ многіе профессора. Видя такое колебаніе, ректоръ заявилъ, что профессора могутъ и совсѣмъ не дѣлать никакихъ заявленій; ему лично они не нужны.

Онъ хочетъ только знать, съ какимъ настроеніемъ профессоровъ онъ имѣетъ дѣло. Нѣкоторые предлагали отсрочить рѣшеніе. Ректоръ воспротивился этому. Тогда я предложилъ резолюцію, съ которой всѣ согласились. Она гласитъ почти дословно такъ: „Профессора Московскаго университета, узнавъ въ первый разъ изъ сообщеній ректора о характерѣ Союзнаго Совѣта, заявили слѣдующее: Не касаясь вопроса о землячествахъ, какъ отдѣльныхъ студенческихъ обществахъ для цѣлей благотворительныхъ или образовательныхъ, мы считаемъ вреднымъ и подрывающимъ основы университетской жизни такъ называемый Союзный Совѣтъ землячества, какъ такой тайный союзъ, который имѣетъ притязаніе судить университетскихъ преподавателей, началь-

ство и студентовъ, предписывать имъ образъ дѣйствій и карать за неповиновеніе ему“.

Этотъ документъ тутъ же стали подписывать всѣ профессора. Въ одномъ углу образовалась кучка изъ вожаковъ-петиціонеровъ они о чемъ-то совѣщались. Но и они, наконецъ, двинулись къ столу, гдѣ подписывались. Алексѣевъ рассказывалъ мнѣ, что послѣднимъ подписался Эрисманъ. Онъ сѣлъ около стола, подпершись рукою и тяжело вздыхая. Друзья ободряли его. Сѣченовъ протянулъ ему перо. Онъ бросилъ его и всталъ; затѣмъ опять подошелъ къ столу и порывисто подписалъ свое имя.

На возвратномъ пути изъ засѣданія проф. Алексѣевъ говорилъ мнѣ: „А нельзя сказать, чтобы у меня послѣ этого собранія было очень весело на душѣ“. Я съ нимъ согласился. Я вынесъ такое впечатлѣніе, что не многіе профессора прониклись убѣжденіемъ въ серьезности положенія. Большинство, повидимому, находило, что всѣ эти приговоры и т. п. акты Союзнаго Совѣта—мальчишескія выходки. Другіе такъ и остались при мысли, что Союзный Совѣтъ есть выраженіе серьезной нужды въ студенческихъ союзахъ. Нѣкоторые больше всего заботились о томъ, чтобы порицаніе профессоровъ не повредило членамъ Союзнаго Совѣта. Едва ли наше заявленіе расчиститъ небо. Но, конечно, какъ первый шагъ къ оздоровленію, оно будетъ имѣть нѣкоторое значеніе: иной профессоръ призадумается надъ вопросомъ о томъ, дѣйствительно ли теперешнее отношеніе профессоровъ къ своимъ обязанностямъ нормально.

Сегодня я слышалъ отъ проф. Алексѣева, что попечитель былъ очень доволенъ результатомъ профессорскаго совѣщанія. Вѣроятно, его удовольствіе связано съ его личными расчетами, а не съ университетскими интересами.

Будетъ любопытно узнать, какія сужденія вызоветъ заявленіе профессоровъ среди публики и студентовъ. Алексѣевъ говорилъ, что ректоръ и помощникъ заняты выработкой объявленія для студентовъ.

5-го января 1895 г. Третьяго дня ко мнѣ заходилъ проф. Виноградовъ три раза. Въ третій разъ онъ засталъ меня дома. Онъ сказалъ мнѣ, что желалъ бы выслушать мнѣніе вліятельныхъ членовъ профессорской коллегіи прежде, чѣмъ просить ректора о собраніи всѣхъ профессоровъ для обсужденія вопроса о признаніи землячества. Онъ про-

силъ меня высказаться, одобряю ли я въ принципѣ дозволеніе студенческихъ союзовъ.

Я ему отвѣтилъ, что рѣшеніе только въ принципѣ было бы пустымъ, потому что всякій профессоръ скажетъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ студенческихъ обществъ, если можно быть увѣреннымъ, что они останутся въ предѣлахъ своихъ уставовъ, не будутъ заниматься политикой и т. д. Но, какъ только отъ такого общаго рѣшенія мы перейдемъ къ конкретнымъ вопросамъ: съ какими цѣлями, въ какой формѣ дозволительны общества, тутъ начнутся разногласія. Поэтому надо начать прямо съ этихъ вопросовъ. Затѣмъ я выразилъ мнѣніе, что для обсужденія и этихъ, болѣе конкретныхъ, вопросовъ слѣдовало бы собрать матерьялъ о землячествахъ, какъ отъ студентовъ, такъ и отъ полицейской власти. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ мы обмѣнялись взглядами. Виноградовъ выражался сдержанно. Видимо, онъ не былъ доволенъ моими оговорками, которыя неизбѣжно должны затянуть рѣшеніе вопроса и сузить его постановку. А ему и его партіи, вѣроятно, всего нужнѣе именно скорѣе двинуть вопросъ, какое бы рѣшеніе онъ ни получилъ, потому что они чувствуютъ себя виновными передъ студентами, которыхъ они обнадеживали, а теперь покинули. Онъ указывалъ, какъ сильна потребность у студентовъ къ образованію: къ нему обратилось нѣсколько человекъ съ просьбой руководить ими въ общемъ образованіи; между тѣмъ, еслибъ число охотниковъ увеличилось, онъ не въ состояніи былъ бы удовлетворить ихъ, потому что тогда это вышло бы за предѣлы обычныхъ отношеній между профессоромъ и его слушателями. На это я замѣтилъ ему, что если бы вопросъ шелъ только объ образовательныхъ студенческихъ кружкахъ, то его было бы легче разрѣшить, такъ какъ такіе кружки могли бы естественно образоваться изъ семинарскихъ занятій профессоровъ. Задачи такихъ союзовъ родственны университетскимъ цѣлямъ. Гораздо больше затрудненій представляютъ общества съ матеріальными цѣлями или съ сложными цѣлями, въ родѣ клубовъ, потому что ни профессора, ни инспекція не опыты въ подобныхъ дѣлахъ, да и надзоръ за студентами потребовалъ бы страшной затраты времени. Виноградовъ замѣтилъ, что вовсе нѣтъ надобности привлекать къ этому надзору профессоровъ. Затѣмъ онъ высказалъ мысль, что самыя цѣли должны опредѣляться по указанію студентовъ.

Я ему возразилъ, что это вызвало бы серьезные безпорядки, потому что нужно было бы дозволить студенческія сходки, которыя непременно, и очень скоро, окончатся безпорядками и оторвутъ на

долгое время студентовъ отъ занятій. Мы довольно долго спорили. Ви-ноградовъ, уходя сказалъ, что во всякомъ случаѣ онъ радъ, что знаетъ à quoi s'en tenir, и что всегда хорошо услышать откровенное мнѣніе. Я его увѣрилъ, что отъ меня онъ всегда услышитъ его

Только что онъ ушелъ, явились ко мнѣ два студента въ то время, когда я уже надѣвалъ шубу, чтобы уѣзжать.—„Что вы, господа?“—„Поговорить о нашихъ дѣлахъ“.—„Вы депутаты? Можетъ быть, отъ Союзнаго Совѣта?“—„Мы отъ товарищей“.—„Если вы депутаты, то я съ вами разговаривать не могу“. На это они мнѣ замѣтили: „Если вы боитесь, что ваше имя будетъ упомянуто, то мы общаемся не упоминать его“.—„Я, конечно, этого не боюсь; а я считаю противнымъ нравственному долгу профессора сноситься съ депутатами Союзнаго Совѣта“.—„Но что же намъ дѣлать? Мы находимся въ неизвѣстности относительно положенія дѣла“.—„Если вы хотите слышать отъ меня совѣтъ, то это я могу сдѣлать. Вы знаете постановленіе профессоровъ?“ Они увѣрили меня, что знаютъ только слухи. Я тогда передалъ имъ содержаніе профессорскаго заявленія. Тогда одинъ изъ нихъ сталъ доказывать, что Союзный Совѣтъ оказываетъ большую пользу университету, поддерживая спокойствіе среди студентовъ; въ доказательство привелъ случай, когда ко мнѣ ворвались студенты на лекцію: по ихъ словамъ, сторонники Совѣта протестовали противъ этого нарушенія. Далѣе они говорили: „Если не будетъ Совѣта, то что же будетъ со спокойствіемъ въ университетѣ?“ Когда я имъ указывалъ, что они не только хлопчуть о спокойствіи, но и сами учиняютъ безпорядки и даже присвоиваютъ себѣ право судить профессоровъ, то они возражали, что дѣлаютъ это въ случаяхъ нарушенія самыхъ элементарныхъ требованій нравственности. Такъ какъ мнѣ нужно было уѣзжать, то я сказалъ имъ, что для *совѣта* имъ я готовъ ихъ принять завтра въ 12 ч. дня.

При прощаніи я посовѣтовалъ имъ во всякомъ случаѣ распустить свой Совѣтъ, иначе—ихъ, навѣрное, вскорѣ куда-нибудь вышлютъ.

На другой день они ко мнѣ не явились, какъ, впрочемъ, я и ожидалъ.

6-ю Января 1895 г. Особенно новаго не случилось ничего. Видѣлся съ ректоромъ, Звѣревымъ и Алексѣевымъ. Ректоръ рассказалъ, что при поздравленіи на Новый Годъ Великій Князь сказалъ ему: „Поз-

дравляю васъ во всѣхъ оношеніяхъ; очень радъ“. Профессоръ Лопатинъ разсказалъ ему, что во время совѣщанія профессоровъ-филологовъ въ квартирѣ Виноградова наканунѣ общаго собранія профессоровъ, Г сказалъ: „Если меня очень припрутъ завтра, то я скажу при всѣхъ, что я ѣздилъ въ Союзный Совѣтъ по порученію попечителя“. Это, конечно, только подтверждаетъ лишній разъ предположеніе, что попечитель, если не руководилъ петиціонерами, то хорошо зналъ, что они затѣваютъ.

Говорятъ, что комиссія, разбиравшая основанія высылки студентовъ, признала возможность вернуть теперь же трехъ человѣкъ, осенью еще пятерыхъ; нѣкоторымъ дозволить теперь же поступить въ другіе университеты, но не въ Московскій, а человѣкамъ 16-ти—никогда и ни въ одинъ университетъ. Изъ другого источника я слышалъ, что послѣдніе обвиняются въ участіи въ покушеніи, которое готовилось на Смоленской ж. д. прошлой осенью.

Вчера я былъ у Митропольскаго. Онъ мнѣ разсказалъ, что на этихъ дняхъ будетъ собраніе нѣкоторыхъ профессоровъ-медиковъ въ трактирѣ, какъ это у нихъ бывало не разъ для обсужденія факультетскихъ дѣлъ. Но теперь тамъ будетъ Виноградовъ читать какую-то записку, и будетъ приглашенъ Г

Сегодня получилъ циркулярное письмо попечителя съ приложеніемъ копіи краткаго отзыва о петиціи, представленнаго Генераль-Губернатору, и подробнаго представленнаго министру. Въ этомъ отзывѣ дѣлается разборъ и оцѣнка петиціи: оцѣнка очень суровая; заканчивается она заявленіемъ, что тѣ петиціонеры, которые сознательно поддерживали петицію, въ случаѣ будущихъ беспорядковъ, будутъ отчасти нести на себѣ вину за нихъ. Написанъ отзывъ рѣзко и мѣтко.

Удивительно какой талантъ у этого человѣка говорить съ одинаковымъ краснорѣчіемъ въ двухъ разныхъ смыслахъ! Этотъ отзывъ я прилагаю ниже. (см. II приложеніе).

7-ю Января 1895 г. Отъ Звѣрева я слышалъ сегодня, что отъ попечителя, изъ Петербурга, куда онъ былъ вызванъ, получено письмо. Во первыхъ онъ пишетъ, что объявленіе къ студентамъ о заявленіи профессоровъ надо приостановить. Что-то министру въ немъ не правится; кажется, то, что тамъ сдѣлана оговорка относительно землечествъ. Во вторыхъ, по словамъ Капниста, министръ относится къ

нашимъ событіямъ покойно, покойнѣе даже, чѣмъ желательно. Въ третьихъ, еще до его прїѣзда министръ докладывалъ Государю, и Тотъ выразилъ желаніе, чтобы ректоръ и помощникъ остались въ должности.

Члены Союзнаго Совѣта ходятъ по профессорамъ, и Звѣревъ увѣряетъ, что они допрашиваютъ, что было на собраніи профессоровъ, дѣйствительно ли было оказано давленіе на петиціонеровъ, чтобы принудить ихъ къ подписи.

Этотъ слухъ о давленіи распускаютъ сами профессора,—очевидно, съ цѣлью оправдать себя отъ обвиненія въ двуличности.

9-ю Января. Вчера у меня былъ Митропольскій, а сегодня, по приглашенію ректора, я видѣлся съ нимъ и Звѣревымъ, который вернулся отъ профессора Огнева, гдѣ было собрано нѣсколько петиціонеровъ Тутъ я узналъ слѣдующее.

Во первыхъ, попечитель написалъ ректору, что по докладу министра Государь выразилъ желаніе, чтобы ректоръ и помощникъ его остались въ должностяхъ. Ректоръ совѣтовался, что ему дѣлать.

Я ему посоветовалъ написать министру, что положеніе его, въ виду настроенія нѣкоторой части студентовъ и профессоровъ, безвыходно, и что поѣтому онъ, хотя и остается въ должности, повинуюсь волѣ Государя, однако не можетъ отвѣчать за управление университетомъ такъ, какъ этого требуетъ уставъ университетскій. Ректоръ, повидимому, послѣдуетъ этому совѣту. Затѣмъ, онъ думаетъ, что при свиданіи съ Великимъ Княземъ, которое состоится завтра, онъ, можетъ быть, и ему опишетъ свое затруднительное положеніе и, можетъ быть, даже укажетъ на причины его, лежація въ прошломъ.

Во-вторыхъ, въ лагерѣ петиціонеровъ идутъ раздоры. Они начали опять собираться. Дня три тому назадъ было собраніе у Остроумова. Предметомъ сужденія былъ отвѣтъ на вышеупомянутый циркуляръ попечителя. По этому поводу было высказано много упрековъ Г Его упрекалъ Тимирязевъ за то, что Г ничего не сказалъ ему о своихъ сношеніяхъ съ Союзнымъ Совѣтомъ. —„Если бы Великій Князь, когда мы подносили ему петицію, спросилъ меня, знаемъ ли мы о Союзномъ Совѣтѣ“, говорилъ Тимирязевъ,

„я бы искренно увѣрялъ, что нѣтъ, а между тѣмъ нѣкоторые изъ насъ даже сносились съ нимъ!“ Другіе его упрекали за то, что онъ произвольно измѣнилъ принятую редакцію петиціи и письма къ ректору.

Для отвѣта на циркуляръ попечителя избрана коммиссія изъ К. . . ., Сѣченова и еще кого-то. Г. . . . устраненъ и отъ редакціи, и отъ предсѣдательства, которое предоставлено Сѣченову. Въ этомъ собраніи участвуетъ и Столѣтовъ.

На нынѣшнемъ совѣщаніи у Огнева рѣчь шла о томъ, ѣхать ли на второе собраніе къ Остроумову, назначенное на нынѣшній день, и если ѣхать, то чего держаться. Звѣревъ выразилъ имъ мысль, что единственное заявленіе, которое они могутъ сдѣлать, сохраняя достоинство, заключается въ слѣдующемъ: „Можетъ быть, мы ошибались, но во всякомъ случаѣ наше отношеніе къ Союзному Совѣту мы совершенно искренно выразили въ извѣстномъ заявленіи всѣхъ профессоровъ“. Кажется, его слушатели согласились съ его мнѣніемъ.

И Митропольскій и Звѣревъ говорили мнѣ, что сталъ говорить совсѣмъ въ другомъ тонѣ. Звѣревъ справедливо замѣчаетъ, что многіе изъ петиціонеровъ послѣ попечительскаго циркуляра измѣняютъ свой тонъ отъ страха за свою шкуру.

Да, еслибы графъ Капнистъ въ теченіе 14 лѣтъ своего попечительства держалъ себя, какъ настоящій начальникъ, требуя отъ каждаго профессора, чтобы онъ добросовѣстно исполнялъ свой долгъ, то мы не дожили бы до такой деморализаціи.

Ректоръ передавалъ сегодня, что, по его свѣдѣніямъ, студенты (вѣроятно, члены Союзнаго Совѣта) грозятъ Г. . . . побоями! Мои предсказанія, пожалуй, сбудутся скорѣе, чѣмъ я ожидалъ. Нѣкоторымъ другимъ профессорамъ они собираются „выспать“. На ихъ жаргонѣ, говорить ректоръ, это значитъ свистъ.

10-ю Января. 1895 г. Сегодня ректоръ читалъ нѣкоторымъ изъ насъ письмо попечителя. Изъ него видно, что въ Петербургѣ было совѣщаніе министровъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ, попечителя Московск. Учебн. Округа, товарища министра Внутр. Дѣлъ, директора департамента Полиціи, Аничкова (Н. М.), Любимова (Н. А.) и Архипова (И. П.). Разсматривали объявленіе, составленное ректоромъ. Не видно, что имъ не понравилось въ немъ. Можно

догадываться, что одно мѣсто во всякомъ случаѣ они находили неудобнымъ, именно то, гдѣ ректоръ обѣщаетъ настоящему составу Союзнаго Совѣта безнаказанность, если онъ разоидется. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сказалъ, что въ этомъ составѣ есть нѣсколько замѣшанныхъ въ политическихъ дѣлахъ, стоящихъ, однако, въ связи съ Союзнымъ Совѣтомъ, а потому обѣщать имъ безнаказанность нельзя. Въ этомъ министерскомъ совѣщаніи выработанъ новый проектъ объявленія къ студентамъ, по содержанию сходный съ ректорскимъ,—понятно, безъ упомянутого обѣщанія, но написанный въ канцелярскомъ стилѣ. Ректоръ не хочетъ вывѣшивать его отъ своего имени и собирается телеграфировать попечителю, что онъ готовъ выбросить изъ своего проекта помянутое обѣщаніе безнаказанности.

Я не могъ оставаться долѣе у ректора, потому, что спѣшилъ на свиданіе съ Никитой*). Выхода, я встрѣтилъ Огнева, бывшего вчера на собраніи у Остроумова. Онъ коротко рассказалъ мнѣ о происшедшемъ тамъ. Очевидно, вожаки настаивали, чтобы присутствующіе дали имъ полномочіе сноситься съ министромъ и давать ему объясненія. Огневъ, Лопатинъ, Митропольскій заподозрили, что тутъ есть что-то, чего не договариваютъ. Они заявили, что находятъ нужнымъ относиться только къ попечителю, именно—кратко, прямо отвѣтить на его циркуляръ, и спрашивали, чего хотятъ другіе, предлагая обратиться къ министру. Тогда Столѣтовъ представилъ проектъ длинной записки, содержания которой, однако, Огневъ не могъ мнѣ передать. Онъ сказалъ только, что она представляла рядъ ядовитыхъ хитросплетеній, которымъ большинство апплодировало, называя ихъ остроумными и строго логическими. Между прочимъ, по его словамъ, тамъ Столѣтовъ хотѣлъ свести счеты и съ ректоромъ: онъ старался поставить его на одну доску съ попечителемъ. Лопатинъ замѣтилъ ему это и сказалъ, что они, подписывая петицію имѣли въ виду дѣйствовать противъ попечителя, но не противъ ректора. Духовской, стоявшій за предложеніе Столѣтова, предложилъ меньшинству высказать свое мнѣніе, на что Огневъ отвѣтилъ, что они не желаютъ поручать другимъ говорить за себя, хотятъ сами говорить за себя и желаютъ дать попечителю краткій отвѣтъ на его обвиненіе противъ петиционеровъ. Тогда Огнева и его единомышленниковъ стали обвинять въ томъ, что они терроризируютъ остальныхъ (т.-е. трое всѣхъ остальныхъ, которыхъ было не менѣе 17-ти!).

*) Князь Никита Александровичъ Ливень, братъ жены Н. П. Боголѣнова.

Огневъ на это сказалъ, что они отказываются отъ подписи Столѣтовскаго проекта. Тогда Остроумовъ всталъ и заперъ дверь на ключъ. Это взбѣсило Огнева, и онъ крикнулъ, что ихъ противники могутъ дѣлать, что угодно, но они подписей своихъ не дадутъ. Тогда Остроумовъ сказалъ, что „онъ пошутилъ“.

Любопытно будетъ провѣрить и пополнить этотъ рассказъ.

Мы собираемся въ Татьянинъ день устроить обѣдъ только изъ единомышленныхъ членовъ факультета. Въ прежніе годы мы стѣснялись избѣгать нашихъ либераловъ, но теперь рѣшили бросить эту напрасную учтивость и не звать какъ открытыхъ противниковъ. такъ и шатуновъ

11 Января. Сейчасъ ко мнѣ заходилъ Анучинъ. Онъ мнѣ сначала не выяснилъ цѣли своего визита.

Впослѣдствіи онъ сказалъ, будто пришелъ узнать отъ человѣка, хотя и противоположныхъ убѣжденій, но честнаго,—каково мое мнѣніе о попечительскомъ циркулярѣ. Я думаю, что настоящая цѣль его была вывѣдать, нѣтъ ли чего-нибудь новенькаго, полезнаго для ихъ партіи. У насъ зашелъ споръ по разнымъ предметамъ, изъ которыхъ отмѣчу нѣкоторые.

Въ 1-хъ, онъ считаетъ циркуляръ попечителя оскорбленіемъ петиціонеровъ и обвиненіемъ противъ нихъ. А противъ обвиненія нужно оправданіе.

Я спросилъ: въ чемъ же будетъ оправданіе? Онъ только въ видѣ примѣра привелъ одно оправданіе (я увѣренъ, что оно взято изъ Столѣтовской записки), а именно: попечитель говоритъ, что петиціонеры съ просьбой о пересмотрѣ дѣла о высылкѣ студентовъ могли бы обратиться къ ихъ прямому начальству. „Но мы“, говоритъ Анучинъ, „совсѣмъ не имѣли права просить о пересмотрѣ, потому что такая просьба предполагаетъ, что мы знаемъ обстоятельства дѣла, а мы ихъ совсѣмъ не знали. Мы просили о *помилваніи*“. Этотъ крючокъ, навѣрное, изобрѣлъ Столѣтовъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ вставилъ его въ свою записку. Можетъ быть, внушилъ ему эту мысль Духовской.

Во 2-хъ, на мой вопросъ, что рѣшено на собраніи у Остроумова, онъ отвѣтилъ, что многіе струсили и совсѣмъ на это собраніе не пришли, а у пришедшихъ возникло разногласіе.

Въ 3-хъ. Между прочимъ, Анучинъ высказалъ мысль, что многіе профессора обижены моимъ замѣчаніемъ, что въ настоящей студенческой исторіи виноваты профессора. Я ему еще разъ пояснилъ мысль, которую развивалъ въ общемъ профессорскомъ собраніи 29-го Декабря. Профессора такъ же, какъ и значительная часть такъ называемаго образованнаго общества, воспитываютъ въ молодомъ поколѣніи, говоря коротко, революціонный духъ, но не тѣмъ, что они проповѣдуютъ такъ называемыя либеральныя идеи, а тѣмъ, что къ учрежденіямъ имъ не симпатичнымъ они относятся не съ объективной критикой, а съ раздраженіемъ; они возбуждаютъ въ молодыхъ людяхъ ненависть къ этимъ учрежденіямъ, побуждаютъ ихъ топтать законы, а не стремиться правильнымъ путемъ къ ихъ преобразованію. Я признаю совершенно естественными оба теченія общественныхъ симпатій—и либеральное и консервативное; но я считаю пагубными, революціонными—манеры, приемы, съ помощью которыхъ пропагандируется извѣстное направленіе. На это Анучинъ возражалъ мнѣ; что и въ другихъ странахъ было то же самое (я замѣтилъ, что дурному примѣру нечего слѣдовать), что большая или меньшая страстность въ борьбѣ есть дѣло темперамента, и что профессора имѣютъ сравнительно мало случаевъ вліять на студентовъ въ смыслѣ, указываемомъ мною

Въ 4-хъ. Когда я предсказывалъ снова, что теперешнее состояніе приведетъ къ насиліямъ со стороны студентовъ, и сослался на слухъ о намѣреніи бить Г , то онъ считалъ это невѣроятнымъ, видѣлъ въ этомъ мое личное увлеченіе и въ заключеніе сказалъ: „Ну, что же, если бы дѣйствительно дѣло дошло до насилій, такъ развѣ уже власть совсѣмъ ослабла! Вѣдь, тогда можно принять противъ нихъ мѣры“. На это я замѣтилъ: „Т. е. тѣ самыя полицейскія мѣры, за которыя вы теперь осуждаете университетское начальство?“

Онъ ушелъ отъ меня очень недовольный. Послѣ его визита я былъ у ректора въ университетѣ и прочелъ письмо попечителя изъ Петербурга. Попечитель *умоляетъ* Некрасова подписать объявленіе къ студентамъ, составленное у министра; онъ говоритъ, что отказъ Некрасова поставитъ его въ крайнее затрудненіе, что онъ съ величайшими усиліями добился согласія гр. Делянова и на это-то объявленіе (оговорка профессоровъ относительно землячества казалась ему косвеннымъ признаніемъ ихъ).

Некрасовъ рѣшился подписать его, сдѣлавъ небольшія стилистическія измѣненія.

Вчера ректоръ былъ у Великаго Князя и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы изложить ему истинное положеніе дѣлъ, причемъ указалъ и на то, что теперешняя распатанность студенческой дисциплины есть слѣдствіе не только распущенности профессоровъ, но и въ значительной степени дѣло бывшаго инспектора Доброва (С. В.), который, ища популярности, мирволилъ всѣмъ незаконнымъ стремленіямъ студентовъ организоваться въ союзы. Великій Князь былъ видимо удивленъ этими и другими открытіями и сказалъ, что университетское дѣло представляется ему въ новомъ свѣтѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что попечитель не открылъ ему этой стороны.

19-го Января 1895 г.—12 Января, Татьянинъ день, я провелъ за обѣдомъ съ ближайшими товарищами по юридическому, факультету, т.-е. со всѣми, кромѣ Чупрова, Духовского и Гамбарова. Кромѣ юристовъ, присутствовали: Некрасовъ (ректоръ), естественники Тихомировъ Александръ и Зографъ, докторъ Корниловъ, въ домѣ котораго былъ устроенъ обѣдъ, и его тестъ старикъ.

Событія послѣднихъ недѣль давали обильную пищу для разговора, а единомысленный составъ компаніи придавалъ бесѣдѣ непринужденность. Это дало возможность сговориться относительно нѣкоторыхъ университетскихъ вопросовъ, которые могутъ вскорѣ сдѣлаться предметомъ общепрофессорскаго обсужденія. Домой мы пошли только въ 12-мъ часу ночи.

Съ 12-го января по нынѣшній день произошли кое-какія событія. Болѣе важное изъ нихъ то, что петиціонеры наконецъ выработали свои возраженія на „замѣчанія“ попечителя. Подъ этимъ документомъ подписалось 24 профессора; 9 человекъ (Огневъ, Митропольскій, Лопатинъ, К. . . ., Ш. . . . и еще кто-то) составляли свое отдѣльное возраженіе. Содержаніе того и другого документа передать трудно, потому что въ нихъ нѣтъ какой-нибудь руководящей мысли. Они состоятъ въ отрывочныхъ замѣчаніяхъ на отдѣльные пункты попечительскаго циркуляра, при чемъ замѣчанія 24-хъ профессоровъ отличаются тѣмъ же характеромъ, какъ и петиція (говорятъ, что авторами ихъ были тѣ же Г и Столѣтовъ), т.-е. тамъ есть немножко лжи (напр., тамъ утверждаютъ, что петиціонеры не знали до 29-го Декабря о Союзномъ Совѣтѣ!) и много каверзъ, желаніе поймать попечителя на словахъ и истолковать слова петиціи въ благопріятномъ смыслѣ; напр., тамъ стараются доказать, что единственной цѣлью петиціи было испросить помилованіе высланнымъ студентамъ, а что

всѣ остальные разсужденія (о произволѣ полиціи и недостаткахъ университетскаго суда) были только приведены, какъ мотивы къ этому ходатайству.

Чтеніе самой петиціи можетъ служить повѣркой, въ какой степени искренно такое заявленіе (см. I приложение). Оно же можетъ показать и искренность другого заявленія,—будто петиціонеры просили только о помилованіи, а не о пересмотрѣ рѣшенія полиціи, ибо они, не зная обстоятельства дѣла, не могли судить и о правильности рѣшенія: въ петиціи именно доказывается неправильность, чрезмѣрная строгость полицейской мѣры. Я надѣюсь добыть копію съ этого заявленія 24-хъ профессоровъ. Первоначальная редакція заявленія 9-ти профессоровъ, въ существѣ сходная съ окончатальной, прилагается здѣсь (см. приложение III). Ее составилъ профессоръ К. . . .

24 профессора отправили свое заявленіе министру, а попечителю послали копію. 9-ть профессоровъ свое заявленіе адресуютъ прямо попечителю и, кажется, хотятъ послать по возвращеніи попечителя изъ Петербурга.

Ректоръ и помощникъ его получили официальные письма отъ министра, который, высказывая по ихъ адресу много лестнаго, увѣдомляетъ ихъ, что Государь выразилъ желаніе, чтобы они оба остались на своихъ мѣстахъ, и что при настоящихъ обстоятельствахъ желаніе это есть приказаніе.

Почти одновременно отъ министра получены еще двѣ бумаги. Въ одной онъ приказываетъ вывѣсить студентамъ объявленіе, въ которомъ студенты предостерегаются отъ увлеченій агитаторовъ, которые приглашаютъ всѣхъ учащихся подписываться подъ ходатайствомъ на Высочайшее имя объ измѣненіи дѣйствующихъ уставовъ.

Объявленіе говоритъ, что многіе изъ агитаторовъ уже арестованы. что никакая петиція принята не будетъ, „такъ какъ законы составляются и измѣняются не по соображеніямъ учащейся молодежи, а лишь по указаніямъ Верховной Власти“. При этомъ министръ возлагаетъ надежду на благоразуміе огромнаго большинства студентовъ, несомнѣнно понимающихъ, что они поступили въ высшее учебное заведеніе не для измѣненія его строя, а для ученія и расширенія своихъ знаній“.

Другая бумага (конфиденціальная) сообщаетъ начальникамъ высшихъ учебныхъ заведеній, что въ 1895 г. (кажется, въ началѣ его) предполагается съѣздъ депутатовъ отъ разныхъ учебныхъ заведеній съ цѣлью обсужденія разныхъ вопросовъ, которые будутъ выработаны на собраніяхъ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній.

Попечитель все еще остается въ Петербургѣ. Первое время онъ бомбардировалъ ректора письмами и телеграммами. Последняя телеграмма увѣдомляла, что 25-го Января онъ будетъ представляться Государю и до тѣхъ поръ не можетъ вернуться; въ крайнемъ случаѣ онъ, конечно, вернется, но ему бы этого очень не хотѣлось. Затѣмъ онъ прибавляетъ, что *для университетскія идутъ удовлетворительно*. Некрасовъ понимаетъ это такъ, что и попечителю и министру хочется все замазать, т.-е. не принимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. И это весьма вѣроятно.

А это будетъ началомъ новаго броженія или, вѣрнѣе, поддержка прежняго. Предательская, вѣчно колеблющаяся политика гр. Калниста развратила и профессоровъ, и студентовъ, и инспекцію. Я слышалъ отъ Митропольскаго, а Митропольскій отъ студента, что въ землячествахъ членами состоятъ многіе привать-доценты; студентъ говорилъ, что въ Ярославскомъ землячествѣ состоятъ въ настоящее время двое; одного онъ называлъ: это Коноваловъ, химикъ. Про Милюкова это всѣмъ извѣстно, относительно Вернадскаго (минералога) это едва ли подлежитъ сомнѣнію (полиція сообщила попечителю, что онъ одинъ изъ тѣхъ профессоровъ, которые агитируютъ среди студентовъ). Попечитель могъ бы принять строгія мѣры противъ такихъ привать-доцентовъ.

Звѣреву рассказывалъ знакомый студентъ, что въ землячествахъ принимаютъ участіе и женщины, и гимназисты.

Мнѣ былъ присланъ 12 Января пакетъ, въ которомъ оказалось письмо Союзнаго Совѣта отъ 28 Декабря 1894 г. Въ этомъ длинномъ письмѣ излагаются послѣднія событія, по увѣренію автора, съ возможною объективностью, въ дѣйствительности же—въ извращенномъ видѣ. Этому описанію предпосылается очеркъ возникновенія земляческой организаціи и ея задачъ. Изъ него, между прочимъ, видно, что вожаки этой организаціи стремятся поставить ее, какъ можно шире, и захватить не только Московскій Университетъ, но и прочіе университеты. Съ этою цѣлью уже было два съѣзда депутатовъ со

всѣхъ университетовъ, гдѣ обсуждался вопросъ объ объединеніи всѣхъ студентовъ.

Рѣчь Императора къ депутаціямъ, которымъ онъ заявилъ, что будетъ охранять самодержавіе, вѣроятно, окажетъ свое дѣйствіе и на студенческія дѣла, и на профессорскія.

20 Января 1895 г. Профессоръ Павловъ (А. С.) говорилъ мнѣ, что онъ слышалъ отъ Успенскаго, директора археологическаго института въ Константинополь, видѣвшаго на дняхъ Делянова, о томъ, какъ былъ принятъ Г. . . . министромъ. Г. . . . сталъ ему говорить, что петиціонеры собираются представить ему объясненія на замѣчанія попечителя. А Деляновъ ему на это сказалъ: „Какія объясненія! Вы постарайтесь, чтобы мы о вашемъ дѣлѣ скорѣй забыли“.

25 Января 1895 г. Прошлую субботу, т.-е. 21 Января, послѣ засѣданія Совѣта, ректоръ опять предложилъ профессорамъ остаться, чтобы выслушать нѣкоторые вновь полученные документы, изданные Союзн. Совѣтомъ. Онъ прочелъ письмо Союзн. Совѣта къ обществу отъ 28 Декабря 1894 г., которое было послано мнѣ въ пакетѣ, и которое я передалъ ему. О его содержаніи я уже сказалъ выше. Затѣмъ было прочитано другое письмо къ обществу отъ 1 Января. Оно въ копіи приложено къ моимъ бумагамъ. Въ немъ дается отчетъ о событіяхъ, еще не описанныхъ въ письмѣ отъ 28 Декабря. Ничего особенно замѣчательнаго это письмо не представляетъ. Затѣмъ шло письмо Союзн. Совѣта отъ 5 Января 1895 г. Въ этомъ длинномъ письмѣ излагаются цѣли Союзной Организациі. и описывается, чего уже успѣла достигнуть эта Организациія. Оно является несомнѣннымъ отвѣтомъ на постановленіе профессоровъ, сдѣланное 29 Декабря, и на *рѣчи, которыя тамъ произносились*. Здѣсь прежде всего подробно описывается самая *Союзная Организациія*. Она составляется изъ землячествъ; въ настоящее время, по ихъ словамъ, въ Организациі участвуетъ 43 землячества съ численнымъ составомъ въ 1700 человекъ (число, безъ сомнѣнія, очень преувеличено). Объединеніе выражается въ двухъ учрежденіяхъ—Союзномъ Совѣтѣ и Судебной Комиссіи. Въ томъ и другой представители отъ всѣхъ землячествъ. Въ важныхъ случаяхъ рѣшеніе вопроса предлагается всей Организациі. Не видно, какъ это осуществляется. Изъ протокола Союзнаго Совѣта отъ 24 Октября 1894 г., полученнаго мною вчера въ копіи, можно заключить, что представители землячествъ опрашиваютъ своихъ земляковъ и считаютъ

голоса. Опять не видно, какъ это удавалось дѣлать, въ виду многочисленности нѣкоторыхъ землячествъ.

Перечисляя задачи Организациі, письмо отчасти повторяетъ то, что было описано ранѣе: содѣйствіе умственному, нравственному образованію, *подготовленіе къ общественной дѣятельности*. Говоря о судѣ надъ товарищами, письмо увѣряетъ, что это судъ мягкій, лишень всякихъ насилій и давленій (въ предпрошломъ году этотъ судъ предложилъ выйти изъ университета студенту Минаеву, участвовавшему въ кражѣ пальто, а когда онъ не подчинился этому приговору, Союзный Совѣтъ донесъ на него инспекціи, послѣ чего Минаевъ былъ судимъ въ правленіи и исключенъ). Союзн. Совѣтъ въ этомъ письмѣ рѣшительно отрицаетъ претензію судить профессоровъ (отвѣтъ на профессорское заявленіе). Случаи же Янжула, Кузьмина и Владимірова онъ называетъ *исключительными, и притомъ тутъ не было суда, а студенчество, черезъ Судебную Комиссію, высказало свое мнѣніе о поведеніи этихъ профессоровъ*. При этомъ не объяснено, какъ считать угрозу Владимірову и запретъ читать лекціи—за мнѣніе или за кару. Любопытно мѣсто, гдѣ письмо 5 Января говоритъ о просвѣтительныхъ цѣляхъ Союзной Организациі. Задача университета, говорится тамъ, не въ томъ, чтобы создавать специалистовъ-докторовъ, юристовъ и т. д., а чтобы давать общее образованіе. Послѣ университетскаго Устава 1884 г. университетъ исполнилъ эту задачу очень плохо, а потому Союзная Организациа взяла ее на себя.

Эти строки возбудили въ присутствовавшихъ профессорахъ смѣхъ. Только нѣкоторые изъ нихъ остались съ серьезными, даже пасмурными лицами, какъ Виноградовъ, Миллеръ (я думаю, они отчасти были вдохновителями письма Союзнаго Совѣта). Вообще же все письмо отъ 5 Января описываетъ пребываніе въ Союзной Организациі, какъ нѣчто идиллическое: студенты тамъ приучаются къ свободной дѣятельности ума, придавленной въ гимназіяхъ, укрѣпляются въ нравственности, приучаются къ общественной дѣятельности, участвуютъ въ кружкахъ саморазвитія, пользуются земляческими библіотеками, которыя открываютъ для нихъ цѣнные и рѣдко доступныя (?) книги; и вообще—столкновеніе въ кружкахъ, между разными классами, возрастами и убѣжденіями, дѣйствуетъ чрезвычайно благотворно на молодыхъ людей. Письмо Союза повторяетъ, что Союзная Организациа устраниваетъ всякіе политическіе вопросы. Она стремится предотвращать студенческіе беспорядки, и въ письмѣ прямо выражается опасеніе за судьбы университета, если Союзная Организациа будетъ распущена, и студенчество

обратится въ неорганизованную массу. Если въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ не было безпорядковъ, то единственно благодаря этой Организациі.

Это самовосхваленіе рассчитано на наивныхъ и легковѣрныхъ студентовъ и публику. Лживость увѣреній, что Союзная Организациія не судить профессоровъ, очевидна послѣ того, какъ стали извѣстны приговоры надъ Янжуломъ и особенно Владимировымъ. Принципіальное исключеніе безпорядковъ опровергается тѣмъ, что даже въ своемъ воззваніи къ студентамъ передъ профессорской петиціей самъ Союзъ. Совѣтъ грозитъ „бурными демонстраціями“, если не будутъ возвращены 47 студентовъ, высланныхъ изъ Москвы. Участіе въ политическихъ дѣлахъ очень хорошо доказывается однимъ документомъ, о которомъ я скажу ниже (протоколъ Союзнаго Совѣта отъ 24 Окт. 1894 г.).

Нечего говорить о претензіи Союзн. Совѣта стать руководителемъ умственнаго образованія студентовъ. Это, конечно, смѣшная претензія, и едва ли сами студенты дошли бы до такого самомнѣнія. Я увѣренъ, что это внушено ихъ взрослыми руководителями. Одинъ изъ нихъ проглядываетъ между строкъ въ письмѣ отъ 5 Января. Тамъ между прочимъ говорится, что Союзный Совѣтъ взялъ на себя роль регулятора чтенія: онъ составляетъ программы для систематическаго чтенія, рекомендуетъ книги; это та самая дѣятельность, которую открыто ведетъ приватъ-доцентъ Милуковъ, который также издаетъ программы и указатели книгъ для систематическаго чтенія.

Не студенты, конечно, выдумали и мысль, что Уставъ 1884 г. мѣшаетъ общеобразовательному значенію университета. Эта обычная жалоба многихъ профессоровъ, дѣйствовавшихъ при Уставѣ 1863 г., и молодыхъ профессоровъ, которые его уже не застали и, въ сущности, не знаютъ. Студенты, конечно, и въ глаза не видали этого Устава. Нечего и говорить, что Уставъ 1884 года ни въ чемъ не измѣнилъ назначенія университета. При обоихъ уставахъ университетъ имѣлъ цѣлью выпускать не ремесленниковъ, а *научно-образованныхъ* специалистовъ: университетъ тѣмъ только отличается отъ другихъ высшихъ школъ, что онъ не имѣетъ прямой задачей готовить практиковъ. Для общаго образованія у насъ служить только средняя школа—гимназія главнымъ образомъ.

Можетъ быть, это стремленіе къ общему научному образованію имѣетъ и серьезную подкладку. Молодымъ людямъ хочется еще въ

молодые годы пріобрѣсть общее міровоззрѣніе, которое бы служило имъ руководствомъ въ рѣшеніи вопросовъ жизни, особенно нравственныхъ и общественныхъ. Не слѣдуетъ ли предпосылать университету, т.-е. спеціально-научному образованію, еще года два общаго научнаго образованія? Трудно только рѣшить, какіе предметы выбрать для этого, и гдѣ ихъ преподавать. Мнѣ казалось бы возможнымъ въ теченіи двухъ лѣтъ преподавать курсы: физики, химіи, всеобщей и русской исторіи и философіи. Изученіе исторіи и философіи могло бы наполовину быть дѣломъ домашнимъ: ученикъ долженъ былъ бы штудировать нѣсколько книгъ по разнымъ отдѣламъ исторіи и философіи. Профессора должны были бы вести *спеціальныя* курсы съ цѣлью на какомъ-нибудь отдѣльномъ вопросѣ показать *приемы* ученаго изслѣдованія. Курсы по химіи и физикѣ можно было бы также предварительно штудировать дома, а затѣмъ прослушать *общіе* курсы, съ опытами и демонстраціями. По химіи, конечно, нужна была бы не очень продолжительная работа въ лабораторіи.

Гдѣ учредить эти курсы? При гимназіяхъ или университетахъ?

Факультетскіе предметы можно было бы сократить и преподавать въ болѣе короткій срокъ.

Послѣдній документъ, прочитанный ректоромъ въ засѣданіи 21 Января, былъ списокъ пожертвованій, поступившихъ въ пользу высланныхъ студентовъ. Въ числѣ жертвователей значатся, кромѣ студентовъ, и гимназисты, и реалисты, и женскія особы.

Чтеніе документовъ было утомительно, и потому никакихъ общихъ сужденій по нимъ не было. Во всякомъ случаѣ на массу профессоровъ они произвели впечатлѣніе.

Въ этомъ же засѣданіи ректоръ объявилъ, что по Высочайшему повелѣнію ему и его помощнику приказано оставаться на своихъ мѣстахъ.

Вчера я получилъ отъ ректора копію съ упомянутаго уже документа. Это протоколъ 7-го засѣданія Союзн. Совѣта отъ 24 Октября 1894 г., то есть 4 дня послѣ смерти Государя Александра III (онъ присланъ изъ Петербурга, т.-е., вѣроятно, изъ Министерства. Въ Москвѣ онъ не былъ извѣстенъ даже Ие).

Въ началѣ протокола говорится, что „предсѣдатель предложилъ представителямъ передать мнѣнія землячествъ о томъ, что слѣдуетъ предпринять въ данный моментъ“. Затѣмъ слѣдуютъ краткіе отвѣты, изъ которыхъ я выберу только нѣкоторые, болѣе характерные.

Техники (объ группы)¹⁾—настоящій историческій моментъ удобенъ для подачи правительству отъ учащейся молодежи петиціи, *главное* содержаніе которой должны составлять требованія *политическія*²⁾; общестуденческія же требованія должны вытекать изъ первыхъ, какъ частность.

Тверское землячество:—петиція съ самыми широкими политическими требованіями въ связи со студентами должна быть подана единовременно или вслѣдъ за петиціями земствъ. *Безпорядки* нужны лишь въ случаѣ репрессіи за петицію. *Желательно привлечь профессоровъ*.

Минское землячество:—за общестуденческія требованія (слѣдовательно, не за политическія), но безусловно противъ безпорядковъ.

Такихъ заявленій есть еще нѣсколько, т.-е. требованія ограничить студенческими нуждами и безпорядковъ не допускать.

Курское землячество находитъ:—„студенчество достаточно организовано, чтобы взять на себя инициативу возбужденія общественнаго движенія... *Готово поддержать безпорядки*“.

Рязанское землячество:—„петиція со студенческими требованіями должна быть подана. Въ случаѣ отказа должны быть *безпорядки до послѣдней крайности*. Въ случаѣ возникновенія общественнаго движенія студенты должны поставить свои требованія на второй планъ. Студенческія требованія суть: свобода организаціи, признаніе землячествъ, студенческой судъ, допущеніе женщинъ въ университетъ, амнистія студентамъ, осужденнымъ за политическія преступленія. Ждать практическихъ результатовъ“ (т.-е. отъ петиціи, нѣкоторыя землячества не ждутъ ихъ).

Малороссійское землячество:—„Студенческая петиція должна быть средствомъ для возбужденія общественнаго движенія; если оно начнется,

¹⁾ Значитъ, въ Союзной Организациі не одни студенты Московскаго университета.

²⁾ Въ своихъ письмахъ Союзн. Совѣтъ увѣряетъ, что онъ исключаетъ политику.

то впередъ должны быть выставлены требованія *политическія*. Въ случаѣ отказа необходимы безпорядки“ и т. д.

„Въ виду того, что землячества высказались не все по заранѣ намѣченнымъ вопросамъ, Союзный Совѣтъ счелъ необходимымъ, для выясненія мнѣнія Союза, снова опросить землячества по слѣдующимъ вопросамъ, предложеннымъ тульскимъ представителемъ“.

Далѣе слѣдуютъ десять вопросовъ, смыслъ которыхъ таковъ: нужно ли ограничиться студенческими требованіями или включить и *политическія*? Нужно ли поддержать требованія *безпорядками*? Къ широкимъ студенческимъ требованіямъ Союзный Совѣтъ причисляетъ: допущеніе женщинъ въ университетъ, уничтоженіе *классовыхъ* (?) и національныхъ перегородокъ, публичность лекцій.

Въ числѣ *текущихъ дѣлъ* значится между прочимъ: „Выслушано сообщеніе о возникновеніи организаціи на Екатерининскихъ (?) курсахъ и желаніе присоединиться къ Союзу“ (вѣроятно, здѣсь подразумеваются фельдшерскіе курсы при Старо-Екатерининской больницѣ).

Сегодня я узналъ отъ Звѣрева, что изъ министерства пришло рѣшеніе: всемъ петиціонерамъ выразить порицаніе за то, что обратились въ чужое вѣдомство и возбудили щекотливые вопросы, въ такое время, когда студенты и безъ того уже были взволнованы, а четверемъ вожакамъ—Г. . . . Э. О. и Ч. сдѣлать выговоръ и предупрежденіе, что въ случаѣ безпорядковъ они будутъ считаться виновниками ихъ.

6-ое Февраля 1895 г. Весеннее полугодіе у насъ идетъ тихо. По-видимому, члены Союзной Организаціи, или вѣрнѣе, вожаки ихъ—боятся проявлять свою дѣятельность; профессора, ихъ сторонники, также. Попечитель вернулся изъ Петербурга съ видомъ довольнымъ. Можетъ быть, это именно только видъ. Первое время онъ ничего не говорилъ о своемъ представленіи молодому Государю. Позднѣе онъ передалъ намъ, что Государь сказалъ ему: „О вашей университетской исторіи я уже слышалъ отъ Великаго Князя (я думаю, попечителю это не очень понравилось). Ну, а каковы ваши виды на будущее?“ Попечитель отвѣтилъ, что возобновеніе безпорядковъ возможно. На это Государь замѣтилъ, что, конечно, противъ виновныхъ слѣдуетъ дѣйствовать рѣшительно, но что нужно стараться, чтобы не пострадали благонамѣренные элементы. Великій Князь (Ген.-Губ.) былъ также у

министра народн. просвѣщенія. Повидимому, онъ даже нарочно ѣздилъ изъ Москвы по университетскому дѣлу. Надо надѣяться, что Государю и министру онъ сказалъ, что зналъ о роли самого попечителя въ этомъ дѣлѣ. Между прочимъ Великій Князь очень сочувственно отзывался о нашемъ ректорѣ, чему я очень радъ, потому что бѣдному Некрасову все-таки теперь приходится очень тяжело. Попечитель увѣряетъ, что Деляновъ долго колебался относительно профессоровъ-петиціонеровъ: то хотѣлъ ихъ увольнять, то совсѣмъ оставить безъ взысканія. Графъ Капнистъ утверждаетъ, будто только по настоянію Великаго Князя графъ Деляновъ рѣшился на вышеуказанную мѣру (т.-е. порицаніе и выговоръ съ предупрежденіемъ). Ректоръ, при свиданіи съ попечителемъ, по возвращеніи этого послѣдняго изъ Петербурга, между прочимъ просилъ его, чтобы онъ оказалъ свое вліяніе на профессоровъ, имѣвшихъ сношеніе съ Союзнымъ Совѣтомъ, именно, чтобы они въ сношеніяхъ со студентами не ослабляли дѣйствія объявленій, вывѣшенныхъ ректоромъ. На это попечитель далъ такой отвѣтъ: „Ну, теперь я съ этими профессорами на ножахъ; поэтому ужъ вы сами говорите съ ними“.—Хороша точка зрѣнія начальника! Какъ съ нимъ вести дѣло въ такія трудныя минуты!

15 Февр. 1895 г. Всѣ эти дни я такъ былъ занятъ, что не могъ записывать своевременно всего, что касалось университетскаго дѣла. Теперь запишу коротко самое важное.

Спокойствіе въ университетѣ продолжается. Лекціи вездѣ идутъ безъ помѣхи. На масленицѣ (въ пятницу) ректоръ былъ вызванъ Ген.-Губернаторомъ. Вел. Князь желалъ слышать отъ него, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ дѣлать съ Союзнымъ Совѣтомъ. Некрасовъ отвѣчалъ, что если полиціи точно извѣстны имена членовъ Совѣта, то съ ними надо поступить рѣшительно: выслать изъ Москвы, но не отрѣзывать возможности вступить съ осени въ другіе университеты. Некрасовъ при этомъ высказалъ мысль, что слѣдовало бы обратить вниманіе и на землячества, которыя будутъ впредь служить источникомъ для образованія новыхъ членовъ Союзнаго Совѣта.

.

Въ это же свиданіе Великій Князь сообщилъ ректору подь секретомъ, что министръ народн. просвѣщенія предполагаетъ лѣтомъ уволить отъ службы въ университетъ четырехъ профессоръ: Г. . . . Э. Ч. и О. При этомъ Великій Князь спросилъ: „Что же, вы будете заступаться?“ Но ректоръ заступаться не сталъ. Онъ сказалъ, что не считаетъ себя призваннымъ судить объ этомъ, но находить, что если начальство признаетъ нужнымъ карать профессоръ виновныхъ, то оно должно, съ другой стороны, поддерживать тѣхъ профессоръ, которые исполняютъ свой долгъ добросовѣстно.

На этомъ свиданіи ректоръ высказалъ мысль, что въ числѣ мѣръ въ борьбѣ съ Союзной Организацией было бы очень хорошо опубликовать отъ правительства описаніе фактовъ, которые бы характеризовали эту Организацию въ ея истинномъ свѣтѣ, и даже обнародовать цѣликомъ или въ выдержкахъ нѣкоторые документы, изданные органами Союза. Попечитель также почему-то ухватился за эту мысль очень горячо и обѣщавъ прислать ректору документъ, заключающій въ себѣ секретное донесеніе начальника охраны Бердяева Ген.-Губернатору о тѣхъ дѣйствіяхъ Союзнаго Совѣта и профессоръ, которыя предшествовали аресту 47 студентовъ по случаю готовившейся петиціи студентовъ.

Для обсужденія формы и содержанія правительственнаго сообщенія, проектъ котораго долженъ былъ составить ректоръ, мы втроемъ (Некрасовъ, Звѣревъ и я) собирались у ректора въ Субботу утромъ на масленицѣ. Попечитель набросалъ программу, которая намъ всею показалась вполне удовлетворительною, почему мы и не останавливались долго на ней. Мы были заняты другимъ. Утромъ этого дня ректоръ видѣлся съ гр. Капнистомъ при осмотрѣ зоологической коллекціи Слюнина. Здѣсь попечитель выразилъ ректору желаніе заняться съ нимъ обсужденіемъ вопроса объ узаконеніи землячествъ и даже предлагалъ ему собрать профессоръ для обсужденія этого вопроса. Некрасовъ въ первую минуту былъ чрезвычайно удивленъ, что попечитель рѣшается возбуждать этотъ вопросъ въ такое время, когда студенты только что успокоились отъ волненія. Онъ заявилъ Капнисту, что онъ будетъ во всякомъ случаѣ противъ узаконенія. Мы все втроемъ обсуждали, какіе мотивы могутъ быть у попечителя заварить такое рискованное дѣло, которое грозитъ беспорядками не только послѣ узаконенія землячествъ, но и теперь, какъ только студентамъ станетъ

извѣстнымъ, что вопросъ обсуждается. Повидимому, гр. Капнисть видитъ, что кредитъ его у Великаго Князя Сергія Александровича очень упалъ, и надѣется поднять его, начиная дѣло, которому Сергій Александровичъ сочувствуетъ. Некрасовъ рѣшился уговаривать попечителя отложить возбужденіе вопроса, а съ Великимъ Княземъ пока не искать разговора, тѣмъ болѣе, что свой взглядъ онъ ему уже высказалъ, а кромѣ того—Великій Князь знакомъ съ характеромъ землячества изъ донесенія Бердяева, о которомъ я упомянулъ выше.

Это донесеніе я прослушалъ у Некрасова съ любопытствомъ. Начинается оно восхваленіемъ землячества: они служатъ матеріальной опорой для нуждающихся, даютъ пріютъ и опору молодымъ, неопытнымъ провинціаламъ, пріѣзжающимъ въ большой, чужой городъ, гдѣ у нихъ нѣтъ никого изъ близкихъ людей. Но затѣмъ говорится, что, къ сожалѣнію, землячества вмѣшивались въ дѣла противозаконныя. Дальше описывается, какъ въ 1889 г. съѣхались представители нѣкоторыхъ землячествъ и нѣкоторые *революціонные* дѣятели и рѣшили организовать Союзъ изъ землячествъ; какъ передъ смертью Государя Александра III и послѣ нея этотъ Союзъ поднялъ вопросъ о петиціи студентовъ къ новому Императору о конституціи, какъ вожаки Союзн. Совѣта были предупреждаемы полиціей, чтобы не затѣвать этого дѣла, и какъ полиція вынуждена была арестовать ихъ изъ опасенія, чтобы волненіе, которое они произвели среди молодежи, не разрослось въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ.

Любопытны нѣкоторыя подробности этого донесенія Бердяева. Оно указываетъ, что въ движеніи студентовъ принимали участіе профессора: называетъ онъ только Г. . . . и Г. . . . Про Г. . . . говорится, что послѣ студенческихъ беспорядковъ, вызванныхъ скандаломъ на лекціи Ключевского, онъ писалъ Великому Князю Константину Константиновичу письмо, въ которомъ изображалъ въ превратномъ видѣ дѣйствія университетскаго начальства и полиціи относительно студентовъ и просилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Государя. Относительно инцидента съ Ключевскимъ: Союзн. Совѣтъ обсуждалъ поведеніе послѣдняго (его рѣчь о покойномъ Государѣ) и рѣшилъ къ его рѣчи прилѣпить басню фонъ-Визина: „Лисица кознодѣй“.

Экземпляръ ея былъ отнесенъ Ключевскому депутаціей студентовъ (вѣроятно, по назначенію Союзн. Совѣта,—можетъ быть, изъ его членовъ), а затѣмъ другой такой же экземпляръ положенъ къ Ключевскому на кафедру передъ его лекціей.

Въ тотъ же день я узналъ, что привать-доцента Безобразова постигла сильная кара. Нѣсколько недѣль тому назадъ онъ читалъ публичную лекцію въ Историческомъ музеѣ,—кажется, что-то о женщинахъ (онъ всегда читаетъ о женщинахъ). Въ заключеніе лекціи онъ сказалъ какія-то рѣзкія слова. Я не могъ узнать точной редакціи этихъ словъ. Но всѣ передачи сходятся въ томъ, что онъ, предсказывая женщинамъ какое-то свѣтлое будущее, призывалъ молодежь не надѣяться на теперешнихъ пожилыхъ людей, особенно на профессоровъ. Всѣхъ этихъ лицъ онъ дѣлилъ, кажется, на пошляковъ, подлецовъ и холоповъ. Затѣмъ онъ призывалъ молодежь стремиться къ осуществленію, кажется, правъ женщины и идеаловъ просвѣщенія, не взирая на препятствія, и не бояться, что для этого имъ придется жертвовать собою: на ихъ костяхъ возсіяетъ свѣтъ! Эти или подобныя имъ слова многихъ изъ присутствовавшихъ привели въ неописанный восторгъ. Безобразова на рукахъ вынесли изъ аудиторіи, не говоря уже объ апплодисментахъ. Въ то время много говорили объ этой рѣчи. А съ недѣлю тому назадъ пришло рѣшеніе министра народн. просвѣщенія: уволить Безобразова изъ числа привать-доцентовъ и запретить ему педагогическую дѣятельность въ предѣлахъ Россійской имперіи.

Сегодня я узналъ отъ Звѣрева, что такая же участь постигла и привать-доцента Милюкова, который, по всѣмъ разсказамъ, принималъ дѣятельное участіе въ профессорской петиціи и въ дѣйствіяхъ Союзнаго Совѣта. Въ распоряженіи министра народн. просвѣщенія сказано, что Милюковъ увольняется изъ привать-доцентовъ съ воспрещеніемъ ему всякой педагогической дѣятельности и публичныхъ лекцій—*вслѣдствіе его крайней политической неблагонадежности*. Жаль человѣка! Онъ и способный и трудолюбивый. Но съ другой стороны—какъ оставить человѣка учить юношей, когда онъ становится вдохновителемъ тайныхъ студенческихъ обществъ? Кажется, безмѣрное самолюбіе потемнило мысль у Милюкова. Иначе, едва ли бы онъ рѣшился итти на такія отчаянныя дѣла.

Звѣревъ же сообщилъ мнѣ, что Некрасову доставили экземпляръ годового отчета Судебной Коммиссіи за 1893—94 г. Любопытно будетъ взглянуть на этотъ документъ (см. приложение IV).

19-го Февраля назначено освященіе клиники кожныхъ болѣзней. Какъ бы не вышло какихъ-нибудь безпорядковъ, особенно послѣ увольненія Милюкова, котораго называли тайнымъ ректоромъ Союза землячества!

24 Февраля 1895. Нѣсколько дней тому назадъ ректоръ получилъ письмо отъ министра, который въ началѣ письма просить о какомъ-то снисхожденіи для какого-то студента, а затѣмъ выражаетъ удовольствіе, что Великій Князь относится къ Некрасову съ большой симпатіей, и наконецъ выражаетъ надежду, что при свиданіи онъ поговоритъ о томъ, что предпринять, чтобы выдергать плевелы изъ университета. Некрасовъ не безъ основанія боится, что Деляновъ будетъ съ нимъ говорить о томъ, какихъ профессоровъ слѣдуетъ уволить, а потомъ свалить на него всю отвѣтственность передъ негодующими товарищами.

Послѣ безобразныхъ уличныхъ беспорядковъ въ Петербургѣ здѣшніе студенты, говорятъ, выразили петербургскимъ студентамъ порицаніе. Но тѣ, говорятъ, не остались въ долгу: они прислали имъ сказать, что москвичи глупы, потому что не понимаютъ цѣли петербуржцевъ: они хотѣли сдѣлать опытъ приученія общества къ уличному бунту, и этотъ опытъ имъ удался! Звѣревъ, отъ котораго я это узналъ, справедливо опасается, что этотъ аргументъ покажется московскимъ студентамъ очень уважительнымъ и заставитъ ихъ опять заворшиться. Не только студенты, но и многіе зрѣлые люди нашего образованнаго общества сочувственно отнесутся къ такому толкованію петербургскихъ безобразій.

У насъ теперь съ нѣкоторымъ безпокойствомъ ожидаютъ 8-го Марта, когда будетъ студенческій концертъ. Опасаются, что на немъ сдѣлаютъ какой-нибудь скандалъ попечителю. Но онъ, по уговору ректора, рѣшился не ѣздить на этотъ концертъ.

25 Февраля 1895 г. 19 Февраля было открытіе клиники кожныхъ болѣзней. Этого числа опасались какихъ-нибудь демонстрацій со стороны студентовъ,—по случаю ли 19-го Февраля, или по случаю недавнихъ событій. Но студенты-медики рѣшили провести пассивную демонстрацію: накануне они явились къ проф. Пospѣлову, поздравили его съ предстоящимъ открытіемъ и просили показать клинику; а на слѣдующій день, при самомъ открытіи, они не присутствовали; явились только 6 студентовъ (изъ нихъ 2 естественника), повидимому, делегаты, потому что, какъ только попечитель началъ рѣчь, они встали и вышли, при чемъ передовой старался стучать погромче.

Нѣсколькими днями раньше былъ маленькій инцидентъ у проф. Боброва. Разбирая въ аудиторіи исторію болѣзней, онъ смѣялся надъ грамматическими ошибками, встрѣчавшимися въ нихъ. Студенты нашли

это оскорбительнымъ и вышли изъ аудиторіи. Оставшіеся въ небольшомъ числѣ студенты объяснили Боброву причину выхода, и онъ сказалъ, что если студенты обижаются его замѣчаніями, то онъ не будетъ ихъ дѣлать. Бобровъ пользуется среди нихъ популярностью и, несмотря на это, былъ наказанъ. Я увѣренъ, что и тутъ вожаками были члены Союза. Впрочемъ, Бобровъ вообще грубый человѣкъ, и не мудрено, что его разборъ могъ имѣть и оскорбительную форму.

Среди общества я все это время только и слышу порицанія—и университетскому начальству и петербургской полиціи, и всему правительству, Я посторонній человѣкъ, но всѣ эти порицанія раздражаютъ и волнуютъ меня.

Конечно, можно было бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть вѣжливей, могли бы выбирать на высшія должности людей умнѣе, образованнѣе и честнѣе. Но все это не ослабило бы вѣчнаго ропота и хулы среди образованной публики. Спрашивается: что же дѣлать, чтобы удовлетворить ее? Призвать дѣйствительно къ участию въ государственномъ высшемъ управленіи? Но можетъ ли на это рѣшиться Государь, зная, что это поведетъ за собой большую внутреннюю неурядицу, можетъ вызвать неумѣренные аппетиты въ низшихъ классахъ и особенно въ окраинныхъ инородцахъ? Вся эта затѣя можетъ кончиться внутренней междоусобной войной, въ которой намъ придется снова завоевывать свои окраины, и для успѣшности борьбы и водворенія порядка опять просить Царя взять верховную власть въ однѣ самодержавныя руки.

Все это такъ, но и выносить интеллигентную травлю очень тяжело!

27 Февраля 1895. Въ Субботу былъ у меня вечеромъ Некрасовъ. Отъ него узналъ я, что не только Безобразову, но и Милюкову приказано выѣхать изъ Москвы и избрать для жительства какой-нибудь изъ городовъ не университетскихъ. Чѣмъ вызвана эта мѣра, не знаю. Она, разумѣется, вызоветъ много шума. Я слышалъ раньше, что какія-то курсистки собирали подписи къ адресу Милюкову, а еще кто-то устроилъ подписку денежныхъ пожертвованій въ его пользу. Едва ли одно это было причиной высылки. Сегодня помощникъ инспектора Курочкинъ передавалъ со словъ прив.-доц. Ив. Иванова, будто вчера на вокзалѣ Рязанск. ж. д. собралась толпа студентовъ, человѣкъ въ 300, чтобы проводить Милюкова, но онъ не пріѣхалъ, и толпа разошлась.

При этомъ Ивановъ увѣрялъ, что студенты вели себя безукоризненно. Тагъ какъ самъ Ивановъ имѣеть рыльце въ пушку, то эта его прибавка требуетъ провѣрки (да и вообще все извѣстiе).

Некрасовъ написалъ проэктъ письма къ министру въ отвѣтъ на его письмо. Въ этомъ проэктѣ онъ предполагалъ изложить свои мысли относительно того, какія мѣры слѣдовало бы принять для умиротворенiя „слѣпотствующихъ“ (слово министра) студентовъ. Некрасовъ хотѣлъ рекомендовать мѣру, о которой мы говорили съ нимъ и Звѣревымъ раньше: учрежденiе студенческихъ общежитiй частью на казенный счетъ, частью на средства, доставляемыя мѣстными обществами (такимъ образомъ помощь землячествъ преобразовалась бы въ помощь всего общества извѣстной мѣстности). Въ эти общежитiя принимались бы студенты за умѣренную плату, а въкоторыя и совсѣмъ безъ платы. Во главѣ ихъ должны стоять образованные люди, уже испытанные, съ твердымъ характеромъ, на примѣръ—приватъ-доценты, читавшіе раньше лекціи, руководившіе занятiями студентовъ, а также и профессора. *)

Такимъ путемъ Некрасовъ предлагаетъ удовлетворить потребности въ матерьяльной и нравственной помощи, которой теперь надѣются удовлетворить съ помощью землячествъ. Такъ какъ осуществленiе этого проэкта зависитъ не только отъ Петербурга, но и отъ сочувствiя Ген.-Губернатора, т. е. отъ Великаго Князя Сергія Александровича, то Некрасовъ поѣхалъ къ Истомину, чтобы узнать его взгляды. Истоминъ ухватился за его проэктъ обѣими руками. Повидимому, за эти недѣли онъ успѣлъ покинуть мысль объ узаконенiи землячествъ. Онъ взялся передать проэктъ Великому Князю, который находится въ Петербургѣ. Но тутъ Некрасову пришло въ голову, что ему невозможно поднимать этого дѣла, не посвятивъ въ него попечителя, съ чѣмъ согласился и Истоминъ. Но, когда онъ изложилъ свои мысли попечителю, тотъ всполошился и сталъ уговаривать его не поднимать и рѣчи объ общежитiяхъ: „мы должны все дружно взяться за устройство узаконенныхъ землячествъ, Verein'овъ и пр.“.

Гр. Капнистъ при этомъ съ большимъ краснорѣчiемъ изложилъ ему свой планъ, предполагая привлечь къ совѣщанiю и профессоровъ. Некрасовъ высказался противъ этого плана, но уже не рѣшился писать министру о своемъ проэктѣ, такъ какъ не хотѣлъ становиться

*) Общежитiя эти Н. П. Боголѣпову удалось устроить въ бытность свою попечителемъ. П. Б. (младшій).

въ враждебное отношеніе къ попечителю. И его и меня поражаетъ поведеніе гр. Капниста. Не можетъ быть, чтобы онъ не видѣлъ опасности въ возбужденіи вопроса о землячествахъ, т.-е. чтобы онъ не предвидѣлъ крупныхъ студенческихъ беспорядковъ и профессорскихъ скандаловъ. Какую же цѣль онъ преслѣдуетъ? Это отчаянный игрокъ!

6-ю Марта 1895 г. Некрасовъ былъ у Истомина, оставилъ ему записку объ общежитіяхъ, но сказалъ, что не можетъ писать министру объ этомъ, потому что ему неловко идти прямо вразрѣзъ съ попечителемъ. Истоминъ заявилъ, что это не мѣшаетъ ему, Истомину, высказать мысль объ общежитіяхъ, какъ свой взглядъ. Онъ прибавилъ, что надѣется выхлопотать Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи комиссіи для устройства быта студентовъ.

Вчера у меня былъ Петербургскій попечитель Капустинъ. Онъ только что вернулся изъ Абасъ-Тумана, гдѣ преподавалъ Наслѣднику, Великому Князю Георгію Александровичу. Мы разговорились съ нимъ о беспорядкахъ въ Петербургѣ. По его мнѣнію, студенты ничего особеннаго не сдѣлали: „стояли у увеселительнаго заведенія Тумпакова; когда ихъ попросили уйти, они сказали, что ждуть товарищей; когда имъ предложили послать къ тѣмъ депутацію, они послали и затѣмъ ушли. Когда въ другомъ мѣстѣ полицейскій, желая отклонить ихъ отъ Невскаго, предложилъ имъ пойти по Екатерининской, они согласились. Ну, если они сломали табуретъ у дежурнаго, стоявшаго у Кабинета Его Величества, то что же за бѣда? Они, вѣрно, и не знали, кто это былъ. А вотъ фонъ-Валь виноватъ: зачѣмъ онъ выпустилъ на нихъ дворниковъ, а не полицейскихъ, которые болѣе дисциплинированы“.

Я ему на это замѣтилъ, что онъ уже очень снисходительно судить. Мы можемъ осуждать фонъ-Валя за то, что полиція въ-время не приняла мѣръ, но студенты этимъ не могутъ оправдываться. Они дѣлали не однѣ невинныя вещи, когда перебрасывали женщину съ рукъ на руки или опрокидывали ѣздоковъ съ санями въ снѣгъ, или входили въ увеселительныя заведенія, не платя денегъ.

8-ю Марта 1895 г. Сегодня дается студенческій концертъ, котораго опасалась университетская администрація. До концерта ходили слухи, что попечителю готовится публичное оскорбленіе.

Послѣдніе дни полиція подтвердила достовѣрность этихъ слуховъ. Вслѣдствіе этого ректоръ совѣтовалъ попечителю не ѣздить въ концертъ, на что тотъ легко согласился. Распорядители концерта,

по примѣру прошлаго года, сдѣлали нѣсколько разрядовъ билетовъ, кромѣ продажныхъ.

Почетные билеты были поднесены немногимъ лицамъ: Милюкову, Безобразову (т.-е. двумъ недавно уволеннымъ прив.-доцентамъ), проф. Тимирязеву (единственному изъ профессоровъ-петиціонеровъ, отказавшемуся подписать заявленіе 80-ти профессоровъ), бывшему инспектору Доброву и бывшему регенту духовнаго хора Мамонтову, который тоже былъ протестантомъ.

Оффиціальныя билеты, которые они предполагали послать университетскимъ властямъ.

Билеты безъ всякаго названія—тѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ Москвы, которымъ въ прежнее время посылались почетные билеты, напр. командующему войсками округа, коменданту, оберъ-полицеймейстеру и пр.

Инспекторъ запретилъ имъ разрядъ оффиціальныхъ билетовъ. Но, вѣроятно, нѣкоторые изъ распорядителей не успѣли еще узнать объ этомъ распоряженіи и явились къ ректору съ такими билетами. Ректоръ сказалъ имъ, что не можетъ принять билета, котораго не одобрилъ инспекторъ, потому что этимъ онъ нарушилъ бы запретъ университетской же власти; но онъ не желаетъ нарушать ихъ праздника и потому будетъ въ концертѣ, но съ покупнымъ билетомъ.

Вся эта исторія съ билетами такъ же ненормальна, какъ и все отношеніе къ студентамъ. Если бы студенческій концертъ былъ совершенно частнымъ дѣломъ, то студенты могли бы выбирать, кого хотятъ, въ почетные гости; но тогда, конечно, было безмысленно посылать билеты оффиціальныя или иные тѣмъ лицамъ, которыхъ они не желаютъ видѣть у себя. Такъ, повидимому, смотрятъ на дѣло заправила въ концертномъ дѣлѣ, и ихъ категоріи билетовъ есть уступка университетскому начальству. Но студенческіе концерты не частное дѣло. Хоръ и оркестръ студентовъ устроены при университетѣ, на нихъ отпущены казенныя деньги, они находятся въ вѣдѣніи инспектора и попечителя. Поэтому студенческій концертъ носитъ полуоффиціальнѣйшій характеръ. Попечитель, ректоръ и всѣ университетскія власти присутствуютъ тамъ оффиціально: имъ, строго говоря, никакихъ билетовъ не нужно для входа, а всѣмъ прочимъ гостямъ, которыхъ желательно пригласить, могутъ быть посланы только почетные билеты—и при-

томъ не иначе, какъ съ одобренія университетскаго начальства, ибо дѣйствія студентовъ, въ глазахъ почетныхъ лицъ Москвы, конечно, являются дѣйствіями университета.

Вчера Некрасовъ говорилъ, что полиція доставила ему еще документы, выпущенные Союзомъ землячествъ.

Между ними находятся отчеты о дѣятельности Союза за прошлые годы, начиная съ 1889 г. Тамъ обсуждается и моя дѣятельность въ качествѣ ректора. По его словамъ, эти отчеты подтверждаютъ то, что я высказывалъ въ то время въ видѣ догадки о существованіи какой-то организаціи.

Какое тяжелое, смутное время! Во всемъ такъ называемомъ образованномъ обществѣ кишитъ какой-то смутный либерализмъ, протестанство, порицаніе. Не видишь, какія границы желаютъ положить этимъ отрицательнымъ чувствамъ и желаніямъ, и потому не знаешь, чему же удовлетворять и съ чѣмъ бороться.

Вчера Звѣревъ рассказывалъ, что Милюковъ послѣ увольненія изъ приватъ-доцентовъ, но до высылки, читалъ лекцію гдѣ-то (кажется въ Историч. музеѣ). Послѣ лекціи какія-то курсистки и гимназистки сдѣлали ему овацію и проводили его съ криками на улицу. Итакъ, даже гимназистки стали участвовать въ демонстраціяхъ!

На вокзалѣ собралось человѣкъ 200 студентовъ, чтобы проводить Милюкова. Когда онъ появился, раздалась среди студентовъ команда: „Шапки долой!“ и всѣ сняли шапки, а Милюковъ проходилъ, раскланиваясь. Я думаю, въ эту минуту онъ былъ даже доволенъ своей высылкой.

Вчера же. на засѣданіи строительной комиссіи, я разговаривалъ съ университетскимъ архитекторомъ Быковскимъ, по поводу безобразій, учиненныхъ петербургскими студентами. Быковскій говоритъ: „Да, это похоже на начало 50-ыхъ годовъ“. — „Вы хотѣли сказать 60-хъ?“ спрашиваю я. — „Нѣтъ, именно пятидесятыхъ, т.-е. въ концѣ царствованія Николая: тогда, вѣдь, только и занимались студенты попойками и дебошами, а въ 50-хъ годахъ направленіе было *идейное*“. сказалъ онъ съ достоинствомъ. Ну не пошло ли это?! Какъ у такихъ отцовъ не быть дочерямъ гимназисткамъ, которыя участвуютъ въ политическихъ демонстраціяхъ, не умѣя въ то же время отличить средней исторіи отъ новой.

Я былъ сегодня очень разстроенъ. Нѣсколько дней тому назадъ я высказалъ проф. Гамбарову сомнѣнiе въ возможности пропустить магистерскую диссертацию Гусакова, прiятеля Гамбарова, и просилъ его почитать ее. Гамбаровъ при первомъ свиданiи заявилъ мнѣ, что, прочитавъ книгу, онъ пришелъ къ совершенно обратному заключенiю: ни одной диссертации столь хорошей онъ еще не читалъ за послѣднее время. Вчера онъ явился съ визитомъ къ Доробцу, просидѣлъ у него долго и мало-по-малу выразилъ ему слѣдующее: онъ-де не понимаетъ, какъ Боголѣповъ не цѣнитъ книги Гусакова; онъ объясняетъ это только тѣмъ, что Боголѣповъ совсѣмъ пренебрегаетъ литературой, а только занимается источниками; онъ потребуеъ, чтобы Боголѣповъ высказался рѣшительно о допущенiи диссертации теперь же, не откладывая до осени (хотя диссертациа еще не кончена печатанiемъ); если онъ откажется, любой университетъ охотно пропуститъ ее. Но онъ, Гамбаровъ, въ свою очередь, сочтетъ своимъ долгомъ очень внимательно прочесть диссертацию Хвостова (моего ученика) и тоже на экзаменѣ Собинина (тоже моего ученика) не допуститъ поблажекъ и постороннихъ соображенiй. Другими словами, Гамбаровъ желалъ дать мнѣ понять, что если я не пропущу диссертации его прiятеля, то онъ прижметъ моихъ учениковъ.

Статьи о Н. П. Боголѣповѣ печатались въ „Русскомъ Архивѣ“ 1906-го года. Настоящiя воспоминанiя, доставленныя намъ Екатериной Александровной Боголѣповой, за что приносимъ ей сердечную благодарность, печатаются съ пропусками обозначенными точками. Въ бытность свою министромъ народнаго просвѣщенiя, Н. П. Боголѣповъ не успѣлъ провести намѣченныхъ имъ преобразованiй и палъ мученической жертвой долгу службы и своихъ убѣжденiй, 2-го марта 1901 года, скорбя о плачевномъ состоянiи средней школы, недостатки коей онъ намѣревался исправить. П. Б. (младшiй).

**Копія съ петиціи 42-хъ профессоровъ, поданной Великому Князю
въ Декабръ 1894 г.**

Ваше Императорское Высочество!

Профессора Московскаго Университета признають своимъ долгомъ, какъ наставники учащейся молодежи, являться ходатаями за нее и ея заступниками въ трудныя минуты ея жизни. Такое ходатайство они считаютъ особенно необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда студенты подвергаются карѣ, превышающей ихъ вину. 3 Декабря полиція арестовала и затѣмъ выслала изъ Москвы на 3 года болѣе 40 человекъ, изъ которыхъ большинство завѣдомо пострадало лишь за принадлежность къ землячней организаціи, т.-е. за нарушеніе § 16 правилъ, запрещающаго „принимать участіе въ тайныхъ обществахъ и кружкахъ, хотя бы и не имѣющихъ преступной цѣли“. Такая кара, которая на практикѣ въ большинствѣ случаевъ влечетъ за собою невозможность окончить университетскій курсъ, является несвоевременной и несоразмѣрно-тяжелой потому, во 1-хъ, что настроеніе огромнаго большинства студентовъ, не оставляя желать ничего лучшаго, не вызвало необходимости такой мѣры; во 2-хъ, что многіе изъ высланныхъ, какъ достовѣрно извѣстно, не только не желали безпорядковъ, но всѣми силами старались успокоить волненіе между студентами, вызванное приговоромъ правленія отъ 1-го Декабря; въ 3-хъ, что въ числѣ пострадавшихъ находится не мало студентовъ, подававшихъ большія надежды своими успѣшными занятіями и настолько лично извѣстныхъ профессорамъ, что они могли бы за нихъ поручиться; въ 4-хъ, что вся вина высланныхъ студентовъ заслуживала снисхожденія, такъ какъ студенческія общества существовали въ послѣдніе годы съ вѣдома университетскихъ и полицейскихъ властей, и принадлежавшіе къ землячествамъ студенты могли считать эти общества негласно разрѣшенными; наконецъ, потому, что проступокъ, въ которомъ обвинялось большинство

высланныхъ студентовъ, подлежалъ университетскому суду, а не полицейской карѣ.

Въ силу этого мы рѣшаемся ходатайствовать передъ Высочайшей властью о возвращеніи въ Московскій Университетъ всѣхъ высланныхъ изъ Москвы студентовъ, которые не обвиняются въ какихъ-либо политическихъ преступленіяхъ, и просить Ваше Императорское Высочество дать такое направленіе нашему ходатайству, какое Ваше Высочество признаете наиболѣе удобнымъ для достиженія вышеозначенной цѣли.

Въ то же время мы, какъ члены Императорскаго Университета, проникнутые сознаниемъ долга передъ правительствомъ и нашей нравственной отвѣтственности за студентовъ, считаемъ необходимымъ указать на главнѣйшія причины, нарушающія, по нашему мнѣнію, правильное теченіе университетской жизни. Мы далеги отъ того, чтобы не признавать необходимости предупредительныхъ мѣръ въ интересахъ охраненія государственнаго порядка, но самая серьезность этихъ интересовъ требуетъ того, чтобы не допускалось смѣшеніе между государственнымъ преступленіемъ и провинностями, предусматриваемыми правилами для студентовъ. Такое смѣшеніе влечетъ за собой цѣлый рядъ самыхъ плачевныхъ послѣдствій, подрывающихъ въ молодыхъ умахъ вѣру въ справедливость власти и оставляющихъ на всю жизнь горькое чувство разочарованія и озлобленія. Съ одной стороны, оно извращаетъ усердіе агентовъ полицейской власти, побуждая ихъ безъ должной осмотрительности привлекать къ тяжелой отвѣтственности почти неповинныхъ людей и обращаться съ ними, какъ съ уличенными преступниками; оно ведетъ къ несоразмѣрности наказанія и къ удвоенію кары за одинъ и тотъ же проступокъ, когда, на примѣръ, студентъ, уволенный правленіемъ, высылается полиціей изъ Москвы. Съ другой стороны, оно вызываетъ волненіе и раздраженіе среди студентовъ, которые приписываютъ тайные массовые аресты университетскому начальству. Такъ и въ настоящемъ случаѣ аресты 3-го и 4-го Декабря были приняты студентами, какъ послѣдствія мѣръ университетскихъ властей для прекращенія возникшихъ 2-го Декабря волненій, и едва не привели къ серьезнымъ беспорядкамъ.

Наконецъ, такія высылки, при которыхъ Университету сообщается только списокъ пострадавшихъ безъ обозначенія мотивовъ наказанія, составляютъ противорѣчіе 125 статьѣ Университетскаго Устава, которая требуетъ, чтобы о всякомъ преступленіи или проступкѣ, совер-

шенномъ студентомъ внѣ Университета, полиція немедленно давала знать университетскому начальству. Соблюденіе этой ст. существенно важно прежде всего потому, что Университетъ есть учебно-воспитательное учрежденіе, и учащіеся въ немъ должны подлежать педагогическому воздѣйствію своихъ наставниковъ; а затѣмъ и ради того, чтобы Университетъ былъ гарантированъ отъ произвола и ошибокъ полицейскихъ агентовъ, и чтобы проступки, предусмотрѣнные университетскими правилами, не карались наравнѣ съ государственными преступлениями и не навлекали такимъ образомъ на лучшихъ иногда юношей гражданскую смерть.

Аресты и высылки, произведенные полиціей, являются главнымъ образомъ слѣдствіемъ волненія, обнаружившагося 2-го Декабря въ нѣкоторой части студенчества подъ впечатлѣніемъ состоявшагося 1-го Декабря приговора правленія. Не признавая себя въ правѣ входить въ разсмотрѣніе этого приговора, постановленнаго согласно правиламъ для студентовъ Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ, профессора считаютъ необходимымъ указать на не вполнѣ цѣлесообразную постановку вопроса объ университетскомъ судѣ вообще. Судъ надъ студентами предоставленъ „Инспектору, Ректору и Правленію“. Послѣднее судить подъ предсѣдательствомъ Ректора и съ участіемъ Инспектора. Самое предсѣдательство можетъ принять на себя и Попечитель. Такимъ образомъ судъ надъ студентами производится административнымъ органомъ, отвѣчающимъ за спокойствіе въ Университетѣ, и съ участіемъ лицъ, которыя могли имѣть непосредственное предъ этимъ столкновеніе съ отдѣльными студентами или группами ихъ. При такихъ условіяхъ нельзя ожидать неизмѣннаго хладнокровія со стороны судей, а со стороны студентовъ—полнаго довѣрія къ непристрастію суда и безпрекословнаго подчиненія его авторитету.

Судъ вездѣ выдѣленъ изъ сферы административныхъ властей, лишь въ Университетахъ это не имѣетъ мѣста, а между тѣмъ Правленію предоставляется налагать такія кары, которыя на практикѣ равняются лишенію правъ состоянія, такъ какъ онѣ сопровождаются и усугубляются административной высылкой въ неуниверситетскіе города и даже въ такіе, гдѣ высланное лицо не можетъ найти средствъ къ содержанію. Положеніе дѣла отягощается тѣмъ, что Правленіе руководится § 30. правилъ, допускающихъ случайность и произволь. Во всѣхъ уставахъ о наказаніяхъ за всякій проступокъ опредѣленъ соотвѣтствующій минимумъ или максимумъ наказанія; въ правилахъ же университетскихъ легкіе проступки не отдѣлены отъ болѣе тяжелыхъ,

и студентъ, виновный, напр., въ томъ, что онъ присоединился къ кучкѣ товарищей, чтобы послушать, что тамъ говорятъ, не можетъ предвидѣть, отдѣлается ли онъ выговоромъ, или навсегда утратитъ возможность окончить свое образование и сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ.

Кромѣ того, университетскій судъ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ судебныхъ мѣстъ, дѣйствуетъ безапелляціонно. Правда, по Уставу, приговоръ правленія утверждаетъ попечитель, но это утвержденіе не есть пересмотръ приговора; оно можетъ произойти немедленно, а заключающаяся въ немъ гарантія на практикѣ совершенно устраняется въ тѣхъ случаяхъ, когда попечитель принимаетъ на себя предсѣдательство въ правленіи. Профессора Университета лишены всякой возможности устранить вышеуказанные недостатки. По § 30 Университетскаго Устава Совѣту Университета предоставлено лишь обсужденіе проэктвъ о взысканіяхъ за нарушеніе студентами своихъ обязанностей, а не пересмотръ или дополненіе правилъ. Профессора лишены даже возможности ходатайствовать передъ министромъ объ этомъ, такъ какъ имъ непредоставлено право требовать созванія Совѣта или вносить въ очередныя засѣданія Совѣта, которыя бывають 2—3 раза въ годъ, какіе бы то ни были вопросы безъ разрѣшенія предсѣдателя, отъ нихъ исполнѣ независимаго.

Такимъ образомъ профессора, хотя они и несутъ передъ правительствомъ и въ глазахъ студентовъ нравственную отвѣтственность за все, что творится въ Университетѣ, лишены права ходатайствовать черезъ Совѣтъ передъ правительствомъ объ нуждахъ студенчества и Университета вообще.

Въ виду такого положенія профессоровъ, мы принуждены частнымъ образомъ довести до свѣдѣнія правительства объ этихъ нуждахъ и потому всепокорнѣйше просимъ Ваше Императорское Высочество обратить милостивое вниманіе на наше передъ В. И. Высочествомъ ходатайство.

Профессора Императорскаго Московскаго Университета: слѣдуютъ
42 подписи.

Краткія замѣчанія Попечителя Московскаго Учебнаго Округа графа Капниста на ходатайство 42 профессоръ Московскаго Университета, обращенное къ Его Императорскому Высочеству Московскому Генераль-Губернатору.

Разсмотрѣвъ ходатайство 42 профессоръ Московскаго Университета о возвращеніи въ Москву студентовъ, высланныхъ административнымъ порядкомъ изъ Москвы 3-го Декабря 1894 года, я нахожу слѣдующее:

1) Сущность ходатайства профессоръ касается смягченія участи удаленныхъ изъ Москвы студентовъ и возвращенія ихъ въ Московскій Университетъ.

Ходатайство это, если бы оно заключало въ себѣ одну лишь просьбу *повпрки основній, на которыхъ послѣдовала высылка*, т.-е. съ тѣмъ, чтобъ участь высланныхъ лицъ была затѣмъ рѣшена на основаніи данныхъ, какія обнаружатся при повѣркѣ, не могло бы не возбудить полнаго сочувствія, тѣмъ болѣе, что оно совпадаетъ съ мыслию, уже ранѣе намѣченною Его Императорскимъ Высочествомъ Московскимъ Генераль-Губернаторомъ. Но, къ сожалѣнію, ходатайство формулировано совершенно иначе и заключается въ просьбѣ объ огульномъ возвращеніи въ Московскій Университетъ всѣхъ высланныхъ студентовъ, если только они не обвиняются въ политическихъ преступленіяхъ, между тѣмъ какъ до разслѣдованія нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, чтобы въ числѣ высланныхъ лицъ не было такихъ, которыя по другимъ причинамъ, хотя бы не чисто политическимъ, не могутъ быть возвращены въ Москву, но могли бы быть допущены въ другіе Университеты.

Затѣмъ мотивировка ходатайства заключаетъ въ себѣ рядъ недомолвокъ и неточностей, которыя могутъ ввести студентовъ въ заблуж-

деніе относительно истиннаго характера заступничества за нихъ профессоръ и оказать положительно вредное вліяніе.

а) Въ ходатайствѣ г.г. профессоровъ говорится объ участіи студентовъ въ тайной организаціи землячествъ, какъ о сравнительно ничтожномъ дисциплинарномъ проступкѣ, могущемъ влечь за собою взысканіе, не нарушающее хода образованія студентовъ. Между тѣмъ, по существующимъ правиламъ, каждый студентъ даетъ подписку въ томъ, что онъ не будетъ участвовать ни въ какихъ тайныхъ сообществахъ, и расписывается въ томъ, что ему объявлено, „что за нарушение этой подписки онъ подлежитъ увольненію изъ Университета“. Такимъ образомъ г.г. профессора даютъ своему ходатайству такой оборотъ, который умаляетъ въ глазахъ студентовъ нарушение правилъ въ силу коего имъ воспрещено вступать въ тайныя сообщества.

б) Если снисходительное толкованіе могло бы еще имѣть мѣсто относительно „землячествъ“ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. отдѣльныхъ кружковъ людей, естественно другъ съ другомъ связанныхъ и имѣющихъ своею цѣлью только поддерживать эту чисто товарищескую связь, то оно совершенно неумѣстно относительно возникшей гораздо позднѣе землячества общей центральной организаціи „студенчества“, принявшей наименованіе „союзнаго совѣта землячествъ“. Этотъ совѣтъ осуществляетъ собою попытку создать студенческую организацію, выходящую далеко за предѣлы товарищескаго кружка, власть имѣющую, издающую повелѣнія студентамъ и производящую давленіе на профессоровъ и университетскую администрацію; однимъ словомъ, „союзный совѣтъ“ является учрежденіемъ, главенствующимъ надъ студентами, и съ которымъ долженъ, по мнѣнію совѣта, считаться весь Университетъ.—Различіе между скромнымъ землячествомъ и подобною, претендующею на власть, организаціею такъ очевидно, что распространяться о немъ нѣтъ надобности.—Полагаю, что профессорамъ эта разница столь же очевидна, какъ и другимъ, и существованіе совѣта, неоднократно рассылавшаго въ послѣднее время свои подпольные листки, имъ безъ сомнѣнія извѣстно.

Между тѣмъ г.г. профессора всюду умалчиваютъ о „союзномъ совѣтѣ“, во вредъ коего они едва ли сомнѣваются, и говорятъ только о „земляческой организаціи“, подъ каковымъ наименованіемъ можно предполагать и безвредныя землячества, и безусловно вредную и анти-академическую организацію „союзнаго совѣта“.—Если же при разслѣдованіи окажется, что часть высланныхъ студентовъ принадлежала къ

этой послѣдней организаціи, то адепты ея не замедлятъ убѣдить все студенчество въ томъ, что профессора просили именно за членовъ этой организаціи и симпатизируютъ ей.—Такимъ образомъ недомолвка г.г. профессоровъ, не рѣшившихся упомянуть о союзномъ совѣтѣ и высказать свой взглядъ на него, можетъ повліять на усиленіе этой вредной организаціи.

в) Упомянутіе о томъ, что студенческія общества—опять безъ различенія простыхъ землячествъ и союза—будто бы существовали послѣдніе годы съ вѣдома университетскихъ властей (о полицейскихъ властяхъ я не говорю, такъ какъ онѣ ко мнѣ не относятся), почему студенты могли считать ихъ дозволенными, является непозволительною инсинуаціею, могущею опять-таки укрѣпить въ студентахъ мысль о законности ихъ незаконныхъ дѣйствій. Утверждать, что учебное начальство завѣдомо допускало существованіе союза—на томъ основаніи, что оно видѣло его проявленія, но не нашло средствъ обнаружить это тайное сообщество, столь же несообразно, какъ предположеніе, напр., о томъ, что правительство терпѣло и допускало „ржондъ“—на томъ только основаніи, что долгое время оно не могло доискаться до его организаціи.

2) Та часть записки, которая касается измѣненія университетскаго суда, останавливаетъ на себѣ особое вниманіе: г.г. профессора желаютъ полного отдѣленія судебной дисциплинарной власти отъ администраціи и устраненія отъ этой власти тѣхъ лицъ (ректора, инспектора и попечителя), которыя отвѣтствуютъ, какъ признаютъ сами г.г. профессора, за порядокъ въ Университетѣ, при чемъ г.г. профессора примѣняютъ въ данномъ случаѣ къ Университету правила общаго судоустройства, забывая, что Университетъ есть учебное заведеніе, и едва ли можно указать на высшее учебное заведеніе, въ которомъ бы административное начальство было лишено судебной дисциплинарной власти.

3) Наконецъ, ссылка на § 30 Правилъ и указаніе, что въ Университетѣ не существуетъ особаго устава о наказаніяхъ, не можетъ не поразить всякаго, кто сколько-нибудь знакомъ съ дѣломъ. Подобнаго устава никогда, нигдѣ не существовало, и я полагаю, что многіе изъ г.г. профессоровъ, подписавшихъ ходатайство и служившихъ при уставѣ 1863 г., отлично знаютъ, что и въ прежнихъ правилахъ существовали статьи, соотвѣтствующія нынѣшнему § 30, въ силу коихъ налагалась большая часть взысканій, перечисленныхъ въ § 30, и что градація, о которой нынѣ говорится, обозначалась лишь въ весьма общихъ

чертахъ, такъ какъ школьная и академическая жизнь не поддается подобной регламентаціи.

Въ виду сего я полагалъ бы, что если и благоугодно было бы удовлетворить желаніе г.г. профессоровъ въ предѣлахъ, уже намѣченныхъ ранѣ Его Императорскимъ Высочествомъ Московскимъ Генераль-Губернаторомъ, т.-е. повѣркою основаній высылки студентовъ, то желательно было бы остальные части ходатайства оставить безъ всякихъ послѣдствій, указавъ при томъ и на тотъ вредъ, который можетъ быть принесенъ вышеуказанными недомолвками и неточностями.

Заявленіе 9-ти профессоровъ попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Мы считаемъ своимъ долгомъ заявить Вашему Сіятельству рѣшительный протестъ противъ тѣхъ обвиненій, которыя содержатся въ „замѣчаніяхъ“ на нашу петицію, представленныхъ Вами Его Императорскому Высочеству Г. Московскому Генералъ-Губернатору и затѣмъ, въ распространенномъ видѣ, Его Сіятельству Г. Министру Нар. Просв. Къ этому заявленію побуждаетъ насъ сознаніе чистоты нашихъ намѣреній при заступничествѣ за студентовъ, подвергшихся административной высылкѣ, нежелательность которой, безъ вѣдома Вашего Сіятельства, Вы сами неоднократно признавали въ бесѣдахъ съ отдѣльными профессорами, указывая при этомъ, во время самаго составленія петиціи и даже по поводу ея, на нѣкоторыхъ студентовъ, пострадавшихъ, какъ Вы сами предполагали, безвинно. Упоминая о землячествахъ, мы точно такъ же и отчасти на томъ же основаніи отнюдь не подозрѣвали въ своихъ словахъ какой-либо, какъ Вашему Сіятельству угодно было выразиться, „инсинуаціи“, т. е., какъ мы понимаемъ этотъ терминъ, косвеннаго доноса. Особенно трудно намъ было предугадать, что Ваше Сіятельство примете это мѣсто петиціи на свой счетъ, такъ какъ въ немъ рѣчь идетъ объ университетскихъ властяхъ, а Попечитель Учебнаго Округа едва ли подходитъ подъ это выраженіе. Во всякомъ случаѣ самое сильное обвиненіе, какое только возможно взвести на насъ по этому поводу, заключалось бы въ томъ, что мы заговорили о землячествахъ, не ознакомившись предварительно съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Въ отвѣтъ на такое обвиненіе намъ оставалось бы лишь покаяться въ неосторожномъ отношеніи къ этой щекотливой сторонѣ университетской жизни, каковое теперь, послѣ разъясненій въ „замѣчаніяхъ“ Вашего Сіятельства, сопоставленныхъ нами съ исторіей нашего университета за послѣднія 7 лѣтъ, мы сами начинаемъ сознавать. Дѣйствительно, мы судимъ о событіяхъ только по ихъ внѣшности, которая и ввела насъ въ заблужденіе

точно такъ же, какъ и многихъ студентовъ. Между прочимъ, о такъ наз. Совѣтъ землячествъ мы впервые получили нѣкоторыя свѣдѣнія изъ различныхъ частныхъ источниковъ около времени составления петиціи, но ни тогда, ни послѣ сообщенія намъ документовъ, по объясненію г. Ректора изданныхъ этимъ таинственнымъ лжеправленіемъ Университета, мы не могли отдать себѣ яснаго отчета въ его дѣятельности, равно какъ и провести рѣзкія границы между нимъ и землячествами, которыя къ тому же, какъ мы узнали изъ „замѣчаній“ Вашего Сіятельства, не всѣ одинаковы, а раздѣляются на организованныя и не организованныя. Къ такимъ колебаніямъ въ различеніи этихъ подробностей самодѣльной организаціи студенчества привели насъ прежде всего тѣ свѣдѣнія, которыя, въ виду внезапно возникшихъ толковъ о Союзномъ Совѣтѣ, мы успѣшили собрать,—тѣ свѣдѣнія, по которымъ оказывалось, что этотъ Совѣтъ состоитъ изъ представителей тѣхъ же землячествъ (вѣроятно, организованныхъ). Потому-то въ записку, поданную г. Ректору 34 профессорами изъ подписавшихъ петицію, и вкралось неосмотрительное выраженіе о студенческихъ сообществахъ, котораго мы, конечно, не допустили бы, если бы могли предвидѣть, что оно изъ частнаго письма попадетъ въ бумагу, предназначенную для подачи представителямъ высшей власти.

Мы воздерживаемся отъ возраженія на отдѣльные обвинительные пункты и на аргументацію въ „замѣчаніяхъ“ Вашего Сіятельства, считая обстоятельный разборъ этого документа излишнимъ при обращеніи къ Вамъ, нашему ближайшему начальнику, которому фактическая часть дѣла извѣстна, безъ сомнѣнія, лучше, нежели намъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ административной политики. Впрочемъ, если бы Ваше Сіятельство пожелали познакомиться съ тѣми доводами, которыми мы могли бы воспользоваться для освобожденія нашей чело-вѣческой и служебной чести отъ незаслуженныхъ нареканій, составляющихъ содержаніе вышеупомянутаго документа, намъ было бы не трудно удовлетворить такое желаніе Вашего Сіятельства.

При семъ мы, естественно, позволяемъ себѣ надѣяться, что Ваше Сіятельство соблаговолите довести это почтительнѣйшее объясненіе наше до свѣдѣнія тѣхъ властей, коимъ о томъ вѣдать надлежитъ, тѣмъ путемъ и въ томъ видѣ, какіе Вы признаете наиболѣе цѣлесообразными и соотвѣтствующими пользѣ Университета.

Отчетъ судебной комиссіи за 1893/94 г.

Въ прошедшемъ 1893—94 году, какъ и въ первомъ году своего существованія, судебная комиссія должна была начать свою дѣятельность безъ всякаго устава, такъ какъ нельзя считать за таковой нѣсколько неясныхъ и неполныхъ §§ дѣйствующаго устава союзнаго совѣта, въ которыхъ говорится о судебной комиссіи. Между тѣмъ потребность въ болѣе точномъ опредѣленіи отношеній судебной комиссіи къ союзному совѣту и къ отдѣльнымъ коллективнымъ единицамъ союза чувствуется весьма сильно, и еще въ первый годъ дѣятельности судебной комиссіи вопросъ объ уставѣ ея былъ поставленъ на очередь. Поэтому судебная комиссія, въ засѣданіи 17 Октября 1893 г., избрала изъ своей среды комиссію для выработки проекта устава, который и былъ оконченъ къ 17 Ноября; но затѣмъ, имѣя въ виду, что, въ случаѣ принятія этого проекта союзомъ, соответствующіе §§ устава союзнаго совѣта должны быть вычеркнуты или совершенно измѣнены, и желая избѣжать столкновеній по этому поводу съ союзнымъ совѣтомъ, а также и для удостовѣренія давно назрѣвшей потребности въ измѣненіи всего устава союза, судебная комиссія предложила союзному совѣту избрать смѣшанную комиссію изъ членовъ обоихъ органовъ союза для выработки проекта новаго устава союза, куда бы вошли уставы союзнаго совѣта и судебной комиссіи. 26 Ноября было получено согласіе союзнаго совѣта на это предложеніе, и были выбраны пять (5) членовъ въ смѣшанную комиссію. Дѣло въ этой комиссіи затормозилось благодаря рождественскимъ праздникамъ, но тѣмъ не менѣе въ Февралѣ мѣсяцѣ 1894 года проектъ устава союза, гдѣ (если не считать нѣкоторыхъ частныхъ, которыми пришлось поступиться) были проведены важнѣйшія основанія рациональной постановки суда союза, былъ законченъ и поступилъ въ союзный совѣтъ. Какая судьба постигла тамъ этотъ проектъ — судебной комиссіи остается неизвѣстнымъ, но во всякомъ случаѣ онъ не былъ

представленъ въ прошедшемъ году совѣтомъ союзу для обсуждения и утверженія. Такимъ образомъ, судебная комиссія и въ третій годъ своего существованія вступаетъ безъ устава, но отвѣтственность за это ни въ какомъ случаѣ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, на судебную комиссію пасть не можетъ. Между тѣмъ, благодаря отсутствію устава, члены союза очень мало знакомы съ задачами, организацией и принципами дѣятельности судебной комиссіи. Въ виду этого *) судебная комиссія считаетъ своимъ долгомъ дать въ годичномъ отчетѣ свои заключенія какъ о настоящемъ положеніи этихъ вопросовъ, такъ и о возможныхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ. Задачи суда союза, естественно, опредѣляются задачами всего союза: но на практикѣ, благодаря неопредѣленности послѣднихъ, и первыя являются совершенно неустановившимися. По опредѣленію прошлогодняго собора, цѣлью союза должна быть выработка изъ студентовъ будущихъ общественныхъ дѣятелей. Соотвѣтственно этому, и дѣятельность суда должна развиваться въ смыслѣ усиленія контроля надъ доступными его воздѣйствію лицами и явленіями, имѣющими характеръ нежелательный и вредный для такого общественнаго самовоспитанія студенчества. Задачи суда союза не могутъ быть ограничены необходимой самообороной противъ шпионовъ и воіюющихъ университетскихъ безпорядковъ; главное вниманіе его должно быть устремлено на массу студенчества и членовъ союза, среди которыхъ судъ союза обязанъ по возможности предупреждать и искоренять всякаго рода безнравственныя явленія, особенно свидѣтельствующія о дурномъ отношеніи студентовъ къ лежащимъ на нихъ обязанностямъ, такъ сказать, общественно-студенческаго характера. Разумѣется, авторитетъ суда союза долженъ быть преимущественно нравственнымъ, какъ авторитетъ товарищескаго суда совѣсти. Но въ случаяхъ, когда приходится имѣть дѣло съ людьми, утратившими способность прислушиваться къ голосу своей совѣсти и къ общественному мнѣнію, судъ союза вынужденъ прибѣгнуть къ находящимся во власти союза репрессивнымъ мѣрамъ для обузданія или удаленія такихъ лицъ изъ университетской среды. Формальныхъ ограниченій дѣлъ суда союза какимъ-нибудь опредѣленнымъ кругомъ лицъ или преступленій, какъ показалъ опытъ судебной комиссіи (дѣла проф. Кузьмина и Янжула или дѣла уголовныя—изнасилованіе и т. п.), безъ существеннаго ущерба для интересовъ студенчества и союза невозможно установить: поэтому судъ союза долженъ имѣть право во всѣхъ случаяхъ самому рѣшать, подлежитъ ли данное дѣло его компе-

*) А также и потому, что въ послѣднее время появился проэктъ Нижегородскаго землячества, стремящійся кореннымъ образомъ измѣнить организацию судебной комиссіи.

тенціи. Это цѣли и задачи суда союза, естественно, по существу одинаковы съ цѣлями и задачами правильно поставленнаго союзнаго совѣта, но, тѣмъ не менѣе, сфера дѣйствій этихъ двухъ органовъ союза совершенно различна: судъ союза вѣдаетъ дѣла исключительно судебного характера, а совѣтъ—административнаго, и всякое вмѣшательство одного изъ нихъ въ дѣла другого является ненормальнымъ и, какъ показалъ опытъ, крайне вреднымъ для успѣха общаго дѣла. Поэтому краеугольнымъ камнемъ организаціи суда союза, какъ и всякаго суда, должна быть его полная независимость и самостоятельность. Определеніе наказанія есть одна изъ самыхъ существенныхъ функцій всякаго суда и никакъ не можетъ быть предоставлено постороннимъ суду учрежденіямъ, да еще административнымъ. Нечего и говорить, что постановленіе союзнымъ совѣтомъ приговоровъ по рѣшеніямъ суда является совершенной нелѣпостью, такъ какъ союзный совѣтъ ничего не можетъ знать о дѣлѣ, кромѣ главнаго рѣшенія суда, и не присутствуетъ при его разбирательствѣ. Постановленіе приговоровъ административнымъ учрежденіемъ, незнакомымъ съ обстоятельствами дѣла и подсудимыми, лишаетъ послѣднихъ всякихъ гарантій внимательнаго и осторожнаго отношенія къ ихъ личностямъ и отдаетъ ихъ на безконтрольный произволъ союзнаго совѣта, такъ какъ утвержденіе его приговоровъ союзомъ, еще менѣе могущимъ знать о дѣлѣ и подсудимыхъ, совершенно невысказано и обратилось бы въ пустую формальность, безконечно затягивающую окончаніе дѣла. Такое положеніе было бы фактическимъ уничтоженіемъ суда союза. Внутренняя организація судебной комиссіи и во второй годъ ея существованія осталась въ общихъ чертахъ неизмѣнной. Возможныя частныя улучшения и дополненія проведены почти всѣ въ разработанномъ смѣшанной комиссіей проектѣ устава союза, а нѣкоторыя, можетъ быть, выяснятся при обсужденіи этого проекта, почему судебная комиссія считаетъ излишнимъ на нихъ останавливаться и укажетъ только на принципы этой организаціи. Самыми существенными отличіями суда союза отъ общественно-государственныхъ судовъ, обусловленными нелегальнымъ положеніемъ суда и союза, являются отсутствіе гласности судопроизводства, правильнаго состязательнаго процесса и особаго слѣдственнаго института. Первое изъ этихъ обстоятельствъ при настоящемъ положеніи не можетъ быть устранено, какъ въ виду необходимости сохранять тайну во избѣжаніе разгрома суда союза, такъ и благодаря невозможности имѣть помѣщеніе соответствующихъ размѣровъ для публики, хотя бы изъ однихъ членовъ землячествъ. Гласность же условная, съ допущеніемъ земляковъ по выбору союзнаго совѣта или другаго учрежденія, явилась бы только насмѣшкой надъ

гласностью какъ по своимъ микроскопическимъ размѣрамъ, такъ и по тому, что она была бы обусловлена кумовствомъ, обратившись въ привилегію немногихъ избранниковъ. Лучшей возможной замѣной гласности судопроизводства является то, что судъ союза есть товарищескій судъ совѣсти, состоящій изъ выборныхъ представителей, а не профессиональныхъ судей, а также и усиленіе вниманія къ нему и контроля общественнаго мнѣнія союза, насколько возможно судить о судѣ по результатамъ его дѣятельности. Болѣе важнымъ тормозомъ служить отсутствіе правильнаго состязательнаго процесса, еще труднѣе осуществимаго, такъ какъ почти всѣ дѣла, разбираемая судебной комиссіей, были до сихъ поръ таковы, что невозможно было допустить присутствіе на судѣ обвиняемыхъ и большинства свидѣтелей. Разумѣется, если бы встрѣтилось дѣло, гдѣ это по условіямъ мѣста, качествамъ и положенію участниковъ оказалось возможнымъ, судебная комиссія не преминула прибѣгнуть къ этому. При отсутствіи главнѣйшихъ элементовъ правильнаго состязательнаго процесса было бы лишней формальностью назначать официальныхъ защитниковъ и прокуроровъ. Тѣмъ болѣе, что въ большей части дѣлъ, разбиравшихся въ судебной комиссіи, роли эти фактически брались на себя членами слѣдственныхъ комиссій или другими членами судебной комиссіи, ближе знающими данное дѣло и, такимъ образомъ, истина являлась въ результатѣ столкновений мнѣній, подчасъ весьма различныхъ. Что касается до раздѣленія суда союза на двѣ части, слѣдователей и присяжныхъ, то такое раздѣленіе при теперешнихъ условіяхъ совершенно невысказимо. Во-первыхъ, чисто внѣшнія обстоятельства далеко неблагоприятны для устройства учрежденія (полицейскія условія, помѣщенія, недостатокъ въ людяхъ, сказывающійся во многихъ учрежденныхъ землячествахъ, которыя далеко не всегда могутъ посылать годныхъ лицъ и въ два теперешнихъ учрежденія и т. п.). Затѣмъ, правильная постановка слѣдственнаго института требуетъ широкой гласности, а не келейно-инквизиторскаго слѣдствія. Очевидно, что гласность слѣдствія для насъ недоступна и потому мы должны рѣшиться по возможности парализовать инквизиторскій характеръ слѣдствія другими средствами. Единственно для насъ доступными средствами являются возможно широкій контроль надъ дѣйствіями слѣдователей со стороны судей и отсутствіе профессиональнаго характера обязанностей слѣдователя, что и обеспечивается при теперешней постановкѣ дѣла, когда слѣдователи выбираются особо по каждому дѣлу и участвуютъ во всѣхъ дѣлахъ судебной комиссіи. При выдѣленіи же слѣдователей въ особое учрежденіе контроль надъ ними исчезнетъ, и они превратятся въ профессиональныхъ инквизиторовъ, имѣющихъ массу шансовъ—въ увлеченіи сыскомъ

опуститься до постыдной и вредной роли сыщиковъ, всѣ стремленія которыхъ сводятся къ изловленію и къ пойманію; кромѣ того, такое выдѣленіе будетъ въ высшей степени вредно и для интересовъ самаго судопроизводства. Въ настоящее время судьи при разбирательствѣ имѣютъ дѣло съ показаніями и живыми впечатлѣніями всей слѣдственной комиссіи, члены которой взаимно контролируютъ на судѣ другъ друга, бывая часто совершенно разныхъ взглядовъ. Такимъ образомъ судьи соприкасаются съ обстоятельствами дѣла и участниками его при посредствѣ нѣсколькихъ, такъ сказать, отраженій дѣла, а при назначеніи одного докладчика они будутъ находиться въ зависимости отъ его личныхъ впечатлѣній и взглядовъ, необходимо окрашивающихъ докладъ. Ограничиться же констатированіемъ на судѣ голыхъ фактовъ, изложенныхъ письменно, невозможно, такъ какъ судъ нашъ не есть формальный судъ николаевскихъ временъ, а судъ совѣсти и внутренняго убѣжденія, обязанный считаться съ нравственной личностью подсудимаго и всѣми мотивами и обстоятельствами преступленія. Знакомство по возможности со всѣми „мелочами“, возможными предположеніями и недоразумѣніями есть необходимое условіе такого суда. Присяжные знакомятся на судебномъ слѣдствіи со всѣми мелочами и подробностями дѣла, а во время преній сторонъ со всевозможными теоріями, догадками, предположеніями и личными впечатлѣніями прокурора и защитника,—не обращаются, однако, въ судей-прокуроровъ или адвокатовъ. Почему же наши судьи станутъ судьями-слѣдователями? Оглашеніе данныхъ предварительнаго слѣдствія на судѣ не допускается, ибо тамъ есть судебное слѣдствіе: у насъ же, въ силу роковой необходимости, нѣтъ никакихъ данныхъ, кромѣ слѣдственныхъ. Намъ ничего не остается, какъ стремиться къ улучшенію слѣдствія введеніемъ въ него, въ возможныхъ случаяхъ, устно-состязательнаго процесса. Можетъ быть предложенъ еще одинъ исходъ—лишить слѣдователей по данному дѣлу права голоса при постановленіи приговора. Но это является при настоящихъ условіяхъ совершенно необоснованнымъ, такъ какъ, во первыхъ, слѣдователи составляютъ всегда лишь ничтожную часть всей комиссіи (2, 3, рѣже 4—5 человекъ при собраніи въ 20—30 ч.); во-вторыхъ, они ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ судей, такъ какъ, благодаря отсутствію профессиональности, у нихъ нѣтъ специальныхъ причинъ быть пристрастными въ дѣлѣ. Слѣдственные комиссіи, какъ бы онѣ ни были организованы, ни въ какомъ случаѣ не могутъ сами прекращать или не принимать дѣла, такъ какъ у насъ нѣтъ никакого кодекса преступленій, съ которыми бы онѣ могли сообразоваться; поэтому опредѣленіе того, что предосудительно для лицъ, которыхъ касается судъ союза,

заключаетъ въ себѣ элементы осужденій; рѣшенія необходимо принадлежаша самому суду. Менѣ существеннымъ, чѣмъ вышеуказанныя неудобства, является невозможность апелляціи на рѣшеніе суда союза, такъ какъ судъ этотъ, прежде всего, есть судъ совѣсти и внутренняго убѣжденія. Конечно, и для нашего суда возможны ошибки, но совершенно невозможно учреждать вторую судебную инстанцію или передавать дѣло новому, специально избранному составу судебной комиссіи: причины этого слишкомъ очевидны для всѣхъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, явится и чрезвычайное средство, а для устранения возможныхъ отъ неполноты или невѣрности слѣдствія ошибокъ, судебная комиссія прибѣгала къ слѣдующему средству. По постановленіи приговора, въ теченіи извѣстнаго срока, опредѣляемаго каждый разъ особо судебной комиссіей сообразно съ обстоятельствами дѣла, приговоръ этотъ дѣлается извѣстнымъ только подсудимому (а иногда и его землячеству), и въ этотъ срокъ обвиняемый можетъ подать протестъ противъ приговора, съ указаніемъ добытыхъ вновь или оставленныхъ неразсмотрѣнными обстоятельствъ дѣла. Если это указаніе подтвердится, то судебная комиссія вновь разбираетъ дѣло; вторичный приговоръ немедленно приводится въ исполненіе. Наконецъ, что касается приведенія приговоровъ въ исполненіе, то судебная комиссія вынуждена заявить, что въ ея распоряженіи не имѣется органовъ, которые дѣлали бы это точно и аккуратно. Поэтому и въ будущемъ ей придется публиковать самой свои приговоры и отчеты (что, впрочемъ, еще не есть приведеніе приговоровъ въ исполненіе), а равно, въ случаѣ возможности, входить по нѣкоторымъ дѣламъ въ сношенія съ разными лицами и учреждениями; исполненіе же приговоровъ, требующихъ какихъ-нибудь репрессивныхъ мѣръ, судъ поручалъ союзному совѣту.

Въ отчетномъ 1893—94 году судебная комиссія имѣла 26 засѣданій, такъ что въ среднемъ засѣданія происходили черезъ 10 дней (судебная комиссія засѣдала съ Сентября по Апрель). Два засѣданія не могли собраться за неявкою законнаго числа членовъ ($1/2$). По сравненію съ 1892—93 годомъ, число засѣданій комиссіи увеличилось на 15, а промежутокъ между ними уменьшился на 7 дней. Число представителей землячествъ въ судебной комиссіи колебалось отъ 19—24; нѣкоторыя землячества, принадлежащія къ союзу, ни разу не присылали своихъ представителей въ судебную комиссію, но число ихъ въ точности судебной комиссіи неизвѣстно. Число членовъ, присутствовавшихъ на засѣданіяхъ судебной комиссіи, колебалось отъ 13—27, равняясь въ среднемъ 19.

Слѣдующая таблица показываетъ, сколько каждый представитель посѣтилъ собраній и сколько пропустилъ; сумма этихъ двухъ чиселъ для разныхъ землячествъ не одинакова; это объясняется тѣмъ, что представители нѣкоторыхъ землячествъ начали посѣщенія позже или прекратили ихъ раньше открытiя и окончанiя занятiй судебной комиссiи. Три собранiя пропущены многими членами за время рождественскихъ каникулъ.

	Представители.	Сколько разъ былъ.	Сколько разъ не былъ.	Сумма.	% не по- сѣщ. къ суммѣ.
1	Бѣлорусскъ	24	2	26	7,7%
2	Кавказецъ	24	2	26	7,7%
3	Тулякъ	24	2	26	7,7%
4	Бѣлецъ	22	4	26	15,4%
5	Владимирецъ	22	4	26	15,4%
6	Донецъ	22	4	26	15,4%
7	Ельчанинъ	22	4	26	15,4%
8	Кубанецъ	22	4	26	15,4%
9	Пермякъ	22	4	26	15,4%
10	Нижегородецъ	20	6	26	23,1%
11	Южанинъ	20	6	26	23,1%
12	Полякъ	19	7	26	26,9%
13	Саратовецъ	19	7	26	26,9%
14	Херсонецъ	18	8	26	30,8%
15	Рязанецъ	17	9	26	34,6%
16	Калужанинъ	14	12	26	46,2%
17	Курянинъ	14	12	26	46,2%
18	Холмецъ	13	13	26	50%
19	Грузинъ	10	16	26	61,5%
20	Воронежецъ	18	5	23	21,7%
21	Уралецъ	5	16	21	76,2%
22	Вятичъ	19	1	20	5,0%
23	Москвичъ	14	6	20	30,0%
24	Тамбовецъ	5	14	19	73,7%
25	Малорусскъ	10	3	17	17,6%

	Представители.	Сколько разъ былъ.	Сколько разъ не былъ.	Сумма.	% не по- сѣщ. къ суммѣ.
26	Воложанинъ	5	10	15	66,7%
27	Минець	10	5	15	33,3%
28	Костромичъ	2	11	13	84,6%
29	Коломенецъ	5	7	12	58,3%
30	Техникъ I.	6	4	10	40,0%
31	Техникъ II.	4	6	10	69,0%
32	Восточникъ	3	4	7	57,1%
33	Сибирякъ	4	3	7	42,9%
34	Тверякъ	2	—	2	—,0%

Всего въ отчетномъ году было посѣтителей 484; не посѣщ. 221, сумма всѣхъ посѣщеній—705.

Изъ этой таблицы слѣдуетъ, что только 12 человекъ пропустили менѣе всѣхъ собраній, которыя они должны были посѣтить, и могутъ поэтому считаться болѣе или менѣе аккуратными; 8 представителей пропустили отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ собраній; 6 представителей пропустили отъ $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ собраній, т.-е. прямо относились небрежно къ своимъ обязанностямъ, 6 человекъ не посѣтили отъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ собраній, слѣдовательно, систематически игнорировали ихъ, и наконецъ два (2) члена, пропустили болѣе $\frac{3}{4}$ собр. Такимъ образомъ хотя средній процентъ непосѣщеній въ истекшемъ году и уменьшился сравнительно съ 1892—1893 годомъ (31,3% противъ 55%), еще очень многіе члены судебной комиссіи не находили нужнымъ аккуратно посѣщать ея засѣданія. Судебная комиссіа считаетъ долгомъ поставить на видъ землячествамъ, что такое явленіе крайне вредить успѣшному ходу дѣлъ судебной и слѣдственной комиссіи, а потому просить землячества строже слѣдить за аккуратностью своихъ представителей. О представителѣ, неявившемся два раза подъ рядъ на засѣданія, судебная комиссіа будетъ попрежнему сообщать землячеству съ просьбой избрать болѣе аккуратнаго. Въ отчет-

номъ году было принято судебною комиссіей 41 дѣло, изъ нихъ 12 окончилось обвинительными приговорами, 7 оправданіями, 12 дѣлъ было прекращено. 4 передано землячествамъ и 5 осталось нерѣшенными. Дѣла, которыя были рѣшены судебной комиссіей въ отчетномъ году, естественно распадаются на два отдѣла: дѣла профессоръ и университетскихъ чиновниковъ и дѣла студенческія. Изъ числа первыхъ въ 1892—94 г. судебной комиссіей было разобрано дѣло пр. Янжула (по поводу событій 18 и 19 Февраля), закончившееся 2-мя принципиальными постановленіями судебной комиссіи: 1, публичныя возраженія на мнѣнія, которыя не могутъ быть публично защищаемы, предосудительны и 2, профессоръ не имѣеть нравственнаго права относиться свысока и презрительно къ студентамъ въ аудиторіяхъ. Студенческія дѣла, т.-е. дѣла, въ которыхъ обвиняемыми являлись студенты, могутъ быть раздѣлены на три категоріи: дѣла, ближе всего касающіяся организаци, дѣла, затрогивающія интересы студенчества въ цѣломъ, и проступки противъ общей нравственности.

Къ первой группѣ относятся прежде всего дѣла о шпіонствѣ. Въ отчетномъ году можно считать законченнымъ дѣло бывшего студента Скерста. Приговоръ по этому дѣлу, составленный судебной комиссіей въ 1892—93 году, подалъ поводъ къ недоразумѣніямъ и протестамъ Рязанскаго землячества. Новые достовѣрные факты доказали правильность этого приговора и избавили судебную комиссію отъ пересмотра дѣла. Обвинительный приговоръ Скерста былъ оставленъ въ силѣ: вмѣстѣ съ тѣмъ судебной комиссіей были посланы въ Ярославль документы, доказывающіе сообщничество со Скерстомъ студента Горячина, послѣ чего послѣдній, по приговору товарищескаго суда, долженъ былъ оставить лекціи. Кромѣ этого, сюда же относятся дѣла двухъ студентовъ, просившихъ судебную комиссію о выясненіи ихъ личности и освобожденіи ихъ отъ обвиненій въ сношеніяхъ съ подозрительными лицами. Эти подозрѣнія по отношенію къ № оказались совершенно несостоятельными, а по отношенію къ другому—необоснованными. При этомъ судебная комиссія считаетъ нужнымъ замѣтить, что выясненіе личности вообще для нея въ большинствѣ случаевъ невозможно, и что она можетъ устанавливать только наличность или отсутствіе фактовъ, вызвавшихъ обвиненія или подозрѣнія.

Изъ внутреннихъ дѣлъ студенческихъ организацій въ отчетномъ году судебной комиссіей были разобраны три дѣла: студента №, обви-

нявшагося въ томъ, что безъ разрѣшенія судебной комиссіи дѣйствовалъ отъ ея имени, студента Иванова, и столкновение союзнаго совѣта съ Саратовскимъ землячествомъ. По первому дѣлу судебная комиссія, принявъ во вниманіе объясненія №, ограничилась замѣчаніемъ ему. Ивановъ былъ признанъ виновнымъ въ клеветѣ на Тульское землячество, о чемъ и постановлено опубликовать. Въ инцидентѣ Саратовскаго представителя судебная комиссія нашла въ дѣйствіяхъ союзнаго совѣта небрежное отношеніе къ дѣлу и признала его нравственно отвѣтственнымъ за это, но, въ виду того, что союзный совѣтъ сталъ на формальную почву, ссылаясь на § 7 устава союза, этотъ § былъ по предложенію судебной комиссіи измѣненъ.

Къ дѣламъ, затрагивающимъ интересы цѣлаго студенчества, относятся прежде всего злоупотребленія стипендіями и пособіями. Такихъ дѣлъ въ отчетномъ году было рѣшено 3. Изъ нихъ 2 (*Кудрявцева и Орлицкаго*) окончились обвинительными приговорами, и одно оправданіемъ. Сюда же относится дѣло о кружкѣ студентовъ, выставившемъ задачей доставленіе занятій нуждающимся товарищамъ и вызвавшемъ обвиненія въ устройствѣ оргій подъ видомъ вечеринокъ. Судебная комиссія не нашла возможнымъ высказаться противъ этого общества, такъ какъ безобразія, имѣвшія мѣсто на одной изъ вечеринокъ, оказались единичнымъ фактомъ. Наконецъ въ Тюменскомъ дѣлѣ судебная комиссія должна была разслѣдовать дѣятельность медико-статистической организаціи, вызвавшей массу нареканій со стороны общества; послѣднее справедливо возмущалось дразгами, сплетнями и взаимными обвиненіями медиковъ-статистиковъ, сильно тормозившими вѣру въ пригодность студенческихъ организацій для общественной дѣятельности. Главнымъ виновникомъ такого позорнаго для студенчества явленія судебная комиссія признала студента Куша, стремившагося изъ честолюбія захватить все дѣло въ свои руки и такимъ образомъ обращавшаго общественное служеніе въ орудіе для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Къ интригамъ Куша присоединились интриги Головачева, который пытался воспользоваться работой участниковъ организаціи въ своихъ личныхъ видахъ, а также и нетактичное и небезупречное поведеніе медиковъ.

Наиболѣе многочисленной группой студенческихъ дѣлъ являются проступки противъ общественной нравственности. Сюда относятся, во-первыхъ, три дѣла о ссорахъ и дразгахъ. Изъ нихъ въ одномъ обвиняемый былъ оправданъ, такъ какъ оказалось, что обиженный

самъ былъ далеко не безгрѣшенъ въ возбужденіи ссоры. Два другихъ дѣла окончились обвинительными приговорами: 1) студентъ, позволившій себѣ брань и угрозы противъ товарища, получилъ предостереженіе, 2) по дѣлу о столкновеніи студента С. со студентомъ *Петровскимъ* и театральной комиссіи. Петровскій и вся театральная комиссія были признаны виновными въ недобросовѣстномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ и потому смѣнены, а С. по обвиненію въ дракъ оправданъ (см.). Далѣе слѣдуютъ дѣла студента *Ицмирскаго*, оправданнаго по обвиненію въ безпорядочномъ поведеніи въ публичномъ мѣстѣ, студента *Петри Орловскаго*, признаннаго виновнымъ въ вырѣзываніи статьи о Ницше въ Румянцевскомъ музеѣ, и студента № 2, оправданнаго по обвиненію въ участіи въ спекулятивно-мошенническихъ продѣлкахъ въ Нижегородско-Самарскомъ земельномъ банкѣ. Но самыми крупными дѣлами этого рода слѣдуетъ признать дѣло Горайна и Богдановича въ изнасилованіи и издѣвательствѣ надъ любовницей Горайна, и дѣло студента *Куши*, оказавшагося виновнымъ въ возмутительно-небрежномъ отношеніи къ лежавшимъ на немъ обязанностямъ по собранію статистическихъ свѣдѣній въ Ишимскомъ округѣ и грубомъ и нахальномъ обращеніи съ волостными и сельскими властями этого округа. Приговоры по тремъ послѣднимъ дѣламъ извѣстны (о поступкахъ Орловскаго и Куша опубликовано, а Горайнъ и Богдановичъ удалены изъ *Московскаго Университета*).

Изъ двадцати одного (21) дѣла, нерѣшенныхъ судебной комиссіей въ отчетномъ году, было передано въ землячества 3, такъ какъ обвиняемые оказались членами землячествъ (одно дѣло о неправильномъ пользованіи стипендіей, одно—о ложномъ показаніи на судѣ и одно—по обвиненію въ безпорядочномъ поведеніи въ публичномъ мѣстѣ), одно, о неправильномъ пользованіи обѣдомъ въ комитетской столовой—въ союзный совѣтъ, какъ несложное и требовавшее лишь удаленія изъ столовой. Изъ числа 12 прекращенныхъ дѣлъ 3 касаются профессоровъ и университетскихъ чиновниковъ. Дѣло профессора Осипова, неправильно получившаго отъ Физико-Математическаго факультета степень доктора химіи, было прекращено въ виду запозданія приговора.

Дѣло инспекціи о позорящихъ студенчество объявленіяхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ было прекращено, такъ какъ инспекторъ Добровъ и субъ-инспекторъ Курочкинъ отреклись отъ посылки ихъ. ничѣмъ однако не доказавъ этого, а другихъ средствъ выяснить истину судебная комиссія не имѣла. Дѣло инспекціи по поводу объявленій,

вывѣшенныхъ въ Университетѣ, также оставлено въ виду его незначительности. Изъ студенческихъ дѣлъ, за невозможностью добыть точныя данныя, были прекращены: одно дѣло по обвиненію въ неправильномъ пользованіи стипендіей, дѣло о двухъ студентахъ (фамиліи не могли быть узнаны), расплатившихся въ буфетѣ физиологическаго института фальшивыми мѣдными монетами, покрытыми ртутью, дѣло о студентѣ Астрианинѣ, выдавшемъ въ Казани 15 челоуѣкъ и по слухамъ появившемся въ Москвѣ, но въ Университетѣ не найденномъ, и дѣло студента Ш., уличеннаго въ С.-Петербургѣ въ кражѣ. Одно дѣло о ссорѣ прекращено, такъ какъ оказалось семейной исторіей; дѣло о дракѣ толпы студентовъ съ учителями земледѣльческой школы прекращено за невозможностью выяснить, кто былъ виновникомъ ссоры. Дѣло объ одномъ студентѣ, связавшемъ своего товарища и потащившемъ его въ участокъ, прекращено за примиреніемъ сторонъ, такъ же, какъ и дѣло о столкновеніи студента С. съ инспекторомъ Добровымъ. Наконецъ, дѣло студента Багряцова, обвинявшагося въ томъ, что онъ отъ имени хозяйственной комиссіи оркестра и хора отвезъ почетныя билеты высокопоставленнымъ лицамъ, присутствіе которыхъ въ качествѣ почетныхъ гостей на студенческомъ концертѣ было признано хозяйственной комиссіей нежелательнымъ, прекращено, такъ какъ судебная комиссія нашла, что Багряцовъ былъ достаточно опозоренъ на собраніи оркестра и хора. Наконецъ, дѣло студентовъ Дриневича и Налѣвкина, пославшихъ телеграмму французскимъ студентамъ отъ имени московскихъ студентовъ, прекращено—въ виду того, что союзнымъ совѣтомъ былъ посланъ во французскія газеты протестъ противъ этой телеграммы.

Неоконченными остались: два дѣла союзаго совѣта (воззваніе по поводу Щелапутинской исторіи и исторія съ отвѣтомъ Саратовскому землячеству о качествахъ представителя въ союзный совѣтъ), возбужденныя Кавказскимъ землячествомъ, дѣло о небрежномъ отношеніи университетскихъ чиновниковъ къ студентамъ и о безпорядкахъ университетской канцеляріи (свѣдѣнія объ этомъ, затребованныя отъ землячества для начатія дѣла, не были получены) и дѣло одного студента, обвиняемаго въ доносѣ. Дѣло студента Соловьева, нарушившаго данное имъ обѣщаніе жениться, пересматривается въ виду протеста его, подкрѣпленнаго весьма важными новыми фактами. Свѣдѣнія о дѣлахъ, веденныхъ судебной комиссіей въ 1893—94 году, могутъ быть сведены въ слѣдующей таблицѣ.

Д Ѣ Л А.	Постанов.		Приговорено. Итого.	Перед. землѣ. и союз. сов.	Прекращено.	Неокончено.	Всего велось дѣл.
	Обвинит.	Оправд.					
1. Профессор. и универ. чиновн.	1	—	1	—	3	1	5
2. Студентовъ	12	8	20	4	10	4	38
1. Шпіонство и доносъ.	1	2	3	—	1	1	5
2. Внутреннія дѣла организаціи.	3	—	3	—	—	2	5
3. Злоупотребленіе стипенд. и пособіями.	2	1	3	2	1	—	6
4. Дѣла, компрет. студенчество, какъ общую силу	1	1	2	—	2	1	4
5. Преступленія противъ общей нрав- ственности	5	4	9	2	6	1	18
а) Ложныя показанія на судѣ.	—	—	—	1	—	—	1
в) Ссоры и дразги	2	1	3	—	1	—	4
с) Пьянство, буйство и безпорядочное по- веденіе	—	2	2	1	3	—	6
д) Мошенничество и воровство	1	1	2	—	2	—	4
е) Преступленія противъ чести и цѣло- мудрія женщинъ	1	—	1	—	—	1	2
ж) Недобросовѣстное отношеніе къ об- щимъ обязанностямъ	1	—	1	—	—	—	1
Итого	13	8	21	4	13	5	43

Кромѣ того, такъ какъ бывшіе студенты Стуковъ и Минаевъ, изгнанные за кражу въ 1894 г. изъ Московскаго Университета по приговору союзнаго совѣта, распространяли въ Нижнемъ Новгородѣ ложные слухи о союзѣ, судебная комиссія постановила вновь отпечатать и разослать этотъ приговоръ. Подводя итоги своей дѣятельности, судебная комиссія съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ можетъ констатировать, что внутреннія и внѣшнія условія ея дѣятельности нѣсколько улучшаются, и что нравственный авторитетъ товарищескаго суда замѣтно поднимается. Но, безъ сомнѣнія, нужно еще много усилій, и не мало времени пройдетъ до тѣхъ поръ, пока къ голосу суда союза будутъ прислушиваться не только союзъ и студенчество, но и общество—поскольку оно интересуется университетскою жизнью. Въ настоящее же время не только общество въ лучшемъ случаѣ почти безразлично относится къ судебной комиссіи, но и среди студентовъ можно подчасъ встрѣтить мнѣніе,

что инспекторскій судъ лучше товарищескаго, или что судебная коммиссія суется не въ свои дѣла, подымая вопросы о безобразіяхъ студентовъ въ публичныхъ мѣстахъ, о преступленіяхъ противъ цѣломудрія женщинъ и т. п. Даже въ средѣ союза идея товарищескаго суда и нравственной его компетенціи не получила безусловнаго права гражданства, какъ видно изъ того, что нѣкоторые члены союза совершенно игнорировали приговоры судебной коммиссіи по дѣлу Скерста или Тюменскому дѣлу, изъ оскорбительнаго отношенія къ ней нѣкоторыхъ обвиненныхъ земляковъ (г. Кушъ) и даже изъ того необъяснимаго упорства, съ которымъ союзный совѣтъ настойчиво отказывался дать какія-либо разъясненія по дѣлу столкновения съ Саратовскимъ землячествомъ и былъ съ большимъ трудомъ принужденъ къ тому рѣшеніемъ большинства землячествъ. Все-таки, нѣкоторое улучшение въ этомъ отношеніи замѣчается, но можно ли заключить изъ этого о повышеніи нравственнаго уровня цѣлаго государства? Конечно, глазъ оптимиста можетъ подмѣтить нѣкоторыя явленія, дающія право толковать объ этомъ, какъ на примѣръ, оживленіе дѣятельности союза, самое основаніе судебной коммиссіи, быстрое увеличеніе числа членовъ союза, основаніе новыхъ землячествъ и кружковъ, тотъ фактъ, что сравнительно многіе дѣятельные члены союза не разрываютъ всякой связи съ ними по окончаніи курса, что недавно еще было поголовнымъ явленіемъ. На этомъ основаніи можно было бы говорить, что освѣжающая волна тѣхъ девяностыхъ, появленіе которыхъ привѣтствовалъ Шелгуновъ*), все растетъ и растетъ, что настроеніе провинціальной молодежи и ея идеалы начинаютъ измѣняться подъ вліяніемъ какихъ-то новыхъ условій. Но, на ряду съ этимъ, нельзя не отмѣтить, что нравственный уровень студенчества, сравнительно говоря, крайне низокъ. Пьянство и безобразія въ публичныхъ мѣстахъ составляютъ и теперь, какъ показалъ опытъ судебной коммиссіи, весьма частое явленіе среди студентовъ; присвоеніе всего, что плохо лежитъ, также не составляетъ рѣдкости, какъ то показываетъ вѣчная кража галошъ или даже книгъ, разныя мошенническія продѣлки и вообще крайне легкомысленное отношеніе къ общественной собственности (типично въ этомъ отношеніи дѣло Орловскаго). Еще сильнѣе развито въ студенчествѣ стремленіе жить на чужой счетъ, ничего не дѣлая. что чаще всего выражается въ захватѣ стипендій и пособій людьми состоятельными—это явленіе очень рѣзко бросается въ глаза и очень

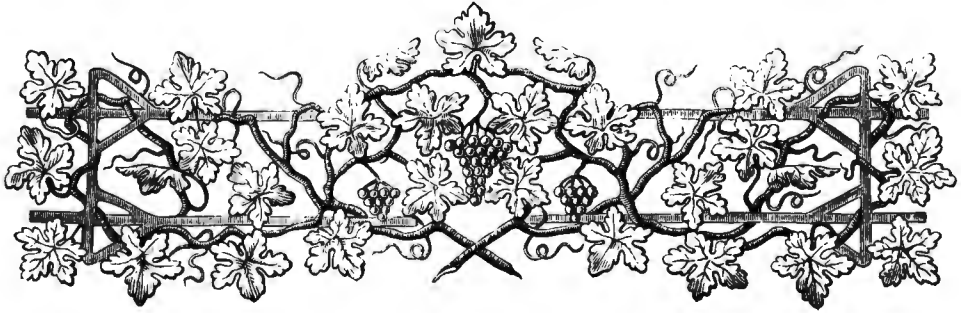
*) Совершенно особнякомъ стоитъ Шеллапутинская исторія, показавшая лишній разъ во всей наготѣ безстыдство и наглость московской полиціи. Въ этомъ дѣлѣ судебной коммиссіи пришлось, по тщательномъ разслѣдованіи его, только констатировать полную невинность потерпѣвшихъ студентовъ.

важно по своимъ послѣдствіямъ для массы студенчества. Борьба съ этимъ зломъ сильно затрудняется тѣмъ, что распредѣленіе стипендій и пособій зависитъ почти всецѣло отъ произвола инспекціи, и судебная комиссія не имѣетъ никакой возможности предупреждать злоупотребленія. Подобнымъ образомъ и безнравственная эксплуатация безсилія или привязанности женщины, какъ показали отвратительныя картины, открывшіяся при разслѣдованіи дѣлъ объ изнасилованіи, поступившихъ въ судебную комиссію, среди значительнаго круга студентовъ считается лишь молодечествомъ, приличнымъ мужчинѣ-самцу. Въ заключеніе можно было бы упомянуть о замѣчаемомъ среди студентовъ непомѣрномъ честолюбіи, небрежности, своекорыстіи, недостаткѣ самоуваженія и довѣрія другъ къ другу и др. качествахъ, сказывающихся весьма неблагоприятно на дѣятельности студенческихъ организацій и отношеній студентовъ къ своимъ общественнымъ обязанностямъ (напр. Тюменское дѣло). Имѣя дѣло съ такимъ нравственнымъ уровнемъ студенчества, судебная комиссія поневолѣ должна была понижать предъявляемыя къ студентамъ требованія чуть не до минимума, ограничиваясь, по отношенію къ нечленамъ союза, преслѣдованіемъ шпіонства, открытыхъ безобразій въ публичныхъ мѣстахъ и преступленій противъ самыхъ элементарныхъ правилъ нравственности (воровство, изнасилованіе, обманное пользованіе стипендіями и пособиями и т. п.). Этимъ же низкимъ уровнемъ общественной нравственности объясняется и нечестное отношеніе общества къ студенчеству, ярко высказавшееся, напр., во время Шеллапутинской исторіи. Уваженіе общества не можетъ быть приобрѣтено безъ повышенія уровня нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ къ среднему студенту. Впрочемъ, отъ многихъ слоевъ общества и даже очень близко стоящихъ къ университету, какъ показало дѣло Янжула, трудно добиться такого отношенія, такъ какъ эти слои уже перестали интересоваться подобными предметами.

Такіе люди, весьма часто попадающіеся теперь и принадлежавшіе раньше къ болѣе или менѣе передовымъ слоямъ общества, спаслись съ разбитаго реакціонной бурей корабля русской интеллигенціи, уйдя въ норы своихъ спеціальностей отъ живой жизни. Если они и являются добросовѣстными специалистами, то зато на все остальное махнули рукой и, оставшись безъ прочныхъ убѣжденій и нравственныхъ идеаловъ, попадаютъ въ очень некрасивыя положенія, или прямо погружаются въ житейской тинѣ. Но гораздо вреднѣе для студенчества люди, обращающіе, подобно Осипову, науку въ дойную корову для своихъ желудковъ или въ орудіе своихъ честолюбивыхъ плановъ. Такіе

господа дѣйствуютъ на студенчество крайне развращающимъ образомъ. Единственное спасеніе отъ такого вліянія, если его нельзя устранить, заключается въ усиленіи взаимнаго товарищескаго нравственнаго контроля, проистекающаго изъ сознанія нравственной солидарности и общности интересовъ студенчества и нисколько не могущаго стѣснить личной свободы cadaго, поскольку она не переходитъ границъ нравственности. Пожеланіемъ большаго распространенія идеи нравственной солидарности и общности интересовъ студенчества судебная коммиссія и заканчиваетъ настоящій отчетъ. Представляя результаты своей дѣятельности на свободный судъ и критику землячествъ и всѣхъ интересующихся этимъ дѣломъ лицъ и кружковъ, члены судебной коммиссіи состава 1893—94 года считаютъ долгомъ поблагодарить своихъ земляковъ за то, что избравъ ихъ въ судьи, земляки доставили имъ возможность ближе познакомиться съ положеніемъ студенчества и его нуждами и удовольствіе взаимнаго общенія, основаннаго на реальныхъ и значительныхъ интересахъ, связывающихъ людей въ духовное цѣлое. Этому же избранію члены судебной коммиссіи обязаны и тѣми минутами высокаго нравственнаго удовлетворенія, которыя достаются лишь людямъ, сознающимъ, что они дѣлаютъ живое, общепользное и необходимое дѣло, насколько оно доступно ихъ физическимъ силамъ и умственному и нравственному развитію.

БАПТИСТЫ НОВОУЗЕНСКІЕ.

(Къ исторіи Поволжскаго раскола).

I.

До половины прошлаго столѣтія въ Новоузенскихъ степяхъ не было слышно о какихъ-либо сектанскихъ вѣроученіяхъ, можетъ быть, потому, что нѣмцы-колонисты сторонились русскихъ мужичковъ и считали ихъ неспособными къ воспріятію „высокихъ“ созерцаній „просвѣщенныхъ“ отпрысковъ германской націи.

Судя по указу Самарскаго губернскаго правленія отъ 10 Января 1886 г., баптизмъ началъ прививаться здѣсь въ 60 годахъ, распространяясь сначала въ нѣмецкихъ селеніяхъ. Къ концу 70-хъ годовъ уже насчитывалось тамъ нѣсколько общинъ, исповѣдовавшихъ эту ересь. Въ это время вѣроученіе баптистское охватило волости: Бизюнскую, Нижне-Ерусланскую, Салтовскую и Торгунскую съ колоніями: Блюменфельдъ, Бруненталь, Гнейденфельдъ, Лингенфирслау, Лоненфельдъ, Моргентау, Ней-Бауеръ, Привольнымъ, Скатовкой, Фриденбергъ и Штрасбургъ.

По словамъ православнаго миссіонера священника Серебрякова*) ученіе это въ главныхъ основаніяхъ сводилось къ тому, что для спасенія своего они признавали достаточнымъ увѣровать только въ Иисуса Христа; признать, что онъ есть нашъ Спаситель, и добрыя дѣла явятся сами собою, безъ всякаго на то воздѣйствія со стороны свободной воли человѣка, и спасеніе, такимъ образомъ, обезпечено. Поэтому баптисты не находили нужды ни въ постахъ, ни въ какихъ-либо подвигахъ со стороны истиннаго христіанина, считая совершенно достаточнымъ одну вѣру во Христа. „Иисусъ Христось, говорили они, совершилъ

*) Дѣло Саратов. Окруж. Суда 1886 г., шкаль 85, полка В, мѣсто 17.

разъ на всегда и для всѣхъ дѣло спасенія нашего. Къ чему же здѣсь еще какіе-то подвиги и посты?! Кто какъ ни жилъ бы,—для спасенія это все равно. Ужъ если опредѣлено кому погибнуть—погибнетъ, а кому—спастись, тотъ спасется“.

Понимая такъ о господнемъ предопредѣленіи, они только себя считали избранными чадами Божиими, оправданными и спасенными кровью Спасителя. Всѣхъ прочихъ, къ ихъ сектѣ не принадлежащихъ, баптисты называли погибающими, почему въ своихъ импровизированныхъ молитвахъ повторяютъ всегда: „ей, гряди, Господи, мы готовы“, а за другихъ просили: „спаси ихъ, Господи, какъ спасъ насъ“. Въ своихъ кощунственныхъ стихахъ, подъ названіемъ „Голось вѣры“ *) они считали царство небесное своимъ.

Для молитвенныхъ собраній баптисты хотя имѣли особые дома, но отвергали нужду въ особыхъ храмахъ, называя церкви христіанскія „мельницами для дохода священно-церковныхъ служителей“, уподобляя свои сборища словамъ Спасителя: „аще двое-трое соберутся во имя Мое, и Азъ посреди ихъ, и тамъ созижду церковь“.

Вслѣдствіе этого они не признавали церковнаго чиновначалія. „Только одинъ Іисусъ Христосъ есть верховный Глава церкви“, говорилось въ ихъ ученіи, а другихъ чиновъ церковныхъ не должно быть на землѣ“. Между тѣмъ, какъ ни странно, въ противовѣсъ этому своему правилу имѣли пресвитеровъ, учителей и діаконовъ, избравшихся ими изъ своей среды, которые, замѣняли у нихъ духовную іерархію, совершали крещеніе, Тайную вечерю и всѣ ихъ обряды.

Признавая необходимымъ для спасенія души крещеніе, причащеніе и бракъ, сектанты эти отрицали однако дѣйствующую на вѣрующихъ при совершеніи ихъ благодатную силу Св. Духа, сводя эти таинства на простые обряды, удостовѣрившіе принадлежность ихъ къ христіанскому (а не языческому) обществу. Крещеніе допускали они производить только надъ взрослыми, ибо, по ихъ ученію, требовалось отъ крещаемого „обязательное возрожденіе свыше“, т. е. осязательное ощущеніе въ себѣ Христа.

Единственнымъ посредникомъ и ходатаемъ предъ Богомъ баптисты Новоузенскіе считали „единого Господа Іисуса Христа“, не признавая заступничества не только святыхъ угодниковъ, но даже Божьей Матери. По ихъ разумѣнію, Богородица была обыкновеннымъ человѣкомъ и рождена обыкновеннымъ порядкомъ. Поэтому не избѣгла, какъ всѣ простые люди, общаго закона наслѣдственности грѣха и склонности

*) Употребляемые ими при богослуженіяхъ и на молитвенныхъ собраніяхъ стихи эти запрещены и подвергнуты изыятію изъ обращенія.

къ нему, а потому нуждалась и сама въ грѣховномъ искупленіи, которое, будто бы, и получила она чрезъ Іисуса Христа, когда на нее, вмѣстѣ съ апостолами, сошелъ Духъ святой, въ видѣ огненныхъ языковъ“. Въ противность всѣмъ историческимъ фактамъ, они величаютъ Божию Матерь не Дѣвою, а *женою Іосифа*, увѣряя при этомъ, что у нея было много дѣтей. Почитаніе ангеловъ и угодниковъ божіихъ сектанты не находили нужнымъ потому, что, какъ оправданные кровью Христовою, они стояли выше ихъ.

Они не признавали не только св. иконъ, называя ихъ истуканами. но даже животворящаго Креста Господня, считая его позорнымъ орудіемъ казни, подобнымъ эшафоту. А потому знаменованіе себя такимъ орудіемъ находили для себя унижительнымъ и недостойнымъ. Никакихъ свящ. книгъ и святоотеческихъ преданій они не знали, а вѣрили только одной Библии, какъ источнику Богопознанія и наставнику вѣры и жизни, предоставляя каждому толковать ее по своему разумнію, благодаря чего между членами баптистскихъ общинъ не рѣдко происходили различныя пониманія Христовыхъ завѣтовъ и разные отбѣнки молитвенныхъ отправленій. Сектанты сходились только въ одномъ общемъ озлобленіи противъ св. Церкви, изрыгая хулы не только на православіе и его служителей, но и на другія христіанскія исповѣданія.

Въ 80-хъ г.г. прошлаго столѣтія главнымъ насадителемъ баптизма въ Камышинскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ былъ поселянинъ Вильгельмъ Веберъ, жившій постоянно въ Голубиномъ Юртѣ, Усть-Медвѣдицкаго округа, Донской области, часто наѣзжая оттуда въ с. Ключи, Сосновской волости, Камышинскаго уѣзда. Саратовское губернское правленіе утвердило даже его духовнымъ старшиной всѣхъ баптистскихъ общинъ послѣдняго. Но честолюбивому нѣмцу хотѣлось быть главою и новоузенскихъ сектантовъ. Навѣрно, онъ добился бы и этого званія, да только поступилъ слишкомъ оригинально.

Въ концѣ 1885 года онъ подалъ самарскому губернатору прошеніе по довѣренностямъ якобы баптистскихъ селеній Новоузенскаго уѣзда и просилъ себя же утвердить въ званіи ихъ старшины, причемъ ходатайствовалъ избавить его „пасомыхъ“ волостей Торгунской, Нижне-Ерусланской и Бизюнской и селеній: Бруненталь, Гнаденфельдъ, Ней-Бауеръ, Лингенфирсгау, Блюменфельдъ, Штрасбургъ, Моргентау, Привальнаго и Скатовки „отъ платежа жалованья лютеранскимъ пасторамъ и отъ участія въ постройкѣ пасторатовъ и ремонтнровкѣ ихъ“, обвиняя лютеранское духовенство, полицію и сельскихъ властей въ чинимыхъ ему притѣсненіяхъ.

По произведенному вслѣдствіе этой жалобы слѣдствію, выяснилось, что Веберъ, свободно переѣзжая изъ села въ село, открыто поучалъ сектанской премудрости не только колонистовъ, но и русскихъ поселянъ.

Однажды (28 Февраля 1886 г.) въ слоб. Малый Узень на сдѣланномъ нарочито, по случаю его пріѣзда, собраніи въ домѣ крестьянина Захара Стерникова, онъ говорилъ собравшимся:

—Церковь Христова должна быть постоянно въ движеніи, а не въ застоѣ, какъ у православныхъ, гдѣ вѣрятъ только попамъ. Такое довѣріе есть ложное убѣжденіе, потому что священники православные не получили ни спасенія, ни дара свыше. Но я, хотя человекъ не ученый,*) посланъ самимъ Мессією проповѣдывать слово Божіе. Я спасенъ Господомъ, какъ спасенъ былъ разслабленный, котораго исцѣлилъ Христосъ не тѣлесно, а духовно.

Привлеченный къ отвѣтственности, по обвиненію въ распространеніи зловредной секты, Веберъ однако не призналъ себя виновнымъ.

—Я не говорилъ,—оправдывался онъ,—что посланъ проповѣдывать Мессією; но Духъ святой присущъ мнѣ, какъ и всѣмъ молящимся.

—Не отрицая произнесенія въ Маломъ Узенѣ проповѣди, на допросѣ у судебного слѣдователя онъ пояснялъ между прочимъ:

—Ваши священники напрасно клеветуютъ, будто мы уклоняемся отъ исполненія гражданскихъ законовъ. Напротивъ, всѣ баптисты присягаютъ на вѣрнопопданническое служеніе Императору и Отечеству. По восшествіи на престолъ Государя Александра III мнѣ, какъ утвержденному старшинѣ, поручено было привести баптистовъ Камышинскаго уѣзда къ присягѣ и я сдѣлалъ это.

Саратовскій окружный судъ въ выѣздной сессіи 8 Февраля 1888 года въ Новоузенскѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, не призналъ однако его виновнымъ въ распространеніи еретической секты, хотя народная молва указывала на него, какъ на главнаго вожака баптистовъ. Тѣмъ не менѣе послѣ этого онъ сталъ рѣже посѣщать новоузенскія селенія, предоставивъ другимъ насаждать и укрѣплять тамъ сѣмена сектанства.

II.

Посѣянные имъ плевелы дали обильные всходы. Въ какихъ нибудь 5—6 лѣтъ ересь эта охватила почти всю южную часть уѣзда, захвативъ большія торговыя слободы Александровъ Гай и Орловъ Гай.

*) Веберъ лгалъ, видимо, нарочно, ибо потомъ оказалось, что онъ не только зналъ читать и писать по нѣмецки, но хорошо писалъ по русски.

Въ 1893 году въ послѣдней уже насчитывалось нѣсколько сектантскихъ пресвитеровъ и дьяконовъ и собранія открыто происходили въ домѣ крест. Дѣва.

Несмотря на существованіе тамъ двухъ земскихъ школъ, добрая половина жителей не принадлежала къ св. Церкви. Школы эти, по видимому не имѣли никакого нравственнаго вліянія на религіозное чувство мѣстныхъ простолюдиновъ, такъ что на ряду съ поповцами и безпоповцами пустила здѣсь глубокіе корни молоканская ересь, послѣдователи которой имѣли трехъ наставниковъ.

Хотя послѣдніе ревниво оберегали духовныхъ чадъ своихъ отъ посторонняго посягательства, однако баптистскіе вожаки свободно похищали послѣдователей молоканства.

Убавлялось замѣтно и православное стадо, несмотря на то, что знавшіе хорошо баптизмъ русскіе начетчики—Терентій Ляпинъ, Александръ Зуевъ и Иванъ Деминъ—успѣшно спорили съ ихъ пресвитерами и обличали ихъ заблужденія.

Баптистскіе проповѣдники не брезгали никакими средствами для привлеченія въ свою секту новыхъ приверженцевъ. Наставники ихъ—Харитонъ Шутаревъ, Иванъ Романовъ, Антонъ Малышниковъ и Иванъ Бугровъ—нарочно съ этою цѣлію устраивали публичныя бесѣды, куда имѣли доступъ всѣ желающіе, „и здѣсь стремились распространять свое ученіе, сравнивая его съ православнымъ, при чемъ восхваляли баптизмъ въ ущербъ православію и стращали православныхъ лишеніемъ небеснаго царства“¹⁾.

Они внушали слушателямъ: „Покайтесь! Вы покаряетесь священникамъ, чтите иконы—какъ идолопоклонники, хотя въ заповѣди Господней сказано: „не сотвори себѣ кумира;“ а священство давно отмѣнено въ посланіи св. апостола Павла къ Евреямъ. Вы говорите: священники снимаютъ съ васъ на исповѣди грѣхи, причащаютъ тѣломъ и кровью Христовой; это—ложь, потому что ничего о томъ въ свящ. писаніи не сказано. Попы причащаютъ васъ мертвечиной“²⁾.

—Если вы не перейдете въ нашу вѣру—говорили постороннимъ баптисты—то погибнете, а перейдете,—войдете въ Царство Небесное!

Послѣ такихъ застрачиваній одна изъ молоканокъ Елена Григорьевна рѣшила „перемѣнить“ свою вѣру. Баптистскій „батюшка“ Харитонъ Шутаревъ съ племянникомъ Иваномъ Бугровымъ совершилъ надъ ней 8 Февраля обрядъ „воднаго крещенія“ въ рѣчкѣ Малый Узень, раздѣвъ ее до нага. Былъ сильный морозъ, сквозилъ вѣтеръ.

¹⁾ Изъ обвинительн. акта въ дѣлѣ Саратов. Окруж. Суда, шк. 119, Б, м. 29.

²⁾ Мертвечиной называютъ они и „положеніе антимиаса“.

Продрогшая до костей, прозелитка едва вылѣзла изъ проруби; съ ней сдѣлалось „нервное разстройство“. По мнѣнію врача, она была, какъ „помѣшанная“.

— „Послѣ крещенія, рассказывала потомъ она, со мной сдѣлалась такая тоска, что не находила мѣста, не знала, что дѣлать. На другой день я пошла къ баптистамъ и стала ругать ихъ, зачѣмъ они испортили меня, склонили въ вѣру свою и убѣждала ихъ самихъ обратиться въ православіе. Но баптисты выгнали меня изъ моленной пинками“.

Тоскливое состояніе Григорьевой продолжалось недѣли двѣ. И только когда, по просьбѣ ея мужа, мѣстный священникъ отслужилъ на дому у ней молебенъ и окропилъ ее св. водой,—она оправилась и возвратилась въ православіе.

—Теперь ты до смерти, какъ песъ, будешь ѣсть свою блевотину,— проклиналъ ее послѣ того Шутаревъ, встрѣтивъ какъ то на улицѣ.

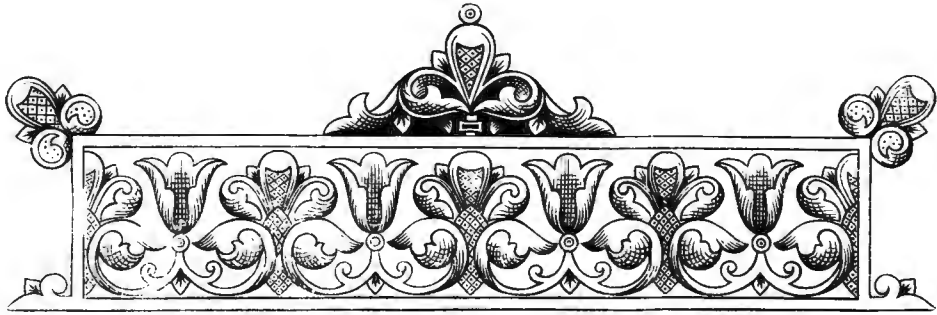
Такая же исторія повторилась и съ другимъ прозелитомъ, православнымъ крестьяниномъ Василиемъ Прохоркинымъ. Послѣ баптистскаго крещенія въ пруду зимой, онъ почти ослѣпъ и съ нимъ долго продолжались истерическіе припадки. Несомнѣнно происходили они у него отъ сильнаго нервнаго потрясенія, до котораго умышленно доводили крещаемыхъ сектантскіе „пресвитеры“, объясняя имъ потомъ это ихъ ненормальное состояніе „сошествіемъ на нихъ Св. Духа“.

Въ другой разъ Шутаревъ среди бѣлаго дня на Пасху крестилъ въ пруду сорокалѣтнюю Неонилу Черткову (православную). Весь народъ былъ возбужденъ ихъ безстыдствомъ, какъ они оба лѣзли нагими въ воду.

Такія дѣйствія баптистскихъ вожаковъ, не могли, конечно, пройти незамѣченными и свѣтской властью. Главари были преданы суду и, несмотря на разные подтасовку и пущенную въ ходъ казуистику. не избѣгли кары возмездія. Саратовскій окружной судъ приговорилъ главныхъ изъ нихъ: Ивана Бугрова, Ивана Романова, Антона Налышниковъ и Харитона Шутарева—къ ссылкѣ на поселеніе въ Закавказскій край, съ лишеніемъ правъ состоянія.

П. Юдинъ.

Переписка П. Д. Голохвастова съ И. С. Аксаковымъ о „Земскомъ Соборѣ“.

Телеграмма 13 Февраля, 1882 г.

Ровинскій предлагаетъ Вашему ближайшему знакомому, ѣздившему въ Петербургъ, мѣсто чиновника особыхъ порученій—жалованьемъ двѣ-три тысячи. Пишу почтой, отвѣчайте.

Аксаковъ.

Адресъ: Московской губерніи, Вознесенскъ, Павлу Дмитріевичу Голохвастову.

Петербургъ, 2 марта, 1882.

Или Вы моего письма не получили, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, или я Вашего. Писаль я Вамъ 21, послѣ перваго свиданія моего съ графомъ Игнатьевымъ, писаль, впрочемъ, только о самой невинной сути этого свиданія: что я назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій съ 3000 р., да еще просилъ Вашей карточки къ Скобелеву. Изъ неписылки этой карточки я и заключаю, что которое нибудь изъ нашихъ писемъ не дошло. Если же Вы *теперь* не желали моего знакомства со Скобелевымъ, во избѣжаніе лишнихъ разговоровъ о Земскомъ Соборѣ, то—полагаю—туть то и отвѣчали бы, иносказательно объяснивъ мнѣ необходимость молчать даже со Скобелевымъ. Это письмо, по вѣрной оказіи съ молодымъ Шатиловымъ, пишу разомъ Вамъ и женѣ. Онъ собирался въ Москву на четвертой недѣлѣ поста, непременно будетъ у Васъ; покажите ей, пожалуйста.

19-го Февраля, въ день пріѣзда моего, я Игнатьева не засталъ. 20-го былъ у Воейкова, который оказался очень старымъ знакомымъ. Отъ Воейкова я узналъ, что Игнатьевъ желаетъ меня видѣть завтра,

послѣ обѣдни и уже до пріѣзда моего отложилъ для меня дѣло: написать для Сельск. Вѣстн. какъ убили покойнаго Государя и какъ на него прежде покушались, за чтò и осуждены—6 въ прошломъ году и 20 теперь. На другой день Игнатъевъ увелъ меня изъ церкви къ себѣ. Спросилъ: согласенъ ли я на такія то условія—покаместъ? И перешелъ къ дѣлу: во первыхъ, онъ потерялъ мою записку (прежнее письмо къ Воронцову)—о выборахъ на З. Соборъ и о перемѣнѣ ценза и просить меня снова написать ее. Во вторыхъ: какое мое мнѣніе о Крестьянскомъ банкѣ? Выслушалъ; и объ этомъ просилъ написать записку. Я спросилъ: спѣшно ли то и другое дѣло или же сперва написать о царевубійцахъ—дѣло срочное. Про это порученіе онъ не мигомъ вспомнилъ. а, вспомнивъ, какъ то странно выразительно отвѣчалъ:—Прямо за 1-ое Марта примитесь и обращайтесь *постоянно* къ Воейкову за свѣдѣніями: *такихъ дѣлъ* я Вамъ и еще *придумаю* (и на ухо):—прежде чѣмъ будете *манифестъ* писать. Въ комнатѣ, впрочемъ, никого не было; одинъ, и то далеко въ углу, стоялъ Потаповъ и все крестился отсюда на насъ съ Игнатъевымъ. По поводу *манифеста* Игнатъевъ опять разсыпался въ похвалахъ моему языку—съ знатоковскими замѣтками при этомъ.....Я изъ этого разговора вывожу: во первыхъ, что Воейковъ о З. Соборѣ не долженъ знать и что моими статьями для Сельскаго Вѣстника отводятъ глаза весьма ловко, ибо очень многимъ заразы, цѣлому комитету о Сельск. Вѣстникѣ, то есть Воейкову, Вяземскому, Заикѣ, Плеве, Данилевскому, Бычкову, Богушевскому, все людямъ разныхъ вѣдомствъ и довольно разныхъ слоевъ общества. Въ этомъ комитетѣ обсуждалась, изложенная мною на словахъ, программа моей статьи, въ прошлую Среду, а завтра будетъ обсуждаться самая статья. Во вторыхъ вывожу, что я Игнатъеву нуженъ именно какъ *перо*, а что *серьезно* о З. Соборѣ на умѣ у него покаместъ ничего или немного. Въ этомъ подтверждаетъ меня вотъ что: Воейковъ съ перваго же свиданія далъ мнѣ прочесть копию съ записки, писанной имъ, подписанной Игнатъевымъ—съ примѣчаніями Государя. Мѣсяцъ и число въ копиі не прописаны, такъ что—была ли она подана до или послѣ моего намереннаго пріѣзда къ Игнатъеву, не знаю, а выспрашивать объ этомъ не хотѣлось. Въ запискѣ перечислено и—осторожно, но тѣмъ не менѣе сильно—вздуту все, что было доселѣ сдѣлано или начато добраго: выкупное дѣло, кабацкое, переселенческое и пр., и пр.; народъ—дескать—совершенно удовлетворенъ; и общество удовлетворено тѣмъ, что къ обсужденію вызывались свѣдующіе люди. Теперь пусть этихъ свѣдующихъ людей выбираетъ Земство. Дума. Управа; въ видѣ рекомендаціи ихъ правительству, а правительство, не стѣняясь указаніями Земства, и пр., будетъ изъ нихъ вызывать

кого заблагодаря судить; этимъ ужъ удовлетворится и самая крамола (!) и, если твердо держаться этого плана, такъ что твердость эта будетъ всеѣмъ и всякому явственна, то все на этомъ и успокоится. Важно уже и то, по моему, что этакую чепуху могъ подписать и подать Государю Игнатъевъ; но гораздо важнѣе подписи Государевы: сверху нѣчто въ такомъ родѣ: *если это не программы правительства, то ужъ и не знаю чего еще надо*. А по бортамъ почти все, пунктъ за пунктомъ; опровергнуто или подвергнуто сомнѣнію; напримѣръ,—народъ удовлетворится... а съ борту: *собств. Его Величества рукою поставленъ вопросный знакъ*; общество удовлетворится... *Едва ли*; крамола удовлетворится... *Да разве того ей надо?*—какъ же согласить противорѣчія верхней подписи и боковыхъ? Этой записки и бесѣды о З. Соборѣ?—Пока я читалъ, въ канцеляріи были посторонніе, я молча вернулъ записку Воейкову; пожавъ ему руку, ушелъ и больше не заикался съ нимъ про это. Съ чего онъ далъ мнѣ эту записку въ первое свиданіе? Самъ собой или по приказу Игнатъева? Первое слишкомъ бы индискретно кажется; второе бессмысленно, если Воейковъ про мои отношенія къ Земско-Соборному вопросу не знаетъ. Думается такъ: Игнатъевъ сказалъ Воейкову: пріѣхалъ Голохвастовъ, мнѣ подали его карточку, но забыли спросить гдѣ онъ остановился (это фактъ, слѣд., Игнатъевъ въ день пріѣзда уже говорилъ обо мнѣ Воейкову). И, предполагаю, продолжалъ:—дайте ему эту нашу записку прочесть—что онъ про нее скажетъ? А про себя думалъ: посмотримъ, выскажетъ ли Голохвастовъ по поводу этой записки что нибудь Воейкову о Земск. Соборѣ. На другой день послѣ моего свиданія съ Игнатъевымъ, Воейковъ позвалъ меня къ себѣ завтракать и сталъ спрашивать о запискѣ; я отдѣлался разумѣется, очень блѣдными отвѣтами. Больше я Игнатъева не видалъ. Написалъ о 1-мъ Мартѣ. Теперь переписываю записку о выборахъ на Соборъ, очень усиливая инныя мѣста, напримѣръ, о необходимости сочетать Соборъ съ коронаціей. Эту записку передамъ изъ рукъ въ руки Игнатъеву въ Воскресенье, послѣ обѣдни; самое удобное время видѣться съ нимъ, не возбуждая вниманія постороннихъ; мимоходомъ анекдотъ: 21-го Игнатъевъ, когда послѣ обѣдни подошли къ кресту, взялъ меня подъ руку и увелъ. Послѣ разговора, отвелъ меня къ графинѣ: я у нее еще посидѣлъ. Ухожу, какъ пришелъ, мимо церкви, пощъ подаетъ мнѣ просвирку: натошакъ часъ слишкомъ ждалъ меня. Наши московскіе попы не такъ предусмотрительны; но дальновидны ли здѣшніе? Въ самомъ ли дѣлѣ повезетъ мнѣ (по ихнему), дѣлу моему (по моему)? Что то плохо вѣрится.

По пріѣздѣ Скобелева дня два-три очень говорили объ отставкѣ Игнатъева. Прочили ему въ преемники Абазу, Александра Алексѣевича,

Половцева, Лобанова-Ростовскаго и даже Новикова, лѣтъ тридцать не видавшаго Россіи.

Вчера, 1-го Марта, Государь проѣхалъ въ крѣпость по Невскому съ Государыней, безъ конвоя; шаговъ за пятьдесятъ за ними Алексѣй Александровичъ, потомъ другіе Великіе Князья и наконецъ свита. По Екатерининскому каналу—отъ Невскаго до часовни и отъ часовни въ ту сторону—продратъя было нельзя во время панихиды, и.....*)

Государя не ожидалъ, просто пришелъ молиться.

Я пишу женѣ такъ, чтобы, если письмо не застанетъ ее въ Москвѣ, могло бы дойти къ ней *по почтѣ*; поэтому прибавлю иное тутъ, специально ей интересное; а это, впрочемъ, и Вамъ: постоянно слышно, что Государь хочетъ покинуть Гатчину и переѣхать въ Москву на долго. Я спрашивалъ про это у Олсуфьева; онъ не отвѣчаетъ ни да, ни нѣтъ, но скорѣе—да. Тогда, конечно, и Игнатъевъ будетъ въ Москвѣ, вѣроятно, и я съ нимъ. Срокъ переѣзда будто бы къ Пасхѣ.

Я очень боюсь, что Игнатъевъ поведетъ дѣло къ 3. Собору слишкомъ осторожно и мелко и приведетъ не къ великому Собору, а къ соборикѣ, очень невинному съ виду, но въ дѣйствительности ужасно опасному. Тѣмъ болѣе хотѣлось бы мнѣ, чтобы Игнатъевъ поручилъ мнѣ приготовить изданіе соборныхъ актовъ и написать предисловіе къ нимъ. Тогда бы я все доселѣ написанное мною разбилъ на двѣ части: одну для публики, другую для правительства,—постарался бы *всячески*, чтобы обѣ части безъ искаженія попали въ руки Государя. Если же бы не попали всетаки, рѣшился бы, пожалуй, напечатать ихъ обѣ за границей. Такимъ образомъ правда уже бы дошла до Государя и, хоть и не хорошимъ путемъ, прошла бы въ общество. Въ Воскресенье попробую уговорить Игнатъева на это изданіе. Въ Январѣ онъ этому, казалось, очень сочувствовалъ. А, чтобы изданіе это было и ученымъ интересно, надо бы пошарить въ Московскихъ архивахъ:—не найдется ли неизданныхъ еще актовъ. При этомъ у меня еще цѣль: когда я буду говорить, что надо бы мнѣ надъ этимъ въ Москвѣ поработать—не проговорится ли Игнатъевъ, что и онъ,—то есть, и Государь,—будетъ въ Москвѣ и сочувствуетъ ли Государь созыву Собора къ коронаціи.

До свиданья, дорогой Иванъ Сергѣевичъ; мой глубокой поклонъ Аняѣ Θεодоровнѣ.

Душевно Вашъ П. Голохвастовъ.

*) Неразборчиво.

Петербургъ—8-го Марта, 1882.

Ваше письмо, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, о мужицкой и народной рѣчи писано чуть ли не какъ разъ въ тотъ часъ, когда я внушалъ отцамъ Сельскаго Вѣстника,—а ихъ у него, какъ по пословицѣ у солдатскаго сына,—семеро: Вяземскій, Воейковъ, Заика, Плеве, Бычковъ, Данилевскій и Богусевичъ, родитель его,—1) чего, по моему, должно требовать отъ *печатной* народной рѣчи: чтобы она была какъ алмазь—чиста, ясна и плотна; 2) что мужику легче дочутся смысла въ жаргонѣ Петербургской барыни и даже въ тарабарщинѣ Петербургскаго газетчика, нежели въ такъ называемой народной рѣчи господъ Глѣбовъ Успенскихъ; 3) что народъ, не какъ мы, уважаетъ печатную рѣчь, терпѣть не можетъ въ ней не только пошлости никакой, но даже и обыденщины лишней; а иногда, соотвѣтственно смыслу, требуетъ и *высокихъ словъ*: подлинное, мною слышанное выраженіе.

Но гр. Игнатьевъ,—какъ во всемъ умница,—не бракуетъ и высокихъ словъ въ статьяхъ моихъ. Я видѣлъ его на минутку, послѣ обѣдни, онъ обѣщалъ мнѣ досужное свиданіе на этой недѣлѣ, а черезъ Воейкова заказалъ мнѣ въ „Сельскій Вѣстникъ“ статью о Крестьянскихъ Банкахъ.

. *).

Петербургъ, 10 Марта, 82.

Пользуюсь опять вѣрной оказіей, чтобы написать Вамъ нѣсколько словъ, дорогой Иванъ Сергѣевичъ. Третьяго дня писалъ Вамъ по почтѣ въ отвѣтъ на ваши замѣчанія о народномъ языкѣ и упоминалъ о моемъ минутномъ свиданіи съ гр. Игнатьевымъ въ Воскресенье. Хотя и короткое было свиданіе, но интересное. Графъ Игнатьевъ прямо встрѣтилъ меня словами:—радуйтесь, Русскій человѣкъ; сбудется, Богъ дастъ; идетъ, идетъ наше дѣло. Теперь говорить объ этомъ некогда, на недѣлѣ увидимся; до Четверга я очень занятъ; чуть буду посвободнѣе, дамъ Вамъ знать. Переговоримъ о чемъ Вамъ и какъ писать, для публики, для народа и пр.

На этомъ разговоръ долженъ былъ прерваться, въ гостинной было много народа изъ церкви; мы говорили въ залѣ, а графиня, кажется, уѣхала изъ Петербурга. Я остановилъ графа еще на одно слово: что знаетъ Воейковъ и какъ мнѣ съ нимъ держать себя въ этомъ отношеніи?

*) Конецъ этого письма утерянъ.

(Онъ ужъ любопытствовалъ: подавалъ ли я графу такую то записку въ Январѣ; чтò такое мною писанное графъ потерялъ и искалъ?)—Что же Вы отвѣчали?—Что писалъ Вамъ о перемѣнѣ ценза съ земельного на хозяйственный. Прекрасно, такъ и впредь отговаривайтесь.—Знаемъ: я, Вы, Иванъ Сергѣевичъ и больше никто.

Тотчасъ потомъ Воейковъ позвалъ меня обѣдать. Предвидя, что онъ будетъ вывѣдывать о чемъ я говорилъ съ графомъ, я приготовилъ графу записку о Крестьянскомъ Банкѣ. И точно:—Чтò, графъ поручилъ Вамъ еще что нибудь написать для „Сельскаго Вѣстника“?—Поручилъ; только не успѣлъ я съ нимъ столкнуться вотъ о нотаріальной части... во вторыхъ... въ третьихъ...—Подайте-ка графу эту записку—не сегодня, такъ завтра.—Воейковъ успокоился, а графу я далъ этимъ благовидный предлогъ вызвать меня. Чтòбы вызывать на нескромность, Воейковъ и самъ нескроменъ со мной. Такъ, онъ выболталъ мнѣ, что коронація назначена въ Августъ; что изъ осужденныхъ никого не казнятъ и, если коронація пройдетъ благополучно, то и помилуютъ тогда;—что Скобелеву Государь сказалъ при первомъ свиданіи: *Императорскому Правительству* неудобно, чтò Вы говорили въ Парижѣ; то есть, что себя Государь отдѣлилъ тутъ отъ правительства. Жаль, что нѣтъ у меня второго экземпляра *Черемныхъ* въ проэктъ Крестьянскаго Банка, внесенныхъ гр. Игнатьевымъ въ Государственный Совѣтъ, а теперь ужъ и утвержденныхъ. Проэктъ, такимъ образомъ, мало по малу, улучшается; теперь, надѣюсь, еще будутъ двѣ-три важныя перемѣны. Вообще, по моему, Банкъ этотъ дѣло хорошее. Поддержите его, Бога ради, не позволяйте Шарарову такъ торопливо судить объ этомъ. Воейковъ спросилъ меня о Шараровѣ, я уклонился отъ отвѣта; вѣдь, я въ самомъ дѣлѣ, знаю его только по тому, что читалъ. Судя по тому, что Воейковъ трунить надъ нимъ, я полагаю, что въ нашемъ Министерствѣ Шараровъ не понравился, но В. Н. Шаликовъ говорилъ мнѣ съ нѣкоторымъ ужасомъ, что Шараровъ очень понравился Островскому.

Да, вотъ еще забылъ; Игнатьевъ сказалъ мнѣ, что главная помѣха въ нашемъ дѣлѣ Побѣдоносцевъ; но и тутъ же повторилъ:—а все таки идетъ оно и пойдетъ.

Когда я увижусь съ графомъ, то сговоримся съ нимъ какъ написать: 1) брошюру или предисловіе къ изданію Соборныхъ Актовъ, объ основахъ конституціи и Земскаго Собора, объ истинномъ самоуправленіи и объ истинномъ самодержавіи; 2) историческій очеркъ Земскихъ

Соборовъ для народа,—въ Сельскій Вѣстникъ, что ли; 3) матерьялъ для манифеста и рескрипта министру. Для досужей работы надъ этимъ постараюсь, чтобы Игнатъевъ командировалъ меня въ Москву подъ благовиднымъ предлогомъ, который я уже и придумалъ. Это дастъ мнѣ возможность поработать дома, гдѣ у меня масса книгъ съ готовыми отмѣтками—сюда я взялъ только акты,—порыться въ архивахъ, коль хватить времени,—не найду ли чего новаго о Соборахъ, чрезъ что изданіе стало бы и ученымъ интереснѣе,—щеголеватѣе уже, во всякомъ случаѣ. Маскирующія истину пустыя работы въ С. Вѣстникѣ не отрывали бы меня отъ дѣла. Отсутствие мое изъ Петербурга прекратило бы всякія догадки обо мнѣ. Въ три-четыре мѣсяца было бы все и хорошо приготовлено. Только неудобное для Собора время,—самое рабочее,—Августъ; а поздняя осень неудобна для коронаціи.

Письмо это доставить Вамъ Мих. Роман. Романовъ, товарищъ прокурора въ Кіевѣ, бывшій воспитатель сыновей І. Н. Шатилова, урожденный крестьянинъ, славный человекъ,—я его давно и близко знаю. Теперь его посылаютъ въ Сибирь изслѣдить за Волгой и за Ураломъ новое, не террористическое, а народническое общество, такъ называемое—„Красный Крестъ“.

.....

До свиданья. Душевно Вашъ

П. Голохвостовъ.

12 Марта.

Сейчасъ былъ у Дм. Θεод. Самарина и вотъ что слышалъ отъ него: гр. Игнатъевъ спрашивалъ у кого то:—А что—моль, если бы собрать съ коронаціи крестьянъ отъ волости по выборному.—Прибавилъ, что онъ говорилъ объ этомъ Государю. Но слова „З. С.“ гр. Игнатъевъ не произнесъ, а только сказалъ, что Государь будетъ говорить рѣчь этимъ крестьянамъ. По толкованію Дм. Θεодоровича: это ужъ гр. Игнатъевъ пускаетъ пробные шары въ публику. И ужъ въ обществѣ толкуютъ (говоритъ Дм. Θεод.)—въ какомъ же мѣстѣ Государь будетъ говорить съ такой уймой народа—18 тысячъ крестьянъ! и гдѣ ихъ размѣстятъ,—лагеремъ на Ходынкѣ, что ли?

Я съ Воскресенья (сегодня Пятница уже минула) гр. Игнатъева не видалъ; вѣроятно до Воскресенья ужъ и не увижу. Слышу, что онъ очень занятъ: то и дѣло въ Гатчинѣ.

До свиданья.

Душевно Вашъ

П. Голохвостовъ.

7*

Р. С. Мих. Ром. Романовъ пробудеть въ Москвѣ дня три; потолкуйте съ нимъ какъ-нибудь на-единѣ о новомъ типѣ интеллигентовъ, которые не хотятъ республики, ни конституціи, хотятъ монархіи, но чтобы она была санкціонирована гласно народомъ и собираются продолжать покушенія на Государя только затѣмъ, чтобы подвинуть правительство на дѣйствія рѣшительныя, то есть на что же? . . . на Э. Соборъ.—А, коли успѣете, то и о Кіевскихъ жидовскихъ безпорядкахъ потолкуйте съ нимъ. Онъ товарищъ прокурора въ Кіевѣ, мой старый знакомый. Съ Вами онъ будетъ вполне откровененъ.

П. Г.

Петербургъ, 1 Апрѣля, 82.

Ров. былъ очень занятъ, что я только успѣлъ передать эстампъ ему, не успѣлъ даже сговориться—когда опять видѣться. Вы не знаете этой гравюры, не видали ее и не слышали о ней; вѣроятно, Ров. Вамъ доставить ее, чтобы Вы рѣшили: въ чисто ли Русскомъ вкусѣ передано общее и детали сюжета. Отзовитесь строго, не щадя гравера. Передайте это, пожалуйста, и Дм. Θεод., на случай, что онъ здѣсь увидится съ Ров. или съ другими знатоками; онъ тоже этого эстампа не знаетъ.

Если успѣю, напишу Вамъ статью о 2-мъ томѣ Барсова сборника „Причитанія рекрутскія“. Томъ только что вышелъ, я читалъ его на жел. дор. и ушелъ въ отдѣльное купе потому, что то и дѣло не могъ отъ слезъ удержаться, читая: совѣстно было сидѣть и плакать въ общемъ вагонѣ. Посвященіе покойному Государю, прекратившему эти ужасы, помѣчено 1-мъ Марта. Такъ и буду писать.—Вотъ одна изъ его реформъ, а его убили. По содержанію и по стижу этотъ томъ чуть ли не лучшее изъ досель напечатаннаго народнаго творчества.

Женѣ пишу, чтобы она, не мѣшкая, принялась за статью на книги Страхова.

До свиданья. Душевно Вашъ

П. Г.

Что же, любезнѣйшій Павелъ Дмитріевичъ, Вы замолчали, и ни слова о Вашей гравюрѣ? Продали ли ее? Какъ думаетъ о ней Ровинскій? Не показывали ли ее другимъ знатокамъ? Мнѣ очень хотѣлось бы, да и нужно знать, какъ обстоитъ Ваше дѣло и имѣете ли Вы

надежду на выгодный сбытъ? Я желалъ бы быть въ томъ предупреденнымъ заранѣе. Впрочемъ, можетъ быть, Самаринъ привезетъ мнѣ вскорѣ письмо отъ Васъ?

Вашъ И. в. Аксаковъ.

Апрѣль, 16, 1882.

Обратите вниманіе на передовую 16-го №, который выйдетъ завтра. Произведетъ ли она впечатлѣніе или ровно никакого?

Это письмо посылаю Вамъ, любезнѣйшій Павелъ Дмитриевичъ, съ особымъ артельщикомъ, котораго прошу Васъ не задерживать и съ которымъ прошу прислать отвѣтъ обстоятельный. Нарочно и посылаю, какъ это не дорого. Пусть это свидѣтельствуемъ Вамъ о томъ лихорадочномъ состояніи, въ которомъ я нахожусь и о которомъ Вамъ, право хоть по дружбѣ, слѣдовало бы вспомнить. Мнѣ необходимо знать, въ какомъ положеніи дѣло: точно ли 6-го Мая будетъ объявленъ манифестъ? Если 6-го Мая, то вѣдь Майскій № выходитъ 8-го Мая въ Субботу: не можетъ же „Русь“ тотчасъ не отозваться на это событіе или отозваться черезъ недѣлю, послѣ всѣхъ другихъ газетъ. Если я буду знать, что точно 6-го Мая манифестъ будетъ подписанъ, то заранѣе напишу статью, которую и сдамъ въ печать, какъ только получится телеграмма о подписаніи или обнародованіи манифеста. № весь будетъ готовъ, оставляю только мѣсто для статьи, которую и успѣютъ набрать въ нѣсколько часовъ. Не знаю, какъ будетъ манифестъ обнародованъ? 6-го ли Мая или только подписанъ 6-го Мая, а обнародованъ позднѣе—7-го Мая, напримѣръ; затѣмъ: одновременно ли обнародованъ въ Москвѣ и Петербургѣ или сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ? Если бы я все это зналъ заранѣе, я могъ бы ускорить днемъ и появленіе №, то есть выпустить его тогда же, когда одновременно въ первый разъ заговорятъ о немъ всѣ прочія газеты. Вѣдь, пришлютъ же Каткову *заранѣе* экземпляръ манифеста, навѣрно. Отчего же не прислать таковой и мнѣ? Пожалуйста, позаботьтесь объ этомъ, поработайте немножко въ интересахъ „Руси“. Вы, кажется, начинаете о нихъ забывать. По крайней мѣрѣ, Вы не отвѣтили мнѣ на мое индифферентное письмо, на которое отвѣтить было не мудрено и, вообще, ничего мнѣ со времени отъѣзда не написали, хотя оказій было не мало. Хорошо, что пріѣхалъ Самаринъ, видѣвшій Васъ и графа Игнатъева, который самъ ему рассказывалъ все дѣло (вкратцѣ). Между тѣмъ, согласитесь, любезнѣйшій Павелъ Дмитриевичъ, что я имѣю нѣкоторое

право желать, чтобы „Русь“ не была обойдена въ этомъ событіи, наступленію котораго она не мало содѣйствовала....

Игнатъевъ сказалъ Самарину, что предварительно пріѣдетъ дня на два въ Москву подъ благовиднымъ предлогомъ. Не знаете ли Вы,—точно ли онъ пріѣдетъ, а если пріѣдетъ, то когда именно—и нельзя ли мнѣ о томъ знать заранѣе, такъ какъ жена моя на дачѣ и мнѣ приходится часто уѣзжать изъ города. Хорошо бы, если бы и Вы пріѣхали, и вотъ почему: Катковъ въ послѣднее время очень раздражился и сталъ враждебно относиться къ Игнатъеву, было бы *однако же нежелательно*, чтобы онъ отнесся къ манифесту холодно. Потому было бы очень полезно, если бы Игнатъевъ, *а еще лучше Вы*, по порученію графа, предварительно подготовили эту почву. Лучше, чтобъ Вы—потому, что Вы этого дѣла (Соборнаго) маниакъ и фанатикъ и сильнѣе всякаго другого можете воздѣйствовать на чужую душу, именно силою непосредственнаго убѣжденія. Я знаю, что Катковъ какъ-то выразился: „Аксаковъ все намекаетъ на Земскій Соборъ,—Соборъ былъ бы отличною вещью, если бы при этомъ была въ правительствѣ сила. А Соборъ безъ этой силы можетъ принести лишь вредъ“. Въ присутствіе этой силы онъ не очень вѣрить.

Затѣмъ, по обнародованіи манифеста, нужно бы печатать рядъ статей о Соборѣ и по поводу Собора. Вы прежде намѣревались печатать ихъ въ „Руси“. Но Дмитр. Θεод. сказалъ мнѣ, что онъ появится въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ или въ „Сельскомъ“. Пусть такъ; но это не помѣшало бы имъ явиться одновременно и въ „Руси“, ибо тѣ газеты въ публикѣ не распространены. Но нѣтъ ли у Васъ хоть по исторіи Собора чего нибудь другого, что могло бы появиться именно въ „Руси“ одной? Наконецъ, прошу Васъ указать мнѣ автора лучшаго историческаго очерка Соборовъ (я забылъ его имя): я бы обратился къ нему съ предложеніемъ написать новые переработанные очерки Соборовъ. Не Загоскинъ ли это? И не знаете ли его адреса?

Ради Бога, отвѣчайте мнѣ поскорѣй и обстоятельно на это письмо. Если нужно ускорить отвѣтъ, то велите артельщику ѣхать почтовымъ или даже курьерскимъ, а не пассажирскимъ поѣздомъ.

Я не радостью трепещу, а очень серьезно взволнованъ, какъ и подобаетъ, въ виду рѣшающаго великаго событія. Это вѣдь *послѣдняя ставка*: пропади она, выйди fiasco,—спасенія мирнаго болѣе нѣтъ.

Обнимаю Васъ крѣпко. Не хорошо Вамъ оставлять меня въ мучительной неизвѣстности.

Ив. Аксаковъ.

27 Апрѣля
1882 года, Москва.

Петербургъ, 29 Апрѣля, 1882 г.

Многоуважаемый и дорогой Иванъ Сергѣевичъ, мужъ будетъ Вамъ писать сегодня ночью, послѣ свиданія съ гр. Игнатьевымъ и тогда, дастъ Богъ, сможетъ сообщить Вамъ что нибудь положительное. А пока онъ самъ находится въ точно такой же мучительной неизвѣстности какъ и Вы. Весь нынѣшній день, до 9 часовъ вечера занять у него спѣшной работой. Все то, что Вы пишете, я со словъ Вашихъ передала уже мужу, сначала въ письмѣ изъ Москвы, а затѣмъ во всѣхъ подробностяхъ вчера, при первомъ свиданіи нашемъ. Телеграфировать Вамъ иносказательно о днѣ пріѣзда въ Москву графа Игнатьева не пришлось мужу, такъ какъ и самый пріѣздъ не есть еще дѣло рѣшенное. Что же касается до писемъ,—неужели Вы не знаете какъ дорого, какъ отрадно было бы мужу отводить душу въ откровенной перепискѣ съ Вами, будь оно возможно. Но Воейковъ прямо предупредилъ мужа, что его письма къ Вамъ будутъ прочтены; мало того, желая, съ вѣдома графа, послать въ „Русь“ статью Угримова о Еврейскомъ вопросѣ, Воейковъ просилъ, было, мужа написать Вамъ по поводу этой статьи, но *неимаче*, какъ съ вѣрной оказіей. Такой не случилось, и это дѣло пришлось отложить. Д. Θ. Самаринъ обѣщалъ мужу непременно заѣхать къ нему въ день отъѣзда своего; но мужъ напрасно прождалъ его до обѣда, не рѣшился ѣхать самъ, боясь разѣехаться. Гдѣ же взять вѣрныхъ оказій? то есть вѣрныхъ людей. Теперь, особенно послѣ вчерашняго разговора со мной (я пріѣхала сюда вчера утромъ), мужъ именно былъ озабоченъ тѣмъ, какимъ бы образомъ дать Вамъ знать, чтобы Вы прислали сюда нарочнаго. Значить, какъ нельзя болѣе кстати явился нынче Вашъ посланный, только необходимо придется задержать его до завтра.

Ясному, твердому, вполне сознательному ходу дѣла тутъ помѣхъ не мало. Главное въ томъ, что гр. Игнатьевъ положилъ въ основу всего крупную ложь, въ которой онъ теперь, быть можетъ, и раскаивается, да ужъ выпутаться нельзя ему. Все, что мужъ писалъ и пишетъ, гр. Игнатьевъ выдавалъ и выдаетъ за „свое собственное“; отсюда и переписываніе собственноручно всѣхъ бумагъ, манифеста,

напримѣръ, до *пяти* разъ, послѣ каждой поправки маловажной и это при его страшномъ недостаткѣ времени. Понятно, тотъ, кто самъ не чувствуетъ незыблемо-твердой почвы подъ собой, не можетъ внушить полной увѣренности или лучше вѣры другому. Какъ бы ни былъ школьникъ уменъ, боекъ, увертливъ и находчивъ передъ экзаменаторомъ, но, если онъ не вполне владѣеть предметомъ,—такъ сказать, прошелъ не полный курсъ, а знаетъ только до такой-то страницы, до такой-то строчки, то, вѣдь, оно окажется. Теперь при каждомъ сомнѣннн, возраженнн, недоумѣннн необходима ссылка на слѣдующій разъ, на будущій докладъ, а затѣмъ новое свиданнн съ мужемъ, чуть ли не ежедневное за послѣднее время. Словомъ, мужъ приготовился къ тому, что Государь откажется подписать манифестъ и въ такомъ отказѣ находить признакъ государственнаго ума и смысла, зрѣлости, обдуманности. Вѣдь, не шутки шутить, начинать такое важное дѣло, ставить, по Вашему выраженнн, послѣднюю ставку. Такъ вотъ въ чемъ, собственно, записка. Сверхъ того гр. Игнатьевъ не joue pas cartes sur table. Мужъ открылъ окольными путями затѣянную интригу, ради того, чтобы создать кабинетъ на Западный образецъ, составленный изъ единомышленныхъ, то есть покорныхъ, министровъ со все-сильнымъ премьеромъ во главѣ. И это одновременно съ воскресаемымъ Земскимъ Соборомъ то! Вы говорите, что боитесь „пестроты дѣйствнн“; едва ли возможно придумать что либо болѣе ярко пестрое. Но если мужъ—фанатикъ Земскаго Собора, то онъ не менѣе того и фанатикъ самодержавнн. Эскамотировать царскую власть въ пользу доморощеннаго Бисмарка, Биконсфильда и т. п. и свести Земскнн Соборъ на степень новоизобрѣтеннаго департамента при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ,—на это онъ не пойдетъ, конечно. Значить, въ крайнемъ случаѣ, произойдетъ полный разрывъ и тогда мужъ рѣшилсн отправиться прямо къ царю, изложивъ все дѣло въ письмѣ, которое обѣщалсн подать вѣрный человѣкъ. Такъ вотъ какъ живетсн мужу здѣсь за это время,—не легко, какъ видите, и нечего объяснять Вамъ какъ дорого было бы ему свиданнн съ Вами. Бумаги, нужныя Вамъ, онъ пришлетъ; все, что будетъ у него написано по вопросу о Земскомъ Соборѣ, имъ предназначается для „Руснн“; о статьяхъ въ „Правит. Вѣстнн.“ онъ въ первый разъ слышитъ, тутъ вышло недоразумѣннн; а сказалъ онъ Дм. Θεод., что для „Сельскнн Вѣстника“ надо будетъ написать популярную статейку. Остальное новое пусть онъ скажетъ Вамъ самъ, когда вернетсн отъ гр. Игнатьева, куда уѣхалъ теперь.

Мнѣ же позвольте крѣпко пожать Вамъ руку и попросить Васъ передать поклонъ и привѣтъ Аннѣ Θεодоровнѣ.

Въ деревнѣ подь Москвой мы оставили знойное лѣто, черемуху и сирень въ цвѣту; въ Бологомъ нашли глубокіе снѣга; а тутъ въ Петербургѣ холодъ и пронзительный вѣтеръ, совсѣмъ какъ слѣдуетъ.

Душевно преданная Вамъ

Ольга Голохвастова.

Четвергъ, 29 Апрѣля, вечеромъ.

Дорогой Иванъ Сергѣевичъ,

Сейчасъ вернулся я отъ гр. Игнатъева. Свиданіе было блѣдное, то есть интересное только весьма второстепенными подробностями. Государь все еще не говоритъ ни да ни нѣтъ. Игнатъевъ *все еще почти увѣренъ* (всегдашнее его объ этомъ), что къ 6-му манифестъ будетъ подписанъ. Онъ вчера былъ въ Гатчинѣ и совершенно будто бы (по словамъ Воейкова) убѣдилъ Государыню, что Варѣоломей Коченевъ (Любимовъ „Противъ Теченія“) и Катковъ—врутъ, что ихъ происки противъ З. Собора (Любимовъ, говорятъ, писалъ Государю) глупы и даже недоброкачественны..... Самъ Игнатъевъ мнѣ про это не говорилъ, но третьяго дня онъ вызвалъ меня и много разспрашивалъ о Варѣ. Коченевѣ, Тэнѣ, о томъ, почему Національное Собраніе приняло такой оборотъ и т. п. и кое-что крѣпко записывалъ на бумажкѣ. Я давно, но много занимался Французской революціей и, гдѣ память не измѣнила, отбрилъ Коченева сердито и не голословно.

Да, цѣль Игнатъева—премьерство. Узналъ я это такъ: онъ заказалъ Воейкову записку о Земскомъ Соборѣ: что это совсѣмъ не конституція и такъ далѣе, а выводъ: что предъ лицомъ З. Собора необходимо единомышленное министерство, а не какое теперь: кто въ лѣсъ, кто по дрова. Воейковъ велѣлъ сочинять эту записку князенькѣ Шаховскому (брату женатыхъ на Милутиной и Катковой). У недавняго студента, нынѣшняго чиновника Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Ив. Ив. Толстого, нашлись литографированныя лекціи Сергѣевича о З. Соборахъ; что это необходимое преддверіе къ конституціонному раю. Начали перефразировать эти лекціи шиворотъ на выворотъ. Безтолочъ написали даже самимъ себѣ ужасную; и просто, наконецъ, кликнули меня: потихоньку, молъ, отъ графа, Бога ради, научите. Я научилъ, сколько было для дѣла надобно, а про министерство будущаго Биконсильда зарубилъ себѣ на носу, ни слова не говоря,

конечно,—и понялъ, почему записка—эта, потомъ еще подобная же,—потихоньку отъ меня пишутся. Значить, спасибо, не считаютъ меня ни дуракомъ, ни шельмой. И этотъ же Игнатьевъ при мнѣ намедни плакалъ,—растрогался моими рѣчами о Соборѣ.

Всѣхъ лучше о Земскихъ Соборахъ писалъ Загоскинъ. Книжку его я намедни возвратилъ Дм. Θεод. Самарину. Всѣ прочіе (послѣ Конст. Сергѣевича и Вѣляева)—конституціонисты: Загоскинъ тоже, но блѣдный, безстрастный. Издаеть и живетъ (профессорствуетъ?) онъ въ Казани. Мои статьи, каковы я Вамъ ихъ читалъ лѣтомъ, въ „Русь“ тогда ужъ не будутъ годиться, надо ихъ будетъ передѣлать—обеззадорить. Постараюсь немедленно отдать этому *все свободное* время. Въ „Правит. Вѣстн.“ писать о Земскихъ Соборахъ—Бога ради, не накличете мнѣ такой бѣды. Въ „Сельск. Вѣстн.“ необходима будетъ простонародная исторійка З. Соборовъ; этого, очень труднаго и (съ цензурой „С. Вѣстн.“) хлопотнаго дѣла мнѣ не минуть.

Если, дастъ Богъ, будетъ манифестъ подписанъ 6-го, то появится въ „Правит. Вѣстн.“ 7-го только.—6-го Вознесенье, рожденіе Цесаревича, 200-лѣтняя годовщина и годъ Игнатьевскому министерствованію. 5-го подписать нельзя.

Прилагаю послѣднее досель черновое манифеста и, первое, пока мѣсть счета соборянъ. Рескриптъ не посылаю; я написалъ его сѣть всю и ходъ пояснилъ; отъ обмундировки же всего этого во фразы отказался;—какъ удалось это Воейкову—увиджу завтра, секретно, за завтракомъ у Воейкова. Старшинъ на Руси оказывается всего три купеческихъ: въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ Одессѣ, также и мѣщанскихъ, и ремѣсленныхъ. Я замѣнилъ ихъ нарочито выбранными купцами. Надо бы написать, по моему, указъ Сенату о Земск. Соборѣ; гр. Игнатьевъ находить это лишнимъ и, полагаю, весьма ошибется. Уставъ писанный, то есть печатный—штука конституціонная, ведущая къ вѣчнымъ препирательствамъ о параграфахъ, вмѣсто совѣщанія о дѣлахъ. Соборный уставъ...—вотъ Вамъ и написалъ:—быть собору по старинѣ, на всей волѣ Государевой.—Нужно, говорить Игнатьевъ, устроить особую Земско-Соборную канцелярію при Мин. Вн. Дѣлъ; согласится ли Дм. Θεод. Самаринъ быть директоромъ?—Не знаю, говорю, согласится ли Дм. Θεод.; но, по моему, канцелярія—Приказъ, что ли—Земско-Соборный, долженъ быть при особѣ Государя.—Начальникомъ Приказа долженъ быть даже не министръ Вн. Дѣлъ, а гр. Игнатьевъ; а товарищемъ—хорошо кабы согласился Дмитрій Θεодоровичъ.—Слы-

шалъ ли отъ него Дм. Ѳеод. о Соборѣ,—Игнатъевъ мнѣ не сказалъ; я, впрочемъ, и не спрашивалъ. Не сглазить бы: удивляюсь какъ до сихъ поръ въ Петербургѣ Соборъ и отсрочка коронаціи—секретъ. Условимтесь. Если телеграфирую Вамъ: *пришлите экипажъ на станцію къ почтовому, Дмитріевичъ*, значить: *пришлите въ Петербургъ нарочною такъ, чтобы онъ 6-ю могъ уѣхать къ Вамъ*.—Если же: *экипажа не высылайте до новой телеграммы*, значить: *теперь подписанъ манифестъ не будетъ*.—Безъ словъ до новой телеграммы, значить: *дѣло вовсе покинуто*; при этомъ: *письмо отправляю*, значить: *напишу Государю*.—Едва ли сможетъ Игнатъевъ уѣхать въ Москву 7-го, да и зачѣмъ? Но, если да, и скажетъ мнѣ если впередъ, то телеграфирую Вамъ, назвавъ его *Шараповымъ*. Моя подпись всегда,—*Дмитріевичъ*. Пожалуйста, не говорите ему, что Вы отъ меня узнали о манифестѣ и объ отсрочкѣ коронаціи; а то волей неволей, придется мнѣ быть съ Вами—чего бы не желалъ—скромну. Про Дм. Ѳеод. тоже, конечно, буду твердо рассчитывать, что какъ будто ни Вы, ни Дм. Ѳ., ни я отъ Васъ—ничего не знаю.—Остальное важное все, кажется, написала жена. Какъ Вы могли подумать, что я такъ вотъ—здорово живешь—не пишу Вамъ. Ваше намеднешнее письмо о Ровинскомъ получилъ я подозрительно запачканное по заклеякѣ. Тоненькаго Толстого (Вашего) я видѣлъ тутъ, встрѣтилъ на лѣстницѣ у графини Игнатъевой, спросилъ адресъ, хотѣлъ черезъ него написать и переслать Вамъ о жидакъ; но для прочаго не счелъ его вѣрной оказіей. Сегодня у меня опять былъ маленькій припадокъ лихорадки,—вечеромъ пока я былъ у Игнатъева. Пишу Вамъ съ головою болью. Теперь уже 5 часовъ; въ 10 будетъ Вашъ посланный, пора мнѣ лечь поспать. Не взыщите за неразборчивое царпанье. Сердечно крѣпко обнимаю Васъ.

П. Голохвастовъ.

Ахъ, дай-го, Господи!... Жена увѣряетъ, будто я посѣдѣлъ за этотъ мѣсяцъ. Не вижу этого, но вѣрю.

Мая 6-го, 1882, Четвергъ.

Дорогой Иванъ Сергѣевичъ, посейчасъ ничего еще не рѣшено и сегодня едва ли что рѣшится; подписанъ манифестъ почти навѣрно не будетъ; будетъ ли, по крайней мѣрѣ соглашенье на его неотложное обсужденье; не вотретъ ли Побѣдоносцевъ Государю манифестъ въ такомъ родѣ, что никогда З. Собору не бывать—вотъ чего боится гр. Игнатъевъ. Послѣ моего письма къ Вамъ (съ Вашимъ нарочнымъ) дѣло шло крайне вяло. Воейковъ, кн. Шаховской, Алехинъ то и дѣло пи-

сали докладныя записки о Соборѣ—вздоръ на вздорѣ—и передѣлывали писанное мною. Все это яко бы тайно отъ меня и обо всемъ, о каждомъ, по дважды и трижды совѣщаясь со мною. Гр. Игнатъевъ думаетъ, кажется, что знаетъ и пишетъ одинъ Воейковъ; а меня только три дня тому назадъ пересталъ увѣрять, что знаю и пишу одинъ я, да самъ онъ, гр. Игнатъевъ, кое-что поправляетъ. Рескриптъ былъ написанъ мною такъ: Сегодня минуло 200 лѣтъ... я снова позвалъ Землю на древлеобычный нашъ Царскій *совѣтъ* съ нею. Подобно предкамъ, совѣстимъ первый Соборъ царствованія съ торжествомъ вѣнчанія на царство. Отсрочиваю коронацію, чтобы не торопить съ выборами, прїѣздомъ и пр. Считаю это самымъ богоуказаннымъ временемъ, чтобы свидѣться съ Землею, свѣститься съ нею, привести ее всю къ единомыслию правды и приступить къ самому насущно-нужному дѣлу къ устройству *уѣзда* и волостного или же приходскаго суда и управленія. Вотъ почему призываю въ такомъ большомъ числѣ собственно земскихъ людей: крестьянъ и—относительно еще въ большемъ—землевладѣльцевъ; и вотъ почему на *этотъ*, и такъ уже столь многочисленный соборъ, не призываю нарочито выборныхъ отъ *горожанъ*, кромѣ почетныхъ... Для непосредственности выборовъ призываю не отъ З. Собраній, а прямо отъ земщины, землевладѣльцевъ, отъ уѣзда, безъ различія крупно и мелко помѣстныхъ крестьянъ потому то отъ округъ, гдѣ бы всѣ они по возможности, до и послѣ Собора, могли бы сноситься съ своимъ соборяниномъ. Распорядитесь удобствами прїѣзда и прожитія въ Москвѣ соборянъ, моихъ гостей на коронаціи и т. д.,—объясняя все, во первыхъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ объяснить, во вторыхъ, чтобы не обидѣлись горожане, земство малымъ ихъ призывомъ. Рескриптъ былъ написанъ очень сжато. Его отдали передѣлать, я думалъ только разъяснить, какъ обыкновенно съ моими записками и т. п. дѣлается. Вышло—нѣтъ: выпустили все существенное, оставили только 200 лѣтъ, приписали, что Государь—охранитель собственности;—всѣмъ остальнымъ распорядиться графу, котораго многолѣтняя опытность... и пр. Графъ самъ прочелъ мнѣ эту дребедень и пригласилъ высказать, не стѣсняясь мое мнѣніе,—все де остальное найдетъ мѣсто уже въ его циркулярахъ. Я сталъ возражать: одинъ Государь можетъ сказать (слѣд., въ рескриптѣ, а не министръ въ циркулярѣ), о чемъ онъ намѣренъ совѣщаться. Не говорить о совѣщаніяхъ вовсе, не очертить ихъ предѣла:—будутъ готовиться говорить о томъ, о семъ и еще кое о чемъ. Не объяснять, почему города и губерскія земства обойдены,—скажутъ, что Царь боится интеллигенціи,—сзываетъ мужиковъ да мелкотравье.—Ну, такъ введите это опять въ рескриптъ; только вотъ этимъ *мякимъ стилемъ*.—Для стилия разрешите мнѣ сгово-

рится сѣ Воейковымъ.—Позвали Воейкова, ледь секретѣ былъ проломанъ. Теперъ въ рескриптѣ опять *кое-что и мяко* введено. Настаетъ 3-е Мая, графъ признается мнѣ, что Воронцовъ относится къ дѣлу очень сухо; оказывается, что гр. Игнатьевъ отъ него многое скрылъ; Побѣдоносцевъ враждебенъ, сѣ нимъ Игнатьевъ еще вовсе не пытался столковаться; Островскій знаетъ кое-что отъ Государя и ничего до сихъ поръ отъ Игнатьева; другіе, *кажется*, ничего не знаютъ. Все было расчитано на то, чтобы сорвать сѣ Государя согласіе и подпись и оставить всю славу дѣла сѣбѣ. Я предлагаю: пошлите меня къ Побѣдоносцеву....—Подумаю.—4-го, утромъ, пріѣзжаетъ Ѡадѣевъ къ Воейкову. Ѡадѣеву надо получить изъ Министерства; но можно и не получить, какіе-то 500 рублей подъемные-суточные. Ѡадѣевъ, *шутя*, говоритъ, что, если получку этихъ 500 рублей Воейковъ ему сейчасъ устроить, то онъ скажетъ Воейкову важную тайну. Воейковъ тотчасъ устроилъ. Ѡадѣевъ сказалъ, что на Воронцова со всѣхъ сторонъ налегаютъ, чтобы онъ противодѣйствовалъ Собору, но Воронцовъ де вчера сказалъ, что онъ будетъ за Соборъ, но только за *настоящій*, о какомъ онъ постоянно думаетъ сѣ осени (то есть, со свиданія со мной, 8-го Сентября). Ѡадѣевъ же указалъ и на предлогъ (преобразование святой дружины), по которому Воронцовъ сегодня же, 4-го вечеромъ, самъ-другъ сѣ Боби Шуваловымъ, можетъ быть у Игнатьева; потомъ остаться сѣ Игнатьевымъ одинъ. Такъ и исполнилось. Я Воронцова посейчасъ такъ и не видалъ сѣ Сентября. Пока онъ былъ у Игнатьева, я былъ, намекомъ черезъ Воейкова, приглашенъ все время быть въ Министерствѣ. Вызвали въ 10½ ч. веч. Воейкова къ Игнатьеву и черезъ него сказано мнѣ—ѣхать тотчасъ къ Побѣдоносцеву, попытаться уломать его, не сказывать ему только какіе акты (манифестъ и пр.) у Государя и ничего о днѣ 6-го Мая. Я скрѣпя сердце, поѣхалъ. Да,—вотъ еще что: 3-го вечеромъ Государь телеграммой вызвалъ Побѣдоносцева къ полудню 4-го въ Петергофъ. Игнатьевъ это тотчасъ узналъ черезъ полицію и 3-го вечеромъ, написалъ Побѣдоносцеву *длинное* письмо, прося у него свиданія 4-го утромъ. Побѣдоносцевъ отвѣчалъ, что онъ встаетъ поздно и до утренняго поѣзда времени имѣтъ не будетъ. Теперъ онъ вернулся изъ Петергофа и, судя по времени, очевидно не хочетъ пріѣхать къ Игнатьеву. Побѣдоносцевъ тотчасъ принялъ меня, сказалъ сѣ перваго слова, что ему ни минуты времени нѣтъ говорить о чемъ бы то ни было—ни сегодня, ни завтра....—Надолго ли Вы въ Петербургѣ?—Я тутъ уже около двухъ мѣсяцевъ служу у гр. Игнатьева чиновникомъ особыхъ порученій.—А, такъ вотъ оно!... Ну, слушайте же: Вы сѣбѣ набили голову глупостями, такими же какъ Аксаковъ; сбиваете сѣ толку такихъ пустомель, какъ Строгановъ

и Игнатъевъ; знаю о чемъ идетъ дѣло; слышать ни о чемъ не хочу (и зажалъ себѣ уши); помолитесь Богу, чтобы онъ вразумилъ Васъ, Соборъ—тоже конституція—пагуба Россіи; киньте этого лгуна и вралю Игнатъева и уѣзжайте въ Воскресенскъ.—Нѣтъ, не уѣду: ѣхалъ бездѣйствовать, а ужъ подавно тормозить дѣло и вообще ничего знать не хотѣть,—значить брать на душу отвѣтъ передъ Богомъ въ тѣхъ бѣдахъ, какія отъ бездѣйствія могутъ и должны произойти.—Ну, какъ хотите; изъ Собора все равно; я навѣрное знаю, ничего не выйдетъ никогда,—подавно теперь. Прощайте.—Я вернулся; Воейковъ записалъ на бумажку отвѣтъ Побѣдоносцева и снесъ Игнатъеву. Воронцовъ у него ожидалъ отвѣта. Вчера у Игнатъева собрались нѣкоторые министры (безъ Воронцова) по постороннему дѣлу—очень (слишкомъ даже) неважному. Я опять долженъ былъ все время сидѣть у Воейкова. И опять Игнатъевъ не позвалъ меня даже и послѣ. Вѣроятно, Игнатъевъ созвалъ министровъ, дабы потомъ наверху, у графини, по одиночкѣ переговорить съ ними, по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми.—Сейчасъ я былъ прерванъ пріѣздомъ Воейкова. Чтѣ было вчера у Игнатъева говорено съ министрами—неизвѣстно; но Островскій желаетъ видѣться со мною на досугъ въ Субботу утромъ,—Игнатъевъ согласился на это. До сихъ поръ я Островскаго никогда не видалъ. Островскій объявилъ Игнатъеву, что онъ будетъ всей душой за Соборъ *настоящій* (все повторяютъ это слово); но, что, если сегодня Государь подпишетъ манифестъ, то есть до дѣльныхъ обсужденій, онъ, Островскій, подастъ завтра въ отставку; и не поѣхалъ сегодня въ Петергофъ (Вознесенье, рожденіе Цесаревича);—поѣтому ли не поѣхалъ, что ни Государь, ни Игнатъевъ не говорили съ нимъ прямо и обстоятельно о Соборѣ или по чему другому,—Воейковъ не знаетъ. Вотъ и все пока, дорогой Иванъ Сергѣевичъ.—Письмо это доставить Вамъ вѣрный, славный человекъ, Алексѣй Александровичъ Нейдгартъ; онъ сегодня уѣзжаетъ въ Москву. До свиданья; крѣпко обнимаю Васъ. Въ 5½, вернется Игнатъевъ изъ Петергофа. Коль успѣю, завезу записку Вамъ (черезъ Нейдгарта) на курьерскій поѣздъ.

Душевно Вашъ

П. Голохвастовъ.

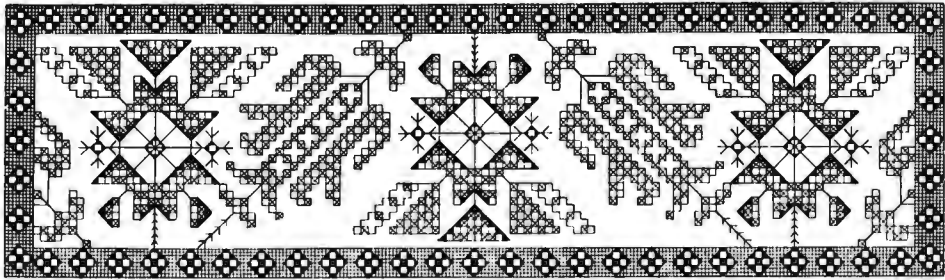
Получилъ Ваше письмо съ А. А. Нейдгартомъ, дорогой Павелъ Дмитриевичъ, и обрадовался хоть какому нибудь извѣстію: все же лучше томительной неизвѣстности. Я, ничего не объясняя, держалъ наготовѣ въ праздникъ (6-го) работниковъ въ типографіи, хотя, не получая никакихъ телеграммъ, предполагалъ, что Вы и сами навѣрно не знаете.

Подробности писемъ Вашихъ и Ольги Андреевны (которую благодарю всей душой), присланныхъ съ артельщикомъ, а также и послѣдняго,— производятъ удручающее впечатлѣніе. *Нельзя пьесу Шекспира представлять въ театрѣ марионетокъ.* Островскій поступилъ такъ, какъ и я бы на его мѣстѣ.... Но удивительно, что слухи о З. С. почти не проникли въ общество. Уте гитенг vague никого и не волнующая. Думаю, однако, что Побѣдоносцевъ одержитъ верхъ, напугаетъ и заставитъ, по крайней мѣрѣ, отсрочить на неопредѣленное время. Право, не знаешь къ худшему это или къ лучшему. Едва ли первое, въ виду несерьезности главнаго воротилы. Нельзя воровски, украдкой прошмыгнуть въ Царство Божіе и—главное—впихнуть туда другихъ. Ради Бога, продолжайте пользоваться оказіями и сообщать мнѣ о ходѣ дѣла. Обнимаю Васъ и цѣлую ручки у Ольги Андреевны.

И в. Аксаковъ.

8 Мая, 1882.

ВОЙНА 1812 г. и КАЛМЫКИ*).

7-го Апрѣля 1811 г. послѣдовалъ Именной Высочайшій Указъ Главнокомандующему въ Грузіи и по Кавказской линіи г.-л. Ртищеву, въ которомъ говорилось: „для усугубленія арміи нашей легкими иррегулярными войсками, желая составить два калмыцкіе пятисотные полка изъ ордъ, обитающихъ въ Астраханской, Саратовской и Кавказской (нынѣ Ставропольской) губерніяхъ и въ предѣлахъ войска Донского исключая причисленныхъ къ сему войску и службу обще съ нимъ несущихъ, я поручаю вамъ исполненіе сего“. Далѣе указывалось, что нарядъ долженъ былъ произведенъ безъ всякаго принужденія и по доброй волѣ, увѣряя калмыковъ, что за усердіе и готовность по службѣ,—князья, султаны и владѣльцы—будутъ пожалованы чинами и знаками отличія, а рядовые—жалованьемъ....

Въ этотъ же день данъ указъ на имя князя Волконскаго о сформированіи Калмыцкаго Ставропольскаго полка изъ 560 челов. и двухъ башкирскихъ полковъ по 500 челов. „для усиленія арміи легкими иррегулярными войсками и чтобы приучить на будущее время ихъ къ службѣ“.

Калмыки должны явиться на службу въ исправномъ оружіи и быть о двуконь...

Рядовымъ жалованья полагалось 12 рублей въ годъ и мѣсячный провіантъ, „да на одну лошадь фуражъ въ натурѣ, а на другую за оный деньгами по справочнымъ цѣнамъ, офицеры же и старшины противъ офицеровъ гусарскихъ полковъ съ того времени, какъ они за сто верстъ отъ сборныхъ мѣстъ найдутся по самое возвращеніе“. Начальники должны быть изъ зайсанговъ и при каждомъ полку армейскіе штабъ-офицеръ. Полки должны итти къ Воронежу. Дѣло было спѣш-

*) По матеріаламъ Ставропольскаго и др. Архивовъ, разработаннымъ Г. П. Прозри-телевымъ: Военное-прошлое нашихъ Калмыковъ. 1912 г.

ное. г.-л. Ртищевъ немедленно принимаетъ мѣры. Онъ немедленно сообщаетъ главному приставу Халчинскому, прося его пріѣхать въ г. Георгіевскъ и пригласить знатнѣйшихъ владѣльцевъ.

31-го Августа онъ доноситъ Государю и военному министру Барклаю де-Толли, что два пятисотенные полка изъ ордѣ, обитающихъ въ Астраханской, Саратовской и Кавказской губ., сформированы и 28 Августа направлены къ Воронежу, „владѣльцы, зайсанги и простые Калмыки идутъ съ удовольствіемъ“. Энергія ихъ такъ была велика, что ополченіе собралось въ два мѣсяца. Принявъ во вниманіе, что Калмыки—кочевали и трудно было ихъ собрать,—можно удивляться быстротѣ ихъ. Первый полкъ вышелъ подъ командою владѣльца Джамбы Тайши Тундутова, а второй—подъ командою владѣльца капитана Сербеджаба Тюмеля. Имена ихъ полки и стали носить. Первый полкъ былъ сопровождаемъ казан. пѣхотн. полка маіоромъ Дублянскимъ, а второй—вологод. пѣх. полка маіоромъ Плѣхановымъ. Ртищевъ ходатайствуетъ, чтобы Сербеджабъ Тюмень получилъ чинъ маіора, а братья Джамбо Тайши Тундутовъ и Эрдени Тайши—чинъ капитана.

Полкъ Тюмени отличался хорошимъ вооруженіемъ и исправными конями.

Полкъ Тундутовъ былъ вооруженъ на половину, люди были одѣты плохо, очень спѣшили съ его формированіемъ, и въ степи не было одежды, недостатки предполагалось восполнить по пути къ Воронежу.

Такимъ образомъ, вмѣсто двухъ было сформировано три полка: Ставропольскій и два Астраханскихъ. Въ составъ ихъ входили Калмыки большого и малаго Дербета. Въ формированіи полковъ особенно отличался глав. приставъ Халчинскій—боевой офицеръ, сподвижникъ славныхъ походовъ Суворова. Онъ улаживалъ все недоразумѣнія и споры.

По распоряженію главно-командующаго Ртищева—сформированные полки должны были собраться у станицы Пятизбѣнской на Дону и слѣдовать къ Воронежу.

Въ обмундированіи Калмыковъ было удержано національно калмыцкое только въ цвѣтѣ платья (темно синемъ) шапкѣ и сапогахъ. Все остальное—общее съ казачьими войсками.

По этому образцу обмундированье было сдѣлано по требованію князя Багратіона, когда полки уже прибыли въ Луцкъ. Первоначально же полкъ былъ одѣтъ въ свой національный костюмъ, которымъ являлась черкеска, обыкновеннаго кавказскаго покроя. Тюмень говорилъ, что обмундированіе полка стоило ему до 96000 рублей, и снова приходилось его переобмундировать.

Полки имѣли знамена. Первое съ изображеніемъ всадника на бѣломъ конѣ „Дайчи Татра“—покровитель воиновъ. Легенда знамени—стремленіе къ побѣдѣ для достиженія на землѣ общаго счастья и мира. Небо и земля участвуютъ въ походѣ святого. Клубящаяся пыль изъ подъ копытъ коня свидѣтельствуесть о томъ, что стремится по землѣ. У ногъ всадника—звѣри всѣхъ родовъ тутъ и тигръ, медвѣдь, волкъ, собака, надъ головой несутся птицы... Лицо всадника красиво и спокойно; задора въ немъ не замѣтно. Онъ безстрашенъ. У него нѣтъ меча. Стрѣлы покоются въ колчанѣ. Рядомъ съ нимъ существуетъ другой святой: „Окон-Тенгрои“—символь разрушенія и безпощаднаго мщенія. Онъ покровитель Дербетовъ (въ переводѣ „дѣва-ангелъ“.) Онъ тоже на бѣломъ конѣ. Въ зубахъ у всадника младенець, въ правой рукѣ—огромный мечъ, меньшій мечъ у сѣдла. Конь взнузданъ змѣями. Изъ змѣй сдѣланы принадлежности сѣдельнаго убора.

Путь всадника—кровавая рѣка. Вокругъ сверкають молніи.

На знамени начертаны заклинанья.

По сформированіи Ставропольскаго полка, о которомъ архивныя свѣдѣнія очень недостаточны, полковымъ командиромъ былъ назначенъ подпоручикъ Барышевскій 1-й.

Когда Калмыки собирались къ Симбирску и когда полковой командиръ еще не имѣлъ ихъ въ своемъ вѣдомствѣ, эти „нижніе чины“—учинили буйства и грабежи надъ поселянами.

Барклай-де-Толли, военный министръ, обратилъ на это серьезное вниманіе и послалъ особаго чиновника для разслѣдованія этого пропсества.

Хотя невинность командира Барышевскаго была доказана, министръ потребовалъ его удаленія отъ командованія полкомъ. Очевидно, дѣло было въ столкновеніи съ крестьянами изъ за пастбищъ. Калмыцкіе полки гнали съ собою быковъ и овецъ для продовольствія.

Командиромъ Ставропольскаго полка назначаютъ Оренбургскаго гарнизоннаго полка капитана *Діомидія*. Изъ Симбирска полкъ прослѣдовалъ къ Серпухову. Здѣсь тоже преслѣдовала его злая судьба. Приведемъ выдержки изъ рапорта капитана *Діомидія*—Военному Министру: сего Сентября 16 числа 4-й сотни полковой есауль *Габуновъ* въ присланномъ ко мнѣ рапортѣ изъяснилъ, что сего же мѣсяца 15-го числа по утру съ квартиръ, занимаемыхъ въ казенной деревнѣ *Дракиной*, отпущены имъ были въ гор. Серпуховъ казаки подъ присмотромъ заурядъ-урядника *Герасима Оркидосонова* для покупки разной потребности, а по возвращеніи „позда вечера“ изъ бывшихъ казаковъ *Бал* жи хаевъ и *Пемкуевъ* объявили ему, что во время проѣзда городомъ неизвѣстный имъ какой-то дьячекъ, стоя на улицѣ, кричалъ „арипы“, а они на сіе ничего не отвѣчали, а ѣхали своимъ путемъ. Дьячекъ, забѣжавши къ нимъ впередъ, началъ ругать матерными словами, говоря, что ругаетъ онъ ихъ „арипъ—Калмыковъ“, то бывший изъ нихъ заурядъ прапорщикъ *Оркидосовъ*, осерчая на сіе, ударилъ имѣющеюся въ рукахъ плетью одинъ разъ по спинѣ, отъ чего дьячекъ ушелъ на дворъ.... Отѣхавши нѣсколько сажень, тотъ дьячекъ ударилъ „незапно“ сзади *Оркидосова* по головѣ рычагомъ. Въ результатѣ *Оркидосовъ* былъ доставленъ убитымъ. Дьячекъ былъ привлеченъ въ судъ, есауль *Габуновъ*, отпустившій казаковъ—былъ уволенъ.

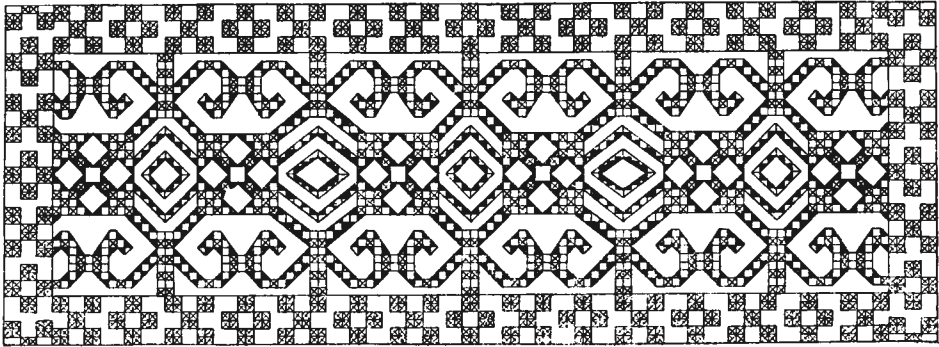
Затѣмъ полкъ былъ двинуть въ Вильну подъ команды *Ессена I-го*, черезъ *Можайскъ*, *Гжацкъ*, *Дорогобужъ*, *Смоленскъ*, гор. *Орши*, *Борисовъ*, *Отмяны*, имѣя отдыхъ черезъ 3 дня.

Боевая дѣятельность полка была выдающеюся. Полкъ участвовалъ въ сраженіи *Юня 27-го* и *28-го* подъ мѣстечкомъ *Миромъ*, *Юля 2-го* подъ *Романовымъ*, *25-го* подъ *Велижемъ*, *Августа 8-го* подъ *Звенигородомъ*, и *28-го* по *3-е Сентября* подъ *Москвой* *25-го* подъ *Дмитровомъ*, *27-го* подъ *Волоколамскомъ* и *Рузой*. Въ преслѣдованіи непріятеля онъ, имѣя по тракту непрерывныя сраженія, наносилъ непріятелю вредъ.

Участвовалъ онъ и во взятіи *Парижа*; за что получили медали до 55 человекъ изъ 560 чел. За три года онъ потерялъ 210 ч.

С. Фарфоровскій.

Предисловіе къ перепискѣ Кристина съ кн. Туркестановой.

БАРОНА БУДБЕРГА, РУССКАГО ПОСЛАННИКА ВЪ ПАРИЖѢ.

Два раза мнѣ случалось встрѣчаться съ именемъ нѣкоего Фердинанда Кристина, швейцарца по происхожденію, который будучи на службѣ Франціи и Россіи, кончилъ свои дни въ Москвѣ, гдѣ провелъ послѣдніе 24 года жизни. Первый разъ имя это встрѣтилось мнѣ въ 1872 году. Я выпускалъ въ свѣтъ неизданную до того переписку Императрицы Екатерины II съ генераломъ Будбергомъ, русскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ. Посольство его имѣло цѣлью женитьбу короля Густава Адольфа IV на великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ. Она разстроилась изъ-за религіозныхъ недоразумѣній, за которыми скрывали политическія интриги. Въ этихъ трудныхъ переговорахъ играло роль одно лицо, которое, не будучи прямо на Русской службѣ, было дѣятельно употребляемо посольствомъ и казалось вполнѣ преданнымъ Русскому правительству. Лицомъ этимъ являлся швейцарскій путешественникъ, по имени Кристинъ, располагавшій нѣкоторыми связями при Стокгольмскомъ дворѣ.

Второй разъ я встрѣтился съ этимъ именемъ въ 1875 году. Я былъ обязанъ дружескому довѣрію сообщеніемъ мнѣ переписки княжны Варвары Туркестановой, фрейлigny Императрицы Маріи Θεодоровны, съ этимъ-же самымъ Кристиномъ, тогда поселившимся въ Москвѣ, удалившимся отъ дѣлъ и живущимъ въ близости съ самымъ избраннымъ и знатнымъ обществомъ Россіи. На меня произвело живѣйшее впечатлѣніе возвышенность чувствъ и глубокое знаніе политическаго

положенія, которыя обнаруживали письма Кристина. Эта частая переписка съ близкимъ другомъ отличается чрезвычайнымъ воодушевленіемъ и слогомъ, изящная дружелюбность котораго исключаетъ всякое подозрѣніе въ неискренности. Человѣкъ, писавшій эти письма и такъ раскрывавшій свое сердце, очевидно не былъ человѣкомъ зауряднымъ, и роль, которую онъ игралъ въ политическихъ дѣлахъ не могла быть ни банальной, ни безсодержательной.

Эта жизнь, почти никому неизвѣстная, живо возбудила мое любопытство; тѣмъ болѣе, что она казалась полна приключеній среди самыхъ интересныхъ политическихъ событій нашего времени.

Тщательныя разслѣдованія, сдѣланныя въ официальныхъ источникахъ однимъ моимъ другомъ *), дополнили свѣдѣнія, собранныя мною самимъ, и такимъ образомъ развернулась передо мной эта странная жизнь, протекавшая среди политическихъ происшествій, и событія которой связаны съ исторіей.

Лѣтъ съ пятьдесятъ способъ веденія дѣлъ дипломатіи измѣнился. Теперь, прежде чѣмъ возбуждать какой-нибудь политическій вопросъ, его предварительно готовятъ въ ежедневной прессѣ, и журналамъ выпадаетъ роль, часто очень важная, помогать дипломатіи. Такъ поступали Кавуръ, Наполеонъ III, Бисмаркъ и много другихъ менѣе важныхъ политиковъ.

Не такъ было въ началѣ этого вѣка. Вліяніе журналистики было хотя извѣстно, имъ пользовались иногда, но оно было далеко не такъ важно, какъ въ наши дни. Впрочемъ, пресса не была организована, и по большей части не рѣшались употреблять въ дѣло орудіе несовершенное, пользованіе которымъ часто опасно.

Чтобы приготовить дипломатическіе переговоры и поддерживать ихъ, пользовались обыкновенно элементомъ, роль котораго значительно уменьшилась въ наши дни. Прибѣгали къ тайнымъ агентамъ, которыхъ въ эту эпоху было очень много въ канцеляріяхъ и кабинетахъ министровъ, которые иногда оказывали важныя услуги; но отъ которыхъ не стѣснялись отрекаться, когда ихъ слова или поведеніе могли казаться предосудительными. Дѣйствіями этихъ тайныхъ агентовъ руководила, главнымъ образомъ, жажда наживы. Лица, которыя выполняли эту роль, были обыкновенно съ темнымъ прошлымъ и неудовлетвореннымъ честолюбіемъ. Но среди нихъ встрѣчались и люди почтенные

*) Княземъ Алексѣемъ Лобановымъ.

съ настоящимъ умомъ, которые предоставляли себя въ распоряженіе правительства по убѣжденію. Вліяніе ихъ на дѣла, хотя и происходило за кулисами, не было лишено значенія.

Къ этой послѣдней категоріи тайныхъ агентовъ, я думаю, можно причислить Фердинанда Кристина, служащаго предметомъ настоящаго очерка, который, получая вознагражденіе отъ Русскаго правительства, служилъ ему только потому, что политика правительства соотвѣтствовала его личнымъ убѣжденіямъ.

Кристинъ родился 11 Сентября 1763 года въ Ивердэнѣ, гдѣ жило все его семейство; повидимому, онъ воспитывался во Франціи и, судя по его католическимъ убѣжденіямъ и тому уваженію, которое онъ сохранилъ къ Обществу Іисуса, я не колеблюсь думать, что онъ воспитанъ былъ въ Іезуитской школѣ. Одновременно съ его религиозными вѣрованіями, образовались и его политическія убѣжденія. Тѣ и другія склоняли его къ исключительному роялизму, который можно было бы счесть чрезмѣрнымъ, если бы чрезмѣрность революціонныхъ идей, среди которыхъ онъ жилъ, не объясняла бы достаточно и не оправдывала бы до извѣстной степени преувеличенія въ обратную сторону. Его политическія убѣжденія не мирились ни съ чѣмъ и не довольствовались ни чѣмъ, кромѣ крайнихъ рѣшеній. Онъ осуждалъ либерализмъ, въ какой бы формѣ онъ ни являлся, и казался столь же строгимъ къ либеральнымъ уступкамъ Людовика XVI-го, какъ впоследствии и къ свободолобивымъ попыткамъ Императора Александра I.

Вотъ съ какимъ умственнымъ складомъ онъ поступилъ на службу, еще очень молодымъ, къ г-ну де Калоннѣ, у котораго онъ оставался до тѣхъ поръ, пока потопъ революціи не унесъ этого министра. Это мѣсто у г-на де Калоннѣ, поставило его въ сношенія съ вожаками партіи, которую начинали уже называть партией роялистовъ, а съ другой стороны въ это же время установились его отношенія съ семьей Неккеръ и г-жею Сталь, игравшей роль въ его жизни, и съ которой онъ остался въ перепискѣ даже тогда, когда совершенно удался отъ дѣлъ. Впрочемъ, онъ не раздѣлялъ мнѣній партіи Неккеръ и Бенжамэна Констана иначе какъ съ оговорками. Онъ не рѣшался быть за одно съ теоріями, которыя уклонялись отъ абсолютной монархіи. Кромѣ того, будучи совершенно искрененъ въ своихъ сужденіяхъ, онъ не искалъ отрицать заблужденій и ошибокъ роялистовъ и былъ тѣмъ болѣе къ нимъ строгъ, что въ его глазахъ дѣло ихъ составляло одно съ его долгомъ къ Богу. Такъ, напримѣръ, онъ живо оплакивалъ

печальный конецъ маркиза де Фаврасъ, не изъ-за судьбы этого несчастнаго, а изъ-за преступной слабости, которая его отдала въ руки палачей. Въ 1815 году, когда почти никто уже не помнилъ, кто такой былъ маркизь де Фаврасъ, онъ выражалъ убѣжденіе, что несчастія, постигшія Людовика XVIII-го, и затрудненія, окружавшія реставрацію, были только справедливымъ наказаніемъ неба за неблагородныя чувства, передъ которыми сдался графъ Прованскій, отдавъ революціонной злобѣ челоуѣка, ему преданнаго. Точно также, долго спустя, онъ не находилъ словъ достаточно строгихъ, чтобы осуждать насилія надъ хартіей, въ которыхъ были виновны Карлъ X-й и министерство Полиньяка. Дѣло королевства было для него, въ особенности въ началѣ его карьеры, дѣломъ святымъ, предметомъ вѣры, которую нельзя было унижать никакимъ поступкомъ, недостойнымъ или безчестнымъ, и сила котораго заключалась, не только въ чистотѣ намѣреній, но и въ тѣхъ средствахъ, къ которымъ прибѣгали защитники его.

Когда въ 1789 году, г-нъ де Калоннъ былъ изгнанъ въ Лотарингію, Кристианъ сопровождалъ его туда и съ нимъ онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1794 году.

Вигель, въ своихъ воспоминаніяхъ, въ общемъ не представляющихъ никакой исторической цѣнности, говоритъ, что слышалъ отъ самого Кристиана, какъ послѣ паденія г-на де Калоннъ, онъ отправился въ Англію, поступилъ на службу къ графу Артуа, какъ много разъ этотъ послѣдній ему давалъ порученія къ Людовику XVI-му и къ Маріи-Антуанетѣ, и какъ, наконецъ, онъ съ нимъ прибылъ ко двору Екатерины II. На этотъ разъ утвержденія Вигеля подтверждаются данными болѣе вѣскими. Нѣкоторыя указанія въ письмахъ Кристиана доказываютъ, что онъ жилъ въ Англіи въ близкихъ сношеніяхъ съ эмигрировавшими князьями, которые пользовались имъ, чтобы со-общаться съ Людовикомъ XVI-мъ. Кромѣ того, онъ, кажется, былъ не чуждъ движеніямъ въ Лондонскомъ обществѣ, многія подробности которыхъ были ему извѣстны, что заставляеть думать, что онъ жилъ нѣкоторое время среди этого общества. Что достовѣрно извѣстно, это то, что по прибытіи въ Петербургъ, онъ тамъ былъ замѣченъ чистотою своихъ монархическихъ убѣжденій, одобряемыхъ въ это время тѣмъ болѣе, что Екатерина II послѣ идей гуманитарныхъ и либеральныхъ и послѣ того, какъ она была очень близка къ революціи, кончила тѣмъ, что стала во главѣ всѣхъ государей, предполагавшихъ уничтожить революціонное направленіе.

Въ Петербургѣ онъ былъ представленъ г-ну Маркову, который своимъ талантомъ редактировать и, благодаря своему участию въ различныхъ переговорахъ, между прочимъ, въ трактатахъ, касающихся вооруженнаго нейтралитета, получилъ въ министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ первенствующее положеніе, сохраненное имъ до смерти Императрицы.

Существовала сплетня, что Марковъ оказывалъ Кристину покровительство, никогда не прекращавшееся, благодаря расположенію, оказываемому Кристину Французской актрисой, г-жею Гуссъ, съ которою Марковъ былъ въ отношеніяхъ почти супружескихъ, и отъ которой онъ имѣлъ дочь Варвару, выданную потомъ замужъ за князя Сергѣя Голицына. Это Марковъ получилъ разрѣшеніе Императрицы записать Кристину въ министерство Иностранныхъ Дѣлъ, въ 1796 году; въ этомъ же году онъ былъ посланъ секретно въ Стокгольмъ, гдѣ и представился въ качествѣ Швейцарскаго путешественника ко двору герцога Судерманскаго, управлявшаго Швеціей за малолѣтствомъ Густава IV-го.

Русская дипломатія преслѣдовала тогда въ Швеціи двѣ цѣли: подписаніе договора союза, который долженъ былъ положить конецъ враждебности, выказываемой Стокгольмскимъ кабинетомъ Россіи при всякомъ случаѣ, и женитьбу молодого короля на великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, внучкѣ Екатерины II. Императрица приписывала большое значеніе этому браку, который не удавался до сихъ поръ, благодаря недоброжелательству герцога Судерманскаго и лицъ, его окружавшихъ, въ особенности барона Рейтергольма, его перваго министра.

Кристинъ нашелъ въ Стокгольмѣ соотечественника, Шевалье Сюрмэнъ, дававшаго уроки математики юному королю и этимъ путемъ Русскій посланникъ, лишенный всякаго прямого сношенія, пробовалъ повліять на умъ Густава IV-го, чтобы расположить его къ браку съ Русской великой княжной. Анекдотъ, рассказанный Вигелемъ, и по которому Кристинъ своей находчивостью добился тайной аудіэнціи у короля, кажется выдумкой Вигеля, а можетъ быть и самого Кристина, такъ какъ онъ не подтвержденъ никакимъ доказательствомъ и совершенно неправдоподобенъ. Его начинанія имѣли посредственный успѣхъ и не оказывали никакого вліянія на ходъ переговоровъ. Повидимому, герцогъ Судерманскій кончилъ тѣмъ, что началъ имѣть подозрѣнія, и Кристинъ, которому грозила ссылка въ рудники Далек-

карліи, не чувствовалъ болѣе себя въ безопасности въ томъ неопредѣленномъ положеніи, которое онъ занималъ въ Стокгольмѣ.

Его вѣрный покровитель Марковъ, хлопоталъ тогда передъ посланникомъ, чтобы назначили его официально секретаремъ Русскаго посольства въ Стокгольмѣ, думая этимъ предохранить его отъ опасностей, ему угрожавшихъ. Генералъ Будбергъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить эту просьбу, не считая позволительнымъ, чтобы лицо, игравшее роль непризнаннаго агента, получило въ посольствѣ официальное положеніе. Такимъ образомъ Кристинъ вернулся въ Петербургъ и возобновилъ свои занятія у Маркова, сдѣланнаго въ это время графомъ Римской имперіи.

Какъ ни привыкла Россія къ капризамъ милостей и неожиданныхъ немилостей, все-таки ей не удавалось еще присутствовать при такихъ внезапныхъ переворотахъ, какъ тѣ, которые ознаменовали собой вступленіе на престолъ Императора Павла I.

Графъ Марковъ попалъ въ немилость. Онъ изгнанъ былъ въ свое имѣніе Летичево въ Подоліи. Та же участь постигла и его любимца Кристина, который былъ исключенъ изъ списковъ министерства Иностранныхъ дѣлъ и удалился съ пенсіономъ въ 800 рублей въ деревню своего покровителя, интересамъ котораго онъ и посвятилъ все постоянство своей преданности, бывшей одной изъ чертъ его характера.

Ни графъ Марковъ, ни Кристинъ не появлялись на политической сценѣ во все время царствованія императора Павла I и только въ 1801 году Марковъ снова былъ призванъ въ Петербургъ, а Кристинъ причисленъ къ министерству Иностранныхъ дѣлъ. Съ этого времени начинается самое драматическое время его существованія,

Европа была въ полномъ пожарѣ. Со всѣхъ сторонъ собирались политическія бури, которыя и слѣдовали безъ перерыва за бурями, уже поколебавшими большую часть государствъ.

Въ этихъ обстоятельствахъ графъ Марковъ былъ отправленъ посланникомъ въ Парижъ, чтобы служить посредникомъ между Франціей и государствами, которымъ угрожалъ безпокойный умъ и лихорадочное честолюбіе Перваго Консула. Отношенія послѣдняго съ русскимъ Императоромъ были вполнѣ сердечны и не обнаруживали никакой непріязни. Бонапартъ согласился принять посредничество Россіи въ своемъ спорѣ

съ Англіей, хотя по странной уловкѣ, къ которымъ онъ прибѣгалъ при надобности, онъ затѣмъ говорилъ, что принялъ личное посредничество Александра I, а не его дипломатовъ.

Выборъ Маркова на этотъ щепетильный постъ не былъ счастливъ. Привыкши вести дѣла по канцелярскому, онъ представлялъ себѣ ихъ только въ ихъ совокупности и не отдавая себѣ отчета въ нѣкоторыхъ отбѣнкахъ и подробностяхъ, часто опредѣляющихъ весь ходъ ихъ, не понималъ здѣсь ни своей роли, ни того рода услугъ, которыя онъ могъ бы оказать своей странѣ. Графъ Марковъ былъ чрезвычайно цѣнный редакторъ, но очень посредственный дипломатъ. Кромѣ того, и личность его была не симпатична Первому Консулу; она была не въ его вкусѣ.

Одной изъ первыхъ ошибокъ, сдѣланныхъ графомъ Марковымъ по появленіи его въ Парижъ, была—привлечь къ себѣ Кристина, который былъ слишкомъ замѣшанъ въ борьбѣ партій во Франціи, чтобы быть безпристрастнымъ и чрезвычайно не расположенъ къ правительству, хвалившемуся, что оно есть продолженіе революціи и этимъ сдѣлавшемуся предметомъ ненависти и презрѣнія для партіи роялистовъ.

По тайному приказу императора Александра, обозначенному Каменнымъ островомъ 1-го Іюля 1801 года, Кристина былъ записанъ чиномъ надворнаго совѣтника въ министерство Иностранныхъ дѣлъ и представленъ въ распоряженіе графа Маркова, которому онъ долженъ былъ доставлять секретныя свѣдѣнія отъ своихъ старыхъ знакомыхъ во французской администраціи, среди которыхъ было много швейцарцевъ, поступившихъ на службу Франціи. Доказательствомъ тому, что приписывали услугамъ, которыя онъ могъ оказать, извѣстное значеніе, служить то, что ему дали сравнительно большое для этого времени жалованье. Ему положили 400 дукатовъ на путевыя издержки и назначили 1500 рублей въ годъ, оставивъ 800 рублей годовой пенсіи, сохраненной имъ отъ своей прежней службы въ Россіи въ 1796 году.

Въ это время положеніе въ Парижѣ было самое критическое. Первый Консулъ находился въ состояніи возрастающаго возбужденія; до сихъ поръ у него были только успѣхи; его честолюбіе и самолюбіе не знали предѣловъ; его капризная воля не терпѣла противорѣчій. Единственная страна, которая, благодаря своему географическому положенію и своей могучей народной гражданственности, смѣла не склоняться

передъ нимъ, была Англія. Онъ не считался уже ни съ какой державой въ Европѣ, а съ ней онъ долженъ былъ считаться, и это его сердце.

Но рядомъ съ этими волненіями внѣшней политики, были и другія заботы, которыя не менѣ первыхъ заставляли его терять всякую мѣру въ своихъ дѣйствіяхъ и словахъ и наталкивали на рѣшенія самыя произвольныя и самыя крайнія.

Для полиціи не было тайной, что въ Англіи готовилось серьезное движеніе французскихъ роялистовъ, развѣтвлявшееся до самого сердца Франціи; что эти движенія руководились графомъ Артуа и эмигрировавшими французскими князьями, сообщники которыхъ были распространены по всей Европѣ. Заговоръ Жоржа Кадудала и Пишегрю готовились въ тѣни; полиція знала это, но не могла овладѣть нитями заговора. Обреченная на поиски оцупью, она бросалась въ насилія. Съ своей стороны Первому Консулу нравилось смѣшивать два предмета своей ненависти. Онъ приписывалъ Англіи дѣйствія роялистовъ и думалъ видѣть въ этихъ послѣднихъ только орудіе заграничныхъ интригъ, направленныхъ противъ спокойствія Франціи.

Положеніе графа Маркова въ этомъ горнилѣ волненій и интригъ дѣлалось невыносимымъ. Его высококомѣрное поведеніе еще болѣе осложняло положеніе. Часто онъ вредилъ интересамъ, которые ему были поручены. несдержанностью своего языка, ставя свои личныя симпатіи и антипатіи выше приказаній, получаемыхъ изъ Петербурга, приказаній, которыя не переставали ему предписывать крайнюю сдержанность. Напримѣръ, когда ему замѣчали, что его слова не согласуются съ увѣреніями его государя, онъ нагло отвѣчалъ: „Я хорошо знаю, что сказалъ Императоръ, но у Императора своя политика, а у Русскихъ—своя“. Эти неосторожныя слова обошли салоны Парижа, гдѣ правительству надо было распространить ихъ. Бонапартъ, который въ началѣ, насколько онъ хотѣлъ ладить съ Императоромъ Александромъ, сохранялъ извѣстную любезность по отношенію къ Русскому посланнику, теперь думалъ, что можно болѣе и болѣе отдѣлываться. Онъ говорилъ, что Марковъ представляетъ въ Парижѣ интересы англійской политики больше, чѣмъ интересы своего государя и дѣлалъ видъ, что подозрѣваетъ его въ участіи въ роялистскихъ заговорахъ.

Само собою, вниманіе французской полиціи должно было быть направлено на все, что происходило въ Русскомъ посольствѣ; лица,

его составлявшія, въ особенности Крестинъ, который казался довѣреннымъ и совѣтникомъ Маркова, были предметомъ самаго подозрительнаго наблюденія. Подозрѣнія Французскаго правительства были тѣмъ болѣе возбуждены, что его вниманію были указаны два другихъ русскихъ агента, оба весьма ярые роялисты, одинъ въ Неаполѣ, а другой въ Дрезденѣ. Первый—г-нъ Вернегъ былъ женатъ на Русской, графинѣ Толстой, и поступилъ на службу Россіи. Онъ былъ въ Неаполѣ средоточіемъ происковъ въ пользу Бурбоновъ и, кромѣ того, поддерживалъ съ Римскимъ дворомъ тайныя сношенія, очень враждебныя Французскому правительству. Второй, г-нъ д'Энтрегъ, былъ въ Дрезденѣ, и его обвиняли въ томъ, что онъ былъ посредникомъ французскихъ эмигрантовъ, находившихся въ Германіи, и различныхъ дворовъ материка.

Крестинъ получалъ частыя предостереженія, потому что, не будучи подъ защитой никакого officialнаго титула, нерасположеніе Перваго Консула могло безнаказанно повредить ему. Графъ Марковъ находилъ опасенія эти правильными и 1—13 Января 1802 г. онъ писалъ въ Петербургъ, чтобы назначить его къ посольству officialно.

Во второй разъ въ теченіе его карьеры это officialное положеніе, къ которому онъ стремился, и котораго его покровитель для него добивался, ускользнуло. Не только императоръ Александръ не удовлетворилъ этой просьбы, но онъ приказалъ Крестину оставить Парижъ, гдѣ его присутствіе могло возбудить затрудненія и сдѣлаться предосудительнымъ для посольства.

Что такое произошло и почему императоръ вдругъ оказался такимъ строгимъ по отношенію къ лицу, имъ-же самимъ назначенному и посланному въ Парижъ по его же приказу?

Мы находимъ объясненіе этой загадки въ перепискѣ Государя съ генераломъ Лагарпомъ, его прежнимъ преподавателемъ и повѣреннымъ его сокровенныхъ мыслей.

Генераль Лагарпъ и Крестинъ, швейцарцы оба, принадлежали въ ихъ странѣ двумъ различнымъ политическимъ партіямъ. Въ волненіяхъ Швейцарской конфедераціи они находились въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ, не пропускавшихъ случая вредить другъ другу. Въ перепискѣ императора Александра съ генераломъ Лагарпомъ, изданной Петербургскимъ Историческимъ Обществомъ, есть письмо безъ числа,

но которое по содержанію должно соотвѣтствовать этому времени и въ которомъ императоръ пишетъ: „Что касается Кристина—онъ въ Швейцаріи, потому что я приказалъ Маркову отказать ему отъ службы, не желая имѣть никакого дѣла съ интриганамъ“.

Очевидно, Лагарпу удалось нерасположить императора противъ этого агента, услугами котораго онъ пользовался и дѣятельность котораго находили до сего времени полезной. Во всякомъ случаѣ, надо сказать, что удивительно видѣть императора Александра, упрекающаго Кристина въ интригахъ, когда эти интриги, если бы даже онъ и былъ въ нихъ виновенъ, имѣли цѣлью интересы Россіи, были одобрены и направляемы самимъ правительствомъ.

Неудовольствіе, которое Лагарпъ внушилъ императору противъ Кристина, было продолжительно. Съ этихъ поръ Русское правительство отказалось пользоваться имъ, не смотря на таланты, которые онъ обнаруживалъ, и покровительство, которое графъ Марковъ не переставалъ ему оказывать.

Чувствуя себя въ Парижѣ не безопасно и будучи убѣжденъ, что въ Россіи онъ найдетъ лишь слабое покровительство, во всякомъ случаѣ не достаточное, онъ уѣхалъ въ началѣ 1802 года къ своему семейству въ Ивердэнъ. Онъ оставался тамъ до 1803 года вдали отъ политическихъ волненій, поддерживая, тѣмъ не менѣе, свои старинныя отношенія съ французскими роялистами и съ обществомъ Копе, гдѣ г-жа Сталь собрала все, враждебное Первому Консулу. Изъ Ивердэна онъ дѣлалъ частыя поѣздки въ Женеву и во время одной изъ этихъ поѣздокъ, 25 Іюля 1803 года, былъ приглашенъ къ префекту департамента Леману, предъявившему ему приказъ министра юстиціи объ арестованіи его какъ англійскаго агента, обвиненнаго въ дѣйствіяхъ противъ государства. Кристинъ былъ отведенъ въ тюрьму, но на слѣдующій же день получилъ разрѣшеніе вернуться къ себѣ домой. Больше для формы, чѣмъ для наблюденія, жандармъ былъ поставленъ въ его прихожую. Этотъ домашній арестъ длился въ теченіи трехъ недѣль. Съ нимъ дѣлались все менѣе и менѣе строгими. Онъ свободно прогуливался въ Женевѣ и въ окрестностяхъ. Часто прогулки увлекали его даже за французскую границу и друзья его настаивали, чтобы онъ воспользовался этимъ и избавился побѣгомъ отъ опасностей, могущихъ угрожать ему въ будущемъ. Онъ не воспользовался этими совѣтами и, убѣжденный, что противъ него нѣтъ никакихъ серьезныхъ обвиненій, продолжалъ спокойно возвращаться домой и ожидалъ, что

придутъ наконецъ изъ Парижа доказательства его невинности. У него взяли его деньги и бумаги, когда арестовали его. Деньги скоро вернули обратно, но переписка была послана въ Парижъ для разслѣдованія.

Три недѣли спустя, пришелъ отвѣтъ изъ Парижа. Онъ былъ однако совсѣмъ не такой, какъ ожидалъ Крестинъ. Во первыхъ, порицали снисхожденіе, которое префектъ оказывалъ опасному лицу, обвиненному въ политическомъ преступленіи; призывали усилить наблюденіе и отправить заключеннаго въ Парижъ для допроса.

Прибывъ въ Парижъ, Крестинъ первое время находился почти на свободѣ. Онъ жилъ въ гостинницѣ Колоннъ, ходилъ свободно по городу безъ провожатыхъ и посѣщалъ своихъ друзей. Друзья однако не довѣряли эти кажущейся добротѣ полиціи и убѣждали его бѣжать. Крестинъ упорно отказывался, увѣренный, что противъ него нѣтъ никакихъ доказательствъ и что ему легко удастся опровергнуть обвиненія и обнаружить вмѣстѣ съ тѣмъ недобросовѣстность правительства, которое онъ горячо ненавидѣлъ.

29-го августа 1803 года онъ былъ позванъ къ судѣ, сдѣлавшему ему допросъ чисто формальный, въ теченіе не болѣе десяти минутъ. Онъ долженъ былъ объявить свое имя, положеніе и мѣсто жительства, однимъ словомъ, ему сдѣлали вопросы только самые обыкновенные, служащія лишь предвареніемъ ко всякому допросу. Не смотря на то, что его отвѣты были совершенно достаточны, онъ немедленно заключенъ былъ въ Темплъ и его держали тамъ въ теченіе восемнадцати дней. Тѣмъ временемъ новость объ этомъ арестѣ достигла г-на Убриля, который исполнялъ въ Парижѣ обязанности уполномоченнаго Россіи во время отсутствія графа Маркова, уѣхавшаго на воды въ Барезъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ новость эта распространилась и въ Петербургъ, откуда графъ Александръ Воронцовъ, государственный канцлеръ и завѣдующій министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, предписалъ 16-го Сентября 1803 года г-ну Убрилю „слѣдить за этимъ дѣломъ, не компрометируясь“.

Этотъ приказъ встрѣтился на пути съ рапортомъ г-на Убриля, который 5 (17) Августа послалъ уже ноту Талейрану, прося его объясненій по поводу ареста Крестина и добываясь его освобожденія. Графъ Марковъ также былъ увѣдомленъ о происшедшемъ и счелъ долгомъ поддержать требованія русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, пославъ письмо Талейрану, въ которомъ энергически требовалъ освобожденія этого „надворнаго совѣтника и пенсіонера Русскаго императора“.

Несвоевременное вмѣшательство графа Маркова было пагубно для Кристина. 26-го Сентября судья далъ приказъ заключить его въ башню Туръ, гдѣ съ нимъ обращались, какъ съ самымъ опаснымъ преступникомъ, не производя ему, однако, никакого допроса. Самъ онъ разсказывалъ потомъ, что ему не переставали ставить западни, чтобъ вытянуть отъ него признанія, предосудительныя для Русскаго правительства. Ему не переставали намекать, что правительство это покинуло его, и что Марковъ выказывалъ равнодушіе къ его судьбѣ.

Кристинъ выказалъ непоколебимую вѣрность. Тогда прибѣгли къ устрашенію. Предоставивъ ему каждое утро часъ времени, чтобъ дышать воздухомъ на крышѣ башни, ему дали въ товарищи прогулокъ двухъ Вандейскихъ офицеровъ, Пико и Буржуа, бывшихъ на службѣ графа Артуа, посланныхъ во Францію подготовить экспедицію Жоржа Кадудала и компрометированныхъ доказательствами, собранными противъ нихъ. Десять дней подрядъ, онъ видѣлъ ихъ каждое утро и нѣкоторая близость не замедлила установиться между ними. На одиннадцатый день, сторожъ тюрьмы предложилъ имъ обѣдать вмѣстѣ. Они съ радостью согласились. Въ концѣ обѣда сторожъ вдругъ вошелъ въ тюрьму и сказалъ слѣдующее: „Господа, мнѣ очень непріятно сказать вамъ, что съ нынѣшняго дня вы не считаетесь среди живыхъ; надо умереть“. Можно судить объ ужасномъ удивленіи произведенномъ этими словами. Потомъ, насладившись нѣскольکو мгновеній общимъ страхомъ, онъ прибавилъ, обращаясь къ Кристину: „На этотъ разъ, милостивый государь, это васъ не касается, я увожу только г-на Пико и г-на Буржуа, которыхъ жандармы ждутъ, чтобы разстрѣлять ихъ“. Несчастныхъ повели къ постоянному военному комиссару, тутъ же приговорившему ихъ къ смерти. Они были разстрѣляны этимъ же вечеромъ.

Сторожъ спокойно вернулся къ Кристину и объявилъ ему, чтобъ онъ поторопился написать министру и откровенно разсказать ему все то, что могло бы его спасти, иначе подобная же участь ждетъ и его неминуемо.

Въ ночь съ 28 на 29 Февраля 1804 года Кристинъ былъ переведенъ въ С.-Пелажи. Его заключили въ сырую и темную келью и дали ему только охапку соломѣ для постели. Лишь нѣскольکو дней спустя онъ получилъ разрѣшеніе нанять постель. Онъ опасно заболѣлъ, что не воспрепятствовало держать его въ секретномъ заключеніи и употреблять самыя большія строгости. Секретное заключеніе было снято 29 Іюня. 26 Іюля онъ былъ опять отведенъ въ Темплъ, потомъ

21 Сентября его снова заключили въ келью, гдѣ онъ и остался до Января 1805 года.

Вещь интересная и характерная: въ теченіе всего этого времени онъ не былъ подвергнутъ никакому допросу; дурное съ нимъ обращеніе, не было слѣдствіемъ какого нибудь допроса или процедуры, было лишь капризомъ правосудія.

Какъ разъ во время этого заключенія, когда его влчили изъ тюрмы въ тюрму, совершался цѣлый рядъ произвольныхъ и неслыханныхъ поступковъ, самыми знаменитыми жертвами которыхъ явились Жоржъ Кадудаль, Пишегрю, герцогъ Энгіенскій Моро, и которые кончились провозглашеніемъ имперіи.

Первый Консуль буйствовалъ. На полномъ приѣмѣ въ Тюльери онъ грубо обратился къ графу Маркову и обвинялъ Россію, въ томъ, что ея агенты держатъ руку заговорщиковъ на его особу. „Думають ли, — говорилъ онъ, — что мы принуждены сносить обиды отъ Россіи!“

За преступленіемъ Этенгейма послѣдовало похищеніе Вернега изъ Рима. Потомъ, когда въ Парижѣ начали чувствовать печальное впечатлѣніе, производимое въ Европѣ безпрестанными нарушеніями правъ людей, ему помогли убѣжать и только представителству Вернега передъ папою Піемъ VII и стараніямъ его, Крестинъ обязанъ былъ полученіемъ свободы.

По выходѣ изъ тюрмы, онъ получилъ приказаніе покинуть французскую территорію въ 15 дней. Онъ пробылъ еще восемь дней въ Парижѣ, потомъ отправился въ Ивердэнъ, чтобъ отдохнуть нѣсколько недѣль отъ несчастій и волненій, которыя перенесъ. Близость французской границы казалась однако ему опасной. Онъ поспѣшилъ отъ нея удалиться и, проѣзжая черезъ Карлсруэ, Штутгартъ и Мюнхъ, прибылъ въ Вѣну, гдѣ представился 11 (23) Февраля графу Разумовскому, русскому посланнику. Оттуда онъ отправился въ Летицево и такимъ образомъ, вернулся въ свое новое отечество, которое и не покидалъ съ этого времени.

Въ Маѣ мѣсяцѣ этого же года онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, убѣжденный, что лишенія, которыя онъ перенесъ для Россіи, и вѣрность, которой онъ не переставалъ давать доказательства среди самыхъ жестокихъ обстоятельствъ, ему обеспечиваютъ хорошій приѣмъ. Однако

императоръ Александръ былъ слишкомъ предубѣжденъ противъ него, чтобы помнить его заслуги. И личность его сдѣлалась компрометирующей, потому что его арестъ надѣлалъ слишкомъ много шума. Кристинъ нашелъ въ Петербургѣ только разочарованія: черезъ пять мѣсяцевъ онъ уѣхалъ въ Полоцкъ глубоко оскорбленный, что оказывали такъ мало интереса его бѣдствіямъ и лишеніямъ въ правительственныхъ сферахъ Россіи.

Въ 1813 году мы находимъ его въ Москвѣ, поселившимся въ домѣ графа Маркова на Никитской, пользующимся пенсіей отъ правительства и пріобрѣтшимъ маленькое имѣніе, котораго было достаточно для его скромнаго существованія, куда онъ и переѣхалъ послѣ смерти графа Маркова (29 Января 1827 года). Съ этого времени жизнь его была подобна жизни потерпѣвшаго крушеніе, достигшаго гавани послѣ перенесенныхъ бурь, философски вспоминающаго о прошедшемъ и черпающаго въ своихъ воспоминаніяхъ оцѣнку людей и вещей. Онъ не сдѣлалъ никакихъ попытокъ снова заняться дѣлами, окружился друзьями, принималъ близко къ сердцу все, что касалось интересовъ его новаго отечества, и не выказывалъ никакой злобы противъ тѣхъ, которыхъ по справедливости онъ могъ бы обвинять въ неблагодарности.

Въ уединеніи, въ которое поставили его обстоятельства, его существованіе было раздѣлено между двумя главными интересами: его большой корреспонденціей, бравшей у него большую часть времени и его сношеніями съ графиней Брольи, поселившейся въ Москвѣ, гдѣ она владѣла нѣсколькими домами, сожженными въ 1812 году и затѣмъ отстроеными немного времени спустя. Графиня Брольи тогда очень извѣстная въ Московскомъ обществѣ, была урожденная Левашева и вышла замужъ за князя Трубецкаго. Послѣ смерти послѣдняго она вышла за графа Брольи, французскаго эмигранта, нашедшаго убѣжище въ Россіи, гдѣ образъ его жизни давалъ поводъ къ строгимъ осужденіямъ. Его обвиняли, можетъ быть напрасно, что онъ обратилъ свой салонъ въ притонъ игры, весьма посѣщаемый русскимъ молодымъ дворянствомъ, которому красота его жены обезпечивала многочисленныхъ посѣтителей. Что касается графини Брольи, то казалось, что она не покровительствовала этимъ постыднымъ маневрамъ. Казалось, напротивъ, что ея отношенія съ Кристиномъ уже завязались въ это время и отличались постоянствомъ взаимной привязанности. Послѣдніе годы его жизни тѣмъ не менѣе онъ много перенесъ въ своихъ сношеніяхъ съ женщиной, сдѣлавшейся очень болѣзненной и все болѣе и болѣе капризной.

Этой графинѣ Брольи, Крестинѣ завѣщаль, умирая, всѣ свои бумаги и большую часть своей обширной переписки. Онѣ оставилъ также ее наслѣдницей своего скромнаго имущества. Къ несчастью, графиня Брольи не поняла значенія для исторіи этого собранія. Она безжалостно сожгла всѣ бумаги, между которыми находились воспоминанія, начатыя имѣ, и объ которыхъ онѣ упоминаетъ въ собраніи писемъ, сохранившихся благодаря счастливому распоряженію. сдѣланному имѣ за 4 года до смерти.

Это собраніе представляетъ другого рода интересъ въ его жизни.

Около 1813 года онѣ встрѣтилъ въ Москвѣ княжну Барвару Туркестанову, фрейлину при Русскомъ Дворѣ, бывшую впоследствии при императрицѣ Маріи Федоровнѣ, матери императора Александра I. Съ первыхъ дней ихъ знакомства Крестинѣ почувствовалъ къ княжнѣ Барварѣ искреннюю и крѣпкую дружбу, совершенно не похожую на тѣ чувства, которыя привязывали его къ графинѣ Брольи. Княжна Туркестанова отличалась большимъ умомъ, еще усиленнымъ серьезнымъ образованіемъ, прекраснымъ характеромъ и увлекающейся, немного фантастической натурой, которой азіатское происхожденіе ея рода давало всю прелесть восточной женщины. Она была одарена живымъ воображеніемъ и очень заинтересовалась человѣкомъ, представлявшимъ изъ себя обломокъ политическихъ буръ того времени; ей нравилось признаваться ему въ волненіяхъ собственнаго существованія, скрывавшаго подъ блестящей наружностью огорченія, неразрывно связаннаго съ жизнью при дворѣ.

Почти каждый день княжна Туркестанова и Крестинѣ повѣряли въ письмахъ другъ другу свои впечатлѣнія самыя душевныя. политическія, религіозныя размышленія и все, что интересовало общество, въ которомъ они жили.

Въ то время почтовое сообщеніе между Петербургомъ и Москвой не было такъ часто и легко, какъ теперь, поэтому эти письма заключали иногда замѣтки нѣсколькихъ дней, писанныя по мѣрѣ того, какъ онѣ приходили имѣ на умъ. Благодаря этому ихъ непрерывная переписка даетъ полную картину, чрезвычайно интересную, современнаго имѣ общества. Въ 1819 году княжна Туркестанова умерла страшнымъ образомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она блистала при дворѣ. Императоръ Александръ часто посѣщаль ее, выказываль къ ней большой интересъ и находился подъ очарованіемъ ея разговора. Хотя ей было болѣе

40 лѣтъ, она не только очень хорошо сохранилась, но красота ея, перемѣнивъ характеръ, была всетаки очень привлекательна. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ за ней очень ухаживалъ князь Владимиръ Г-нъ, который былъ моложе ея и извѣстенъ своимъ легкимъ поведеніемъ. Говорять, что княжна Туркестанова сдѣлалась жертвой чудовищнаго пари, которое держалъ князь Г-нъ, что онъ воспользовался предательствомъ горничной, и княжна Туркестанова умерла, производя на свѣтъ дочь, которую княгиня Г-на взяла къ себѣ, желая такимъ образомъ великодушно загладить ошибки своего мужа. По слухамъ, ходившимъ тогда въ обществѣ, княжна Туркестанова, послѣ рожденія дочери, приняла яду и умерла въ страшныхъ мученіяхъ. Эта дочь носила имя Г-на и вышла замужъ за Нел-ва.

Крестинъ былъ безутѣшенъ по смерти княжны Варвары: исчезала большая часть интереса его жизни, а онъ уже не былъ въ такомъ возрастѣ, когда подобныя потери можно замѣнить другими привязанностями. Чтобы пережить воспоминанія этой нѣжной дружбы, въ теченіе ряда лѣтъ занимавшей его и украшавшей его одиночество, онъ предпринялъ переписку всѣхъ писемъ, полученныхъ отъ княжны Туркестановой и тѣхъ, которыя онъ самъ писалъ. Передъ своею смертью онъ завѣщалъ это собраніе, а также и путевой журналъ путешествія, сдѣланнаго имъ по Германіи съ императрицею Маріей въ 1818 году, графинѣ Софьѣ Самойловой, замужемъ за графомъ Алексѣемъ Бобринскимъ, которая находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ княжной Варварой и бывшей, одновременно съ нею, фрейлиной Императрицы.

Возвышенность ума и сердца, отличавшая княгиню Софью Бобринскую, была въ глазахъ Крестина рѣшающей причиной, чтобы завѣщать ей это собраніе—хронику времени, отмѣченнаго дружбой.

Кромѣ того и обстоятельства сблизили его съ этимъ семействомъ. Графиня Софья и ея мужъ умѣли отличить любезныя качества Крестина, оба очень добрые, они ему выказывали расположеніе, на которое онъ отвѣчалъ чувствомъ глубокой благодарности. Когда въ 1830 и 1831 году появленіе холеры, политическіе перевороты въ Европѣ, и возстаніе Польши по очереди колебали устои Русской имперіи, графъ и графиня Бобринскіе поселились въ деревнѣ, гдѣ графъ Алексѣй закладывалъ начала новой промышленности, прославившей его имя въ Россіи и создавшей для его страны новый источникъ богатства. Крестинъ находился въ Москвѣ, откуда онъ сообщалъ графинѣ Софьѣ всѣ слухи, ходившіе по городу, событія, происходившія

тамъ, и прибавлялъ оцѣнку политическихъ событій, которую ему позволяла его старая опытность и несчастія юности. Какая бы ни была разница между этой перепискою и той, которую онъ велъ раньше съ княжною Туркестановой, не похожей ни по формѣ, ни по чистосердечности, ни по разнообразію предметовъ, обнимаемыхъ ею, она имѣетъ тѣмъ не менѣе большой интересъ, изъ-за правильности, съ которой Крестинъ передаетъ все, объ чемъ онъ узнавалъ. Относительно многихъ предметовъ мнѣнія его измѣнились. Политическое положеніе Европы перемѣнилось, заботы другого рода владѣли умами и обнаруживались новыя стремленія. Крестинъ поддался этимъ вліяніямъ. Какъ я выше уже сказалъ, принципъ абсолютной монархіи, на защиту котораго ушла вся его молодость, не казался ему уже больше панацеею, которая могла излѣчить все зло человѣческаго общества. Тѣмъ не менѣе онъ не соглашался съ режимомъ Людовика Филиппа. Этотъ король буржуа, происхожденіе власти котораго заставляло его быть постояннымъ льстецомъ народа, не отвѣчалъ его идеѣ королевства. вмѣстѣ съ тѣмъ разъ событія посадили его на тронъ, онъ хотѣлъ, чтобы всѣ уважали его, и нижеслѣдующее письмо отъ 26 Февраля 1831 года излагаетъ, въ какихъ условіяхъ онъ допускалъ возвращеніе Бурбоновъ.

„Мнѣ стыдно за Карла X, что онъ погрузился опять въ интриги, которыя ему дѣлаютъ больше зла, чѣмъ добра. Поднять духовенство, присоединить къ себѣ анархистовъ, чтобы опрокинуть тронъ Луи-Филиппа и погрузить Францію во всѣ ужасы безпорядковъ, которые продолжатся можетъ быть столько же времени, какъ въ 1793 году и дадутъ столько же преступленій и несчастій! Не достаточно ли своихъ подданныхъ возвели на эшафотъ эти несчастные правители? Адская машина, заговоръ Жоржа Кадудала, дѣйствія Пишегрю,—все это было ими направляемо изъ ихъ убѣжища и все это кончилось казнью ихъ агентовъ, тогда какъ храбрые Вандейцы, которые сражались за Бога и короля, оставались покінутыми, не будучи въ состояніи никогда добиться, чтобы графъ Артуа, тогда уже въ полномъ расцвѣтѣ лѣтъ, и его сыновья, уже взрослые, поддержали бы своимъ присутствіемъ эту достойную армію, которая потеряла столько благородныхъ жертвъ подъ цулями революціонеровъ. Смерть Ларошжакелена, Шателино, Шаретта, Стофэ, Фротэ свидѣтельствуетъ о вѣрности этихъ подданныхъ и нравственной слабости ихъ властелиновъ. Будь въ этомъ семействѣ Генрихъ IV и побѣжай онъ въ Бордо или Тулузу созвать всѣхъ друзей законности, въ 15 дней онъ образовалъ бы армію для защиты своихъ интересовъ и завладѣлъ бы своимъ наслѣдствомъ или умеръ со славою.

Но интриговать изъ глубины Голлирода, это выказываетъ полное отсутствіе величія души и благороднаго королевскаго чувства“.

Въ предъидущемъ письмѣ онъ вспоминаетъ свое прошедшее и отвѣчаетъ графинѣ Софѣ, которая побуждала его воспользоваться своимъ свободнымъ временемъ и писать мемуары.

„Мемуары, говорите вы? Боже мой, отъ нихъ проходу нѣтъ! Тѣмъ не менѣе я думаю, что у меня нашлось-бы много любопытныхъ и интересныхъ вещей. Пока Бурбоны царствовали, онѣ были запрещены; теперь, когда они въ несчастіи, было бы недостойно публиковать то, что я объ нихъ зналъ и видѣлъ во время первыхъ лѣтъ изгнанія. Я провелъ это время въ ихъ близости, преданный ихъ дѣлу, которое я тогда считалъ прекраснымъ, и для котораго я нѣсколько разъ рисковалъ моею жизнью, путешествуя въ Парижъ въ самыя опасныя минуты для того, чтобы передавать ихъ сообщенія Людовику XVI, что поставило меня въ связь со многими подробностями, о которыхъ только я одинъ могъ бы сказать истину. Но я имъ служилъ и любилъ ихъ, только долго послѣ я развязался съ ихъ дѣломъ, которое они давали себѣ удовольствіе портить. Хотя съ той минуты, какъ я принялъ участіе въ ихъ дѣлахъ, я замѣчалъ много вещей, которыя неприятно дѣйствовали на меня, и оскорбляли мои нравственныя чувства, въ какихъ я воспитанъ. Я очень быстро замѣтилъ, что у Людовика XVIII лживость называлась благоразуміемъ, а чистосердечіе было словомъ лишеннымъ смысла. Я видѣлъ, что можно было до послѣдней минуты ласкать человѣка, гибель или удаленіе котораго уже была рѣшена. Я узналъ, что можно было выдумывать преступленія, которыхъ никогда не существовало, чтобы удалить министра, который стѣснителенъ при иностранномъ дворѣ. Я узналъ, что раздѣлять, чтобы властвовать, было правиломъ, примѣняемымъ дома въ собственномъ домѣ къ самымъ преданнымъ слугамъ. Я узналъ много другихъ вещей, которыя существуютъ, я думаю, при всѣхъ дворахъ, и которыя дѣлаютъ существованіе маленькаго человѣка драгоцѣннымъ для знающихъ государей, и то, какихъ трудовъ и жертвъ стоитъ приближенность къ нимъ“.

Ежедневныя событія, при которыхъ онъ присутствовалъ изъ отдаленія своего убѣжища и объ которыхъ вѣрные друзья приносили ему свѣдѣнія, давали пищу его размышленіямъ очень здравымъ, изъ которыхъ его превосходный умъ дѣлалъ общіе выводы. Внѣшняя политика и опасенія, которыя появленіе холеры возбуждало въ Москов-

скихъ властяхъ, ошибки и слабость органовъ правительства, гибельныя колебанія въ походѣ на Польшу, всѣ ошибки и слабости его времени, внушали перу его страницы, отличавшіяся изяществомъ стиля, правильностью понятій и горячностью чувства.

Крестинъ сохранилъ о княжѣ Туркестановой святую память, которая не измѣнялась до самой его смерти.

Въ 1833 году, будучи очень боленъ, чувствуя упадокъ силъ и близость своего конца, онъ написалъ графинѣ Бобринской слѣдующее письмо, помѣченное седьмымъ Іюнемъ: „Вы знаете, что я поддерживалъ въ теченіе семи лѣтъ очень частую переписку съ Вашей сопутницей по Германіи; я, кажется, говорилъ, также, что послѣ смерти этого превосходнаго друга, всѣ его письма были пересланы мнѣ и, чтобы имѣть занятіе рукамъ, въ теченіе долгихъ припадковъ подагры, я забавлялся списывать по порядку чиселъ всю эту переписку, которая составила 5 томовъ *in quarto*. Теперь, когда наступило для меня время, когда всякій благоразумный человѣкъ долженъ привести въ порядокъ свои дѣла, я рѣшилъ сжечь всѣ эти письма; но, желая доставить себѣ удовольствіе пережить нѣсколько мгновеній прошлаго, что составляетъ единственную отраду такихъ уединенныхъ стариковъ, какъ я, началъ перечитывать эту переписку съ самаго начала и до конца, признаюсь, что чѣмъ болѣе подвигался я впередъ въ своемъ чтеніи, тѣмъ болѣе дѣлалось мнѣ жалко сжигать эту переписку. Это собраніе заключаетъ въ себѣ, среди многихъ дѣтскихъ вещей, письма, которыя заслуживаютъ быть сохраненными, какъ изъ-за ихъ анекдотическихъ достоинствъ, такъ и изъ-за размышленій, возбуждаемыхъ описываемыми въ нихъ событіями. Можетъ быть это тщеславіе, потому что въ моихъ собственныхъ письмахъ я нахожу изложеніе здравыхъ принциповъ, годныхъ для всякаго времени и достойныхъ быть прочтенными и одобренными какъ теперь такъ и въ будущемъ, въ особенности то, что касается двухъ послѣднихъ лѣтъ переписки.

Всетаки я хотѣлъ бы сохранить эту переписку и, такъ какъ послѣ меня она можетъ попасть въ руки полиціи, которая суетъ носъ повсюду, я хотѣлъ бы отдать ее въ руки вѣрнаго друга. Этотъ другъ, графиня,—не можетъ быть никто иной, какъ Вы, если Вы съ этимъ согласны. Вы знаете все, что могутъ писать въ своей близости два друга, имѣющіе тѣ же самыя знакомства въ обществѣ и живущіе обыкновенно въ двухъ разныхъ столицахъ. Самая большая откровенность существуетъ въ такихъ письмахъ объ людяхъ. по большей частью еще живыхъ и, слѣдовательно, нельзя позволить читать ихъ

нескромнымъ любопытнымъ. По правдѣ сказать, Вы единственное лицо, упоминаемое тамъ съ похвалою и безъ всякой критики, что устраняетъ всякія неудобства помѣстить эту переписку въ Ваши руки. Кромѣ того, изъ всѣхъ лицъ, мнѣ знакомыхъ, Вы соединяете въ себѣ благоразуміе съ отмѣнной правильностью ума и сужденій, слѣдовательно, Вы будете знать лучше, чѣмъ кто либо, что нужно будетъ сдѣлать съ этой перепиской теперь или потомъ, и, если Вы согласны на то, я предоставляю въ полное Ваше распоряженіе уничтожить ее или сохранить“.

За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, 5-го Іюля 1837 года, онъ написалъ графинѣ Софѣ свое послѣднее письмо, проникнутое самыми меланхолическими предчувствіями. При приближеніи къ концу своего земного поприща, воспоминанія о другѣ, умершемъ 18 лѣтъ тому назадъ, пришло на умъ ему и внушило слѣдующія строки, которыя, приподымая завѣсу, покрывавшую преждевременный конецъ княжны Туркестановой, обнаруживаютъ постоянство его къ ней привязанности.

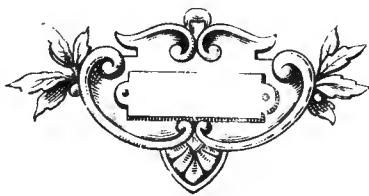
„Было у ней, какъ и у всѣхъ высокихъ людей, среди которыхъ судьба поставила ее все, для того, чтобы ея благородный умъ создалъ ей особое положеніе, почтенное и обеспеченное на всю жизнь. Роковая слабость спутала все это и гордость (впрочемъ весьма естественная) помѣшала ей прибѣгнуть къ единственному средству, которое помогло бы ей сохранить свое высокое положеніе. Господинъ Великій *) былъ бы польщенъ полнымъ, безъ утайки довѣріемъ и нашелъ бы средство скрыть навсегда роковую тайну, но она не могла рѣшиться сойти съ пьедестала, на который ее поставили принципы высокой добродѣтели и полной чистоты нравовъ. Она не совѣтовалась ни съ кѣмъ, хотя около нея былъ другъ. во мнѣ же она имѣла другого, который не пощадилъ бы ничего, чтобы быть ей полезнымъ, еслибъ она рѣшилась признаться имъ, что она не болѣе какъ женщина. Вы спрашиваете меня, кто мнѣ разсказалъ о причинѣ этой смерти,—это старая подруга, которая не любила уже ее, подруга, которая начала съ покровительства ей и которая кончила тѣмъ, что сама чувствовала надобность отдать себя подъ ея покровительство. Такія перемѣны не прощаются. Поэтому смерть нашей милой княжны не принесла никакого горя въ этотъ кружокъ, а ея паденіе, узнанное вполнѣ, возбудило почти радость.

*) Такъ называли въ своихъ письмахъ княжна Туркестанова и Кристина Императора Александра.

Открыли это сначала благодаря затрудненіямъ доктора, а потомъ заявленіямъ отца, который не остановился передъ существенными доказательствами, отъ него потребованными, чтобы доказать свои права и прислать подлинныя письма бѣдной усопшей. Не находите-ли Вы, что всѣ эти вещи, не возбуждая противъ человѣческихъ слабостей, внушаютъ, напротивъ, нѣжное состраданіе къ ихъ жертвамъ. Это производитъ на меня впечатлѣтіе, что мы хрупкія созданія безъ права осуждать въ другихъ то, что завтра сами мы можемъ сдѣлать, ибо кто имѣеть достаточно довѣрія къ себѣ, чтобы сказать: я не сдѣлаю ошибокъ?«

Крестинъ умеръ въ Москвѣ 18 Декабря 1737 г. и былъ похороненъ на Нѣмецкомъ католическомъ кладбищѣ, гдѣ старая и вѣрная дружба поставила ему памятникъ и описала въ нѣсколькихъ словахъ теченіе его жизни.

Ноябрь 1875.

КРИСТИНЪ.

Москва, 2 Марта 1814 г.

При теперешнемъ застоѣ въ военныхъ дѣлахъ, не знаешь, что и думать до прибытія новаго курьера, который Вамъ уже, вѣроятно, привезъ теперъ вѣсти.

Шатильонскій конгрессъ и Испанскій миръ событія настолько неслыханныя, непостижимыя, что приходится отказаться отъ всякаго сужденія. Быть можетъ, во всемъ этомъ нѣтъ правды; во всякомъ случаѣ слишкомъ тревожиться этимъ не слѣдуетъ: мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, достаточно опредѣленныхъ и достовѣрныхъ, чтобы составить обоснованное мнѣніе.

Будемъ ждать, какъ ни тяжело ожиданіе. Мнѣ нездоровится; много лихорадить, и у меня насморкъ, который пройдетъ черезъ два дня, но помѣшаетъ мнѣ писать и заниматься. Сейчас Обергъ вернулся отъ М-те Эверсъ; ей лучше; дыханіе свободнѣе, и она думаетъ, что уже выздоровѣла.... Увы! дай Богъ, чтобъ было такъ! Всегда хорошій признакъ, если лѣкарства дѣйствуютъ; она принимаетъ ихъ съ щепетильной точностью. Ея старикъ мужъ былъ у меня; я его разбранилъ. Для его 70-лѣтнихъ ногъ добраться до меня отъ него, все равно, что на край свѣта.

Да, это правда, я послалъ ему хорошаго вина, чтобы она не пила квасу, кое-какого питательнаго кушанья и кусокъ полотна, лежавшій у меня безъ употребленія три года. Для меня это ничего не составляетъ, а бѣдная женщина считаетъ за благодѣяніе. Умоляю Васъ,

пусть она думаетъ, что я только исполняю Ваши порученія, потому что это позволяеть ей не стѣсняться, а разуверивъ ее, Вы бы ее взволновали, чего слѣдуетъ избѣгать. Какъ только она видитъ доктора, она плачетъ и говоритъ: „Боже мой, стало быть, я не брошена всѣми“. Къ несчастью этотъ докторъ останется здѣсь всего нѣсколько недѣль, но онъ въ перепискѣ со мной и станетъ слѣдить за лѣченіемъ изъ деревни, куда собирается. Онъ говоритъ, что будетъ очень радъ, если предупредить водянку, дѣйствіемъ лѣкарствъ онъ доволенъ.

Меня не удивляетъ, что Людовикъ XVIII заболѣлъ въ Лондонѣ: между нами: я смотрю на него, какъ на Моисея, не вступившаго въ Обѣтованную землю въ наказаніе за одну вину. Людовикъ же провинился во многомъ 25 лѣтъ тому назадъ и не приобрѣлъ никакихъ личныхъ правъ на любовь французовъ. То, что онъ принесъ въ жертву маркиза де Фавра, долго будетъ тяготѣть надъ памятью этого короля; пока его подданные будутъ помнить объ этомъ, имъ окажется трудно уважать такого государя. Что касается меня, то я зналъ его близко въ его семейной жизни и могу сказать, что онъ крайній эгоистъ, сухой и холодный. Графъ же Артуа, его сыновья и герцогъ Бурбонскій—совсѣмъ иное дѣло: это люди смѣлые и могутъ вернуться во Францію, высоко поднимая головы. Я бы желалъ, чтобы Людовикъ XVIII уступилъ свои права братьямъ; но будьте увѣрены, что онъ этого никогда не сдѣлаетъ. Дай Богъ, чтобы мы увидѣли Людовика XVIII на престолѣ, такъ какъ онъ его законный обладатель и, слава Богу, не вѣчень: это единственная возможность для прочной реставраціи, а раньше того миръ и общій порядокъ не возстановятся; отъ Наполеона Бонапарте ихъ добиться нельзя. Что говорятъ о Гамбургѣ? „*Conservateur*“ сообщаетъ, что осаждающіе *сожгли одинъ мостъ*. Незавидный подвигъ. Не могу Вамъ выразить, до чего мнѣ досадно, что эта армія не подвигается ни на шагъ. Бѣдная графиня*) тоже страдаетъ отъ этой мысли, но молча. Говорятъ, что графъ Остерманъ снова впалъ въ меланхолію и ипохондрію: это весьма прискорбно. Увѣряютъ, что онъ еще собирается на войну: онъ успокоится только, когда его убьютъ. Это безумство, но благородное и прекрасное! Вашимъ сестрамъ врядъ ли живется весело среди всѣхъ этихъ тревоженій.

Прощайте; вотъ глупое письмо: на немъ отражается мое расположеніе духа, частью зависящее отъ состоянія здоровья: я боленъ, но хотѣлъ отвѣтить Вамъ по крайней мѣрѣ скоро, если и не хорошо. Я видѣлъ на дняхъ Вашу тетушку.

*) Гр. Толстая.

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ, 2 Марта 1814 г.

Право, не знаю, какъ и благодарить Васъ за все, что Вы дѣлаете для М-те Эверсъ. Если-бъ Вы не требовали настоятельно, чтобы я молчала, я бы написала ей сегодня же, сказавъ всю правду. Вѣрно только одно: что я всю свою жизнь не забуду всѣхъ услугъ, которыя вы мнѣ оказываете въ лицѣ этой бѣдной милой женщины, и мнѣ страшно хочется сказать имъ обоимъ, какъ они должны Вамъ быть благодарны. Съ послѣдней почтой я получила извѣстіе о нихъ; М-те Эверсъ въ подробности сообщаетъ мнѣ о всемъ, что Вы ей послали и призываетъ на Васъ благословеніе неба. Я уже давно подозрѣвала у нея начало водянки и боюсь, что удушье, которымъ она страдаетъ, происходитъ отъ воды, скопившейся въ груди. У меня мало надежды на ея выздоровленіе, но думаю, что уходъ хорошаго врача и здоровая пища могутъ продолжить ея существованіе.

Я въ восторгѣ, что вы ей послали м-г Оберга, можетъ быть ему удастся помочь ей; но, еще разъ повторяю Вамъ, что у меня не хватаетъ словъ, чтобы высказать Вамъ, что я чувствую, и предоставляю Вашему сердцу угадать все, что вызывается всѣмъ этимъ въ моемъ.

Г-жа де Нуазевиль заставила меня прочесть письмо, гдѣ говорится о княгинѣ Michel. Во всемъ ея разговорѣ съ м-те Гусъ я видѣла только отголосокъ ея обычной непослѣдовательности. Повѣрите ли, что большею частью она не сознаетъ, ни что говорить, ни что дѣлаетъ. Она и теперь не имѣетъ большаго желанія сблизиться съ Вами, чѣмъ 3 года тому назадъ. Увидавъ М-те Гусъ, она вспомнила о Васъ; она вообразила въ этотъ день, что еще любить Васъ, и исходя изъ этой мысли, говорила какъ особа, желающая примиренія.

Ея вѣчное желаніе занимать собою, привлекать вниманіе, если не восхищеніе, страсть марать бумагу, чтобы написать что-нибудь столь же красивое и остроумное, какъ *Мелиза*,—только что вышедшій ся романъ—вотъ, по моему мнѣнію единственная причина, которая могла внушить ей мысль вступить въ переписку съ Вами. Она всегда остается сама собой—вотъ что кроется подъ всѣмъ этимъ. До Васъ собственнѣнно ей такъ же мало дѣла какъ до вчерашняго снѣга. Я никогда не имѣла желанія бывать у нея, но часто встрѣчала ее у ея невѣстки. Княгини Boris. и могла, какъ мнѣ кажется, составить о ней правильное сужденіе. Эту женщину жаль. Я слишкомъ придерживаюсь евангель-

ской морали, чтобъ не совѣтовать прощенія обидъ, и Господь оказываетъ мнѣ милость, давая возможность осуществлять это на практикѣ. Но когда какое нибудь нѣсколько выдающееся событіе удаляетъ меня отъ кого либо, кого я сильно любила, и кого именно это событіе особенно затронуло, опечаливъ меня, то, все кончено,—безповоротно кончено.

Я прощаю все, не сохраняю неприязненнаго чувства, но появляется демаркаціонная линия. Я могу видѣть это лицо около себя и чувствовать себя отъ него на тысячу версть. Вотъ что бываетъ у меня; можетъ быть это и не хорошо, но ужъ такъ оно есть. Я не избѣгаю этой личности, но и не ищу ея общества; мнѣ кажется, что между нами пронеслось холодное дыханіе смерти. Поэтому я вполне одобряю молчаніе, хранимое Вами въ этомъ случаѣ и отвѣтъ на словахъ, который Вы просили передать г-жу Гусь.

Пусть себѣ княгиня Bogis занимается прекрасными *Idéal* и *Ténébreux*, Вы же оставайтесь отъ нея далеки, но, однако, простивъ ей великодушно и по христіански.

Повидимому она снова собирается путешествовать и покинуть Россію, которую ненавидитъ и старается заставить возненавидѣть своихъ дочерей. Она хочетъ ѣхать въ Римъ, столько же для здоровья, сколько ради экономіи; она приводитъ въ порядокъ всѣ свои дѣла, и если не представится препятствій, предполагаетъ отправиться въ путь въ Іюль. Княгиня Bogis займетъ ея домъ на нѣсколько лѣтъ. Мы также думаемъ, что въ ея планы входитъ выдать дочерей замужъ въ Италиі, такъ какъ она очень торопится сдѣлать имъ приданое; этимъ предметомъ она больше всего занимается съ ихъ опекунами. Господь съ ней; пусть себѣ уѣзжаетъ; у княгини Bogis вздохнуть свободнѣе. Знаете ли Вы, что дочери въ миниатюрѣ такъ же невыносимы, какъ мать; старшая глупа; меньшая умна, но говоритъ такъ напыщенно и съ такими жестами, точно вырвалась изъ-за кулисъ.

При всемъ томъ онѣ такъ напичканы всѣми разсужденіями матери, такъ проникнуты ея превосходствомъ надъ остальными смертными, что становятся положительно невыносимыми.

Я скажу Вамъ одну вещь, которая огорчитъ Васъ: я не думаю, чтобы портфель съ золотыми лиліями можно было впялить въ скоромъ времени. Дѣла начинаютъ принимать другой оборотъ; у насъ уже

нѣтъ курьеровъ, берлинскія газеты много говорятъ о конгрессѣ. Коленкуръ далъ большой обѣдъ въ Шатильонѣ министрамъ всѣхъ державъ. Лордъ Кастельреа отвѣтилъ ему также обѣдомъ, а затѣмъ курьеры, отправленные послѣднимъ въ Лондонъ, проѣзжаютъ черезъ Парижъ съ паспортами, выданными Наполеономъ. Повидимому между англійскими и французскими министрами господствуетъ полнѣйшее согласіе, и газета много разъ упоминала объ этомъ. Что все это означаетъ? Я не знаю, да и никто не знаетъ. Послѣдній курьеръ, прибывшій 4-го, привезъ письма только къ Императрицѣ; говорятъ, однако, что были и другія, но ихъ не выдали. Императрица не говоритъ ни слова. Теперь говорятъ, что государи поторопились; что ихъ не просили; однимъ словомъ, плетутъ всякій вздоръ, отъ повторенія котораго я васъ пощажу; отъ него закружится голова у всякаго. Я спрашиваю, какъ въ Фигаро: „Да кого же здѣсь обманываютъ“?

Все, что Вы говорите мнѣ объ институтскомъ воспитаніи, можетъ составить продолженіе сказаннаго Вами однажды о цивилизаціи. Мнѣ не по душѣ ни первое, ни вторая. Не знаю, во что превращаются эти исторички и естественницы, вернувшись къ своимъ бѣднымъ и невѣжественнымъ родителямъ, но расскажу Вамъ, случившееся съ одной изъ воспитанницъ, окончившихъ институтъ три года тому назадъ. Эта молодая особа, прибывъ въ деревню, нашла въ домѣ родителей еще девятерыхъ дѣтей и всего семь душъ крестьянъ; сыновья сами пахали землю, дочери полоскали бѣлье на рѣчкѣ, какъ гомеровскія царевны. Надо было найти дѣло для новоприбывшей, и ей поручили ходить за курами. Мадамъ де Ментенонъ, правда, пасла гусей; но наша несчастная помнила о ней только какъ о французской королевѣ, и въ концу концовъ въ одинъ прекрасный день ее нашли повѣсившейся. Ее побудило къ тому крайнее отчаяніе; да милостивый государь, она повѣсилась съ отчаянія. Происшествіе это—не вымыселъ. Не лучше ли было бы для нея, еслибъ она никогда не покидала своей деревни и занималась бы тамъ, подобно сестрамъ, полосканьемъ своего тряпья? Нѣтъ, я не люблю подобнаго воспитанія, выводящаго человѣка изъ его среды; такъ же какъ не люблю дерптскихъ профессоровъ съ демократическими принципами въ странѣ чисто монархической.

Прощайте; уже поздно; какъ только получимъ извѣстія, Вы ихъ узнаете. Продолжайте употребленіе зеленой воды, она вамъ будетъ на пользу.

Кристинь.

Москва, 10 вмѣсто 12 Марта 1814 г.

Я иногда такъ мало могу располагать своимъ временемъ въ дни отхода почты, что для того, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ, какъ вчера, я принимаюсь за письмо къ Вамъ къ послѣ завтра. Вы прекрасно поняли княгиню Michel, и можно подумать, что десять лѣтъ были близко знакомы съ ней, хотя уловили этотъ характеръ. такъ сказать, на лету.

Мнѣ тоже кажется, какъ и Вамъ, что представившійся случай и желаніе поговорить о самой себѣ вызвали ее на болтовню съ m-me Гусъ, и мое имя послужило только какъ бы рамой, благодаря которой можно было коснуться и прошлаго и настоящаго. Я посмѣлся надъ m-me Гусъ въ своемъ отвѣтѣ, и что-бы ни случилось, никогда между мною и княгиней Michel не будетъ ни общественныхъ сношеній какого-то ни было бы рода, ни переписки. Меня не удивляетъ, что ея дочери невыносимы и проникнуты сознаниемъ воображаемаго превосходства ихъ матери надъ прочими смертными; онѣ съ самого дня своего рожденія только слышать объ этомъ и еще не достигли того возраста, когда разумъ исправляетъ первое сужденіе юности. Онѣ вѣрятъ на слово матери, сто разъ въ день повторяющей, что она воплощеніе ума и талантовъ, такъ же какъ прежде была олицетвореніемъ красоты. Ея сыновья, какъ мнѣ показалось, того же мнѣнія; всѣ ея дѣти поработены крайнимъ эгоизмомъ матери, представляющей изъ себя во всѣхъ отношеніяхъ самую требовательную женщину въ мірѣ. Подробные характеры подчиняютъ себѣ другихъ, пока эти послѣдніе наконецъ не возмутятся; однако возмущеніе наступаетъ рано или поздно, и тогда уже нѣтъ возврата.

Я не хочу говорить ни слова о политикѣ до прибытія новаго курьера отъ Императора, что дастъ намъ возможность обсудить все: безъ того теряешься въ догадкахъ, до послѣдней степени утомляющихъ голову.

Но хочу тысячу разъ поблагодарить Васъ и г-жу де Нуазевиль за любезность, которую Вы оказали мнѣ, списавъ докладную записку Ронвюара и отвѣтъ его кроткаго государя. появившійся на слѣдующій день въ газетахъ. Это большая любезность съ Вашей стороны, и я считаю себя Вашимъ должникомъ соотвѣтственно той сукъ, какая

испытывается при перепискѣ; я сердитъ на Плюшара, сдѣлавшаго Вашу работу бесполезной; но, тѣмъ не менѣе, тронуть добрымъ намѣреніемъ.

Неужели Вы думаете, что сумасшедшій поступокъ Вашей птичницы, предпочетшей повѣситься тому, чтобы ѣсть свѣжія яйца въ ожиданіи замужества, есть слѣдствіе полученнаго воспитанія? Очень можетъ быть, что она повѣсилась бы и безъ того: мы всюду видимъ сумасшедшихъ, оканчивающихъ самоубійствомъ. Впрочемъ, количество ничего не доказываетъ въ сравненіи съ преимуществами хорошаго воспитанія. Со стороны родителей было глупо, имѣя десять человѣкъ дѣтей и семь крестьянъ, отправлять дочь въ столицу, а главное брать ее обратно въ домъ. Если они получили возможность помѣстить дочь въ Институтъ, имъ слѣдовало представить, что они не въ состояніи одѣвать и прокормить ее, и поручить ее попеченію Императрицы-матери, доброй и благотворительной.

Кстати о сумасшествіяхъ! Княгиня Куракина пріѣхала вчера; часъ тому назадъ я былъ у нея; она страшно перемѣнилась къ худшему. похудѣла и постарѣла. Скюдери, котораго она просила меня прислать къ ней, совѣтуетъ ей остаться здѣсь до Мая мѣсяца. Этотъ совѣтъ, повидимому, ей очень понравился, и она расположена послѣдовать ему. Мнѣ рѣдко приходилось видѣть женщину такъ мало стремящуюся увидаться съ родными. Мужъ ли причиной этого—я не знаю, но склоненъ думать, что у нея относительно его уже нѣтъ иллюзій, такъ долго ослѣплявшихъ ее. Она утомлена, но не больна; она на ногахъ, но говорить, что не выдержитъ остальной дороги. Я думалъ, что недѣля отдыха возвратитъ ей силы, но она убѣждена въ противуположномъ.

Говорю Вамъ это, чтобъ Вы передали или умолчали обо всемъ, смотря потому, какъ найдете нужнымъ. Я не стану писать ничего княгинѣ Vogis и никому изъ домашнихъ.

Голова бѣдной Лизы мнѣ показалась очень слаба; она три раза въ часъ повторяетъ одни и тѣ-же вопросы, повидимому не помня ни вопроса, ни отвѣта. При ней состоитъ старуха-француженка, отчаянная болтушка; я бы съ ней умеръ отъ скуки, но ее она, кажется, развлекаетъ и занимаетъ.

Вотъ и графъ Остерманъ въ деревнѣ, а жена его въ огорченіи. Боже мой! Какъ тяжела такая жизнь. Онъ хорошо сдѣлаетъ, если

попадетъ подъ ядро, какъ желаетъ: такъ будетъ короче для окружающихъ. Можете Вы представить себѣ будущность этой женщины, если въ мирное время ей придется нести на своихъ плечахъ бремя этой разстроенной головы, можетъ быть въ продолженіе многихъ лѣтъ! Честолюбіе, выродившееся въ мацію, ужасная болѣзнь, и что того хуже,— неизлѣчимая. Прощаюсь съ Вами до Понедѣльника; можетъ быть, завтрашняя почта привезетъ намъ какія нибудь новости.

Онъ же.

Четвергъ, 12.

Почта не привезла ничего, кромѣ извѣстія о бѣгствѣ Полиньяковъ, и дѣйствительно эта вѣсть радуетъ сердца всѣхъ, кто, подобно мнѣ, по опыту знаетъ, что значить сидѣть въ тюрьмѣ подъ ключомъ у г. Бонапарте. 10 лѣтъ эти несчастные молодые люди томилась въ оковахъ. Раздѣляю счастье ихъ родителей и прошу Васъ передать это графу и графинѣ Діанѣ. Кажется, что, хотя медленно, но все же двигаются впередъ, и Бонапарте не чувствуетъ себя въ силахъ атаковать. Я продолжаю думать, что его пѣсенка спѣта, и вижу, что его замѣнитъ Бурбонъ. Мнѣ пишутъ изъ Швейцаріи, что меня тамъ ждуть непременно въ теченіе этого года; можно подумать, что тамъ увѣрены въ паденіи Наполеона. Но ошибаются; чѣмъ-бы ни случилось, я не покину такъ скоро эту добрую Россію. Я устроился здѣсь съ трудомъ и заботливо не для того, чтобы бросить все это. Если когда нибудь мои доходы позволятъ мнѣ сдѣлать сбереженія, чтобы оплатить путешествіе, я съ наслажденіемъ совершу его, но никогда не брошу вѣрнаго для слѣчайнаго. Вы не повѣрите, до чего я дорожу крохами, которыя имѣю. Я чувствую, что если это уплыветъ, уже ничто не вернется, а передъ бѣдностью я ощущаю священный страхъ: я ее боюсь больше смерти. Изъ гордости, а не изъ скупости или эгоизма: быть въ зависимости на старости лѣтъ кажется мнѣ все равно, что вступить въ преддверіе ада. Устраиваю свою деревеньку. Тамъ дѣлаютъ сыръ. Я васъ имъ угощу. Говорятъ, что мнѣ его наварятъ на шесть тысячъ рублей въ годъ. Аминь!

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ 17 Марта 1814 г.

Ожидали ли вы увидать г-жу де-Нуазевиль, или ея появленіе было для Васъ неожиданностью. Мнѣ послѣднее было бы пріятнѣе, такъ какъ Вы испытали бы большее удовольствіе. Не понимаю, какъ это она добралась такъ скоро. Одинъ пріѣзжій изъ Москвы рассказы-

ваает невѣроятныя вещи о состояніи дорогъ; онъ говоритъ, что ѣхаль двое сутокъ отъ Москвы до Клина; дней десять стоитъ оттепель и туманная погода должна увеличивать грязь. Однимъ словомъ отъ всей души желаю, чтобы бѣдная женщина добралась благополучно и достигла тихой пристани. Я не жду ее сюда обратно къ Пасхѣ.

Что Вы скажите о четвѣ К? Объ этомъ мужѣ, отправляющемся въ одну сторону, и женѣ, прибывающей съ другой; объ этой г-жѣ Сюэ, которую къ ней приставляютъ охранительницей—сумасшедшей, десять разъ въ день падающей въ обморокъ, пугающейся всего и пугающей Лизу; о послѣдней, приготавливающейся умереть черезъ двѣ недѣли, прощающейся съ мужемъ въ трогательномъ письмѣ; и о мужѣ, не обращающемъ на письмо никакого вниманія, не шевелящемъ мизинцемъ, чтобы поѣхать къ женѣ, и вполне счастливомъ, что г-жа де-Нуазевиль беретъ на себя хлопоты, между тѣмъ какъ онъ проводитъ время въ петербургскихъ гостинныхъ. На мѣстѣ княгини Борисъ я бы заболѣла отъ огорченія. Боже мой, какое печальное супружество, и что за человѣкъ этотъ К., не смотря на всѣ свои богатства. Будь я на его мѣстѣ, я бы не посмѣла показать своего лица даже въ замочную скважину. Я предвидѣла его гнусности; всѣ въ него бросаютъ камнями. Удивляются, что онъ не тревожится и не поѣхаль въ Москву. И смотря на все это онъ держитъ себя крайне непринужденно, такъ что хочется его побить. Не дай Богъ этимъ тремъ княжнамъ выйти замужъ, какъ ихъ старшая сестра! За то г-жу де-Нуазевиль превозносятъ до небесъ.

Если она еще въ Москвѣ, скажите ей, что въ домѣ княгини Вольдемаръ существуетъ о ней одно только мнѣніе, что всѣ въ восторгѣ отъ ея самопожертвованія и ея желанія оказать услугу. Всѣ члены семьи на перерывѣ поютъ ей хвалебные гимны. Но, при всемъ, что говорятъ о ней, Куракина не щадятъ; одно не могло обойтись безъ другого, и параллель выставляетъ поведеніе этого молодого мужа въ еще болѣе возмутительномъ видѣ.

Г-жа де-Нуазевиль, вѣроятно, сообщила Вамъ вѣсти изъ арміи. Послѣ ея отъѣзда прибыли еще два курьера, оба изъ Шомона, одинъ отъ 16, второй отъ 20; они привезли подтвержденіе осады Труа и блестящаго дѣла Витгенштейна при Баръ-Сюръ-Объ; маршалъ Блюхеръ находится между Суасономъ и Мо, его аванпосты—въ Киз, совсѣмъ близко отъ Парижа. Сыновья княгини Борисъ пишутъ, что нельзя съ точностью опредѣлить, гдѣ находишься: въ одинъ день имъ подають

У. Г. ИВАСКЪ. Григорій Николаевичъ Геннади (обзоръ жизни и трудовъ). Изданіе Л. Э. Бухгеймъ. Москва 1913 г. 8^о, 64 стр. съ двумя фототипіями. Цѣна 2 р. 75 к. (Въ продажу поступило 100 экземпляровъ).

Извѣстный составитель „Справочнаго словаря о русскихъ писателяхъ“ и авторъ многихъ библиографическихъ трудовъ Г. Н. Геннади долго оставался какъ бы въ тѣни: хотя со дня кончины этого русскаго библиографа пролетѣло уже болѣе тридцати лѣтъ († 26 февраля 1880 г.), онъ до послѣдняго времени не вызвалъ ни одной большой работы, которая бы хорошо освѣтила его жизнь и дѣятельность.

Такой пробѣлъ въ библиографической литературѣ теперь значительно восполненъ только что появившеюся книжкой У. Г. Иваска. Въ ней авторъ даетъ наиболѣе полный библиографическій очеркъ Геннади и особенно подробный перечень его трудовъ съ нѣкоторыми любопытными примѣчаніями. Поэтому названную книжку можно считать хорошимъ справочникомъ, полезнымъ для библиотечарей и библиофиловъ.

Одинъ лишь вопросъ невольно останавливаетъ наше вниманіе: это—указаніе на годъ рожденія Г. Н. Геннади. Самъ покойный библиографъ въ „Альбомѣ М. И. Семевскаго“ далъ о себѣ разнорѣчивыя хронологическія даты: онъ указывалъ, что родился то въ 1825 г., то въ 1826 году (стр. 46, 54, 83). Первая дата принята г. Венгеровымъ („Источники“, т. I, стр. 724); вторая же—„Энциклопедическимъ словаремъ“ Брокгауза (т. VIII, стр. 338). Со своей стороны г. Иваскъ на первой же страницѣ очерка, безъ всякой оговорки, сообщаетъ, что „Г. Н. Геннади родился 18 марта 1826 года“, а въ концѣ своей книжки печатаетъ интересный документъ—„формулярный списокъ“ покойнаго библиографа, составленный въ 1866 году и показывающій, что тогда ему было 42 года: значить, онъ появился на свѣтъ въ 1824 году. При такомъ разнорѣчьи, по нашему мнѣнію, автору слѣдовало бы предпринять болѣе точныя разысканія, чтобы устранить невольно возникающее недоумѣніе. **Д. Я.**

„1812 Дневникъ отечественной войны“. М. Чуприковъ (съ 3 портретами) С.-Петербургъ. Изданіе В. А. Суворина 1913. 653 стр. мал. 8^о.

Книга весьма удобочитаема.

„Сборникъ Новгородскаго Общества Любителей Древности“. Выпускъ 6-ой, Октябрь 1912 г. подъ редакціей М. В. Муравьева. Новгородъ 1912 г. 97 стр.

Въ сборникѣ напечатаны: Арсеньевскія шведскія бумаги г. П. Планъ осады Новгорода въ 1611 году. „Экономическое положеніе Великаго Новгорода во второй половинѣ XVI вѣка“. статья А. М. Гнѣвушева. „Старыя бумаги церкви Бориса и Глѣба“. „Старыя бумаги сельца Наумова“. „Документы по отечественной войнѣ“. „Протоколы засѣданій“, въ приложеніи къ онымъ „О, Альмгренъ“ къ легендѣ.

О Сицилійскихъ вратахъ „А. И. Иванова, о курганахъ около д. Яблокова“. М. В. Муравьевъ. „Архивъ И. В. Мякинина“. И. В. Аничковъ Отчетъ о дѣятельности Общества съ 7 Апр. 1910 г.—по 7 Апр. 1912 г. М. В. Муравьевъ. „Разборъ записокъ игуменіи Маріи“. И. С. Романцевъ „Замѣтки о запискахъ игуменіи Маріи“.

„Императорскій Россійскій Музей Императора Александра III“.

„Каталогъ книгъ библиотеки Алексѣя Петровича Бахрушина“ выпускъ III. Москва 1912 г. 383—597 ст.

Пользованіе любопытными книгами, въ библиотекѣ А. П. Бахрушина находящимися, нынѣ облегчено книголюбцамъ благодаря изданію упомянутаго каталога; новый даръ, принесенный неутомимымъ хранителемъ Музея Императора Александра III-го истинному просвѣщенію.

П. В. (младшій).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1913 годъ.

(Годъ 51-ый).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1913 году, за **двѣнадцать выпусковъ** съ пересылкой и доставкой **девять рублей**, для чужихъ краевъ **двѣнадцать рублей.**

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Садовой у Ермолая, въ домъ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 12 до 4 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5 ⁰/₁₀.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Журналъ выходитъ на старыхъ основаніяхъ съ привлеченіемъ новыхъ сотрудниковъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіи мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщикъ долженъ заявить № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ видѣ приложенія подписчикамъ будетъ разослано собраніе статей и примѣчаній почившаго составителя „Русскаго Архива“ Петра Ивановича Бартенева.

Отвѣтственный редакторъ **Н. С. Бартенева.**

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913

2.

стр.

147. «Описаніе перстня Царя Михаила Феодоровича» сообщено Графомъ С. Шереметевымъ.
150. Мурза Сюнчалей Янгальчевъ», статья П. Л. Юдина.
169. «Начало Дома Романовыхъ А. П. К.
178. «Росписка Польскихъ пословъ» сообщено С. Фарфоровскимъ.
181. «Переписка П. Д. Голохвастова съ И. С. Аксановымъ о земскомъ Соборѣ.
205. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. С. Пушкину.
207. Переписка Кристина съ княжной Турнестановой.»
230. Калужская провинція, статья В. Кошкарора.
258. Изъ бумагъ Н. О. Кутлубицкаго Сообщено И. Бронскимъ.
266. «Записки иностранца Федора Бринка.» Сообщено В. Крыжановскимъ.
277. А. В. Духновичъ статья Ф. Ф. Аристова.

МОСКВА
Синодальная Типографія
1913

Отъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета

12 мая 1911 года русская наука понесла тяжкую утрату въ лицѣ Заслуженнаго Профессора Московскаго Университета Василя Осиповича Ключевскаго. Русскому Обществу хорошо знакомъ и дорогъ образъ великаго ученаго, сочетавшаго силу мысли съ даромъ художественнаго творчества и могуществомъ устнаго слова. Имя почившаго одинаково близко какъ многочисленнымъ слушателямъ его, разбросаннымъ по всей Россіи, такъ и еще болѣе многочисленнымъ читателямъ его литературныхъ произведеній. Работы его, бросая яркій свѣтъ на наше прошлое, будили общественное сознание, развивали мысль ряда поколѣній и воспитывали школу исторической науки.

Идя навстрѣчу проявленному со всѣхъ сторонъ горячему желанію выразить уваженіе къ памяти В. О. Ключевскаго, Московскій Университетъ остановился на мысли почтить память почившаго такъ-же, какъ нѣкогда была почтена память его великаго учителя Сергѣя Михайловича Соловьева, и возбудилъ ходатайство объ учрежденіи при Московскомъ Университетѣ стипендіи его имени для оставленныхъ при Университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ русской исторіи, а также и преміи за лучшія сочиненія по русской исторіи и исторіи русской церкви.

Нынѣ **ВЫСОЧАЙШЕ** разрѣшено открытіе повсемѣстнаго сбора добровольныхъ пожертвованій для означенной цѣли. Объявляя объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, **ИМПЕРАТОРСКІЙ** Московскій Университетъ приглашаетъ всѣхъ почитателей В. О. Ключевскаго доставлять свои пожертвованія, не стѣняясь ихъ размѣрами, въ Правленіе Университета, во всѣ Конторы и отдѣленія Государственнаго Банка, въ губернскія и уѣздныя казначейства Россійской имперіи для зачисленія на условный текущій счетъ въ Московской Конторѣ Государственнаго Банка за № 20255, открытый на имя Совѣта **ИМПЕРАТОРСКАГО** Московскаго Университета.

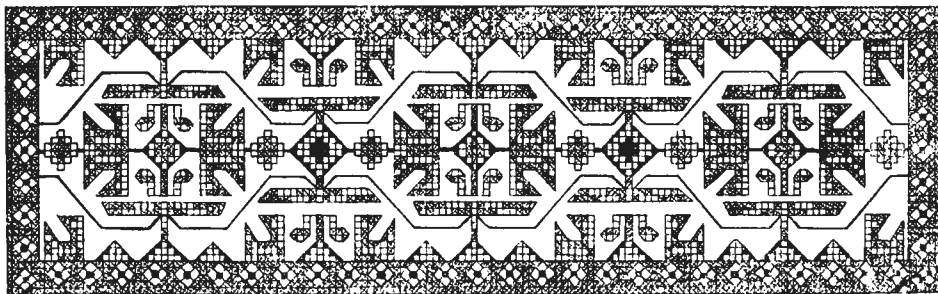
Отчеты о поступившихъ пожертвованіяхъ будутъ публиковаться два раза въ годъ.

надежду, что они увидятъ башни собора Парижской Богоматери; на другой день говорятъ о возвращеніи; сегодня рѣчь идетъ о мирѣ, а завтра желаютъ идти впередъ. Если этимъ господамъ ничего не извѣстно, можете себѣ представить, что знаютъ остальные! Андрей пишетъ, что австрійцы отвратительны во всѣхъ отношеніяхъ, и что ихъ всѣ ненавидятъ; они собираютъ огромныя реквизиціи и грабятъ, что ни попаало. Графу д' Артуа, бывшему въ Везулѣ, австрійскій комендантъ этого города приказалъ удалиться, такъ какъ не получилъ никакого распоряженія относительно его пребыванія. Однимъ словомъ, при тысячѣ обстоятельствъ эти люди ясно показываютъ, что политика ихъ кабинета не намѣревается порвать съ Бонапарте, а тѣмъ менѣе возстановитъ Людовика XVIII. Нашъ Государь долженъ страшно страдать отъ этого сброда. Они одни парализуютъ всѣ хорошія намѣренія, которыя могли существовать внутри Франціи. Изъ всего этого я заключаю, что если когда либо Бонапарте сдѣлалъ умный политическій шагъ, то именно женясь на этой глупой Маріи Луизѣ. Однако, я думаю, что все кончится хорошо, и если удастся занять Парижъ, это внесетъ большое измѣненіе въ положеніе вещей.

Я получила плохія вѣсти отъ Остермана; его здоровье разстроилось, какъ прежде. Вы знаете, что онъ вернулся въ армію; жена же его осталась въ Базелѣ, ожидая извѣстій отъ него. Не получая писемъ, несчастная женщина поспѣшила въ штабъ-квартиру, чтобы привезти оттуда мужа, и это ей удалось. Но, какъ я Вамъ говорила, голова у него еще въ большемъ не порядкѣ, чѣмъ прежде. Въ штабъ-квартирѣ замѣтили его положеніе, и Императоръ, чтобъ не поручать ему командованіе корпусомъ, назначилъ его своимъ генераль-адъютантомъ. Онъ понялъ мотивъ и уѣхалъ изъ арміи очень недовольный, совершенно больной и съ намѣреніемъ удалиться въ свое имѣніе до конца жизни. Вотъ что М-ше Нессельроде пишетъ г-жѣ Гурьевой изъ Базеля. Андрей пишетъ и того хуже: онъ говоритъ, что Остерману не прожить долго,—онъ это слышалъ отъ доктора.

Прощайте; отчего я вчера не получила вѣсти отъ Васъ: пришло отъ Васъ письмо, адресованное къ г-жѣ де-Нуазевиль, изъ чего я увидала, что Вы здоровы.

ПЕРСТЕНЬ ЦАРЯ МИХАИЛА ТЕОДОРОВИЧА

Въ Архивѣ моемъ нашлась тетрадка въ кожаномъ переплетѣ, на которой слѣдующая надпись:

„Опись Куншкामоры, въ которую вписаны и присланныя изъ Москвы прибавочныя вещи. разставленныя въ поставцахъ и другихъ пристойныхъ мѣстахъ“.

„Переписана 1764 году сентября мѣсяца въ Санктпетербургѣ“.

На первой страницѣ озаглавлено: „Книга описная Куншкаморы со всеми въ ней курioзными и старинными вещами по нумерамъ“.

Слѣдуетъ опись серебра и другихъ предметовъ; между ними „Перстень золотой съ чернью. печать свързана на яхонтъ синемъ, Царя Михаила Теодоровича*“). Опись эта предметамъ, принадлежавшимъ главнымъ образомъ канцлеру князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому, потомку по мужской линіи и наслѣднику князя Ивана Борисовича Черкаскаго, двоюроднаго брата Государева, а по женской прямому потомку боярина Теодора Ивановича Шереметева, женатаго на княжнѣ Принцѣ Борисовнѣ Черкасской, двоюродной сестрѣ Царя Михаила; дочь Ѳ. И. Шереметева княгиня Евдокія Теодоровна Одоевская (жена кн. Никиты Ивановича) была прабабушкой Канцлера. Дочь послѣдняго княжна Варвара Алексѣевна Черкаскакая вышла замужъ за графа Петра Борисовича Шереметева и этимъ бракомъ вернула въ родъ Шереметевыхъ значительную часть состоянія Ѳ. И. Шереметева, вмѣстѣ съ его Архивомъ дѣловыхъ бумагъ.

*) Опись Куншкаморы 1764, л. 52.

Упомянутый перстень Царя Михаила вѣроятный даръ Царскій одному изъ близкихъ ему, либо кн. И. Б. Черкасскому, либо Ф. И. Шереметеву. Опись эта переписывается съ древнѣйшей въ 1764 уже по желанію графа П. Б. Шереметева, домовитаго хозяина и человѣка строгаго порядка.

Въ той же описи имѣются и семейныя вещи Шереметевыхъ, унаслѣдованныя отъ Фельдмаршала, при чемъ упоминаются вещи, привезенныя имъ изъ заграничнаго путешествія.

Въ другомъ мѣстѣ повторяется тоже, но съ нѣкоторымъ добавленіемъ.

„Шкатулка плоская краснаго дерева, крышка за стекломъ, внутри оклеена чернымъ бархатомъ, въ ней:

Перстень золотой съ чернью, печать вырѣзана на яхонтѣ синемъ, Царя Михаила Феодоровича.

Перстень этотъ видимо бережно хранился, (сбоку написано) „въ Москвѣ“.

Портретъ Петра Великаго, перваго Императора, маленькой серебряной медалью (сбоку надпись) „положенъ къ медалямъ“.

Когда скончался Царь Михаилъ, бояринъ Ф. И. Шереметевъ завѣдывалъ Аптекарскимъ приказомъ, чѣмъ отчасти и объясняется близкое участіе его въ предсмертной ужь болѣзни Михаила Феодоровича, о чемъ упоминается въ 3-мъ томѣ Рода Шереметевыхъ. Царь заболѣлъ „меланколіей сирѣчь кручиной“. Въ постель слегъ 23 Апрѣля 1645 года. Ф. И. лично доставлялъ ему порошки, бальзамы, мази, что прописывали ему доктора.

12 Юля, по случаю дня своего ангела, Царь былъ у заутрени, но въ церкви съ нимъ сдѣлался обморокъ, и въ тотъ же день ночью первый Царь изъ дома Романовыхъ скончался на рукахъ своего старѣйшаго и тайнѣйшаго боярина Федора Ивановича Шереметева.

7153 (1646), Марта въ 17 день Государь пожаловалъ поволить ему родовыя вотчины въ духовную написать и отдать племянникамъ своимъ^{*)}.

*) А. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ ч. III, с. 301—2.

Однимъ изъ нихъ былъ бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ, женатый на Полевой, родной дѣдъ Фельдмаршала Шереметева.

„Опись Куншкаторы“ предположено издать въ виду многихъ интересныхъ подробностей, въ ней заключающихся. Многіе предметы и до нынѣ сохранились.

О близости кн. Ивана Борисовича Черкаскаго къ Царю Михаилу свидѣтельствуеетъ документъ Архива Мин. Императ. Двора, въ которомъ говорится, что онъ Государю „волосики легчилъ“, ¹⁾ но семейная близость не исключала его государственной дѣятельности на разныхъ воеводствахъ въ самые первые годы царствованія. То-же и въ большей степени можно сказать о бояринѣ Ѳ. И. Шереметевѣ, который для своего времени былъ выдающимся дипломатомъ. Характеристика его Забѣлинымъ строга и несправедлива ²⁾. Екатерина II, изучавшая его время—была другого мнѣнія (Antidote).

Графъ С. Шереметевъ

Петербургъ, 8 Февраля 1913.

¹⁾ Москов. Отд. Архива Мин. Имп. Двора, столб. по описи 2-й № 1284, 1626 года.

²⁾ Забѣлинъ. Прямые и Кривые.

МУРЗА СЮНЧАЛЕЙ ЯНГАЛЫЧЕВЪ

(Одинъ изъ дѣятелей смутнаго времени)

I

Родоначальникъ существующей до нынѣ на Руси фамилии князей Янгалычевыхъ, мурза Сюнчалей Янгалычевъ или, какъ его часто переименовываютъ грамоты русскія, Канкычевъ, приходился внукомъ извѣстному въ исторіи Россіи Кабардинскому князю Темрюку Айдаровичу, дочь котораго Гуаши, нареченная во св. крещеніи Маріей, была второй супругой (съ 1561 по 1569 г.) царя Іоанна Васильевича Грознаго. Впервые имя его упоминается въ царской грамотѣ 1588 г. на имя „черкаскія земли начальника“, князя Камбулата Айдаровича¹⁾. князей Домонука Темрюковича, Очигана Камбулатовича, Ильбуздука Битуевича, Онзарука и Сюнчалей Канкычевыхъ. Битемрюка и прочихъ „Кабардинскія земли князей и мурзъ“²⁾. — изъ чего можно заключить, что мурза Сюнчалей считался уже въ ту пору однимъ изъ вліятельныхъ лицъ среди тамошнихъ владѣльцевъ.

Грамота была дана прибывшимъ въ Январѣ этого года „къ Москвѣ“ депутатамъ князю Мамстрюку Айдаровичу и мурзѣ Куденску³⁾, которые били челомъ царю Феодору, чтобъ онъ „взялъ ихъ подъ свою высокую руку“, держалъ въ оборонѣ отъ недруговъ, „какъ ихъ держалъ отецъ его“, и велѣлъ бы на Терекѣ городъ поставить, а они

¹⁾ Родного брата кн. Темрюка.

²⁾ Москов. Архивъ Иностр. дѣлъ; Кабардинская грамота № 2.

³⁾ Куденекъ Камбулатовичъ, впоследствии князь, родоначальникъ нынѣ существующей въ Большой Кабардѣ фамилии князей Куденковыхъ, имѣлъ также большое вліяніе на своихъ родичей въ эпоху смутнаго времени.

учнуть служить всякія государевы службы и къ Крымскому, Турскому и Шевкальскому¹⁾ не пристануть“. И царь „пожаловаль“ ихъ, не страшась угрозъ со стороны Крымскаго и Турецкаго дворовъ, повелѣлъ построить не одинъ, а два города для защиты „исконныхъ холопей“ своихъ: первый на правомъ рукавѣ Терека—Тюменгъ при впаденіи его въ Каспійское море, а другой на устьѣ р. Сунжи. И какъ впоследствии султанъ Муратъ не добивался уничтоженія ихъ, желаніе его не было исполнено²⁾. Россія стала твердой ногой на Кавказѣ, распространяя все больше и больше свое вліяніе на окружающія туземныя племена.

Съ этихъ поръ Кабардинскіе князья и мурзы съ своими узденями служатъ, попеременно, въ Теркахъ, гдѣ образовалась даже особая слобода служилыхъ черкесъ, рядомъ съ другой такой же слободой—окоцкихъ татаръ³⁾. Командовалъ этими черкесами мурза Сюнчалей, который въ 1603 году ѣздилъ въ Москву къ Борису Годунову „бити челомъ, чтобъ его царь пожаловаль, велѣлъ ему жити въ Терскомъ городѣ“⁴⁾. Съ нимъ вмѣстѣ прибыли туда девять узденей отъ Кабардинскихъ князей Шолоха и Казыя Шептуковыхъ, которые свидѣтельствовали царю Борису о вѣрности своего народа русскому престолу. Государь милостиво принялъ прибывшихъ изъ далека подданныхъ, обласкалъ ихъ и отпустилъ на родину съ богатыми подарками.

Подъ благоразумнымъ руководствомъ Сюнчалей, Кабардинцы не на словахъ только, но и на дѣлѣ доказали вскорѣ преданность свою Россіи.

Когда, два года спустя, цѣною тысячи жизней, измѣнически завладѣлъ царствомъ Московскимъ первый самозванецъ мурза

1) Т. е. Шамхала Тарковского. владѣнія коего съ г. Тарки находились въ нынѣшнемъ Дагестанѣ.

2) Первый изъ этихъ городовъ именуется въ грамотахъ то Теркой, то Терскимъ, то Тюменскимъ городомъ, второй числится подъ названіемъ Супжинскаго острога. Какъ указываютъ документы Московск. архива М—ва иностр. дѣлъ, существовали русскіе города на Кавказѣ и прежде указаннаго времени. Самымъ раннимъ считается Терскій городъ, построенный въ 1563 году, по челобитью кн. Темрюка, который, вслѣдствіе настойчивыхъ требованій султана Селима и Крымск. хана Девлетъ-Гирея, срытъ въ 1571 году. Устроенный на р. Сунжи воеводой Лукьяномъ Новосильцевымъ въ 1577 г. другой городъ Терка уничтоженъ, также по требованію Крымскаго двора, въ 1580 году.

3) Памятники диплом. и торгов. сношеній съ Персіей, т. II, стр. 147.

4) Москов. архив. Иностр. д. Кабардинск. столбцы за 1603 г. № 1 и 2. Экстрактъ 1550—1748 г.г.

Сюнчалей (снова 12 Ноября 1605 года) прибылъ въ Москву „съ поздравленіемъ Лжедмитрія о принятіи Россійскаго престола“¹⁾. Его сопровождали 10 узденій, Окуцкій мурза Батой Шихмурзинъ съ 6 товарищами, двое черкашениновъ и терскій новокрещенъ Максима.

Однако, подъ давленіемъ, очевидно, польскихъ вельможъ, „Государь, *цесарь* и великій князь Димитрій Ивановичъ“, хотя и оказалъ имъ гордо, съ достоинствомъ восточнаго деспота, ласковый пріемъ, но вмѣсто цѣнныхъ подарковъ—серебряныхъ кубковъ, „золотныхъ“ бархатовъ и дорогихъ соболей, какими жаловали туземныхъ пословъ прежніе цари, „Декабря въ 12 день повелѣлъ наградить“ лишь шубами, шапками, сукнами и камками, приказавъ отправить такія же награжденія прочимъ „Кабардинскимъ, Черкасскимъ, Кумыцкимъ и другимъ тамошнимъ князьямъ и мурзамъ“.

Не успѣло, кажется, посольство это возвратиться на Терекъ, какъ тамъ открылось недовольство среди русскихъ служилыхъ людей противъ царскихъ воеводъ. Возмутились жившіе въ г. Теркѣ такъ называемые „жилицкіе“ казаки, присланные туда на сторожевую службу изъ другихъ городовъ²⁾. Не получая, какъ и прочіе чины, около года положеннаго жалованья, задержаннаго, повидимому, московской „заворохой“ послѣднихъ лѣтъ³⁾ они, собравшись въ числѣ 300 человекъ, хотѣли итти на Астрахань, чтобы „рафомить“ тамошнихъ воеводъ, которые не разъ „великою оплошкою и нерадѣніемъ на Теркѣ государевымъ людямъ нужду великую учиняли“. Но потомъ, уговорившись съ атаманомъ

1) Тамъ же. Кабарл. дѣла 1605 г. № 1.—Въ это время онъ именуется „Петромъ-Сюнчалеемъ Янгалычевымъ“, изъ чего можно заключить, что мурза былъ крещенъ; хотя грамоты позднѣйшаго періода попрежнему называютъ его „Сюнчалеемъ Янгалычевичемъ“.

2) По словамъ проф. С. О. Платонова („Очерки смуты въ Московск. государствѣ“, стр. 311), это былъ обычный подборъ случайныхъ товарищей „гулящихъ людей“, которыхъ въ Астрахани вербовали на государеву службу и, обезпечивая ихъ денежнымъ жалованьемъ, „кормомъ“ и „запасомъ“, посылали въ дальнія послышки“. Но съ такимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться, потому что жившіе въ Теркѣ казаки имѣли определенное устройство, подобное стрѣлцкимъ приказамъ, извѣстную цѣль, имѣли тамъ свою особую слободу, и какъ казаки городовые или бѣломѣстные, пользовались угодьями и рыбными ловлями.

3) Какъ видно по дѣлу Моск. архива Иностр. дѣлъ за 1605 г. № 1, Мурзѣ Сюнчалею съ черкесами, окочанами и новокрещенами, по ихъ челобитью, выдано было жалованье за 1604 годъ терскимъ воеводой. Безъ сомнѣнія получили его за то же время казаки. Но послѣ того Сюнчалей не получалъ его 9 лѣтъ, начиная съ 1605 по 1614 г. (см. грамоту ему отъ 10—17 іюня 1614 г. № 6). Значитъ, и казакамъ до начала задуманнаго ими возмущенія не было выдано жалованья только за одинъ 1605 годъ.

своимъ Болдыринымъ „опричь всего войска“¹⁾, „тайно“ рѣшили поставить во главѣ мятежнаго отряда измышленнаго ими самозванца, Илейку-Муромца, назвавъ его именемъ несуществующаго сына царя Ѳедора Іоанновича, царевичемъ Петромъ, съ цѣлью, видимо, имѣть болѣе вѣрный успѣхъ въ задуманномъ ими предпріятіи.

Конечно, въ г. Теркѣ они не могли никакъ проявить своихъ „воровскихъ“ дѣйствій, ибо, кромѣ нихъ, тамъ отправляли государеву службу дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы и другіе туземные служилые люди, только что передъ тѣмъ присягнувшіе первому самозванцу, какъ и остальные обитатели Россіи.

Съѣхавшись на одномъ изъ Каспійскихъ острововъ, повидимому, Чеченскомъ, лежащемъ недалеко отъ Терскихъ береговъ, мятежники ринулись на утлыхъ челнахъ къ устьямъ р. Волги, чтобы, соединившись съ тамошними казаками, итти на разгромъ Москвы для сверженія съ престола Лжедмитрія.

Оставшіеся въ Теркѣ астраханскіе стрѣльцы упорно продолжали сохранять вѣрность первому самозванцу даже тогда, когда въ 1606 г. вступилъ на престолъ царь Василій Ивановичъ Шуйскій, отказавшись присягнуть ему. Дерзость ихъ дошла до того, что, когда прибывшій изъ Казани на „годовую службу“, стрѣлецкій голова Василій Хохловъ, съ своимъ „приказомъ“, сталъ уговаривать ихъ подчиниться вновь избранному государю, они схватили его вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ, долго мучили и, ограбивъ до нага, посадили въ тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ полтора года²⁾. Измѣнники присмирѣли только послѣ того, какъ до нихъ дошла вѣсть о пораженіи подъ г. Тулой отряда мнимаго царевича Петра. По необходимости, въ началѣ 1607 года, должны были они принести, вмѣстѣ съ мятежниками Астрахани, повинную, и „царю Василю крестъ цѣловали“³⁾.

Какъ можно судить по фактамъ, не принимали никакого участія въ всеобщемъ замѣшательствѣ лишь жившіе у „Гребеней“, близъ „Теплой“ рѣки „вольные“ казаки, также именовавшіеся „Терскими“,

¹⁾ Конечно, не всего „казацкаго“ войска, какъ доселѣ старались увѣрять нѣкоторые наши историки, а лишь того войска, которое находилось въ Теркахъ, ибо въ то время ни жилецкіе, ни терскіе „вольны“ казаки на Кавказѣ, особаго войска не составляли, а жили станицами, у каждой изъ которой былъ свой атаманъ.

²⁾ Московск. арх. Иностр. дѣл. Персидскіе столбцы 1614 г. № 2.

³⁾ Акты Археограф. Экспедиціи, т. II, № 72.

окочане да руководимые мурзой Сюнчалеемъ и княземъ Солохомъ кабардинцы. Въ 1609 году послѣдній даже отправилъ въ Москву своего посланника Кардана Яндарукова бить челомъ царю Василю о своей и народа своего вѣрности. Но ему не удалось видѣть царскія „пре-свѣтлыя“ очи. Въ то время Москву окружали мятежныя войска второго самозванца, находившагося въ с. Тушинѣ (въ 12 верс. отъ столицы), преграждая путь туда и оттуда всѣмъ проѣзжимъ и прохожимъ. Подъ Тулой воровскіе казаки перехватили его, ограбили, отняли у него грамоты отъ князя Солоха и отвели къ Джемитрію. Только послѣ убійства самозванца въ Калугѣ, Карданъ получилъ свободу и явился къ воеводѣ Прокопію Ляпунову, который отослалъ его въ Казань. Болѣе трехъ лѣтъ пришлось пробыть тамъ ему, когда, по вступленіи на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова, воевода князь Иванъ Михайл. Воротынскій отослалъ его въ Москву. Юный царь съ почетомъ и ласкою принялъ такъ много пострадавшаго за свою вѣрность русскому престолу кабардинскаго посла и въ Сентябрѣ 1615 года отпустилъ его въ „Черкаскую землю“ съ подарками и милостивымъ словомъ князю Солоху и прочимъ владѣльцамъ*).

II.

Съ воцареніемъ на Руси юнаго отпрыска древняго боярскаго рода, хотя водворилось спокойствіе внутри Московскаго государства и прекратились въ центральныхъ областяхъ грабежи, разбои, убійства и враждебныя бѣдствія мятежныхъ шаекъ, но окраины продолжали еще волноваться. Особенно было неспокойно въ низовьяхъ р. Волги, да на отдаленномъ Терекѣ. Бѣжавшій съ толпой воровскихъ казаковъ въ г. Астрахань бывший воевода русскій Иванъ Дмитріевъ Заруцкій мечталъ объединить этотъ съ разнородными обитателями край подъ десницей вдовы перваго самозванца Марины Мнишекъ. Древняя татарская столица какъ разъ тому благопріятствовала.

Находясь на границѣ Европы съ Азіей и на узлѣ двухъ дорогъ, водной и сухопутной, чрезъ которыя въ былые годы проходилъ единственный путь на Кавказъ, Персію, Среднеазиатскія ханства и даже въ Турцію, городъ этотъ, благодаря своимъ природнымъ богатствамъ, съ давнихъ поръ привлекалъ къ себѣ и голытьбу и трудовой людъ для легкаго прокормленія и алкавшихъ обильной наживы купцовъ и промышленниковъ. Омывавшая высокія стѣны его кремля многоводная

*) Моск. арх. Иностр. д. Стол. Кабардинск. 1614 г. № 4.

Волга давала полный просторъ широкому разгулу и прибыльному труду людей всякихъ званій и всевозможныхъ промысловъ. Для всѣхъ здѣсь находилось и дѣло и раздолье. Неудивительно поэтому, если тамъ постоянно гнѣздились такіе люди, которые, при малѣйшей вепышкѣ, готовы были браться за дубины и ножи, чтобы кинуться на тѣхъ, которыхъ указывалъ грабить явившійся предводитель.

Съ самыхъ первыхъ дней своего подчиненія Московскому государству Астрахань является ристалищемъ междоусобій и кровавой рѣзни. Многія лѣтописи рассказываютъ о томъ, какъ туда не разъ посылались увѣщательныя грамоты, а для наказанія не въ мѣру расходившихся „удалыхъ“ казаковъ, грабившихъ „по часту“ не только торговые караваны, но и царскихъ пословъ,—отряды правительственныхъ войскъ.

Безъ сомнѣнія, Заруцкій и Марина знали о столь выгодномъ положеніи этого отдаленнаго отъ Москвы города. Не добившись своими мятежными дѣйствіями силы и власти внутри Россіи, они кинулись осенью 1613 года сюда, надѣясь съ помощію преданныхъ первому самозванцу казаковъ: Астраханскихъ, Волжскихъ, Терскихъ и Яицкихъ, и также постоянно волновавшихся стрѣльцовъ возвратитъ сыну Лжедмитрія утраченныя „царственныя“ права.

Прибывши въ татарскую столицу, Заруцкій тотчасъ же разослалъ, отъ имени „царицы“ Марины и малолѣтняго „царевича“, по окружнымъ поселеніямъ грамоты съ требованіемъ покорности ей и ея сыну, обѣщая за то „много царскаго жалованья и милостиваго награжденія“. Въ грамотахъ этихъ онъ называлъ себя мужемъ Марины; вслѣдствіе чего многіе простолюдины признавали и его царемъ. Очевидно, думали послѣдніе: „кто же моль можетъ быть „супругомъ царицы“, какъ не самъ царь?“ И поэтому въ подаваемыхъ ему челобитныхъ писали зануганные и стѣсненные люди: „Царю Дмитрію Ивановичу“.

Однако ожиданія мятежнаго предводителя не совсѣмъ оправдались. На его заманчивыя обѣщанія сдались скоро лишь туземныя орды, всегда притекавшія туда, гдѣ пахло кровью и добычей. Кочевавшій по степи около р. Терека Ногайскій князь Иштерегъ съ мурзами и улусами, Юртовскіе и Янараслановскіе татары *). „да Тинмаметевы

*) Не лишнимъ будетъ замѣтить, что С. М. Соловьевъ, при описаніи дѣйствій Заруцкаго въ Астрахани, всюду (въ Исторіи Россіи т. IX, гл. I) называетъ ихъ Джанараслановскими, а ихъ предводителя Джонъ-Арасланомъ, тогда какъ въ грамотѣ и подлинныхъ документахъ Глав. Моск. архива Ин. д. послѣдній именуется вездѣ Янарасланомъ.

дѣти—Янмаметь и Урачи, и дѣти Батыревы—Кази, Агъ и Курма мурзы шертовали ему измѣннику¹⁾, и дали ему заложниковъ: Иште-рекъ и Тинмаметь—сыновей, а Кара-Калмаметь—родного брата²⁾.

Они клялись ему на коранѣ „итти на весну вскорѣ постомъ“ для осады Самары, а за ними слѣдомъ намѣревался выступить „Волгою противъ льду въ стругахъ съ большимъ нарядомъ и военными пушками“ и самъ Заруцкій съ „Астраханскими ворами“.

Онъ дѣятельно готовился къ походу: заводилъ и покупалъ коней, кормилъ ихъ у себя на дворѣ, подновлялъ сбрую, снаряженіе, оружіе. Всѣ находившіеся по берегамъ струги и лодки велѣлъ собрать и перетащить въ Кремль³⁾.

Забывъ Бога, совѣсть и долгъ и жажда только крови и власти, Ивашка со злобой отринувъ присланныя ему отъ царя и освященнаго собора грамоты, съ требованіемъ прекратить смуту и принести раскаяніе, за что государь Михаилъ Ѳеодоровичъ обѣщалъ ему прощеніе и полное забвеніе его винъ⁴⁾.

Съ этого времени мятежный предводитель еще больше усилилъ свои неистовства, разгуливая съ татарами по окрестностямъ Астрахани, кормилъ и поилъ ихъ каждый день у себя на дворѣ, чтобы только удержать ихъ въ своей власти⁵⁾.

Выславъ въ Николинъ день (1613 г.) къ народу съ казакомъ Чулковымъ какую-то грамоту, онъ заставлялъ подписываться подъ ней всѣхъ—знатныхъ и не знатныхъ. Кто не исполнялъ этого требованія, тѣхъ били, мучили и на смерть побивали, не взирая на санъ и возрастъ. И много погибло тогда отъ руки злодѣя духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Не потворствовавшего ихъ смутѣ архіепископа Ѳеодосія мятежники схватили и заточили въ тюрьму при Троицкомъ монастырѣ⁶⁾.

1) Моск. арх. ин. д. Кабардин. столпы, Кор. 2, № 2.

2) Акты истор., т. III, № 258.

3) Тамъ же, № 248.

4) Тамъ же, № 64—65.

5) Собр. госуд. грам. и догов. III, № 20.

6) „Новыя ежемѣсяч. сочиненія“ 1789 г. XXXIII, стр. 91.—Монастырь этотъ, нынѣ упраздненный, находился въ такъ называемомъ каменномъ городѣ (въ Кремлѣ). Церковь Живоначальной Троицы обращена теперь въ теплый соборъ.

Воеводу князя Ив. Дм. Хворостинина убили¹⁾ и „многихъ добрыхъ людей въ ночи пытали на пыткѣ, жгли огнемъ, да съ отруба въ воду сажали. И по вся дни безпрестанно кровь проливають, казнятъ смертью многихъ людей и животы ихъ и достатки грабятъ“²⁾).

Неистовства Заруцкаго дошли до того, что онъ не убоился посягнуть на святость и неприкосновенность храмовъ Божіихъ, взявъ изъ Троицкой церкви серебряное кадило и сливъ изъ него сѣдельныя стрелы. Маринка запретила благовѣстити къ заутрени и звонить рано въ колокола, потому де, что отъ звона церковнаго „сынъ ея полошится“.

Но въ дѣйствительности, какъ думали и астраханцы, она боялась возстанія со стороны „ущемленныхъ“ жителей, ибо знала, что у Русскихъ существовалъ древній обычай по звону колокольному собираться не только на молитву, но и вершить общественныя дѣла и производить другія собранія для противодѣйствія враждебнымъ замысламъ или притѣсненіямъ алчныхъ воеводъ. Даже въ ту суровую пору обычныхъ пытокъ и дыбъ не могли быть довольны мирные люди такимъ кровавымъ правленіемъ, которое довело до того, что торговля и промышленность стали. Подвозъ съѣстныхъ припасовъ прекратился, такъ какъ рыскавшія кругомъ шайки татаръ грабили всѣхъ проѣзжихъ. Все вздорожало. Пудъ пшеницы дошелъ до 10 алтынъ. Пороха „пищальнаго“ хотя было много и продавали его по полугривнѣ; но свинца трудно было достать на базарѣ и за четыре алтына фунтъ.

Видимо, и самъ мятежный предводитель понималъ, что при такомъ положеніи и съ тѣми боевыми силами, которые были у него въ сборѣ,—не только нельзя рисковать походомъ на Самару, Казань и Москву, но трудно будетъ удержать въ своихъ рукахъ и Астрахань въ случаѣ возмущенія жителей или прихода царскихъ войскъ. Въ каменномъ городѣ было съ нимъ только 500 ранѣ прибывшихъ воровъ съ частью астраханскихъ казаковъ, да около 2-хъ тысячъ татаръ; тогда какъ прочихъ непроставшихъ къ его шайкѣ гражданъ насчитывалось болѣе 3000 человекъ³⁾.

Ожидая прибытія Терскихъ и Волжскихъ казаковъ, Заруцкій и Марина отправили „Филиповымъ постомъ“ въ Персію посольство. въ составѣ боярскаго сына Ивана Хохлова, Астраханца Якова Глядкова,

¹⁾ Моск. арх. Ин. дѣл. Кабардин. стол., кор. 2, № 5.

²⁾ Акты Истор. III, № 258.

³⁾ Тамъ же, № 258.

подъячаго Богдашки Накрачеева-Кораганъ, съ 5 стрѣльцами, и Персидскаго купчину Хузя-Муртазу, строго наказавъ имъ добиться отъ шаха Аббаса присылки къ нимъ на помощь 500 вооруженныхъ воиновъ „изъ ближней его думы“, запасовъ хлѣбныхъ и денежной казны.

Терцы, чрезъ владѣнія которыхъ лежалъ путь гонцовъ, свободно, безъ задержки пропустили ихъ и проводили даже до Дербента. А когда провожатые вернулись обратно на Терекъ, они послали къ Заруцкому съ извѣщеніемъ о благополучномъ проѣздѣ посольства трехъ стрѣльцовъ, наказавъ имъ сказать ему, что также готовы „промышлять вашимъ дѣломъ“.

Безъ сомнѣнія, такое намѣреніе ихъ могло окончиться печально для тамошняго края, а особенно для цѣлости Русскаго государства, такъ какъ еще плохо закрѣпленный за Московскимъ престоломъ съ мало-надежными туземными племенами Кавказъ, подпавши подъ кровавую десницу Заруцкаго и Марины, могъ легко отложиться отъ своей покровительницы къ Персіи или Турціи, какъ о томъ замышлялъ и мятежный предводитель¹⁾.

Видя беспокойное настроеніе жителей, Мурза Сюнчалей Янгалычевъ, посовѣтовавшись съ воеводой Петр. Петров. Головинымъ, рѣшился, ради успокоенія умовъ, самъ съѣздить къ Заруцкому, чтобы удостовѣриться,—подлинно ли именующій себя „супругомъ царицы Марины“ есть тотъ самый первый самозванецъ, котораго онъ зналъ лично.

Повѣхалъ онъ туда съ „окочанами“ и пробылъ „у Ивашки на дворѣ съ недѣлю“, „пилъ, ѣлъ и угощался на его счетъ“²⁾. Никто не зналъ, что говорилъ съ нимъ Заруцкій и съ какими мыслями хитрый кабардинецъ отправился обратно на Терекъ. Но онъ понялъ, конечно, что имѣеть дѣло не съ „истиннымъ“ царемъ, а съ мятежнымъ предводителемъ, и видѣлъ также, какія неистовства творить тамъ послѣдній. По пріѣздѣ въ г. Терки, Мурза рассказалъ тамошнимъ жителямъ о происходившихъ въ Астрахани злодѣйствахъ, совѣтуя воеводѣ Головину послать рать противъ воровъ. Но Терцы колебались, не зная, на что рѣшиться и что предпринять. Однако обѣщанной помощи не спѣшили ему послать. Когда же онъ, не дождавшись отъ нихъ этой присылки,

¹⁾ Моск. Инос. арх. Персидс. дѣла 1614—15 г. № 2.

²⁾ Акты Истор. т. III, № 248.

сталъ съ гнѣвомъ настойчиво требовать высылки къ нему воеводы Головина, чтобы наказать его за ослушаніе, Терцы грубо отвѣтили прибывшимъ къ нимъ съ повелѣніемъ мятежника Астраханскимъ казакамъ.

— Али вы хотите сдѣлать то же съ Петромъ, что сдѣлали съ княземъ Хворостининымъ? Не быть намъ съ вами въ воровскомъ совѣтѣ! Не отстать намъ отъ Московскихъ чудотворцевъ!¹⁾

Наступившія вскорѣ послѣ того новыя обстоятельства окончательно открыли имъ глаза, какія могли быть послѣдствія отъ сообщничества съ „губителемъ душъ хрестыянскихъ“.

III.

Получивши неблагопріятный отвѣтъ отъ Терцевъ, Заруцкій, желая кѣмъ либо усилить свою рать, послалъ къ волжскимъ казакамъ атамана Мишку Ратцова, требуя, чтобы „атаманы и казаки шли съ нимъ на весну подъ Самарскій городъ и подъ Казань“, „а я васъ за то пожалую тѣмъ, чего у васъ и на разумѣ нѣтъ“²⁾.

Посланіе его прибыло на Волгу въ то самое время, когда тамъ была получена увѣщательная съ Дона грамота, приглашавшая волженцевъ не вѣрять Заруцкому, Маринкѣ и астраханскимъ ворами, а покориться „праведному“ государю Михаилу Ѳеодоровичу.

Всѣ казаки, кромѣ станицы атамана Верзилина, отложились тогда отъ мятежника, проклинали и „давали“ его съ „ворухой и воранкомъ“. Хотѣли смутьяна Мишку въ воду посадить, но потомъ отдали его „за пристава“. Они намѣревались, собравшись въ числѣ 500 человекъ, итти преградить путь Ногайскому князю Иштереку, когда тотъ „полѣзетъ съ крымской на Ногайскую сторону“, погромить весной татарскія юрты подъ Астраханью и не допустить соединиться съ шайкой Заруцкаго ожидаемыхъ отъ Персидскаго шаха ратныхъ людей въ „бусахъ“.

Мятежникъ озлобился, получивъ о томъ извѣстіе. Не надѣясь болѣе на помощь казаковъ, онъ задумалъ использовать послѣднюю мѣру для возбужденія въ краѣ возстанія.

¹⁾ Моск. арх. Иност.—Кабардин. св. 2, № 2.—Акты Истор. III, № 257.

²⁾ Акты истор. III, № 248.

Великимъ постомъ 1614 года послалъ онъ своего приспѣшника Михалку Чернаго въ Бол. Кабарду, чтобы переманить черкесъ на свою сторону. Но и на этотъ разъ замыселъ его не удался. Подбадриваемые Сюнчалеемъ и Головинымъ терцы, враждебно теперь настроенные противъ него, перехватили Михалку на Сухой Бороздѣ, въ 20 верст. отъ г. Терка, и привели къ воеводѣ. Тотъ сначала не хотѣлъ говорить, зачѣмъ прибылъ на Кавказъ, но послѣ, когда „Петръ Головинъ съ міромъ того Михалка на пыткѣ пытали“, онъ развязалъ языкъ и повѣдалъ о намѣреніяхъ Ивашки, что „на Великъ день (т. е. на Пасху) хочеть онъ быть на Терекѣ, Петра Головина и многихъ людей казнить, а его, Михалка, послалъ поднять кабардинскихъ князей и черкесъ итти на Русь войною¹⁾).

Услышавъ такую вѣсть, Головинъ, Сюнчалей, всѣ вольные атаманы и казаки и прочіе служилые и жилецкіе люди „тому обрадовались и великому государю крестъ цѣловали тотчасъ, и князей и мурзъ черкасскихъ, которые были на Терекѣ, къ шерти привели, а у иныхъ атамановъ взяли“. Послѣ того, „учиня со всѣми межъ себя благосоюзный совѣтъ, къ астраханскимъ всякихъ чиновъ людемъ послали отписку, чтобы они, помня Бога и души свои и прежнихъ великихъ государей къ себѣ жалованье, отъ такого злого Ивашкина воровства и отъ Маринки отстали и великому государю де били челомъ и вины свои принесли“²⁾).

Въ то же время мурза Сюнчалей разослалъ отъ себя грамоты въ Кабарду и Кумыки къ тамошнимъ князьямъ и мурзамъ съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ законнаго Государя Михаила Феодоровича. Узнавъ о томъ, „князь Гирей съ братьею, Алибекъ, князь Казы-Кумыцкій; Сурхай, зн. Карабулацкій, Маметь-ханъ-мурза съ братью Тарковскіе и иные Кумыцкіе князи съ узденями; Солохъ, князь Кабардинскій, Казы-Мурза Шептуковъ, Аитесь-Мурза Алкасовъ и Мурда-Мурза съ узденями по своей вѣрѣ принесли присягу, шертовали, и государю служить и прямать“³⁾).

Такимъ образомъ, благодаря энергичнымъ и умѣлымъ дѣйствіямъ Сюнчалей, весь богатый Кавказскій край, начиная отъ владѣній шамхала Тарковского, Земля Кумыцкая, съ Мичкизами (чеченцы), Окохами

¹⁾ Собран. госуд. Грам. и догов. т. III, № 20.

²⁾ Моск. иностр. архивъ, Кабардин. стол. 1614 г. № 2 и 5.

³⁾ Тамъ же. Изъ отписки Головину царю 5 іюня 1614 года въ дѣл. Кабардин. № 3.

(окочане) и Осетинами, и обѣ Кабарды до урочища Бештау (пять горъ),—остался по прежнему въ подданствѣ Русскаго царя, подтвердивъ ему на вѣки свою преданность, что неоспоримо имѣло громадное значеніе, какъ для крѣпости Московскаго трона, такъ и для усиленія могущества Россіи среди сосѣднихъ Государствъ: Персіи, Грузіи, Турціи и Крыма. Московскій дворъ ясно сознавалъ эту великую услугу Мурзы Сюнчалей и главнаго Кабардинскаго князя Солоха, и по полученіи отъ Головина донесенія о томъ, изъ Москвы были присланы, „по большомъ царскомъ титулѣ“ похвальныя „за службу и вѣрность“ грамоты Сюнчалей (въ іюнѣ 1614 года) и Солоху (13 августа того же года)*). Въ первой изъ нихъ, между прочимъ, говорилось:

„Ты, Сюнчалей Мурза, помня къ себѣ прежнихъ великихъ государей, царей Россійскихъ, предковъ нашихъ, милость и жалованье, и свою правду, и обѣщанія, въ то смутное время ни къ которому нашему недругу не присталъ и воровской смутѣ вѣдомаго вора Ивашка Заруцкаго не повѣрилъ, а какъ ты про насъ, великаго государя, слышалъ, что, по Божьей милости и, по избранію всякихъ чиновъ людей всего Россійскаго царства, учинились мы, Вел. Г-рь, на вашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго царства Государемъ, царемъ и вел. княземъ всея Русіи самодержцемъ, тому есте порадовались и учинились подъ нашею царскою высокою рукою и намъ служите и прямите, и надъ воромъ Ивашкой Заруцкимъ съ нашими терскими воеводами и ратными людьми сопча промышляете.—И ты-бъ, Сюнчалей мурза, впредь на нашу царскую милость и жалованье во всемъ былъ надеженъ и наше царское жалованье будетъ тебѣ вскорѣ“.

По полученіи обвѣстительной отъ царя грамоты, присланной въ Кабарду изъ г. Терка съ боярскимъ сыномъ Петромъ Смагинымъ, черкесскіе владѣльцы Шолохъ (Солохъ) князь, Казы-мурза Шептуковъ, Мурдаръ-мурза Алкасовъ, Куденекъ-мурза Камбулатовъ, Нарчовъ-мурза Бузлуковъ, Айтековы дѣти, въ томъ же 1614 году, дали въ присутствіи этого посланца, шертную запись „за себя, за братью свою, за дѣтей: большихъ и меньшихъ, и за всѣхъ улусныхъ людей: лучшихъ, середнихъ и черныхъ“, служить великому государю царю Михаилу Феодоровичу до своего живота и быть подъ его высокою рукою въ прямомъ холопствѣ на вѣки неотступнымъ, „гдѣ намъ великій государь велитъ быти на своей службѣ“, обѣщаясь при этомъ „съ воромъ Ивашкомъ Заруцкимъ и съ Маринкою, и съ сыномъ ея ни на которое дурно не

*) Тамъ же. Грамоты Кабардин. № 3 и 5.

ссылатись, и хотя они учнутъ намъ присылать и наговаривать на которое дурно. и намъ того не слушати, а гдѣ будетъ наша мочь, и намъ надъ ними и надъ воры, которые государю не послушны, промышляти, сколько Богъ помочи дастъ, и вездѣ надъ ними поискъ учинить“¹⁾...

Однако не удалось имъ помѣрить свои силы въ противоборствѣ съ мятежнымъ предводителемъ. Еще не успѣла эта запись дойти по назначенію, когда въ Маѣ Заруцкій и вся его шайка были изгнаны изъ Астрахани и потерпѣли полное пораженіе на Яикѣ, куда злодѣи хотѣли скрыться отъ преслѣдованія царскихъ войскъ.

IV.

На шестой недѣли Великаго поста, достигли съ увѣщательной грамотой посланные съ Терка въ Астрахань шесть казаковъ и стрѣльцовъ. Заруцкій предупредилъ ихъ посольство. Чтобы „про нихъ не пронеслось въ міру“, онъ велѣлъ схватить ихъ и посадилъ въ воду²⁾.

Злодѣй понялъ, что пѣсня его спѣта! Терекъ не спроста прислалъ къ его сообщникамъ требованіе смириться предъ законной царской властью. Онъ узналъ, что воевода Головинъ и мурза Сюнчалеи, котораго онъ такъ недавно ласкалъ и угощалъ вкусно, спѣшно готовили противъ него рать. Слѣдомъ за отправленными гонцами выступила она, подъ начальствомъ стрѣлцаго головы Василя Хохлова³⁾. Главную силу ея составляли 500 терскихъ вольныхъ казаковъ съ ихъ атаманамы, которые не приняли до того никакого участія ни въ мятежныхъ смутахъ сердца Руси, ни въ волненіяхъ жителей г. Терка. Остальные двѣсти чловѣкъ были набраны изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, сотниковъ, стрѣльцовъ, окоченъ, новокрещенъ и прочихъ служилыхъ людей.

Провѣдавъ о томъ, проникнутый кровожадными чувствами, злодѣй рѣшился для спасенія себя и Маринки съ сыномъ на самый дикій безчеловѣчный поступокъ, въ которомъ вызвались помогать ему только что прибывшіе въ Астрахань 500 волжскихъ казаковъ. Ради добычи и широкаго разгула, изверги эти забыли недавнія, данныя

¹⁾ Тамъ же. Кабардин. грамота № 4.

²⁾ Акты истор., т. III, № 269.

³⁾ Напомнимъ, того самаго, котораго, при царѣ Василя Шуйскомъ, мучили и били терцы за его приверженность къ престолу и настойчивое требованіе присягнуть царю.

донцамъ, обѣщанія и снова измѣнили царю, Руси матушкѣ и вѣрѣ православной.

Съ ихъ помощью Ивашка задумалъ покончить съ астраханцами, которые не были ему преданы. Для того онъ распорядился послать изъ нихъ 700 служилыхъ людей на взморье для обереганія будто бы бусь, а 300 отправилъ въ Карабазу, остальныхъ хотѣлъ побить во время заутрени на Свѣтлое Христово Воскресенье, а „животы ихъ пограбить“.

Жители узнали объ его адскихъ замыслахъ. „И въ среду на страстной недѣлѣ“ загорѣлся между ними бой. Три тысячи астраханцевъ засѣли въ Острогѣ. Къ нимъ присоединились юртовскіе татары, которые „зарубили Ивашкиныхъ воровъ трехъ человекъ“. Заруцкій и Марина съ сообщниками и прибывшими волженцами, человекъ до 800, заперлись въ Кремлѣ, откуда предводитель велѣлъ „весь нарядъ съ города по посаду изъ острога нарядомъ выбить“¹⁾.

Но какъ разъ въ это время подоспѣла прибывшая съ Терка рать, остановившись на Царевой протокѣ, въ 2 верст. ниже города. Горожане толпами устремились туда „на Государево имя“. Ихъ выбѣжало до 2 тыс. мужчинъ „съ вынненнымъ боемъ“, да 6 тыс. женъ и дѣтей.

Услышавъ про приходъ царскихъ войскъ, отложился отъ мятежника князь Иштерекъ съ своими улусами и пошелъ за Терекъ подѣ Черкасскія горы. Также Янарасланбековы татары убѣжали на Цареву протоку. Ивашка успѣлъ задержать въ Каменномъ городѣ только одного Янараслана, котораго воровскіе казаки встацили туда черезъ стѣну на веревкѣ.

Всѣхъ прибывшихъ Василій Хохловъ привелъ къ присягѣ царю Михаилу Ѳедоровичу и „сталъ надъ ворами поискъ чинить“, донеся о своемъ прибытіи въ Самару воеводѣ князю Дмитрію Пожарскому.

Послѣдній только 17 Мая получилъ эту отписку и сообщилъ о томъ князю Ивану Никит. Одоевскому, которому была поручена отъ царя поимка Заруцкаго и Марины. Бояринъ „на спѣхъ“ собралъ четыре стрѣлецкихъ приказа и послалъ ихъ на подмогу къ Василю, а 19 Мая самъ выступилъ туда „со многими ратными людьми“²⁾.

¹⁾ Моск. Иност. арх. Кабардин. дѣла, корт. 2, № 5.

²⁾ Тамъ же, корт. 2, №№ 1 и 2.

Тѣмъ временемъ Хохловъ, усилившись астраханскими выходцами и татарскими, послалъ терцевъ на приступъ. Заруцкій выслалъ противъ нихъ вылазку. Началось отчаянное кровопролитіе не на животь, а на смерть. Но какъ ни бились храбро бунтовщики, терцы сломали ихъ и въ безпорядкѣ прогнали подъ прикрытіе кремлевскихъ стѣнъ.

Не больше тысячи осталось у Заруцкаго разношерстной рати, да и на тѣхъ теперъ была плоха надежда. Волжскіе казаки колебались, видя, что Ивашкино дѣло проиграно. Какъ носился слухъ, они ждали только прихода сверху царскихъ войскъ, чтобы связать его и бить Государю челомъ. Дабы преградить ему путь къ побѣгу, они сторожили по ночамъ около струговъ, а днемъ слѣдили за нимъ въ городѣ. Однако на третей недѣлѣ послѣ Пасхи, съ Четверга на Пятницу, мятежникъ уговорилъ ихъ и, захвативъ Маринку съ сыномъ и ея приближенными, скрылся изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ на р. Болду, въ 3 верст. отъ города, гдѣ пробылъ три дня и три ночи *).

Этимъ случаемъ воспользовался голова Хохловъ; вошелъ съ своимъ войскомъ въ городъ и, приведя всѣхъ жителей „къ крестному цѣлованію“, разставилъ всюду караулы и сторожа, дабы „воры не прошли ночнымъ временемъ протокою на низъ мимо Астрахани“.

На утренней зарѣ четвертаго дня, когда бдительность стражей отъ переутомленія нѣсколько притупилась, Заруцкій съ 1050 оставшихся при немъ воровъ, на 93 стругахъ, ринулся внизъ по Волгѣ въ Каспійское море. Стрѣльцы и терскіе казаки переняли ихъ. Произшелъ жаркій бой на водѣ. Терцы побили бунтовщиковъ, „многихъ живьемъ поймали, а иныхъ въ водѣ потопили и гонялись за ними цѣлый день“. Въ стычкѣ этой были захвачены тетка Маринкина литовка Варвара Казановская, слуга ея Ивашка Попруцкій, литовскій поць Антонъ да 160 волжскихъ казаковъ съ атаманомъ Иваномъ Аванасьевымъ. Съ немногими сообщниками успѣли улизнуть въ Каспійское море мятежные предводители. Изъ 93 струговъ осталось у нихъ только 33, а прочіе были разбиты, потоплены и частью „взяты живьемъ“.

Слухъ о побѣдѣ быстро распространился по окрестностямъ. И потекли подъ защиту царскихъ войскъ всѣ забитые, загнанные и „ущемленные“. Астрахань стала поправляться и оживать.

*) Акты истор. т. III, № 278.

Слѣдовавшій сверху по Волгѣ князь Одоевскій узналъ о пораженіи Заруцкаго отъ кн. Иштерека „на стану противъ Сарпы“. вмѣсто того, чтобы торопиться съ своими войсками для розыска бѣжавшаго мятежника, онъ, не спѣша, плылъ съ своею ратью, посылая Хохлову грамоту за грамотой, требуя отъ него почестей и подчиненія. 27 Мая прислалъ онъ ему строгій наказъ, отнюдь не посылать въ Москву „станцу“ съ извѣстіемъ о пораженіи Заруцкаго¹⁾. Но Хохловъ еще до полученія этого приказа отправилъ въ Москву терскаго коннаго сотника Василя Смагина съ отписками.

По дорогѣ, въ 120 верст. отъ Астрахани, у Катериновки Одоевскій перенялъ его, отобралъ у него грамоты, велѣлъ переписать ихъ, какъ ему было надобно, и уже отъ себя послалъ ихъ къ царю съ тѣмъ же гонцомъ.

Князь особенно настаивалъ на устройствѣ ему торжественной встрѣчи, такъ какъ въ отрядѣ его несли чудотворный образъ Казанской Богоматери. 29 Мая онъ предписывалъ Хохлову выслать версть за 20—30-ть „въ лучшихъ одеждахъ“ поповъ „со кресты“ и всѣхъ терскихъ и астраханскихъ людей „по половинкамъ“, требуя „очистки“ для него и свиты дворовъ боярскаго, воеводскаго и „дьячего“²⁾. Дойдя на другой день до острова Енотаева, онъ перемѣнилъ свое рѣшеніе и приказалъ прислать на встрѣчу за 10—15 верствъ только тѣхъ астраханцевъ и терцевъ, „у которыхъ струги есть“³⁾.

Повидимому, завидовалъ онъ, что побѣда надъ Заруцкимъ досталась не ему, хотя могъ бы получить ее давно, если бы не сидѣлъ безъ дѣла съ своими стрѣльцами всю зиму въ Казани. Тѣ полки, которые, по требованію князя Пожарскаго, онъ отправилъ въ Астрахань, можно было бы еще по зимнему пути переправить туда 2—3-мя мѣсяцами раньше, когда мятежникамъ не было выхода изъ города и ихъ свободно можно было перехватить на мѣстѣ.

Чтобы умалить предъ царемъ совершенный терцами геройскій подвигъ, Одоевскій тотчасъ же, по прибытіи въ Астрахань, отослалъ ихъ обратно на Терекъ, пославъ въ погоню за Мариной и Заруцкимъ, которые успѣли перебраться на Яикъ, верховыхъ и часть астрахан-

1) Акты Истор. т. III, № 270.

2) Тамъ же № 280.

3) Тамъ же, № 281.

скихъ стрѣльцовъ. Но прибывшій слѣдомъ за Смагинымъ въ Москву голова Василій Хохловъ повѣдалъ Государю о заслугахъ терскихъ ратныхъ людей.

Вслѣдствіе этого 21 Іюня 1614 года была дана имъ „похвальная“ грамота, а мѣсяцъ спустя, „Іюля въ 25 день Государь, Царь и Великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ (дворянину) Дмитрію Семеновичу Погожеву ѣхати въ свою государеву отчину, въ Астрахань, къ своему государеву боярину и воеводѣ къ князю Ивану Никитичу Одоевскому съ товарищи, съ своимъ государевымъ жалованнымъ словомъ, да къ крайнимъ ко всякимъ людямъ, которые пришли подъ Астрахань съ головою съ Василюемъ Хохловымъ, и къ ногайскимъ къ Канай мурзѣ съ братьею и съ дѣтми и съ племянники, и къ юртовскимъ татарамъ, и къ астраханскимъ ко всякимъ людямъ, которые стояли подъ Астраханью и надъ воромъ надъ Ивашкомъ Заруцкимъ, и надъ Маринкою, и надъ Астраханью Государевымъ дѣломъ промышляли и государю служили съ Василюемъ Хохловымъ вмѣстѣ; да на Терекъ къ воеводѣ къ Петру Петровичу Головину, да къ Санчулею, мурзѣ Янгалычеву, и ко всякимъ терскимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ, и къ кабардинскимъ и къ кумыцкимъ князьямъ и мурзамъ, съ своимъ государевымъ жалованнымъ словомъ и съ жалованьемъ золотыми“ *).

По приѣздѣ въ Терки, Погожеву велѣно было сказать собравшимся въ „сѣѣзжей избѣ“ тамошнимъ чинамъ и жителямъ, послѣ опроса о ихъ здоровьѣ:

„А ты-бъ воевода, князь Петръ Петровичъ и Сюнчалей Янгалычевичъ, и дворяне, и дѣти боярскіе, и сотники, и атаманы, и казаки, и стрѣльцы, и всякіе служилые терскіе люди, видя надъ нами, великимъ государемъ, милость Божію и нашу царскую милость къ себѣ и призрѣніе, какъ есте начали намъ, вел. г—рю, служить, такъ бы и содержали—намъ служили и прямили и надъ воромъ Ивашкой Заруцкимъ и надъ Маринкою съ сыномъ промышляли неослабно, сколько вамъ милосердный Богъ подастъ. И ты, Сюнчалей Янгалычевичъ, былъ подъ нашею царскою высокою рукою на вѣки неотступнымъ. А мы, вел. г—рь, васъ учнемъ жаловати и держати въ нашемъ царскомъ жалованьи и въ призрѣнїи свѣше прежняго и учнемъ къ вамъ присылать съ нашимъ жалованьемъ ежегодно безпереводно, какъ бывало при прежнихъ великихъ государехъ, царехъ російскихъ, предковъ

*) Моск. иност. архивъ, дѣла Кабардинс., кор. 2, № 5.

нашихъ, и ту вашу службу учинили на вѣки памятную дѣтямъ вашимъ и внучатамъ, и вы-бъ намъ, вел. г—рю, однолично служили, и на нашу царскую милость и жалованье были во всемъ надежны, а наша царская милость будетъ къ вамъ неперемѣнна¹⁾.

Послѣ этой рѣчи были розданы подарки Кабардинскимъ, Кумыцкимъ и Тарковскимъ владѣльцамъ. Высшія награды пожалованы: Сюнчалею мурзѣ, князю Солоху, Казыю Шептукову и князю Куденеку Камбулатову—по шубѣ на соболяхъ, подъ камкою, съ серебряными пуговицами, стоимостью въ 30 руб., да по пятирублевой шапкѣ каждому. Прочимъ служилымъ людямъ и казакамъ были даны денежныя награжденія. Всего роздалъ Погожевъ въ Астрахани и Теркахъ 1693 р. „съ полтиною“.

Но еще раньше этого, грамотой отъ 10—17 Іюня, государь повелѣлъ, по отпискѣ воеводы Головина, выдать мурзѣ Сюнчалею неполученнаго имъ за девять лѣтъ „окладного“ жалованья²⁾.

Наконецъ въ слѣдующемъ году, грамотой 21 Марта, „за многія службы и радѣніе“ царь Михаилъ Феодоровичъ пожаловалъ его „княжимъ именемъ“ и велѣлъ ему „быти надъ окочены надо всѣми и надъ черкасы, которые намъ, великому государю, служить на Теркѣ, княземъ“³⁾.

Въ концѣ того же 1615 года, Сюнчалею, князь Куденекъ и братъ его Шегунукъ ѣздили въ Москву принести лично царю поздравленія и засвидѣтельствовать ему и Россіи вѣрность ихъ и кабардинскаго народа. На торжественномъ приѣмѣ, въ Дворцовой палатѣ, 6 Января 1616 года, Куденекъ сказалъ царю: „Дай Господи,—ты, великій государь нашъ, здоровъ былъ и многолѣтенъ на своихъ государствахъ и чтобъ вамъ, вел. г—рю, подаровалъ Богъ счастливое пребываніе и надо всѣми вашими недругами побѣду и одолѣніе и чтобъ на всѣхъ вашихъ недруговъ была ваша царская сабля, а мы, холопы твои, противъ вашего царскаго величества недруговъ, гдѣ ваше царское повелѣніе ни будетъ, вездѣ до смерти живота своего служить готовы“⁴⁾.

1) Тамъ же, № 3 и 5 за 1614 г.

2) Акты истор. III, № 21.

3) Мос. иност. арх., кабардин. грамота № 6.

4) Тамъ же, дѣла Кабардинск. за 1615 г. № 5,

Государь спрашивалъ пословъ объ ихъ здоровьѣ, благодарилъ за приведенныхъ ему въ подарокъ трехъ кровныхъ кабардинскихъ аргамаковъ и повелѣлъ дьяку Петру Третьякову „молвить“.

— Куденекъ, Сюнчалеи, Шегунукъ! Писали къ нашему царскому величеству съ Терки воеводы, какъ, по волѣ и милости всемогущаго Бога, училилися великимъ государемъ, и вы тому обрадовались и, похотя себѣ нашего жалованья, учинились подъ нашею царскою рукою и шерть дали быть на вѣки не отступными. Да ты-жъ, Сюнчалеи князь, совѣтовавъ съ нашими терскими воеводы, посылалъ нашихъ ратныхъ людей подъ нашу отчину Астрахань на воровъ Ивашки Заруцкаго съ товарищи, и Божіею милостью и нашимъ царскимъ счастьемъ, а бояръ нашихъ и воеводъ и *твою службою*, наша отчина, Царство Астраханское, отъ воровскіе смуты очистилась“.

Отъ имени царя отмѣтилъ дьякъ и заслугу Сюнчалея по укрѣпленію въ подданствѣ Россіи всей Кабарды и Кумыцкой земли, къ владѣльцамъ которыхъ писалъ онъ, „обвѣщаючи про наше государство“, за что царь и отличилъ его передъ прочими въ назначенныхъ награжденіяхъ, пожаловавъ ему: кубокъ двойчатъ, серебрянъ золоченъ, въ 3 гривенки 20 золотниковъ“, шуба— „бархатъ золотной на соболяхъ“ въ 50 руб., кафтанъ „камчатъ желтъ“ въ 10 руб., „однорядка багрецова червчата съ кружевомъ золотнымъ, пугвицы серебряны“, въ 15 р., шапка лисья черная въ 10 руб., сорокъ соболей 30 руб. и деньгами 70 руб. ¹⁾.

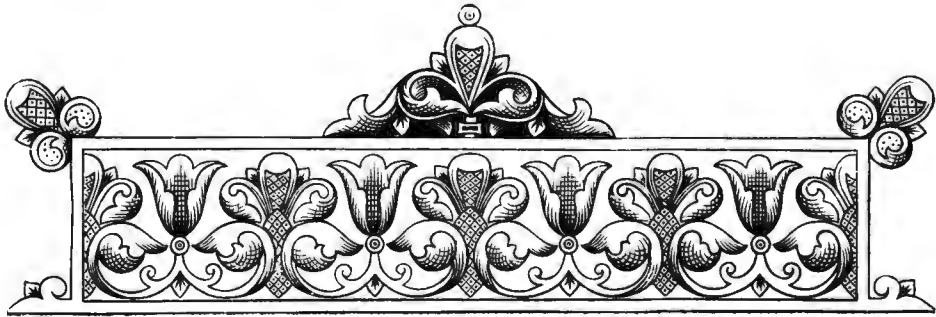
Не забыты были и прибывшіе съ нимъ и Куденекомъ 10 узденей (дворянъ), которымъ даны были подарки соотвѣтственно ихъ служебному положенію.

7 Апрѣля послы выѣхали изъ Москвы въ Кабарду, гдѣ рассказывали потомъ своимъ родичамъ о пышности Московскаго двора, о могуществѣ Россіи и особенно о ласковомъ приѣмѣ и милостивомъ словѣ юнаго царя, который обѣщаль „держать ихъ въ призравніи и ото всѣхъ недруговъ въ оборонѣ и защищеніи свыше прежняго“ ²⁾.

П. Юдинъ.

¹⁾ Куденекъ и Шегунукъ получили такіе же кубки, шубы, кафтаны, однорядки шапки и соболей, но гораздо меньшей цѣнности; при чемъ первому дано деньгами 50 р., второму—40 руб.

²⁾ Моск. иностр. арх. дѣла Кабард. 1615 г. № 5.

НАЧАЛО ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

(21 Февраля 1613 года).

Вамъ самимъ вѣдомо: учинились мы царемъ по вашему прошенію, а не своимъ хотѣніемъ.

(Изъ грамоты царя Михаила 8 апрѣля 1613 года).

300 лѣтъ тому назадъ, въ день 21 Февраля, который приходился тогда въ недѣлю Православія, „въ большомъ московскомъ дворцѣ въ присутствіи, внутри и внѣ, всего народа изъ всѣхъ городовъ Россіи“ единодушно былъ провозглашенъ царемъ Михаилъ Феодоровичъ Романовъ.—Въ этотъ радостный день умѣстно вспомнить—кто были предки М. Ѳ. Романова, при какихъ обстоятельствахъ онъ вступилъ на престоль и чѣмъ отличалось его царствованіе.

1.

Родъ Московскихъ бояръ Романовыхъ—вѣтвь бояръ Кошкиныхъ, ведшихъ свое происхожденіе со временъ Ив. Калиты—возвысился въ XVI вѣкѣ. Родоначальникомъ Романовыхъ былъ окольнічій бояринъ *Романъ Юрьевъ Захарыинъ*, дѣти котораго отъ супруги Юліаніи Феодоровны назывались уже Романовыми.

3 Февраля 1547 года *Анастасія Романова*, царственное супружество которой предсказалъ св. Геннадій Костромской, уже послѣ смерти своего отца, стала супругою царя Ивана Грознаго,—такимъ образомъ Романовы стали въ близкое родство къ царскому дому. Время доброй царицы Анастасіи было лучшею порою царствованія Грознаго.—

Одинъ изъ двухъ братьевъ царицы, бояринъ *Никита Романовъ*—отецъ большой семьи, имѣвшій обширный кругъ родни и вліятельныхъ связей *)—не только не былъ причастенъ къ мучительствамъ „опричнины“, но постоянно заступался за мучениковъ, хоть и самому ему грозилъ гнѣвъ царскій. Въ началѣ слѣдующаго царствованія *Феодора Ивановича*, „духомъ младенца“ (съ 18 Марта 1584 г.), послѣ первой борьбы бояръ за регентство, Н. Р., какъ „дядя царскій“, пользовался наибольшимъ вліаніемъ, но черезъ два года онъ скончался (въ Апрѣлѣ 1586). Правителемъ государства сталъ царскій шурина *Борисъ Ѳ. Годуновъ*, съ которымъ Н. Р. еще при жизни заключилъ „завѣщательный союзъ дружбы“, поручивъ ему своихъ сыновей.

Изъ шести „*Никитичей*“, т. е. сыновей Н. Р., наиболѣе выдавался старшій—*Феодоръ Никитичъ* (р. ок. 1553 г.)—очень добрый и ласковый бояринъ, первый щеголь въ Москвѣ и очень любознательный человѣкъ. Современникъ рассказываетъ, что этотъ бояринъ непременно хотѣлъ выучиться по-латыни и просилъ составить для него латинскую грамматику, въ которой латинскія слова были бы написаны русскими буквами. Ѳ. Н. былъ женатъ на *Ксеніи Ив. Шестуновой* (*Шестовой*), у нихъ былъ сынъ *Михаилъ*, родившійся 12 Іюля 1596 года, и дочь. По преданію царь *Феодоръ*, съ которымъ прекращалась династія *Рюриковичей*, „приказалъ быти по себѣ на престолѣ *Феодору Никитичу Романову*, братаничу своему по матери, которому передалъ корону и скипетръ“. Есть свидѣтельство, что и Московскіе вельможи желали видѣть на престолѣ *Феодора Никитича* или его брата *Александра*. Но по смерти царя *Феодора* (6 Января 1598), послѣ второй борьбы за престолъ, восторжествовалъ бывшій правитель государства и царскій шурина тотъ же *Борисъ Годуновъ*. Дальнѣйшая судьба *Феодора Никитича*, какъ и другихъ *Романовыхъ*, тѣсно переплетается съ событіями „смутнаго времени“, наступившаго съ воцареніемъ *Годунова*.

На третьемъ году своего царствованія, по поводу доноса нѣкоего „холопа-землевладѣльца“, подозрительный *Борисъ* приказываетъ взять *Романовыхъ* подъ стражу. Послѣ строгаго „разспроса“, по обычаю того времени сопровождавшагося пыткой, которой подвергся и *Феодоръ Никитичъ*, въ Іюнѣ 1601 года состоялся боярскій приговоръ, по которому *Романовы* со всею ихъ родней подверглись царской опалѣ и были разосланы по разнымъ дальнимъ городамъ—*Поморскимъ*, *Перм-*

*) Бывшій дворъ Н. Р. въ Москвѣ,—нынѣ „Домъ бояръ *Романовыхъ*“ на *Варваркѣ*, возстановленъ архит. Ѳ. Ѳ. *Рихтеромъ* въ 1859 г.

скимъ и даже въ Сибирь. Особенное вниманіе было обращено на Феодора Никитича, котораго разлучили съ семьей, постригли—средство для прекращенія политической дѣятельности—и подъ именемъ старца *Филарета* заточили въ Антоніевъ Сійскій монастырь; жену его, Ксе-нію Ив., подъ именемъ инокини *Марѳы* заточили въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ, пятилѣтняго сына *Михаила* и дочь вмѣстѣ съ ихъ тетками отправили на Бѣлоозеро и т. д.*). По поводу разлуки съ маленькими дѣтьми и женою Филаретъ Ник. говорилъ, между прочимъ: „Какъ вспомнишь ихъ, такъ словно кто рогатиной въ сердце кольнетъ“. Нельзя не упомянуть также и объ участи Михаила Никитича, сосланнаго въ с. Ныровъ, въ глухомъ Чердынскомъ краю, на котораго надѣли трехпудовые кандалы съ замкомъ. Заключили въ тѣсномъ подземельѣ, гдѣ и умеръ несчастный мученикъ. Говорятъ, что царь Борисъ приказывалъ относиться къ опальнымъ „съ береженіемъ“, но пристава обращались съ ними какъ съ царскими измѣнниками и злодѣями, и изъ пяти Никитичей только двое, Феодоръ и Иванъ, пережили ссылку. Между прочимъ, приставъ Феодора Никитича доносилъ царю: „а живетъ старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, всегда смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житье, про птицъ ловчихъ и про собакъ, какъ онъ въ мірѣ жилъ“... Здѣсь отмѣчена „родовая страсть къ птичьей охотѣ, которая была такъ сильна во внукаъ Феодора Никитича, царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и въ правнукаъ послѣдняго, Петрѣ II“; что касается смѣха старца Филарета, то онъ естественно являлся при мысли о близкомъ освобожденіи и, конечно, не былъ безпричиннымъ.

Скоро въ Москвѣ произошелъ рядъ неожиданныхъ событій, въ связи съ которыми мѣнялась и судьба Филарета Ник. Въ 1605 году скоропостижно скончался царь Борисъ Годуновъ, трагически погибли его жена и сынъ, воцарился загадочный Димитрій—и оставшіеся въ живыхъ Романовы возвратились изъ своей почти 5-лѣтней ссылки, причемъ Филаретъ Ник. былъ назначенъ митрополитомъ Ростовскимъ. При воцареніи В. Шуйскаго, въ Маѣ 1606 года Ф. Н. былъ „названъ патриархомъ“ и ему поручено перенесеніе мощей царевича Димитрія, но 3 Іюля патриархомъ былъ назначенъ Казанскій митр. Гермогенъ. Въ Октябрѣ 1608 года „нареченный патриархъ“ Филаретъ былъ захваченъ въ недавно возникшій станъ „Тушинскаго Вора“ и оставался тамъ „не своею волею, но нужею“ около 1½ года—до середины Мая

*) Михаилъ Феодоровичъ съ теткою своей Настасьей Никитичной жилъ также въ с. Клоны, нынѣ Юрьевецкаго у. Костромской губ.

1610 года, когда, плѣненный отрядомъ Гр. Валуева, онъ прибылъ въ Москву. Замѣтимъ, что еще до прибытія Ф. Н., въ Москвѣ произошла неожиданная и загадочная смерть юнаго народнаго героя кн. Михаила Скопина, съ которою, по выраженію С. М. Соловьева, „порвана была связь русскихъ людей съ Шуйскими“, а черезъ три мѣсяца былъ низведенъ съ престола нелюбимый и „несчастливый“ царь В. Шуйскій. Далѣе, въ концѣ Сентября 1610 года мы видимъ Филарета Никитича, какъ представителя патріарха и всего „освященнаго собора“, вмѣстѣ съ кн. В. В. Голицынымъ, во главѣ „великаго посольства“ къ Польскому королю Сигизмунду, осаждавшему тогда Смоленскъ: здѣсь „великіе послы“ поднялись на высоту общественнаго сознанія и съ необычайною стойкостью отстаивали высшія пользы своей родины несмотря на „тѣсноту“ и разнаго рода обиды. Послѣ почти 6-ти мѣсячныхъ безплодныхъ переговоровъ, въ Апрѣлѣ 1611 года Ф. Н. и другіе великіе послы какъ плѣнники отправлены въ Варшаву, куда вскорѣ привезенъ и бывший Московскій царь В. Шуйскій съ братьями, и около 9 лѣтъ томились въ Польскомъ плѣну. Только Филарету Ник. суждено было возвратиться на родину. В. В. Голицынъ умеръ на пути въ Москву, въ Гроднѣ, а Шуйскіе, какъ извѣстно, окончили дни свои въ Варшавѣ.

Такова судьба боярина Θεодора Никитича Романова-отца родоначальника Дома Романовыхъ.

2.

Съ 1610 года наступила полная „разруха“ государственнаго порядка; казалось, мечты Сигизмунда о политической и религіозной уніи Москвы съ Польшею были близки къ своему осуществленію. Но уже съ Января 1611 года города пересылаются между собою грамотами съ призывомъ „стоять за православную вѣру“ и избрать царя „изъ своихъ прирожденныхъ бояръ, а иныхъ земель иновѣрцевъ никого не хотѣть“,—словомъ, начинается народное движеніе на религіозной и національной основѣ. По призыву патр. Гермогена и Троицкихъ властей, архим. Діонисія и келаря Авраамія Палицына, собираются земскія ополченія. Какъ извѣстно, „первое ополченіе“ не имѣло успѣха, предводитель его, Прокопій Ляпуновъ, былъ изрубленъ казацкими саблями; мало того, тогда же Поляки послѣ 18-мѣсячной осады взяли Смоленскъ, Шведы обманомъ захватили Новгородъ. Только „второе ополченіе“, организованное Нижегородскимъ Земскимъ старостою геніальнымъ К. Мининымъ и доблестнымъ кн. Д. М. Пожарскимъ, съ помощью

казаковъ, въ Октябрѣ 1612 года очистило Москву отъ Поляковъ, причѣмъ освободились находившіеся тамъ инокиня Марѳа съ сыномъ Михаиломъ, кн. Ѳ. И. Мстиславскій, стоявшій во главѣ „сѣдемичисленной“ Боярской Думы и другіе высшіе бояре.

Уже съ Ноября 1612 года Московскіе „ратные начальники“ рассылаютъ по городамъ грамоты съ призывомъ властей и выборныхъ людей на земскій соборъ для *избранія государя*. За время смуты Русскіе люди „наказались“ и дѣйствовали теперь очень осторожно. Послѣ трехдневнаго поста, съ Декабря 1612 или съ Января 1613 года начались собранія Земскаго собора, который былъ „люденъ и сравнительно съ другими соборами полонъ“. Всѣ сходились въ томъ, что государь долженъ быть избранъ „изъ Русскихъ прирожденныхъ бояръ“, какъ это еще въ 1610 г. предлагалъ патр. Гермогенъ, но относительно лица сначала было большое разномысліе. Послѣ того какъ сходныя письменныя мнѣнія были поданы дворяниномъ изъ Галича и Донскимъ атаманомъ, 7 Февраля былъ предъизбранъ М. Ѳ. Романовъ. Окончательное рѣшеніе было отложено, такъ какъ ждали на соборъ кн. Ѳ. И. Мстиславскаго и другихъ высшихъ бояръ и въ то же время тайно послали по городамъ и уѣздамъ пословъ вывѣдать мнѣніе народа. Черезъ двѣ недѣли, 21 Февраля 1613 года, выборные отъ 50 городовъ Россіи собрались „въ большомъ московскомъ дворцѣ“ и единодушно избрали *Михаила Ѳеодоровича Романова*; то же имя повторилъ и весь собравшійся на Красной площади народъ, едва выборные отъ собора взошли на лобное мѣсто: „Се бысть по усмотрѣнію великаго Бога“—замѣтилъ одинъ изъ участниковъ. Послѣ молебна въ Успенскомъ соборѣ новоизбранному царю принесена присяга по чинамъ. 25 Февраля по городамъ разсланы грамоты, въ которыхъ „съ сердечною радостью“ сообщалось о рѣшеніи собора „быть государемъ царемъ блаженныя памяти великаго государя Ѳеодора Ивановича племяннику Михаилу Ѳеодоровичу“, съ приглашеніемъ „за государево многолѣтне пѣть молебны“ и давать „крестоцѣловальныя записи“, т. е. приносить присягу. Первая такая записка поступила 4 Марта отъ жителей „Переяславля“—Рязанскаго. „Избирательная грамота“ составлена только въ Маѣ и заключаетъ въ себѣ 277 подписей.

2 Марта изъ Москвы отправлено *посольство* отъ собора—„ѣхать къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руси въ Ярославль или гдѣ оный государь будетъ“, съ наказомъ просить его, великаго государя, принять избраніе на царство, избавить отъ Поляковъ-католиковъ („сыроядцевъ“) и обѣщать ему „служить, прямить и

головы свои класть“. Въ составъ посольства входили: Рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, три архимандрита—Чудовскій, Новоспасскій и Симоновскій, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ, три протопопа, бояринъ Ѳ. Щереметевъ, кн. Вл. И. Бахтаровъ-Ростовскій, окольнічій Ѳ. Головинъ со стольниками, стряпчими, приказными людьми, жильцами и выборными людьми отъ городовъ. 13 Марта послы прибыли въ Кострому, вблизи которой, за крѣпкими стѣнами стариннаго Ипатьевского монастыря, въ „Палатахъ Романовыхъ“, проживалъ тогда 16-лѣтній Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью, инокиней Марею¹⁾. Къ 13 Марта относится и извѣстный подвигъ крестьянина с. Домнина Ивана Сусанина, увѣковѣченный въ „Жизни за Царя“ М. И. Глинки²⁾. 14 Марта послы, предувѣдомивъ Марю и Михаила, поднявши св. иконы, въ томъ числѣ „Ѳеодоровскую икону Божіей Матери“, подъ сѣнью которой скончался св. Александръ Невскій, крестнымъ ходомъ пошли въ Троицкій соборъ Ипатьевского монастыря³⁾. На предложеніе пословъ Михаилъ Ѳеодоровичъ отвѣтилъ „съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ“, а инокиня Марья, между прочимъ указывала, что Русскіе люди „измалодушествовались“, разучились служить своимъ государямъ. Послы просили Михаила „съ третьяго часа до девятаго“, и только послѣ угрозы гнѣвомъ Божіимъ Михаилъ далъ свое согласіе, принялъ отъ архіепископа царскій посохъ, допустилъ всѣхъ къ царской рукѣ и сказалъ, что поѣдетъ въ Москву скоро.

19 Марта царь Михаилъ черезъ такъ назыв. „историческія ворота“ выѣхалъ изъ Костромы, на третій день прибылъ въ Ярославль

¹⁾ Ипатьевскій монастырь расположенъ верстахъ въ 3-хъ отъ г. Костромы, по ту сторону р. Костромки, на берегу Волги; монастырь основанъ въ 1330 году Захаріею Четомъ, родоначальникомъ Голуновыхъ, который здѣсь и похороненъ подъ спудомъ Троицкаго Собора. Въ оградѣ монастыря со стороны Волги находятся „Палаты Романовыхъ“ или дворецъ, въ которомъ проживалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью, инокиней Марею: дворецъ, въ который ведетъ широкая каменная лѣстница, состоитъ изъ небольшихъ сводчатыхъ горницъ, раздѣленныхъ сѣнями съ изразцовой печью на двѣ половины—матери и сына. Дворецъ восстановленъ архит. Ѳ. Ѳ. Рихтеромъ въ 1860-хъ гг. Къ дворцу примыкаютъ „историческія ворота“, черезъ которые М. Ѳ. выступилъ на царство.—Въ самомъ городѣ Костромѣ находится „Анастасіевскій женскій монастырь“, въ которомъ по преданію тоже проживала инокиня Марья съ сыномъ.

²⁾ На „Сусанинской площади“ въ Костромѣ находится памятникъ „Ивану Сусанину за Царя, спасителя вѣры и царства, живомъ положившему, благодарное потомство, 1851“.—Въ с. Коробовѣ, въ 60 верстахъ отъ Костромы, въ 1639 году пожалованномъ зятю Сусанина Богдану Сабанину, женатому на дочери Сусанина Антонидѣ, доселѣ живутъ т. н. „бѣлонашцы“. Сусанинъ похороненъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

³⁾ Небольшая „Ѳеодоровская икона Божіей Матери“ находится въ Успенскомъ Соборѣ (XIII—XVII в.) г. Костромы; перенесена сюда изъ Ѳеодоровскаго мон. что въ Городцѣ.

и остановился въ Спасскомъ монастырѣ¹⁾. Изъ Ярославля 23 Марта была послана первая грамота. Только 13 Апрѣля царь черезъ Ростовъ направился въ дальнѣйшій путь. Въ своихъ послѣдующихъ грамотахъ царь, между прочимъ, указываетъ причины медленности своего „похода“: „а идемъ медленно затѣмъ, что подводъ мало и служивые люди худы, стрѣльцы, казаки и дворовые люди идутъ пѣшкомъ“; царь терпѣлъ „докуку“ отъ многихъ просителей; по пути являлись, переграблены до нага и сѣчены, крестьяне жженые и мучимые огнемъ“; отъ „воровъ“ происходили убійства и грабежи, такъ что отъ Троицы идти не хотѣли, и послы „били челомъ, чтобъ государь умилосердился походомъ“ и т. п. Наконецъ, 2 Мая, въ недѣлю св. Женъ-Мурносицъ, царь Михаилъ прибылъ въ Москву: отъ мала до велика всѣ вышли за городъ на встрѣчу царю и послѣ молебна въ Благовѣщенскомъ Соборѣ подходили къ рукѣ царской и „здравствовали“. Между прочимъ, 25 Мая отправлено царское письмо къ именитымъ купцамъ Строгановымъ съ просьбою о присылкѣ денегъ въ царскую казну.

11 Юля, въ день св. Ольги, происходило *вънчаніе на царство*, которое совершалъ Казанскій митрополитъ Ефремъ, въ этотъ же день „сказано“ боярство кн. И. Б. Черкаскому, царскому дядѣ, и кн. Д. М. Пожарскому; во время вънчанія бояринъ Ѳ. И. Мстиславскій „осыпалъ государя золотыми“; И. Н. Романовъ держалъ шапку Мономаха, кн. Д. Т. Трубецкой—скипетръ, а новый бояринъ кн. Пожарскій держалъ „царское яблоко“ или „державу“. 12 Юля, въ день царскихъ именинъ (св. Михаила Малеина) сказано думное дворянство К. Минину²⁾.

Такъ воцарился Михаилъ Феодоровичъ Романовъ.—Въ борьбѣ бояръ за регенство послѣ смерти Ивана Грознаго, говоритъ С. М. Соловьевъ, должны были выставиться будущія династіи: двѣ изъ нихъ, Годуновы и Шуйскіе, погибли въ борьбѣ въ буряхъ смутнаго времени, третья, Романовы, утвердилась на престолѣ Рюриковичей. Романовы

¹⁾ Спасо-Преображенскій монастырь находится въ т. н. „земляномъ городѣ“ на берегу тихой р. Которосля; въ немъ церковь Преображенія XVI в. съ фресками какъ на Афонѣ, а подлѣ колокольной церковь Печерской Божіей Матери. Здѣсь же архіерейскій домъ....

²⁾ Кн. Пожарскій въ 1624 г. былъ царскимъ дружкой, умеръ ок. 1642 г. и похороненъ въ Спасо-Евѣнгиевскомъ мон. въ Суздалѣ.—К. Мининъ умеръ въ 1616 г.; гробница его и сына Нефеда находится въ Преображенскомъ соборѣ въ Нижегородскомъ Кремлѣ; тамъ же, въ „Мининскомъ салу“, находится обелискъ Минину и Пожарскому 1826 г.—Памятникъ Минину и Пожарскому на Красной площади въ Москвѣ 1818 г., работы худ. Ив. Петр. Мартоса († 1835 г.).

были связаны съ потомствомъ Калиты въ двухъ поколѣніяхъ, на ихъ сторонѣ было „историческое право“ на престолъ; кромѣ того, имъ помогла крѣпкая народная любовь: народъ въ своихъ былинахъ помянулъ добрую царицу Анастасію и ея брата Никиту Романова, видѣлъ тяжкую опалу Ѳеодора Никитича и другихъ Романовыхъ и крѣпко стоялъ за Михаила, какъ „прирожденнаго“ государя, „племянника“ царю Ѳеодору Ивановичу.

3.

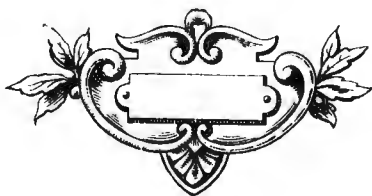
„Мало въ исторіи найдется примѣровъ, когда бы новый государь вступалъ на престолъ при такихъ крайне печальныхъ обстоятельствахъ“, но царь *Михаилъ Ѳеодоровичъ* былъ „поддержанъ“ всѣмъ своимъ народомъ, а главнымъ образомъ служилыми и торгово-промышленными людьми городовъ, т. е. среднимъ сословіемъ, а также казачествомъ, которое составляло тогда главную военную силу. Вообще престолъ царя Михаила окружали по большей части такъ наз. „худородные“ люди, т. е. не принадлежавшіе къ боярской знати, которая погибла или потеряла свое значеніе во времена опричнины и смуты.

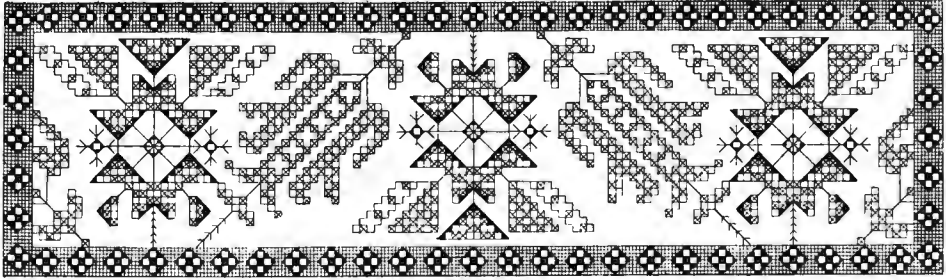
„Разумный ходъ Русской исторіи, по выраженію Н. П. Костомарова, какъ будто перескакиваетъ черезъ смутное время“, и съ воцареніемъ Михаила происходитъ какъ бы возвращеніе къ старому порядку, бывшему до смуты, хотя старина была восстановлена не вполнѣ. Извѣстіе о „Записи“, т. е. объ ограниченіи царской власти, не подтверждается. Частые Земскіе соборы объясняются неустановившимся порядкомъ, молодостью и неопытностью государя, причемъ соборъ изъ выразителя народной воли сталъ „выразителемъ народныхъ нуждъ и желаній“. Съ возвращеніемъ изъ Польскаго плѣна Филарета Никитича, который тогда же былъ посвященъ въ Московскіе патріархи, въ Россіи на 14 лѣтъ, т. е. до смерти патр. Филарета, устанавливается „двоевластіе“, которое не было одною только формою, такъ какъ всѣ дѣла докладывались на имя обоихъ „великихъ государей“. Дѣятельность патр. Филарета еще болѣе подняла значеніе царской власти, и на новой царской печати 1625 года впервые встрѣчается титулъ: „*Самодержецъ*“. При царѣ Михаилѣ оживилось „печатное дѣло“ въ связи съ начавшимся исправленіемъ церковныхъ книгъ. Патріархъ Филаретъ открылъ „Греко-латинское училище“ при Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ. Оживились и наши сношенія съ Западомъ, при чемъ особенную поддержку Россіи оказывали тогда морскія державы (Голландія и Англія), привлекаемыя торговыми выгодами; тогда же впервые

появляется въ Москвѣ и Французское посольство. Остались тѣ же задачи внѣшней политики, хотя понесенный во время смуты ущербъ на Западѣ не могъ быть исправленъ въ царствованіе Михаила; на Востокѣ наши владѣнія расширились приобрѣтеніемъ всей нынѣшней Якутской обл., а также земли Буряты („Брацкій народъ“). Наконецъ, должно замѣтить, что самая личность царя Михаила какъ нельзя болѣе способствовала укрѣпленію его власти: мягкость, доброта (эта родовая черта Романовыхъ) и чистота этого государя, говоритъ С. М. Соловьевъ, производила на народъ самое выгодное для верховной власти впечатлѣніе, самымъ выгоднымъ образомъ представляла эту власть въ глазахъ народа. Царь Михаилъ скончался отъ „кручины“ (меланхоліи) 12 Юля 1645 г., въ день своихъ именинъ, а черезъ мѣсяцъ скончалась и его супруга, Евдокія Лукьяновна, урожд. Стрѣшневна.

Января 1913 г. г. Е—градъ.

А. П. К.

Расписка польскихъ пословъ о полученіи нѣкоторыхъ предметовъ, послѣ убіенія перваго Дмитрія Самозванца, взятыхъ въ государственную казну *)

Списо(к) съ описи, что дали послы и посланники Миколай Олешницкий...

Слово в слово:

Найяснѣйшого¹⁾ і Великого Государя Жигимонта Третего, Божією милостію Короля полскаго і Великого князя Литовскаго, Рускаго, Прускаго, Жомойтскаго, Мазовецкаго, Инфлянскаго и иныхъ—Мы послы и посланники его Королевскаго Маестату²⁾: Миколай Олешницкий з Олешницы, Каштелянъ Малоковскій, Александеръ Корвинъ Кюсовскій, Староста Велижскій, Станиславъ Витовскій, Войскій Парчовскій, и князь Янъ з Друцка Сокольницкій, секретаре и дворяне его королевское Милости—ознаймуемъ³⁾ симъ нашимъ квитомъ⁴⁾, штожь по договору з Божією милостію Государя і Великого Князя Василя Ивановича Всея Русіи, Владимирскаго, Московскаго, Новгородскаго, Казанскаго Астраханскаго, Псковскаго, Вятцкаго, Болгарскаго и иныхъ, з боярами: з бояриномъ и наместникомъ костромскимъ, с княземъ Андреемъ Василевичемъ Голицинимъ і с наместникомъ Галицкимъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ Колычовымъ, думнымъ дворениномъ і с наместникомъ Волоцкимъ (sic), з Василиемъ Борысовичемъ Сукинымъ, ...ми: з думнымъ дякомъ з Василиемъ Григоревымъ сыномъ Телеиновымъ, Андреемъ Ивановымъ, взяли есмо до рукъ нашихъ отъ нихъ речи и маестности⁵⁾ ниже написанныхъ, которые ихъ милости дали были торгомъ до скорбу Государя Московскаго за того, который Дмитромъ Ивановичомъ именующа⁶⁾ государемъ московскомъ седел, а Москва его называетъ Грышкомъ Отрепевымъ—а то: Велможного⁷⁾ пана Миколая Волскаго, маршалка⁸⁾ двор-

*) Печатается впервые. С. Ф.

1) свѣтлѣйшаго; 2) Величества; 3) извѣщаемъ; 4) расписка; 5) сокровища; 6) называвшимся; 7) многоуважаемаго; 8) маршалъ.

ного коруны¹⁾ полское, старосты креницкого, меновите²⁾ зыскано³⁾ толко обитя тобинового⁴⁾ трынатцать штукъ, которыхъ локти шетсотъ осмидесять и деветъ и поллоктя⁵⁾, которое шац(овано)⁶⁾ на две тисечи сто осмидесять семь⁷⁾ золотыхъ⁸⁾ и грошей⁹⁾ десеть, за которую тую суму по нашему договору заплачено соболями. До того клейноты¹⁰⁾ его милости пана Станислава Немоевского з Любенца, подстолею¹¹⁾ коруны полское, меновите: диамент¹²⁾ пунт великий, около него дияментовъ меншихъ дванадцать, который шацовано на десеть тисечей золотыхъ. Ношеня¹³⁾, въ которомъ вперде рубинъ, под нимъ две дощолки¹⁴⁾ дияментовые, на верху шмарагдъ¹⁵⁾ з шмальцомъ¹⁶⁾, у него перла великая, долгая; шацованна золотыхъ двадцать четыре тисечи. Ороль о двохъ головахъ дияментовыхъ з рубинами, в которомъ дияменту одного нетъ и другого малого, при которомъ также ланцушка¹⁷⁾ нетъ; шацунокъ¹⁸⁾ его: пятъ тысячей золотыхъ. Альжбантъ¹⁹⁾ з дияментовъ и с перель²⁰⁾, въ которомъ дияментовыхъ дощокъ петнадцать, перель петнадцать; шацованъ на золотыхъ осьмнадцать тысячей. Канакъ з шмаракгами и с перлами подвойными²¹⁾ осмю, всѣхъ перель шестынадцать; шацованъ на золотыхъ тры тысячи. Манели з дияментовъ и рубиновъ дияментовъ семь а рубиновъ осмь; шацовано на золотыхъ две тисечи. Штука з рубинами і с перлами, якобы манель, рубиновъ осмь, перель осмь; штука таковая якобы канакъ, рубиновъ семь, перель осмь; шацовано обое на золотыхъ пять тысячей. Завешеня, в немъ в середине шмаракгъ, подъ нимъ рубинки два, а на верху дощолка дияментовая резаная, у него перла круглая великая; шацовано на золотыхъ две тисечи. Сума тыхъ²²⁾ пана Немоевского клейнотовъ шесть десять и деветъ тисечей золотыхъ. Которые тые речи такъ, яко²³⁾ вышей²⁴⁾ написано, Мы, послы и посланники, отъ боярь отобравши и тымъ²⁵⁾, кому належать²⁶⁾ отдавши, дали есмо бояромъ, князю Андрею Василевичю Голицину с товарищими, сей квить подъ печатъми и с подписомъ рукъ нашихъ. Писанъ в замку Московскомъ столечномъ²⁷⁾, лета²⁸⁾ отъ рождества Исусъ Христа, Господа и спаса²⁹⁾ нашего, тисеча шестсотъ осмого, мѣсяца Июля, двадцать пятого дня.

Mikołaj Oleszniczku z Oliesz. Cas. matogosky, МРа.

Александръ Корвинъ Кюсевский, Староста Велижский, рукою своею подписалъ.

1) короны; 2) именно; 3) найдено; 4) родъ китайки; 5) 689¹/₂ локтя; 6) одѣнено; 7) 2187; 8) 15 коп. (злонецъ); 9) 1/2 коп.; 10) драгоцѣнности; 11) стольникъ; 12) алмазь; 13) ожерелье; 14) дощечки; 15) смарагдъ; 16) блескъ; 17) цѣпочки; 18) стоимость; 19) цѣна; 20) жемчугъ; 21) двойные; 22) этихъ; 23) какъ 24) выше; 25) этимъ; 26) слѣдуютъ. 27) столечномъ; 28) года; 29) спасителя.

Jau Withowsky, Woysky parcowski, Dworzauin y sekretarz.

Jau z Drucka Sokoluysku, Secretarz y Dworzauin Króla Jego M. m. pr.

На нижнихъ поляхъ первой страницы и подъ подписями пословъ на другой страницѣ находится слѣдующая приписка:

„Копіу списку с описи посольское Великого Государя, Царя и великого князя Василья Ивановича всея Руси Думной Діакъ Василій Григорьевъ сынъ Телейневъ руку свою преписалъ“.

Сообщено С. Фарфоровскимъ.

Варшава.

Переписка Аксакова съ Голохвастовымъ о „Земскомъ Соборѣ“.

Воскресеніе 9-го Мая 82.

Дорогой Иванъ Сергѣевичъ, былъ я вчера у Островскаго: онъ не противникъ, но и сторонникъ весьма условный; нельзя впрочемъ не согласиться съ главнымъ изъ его условій: 1) Здраво обдумать дѣло и не одной головой, а привлекая къ обсужденію все болѣе и болѣе и сторонниковъ (буде таковыя найдутся) и противниковъ; 2) правительству подтянуться и спѣться въ ладъ, ибо если оно явится предъ соборомъ во всей нынешней своей безолаберщинѣ, то отвратитъ отъ себя и народъ, а общество ужъ и подавно. Гр. Игнатъевъ былъ вчера въ Петергофѣ: Государю, кажется много наговорили противъ собора, Побѣдоносцевъ, конечно. Однако въ Четвергъ 13-го Государь назначилъ быть у него совѣту объ этомъ: изъ гр. Игнатъева, Островскаго, Побѣдоносцева и Делянова. По моему жаль. что Гирса не будетъ; полагаю, что онъ Европы ради былъ бы не противникъ. Делянова же считаютъ Катковистомъ и, слѣд., ярымъ противникомъ. Проку, стало быть, отъ этого совѣта ожидать трудно. 6-го не было доклада, такъ что просто, кажется, и рѣчи не заводилось о соборѣ. Мнѣ сдается, что гр. Игнатъевъ, т. е. доброе дѣло все таки восторжествуетъ надъ тупомысліемъ Побѣдоносцева, только не теперь, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда страсти, теперь распалившіяся, поутихнутъ и можно будетъ снова и уже спокойнѣе и дружиѣе приступить къ дѣлу, солидно заручась согласіемъ Воронцова, Островскаго и др., примѣрно осенью. Плохо только, что слухи о Соб. пронесутся непременно, и Собора потребуютъ изъ Женевы; а еще плоше: не было бы, сохрани Господи, покушенія до тѣхъ поръ. Тогда ужъ какъ не сказать будетъ: Соборъ вынужденъ. У меня теперь главная надежда

вотъ на что: если Соборъ отложить теперь въ даль, просить гр. Игнатьева, чтобъ онъ командировалъ меня въ Москву готовить изданіе актовъ и написать къ нимъ введеніе, которое по настоящему необходимо должно быть на готовѣ ко дню манифеста о Соборѣ. Рядомъ же со введеніемъ написать для Государя: почему соборъ необходимъ, какъ его вести и пр., и въ Августѣ обѣ вещи эти чтобы гр. Игнатьевъ передалъ Государю. Авось, Богъ поможетъ написать и Государю убедительно и публикѣ вразумительно. Островскій мнѣ очень понравился: онъ, по моему, со временемъ будетъ надежнымъ сторонникомъ. Я писалъ вамъ 6-го чрезъ Нейдгарта. Успокойте меня ради Бога: сообщите, получили-ль вы это письмо; назовите его въ отвѣтѣ *статьей для „Руси“* ну хоть напр. *о книгѣ Страхова*. И пожалуйста, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, какъ это письмо, такъ и предъ тѣмъ привезенное вамъ артельщикомъ вашимъ, *сожгите*. Опасно не только для лицъ, но и для дѣла опасно, хранить такія письма: могутъ все таки затеряться и попасть Богъ вѣсть въ чьи руки; вѣдь затерялось же у васъ мое письмо къ Побѣдоносцеву. Это письмо доставить вамъ Ольга Амедеевна Баумгартъ, дочь нашего друга Филибера. Жду отъ васъ письма чрезъ Олсуфьева, который, вѣроятно, будетъ у васъ съ Болгарскимъ. Хоть Олсуфьеву я не говорилъ попросить у васъ письма ко мнѣ, а все таки надѣюсь, вѣдь компрометировать его не можетъ это.—Напишите же пожалуйста *о статьяхъ про книгу Страхова*, обѣихъ чрезъ Нейдгарта и чрезъ артельщика полученныхъ. Адресуйте для пущей вѣрности на имя жены (Невскій 22, кв. 21) адресъ не вашей рукой. И пожалуйста сожгите письма женино и мои всѣ. Крѣпко обнимаю васъ. Душевно вашъ

П. Г.

13 Мая.

Получилъ сегодня ваше письмо чрезъ О. А. Баумгартъ и спѣшу увѣдомить, что оба письма или вѣрнѣе обѣ статьи про книгу Страхова получилъ. Вы напрасно думаете, что про эту книгу никто не знаетъ. Сегодня былъ у меня Суворинъ, и онъ знаетъ про эту книгу, слышалъ даже объ ней передъ отъѣздомъ отъ Ровинскаго весьма подробно. Вчера я вамъ писалъ и послалъ обратно Каткова. Онъ несомнѣнно съ книгой Страхова знакомъ, хотя я его не видалъ лично. Здѣсь Левъ Шаховской, какъ я сегодня узналъ.

Новаго ничего нѣтъ здѣсь. Ожидается 20-го Мая открытіе выставки въ присутствіи двухъ министровъ—Бунге и Островскаго; съ послѣднимъ придется обѣдать вмѣстѣ у Дм. Фед. Самарина.

Очень странную роль приходится намъ разыгрывать. Противники книги Страхова уже начинаютъ ругать ее въ газетахъ (пока еще одной) и еще пуще изустно, а мы медлимъ печатаніемъ статей въ ее защиту.

Вашъ Ив. А.

Суворинъ рассказываетъ, что гр. Игнатъевъ былъ чрезвычайно любезенъ, *courtois*, относительно Лорисъ-Меликова, первый поѣхалъ къ нему тотчасъ же и пробылъ съ нимъ нѣсколько часовъ.

Любезнѣйшій Павелъ Дмитріевичъ.

Посылаю вамъ вчерашнюю статью Каткова. Очевидно, она внушена К. П. П.—ъ. Въ виду этого необходимо, мнѣ кажется, перенести вопросъ на литературную почву—для разъясненія понятій, для устранения недоумѣній. Теперь кстати было бы напечатать и тѣ ваши статьи, которыхъ появленіе въ печати казалось вамъ неудобнымъ. Пріѣхали Батюшковы. Рассказываютъ со словъ Грота цѣлую легенду, въ которой съ одной стороны фигурирую я, непосредственно будто бы обратившійся въ самый верхъ, въ другой—Побѣд. Но ни слова о Ровинскомъ, ни о васъ ни слова. Можетъ быть, даже это нарочно такъ пущено. Я не возражалъ.

Если вы ничего противъ моей мысли не имѣете, телеграфируйте мнѣ—„раздѣляю ваше мнѣніе“, если же полагаете неудобнымъ, чтобы въ слѣдующемъ 31 № (28 Мая) появилась передовая статья въ отвѣтъ Каткову, телеграфируйте, что „не раздѣляете“.

Вашъ Ив. Ак.

Четв. 13 Мая
1882.

Петербургъ, 17 Мая 82.

Дорогой Иванъ Сергѣевичъ, сегодня утромъ телеграфировалъ вамъ, раньше отвѣчать не могъ. Получивъ оба ваши письма отъ 13-го, одно съ вырѣзкой изъ „Моск. Вѣд.“,—это письмо я тотчасъ же отвезъ гр. Игнатъеву, ибо видѣлъ графа утромъ до полученія письма и зналъ, какъ волновались въ высшихъ сферахъ, боясь въ Субботу 15-го вашего отвѣта Каткову; я же увѣрялъ, что вы, не сославшись прямо или черезъ меня съ графомъ, о такомъ дѣлѣ не заговорите. Письмо ваше

очень обрадовало графа, но онъ просилъ меня ничего не отвѣчать вамъ пока—да или нѣтъ, т. е. возражать ли противъ Каткова или die Sache totschiweigen, еще сомнительно. Теперь рѣшено: totschiweigen, ни за З. С., ни противъ не допускать въ печати, по возможности, ничего; подавно же ничего вашего, т. е. крупнаго.

Графъ поручилъ мнѣ очень благодарить васъ за осторожную сдержанность: отвѣтите вы 15-го и полемика о З. С. стала бы неудержима, Катковъ достигъ бы вполне чего желалъ авось ли не совсѣмъ, Богъ милостивъ. Сразу взяла верхъ партія Побѣдоносцева, людей не знающихъ и знать не хотящихъ—что такое З. С., смѣшивающихъ, подобно Нечаеву, З. С. съ конституціей, болтающихъ фразы, что правительство сперва должно какимъ-то чудомъ окрѣпнуть; словомъ: партіи, пугающей Государя и готовящей ему и самодержавію гибель, а Россіи—несказанныя бѣды*)

. 20-го гр. Игнатьевъ собирается въ Москву. Онъ полагаетъ, что вы уже кое-что слышали о З. С.; многое, вѣроятно, онъ сообщитъ вамъ самъ. Съ Катковымъ онъ увидится и, надо думать, крупно переговоритъ съ нимъ. Мнѣ онъ поручилъ приняться, какъ можно, неотложно за изданіе актовъ о З. С. Въ Московскіе архивы будетъ для этого дѣла посланъ кто нибудь другой. Если вы имѣете въ виду человѣка опытнаго въ архивныхъ поискахъ, поговорите объ этомъ графу. Мнѣ, дѣйствительно, лучше остаться тутъ, не меня, а дѣла ради, конечно. Графъ теперь живетъ на дачѣ на Аптекарскомъ Острову, (дача Мин. Вн. Дѣлъ). Завтра, должно быть, и я переберусь туда, а черезъ недѣльку, можетъ быть и жена; такъ что въ теченіи этой недѣли адресуйте, коль случится писать, по прежнему: Невскій 72, кв. 21. Впрочемъ, и потомъ братъ мой останется на этой квартирѣ, такъ что письмо не пропадетъ. Островскій живетъ тамъ же рядомъ. Тамъ же будетъ и Дурново, товарищъ Мин. Вн. Дѣлъ, очень сочувствующій З. С.. Островскій же оказывается тугонекъ и, охъ, какъ мало знающъ по части З. С. Авось, по сосѣдству и его обомнемъ и просвѣтимъ.

. Замѣтили ли вы, что

*) Выпускаемъ неместный отзывъ о М. Н. Катковѣ, уважая его, какъ создателя Московскаго Лицея, который въ наши дни въ сожалѣнію уклонился съ пути, предначертаннаго его основателемъ. П. Б. (младшій).

въ томъ же номерѣ „Моск. Вѣд.“ 12 Мая г. Коченевъ-Любимовъ, въ выпискахъ изъ своей мерзкой книжонки „Противъ Теченія“, называетъ французскія революціонныя собранія прямо и безоговорочно соборами: соборъ нотаблей и т. д. Воейковъ завтра уѣзжаетъ недѣли на двѣ-три въ деревню. Кого гр. Игнатьевъ возьметъ съ собою въ Москву, не знаю. До свиданія. Крѣпко обнимаю васъ. Душевно вашъ П. Г.

Несогласенъ ни съ Вами, дорогой Павелъ Дмитріевичъ, ни съ Игнатьевымъ насчетъ *totodschwuigun*. Что же это такое? Катковъ тявкнетъ, и на всѣхъ налагается молчаніе, чтобъ только одно его тявканье оставалось въ ухахъ! Вы хитроумно хотите выждать время, когда всѣ страсти успокоятся, и какъ только рѣшите, что вотъ теперь пора—Катковъ, пронюхавъ ваше намѣреніе, опять тявкнетъ, и молчи! Не дождавшись вашего письма, я написалъ свою передовую, потомъ получилъ ваше письмо и одновременно нѣсколько цензурныхъ циркуляровъ, воспрещающихъ говорить о необходимости *3. Соб. ni pro ni contra*. Придираясь къ буквальному смыслу этихъ словъ, я статью передѣлалъ и далъ ей такой смыслъ, что защищаю Русь до-Петровскую и восстанавливаю настоящее разумѣніе историческаго факта XVI и XVII вѣка, безъ разсужденій о примѣнимости къ настоящему. Я не могу этого не сдѣлать, это знамя—„Руси“, отъ меня всѣ этого ждуть; я изъ извѣстныхъ соображеній воздерживался полтора года, чѣмъ подалъ поводъ къ разнымъ недоумѣніямъ. Показывалъ ее и Воейкову. Ему и хочется, и колется. Но я буду настаивать у цензуры, и попрошу выпустить № безъ передовой, съ оговоркой. Я стою на чисто исторической точкѣ; но, вѣдь, цензура глупа.

Секретъ пересталъ быть секретомъ, хотя болтаютъ очень скромно, рассказываютъ вамъ на ухо, à voix basse! Игнатьевъ самъ рассказалъ Суворину!! Да, раззвонила статья Каткова!.. У меня пойдетъ нѣсколько статей на поставленную имъ тему: въ чемъ сила государства. Посылаю это письмо съ Батюшковымъ и прошу его оставить адресъ на вашей квартирѣ. Онъ останется дня два—три и можетъ привезти мнѣ письмо отъ васъ. Обнимаю васъ и цѣлую ручку у Ольги Андреевны. Доставляютъ ли вамъ „Русь“?

Ив. Аксаковъ.

20 Мая

82.

27 Мая 82.

Любезнѣйшій Павелъ Дмитріевичъ.

Вотъ что мнѣ нужно было бы знать и что вы можете отважиться мнѣ сообщить даже по почтѣ! Я предполагалъ бы отлучиться изъ Москвы дней на 10, съ 10-го по 20 Іюня, устройвъ напередъ имѣющій выйти въ моемъ отсутствіи №, поэтому и желалъ бы знать, когда предполагають пріѣхать въ Москву для осмотра выставки М. Н. Островскій и гр. Игнатъевъ. Ибо слухъ о томъ, что оба они пріѣдутъ, держится несомнѣнно, и первому даже приготовлена квартира. Мнѣ не хотѣлось бы уѣзжать изъ Москвы на время ихъ прибытія. Неужели нельзя имѣть свѣдѣніе—хоть не о томъ, *когда* они будутъ, а о томъ, предполагають ли быть отъ 10 до 20 Іюня? Сей послѣдній секретъ, кажется, не столь страшной важности, чтобы его нельзя было обнаружить и сообщить по почтѣ. Вообще, всѣ вы заражаетесь маніей *du secret de la comedie*. Пожалуйста, разузнайте. Думалъ, что вы мнѣ напишете съ Батюшковымъ, но ничего не получилъ. А хотѣлъ бы знать мнѣніе о моей статьѣ 21 № и статью Каткова въ отвѣтъ

Вашъ Ив. Аксаковъ.

27 Мая.

Можете отвѣчать à mots couverts: можно—дескать—отлучиться.

29 Мая 82.

Вчера получилъ ваше письмо отъ 27-го, дорогой Иванъ Сергѣевичъ. У П. Н. Батюшкова былъ я съ готовымъ письмомъ къ вамъ; но П. Н. наканунѣ ужъ уѣхалъ. Въ письмѣ впрочемъ ничего особенно интереснаго не было. Опоздалъ я къ П. Н. потому, во первыхъ, что живу теперь на Аптекарскомъ острову на дачѣ Мин. Вн. Д., а, главное, потому, что у меня всѣ тѣ дни была лихорадка; я лежалъ на Аптекарскомъ, а жена, тоже въ лихорадкѣ,—въ городѣ. Про отъѣздъ гр. Игнатъева въ Москву ничего еще не рѣшено. 20-го онъ говорилъ мнѣ, что вовсе не собирается въ М., потому, что у него глаза болятъ. Теперь слышно, что онъ все-таки хочетъ въ М. ѣхать въ Среду 2-го или въ Четвергъ, по отъѣздѣ графини въ деревню. Самъ онъ почему-то ничего не говоритъ про это. Собирается ли Островскій,—тоже никто ничего не знаетъ; еще сегодня спрашивалъ я про это у И. Н. Дурново, товарища гр. Игнатъева. Мы, Министерство Вн. Дѣлъ, съ Островскимъ теперь въ очень натянутыхъ отношеніяхъ. Онъ повредилъ дѣлу чуть ли

не хуже Побѣдоносцева. По его милости, да Побѣдоносцева, да Деянова, дѣло, покамѣсть, по крайней мѣрѣ, безнадежно погублено. Теперь они, впрочемъ, хлопчатъ какъ бы возстановить Гос. противъ васъ, какъ зачинщика всего. Графъ энергически отстоялъ васъ. Впрочемъ, и самъ Г. нашель нападки на вашу статью въ 21-мъ № тѣхъ трехъ Катковистовъ слишкомъ преувеличенными; статью довольно, по обстоятельствамъ, умѣренной; строго подтвердилъ однако же, чтобъ ни за ни противъ ничего больше писано не было. Вторая статья Каткова, въ отвѣтъ на вашу, считается тутъ отбоемъ, чуть ли ни попыткою примиренія съ гр. И.—Нерѣшимость всѣхъ и нерѣшенность всего, какъ есть всего,—полнѣйшая, ужасная. Про великое ужъ и говоритъ нечего; про малое, наприм., про отъѣздъ гр. Игнатьева или Островскаго въ Москву, какъ узнаю что либо вѣрное, такъ напишу или телеграфирую вамъ. Адресуйте по прежнему: Невскій 22, кв. 21. Я, когда здоровъ, ежедневно бываю тамъ въ обѣденное время, часа два по приносѣ почты.
Я останусь до пріѣзда Воейкова по крайней мѣрѣ, а можетъ быть и на все лѣто на Аптекарскомъ. Часто думается мнѣ, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, какъ бы хорошо, какъ нужно было Вамъ побывать на денекъ—другой въ Питерѣ. Ну, до свиданья, когда Богъ дастъ. Душевно вашъ

П. Г.

Воскресенье, 30-го Мая.

Дорогой Иванъ Сергѣевичъ.

Гр. Ник. Павл. попросилъ увольненія, Государь согласился. Графъ поручилъ мнѣ написать вамъ это. Онъ на дняхъ, должно быть, будетъ въ Москвѣ, а покамѣсть совѣтуетъ вамъ не писать по поводу отставки его такой статьи, которая *легко* теперь могла бы повести къ запрещенію „Руси“. Въ Четвергъ было у Государя совѣщаніе о З. С. изъ Островскаго, Деянова, Побѣдоносцева и гр. Игнатьева. Въ заключеніе было сказано, что *аитацию* ведетъ Министерство Вн. Дѣлъ.—Графъ на словахъ попросилъ отставку. Государь отвѣчалъ: подумаю, а вчера написалъ графу, что такъ какъ графъ упорствуетъ въ созывѣ, З. С., то лучше разстаться. Поздно вечеромъ вчера получена телеграмма, которою Государь завтра въ Понедѣльникъ въ 12 час. къ себѣ вызываетъ графа, для прощанья, вѣроятно. Вчера вечеромъ не знали объ этомъ даже близкіе Государю люди. Кто будетъ назначенъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ,—еще не извѣстно, конечно. Графъ думаетъ, что

либо Чертковъ, Кіевскій генераль-губернаторъ, либо отъ Министерства отдѣлится полиція и будутъ назначены Островскій и Черевинъ.

Простите спѣшное мое маранье, письмо надо сдать сейчасъ. Распечатываю и прилагаю то, которое написалъ вчера днемъ и хотѣлъ было опустить въ ящикъ. Въ тотъ часъ я зналъ, что графъ просилъ отставку, но что онъ получить ее, казалось, по всему судя, все-таки невѣроятнымъ. Да и по почтѣ про это писать нельзя было, разумѣется. Островскій, Деляновъ и Побѣдоносцевъ выработали программу. Мнѣ передавали ее со словъ Побѣдоносцева: запретить всѣ (sic) газеты, обуздать земство, успокоить умы. *Всѣ* не значить, конечно, „Московскія Вѣдомости“.

До свиданія. Крѣпко обнимаю васъ

П. Г.

Какъ громомъ поразило меня ваше извѣстіе, дорогой Павелъ Дмитріевичъ. Вотъ уже не ожидалъ такой развязки! Отставка Игнатьева произведетъ отвратительнѣйшее впечатлѣніе на всю Россію, потому что онъ очень популяренъ, какъ *Русскій*. Таковыхъ вѣдь на перечетъ держать. Побѣдоносцевъ и Катковъ погубятъ Россію. У меня руки опускаются. Васъ, конечно, тоже скоро погонять. Побѣдоносцевъ вамъ не проститъ. Не знаю, писалъ ли я вамъ, что еще недѣли двѣ слишкомъ тому назадъ слышалъ (шло отъ кн. Льва Шаховского), что Катковъ взбѣшенъ на Игнатьева и хочетъ замѣнить его Островскимъ,—который безъ сомнѣнія сдѣлаетъ величайшую глупость, если приметъ Министерство. И такъ въ Россіи распорядится Катковъ съ сумасшедшимъ Побѣдоносцевымъ!

Игнатьевъ—имя, Игнатьевъ—знамя, и знамя хорошее, каковы бы ни были его недостатки.

Мнѣ придется свернуть знамя „Руси“. Попробую дотянуть до конца года.

Не зачѣмъ мнѣ ѣхать въ С.П.Бургъ. Я нарочно не ѣздилъ прежде, чтобъ не сплетничали...

Какъ это вы не прибѣгнете къ какому нибудь народному средству, чтобъ избавиться отъ лихорадки! Какъ жаль мнѣ бѣдной Ольги Андреевны. Поцѣлуйте у нея за меня ручку.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

31 Мая.

Скверно.

Любезнѣйшій Павелъ Дмитріевичъ.

Не могу еще придти въ себя отъ произведенной смѣны министровъ, особенно отъ новаго назначенія, которое de mauvaise augure для свободы печатнаго слова. Васъ прошу объ одномъ: дать мнѣ знать напередъ письмомъ или по телеграфу о времени отъѣзда графа Н. П.— Не хочу ему ни писать по почтѣ, ни телеграфировать, потому что можетъ быть ему было бы непріятно, да и не нужно во избѣжаніе фальшивыхъ толкованій, чтобъ я заявлялъ такимъ образомъ о солидарности своей съ нимъ. Я передѣлалъ множество разъ редакцію статейки по поводу его отставки. Для меня тутъ главное затрудненіе въ томъ, чтобъ не оскорбить лично Г.... Да я и не Катковъ, который, толкуя объ усиленіи власти и о святости ея принципа, первый своими наглыми выходками, расшатывалъ принципъ и оскорблялъ его достоинство въ лицѣ Игнатьева. Буду ожидать появленія статей Каткова и Петерб. газетъ.

Когда Вашъ артельщикъ прибылъ ко мнѣ, въ Москвѣ на Биржѣ всѣ уже знали о назначеніи графа Толстого, получивъ извѣстіе съ курьерскимъ поѣздомъ. Первые узнали объ этомъ и разнесли вѣсть съ восторгомъ Жиды и Нѣмцы, къ смущенію всѣхъ Русскихъ купцовъ. Найдите случай, оказію, чтобъ написать мнѣ подробно... Обнимаю

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Іюня 2. 82.

Пятница 4-го Іюня.

Вчера получилъ Ваше письмо отъ 2-го по почтѣ, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, и спросилъ у гр. Н. П., когда будетъ онъ въ Москвѣ.— На будущей недѣлѣ съ Четверга до Воскресенья. Забылъ спросить: гдѣ онъ остановится? Съ Вами онъ непременно желаетъ видѣться,

Хочется ему, чтобы Вы написали всеподданнѣйшую записку Государю о негодности конституціи, къ которой его неминуемо ведутъ, о невозможности аракачеевщины Толстого и Шувалова (Толстой его проводить, а не Трепова, въ министры полиціи) и о томъ, что такое З. Соборъ, и почему въ немъ спасенье. Хотѣлось бы ему видѣть эту записку уже въ Четвергъ, хотя въ наброскахъ.—Мнѣ думается, что записку эту надо бы составить намъ съ вами сообща, а подписать, пожалуй,—и не коллективно ли съ Дм. Фед. Самаринымъ и другими лучшими людьми. Не знаю, скоро ли вырвусь я изъ Петербурга. Отставкою, надѣюсь, не задержатъ меня. Но я тутъ нанялъ квартиру, надо передать, купилъ мебель, надо продать. Авось, не позднѣе конца будущей недѣли окончу все это; завезу семью въ Воскресенскъ и прїѣду къ Вамъ. Но если до свиданья вашего съ гр. Игнатьевымъ не увидимся, помните, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, вотъ что, пожалуйста: придавайте мнѣ и моей дѣятельности какъ можно менѣе значенія; упирайте на то, что инициатива и впредь должна остаться за Государемъ. Графъ вернется къ дѣламъ, надѣюсь. Тогда уже программа его извѣстна: З. Соборъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ тогда не сталъ избѣгать меня. Въ Петербургѣ, къ сожалѣнію, уже называютъ, хоть изрѣдка, мое имя.—Что манифестъ вы читали, пожалуйста, не говорите; сохраните мнѣ возможность тайныхъ сообщеній Вамъ и въ будущемъ, коль Богъ дастъ. Неужели вы хоть на минуту усумнились, не останусь ли я служить при Толстомъ или Треповѣ? Письмо это привезетъ вамъ товарищъ Шаховского по канцеляріи, Александръ Ивановичъ Алехинъ. Онъ знаетъ менѣе Шаховского, но все-таки многое знаетъ; *разспрашивать* его можете обо всемъ, что понадобится.

До свиданія, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, до скорого, надѣюсь. Жена, слава Богу, совсѣмъ поправилась; отъ меня лихорадка тоже поотвязалась. Подробности о послѣднихъ происшествіяхъ не пишу; Вы ихъ слышали отъ Шаховского. Съ его отъѣзда интереснаго одно: Толстому хочется Шувалова въ министры. Треповъ прїѣхалъ вчера; сегодня будетъ у Государя. Душевно вашъ

П. Г.

Р. С. Графъ сказалъ мнѣ предупредить васъ:—что перлюстрація его, вашихъ и моихъ писемъ, телеграммъ и пр. будетъ самая сильная, какъ уже и есть. Сейчасъ видѣлъ Воейкова на самомъ прїѣздѣ его изъ Москвы, но переговорить съ нимъ ни о чемъ не успѣлъ. Онъ опрометью спѣшилъ достать трехъугольную шляпу, шпагу и скакать къ Толстому. Похоже на то, что кромѣ меня никто въ отставку не

выйдетъ; а съ перваго дня чуть не всё собирались, и съ какимъ негодованіемъ.

Сейчасъ слышалъ отъ Мясоѣдова, исправлявшаго должность Воейкова во время его отсутствія:—Набоковъ говорилъ Муравьеву, прокурору Судебной Палаты, а Муравьевъ, съ которымъ Мясоѣдовъ на ты, рассказалъ Мясоѣдову: двѣ недѣли тому Набоковъ уже зналъ, что министромъ Внутреннихъ Дѣлъ будетъ Толстой. Совѣщаніе о З. Соборѣ Побѣдоносцева, Делянова и Островскаго было предустроено, следовательно (это не Набоковъ говоритъ) для того, чтобы гр. Игнатъевъ принужденъ былъ *самъ* попросить отставку. Въ печати разсуждать объ этой отставкѣ и перемѣнѣ будетъ, говорятъ, запрещено. Вяземскій, говорятъ, выходитъ; на его мѣсто будетъ Θεоктистовъ. Катковъ, говорилъ мнѣ гр. Игнатъевъ, будетъ товарищемъ Делянова; Георгіевскій, говорятъ товарищемъ Толстого. Трепова предполагается сдѣлать не министромъ, а только главноуправляющимъ; почему будто бы онъ и не согласится принять должность. Пророчать, что первымъ яблокомъ раздора между Толстымъ и жандармомъ будетъ вѣдомство почтъ и телеграфовъ, то есть перлюстрація.

Телеграмма 5 Іюня 1882.

Нужно мнѣ навѣрное знать, когда будете Москву.

Аксаковъ.

8 Іюня. Вторникъ.

Получилъ сегодня Ваше письмо, дорогой Павелъ Дмитриевичъ. Я дождусь графа и повидаясь съ нимъ, а потомъ уѣду на недѣлю времени въ Варварино, такъ что съ вами увижусь уже по возвращеніи, ибо не думаю, чтобы вы успѣли на этой недѣлѣ покончить ваши дѣла—сдать квартиру, продать мебель и т. д. Поговорить же надо и очень. Я не раздѣляю мнѣнія о своевременности Записки, теперь уши ватой заложены. Это былъ бы холостой выстрѣлъ; а нѣтъ ничего хуже холостыхъ выстрѣловъ. Нужно переждать и выждать вразумленія фактовъ, которое къ несчастью не замедлитъ. Обнимаю Васъ

Вашъ И. в. Аксаковъ.

Проектъ Манифеста.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ.

Моля Бога: да укажетъ Намъ стези правды, и помянувъ дни древніе, и поучась примѣрами великихъ предковъ нашихъ, первовѣнчанныхъ Царей всея Руси Самодержцевъ, за благо разсудили Мы:

Предстоящее торжество священнаго вѣнчанія и муропомазанія Нашего на Царство совершить предъ соборомъ высшихъ іерарховъ Церкви Православной, высшихъ чиновъ правительства, высшихъ избранниковъ Дворянства и Горожанъ, и нарочито выборныхъ отъ Земли.

По сему повелѣваемъ:

Ко дню Свѣтлаго Христова Воскресенія, 17-го Апрѣля будущаго 1883-го года, собраться къ освященному вѣнчанію и муропомазанію Нашему въ *Нашемъ первопрестольномъ градѣ Москвѣ*:

По имянному призыву Нашему:

Святѣйшему Правительствующему Синоду и епископамъ Православной Церкви Россійской.

Государственному Совѣту, Правительствующему Сенату и министрамъ Нашимъ.

Губернскимъ Предводителямъ Дворянства.

Градскимъ Головамъ обоихъ столичныхъ, всѣхъ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ.

И нарочито на сей Земскій Соборъ выборнымъ:

1) Отъ купцовъ каждаго губернскаго города купно съ уѣздными городами той же губерніи по одному купцу, избранному общимъ губернски-купеческимъ съѣздомъ.

2) Отъ обѣихъ столицъ по трое горожанъ, избранныхъ столичными Городскими Думами.

3) Всѣхъ уѣздовъ Великой, Малой, Бѣлой Россіи и Новороссіи:

Отъ землевладѣльцевъ личныхъ по два землевладѣльца, избранныхъ общимъ, безъ различія крупно-и мелкопомѣстныхъ, уѣздно-землевладѣльческимъ съѣздомъ.

Отъ горожанъ, смотря по обширности и населенности уѣзда, не менѣе двоихъ и до семерыхъ крестьянъ-домохозяевъ, избранныхъ отъ соответствующаго числа округъ, окружно-крестьянскими съѣздами.

4) Отъ земель же казачьихъ войскъ, Донского, Уральскаго, Симбирскаго, Оренбургскаго, Кубанскаго и Терскаго, и отъ губерній и областей Сибирскихъ, Туркестанскихъ, Кавказскихъ, Польскихъ, Прибалтійскихъ и Финляндскихъ: по особымъ указаніямъ, которыя будутъ Нами даны Нашему министру Внутреннихъ дѣлъ.

И какъ въ старину Земскіе Соборы созывались Государями не только ко освященному вѣнчанію царскому, но и для возвѣщенія воли Государевой самимъ Государемъ всей Землѣ, въ лицѣ ея выборныхъ, лучшихъ людей; или для выслушанія Государемъ прямо отъ нихъ о всякихъ земскихъ нуждахъ, и вообще для совѣщанія Государева съ Самою Землею: такъ и отнынѣ да будетъ.

Не сомнѣваемся, что какъ въ старину, во времена и мирной дѣятельности и бранной тягости и смутной шатости, Земля, избирая въ Соборы, никогда ни въ одномъ выборномъ сама не ошибалась и Царя не обманула, такъ же и нынѣ не ошибется и не обманетъ, пришлетъ такихъ же, какъ въ тогдашнихъ царскихъ грамотахъ писано: „людей добрыхъ, разумныхъ, крѣпкихъ, съ которыми Государю можно говорить и промышлять о всѣхъ людяхъ ко всему добру“.

Да обновится же, съ благословенія Господня, великое единеніе Царя и Земли: единеніе въ любви уже не только властной и покорной, но и совѣтной; да возсозидется нашъ древне-русскій Земскій Соборъ, неприкосновенно въ исконныхъ основахъ своихъ: совѣта земскаго, рѣшеніе царское по правдѣ Божеской.

Это послѣдній проэктъ Манифеста. Первый написанъ мною на Страстной недѣлѣ въ Воскресенскѣ, поданъ гр. Игнатьеву 31 Марта.

Графъ сдѣлалъ нѣсколько незначительныхъ поправокъ, вмѣсто, въ *царствующемъ* градѣ, написалъ: въ *Нашемъ первопрестольномъ* градѣ и т. п. Государь же—вмѣсто: Данъ въ *Нашемъ первопрестольномъ градѣ*, сказалъ: въ Гатчинѣ; и вслѣдствіе чего вторую половину Манифеста пришлось передѣлать, приказалъ исключить слѣдующее:

И тако у алтаря Господня при священномъ вѣнчаніи и миропомазаніи Нашемъ на Царство вся Земля соборно да окружаетъ Насъ и да помолится съ Нами.

Но и всенародно вся Земля, вся Моя Россія возлюбленная, помолись со мною въ тотъ великій часъ.

Со всѣми Нами и ты, Родитель Мой, Царь-Освободитель, Самодержецъ—объединитель Земли въ равноправіи и въ правосудіи, помолись у Престола Божія:

Да станетъ на камени твоего исто-царскаго дѣла, столь же Богоблагословенно, столь же вѣчно-нерушимо и Наше, нынѣ почитаемое: да обновится великое единеніе....

Проектъ Рескрипта

Графъ Николай Павловичъ.

Сегодня, въ праздникъ Вознесенія Воскресшаго, въ нынѣшнемъ году обще всѣми Христіанами празднуемый, и въ день Нашего семейнаго и всенароднаго праздника рожденія Наслѣдника Цесаревича, и вмѣстѣ въ день двухсотлѣтней годовщины закрытія послѣдняго досель Земскаго Собора, въ этотъ трижды-знаменательный день позвалъ я Землю снова на древле-обычный Нашъ царскій совѣтъ съ нею.

По примѣру предковъ Моихъ, блаженные памяти Царей Θεодора Іоанновича, Михаила Θεодоровича, Алексѣя Михайловича, я совмѣстилъ первый Соборъ царствованія съ торжествомъ вѣнчанія на Царство. А такъ какъ Я призываю на этотъ Соборъ даже отъ самыхъ дальнихъ предѣловъ Земли Русской, то, дабы не слишкомъ ускорять пріѣздъ въ Москву выборныхъ, а слѣдовательно и самые бы выборы и предварительныя мѣстныя обсуждения земскихъ нуждъ, Я рѣшилъ отложить коронацію до весны будущаго 1883-го года, а именно до 17-го Апрѣля

дня Свѣтлаго Христова Воскресенія, который въ томъ году совпадаетъ со днемъ рожденія въ Бозѣ почившаго Родителя Моего, великаго Царя-Освободителя, и со днемъ двадцатилѣтней годовщины *) одного изъ самыхъ христіанскихъ дѣлъ Его.

Время вѣнчанія на царство Я считаю прямо Богоуказаннымъ временемъ для того, чтобы свидѣться Мнѣ со всею Землею, свеститься съ нею, привести всю ее къ единомыслію правды и, по старинному, всѣ за единъ человекъ, приступить, съ Божьей помощью, къ самому насущному земскому дѣлу: къ устройству суда и управленія, начиная съ приходского.

Вотъ почему и призываю Я такое большое число выборныхъ собственно-уѣздныхъ: отъ крестьянъ и относительно еще большее отъ землевладѣльцевъ личныхъ; и почему на этотъ, и такъ уже столь многочисленный Соборъ, не призываю городскихъ нарочито-выборныхъ, кромѣ почетныхъ отъ столицъ.

Отъ купцовъ призываю нарочито-выборныхъ потому, что купеческое сословіе не имѣетъ повсемѣстно, подобно дворянскому, постоянныхъ своихъ избранниковъ.

Какъ крестьянъ, такъ и личныхъ землевладѣльцевъ, призываю прямо отъ уѣздной земщины потому, что только такимъ образомъ возможны непосредственные, т. е. самые истинные выборы. Той же непосредственности ради устраиваю, для соборныхъ выборовъ, двуклѣнность нынѣшняго земскаго мелкопомѣстнаго избранія, и предписываю выборы землевладѣльцевъ общіе: безъ различія крупно-и мелкопомѣстныхъ.

Кромѣ непосредственности выборовъ Я имѣю въ виду и незатруднительность, сколь возможно, сношеній крестьянъ съ ихъ выборнымъ по его возвратѣ съ Собора; ибо для прекращенія нынѣшнихъ ложныхъ слуховъ въ народѣ и для предупрежденія новыхъ таковыхъ же, считаю весьма важнымъ, чтобы крестьяне могли, всѣ и каждый, прямо отъ своего выборнаго слышать, что самъ онъ на Соборѣ отъ Самого Государя слышалъ. И вотъ особенно для чего предписываю крестьянскіе выборы не цѣлому уѣзду, а по округамъ обычнаго въ тѣхъ мѣстахъ, или, по крайней мѣрѣ, возможнаго сношенія крестьянъ между собою.

*) Отмѣны тѣлесныхъ наказаній.

Не предрѣшая теперь же ни о числѣ выборныхъ и порядкѣ выборовъ отъ земель казачьихъ войскъ и отъ уѣздовъ или же только отъ губерній и областей Сибирскихъ, Туркестанскихъ, Кавказскихъ, Польскихъ, Прибалтійскихъ и Финляндскихъ; ни о подробностяхъ порядка всѣхъ вообще выборовъ; ни о порядкѣ предварительныхъ мѣстныхъ совѣщаній; ни объ устройствѣ проѣзда и прожитія выборныхъ, Моихъ гостей на коронаціи, предоставляю вамъ: по сношеніи съ надлежащими вѣдомствами и лицами, представить Мнѣ о всемъ томъ ихъ и ваши соображенія.

Многосторонняя служебная дѣятельность ваша всегда усердная и во всемъ успѣшная, порука Мнѣ, что и въ этомъ великомъ дѣлѣ вы вѣрой и правдой послужите Мнѣ и Землѣ.

NB. Этотъ мой проэктъ рескрипта передѣланъ правителемъ канцеляріи Министра Внутреннихъ дѣлъ Воейковымъ такъ:

Графъ Николай Павловичъ.

Свято чтя добрые обычаи старины нашей, сегодня въ день двухсотлѣтней годовщины закрытія послѣдняго Земскаго Собора, Я подписалъ манифестъ на созывъ Земскаго Собора отъ всего государства Россійскаго.

По примѣру предковъ Моихъ, блаженные памяти царей Θεодора Иоанновича, Михаила Θεодоровича, Алексія Михайловича, Я желаю совмѣстить первый Соборъ царствованія съ торжествомъ вѣнчанія на царство. А такъ какъ Я призываю Земскихъ людей отъ всѣхъ, даже самыхъ дальнихъ предѣловъ государства нашего и дабы всѣмъ ко дню вѣнчанія Моего собраться было можно, священное торжество сіе будетъ происходить весною будущаго 1883 года.

Укрѣпленный въ священномъ таинствѣ благодатью Божіей и свидѣвшись на Соборѣ со всею Землею, Я поставлю цѣлью Моего самодержавнаго служенія Россіи утвержденіе во всѣхъ дѣлахъ правды и порядка на благо любезнаго Моему сердцу народа, ввѣреннаго Мнѣ Промысломъ.

Сверхъ поименованныхъ въ манифестѣ Моемъ духовнаго и свѣтскаго званія лицъ, поручаю вамъ въ каждомъ уѣздѣ назначить особо

отъ личныхъ землевладѣльцевъ и особо отъ сельскихъ обществъ избирательные сѣзды для выбора лучшихъ людей. Я твердо уповаю, что призванные въ Москву на Соборъ лучшіе люди государства нашего помогутъ Мнѣ въ осуществленіи Моихъ предначертаній: утвердить государственный порядокъ Отечества Нашего на началахъ правосудія, строгаго соблюденія государственной и частной собственности.

Число выборныхъ въ губерніяхъ, управляемыхъ по общему положенію, опредѣлено въ Манифестъ Моемъ отъ сего числа. Вамъ же предоставляю по сношеніи съ министрами и главноуправляющими составить соображенія о числѣ выборныхъ отъ земли казачьихъ войскъ и отъ губерній или областей Сибирскихъ, Польскихъ, Прибалтійскихъ, великаго княжества Финляндскаго, отъ Кавказа и Туркестанскаго края. Предположенія ваши, какъ по сему предмету, такъ и о подробностяхъ порядка выборовъ, вы предоставите на Мое утверженіе.

Почитая всѣхъ призванныхъ на Соборъ въ Москву за гостей Моихъ, Я поручаю вамъ сдѣлать необходимыя распоряженія о переѣздѣ и продовольствованіи ихъ въ Москвѣ.

Возлагая на васъ новую трудную задачу, Я увѣренъ, что и въ этомъ великомъ дѣлѣ вы, какъ всегда, вѣрою и правдою послужите Мнѣ и Россіи.

Въ Европейской Россіи (безъ Балтійскихъ губ., Польши и Финляндіи):

277 уѣздовъ пространствомъ до 100 кв. миль (4900 кв. верстъ) по 2 крестьянина (на cadaго около 2500 кв. в.)=554 крестьянина.

109 уѣздовъ до 200 кв. м. (9800 кв. в.) по 3 крест. (на кажд. около 3200 кв. в.)=327 крест.

35 уѣздовъ до 300 кв. м. (14700 кв. в.) по 4 крест. (на кажд. около 36000 в.)=140 крест.

29 уѣздовъ до 500 кв. м. (24500 кв. в.) по 5 крест. (на кажд. около 4900 в.)=145 крест.

18 уѣздовъ до 1000 кв. м. (49000 кв. в.) по 6 крест. (на cadaго около 8000 в.)=108 крест.

8 уѣздовъ болѣе 1000 кв. м. (4900 кв. в.) по 7 крест. (на каждаго около 8000 в.)=56 крест.

Итого 476 уѣзд. Евр. Россіи (безъ окраинъ) 1230 крест.

Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

14 уѣздовъ отъ 47 кв. м. (2283 кв. в.) по 1 кр.=14 крест.

Въ царствѣ Польскомъ.

85 уѣздовъ отъ 11 кв. м. (539 кв. в.) по 1 кр.=85 кр.

Въ Финляндіи.

44 уѣзда отъ 18 кв. м. (882 кв. в.) по 1 кр.=44 кр.

Въ Кавказскомъ намѣстничествѣ.

65 уѣздовъ отъ 16 кв. м. (784 кв. в.) по 1 кр.=65 кр.

Въ Сибири и Туркестанѣ.

13 уѣзд. отъ 200 до 1000 кв. м. (9800 до 49000 кв. в.) по 5 кр.=65 кр.

17 уѣзд. отъ 1000 до 2000 кв. м. (49000 до 98000) по 7 кр.=119 кр.

7 уѣзд. отъ 2000 до 3000 кв. м. (98000 до 147000 кв. в.) по 9 кр.=63 кр.

5 уѣздовъ отъ 3000 до 10000 кв. м. (147000 до 490000 кв. в.) по 12 крестьянъ=60 крест.

7 уѣздовъ отъ 10000 до 30000 кв. м. (490000 до 1470000 кв. в.) по 15 крестьянъ=105 крест.

Итого 49 уѣздовъ Сибири и Туркестана=412 кр.

Итого крестьянъ отъ Европейской Россіи	1330.
— " — " — Прибалтійскихъ губерній	14.
— " — " — Царства Польскаго	85.
— " — " — Финляндіи	44.
— " — " — Кавказа	65.
— " — " — Сибири и Туркестана	412.

Всѣхъ крестьянскихъ выборныхъ 1950.

Прочихъ сословіи.

Отъ 476 уѣздовъ Европейской Россіи (безъ Балтійскихъ губерній, Польши и Финляндіи) по 2 землевлад. 952 п.

Отъ тѣхъ же 47 губерн. губернскіе предводители Дворянства 47.

Отъ тѣхъ же губернскихъ городовъ и приблизительно 20 уѣздовъ Городскія головы. 67.

По трое нарочитыхъ выборныхъ отъ столицъ. 6.

Тоже по одному отъ 12 лучшихъ городовъ. 12.

Купеческіе, мѣщанскіе и ремесленные старшины Москвы, Петербурга и Одессы. 9.

Отъ трехъ Балтійскихъ губерній, 10 Польскихъ и 8 Финляндскихъ и того отъ 21 губерніи по 1 представителю землевладѣльческаго сословія и по 1 торговаго и того по 2=42. Отъ 12 Кавказскихъ губерній и 13 Сибирскихъ съ Туркестанскими и того отъ 25 губерній по 2 представителя землевладѣльческаго сословія и по 2 торговаго, итого по 4=100.

Всего прочихъ сословіи 1235 человекъ.

Весь соборъ:

Выборныхъ отъ крестьянъ 1950 чевов.

Отъ прочихъ сословіи 1235 —

Всѣхъ 3185 чевов.

Если же 9 старшинъ купеческихъ, мѣщанскихъ и ремесленныхъ, какъ ничего не значащихъ по своей малочисленности, замѣнить, соответственно Дворянскимъ предводителямъ, выборными отъ купческаго сословія 47-ми губерній по одному, то, за вычетомъ 9 старшинъ, прибавляя 36 человекъ и будетъ въ Соборѣ 3221 ч.

Если же городскихъ нарочито-выборныхъ, оставивъ только отъ столицъ по 3, отъ прочихъ 12 городовъ исключить; будетъ въ Соборѣ 3209 ч.

Всѣхъ съ сановниками церкви и правительства, будетъ не болѣе 3500 ч.

Въ передовой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ 12 Мая говорится объ *измѣнѣ началу власти со стороны лицъ призванныхъ охранять это начало, блюсти его честь и пользу*, предполагается *влиятельное лицо*, подающее мысль о созваніи того, что *евфеметически называется Земскимъ Соборомъ*, яко бы для поддержанія власти въ ея борьбѣ съ *крамолой*; спрашивается: не была ли бы такая мысль, даже не *гласно въ сферахъ власти* сказанная, торжествомъ *крамолы*? И въ отвѣтъ на этотъ вопросъ сопоставляются государственный преступникъ Нечаевъ, который, когда его выводили изъ залы суда, крикнулъ: Земскій Соборъ! и блюститель государственныхъ интересовъ, который тоже кричитъ: Земскій Соборъ!—Того же требовалъ и Желябовъ, прибавляется еще внушительнѣе.

И цари наши призывали Земскіе Соборы. Вопросъ, слѣдовательно, самъ собою становится такъ: Цари ли наши одинаково съ Нечаевымъ и Желябовымъ *были измѣнники началу власти*, или же Катковъ одинаково съ Нечаевымъ и Желябовымъ не знаютъ что такое—Земскій Соборъ; не изучали Собора исторически; не вдумывались въ его основную суть; не понимаютъ, что Соборъ—явленіе присно-самодержавное; воображаютъ себѣ Соборъ Нечаевъ и Желябовъ явно чѣмъ-то въ родѣ конституціоннаго парламента подъ Русскимъ названіемъ, а Катковъ—еще *наивнѣе—сборищемъ* и (въ той же статьѣ нѣсколько строкъ далѣе) *сбродомъ деморализованныхъ людей*. Почему *сбродомъ*, это такъ и остается не объясненнымъ; а почему *деморализованныхъ*, это доказывается въ томъ же номерѣ статьею (по книжкѣ Кочнева „Противъ Теченія“) о деморализаціи Французскихъ революціонныхъ собраній, которыя и называются тутъ не иначе какъ *Соборами*. Умалчивается при этомъ, конечно, что Французскихъ крестьянъ революція застала—мало сказать—крѣпостными—рабами, надъ которыми господа ихъ имѣли, напр., пресловутое право первой ночи; что эти рабы не призывались *королемъ*, призывались только дворянство, духовенство, да въ двойномъ числѣ среднее сословіе, т. е. буржуазія; толкуется о *свободѣ всеобщихъ выборовъ* страны, о *народныхъ избранникахъ* Франціи и, въ общемъ выводѣ, примѣромъ *Парижскихъ* выборовъ предостерегается Русскій Царь отъ деморализаціи *выборныхъ нашихъ сель и уѣздовъ*.

Но пусть Катковъ съ Кочневымъ (псевдонимъ его сотрудника Дюбимова) и Нечаевъ съ Желябовымъ, всю жизнь занимавшіеся—тѣ

газетами, эти—бунтарскими дѣлами, не знаютъ ни народа нашего, ни исторіи и возмечтали себѣ Земскій Соборъ по брошюркамъ о революціи и конституціи: ужасно то, что ихъ незнаніе и мечтаніе раздѣляется людьми, имѣющими дѣйствительное и заслуженное значеніе и въ правительствѣ государственномъ, и церковномъ, и въ наукѣ; и что, коль на такихъ людей, то ужъ подавно на массу общества, подобныя статьи Каткова, подкрѣпляемыя аргументами Нечаевскихъ возгласовъ, должны имѣть истинно опасно-деморализующее вліяніе. Вотъ почему эти статьи не могутъ быть долѣе терпимы и напротивъ должна быть разрѣшена широкая свобода слова тѣмъ, къ сожалѣнію немногимъ, органамъ печати, которые знаютъ что такое *Русское* самодержавіе и Земскій Соборъ. Пусть же выяснятъ они обществу такіе, напр., факты, какъ Царь Алексѣй Михайловичъ созвалъ Соборъ всей земли судить Псковъ за неповиновеніе Самодержцу всей Руси; или какъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ не соглашался царствовать, ежели Соборъ, избравшій его, не останется при немъ помогать ему власть Самодержца укрѣпить и землю умиротворить и въ достоинство привести; и какъ Царь не распускалъ этого Собора цѣлыхъ три года, потомъ снова созвалъ опять на три года, и въ третій разъ опять. Такъ вотъ что были Соборы Самодержавію. А вотъ что былъ Самодержецъ Собору: когда не стало на землѣ ни царя, ни даже патріарха, Земля сама собралась въ Соборъ; но кто же будетъ рѣшать? Большинство голосовъ Русская Земля не признаетъ рѣшителемъ: правда не въ числѣ. Нуженъ третейскій человекъ не изъ своихъ, котораго бы слушаться всѣ согласились и *дали души на томъ*, т. е. присягнули; (NB при конституціи наоборотъ—Государь присягаетъ) и согласились всѣ и дали души и вызвали къ Земскому Собору старца Кирилла, жившаго на покоѣ въ Троицкой Лаврѣ, прежняго митрополита Ростовскаго; онъ старецъ и рѣшалъ *какъ земскому дѣлу будетъ прибыльнѣе*. Его именемъ писались грамоты изъ Москвы отъ Собора въ Кострому новоизбранному Царю, и отъ Царя: Кириллу и всей землѣ, никого другого по имени не называя. А тутъ же въ Москвѣ былъ старшій Кирилла Казанскій митрополитъ Ефремъ; а старше Казанскаго первымъ послѣ патріарха, какъ бы викарій его, митрополитъ Крутицкій; но Кириллъ по общему согласію и крестоцѣлованію, замѣстилъ необходимаго Собору полномочнаго, неограниченнаго рѣшителя: Самодержца. Такъ вотъ какъ истинный Земскій Соборъ похожъ на Нечаевскій и Катковскій.

Пусть же бы они, да и другіе узнали это и посовѣстились мутить, прикидываясь вѣрными слугами Государевыми, ополчившимися на Его измѣнниковъ.

Послѣднее измышлено, какъ явствуетъ изъ отчета засѣданія и заявленія лицъ, бывшихъ на процессѣ 1-го Марта.

1) Земскій Соборъ—для отвѣта *да* или *нѣтъ* по тому или другому казуистическому вопросу; а никакъ не *Chambre constituante*, а при нынѣшней катавасіи сходитъ именно какъ будто на *chambre constituante* и *de facto* на *то сойдемъ*.

2) Сію минуту, впрочемъ даже въ обоихъ видахъ (ужь избави Богъ отъ *Chambre constituante*, но даже и по частному *да* или *нѣтъ* какому нибудь вопросу *ad hoc*) Земскій Соборъ только разбередитъ весь муравейникъ всероссійскій, произведетъ лихорадку изъ края въ край. —кто и вызвалъ духовъ—не радъ будетъ и не справится. И крестьяне сами смутятся, а не иное.

3) Страшное волненіе умовъ (лихорадка общая) оттого и будетъ, что все шатко, все зыблется, все расплзается; даже при обычномъ теченіи Земскихъ Соборовъ изо дня въ день и изъ года въ годъ—теперь бы при совершенной шаткости—требовалась, напротивъ того, диктатура (условно употребляя этотъ терминъ), а никакъ не возбужданье всего „муравейника“.

4) Нечего и рѣшать сію минуту Земскому Собору: вопросовъ *ad hoc* никакихъ и нѣтъ; а есть именно вопросъ общій: что такъ называемое бюрократическо-канцелярское господство отжило свой вѣкъ. Земскій Соборъ только это и подтвердитъ; еще онъ можетъ подтвердить, что Россія не хочетъ Западной конституціи; но и то, и другое не требуетъ и подтвержденія. А творить и постановлять новое устройство—онъ и не можетъ, да не такъ это и дѣлается.

5) Катковъ противъ „Земскаго Собора“ и онъ съ своей точки зрѣнія совершенно правъ.

6) Тѣ, кто, напротивъ, кричитъ: „нуженъ Земскій Соборъ“, тѣ, съ своей же точки зрѣнія, совершенно правы.

7) Чѣмъ же не правъ Катковъ или, напротивъ, чѣмъ же воистину правы желающіе собора?

Тѣмъ Катковъ не правъ, что желающіе *Земскаго Собора* въ хорошемъ смыслѣ—выражаютъ этимъ лишь лозунгъ: *прекратите, наконецъ,*

бюрократически-канцелярское господство. Это и нужно. Пока желаніе Земскаго Собора есть лишь символъ и формула: *pereat* господство канцелярское—до тѣхъ поръ, но только до тѣхъ поръ,—они и правы. Но не болѣе. Если же они въ самомъ дѣлѣ вѣрятъ въ какую-то чудотворную машину Земскаго Собора, что онъ изъ ничего сдѣлаетъ все, тогда проектируемый Земскій Соборъ—ужасъ, и Катковъ правъ, что не хочетъ его.

8) Итакъ Катковъ не правъ тѣмъ, что въ его желаніи „не надо Собора“ звучитъ еще логически: „требуется продолженіе бюрократически-канцелярскаго господства“. А желающіе собора единственно правы тѣмъ только, что выдвигаютъ нѣчто противоположное „канцелярскому господству“. Но они хуже Каткова неправы, если при царящемъ въ сознаніи *regime*'ѣ „бюрократически-канцелярскаго господства“, проектируютъ созывъ Земскаго Собора. Нужно, чтобъ въ сознаніи правящихъ сферъ (даже не публики,—публика повернется за властью какъ флюгеръ и даже обратитъ въ моду завтра то, надъ чѣмъ сегодня смѣется) произошелъ этотъ поворотъ:—*pereat* канцелярское господство. Если оно такъ и есть, и это ужъ назрѣло—тогда безъ всякаго взбудораживанья и не производя лихорадки отъ Казани и до Вятки, и отъ Вильны до Урала—самъ собой отжившій *regime* станетъ упраздниться и замѣниться новымъ. Если же этого нѣтъ въ сознаніи правящихъ сферъ—то и самъ Земскій Соборъ обратится въ инструментъ, который поведетъ лишь къ краху и больше ничего.

9) При этомъ (столь простой мѣрѣ), даже только при одномъ этомъ, сейчасъ станетъ легко рѣшительно по всѣмъ губерніямъ уладить въ тѣхъ или въ другихъ формахъ споспѣшествованіе мѣстному переустройству. Комитеты ли будутъ, другое ли что, но и „Кохановская“ канцелярщина станетъ немыслима; *de facto*—все само себя найдеть, а подскажется, какъ лучше переустроить наше внутреннее управленіе и какими орудіями: комитетами ли, свѣдущими ли людьми и т. д.

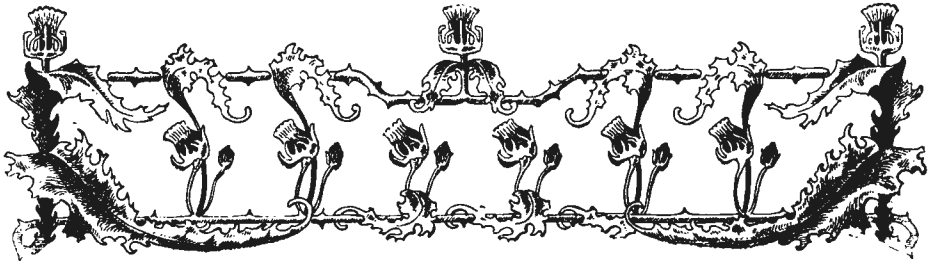
.

11) Если же нельзя этого,—столь пустой мѣры,—то ничего нельзя: а экспериментъ Земскаго Собора непременно приведетъ къ полному краху, къ полной анархіи, къ шаткости и смутѣ еще небывалой.

12) Какъ при совершенной неурядицѣ, крестьяне и вообще все простонародье, взглянуть на проектируемый *Земскій Соборъ*? Всѣ смутятся, скажутъ: „мы думали до сихъ поръ, что Русское правительство

крѣпко, а это только миражъ одинъ, что его въ грошъ не чтутъ иные. А теперь, молъ, ясное дѣло: ужъ у самого правительства голова идетъ кругомъ, оно ужъ само не знаетъ что ему дѣлать и какъ дѣлать? молъ пиши: пропало“.—Вотъ что подумаетъ вся сѣрая Русь, и будетъ совершенно права въ своемъ смущеніи.

Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. С. Пушкину

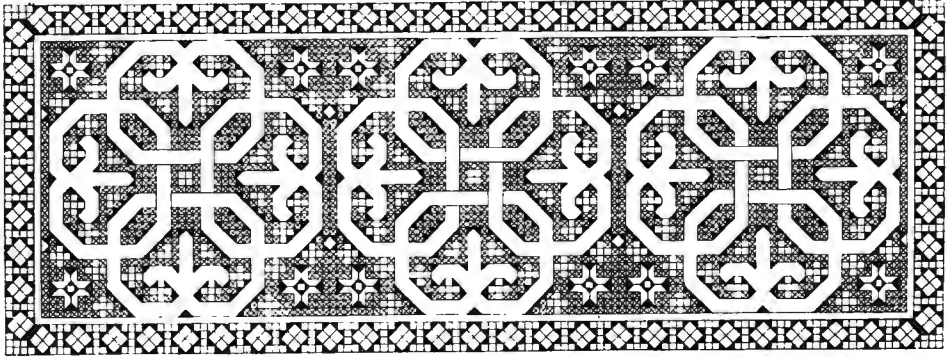
Вотъ тебѣ, моему барину на Парнасѣ, мой смиренный ревелъскій оброкъ. Второй годъ кланяюсь тебѣ водою. Ты скажешь: *qu'il faut avoir le diable au corps pour faire de vers par le temps qui court*. Это и правда. Но я пою или визжу сгоряча, потому что на сердцѣ тоска и смерть: частное и общее горе. Что ты подѣливаешь? Что твой аневризмъ и твоя трагедія? твой (.....) и твой Евгений? Желаю тебѣ скорѣй и благополучно раздѣлаться съ ними со всѣми. Получилъ ли ты мое письмо черезъ Дельвига, писанное наканунѣ отъѣзда въ Ревель, и сдѣлалъ ли по моему совѣту? Я видѣлъ твое письмо въ Петербургѣ: оно показалось мнѣ сухо, холодно и не довольно убѣдительно. На твоемъ мѣстѣ написала-бы и другое и отправилъ въ Москву. Ты имѣешь права не сомнительныя на вниманіе, ибо остался неприкосновененъ въ общей бурѣ, но долженъ также и на будущее время дать поручительство въ законности житія своего, то есть общать, что будешь писать единственно для печати—и, разумѣется, давъ честное слово, хранить его ненарушимо. Другого для тебя спасенія не вижу.—Сестра твоя сказывала, что ты хотѣлъ прислать мнѣ извлеченія изъ записокъ своихъ относительныхъ до Карамзина. Жду ихъ съ нетерпѣніемъ. Сказывала она также, что Дельвигъ имѣетъ ко мнѣ письмо отъ тебя. Боюсь только, чтобы онъ не проспалъ его. Ты совѣтуешь мнѣ писать о Карамзинѣ: рано (журнальную статью, такъ) но въ этомъ случаѣ: поздно Карамзинъ со временемъ можетъ служить центромъ записокъ современныхъ въ родѣ записокъ Garot, но гораздо съ большимъ правомъ, чѣмъ Suard. Все русское просвѣщеніе начинается, вертится—сосредоточивается въ Карамзинѣ. Онъ лучшій нашъ представитель на Сеймѣ Европейскомъ. Ты часто хотѣлъ писать прозою: вотъ прекрасный предметъ. Напиши взглядъ на заслуги Карамзина и характеръ его гражданскій, авторскій и частный. Тутъ будетъ мѣсто и воспоминанія твоемъ о немъ. Можешь издать ихъ въ видѣ отрывка изъ

твоихъ записокъ. Вчера получили мы письмо отъ Жуковскаго изъ Эмса: теперъ онъ долженъ быть въ Эгрѣ, хвалится поправленіемъ своего здоровья и надѣется на совершенное возобновленіе силъ. Александръ Тургеневъ ускакалъ въ Дрезденъ къ брату своему Сергѣю, который сильно и опасно занемогъ отъ безпокойства о братѣ Николаѣ. Несчастные.— Вѣроятно, пробуду здѣсь до 20 Августа, а тамъ поѣду черезъ Петерб., гдѣ остановлюсь только дня на три, въ Остафьево къ женѣ. Ты еще успѣешь написать мнѣ сюда, во всякомъ случаѣ перешли письмо черезъ сестру, которая доставитъ мнѣ его здѣсь, или въ Москву. Обнимаю тебя отъ всего сердца.

Пришли какихъ нибудь свѣженькихъ стиховъ. Покажи свою трагедію; она изъ рукъ моихъ не выдетъ. И ни одного стиха твоего не распустимъ: мнѣ довѣрить можно.

31-го Августа (1826).

КРИСТИНЪ.

Москва 23 Марта 1814 г.

Мои письма находятся въ письмахъ г-жи де Нуазевиль. По своимъ замѣткамъ я вижу, что не писалъ Вамъ съ 12 и послѣднее письмо мое было отъ 2. Теперь уже я не помню, что послужило причиной такого запозданія, но, конечно, причина должна была быть уважительная и основательная. Ахъ, Боже мой! нѣтъ я не ожидалъ пріѣзда г-жи де Нуазевиль и кто бы могъ его ожидать въ такое время! Обыкновенно петербургскую почту я получаю въ среду утромъ при моемъ пробужденіи. Въ послѣднюю среду, позвонивъ моему камердинеру я сказалъ себѣ: „вотъ письма“, но вмѣсто этого мнѣ подають написанную карандашомъ записку и говорятъ: „это отъ г-жи де Нуазевиль, которая заходила къ намъ въ 1 ч. ночи и спрашивала про какую нибудь гостинницу, не желая ѣхать на Басманную такъ поздно. Не вѣря своимъ ушамъ, я заставилъ повторить себѣ сказанное, но пришлось повѣрить глазамъ, такъ какъ записка все это подтверждала. Не смотря на сильнѣйшій насморкъ я быстро одѣлся и отправился къ княгинѣ Куракиной, которая ожила при видѣ своего милаго друга. явившагося для нея настоящимъ спасителемъ, такъ какъ она уже почти рѣшила остаться здѣсь до 15, чтобы не продолжать пути съ несносной г-жей Сю. Обуза, которую взяла на себя г-жа де Нуазевиль, оказалась очень для нея тяжелой, но никогда, еще доброе дѣло не дѣлалось такъ во время какъ это, такъ какъ ея присутствіе здѣсь, было гораздо нужнѣе присутствія мужа, который, какъ мнѣ кажется, пересталъ уже быть человѣкомъ необходимымъ теперь для облегченія страданій его бѣдной жены. Что за прелесть такой другъ, какъ г-жа де Нуазевиль.

Неудивительно, что вся семья Голицыныхъ превозноситъ ее до небесъ. Ей ничего не стоитъ дѣлать другимъ одолженія и та любезность, съ какой она ихъ дѣлаетъ, увеличиваетъ ихъ цѣнность. Наконецъ, ея поступокъ меня нисколько не удивилъ, такъ какъ я зналъ, что она на это способна, что еще усилило мою искреннюю къ ней привязанность. Вотъ уже 48 часовъ, что онѣ въ пути, дороги теперь ужасны, но онѣ отдѣлаются лишь тѣмъ, что пріѣдутъ нѣсколькими днями позднѣе. Въ берлинскѣ ѣхать невозможно, и онѣ взяли хорошія крытыя брички и, такъ какъ по ночамъ онѣ отдыхаютъ, а днемъ не холодно, то ни княгинѣ ни дѣтямъ не придется страдать отъ какихъ бы то ни было неудобствъ. Вы правы, что не ждете ихъ къ Пасхѣ, мы высчитали, что онѣ не могутъ пріѣхать раньше вторника или среды послѣ Пасхи. Не забыть бы мнѣ Вамъ сказать, что Титовъ пріѣхалъ восемь дней тому назадъ. Онъ обѣдаетъ и ужинаетъ у гр. Толстой, гдѣ принять совершенно какъ прежде, что меня очень радуетъ. Онъ былъ у меня два раза, такъ какъ насморкъ держитъ меня дома съ самаго отъѣзда этихъ дамъ; но я совсѣмъ не спрашивалъ его о его пріятельницѣ и онъ мнѣ тоже о ней же говорилъ, какъ будто никогда и не покидалъ Москвы.

Вотъ человѣкъ, который чувствуетъ себя отлично. Онъ былъ очень удивленъ и почти обиженъ тѣмъ, что Вы мнѣ пишете. „Да когда же Вы познакомились съ княжной Варварой?“—Годъ тому назадъ.—А почему она вамъ пишетъ?—Потому что добра и знаетъ, что доставляетъ мнѣ этимъ необычайное удовольствіе.—О, я думаю, но все таки это удивительно, и вы ей отвѣчаете?—Очень аккуратно, конечно.—Но я все таки очень удивленъ, что переписка могла установиться такъ быстро. Вы знаете, я считаю васъ счастливымъ человѣкомъ, такъ какъ даю слово, что она прелестна.—Предоставляю Вамъ угадать мой отвѣтъ, дорогая княжна, и противорѣчилъ ли я бѣдному старѣющему и немного опустившемуся генералу. Г-жа Апраксина написала своему мужу о графѣ Остерманѣ то же самое, что пишете Вы мнѣ, а Титовъ взялся сообщить все это г-жѣ Толстой, чтобы приготовить ее къ тому, что можетъ произойти. Считали бы Вы смерть Остермана большимъ несчастіемъ? Признаюсь, что я не могъ бы на нее такъ смотрѣть. По моему, для себя и другихъ лучше умереть, чѣмъ влачить существованіе человѣка лишеннаго разсудка. Первый моментъ былъ бы очень тяжелъ для жены, но время произвело-бы свое обычное дѣйствіе и вдовушка наконецъ успокоилась бы, если бы ей это было вполне возможно съ ея спокойнымъ и, вѣроятно, властнымъ и вспыльчивымъ характеромъ, которымъ одарила ее природа.

Г-жа Толстая получила отъ своего мужа письма отъ 4 Марта. Онъ говоритъ, что подъ Гамбургомъ убійственно скучаютъ и больше ничего. Вчерашнюю почту мы ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ. Не знаю откуда распространился слухъ, что Блюхеръ и Витгенштейнъ вошли въ Парижъ, но вѣсть эта не подтвердилась и до сихъ поръ остается неясной даже для будущаго. То, что происходитъ во Франціи, совершенно непонятно; казалось бы, что Бриенское сраженіе должно было явиться милостью для Наполеона, но вотъ онъ вновь на ногахъ съ своимъ обычнымъ высокомеріемъ. Теперь невозможно предвидѣть, чѣмъ все это кончится. Но я не вижу возможности мира съ нимъ не прославъ тѣмъ, чѣмъ не хочешь быть на самомъ дѣлѣ... Можно подумать, что Бурбоновъ хотятъ отстранить и не хотятъ вернуться къ тѣмъ принципамъ, отъ забвенія которыхъ, произошло все зло послѣднихъ 22 лѣтъ, въ теченіе которыхъ ведется война. Можно ли повѣрить, что законные монархи, воюя съ взбунтовавшимися подданными, убившими своего короля, не хотятъ сказать вслухъ, что они воюютъ за семью этого короля? Не должны ли монархи признавать свою солидарность? Не въ этой ли солидарности заключается ихъ собственный интересъ и интересъ общій? Все это непостижимо здравому смыслу. Прощайте у меня сильнѣйшій насморкъ.

Кн. Туркестанова.

Петербургъ 23 Марта 1814 г.

Когда я писала Вамъ послѣдній разъ, то такъ спѣшила, что теперь уже почти не помню о чемъ Вамъ говорила. Сегодня же всѣ мои мысли совершенно перепутались или вѣрнѣе сказать лишь одна заполняетъ мое сердце горечью. Молодой графъ Строгановъ убитъ. Вы знаете мои отношенія со всей этой семьей и мою искреннюю любовь къ графинѣ. Даже уваженіе и почтеніе, должныя ей добродѣтелямъ, должны вызывать въ постороннихъ сочувствіе къ постигшему ее несчастью, тѣмъ болѣе когда знаешь и любишь ее какъ я! Не могу передать, до какой степени эта ужасная новость меня поразила. Бѣдный молодой человекъ! Ему было всего лишь 20 лѣтъ; онъ обладалъ ангельскимъ характеромъ. Съ самаго своего поступленія на службу, онъ отличался превосходнымъ поведеніемъ. Часто генераль Васильчиковъ, при которомъ онъ служилъ, останавливалъ его за его стремленіе быть всегда впереди. Но молодость, желаніе отличиться и заставить говорить о себѣ брали верхъ.

Нѣсколько разъ онъ подвергался сильнѣйшей опасности въ авангардѣ Блюхера, но тогда еще не настала его часъ. На этотъ же разъ

онъ пробилъ. Ядро уложило его на мѣстѣ. Его несчастный отецъ находился отъ него не больше какъ въ ста шагахъ, когда все это случилось. Говорятъ, что онъ видѣлъ какъ понесли его тѣло, и, увидя это, потерялъ сознание. Тотъ, кто описываетъ подробности этой смерти прибавляетъ, что отчаяніе отца не имѣетъ границъ! Это дитя, единственный сынъ знаменитой семьи, призванный наслаждаться огромнымъ состояніемъ и всѣми преимуществами міра сего, только лишь успѣлъ появиться. Богъ вѣчности судилъ ему болѣе постоянное и дѣйствительное счастье. Лишь бы онъ въ своемъ милосердіи послалъ несчастной матери, необходимую въ такомъ горѣ покорность волѣ Божіей. Не понимаю, кто рѣшится взять на себя, сообщить ей этотъ ужасъ. Г-жа де Нуазевиль, видѣвшая ее передъ отъѣздомъ, поразила ее огорченнымъ и подавленнымъ видомъ. Вотъ уже нѣсколько времени, что она сильно страдаетъ и чрезвычайно слаба. Мнѣ очень хочется, чтобы ея мужъ самъ сюда пріѣхалъ, его присутствіе смягчитъ то ужасное впечатлѣніе, которое неминуемо долженъ произвести на ея хрупкую и чувствительную натуру этотъ ударъ. Какъ Вы найдете, что вчера, зная о случившемся, я сочла своимъ долгомъ провести вечеръ у *princesse Voldemar*, которая утромъ почти что приказала мнѣ прійти. Присутствіе бабушки и матери, не знавшихъ о жестокой утратѣ, было для меня пыткой. Сегодня утромъ у меня такъ болѣло горло, что я послала за докторомъ, который положилъ мнѣ пластырь, чтобы заставить натянутые нервы разойтись. Я очень страдаю, но непременно хочу выйти, чтобы не оставаться одной. Молодой человѣкъ погибъ въ битвѣ аванъ-постовъ и, можетъ быть, послѣдующая битва принесетъ намъ еще новостей въ этомъ же родѣ. а также бѣшенство, съ которымъ дерутся обѣ стороны, заставить насъ перечестъ еще значительное число жертвъ. О Боже мой, когда же наступитъ конецъ всей этой рѣзнѣ! Мнѣ хочется, чтобы *princesse Boris* поскорѣ получила вѣсти отъ своихъ сыновей. Я знаю, что конная гвардія уже была въ дѣлѣ, но она еще этого не знаетъ. Двое ея старшихъ сыновей служатъ въ этомъ корпусѣ. Рапатель, про котораго говорили, что онъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ. чувствуетъ себя великолѣпно. Растиньякъ тоже воскресъ. Младшій С.-При былъ взятъ въ плѣнъ въ то время, когда онъ спокойно возвращался изъ Вѣны. Нашъ Государь велѣлъ сказать Бонапарту, что если его тронуть, онъ въ отместку за него велитъ разстрѣлять десять человѣкъ. У меня только что были Марковъ съ дочерью. На дняхъ онъ мнѣ сказалъ, что ей очень хочется послушать службу въ дворцовой церкви. Я просила его прислать ее ко мнѣ сегодня утромъ и мы вмѣстѣ были у обѣдни. Эта бѣдная крошка производитъ на меня впечатлѣніе очень слабенькой, хотя говорятъ, что она вполне здорова. Мнѣ показалось

что у нея бывають нервныя подергиванія, повторяющіяся довольно часто, и это заставляет меня думать, что ея нервная система очень разстроена. Думаю, что ей были бы нужны желѣзистыя ванны. Графъ читаль мнѣ Ваше послѣднее письмо и все, что касается сочиненія Бутурлина. Я его не читала, но положилаь на г-жу де Нуазевиль которая сказала мнѣ, что оно не хорошо.

Переводъ, сдѣланный имъ съ нѣкоторыхъ проповѣдей Филарета, тоже ничего не стоитъ. Дѣйствительно пора успокоиться и прекратить писать о религіи; такъ какъ все, что можно написать, будетъ слабо въ сравненіи съ тѣмъ, что уже было написано тѣми гениями, которые писали объ этомъ вопросѣ. Знаете ли Вы жизнь Фенелона Бусе? Я нахожу, что это чудная вещь и замѣчательно хорошо изложенная, мнѣ дала ее княгиня Долгорукая, и я читаю ее въ эту минуту. Я получила письма отъ г-жи Еверсъ, которая только и говоритъ, что о Вашей добротѣ; она рассказываетъ мнѣ рѣшительно все и даже про присланный Вами апельсинъ, не зная какими именами Васъ величать. Повѣрьте, что я раздѣляю тѣ чувства благодарности, которыя она къ Вамъ питаетъ. Если г-жа де Нуазевиль еще не уѣхала, то скажите ей, что кузины Мишель устроили въ домѣ цѣлыя исторіи; но я полагаю, что *princesse Boris* рассказала ей про всѣ выходки и вспышки Катеньки. Еще разъ повторяю, что это очень дурныя дѣвчонки.

КРИСТИНЬ.

Москва. Пасхальное Воскресеніе 29 Марта 1814 г.

Я хочу поговорить съ Вами о Титовѣ, который иногда меня навѣщаетъ. Онъ самъ затронулъ нѣкоторые вопросы. Не знаю, говорить ли онъ правду, но такъ какъ я ни о чемъ его не спрашивалъ, то не вижу, почему онъ сталъ бы меня обманывать. Фактъ тотъ, что онъ мнѣ сказалъ, что у него не было никакой ссоры съ графомъ Толстымъ, что дѣйствительно послѣдній разсердился на него за его отъѣздъ, но что заставили его удалиться лишь его здоровье и сознание полной бесполезности своего присутствія. Потомъ, онъ сказалъ мнѣ еще одну вещь, которую я повторяю только Вамъ одной, а именно, что Толстой во всѣхъ своихъ письмахъ къ Государю писалъ, что его армія состоитъ изъ 70 тысячъ человѣкъ. Государь ожидалъ сильнаго подкрѣпленія, но когда подошли на 10 версть къ главной квартирѣ и Е. В. хотѣлъ поѣхать сдѣлать смотръ этой арміи, онъ узналъ, что изъ нея осталось лишь 8000 человѣкъ. Это такъ разсердило Царя, что онъ не только не пожелалъ производить смотра, но даже

отказался видѣть графа Толстого. Послѣдній писалъ четыре раза, прося аудіенціи, но получилъ лишь словесный отказъ. Я думаю, что Титовъ сильно преувеличиваетъ, такъ какъ онъ немного вунтъ въ своемъ дѣлѣ, но можетъ быть въ разказахъ объ этомъ ужасающемъ сокращеніи есть и доли правды. По словамъ Титова, оно произошло отъ плохого режима, недостатка больницъ и лѣкарствъ. Люди сказывались больными и оставались позади, при чемъ провѣрить, дѣйствительно ли они больны или притворяются, было невозможно. Однимъ словомъ, двигаясь отъ Волги до границы, эта армія растаяла благодаря отсутствію заботливости и по неизвѣстно чьей небрежности. Но во всѣхъ этихъ несчастяхъ вина всегда падаетъ на начальника, и это вполне естественно, такъ какъ въ обратныхъ случаяхъ на него падаетъ и вся слава. Настоящая вина графа Толстого заключается въ томъ, что когда онъ соединился съ арміей Бенигсена, и послѣдній написалъ ему, спрашивая, все ли нужно имѣется у него для солдатъ, Толстой отвѣтилъ, что все, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ у него ничего не было, даже ружей, и изъ этихъ 8000 человекъ лишь 5000 были вооружены. Титовъ увѣряетъ, что онъ отвѣтилъ такъ Бенигсену для того, чтобы не имѣть съ нимъ объясненій, такъ какъ Бенигсенъ его не любитъ, и готовился все сказать самому Государю при первомъ же свиданіи. Но свиданіе это никогда не состоялось, и письмо его къ Бенигсену заставляетъ думать, что онъ все имѣлъ, и служить ему еще большимъ обвиненіемъ. По правдѣ сказать этого всего достаточно, чтобы окончательно уронить себя въ глазахъ Государя, и я не знаю, какъ онъ теперь оправдывается, если ему не представится благопріятнаго случая для объясненій. Все это доставило графу Толстому ужасныя огорченія и разочарованія, отразившіяся на его главномъ штабѣ, и Титовъ сказалъ мнѣ, что его армія въ концѣ концовъ была ни на что не похожа. По приходѣ въ Саксонію осталось всего лишь 6000 человекъ, а еще не было сдѣлано ни одного ружейнаго выстрѣла. На этихъ 6000 человекъ приходилось дюжина генераловъ, что вызывало смѣхъ другихъ корпусовъ арміи, особенно при видѣ, что за типы были нѣкоторые изъ нихъ. Вотъ что заставило Титова ухъать и, можетъ быть, онъ еще не высказалъ мнѣ всѣхъ причинъ. Послѣ этого произошла капитуляція Дрездена, гдѣ Толстой весьма не кстати далъ свою подпись, подвергнувшись этимъ афронту, полученному Клейстомъ, такъ какъ капитуляція была отброшена. Клейстъ, будучи старшимъ, могъ подписать одинъ и даже долженъ былъ это сдѣлать. Титовъ увѣряетъ, что изъ всего происшедшаго графиня знаетъ лишь очень немного и только по письмамъ мужа, что же касается до него, то онъ ей ничего не говорилъ. Она стала очень натянута и не естественна, онъ

замѣчаетъ это, какъ и я, но ни о чемъ не заговариваетъ. Мнѣ жаль ее изъ-за ея честолюбія, такъ какъ иначе всѣ подобныя огорченія должны были бы скользить по сердцу очень легко.

Понедѣльникъ, утро.

Передо мной Ваше письмо отъ 23. Я чувствую и раздѣляю Ваши страданія, вызванныя потерей бѣднаго молодого Строганова; положеніе матери разрываетъ сердце! я не знаю ея, но страдаю за нее. Ночь я провела очень плохо у меня была сильная лихорадка и острые боли. Терпѣніе добродѣтель весьма достойная, такъ какъ дается очень тяжело. Расскажите мнѣ, забавы ради, про Катенькины выходки; это вѣроятно было интересно.

Кн. Туркестанова.

Петербургъ 2 Апрѣля 1814 г.

Я не писала Вамъ прошлый понедѣльникъ. Увы! на меня напала моя обычная тоска. Когда эти ужасныя минуты овладѣваютъ мной, я ничего не могу дѣлать. Я стараюсь, насколько возможно, собрать свои мысли, чтобы молиться, но даже это мнѣ не всегда удается. Обыкновенно я становлюсь вродѣ машины: хожу, передвигаюсь безъ всякой какой бы то ни было цѣли и въ такихъ случаяхъ во всемъ, что я дѣлаю, нѣтъ ни порядка, ни смысла, особенно же я не могу тогда писать, за отсутствіемъ связности въ мысляхъ. Вотъ что, дорогой Крестинь, помѣшало мнѣ вамъ писать. Если вамъ когда нибудь придется писать мнѣ не аккуратно, я никогда на васъ не разсержусь, такъ какъ это еще мнѣ ничего не доказываетъ. Когда вѣра моя въ чувство человѣка достигаетъ извѣстнаго предѣла, я уже не обращаю вниманія на мелкіе пробѣлы, лишь бы мнѣ не беспокоиться о здоровьи этого человѣка, и такъ какъ я знала, что *princesse Boris* и г-жа де-Нуазевиль получали отъ васъ письма, я была совершенно спокойна на этотъ счетъ. Итакъ, не стѣсняйтесь вашей перепиской со мной и пишите тогда, когда вамъ это удобно во всѣхъ отношеніяхъ. Я увѣрена въ вашихъ чувствахъ къ себѣ и не буду въ нихъ сомнѣваться. Мнѣ хочется, чтобы и съ вашей стороны вы имѣли бы во мнѣ такую же увѣренность. Моя бѣдная графиня Строганова вчера утромъ узнала о смерти сына. Ея нравственныя силы бодро перенесли это жестокое испытаніе. Нравственно она ангелъ покорности и благочестія. Она во всемъ положила на Бога и съ небесной кротостью покорилась Его волѣ, а когда ей сказали, что мужъ ея здоровъ, она перекрестилась.

Въ первыя минуты она не могла плакать, но хлынувшія днемъ слезы облегчили сдавленное сильными спазмами горло. Я думаю не ходить къ ней первое время, но черезъ три четыре дня попытаюсь ее пови-
дать. Послѣ завтра мы ждемъ Лизу Куракину, она остановилась въ Новгородѣ отдохнуть. Г-жа де-Нуазевиль писала изъ Торжка, что дорога настолько ужасна, что онѣ подвигаются съ трудомъ. Брички уже не могутъ ихъ тащить, онѣ просили карету, но князь Куракинъ, который, какъ мнѣ кажется, такъ же мало спѣшитъ увидѣть свою жену, какъ она его, отвѣтилъ, что у него нѣтъ кареты, такъ что пришлось опять матери посылать ту, въ которой онѣ теперь покатаютъ къ городу. Она также дала и коляску для сопровождающихъ и оба экипажа отправлены въ Новгородъ. Увѣряю васъ, что безъ г-жи де-Нуазевиль мы не уви-
дѣли бы здѣсь бѣдной княгини. Она осталась бы въ Москвѣ лѣчиться и Богъ знаетъ, когда бы и какъ къ намъ вернулась. Вы правы, говоря, что у нея слаба голова, но мужъ очень содѣйствовалъ ея ослабленію и надо сознаться, что самъ онъ тоже не многого стоитъ. Не понимаю его нагло-
сти, съ которой онъ всюду показывается, зная, что жена больна, о чемъ онъ совершенно не думаетъ. Онъ постоянно развѣзжаетъ и даетъ чудные объѣды какъ ни въ чемъ не бывало. Храни Богъ *princesie Boris* отъ второго такого зятя! Онъ также увѣрентъ, что три оставшіяся у него дочери совершенно не похожи на сестру, потому что онѣ разсуждаютъ иначе. Герцогъ де-Visena собралъ всѣхъ министровъ конгресса, чтобы сообщить имъ ультиматумъ претензій Бонапарта. Этотъ ультиматумъ всѣхъ поразилъ. Сультъ готовится присоединиться къ арміи Наполеона. Веллингтонъ двигается очень медленно, хотя всетаки говорятъ, что онъ сдѣлалъ движеніе къ Тулузѣ. Передайте отъ меня доброму Титову тысячу нѣжностей, но не говорите съ нимъ много о моихъ письмахъ, иначе онъ можетъ быть захочетъ ихъ видѣть. Я напишу ему на этихъ дняхъ. Я была бы очень довольна, если бы онъ остался въ Москвѣ и не пріѣзжалъ бы сюда повѣрять намъ свои горести. То, что происходитъ подъ Гамбургомъ, ужасно! Войска безпощадно опустошили земли Блома въ Ганверѣ. Его сестра ему пишетъ, что они разграбили все что могли, и что нѣкій Филимоновъ помѣстилъ въ одной изъ самыхъ лучшихъ гостинныхъ замка около двадцати портныхъ, обратившихъ ее скоро въ конюшню. Если я не ошибаюсь, этотъ громада Филимоновъ родственникъ Толстой. Вы понимаете, что я похвасталась Блomu и сдѣлала видъ, что не знаю этого типа. Но что за несчастное совпаденіе для бѣднаго Толстого; Боже мой какъ мнѣ за него непріятно. Сегодня утромъ я получила вѣсти изъ Вѣны. Моимъ сестрамъ тамъ очень нравится и онѣ чувствуютъ себя весьма спокойно въ отсутствіи г-жи Остерманъ и понемногу забавляются. О мужѣ ничего не извѣстно

развѣ кромѣ того, что онъ въ Базель. Я очень надѣюсь, что ванны успокоятъ его нервы. Нѣтъ, я не хочу его смерти, такъ какъ жена его въ свою очередь сойдетъ съ ума, я ее знаю. Прощайте, изгнали ли вы вашъ противный насморкъ? Я хочу, чтобы вы были здоровы и увѣрена, что это такъ и будетъ. Ахъ если бы я могла тоже изгнать тяжелыя мысли, которыя время отъ времени меня мучаютъ! Но это мой крестъ, и я должна его нести, пока это будетъ угодно небу. Ни слова объ этомъ г-жѣ Толстой ни моей теткѣ.

Прощайте.

КРИСТИНЪ.

Москва. Суббота 11 Апрѣля 1814 г. на Понедѣльникъ 17.

Черезъ мѣсяцъ Титовъ уѣзжаетъ на Кавказъ; такимъ образомъ въ Петербургъ не поѣдетъ. Онъ немного измѣнился и пересталъ быть такимъ какъ всегда. Вотъ уже восемь дней, что отъ 12 ч. до 2 ч. дня великолѣпнѣйшее солнце привлекаетъ на бульваръ всю Москву. Г-жа Толстая ходитъ туда какъ и прочіе, тѣмъ болѣе, что эта прогулка совсѣмъ у ея дверей. Бѣдный Титовъ такъ этимъ сконфуженъ, оскорбленъ и удрученъ, что пришелъ посоветоваться со мной, какъ и чѣмъ оправдать такую ужасную странность съ ея стороны. „Представьте себя“, говорилъ онъ мнѣ, „что я громко отстаивалъ, что она согласилась сопровождать этихъ дѣвицъ исключительно изъ желанія доставить имъ удовольствіе. Но вотъ, сегодня утромъ, она опять повторила свое безуміе и пошла туда съ Сашей и княгиней Варварой Гагариной. Это ужасно, мой дорогой, и я не знаю, что теперь и сказать въ ея оправданіе. Что же касается до княгини Гагариной, чортъ ее побери, то она таскается всюду, но нашей графинѣ Толстой, про которую всѣ знаютъ, что она любитъ уединеніе, позорить себя на бульварѣ со всѣми... нѣтъ, дорогой, это взываетъ къ мести, и я хочу ей это сказать. Всѣ мои старанія разубѣдить его, что нѣтъ ничего обыкновеннѣе и невиннѣе этого поступка и что никто не обратитъ на него вниманія, если онъ не станетъ имъ заниматься, ни къ чему не привели. По его мнѣнію бульваръ въ 12 ч. дня является такимъ же позорнымъ мѣстомъ, какъ маскарадъ въ 12 ч. ночи, и что графиня Толстая должна прогуливаться только въ экипажѣ или же пѣшкомъ, но въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никого нельзя встрѣтить, такъ какъ она слишкомъ извѣстна, какъ уважаемая, почтенная и недвухсмысленная женщина. Онъ дѣйствительно сердился и, замѣтивъ мой смѣхъ, гнѣвъ его еще усилился. Но въ общемъ, несмотря на всѣ его преувеличи-

ванія и ошибки, онъ прекрасный человѣкъ. Онъ пришелъ и хочетъ опять бывать у меня почти каждый день.

Вы навѣрно найдете меня очень злымъ, но мнѣ ничуть не жаль Блома, несмотря на то, что лично я его всетаки люблю. Если бы Вы знали какъ я, каковы дѣятели того края, представителемъ котораго онъ является, Вы сказали бы: „браво Филимоновъ“. Этимъ людямъ нужна грязь, ею полна ихъ душа и пусть ею будетъ запачкана ихъ мебель. Ахъ, если бы зло войны ограничивалось лишь загрязненіемъ и даже небольшимъ разграбленіемъ замковъ этихъ господъ Датчанъ, тогда бы нечего было и говорить. За 25 лѣтъ они надѣлали столько гадостей, чтобы сохранить свои милыя состоянія! Еще дымилась кровь несчастнаго Людовика XVI, когда я видѣлъ, какъ подлый Грувель, секретарь конвенціи, тотъ самый, который будучи всѣмъ обязанъ Бурбонскому дому, рѣшился прочесть смертный приговоръ своему королю, былъ принятъ, говорю вамъ черезъ три года послѣ этой ужасной эпохи, въ Копенгагенѣ, въ качествѣ посла Французской республики, при чемъ король, королева и вся королевская семья, чествовали его, ласкали, играли съ нимъ по вечерамъ въ карты и Бломъ въ то время былъ при дворѣ очень усерднымъ царедворцемъ. Не по ихъ ли винѣ несчастные Гамбургцы вновь подпали подъ чужое иго и гибнуть отъ нищеты и страданій!

Воскресеніе 12. Вотъ уже три недѣли, что я не видѣлся съ бѣдной г-жею Еверсъ, но мы переписываемся съ нею. Какъ мнѣ кажется, она чувствуетъ себя не важно и жалуется на расстройство желудка, которое является, по моему, плохимъ признакомъ. Къ несчастью докторъ Обергъ, уѣхавшій мѣсяцъ тому назадъ, еще не отвѣтилъ ни на одно изъ моихъ писемъ; вѣроятно, онъ заболѣлъ или же ледоходъ задержалъ почту. Ходятъ слухи о хорошихъ новостяхъ, но они еще недостаточно официальны, чтобы мнѣ имъ радоваться. Жду слѣдующей почты, г-жа де Нуазевиль обѣщала мнѣ написать длинное письмо. Я счастливъ, что она пріѣхала и освободилась отъ тяжелой обузы. Напишу ей нѣсколько словъ. Бѣдная графиня Строганова! Чѣмъ можно утѣшить мать въ такихъ случаяхъ! Единственно, что ей осталось, это покорность волѣ Божіей, но я не удивлюсь, если это испытаніе сократить ея дни. Надѣюсь, что теперь уже вы имѣете вѣсти отъ графа Остермана, сообщите мнѣ, что вы о немъ знаете. Вернутся ли въ этомъ году княжны въ Россію? Мнѣ кажется это невозможнымъ: онѣ захотятъ воспользоваться купальнымъ сезономъ. Кстати, я долженъ вамъ сказать, что очень благодаренъ Титову за его гнѣвъ, который я тоже самъ

испыталъ въ Декабрѣ прошлаго года, но про который вамъ не говорилъ. Онъ не можетъ прийти въ себя отъ того, что сестра Франсильне на мѣстѣ извѣстной бѣгающей по свѣту молдаванки. „Когда можешь показать, что нибудь хорошее“, сказалъ онъ, „то зачѣмъ же возить Молдаванку и Валугеву, это абсурдъ“.—Сознаюсь, что не зная обоихъ особъ, о которыхъ идетъ рѣчь, я сказалъ то же самое и продолжаю говорить это ежедневно. Но къ чему про это писать, хотя настроеніе Титова заставляетъ меня всетаки вамъ въ этомъ сознаться. Вотъ бюллетень отъ 14 Марта, онъ великолѣпенъ. Я содрогнулся, читая, какой опасности подвергается нашъ Государь, и видя, что Рапателъ былъ убитъ на его глазахъ. Не могу воздержаться и не сказать въ десятый разъ, что всѣ эти революціонеры, возвращающіеся къ хорошимъ принципамъ, когда счастье поворачиваетъ имъ спину, могутъ сколько угодно мѣнять свои взгляды и всетаки никто изъ нихъ не кончаетъ благополучно. Пишегрю взялъ Голландію, что было гигантскимъ шагомъ для революціи, позднѣе онъ хотѣлъ вернуть королю тронъ, но республика его изгнала, и онъ умеръ задушеннымъ въ Тамплѣ. Моро содѣйствовалъ триумфу революціи и вернулся къ хорошимъ принципамъ лишь послѣ того, какъ во время народнаго къ нему благоволенія надѣлалъ массу зла монархіи. Онъ былъ убитъ въ первый же день битвы. Судьба Рапателя оказалась аналогичной съ судьбой Моро. Пятнадцать лѣтъ спустя онъ погибъ подъ вратами Парижа. Можно подумать, что перстъ Божій начерталъ имъ слѣдующія слова: „У васъ былъ талантъ, вы плохо использовали его и вы недостойны видѣть восстановление трона, который сами старались опрокинуть“. Посмотримъ, избѣгнетъ ли Бернадотъ этого наказанія свыше. Можетъ быть, его спасетъ его добросовѣстность, такъ какъ говорятъ, что онъ хочетъ Бурбоновъ, только Бурбоновъ.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ 9 Апрѣля 1814 г.

Мы въ Парижѣ! И больше я вамъ ничего не скажу, такъ какъ это значило бы заставлять васъ читать два раза одно и то же. Г-жа де Нуазевиль дастъ вамъ отчетъ во всемъ, что произошло. Кажется, что работа надъ философскимъ камнемъ подвигается къ концу. Декларация Государя говорить положительно о томъ, что съ Наполеономъ уже не будутъ вступать ни въ какіе договоры, а также ни съ кѣмъ изъ его сторонниковъ; исходя отсюда, нужно думать, что царствованіе его окончилось. Да поможетъ Богъ нашему Государю завершить все

то прекрасное и великое, которое онъ уже сдѣлалъ! Этой новостью, полученной нами вчера, какъ вы себѣ и представляете, теперь всѣ только и занимаются. Я узнала ее у обѣдни у Голицыныхъ. Адъютантъ военнаго министра, вошелъ съ бумагой въ рукахъ. Г-жа Гурьева, которую, какъ вамъ извѣстно, все волнуетъ, надѣлала столько шума, а отъ другихъ посыпалось столько восклицаній, что, благодаря всѣмъ этимъ волненіямъ, я не нашла въ себѣ силы даже пошевелить пальцемъ; я не была ни удивлена, ни обрадована, ни поражена, ничего подобнаго, я оставалась въ томъ самомъ состояніи, въ какомъ находилась за минуту до этого, а именно: полного спокойствія. Декларацию принесли только для того, чтобы ее прочесть, каждый хотѣлъ имѣть копию, но никто не могъ писать; я съ своимъ прекраснымъ хладнокровіемъ взялась за это и, списавъ пять декларацій одну за другой, раздала ихъ всѣмъ желавшимъ, такъ что у меня не осталось ни одной, чтобы послать тетѣ, но я надѣюсь, что въ замѣнъ, вы прочтете ей ту, которую сегодня же посылаетъ г-жа де-Нуазевиль. Я обѣдала у *princesse Boris*, гдѣ встрѣтила маленькаго Ла Туръ; онъ въ опьяненіи и у него глаза вылѣзали изъ орбитъ, остальные же болѣе или менѣе обрадованы и ни о чемъ другомъ не было рѣчи. Какъ оказывается, битва подъ Монмартромъ была очень горяча, и рѣшили ее гвардейскіе полки, при этомъ было взято 70 пушекъ. Государь вступилъ въ Парижъ 19 (31) марта, сопровождаемый городскими властями, и Сенатомъ въ полномъ составѣ, совершенно иначе, чѣмъ этотъ негодяй Бонапартъ въ Москву. Генераль Сакенъ сдѣланъ губернаторомъ Парижа.

Мнѣ совершенно случайно дали къ вамъ порученіе: это отъ *m-elle de Sybourg*, гувернантки Великой Княжны. Она сказала, что только что получила письмо изъ Женевы отъ своего брата, который рассказываетъ ей все, что происходило въ этомъ городѣ со вступленія союзныхъ войскъ. Я заинтересовалась подробностями и *m-elle de Sybourg* почти полностью прочла мнѣ письмо, но когда она подошла къ слѣдующимъ строкамъ; я насторожила уши: „постарайся, пожалуйста, сообщить Фердинанду Кристианъ о внезапной смерти его друга де-Траць и сказать ему, что его старшій братъ стоитъ во главѣ компаниі *du plan des ouattes* около С. Жюльенъ и что пока я не имѣю о немъ вѣстей“. Читая мнѣ эти строки, *m-elle de Sybourg* сказала, что не знаетъ какъ довести ихъ до вашего свѣдѣнія, но когда я сказала, что знаю васъ. и что мы знакомы, она умолила меня передать вамъ эти извѣстія. Я слово въ слово списала касающіяся васъ строки, но не знаю, осторожно ли съ моей стороны сообщать вамъ, объ этой смерти. Я буду въ отчаяніи, если причину вамъ огорченіе, но вѣроятно все

это васъ интересуетъ, и вотъ почему я взяла на себя ея порученіе. Къ тому же, если вы собираетесь писать въ Швейцарію, вы можете прислать письмо мнѣ, а я передамъ его *m-elle de Sybourg* и тогда оно попадетъ навѣрняка. Наконецъ вы сами увидите, удобно ли вамъ такъ сдѣлать. Исторія, которую вы мнѣ рассказываете про Толстого, кажется мнѣ весьма вѣроятной, и я готова держать пари, что Титовъ не способенъ лгать на этотъ счетъ. Что нибудь подобное должно было произойти, чтобы низвести Толстого до того ничтожества, въ которомъ онъ пребываетъ и по сей часъ. Я полагаю, что въ глазахъ своего Государя онъ упалъ окончательно, что меня искренно огорчаетъ. Я всегда повторяю, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, что не держалъ себя, какъ самый простой смертный; если бы въ самомъ началѣ онъ поѣхалъ въ Вильну, то все было бы совершенно иначе. Его жена, вліяніе которой на него вамъ извѣстно, должна была въ то время давать ему лучшіе совѣты. Но какъ я вижу, ихъ расчеты оказались невѣрными, и изъ того, что они воображали, ничего не сбылось. Дѣйствительно меня это очень огорчаетъ, такъ какъ я привязана къ нимъ всей душой.

Съ тѣхъ поръ, какъ дверь г-жи Строгановой вновь для меня открылась, я провожу у нея всѣ вечера. Она принимаетъ лишь двухъ, трехъ человѣкъ и мы стараемся, какъ можно больше говорить, чтобы привлечь ея вниманіе и хоть на нѣсколько минутъ ее развлечь. Она страдаетъ тихо и спокойно, но здоровье ея очень плохо, такъ какъ она чрезвычайно слаба. Ее немного поддерживаетъ еще то, что ее заставляютъ почти цѣлый день ѣсть, но къ концу вечера, она совсѣмъ потухаетъ, какъ лампа. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы мужъ ея пріѣхалъ скорѣе. Можетъ быть, увидя его, она немного оживетъ. Впрочемъ, она остается вѣрна себѣ: всегда добра, всегда занята матерью и другими. Княгиня Куракина далеко не такъ больна, какъ вы думаете. Съ тѣхъ поръ, какъ она немного отдохнула, она чувствуетъ себя лучше, но она такъ сильно предубѣждена противъ докторовъ и лѣкарствъ, что рѣшительно ничего не хочетъ принимать. Не знаю, сумѣетъ ли ее уговорить г-жа де-Нуазевиль, она почти живетъ у нея, такъ какъ проводитъ тамъ всѣ ночи. Если васъ интересуютъ Катенькины исторіи, то я вамъ скажу, что она уже давно возненавидѣла свою кузину Соню и поэтому не могла выбрать другой наперсницы, какъ Татьяну. Последняя много разъ защищала сестру; но наконецъ Катенька стала увѣрять, что кузина ея кокетка, что она изводитъ всѣхъ мужчинъ, что неприлично одѣвается, и я ужъ не знаю, какой еще подобный вздоръ она говорила. Вдругъ, во время этого разговора, вошла Соня, и Татьяна

сказала ей все, чтобы дать возможность защищаться противъ взводимыхъ на нее обвиненій. Конечно, поднялась ссора и Катенька, бросивъ ей въ лицо всѣ возможные оскорбленія, начала топать ногами, кричать и такъ ужасно шумѣть, что пришлось сказать объ этомъ *princesse Boris*. Вы можете себѣ представить, какую это вызвало сцену. Послѣдствіемъ ея было то, что маленькую мегеру отправили домой и рѣшили больше никогда не возить этихъ барышень къ теткѣ. Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ посыпались записки, въ которыхъ ничего не говорилось о происшедшемъ. *Princesse Boris* поѣхала къ своей *belle-soeur*, которая все узнала отъ дочери, разыгравшей передъ ней комедію. Она пришла и стала оправдывать ее передъ теткой, задыхаясь отъ смѣха и декламируя стихи изъ *Агасфера*... короче: извиненіе хуже оскорбленія. Вотъ то якобы чудное воспитаніе, которое *princesse Мишель* дала своимъ дочерямъ! Между кузинами возникъ холодокъ. Что же касается до меня, то я ничего такъ не желаю, какъ отъѣзда этой сумасбродки. Прощайте.

КРИСТИНЬ.

Москва, 17 Апрѣля 1814 г.

Получивъ великую и важнѣйшую вѣсть о взятіи Парижа, я не остался ни хладнокровенъ какъ вы, ни волновался какъ г-жа Гурьева, но заперся на ключъ и залился слезами, какъ маленькій *Ла Туръ*. Въ этомъ событіи я увидѣлъ для будущаго столько хорошаго, моя память воспроизвела передо мной столько минувшихъ страданій, и мнѣ представились такіа большія переменны въ положеніи Россіи за 18 мѣсяцевъ, что наплывъ этихъ чувствъ въ мою душу, сдвинулъ мнѣ грудь и заставилъ рыдать, какъ ребенка. Не на меня одного это произвело приблизительно такое же впечатлѣніе: народъ цѣловался на улицахъ, извозчики бросали вверхъ свои шапки и кричали ура; люди бѣгали по городу поздравляя другъ друга съ большей поспѣшностью и жаромъ, чѣмъ даже на Пасху.

Мнѣ кажется, что нужно быть на развалинахъ Москвы, для того чтобы дѣйствительно оцѣнить взятіе Парижа! Но, Боже мой, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидаютъ продолженія этихъ событій—близкаго низверженія *Бонапарта*, и коронованія *Людовика XVIII*; такъ нельзя избрать другого, коль этотъ не отречется отъ своихъ правъ. Будьте вполне увѣрены, что человекъ этотъ никогда не уступитъ короны и удовольствія царствовать; онъ слишкомъ любитъ власть для того, чтобы усту-

пить ее, и недостаточно любить своего брата, чтобы сдѣлать его своимъ господиномъ, вслѣдствіе этого я заключаю, что вы можете вполне на меня положиться, ничѣмъ не рискуя.

Наконецъ-то я получилъ письмо отъ моего доктора, который посылаетъ мнѣ новые рецепты для доброй г-жи Евверсъ, которую онъ, кажется, считаетъ очень больной. Между тѣмъ ея мужъ былъ у меня вчера и сказалъ, что ей лучше. Опасаются, чтобы ея кровь не испортилась, и не повлекла бы за собой разложенія, съ которыми искусство можетъ бороться лишь слабыми палліативами. Приблизительно докторъ смотритъ на это такъ же, и находитъ, что для продленія ея жизни, очень важно скрывать отъ нея ея положеніе, иначе страхъ можетъ лишь усилить физическія страданія. Впрочемъ, она не беспомощна и во всякомъ случаѣ можетъ прожить еще нѣсколько лѣтъ.

Изъ полученныхъ мною изъ Швейцаріи писемъ, я уже зналъ о смерти моего бѣднаго друга де-Траць, но я не менѣ тронуть вниманіемъ m-eur de Sybourg и его сообщеніемъ, вѣдь, онъ зналъ мою долготѣльную дружбу съ покойнымъ. Почему m-elle de Sybourg затруднялась сообщить мнѣ то, что братъ ея находилъ нужнымъ мнѣ знать? Развѣ мы съ ней не соотечественники, и не есть ли это самое близкое родство, а поэтому что же тутъ было неловкаго или неприличнаго—написать мнѣ прямо, если она имѣла что либо мнѣ передать?

Я люблю и безгранично уважаю ея брата m-eur de Sybourg; когда-то я былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ одной изъ сестеръ m-elle de Sybourg, которую звали Маріей и которая вышла замужъ 25 или 26 лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ я съ ней видался. Но, что стыдно сказать, это, что я не увѣренъ, знаю ли Петербургскую m-elle de Sybourg. Если я имѣлъ удовольствіе ее видѣть, то это было разъ или два и уже давно. Если я не ошибаюсь, ихъ было три сестры, и мнѣ кажется, что я видѣлъ только двухъ. Навѣрняка жѣ близко я зналъ лишь одну, потому что она проводила у нашихъ общихъ родственниковъ въ Jverdain цѣлыя лѣта... Ахъ, чудные дни моей молодости, что съ вами случилось! Тогда у меня не было, ни подагры, ни катарровъ, и я спалъ восемь часовъ подрядъ, не нуждаясь въ опиумѣ, какъ теперь. Они прошли и больше не вернутся! И какъ подумаешь, то становится жаль ихъ, такъ какъ я пользовался ими, не цѣня ихъ.

Но вотъ m-elle de Sybourg заставляетъ меня оплакивать мою молодость, между тѣмъ, какъ я долженъ былъ бы оплакивать лишь

горе г-жи де Траць, которая, будучи гораздо моложе мужа, должна была пережить его, и которая не могла не думать о томъ, что потеряетъ его до 40 лѣтъ. Она совершенно необыкновенная женщина. Глухонѣмая отъ роду, дочь очень богатыхъ родителей. Она имѣла преподавателемъ нѣкоего Ульриха, сотрудника аббата de Гѳре, который поселился у нея и занимался съ ней такъ успѣшно, что не только научилъ ее писать чрезвычайно правильно, но сдѣлалъ изъ нее ученую, геометра, математика, и сверхъ всего астронома, который вычисляетъ затмения и ходъ небесныхъ тѣлъ, какъ Lalande. Вѣроятно, природа одарила эту молодую особу большими способностями, но трудно знать, до какой степени напряженія можетъ дойти умъ, который никогда не разсѣвается никакими разговорами, абсолютно ничего не знаетъ о томъ, что творится вокругъ и въ обществѣ. Она появляется въ немъ съ спокойнымъ и серьезнымъ видомъ и я часто видѣлъ, какъ среди шума гостининой, она вынимала книгу изъ своего мѣшечка и садилась читать съ тѣмъ вниманіемъ, которое доступно другимъ только въ глубинѣ своего кабинета. Говорятъ, что она любила своего преподавателя и что родители, замѣтивъ это, хотѣли выдать ее замужъ, отправивъ г-на Ульриха. Несмотря на это, де Траць, обладавшій прекрасной наружностью, снискалъ расположеніе молодой дѣвушки и они зажили отлично. Потерявъ двухъ своихъ старшихъ дѣтей, онъ мнѣ часто говорилъ: „Если я умру раньше, чѣмъ мои дѣти будутъ въ состояніи замѣнить меня возлѣ матери, она будетъ самой жалкой женщиной. Кто сможетъ замѣнить ей меня!“

Я увѣренъ, что у нея такое нѣжное и любящее сердце, что если ей не на кого будетъ изливать его, она умретъ съ тоски и огорченья. Выйдя замужъ, она забросила высшія науки. Однажды, когда у нея былъ боленъ ребенокъ я, желая отвлечь ее отъ поглощавшей ее мысли, задалъ ей письменно нѣсколько астрономическихъ вопросовъ. Угадавъ мою цѣль, она написала мнѣ: „Ахъ, оставимте свѣтила небесныя, меня заботятъ зубы моего бѣднаго ребенка“. И она смотрѣла на меня такими нѣжными глазами, изъ которыхъ катились крупныя слезы, пронизавшія мнѣ всю душу. Мы довольно долго переписывались.

Ея письма были полны смысла и чувства и часто фразъ достойныхъ повторенія, благодаря ихъ точности сжатости и удивительной ясности. Однако же ея стиль не походилъ на стиль человѣка привыкшаго къ разговору. Посудите сами, сколько въ обыкновенной рѣчи, существуетъ оборотовъ фразъ, совершенно не встрѣчающихся въ книгахъ и которые ей были совершенно чужды. Для нея не было ничего

труднѣе, какъ понимать Мольера въ его самыхъ обыкновенныхъ пьесахъ какъ напримѣръ: *le Medecin malgré lui*, *L'Avare*; однажды я испачкала цѣлую тетрадь, стараясь заставить ее понять соль самыхъ остроумныхъ мѣстъ, и безуспѣшно, но стихи изъ „*Misanthrope*“, казалось, были ея роднымъ языкомъ: такъ она чувствовала и понимала ихъ красоту. Все носило у нея отгѣнокъ серьезности, которая являлась послѣдствіемъ того, что она не слышала никакихъ глупостей, ни пошлостей, не знала никакой игры словъ, каламбуровъ и тому подобнаго вздора . . . У нея остались только дѣти отъ 7 до 8 лѣтняго возраста и мать, которая съ ней не живетъ. Она не имѣетъ ни братьевъ, ни сестеръ и братъ мужа взялъ на себя завѣдываніе землей, дѣло, въ которомъ она ничего не понимаетъ. Извиняюсь, что заставилъ васъ цѣлый часъ путешествовать по Швейцаріи, но сага *patria* имѣетъ всегда свою прелесть, а я охотно поддаюсь той, какую имѣетъ для меня бесѣда о ней съ такимъ добрымъ человѣкомъ какъ Вы, такъ какъ и считаю Васъ способной интересоваться г-жею де Траць даже по одному только изложенію ея положенія. Возвращаясь къ Россіи я скажу, что она моя вторая родина, родина по усыновленію и мнѣ тоже очень дорога: она даже имѣетъ надъ той преимущество власти привычки, про которую говорятъ совершенно вѣрно, что она вторая натура. Я увѣренъ, что благодаря Вашей нелюбви къ свѣту, вечера у гр. Строгановой для Васъ гораздо пріятнѣе разныхъ собраний. Не могу сказать Вамъ, какъ часто я думаю о положеніи этой несчастной матери, которую я знаю хотя лишь съ виду. Какъ больно должны сжимать ея сердце всѣ торжества по случаю взятія Парижа, и какъ каждый новый успѣхъ долженъ беречь ея чувство потери! Ей остается лишь покорность волѣ Божіей и религія, которыя являются почти что синонимами. Боюсь, что сраженіе подъ Монмартромъ, гдѣ гвардія рѣшила побѣду, принесетъ намъ еще какія нибудь потери! какъ долго не ѣдетъ официальный курьеръ. Я стараюсь отвлечь свои мысли отъ политическихъ событій, пока не прійдутъ новыя вѣсти, такъ какъ длинные промежутки отъ курьера до курьера, утомляютъ меня, и мнѣ столько приходится волноваться, выслушивая тысячи нелѣпыхъ разсужденій бесполезныхъ въ лучшихъ случаяхъ, а въ большинствѣ случаевъ бессмысленно глупыхъ. У меня каждый вечеръ бываютъ гости, и если я начну говорить на эти темы и опровергать весь вздоръ, который заранѣе распространяется, я потеряю голосъ, силы, и буду въ изнеможеніи къ моменту, когда всѣ начнутъ расходиться. Такимъ образомъ я рѣшилъ только слушать, не вступая ни въ какіе споры, развѣ только съ добрымъ Титовымъ, который приходитъ просматривать со мной газету; я разъясняю ему то, что въ ней сказано и потомъ обсуждаю это. Мы

беремъ карту и шагъ за шагомъ слѣдимъ за Блюхеромъ, Шварценбергомъ и Велингтономъ. Кончается тѣмъ, что я привожу Титова въ удивленіе той быстротой, съ которой нахожу указанныя мѣста.

Исторійка Катеньки меня очень забавила; *princesse Boris* слишкомъ добра, что такъ скоро ее простила; а бѣдная Соня, всегда добрая скромная и естественная, которую обвиняютъ въ кокетствѣ и въ томъ, что она неприлично одѣвается, это слишкомъ жестоко! Я кончаю восьмую страницу, вотъ ужъ это называется болтать, не имѣя ничего сказать. Вините въ этомъ посланнаго *princesse Boris*. Она мнѣ сказала, что онъ будетъ здѣсь въ 10 часовъ, и потому я взялся за перо въ 9 ч., но вотъ уже скоро 11 ч. и никто не является.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ 20 апрѣля 1814 г.

И такъ кончено! Пьеса сыграна, занавѣсъ упала; теперь она поднимется для другого сюжета, и не Бонапартъ уже будетъ занимать міръ! Когда мысленно перебираешь все, что произошло и что происходитъ теперь, то думаешь, что это сонъ. Но какая развязка для этого ужаснаго человѣка! Какой конецъ! Можно ли было себѣ его представить? Я конечно его совершенно не предвидѣла. Признаюсь, что не будучи никогда поклонницей этого человѣка, я часто удивлялась ему, и всегда думала, что онъ пойдетъ на смерть во главѣ своихъ войскъ. Я считала его способнымъ на это мужество, но оказывается, что онъ самый трусливый изъ людей; оказывается, что ему хочется жить, и что онъ проситъ этого, какъ милости. Нѣтъ, это непостижимо! Своей собственной рукой онъ вычеркиваетъ изъ исторіи свое имя, и вновь погружаетъ его въ ту грязь, изъ которой вышелъ. Если о немъ будутъ говорить, то только какъ о разбойникѣ, авантюристѣ, похожемъ, какъ Вы говорили, на Пугачева. Наконецъ, онъ осужденъ передъ этимъ міромъ. Я думала, что извѣстіе о ссылкѣ на островъ Эльбу, было выдумкой нѣкоторыхъ газетчиковъ, но, какъ оказывается, оно вполне основательно и онъ самъ его избралъ. Всѣ очень интересуются, какъ и съ кѣмъ онъ поѣдетъ? Нельзя положиться на то, чтобы онъ туда доѣхалъ самъ, и это понятно. Что станетъ съ женщинами и со всей этой адской свитой? Я радуюсь, что троны будутъ очищены отъ всѣхъ типовъ, имѣющихъ касательство къ этой семьѣ, и что во всѣхъ краяхъ свѣта возстановится законность. Тогда вы должны будете пріѣхать въ Петербургъ, такъ какъ обѣщали это сдѣлать герцогу de serra-Carpiola; онъ мнѣ сказалъ. Впрочемъ, я требую, чтобы Вы сдержали Ваше

слово, только, если я сама буду здѣсь; безъ меня и не думайте прїѣзжать. Вы вѣроятно легко себя представляете, что здѣсь происходило во время празднествъ. Въ Казанскомъ Соборѣ былъ молебень, куда насъ всѣхъ заставили явиться въ большомъ парадѣ, послѣ чего обѣдъ во дворцѣ на 180 человекъ, чудная иллюминація, продолжавшаяся три дня подрядъ; многіе говорятъ, что лучшей иллюминаціи никогда не видывали. Купечество дало великолѣпный обѣдъ Кутузову, прибывшему съ извѣстіемъ о взятіи Парижа, и поднесло ему въ чудной серебряной вазѣ 4 тысячи дукатовъ, онъ взялъ вазу, а 50 тысячъ рублей отдалъ пострадавшимъ жителямъ Москвы: поступокъ тѣмъ болѣе достойный похвалы, что онъ совсѣмъ не богатъ. Я провела съ нимъ вечеръ у графини Строгановой, и онъ очень интересно рассказывалъ о вступленіи въ Парижъ, но передавать Вамъ его рассказъ было бы безъ конца. Я думаю, что сегодня прибудетъ курьеръ, который принесетъ намъ вѣсти о признаніи маршалами настоящаго положенія вещей, а также объ островѣ Эльбѣ. Третьяго дня мы получили много иностранныхъ газетъ, между прочимъ Ораклъ, который издается въ Брюсселѣ. Тамъ говорится о всѣхъ собраніяхъ законодательнаго корпуса, о рѣчахъ членовъ временнаго правительства и подробныхъ дѣйствіяхъ Государя. Часть всего этого будетъ напечатана въ Консерваторѣ, который Вы прочтете. Вообще газеты будутъ очень интересны. Кутузовъ мнѣ сказалъ, что графъ Остерманъ такой же съумасшедшій какъ и онъ, но что онъ сильно страдаетъ отъ своихъ ранъ и груди.

XXVIII.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ. 25 Апрѣля 1814 г.

Я отсюда вижу ту радость, которую вызвало въ Москвѣ взятіе Парижа, и это вполне понятно; тамъ должны больше цѣнить значеніе этого событія. Мнѣ кажется, что въ этотъ день даже сами развалины должны были принять другой видъ. Хотя и у насъ тоже были большія торжества и трехдневная иллюминація заставила весь городъ быть на улицѣ отъ 8 ч. вечера и до часу ночи, исключая всетаки меня, такъ какъ я ограничилась первымъ вечеромъ.

Мы получили много свѣжихъ извѣстій изъ Парижа отъ 3 Апрѣля. Всѣ эти молодые люди сходятъ съума отъ радости, что они тамъ. Сыновья *princesse Boris* пишутъ цѣлые тома, они дѣйствительно въ

опьяненіи. Капуа положительно имѣетъ свои прелести. Андрей прислалъ множество газетъ, стиховъ, и брошюру Шатобріана, которую вы непременно получите съ этимъ самымъ курьеромъ, такъ какъ г-жа де Нуазевиль перепечатала ее у Плюшара, гдѣ ее рвутъ другъ у друга. Она Вамъ понравится по своему краснорѣчію и глубинѣ чувствъ. Что же касается до Государственнаго устройства, то видно, что всѣхъ этихъ людей преслѣдуетъ лишь одна мысль, одно желаніе, одно опасеніе—это деньги. Желаніе сохранить то, что они имѣютъ и страхъ потерять это, вотъ о чемъ они только и думаютъ, остальные же заботы отходятъ на второй планъ. Это низкая нація, легко уступающая силѣ вещей и неспособная по своему истинному характеру, показать никакой устойчивости и истинной цѣнности. Всѣ эти присоединенія, которыя какъ дождь сыпятся со всѣхъ сторонъ, положительно жалки; самые изверги и заядлые изъ нихъ стараются показать себя наиболѣе ревностными въ сверженіи ига своего идола.

Вы можете, господа Французы, быть очень любезными блестящими и умными, но что же касается до національнаго духа,—вы ничто больше, какъ дрянь. Вы храбры только лишь на полѣ битвы, внѣ его вы соперничаете въ низости и подлости! Впрочемъ, мнѣ до всего этого нѣтъ дѣла, лишь бы Россія обрѣла прочное спокойствіе. Множество людей было поглощено за два послѣднихъ года; пора наконецъ отдохнуть и вздохнуть свободно. Я ни за что не желала бы быть на мѣстѣ Людовика XVIII.

Имѣя въ виду людей, захватившихъ кормило правленія, я нахожу что роль его чрезвычайно тяжела. Ему придется стать покорнымъ слугою Тайлера, въ рукахъ котораго ядро этого дѣла, или же отстранить его и его сторонниковъ рискуя въ скоромъ времени подвергнуться множеству огорченій и противорѣчій. Работа тяжелая въ его годы. Какъ вы на это смотрите? Думаете ли вы, что все это послужитъ королю на пользу? Дай Богъ, такъ какъ я очень люблю Монархію и желала бы, чтобы власть пользовалась уваженіемъ. Говорятъ, что Императоръ Александръ не будетъ ждать Людовика XVIII въ Парижѣ. думаютъ, что онъ поѣдетъ въ Англію и вернется къ коронованію короля. Но насколько это вѣрно. я не могу вамъ сказать. Можетъ быть, эти новости выдуманы здѣсь. Вотъ еще одна, которая васъ удивитъ. Princesse Michel выдаетъ свою старшую дочь замужъ за прекраснаго *Идеала*, иначе сказать за маркиза де Ферци. Это вещь уже рѣшенная такъ, какъ она уже объявила о ней своему зятю, который такъ и разинулъ ротъ; что же касается до меня, princesse Boris

и г-жи де Нуазевиль, то насъ это безразсудство нисколько не удивило, мы были вполне къ этому готовы такъ, какъ думали, что кромѣ арестанта, никто не захотѣлъ бы жениться на этихъ барышняхъ. Мысленно я давно уже ихъ пристроила: одну за этого самаго Ферци, а другую за Кастри, или за Шабана, или же можетъ быть за Gabatin, сына депутата Соединенныхъ Штатовъ. Видите, я не ошиблась. *Идеаль*, какъ рассказываетъ *princesse Michel*, влюбился въ Лизу 19 Декабря, а 19 Марта сдѣлалъ ей предложеніе безъ всякихъ церемоній, что привело въ такой восторгъ нашу сумасбродную дѣвицу, что она съ своего собственнаго согласія бросилась ему на шею, чтобы благодарить его за эту честь. Вотъ что она рассказала князю Борису, который никакъ не можетъ опомниться отъ неожиданности, и который всѣми силами старался отговорить ее отъ этого. „Теперь ужъ поздно“, отвѣтила она. „Моя дочь его любитъ, онъ любитъ мою дочь, я люблю его тоже, я согласилась, и все кончено“. И такъ какъ зять ея собирался разглагольствовать дальше, „это бесполезно“, прервала она его еще разъ. „Лиза стала мнѣ въ тягость, ей 24 года и пора ее пристроить, что не такъ легко сдѣлать, такъ какъ она не хочетъ ни Браницкаго, ни Чернышова, ни Голицына, ей нравился только графъ Воронцовъ, который, какъ мнѣ кажется, весьма далеко отъ желанія жениться и, принявъ все это во вниманіе, я не вижу кто бы могъ подойти ей больше маркиза. Не понимаю, какъ князь Борисъ могъ оставаться серьезнымъ, мнѣ кажется, я умерла бы отъ смѣха. Постижимо ли, что она говоритъ, что ея дочь не хочетъ ни того, ни этого, когда никто изъ тѣхъ, кого она назвала, никогда о ней и не думалъ! Это равносильно тому, что я стала бы увѣрять, что отказала Великому Визирю. Въ концѣ концовъ, вмѣсто того, чтобы разсердиться, зять умолялъ ее не спѣшить; но такъ какъ она уже отвѣтила полнымъ согласіемъ на его предложеніе, то къ этому нечего возвращаться, а только ждать какогонибудь повелѣнія для заключенныхъ вообще. Надо сознаться, что *Идеаль* очень красивый парень и хорошаго происхожденія, несмотря на то, что родомъ изъ страны Орлекиновъ (Италія). Мать его рожденная Пальфи, и онъ получить хорошее состояніе по смерти какого-то дяди; онъ полонъ талантовъ, и я вполне понимаю, что онъ можетъ нравиться. Но что же соблазнило его? Я совершенно не понимаю, такъ какъ Лиза ни красива, ни мила. Итакъ она невѣста, и если вы хотите сблизиться съ ея матерью, то для васъ будетъ прекраснымъ случаемъ написать ей и поздравить ее съ ниспосланнымъ ей счастьемъ. Не знаю, рассказала ли вамъ г-жа де Нуазевиль эту исторію, но въ случаѣ, если она этого не сдѣлала, не говорите съ ней объ этомъ первый. Хорошо ли вы себя представляете, какъ будутъ смѣяться надъ этой свадьбой и какія нелѣ-

пости рассказывать по ея поводу? Что же касается нелѣпостей, то меня ужасно насмѣшила нелѣпость Титова, который не хочетъ, чтобы Толстая гуляла по бульвару въ 12 ч. дня, его гнѣвъ такъ забавень, что я прочла эту часть Вашего письма у графини Строгановой. Надъ нимъ очень смѣялась г-жа Апраксина. Особенно характерной показалась намъ ярость Титова и его выраженіе: женщина не двусмысленная. Онъ является комическимъ истцомъ этого ложнаго взгляда на честь, въ чемъ я не разъ убѣждалась; но со всѣмъ этимъ онъ, какъ вы говорите, лучший изъ людей и прекрасный другъ. Особенно меня радуютъ ихъ хорошія отношенія съ графиней.

Теперь, что война кончилась, всѣ наши герои вернутся въ восторгъ отъ вполне заслуженныхъ ими лентъ и крестовъ. Одинъ лишь графъ Толстой вернется съ тѣмъ, съ чѣмъ уѣхалъ, ничего не сдѣлавъ. Боже, какъ меня огорчаетъ его дурацкій походъ! Чинамъ и лентамъ я не придаю большаго, чѣмъ слѣдуетъ, значенія, но дѣйствительная и хорошо выполненная служба для меня много значить. Вотъ почему мнѣ жаль Толстого. Привести 6000 мужиковъ и стоять передъ крѣпостью, которая пала сама собой, это ужасно! Г-жа Толстая должна быть особенно огорчена, такъ какъ ея совѣты повліяли на поступки мужа. Ахъ! если бы она предоставила ему дѣйствовать какъ другіе.

Вчера я видѣла Маркова, который грозитъ тѣмъ, что уѣдетъ въ Подолію, черезъ Москву конечно. Скажите мнѣ рѣшено ли это окончательно и что вы думаете дѣлать съ собой? Мнѣ очень не хочется, чтобы вы запирались тамъ на два года и мнѣ будетъ очень непріятно, если я не увижу васъ въ Москвѣ. Неужели вы думаете ѣхать съ Марковымъ. Ничего не говоря моей теткѣ, я думаю лѣтомъ ее навѣстить. Лишь бы у Апраксиной, которая хочетъ вернуться въ Львовъ, нашлось мѣсто въ каретѣ для меня и моей горничной, тогда я сейчасъ бы уѣхала, чтобы избавиться отъ всѣхъ празднествъ, которыя по возвращеніи Государя будутъ устраиваться въ честь мира. Вотъ бы было прекрасно, если бы я васъ не застала въ Москвѣ! Прощайте.

Вашъ рассказъ о г-жѣ де Трацъ весьма интересенъ, и я вполне понимаю, какъ она должна быть несчастна, потерявъ мужа. Если m-elle Sybourg не сообщила вамъ этого сама, то потому, что не знала, какъ васъ найти, она не знала, что вы въ Москвѣ.

На этихъ дняхъ пойду къ ней и буду много говорить о васъ. Вчера пріѣхалъ Строгановъ. Вотъ уже два дня, что я не видѣла его жены.

XXIX.

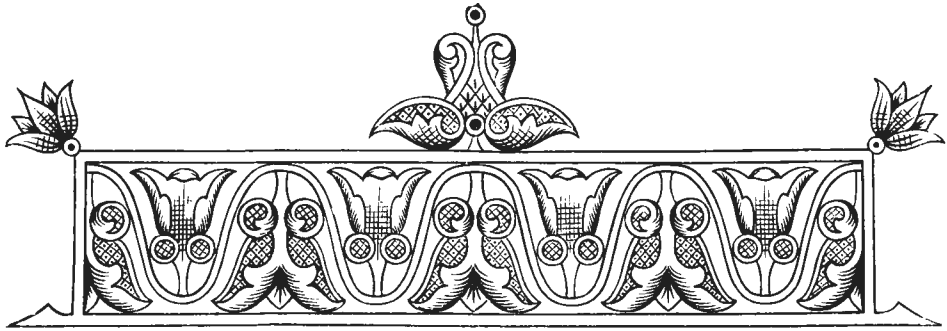
Кристинь.

Москва 1 Мая 1814 г.

Я думаю то же, что и вы объ упадкѣ Французской націи, которая отвратительна до послѣдней степени. Она обожала своихъ королей и вмѣстѣ съ тѣмъ, спокойно смотрѣла, какъ горсть негодяевъ рѣзала лучшаго изъ нихъ и тащила всю его семью на эшафотъ, она рукоплескала этой рѣзнѣ, и посылала со всѣхъ концовъ Франціи поздравленія цареубійственной конвенціи. Когда Парижъ хотѣлъ стать за своихъ князей въ 1795 году, Бонапартъ разстрѣлялъ на улицахъ Парижа 1500 молодыхъ людей; это дало ему генеральскій чинъ, и съ этого дня онъ сталъ героемъ въ глазахъ этой легкомысленной и жадной до всего новаго націи.

Пока онъ грабилъ Италію, она рукоплескала 17 фруктидору, изгнавшему въ Капенскія Пустыни одного изъ своихъ директоровъ и 24-хъ членовъ совѣта старѣйшинъ, единственнымъ преступленіемъ которыхъ была открытая преданность Бурбонамъ. По этому поводу новые адреса, 18 Брюмера, они безумствовали, сдѣлавъ Бонапарта консуломъ. Его сдѣлали Императоромъ, онъ угнеталъ, тиранилъ, а передъ нимъ продолжали преклоняться.

Калужская провинція во второй четверти XVIII-го вѣка.

I. Помѣщики.

Въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго обширныя земельныя владѣнія, нѣкогда составлявшія „волости“ удѣльныхъ княжествъ: Тарусскаго, Воротынскаго, Одоевскаго, Козельскаго, Мезецкаго (Мещовскаго), Мосальскаго и Оболенскаго, взяты были за государя у ихъ законныхъ собственниковъ „княжатъ“ — потомковъ удѣльныхъ князей, и причислены къ составу земель „опричины“. На родовыхъ вотчинахъ *княжатъ* Иванъ Васильевичъ Грозный и его ближайшіе преемники „испомѣтили“ новокрещенныхъ татарскихъ мурзъ, принявшихъ московское подданство ливонскихъ плѣнниковъ, поступившихъ на государеву службу иноземцевъ и разныхъ городовъ новиковъ.

Въ годы Смутаго времени этотъ неуспѣвшій еще пустить глубокіе корни въ край помѣщичій классъ былъ безъ остатка сметенъ съ лица земли, и въ царствованіе Михаила Федоровича началось испомѣщеніе на за-оцкихъ (за-окскихъ) „пустовыхъ“ и „порожныхъ“ земляхъ новыхъ помѣщиковъ и новыхъ вотчинниковъ.

Тогда именно осѣли здѣсь Ртищевы, Соковнины, Хитрово, Лопухины, Нарышкины, Милославскіе, Чичерины и другіе старыя дворянскіе роды. Въ перемежку съ ними водворены были иноземцы, принявшіе православіе: офицеры солдатскихъ, рейтарскихъ и драгунскихъ полковъ— Десли, Гамльтоны, передѣланные сперва въ Гамолтовыхъ, а затѣмъ въ Хомутовыхъ, и другіе.

Въ первой половинѣ XVIII-го вѣка получили здѣсь обширныя владѣнія: Анна Монсъ (въ 1703 году ей было пожаловано въ Козель-

скомъ уѣздѣ, въ послѣдствіи отобранное, село Дудино съ 295 дворами), Балкъ, графъ Брюсъ, Головкинъ, Бестужевы-Рюмины, Шепелевы, Чернышевы, Нарышкины, Шуваловы и многіе другіе „случайные“ люди— фавориты и фаворитки Петра Перваго и его ближайшихъ преемниковъ.

Къ пятидесятымъ годамъ XVIII-го вѣка всѣ „порожнія“ и „пустовыя“ земли Калужской провинціи уже были испомѣщены. Здѣсь сидѣлъ многочисленный и весьма пестрый по происхожденію и по достатку дворянскій классъ.

Проживавшіе въ столицахъ и за-границей русскіе вельможи рѣдко и неохотно заглядывали въ свои обширныя Калужскія вотчины, и управляли ими черезъ довѣренныхъ лицъ и приказчиковъ. Зато неудержимо стремились въ свои родныя гнѣзда помѣщики средняго достатка и многочисленная мелкопомѣстная шляхта. Всякими правдами и неправдами, избывая ненавистную военную службу и сокращая годы обязательной выслуги ссылками на увѣчія и нездоровіе, ѣхали они въ свои деревни и села и верхомъ благополучія считали, когда удавалось имъ, получить чистую отставку, водвориться, наконецъ, на покой въ своей усадьбѣ или въ своемъ родовомъ дворѣ. Они благоденствуютъ въ провинціальной глуши, хлопотливо ведутъ свое несложное хозяйство, тѣшатъ себя охотой, пирушками, поѣздками по окрестнымъ помѣщикамъ. Зачастую мирный досугъ прерывается ссорой съ непокойнымъ завистливымъ сосѣдомъ.

Иногда заскучавшій помѣщикъ, какой-нибудь отставной капраль или каптенармусъ „безмѣрною наглостью своею“ учинялъ то или другое „озорничество“; потерпѣвшіе ѣхали въ уѣздную воеводскую канцелярію, подавали на обидчика челобитную. За челобитіемъ слѣдовалъ сыскъ. Обычно обидчикъ, „избывая наказанія“, запирался въ своемъ озорничествѣ, дѣло затягивалось, начиналась столь характерная для XVIII вѣка длительная „волокита“. По нѣскольку лѣтъ тянулось разбирательство дѣла; виновный укрывалъ причастныхъ къ нему свидѣтелей, стараясь „изубытчить“ своего противника расходами на судебныя пошліны. Окончательному разбирательству предшествовали неоднократныя „отсрочныя“ записи— „полюбовныя сказки“ тяжущихся лицъ.

Отсутствіе въ XVIII вѣкѣ точно установленныхъ межевыхъ границъ открывало безконечный просторъ для всякаго рода земельныхъ споровъ и тяжбъ. Инструментальнаго размежеванія въ то время еще не было учинено; межи опредѣлялись естественными или искусствен-

ными признаками: нерѣдко по разливу воды, полету птицъ, „коровьему рыку“ или „куда соха, коса и топоръ ходили“. При наличіи столь неопредѣленныхъ межевыхъ признаковъ, конечно, возникали между владѣльцами споры, порождались нескончаемыя судбища. Очень часто споры заканчивались дракою между крестьянами смежныхъ помѣщиковъ; дерущіеся увѣчили другъ друга; произведенная потасовка вливала новыя жалобы въ тяжebное дѣло. Сплошь и рядомъ такое-же спорное дѣло возникало между помѣщикомъ и сосѣднимъ монастыремъ. Монастыри въ то время владѣли большими площадями земли.

Иногда мирное теченіе жизни нарушалось разбойнымъ нападеніемъ на усадьбу воровскихъ людей.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка всю южную часть Калужской провинціи занимали обширныя, дремучіе лѣса. И сейчасъ въ этомъ топкомъ болотистомъ краѣ есть уголки, гдѣ, образно выражаясь, нога человѣческая не ступала, а въ XVIII вѣкѣ онъ сплошь представлялъ изъ себя дикую первобытную страну, гдѣ вѣковые дубравы и дремучіе боры являлись вѣрнымъ притономъ разнымъ бѣглецамъ, „невѣдомымъ“ и темнымъ людямъ. Это были, воспѣтые въ пѣсняхъ и былинахъ, знаменитые *брынскіе* лѣса. Они не только давали надежную защиту отъ глазъ властей, но и служили также торною дорогой къ Польскому рубежу: черезъ нихъ пролегалъ безопасный путь къ Подольской границѣ — излюбленному мѣсту, обѣтованной землѣ для бѣглыхъ холопей и бѣглыхъ крестьянскихъ женокъ. Разсылныя воинскія команды, нарочито назначенныя для розыска и поимки всякихъ бродягъ, воровъ и разбойниковъ, рѣдко заглядывали въ эти лѣса. Въ ихъ темномъ дикомъ привольѣ безопасно собирались добрые молодцы — буйныя головушки, собирались челоуѣкъ по пятидесяти — по сту, а когда и больше. Выбравъ атамана, наѣзжали они оттуда на украинныя мѣста „разбивать“ и грабить помѣщичьи усадьбы. Мучительски, „смертнымъ боемъ“, били помѣщиковъ, вымѣщая на нихъ накопившуюся долгую злобу за претерпѣнныя обиды, за свое безправное положеніе; пытали и жгли ихъ огнемъ, допытываясь, гдѣ схоронена богатая казна ихъ. Когда не было на лицо помѣщиковъ, платились за нихъ своею шкурою ихъ приказчики и старосты.

Такія-то вотъ дѣла творились двѣсти лѣтъ тому назадъ въ нынѣшней Калужской губерніи. Такія дѣла длинной вереницей встаютъ передъ нами при разборѣ старыхъ, на половину уцѣлѣвшихъ архивовъ воеводскихъ канцелярій бывшей Калужской провинціи,

II. Побѣгъ недоросля.

Строгъ и крутенекъ былъ царь Петръ Алексѣевичъ, на судъ-расправу куда какъ скоръ, но въ глазахъ его современниковъ было то еще полбѣды, самая бѣда была въ томъ, что ужъ очень царь податливъ былъ на иноземные порядки, на всякія хитрыя ихъ выдумки.

И встарь російское шляхетство службу военную правило, въ походы ходило, землю русскую отъ бусурманъ и иныхъ супостатовъ оберегало, — указывали, ворчавшіе на эти новшества, старики дворяне: служило оно государямъ вѣрою и правдою, и жаловали цари Московскіе дворянъ за ту ихъ службу помѣстьями и вотчинами, казной денежной; жаловали и честили высокими чинами дворцовой службы. Но не было въ тѣ поры доуки такой, чтобы напередъ ратной службы дворянскихъ дѣтей съизмальства въ *обязательную* науку опредѣляли, четырехкратно на экзамены вытребовали. Зачалось то съ царя Петра Алексѣевича. Не лучше стало и при преемникахъ его.

Съ семи лѣтъ начинали учить дите. На тотъ случай даже порядокъ особый повелся, а скоро и въ обычай сталъ онъ. Начинали учить мальчика на двѣнадцатомъ мѣсяцѣ, въ Декабрѣ, на первое число его, въ день памяти Наума-Грамотника, а держались порядка такого затѣмъ, что старые люди указывали, что святой тотъ *на умъ* ребячь наводитъ. Учителемъ обычно были: либо дьяконъ, либо дьячекъ — поповскій иль дьяконскій сынъ. Напередъ рядились съ нимъ, сколько возьметъ онъ за ученіе, добро торговались: безъ ряду на Руси ни одно дѣло не могло статься.

Какъ подобаетъ во всякомъ добромъ начинаніи, передъ началомъ ученія шли въ церковь Божию помолиться; молились передъ иконой, что наипаче въ приходѣ почитается; служили молебень, испрашивая благословеніе на отрока.

Въ указанный часъ приходилъ учитель. Ласковымъ словомъ, съ честью встрѣчали его родители мальчика, съ поклонами подъ образа въ передній уголъ сажали. Отецъ, взявъ за руку сына, съ рукъ на руки передавалъ его учителю, прося наставлять отрока уму-разуму, а лѣность „безъ увѣчья добре наказывать плеткою“. Ученикъ учителю сотворялъ три земныхъ поклона, а учитель осторожененько троекратно стегалъ его по спинѣ плеткою. Мать, худой молвы остерегаючись, должна

была, стоя у дверей, „во весь голосъ голосить“, „жалиться“ и плакать по сынѣ. На послѣдъ того усаживала она сына за столъ, вручала ему узорчатую указку и, усугубивъ свой плачь (добрая мать не должна была глотки и слезъ для сына жалѣть), усердно молила учителя, чтобы онъ не очень мучилъ ея дитя.

„Азъ-земля-еръ-азъ“ —возглашалъ учитель, и ученикъ, указкою по букварю вода, долженъ былъ повторять мудренныя названія литеры аза.

На первый урокъ дальше аза не шли; крѣпко держались старыхъ мудрыхъ пословицъ: „тише ѣдешь—дальше будешь“, „поспѣшишь—людей насмѣшишь“.

Послѣ урока устраивали учителю угощеніе, потчивали всякой снѣдью и питьемъ и одаривали его подарками: отецъ—платьемъ и хлѣбомъ, мать—своеручно изготовленнымъ полотенцемъ. До воротъ провожали учителя. Наутро ученикъ съ азбукой самъ шелъ къ нему, а слѣдомъ за нимъ несли материнскій гостинецъ учителю—живность мелкую; предпочтительно, птицу домашнюю.

Семи лѣтъ недоросля (такъ звали встарину дворянина недостигшаго служебнаго совершеннолѣтія) ставили на первый смотръ начальству и его заносили въ служилые списки. Двѣнадцати лѣтъ ставили на второй смотръ, и на томъ смотру начальство пытало его, сколь онъ въ грамотѣ и письмѣ силенъ. На семнадцатомъ году долженъ былъ объявиться недоросль на третій смотръ, либо въ Санктъ-Петербургъ, либо въ Москву, при Сенатѣ или Сенатской Конторѣ. На томъ смотру испытывали его, сколь онъ гораздъ по ариѳметикѣ и геометріи. Когда недоросль „добрыхъ“ отвѣтовъ не давалъ, опредѣляли его безъ выслуги въ матросы; а тѣхъ, кто оказывались достаточно подготовленными, зачисляли въ Сухопутный Кадетскій корпусъ или въ Артиллерійскую школу.

На послѣдній смотръ ставился недоросль двадцати лѣтъ. Послѣ того перечисляли его въ *новики* и онъ начиналъ свою службу, сперва рядовымъ гвардіи, а за тѣмъ по выслугѣ, переводили его въ офицерскомъ чинѣ въ армію.

Таковъ былъ порядокъ въ то доброе старое время, къ которому относится описанный ниже побѣгъ недоросля Серпейскаго уѣзда Самойлы Чебышева.

Іюля 13 дня 1750 года поступилъ въ Серпейскую воеводскую канцелярію указъ изъ Московской Адмиралтейской Конторы, а въ томъ указѣ было показано:

„Прошлаго 1749 года Декабря 20 дня присланъ былъ въ Московскую Адмиралтейскую Контору, явившійся въ Герольдмейстерской Конторѣ, недоросль Самойла Чебышевъ. Тотъ недоросль въ герольдіи сказкою показалъ: отъ роду ему 17 лѣтъ; грамотѣ и письму онъ обученъ; родомъ изъ дворянъ (сынъ неслужащаго за болѣзнию отца); крестьянъ за нимъ въ Серпейскомъ уѣздѣ 37 душъ; на смотрахъ онъ, Чебышевъ, не бывалъ, а при нынѣшней ревизіи явился въ 1749 году въ Серпейскомъ уѣздѣ, токмо въ той ревизіи съ нимъ ничего не учинено и письменнаго вида ему не дано. По силѣ именного Ея Императорскаго Величества указа 1742 года Декабря 11 дня, опредѣлено было написать *ею вѣчно въ матрицы*, и для того присланъ онъ былъ въ Московскую Адмиралтейскую Контору, откуда при случившейся оказіи надлежало послать его въ Санктъ-Петербургъ въ Государственную Адмиралтейскую Коллегію. Въ ожиданіи оказіи Контора постановила, доколѣ ему, Чебышеву, посылки въ Санктъ-Петербургъ не будетъ, отдать его на росписку Санктъ-Петербургскаго пѣхотнаго полка сержанту Поликарпу Загарину съ обязательствомъ, что-бы ему, Чебышеву, за тою роспискою являться въ Адмиралтейской Конторѣ по вся дни и безъ вѣдома оной Конторы съ Москвы не отлучаться. Но оный недоросль Чебышевъ не токмо не явился въ оную Контору, но и по многимъ посылкамъ не сысканъ.

„Того ради запросила о немъ Контора сержанта Загарина, токмо онаго въ Москвѣ не оказалось: отправился онъ съ полкомъ въ походъ, и тотъ полкъ нынѣ въ Твери обрѣтается. Послана была въ полковую канцелярію промеморія, которой затребовано взять у Загарина извѣстіе, гдѣ реченный недоросль обрѣтается и чего ради при отбытіи изъ Москвы не объявилъ въ Адмиралтейской Конторѣ того извѣстія и понынѣ не присылаетъ. Въ силу присланнаго изъ Государственной Адмиралтейской Колегіи указу велѣно было недоросля Чебышева разыскивать на роспищикѣ сержантѣ Загаринѣ, но за отбытіемъ его Загарина изъ Москвы, какъ выше показано, разыскивать не на комъ.

„За всѣмъ тѣмъ опредѣлила Московская Адмиралтейская Контора послать указъ въ Серпейскъ въ воеводскую канцелярію, въ которомъ написать, дабы помянутый сбѣжавшій недоросль Чебышевъ сысканъ былъ и, какъ сысканъ будетъ, то прислали-бы его въ Москву въ

Контору немедленно на его коштѣ; а буде онъ тамъ не найдется, то, гдѣ онъ имѣеть деревни, послать туда и, взявъ его людей и крестьянъ, держать ихъ подѣ карауломъ, доколѣ тотъ недоросль бѣглый не явится“.

Приказывая учинить все изложенное, Контора предписывала о полученіи ея распоряженія и исполненіи его „репортовать въ указанный срокъ неотложно“.

Помѣтою серпейскаго воеводы Якова Мансурова опредѣлено было немедленно послать съ инструкціей кого надлежитъ за Чебышевымъ, а если-бы онъ отъ посланных укрылся, взять надлежащее число его людей и крестьянъ для содержанія ихъ подѣ карауломъ, пока онъ не явится, и потомъ привести въ воеводскую канцелярію и объявить при доношеніи. За недорослемъ Чебышевымъ командированъ былъ „разсылщикъ“ Антонъ Хохловъ.

Имѣніе Чебышевыхъ находилось въ Мощинскомъ станѣ; родовой ихъ вотчиной было сельцо Аристово. Недоросля Самойлы Чебышева въ сельцѣ Аристовѣ не оказалось. Дать сказку о немъ пріѣхалъ отецъ его Андреянъ Патрикеевъ Чебышевъ. Допрошенный 26 Іюля того-же 1750 года въ серпейской канцеляріи, Андреянъ Чебышевъ показалъ:— „Сынъ мой Самойла въ прошломъ 1749 году генварѣ мѣсяцѣ, а въ которомъ числѣ не упомяну, явился собою въ Москвѣ въ Герольдмейстерской Конторѣ, а нынѣ гдѣ оный сынъ мой Самойла Чебышевъ обрѣтается, о томъ я Андреянъ Чебышевъ не извѣстенъ. Крестьянъ за нимъ, сыномъ моимъ, въ Серпейскомъ уѣздѣ не имѣется, а имѣются за мною, его отцомъ, въ этомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Аристовѣ, крестьяне, и не 37, а только 30 душъ.

Показаніе свое Андреянъ Чебышевъ изложилъ и „на письмѣ“, добавивъ, что въ сказкѣ своей показалъ онъ сущую правду. Показаніе его не дало ничего новаго для выясненія мѣстопробыванія бѣглеца. Объявился онъ въ канцелярію только затѣмъ, что-бы въ своей сказкѣ подчеркнуть, что за сыномъ его крестьянъ не имѣется, и такъ какъ онъ за сына не отвѣтчикъ, то и брать его людей и крестьянъ подѣ караулъ не пристало.

Серпейская канцелярія о всемъ изложенномъ донесла Конторѣ. Удалось-ли сыскать бѣглеца, изъ дѣлъ Серпейской канцеляріи не видно. Въ сельцо Аристово, можетъ быть, какія либо вѣсти о немъ и доходили, но тамъ предпочитали о томъ помалкивать: и въ арміи то тяжела

служба солдатская, а въ матросахъ, да еще притомъ вѣчно, и совсѣмъ не было радости служить.

III. Насильникъ.

Благодарная офицерамъ и солдатамъ за возведеніе ея на престолъ, Императрица Елизавета Петровна, особенно въ первые годы своего царствованія, смотрѣла очень снисходительно на поведеніе военныхъ чиновъ. Случаи грубыхъ, а подчасъ и кровавыхъ насилій надъ обывателями настолько участились, что прусскій посланникъ Мардфельдъ счелъ нужнымъ освѣдомить о семъ своего короля. Особенно своевольничали лейбъ-компанейцы.

— „Они отказываются покинуть дворецъ, гдѣ у нихъ прекрасное помѣщеніе,— пишетъ Мардфельдъ своему вѣнценосному корреспонденту,— и прогуливаются въ галереѣ, гдѣ Ея Величество собираетъ Дворъ; смѣшиваются съ высокопоставленными особами и понтируютъ въ фараонъ на томъ-же столѣ, за которымъ сидитъ Императрица. Ея расположеніе къ нимъ идетъ такъ далеко, что она уже подписала указъ, предписывающій чеканить на оборотной сторонѣ рубля фигуру гренадера. Я узналъ недавно, что одинъ гренадеръ хотѣлъ купить глиняный горшокъ за три копѣйки, а когда продавецъ отказался продать дешевле шести копѣекъ, онъ взялъ ружье и убилъ его наповаль“.

На отказъ великаго канцлера князя Черкаскаго удовлетворить ихъ требованіе, солдаты, когда имъ указали на его высокій санъ, не задумываясь отвѣтили угрозою:

— „Онъ важный баринъ, пока намъ заблагоразсудится!“

Въ Апрѣлѣ 1743-го года солдаты напали на своихъ офицеровъ изъ нѣмцевъ, игравшихъ въ трактирѣ на билльярдѣ.

— „Сволочи, собаки,— кричали они,— у насъ указъ убить васъ всѣхъ!“

Для поддерживанія дисциплины виновныхъ въ этомъ нападеніи присудили къ колесованію, но Императрица заступилась за солдатъ и казнь замѣнили простымъ перемѣщеніемъ гарнизона.

Конечно, указанные случаи были изъ ряда вонъ выходящими. Какъ ни какъ присутствіе Императрицы, а еще болѣе дисциплина и надзоръ начальства, въ значительной мѣрѣ сдерживали солдатъ гвардей-

скихъ полковъ отъ буйствъ и насилій въ столицѣ, но зато въ провинціи, гдѣ они, во время отпуска предоставленные самимъ себѣ, проживали обыкновенно въ своихъ родовыхъ вотчинахъ, они уже не стѣснялись вести себя съ обывателями такъ, какъ имъ заблагоразсудится. Уѣздные воеводы, связанные съ ними сословными интересами, соседствомъ, а часто кумовствомъ, свойствомъ или родствомъ, мирволили имъ, памятуя многіе примѣры неожиданнаго возвышенія вчерашнихъ солдатъ на самыя высшія ступени правительственной іерархіи. Если не личныя качества его самаго и удача—счастливая внѣшность или во время оказанная услуга царственной особѣ, то могли его выдвинуть на эти-же ступени „случай“ близкаго родственника, наконецъ, даже фаворъ друга-собутыльника. Со всѣмъ этимъ приходилось считаться воеводамъ, когда тотъ или другой гвардейскій солдатъ, а тѣмъ паче офицеръ, выкидывалъ какое нибудь колѣнце у себя на родинѣ.

Описанный ниже случай относится къ пятидесятымъ годамъ XVIII-го вѣка. Проживала въ то время въ сельцѣ Подберезьѣ Серпейскаго уѣзда. вдова дворянка Авдотья Васильевна Сумарокова. Сынъ ея, Иванъ Васильевичъ, служилъ въ это время солдатомъ; какъ дворянинъ. отбывалъ онъ службу въ этомъ званіи въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ. Другою половиною того-же сельца Подберезья владѣлъ Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ, генералъ и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеръ, оберъ-гофмаршалъ двора Ея Императорскаго Величества. Въ вотчинѣ Шепелева проживала крестьянка, его крѣпостная, Алена, по отцу Еремеева, а по мужу Власова. Была-ли та Алена дѣйствительно лицомъ пригожа, станомъ статна, иль чѣмъ другимъ притянулась барину Сумарокову, о томъ не вѣдомо, да и нужды доискиваться въ этомъ нѣтъ: еще издавна старые люди пословицу вѣрную сложили: „не по хорошему миль, а по милу хорошъ“.

Въ 1750-мъ году въ Октябрѣ пріѣхалъ молодой Сумароковъ на побывку къ себѣ домой. Пріѣхалъ на самый канунъ праздника Параскевы-Пятницы.

Въ долгіе осенніе и зимніе вечера, почитай, что до самыхъ Колядокъ, по издавна заведенному обычаю, собираются молодухи, дѣвки и парни деревенскіе другъ къ дружкѣ на посидѣлки, а въ Октябрѣ мѣсяцѣ такимъ посидѣлкамъ самый разгаръ. Поютъ бабы и дѣвки пѣсни любимыя, гуторятъ рѣчи веселыя, загадываютъ загадки мудреныя. На такихъ посидѣлкахъ молодые ребята съ дѣвками свыкаются, добрый молодець суженую себѣ высматриваетъ, красавица молодуха сердце своего полюбовника привораживаетъ.

Увидалъ Сумароковъ Алену на посидѣлкахъ. Приворожила къ себѣ его Алена, приворожить приворожила, но на грѣхъ съ нимъ, въ любовницы къ нему не пошла. Озлобился Иванъ Васильевичъ.— Не хочешь по доброй волѣ на постель ко мнѣ притти—рѣшилъ онъ—силкомъ возьму тебя.

И учинилъ онъ тогда большое, зазорное дѣло.

20-го Октября 1750 года объявились въ Серпейской воеводской канцеляріи трое крестьянъ Шепелева: два мужика и баба. Старшой изъ мужиковъ заявилъ:

— Состою я въ вотчинѣ господина моего, генерала Дмитрія Андреевича Шепелева, въ сельцѣ Подберезьѣ, старостою, а зовутъ меня Козьма Васильевъ. Приводные (приведенные) мною люди такожь крестьяне господина моего изъ того-жь сельца Подберезья: мужикъ—Абрамъ Власовъ, а баба, Алена,—жена, Абрамова брата, Степана Власова. Пришелъ я бить челомъ на помѣщика сельца Подберезья Ивана Васильевича Сумарокова и на крестьянъ его Василя Козьмина, Клима Васильева, Евсея Никитина и Карпа Трофимова въ учиненіи неслыханной и нестерпимой обиды.

Указавъ на свою неграмотность, просилъ староста писца канцеляріи, Якова Петрова написать отъ его имени „по формѣ“ челобитную, и въ челобитной показалъ:

„Сего 1750 года Октября съ 15-го на 16-е число означенный Сумароковъ, собрався съ людьми своими, незнаемо съ какого умысла пришелъ въ ночи яко разбойнически въ домъ къ крестьянину господина моего Аврааму Власову и билъ дубьемъ его, Авраама, да брата его родного, да Степанову жену Елену, Еремееву дочь, и всѣхъ домовыхъ (домашнихъ) онаго крестьянина; бивъ же, разогнали, а потомъ оныхъ крестьянина Авраама Власова и крестьянскую жену Елену Еремееву онъ, Сумароковъ, съ показанными людьми своими заволокли силою въ томъ же сельцѣ Подберезьѣ въ домъ свой помѣщиковъ. Крестьянина господина моего, Авраама Власова, въ томъ домѣ своемъ паки билъ мучительно ботожемъ и, бивъ (избивъ) его, приказалъ людямъ своимъ со двора своего въ той же ночи свести и бросить на улицѣ, почему вышеспредъявленные дворовые люди, взявъ его Авраама и, свевъ (сведя) со двора помѣщикова, бросили на улицѣ замертво, и оный крестьянинъ господина моего отъ того его мученія и надругательства едва возмогъ

опаматоваться и съ улицы до дому своего дойти. Вышеупоминаемую женку Елену Еремееву въ той же ночи онъ, Сумароковъ, взявъ къ себѣ сильно (насилно) на постель, чинилъ блудное ей насиліе многократно и по учиненіи того беззаконнаго блуднаго насилія, изъ дому своего отпустилъ по прошествіи той ночи и въ день (днемъ), то есть Октября 16 дня. Оныхъ крестьянина и крестьянку нынѣ привезъ я передъ Серпейскую канцелярію и объявляю при семъ челобитѣ: крестьянина къ осмотру на немъ боя (побоевъ), а женку въ насильномъ ей отъ означеннаго Сумарокова беззаконномъ блудѣ къ допросу.

И неудовольствуясь означенною наглою и беззаконною обидою, показанный помѣщикъ Сумароковъ еще похвалялся, какъ меня, такъ и крестьянъ господина моего показаннаго сельца Подберезья и деревни Левиной, гдѣ ни поймавъ, или пришедъ также въ ночи и въ домъ, бить и стрѣлять изъ ружей и колоть шпагою до смерти, отчего крестьяне господина моего, видя отъ него, Сумарокова, такое мучительство, имѣя страхъ, домовъ своихъ лишились. И дабы высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое челобитѣ въ Серпейской воеводской канцеляріи принять и записать въ книгу, а на привозномъ крестьянинѣ бои и раны осмотрѣть и описать, а женку въ насиліи блудномъ допросить обстоятельно и за вышеупоминаемымъ помѣщикомъ Сумароковымъ и за предъявленными людьми его Васильемъ Козьминимъ съ товарищи изъ Серпейской воеводской канцеляріи послать по инструкціи кого надлежитъ и, сыскавъ, противъ сего моего челобитя въ боѣ крестьянина и въ насиліи блудномъ женкѣ и въ похвальныхъ словахъ, изслѣдовавъ, допросить, а по допросу учинить съ нимъ, какъ о таковыхъ надругательствахъ и насильникахъ Вашего Императорскаго Величества права и указъ повелѣваютъ“.

Того-жъ числа согласно помѣтъ, положенной воеводою Яковымъ Мансуровымъ, на приводномъ (приведенномъ) крестьянинѣ Абрамѣ Власовѣ его „бой“ и раны въ Серпейской канцеляріи были осмотрѣны, при чемъ обнаружены были слѣдующія поврежденія: „подлѣ плечь синево и багровый знакъ, по спинѣ и по бокамъ, и по сѣдалищу, и по ногамъ бито плетми и батожемъ, и оттого раны, зная, и кровь запеклась“.

Въ качествѣ свидѣтелей присутствовали при осмотрѣ и „опись“ завѣрили Серпейской канцеляріи вахмистръ Алексѣй Морозовъ и солдатъ Егоръ Ивановъ.

Допрошенная того-же числа крестьянская женка Елена Власова показала:

— „Отъ роду мнѣ 25-ть лѣтъ. Крестьянка я Серпейскаго уѣзду Мощинскаго стану вотчины генерала Дмитрія Андреевича Шепелева—сельца Подберезья. Сего Октября съ 15-го на 16-е число помѣщикъ Иванъ Васильевичъ Сумароковъ, что въ деревнѣ Подберезьѣ въ дому матери своей, вдовы Авдотьи Васильевны, изъ полку прибывъ 13-го Октября, сейчасъ проживаетъ, собрався съ людьми своими, незнамо съ какого умыслу, пришелъ въ ночи въ домъ деверя моего Абрама Власова и билъ его, и меня, и всѣхъ домовыхъ (домашнихъ) дубьемъ. А опосля того изъ дому ихъ разогнали, а деверя моего и меня самою взяли въ домъ его матери, вдовы Авдотьи Васильевны. И тамъ Абрама тотъ самый Сумароковъ билъ батожемъ и, не довольствуясь тѣмъ, билъ его мучительски плетями, а напоследокъ приказалъ людямъ своимъ взять Абрама, свести со двора и бросить на улицѣ. И какъ бросили деверя на улицѣ одного-одинешенька замертво, насилу онъ отъ мученія того и надругательства возмогъ опаматоваться и съ улицы до дому своего дойти. А меня онъ самый Сумароковъ въ той ночи, у себя оставивъ, взялъ къ себѣ силою на постель и чинилъ блудное мнѣ насиліе многократно. А по учиненіи того блуднаго незаконнаго насилія, по прошествіи ночи, днемъ, отпустилъ меня, наказавъ никому не сказывать про то его блудное насиліе. И при томъ угроживалъ (угрожалъ) мнѣ: „ежели де ты, Алена, про то насиліе кому скажешь, гдѣ улуча тебя я застрѣлю, али до смерти убью инымъ чѣмъ“.

Завѣряла Алена воеводу и господъ приказныхъ, что напередъ того случая она съ нимъ, Сумароковымъ, ко блудному дѣлу никакого нигдѣ согласія не имѣла и что де въ семъ допросѣ сказала она самую сущую правду, ничего не утая.

По указу Серпейской канцеляріи велѣно было „пищику“ (писцу) Якову Петрову съ разсыльщиками ѣхать въ сельцо Подберезье и, взявъ тамъ Сумарокова, а также указанныхъ старостою его людей, доставить ихъ въ канцелярію къ допросу.

„Ѣхать вамъ въ Серпейскій уѣздъ—указывалось ему въ инструкціи—въ вотчину помѣщика Ивана Васильевича Сумарокова въ сельцо Подберезье, а не доѣзжая того сельца, взять соцкихъ, пятидесятскихъ, десятскихъ и тутошнихъ стороннихъ людей, сколько человекъ принад-

лежить (надлежитъ), и въ томъ сельцѣ Подберезьѣ взять означеннаго помѣщика Ивана Сумарокова и людей его Василія Козьмина, Клима Васильева, Евсевія Никитина, Карпа Трофимова...., а, взявъ, привести въ Серпейскую воеводскую канцелярію и объявить при доношеніи немедленно“.

Инструкція была написана 24-го Октября 1750 года, но въ командировку Яковъ Петровъ отправился только въ Ноябрь мѣсяцѣ, и повидимому, въ концѣ его, такъ какъ доношеніе о результатахъ его поѣздки значится поступившимъ въ Серпейскую воеводскую канцелярію въ Декабрѣ 1750-го года.

Доносилъ Петровъ, что, согласно инструкціи, онъ, взявъ съ собою стороннихъ людей, а именно Свято-Троицкой Сергіевой лавры „приселка“ Гнѣздилова сотскаго Якова Григорьева, да Ея Императорскаго Величества вотчины сельца Сычева сотскаго Арефія Михайлова, въ сельцо Подберезье ѣздилъ, но „оного помѣщика Сумарокова за укрывательствомъ его“ не взялъ, людей-же указанныхъ въ инструкціи не смогъ забрать съ собою затѣмъ, что мать Сумарокова „вдова Авдотья Васильева дочь, взять ихъ не дала и сказала, что тѣ люди не сына моего, но ея приданье (приданос)“. Мало того, своенравная вдова, повидимому, очень нелюбезно приняла посланнаго, такъ какъ тотъ съ немалою досадою добавляетъ: „велѣла она мнѣ нижеименованному отъ двора ѣхать съ честью“.

На доношеніи писца Якова Петрова воевода Яковъ Мансуровъ положилъ резолюцію: „Въ книгу отдать, въ повытѣ сообщить (пріобщить) къ отпуску, а за вышеобъявленнымъ Сумароковымъ и за людьми его послать вторично. Съ отпуску, по инструкціи печатныя пошлины прінявъ, по указу записать въ приходъ“.

Резолюція воеводы является заключительнымъ документомъ по „дѣлу по прошенію *и. Шепелева старосты Васильева о битіи *и. Сумароковымъ* крестьянина *Власова* и о изнасилованіи *женки*““. Было-ли предпринято воеводской канцеляріей что либо въ дальнѣйшемъ или, послѣ приличной „смазки“, дѣло на вѣки вѣчныя застряло „подъ сукномъ“ не извѣстно. Во всякомъ случаѣ, отъѣздъ въ полкъ Сумарокова могъ въ глазахъ воеводы послужить достаточнымъ поводомъ для прекращенія дѣла.*

IV. Безпокойный сосѣдъ.

Безъ малаго лѣтъ двѣсти тому назадъ проживали бокъ объ бокъ въ Мещовскомъ уѣздѣ, въ Сухиничскомъ стану, въ своихъ стародавнихъ родовыхъ вотчинахъ помѣщики Лабоденскій и Ергольскій. По книгамъ Вотчинной Коллеги во дни „блаженные и вѣчной славы достойныя памяти государыни и императрицы Анны Иоановны“ значились владѣльцами тѣхъ имѣній каптенармусъ Артамонъ Елизарьевичъ Лабоденскій и отставной прапорщикъ Григорій Лукичъ Ергольскій.

Артамонъ Елизарьевичъ по своему времени былъ человѣкъ съ большими достатками. Помимо земли въ селѣ Которцѣ, гдѣ онъ сосѣдиль съ помѣщикомъ Ергольскимъ, принадлежали ему въ томъ-же Мещовскомъ уѣздѣ села и деревни: Печки, Катовичи и Бѣляково. Земли при тѣхъ вотчинахъ было вдоволь, пашни и сѣнныхъ покосовъ, а при нихъ всякихъ угодій, съ избыткомъ. Ни въ чемъ нужды онъ не вѣдалъ, на имѣніе сосѣдское зариться ему не приходилось. Повидимому, не былъ онъ ни корыстнымъ человѣкомъ, ни сутягою, и возникшая у него съ Ергольскимъ ссора, а затѣмъ долготнее тяжebное дѣло объясняется исключительно его самодурствомъ, буйнымъ, удержу не вѣдающимъ нравомъ.

Произошла ссора изъ-за пашенной земли при селѣ Которцѣ. Началось съ побранки, а тамъ оба подали челобитныя. Указывалъ Ергольскій, что спорная земля издавна крѣпостями за нимъ укрѣплена, а Артамонъ Елизарьевичъ утверждалъ, что съ покоя въку пашня та старая родовая земля Лабоденскихъ. Даны имъ были два суда, а въ 1737 году выѣзжалъ даже на спорную землю отъ Мещовской канцеляріи писецъ Иванъ Смирновъ, да только толку изъ того не вышло и судное ихъ дѣло къ концу ни на волосъ не подвинулось. Пуще прежняго злобился каптенармусъ Лабоденскій на своего' сосѣда, пуще прежняго, къ дѣлу и не къ дѣлу, чистилъ его людямъ добрымъ бранными, да поносными словами.

А тутъ, какъ на грѣхъ, довелось какъ-то Которецкому старостѣ Степану Фролову, крѣпостному Ергольскаго, ненарокомъ встрѣтиться въ полѣ съ безпокойнымъ сосѣдомъ своего барина. Ходилъ тогда Степанъ на пашню смотрѣть господскую рожь. Увидалъ его тамъ Артамонъ Елизарьевичъ, распалился жестокимъ гнѣвомъ, напалъ съ людьми своими на старосту и, избивъ его „смертнымъ боемъ“, „едва живымъ, при смерти“ безъ вниманія въ полѣ оставилъ.

Люди Ергольскаго нашли старосту, привели его въ чувство и доставили на барскій дворъ. Такой обиды не стерпѣлъ Ергольскій. Не медля велить онъ запрягать лошадей. Избитаго, невладѣющаго рукой, Степана Фролова повезли въ Мещовскъ для „объявленія“ въ воеводской канцеляріи. Тамъ „боевыя мѣста“ на немъ были осмотрѣны и „описаны“.

За этимъ „озорствомъ“ Лабоденскаго послѣдовало новое.

24-го Іюля 1740 года Ергольскій со своими крестьянами выѣзжалъ въ полѣ убирать сжатую рожь. Нажатые двѣ копны погружены были на шесть подводъ и свезены на барское гумно. Рожь, повидимому, была со спорнаго участка. Крестьяне Лабоденскаго не мѣшая поставили въ извѣстность своего барина объ увозѣ копенъ.

Въ лютое бѣшенство пришелъ буйный и, повидимому, изрядно подвыпившій въ этотъ разъ каптенармусъ. Велить онъ созвать своихъ людей, вооружаетъ ихъ кого фузеей, кого рогатиной, а кого по просту дубьемъ и кольями и съ этой ватагою своихъ челядинцевъ и крестьянъ ѣдетъ громить усадьбу сосѣда. Въ торопяхъ онъ успѣлъ собрать не болѣе двадцати человекъ, но и этого было вполне достаточно для расправы съ ненавистнымъ прапорщикомъ.

Въ Которцѣ еще издали запримѣтили вооруженную араву. Собравъ наспѣхъ дворню и крестьянъ, Ергольскій крѣпко на крѣпко заперъ ворота, разставивъ людей и приготовился къ оборонѣ усадьбы. Съ дикимъ крикомъ приступили люди Лабоденскаго ко двору Ергольскаго, пытаясь проникнуть въ ворота. Крестьянинъ Ермолай Васильевъ, зарядивъ фузею, сталъ стрѣлять во внутрь усадьбы. Самъ Лабоденскій, ругательски ругая Ергольскаго и похваляясь убить его до смерти, открылъ по немъ и по его женѣ пальбу изъ пистолета. По счастью, стрѣлокъ онъ былъ неважный, а потому всѣ заряды мимо просадили.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась-бы эта кутерьма и этотъ необычайный приступъ, когда-бы не попала на глаза осаждающимъ гнѣдая кобыла Ергольскаго. Въ ней тотчасъ-же признали одну изъ тѣхъ лошадей, на которыхъ увезены были копны. Этой провинности оказалось вполне достаточнымъ для учиненія надъ ней жестокой и безсмысленной расправы. По приказу своего необузданнаго барина, крестьяне Лабоденскаго Кононъ и Трофимъ набросились на пасущуюся лошадь и на глазахъ ея хозяина и всей его дворни рогатинами распоролы ей брюхо.

Бѣдное животное мертвымъ свалилось на окровавленную траву. Довольный учиненнымъ подвигомъ и на время удовлетворенный этой мекью, Лабоденскій снялъ осаду непріятельскаго двора и повелъ свой побѣдоносный отрядъ домой.

Отвѣтомъ на разбойное нападеніе было новое челобитье Ергольскаго. 30-го Іюля 1740 года билъ челомъ отставной прапорщикъ на сосѣда въ томъ, что тотъ „безмѣрной наглостью своей и озорничествомъ“ съ людьми своими Ѳедотомъ Тимошеевымъ, Карпомъ Васильевымъ, да старостою Ермиломъ Васильевымъ и съ другими крестьянами Іюля 20-го дня въ полѣ на землѣ его, Ергольскаго, били его старосту Степана Фролова смертнымъ боемъ и тѣмъ боемъ изувѣчили его, а 24-го того-же Іюля Лабоденскій съ людьми и со крестьянами своими умышленно скопомъ приступали ко двору его въ селѣ Которцѣ съ огненнымъ ружьемъ, съ дубьемъ и съ кольемъ, и самъ онъ Лабоденскій, по немъ, и по женѣ, и по дочери изъ пистолета стрѣлялъ многократно, а крестьянинъ его Ермолай Васильевъ изъ фузеи палилъ. Отъ стрѣлянія того дочь его, Ергольскаго, дѣвица Марія, со страху едва жива осталась. И въ тотъ же ихъ приходъ по его, Лабоденскаго, приказу, люди его Кононъ, а чей сынъ онъ челобитчикъ не вѣдаетъ, и Трофимъ Сазоновъ рогатинами лошадь его гнѣдую кобылу, цѣною въ десять рублей, до смерти закололи. Не довольствуясь всѣмъ тѣмъ, поносилъ Лабоденскій его, Ергольскаго, всякой позорной бранью, грозилъ на смерть застрѣлить и кричалъ, что изъ Которца никуда его не выпустить. Такимъ стрѣляньемъ по немъ, „якобы по злодѣю какому“, учинилъ онъ ему, Ергольскому, великое безчестіе.

Донося о злыхъ этихъ обидахъ, просилъ челобитчикъ учинить надлежащій судъ и расправу и на будущее время оградить его отъ „наглыхъ озорничествъ“ Лабоденскаго.

Мещовская канцелярія потребовала буйнаго каптенармуса къ отвѣту. Онъ сысканъ былъ въ воеводскую канцелярію и 1-го Сентября ему вручили копію съ дѣла и „реверсъ“, обязавъ на 29 Сентября стать къ суду.

Въ назначенный день Лабоденскій явился на судъ. Ергольскаго на лицо не оказалось. Неявка истца дала возможность каптенармусу подать встрѣчную челобитную. Въ ней, обвиняя противника въ клеветѣ, отвѣтчикъ утверждалъ, что Ергольскій не явился въ судъ „знатно хотя тѣмъ своимъ поклепнымъ челобитьемъ его, Лабоденскаго, изволочить и изубытчить и привести къ разоренію напрасно“.

На самомъ дѣлѣ Ергольской не явился въ судъ по болѣзни. Служитель его Евдокимъ Тимошевъ, явившись въ канцелярію, извѣстилъ присутствіе, что баринъ его лежитъ больнои въ городѣ въ квартирѣ Мещовскаго солдата Ивана Зиновьева. Посланный для освидѣтельствованія Ергольскаго канцеляристъ Алексѣй Семеновъ, осмотрѣвъ при „стороннихъ людяхъ“ (понятыхъ) больнои удостовѣрилъ, что „Григорій Ергольскій подлинно лежитъ въ постели, боленъ *леглою* болѣзнію и отъ той болѣзни весь трясется и лицо все опухло, а при осмотрѣ оный Ергольскій объявилъ ему, что онъ боленъ головою и животною болѣзнію и отъ той болѣзни въ воеводскую канцелярію итти ему никакъ не возможно“.

Къ донесенію кромѣ канцеляриста Семенова „приложили руки“, присутствовавшіе въ качествѣ понятыхъ, города Мещовска Благовѣщенскій попъ Матвѣй, посадскіе Иванъ Барышевъ и Василій Паншинъ и сотскій деревни Перенѣжья, крестьянинъ князя Голицына Козьма Лазаревъ.

Согласно 6-му пункту „формы суда“ болѣзнь одного изъ тяжущихся являлась законною причиною неявки въ судъ. Того-же дня Ергольскій подалъ челобитную, въ которой извѣщалъ, что, будучи не въ силахъ придти на судъ, вѣрить онъ быть вмѣсто себя служителю полковника Дурново—Артемію Бохину.

Поговоря промежь себя, Бохинъ и Лабоденскій судъ отерочили: согласились стать на 9 Октября, обусловивъ: буде кто изъ нихъ на показанный срокъ не станетъ, истецъ иску своего лишень, а отвѣтчикъ и безъ допроса виновать.

9-го Октября истцовъ повѣренный Артеміи Бохинъ и отвѣтчикъ Лабоденскій стали на судъ. Тутъ Бохинъ узнаеть, что еще 29 Сентября Лабоденскій подалъ въ канцелярію встрѣчную челобитную, въ которой, выставляя людей и крестьянъ Ергольскаго, „ворами и смертоубійцами“, показывалъ, будто тѣ „похвалялись“ Лабоденскаго, жену его и дѣтей, а также его крестьянъ „бить до смерти“, а домъ его сжечь. Свидѣтелемъ, могущимъ удостовѣрить всѣ эти обвиненія Лабоденскій выставилъ двороваго человѣка Ергольскаго Семена Васильева.

подавая эту челобитную, Лабоденскій преслѣдовалъ двоякую цѣль; первое оттянуть разборъ дѣла объ учиненномъ имъ нападеніи на усадьбу и вторую—арестомъ оговоренныхъ имъ крестьянъ сосѣда нанести ему

вредъ, оторвавъ въ нужное время отъ молотѣбы и другихъ осеннихъ работъ лучшихъ его работниковъ.

Въ отвѣтной челобитной Ергольскій правильно указывалъ, что челобитчикъ „безъ всякаго вида и свидѣтельства“ въ своемъ „лже-составномъ“ челобитѣ его, Ергольскаго, и крестьянъ его „ворами и смертоубійцами“ выставляеть „знатно хотя тѣмъ самымъ закрыть себя отъ многихъ его, Ергольскаго, челобитій и отъ суда отбыть“. Просилъ Ергольскій за крестьянами его и людьми не посылать, а предложить Лабоденскому вѣдаться судомъ и искать „исковымъ прошеніемъ, съ цѣною, чтобы пошлины Ея Императорскаго Величества не уничтожились и отъ такого наглаго нападенія Лабоденскаго люди и крестьяншки его, Ергольскаго, не разбрелись и отъ домовъ своихъ не отстали“.

На судѣ 9-го Октября на всѣ предъявляемыя къ нему обвиненія Лабоденскій отвѣтилъ самымъ наглымъ запырательствомъ:— „Ходилъ-ли 20 Юля на Которецкое поле староста Степанъ Фроловъ или нѣтъ, про то я не знаю—показывалъ онъ:—въ то число ни съ какого умысла я онаго старосту съ людьми своими и съ крестьянами не останавливалъ и ружьемъ и цѣпами безвинно смертно не бивалъ и въ полѣ едва жива при смерти не покидывалъ. Привозили-ли того старосту въ Мещовскъ и осматривали-ли въ канцеляріи боевыя мѣста на немъ, про то мнѣ ничего не вѣдомо. Ко двору Ергольскаго я не приступалъ и не стрѣлялъ, лошади его до смерти колотъ не приказывалъ. Кто ту кобылу закололъ или ненарокомъ сама она въ березникѣ на сукъ напоролась, про то не вѣдаю.

Нисколько не смущаясь, утверждалъ Лабоденскій, что де все показанное въ челобитныхъ Ергольскаго выдумка истца; поклепилъ (оклеветалъ) онъ де его напрасно, „ябеднически, знатно хотя тѣмъ его волочить и изубытчить“.

За выходомъ судейскимъ „улика не окончилась“ и тогда тяжущіеся условились стать для окончанія суда на 15 Октября 1740 года.

На вторичномъ судѣ Бохинъ, „изобличая отвѣтчика“, указывалъ „въ вулику“ ему, что послѣ подачи Ергольскимъ челобитной самъ-же Лабоденскій, будучи въ канцеляріи подушнаго сбора, въ присутствіи капитана Никифора Аванасьевича Лыкова, подъячихъ Семена Тихоновича Смирнова и Емельяна Матвѣевича Панова, посадскаго Петра

Петрова Кобелева и кричалъ дворовому челоувѣку Ергольскаго Евдокиму Тимоееву, что, какъ приступалъ онъ ко двору прапорщика и стрѣлялъ изъ пистолета, цѣлили-де онъ не въ Ергольскаго, а якобы въ него Тимоеева.

На заперательство Лабоденскаго относительно кобылы Бохинъ указывалъ на свидѣтеля на крестьянина деревни Зимницы выборнаго сотскаго Ивана Степанова. Лабоденскій самъ похвалялся ему, что ту гнѣдую кобылу онъ велѣлъ заколоть своимъ крестьянамъ. Не только сотскому Степанову, похвалялся онъ въ томъ-же Мещовскимъ солдатамъ Михаилу Головищеву и Ивану Зиновьеву и крестьянину деревни Хлудневой Семену Борисову.

Отвѣтчикъ остался при прежнихъ своихъ показаніяхъ или вѣрнѣе заперательствахъ. Даже ссылка на такихъ свидѣтелей, какъ должностныя лица воеводской канцеляріи, не внесла ничего новаго въ его оправданія. Они сводились къ голому и бездоказательному отрицанію всѣхъ фактовъ, а поэтому только явнымъ пристрастіемъ состава суда можно объяснить постановленіе его, въ силу котораго окончательный приговоръ опять былъ отсроченъ на неопредѣленное время подъ предлогомъ опроса новыхъ свидѣтелей. Присутствіе воеводской канцеляріи, точнѣе Мещовскій воевода капитанъ Михаилъ Савинъ, явно держалъ сторону Лабоденскаго.

Присутствіе постановило по истцѣ и по отвѣтчикѣ взять поручныя записи, а имъ самимъ предписало до вершенія суднаго дѣла изъ Мещовска не съѣзжать.

Какъ видно, Ергольскій безъ труда нашелъ поручителей за себя. 30-го Октября того-же года сторожъ Мещовской канцеляріи Абрамъ Канунниковъ при доношеніи его поручную запись сдалъ воеводѣ. Ручались за прапорщика: Мещовскій солдатъ Иванъ Федоровъ Зиновьевъ, Мещовскій разсыльщикъ Степанъ Анисимовъ Чертыгинъ, отставной капралъ Семень Сафроновъ Маховъ и отставной прапорщикъ Осипъ Ивановъ Тѣнинъ. Поручная запись гласила:

„1740, году Октября 30 дня истца прапорщика Григорія Лукина сына Ергольскаго ручали мы нижеподписавшіеся въ томъ, что истецъ онъ, Ергольскій, на отставномъ каптенармусѣ Артемонѣ Елизарьевичѣ сынѣ Лабоденскомъ въ боѣ старосты его, Ергольскаго, Степана Фролова и заколотой лошади, цѣною въ 10 рублевъ, и въ приступаніи ко двору и въ стрѣлянніи на дворъ его, Ергольскаго, чтобъ ему, Ергольскому,

до вершанія онаго своего дѣла изъ Мещовска безъ указа никуда не съѣзжать и въ канцеляріи являться во всѣ дни, а ежели онъ, Ергольскій, безъ указа изъ Мещовска съѣдетъ и въ канцеляріи являться не будетъ, и онъ иску своего лишень и съ того иску пошлины взять съ его, Ергольскаго, и съ насъ поручиковъ, что надлежитъ“.

Поручной записи за Лабоденскаго въ дѣлѣ не имѣется и, повидимому, она не была взята. Пристрастіе воеводы пошло даже дальше: въ то самое время, какъ по челобитьямъ Ергольскаго производство дѣла было пріостановлено, челобитной Лабоденскаго, поданной 29-го Сентября, несмотря на ея явную ложь, данъ былъ ходъ и оговоренные имъ люди прапорщика потребованы были въ воеводскую канцелярію. Здѣсь умѣстно будетъ напомнить, что въ это-же время, явно причастные къ буйству и насиліямъ безпокойнаго каптенармуса, люди его: Ермилъ Васильевъ, Федотъ Тимоѣевъ, Карпъ Васильевъ, Ермолай Васильевъ, Трофимъ Сазоновъ, Кононъ и другіе по прежнему оставались на свободѣ.

25-го Ноября 1740 года воеводская канцелярія даетъ приказъ Мещовскому отставному капралу Михайлѣ Головищеву ѣхать въ вотчины Ергольскаго въ село Кривское и село Которецъ, взять тамъ оговоренныхъ Лабоденскимъ крестьянъ Ергольскаго и доставить ихъ подъ надежнымъ карауломъ въ Мещовскъ въ воеводскую канцелярію.

Въ спискѣ, переданномъ Головищеву, поименованы были десять дворовыхъ людей и крестьянъ Ергольскаго. Самъ Ергольскій, какъ видно изъ послѣдующаго, уже былъ отпущенъ изъ Мещовска.

Собравъ на пути, согласно инструкціи, достаточное число сотскихъ, пятидесятскихъ, десятскихъ и стороннихъ людей, отставной капраль Головищевъ прибылъ съ ними въ село Кривское на усадьбу Ергольскаго.

Немало изумленный появленіемъ столь неожиданныхъ гостей, Ергольскій вышелъ къ нимъ на крыльцо. Головищевъ предъявилъ ему приказъ воеводы. Прочитавъ бумагу присутствія, Ергольскій отвѣтилъ:

— Своихъ людей и крестьянъ я по первой посылкѣ не дамъ. Буду самъ къ отвѣту Мещовскую канцелярію и тогда указанныхъ людей и крестьянъ всѣхъ поставлю.

Другого отвѣта Головищевъ не добился. Онъ вернулся въ Мещовскъ и о всемъ происшедшемъ донесъ канцеляріи.

Нѣсколько мѣсяцевъ прошло со дня этого посѣщенія въ сельцо Кривское. Опять наступило лѣто, страдная пора. За эти нѣсколько мѣсяцевъ ни Ергольскій, ни Лабоденскій не досаждали Мещовской канцеляріи своими челобитіями. Ергольскій убѣдился, что при нынѣшнемъ Мещовскомъ воеводѣ Савинѣ справедливаго суда ему не дожидаться, а потому представлялось болѣе выгоднымъ дѣло протянуть, а Мещовскій Ноздревъ XVIII-го вѣка, Лабоденскій, довольный тѣмъ, что воевода прижалъ ненавистнаго сосѣда, торжествовалъ свою побѣду.

Всплыло дѣло на поверхность бумажной волокиты опять таки по почину Лабоденскаго. 3-го Іюля 1741 года враждующіе помѣщики встрѣтились въ помѣщеніи воеводской канцеляріи. Не стерпѣвъ Лабоденскій, вступилъ съ сосѣдомъ въ перебранку, а 15-го того же Іюля отставной каптенармусъ подалъ челобитную и въ ней по пунктамъ показалъ:

„Въ прошломъ 1740 году Сентября 29-го дня билъ я челомъ блаженныя и вѣчныя памяти Ея Императорскому Величеству на отставнаго прапорщика Григорія Лукина сына Ергольскаго и на его людей-воровъ (слѣдуетъ рядъ именъ), билъ на нихъ челомъ въ приступаніи ихъ ко двору моему съ огненнымъ ружьемъ, съ фузеями, и съ пистолетами, и съ мушкетами и въ учиненіи многихъ наглыхъ и несносныхъ обидъ и въ стрѣляннн по мнѣ и въ похвальныхъ словахъ, а тако-жъ въ ихъ воровствахъ и смертоубійствахъ. И по тому моему челобитію за показанными людьми и крестьянами Григорія Ергольскаго было послано по наказу. Но токмо онъ, Ергольскій, тѣхъ своихъ людей и крестьянъ не далъ взять посланнымъ и хотѣлъ быть въ Мещовскую канцелярію самъ и вышеписанныхъ людей и крестьянъ поставить. Однако и по сіе число, признавая за ними вину, ихъ не поставилъ, закрывая тѣмъ ихъ явное воровство, понеже и самъ онъ, Ергольскій, оговоренъ отъ крестьянина его Савелія Степанова по дѣлу Степана Васильева сына Яковлева.

Сего Іюля 3-го дня, какъ я съ нимъ, Ергольскимъ, случился въ канцеляріи, избличалъ я его двоекратно и называлъ оговорнымъ воромъ и воровскимъ становщикомъ при многомъ шляхетствѣ и стороннихъ людяхъ, а именно уличалъ его воровствомъ его крестьянина Карпа Алексѣева, объявленнаго вора и разбойника и смертоубійцы, какъ

онный крестьянинъ въ прошломъ 1717 году на рѣчкѣ Неполоди украсть четырехъ лошадей въ вотчинѣ Троицы Дорогожанскаго монастыря въ деревнѣ Каменкахъ и за тѣхъ лошадей, за двухъ заплатилъ деньгами, а за двухъ отдалъ лицомъ, о чемъ подлинно значитъ въ дѣлѣ. А нынѣ похваляются оные его (Ергольскаго) крестьяне, какъ меня именованнаго, такъ и жену мою и дѣтей, и крестьянъ, гдѣ не получа, бить до смерти, отчего я отъ такихъ наглыхъ воровъ и смертоубійць опасенъ жить въ домѣ своемъ“.

Заключалъ Лабоденскій свое челобитіе просьбою послать за Ергольскимъ и его крестьянами, разыскать во всемъ имъ указанномъ и, если при розыскѣ оказалось-бы, что люди Ергольскаго сослались-бы еще и на другихъ крестьянъ его, то и тѣхъ взять къ розыску.

Въ то самое время, какъ Ергольскій въ своихъ челобитіяхъ, обвиняя Лабоденскаго, каждый разъ выставлялъ свидѣтелями стороннихъ людей и даже лицъ изъ состава канцеляріи, Лабоденскій ни разу не указалъ свидѣтелями стороннихъ лицъ, сколько нибудь заслуживающихъ довѣрія, а его ссылки на крестьянъ Ергольскаго, какъ на свидѣтелей, конечно, имѣли одну цѣль: оторвать ихъ отъ работы и тѣмъ нанести новый ущербъ и убытки недругу сосѣду.

Въ доказательство „воровства“ крестьянъ Ергольскаго Лабоденскій ссылается на давнее дѣло объ украденныхъ лошадяхъ, дѣло, къ которому самъ Ергольскій, конечно, не причастенъ. Двадцать три года прошло съ того времени, и все позабыли о немъ, но Лабоденскій выворачиваетъ и это дѣло, такъ какъ это единственный фактъ, достовѣрность котораго могутъ подтвердить свидѣтели.

Несмотря на явную голословность предъявленныхъ обвиненій, воевода Савинъ арестуетъ Ергольскаго. Это было сдѣлано въ явное нарушеніе закона. Ергольскій на арестъ отвѣтилъ челобитной.

„По челобитью Лабоденскаго—указывалъ онъ—нынѣ задержанъ я въ Мещовской канцеляріи и содержусь подъ карауломъ, который мнѣ ставить не подлежитъ. Противъ его, Лабоденскаго, челобитія надлежало намъ дать по формѣ судъ, какъ то правительственные указы повелѣваютъ“. „Посему,—заканчиваетъ онъ свою челобитную,—прошу я и изъ подъ караула меня освободить и до суда за моими людьми и крестьянами въ мою вотчину за лѣтнею рабочею порою не посылать“.

Воевода и самъ понялъ, что, угождая Ергольскому, онъ хватилъ черезъ край. Тѣмъ-же днемъ на челобитной Ергольскаго была положена имъ помѣта: „истцу и отвѣтчику по указу по формѣ суда дать судъ и показаннаго Ергольскаго изъ подъ караула свободить“.

Эта помѣта является заключительнымъ звеномъ длительного тяжбнаго дѣла, одинаково разорвашаго пошлинами и исца и отвѣтчика.

V. Разгромъ усадьбы Домогацкаго.

8-го Февраля 1732 года въ Козельскую воеводскую канцелярію поступило челобитье отставнаго капитана Василія Никифоровича Домогацкаго. Билъ челомъ отставной капитанъ, что Ноября 21-го дня прошлаго 1731 года „въ небытность его въ дому“, въ ночи, въ Козельскую его вотчину сельцо Звегино*) пріѣхали на лошадахъ въ саняхъ воры и разбойники, человекъ съ тридцать, а можетъ быть и больше, „съ огненнымъ ружьемъ и рогатинами, съ дубьемъ и ножами и оный его домъ разбили и пограбили“. Выбивъ и вырубивъ въ хоромахъ, чуланахъ, амбарахъ и въ прочихъ мѣстахъ, двери, замки и пробои, поломали они сундуки, подголовки и баулы, покололи порубья деревянныя, окованныя желѣзомъ, и простыя. Дворовыхъ его людей мужиковъ и бабъ, его старосту Алексѣя Антипова, выборнаго Самойлу Васильева и крестьянъ, которые тогда на дворѣ были, и сторожей Ѳедота Тимоѣева, Захара Емельянова и Трофима Иванова разбойники били и „мучили смертно“ и, избивъ въ людскихъ (избахъ), связанными оставили. Заваливъ избы бревнами и приставя къ нимъ свой воровской караулъ, ходили они по хоромамъ, чуланамъ, амбарамъ и въ другихъ мѣстахъ съ огнемъ и побрали разные его пожитки и деньги, подрали и пожгли выписи изъ „писцовыхъ“ и „переписныхъ книгъ“ на его земельныя дачи, выписи и купчія на людей и на крестьянъ и всѣ сдѣланныя имъ записи, а также прочія письма.

Изъ тѣхъ воровъ и разбойниковъ—указывалъ Домогацкій—люди его признали четырехъ человекъ. Двое были его бѣглецы крестьяне изъ сельца Звегина Козельскаго уѣзда и изъ села Ѳоминичъ Серпейскаго уѣзда—Иванъ и Алексѣй Дмитріевы, а двое крѣпостные капитана Ивана Герасимовича Бражникова изъ сельца Полянъ Серпейскаго уѣзда.

*) Имѣнье это существуетъ и до нынѣ, находясь въ рукахъ Любови Степановны Сабо. П. Б. (младшій).

Разбивъ его домъ и побравъ его деньги и пожитки, разбойники уѣхали, оставивъ на его дворѣ одну изъ своихъ лошадей—мерина свѣтлогнѣдого, да обрonnenое ими покормежное письмо, выданное въ 1731 году крестьянину Исаю Алферову приказчикомъ и старостою помѣщика переяславскаго (Переяславля Залѣскаго) уѣзда Замыцкаго стана села Нагорья лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка маіора Михаила Петровича Салтыкова.

Къ челобитной Додогацкаго приложенъ былъ списокъ пограбленныхъ у него денегъ и вещей.

17-го Февраля того-же 1731 года въ вотчинѣ генерала-фельдмаршала и кавалера графа Якова Виллимовича Брюса въ Козельскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Полѣдовой былъ пойманъ одинъ изъ разбойниковъ, участвовавшихъ въ этомъ грабежѣ.

На допросѣ въ Козельской воеводской канцеляріи разбойникъ, ничего не утаивая, показалъ:

— Родомъ я изъ вотчины Дорогошанскаго монастыря изъ деревни Каменки Мещовскаго уѣзда. Зовутъ меня Лариономъ Никитинымъ Телѣбиковымъ. Въ прошлыхъ годахъ, лѣтъ тому съ двадцать, а можетъ быть и больше, отданъ я былъ въ рекруты въ городъ Калугу къ наборщику Сергѣю Жданову. Изъ Калуги послали меня въ Москву, но тамъ я не долго пробылъ. Сговорившись съ другимъ рекрутскимъ солдатомъ, Кулешовымъ, бѣжалъ я вмѣстѣ съ нимъ на родину и одну ночь укрывался въ домѣ отца Кулешова въ селѣ Воронинѣ, вотчинѣ Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря. Наутро я отправился въ деревню Каменку, и тамъ около недѣли прожилъ я въ домѣ моей сестры, что замужемъ за крестьяниномъ той деревни Иваномъ Пареновымъ. Изъ Каменки пошелъ въ Козельскій уѣздъ въ вотчину генерала-фельдмаршала графа Якова Виллимовича Брюса въ деревню Думничи и прожилъ здѣсь около году изъ-найму. Послѣ того лѣтъ семь стерегъ я тоже по найму стада крестьянъ этой деревни и всѣ они знали, что я бѣглый солдатъ. Изъ деревни Думничи перешелъ я жить въ Трубачевскій уѣздъ на стеклянный заводъ москвича Ивана Короткова и прожилъ здѣсь около трехъ лѣтъ. Года два жилъ я въ Сѣвскомъ уѣздѣ и три года въ вотчинѣ графа Брюса въ деревнѣ Полѣдовой въ Козельскомъ уѣздѣ. Напоследокъ года два пробылъ я на желѣзномъ заводѣ тулянина Никиты Демидова. Работалъ тамъ изъ найму всякую работу.

Въ 1731 году зимою ѣздилъ я вмѣстѣ съ другими заводскими и бѣглыми монастырскими и помѣщичьими крестьянами разбивать домъ капитана Василія Никифоровича Домогацкаго въ вотчину его въ сельцо Звегино. Собралось насъ человѣкъ тридцать, а можетъ быть и больше. Сборъ былъ въ деревнѣ Перновичахъ у крестьянина Перфілія Боровка. Передъ тѣмъ какъ выѣхать на разбой былъ у насъ споръ. Бѣглые крестьяне Домогацкаго Иванъ и Алексѣй Дмитріевы и есаулъ Осипъ Ивановъ кричали, что надо де Домогацкаго изрѣзать въ пирожныя части, а я Ларіонъ, и другіе мои товарищи не соглашались съ ними; говорили имъ, не за что де рѣзать его, надо только пожитки побрать. Атаманомъ у насъ на этомъ разбоѣ былъ бѣглый крестьянинъ помѣщика Лопухина, Ѳедоръ Ѳедотовъ, а есауломъ Осипъ Ивановъ, крестьянинъ сельца Скрышорова. Сказывалъ мнѣ Осипъ на заводѣ, что онъ, бѣгая, имѣетъ пристанище себѣ въ Козельскомъ уѣздѣ въ сельцѣ Скрыповѣ у дяди своего Василія Еремеева.

Указалъ Ларіонъ Телѣбиковъ и другихъ своихъ товарищей, въ числѣ ихъ былъ пришлый изъ села Нагорья Переяславльскаго уѣзда крестьянинъ господина Салтыкова Исая Алферовъ. Этотъ Исай и оброну свой паспортъ въ домъ Домогацкаго, когда громили его усадьбу.

— Какъ пошли мы на разбой—продолжалъ показывать Ларіонъ—имѣли мы сборъ въ деревнѣ Перновичахъ, дневали въ домѣ Перфілія Боровка, а въ сумерки поѣхали на семи лошадяхъ. Вели насъ крестьяне Домогацкаго Иванъ да Алексѣй Дмитріевы. Подвели они къ сельцу Звегину, а тамъ указали ѣхать позадь огорода, по лощинѣ. Какъ подъѣхали къ переднимъ воротамъ, есаулъ Осипъ Ивановъ перескочилъ черезъ заборъ и отперъ ворота. Послѣ того стали у конюшни. Перфілій Боровокъ съ другими пошли къ наугольной избѣ, гдѣ были караульщики. Ихъ заперли, оттуда пошли на задній дворъ и тамъ избы въ дверяхъ и по окнамъ колодѣмъ позавалили и тако-жъ мужиковъ и женокъ не выпустили и караулъ къ нимъ свой поставили съ кольями и съ дубьемъ. А ружья съ нами было: 5 рогатинъ, 2 фузеи, да винтовка, а другое оружіе было дубье да колье.

Къ хоромамъ подошли съ передняго крыльца. Дверь въ сѣняхъ вышибли. Алексѣй Дмитріевъ вздулъ на заднемъ дворѣ огонь и принесъ его къ хоромамъ. Тогда отбили двери у хоромъ и стали брать пожитки.

Большая пожива ждала разбойниковъ на усадьбѣ Звегинскаго барина. Много всякаго добра забрали они въ его хоромѣхъ и въ амба-

рахъ. Перечень этихъ вещей даетъ наглядное представленіе о домашнемъ скарбѣ зажиточнаго помѣщика этого времени.

Деньги Домогацкій хранилъ въ амбарчикѣ и въ горницѣ. Въ амбарчикѣ изъ маленькаго баула, запертаго въ сундукъ, разбойники вынули 29 сотенныхъ запечатанныхъ мѣшковъ мелкихъ денегъ и монеть и сотенный мѣшокъ червонцевъ. Въ горницѣ они взяли: изъ большого баула 7 сотенныхъ мѣшковъ серебряныхъ денегъ и изъ маленькаго ларчика мѣшокъ съ деньгами—на какую сумму Телѣбиковъ опредѣлить затруднялся.

Серебра и другихъ пожитковъ забрали разбойники на очень изрядную сумму. Вотъ перечень взятыхъ вещей: крышка серебряная, 12 стакановъ серебряныхъ, 3 стакана серебряныхъ большихъ съ крышками, чайникъ серебряный, 24 ложки серебряныхъ, подносъ серебряный, три солонки серебряныхъ, лому серебрянаго фунтовъ шесть, два серебряныхъ креста, съ алмазами (женскихъ), три пары пуговиць серебряныхъ кафтанныхъ, 24 серебряныхъ винныхъ чашекъ, 5 золотыхъ перстней съ яхонтами и съ алмазами, 6 золотыхъ колець, 3 золотыхъ запонки, 3 запонки серебряныя, шпага съ серебрянымъ эфесомъ, 4 золотыхъ серьги съ алмазами, 3 золотыхъ серьги съ яхонтами, табакерка черепаховая съ серебряной оправой, 8 нитокъ крупнаго жемчуга, жемчужныя зарукавья, перло жемчужное, золотыя запоны съ яхонтами, 2 чепца косыхъ низанныхъ жемчугомъ, кафтанъ съ камзолъ и со штанами дикаго цвѣта, обшлага парчевые, петли золотыя, пуговицы тоже золотыя, обшиты камзолъ и кафтанъ золотомъ и подбиты камкою, кафтанъ съ камзолъ суконные дикаго цвѣта, подбитые камлотомъ краснымъ, камзолъ парчевый съ золотыми пуговицами и петлями, обшитый золотомъ и подбитый зеленой камкою, камзолъ свѣтло-лазоревый суконный съ золотымъ позументомъ, подбитый красною камкою, камзолъ суконный красный съ золотымъ позументомъ и серебрянными пуговицами, подбитый стаметомъ краснымъ, двѣ мужскія шапки зеленого бархата съ собольими околышами, шляпа пуховая съ золотыми кистями и съ серебрянной сѣткою, 3 черныхъ галстуха, 5 бѣлыхъ кисейныхъ галстуховъ, 3 пары перчатокъ лосиныхъ шитыхъ золотомъ, аршинъ 8 краснаго сукна, 15 сорочекъ камловыхъ съ холщевыми портами, шлафоръ тафтяной, юбка тафтяная съ серебрянымъ позументомъ, полутьлогрѣйка зеленая рецеповая съ золотымъ позументомъ, кафтанъ штофный жаркій съ травами серебряными съ позументомъ серебрянымъ, юбка жаркая того-же штофа съ серебрянымъ позументомъ, епонечка жаркая штофная съ травами серебряными на собольемъ мѣху, шапка соболья съ бар-

хатнымъ верхомъ, два собольихъ галстуха, четыре парчевыхъ чепца съ серебрянымъ позументомъ и два парчевыхъ серебряныхъ чепца съ золотымъ позументомъ, 3 пары шелковыхъ шитыхъ золотомъ и серебромъ перчатокъ, 6 флеровыхъ платковъ шитыхъ золотомъ, 20 платковъ шелковыхъ китайскихъ одноцвѣтныхъ большого размѣра, да 20 платковъ шелковыхъ разныхъ цвѣтовъ, 30 кошельковъ шитыхъ золотомъ и серебромъ, 20 кошельковъ штофныхъ, 50 платковъ съ нѣмецкими кружевами, 15 сорочекъ камковыхъ, да 10 швабскаго полотна, 2 теплыхъ одѣяла на лисьемъ мѣху крытыхъ рещепомъ, одѣяло тафтяное алое стеганое на бумагѣ подбитой китайкой, 2 тафтяныхъ красныхъ съ позументомъ завѣса, завѣсъ камчатый брусничный, 20 скатертей ткацкихъ, 10 скатертей бранныхъ, 10 простынь рубковыхъ съ кружевами, 20 простынь ивановскаго полотна съ кружевами, 200 холстинъ тонкихъ, 200 салфетокъ тонкихъ, 200 аршинъ сермяжнаго сукна, 4 хомута съ наборомъ мѣднымъ, 4 узды съ мѣднымъ наборомъ, двѣ чушки суконныя васильковыя съ позументомъ золотымъ, 4 копыя, три пары пистолетовъ, да одна винтовка.

Съ конюшни свели разбойники трехъ лучшихъ коней.

Въ реестрѣ, представленномъ Домогацкимъ, показано было пограбленныхъ вещей нѣсколько больше, чѣмъ указалъ Телѣбиковъ: 300 выдѣланныхъ овчинъ, 6 ременныхъ вожжей, 3 пары шоръ съ мѣднымъ наборомъ, 2 мундштука нѣмецкихъ, 4 нѣмецкихъ сѣдла, 2 кожаныхъ чепрака, 5 фузей, 4 палаша съ мѣдными ефесами, 2 бердыша, 8 хомутовъ со шлеями и другіе предметы.

Изъ барскихъ пожитковъ на долю Телѣбикова достались: сотенный мѣшокъ съ серебряными деньгами, серебряный стаканъ, пистолеть, одинъ червонецъ, золотой перстень, двѣ серебряныя пуговицы отъ кафтана, серебряная чашка для вина и флеровый шитый золотомъ платокъ.

Большую часть пограбленныхъ вещей разбойники сбыли на Брынскомъ заводѣ тулянина Никиты Демидова. Купили ихъ мастера того завода Ануфрій Полякъ, Прокофій Петровъ, Герасимъ Ивановъ и Иванъ Соболевъ.

Лошадей, взятыхъ со двора Домогацкаго, угнали въ городъ Почепъ. Показалъ Телѣбиковъ, что на заводѣ Демидова живутъ многіе бѣглые солдаты, работаютъ у него изъ-найма.

Повинился Ларіонъ Телѣбиковъ и въ другомъ своемъ воровскомъ дѣлѣ. Бѣдилъ онъ съ товарищами, а всего ихъ было съ нимъ 19 человекъ, въ Козельскій уѣздъ въ село Упозьево разбивать дьячка Григорія Гречишку. Сборъ у нихъ былъ на заводѣ Демидова. Дорогу указывалъ ихъ товарищъ бѣглый рекрутъ Исай. Какъ пріѣхали они въ село, повелъ ихъ Исай задворками и огородами къ дому дьячка Филата Ларіонова. Время было позднее: такъ около часу ночи. Купили они у дьячка вина на двѣ гривны и спрашивали его:—„дома-ли Гречишка“. Дьячекъ Ларіонъ Филатовъ отвѣтилъ:—„да, въ вечеру былъ онъ дома“.

— Роспивъ вино, показывалъ Ларіонъ Телѣбиковъ—пошли мы разбивать дьячка Гречишку. Забрали у него денегъ рублей четыреста, да платяга разнаго изрядно. Только ту его забранную одеженку, какъ пошли назадъ, побросали на дорогѣ, а деньги подѣлили. Атаманомъ у насъ на томъ разбоѣ былъ крестьянинъ вотчины Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря деревни Перновичей Перфілій Боровокъ.

25-го Мая того-же 1732 года по указу Юстиць-Коллегіи пойманный разбойникъ отправленъ былъ въ Контору Государственной Юстиць-Коллегіи. Посланному для поимки и искорененія воровъ и разбойниковъ секундъ-маіору Черниговскаго пѣхотнаго полка Федору Луцевину предписано было произвести по дѣлу разбоя на усадьбѣ Домогацкаго подробное разслѣдованіе. 1-го Сентября того-же года дѣло и арестованный разбойникъ были препровождены къ нему.

На допросѣ 21 Декабря въ застѣнкѣ, подъ пыткой, не стерпя мукъ, Телѣбиковъ оговорилъ новыхъ лицъ, но тутъ-же отказался отъ своихъ словъ и за клевету былъ наказанъ 30-ю ударами плети.

27 Января 1733 года дѣло и пойманный разбойникъ при промеморіи сыскныхъ дѣлъ секундъ-маіора Луцевина отосланы были въ калужскую провинціальную канцелярію, а, годъ спустя, какъ видно изъ донесенія этой канцеляріи сержанта Ивана Фомина, разбойникъ Ларіонъ Телѣбиковъ отдалъ Богу душу.

ВРЕМЕНА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

(Изъ бумагъ Генераль-Адъютанта Н. О. Кутлубицкаго).

1.

Дѣло о Зотовыхъ.

Ген.-Инспектору Артиллеріи

(Графу Аракчееву).

1.

Государь Императоръ указать соизволилъ, чтобъ Ваше Сіятельство опредѣленныхъ вами къ производству на ваканціи въ Инженерной Корпусъ въ подпоручики Артиллерійскаго инженернаго Кадетскаго Корпуса унтеръ-офицера Зотова I-го и кадета Зотова II-го доставили къ Его Императорскому Величеству формулярные списки. (Подлинной подписалъ) Генераль-Адъютантъ Графъ Ливень № 1263 въ Петергофѣ Іюля 6-го (годъ не указанъ).

На сіе повелѣніе представленъ былъ отъ графа Аракчеева формулярной списокъ унтеръ-офицера Зотова I-го и кадета Зотова II-го, гдѣ они показаны первый—сыномъ Губернскаго секретаря, а послѣдній—изъ дворянъ, Коллежскаго секретаря сынъ.

2.

(Графу Аракчееву).

Государь Императоръ по доставленному отъ Вашего Сіятельства формулярному списку Кадетамъ Зотову I-му и Зотову II-му указать

соизволилъ, чтобы Ваше Сіятельство прислало формулярный списокъ отца ихъ.

Генераль-Адъютантъ Графъ Ливень. № 1292, въ Петергофъ. Іюля 9.

По оному приказу Графъ Аракчеевъ донесъ: „унтеръ-офицеръ и кадетъ Зотовы, хотя и одну имѣютъ фамилію, но не одного отца и опредѣлены въ корпусъ въ разныя времена, въ бытность директоромъ покойнаго генерала Мелиссино, а именно: унтеръ-офицеръ Зотовъ І-й въ 1789 году по поданному прошенію и по приложенному при ономъ свидѣтельствѣ, изъ котораго явствуется, что отецъ его служилъ по статской службѣ въ офицерскомъ чинѣ съ 1776-го года, и потомъ отставленъ Губернскимъ секретаремъ, а нынѣ опять продолжаетъ службу въ Ассигнаціонномъ банкѣ Титулярнымъ совѣтникомъ. Кадетъ же Зотовъ ІІ-й изъ родовыхъ дворянъ, сынъ Коллежскаго секретаря, котораго отецъ и нынѣ служитъ въ Нерчинскѣ, и опредѣленъ въ корпусъ въ 1796 году по повелѣнію фельдцехмейстера Князя Зубова съ аттестатомъ о дворянствѣ, даннымъ ему отъ здѣшняго Губернскаго предводителя, съ которыхъ и представляются у сего копіи.

3.

(Графу Аракчееву).

Государь Императоръ, *удивляясь* представленію Вашего Сіятельства о кадетахъ Зотовыхъ, *и какъ могли они быть приняты* въ кадетскій корпусъ, полагасть изволилъ: что они могутъ, до выслуги въ фейерверкеры, *записаны быть канонирами.*

Генераль-Адъютантъ Графъ Ливень.

№ 1325. Петергофъ. Іюля 13 дня.

(Помѣтка Н. О. Кутлубицкаго).

„Зотовъ І изъ унтеръ-офицеровъ и ІІ-й изъ кадетъ Инженернаго Шляхетскаго корпуса представлялись Инспекторомъ Артиллеріи Гр. Аракчеевымъ въ инженеръ-офицеры, но *по неизвѣстной причинѣ* указомъ Государя Императора черезъ Генераль-адъютанта Графа Ливена объявлены *недостойными лучшаго, какъ быть канонирами,* почему и опредѣлены въ здѣшній Артиллерійскій Гарнизонъ симъ званіемъ, а опредѣлены были въ кадетскій Корпусъ: І-й по ордеру Ген.-фельдцех-

мейстера Кн. Зубова, какъ двадцатилѣтняго секретаря сынъ, а II-й, какъ здѣшній дворянинъ, записанный въ 4 книгу¹⁾.

II.

Его Превосходительству Свиты Его Величества Генераль-Лейтенанту Кутлубицкому.

Его Императорское Величество указать мнѣ соизволилъ увѣдомить ваше превосходительство о прибытіи сюда къ завтрашнему числу депутатовъ калмыцкой орды²⁾, составляющихъ со служителями своими восемь человекъ, то и приказалъ имъ отвести квартиру, гдѣ бы имъ расположиться; и гдѣ оная отведена будетъ, увѣдомить бригадъ майора Сухарникова.

Генераль-Адъютантъ Князь Долгоруковъ.

Августа 6 дня.

1800 г.

Г. Гатчино.

III.

(Записка на лоскутѣ).

Сейчасъ придутъ пріемщики! Донося о семь В. Пр—ву, пребываю съ совершеннымъ почитаніемъ, навсегда

покорнѣйшій слуга Алексѣй Кн. Горчаковъ³⁾.

IV.

Рапортъ отъ Кавалеріи.

Сентября 10 дня 1797 года.

Дежурными:

За Генераль-Лейтенанта Генераль-Майоръ Кологривовъ.

За Генераль-Майора Полковникъ Муравьевъ.

¹⁾ Настоящая пореписка, вѣроятно, относится къ 1796 году, когда Н. О. Кутлубицкій былъ начальникомъ Гвардейской артиллеріи. Чѣмъ закончилась попытка Кутлубицкаго измѣнить несчастную судьбу своихъ юныхъ подчиненныхъ, изъ бумагъ его невидно, такъ какъ дальнѣшая часть переписки изъ архива утрачена. И. Б.

²⁾ Вѣроятно, по поводу рѣшеннаго похода на Индію?

³⁾ Флигель-адъютантъ, племянникъ Суворова, ѣздившій за нимъ въ деревню по приказу Павла—14 Февраля 1798 года.

Полковникъ *Каракулинъ* онъ-же главнымъ рундомъ.

За подполковника полковникъ *Ветерской*, онъ-же визитир. рундомъ.

За Майора Ротмистръ *Лисневичъ*.

При полкахъ за майоровъ:

Ротмистры: *Бачмаковъ*, *Ирневъ*, *Еуровъ*.

Во внутреннемъ караулѣ:

Подпоручикъ *Супоневъ*.

Къ Государю на ординарцы.

Корнеты *Прозериевичъ* и *Гасъ*.

Больные офицеры: Полковникъ *Графъ Монморъ* 16 дней, Ротмистръ *Вышеславцевъ* 224 дня, Шт. Ротмистръ *Олсуфьевъ* 297 дн. Подпоручики: *Гасъ* 34 дн. и *Деръ Пилень* 18 д. Корнеты: *Демидовъ* 68 д. *Гамовъ* 23 д. *Безобразовъ* 18 д.; тоже при полку: полковникъ *Князь Вяземскій* Р. Подпоручикъ *Галаховъ* 12 дн. Корнетъ *Звеминцевъ* 5 д. Лейбъ-Гусарскихъ и казачьихъ: Ротмистры *Черкудиновъ* 26 дн., *Грузиновъ III-й* 5 дн. Поручикъ *Горбатовъ* 10 дн. Корнеты: *Князь Челокеевъ* 10 дн., *Колоуривовъ III-й* 11 дн. *Шидловскій II-й* 10 дней. Въ командировкѣ: Лейбъ-Гвардіи Коннаго полку полковникъ *Мухановъ II-й*; штабъ-Ротмистръ *Ильинскій*. Лейбъ-Гусаръ и казачьихъ подполковникъ *Грузиновъ II-й*¹⁾, корнеты *Чумаковъ* и *Давыдовъ*²⁾; въ отпуску Л.-Гв. Коннаго полку корнеты *Абель* и *Моклеръ*. Арестованныхъ: *нѣтъ*.

Въ рапортѣ указаны нижеслѣдующія части:

¹⁾ Евграфъ Осиповичъ. Указомъ 26 Августа 1800 г. „исключеннаго изъ службы, за измѣну противъ Насъ и Государства, повелѣваемъ, лиша чиновъ и дворянства наказать нещадно кнутомъ, а имѣніе его отписать въ казну“. Указъ исполненъ 5 Сентября 1800 г., въ Старочеркасскѣ на Дону.

²⁾ Герой 12-го года.

Батальены:

Дивизіи Ген.-Лейт. Васильчикова.	}	Его Высочества Николая Павловича
		Генералъ отъ Кавалеріи Дерфельдена
		Полка Лейбъ-Гусарскаго и Казацкаго
		Конной Артиллеріи.

Въ авангардѣ эскадрономъ полковника *Киракулина*.

Въ арьергардѣ „ „ *Афросимова*.

(Противъ каждой части 62 ряда отдѣльныхъ цифръ о нижнихъ чинахъ и лошадяхъ строевыхъ и подъемныхъ, всего съ итогами *болѣе 400* отдѣльныхъ цифръ)!

Рапортъ подписалъ не смотря на заголовокъ, гдѣ указано: за Генер.-Лейт. *Генер.-Майоръ Колоуривовъ*.

Дежурный *Генералъ-Лейтенантъ Васильчиковъ*.

На оборотѣ рапорта помѣтка рукой

Александра Павловича „10 Сентября“.

Повидимому, этотъ рапортъ повлекъ за собой неудовольствіе Государя, ибо онъ тщательно переписанъ въ другомъ экземплярѣ, съ нижеслѣдующими измѣненіями; вмѣсто словъ: „*Къ Государю на ординарцы*“ поставлено: *Къ Вашему Императорскому Величеству на ординарцы*“, а въ арьергардѣ добавлено: „*Лейбъ-Гусарскаго полку эскадрона Вашею Величества*“.

При чемъ и рапортъ, *согласно заголовку* подписанъ уже не Васильчиковымъ, а „*За Генералъ-Лейтенанта дежурный Генералъ-Майоръ и Кавалеръ Колоуривовъ*“.

На тоже число имѣется рапортъ отъ дивизіи Его Импер. Высоч. Константина Павловича: въ которомъ указаны:

Дежурнымъ по полку за майора капитанъ *Милорадовичъ*, къ Его Импер. Величеству на ординарцы прапорщикъ *Ланской II-й*.

Дежурными:

По Его Высочества батальону подпоручикъ *Лазаревичъ*.

По фельдмаршала Кн. Рѣпина подпоручикъ *Павловъ II-й*.

По сводному Гренадерскому капитанъ поручикъ *Буксевденъ*.

Больные офицеры (въ указаніи числа дней противъ каждой фамиліи).

Капитаны: *Кутузовъ и Жизневскій*.

Капитанъ-поручикъ *Демидовъ I-й*.

Поручикъ *Пановъ II-й*. Подпоручики: *Павловъ I-й, Шамшевъ, Бологовской II-й, Молмановъ, Меркуловъ, Калакуцкій* прапорщикъ Кн. *Голицынъ*.

Въ командировкѣ:

Ген.-Лейт. *Кушелевъ*.

Ген.-Майоръ *Борцовъ*.

Полковникъ *Малютинъ*.

Полковникъ *Софоновъ* и капитанъ *Комаровскій* Адъютанты Его Величества.

Поручикъ *Ивашкинъ*, фл.-адъют. Его Величества.

Капитанъ-поручикъ *Селяниновъ*, поручикъ *Деронъ*, и прапорщики: *Желтухинъ II-й, Ланской I-й, Вишневскій II-й* и *Чемезовъ*.

Въ отпуску: капитанъ *принцъ Саксенъ Кобургской*.

Арестованныхъ: *нѣтъ*.

Самыя части войскъ указаны такъ:

Роты:

Батальона	}	Его Высочества	}	Слѣдуютъ 60 рядовъ цифръ, которыхъ съ итогами до 1200!				
Его Высочества		Полковника Малютина						
		Капитана Милорадовича						
		Полковн. Ададурова						
	Ген.-Майора Борцова							
Бат. фельдмарш.	}	Фельдм. Кн. Рѣпина			}	Слѣдуютъ 60 рядовъ цифръ, которыхъ съ итогами до 1200!		
Кн. Рѣпина		Полковн. Олсуфьева II-го						
		Капитана Кутузова						
		Полков. Олсуфьева III-го						
	Полков. Купріянова							
сводн. Гренадер.	}	Полковника Бахметева I-го	}	Слѣдуютъ 60 рядовъ цифръ, которыхъ съ итогами до 1200!				
		Капитана Бахметева III-го						
		Ген.-Лейт. Кушелева.						
		Павловскаго Гренадерск. Флигель роты						
		Гвардіи Артиллерійскаго батальона.						

(Подпись) *Константинъ*¹⁾.

V.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийскаго при Государственной военной коллегіи (№ 42).

Его Императорское Величество *флигель-адъютанту*²⁾ Господину Генераль-Майору Кутлубицкому.

По Указу Его Императорскаго Величества Государственная военная коллегія по доношенію вашему, господинъ Генераль-Майоръ и Кавалеръ, коимъ просили о дачѣ вамъ бывшаго въ деньщикахъ у Майора Гарновскаго—Хамита Алюпова, находящагося теперь при военной коллегіи, въ число положенныхъ вамъ по штату, коихъ вы

¹⁾ Какъ подписи, такъ и рапорты сохранились въ такомъ видѣ, точно вчера написанные.

²⁾ 1 Января 1797 г. Кутлубицкій пожалованъ *Генерал-Адъютантомъ* съ чиномъ Генер.-Майора, тѣмъ не менѣе военная коллегія именуетъ его здѣсь *Флигель-Адъютантомъ*. Повидному, эти званія тогда смѣшивались, независимо отъ чина.

теперь не имѣете, *приказали*: означеннаго деньщика Алюпова отдать вамъ въ деньщики-жъ, для чего онъ и посылается при семь.

Генваря 4 дня 1797 г. Графъ Иванъ (sic!) Апраксинъ *).

Подполковникъ Иванъ Миловановъ.

Посылается при семь денщикъ Алюповъ.

Поручикъ Николай Кудрявцовъ.

VI.

Божіей Милостію Мы Александръ первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и прочая и прочая и прочая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что блаженныя памяти Государь Императоръ Павелъ Петровичъ, Самодержецъ Всероссійскій нашъ вселюбезнѣйшій Государь Родитель, Генераль-Майора Николая Кутлубицкаго для оказанной его къ службѣ ревности и прилежности Всемилостивѣйше пожаловалъ въ Генераль-Лейтенанты тысяча семсотъ девяносто осьмаго года Юня двадесять четвертаго числа, но токмо ему на оный чинъ патента по нынѣ дано не было, того ради Мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ нашимъ помянутаго Николая Кутлубицкаго за нашего Генераль-Лейтенанта надлежащимъ образомъ признавать и почитать; напротивъ чего и Мы надѣемся, что онъ въ семь чинѣ такъ вѣрно и прилежно поступать будетъ, какъ-то вѣрному и прилежному офицеру надлежитъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ лѣта 1802 г. Августа 18 дня.

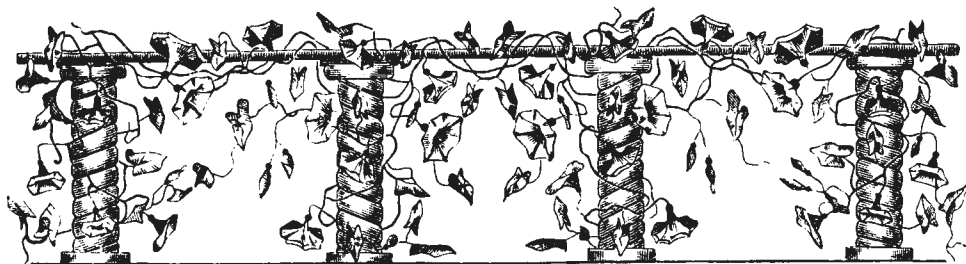
Александръ.

Генераль отъ Инфантеріи Вязмитиновъ.

Сообщилъ И. Бронскій.

*) Графъ Апраксинъ очень старательно вывелъ имя свое „Иванъ“ вмѣсто *Ивана*.

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО.

(Записка иностранца Федора Бринка).

Время и обстоятельства, беспощадно уничтожающія письменные памятники прежнихъ лѣтъ, оказались особенно жестокими по отношенію къ Сибири. Не будетъ большой погрѣшностью противъ истины, если сказать, что ни одинъ мѣстный архивъ не сохранился полностью въ надлежащемъ видѣ, не былъ бы поврежденъ въ большей или меньшей степени пожаромъ, или не погибъ подъ вліяніемъ сырости и холода.

Отъ богатаго въ прошломъ архивнаго матеріала сохранились до настоящаго времени, собственно говоря, отрывки, да и тѣ, будучи разбросаны въ разныхъ мѣстахъ и сосредоточены въ помѣщеніяхъ нисколько не отвѣчающихъ своему назначенію превращаются въ пепель раньше, чѣмъ попадутъ въ руки тому или иному изслѣдователю.

Между тѣмъ Сибирь могла бы рассказать много интереснаго. Вѣдь, здѣсь, подъ шумъ тайги и завываніе вѣтра, коротало свой вѣкъ, вдали отъ родины и близкихъ сердцу лицъ, не мало народа,—и завѣдомые злодѣи—преступники и люди невинные, жертвы происка и навѣтовъ.

Такимъ преступникомъ, или жертвой своего времени,—затрудняемся сказать,—былъ и нѣкій иностранецъ Федоръ Бринкъ, сосланный по Высочайшему повелѣнію въ Иркутскую губернію въ 1807 году, по замѣшательству въ дѣлѣ о доносѣ бывшаго Адьютанта Камперле на француза Дюгура, и находившійся въ Олекминскѣ, а позднѣе въ Якутскѣ подъ надзоромъ полиціи.

Оставшіяся послѣ смерти Бринка „бумаги“ были переданы по счастливой случайности,—благодаря просвѣщенному вниманію Гене-

раль-Губернатора Броневскаго,—въ одинъ изъ сибирскихъ архивовъ, благополучно пережили невзгоды въ видѣ „потопа, огня и меча“, но не подверглись доселѣ изученію. Недавно я имѣлъ возможность ознакомиться съ рукописями покойнаго Бринка и выбрать изъ нихъ то, что представляетъ несомнѣнный, по моему мнѣнію, интересъ для читателя и историка. Бумаги Бринка, заключенныя въ соответствующемъ „дѣлѣ о смерти находившагося въ Якутскѣ подъ надзоромъ полиціи иностранца Бринка“, состоятъ изъ черновиковъ прошеній и „записки“. Прошенія Бринка, въ коихъ онъ проситъ Императора Николая Павловича о прощеніи и помилованіи, а нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ намъ высокопоставленныхъ лицъ о заступничествѣ, не представляютъ *общаю* интереса, такъ какъ являются, въ конечномъ счетѣ, повтореніемъ отдѣльныхъ мѣстъ „записки“. Что же касается послѣдней, сохранившейся въ четырехъ копіяхъ, болѣе-менѣе близкихъ одна къ другой, то она, какъ рисующая общую картину жизни несчастнаго, но безусловно талантливаго иностранца—изгнанника, его знакомства, встрѣчи и злословія, цѣнна, и во вниманіе къ ея едва ли не столѣтней древности заслуживаетъ того, чтобы быть опубликованной полностью.

Находящагося Иркутской губерніи въ областномъ городѣ Якутскѣ подъ именемъ иностранца по секрету

Пенсіонера Бринка

Записка.

Имѣвъ счастье служить при Высочайшемъ дворѣ, нынѣ въ Бозѣ почивающей Монархини Екатерины Великой, былъ я призванъ предъ священную особу Ея въ Село-Царское 1796-го года Іюня 25-го числа. гдѣ Ея Величество соблаговолила объявить мнѣ Высочайшую волю свою, чтобъ я находился лично при ней, и что она устроить все мое счастье. Упавъ къ освященнымъ стопамъ Государыни, я принесъ клятву быть вѣрнымъ Всероссійскому престолу до послѣдняго издыханія и посвятить всю жизнь свою на заслуги. Но неизреченное милосердіе Великой возбудило зависть въ князѣ Платонѣ Александровичѣ Зубовѣ, и онъ по несчастной моей судьбѣ, или по своимъ планамъ стараясь отклонять меня отъ Двора Ея Величества, наконецъ совершилъ свое намѣреніе, или яснѣе сказать, сдѣлалъ мнѣ конечную погибель. И вотъ какимъ образомъ происходило сіе произшествіе. Черезъ нѣсколько дней послѣ поступленія моего къ Ея Величеству, князь Зубовъ призвалъ меня къ себѣ, подалъ мнѣ какую-то бумагу, приказывая подписать, не объявляя ея силы и назначенія. Но какъ самое благо-

разуміе не позволяло мнѣ сего сдѣлать, то князь со клеветы своими угрожалъ мнѣ смертію, а наконецъ могуществомъ и силою своею взявъ меня, морилъ голодомъ пять дней. Умоляя Правосуднаго Бога, поборителя *) невинности, я съ помощію Его выдержалъ сіе испытаніе или, да позволено мнѣ будетъ сказать, мучительную пытку. На шестой день князь Зубовъ, дядя его Бригадиръ Зубовъ же, подполковникъ Дехтеревъ и прочіе, которыхъ не знаю, вошедъ въ бастилію мою, силою принуждали меня пить кофе, который служилъ бы мнѣ смертною кончиною. Но Десница Всевышняго, не оставляя надѣющихся на святую помощь Ея, и на сей разъ исторгла меня изъ убійственныхъ рукъ. И я, собравъ всѣ силы свои, вырвался отъ нихъ и выскочилъ изъ окна, при чемъ нанесъ жестокой ударъ дядѣ князя Зубова... Наконецъ потерявъ чувства какъ отъ прыжка изъ окна, такъ отъ голоду и душевныхъ терзаній, я возвратилъ оныя уже отъ качанія кареты, въ которой везли меня неизвѣстно куда, за конвоемъ 4-хъ лейбъ-казаковъ. Наконецъ будучи привезенъ въ Санкт-Петербургъ, представленъ былъ къ Генералу Архарову, который уже не съ угрозами, но съ ласкою уговаривалъ меня, что естли я подпишу нечитавши бумагу, то тѣмъ все и кончится. Не видя никакихъ средствъ получить освобожденіе, или просить защиты у Императрицы, я сдѣлалъ себя добровольною жертвою закланія, подписалъ роковую бумагу, которой значеніе и по сіе время мнѣ неизвѣстно. Не знаю, какія бы пагубныя послѣдствія могли отъ сего произойти, но можетъ быть хотя малѣйшая часть страданій сдѣлалась извѣстна Великой Екатеринѣ, и я вскорѣ отправленъ былъ въ Гамбургъ, гдѣ препорученъ былъ въ покровительство Г. Бургомистру города Дорнеру.

Въ городѣ семь праздная жизнь и молодая лѣта познакомили меня съ французскимъ посланникомъ Рейнъ-Гартомъ и другими знатными французами, между коими представлялъ не маловажное лицо нѣкоторый *Жоме*, близкой родственникъ Іозефинѣ. Его ли собственная фамилія, или находился онъ подъ именемъ чужимъ, было неизвѣстно, но только что пользовался отъ посланника и всѣхъ великихъ уваженіемъ.

Пылкость и участь моя, праздная жизнь, а можетъ быть и характеръ французовъ, мыслящихъ тогда быть владыками вселенной и независимыми, побудило посланника, безъ воли моей, сдѣлать обо мнѣ представленіе въ Директорію въ Парижъ и вскорѣ на сіе прислано

*) Покровителя В. К.

повелѣніе отъ Барраса къ посланнику, что я принять въ службу республики полковникомъ съ жалованьемъ 5760 франковъ или 480 голандскихъ червонцевъ, и предположено отослать меня въ Парижъ. Но все сіе еще было отъ меня тайною. Наконецъ получилъ я два письма отъ директоровъ республики Бараса и Ребель въ самомъ обольстительномъ тонѣ, что послѣдовало по рекомендаціи того *Жоме*, которой въ своихъ письмахъ въ Директорію называлъ меня немаловажною пружиною, могущею служить для ихъ дѣйствій; политика можетъ быть и потому, что они знали пребываніе мое при Россійскомъ Дворѣ, а потому надѣялись вывѣдать отъ меня каковыя политическія тайны, наконецъ частое и дружеское обращеніе мое съ посланникомъ и другими французами, ихъ ко мнѣ довѣріе и уже поступленіе въ ихъ службу открыло мнѣ *ужасныя* Барасовы планы, которые, ставъ извѣстны всему свѣту, въ послѣдствіи времени обратились въ пагубу самихъ французовъ.—Вся душа моя потряслась отъ безбожныхъ замысловъ Республиканцовъ противу Бога и человѣчества, проникъ, что они на развалинахъ Царства мыслили основать *Тронъ Безначалія*, но Вездѣсущій посмѣялся намѣренію Пигмѣевъ. Бывъ воспитанъ въ религіи и въ вѣрности къ властямъ, я прибѣгнулъ къ покойному Королю Людовику 18-му, имѣющему пребываніе свое тогда въ Бланкен-бургѣ. Его Величество приказалъ мнѣ упасть къ стопамъ нынѣ въ Возѣ почивающему Монарху Россіи—Павлу 1-му, съ своей же стороны донесъ Двору Россійскому обо всемъ подробно.

Вскорѣ присланъ былъ фельдъегерь въ Гамбургъ къ Россійскому Послу Барону Криму, которому повелѣно было обо всемъ осторожно и правильно развѣдать. Баронъ Крымъ, исполняя безусловно священную волю Императора Павла, вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣлъ присудствія собственнаго духа дать мнѣ время по связи съ французами узнать всѣ тайны ихъ; статья можетъ, чтобъ я могъ имѣть случай захватить всѣ ихъ планы, важныя дѣла, относящіяся не токмо къ Россіи, но даже и до другихъ державъ, и списокъ, гдѣ означены имена и состояніе людей составляющихъ кругъ ихъ, какъ то тайныхъ агентовъ по дѣламъ Франціи, разсыпанныхъ въ Санкт-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и прочихъ мѣстахъ. Но робость или недостатокъ духа Барона Крима воспрепятствовала сему моему намѣренію, отъ чего находящійся въ Гамбургѣ Тавуней, повѣренный Его Королевскаго Величества Людовика 18-го, сталъ недоволенъ поступками Барона Крима и ссора сія въ тоже время сдѣлалась извѣстна всему Гамбургу. Трое изъ знатнѣйшихъ особъ Гамбурга, пришедъ ко мнѣ, уговаривали меня оставить мое доношеніе Императору Павлу, гдѣ предстоить яко бы мнѣ одна

печальная неизвѣстность. и ежели я буду согласенъ съ ихъ мнѣніемъ, то скроютъ они меня до время отъ предстоящей *мнѣ блѣдственной судьбы*¹⁾. Отвѣтъ мой былъ имъ, что я скорѣя умру, нежели замараю себя подлой измѣной Императору Павлу.—Объ чемъ и донесено въ тотъ же часъ Барону Криму. а я осмѣлился писать къ Его Свѣтлости Князю Безбородкѣ. По письму сему присланъ былъ вторично въ Гамбургъ фельдъегеръ, которой привезъ повелѣніе, чтобъ я явился въ Петербургъ къ князю Безбородкѣ. по прибытіи куды вручилъ я ему письмо отъ Его Величества Короля Людовика 18-го, два письма директоровъ республики и другія бумаги.

Его Свѣтлость представилъ меня къ Его Императорскому Величеству, которой, удостоивъ лично меня обо всемъ распросить, по среднему правосудію и милости, изволилъ сказать мнѣ: „Все что Вы, мой сынъ, потеряли при такомъ превратномъ, недостойномъ отношеніи, вы найдете у меня вдвойнѣ вмѣстѣ съ моей милостью и заботой о васъ“.

Удостоившись слышать изъ устъ правосуднаго Государя утѣшительныя слова, я упавъ предъ священныя стопы Его Величества, со слезами приносилъ мое благодареніе, что было при видѣ Графа Кутайцова²⁾, и Графа Николая Зубова.—Прежнія гоненія на меня братомъ его Княземъ Платономъ Зубовымъ напомнили Николаю Александровичу, что можетъ быть по милосердному возренію на меня Государя, Великому Монарху осмѣлюсь ему открыть жестокіе поступки со мною Князя Зубова, описанныя мною въ началѣ сей записки, а сіе и поселило въ душѣ его справедливую боязнь въ должномъ отъ Монарха правосудія, а ко мнѣ непримиримую ненависть и мщеніе.

Въ тотъ же день Князь Безбородко объявилъ мнѣ, что Государю Императору благоугодно было всемилостивѣйше назначить меня. по-

¹⁾ „Зубовъ увѣрялъ ихъ, что Павелъ не будетъ долго править и что это зависитъ отъ него, на что я засвидѣтельствовалъ имъ своей жизнью, что Зубовъ недостойный лжецъ и проклятый негодяй, врагъ Его Величества, потому эти 3-и заявили мнѣ, что мнѣ придется попасть въ руки Зубова, какъ только я приѣду въ Петербургъ, п. ч. въ засѣданіи сказалъ подобное Зубову въ лицо, изъ-за той клеветы, которую онъ распространялъ о Павлѣ 1-мъ. Эти три суть: 1) Принцесса Фонъ-Голстейнъ (Голштинская). 2) Дорнеръ, 3) Князь Рейсъ“. Настоящее примѣчаніе Бринка, какъ и слова Императора Павла въ подлинникѣ написаны по нѣмецки. Переводъ любезно сдѣланъ г. де-Струве, за что выражаю ему свою искреннюю благодарность. В. К.

²⁾ Кутайсова В. К.

жаловать въ 6-й классъ съ пенсією въ годъ по 480 голандскихъ червонцевъ, ту же самую сумму, которую обѣщали мнѣ Французы. Полагать должно, что всё мои нещастія кончились и я, бывъ подъ всеильною защитою правосуднаго Монарха, не могъ опасаться никакихъ гоненій. Но искра мщенія тлѣющаго въ фамиліи г.г. Зубовыхъ возродила другой разъ при Россійскомъ Дворѣ беззаконныя на меня отъ нихъ гоненіи.

Самъ Свѣтлѣйшій Князь Безбородко, чуждый всякой неправды, объявилъ мнѣ, что враждебная для меня партія всѣми возможными силами старается отдалить меня отъ лица Государя, но чтобъ я утѣшался своею усердію ¹⁾ которая со временемъ пресечетъ жало крамолѣ.—Наконецъ видѣвши усиленное мщеніе лицъ сильныхъ, какъ то Зубовыхъ, Кутайцовъ ²⁾ и прочихъ, сказалъ мнѣ, что я долженъ ѣхать на время въ Харьковъ, чтобы тѣмъ успокоить нѣсколько враждебныя характеры моихъ гонителей, которыя *страшились*, чтобъ я не донесъ Государю на Князя Платона Зубова, *коего вина была велика*. Покоряясь необходимости, я долженъ былъ послѣдовать приказанію Свѣтлѣйшаго Князя Безбородки, и, не раздражая болѣе моихъ гонителей отправился въ Харьковъ, имѣя въ душѣ Божественныя слова Спасителя Мира: „аще гонять тебя въ градѣ, бѣги въ другій“ и думалъ, что я кротостію и терпѣніемъ обезоружу мнѣ мстящихъ. но мѣра кротости не имѣла дѣйствія на ихъ характеры, и они, чтобъ болѣе обременить мою судьбу постарались вмѣсто 480 червонцевъ назначить мнѣ пенсію въ Харьковѣ по 300 рублей въ годъ. Однако-жъ Князь Безбородко по самую христіанскую кончину свою посылалъ мнѣ въ Харьковъ въ годъ 480 червонцевъ, (отъ своего ли милосердія, или отъ назначенной прежде пенсіи, я неизвѣстенъ), а при томъ не оставилъ и рекомендабельнымъ письмомъ къ Харьковскому Г. Губернатору Теплому.

Со смертію сего друга человѣчества Свѣтлѣйшаго Князя Безбородки начались на меня бѣдствія. Въ бытность мою въ Харьковѣ составилъ отъ неблагомыслящихъ и злобныхъ людей пасквиль. Правящій должность Губернатора, Вицъ-Губернаторъ Шидловскій, преданой Князя Зубова, вмѣшалъ меня силою въ сіе дѣло, якобы въ оскорбленіи Его Величества, что случилось 1800 году іюня или іюля и число не упомяну. А потому съ прочими невинными людьми отравили и меня

¹⁾ Своимъ усердіемъ В. К.

²⁾ Кутайсовыхъ.

въ Петербургъ въ Тайную Экспедицію, гдѣ хотя и поступаемо со мною было со всякимъ челоуколюбіемъ, но мѣсто, стовъ несчастныхъ и неизвѣстность будущей моей судьбы, раскрыло всѣ прежнія мои душевныя раны и я сдѣлался боленъ. Наконецъ самъ Генераль-Прокуроръ посѣтивъ меня объявилъ, что я найденъ совершенно невиннымъ. Тутъ же нашель я случай писать карандашемъ къ Государю, но по несчастію моему записка сія попалась въ руки гонителю моему, графу Николаю Зубову, которой передалъ оною къ тогдашнему военному Губернатору, Графу Палену, а сей слѣдуя токмо единственной дальновидныя воли своей, отдаляя меня отъ Престола Правосудія, могуществомъ настояль: хотя я безвиненъ, но какъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ, потому и сослать въ Сибирь. Но Господь Богъ на сей разъ не допустилъ мою пагубу своевоіемъ Сильнаго Вельможи, и я спасенъ благотѣльною десницею Августѣйшей Монархини Маріи Ѳеодоровны.

1801-го года имѣлъ я щастіе въ Санктъ-Петербургѣ удостоиться лично вручить всеподданнѣйшее прошеніе мое Его Императорскому Величеству, Государю Александру Павловичу. Его Величество, врачуя раны сынамъ своимъ за напрасное претерпѣніе и преданность къ Престолу, всемилостивѣйше соизволилъ обѣщать прежнимъ пенсіономъ 480 червонцами въ годъ и прочимъ,—а также и Гамбургское дѣло повелѣно было разсмотрѣть въ самой скорости.

Но враждебная судьба моя не оставила гнать меня, *кажется до конца моей жизни*. Дѣло мое, находясь въ самомъ лутшемъ видѣ, приняло вдругъ совсѣмъ другой оборотъ. Бумаги, представленныя мною къ покойному князю Безбородко, Французской патентъ на чинъ, все сіе бывъ собрано, во одно мѣстѣ разсмотрѣно не знаю кѣмъ.—И кажется, по тогдашнимъ полетическимъ дѣламъ и дружескому союзу съ I-мъ консуломъ, Бонапарте, положено было бумаги мои, служащія доказательствомъ къ многому, равно и о подозрительныхъ людей, истребить со мною вмѣстѣ и оставить въ неизвѣстности. И тогда же повелѣно было выслать меня за границу, гдѣ тогда же бы я сдѣлался жертвою полетическихъ тайнъ и выгодъ. Отправленіе сіе поручено было по секрету исполнить тогдашнему военному Губернатору Кутузову, которой далъ знать о семъ князю Александру Борисовичу Куракину, а сей Государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Отъ Ея Величества послѣдовала записка, чтобъ меня до утра удержать, а поутру и Государь Императоръ соблаговолилъ оставить меня до дальнѣйшихъ приказаній Его Величества. И такъ, въ другій разъ спасенъ я былъ Богоподобной

Императрицей Маріей Феодоровной и, будучи оставленъ въ Петербургѣ подъ эгидію Ея, нашелъ себѣ спасеніе отъ моихъ враговъ.

Во время сіе въ Санктъ-Петербургѣ находился отъ двора Французскаго посланникомъ Графъ Коленкуръ, которой имѣя свои виды къ выгодамъ Франціи, старался наклонять умы въ свою пользу. Въ томъ числѣ, зная совершенно и моею ¹⁾ исторію, обольщалъ меня пышными обѣщаніями. Все сіе доведено было мною до свѣдѣнія Государыни Маріи Феодоровны и Военному Губернатору, которому самому уже все было извѣстно, о чемъ отъ нихъ и Государь Императоръ.— Наконецъ Графъ Коленкуръ узнавъ, что я предложеніи его призрѣлъ и отвергнулъ, увѣряя клятвенно Монарха Александра, что хотя бы самъ Ангелъ благовѣстилъ о добромъ расположеніи Бонапарта къ Россіи, то и тогда бы я усумнился, ибо совершенно зналъ пагубный планъ Бараса, котораго непремѣнный исполнитель воли есть Бонапартъ.

Во время сіе уже замыслы Франціи противу Россійской державы начали обнаруживаться и со стороны Россіи взяты были предосторожности, а потому послѣдовало предписаніе, чтобъ при всѣхъ Дворахъ и прочихъ мѣстахъ, гдѣ находятся Россійскіе посланники съ большею осмотрительностью выдавали пашпорты тѣмъ Французамъ, которые хотягъ ѣхать въ Петербургъ и въ Россію. Даже и въ Петербургѣ за живущими Французами наблюдали надзоръ. Таковыя моею ²⁾ усердіе къ Престолу возбудило на меня большое вниманіе Коленкура, а въ прочихъ непримиримую зависть. Хитрость и прозорливость дальновидная Графа Коленкура, съ помощію прежнихъ моихъ враговъ, перемогла. Въ семъ случаѣ не помогло даже представительство и высокой покровительницы Государыни Маріи Феодоровны и другіе вельможи ³⁾ чтобъ меня не удалять изъ Петербурга, или по крайней мѣрѣ позволить жить въ Митавѣ и оставить за мною пенсіонъ 480 червонцевъ. Сказано, что сіе противно политикѣ и возбудить неудовольствіе. (Предоставлено мнѣ только пользоваться 300 рублей въ годъ).

При отправленіи же моему въ Харьковъ вручено мнѣ лично Господиномъ Военнымъ Губернаторомъ, Кутузовымъ, 2000 рублей и 50 червонцевъ отъ какой благодѣтельной руки мнѣ неизвѣстно, при томъ же по секрету увѣряя, что я ѣду въ Харьковъ не надолго и только по праформу до время.

1) Мою В. К.

2) Таковое мое В. К.

3) и другихъ вельможъ. В. К.

До 1807 года не оставляемъ я былъ щедротами заступницы моей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, на что съ завистью взирали ненавидящіе меня. Но чтобъ совершить надо мною уже совершенную пагубу, то враги мои, удаляя меня изъ Харькова въ Сибирь и донесли Государынѣ и прочимъ, что я умеръ.

По прибытію моемъ въ Сибирь я, не имѣя защитника себѣ кромѣ Бога, лишился принадлежащаго мнѣ имѣнія болѣе на 20 тысячъ рублей и писемъ отъ знатныхъ лицъ, которыя мнѣ были драгоцѣнны. Словомъ, я въ удовольствіе моихъ гонителей сдѣлался мертвымъ, что послѣдовало 1813 года Сентября 25-го числа. О похищенномъ имѣніи семь начали производиться дѣла, но въ то время былъ Губернаторомъ въ Иркутскѣ Трескинъ, а въ Якутскѣ Областнымъ Начальникомъ зять его Миницкій, которыя защищая моихъ грабителей, семь лѣтъ останавливали ходъ дѣла сего, безъ всякаго дѣйствія,—до того времени, какъ уже Генераль-Губернаторъ всей Сибири, Сперанскій, вникнувъ въ оное, далъ ему ходъ надлежащій,—почему и поступило оно въ Правительствующій Сенатъ, которой, разсмотрѣвъ мою справедливость, приказалъ, взыскавъ съ похитителей деньги, меня удовлетворить.

Но соперникъ мой, купецъ Бѣлоусовъ, видя, что справедливость моя оказывается, хотя я самъ стражду въ Сибирѣ, чтобъ отдалить, какъ нибудь мнѣ заплату, подалъ къ Государю Императору прошеніе—въ силу котораго въ 1827 году 10 Ноября вытребовано было дѣло изъ Якутскаго Областнаго Правленія въ Общее Собраніе Правительствующаго Сената, но чѣмъ кончено по сіе время мнѣ не извѣстно. Тому 19-й годъ, какъ лишаюсь я своей собственности,—терплю невозвратныя убытки и величайшую нужду*).

Въ 1814 году Высочайшимъ Манифестомъ послѣдовало всепрощеніе даже величайшимъ преступникамъ, но обо мнѣ уже некому было упомянуть, ибо считали меня мертвымъ.

При вступленіи на прародительскій престолъ Его Королевскаго Величества Людовика XVIII-го я ожидалъ, что и онъ будетъ ходатайствовать за меня у спасителя Европы Благословеннаго Александра I-го, но и въ семь не нашель себѣ утѣшенія и полагаю, что какъ я счи-

*) Иная редакція этого же мѣста записки: „По прибытію моемъ въ Сибирь 1813-го года Сентября 25-го числа въ Олекмѣ лишился я отъ власти и хитныхъ людей принадлежащаго мнѣ имѣнія, болѣе на 20 тысячъ рублей и оставленъ при бѣдствіи моемъ въ пагубной бѣдности, безъ всякой помощи“.

таемъ былъ умершимъ, то естли и были ходатаи о моей участи, то за мнимою смертію моею все осталось безъ дѣйствія. Видѣвъ печати милосердія Благословеннаго Александра на многихъ, но самъ лишившись всякой надежды, я потерялъ черезъ долговременныя страданія, какъ душевныя, такъ и тѣлесныя силы. Будучи сверхъ того обремененъ тяжкими болѣзнями, лишился почти зрѣнія. Но знавъ неизреченное правосудіе Его Императорскаго Величества Николая Павловича, 1826-го года 25 Іюля подалъ я мое всеподданнѣйшее прошеніе къ Императору здѣсь на почтѣ, но почтмейстеръ показалъ мнѣ повелѣніе отъ областного начальника Мягкаго, чтобы на почтѣ отъ меня не принять прошеніе на Высочайшее имя,—безъ воли его, Мягкаго,—но безъ всякаго на то особеннаго Высочайшаго предписанія, и чѣмъ онъ *заряждалъ* для меня вся пути къ Священному Престолу—Милосердному Монарху. И я оставленъ страдать безъ надежды.

Но Провидѣнія пути непостижимы: оно въ видѣ Ангеловъ благовѣстителей—избавителей посылаетъ безлицепріятныхъ и въ края ужасно отдаленные. Ихъ стараніемъ и вѣрностію къ Богу, Царю и Отечеству, надѣюсь, бумага сія удостоится Всемилостивѣйшаго воззрѣнія Августѣйшаго Монарха и Судіи, котораго при старости лѣтъ моихъ и болѣзней умоляю: явить мнѣ судъ Божій и Царевъ,—спасти меня отъ нищеты и заточенія, полумертваго нещастливца, потерявшаго юности лѣтъ, щастіе, вольность, имѣніе и здоровіе свое за приверженность къ Престолу Россіи.

Еще въ 1798-мъ году пожалованъ мнѣ пенсіонъ въ Харьковѣ 300 рублей въ годъ. Если сравнить балансъ, то все жизненныя удовольствія возвысились въ десятеро дороже, нежели тогда. Если бы я хотѣлъ воспользоваться своими талантами себѣ что пріобрѣтать, то прежде власть и зависть мнѣ то запретили, а нынѣ болѣзнь и слабое зрѣніе сдѣлали меня не способнымъ. Да не останусь я въ старости, или, по смерти моей, мое жалости достойное семейство безъ насущнаго куска хлѣба здѣсь, въ необыкновенной дороговизнѣ и да помянетъ просьбу мою Христось Россіи во царствіи своемъ *).

Мая 20-го числа. 1832-го года.

Была ли своевременно отправлена по назначенію эта записка, удостоилась ли она Высочайшаго разсмотрѣнія, о чемъ такъ хлопоталъ

*) „Записка“ списана нами съ наиболѣе полной и стилистически обработанной копій,—при чемъ, кромѣ знаковъ препинанія и незначительныхъ грамматическихъ, исправленій, все оставлено безъ измѣненій.

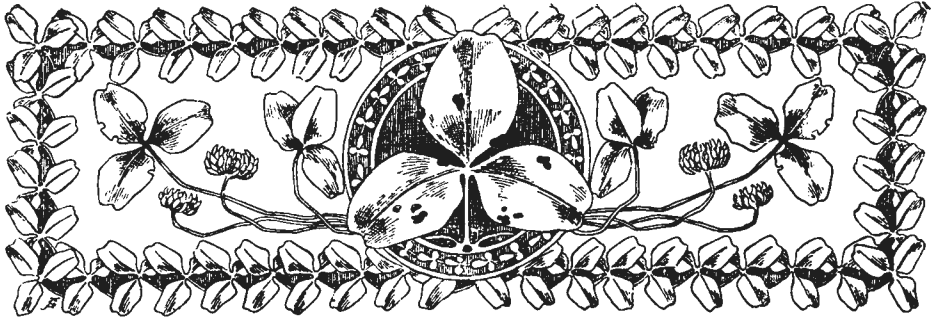
авторъ, изъ „дѣла“ не видно. Донесеніе же Иркутскаго Общаго Губернскаго Управленія отъ 31 Мая 1835 г., за № 73, на имя испр. должность Генераль-Губернатора Восточной Сибири Броневскаго глухо говоритъ, что „иностранецъ Федоръ Бринкъ, по приключившейся болѣзни, на 14 число минувшаго Апрѣля мѣсяца помѣръ“.

Смертію закончилась трагическая судьба изгнанника.

„Вѣрно, онъ былъ забытъ, что не освобожденъ 1807 года“ (слова Броневскаго).

В. Крыжановскій.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДУХНОВИЧЪ.

(Род. 24 Апрѣля (6 Мая) 1803 г.—умеръ 18 (30) Марта 1865 г.).

Александръ Васильевичъ Духновичъ родился 24 Апрѣля (6 Мая) 1803 года въ селѣ Тополѣ, Земплинской стѣлицы, гдѣ жили его родители: отецъ—Василій Дмитріевичъ, приходскій священникъ, и мать—Марья Ивановна, изъ дома Герберовъ. Вскорѣ послѣ рожденія Александра Васильевича, его родители переѣхали въ село Стащинъ, гдѣ будущій писатель и провелъ первые годы своей жизни, окруженный заботами любящихъ родителей, которые ничего не жалѣли для того, чтобы доставить даровитому ребенку всевозможныя развлеченія и сдѣлать время его дѣтства поистинѣ золотымъ. Но беззаботная пора продолжалась недолго, такъ какъ А. В. Духновичу уже на седьмомъ году пришлось оставить игрушки и приняться за букварь, псалтирь и часословъ, которымъ обучалъ его дядя Дмитрій Герберъ. Въ первый день Пасхи шестилѣтній мальчикъ прочелъ за литургіею Апостола. Невыразимою радостью наполнилось его сердце, когда глаза всѣхъ присутствующихъ устремились на него, и онъ ясно сознавалъ, что опередилъ въ познаніяхъ своихъ сверстниковъ, и поэтому еще съ бѣльшимъ стараніемъ сталъ продолжать свое ученіе. На девятомъ году онъ простился съ роднымъ домомъ и поѣхалъ учиться въ Ужгородъ, гдѣ и находился до 1822 года. Здѣсь русскій букварь былъ замѣненъ мадьярской азбукой, причемъ учитель съ нескрываемымъ злорадствомъ объявилъ, что все предыдущее обученіе было напраснымъ трудомъ и поэтому ничего не стоитъ. Не отставали въ шовинизмъ отъ своего учителя и воспитанники школы, которые всячески издѣвались надъ А. В. Духновичемъ за его привязанность къ русской рѣчи. Чтобы избѣжать насмѣшекъ со стороны товарищей, Александръ Васильевичъ съ удвоенной энергіей принялся за изученіе мадьярскаго языка и въ

короткое время настолько его усвоилъ, что могъ уже совершенно свободно говорить по-мадьярски. Но одновременно съ употребленіемъ чужого языка, А. В. Духновичъ началъ забывать свой родной и, въ концѣ концовъ, едва совсѣмъ не омадьярился. Однако, отъ національной гибели его спасло услышанное впервые отъ дѣда семейное преданіе о древне-русскомъ происхожденіи ихъ рода. Это произошло въ 1816 году, когда умеръ отецъ А. В. Духновича, и онъ вмѣстѣ съ братомъ и четырьмя сестрами остался сиротою. Въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ похоронъ отца писателя, дѣдъ призвалъ своего 12-тилѣтняго внука и торжественно ему объявилъ: „Сынъ мой! отецъ твой умеръ, а мнѣ уже 70 лѣтъ, и я не знаю, увижу ли тебя, когда ты вернешься изъ училища. Поэтому я долженъ тебѣ сообщить то, что мой отецъ и дядя завѣщали мнѣ передать наслѣдникамъ относительно нашего рода. Предокъ нашъ происходилъ изъ Москвы и не назывался тогда Духновичемъ, а былъ изъ извѣстной фамиліи Черкасскихъ. Въ царствованіе Петра Великаго, во время его отсутствія изъ Москвы, насталъ бунтъ стрѣльцовъ, которыми руководила царица Софья. Однимъ изъ начальниковъ стрѣльцовъ былъ нашъ предокъ Черкасскій; онъ спасся отъ казни бѣгствомъ и съ нѣсколькими своими товарищами, въ числѣ которыхъ были Герберъ и Брылла, чрезъ Польшу направился въ Угрію, гдѣ поселился подъ Бескидомъ, въ селѣ Тополѣ, принявъ имя Духновича. Здѣсь онъ получилъ должность пѣвца при деревянной церкви; но отличаясь познаніями, обратилъ на себя вниманіе сосѣднихъ священниковъ, которые убѣдили его жениться и принять званіе іерея. Онъ женился на дочери одного изъ этихъ священниковъ, отправился въ Мукачевскій монастырь, былъ тамъ посвященъ въ іереи и получилъ приходъ въ селѣ Тополѣ, который и переходилъ всегда къ его потомкамъ. Сынъ мой! Не забывай Бога, молись Ему и люби свой русскій родъ, и хотъ не станешь отъ этого богатъ, но зато будешь счастливъ“. По окончаніи ученія въ Ужгородѣ, онъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1823—1824) проходилъ „философію“ (т.-е. нынѣшніе VII и VIII классы гимназіи) въ Кошицахъ, откуда, уже будучи посвященнымъ въ стихарь, переведенъ въ Ужгородскую семинарію, гдѣ и изучалъ богословіе до 1827 года. Окончивъ свое образованіе А. В. Духновичъ, по предложенію епископа Тарковича, поступилъ въ епархіальную канцелярію города Пряшева и занимался въ ней подъ руководствомъ тогдашняго секретаря и епархіальнаго нотаріуса Василя Поповича, будущаго Мукачевскаго епископа. Ничего не получая за свои труды и много терпя отъ тяжелаго характера Тарковича, А. В. Духновичъ въ 1830 г. принужденъ былъ оставить канцелярію и пробылъ около двухъ лѣтъ въ качествѣ воспитателя дѣтей въ домѣ поджупана Ужгородской стѣлицы

Стефана Петрова. Однако, жизнь въ великосвѣтскомъ домѣ тяготила Александра Васильевича, и въ 1832 г. онъ снова поступилъ въ канцелярію, въ которой и служилъ до 1833 г., когда былъ назначенъ приходскимъ священникомъ въ село Комлошу, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ село Бѣловѣжу. Въ 1838 г. его сдѣлали нотариусомъ Ужгородской консисторіи, а въ 1843 г. назначили каноникомъ (протоіереемъ) въ Пряшевскій соборъ. Въ этомъ званіи А. В. Духновичъ и трудился до самой своей смерти. Въ послѣднее время жизни у Александра Васильевича стала развиваться водянка, которая продержала его прикованнымъ къ постели цѣлыхъ семь мѣсяцевъ. Приобщившись Св. Таинъ изъ рукъ самого епископа Іосифа Гаганца, А. В. Духновичъ скончался 18 (30) Марта 1865 года.

Александръ Васильевичъ Духновичъ былъ выдающейся личностью во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ народный дѣятель онъ много поработалъ для Угорской Руси, постоянно подвергаясь преслѣдованіямъ со стороны мадьярскихъ шовинистовъ. Онъ былъ не только однимъ изъ главныхъ основателей, но и первымъ предсѣдателемъ Общества Іоанна Крестителя въ Пряшевѣ, которое, помимо заботъ о развитіи литературы, оказывало также поддержку русскимъ воспитанникамъ Пряшевской гимназіи, давая имъ квартиру со столомъ и необходимые учебники. Какъ членъ Пряшевской консисторіи, онъ много содѣйствовалъ основанію народныхъ школъ. Александръ Васильевичъ обладалъ рѣдкимъ по твердости характеромъ и былъ строгимъ ревнителемъ благочестія, неизмѣнно преданнымъ православію. О религіозныхъ воззрѣніяхъ А. В. Духновича можно лучше всего судить по его сочиненію „Литургическій катехизисъ“ (Будапештъ, 1851). По словамъ Я. Ө. Головацкаго (см. его „Дополненія къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго“, Петроградъ, 1874, стр. 64, примѣчаніе къ № 443), когда появилась эта книга, то галицкіе каноники: бывшій ректоръ духовной семинаріи въ Вѣнѣ Спиридонъ Литвиновичъ и Григорій Пашкевичъ, найдя въ статьѣ катехизиса „Когда и какъ совершается освященіе даровъ?“ отступленіе отъ догматовъ католической церкви, донесли объ этомъ Римскому нунцію въ Вѣнѣ. Нунцій вошелъ въ объясненія съ А. В. Духновичемъ и въ переписку съ епископомъ Іосифомъ Гаганцемъ, но Александръ Васильевичъ, по сообщенію Я. Ө. Головацкаго, „смѣло и рѣшительно отвергнулъ всѣ требованія, увѣщанія и угрозы нунція и твердо стоялъ на своемъ,—пускай латинствующіе вѣнскіе каноники вѣруютъ какъ хотятъ, я же, Духновичъ, такъ вѣрую и исповѣдую, и ни за что не отступлю отъ преданій св. Отцовъ и ученія св. восточной Церкви, такъ бо вѣруютъ и исповѣдуютъ всѣ

Угорская Русь и всѣ Румыны даже униаты“. Нунцій, видя такую рѣшимость каноника Духновича и поддержку этого дѣла угорско-русскимъ клиромъ и народомъ, оставилъ вопросъ нерѣшеннымъ, и не трогая его больше, упросилъ автора, если онъ не хочетъ перемѣнить текста, то пусть позволить вырѣзать въ книгѣ нѣсколько листовъ. Духновичъ согласился, и вотъ причина, почему полные экземпляры „Литургическаго катехизиса“ весьма рѣдки. Во второмъ изданіи его, во Львовѣ, въ 1854 г., каноникъ Духновичъ приказалъ выпустить эту статью. Наконецъ, чтобы вполне обрисовать личность Александра Васильевича, какъ народнаго дѣятеля, надо отмѣтить, что его домъ отличался чисто-русскимъ хлѣбосолецтвомъ и служилъ средоточіемъ народной жизни въ Угорской Руси. У него сходились для бесѣды и заслуженные дѣятели и совсѣмъ еще юная молодежь, и всѣхъ одинаково объединяла благородная личность „батьки“ А. В. Духновича, который всегда былъ неизмѣнно спокойнымъ, жизнерадостнымъ и остроумнымъ.

Литературно-просвѣтительная дѣятельность А. В. Духновича началась съ того времени, когда онъ сдѣлался настоятелемъ прихода села Бѣловѣжи. Тогда онъ сталъ заниматься русскою литературою, изучалъ церковно-славянскій и общерусскій языки и собиралъ народныя пѣсни, изъ которыхъ нѣкоторыя были напечатаны въ извѣстномъ трудѣ Я. Ѳ. Головацкаго „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“.

Первымъ трудомъ А. В. Духновича былъ русскій букварь, появившійся въ 1847 году подъ заглавіемъ „Книжка для начинающихъ“.

Посвящая себя дальнѣйшей работѣ надъ просвѣщеніемъ угорскаго населенія, А. В. Духновичъ прежде всего озаботился объ устройствѣ типографіи, въ которой можно было бы печатать полезныя для народа книги. Съ этой цѣлью онъ обратился въ 1851 году въ Ужгородскую консисторію съ ходатайствомъ объ учрежденіи книгопечатни при Мукачевскомъ монастырѣ. Однако, этотъ планъ А. В. Духновича не могъ тогда осуществиться, такъ какъ послѣ мадьярской революціи 1848—49 годовъ власти весьма подозрительно относились даже къ малѣйшимъ проявленіямъ національнаго самосознанія среди австрійскихъ народностей. Но первая неудача не остановила писателя, и онъ продолжалъ трудиться для просвѣщенія и возрожденія Угорской Руси.

Въ Вѣнѣ онъ издалъ на 1851 г. и въ Будапештѣ 1852 г. литературный сборникъ „*Поздравленіе Русиновъ*“, а во Львовѣ напечаталъ на 1854 и 1856 г.г. свой календарь подъ заглавіемъ „*Мѣсяцословъ*“.

Въ 1850 г. появилась въ Перемышлѣ его драма „*Добродѣтель превышаетъ богатство*“, которая тогда же была разыграна учениками въ нѣсколькихъ народныхъ школахъ. Затѣмъ были изданы: для начальныхъ школъ—„*Краткій землеписъ*“ (1851 г.) и „*Литургическій катехизисъ*“ (1851 г.), для взрослыхъ—молитвенникъ „*Хлѣбъ души*“ (1851 г.) для интеллигенціи—„*Сокращенная грамматика письменнаго русскаго языка*“ (1853 г.) и, наконецъ, для учителей—„*Народная педагогія въ пользу училищъ и учителей сельскихъ*“ (1857 г.).

Уже изъ этого краткаго перечня видно, что литературная дѣятельность А. В. Духновича была самой разнообразной: онъ одновременно былъ поэтомъ, драматургомъ, историкомъ и педагогомъ.

Въ автобіографическихъ „*Запискахъ*“ А. В. Духновичъ характеризуетъ свою дѣятельность слѣдующимъ образомъ:

„По скончанію несчастнаго мятежа такъ реченнаго Кошутовскаго въ Угорщинѣ—угорскіе русины россійскими полками одушевленные зачали по народному думать, воздвигши по силамъ слабымъ письменность свою. Я въ томъ дѣлѣ былъ одушевленъ, понуждалъ молодежь русскую до дѣла, источивъ силы и деньги, выдалъ сей часъ дѣлце подъ заглавіемъ: „*книжица для начинающихъ*“, которое дѣлце для простаго народа въ стихахъ, четыре разъ печатанное великую принесло пользу для народнаго духа и для литературы;—издалъ сей часъ Молитвенничокъ русскій—Хлѣбъ души—которое дѣлце съ восторгомъ росхваченное такъ, что четыре разы должно было печатать. Сей часъ издалъ Алманахъ, и Мѣсяцесловъ и проч.

„Я радовался духомъ, что наши забвенные русины показали пламень духовной жизни, трудился ночью и днемъ, боролся съ перепонами, и врагами и заложилъ, учредивъ Литературное Заведеніе, которое порядочно издавало начальныя Литературныя сочиненія.

„И радостно могу сказать, что русины Епархіи Пряшовской одушевились, найпачеже молодежь стала душевно ревновать за русскій духъ, и за русское слово. Дѣвушки уже не стидились пѣть русскія пѣсни, а пѣснь моя народная: „*Я русинъ былъ, емь и буду*“ повсюду голо-

совала въ обществахъ, да уже и жида зачинались учить русскому. На гимназіи Пряшовской я преподавалъ русскій языкъ и любезно посѣщали школу мою не тогмо русины, но и словаки, и мадьяры, да и лютеранскія ученики; кто извѣститъ мое удовольствіе, я трепеталъ въ радости, думая, что оно и таки останется на всегда!“

Стихотворенія А. В. Духновича разбросаны по разнымъ сборникамъ и журналамъ и до сихъ поръ не появлялись еще отдѣльною книгою. Онъ пробовалъ свои силы во многихъ родахъ поэзіи. Такъ, къ одамъ относится его стихотвореніе „*Надежда въ Бога*“, изъ басенъ замѣчательна по мысли „*Противъ стыдающихъ своей народности*“, изъ сатиръ и юмористическихъ стихотвореній особенно интересны „*Критикъ*“ и „*Надиробное вепрю*“; онъ также любилъ писать думы, изъ которыхъ лично къ нему относится „*Дума на 60-лѣтній день*“, гдѣ онъ, между прочимъ, сожалѣеть о быстро промелькнувшей молодости. Но болѣе всего между стихотвореніями А. В. Духновича извѣстны въ Угорской Руси его подражанія народнымъ пѣснямъ и такія стихотворенія съ національной окраской, какъ напр., „*Я русинъ былъ, есмь и буду*“, которое было написано на мѣстномъ нарѣчій, положено на музыку и сдѣлалось народнымъ гимномъ Угорской Руси. Въ качествѣ образца приводимъ начало этого стихотворенія:

Я русинъ былъ, есмь и буду,
Я родился русинѡмъ,
Честный родъ мой не забуду,
Останусь его сынѡмъ.
Русинъ мой былъ отецъ, мати,
Русская вся родина,
Русины сестры, браты
И широка дружина.
Великій мой родъ и главный,
Міру есть современный,
Духомъ и силою славный,
Всѣмъ народамъ пріемный

и т. д.

Прозаическія сочиненія А. В. Духновича имѣютъ, главнымъ образомъ, учебно-воспитательное значеніе, такъ какъ произведенія художественнаго характера онъ писалъ по преимуществу стихами. Если не считать драмы „*Добродѣтель превышаетъ богатство*“, то всѣ остальные крупныя его сочиненія въ прозѣ, ставятъ своей задачей практическое служеніе народному просвѣщенію и представляютъ разнаго рода

буквари, молитвенники, календари („мѣсяцословы“) и руководства для учителей. Особенно извѣстна его „Народная педагогія“, которая замѣнила собой мадьярскія и нѣмецкія пособія и была составлена примѣнительно къ потребностямъ угро-русской школы. Кромѣ того, необходимо отмѣтить его публицистическую дѣятельность, выразившуюся въ многочисленныхъ корреспонденціяхъ изъ Пряшева, которыя А. В. Духновичъ помѣщалъ въ „Вѣстникъ“ И. О. Головацкаго, „Семейной Библіотекѣ“ С. Г. Шеховича, „Церковной Газетѣ“ и „Церковномъ Вѣстникѣ“ И. И. Раковскаго и въ „Словѣ“ Б. А. Дѣдицкаго. Всѣ публицистическія статьи А. В. Духновича можно раздѣлить, по характеру ихъ содержанія, на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ знакомятъ читателей съ культурно-просвѣтительнымъ движеніемъ въ Угорской Руси, другія же—касаются вопроса о литературномъ языкѣ русскаго Прикарпатя.

Много сочиненій А. В. Духновича осталось также въ рукописи и въ томъ числѣ „Privatae cogitationes“ („Частныя размышленія“; относятся къ 1830 г.г. и содержатъ стихи и прозу на латинскомъ, русскомъ и мадьярскомъ языкахъ), „Біографія Василя Поповича“ (по латыни), вторая часть „Народной педагогіи“, затѣмъ слѣдующіе пять сборниковъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ „Народнаго Дома“ во Львовѣ: „Забавки“ (въ трехъ частяхъ, изъ которыхъ первая содержитъ стихотворенія, вторая—статью объ угро-русскихъ и третья—повѣсти), драма „Головный тарабанщикъ“, „Загадки и логогрифы“, „Естественно-духовныя разсужденія“ и „Statuta Capituli Eperiensis“ („Уставъ Пряшевскаго капитула“, т.-е. соборнаго причта и, наконецъ, автобіографическія „Записки“ (рукопись 1861—1864 г.г.; хранится въ Пряшевской епископской библіотекѣ).

Значеніе дѣятельности А. В. Духновича для развитія Угорской Руси настолько велико, что составляетъ цѣлую эпоху въ ея исторіи. До него въ литературѣ употреблялись послѣдовательно церковно-славянскій, латинскій и мадьярскій языки, и только онъ первый началъ писать по русски: сперва на мѣстномъ нарѣчій, а затѣмъ и на общерусскомъ языкѣ. Какъ священникъ, онъ постоянно заботился о чистотѣ восточнаго обряда, а какъ народный дѣятель—много содѣйствовалъ открытію новыхъ школъ. Вообще своими трудами А. В. Духновичъ указалъ угро-руссамъ то направленіе, по которому должно совершаться ихъ національное развитіе. Если Угорская Русь,—въ противоположность Галичинѣ и Буковинѣ,—никогда не знала украинфильства и всегда отстаивала общерусское національно-культурное единство, то этимъ она въ значительной степени обязана плодотворной дѣятельности Александра Васильевича Духновича.

**Хронологическій перечень напечатанныхъ сочиненій
А. В. Духновича.**

Примѣчаніе: А. В. Духновичъ имѣлъ *криптонимы*: 1) А. Д. (изъ Пряшева): альманахъ „Поздравленіе Русиновъ“ на 1851 и 1852 г.г., „Вѣстникъ“, 1852 и 1853 г.г.; „Зоря Галицкая“; 1853 г.; „Отечественный Сборникъ“, 1853 г.; „Церковная Газета“, 1857 и 1858 г.г.; „Слово“, 1861 и 1862 г.г. и „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи“, 1862 г. 2) Д. (изъ Пряшева); „Зоря Галицка“, 1849 г.; альманахъ „Поздравленіе Русиновъ“, на 1851 г.; „Вѣстникъ“, 1852 г.; и „Церковная Газета“, 1857 г. и *псевдонимъ*—Архидіаконъ Спижскій.

1847.

Книжица читальная для начинающихъ. Будапештъ, 1848, 32°, стр. 120. (Второе изданіе появилось въ 1851 г., а третье— въ 1852; и то и другое въ Будапештѣ).

Corpus Juris Canonici. Томъ I. Пряшевъ, 1847.

1849.

Состояніе Русиновъ въ Угорщинѣ. „Зоря Галицка“, Львовъ, 1849, № 31.

1850.

Поздравленіе Русиновъ на новый годъ 1850. Перемышль, 1850, 16°, стр. 54. Въ этомъ сборникѣ, составленномъ А. В. Духновичемъ, помѣщены два его произведенія:

Поздравленіе (стихотвореніе) и

Прощаніе съ 1849 годомъ (статья).

Добродѣтель превышаетъ богатство. Игра въ трехъ дѣйствіяхъ по простонародному изреченію въ пользу народа Карпато-Русскаго отъ Александра Духновича. Въ Перемышляхъ, тѣпомъ собора русскихъ Крылошанъ, 1850, 16°, стр. 122.

Поздравленіе Русиновъ на годъ 1851, отъ литературнаго заведенія Пряшевскаго. Вѣна, 1850, 16°, стр. 156+

1. иллюстрація. Въ этомъ сборникѣ, составленномъ А. В. Духновичемъ, помѣщены слѣдующія его произведенія: стихотворенія—

Поздравленіе (стр. 3—8);

Орель (стр. 9—14);

Мысль о Бозѣ (стр. 15—18);

Сирота въ заточеніи (стр. 19—23);

Убѣгша свобода (стр. 33—34);

Свобода (стр. 35—36);

Незабудка (стр. 37—39);

Сѣтованіе Павла Аньоша (стр. 40—42);

О придворной жизни (стр. 43—47);

Жаба. По Лаборскому выраженію (стр. 50—51);

Врученіе (стр. 69—70) и путевые очерки въ прозѣ)—

Память Щавника (стр. 71—78).

Корреспонденціи изъ Пряшева. „Вѣстникъ“, Вѣна, 1850, №№ 14—16, 21, 29, 35, 43, 54, 55, 62, 84, 85, 87 и 88.

1851.

Литургическій катехизисъ. Будапештъ, 1851, 8°, стр. 207. (Второе изданіе вышло во Львовѣ въ 1854 г.).

Хлѣбъ души, или набожныя молитвы и пѣсни для восточныя церкви православныхъ христіанъ. Будапештъ, 1851, 16°, стр. 184. (Эта книга выдержала около десяти изданій: второе появилось въ Будапештѣ въ 1857 г., а всѣ послѣдующія въ Перемышлѣ въ 1860, 1864, 1866, 1868, 1869 и 1877 г.г.).

Краткій земленикъ для молодыхъ Русиновъ. Перемышль, 1850, 16°, стр. 100.

Счетъ литературнаго заведенія Пряшевскаго. „Вѣстникъ“, Вѣна, 1851, № 145.

Корреспонденціи изъ Пряшева. „Вѣстникъ“, Вѣна, 1851, №№ 5, 8 и 144.

1852.

Поздравленіе Русиновъ на Новый годъ (стихотвореніе), „Вѣстникъ“, Вѣна, 1852, № 3.

Прощаніе съ мясницями (стихотвореніе). „Вѣстникъ“, Вѣна, 1852, № 14.

Эпитафія или надгробная надпись славнаго пьяницы (стихотвореніе). „Вѣстникъ“, Вѣна, 1852, № 38.

Загадки. „Вѣстникъ“, Вѣна, 1852, №№ 4—9, 11, 13, 15, 20—24, 35, 37, 40, 42, 46, 48, 50, 51, 55, 69, 70, 73.

Логогрифы. „Вѣстникъ“, Вѣна, 1852, №№ 26, 27, 29—32, 40, 43, 52, 54—56, 68, 70, 73—77, 79.

Господарка (мелкія хозяйственныя замѣчанія). „Вѣстникъ“, Вѣна, 1852, №№ 13—15.

Корреспонденція изъ Пряшева. „Вѣстникъ“, Вѣна, 1852, №№ 10, 11, 24, 68, 74, 78.

Корреспонденція изъ Пряшева. (Безъ всякой подписи). „Зоря Галицкая“, Львовъ, 1852.

Праводушное привѣтствованіе Франца Іосифа, городъ Пряшевъ всемилостиво посѣтившаго. Будапештъ, 1852, 4°, стр. 7.

Въ книгѣ „Поздравленіе Русиновъ на годъ 1852 отъ Литературнаго Заведенія Пряшевскаго“ (Будапештъ, 1852), А. В. Духновичъ напечаталъ слѣдующія свои стихотворенія:

Вѣчность (стр. 3—9);

Храмъ любви (стр. 15—30);

Любовь милой и отечества (стр. 31—33);

Тоска на гробѣ милой (стр. 34—39);

Образъ жизни (стр. 71—72);

Мысль въ началѣ весны (стр. 126), а также въ прозѣ басню—

Женская свирѣпость (стр. 133—143).

1853.

Сокращенная грамматика письменнаго рускаго языка. Будапештъ. 1853, 8°, стр. 51. (Эта грамматика была написана А. В. Духновичемъ на угро-русскомъ нарѣчїи, но В. М. Войтковскій и И. И. Раковскій, которому авторъ послалъ въ Будапештъ свое сочиненіе для напечатанія, измѣнили первоначальный языкъ грамматики на общерусскій ладъ и въ такомъ видѣ выпустили ее въ свѣтъ).

Корреспонденція изъ Пряшева. „Вѣстникъ“, Вѣна, 1853, № 32.

Корреспонденція изъ Пряшева. „Зоря Галицкая“, Львовъ, 1853, № 32.

1854.

Молитвенникъ для русскихъ дѣтей. Будапештъ, 1854, 16°, стр., 210.

Мѣсяцословъ для угорскихъ Русиновъ на годъ 1854. Изд. Александръ Духновичъ. 1854, 8°.

Корреспонденція изъ Пряшева. „Отечественный Сборникъ“, Вѣна, 1854, № 3.

1856.

Мѣсяцословъ господарскій Львовскій на годъ отъ воплощенія Господа нашего Иисуса Христа 1857. Львовъ, 1856, 8°, стр. 108. (Этотъ же „Мѣсяцословъ“ А. В. Духновичъ приспособилъ и къ потребностямъ угро-русовъ, для чего замѣнилъ въ немъ свѣдѣнія о галицкихъ ярмаркахъ соответствующими данными объ ярмаркахъ въ Угорской Руси. Во львовскомъ „Мѣсяцословѣ“, между прочимъ, напечатана пѣсня А. В. Духновича „Я русинъ былъ, емъ и буду“ (стр. 91—92).

Корреспонденція изъ Пряшева. „Церковная Газета“, Будапештъ, 1856, № 29.

Корреспонденція изъ Пряшева. „Семейная Библіотека“, Львовъ, 1856, стр. 30.

1857.

Народная педагогія въ пользу училищъ и учителей сельскихъ. Часть I. Педагогія общая. Львовъ, 1857, 8°, стр. V+91. (А. В. Духновичъ написалъ также и вторую часть этого сочиненія подъ заглавіемъ „Педагогія спеціальная“, которая до сихъ поръ еще не напечатана).

Была пора, коль Русскій сынъ (стихотвореніе, напечатанное въ альбомѣ, поднесенномъ императору Францу-Иосифу I, по случаю его путешествія по Угріи въ 1857 г. Это же стихотвореніе перепечатано въ „Церковной Газетѣ“, Будапештъ, 1858, № 3).

Корреспонденція изъ Пряшева. „Церковная Газета“, Будапештъ, 1857, №№ 9, 28 и 34.

1858.

Правила Чина Св. Василія Великаго въ Угорщинѣ. Львовъ, 1858, 8°, стр. 160+IV.

Голось изъ подъ Карпатъ (стихотвореніе, напечатанное въ изданіи „Das Kaiser-Album Viribus Unitis“, Вѣна, 1858, стр. 209—210.

Это же стихотвореніе перепечатано въ „Отечественномъ Сборникѣ“, Вѣна, 1858, № 20).

Корреспонденція изъ Пряшева. „Церковная Газета“, Будапешть, 1858, №№ 2, 10 и 14.

Корреспонденція изъ Пряшева. „Церковный Вѣстникъ“, Будапешть, 1853, № 6.

1860.

Въ изданіи „Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860“. (Издаль Б. А. Дѣдицкій. Львовъ, 1860, 8°, стр. XXII+560) А. В. Духновичъ напечаталъ слѣдующія свои стихотворенія:

Голосъ радости въ честь новооставленному Митрополиту Львовскому, Его Высоко-Преосвященству Григорію барону Яхимовичу отъ Угорскихъ Русиновъ (стр. XV—XVI);

Пѣснь земледѣльца весною (стр. 58—59);

Счастіе жизни (стр. 59);

Поздравленіе Новому Другу (д-ру Влад. Терлецкому; стр. 59—60) и

Что бывало, есть и нынѣ (стр. 60—61).

1861.

Корреспонденціи изъ Пряшева. „Слово“, Львовъ, 1861, №№ 45 и 60.

1862.

Послѣдняя моя пѣснь (стихотвореніе). „Галичанинъ“, Львовъ, 1862, кн. I, вып. 1, стр. 19—20.

Корреспонденція изъ Пряшева. „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи“, Кіевъ, 1862, т. II, стр. 140—141.

Корреспонденціи изъ Пряшева. „Слово“ 1862, №№ 1, 14 и 100.

1863.

Корреспонденціи изъ Пряшева. „Вѣстникъ“, Вѣна, 1863, №№ 2, 6—11, 43.

Корреспонденціи изъ Пряшева. „Слово“, 1863, №№ 10 и 101.

1864.

- Въ книгѣ „Мѣсяцословъ на годъ 1865“ (Ужгородъ, 1864 г.)
 А. В. Духновичъ напечаталъ слѣдующія свои стихотворенія:
 Русскій маршъ (стр. 3—4);
 Муха (стр. 23—25);
 Надгробное вѣпру (стр. 25—26);
 Пѣнь престонародна (стр. 44—47);
 Надежда въ Бога (стр. 76—77);
 Критикъ (стр. 81);
 Солнце (стр. 103—105);
 Мѣсяць (стр. 105—106) и
 Дума на 60-лѣтній день (стр. 141).

1865.

- Въ книгѣ „Мѣсяцословъ на годъ 1866“ (Ужгородъ 1865), напечатаны слѣдующія произведенія А. В. Духновича:
 Дочь (стихотв.), стр. 45);
 Фальшивому другу (стих., стр. 44—45);
 Цыганъ (стих., стр. 45);
 Дѣло отъ бездѣлія (статья, стр. 43—44) и
 Басня противъ стыдающихся своей народности (разсказъ, стр. 45).
 Русскій literalный земледѣлецъ (стихотв.). „Голосъ Народный“, Коломыя, 1865, № 2.
 О придворной жизни (стих.). „Слово“, Львовъ, 1865, № 34.
 Погибшая свобода (стих.). „Слово“, Львовъ, 1865, № 2.
Посмертныя изданія.
 Отечество (стих.). „Слово“ Львовъ, 1865, № 75.
 На похоронъ матери (стихотвореніе). „Отечественный Сборникъ“, Вѣна, 1866, № 9.
 Бесѣда, выголошена во время инсталяціи протоіерея Михаила Герберія (статья). „Отечественный Сборникъ“. Вѣна, 1866, № 16.
 О склонностяхъ человѣческихъ и фізіогноміи (статья) „Отечественный Сборникъ“. Вѣна 1866. №№ 7 8.
 Загадка (стих.). „Читанка русская для низшей гимназіи“, Львовъ, 1866, стр. 10 и 34.

Удовольствие (стих.). „Мѣсяцословъ на 1869 годъ“. Ужгородъ, 1868.

Чины знаешь (стих.). „Ластовка“, Львовъ, 1869, № 4.

Исторія Пряшевской епархіи. Сочиненіе А. В. Духновича. Переводъ съ неизданной латинской рукописи протоіерея К. Кустодіева. Петроградъ, 1877, 8°, стр. 102. Цѣна 50 коп. (Неизданный латинскій оригиналъ написанъ въ 1846 г. и носитъ заглавіе „Chronologica Historia almae Diocesis Eperjessiensis ab origine videlicet, usque olitum primi Episcopi Gregorii Tarkovits deducta per Alexandrum Duchnovics Cathedralis Ecclesiae Eperjessiensis Magistrum Canonicum. Anno 1816. Pars I-ma“).

Василію Поповичу на день 1 Января 1837. (стихотв.). „Листокъ“, Ужгородъ, 1885, № 3.

Сочиненія, оставшіяся въ рукописи.

Privatae cogitationes, praesertim nocturnae Alexandri Duchnovics. (Эту рукопись, относящуюся къ 1830 г.г., открылъ Анатолій Кралицкій, который и далъ о ней краткую замѣтку подь заглавіемъ „Корреспонденція. Мукачево 9 (21) Января 1892“. „Листокъ“, Ужгородъ, 1892, № 4).

Biographia Basilii Popovics, Episcopi Munkacsiensis, sen Status Dioecesis Munkacsiensis ab Anno 1809 usque 1843, adumbratus per Alexandrum Duchnovics, cath. Eccl. Eperjes. Canonicum, antea notarium Cons. Munk. Пряшевъ, 1847, стр. 6+134 малаго формата. Этотъ трудъ, повидимому, не оконченъ. По крайней мѣрѣ, въ рукописи, принадлежавшей А. И. Добрянскому-Сачурову и находящейся теперь у его дочери Е. А. Будиловичъ, рассказъ доведенъ только до начала епископства Василія Поповича. Сочиненіе богато автобіографическими данными).

Народная педагогія. Часть вторая, носящая заглавіе „Педагогія спеціальная“.

Въ бібліотекѣ „Народнаго дома“ во Львовѣ хранятся слѣдующіе пять сборниковъ рукописей А. В. Духновича (подробное ихъ описаніе дано въ книгѣ И. С. Свѣнцицкаго: „Описаніе иноязычныхъ и новѣйшихъ карпато-русскихъ рукописей бібліотеки „Народнаго Дома“ во Львовѣ“, Львовъ, 1905, стр. 12—15):

Забавки. Пряшевъ, 1848, 32°, въ трехъ частяхъ: часть I (стихотворенія) стр. 94, часть II (статья объ угро-руссахъ) стр. 77, часть III (повѣсти) стр. 56.

Головный тарабанщикъ, драма отъ Александра Духновича. Пряшевъ, 1852, 32°, стр. 206.

Загадки и логогрифы. Дѣйствование А-дра Д-ча Крылошанина въ Пряшевѣ 1852 г. 16°, стр. 153. (Часть загадокъ и логогрифовъ была напечатана. Кромѣ загадокъ сборникъ содержитъ и стихотворенія, изъ которыхъ нѣкоторыя тоже были изданы).

Естественно-духовная разсужденія. Пряшевъ, 1855, 16°, 7 л.+205 стр.

Statuta Capituli Eperiensis Concinnavit A-der D-c̄s Canon. Eperiensis. 16°, стр. 226+29.

Записки Александра Духновича. (Писаны въ течение 1861—1864 г.г. Хранятся въ Пряшевской епископской библиотекѣ. Выдержки изданы въ книгѣ И. С. Свѣнцицкаго „Материалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси“, Львовъ, 1909, стр. 118—126).

Литература объ А. В. Духновичѣ.

Біографіи и характеристики.

А. И. Павловичъ. „Батькови Духновичу“ (стихотвореніе).

V. A. „Aleksandr Vas. Duchnovic“. Словацкій журналъ „Sokol“, Будапештъ, 1863, № 2.

„Александръ Васильевичъ Духновичъ“ (некрологъ). „Золотая Грамота“, Вѣна, 1865, № 3.

„Александръ Васильевичъ Духновичъ“ (некрологъ). „Слово“, Львовъ, 1865, № 24.

Кр—кій. „Олександръ Духновичъ“. „Календаръ товариства“, „Просвѣта“, Львовъ, 1866, стр. 71.

„Воспоминанія о блажен. пам. А. В. Духновичѣ“. „Слово“, 1865, № 25.

К. и Л. „Александръ Духновичъ, крылошанинъ Пряшевскій“ (біографическій очеркъ съ портретомъ). „Золотая Грамота“, Вѣна, 1865, № 7.

Анатолій Кралицкій. „А. В. Духновичъ, крылошанинъ Пряшевскій“. 1) „Мѣсяцословъ на годъ 1866, для русскихъ угорскія краины“ Ужгородъ, 1865, и 2) „Временникъ“ Ставропигійскаго Института, Львовъ, 1871.

„Aleksandr Vasiljevic Duchnovic“. „Slawische Blatter“, Вѣна, 1865, стр. 211—213.

Торонскій. „Александръ Духновичъ“ (біографическій очеркъ). „Русская Читанка“, Львовъ, 1868, стр. 317.

М. А. Маленькій. „А. В. Духновичъ, его жизнь и дѣйствованіе“. „Слово“, Львовъ, 1865, № 34.

Н. А. Поповъ. „Русскій писатель въ Венгріи Александръ Васильевичъ Духновичъ“. „Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности“, Москва, 1871, вып. 3, стр. 50—61.

Александръ Барвинскій. „Александръ Духновичъ“ (біограф. очеркъ). „Русская Читанка“, Львовъ, 1871, стр. 520.

Владиміръ Терлецкій. „Угорская Русь и возрожденіе сознанія народности между русскими въ Венгріи“, Кіевъ, 1874, стр. 21—23.

Василь Лукичъ. (Владиміръ Левицкій). „Угорская Русь, ея розвой и теперѣшній станъ“, Львовъ, 1887, стр. 16—18.

Евменій Сабовъ. „Христоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ“, Ужгородъ, 1893, стр. 196—198.

Студинскій. „Корреспонденція Якова Головацкаго въ літахъ 1850—22“, Львовъ, 1905. (Здѣсь напечатано 28 писемъ А. В. Духновича къ Я. О. Головацкому).

Иванъ Созанскій. 1) „Поетична творчість Олександра Духновича“. „Записки наукового товариства имени Шевченка“, Львовъ, 1908, томъ 86, стр. 123—140 и 2) „Александръ Духновичъ“ (угро-русскій авторъ народныхъ учебниковъ і публіцистъ). „Учитель“, Львовъ, 1908, стр. 137—147, 162—167, 178—184.

Портреты.

Александръ Духновичъ. (Портретъ на полулистѣ). Изданіе Общества св. Василя Великаго въ Ужгородѣ. Вѣна, 1867.

М. А. Вrabель. „Русскій соловей или собраніе народныхъ пѣсней на разныхъ угро-русскихъ нарѣчіяхъ“, Ужгородъ, 1890, стр. 1 (портретъ и факсимиле).

Д. Д. Языковъ „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ“ двѣнадцатый выпускъ сборника отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ LXXXIX, № 8 послѣдній 280 стр. С. Петербургъ 1912 г.

Русская библиографія обогатилась пѣннымъ вкладомъ. Трудъ Димитрія Димитріевича Языкова, столь извѣстнаго библиофила, представляетъ изъ себя не только справочникъ, драгоценный по своей полнотѣ и точности, но и весьма любопытную книгу, такъ какъ содержитъ краткія жизнеописанія трехсотъ двадцати семи писателей и писательницъ умершихъ въ 1892 году.

П. В. (младшій)

Дѣйствія Нижегородской Архивной Коммиссіи. — Сборникъ. — Т. XIV. Н. — Новгородъ, 1913. Ц. 30 коп.

Въ XIV томѣ сего Сборника помѣщены: статья А. Н. Алекова „Психопатическая эпидемія въ с. Кулиниѣ, Нижегородск. губ. въ 1838 году“, рассказывающая о заболѣваніи пѣлаго села. Статьи А. И. Звѣздина „О кликушествѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ“, дополняющая первый докладъ. Въ этой статьѣ Г. Звѣздинъ говоритъ о большомъ развитіи кликушества на Руси въ старину, указывая на роль его въ русской исторіи. — Далѣе: „Опись дѣлъ Сенатскаго архива за 1818-1819 гг. Н. И. Драницына; „Матерьялы по исторіи Нижегородскаго края изъ столичныхъ архивовъ“ подъ редакціей А. К. Кабанова; Журналы 138-144 засѣданій Нижегородской архивной коммиссіи и три переведенныхъ О. В. Ржигой шведскихъ, довольно любопытныхъ документа: „Инструкція шведскаго короля Густава Адольфа, данная комиссарамъ для переговоровъ съ русскими въ 1613 году“ и два донесенія шведскихъ пословъ своему правительству о состояніи

царскаго двора и русскаго правительства въ Москвѣ въ періодъ послѣ избранія Михаила Феодоровича на царство. Два послѣдніе документа заимствованы изъ отдѣленія Шведскаго Государственнаго Архива, называемаго — „*Extranea Moscovitica*“, что значитъ — Иностранное, касающееся Москвы.

Записки Ростовскаго на Дону О-ва Исторіи, Древностей и Природы. Т. I. Изданъ подъ редакціей секретаря о-ва, **А. М. Ильина.** Ростовъ н/д. 1912. Ц. 2 руб. Стр. 295.

I томъ записокъ Ростовскаго О-ва обнимаетъ обширный матерьялъ, касающійся исторіи, древности, археологии, природы и дѣятелей стараго Ростова: въ книгу вошли статьи Г. Г. Ильина, Краснянскаго, Миллера, Сватикова, Фарфоровскаго, Филевскаго, Попова, Кирилова, Матвѣева, Богачева, Богаевского, Бруна, Мардарьева, Стефанова, протоколы о-ва и нѣсколько небезынтересныхъ замѣтокъ по исторіи Ростова на Дону.

Неутомимый изслѣдователь калмыцкаго края, С. В. Фарфоровскій, далъ въ сей сборникъ три калмыцкихъ легенды: — „О богатырѣ Овше“ и „О богатырѣ Мазанѣ“, героическія — и „Откуда горы, холмы и ущелья“, космогоническую. Легенды эти рассказаны нехитрымъ, языкомъ кочевника, тѣмъ болѣе любопытны, что эпосъ калмыцкій былъ до сей поры почти неизвѣстенъ. Въ настоящее время, какъ сообщаетъ Г. Фарфоровскій, былины эти, записаны учащимися калмыками, переводятся на русскій языкъ. Легенда „О богатырѣ Мазанѣ“ повѣствуетъ, между прочимъ, о встрѣчѣ героя этого съ Буддой и о томъ, какъ богъ испытывалъ храбрость витязя, превратившись въ выросшую изъ земли черную руку, и какъ богатырь храбрымъ отказомъ отвратилъ отъ себя гнѣвъ бога.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913 годъ.

(Годъ 51-ый).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1913 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Садовой у Ермолая, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 12 до 4 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5 %.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Журналъ выходитъ на старыхъ основаніяхъ съ привлеченіемъ новыхъ сотрудниковъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіи мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщикъ долженъ заявить № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ видѣ приложенія подписчикамъ будетъ разослано собраніе статей и примѣчаній почившаго составителя „Русскаго Архива“ Петра Ивановича Бартенева.

Отвѣтственный редакторъ Н. С. Бартенева.

Издатель и составитель Петръ Бартенева (младшій).

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913

3

стр.

293. Письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову. Сообщено А. А. Милорадовичъ.
295. Н. О. Кутлубицкой. Сообщено И. Бронскимъ.
327. Къ 75-тилѣтію Ялты. Воспоминанія К. К. Эшляманъ. Сообщено В. Кашкаровымъ.
360. Письма фельдмаршала князя Витгенштейна за 1813 г.
375. Замѣтка. Русскіе въ Парижѣ въ 1814 году. С. В. Фарфоровскаго.
377. А. И. Добрянскій-Сачуровъ. Статья Ѳ. Ѳ. Аристова.
412. Переписка Кристина съ княжной Туркестановой.

МОСКВА

Синодальная Типографія

1913

„Старина и новизна“. Историческій сборникъ, издаваемый при Обществѣ ревнителѣй русскаго Историческаго просвѣщенія въ память **Императора Александра III.** Книга шестнадцатая. С. Петербургъ 1913 г. Приложенъ портретъ графа А. А. Голенищева-Кутузова и указатель именъ личныхъ и названій географическихъ.

Названный сборникъ заключаетъ въ себѣ обиліе весьма цѣнныхъ и въ высшей степени любопытныхъ матеріаловъ. Записки о вступленіи на Новгородскую митрополию митрополитовъ Іоакима и Евѣимія сообщаютъ любопытныя подробности: привѣтствіе митрополитамъ, сказанное виршами ребенкомъ („малое отроча“) въ церкви Знаменія Пресвятой Богородицы и встрѣча владыки въ Ситецкомъ монастырѣ дѣтьми Новгородскаго воеводы, боярина Петра Васильевича Шереметева, Ѳедоромъ, Иваномъ, и Владиміромъ Петровичами. Обстоятельство это, отмѣченное впервые, немаловажно: искони живущіе въ духовномъ единеніи съ народомъ и вѣрности его бытовымъ устоямъ, Шереметевы не могли отсутствовать при встрѣчѣ новаго владыки. Они всегда принимали участіе дѣятельное въ жизни государственной, что дало поводъ одному ученому сказать, что исторія рода Шереметевыхъ это исторія Россіи. Крайне любопытны воспоминанія князя Виктора Илларионовича Васильчикова со словъ отца его. Тамъ, между прочимъ, находится объясненіе, почему Наполеонъ не двинулъ подъ

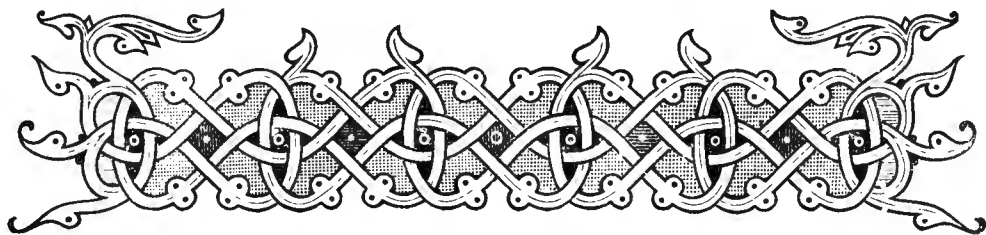
Бородинымъ гвардію, находившейся въ резервѣ. Приводимъ дословно разсказъ маршала Мезонъ кн. Васильчикову:

«C' est un pur hasard qui a fait la chose. Je ne commandais rien ce jour là et me trouvais dans la suite de l' Empereur, lorsque Napoleon qui etait assis sur un tronc d'arbre sur la hauteur derriere notre centre, me fit appeler et me donna l' ordre de faire déployer la garde qui encore était en réserve et intacte. Je courru transmettre l' ordre de l' Empereur et c' est alors que vous avez pus voir la garde se former.

Bientot après Napoleon me rappela et me faisant voir par sa longe vue une forte colonne, qui etait à peine visible derriere vos lignes, me dit: c' est inutile d' engager la garde, voyez les rezerves qu' ils ont encore la bas: faites retirer les grenadiers. Plus tard nous avons appris ce que c' était cette colonne: votre milice de Moscou armée de pieux et de faux; la distance avait empêchée l' Empereur de distinguer le genre de réserve, que vous aviez, et c' est ce qui vous a sauvé comme vous l' avonez vous même, mon general.»

Письма къ Васильчикову императора Александра и Николая Павловича полны самыхъ интересныхъ подробностей, показывающихъ, какое довѣріе и уваженіе питали оба Государя къ князю Иллариону Васильевичу.

Самъ кн. Викторъ Александровичъ оправдалъ девизъ своего отца:

ПИСЬМО ЛОМОНОСОВА КЪ И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый Гдѣрь Иванъ Ивановичъ.

Переписанную рѣчь мою къ Вашему Превосходительству переслать принимаю смѣлость, еще васъ, Милостиваго Гдѣря прошу, чтобы о произнесеніи оной къ 25-му Ноября постараться, ибо мнѣ даютъ навѣтки, что ее въ Комментаріи напечатать; однако я тѣмъ отнюдь не могу быть доволенъ и за прямой отказъ почестъ долженъ. Она такимъ образомъ сочинена, чтобы говорить въ собраніи, и послѣ особливаго случая. Въ другихъ обстоятельствахъ долженъ я буду много перемѣнить и выкинуть, что мнѣ много труда станеть. Сверхъ того съ Комментаріями выйдетъ она весьма поздно (sic). При семъ ваше Превосходительство всепокорнѣйше прошу не забыть вашего мѣтливаго общанія, что бы меня доставить вторымъ томомъ Татищева: затѣмъ что онъ въ первомъ много на второй ссылается, ожидая милостиваго въ семъ не оставленіи съ усердіемъ высокопочитанія завсегда пребываю

вашего Превосходительства

Изъ Санкт-петербурга

всепокорнѣйшій слуга

Октября 7 дня

Михайло Ломоносовъ.

1753 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всякій интересующійся личностью Императора Павла не можетъ одновременно не интересоваться ближайшей характеристикой его приближенныхъ.

Однимъ изъ таковыхъ былъ Николай Осиповичъ Кутлубицкой, сохранившій расположеніе Императора до послѣднихъ дней его царствования.

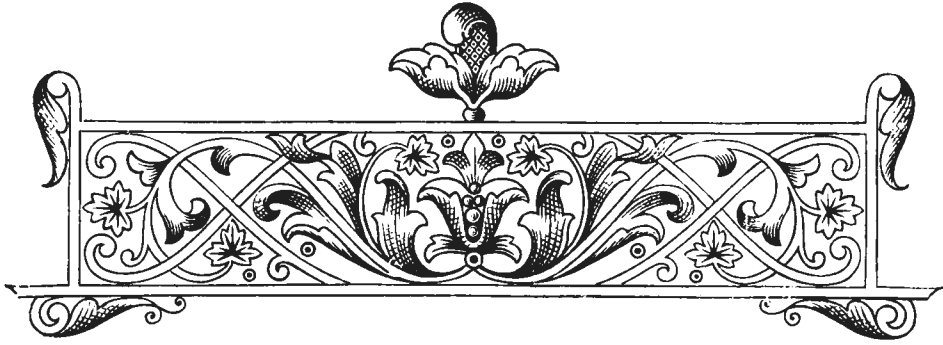
Какова была его личность? Исчерпывается ли его содержаніе общимъ наименованіемъ „Гатчинца“, и въ какомъ соотвѣтствіи находится онъ съ обликомъ самого Императора? Судить о томъ трудно по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, которыя вошли въ историческія монографіи о Павлѣ I-мъ. Не смотря на свою близость къ Императору, фигура Кутлубицкаго до сего времени пребываетъ въ тѣни, въ противоположность освѣщеннымъ en plein фигурамъ Палена, Аракчеева, Кутайсова и другихъ.

Въ прилагаемой біографической замѣткѣ мы пытались освѣтить его личность, насколько это оказалось возможнымъ по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ его семейнаго архива. Склонны думать, что покойный Николай Осиповичъ не проигралъ бы и при болѣ сильномъ освѣщеніи, но и при томъ, что есть, онъ уже напоминаетъ собой „Нейдову въ ботфортахъ“.

Симпатичныя черты его характера невольно привлекають къ себѣ то расположеніе, которымъ пользовался Кутлубицкой и со стороны Императора Павла—человѣка ожесточеннаго жизнью, безпрестанно терявшаго самобладаніе, но чуткаго ко всему доброму.

И. Бронскій.

НИКОЛАЙ ОСИПОВИЧЪ КУТЛУБИЦКОЙ¹⁾

(Генераль-адъютантъ Императора Павла I-го)

Вскорѣ по восшествіи на престолъ Императоръ Павелъ спросилъ П. И. Мелессино его мнѣніе объ одномъ изъ артиллерійскихъ офицеровъ.

Петръ Ивановичъ отвѣтилъ: онъ ума свѣтлаго нрава ретиваго, но сердца отъменно горячаго.

„Такихъ людей мнѣ, сударь, и надобно!“ — сказалъ Государь, и по восшествіи на престолъ онъ вызвалъ этого офицера въ Петербургъ и произвелъ въ генераль-майоры.

(Изъ исторіи Гвардейской артиллеріи).

Въ изданіи Вел. Кн. Николая Михайловича „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій“, составляющемъ единственную въ своемъ родѣ энциклопедію нѣсколькихъ царствованій, въ выпускѣ I-мъ тома IV подъ № 78-мъ помѣщенъ портретъ Н. (О). Кутлубицкаго, снятый съ находящагося въ Гатчинскомъ Дворцѣ²⁾.

¹⁾ Именно такъ: Кутлубицкой, а не — „икій...“, писалъ о себѣ покойный Николай Осиповичъ. Такъ же онъ именуется „Господинъ генераль-адъютантъ Кутлубицкой“ и въ именныхъ рескриптахъ Императора Павла, къ нему обращенныхъ. Межъ тѣмъ какъ отецъ Ник. Осип. росписывался: *Иосифъ Кутлубицкій*.

²⁾ Тотъ же приложенъ, судя по его описанію, и къ „Исторіи Государевой Свиты“. Въ „Исторіи же Гвардейской артиллеріи“ помѣщенъ другой портретъ Кутлубицкаго въ артиллерійской формѣ, снятый съ фамильнаго миниатюра, гдѣ Ник. Осип. изображенъ въ 22-лѣтнемъ возрастѣ, еще на службѣ генераль-адъютантомъ (en face).

Прилагаемъ здѣсь 3-ій портретъ Ник. Осип., какъ наиболѣе схожій, зарисованный, примѣрно, въ 1820 году.

Портретъ этотъ относится къ тому времени, когда Кутлубицкой былъ уже въ отставкѣ. Онъ изображенъ въ штатскомъ платьѣ съ Анненской звѣздой на груди. Возрастъ по портрету опредѣлить трудно, но Николай Осиповичъ выглядитъ на немъ весьма моложавымъ, красивымъ и оживленнымъ. Быть можетъ, художникъ нѣсколько ему и польстилъ, но этимъ не нарушилъ сходства съ оригиналомъ.

Къ портрету, какъ и ко всѣмъ другимъ, приложена краткая біографія на русскомъ и французскомъ языкахъ, но здѣсь сотрудники Издателя не особенно таки польстили Кутлубицкому: мѣстами у нихъ не хватило красокъ, мѣстами онѣ такъ сгущены, что повидимому уже нарушается самое сходство съ оригиналомъ. Явленіе это вполнѣ понятно ввиду множества представляемыхъ изданіемъ разнородныхъ біографій различныхъ царствованій, при чемъ свѣдѣній для біографіи Кутлубицкаго, въ общемъ лица второстепеннаго, въ печати имѣется очень немного, на что между прочимъ указалъ П. М. Майковъ въ „Русской Старинѣ“ 1898 г. Въ виду малой доступности изданія „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій“, приводимъ данную тамъ біографію Кутлубицкаго цѣликомъ, чтобы указать на допущенныя въ ней неточности и пополнить ея пробѣлы.

„Н. О. Кутлубицкой (1775—1849) былъ сынъ мелкаго канцелярскаго чиновника¹⁾, служившаго при фельдмаршалѣ графѣ П. А. Румянцевѣ-Задунайскомъ, а позднѣе жившаго въ своемъ маленькомъ хуторѣ въ Прилуцкомъ уѣздѣ.

Кутлубицкой воспитывался въ артиллерійскомъ корпусѣ, откуда вмѣстѣ съ Капцевичемъ поступилъ на службу къ Гатчинскія войска Цесаревича Павла Петровича первымъ офицеромъ во вновь формируемую для него артиллерійскую батарею, которой командовалъ Аракчеевъ.

Цесаревичъ скоро полюбилъ адъютанта своей артиллеріи, приблизилъ его къ себѣ и сталъ называть „Николкой“²⁾.

Зная, что Кутлубицкой былъ опредѣленъ въ корпусъ фельдмаршаломъ Румянцевымъ, Великій Князь смотрѣлъ на Кутлубицкаго, какъ на живую связь, соединяющую его съ Задунайскимъ, вѣрилъ въ его пре-

¹⁾ Курсивы наши, ввиду дальнѣйшихъ ихъ разъясненій.

²⁾ Въ 1795 году Кутлубицкой былъ назначенъ адъютантомъ къ Ею Высочеству одиу, нося это званіе при Наслѣдникѣ. (Свид., Собр. генер. Ратчемъ).

данность и усердіе и *однажды*¹⁾, пользуясь поѣздкой Кутлубицкаго на родину въ Малороссію, довѣрилъ ему тайное письмо къ Румянцеву.

Вѣрность Кутлубицкаго была щедро вознаграждена Павломъ Петровичемъ по восшествіи его на Престолъ: уже 7-го Ноября 1797 г. новый Императоръ пожаловалъ Кутлубицкаго въ чинъ майора своимъ флигель-адъютантомъ, а 1 Января 1797 г. Павелъ назначилъ его, 22 лѣтъ отъ роду, генераль-адъютантомъ.

5 Апрѣля въ день Коронаванія онъ получилъ Анненскую ленту и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣніе въ Нижегородской губерніи²⁾.

Для Императора Кутлубицкой оставался однако вѣчно „Николкой“. *Развитію дѣятельности Кутлубицкаго помпшали его недалекость и неумѣніе угодить причудливому нраву Государя*: хотя въ началѣ 1797 года молодой генераль-адъютантъ и назначенъ былъ инспектировать войска въ южной Россіи³⁾.

Князь Лопухинъ считалъ Кутлубицкаго *человѣкомъ ума весьма ограниченнаго...* Но зато *все современники* отдають полную справедливость *нравственнымъ качествамъ Кутлубицкаго*: его *неподкупной честности и доброты*. Онъ неоднократно смѣчалъ *ипль Императора*, который самъ говорилъ, что черезъ Кутлубицкаго никто не сдѣлался

1) Это „однажды“, по словамъ Кутлубицкаго, случилось въ 1793 году, т. е., когда Императрица Екатерина передавала въ Особый Совѣтъ вопросъ о лишеніи Павла Петровича; въ составъ этого Совѣта входилъ и Румянцевъ-Задунайскій. Поэтому миссія Кутлубицкаго была для Павла Петровича чрезвычайной важности; но такъ какъ эта миссія болѣе не повторялась, то нѣтъ основанія утверждать, что на Кутлубицкаго смотрѣли лишь какъ на живую связь съ Задунайскимъ.

2) Имѣніе въ Нижегородской губерніи Кутлубицкой получилъ не въ коронацію, а раньше того—4-го Декабря 1793 года, будучи еще подполковникомъ. Генераль-Адъютантомъ онъ былъ въ 21 годъ, ибо родился въ Декабрѣ 1775.

3) Войска графа Салтыкова, (Генераль-Фельдмаршала) и полныхъ генераловъ Беклепова, Розенберга, Михельсона, Апраксина и Дуннина, а также крѣпости южной Россіи Кутлубицкой инспектировалъ не въ началѣ 1797, а въ концѣ его, и продолжалъ въ началѣ 1798 г., по именному рескрипту Императора отъ 14 Ноября 1797 г., въ которомъ Павелъ пишетъ своему „Николкѣ“: „господинъ Генераль-Адъютантъ Кутлубицкой! Съ полученіемъ сего отправьтесь...“ и т. д., откуда явствуетъ, что Н. О. Кутлубицкой былъ для Императора во всѣхъ подлежащихъ случаяхъ:—*генераль-адъютантомъ*—не больше того, но и не меньше... что не мѣшало Павлу именовать Кутлубицкаго уменьшеннымъ именемъ (отъ древняго *Николы*) въ болѣе интимной жизни, при чемъ и Кутлубицкой называлъ его „*батюшкой*“... О дальнѣйшемъ, курсивѣ скажемъ въ своемъ мѣстѣ подробнѣе.

несчастливымъ¹⁾, для того суроваго времени и это было великой заслугой.

Въ 1798 году Кутлубицкой 23 лѣтъ²⁾, былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, а послѣ сооруженія новой Императорской резиденціи—Михайловскаго замка, назначенъ былъ его Комендантомъ³⁾.

Но комендантъ этотъ былъ внезапно арестованъ графомъ Паленомъ вечеромъ 11 Марта за нѣсколько часовъ до кончины Императора⁴⁾.

Въ началѣ царствованія Александра I-го Кутлубицкой состоялъ нѣкоторое время шефомъ Л. Гв. Артиллерійскаго баталіона, но въ 1802 году вышелъ въ отставку и всю остальную жизнь провелъ въ пожалованномъ ему Императоромъ Павломъ Нижегородскомъ имѣніи с. Петропавловскомъ⁵⁾.

Кутлубицкой любилъ вспоминать прошлыя времена и все имъ пережитое въ короткое время, но богатое переменами царствованіе Павла I. „Разказы о временахъ Императора Павла“, записанныя съ его словъ, были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 66 г. и даютъ вѣрную характеристику чреватаго событіями времени, когда ему суждено было играть такую видную роль⁶⁾.

1) „Я черезъ Кутлубицкаго никого не сдѣлалъ несчастнымъ“, говорилъ Императоръ, что выходитъ нѣсколько рельефнѣе и ближе къ истинѣ; посему дальнѣйшую фразу правильнѣе было-бы редактировать: „для того суроваго времени *это и было великой заслугой*“, для чего слѣдуетъ немного продвинуть союзъ „и“.

2) 22 лѣтъ отъ роду.

3) Что довольно трудно совмѣстить съ вышеуказаннымъ утвержденіемъ о „неумѣніи его угодить Императору“!...

4) Здѣсь между комендантомъ и Императоромъ указанъ „графъ Паленъ“, будто частное лицо безъ должности. Не правильнѣе ли было бы записать, что „этотъ комендантъ“ былъ арестованъ генералъ-губернаторомъ, который имѣлъ за собой особыя Высочайшія полномочія о подчиненіи ему не только коменданта Дворца, но и лицъ, выше его стоящихъ, на что имѣлись у него чистыя бланкеты за подписью Императора. Безъ этой оговорки „этотъ комендантъ“—(se commendant) звучитъ ироніей... и не совсѣмъ основательной!

5) Костянкѣ—тожъ (Арзамасскаго уѣзда).

6) Разказы эти записаны, какъ уже извѣстно, другомъ Кутлубицкаго Александромъ Ивановичемъ Ханенкой, Черниговскимъ Предводителемъ Дворянства, старожиломъ Черниговской губерніи, умершимъ въ 1895 году. (Внукъ его Вас. Алекс. Ханенко нынѣ Стародубскій Предводитель Дворянъ).

Послѣдніе годы жизни Кутлубицкой, передавъ Петропавловское сыну¹⁾, провелъ вмѣстѣ съ назамужнею дочерью²⁾ на хуторѣ своей сестры³⁾ „Никольскомъ“, въ 6 верстахъ отъ города Городни, Черниговской губерніи. Здѣсь въ скромной обстановкѣ, окруженный заботами любимой семьи, добрый и радушный старикъ любилъ повторять свои рассказы, сидя въ своей маленькой комнатѣ, украшенной бюстомъ и портретомъ его благодѣтеля, профиль котораго украшалъ любимый его перстень, а на подаренной ему табакеркѣ съ портретомъ Павла онъ вырѣзалъ надпись „по Богѣ онъ единъ, имъ и существу“⁴⁾.

Здѣсь Н. О. Кутлубицкій и скончался 15-го Іюля 1849 г. Кто была его жена⁵⁾, которую Императоръ называлъ „Колибри“ по причинѣ малаго роста; равно количество и имена его дѣтей—намъ неизвѣстно⁶⁾“.

Эта краткая біографія Кутлубицкаго видимо составлена по Русскому Архиву 1866 г. и по 25-му приложенію къ сочиненію Шиль-

1) Николаю Николаевичу—полковнику лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка; въ концѣ 50-хъ годовъ Нижегородскій губернскій Предводитель Дворянства. (Подъ его предводительствомъ Нижегородское Дворянство сыграло исторически видную роль передъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости).

2) Юлія Николаевна, вышла замужъ за полковника конной артиллеріи Станкевича; окончила жизнь самоубійствомъ въ 1858 году.

3) Варвары Осиповны, по мужу *Войцеховичъ*. [О родѣ Войцеховичъ см. Лазаревскаго, *Сулиминскій фамильный архивъ*“ (Кіев. Старина 1882 г.). Эпоха Екатерины II и Павла I], владѣтелемъ котораго являлся Алексѣй Андреевичъ Войцеховичъ (помѣщикъ, с. Сулимовки Переяслав. уѣз. Подтавск. губ.). Сынъ Варвары Осиповны—Петръ Антоновичъ Войцеховичъ (кавалерійскій генералъ) въ 50-хъ годахъ командовалъ Псковскимъ Кирасирскимъ Ея Величества полкомъ. Братъ его Николай Антоновичъ служилъ въ межев. департаментѣ Сената (племянники Ник. Осип. Кутлубицкаго).

4) Это гладкая золотая табакерка работы Eberley; что касается портрета Павла, въ нее вдѣланнаго, (подареннаго Кутлубицкому Императоромъ 3 Февр. 1801 г.), то о немъ писалъ извѣстный коллекціонеръ Щукинъ, тщетно пытавшійся пріобрѣсти его въ свою коллекцію (См. Рус. Арх. Окт. 1912 г.); относительно же перстня извѣстно, что онъ былъ переданъ въ 1852 г. Императору Николаю Павловичу племянникомъ Кутлубицкаго—Войцеховичемъ, бывшимъ командиромъ Псковскаго (тогда лейбъ-кирасирскаго) полка. По однимъ свѣдѣніямъ профиль Павла, вырѣзанный въ перстнѣ на камнѣ, былъ, работы Мозжечкова (воспоминанія Ханенки), по другимъ Доброхотова (письмо Кутлубицкаго къ Императору Николаю Павловичу).

5) Дочь совѣтника Государственной Адмиралтействъ-Коллегіи, Евдокія Савельевна Ваксель (1777—1840).

6) 1) *Павелъ Николаевичъ* (1801—1842), крестникъ Александра I и вдовств. Императрицы Маріи Феодоровны,—штабъ-ротмистръ Л. Гв. Конно-Егерскаго полка; 2) *Николай Николаевичъ* (1808—1874),—дѣйств. Статск. Совѣтникъ, Нижегородск. губернск. Предводитель Дворянства; 3) *Анна Николаевна* (1803—1845), по мужу *Карамолова*; 4) *Юлія Николаевна* (1805—1858), по мужу *Станкевичъ*.

дѣра „Императоръ Павелъ I-й“, изъ разсказовъ о старинѣ князя Павла Петровича Лопухина, записанныхъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ съ его словъ въ 1869 г.

Въ естественномъ стремленіи сократить эти выдержки, въ краткой біографіи однако сдѣланы обобщенія, которыя представляются мѣстами произвольными и неточными, почему мы ихъ и означили курсивомъ, въ цѣляхъ дальнѣйшаго разъясненія.

Начнемъ съ происхожденія Кутлубицкаго, о которомъ сказано, что онъ былъ „сынъ мелкаго канцелярскаго чиновника“. Этой справкой отцу Кутлубицкаго повидимому отказывается даже въ дворянствѣ, тѣмъ болѣе, что во времена Императора Павла дворяне могли служить лишь на военной службѣ или по иностранной коллегіи, на которыя въ біографіи ссылки не имѣется.

„Мелкій канцелярскій чиновникъ“ появился здѣсь изъ перефразировки записаннаго въ Русскомъ Архивѣ 66 года, гдѣ среди разсказовъ о Кутлубицкомъ и временахъ Императора Павла было сказано между прочимъ слѣдующее:

„Великому Князю Павлу Петровичу было извѣстно черезъ самого Кутлубицкаго, что отецъ его, жившій въ маленькомъ имѣніи своемъ (тамъ-то) служилъ въ канцеляріи Графа Румянцева, управлявшаго Малороссіей, и находился при немъ въ Турціи“.

Трудно изъ этой случайной фразы построить что-нибудь определенное о происхожденіи Кутлубицкаго, но записать въ видѣ конспекта, что онъ былъ сынъ мелкаго канцелярскаго чиновника, едва ли правильно.

Пока для дворянъ кромѣ разсказовъ о происхожденіи существуютъ и родословныя книги, приводимъ здѣсь точную выписку изъ 6-й части дворянской родословной Нижегородской губерніи, гдѣ Николай Осиповичъ владѣлъ пожалованными ему имѣніями, а сынъ его, Николай Николаевичъ, былъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства.

Въ 6 части родословной книги о Кутлубицкихъ записано такъ:

„Фамилія Кутлубицкихъ происходитъ отъ польскаго шляхетства. Потомки сего рода, Кутлубицкіе, находились въ Польшѣ въ знатныхъ

чинахъ и владѣли деревнями. Въ новѣйшія же времена происходящій отъ сего рода *Іосифъ Кутлубицкій*¹⁾ выѣхалъ изъ Польши, вступилъ въ вѣчное Россіи подданство, и за службу Россійскому Престолу какъ онъ, такъ и потомки сего рода жалованы чинами“.

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе древняго герба Кутлубицкихъ²⁾.

Изъ дальнѣйшаго видно, что отецъ Н. О. служилъ въ иностранной коллегіи и фамилію его можно найти въ старинныхъ спискахъ по посольствамъ въ Турціи³⁾.

Совокупность этихъ справокъ даетъ основаніе вычеркнуть изъ біографіи Кутлубицкаго неправильное сообщеніе о мелкомъ канцелярскомъ чиновникѣ.

Отъ происхожденія прямо перейдемъ къ „умственнымъ способностямъ“ покойнаго, оцѣнка которыхъ въ краткой біографіи поставлена также ниже обыкновеннаго уровня, благодаря рѣзкой аттестаціи Свѣтлѣйшаго Князя Лопухина, который, по словамъ біографіи „считалъ *Кутлубицкаго* человекомъ ума весьма ограниченнаго“.

Оцѣнка умственныхъ способностей до сего времени остается вопросомъ весьма щекотливымъ, и рѣдко приходится читать столь безцеремонную аттестацію даже по отношенію умершихъ.

Отъ ограниченности ума конечно не уберезетъ не только 6-я книга, но и высокій титулъ Свѣтлости, носимый Лопухинымъ, поэтому въ данномъ случаѣ дѣйствительную оцѣнку этой аттестаціи надо искать не тамъ, гдѣ рѣшался сейчасъ вопросъ о происхожденіи... Не лишнее впрочемъ оговориться, что если до сего времени въ печати обсуждается вопросъ объ умственныхъ способностяхъ самого Императора Павла, то довольно естественно поговорить о томъ же и по отношенію его приближенныхъ, по пословицѣ—„скажи съ кѣмъ ты знакомъ“... и т. д.

1) Отецъ Николая Осиповича Іосифъ Григорьевичъ статскій совѣтникъ, числящійся въ иностранной Коллегіи.

2) Гербъ Кутлубицкихъ имѣетъ: вверху въ голубомъ полѣ—рука въ металлической перчаткѣ, держащая обнаженный мечъ; направо внизу—въ золотомъ полѣ—бѣлый баранъ, несущій крестъ на концѣ древка; налѣво 3 серебряныя рѣпки въ красномъ полѣ.

3) Кутлубицкій вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ былъ посаженъ въ свое время Турецкимъ султаномъ въ 7 башенный замокъ... (См. біогр. Румянцевъ-Задунайскій).

Итакъ— „Князь Лопухинъ считалъ Кутлубицкаго“.....

Прежде всего слѣдовало бы спросить: „какой Князь Лопухинъ?“ Ихъ было нѣсколько...

На сей разъ извѣстно по Шильдеру, что рѣчь идетъ о Свѣтлѣйшемъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, рассказы котораго записаны въ 1869 г. Княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ (черезъ 3 года послѣ появленія въ Русскомъ Архивѣ рассказовъ о старинѣ А. И. Ханенко, записанныхъ со словъ Кутлубицкаго). Рассказы Лопухина совсѣмъ не отличаются той скромностью, которой проникнуты рассказы А. И. Ханенки; достаточно указать, что въ нихъ преимущественно говорится о родѣ Лопухиныхъ и его заслугахъ, о чемъ вообще такъ старательно избѣгала говорить первый рассказчикъ о временахъ Павла*).

Въ рассказахъ *этого* Лопухина о Кутлубицкомъ записано буквально слѣдующее:

„Николая Осиповича Кутлубицкаго, коего рассказы напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 66 г., *Князь Лопухинъ лично не зналъ, но только слышалъ о немъ*, что онъ былъ человекъ ума весьма ограниченнаго“....

Итакъ прежде всего и въ настоящемъ случаѣ ссылка биографіи не сходится съ подлинникомъ, ибо не одно и то же сказать: „Лопухинъ лично не зналъ, но слышалъ“ или „Лопухинъ—уже—считалъ и т. д.

Далѣе у Лопухина указанъ и мотивъ этого слуха: „Будучи уже Генераль-Аншефомъ, онъ (Кутлубицкій) все еще жаловался, что его обошли двумя чинами“, и сдѣлано позднѣйшее примѣчаніе: „О Кутлубицкомъ де-Сангленъ въ своихъ запискахъ приводитъ анекдотъ о пристройкѣ къ кордегардіи, вслѣдствіе большаго числа арестованныхъ офицеровъ, которымъ такъ тѣсно, что ни сѣсть, ни лечь нельзя“...

Разберемъ оба указанные здѣсь мотива. 1) Будучи 22-хъ лѣтъ Генераль-Лейтенантомъ (съ Іюня 1798 г.), Кутлубицкій не былъ и не могъ быть *Генераль-Аншефомъ* прежде всего потому, что такого чина

*) Н. К. Шильдеръ уже обратилъ вниманіе на нѣкоторыя несообразности этихъ воспоминаній—такъ напримѣръ—домъ Дерibasа на Адмиралтейской по словамъ князя П. П. Лопухина *кутлень его отцомъ*, между тѣмъ какъ всѣмъ было извѣстно, что домъ этотъ *подаренъ Павломъ* Лопухину изъ-за прекрасныхъ глазъ его дочери Анны Петровны и пр.

не существовало въ царствованіе Павла; Кутлубицкой былъ Генераль-Адъютантомъ и произведенъ въ Генераль-Майоры (1 Января 1797 г.) прямо изъ подполковниковъ, *минуя чины полковника и бригадира*, что и давало ему поводъ говорить, что онъ сдѣлался генераломъ лишь потому, что „Государь обошелъ его двумя чинами“.

Если этотъ остроумный отвѣтъ поставленъ какъ мотивъ „ограниченности“, то конечно по „недоумѣнію“... Лопухинъ не зналъ степени чиновъ въ царствованіе Павла (иначе онъ не писалъ бы о „Генераль-Аншефѣ“), не зналъ лично Кутлубицкаго (какъ и самъ говоритъ), не зналъ и того, что 22-лѣтній Генераль-Лейтенантъ въ дѣйствительности *былъ обойденъ двумя чинами*, случай рѣдкій даже въ царствованіе Павла по стремительности производства. Приходится черезъ 115 лѣтъ разъяснить слова Кутлубицкаго, чтобы возстановить истину и прекратить сплетню на его счетъ.

Не соглашаться же съ Лопухинымъ, что Кутлубицкой дѣйстви-тельно могъ „жаловаться“ въ 21—22 года, что онъ еще не *Генераль-Фельдмаршалъ* и не *Генералиссимусъ*, а вѣдь другихъ 2 чиновъ за „Генераль-Аншефомъ“ и не придумаешь!

Мы вправѣ считать, что первый примѣръ Лопухина объ ограниченности Кутлубицкаго *„по истинѣ пришелся не по коню, а по олоблѣ“*, ибо здѣсь проглядываетъ ограниченность не со стороны Кутлубицкаго, а со стороны того, кто не понялъ его шутки...

2) Остается провѣрить ссылку на де-Санглена.

Здѣсь не приходится спрашивать: „Какой де-Сангленъ?“ Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ, какъ современникъ царствованій Павла и Александра I, достаточно извѣстенъ по своимъ запискамъ, и свидѣтельство его необходимо выслушать, но также *не по слухамъ*, а въ подлинникѣ.

Что же сказалъ Я. И. де-Сангленъ о Кутлубицкомъ и Кордегардіи, и въ какой степени еще этотъ анекдотъ можетъ служить оказательствомъ „ограниченности“ Кутлубицкаго?

Обращаемся къ подлинникамъ.

Де-Сангленъ сказалъ въ своихъ запискахъ о Кутлубицкомъ и Кордегардіи буквально слѣдующее:

„С.-Петербургскій Комендантъ Кутлубицкой *добрыйшій въ міръ* человекъ, жалтя о числѣ сидящихъ подъ арестомъ офицеровъ за фронтовые ошибки, окончивъ рапортъ Государю о прѣзжающихъ и отъѣзжающихъ изъ столицы, *не уходилъ* и держалъ въ рукахъ длинный свертокъ бумаги...

— „Это что?“ спросилъ Государь.

— „Планецъ, Ваше Императорское Величество! Нужно сдѣлать пристроекку къ кордегардіи“.

— „На что?“

— „Такъ тѣсно, Государь, что офицерамъ ни сѣсть, ни лечь нельзя“...

— „Пустьки!“ сказалъ Императоръ, „всѣ они посажены не за государственныя преступленія: *нынѣ выпустить одну половину, а завтра друую*, и всѣмъ мѣсто будетъ; строить не нужно...“

— *И впрядь повельваю такъ поступать“*...

И правда, какъ былъ „ограниченъ“ Генералъ Кутлубицкой, жалющій о числѣ арестованныхъ офицеровъ!...

Къ чему это онъ молча держалъ въ рукахъ свой „планецъ“, столь значительныхъ размѣровъ, что Государь не могъ не обратить вниманія на него *). Не проще ли было бы *прямо* доложить Государю, что по мнѣнію его, коменданта, офицеровъ не слѣдуетъ болѣе сажать въ Кордегардію!

Быть можетъ человекъ „не ограниченный“ такъ бы и поступилъ, но Кутлубицкой пошелъ на другое, болѣе оригинальное средство и получилъ отъ Павла разрѣшеніе *выпускать офицеровъ изъ Кордегардіи, чего онъ только и добивался своимъ „длиннымъ планцемъ“*...

Но если и этотъ анекдотъ приводится какъ примѣръ „ограниченности“ Кутлубицкаго, то какого же мнѣнія надо быть о тѣхъ, кто

*) Н. О. Кутлубицкой былъ выдающійся по тому времени чертежникъ и отлично зналъ, что такое „масштабъ“ чертежа, чтобы не таскать съ собою длинныхъ плановъ для незначительныхъ пристроекъ (что зналъ и Павелъ).

не желаетъ понимать смысла столь несложныхъ анекдотовъ! Хотя де-Сангленъ писалъ и не „для дѣтскаго возраста“, но все же записалъ, что Кутлубицкой въ дѣйствительности жалѣлъ о числѣ арестованныхъ офицеровъ, а вовсе не о тѣснотѣ помѣщеній, расширять которыя для дальнѣйшаго увеличенія числа арестованныхъ „добрѣйшій въ мірѣ человекъ“ конечно не думалъ, хотя и принесъ съ собой огромный свитокъ, которымъ хотѣлъ по своему поразить Императора.

Мы уже выше оговорились, что сужденіе объ умственныхъ способностяхъ—вопросъ щекотливый, и не слѣдуетъ ставить его ребромъ, какъ то допустилъ Князь Лопухинъ по отношенію Кутлубицкаго; но если и послѣ прочтенія подлинниковъ значеніе анекдота де-Санглена остается для кого-либо невразумительнымъ, то считаемъ не лишнимъ привести другой аналогичный анекдотъ, въ которомъ вмѣсто „длиннаго планца“ является „длинное лицо“ съ тѣми же благопріятными послѣдствіями для потерпѣвшихъ. Анекдотъ этотъ рассказанъ самимъ Кутлубицкимъ тому же А. И. Ханенкѣ, который записалъ его въ Русскомъ Архивѣ 68 года.

„Однажды забѣжала въ комнаты Кутлубицкаго (когда онъ былъ еще холостымъ) Камеръ-Юнгфера Великой Княгини Анны Федоровны и между прочимъ сообщила ему, что Великая Княгиня очень скучаетъ и чувствуетъ себя отъ этого даже больной. Кутлубицкой понялъ, что она скучаетъ по причинѣ отсутствія своего супруга—Цесаревича, находившагося съ Суворовымъ въ Италіи, желаетъ посѣтить своихъ родителей, но не знаетъ, какъ это сдѣлать...

„На другой день, рассказываетъ Кутлубицкой, когда *батюшки* *) отдыхалъ послѣ обѣда, я побѣжалъ на половину Великой Княгини и рѣшился предложить ей свой совѣтъ.

—„Благодарю Васъ, Генераль, за Ваше участіе ко мнѣ; Вы отгадали мое желаніе. Но научите же, какъ мнѣ это сдѣлать?“

—„Очень просто: сегодня въ вечернемъ собраніи извольте принять грустный видъ. Императоръ это замѣтитъ, подойдетъ къ Вамъ и спроситъ о причинѣ Вашей грусти; тогда Вы скажите, что скучаете въ отсутствіе Великаго Князя и чтобы находиться ближе къ нему,

*) Такъ называлъ Кутлубицкой Императора изъ сыновней къ нему преданности... (Ханенко).

желаете также посѣтить вашихъ родителей, которыхъ давно не видали... Императоръ самъ былъ всегда почтительнымъ сыномъ и уважаетъ это чувство въ другихъ. *Онъ тотчасъ исполнитъ Ваше желаніе.*"

Такъ и случилось. Великая Княгиня исполнила все по совѣту Николая Осиповича, и Государь, похваливъ ея чувства, спросилъ:

— Когда же Вы желаете ѣхать? Сейчасъ этого нельзя сдѣлать, а завтра все будетъ готово къ Вашему путешествію.

И призвавъ оберъ-штальмейстера, Государь приказалъ приготовить на другой день двѣ кареты и все необходимое для поѣздки за границу.

На другой день Великая Княгиня была уже въ пути".

Здѣсь вмѣсто „длиннаго планца“ является „длинное лицо“, остальное безъ измѣненія какъ у де-Сантлена: то же молчаніе просителя, такой же вопросъ самого Государя, тотъ же заранѣе подготовленный отвѣтъ и въ результатѣ исполненіе того желанія, высказать которое напрямикъ иногда было невозможно, иногда рискованно.

Природная находчивость Кутлубицкаго, подкрѣпленная знаніемъ всѣхъ привычекъ и взглядовъ Государя, конечно не говоритъ еще объ его „государственномъ умѣ“, но все же исключаетъ возможность предположеній, что это былъ человѣкъ „ума ограниченнаго“, не умѣвшій „сообразоваться съ причудливымъ нравомъ Императора“. Приведенные примѣры доказываютъ какъ разъ противное, что онъ умѣлъ гораздо лучше другихъ, не исключая и членовъ Императорской фамиліи, сообразоваться съ привычками и взглядами Императора. Это доказывается и тѣмъ, что за все свое 8½-лѣтнее пребываніе при Павлѣ Кутлубицкой получилъ лишь одинъ офиціальный выговоръ, редактированный самимъ Государемъ въ приказѣ 15 Августа 1800 г.: „За упущеніе должности и *недѣльные вопросы*“ (за свое же заступничество). Кто другой могъ похвалиться такимъ „ограниченіемъ“ изъ современниковъ Кутлубицкаго при Императорѣ Павлѣ? Мы такого не знаемъ...

Н. А. Саблуковъ, записки котораго впервые появились въ Англии, вспоминаетъ въ нихъ о Николаѣ Осиповичѣ Кутлубицкомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Подполковникъ Кутлубицкой изъ конной артиллеріи (также Гатчинецъ) *часто рисковалъ* своимъ положеніемъ и милостью къ себѣ

Императора Павла для того, чтобы спасти отъ наказанія молодыхъ офицеровъ... Я испыталъ это на самомъ себѣ“.

Это не забылъ и говорить тотъ Саблуковъ, который вечеромъ 11 Марта 1801 года на возгласъ Императора „Vous etes des jacobins!“ довольно рискованно отвѣчалъ: „Oui, Sire“. А когда Государь поправился фразой „Pas vous, mais le regiment!“ еще болѣе рѣшительно отвѣчалъ: „Passe encore pour moi, mais Vous-vous trompez pour le regiment!“ Личный отзывъ этого рыцаря изъ Конной Гвардіи отсутствуетъ въ біографіи Кутлубицкаго и замѣненъ заочнымъ отзывомъ Лопухина о Генераль-Аншефѣ...

Кому здѣсь болѣе вѣрить—указывать излишне: извѣстность П. П. Лопухина въ то время могла быть нѣсколько иного характера, чѣмъ Саблукова и де-Санглена: въ 1798 г. князю П. П. Лопухину исполнилось всего 10 лѣтъ и его тогда можно было знать лишь какъ брата Анны Петровны (Гагариной)—фаворитки Императора, и какъ сына Петра Васильевича отъ 2-го брака его съ Екатериной Николаевной Шегневой, бывшей (до замужества) фаворитки князя Безбородки. Вотъ эта двойная извѣстность. Къ тому же Лопухины продвигались впередъ одновременно съ графомъ Паленомъ; а что хорошаго могъ слышать *отрокъ* Лопухинъ*) въ этомъ обществѣ о Кутлубицкомъ, арестованномъ тѣмъ же Паленомъ въ ночь 11 Марта!

Тѣмъ не менѣе заочный отзывъ Лопухина не только поставляется на видъ въ біографіи Кутлубицкаго, но и служитъ темой для утвержденія, что развитію дѣятельности его помѣшали его „недалекость и неумѣніе“ угодить Императору.

Не повторяя разъ уже сказаннаго, мы поставимъ этотъ вопросъ нѣсколько иначе.

17-лѣтній Кутлубицкой, одинъ изъ способнѣйшихъ учениковъ артиллерійскаго корпуса, по выбору Екатерины Великой, назначается подпоручикомъ въ Гатчинскую баттарею.

19-ти лѣтъ онъ уже майоръ при Наслѣдникѣ; въ 20 лѣтъ—подполковникъ Гвардіи и Флигель-Адъютантъ Императора, въ 21—генераль-майоръ и Генераль-Адъютантъ (*обойденъ двумя чинами!*).

*) Князь П. П. Лопухинъ скончался въ 1873 году—это скорѣе нашъ современникъ, чѣмъ Павловскаго царствованія.

Въ 22—Свиты Его Величества Генералъ-Лейтенантъ.

Въ 23—24—Шефъ Гвардейской Артиллеріи и членъ Военной Коллегіи.

Въ 25—комендантъ Дворца, на которомъ Государь приказываетъ поставить надпись: „Дому Твоему подобаетъ Святыня Господня въ долготу дней“, а Кутлубицкому говорить: „Ты, *Николка*, опять при Моей особѣ подвижнымъ комендантомъ; *идь Я буду, тамъ и ты**).“

1 Февраля Государь переѣзжаетъ въ этотъ Дворецъ, а черезъ 40 дней онъ уже лежитъ въ гробу.

Ставимъ снова вопросъ: „что же помѣшало Кутлубицкому въ развитіи его дѣятельности?“

Отвѣтъ прямой и ясный: „*Смерть Императора*, и ничего больше!“

Карьера Кутлубицкаго была впереди; не слѣдуетъ забывать, что онъ былъ *моложе всѣхъ другихъ приближенныхъ Императора* (напримѣръ Растопчина), *по крайней мѣрѣ, на 10 лѣтъ*.

Быть въ 20 лѣтъ съ небольшимъ Генералъ-Адъютантомъ, членомъ Военной Коллегіи, шефомъ отдѣльной гвардейской части, Комендантомъ Дворца—казалось бы вовсе не значить „не имѣть достаточной дѣятельности“. Каждая изъ этихъ обязанностей въ отдѣльности болѣе чѣмъ достаточна и не для молодого Генерала. И если Кутлубицкой, занятый всегда по горло, не совалъ тогда своего носа и въ „дѣла Государственныя“, то это отнюдь не говорить еще объ его недалекости, а скорѣе какъ разъ наоборотъ.

Кутлубицкой могъ про себя повторить слова, сказанныя уже его одноклассникомъ Капцевичемъ по поводу произведенной ему Сенаторской ревизіи:

*) Эта фраза, сказанная Императоромъ Кутлубицкому почти въ концѣ царствованія, дала поводъ записать въ его биографіи, что Кутлубицкой „вѣчно оставался Николкой“ для Императора. Не говоря уже о томъ, что царствованіе Павла было слишкомъ непродолжительнымъ, не только по сравненію съ вѣчностью, но и съ другими ближайшими царствованіями, при оцѣнкѣ этого заключенія необходимо имѣть въ виду, что и оно выведено изъ словъ *самаго* Кутлубицкаго, который конечно ничего подобнаго сказать не хотѣлъ и не говорилъ. Милостивая фраза Императора „*идь Я буду, тамъ и ты*“ говорить сама за себя и не нуждается ни въ комментаріяхъ, ни въ обобщеніяхъ, которыя и на сей разъ являются произвольными.

„Пусть не мнѣ законы писать, но и не мнѣ *учиться отъ другихъ*, какъ служить своему Императору!¹⁾“

Тѣмъ не менѣ біографія Кутлубицкаго всецѣло признаетъ, что „*всѣ современники отдавали полную справедливость нравственнымъ качествамъ Кутлубицкаго*—его неподкупной честности и добротѣ; что онъ неоднократно *смягчалъ гнѣвъ Императора*, который самъ говорилъ, что черезъ Кутлубицкаго онъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ“.

Разъ такъ свидѣтельствуютъ всѣ современники, то это и есть то *единственно достоверное и наиболее цѣнное* для біографіи Кутлубицкаго, чѣмъ онъ и самъ болѣе всего дорожилъ въ своей жизни, но... и здѣсь необходимо различать и раздѣлять два совершенно самостоятельныя положенія: *одно*—нравственныя качества, его честность и доброта, *другое*—умѣніе дѣйствовать на Императора даже въ наиболѣе критическіе моменты вспышекъ его гнѣва... Ибо конечно нельзя же было всегда „смягчать гнѣвъ Императора“ (что такое былъ гнѣвъ Павла—достаточно извѣстно!) *одною честностью и добротой!* Очевидно для этого необходимы были другія душевныя и умственныя качества, которыя также неотъемлемы отъ Кутлубицкаго, какъ его честность и доброта. Чтобы смягчать царскій гнѣвъ, „постоянно рискуя своимъ положеніемъ“ (Саблуковъ), и все же *не потерять этого положенія*,—необходимо было быть человѣкомъ „ума свѣтлаго, нрава ретиваго и сердца отменно горячаго“, почему мы этотъ эпиграфъ и помѣстили вверху настоящей замѣтки о Кутлубицкомъ²⁾.

„*Такихъ людей мнѣ, сударь, и надобно!*“ говорилъ Императоръ Павелъ, и здѣсь остается лишь распространить эти слова Павла и по отношенію къ Н. О. Кутлубицкому, котораго онъ цѣнилъ до конца своей жизни.

Трагическій конецъ Императора не ложится чернымъ пятномъ на его память, которую мы обязаны почитать какъ вѣрнаго и преданнаго слуги Императора, служившаго ему „за совѣсть“, человѣка неподкупной честности, неограниченной доброты, всегда благожелательнаго къ ближнимъ, глубоко религіознаго и никогда не совашагося впередъ...³⁾.

¹⁾ Это признавалъ и Императоръ Николай Павловичъ, всегда милостиво относившійся къ покойному Кутлубицкому; поэтому имя Николая Осиповича съ этой стороны въ реабилитационномъ повидшному не нуждается...

²⁾ Этотъ отзывъ былъ данъ о Базинѣ.

³⁾ „Выполняя долгъ свой, остался я съ честнымъ именемъ и поставилъ себя въ такое положеніе, что могу теперь смотрѣть чистыми глазами на весь свѣтъ, безъ зазрѣнія совѣсти, и не страшусь предстать на судъ Всевышняго Судьи, и бѣдная моя подушка *не вертится у меня подъ головой*“... Писалъ Н. О. Кутлубицкій къ Цесаревичу Константину Павловичу 16 Января 1829 года. (См. Рус. Арх., 1912 г. № 10).

И если среди „Гатчинцевъ“, этихъ „опричниковъ Павловскаго царствованія“, изъ которыхъ лучшей (по случайному выраженію Ропчина) заслуживалъ быть колесованнымъ безъ суда, находится человекъ, быть можетъ и не лучшей, нравственнымъ качествамъ котораго отдають полную справедливость всѣ современники, то это невольно наводитъ на мысль, что и самое царствованіе Павла еще ждетъ своего безпристрастнаго изслѣдователя, ибо многое въ немъ преувеличено, осуждено и опорочено на основаніи часто одностороннихъ отзывовъ и поспѣшныхъ рѣшеній, имѣющихъ въ виду по возможности оправдать злое дѣло 11 Марта 1801 года...

Предоставляя эти изслѣдованія по принадлежности историкамъ Павла, обратимся къ Н. О. Кутлубицкому, чтобы сказать о немъ то, что намъ извѣстно по семейному его архиву, въ настоящее время къ сожалѣнію уже на три четверти утраченному.

II.

„Я вижу, что Наслѣдникъ тебя любить. Когда онъ взоидетъ на престоль,—ты будешь къ нему близокъ. Смотри же, вотъ тебѣ мое стариковское наставленіе: *проси у Государя за всѣхъ и для всѣхъ, но для себя, чтобы языкъ твой не заикался*“...

(Слова Графа П. А. Румянцова-Задунайскаго, сказанныя имъ Н. О. Кутлубицкому въ 1793 году, передъ отъѣздомъ его изъ Малороссіи въ Гатчино)

„Кутлубицкій во все время пребыванія своего при Дворѣ старался быть вѣрнымъ этому благосклонному наставленію рѣднаго по чувствамъ и характеру вельможи временъ Екатерины“.

(А. Ханенко; Русск. Арх. 1866 г.).

„Что вамъ за охота, Алексѣй Андреевичъ, изъ-за пустяковъ шить Государя?“ сказала Аракчееву флигель-адъютантъ Кутлубицкій...

— Какъ такъ? спросилъ Аракчеевъ.

„Вы азыскали, ку и концы въ воду! Къ чему-же объ этомъ докладывать? Вы хоть бы обмолвкой кода кого нибудь похвалили!“...

Аракчеевъ улыбулся на слова Кутлубицкаго, и черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора 8 Декабря 1796 года послѣдовалъ всѣхъ поразившій Высочайшій приказъ: *о производствѣ капитана*

Глики за исправность, найденную Комендантомъ Аракчеевымъ!!¹⁾.

(Свѣд. объ Аракчеевѣ, Генерала Ратча).

Изъ сохранившихся послѣ Н. О. Кутлубицкаго бумагъ²⁾ видно, что родъ Кутлубицкихъ имѣеть происхожденіе отъ польскаго шляхетства, жившаго въ воеводствѣ Волынскомъ, повѣтъ Кремнецкомъ, гдѣ многіе изъ этого рода владѣли помѣстьями и „бывали въ знатныхъ чинахъ“. Родъ Кутлубицкихъ владѣлъ Волынскими имѣніями еще во 2-й половинѣ XVII вѣка, но происходилъ ли онъ отъ русскихъ людей древняго Волынскаго княжества, или отъ выходцевъ Литовскихъ (по присоединеніи этой области Гедиминомъ въ 1336 г.), или отъ переселенцевъ польскихъ, которые начали селиться на Волыни послѣ Люблинской уніи (1569 г.), или уніи Церковной (1596 г.), того не извѣстно, и установить это тѣмъ болѣе трудно, что родъ Кутлубицкихъ имѣлъ нѣкогда и другую фамилію „*Кутлубенко*“ или „*Кутлубикъ*“, что впрочемъ ближе всего указываетъ на древне-малороссійское его происхожденіе³⁾.

Семейное преданіе говорить, что прадѣдъ Н. О. Кутлубицкаго былъ взятъ въ плѣнъ крымскими татарами и проданъ ими въ рабство въ Константинополь. Это было въ кровавую эпоху Хмѣльницкаго (1648—1650 г.), когда Волынь была главнымъ театромъ религіозной и національной борьбы, и союзники казаковъ—крымскіе татары—по заключенному съ Хмѣльникомъ договору,—забирали массу плѣнниковъ какъ военную добычу, не особенно разбирая,—къ какой изъ враждующихъ сторонъ таковыя принадлежать.

¹⁾ Выс. приказъ 8 Декабря. 1796 г. „Лейбъ-Гренадерскаго полку капитанъ Глика въ майоры за отмѣнную исправность въ караулѣ, при осматриваніи его Комендантомъ Генералъ-Майоромъ Аракчеевымъ“.

²⁾ Въ томъ числѣ приговоръ депутатскаго собранія Дворянства Новгорода Сѣверскаго Намѣстничества отъ 10 Декабря 1784 г. о внесеніи въ 4 часть родословной—Коллежскаго Иностранныхъ Дѣлъ Ассессора Іосифа Григорьевича Кутлубицкаго (отца Ник. Осип.) и брата его подпоручика Луганскаго Пиканернаго полка Луки Григорьевича; каковой приговоръ впрочемъ Департаментомъ Герольдіи утвержденъ не былъ по формальнымъ причинамъ и впоследствии замѣненъ постановленіемъ Депутатскаго Собранія Нижегород. губ., гдѣ Кутлубицкіе занесены въ 6 часть родословной.

³⁾ Н. О. Кутлубицкій не только считалъ себя малороссомъ, но и многія письма свои къ роднымъ (Горленки, Максимовичи, Войцеховичи, Оболонскіе и др.) писалъ часто на малороссійскомъ нарѣчій, которымъ владѣлъ свободно; польскаго же языка онъ не зналъ и не любилъ.

Къ какой сторонѣ принадлежалъ прадѣдъ Кутлубицкаго—не выяснено, но взять онъ былъ или при разгромѣ Кременца въ 1648 г. Тугань-Беемъ, или при осадѣ (1649 г.). Сбоража, или передъ битвой при Брестеничкѣ въ 1650 году, когда измѣнившій казакамъ Крымскій Ханъ увелъ съ собой многихъ плѣнниковъ и въ томъ числѣ самого Хмѣльницкаго.

Проданный въ Константинополь, прадѣдъ Н. О. достался Пашѣ, который назначилъ ему быть конюхомъ. Чтобы плѣнникъ не бѣжалъ, ему по обычаю разрѣзали пятки и посыпали туда рубленого конскаго волоса, послѣ чего плѣнникъ могъ ходить только на носкахъ. Изнывая въ плѣну, Кутлубицкой не терялъ вѣры въ Милосердіе Божіе и, будучи религіознымъ, горячо молился объ избавленіи. Однажды ему во снѣ явился неизвѣстный благообразный старецъ и приказалъ итти къ діакону греческой церкви—иконописцу и заказать икону, съ одной стороны которой была бы изображена Богоматерь, а съ другой—Распятіе.

„Съ этимъ образомъ на груди“, сказалъ старецъ, „бѣги изъ Константинополя, и Заступница страждущихъ и плѣненныхъ сохранить тебя въ пути“. Этотъ сонъ повторился Кутлубицкому трижды, и плѣнникъ, повѣривъ видѣнію, пошелъ отыскивать по городу діакониконописца; и найдя такового, просилъ соорудить указанную икону. Діаконъ, узнавъ о его происхожденіи, сказалъ, что образъ его готовъ и заказанъ былъ нѣсколько дней назадъ именно для него неизвѣстнымъ старцемъ, который заплатилъ ему уже за работу. Помолившись передъ иконой, Кутлубицкой повѣсилъ ее себѣ на грудь и въ ту же ночь ушелъ изъ Константинополя. Слѣдующій день онъ пролежалъ въ виноградникѣ, видѣлъ за собою погоню, но открытъ турками не былъ и ночью продолжалъ путь. Такимъ образомъ, идя только по ночамъ, и пользуясь въ пути гостепріимствомъ грековъ и болгаръ, Кутлубицкій благополучно добрался до родины.

Умирая, онъ передалъ чудесную икону своему сыну, завѣщая передавать ее старшему въ родѣ, вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ разсказомъ.

Такъ она дошла до Николая Осиповича, вмѣстѣ съ этимъ описаніемъ. Николай Осиповичъ передалъ ее своему сыну Николаю Николаевичу *) (бывшему въ 1854—57 г. Нижегородскимъ Губернскимъ

*) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Николаевичъ Кутлубицкій, 2-й сынъ Ген.-Лейтен. Н. О. Кутлубицкаго, родился 24 Іюня 1808 г., на службу вступилъ въ Л.-Гв. Конно-Егерскій полкъ рядовымъ 1-го Февраля 1825 г. Произведенъ въ прапорщики 6 декабря 1828 г.; вышелъ въ отставку полковникомъ 6 Февраля 1843 года.

Предводителемъ Дворянства) со словъ второго и записанъ настоящей рассказъ.

Св. икона, сохранившаяся въ роду Кутлубицкихъ, овальной формы, всего 6-ти дюймовъ высоты, написана масляными красками, на мѣдной доскѣ въ серебряномъ ободкѣ съ такимъ же кольцомъ. На одной ея сторонѣ изображена Богоматерь съ Младенцемъ Иисусомъ, очень сходно съ Ченстоховской, съ той разницей, что Евангеліе въ рукахъ Спасителя на ней закрыто. На другой сторонѣ *высоко-художественно*¹⁾ изображено распятіе и выпарапана цыфра 1654—годъ освобожденія прадѣда Кутлубицкаго изъ турецкаго плѣна, знаменательный для русской исторіи по присоединенію Малороссіи²⁾.

Отецъ Николая Осиповича—Іосифъ Григорьевичъ вступилъ на русскую службу по Иностранной Коллегіи (и состоялъ при посольствѣ въ Турціи)—въ 1767 г., когда еще были живы его отецъ и дѣдъ.

Приобрѣтя довѣренность и расположеніе Графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, онъ послѣ смерти своего отца въ 1770 году продалъ родовыя имѣнія въ Польшѣ и переселился въ Кіевъ, состоя нѣкоторое время при Румянцевѣ, управлявшемъ тогда Малороссіей, а младшій его братъ Лука Григорьевичъ зачисленъ былъ на службу подпоручикомъ въ Луганскій Пиканерный полкъ.

Первая жена Іосифа Григорьевича Кутлубицкаго, отъ брака съ которой родился Николай Осиповичъ (2 Декабря 1775 г.) вскорѣ умерла³⁾, и онъ женился вторично на дочери Бунчуковскаго—товарища

Участвовалъ въ кампаніяхъ: Турецкой въ 29-мъ году и противъ польскаго возстанія 31 г., за что получилъ нѣсколько боевыхъ отличій. При уходѣ изъ Губ. Пред. Дворянства награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статск. совѣтника съ предоставленіемъ права носить мундиръ Л. Гв. Егерскаго полка. Скончался 1-го Іюня 1874 г. въ Костянкѣ Арзамасскаго уѣзда, гдѣ и погребенъ. Женатъ былъ на Н. И. Панютиной; сыновья отъ этого брака Николай и Александръ Николаевичи умерли бездѣтными. А. Н. былъ женатъ на Э. Л. Билинской, во 2-мъ бракѣ за Н. М. Вонлярскимъ—(Генералъ отъ Кавалеріи), по 3-му—Казнаковой (нач. 1 Гварл. Кавалер. дивизіи).

¹⁾ Отзывъ художника Карелина.

²⁾ Прилагаемъ снимокъ съ этой иконы, въ чудесное происхожденіе которой вѣрилъ и Императоръ Павелъ, когда привязывалъ къ ней свое письмо къ Гр. Румянцеву, отправляя Н. О. Кутлубицкаго въ Малороссію (1793 г.).

³⁾ Кто была урожденная первая жена Іос. Гр. (мать Ник. Осип.), изъ бумагъ Кутлубицкаго не видно, но въ церковныхъ поминаніяхъ она записана „Ульняія (Ивановна)“. Отъ того же брака родилась и сестра Ник. Осип.—Варвара Осиповна, по мужу Войцеховичъ, проживавшая впослѣдствіи на хуторѣ Никольскомъ, Черниговской губ. подъ г. Городней, куда переселился и Ник. Осип. изъ Нижегородской губ. по смерти своей жены въ началѣ 1840-хъ годовъ. Другая сестра Ник. Осип.—Марія Іосифовна, рожденная отъ брака съ А. П. Миклашевской, вышла замужъ за Егора Горленко, помѣщика Прилукскаго уѣзда, Полтавской губ. Братевъ у Ник. Осип. не было.

Петра Миклашевскаго, вдовѣ Аннѣ Петровнѣ, по первому мужу Рославцевой.

Во второй половинѣ 1780-хъ годовъ по ордеру Румянцева Николай Осиповичъ былъ опредѣленъ въ Артиллерійскій и Инженерный шляхетскій корпусъ, гдѣ и учился весьма успѣшно.

Въ бумагахъ Н. О. сохранились отъ того времени его ученическія тетради по артиллеріи, фортификаціи, механикѣ и проч.¹⁾

Наибольшіе успѣхи Кутлубицкой оказалъ по артиллерійскому и фортификаціонному черченію, и чертежи его какъ лучшіе по корпусу съ немногими другими были представлены Императрицѣ Екатеринѣ²⁾, которая, проглядывая ихъ, назначила 17-лѣтняго Кутлубицкаго вмѣстѣ съ другимъ кадетомъ П. М. Капцевичемъ³⁾. 6 Декабря 1792 г. подпоручикомъ въ составъ вновь формируемой батареи въ Гатчинѣ при Павлѣ Петровицѣ.

Вскорѣ туда же были назначены, но уже по выбору Аракчеева, а не Императрицы: Л. С. Бревернъ (впослѣдствіи Петербургскій Плацъ-Майоръ) и П. С. Апрѣлевъ (впослѣдствіи адъютантъ Вел. Кн. Александра Павловича). Командиромъ батареи сдѣлался Аракчеевъ, а Кутлубицкой съ Феврала 1893 г. ея адъютантомъ.

¹⁾ Любопытна тетрадка (1790 г.) „вопросовъ по тактическому классу“, гдѣ имѣются вопросы: „при какомъ случаѣ стрѣлять залпомъ?“ съ отвѣтомъ: „въ весьма близкой дистанціи отъ непріятеля, дабы, принявъ его генеральнымъ выстрѣломъ, ударить въ него штыками, но движеніе сіе опаснымъ признается“—и на вопросъ: „а почему сіе?“ указанъ отвѣтъ: „потому, что трудно сіе произвести безъ конфузій, а конфузія и наибѣйшая опасна вблизи непріятеля“ и пр.

²⁾ Чертежи эти нынѣ находятся въ Историческомъ Музеѣ Гвардейскій Артиллеріи переданные туда внукомъ Н. О.—*Иосифомъ Павловичемъ Кутлубицкимъ*, нынѣ умершимъ (Дѣйств. Стат. Сов., Непремѣнный Членъ Ниж. Губ. Присутствія, знатокъ крестьянск. положенія, бывший мировой посредникъ).

³⁾ П. М. Капцевичъ былъ на три года старше Н. П. Кутлубицкаго. Въ почтовыхъ книгахъ Н. О. Кутл. отмѣчены многія письма на его имя въ концѣ 30-хъ годовъ, изъ чего видно, что Капцевичъ и Кутлубицкій были до конца своихъ дней въ перепискѣ, но писемъ этихъ не сохранилось въ архивѣ Н. О., кромѣ незначительныхъ, изъ которыхъ видно, что Капцевичу удавалось по просьбамъ Кутлубицкаго исходатайствовать пенсіи бѣднымъ вдовамъ и дочерямъ офицеровъ, вслѣдствіе чего Кутлубицкій писалъ: „дай Богъ шану Капцевичу съ его семействомъ добраго здоровьечка“.

Этотъ выборъ, сдѣланный самой Императрицей, рѣшилъ дальнѣйшую судьбу Николая Осиповича, который сталъ близокъ къ наслѣднику и быстро приобрѣлъ его расположеніе¹⁾.

Являясь въ кабинетъ Павла Петровича, онъ, какъ искусный рисовальщикъ, вычерчивалъ для него планы и фасады различныхъ дворцовъ²⁾ подъ личнымъ наблюденіемъ Наслѣдника, при чемъ, конечно не обходилось безъ разговоровъ и разспросовъ. Павелъ Петровичъ скоро узналъ всѣ семейныя дѣла Кутлубицкаго и узнавши, что тотъ рано лишился матери, не видитъ своего отца, жившаго въ далекой Малороссіи и женившася вторично, принялъ въ немъ самое живое участіе, разрѣшилъ называть себя „батьюшкой“ и, именуя Кутлубицкаго „Николкой“, отечески дарилъ его иногда своими вещами³⁾.

1) Изъ писемъ того времени видно, что Н. О. отчасти могъ пользоваться рекомендаціей П. И. Мелестіно, Графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, Кн. А. Б. Куракина и Л. А. Нарышкина (см. далѣ письма отца Кутлубицкаго).

2) У Павла Петровича была склонность къ архитектурѣ, которая впоследствии такъ оригинально выразилась въ мрачныхъ фасадахъ Михайловскаго Дворца. Несомнѣнно, что архитекторъ этого замка Бренна, какъ и составитель его проекта Ц. И. Баженовъ, не только имѣли общія директивы постройки отъ самого Императора, но и многія ея детали, вычерченныя усердной рукой Н. О. Кутлубицкаго.

Въ этомъ убѣждаетъ и то, что Коцебу въ своемъ описаніи Михайловскаго Дворца между прочимъ говоритъ: „Архитекторъ Бренна, завѣдывавшій всей постройкой, увѣряетъ, что эти сопоставленія (деталей) были именно предписаны Императоромъ, *будто бы даже сочинившимъ для нихъ рисунки*, но есть люди, которые въ этомъ сомнѣваются“.

Сомнѣвались въ томъ или нѣтъ, но молодой чертежникъ не былъ забытъ Павломъ, когда Михайловскій Дворецъ былъ готовъ. 8 Ноября 1800 г. замокъ былъ торжественно освященъ въ присутствіи Императора, а уже 12 Ноября Кутлубицкій былъ назначенъ первымъ его Комендантомъ.

Во всякомъ случаѣ, Баженовъ вѣроятно охотно бы уступилъ часть своей славы, какъ архитектора, Императору Павлу и его чертежнику—адъютанту, въ особенности если рѣчь идетъ о главномъ (южномъ) фасадѣ замка (къ памятнику Петра I), сочетанія деталей котораго явно изобличаютъ капризнаго, но мало опытнаго художника, совершенно не справившагося со стилемъ.

Среди бумагъ Кутлубицкаго хранилось нѣсколько смѣтъ и набросковъ частей зданія Михайловскаго Дворца, нынѣ утраченныхъ не разобранными.

3) Извѣстно по Рус. Арх. 66 г. какъ Н. О. Кутлубицкій поѣхалъ къ отцу въ Малороссію въ шинели Павла Петровича, замѣнивъ ея красный генеральскій воротникъ чернымъ артиллерійскимъ, но полы не обрѣзалъ, ибо былъ почти одного роста съ Наслѣдникомъ. Эта шинель Наслѣдника (осенняя) сохранилась до сего времени въ вещахъ Кутлубицкаго.

Глубокая религіозность Кутлубицкаго способствовала его сближенію съ Наслѣдникомъ, который зналъ отъ него и про чудесную исторію вышеописанной фамильной иконы¹⁾.

Мы уже замѣтили выше, что своеобразное обращеніе „Николка“, какъ уменьшительное отъ древняго *Николы*, отнюдь не могло заключать въ себѣ какого либо небреженія къ Кутлубицкому со стороны Павла, если бы это хотѣлось кому нибудь такъ представить (см. выше).

Напротивъ, извѣстенъ случай, какъ Кутлубицкой намѣревался однажды передвинуть столъ для чертежей въ кабинетъ Павла Петровича, но тотъ остановилъ его словами: „Оставь, это не твое дѣло; *ты служи Государственный*, у меня есть для этого свой холопъ, какъ у тебя Андрюшка... Иванъ!“ закричалъ Павелъ Петровичъ на Кутайсова, „передвинь столъ“.

Порученіе, данное Павломъ Петровичемъ Кутлубицкому въ 1793 году,—отвезти письмо къ Графу П. А. Румянцеву, несомнѣнно касавшееся вопроса о престолонаслѣдіи Павла Петровича (т. к. Румянцевъ состоялъ членомъ Совѣта, въ который Екатерина передавала этотъ вопросъ именно въ это же время²⁾) доказываетъ, какъ былъ увѣренъ Наслѣдникъ въ Кутлубицкомъ, 18-лѣтнемъ юношѣ, который не могъ проболтаться даже передъ своимъ отцомъ о данномъ ему порученіи.

Слова Румянцева: „Смотри, я вручаю тебѣ мою сѣдую голову“, сказанныя Кутлубицкому при передачѣ отвѣта его Наслѣднику, говорятъ, что порученіе было не обычное, иначе не сталъ бы старый,

¹⁾ По семейному преданію именно къ ней, а не къ кресту Кутлубицкаго, въ 1793 году Павелъ Петровичъ собственноручно привязывалъ письмо свое къ Румянцеву-Задунайскому. Икона эта по тому же преданію „спасаетъ въ пути“, почему Ник. Осип. носилъ ее на груди (по примѣру предка) во всѣхъ своихъ дальнихъ путешествіяхъ, о чемъ извѣстно было и Павлу Петровичу, который такъ склоненъ былъ вѣрить во все чудесное.

²⁾ Постъ бракосочетанія Александра Павловича, какъ извѣстно изъ записокъ Д. П. Рунича (Шильдеръ), Екатерина объявила Совѣту и своемъ намѣреніи „устранить сына своего Павла отъ престола, ссылаясь на его нравъ и неспособность“. Въ составъ этого Совѣта входили графы—К. Г. Разумовскій, П. А. Румянцевъ, Чернышевъ, Салтыковъ, Остерманъ, Мусинъ-Пушкинъ, Воронцовъ и Безбородко. Если П. А. Румянцевъ лично въ немъ не участвовалъ, то это не мѣшало ему настроитъ надлежащимъ образомъ въ пользу Павла Петровича—Безбородко, которому и приписываются сдѣланныя возраженія, заставившія Екатерину взять свое предложеніе обратно.

выдавшій виды фельдмаршалъ такъ трагически говорить съ 18-лѣтнимъ подпоручикомъ; но у Румянцева въ данномъ случаѣ и не было другого выбора, тогда такъ у Павла Петровича чуть ли не половина „Гатчинцевъ“ была родомъ изъ Малороссіи, и онъ могъ бы сыскать среди нихъ преданнаго чловѣка постарше Кутлубицкаго; но онъ такового не искалъ, а поручилъ рискованное дѣло своему Николкѣ, въ которомъ видѣлъ уже тогда „слугу государственнаго“.

Несомнѣнно, что это тайное порученіе, успѣшно исполненное Кутлубицкимъ, еще болѣе упрочило расположеніе къ нему Наслѣдника, который не скупился для него на награды: и въ концѣ 1796 года Кутлубицкій былъ уже майоромъ *).

Безотлучно находясь при Наслѣдникѣ какъ личный его адъютантъ, Кутлубицкой 5 Ноября 1796 г. былъ съ нимъ и Маріей Θεодоровной на прогулкѣ въ Ропшѣ, былъ свидѣтелемъ пріѣзда въ Гатчину Н. А. Зубова, прибывшаго съ извѣстіемъ о смертельной болѣзни Императрицы, слышалъ рассказъ Наслѣдника и его супруги о видѣнномъ ими снѣ, какъ бы предвѣщающемъ великую переменъ въ ихъ жизни, и вмѣстѣ съ Павломъ Петровичемъ ночью отбылъ изъ Гатчины въ Петербургъ и слѣдовалъ за нимъ и въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ лежала умирающая Императрица.

Цѣпь этихъ событій давно перешла на страницы историческихъ романовъ и еще недавно г. Ясинскій изобразилъ съ якобы фотографической точностью картину появленія Павла Петровича въ залахъ Зимняго Дворца, гдѣ Александръ и Константинъ Павловичи встрѣтили своего отца, одѣвшисъ уже въ Гатчинскіе мундиры... Кинематографъ г. Ясинскаго снялъ за Павломъ фигуру „маленькаго Кутлубицкаго съ мясистымъ лицомъ“ и отмѣтилъ странность движеній и формы одежды этой небольшой, но характерной группы, внушавшей ужасъ окружающимъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что Кутлубицкій дѣйствительно былъ небольшого роста, одинаковаго съ Наслѣдникомъ, но „лишняго мяса“ у него на лицѣ не замѣчается; профилю его (см. портретъ въ Гатчинскомъ Дворцѣ) могъ бы позавидовать любой вельможа Екатерининскаго царствованія, и только неудачная расплывчатая

*) Въ запискѣ Павла къ Аракчееву отъ 2 Января 1796 г. Кутлубицкій именуется еще штабсъ-капитаномъ, но уже въ 1795 году Кутлубицкій былъ назначенъ адъютантомъ къ Ею Высочеству, и только онъ одинъ носилъ это званіе при Цесаревичѣ (свѣд.-собр. Генер. Ратчемъ).

копія съ его миниатюры en face, помѣщенная въ Исторіи Гвардейской Артиллеріи, могла дать поводъ къ подобному описанію. Хорошіе глаза и 20-лѣтній возрастъ Кутлубицкаго также не могли способствовать устрашающему впечатлѣнію. Что же касается формы одежды и движеній, характеризующихъ своеобразную военную выправку, то о нихъ едва ли возможно говорить что либо по существу. Зимній Дворецъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ различныя военныя формы, и если онѣ не были смѣшны при Дворѣ Фридриха Великаго, то не было недостаточныхъ причинъ къ осмѣянію ихъ и здѣсь. Во всякомъ случаѣ эта мундирная реформа была не болѣе радикальна, чѣмъ таковая же Петра Великаго, рѣзавшаго не только фалды, но и бороды у своихъ подданныхъ.

Первымъ же приказомъ Императора Павла отъ 7 Ноября 1796 г., начинавшимся извѣстнымъ „*пароль — Полтава*“, Кутлубицкой вмѣстѣ съ генераломъ Плещеевымъ и Шуваловымъ, бригадиромъ Ростопчинымъ и (произведеннымъ въ майоры) Нелидовымъ, былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государю; и такимъ образомъ остался при немъ тѣмъ же, чѣмъ былъ при Наслѣдникѣ.

Черезъ 2 дня (приказомъ 9 Ноября 1796 г.) онъ былъ зачисленъ подполковникомъ въ Гвардейскую Артиллерію вмѣстѣ съ Капцевичемъ, Гессе и Апрѣлевымъ.

Занявъ помѣщеніе въ Дворцѣ, Кутлубицкой неустанно исполнялъ самыя разнородныя порученія Императора, не имѣя отдыха даже ночью.

Изъ данныхъ ему тогда порученій съ его словъ записаны Ханенкой—выселеніе изъ Петербурга за уродство горбатой польской графини, экстренное Собраніе Сената съ приказомъ Куракину „не выпускать сенаторовъ изъ присутствія“, пока не будетъ разрѣшено залежавшееся дѣло; объявленіе Платону Александр. Зубову о подаркѣ ему дворца на Морской ко дню его рожденія, поѣздка въ Москву передъ Коронаціей для примиренія Архарова съ Кн. Долгорукимъ, съ полномочіемъ посадить младшаго генераль-губернатора „подъ Ивановскую колокольню“, если этого примиренія не послѣдуетъ, и пр.

Чтобы исполнять всѣ эти порученія, конечно, не требовалось „ума государственнаго“, но нужны были молодость, неутомимость, большой запасъ внимательности и находчивости, которыя и были на лицо у Н. О. Кутлубицкаго.

За удачное исполненіе особо важныхъ въ глазахъ Павла порученій, онъ цѣловалъ Кутлубицкаго въ лобъ, а иногда давалъ и орденъ; такъ извѣстно, что Анну 2 ст. Государь далъ за поѣздку въ Москву къ Долгорукому и Архарову, снявъ этотъ орденъ съ себя.

Особенностью исполненія всѣхъ этихъ порученій являлось то, что Кутлубицкому всегда удавалось исполнять ихъ миролюбиво, чѣмъ довольны были и стороны и самъ Императоръ.

Не будучи еще совершеннолѣтнимъ, Кутлубицкой уже успѣлъ заслужить о себѣ отзывъ Саблукова, что „подполковникъ Кутлубицкой часто рискуетъ своимъ положеніемъ и милостью къ себѣ Императора, чтобы спастись отъ наказанія молодыхъ офицеровъ“... Въ исторіи Гвардейской Артиллеріи также записано, что благодаря Кутлубицкому „спасена судьба многихъ офицеровъ, полезныхъ для государства“...

Рѣдко-симпатичный отзывъ хоть бы и не для того суроваго времени. Николай Осиповичъ это—Нелидова въ ботфортахъ, но тогда онъ былъ моложе ея почти вдвое.

Записныя книжки Кутлубицкаго того времени явно указываютъ, что и деньги свои онъ раздавалъ въ долгъ, или безъ отдачи нуждающимся офицерамъ; въ нихъ то и дѣло попадаютъ записи:

Бѣдному штабъ-офицеру дано	25 руб.
Семьѣ бѣднаго офицера дано.	100 руб.
Бѣдному капитану Ф. подъ судомъ	50 руб.
Подпоручику Васильковскому (въ долгъ).	100 руб.
Молодому Мигаю, выпущенному въ офицеры.	100 руб.
Гудовичу въ долгъ	240 руб.
Подпоручику Игнатьеву	500 руб.
И такъ далѣе....	

Кутлубицкой крѣпко помнилъ завѣтъ П. А. Румянцева-Задунайскаго, сказанный ему передъ отъѣздомъ изъ Малороссіи въ Гатчино: „*Проси у Государя за всѣхъ и для всѣхъ, но чтобъ для себя языкъ твой не заикался. А когда угодно будетъ Богу наградить тебя черезъ Царя, то онъ и наградить*“.

Какъ бы въ подтвержденіе этого добраго завѣта, черезъ день послѣ своего совершеннолѣтія Кутлубицкой получилъ отъ Императора 1000 душъ крестьянъ въ Нижегородской губерніи, что сразу сдѣлало

его вполне обеспеченнымъ человѣкомъ, и онъ сталъ помогать своей семьѣ.

На богато разрисованномъ золотомъ и акварельными красками широкомъ пергаментѣ, украшенномъ по краямъ гербами областей и губерній, послѣ полного титула Императора, помѣщенного подъ Государственнымъ Гербомъ, между прочимъ указано:

„Объявляемъ симъ, что Мы 1796 года Декабря 4 дня въ воздаяніе усердія къ Намъ и ревности къ службѣ Нашей, оказанныхъ по бытности при насъ подполковника Николая Кутлубицкаго, Всемилоствѣйше пожаловали ему въ вѣчное и потомственное владѣніе 1000 душъ“ и далѣе: „а 1797 г. Февраля въ 12-й день въ число оныхъ назначили къ отдачѣ ему Нижегородской губерніи, Лукояновской округи дворцовыя деревни Березовку, Аламаево, Костянку и Крапивки съ принадлежащими по дачамъ къ онымъ селеніямъ землями и угодіями“.

Кутлубицкому не было времени взглянуть и распорядиться отведенными ему землями, и въ роль распорядителя имѣніями вступилъ его отецъ, пріѣхавшій изъ Малороссіи. Вотъ какъ онъ писалъ по этому случаю своему сыну въ Маѣ 1797 года изъ Нижняго-Новгорода:

„Другъ мой Николай Іосифовичъ.

По отъѣздѣ Вашемъ, проводилъ я истиннаго нашего пріятеля Батиль-Бея въ его путь *), который просилъ меня, чтобы не оставлять его нашими извѣщеніями, надписывая оныя въ полуостровъ Крымскій въ Карасу-Базаръ, о чемъ и прошу Васъ не поупомнить и почаще къ нему писывать, чтобъ онъ также продолжалъ и впредь, ибо Вамъ извѣстно къ намъ его расположеніе.

А потомъ, собравшись за помощью Всевышняго, прибылъ я благополучно въ губернскій здѣшній городъ, въ которомъ приобрѣлъ здѣшняго губернатора Андрея Лаврентьевича Львова съ такимъ искреннимъ ко мнѣ расположеніемъ, что повѣрьте, другъ мой, такого рѣдкостнаго человѣка въ нынѣшнія времена сокровищемъ поставлять должно.

*) Вѣроятно, одинъ изъ бывшихъ крымскихъ хановъ, прибывшій въ Москву на коронацію Павла. Отецъ Кутлубицкаго повидимому былъ знакомъ съ нимъ по дѣламъ Иностранной Коллегіи, будучи при посольствахъ во время Румянцева.

Онъ изволилъ меня обвезить по всѣмъ находящимся здѣсь рѣдко-стямъ и не меньше познакомилъ меня съ обитающимъ здѣсь благо-роднымъ обществомъ, которое я нашель не нашимъ хохламъ подобное. Нынѣшній день онъ отправилъ въ наше владѣніе, которое положено въ Арзамасской округѣ, двухъ землемѣровъ и самъ обѣщаль тамъ быть; нужно всѣ ситуациі на планы снять, а послѣ выдѣлку намъ принадлежащаго учинить и людямъ всѣмъ по мѣркѣ удѣлить, то, мой миленькій, и я долженъ буду всю окружность осмотрѣть и намъ при-надлежащее выдѣлить, чтобы впослѣдствіи не могло быть отъ того урону. По прибытіи же изъ деревни не оставлю наборъ учинить и нужныхъ рекрутъ не омѣшкаю къ Вамъ доставить.

Старайтесь матушку¹⁾ до повороту моего къ Вамъ сколько воз-можно забавлять и не оставьте познакомить ее въ домѣ благодѣтеля нашего Льва Александровича²⁾, съ Мариной Іосифовной и ея дочерьми и другими домами. Не укосните и сами почаще бывать у Ивана Григорьевича Сумбатова, котораго я просилъ о домѣ чтобы купить, когда въ Ломбардѣ съ аукціона продавать будутъ. Для выбора его попросите г-на Яковлева—человѣка опытнаго, которому свидѣтельствую мое по-чтеніе. Выполнилъ ли онъ свое ко мнѣ обѣщаніе? Буде же нѣтъ, то матушку съ его домашними не знакомьте, а буде выполнилъ,—то прошу тѣсную дружбу завести. (Sic!).

Ивана Григорьевича Киселевскаго сынъ—при Иностранной Кол-легіи вакцинъ, котораго прошу жаловать и о немъ попеченіе, какъ о родственникѣ, не оставьте у князя Александра Борисовича³⁾.

Такихъ людей имѣйте въ незабвенной памяти, чтобы избавиться отъ тѣхъ, кто нынѣ при Васъ находится⁴⁾.

Далѣе отецъ пишетъ:

„Въ Измайловскомъ полку есть сержантъ Мошинскій, дитя лѣтъ 17, у котораго мать бѣдная вдова. Она просила меня не оставить его

1) Мачеха Николай Осиповича Анна Петровна, рожденная Миллашевская. по 1-му мужу Рославцева; 2-я жена І. Гр. Кутлубицкаго.

2) Л. А. Нарышкинъ, шталмейстеръ Петра III, который про это царствованіе говорилъ: „с'est le règne de la folie; tout notre temps se passe à manger, boire et faire des folies“. (Замѣтки Екатерины Великой).

3) А. Б. кн. Куракинъ, вице-канцлеръ.

4) Большой афронтъ для 20-лѣтняго Генераль-Адъютанта. Паленька его былъ повидимому человѣкъ практическій.

своимъ ходатайствомъ. Я знаю ихъ по бывшему нашему имѣнію Галіонкѣ.

Еще Вы, другъ мой, не оставьте отъ себя написать письмо здѣшнему Губернатору Львову за оказанную имъ мнѣ благосклонность, а записки Софьи Ильинишны генеральши Максимовичевой¹⁾ ради Бога не упоминайте; она ему сестрица и онъ просилъ у Васъ за нее ходатайствовать у Палицына, чтобы въ ея справедливости Марковичъ ее не обидѣлъ. А такъ какъ *она и Вамъ по покойному дядь тетка*, то Вы по долгу родственника усиленное въ ея пользу стараніе употребите“...

„Съ здѣшней Казенной Палаты за первую половину года оброку 1647 р. 1 к. получилъ и съ онаго доставляю Вамъ 500 руб., изъ которыхъ Вы удѣлите матушкѣ 200 и не упоминайте о сестрицѣ Вашей—Варварѣ, и больше всего пекитесь о пребываніи ея въ пансіонѣ и не оставьте обучать ее рисованію. Впрочемъ, я отдаю все сіе благорасположенію Вашему и надѣюсь, что Вы объ нихъ примете все тѣ мѣры, которыя въ текущее время могутъ быть для нихъ полезны“.

„Не забудьте сами у барона Васильева²⁾ *выстрапать* оброку за прошлый годъ, который былъ уже внесенъ въ казну: въ Петербургѣ ли Вамъ выдадутъ или въ Нижній-Новгородъ предпишутъ“.

„Если не выѣхалъ изъ Петербурга въ Крымъ г. Тумановъ, прошу ему кланяться, а также и Алекс. Фед. Башіеву. Побывайте у г. Гибонъ (?) и скажите ему, что Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ стараніе по дѣлу его имѣть обѣщалъ. За отца Василя Тишковскаго я лично просилъ того же Сиверса, и онъ обѣщалъ все выполнить. Передайте мое привѣтствіе Ивану Павловичу³⁾ и др. А затѣмъ пожелавши Вамъ отъ искренности моей всѣхъ благъ какъ внѣшнихъ, такъ и вѣчныхъ, пребываю Вашимъ искреннимъ и истиннымъ другомъ. *Иосифъ Кутлубицкій*“.

„Р. С. А Лукѣ Григорьевичу прошу сказать, чтобы не часто учащалъ къ г. Яковлеву и особливо чтобы *пьясокъ не производилъ*, пусть вспомнить, что уже не молокосось⁴⁾“.

¹⁾ Вдова Генераль-Майора Максимовичъ въ коронацію Павла получила 293 души въ Малороссіи, какъ то видно изъ списка наградъ 5 Апрѣля 1797 г. Этой выпиской между прочимъ устанавливается родство Кутлубицкаго съ Максимовичами.

²⁾ Впослѣдствіи Графъ, Министръ Финансовъ, а пока Начальникъ Главнаго Казначейства.

³⁾ Кутайсову.

⁴⁾ Лука Григорьевичъ—дядя Ник. Осип.—поручикъ Луганскаго пиканернаго полка.

Межь тѣмъ напутствіе Графа Румянцева по отношенію къ Кутлубицкому сбывалось быстро: на второй мѣсяць царствованія уже къ 1 Января 1797 г. онъ былъ пожалованъ Генераль-Адъютантомъ съ производствомъ въ Генераль-Майоры, прямо изъ подполковниковъ, минуя чины полковника и бригадира, что даже въ царствованіе Павла являлось событіемъ исключительнымъ; это дало поводъ Николаю Осиповичу отшучиваться отъ любопытныхъ—на вопросъ,—за что онъ такъ быстро попалъ въ генералы,—что его Государь „обошелъ двумя чинами“; каковой отвѣтъ въ свою очередь далъ поводъ записать Лопухину нелѣпость про генераль-аншефа, которая до сего времени повторяется въ біографіи Кутлубицкаго *).

Этотъ „обходъ двумя чинами“ Кутлубицкаго Государь приурочилъ къ 1 Января 1797 г.,—предполагаемый день заключенія Павла въ замокъ Лодѣ... По крайней мѣрѣ такъ тогда говорили.

Одновременно съ Кутлубицкимъ пожалованы были Генераль-Адъютантами къ Государю Князь Шаховской, Неплюевъ и Баратынскій.

Въ Апрѣлѣ того же года, на коронацію, Кутлубицкой получилъ орденъ Св. Анны 1-го класса, на 5-мъ году службы въ офицерскихъ чинахъ, будучи 21 года отъ роду.

Порученія, даваемыя съ этихъ поръ Кутлубицкому Государемъ, принимаютъ болѣе широкій и отвѣтственный характеръ.

Павель сталъ пользоваться Кутлубицкимъ для инспекторскихъ смотровъ войсковыхъ частей, крѣпостей и различныхъ снабженій по артиллерійской и инженерной части.

*) Въ бумагахъ Н. О. Кутлубицкаго между прочимъ сохранился слѣдующій приказъ относящійся къ этому времени:

„Указъ Его Императорскаго Величества изъ Государств. военной коллегіи. Господину Генераль-Майору и Кавалеру Кутлубицкому. № 236 отъ 5 Января 1797 года:

Во Всемилостивѣйшемъ Е. И. В. приказѣ въ первый день сего Генваря, отданномъ при паролѣ Е. И. Выс. Александру Павловичу и копіи въ военную коллегію отъ Президента ея Генераль-Фельдмаршала Графа Николая Ив. Салтыкова для надлежащаго исполненія, между прочимъ написано: „Его Императорское Величество Всемилостивѣйше жалуетъ находящагося при немъ флигель-адъютанта подполковника Кутлубицкаго въ Генераль-Адъютанты съ чиномъ *генераль-майора*“ Государ. воен. коллегія приказала: Васъ, г. Генераль-Майоръ, на сей пожалованный Вамъ чинъ привести къ присягѣ. (Въ тѣ времена присяга давалась вновь при каждомъ производствѣ).

14 Ноября 1797 г. Павелъ снабдилъ его двумя чистыми бланкетами за своей подписью „на случай могущихъ быть отъ Его Имени распоряженій“ и вручилъ собственноручный рескриптъ, которымъ поручалъ Кутлубицкому произвести осмотръ крѣпостей, пограничныхъ съ Турціей, и войскъ, находящихся подъ начальствомъ Генераль-Фельдмаршала Гр. Салтыкова и полныхъ Генераловъ—Беклешова, Розенберга, Михельсона, Дунина и Апраксина.*) На другой же день Кутлубицкой выѣхалъ изъ Петербурга, взявъ съ собой черезъ Румянцева 20 тысячъ рублей изъ банка подъ залогъ пожалованныхъ ему имѣній, большую часть которыхъ онъ роздалъ бѣднымъ семействамъ офицеровъ отъ имени Императора.

18 Ноября онъ доносилъ уже государю изъ Суража о произведенномъ имъ смотрѣ кавалеріи. 19 Ноября доносилъ изъ Витебска, 20-го изъ Могилева, 30-го изъ Каменецъ-Подольска, въ Декабрѣ изъ Очакова, въ Январѣ изъ Херсона, изъ Александровской крѣпости, Петропавловской крѣпости, изъ Черкаска, Бахмута, въ Февралѣ изъ Елисаветграда и т. д.

Застигнутый въ дорогѣ водополюю, онъ писалъ Растопчину 15 Февраля 1798 года:

М. Г. Ѳедоръ Васильевичъ.

Буде, паче чаянія, Е. И. В. изволить сказать, что я долго очень ѣзжу, то прошу вѣрноподданнически доложить Е. И. В., что мнѣ никакъ нельзя скорѣе поспѣть объѣздить, ибо по причинѣ здѣшняго климата и здѣшнихъ горъ бываетъ перемѣнная погода, что со мной и случилось, когда сдѣлалась оттепель и снѣгъ весь въ 10 часовъ протаялъ, то промежду горъ такія сдѣлались рѣки, что никакъ перѣхать было нельзя до тѣхъ поръ, пока вся вода не сбѣжала, и я принужденъ былъ до 12 числа сего мѣсяца жить въ чистомъ полѣ подъ Елисаветградомъ; и я не знаю, какъ буду впередъ ѣхать: рѣки вездѣ разлились, мосты посрывало и плотины также. То и прошу Васъ, М. Г., если Е. И. В. будетъ объ этомъ говорить, доложить, чѣмъ чувствительно обязать извольте.“

*) Этотъ рескриптъ, сохранившійся въ бумагахъ Кутлубицкаго, сообщенъ въ Русской Старинѣ 1898 г. Въ Сентябрѣ 1836 года Ник. Осип. посылалъ этотъ рескриптъ Императору Николаю Павловичу вслѣдствіе его просьбы, и онъ былъ возвращенъ Кутлубицкому Николаемъ Павловичемъ черезъ Лонгинова при письмѣ отъ 29 Сентября 1836 года.

Всѣ донесенія Кутлубицкаго Императору заключаютъ въ себѣ не только благожелательные отзывы о всѣхъ начальникахъ войсковыхъ частей, каковыя онъ находилъ всегда въ отличномъ, хорошемъ и порядочномъ состоянїи, но и довольно рѣшительныя мнѣнія о негодности крѣпостей и ихъ вооруженія... Тамъ же приведены иногда обоснованныя распоряженія о переводѣ войскъ изъ одной стоянки въ другую, вынужденный осмотръ крѣпости, его инспектированію не подлежащей, и др. самостоятельныя рѣшенія и дѣйствія, доказывающія не только инициативу инспектирующаго, но и то, что онъ не боялся нарушить букву устава, когда это требовалось измѣнявшимися обстоятельствами.

Едва ли не самое интересное въ донесеніяхъ Кутлубицкаго съ бытовой стороны, это заключительная часть донесенія его изъ Александровской крѣпости отъ 14 Января 1798 года, за № 197, въ которой указано: „Также нашель я здѣсь Абрамова полка майора Банка, который Всемилостивѣйше пожалованъ въ подполковники и назначенъ комендантомъ въ Ново-Двинскую крѣпость. Но оный Банкъ не только чтобы ѣхать, но даже и ходить не можетъ и уже шесть лѣтъ какъ боленъ ранами и ломотой въ костяхъ и во всемъ тѣлѣ. Правая нога у него вся изранена, да и правымъ глазомъ совсѣмъ не видитъ...“

На это сообщеніе послѣдовала резолюція Павла: „Банка оставить тамъ, а на мѣсто его въ коменданты другого.“ *)

Въ эту командировку генераль-адъютантъ Кутлубицкій могъ бы широко удовлетворить своему честолюбію, если бы таковое было у него развито въ ущербъ другимъ свойствамъ: ему не исполнилось еще 22 лѣтъ, а ревизіи его подлежали пять полныхъ генераловъ и одинъ генераль-фельдмаршалъ (Салтыковъ).

Чистые бланкеты за подписью Императора были у него въ карманѣ, но Кутлубицкой, какъ извѣстно, возвратилъ Павлу оба бланкета неиспользованными, нашель войска въ порядкѣ, а найденныя неисправности устранилъ личнымъ распоряженіемъ; и только крѣпости и ихъ вооруженіе признаны были подлежащими исправленію, въ чемъ конечно не могло быть прямыхъ виновниковъ.

Павелъ былъ очень доволенъ результатомъ ревизіи Кутлубицкаго, въ которой тотъ пробылъ почти шесть мѣсяцевъ, радовался, что „ни-

*) Исторія Государевой Свиты.

кого не сдѣлалъ несчастнымъ черезъ эту ревизію“ и повелѣ Николая Осиповича къ Императрицѣ, которой повторилъ тѣ же слова.

24 Іюня 1798 г. за эту поѣздку Кутлубицкой 22 лѣтъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты съ оставленіемъ въ свитѣ Его Императорскаго Величества.*)

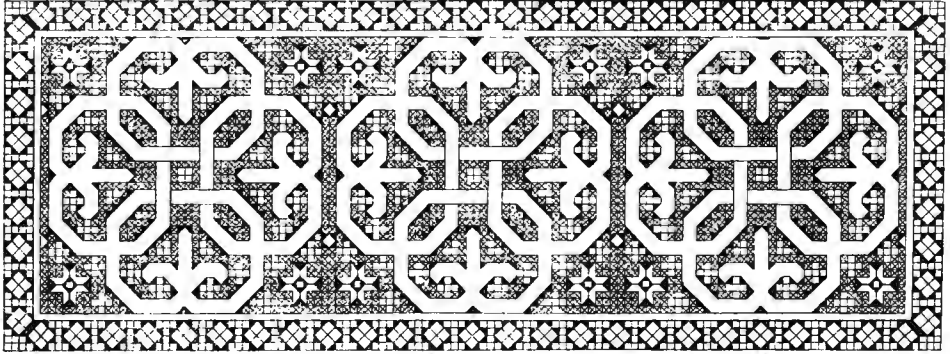
Сообщилъ И. Бронскій.

*) Въ бумагахъ Кутлубицкаго отъ этого времени сохранился нижеслѣдующій приказъ изъ Госуд. военной коллегіи *отъ 25-го Іюня 1798 г.*, № 10647.

„По Высоч. Его И. Вел-ва приказу, отданному въ 24 день сего Іюня, между прочимъ написано: „Его Им. Вел-ва Генераль-Адъютантъ Кутлубицкій Всемилостивѣйше жалуется въ Генераль-Лейтенанты и опредѣляется въ свиту Его Императорскаго Величества.

Государ. Коллегія приказала: чтобы Вы, господ. Генераль-Лейтенантъ, на сей пожалованный Вамъ чинъ учинили надлежащимъ образомъ присягу...“

ВОСПОМИНАНІЯ КАРОЛИНЫ КАРЛОВНЫ ЭШЛИМАНЪ

I. Карлъ Ивановичъ Эшлиманъ

Въ двухъ верстахъ отъ города Ялты, въ углу, гдѣ отъ Симферопольскаго шоссе отдѣляется въ глубь лѣса живописная горная дорога къ новымъ массандровскимъ подваламъ, пріютилась небольшая двухъ-этажная дача. Ея балконы и терассы цѣпко обхватили упругіе стволы пышно разросшейся глициніи, по южной и западной сторонамъ до самой черепичной крыши всползли по стѣнамъ лозы плодоноснаго винограда. Громоздкая старинная мебель краснаго дерева внутри дома, книги въ старыхъ сафьянныхъ переплетахъ, старые портреты и гравюры—все говоритъ здѣсь о прошломъ и даже о далекомъ прошломъ, о томъ времени, когда Южный берегъ не зналъ еще алчной суеты теперешней жизни, когда устраивались здѣсь надолго, а потому прочно; устраивались здѣсь для себя, а не для людей,—ради быстрой наживы, п самаго безцеремоннаго и назойливаго обираванія легкомысленной пріѣзжей публики. Эта дача—владѣніе г-жи Эшлиманъ, милой старушки, тихо доживающей свои дни въ родномъ ей уголкѣ; въ уголкѣ, гдѣ все говоритъ ея сердцу о далекихъ дѣтскихъ годахъ, о пережитыхъ нѣкогда юношескихъ впечатлѣніяхъ, о тѣхъ дорогихъ и близкихъ людяхъ, прахъ которыхъ уже десятки лѣтъ мирно почіетъ въ матери сырой землѣ.

Хотя старушка Каролина Карловна Эшлиманъ живо интересуется событіями современной жизни, но ея душа, ея помыслы безраздѣльно

слились съ тѣмъ давнимъ прошлымъ, когда на Южномъ берегу, тогда еще дикомъ и мало населенномъ, волновали русскихъ пионеровъ этого края другія мысли. Подолгу и охотно рассказываетъ старушка о великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ, о баронессѣ Крюденеръ, о кн. А. И. Голицынѣ, объ академикѣ Кеппенѣ и его семьѣ, многихъ вспоминаетъ она,—многихъ изъ тѣхъ, чьи имена давно стали достояніемъ исторіи.

Дача К. К. Эшлиманъ называется по-татарски „Планжи-Сарай“, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „Домъ-Архитектора“. Старога „планжи“-архитектора Карла Ивановича Эшлимана нѣкогда знали всѣ обыватели Южнаго берега. Имъ были воздвигнуты первыя казенныя сооруженія въ Ялтѣ и въ окрестныхъ мѣстахъ, церковь въ Кореизѣ и старый ялтинскій соборъ, а также сгорѣвшій дворецъ великаго князя Константина Николаевича въ Ореандѣ, живописными развалинами котораго ежегодно любятъ тысячи путешественниковъ.

Каролина Карловна рассказываетъ исторію водворенія семьи Эшлиманъ въ Крыму:

—„Въ жизни нашей семьи большую роль играетъ случай. И мой отецъ и моя мать уроженцы Швейцаріи. Отецъ мой родомъ изъ кантона Берна изъ городка Бургдорфа, гдѣ старый грозный замокъ съ хранящимся въ немъ вооруженіемъ и утварью Среднихъ вѣковъ хранитъ стародавнія преданія о кровавыхъ временахъ фогтовъ. Моя мать родомъ изъ городка Шафгаузена, куда низвергающіяся со скалъ воды знаменитаго Рейнскаго водопада привлекаютъ туристовъ изъ всѣхъ странъ Европы. Отецъ родился въ 1808 году. Блестяще окончивъ мѣстную гимназію (kantonalschule), онъ отправился для изученія архитектуры въ Парижскую академію художествъ и закончилъ тамъ свое образованіе, получивъ прекрасный дипломъ. Послѣ того отецъ нѣкоторое время частнымъ образомъ практиковалъ въ Бернѣ, а затѣмъ получилъ должность помощника городского архитектора. Случайно ему попался въ руки номеръ газеты, въ которомъ одно знатное и богатое семейство приглашало подходящее лицо сопутствовать ихъ сыну, отправлявшемуся на югъ Россіи. Отца заинтересовало это странное объявленіе и онъ пошелъ по указанному въ газетѣ адресу. Молодой иностранецъ, нуждавшійся въ спутникѣ и менторѣ, былъ испанскій графъ Ошандо-де-ла-Банда. Онъ ѣхалъ въ Крымъ, на Южный берегъ, въ имѣніе Кореизъ, принадлежавшее тогда княгинѣ Аннѣ

Сергѣевнѣ Голицыной, урожденной Всеволожской. Она хорошо была знакома съ семьею графа Опшандо-де-ла-Банда по Швейцаріи и, когда узнала, что врачи посовѣтовали молодому графу отправиться на излеченіе въ теплыя страны, пригласила его къ себѣ на зимовку въ Кореизъ.

Хотя мой отецъ по счету явился 29-мъ кандидатомъ, изъ заявившихъ желаніе сопутствовать графу, и былъ наиболѣе молодымъ изъ нихъ, родители больного юноши предпочли его другимъ. Вскорѣ молодые люди тронулись въ далекій путь. Ёхали они въ дорожной каретѣ, нарочно на этотъ случай прибрѣтенной. Путь лежалъ черезъ Вѣну на Одессу. Тамъ мой отецъ долженъ былъ передать съ рукъ на руки молодого графа директору пансіона г. Жерару. Г. Жераръ отказался везти графа въ Кореизъ, такъ какъ въ это время въ пансіонѣ производились экзамены. Онъ попросилъ моего отца доставить графа въ Крымъ. Отцу волей неволей пришлось согласиться. Въ іюль 1828 года молодые путешественники благополучно добрались до Кореиза. Княгиня Голицына любезно встрѣтила отца и пригласила его остаться погостить у нея, обѣщая доставить ему выгодную работу.

Мой отецъ, имѣвшій возможность близко узнать княгиню, рассказывалъ много любопытнаго объ этой интересной женщинѣ. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка на Южномъ берегу Крыма водворились самые видные члены мистическаго кружка, который во вторую половину царствованія императора Александра Благословеннаго, прибрѣлъ такое громадное вліяніе на впечатлительнаго государя*). Въ этомъ кружкѣ мистиковъ видную роль играла княгиня Анна Сергѣевна Голицына. Это, по рассказамъ отца, была очень странная женщина. Уже самый ея бракъ вызывалъ много разговоровъ. Тотчасъ послѣ вѣнца княгиня передала своему мужу портфель, наполненный деньгами, этотъ портфель она держала въ рукахъ во все время обряда вѣнчанія, и заявила ему: „здѣсь, князь, половина моего приданнаго, вы возьмете это себѣ, а засимъ—позвольте съ вами проститься и пожелать вамъ всего наилучшаго: каждый изъ насъ пойдетъ своей дорогой. И вы и я сохранимъ полную свободу дѣйствій“. Князь немедленно уѣхалъ, княгиня нѣкоторое время жила въ Петербургѣ, а затѣмъ поселилась въ Кореизѣ, куда съѣзжались къ ней ея многочисленныя

*) Это были: министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ кн. Александръ Ник. Голицынъ, учредитель въ Россіи Библейскаго Общества, знаменитая баронеса Варвара-Юліана Крюднеръ и другіе.

друзья, въ ихъ числѣ было много иностранцевъ. Между прочимъ, у нея долго гостила графиня Ламоттъ, сыгравшая такую позорную роль въ извѣстной исторіи съ ожерельемъ несчастной французской королевы Маріи-Антуанеты*).

Въ гостинной, гдѣ принимала княгиня гостей, на изящномъ столикѣ неизмѣнно лежало Евангеліе. Каждого приходившаго къ ней, княгиня заставляла прочитывать главу изъ Св. Писанія. Но это нисколько не мѣшало княгинѣ собственноручно на конюшнѣ жестоко пороть плеткою своихъ провинившихся крѣпостныхъ и, когда мой отецъ, возмущенный ея жестокимъ обращеніемъ съ дворовыми людьми, высказалъ ей свое удивленіе и осужденіе, княгиня, любезно улыбаясь, на изящномъ французскомъ языкѣ отвѣтила ему:

„Monsieur Эшлиманъ, прошу васъ для себя немножко больше снисхожденія и немножко больше любезности“.

Княгиня подчасъ давала и болѣе рѣзкіе отвѣты. Такой отвѣтъ получилъ между прочимъ таврической губернаторъ Казначеевъ, человекъ въ высшей степени добрый и стремившійся обуздать произволь именитыхъ владѣльцевъ крымскихъ латифундій. Владѣнія княгини не были огорожены, татарскій скотъ иногда переступалъ границу имѣнія, а еще чаще пасся на спорныхъ участкахъ. Княгиня пристрѣлывала облюбованныхъ ею животныхъ и убитую скотину свѣживала и отправляла въ свои погреба. Губернатору во множествѣ поступали жалобы на нее отъ татаръ сосѣднихъ деревень. Казначеевъ счелъ нужнымъ объяснить ся съ княгиней и отправился въ Керчь.

„Княгиня, обратился онъ къ ней: ко мнѣ поступаетъ отъ татаръ много жалобъ на васъ. Вы убиваете ихъ скотъ; я попрошу васъ больше этого не дѣлать“.

Анна Сергѣевна, въ упоръ смотря на губернатора, молчала. Казначеевъ повторилъ свою просьбу.

„Ты—дуракъ“, оборвала его княгиня и вышла изъ комнаты.

Вышло такъ, что моему отцу пришлось загоститься у княгини значительно дольше, чѣмъ онъ предполагалъ. Въ 1829—30 годахъ на

*) Это извѣстіе подтверждаетъ и Вигель въ своихъ „Запискахъ“ (III кн., часть VII, стр. 6—7) и баронесса М. А. Бодэ, воспоминанія которой были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1882 годъ (кн. 3-я).

югѣ Россіи свирѣпствовала чума, дорога въ Одессу была закрыта, между тѣмъ тамъ у г. Жерара оставлены были и бумаги и вещи молодого архитектора. Отецъ томился вынужденнымъ бездѣйствіемъ. Княгиня передавала ему кое какія работы, но они слишкомъ мало отнимали у него времени. Между тѣмъ прибылъ въ Крымъ намѣстникъ Кавказа и главный начальникъ Новороссійскаго края графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, впоследствии князь. Княгиня представила моего отца графу. Хорошо образованный и воспитанный швейцарецъ произвелъ пріятное впечатлѣніе на могущественнаго русскаго сановника. Графъ Воронцовъ заявилъ Эшлиману, что онъ не отпуститъ его на родину и устроитъ на службу въ Крыму. И, дѣйствительно, по представленію намѣстника, вскорѣ учреждена была должность казеннаго архитектора Южнаго берега Крыма. Карлу Ивановичу предложили занять эту должность. После нѣкотораго колебанія онъ согласился и съ этого времени окончательно содѣялся гражданиномъ Россійской имперіи. Первая казенная постройка, возведенная имъ, была временная деревянная карантинная застава въ Ялтѣ.

Графъ Воронцовъ до самой смерти не переставалъ благоволить къ моему отцу и не стѣснялся посвящать его въ свои самыя интимныя дѣла. Графъ сильно увлекался Нарышкиной, урожденной графиней Потоцкой. По его порученію строилъ мой отецъ домъ для Нарышкиной въ Мисхорѣ и часто молодой архитекторъ выслушивалъ приказанія намѣстника, когда тотъ стоялъ на колѣняхъ передъ ней. Выстроенный имъ домъ до сихъ поръ существуетъ въ Мисхорѣ.

Нѣсколько второстепенныхъ построекъ возвелъ отецъ и для самаго намѣстника въ его имѣніи Алупка; главныя же постройки и знаменитый алупкинскій замокъ были выстроены по проекту англійскаго архитектора Блора. Двѣнадцать лѣтъ трудились надъ его постройкою итальянскіе мастера подъ руководствомъ архитектора Гонта. Матерьяломъ служилъ мѣстный зеленый гранитъ. Какъ то разъ мой отецъ спросилъ графа Воронцова, въ какую сумму обошелся алупкинскій дворецъ.

— „Онъ мнѣ стоитъ очень дорого, отвѣтилъ графъ Воронцовъ, первоначально я записывалъ суммы отпускаемыя на его постройки, но когда расходы превысили милліоны, я пересталъ ихъ записывать, такъ какъ не хочу знать во что онъ мнѣ обошелся“.

Мой отецъ всегда съ большой похвалой отзывался о графѣ Воронцовѣ.

II. Семья Мауреръ.

Каролина Карловна рассказываетъ исторію семьи своей матери:— „Случай забросилъ моего отца въ Россію, передаетъ она, такой же случай привелъ сюда-же нѣсколько ранѣе и мою мать. Ея отецъ, а мой дѣдъ, г. Мауреръ, занималъ на родинѣ большую должность. Его считали краснымъ, и когда палъ Наполеонъ, противники, не взирая на большія заслуги моего дѣда, удалили его съ занимаемой имъ должности. На него это такъ сильно подѣйствовало, что онъ занемогъ и умеръ. Послѣ того моей бабкѣ сталъ ненавистенъ Шафгаузенъ и она только о томъ и думала, какъ бы покинуть городъ, гдѣ она такъ много выстрадала за любимаго человѣка. Однажды подъ вечеръ къ ней въ домъ вошла незнакомая дама.

„Меня преслѣдуетъ по пятамъ полиція, заявила она: я вынуждена скрываться. Разрѣшите сегодняшнюю ночь переночевать у васъ; вы этимъ окажете мнѣ величайшую услугу. Завтра на разсвѣтѣ я оставлю вашъ домъ“.

Моя бабка была немало смущена визитомъ и просьбою дамы, но тѣмъ не менѣе не захотѣла отказать иностранкѣ въ пріютѣ. Дама заночевала у насъ. На утро она попросила мою бабушку, чтобы та разрѣшила ей дочери, а моей теткѣ Еленѣ Яковлевнѣ проводить ее до городскихъ воротъ. Теткѣ моей было тогда всего 17 лѣтъ, она только что кончила институтъ Песталоцци. Бабушка разрѣшила. Передъ уходомъ гостя открыла свое имя—это была знаменитая баронесса Крюднеръ, имѣвшая одно время такое громадное вліяніе на императора Александра Перваго. У городскихъ воротъ баронесса попросила мою тетку проводить ее до границы кантона. Тетка была въ возрастѣ, когда дѣвушка легко подчиняется чужому вліянію, а баронесса обладала свойствомъ увлекать и подчинять своей волѣ даже сильные мужскіе характеры. На границѣ кантона г-жа Крюднеръ уговорила Елену Яковлевну отправиться съ нею дальше.

Въ это время имя баронессы Крюднеръ гремѣло въ Швейцаріи, да и не только въ Швейцаріи, но и по всей Европѣ. Швейцарскія газеты полны были описаній ея дѣйствій. Одни ругали ее, злословили на ея счетъ, насмѣхались надъ нею, другіе, напротивъ, преклонялись передъ нею, слѣпо слѣдовали ея внушеніямъ. Въ 1816-мъ году Швейцарію и южную Германію постигъ сильный неурожай: сдѣ-

лался голодъ, онъ принялъ вскорѣ такіе ужасные размѣры, что на переputяхъ и по дорогамъ подбирали трупы умершихъ отъ голода; люди питались обрывками ремней, древесною корою, корнями несъѣдобныхъ растений. Это, по разсказамъ моей матери и тетокъ, по истинѣ было ужасное время. И вотъ въ этотъ-то голодный годъ, осенью 1816-го года и зимою 1817-го года, баронесса Крюднеръ и ея друзья проявили необычайно энергичную благотворительную дѣятельность. Всюду, гдѣ появлялась баронесса, собирались толпы бѣднаго люда. Ей устраивали возвышеніе, съ котораго она говорила свои горячія проповѣди, а въ это-же время въ громадныхъ котлахъ варили пищу голодающимъ. Скопленіе массы людей вызывало нѣкоторый безпорядокъ, и правительства цвейцарскихъ кантоновъ и городовыя магистраты, опасаясь народнаго бунта, старались поэтому поскорѣ спровадить отъ себя неудобную гостью. Такъ странствовала она по Швейцаріи изъ кантона въ кантонъ, изъ города въ городъ, постоянно гонимая властями и полиціей. Моя тетка сопутствовала ей въ ея послѣднихъ скитаніяхъ по Швейцаріи, отъ Шафгаузена до границъ Баденскаго великаго герцогства. Отсюда баронессу и ея спутниковъ отправили въ Россію. Послѣ многихъ мытарствъ г-жа Крюднеръ и ея самые близкіе друзья, а въ числѣ ихъ была теперь и моя тетка Елена Яковлевна, добрались до Лифляндіи и поселились въ имѣніи баронессы—въ помѣстьѣ Коссе. Это было зимою 1817-го года.

Вскорѣ бабушка получила изъ Россіи письма отъ самой баронессы и отъ Елены Яковлевны, въ которыхъ обѣ настойчиво убѣждали ее перебраться въ Россію. Послѣдняя нѣкоторое время колебалась, а затѣмъ сдалась и со всей семьей переѣхала въ Россію, сперва въ Коссе.

Когда баронесса Крюднеръ, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ, заболѣла у себя въ имѣніи, княгиня Анна Сергѣевна Голицына уговорила ее отправиться съ нею на югъ Россіи въ Крымъ. Баронесса Крюднеръ согласилась. Весною 1824-го года княгиня А. С. Голицына, больная Крюднеръ, ея зять и дочь Беркгеймы, семья Мауреръ (моя бабушка, ея сыновья и дочери) и другія лица, рѣшившіяся поселиться въ Крыму, тронулись въ путь. Ѣхали водою по Волгѣ и по Дону. Моя мать и тетка Елена Яковлевна часто вспоминали объ этой достопамятной поѣздкѣ.

Въ Крыму моя бабушка, близъ Бахчисарая, у деревни Азекъ, на берегу рѣки Альмы, купила себѣ имѣннице. Здѣсь-то и встрѣтились

другъ съ другомъ мои родители, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этой поѣздки. По странной прихоти судьбы они, будучи кровными швейцарцами и изъ старинныхъ швейцарскихъ родовъ, неожиданно попали въ Россію и притомъ черезъ посредство двухъ знатныхъ русскихъ дамъ, стоявшихъ во главѣ тогдашняго мистическаго кружка—баронессы Крюднеръ и княгини А. С. Голицыной; между тѣмъ ни мой отецъ, ни члены семьи моей бабушки, за исключеніемъ тетки Елены Яковлевны Мауреръ, никогда не были мистиками. Послѣдняя, единственная изъ всей семьи, приняла православіе. Замужъ она не пошла и до самой смерти поддерживала дружбу и оживленную переписку со многими членами мистическаго кружка въ Россіи.

Я уже была взрослой дѣвушкой, когда однажды пріѣхала въ Азекъ. Молодежь собиралась ѣхать осматривать достопримѣчательности Бахчисарая, Успенскій монастырь и Чуфуть-кале. Тетка Елена Яковлевна уговаривала меня остаться: она хотѣла мнѣ прочесть письма Крюднеръ и другихъ своихъ друзей (изъ нихъ уже многихъ не было въ живыхъ). По легкомыслію, свойственному тому возрасту, въ какомъ я тогда была, я предпочла ѣхать въ Бахчисарай. Послѣ того мнѣ не пришлось при жизни тетки попасть въ Азекъ, и, когда позже я спохватилась и стала разыскивать письма моей тетки, было уже поздно: я ихъ не нашла; очень можетъ быть, что по смерти Елены Яковлевны ихъ уничтожили.

Семья моей бабушки жила еще въ Кореизѣ, когда императоръ Александръ Первый вторично посѣтилъ Южный берегъ Крыма. Это было въ 1825 году, осенью. Государь остановился въ Нижней Ореандѣ, которая незадолго передъ тѣмъ была куплена имъ у графа Кушелева-Безбородки. Управляющимъ имѣніемъ былъ Фельдманъ. Въ Ореанду навстрѣчу ему собирались жители окрестныхъ селеній, въ томъ числѣ и „кореизская колонія“. Одна изъ моихъ тетокъ, Генріетта Яковлевна Мауреръ, въ то время бывшая въ возрастѣ молодой дѣвушки, отличалась очень привлекательной наружностью. Императоръ обратилъ на нее вниманіе, онъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ей руку. Когда государь поднималъ голову, локоны волосъ моей тетки упали на его густые эпюлеты и запутались въ нихъ. Это происшествіе очень сконфузило ее.

Прошло послѣ того немного дней и изъ Таганрога пришло, какъ громъ поразившее всѣхъ, извѣстіе о смерти великодушнаго императора. Этой смерти долго не хотѣли вѣрить, а потомъ стали ходить слухи,

что якобы государь живъ и здоровъ, но, утомленный понесенными трудами на благо своего народа и долгою войною съ Наполеономъ, добровольно сложилъ съ себя бремя правительственныхъ заботъ и ушелъ отъ міра въ невѣдомыя глухія мѣста, чтобы въ тиши и въ полной безвѣстности отдаться молитвѣ и служенію Богу“.

III. Старая Ялта.

Каролина Карловна рассказываетъ о „старой Ялтѣ:—„Случайно попали мои родители въ Россію, но пожалѣть имъ о томъ не пришлось. Счастливо протекла ихъ жизнь въ новомъ отечествѣ. Счастливо она прошла и для мѣня, родившейся здѣсь въ Крыму. Въ нынѣшнемъ 1912-мъ году мнѣ минуло семьдесятъ пять лѣтъ, въ этомъ-же году столько-же лѣтъ исполнилось городу Ялтѣ. Нѣкогда греческій, потомъ генуэзскій и, наконецъ, турецкій городъ, Ялита, Джалита, Ялта послѣ присоединенія Крыма къ Россіи существовала какъ незначительное приморское поселеніе (Аутка была гораздо больше ея), и только 17-го сентября 1837 года въ силу Высочайшаго повелѣнія императора Николая Павловича переименована была въ городъ. Отецъ часто вспоминалъ событія, при которыхъ это нѣкогда маленькое селеніе съ десяткомъ какимъ-нибудь жалкихъ рыбацкихъ хижинъ стала городомъ и мѣстомъ, куда устремились десятки тысячъ больныхъ, путешественниковъ, прожигателей жизни и всевозможныхъ дѣльцовъ.

Приморское селеніе Ялта обращено было въ городъ вслѣдствіе представленія новоросійскаго генераль-губернатора графа М. С. Воронцова.

Въ 1837 году на южный берегъ Крыма прибылъ императоръ Николай Павловичъ съ Августѣйшимъ семействомъ. Царская семья помѣстилась въ Алупкѣ у графа Михаила Семеновича Воронцова. Намѣстникъ, заранѣе поручившій моему отцу составить проекты плана города и будущихъ построекъ его, распорядился представить ихъ на утвержденіе Государя. Императоръ былъ не въ духѣ. А тутъ его къ тому же въ конецъ разстроилъ неудачный смотръ одного полка, только что прибывшаго съ Кавказа, которымъ управлялъ тогда генералъ Муравьевъ. Люди имѣли измученный видъ, пришли въ оборванныхъ и запыленныхъ мундирахъ. Воронцовъ уговорилъ государя сдѣлать смотръ полку. На смотрѣ—онъ былъ устроенъ на площадкѣ надъ шоссею идущей въ Мисхоръ—выстроенный полкъ неудачно исполнилъ команду императора и окончательно осрамился.

Государь, блѣдный отъ раздраженія, съ плеткой въ рукахъ вплотную подѣхалъ къ сконфуженному въ конецъ командиру полка генералу Абентроту и гнѣвно сказалъ ему:

— „Генераль, если черезъ мѣсяцъ твой полкъ не приметъ надлежащій видъ, я отдамъ тебя подъ судъ“!

Сказавъ это, онъ круто повернулъ коня и поскакалъ въ Ялту. За нимъ послѣдовала свита.

На площадкѣ, гдѣ теперь стоитъ часовня въ память бракосоченія царствующихъ нынѣ Государя и Государыни, императоръ Николай Павловичъ въ клочки порвалъ всѣ представленія генерала-губернатора о наградахъ подчиненныхъ ему лицъ и нѣкоторыя другія представленныя ему бумаги, но тогда-же повелѣлъ обратить Ялту въ городъ, очертилъ на картѣ его границы и утвердилъ составленный моимъ отцомъ планъ. Наканунѣ этого дня, 16-го сентября, освящена была только что законченная постройкою церковь во имя св. Іоанна Златоуста,—та церковь, что обычно называютъ старымъ соборомъ. Она была сооружена по Высочайшему повелѣнію на казенный счетъ. Строилъ ее мой отецъ. Церковь была выстроена въ готическомъ стилѣ. Сейчасъ и наружный и внутренній видъ ея сильно измѣненъ. Позднѣйшія постройки и перестройки нарушили ея первоначальный строго-выдержанный обликъ.

Какъ строитель церкви, мой отецъ погребенъ въ чертѣ ограды этого храма, на площадкѣ обращенной къ городу и бухтѣ. Причѣтъ церкви затруднялся похоронить его на этомъ мѣстѣ, но послѣдовало по этому поводу Высочайшее распоряженіе въ Бозѣ почившаго императора Александра III и отецъ мой, по вѣроисповѣданію протестантъ, нашелъ себѣ вѣчное упокоеніе подъ сѣнію созданнаго имъ православнаго храма.

Изъ Ялты императоръ Николай Павловичъ на пароходѣ отбылъ въ Алуку. Онъ прогостилъ тогда на Южномъ берегу нѣсколько дней, пребывая все время въ самомъ дурномъ настроеніи. Что было причиною этого разстроеннаго душевнаго состоянія Государя, для окружающихъ его, за исключеніемъ быть можетъ графа Воронцова, да еще двухъ-трехъ облеченныхъ довѣріемъ Императора лицъ, осталось неизвѣстнымъ.

На моихъ глазахъ создавалась и росла Ялта, и, когда я вспоминаю прежнюю Ялту, тотъ маленькій тихій городокъ, который нѣкогда ютился на пригоркѣ вокругъ стараго собора и сравниваю его съ теперешней шумной, многолюдной и богатой Ялтою, я не узнаю знакомыхъ мнѣ по прежнимъ впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ домовъ и улицъ, все совершенно видоизмѣнилось, камня на камнѣ не осталось отъ прежней *старой Ялты*.

Тамъ, гдѣ теперь размѣщена лучшая часть города, Набережная, Виноградная и другія прилегающія къ нимъ улицы, шли табачныя плантаціи, участки засѣянные льномъ, лежали немногіе виноградники и сады. Вся часть теперешней Ялты, начиная отъ Полицейскаго моста и до Аутки—въ то время типичной деревушки горнаго Крыма,—было пустопорожнее мѣсто. И только тамъ, гдѣ теперь находится Городской садъ, поблизости отъ бурнаго во время дождей потока Учанъ-Су, сиротливо поднимался среди зелени каштановъ и боярышника одинокій, крохотный домикъ г-жи Жокмаръ. Это была француженка эмигрантка. Когда она прибыла въ Россію, я не знаю, но я помню ее въ Ялтѣ чуть ли не съ самыхъ раннихъ годовъ моего дѣтства. Это была высокаго роста, сильная и мужественная женщина. Одѣвалась она оригинально, по мужски. Носила феску, бешметъ и шаровары, на ногахъ высокіе сафьяновые сапоги. Въ привычкахъ и въ образѣ жизни она тоже предпочитала слѣдовать сильной половинѣ челоуѣческаго рода. Съ ружьемъ въ рукахъ смѣло отправлялась она въ горы, пробиралась по дикимъ ущельямъ и кручамъ, бродила по лѣсамъ, выслѣживая дичь и охотясь на козъ и оленей, служившихъ ей пищею; преслѣдовала лисицъ и барсуковъ. Прислуги она не держала, жила въ домѣ, никого и ничего не страшась. Умерла она 70 лѣтъ, и сколько мнѣ помнится, въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Вокругъ Ялты тянулись владѣнія вельможъ: Учъ-Чамъ, теперь принадлежащій княгинѣ М. В. Борятинской, въ то время составлялъ владѣніе графа Понятовскаго, дача г-жи Бакувиной—принадлежала Ермолову, брату извѣстнаго генерала Ермолова, героя войны 1812 года и грознаго покорителя Кавказа, Ялтинская долина—графу Мордвинову, нашъ Планжи-Сарай, бывшій тогда безыменной дачей,—графу Сухтелену, Ливадія—графу Потоцкому и Верхняя Ореанда—графу Витту.

Этотъ гр. Виттъ увлекъ красавицу графиню Собанскую. Она оставила мужа и пріѣхала въ Ореанду. Княгиня Анна Сергѣевна Голицына, узнавъ объ этой исторіи, пришла въ сильнѣйшее негодованіе.

— „При первой-же встрѣчѣ съ этой негодницей я плюну ей въ морду“! заявляла она моему отцу и другимъ.

Однако такого скандала не произошло. Увидя гр. Собанскую, княгиня въ такой мѣрѣ была очарована ея необычайно-привлекательной наружностью, что подошла къ ней, обняла ее и поцѣловала.

— „Боже, какая-же вы душечка“! сказала она ей.

Съ этого момента Анна Сергѣевна не переставала благоволить къ красавицѣ сосѣдкѣ, и когда охладѣвшій къ ней гр. Виттъ разошелся съ Собанской, бросивъ бѣдную женщину, пожертвовавшую ради него и мужемъ и общественнымъ положеніемъ, на произволь судьбы, княгиня приняла въ ней горячее участіе и энергично хлопотала за нее.

При постройкѣ корейской часовни—ее строилъ мой отецъ—крестъ предназначенный на ея куполь, оказался слишкомъ громоздкимъ. На часовнѣ утвердили другой крестъ, а этотъ княгиня распорядилась поставить на одной изъ скалъ Верхней Ореанды, такъ, чтобы онъ былъ видѣнъ изъ оконъ дома графа Витта.

— „Поставьте его на горѣ,—сказала она моему отцу: пусть онъ служить живымъ укоромъ графу въ его поведеніи и напоминаетъ ему о днѣ Страшнаго Суда“.

Крестъ былъ утвержденъ на указанномъ мѣстѣ. На утро лучи солнца озарили яркимъ блескомъ массивъ его, чтобы освѣтить новую причуду княгини и, изумленный этимъ зрѣлищемъ, графъ Виттъ могъ снова пожимать плечами на выходы своей безпокойной сосѣдки. Крестъ этотъ стоитъ и понынѣ на томъ же мѣстѣ.

Графъ Виттъ остался на всю жизнь холостымъ. Минуя своихъ наслѣдниковъ, онъ захотѣлъ подарить Верхнюю Ореанду великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, но великая княгиня отклонила его настойчивыя просьбы принять даръ.

— Нѣтъ, графъ,—сказала она ему,—если ужъ вы такъ хотите, чтобы я владѣла Ореандою, предоставьте мнѣ ея пользоваться пожизненно, такъ какъ на иныхъ условіяхъ я не считаю себя въ правѣ принять ее; уступивъ вашему желанію я поступила бы несправедливо по отношенію къ вашимъ наслѣдникамъ“.

Вотъ почему по смерти великой княгини Елены Павловны Верхняя Ореанда перешла по наслѣдству къ родственницѣ графа—графинѣ Шуваловой, а затѣмъ къ ея дочери—княгинѣ Долгоруковой.

Властолюбивая и энергичная кн. А. С. Голицына часто вмѣшивалась въ семейныя отношенія окружающихъ ея лицъ. Баронъ Беркгеймъ не разъ жаловался моему отцу на своенравную княгиню, что та сбѣтъ раздоры между супругами Беркгеймъ. Баронесса постоянно пребывала въ Корейзѣ, баронъ обычно жилъ у себя на дачѣ, въ Судахъ, подлѣ генуэзской крѣпости. Каждый разъ, какъ онъ прїѣзжалъ въ Корейзъ, кн. Голицына принимала всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ не оставался наединѣ съ женою. Княгиня вообще отрицала брачное сожителство между людьми.

—„Княгиня, какъ Аргусъ, слѣдитъ за мною и баронессою, ни на минуту не оставляя насъ вдвоемъ—жаловался баронъ Беркгеймъ моему отцу—я не имѣю возможности сказать женѣ съ глазъ на глазъ двухъ словъ. Кромѣ того она постоянно вооружаетъ противъ меня мою жену. Неужели я ужъ такъ плохъ? Не знаю къ чему все это приведетъ“?

Въ концѣ концовъ эти раздоры закончились полнымъ разрывомъ между супругами Беркгеймъ. Баронъ уѣхалъ въ Германію и уже не вернулся къ женѣ. Тамъ онъ вскорѣ и умеръ. Баронесса Беркгеймъ по смерти княгини Голицыной продала свои виноградники и уѣхала изъ Крыма. Говорили, что послѣ многихъ скитаній она вышла замужъ за какого-то подозрительнаго господина въ Орловской губерніи и тамъ умерла въ одиночествѣ и въ нищетѣ.

У баронессы Беркгеймъ была воспитанница; отъ нея взяла ее къ себѣ княгиня А. Бор. Мещерская. Воспитанница эта вышла очень хорошей дѣвушкой. Ее звали—Елизавета Львовна Франкъ. Она умерла чахоткою, надорвавъ себѣ голосовыя связки непрестаннымъ чтеніемъ княгинѣ книгъ. Другая воспитанница княгини имѣла иную судьбу. Княгиня Мещерская замѣтила, что дѣвушка нравится ея управляющему г. Мейеру. Однажды она спросила у нея:

—„Настя, нравится тебѣ г. Мейеръ“?

И, когда та, покраснѣвъ, отвѣтила утвердительно, княгиня при удобномъ случаѣ задала подобный же вопросъ Мейеру. Получивъ отъ

него откровенный отвѣтъ, княгиня предложила ему жениться на ея воспитанницѣ:

— „Послѣ моей смерти—добавила она—вы оба получите мою землю около Ай-Тодора (теперь „Барбо Кристо“ г-на Титушкина), а пока побѣжайте туда и хозяйничайте тамъ“.

Поблагодаривъ свою благодѣтельницу, молодые супруги отправились въ имѣніе. Благодаря неустаннымъ трудамъ ихъ и вложеннымъ Мейеромъ его деньженкамъ, пустырь черезъ нѣсколько лѣтъ обратился въ превосходное имѣніе. Тогда благодѣтельница княгиня, отказавшись отъ своего прежняго рѣшенія, продала его князю Воронцову за 100,000 рублей. Обремененный семьею, Мейеръ потерялъ въ имѣніи и то, что раньше было имъ скоплено.

Также какъ и ея сестра—графиня Татьяна Борисовна Потемкина, владѣвшая имѣніемъ около Аю-Дага, княгиня А. Б. Мещерская очень интересовалась мистическими книгами“.

IV. Крымская война.

К. К. Эшлиманъ вспоминаетъ событія Крымской войны:— „Я очень хорошо помню это время,—разсказываетъ Каролина Карловна,—вѣдь я тогда была уже взрослой дѣвушкою; и потому отчетливо помню все пережитое въ тѣ дни. Наша семья проживала тогда у себя на дачѣ. Отецъ каждый день ѣздилъ въ городъ и привозилъ намъ новости, слышанныя имъ отъ освѣдомленныхъ лицъ. А новости эти въ большинствѣ случаевъ были грустныя. На Альмѣ русскія войска понесли жестокое пораженіе, Евпаторія и Балаклава заняты были непріятельскими войсками, славный русскій черноморскій флотъ, за годъ передъ тѣмъ одержавшій при Синопѣ блестящую побѣду, потопленъ былъ своими на рейдѣ севастопольскаго порта, а самъ Севастополь обложенъ тѣснымъ кольцомъ непріятельской арміи. О доблестныхъ подвигахъ его защитниковъ доходили вѣсти, но мало было надежды на то, что гарнизонъ многострадальнаго города, несмотря на все геройство русскихъ войскъ, выдержать долгую осаду и бѣшенныя атаки союзниковъ снабженныхъ къ тому-же и лучшею артиллеріей и всѣми послѣдними средствами военной техники...“

Мы не знали, какъ будутъ вести себя непріятельскія войска относительно мирнаго населенія. Что-же касается турокъ, то на этотъ

счетъ сомнѣній не существовало: ихъ варварскій способъ войны и уже учиненныя мѣстами звѣрства надъ христіанскимъ населеніемъ, не обѣщали ничего хорошаго.

Отецъ принялъ мѣры къ тому, чтобы во всякое время семья наша свободно могла выѣхать во внутреннія мѣстности губерніи. На конюшнѣ постоянно стояли двѣ пары воловъ и лошади, въ сараѣ—нужные экипажи и подводы. Всѣ болѣе или менѣе цѣнныя вещи были упакованы и лежали готовыми къ погрузкѣ на подводы. Наконецъ, тревожныя ожиданія разрѣшились прибытіемъ непріятельской эскадры.

Помяну,—это было 11-го октября передъ самымъ разсвѣтомъ—въ окно комнаты, гдѣ помѣщалась моя сестра и я, кто-то тревожно сталъ стучать. Наспѣхъ одѣвшись, мы вышли на дворъ узнать въ чемъ дѣло. Стучалъ нашъ дворникъ.

—Непріятель пришелъ въ Ялту, испуганно объявилъ онъ намъ: надо будить Карла Ивановича и ѣхать отсюда.

Мы распорядились пока отца не будить—могло статься, что дворникъ ошибся,—и побѣжали на ближайшій пригорокъ, что-бы оттуда самимъ наблюдать, что дѣлается въ Ялтѣ.

Мы увидѣли на рейдѣ четырнадцать военныхъ судовъ. Это была эскадра адмирала Шарнгарнье. Команда судовъ занята была промѣромъ глубины бухты.

Когда мы возвратились домой, отецъ уже былъ одѣтъ и собирався ѣхать въ Ялту. Онъ хотѣлъ на мѣстѣ собрать всѣ подробности и выяснить, что дѣлать дальше. Когда онъ пріѣхалъ туда, непріятельскій десантъ уже занялъ своими караулами всѣ выходы изъ города, но отца пропустили безъ особенныхъ затрудненій. Непріятельскіе офицеры завѣрили его, что мирнымъ жителямъ не будетъ сдѣлано никакой обиды. И, дѣйствительно, за все взятое ими въ ялтинскихъ лавкахъ было добросовѣстно уплачено. Брали они здѣсь, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, мыло, свѣчи и кое-какіе другіе продукты. Въ Ливадіи и въ Массандрѣ забрали они сахаръ и шампанское.

Три дня пробылъ непріятельскій десантъ въ Ялтѣ и покинулъ ее, не причинивъ жителямъ никакой обиды.

Когда заключено было перемиріе, мы опять увидѣли непріятельскихъ офицеровъ—это были англичане и французы, совершавшіе прогулки въ окрестностяхъ Ялты. Англичанъ сопровождали ихъ жены и сестры. Англійскія леди разъѣзжали на прекрасныхъ арабскихъ скакунахъ. Онѣ были въ восторгѣ отъ Южнаго берега Крыма, немало восхищались великолѣпнымъ алупскимъ замкомъ, Массандрою, Ливадіей и Ореандой. Нарядныя кавалькады англійскихъ амазонокъ, сопровождаемыхъ британскими и французскими офицерами, разъѣзжали по шоссе и повсюду вносили большое оживленіе.

Не обошлось безъ курьезовъ. Въ единственную ялтинскую гостинницу, г-на Собеза, (она помѣщалась тамъ, гдѣ теперь Центральная гостинница), явился англичанинъ и спросилъ номера для себя и для своей лошади. Хозяинъ гостинницы извинился передъ посѣтителемъ и заявилъ ему, что для него самого помѣщеніе въ гостинницѣ имѣется, что-же касается лошади, то ей придется помѣститься на конюшнѣ гостинницы.

Упрямый Англичанинъ не удовлетворился такимъ отвѣтомъ.

—„Моя лошадь привыкла жить рядомъ со мною—заявилъ онъ— и иначе не можетъ помѣщаться. Если вамъ мало одного фунта стерлинговъ за номеръ лошади, я заплачу три, пять, десять фунтовъ, но прошу васъ отвести номеръ и для коня“.

Г-нъ Собезъ въ концѣ концовъ уступилъ и четвероногій квартирантъ занялъ номеръ по сосѣдству съ номеромъ своего хозяина.

Оригинальные постояльцы пробыли въ гостинницѣ три дня.

Однажды группа катающихся офицеровъ заѣхала къ намъ на дачу. Они, конечно, любезно были приняты. Въ разговорѣ одинъ изъ офицеровъ спросилъ отца:

—„Скажите, когда десантъ высадился въ Ялтѣ, вы очень испугались?“ На это отецъ отвѣтилъ, что онъ былъ увѣренъ въ томъ, что, если высадившіеся окажутся французами, англичанами или савойцами, они, какъ представители культурныхъ націй, мирнымъ жителямъ зла не причинять.

—„Вы не ошиблись, думая такъ, сказалъ офицеръ:—мы никогда не позволили-бы честь своей арміи запятнать обидою мирныхъ жите-

лей. Знайте, что во время военныхъ дѣйствій никто изъ нашихъ офицеровъ и солдатъ не переступилъ ограды Ореанды только потому, что намъ было извѣстно, что Ореанда принадлежитъ дамѣ—русской императрицѣ“.

Высадкѣ въ Ялтѣ непріятельскаго десанта предшествовали неоднократныя ложныя тревоги. Одна изъ нихъ особенно памятна мнѣ. Мать моя была больна и ее временно пришлось помѣстить въ городѣ на отдѣльной квартирѣ. По очереди я и мои сестры дежурили около больной. Однажды ночью, когда я находилась при ней, на улицѣ раздались тревожные крики. Вслѣдъ за тѣмъ кто-то сталъ громко стучать въ нашу дверь. „Не отпирай—сказала мнѣ мать—спроси черезъ дверь: кто стучить?“

На мой вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ:

—„Это я—дворникъ. Подымайтесь скорѣе, барышня, непріятель пришелъ. Весь городъ бѣжитъ на горы“.

Дѣйствительно, по улицѣ, съ насоро связанными узлами, бѣжали мужчины, женщины и дѣти, по мостовой громыхали отъѣзжающіе экипажи.

Насоро одѣвшись, мы приготовились было тоже покинуть нашу квартиру, но, по счастію, въ этотъ моментъ подоспѣлъ посланный отъ отца. Отецъ прислалъ сказать, чтобы мы не беспокоились, такъ какъ никакой опасности нѣтъ: тревога была напрасная. Она была вызвана появленіемъ въ морѣ въ неурочное время судовыхъ огней. Въ городѣ ихъ приняли за огни непріятельскаго флота, между тѣмъ это были огни съ судовъ запоздавшихъ рыбаковъ.

Много въ ту ночь было курьезныхъ эпизодовъ. Такъ одна еврейка, спасавшаяся изъ города въ горы, со страха вмѣсто своего ребенка подхватила подушку и въ дорогѣ убаюкивала ее, въ полной увѣренности, что это ея дитя.

Послѣ этого переполоха отецъ на другой-же день перевезъ мою мать на нашу дачу“.

V. Старожилы Южнаго берега.

Обращеніе Ялты изъ мѣстечка въ уѣздный городъ, предрѣшенное императоромъ Николаемъ Первымъ еще осенью 1837 года, въ бытность его на Южномъ берегу Крыма, нашло себѣ осуществленіе только въ началѣ слѣдующаго года. 23-го марта 1838 года данъ былъ Сенату указъ, въ силу котораго въ южной части Таврической губерніи учреждался новый уѣздъ, подъ названіемъ Ялтинскаго. Въ составъ его, „сверхъ собственно такъ именуемаго Южнаго берега Крыма“, включались также три волости и греческія селенія по ту сторону горъ. Указъ повелѣвалъ учредить въ Ялтѣ городское и уѣздное управленіе. Объ учрежденіи магистрата, думы и сиротскаго суда мѣстное начальство должно было войти съ особымъ представленіемъ, когда по мѣстнымъ обстоятельствамъ признано будетъ возможнымъ и нужнымъ. Вѣдніе городскими доходами и расходами возложено было на городскую полицію и двухъ депутатовъ назначенныхъ отъ мѣстныхъ жителей.

Новому городу дарованы были всѣ права и преимущества представленные Городовымъ Положеніемъ, а въ цѣляхъ скорѣйшаго заселенія его промышленнымъ населеніемъ ялтинскіе купцы и мѣщане освобождены были на 5 лѣтъ: первые отъ платежа за право торговли, а вторые отъ взноса въ Казну мѣщанскаго оклада. На тотъ-же пятилѣтній срокъ Ялта освобождалась и отъ воинскаго постоя.

Однако всѣ эти льготы мало содѣйствовали дальнѣйшему росту города, Ялта долгое время оставалась почти все въ тѣхъ же размѣрахъ—маленькимъ, незначительнымъ городкомъ, и только съ начала шестидесятыхъ годовъ, когда по совѣту лейбъ-медика проф. Сергѣя Петровича Боткина, Ливадія была избрана мѣстомъ жительства для императрицы Маріи Александровны, супруги императора Александра II, и на Южномъ берегу подолгу стала гостить царская семья, городъ началъ быстро увеличиваться въ своихъ размѣрахъ, облегающіе его пустыри въ короткое время покрылись роскошными виллами и дачами и сѣть его улицъ далеко продвинулась и по склонамъ холма Дарсана и по берегу моря въ сторону Ливадіи.

„Съ пріѣздомъ царской семьи въ Ливадію, — рассказываетъ К. К. Эшлиманъ, — городокъ Ялта сталъ расти и застраиваться со сказочной быстротой. Около домика Madame Жокмаръ, въ предѣлахъ те-

перешняго Городского сада, выстроилъ для себя небольшой домикъ баронъ Лодэ, ротмистръ пограничной стражи. На деньги, занятыя въ Бессарабскомъ банкѣ, рядомъ съ этимъ домикомъ онъ выстроилъ потомъ другой большой, изъ котораго впоследствии перестроенъ былъ теперешній курзалъ Городского сада. По сосѣдству съ барономъ Лодэ приобрѣлъ себѣ участокъ земли графъ Адлербергъ, министръ императорскаго двора.

Баронъ Лодэ старательно занялся устройствомъ сада возлѣ своихъ домовъ. Это имъ посажены и выращены большія деревья въ теперешнемъ Городскомъ саду: велингтоніи и другія.

Графъ Адлербергъ, владѣнія котораго обнимали часть Городского сада, со стороны Набережной, слѣдовалъ примѣру сосѣда и тоже старательно засаживалъ свой участокъ деревьями и кустами. Какъ всегда, злые языки не приминули возвести на графа обвиненія, что онъ устраивается за счетъ царскаго имѣнія, и потому за его владѣніемъ утвердилось ходячее названіе—„Маленькой Ливадіи“. Впоследствии баронъ Лодэ продалъ городу сперва одну половину своего владѣнія, сколько помнится, за 40,000 рублей, а затѣмъ другую за 30,000 рублей. Между тѣмъ было время, когда моему отцу весь участокъ отъ Полицейскаго моста до Ливадійскаго, иначе говоря, все пространство, занятое теперь Набережной и Виноградной улицами, предлагали купить за 500 рублей. У отца не было тогда этихъ денегъ и сдѣлка не состоялась.

Баронъ Лодэ былъ женатъ на Елизаветѣ Александровнѣ Ашеръ. Это была очень милая семья. Старикъ Александръ Васильевичъ Ашеръ прибылъ на Южный берегъ вмѣстѣ съ другими переселенцами достопамятной „корейской“ колоніи. Онъ былъ крещеный еврей. У баронессы Крюднеръ служила камеристкой очень хорошая, образованная и дѣльная дѣвушка, фрейленъ Гертруда, фамиліи ея я, къ сожалѣнію, не помню. Ашеръ влюбился въ Трудхенъ, какъ обычно называла ее баронесса, и настойчиво сталъ добиваться взаимности. Девять лѣтъ ухаживалъ онъ за ней. Онъ нравился ей, но дѣвушку смущало его еврейское происхожденіе. Въ концѣ концовъ онъ добился своего: она согласилась выйти за него замужъ и бракъ этотъ оказался счастливымъ.

А. В. Ашеръ первое время занимался строительными подрядами. Нужно отдать ему справедливость, подрядчикъ онъ былъ очень неваж-

ный и всякое неудачное сооруженіе долгое время потомъ называли „ашеровской постройкой“. Потомъ онъ служилъ въ Ялтинскомъ уѣздѣ приставомъ. Скопивъ небольшія деньги онъ купилъ участокъ земли за Гурзуфомъ подлѣ Аю-Дага. Это имѣніе—„Кизильташъ“, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „Красный Камень“.

Дѣтямъ своимъ Александръ Васильевичъ Ашеръ далъ основательное образованіе. Всѣ они вышли хорошими людьми и сынъ его, Сергѣй Александровичъ Ашеръ, въ послѣдствіи оставилъ по себѣ добрую память, какъ хозяйливый и земскій дѣятель. Дочь старика Ашера, Елизавета Александровна, позднѣе вышедшая замужъ за ротмистра барона Лодэ, окончила курсъ въ Одесскомъ институтѣ. Она устроила въ Кизильташѣ нѣчто въ родѣ учебнаго пансіона, въ которомъ за плату 300 рублей въ годъ, содержала и обучала дѣтей разнымъ предметамъ: наукамъ, музыкѣ и рукодѣлію. Въ то время въ Ялтѣ, кромѣ уѣзднаго училища, другихъ учебныхъ заведеній не было, и даже въ губернскомъ городѣ Симферополѣ имѣлась всего только одна прогимназія. При такихъ условіяхъ пансіонъ М-ше Ашеръ явился истиннымъ благодѣяніемъ для жителей Южнаго берега.

Семья Ашера отличалась рѣдкимъ гостепріимствомъ, фрау Ашеръ къ тому же была замѣчательная хозяйка. Эту способность наслѣдовала отъ нея одна изъ дочерей—Татьяна Александровна. Въ гостепріимномъ домѣ Ашеровъ собиралось многолюдное общество—вся тогдашняя интеллигенція Южнаго берега. Одна изъ дочерей старика Ашера, Анна Александровна, вышла замужъ за Визинга—перваго предсѣдателя ялтин-земской управы. Въ послѣдствіи его смѣнилъ въ этой должности его шуринъ, Сергѣй Александровичъ Ашеръ.

Была еще одна семья, гдѣ я часто бывала въ молодыхъ годахъ—это была семья академика Кеппена. Одна изъ его дочерей, Александра Петровна, вышедшая замужъ за директора Никитскаго сада, гр. Келлера, обладала прекраснымъ голосомъ и чудесно пѣла; другая, Наталья Петровна, отличалась большими познаніями въ лингвистикѣ. Она основательно знала нѣсколько языковъ и, между прочимъ, санскритскій. Старикъ Петръ Ивановичъ Кеппенъ жилъ съ семьею въ своемъ имѣніи Карабахѣ, за Аю-Дагомъ. Онъ всецѣло поглощенъ былъ научными занятіями. Фрау Кеппенъ не разъ жаловалась на мужа, за причиняемые безпокойства. У супруговъ была одна кровать. До самой смерти, ежедневно, какова бы не была погода, старикъ въ 2 часа ночи вставалъ съ постели и отправлялся наружу смотрѣть показанія термометра.

Прямо съ воздуха, холодный, а подчасъ, и мокрый, онъ опять укладывался въ постель и при этомъ, иногда приносилъ такой холодъ, что фрау Кеппенъ принуждена была порядкомъ дрогнуть. Какъ не билась она, упрямый старикъ не захотѣлъ ради ея удобства отказаться отъ своихъ метеорологическихъ наблюденій.

Отецъ мой интересовался П. И. Кеппеномъ, главнымъ образомъ, какъ замѣчательнымъ знатокомъ таврическихъ древностей. Въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ неутомимо трудился старикъ академикъ надъ розысканіемъ и описаніемъ остатковъ греческой и генуэзской старины и его книга „Крымскій Сборникъ“, по свидѣтельству археологовъ, до сего времени не имѣетъ сочиненія равнаго себѣ по научнымъ достоинствамъ.

Былъ еще одинъ замѣчательный человѣкъ, съ которымъ пришлось столкнуться моему отцу въ Крыму. Это былъ художникъ Иванъ Константиновичъ Айвазовскій.

Въ Феодосіи гдѣ проживаетъ много караимовъ, строилась новая кенасса (синагога). Таврической губернаторъ А. И. Казначеевъ пріѣхалъ осмотрѣть постройку. Проѣзжая по улицамъ города, онъ обратилъ вниманіе на превосходно исполненный эскизъ лошади, нарисованной на однихъ воротахъ. Губернаторъ заинтересовался рисункомъ.

— „Кто это нарисовалъ?“—спросилъ онъ сопутствующихъ ему чиновниковъ.

— „Извините, ваше превосходительство,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, понявъ вопросъ губернатора, какъ выраженіе неудовольствія на безпорядокъ въ городѣ—все это балуется одинъ здѣшній армяшка. Нѣтъ никого сладу съ мальчишкой, постоянно пачкаетъ своею мазнею ворота и заборы“.

Губернаторъ, иначе оцѣнившій эту „мазню“, подробно разспросилъ о мальчикѣ и сказалъ моему отцу:

— „Займитесь мальчикомъ, Эшлиманъ, я думаю, изъ него выйдетъ нѣчто примѣчательное“.

Отецъ исполнилъ просьбу губернатора и, пока жилъ въ Феодосіи, охотно занимался съ нимъ.

„Пачкуна“ опредѣлили въ 1833 году пансіонеромъ въ Академію Художествъ. Подъ руководствомъ Филиппа Теннера онъ сталъ рисовать морскіе виды и уже въ 1835 году за одинъ изъ своихъ этюдовъ получилъ первую серебрянную медаль“.

VI. Въ Ливадіи.

Приморская полоса земли, составляющая въ настоящее время царское имѣніе, Ливадію, послѣ окончательнаго утвержденія русскихъ въ Крыму пожалована была императрицей Екатериной II-й архипелажскимъ грекамъ. Начальникъ ихъ, генераль Ревеліоти, купилъ у нихъ эту землю, нѣкоторое время владѣлъ ею, а затѣмъ въ 1834 году продалъ ее графу Потоцкому. Послѣдній ревностно занялся приведеніемъ въ порядокъ своего имѣнія. Онъ выстроилъ для себя домъ, соорудилъ необходимыя хозяйственныя постройки и разбилъ садъ и виноградники. По смерти графа удѣльное вѣдомство купило у его наслѣдниковъ Ливадію и государь Александръ II пожаловалъ ее своей супругѣ, императрицѣ Маріи Александровнѣ.

К. И. Эшлиманъ, управлявшій въ это время Ореандою, получилъ изъ Придворной Конторы приказаніе приготовить Ливадію къ царскому пріѣзду. Срокъ былъ назначенъ короткій; домъ графа не требовалъ передѣлокъ, но явилась необходимость возвести цѣлый рядъ новыхъ построекъ: малый дворецъ для наслѣдника-цесаревича, помѣщеніе для свиты, службы для придворной прислуги, казармы и конюшни для царскихъ лошадей; понадобилось соорудить до 60 новыхъ зданій. Въ виду такого большого числа построекъ и спѣшности работъ, К. И. Эшлиманъ обратился въ Придворную Контору съ просьбой прислать ему помощника. Въ помощь ему командировали архитектора-декоратора Монигетти.

„Отецъ мой,—разсказываетъ Каролина Карловна Эшлиманъ,— всегда всѣ проекты и чертежи построекъ составлялъ самъ. Онъ поступилъ также и въ этотъ разъ. Когда всѣ они были имъ составлены, онъ передалъ ихъ для ознакомленія своему помощнику. Около этого времени Монигетти понадобилось ѣхать въ Петербургъ; получивъ на то разрѣшеніе своего новаго начальника, онъ, захвативъ съ собою проекты, отправился туда, и тамъ безъ вѣдома отца представилъ ихъ на утвержденіе въ Придворную Контору. Это еще было полъ-бѣды, но, представляя ихъ въ контору, онъ выдалъ ихъ за свои собственныя.

Проекты были утверждены и Придворная Контора производство всѣхъ работъ возложила на одного Монигетти. Этотъ безсовѣстный поступокъ неслыханно огорчилъ моего отца и онъ сперва рѣшилъ было жаловаться на Монигетти, но я уговорила его оставить это дѣло безъ вниманія. Впослѣдствіи Богъ наказалъ этого человѣка: онъ сошелъ съ ума. Постройки выполнены были имъ неудачно. Малый дворецъ, предназначенный для Наслѣдника Цесаревича, далъ въ стѣнахъ трещины. Изъ Петербурга присланъ былъ для осмотра экспертъ профессоръ Гриммъ. Профессоръ заѣхалъ къ моему отцу и высказалъ ему свое недоумѣніе по поводу образовавшихся трещинъ.

— „Провѣрьте фундаментъ, посоветовалъ ему отецъ.— Мнѣ думается, что при закладкѣ его строители отступили отъ положенныхъ нормъ“.

Профессоръ послѣдовалъ совѣту и, дѣйствительно, когда обнажили фундаментъ, то оказалось, что глубина его не превышала одного аршина, между тѣмъ по мѣстнымъ условіямъ требовалась глубина въ одну сажень. Тогда пришлось передѣлывать Малый дворецъ отъ самаго основанія. Согласно желанію цесаревны Маріи Феодоровны, его возстановили въ прежнемъ стилѣ и въ прежнемъ внутреннемъ видѣ“.

Въ 1861 году по окончаніи красносельскаго лагернаго сбора императоръ Александръ Николаевичъ съ императрицею и съ Августѣйшими дѣтьми въ первый разъ отправился во вновь пріобрѣтенное имѣніе. Они пробыли здѣсь до начала Октября. Вся царская семья жила въ этотъ разъ въ Большомъ дворцѣ (въ домѣ графа Потоцкаго). За отсутствіемъ церкви въ Ливадіи, государь и государыня присутствовали на богослуженіи въ старомъ соборѣ. За неоднократное служеніе въ высочайшемъ присутствіи настоятель собора отецъ Василій Сердюковъ пожалованъ былъ 11-го Октября кабинетнымъ напереннымъ крестомъ.

Съ 1867 года царская семья почти каждую осень пріѣзжала въ Ливадію. Здѣсь Августѣйшіе хозяева отъ времени до времени принимали у себя заграничныхъ гостей—членовъ царствующихъ домовъ. Въ 1869 году пробылъ въ Ливадіи нѣкоторое время принцъ Карлъ Гогенцоллернъ, незадолго передъ тѣмъ признанный русскимъ дворомъ въ достоинствѣ князя Румыніи, позднѣе пріѣзжалъ сюда герцогъ Эдинбургскій, бразильскій императоръ Донъ-Педро и другіе высокіе гости.

Царская семья жила очень просто. Доступъ въ Ливадію былъ открытъ всѣмъ желающимъ и члены царскаго семейства имѣли постоянное непосредственное общеніе и съ ялтинскими горожанами и съ обывателями сосѣднихъ деревень.

„Обыкновенно послѣ завтрака,—разсказываетъ К. К. Эшлиманъ,—государыня Марія Александровна отправлялась въ легкомъ экипажѣ на прогулку. Экипажъ этотъ представлялъ изъ себя пролетку съ плетенымъ кузовомъ; поверхъ его былъ устроенъ синій балдахинъ. Государыня привѣтливо отвѣчала на поклоны гуляющихъ и каждый разъ, когда я и мои сестры встрѣчали ее на прогулкѣ, она милостиво улыбаясь, привѣтствовала насъ возгласомъ: „Guten Tag!“ или „Wie geht es!“

Вся царская семья, а въ особенности императрица, относились къ окружающимъ съ рѣдкимъ вниманіемъ. Я никогда не забуду того трогательнаго участія и милостиваго вниманія, съ какимъ отнеслась государыня Марія Александровна къ нашей семьѣ, когда заболѣла тифомъ моя сестра Елисавета Карловна. Государыня почти каждый день присылала справляться о ея здоровьи одну изъ своихъ фрейлинь.

Государыня и великіе князья часто посѣщали служащихъ въ Ливадіи и въ Ореандѣ. Въ числѣ другихъ посѣтили они г. Классена, ореандскаго садоваго мастера. Классенъ жилъ одиноко; разумѣется, скучалъ, и потому каждую среду онъ устраивалъ у себя нѣчто въ родѣ пирушки, на которую приглашалъ мужскую компанію изъ своихъ знакомыхъ. Обычно наканунѣ онъ отправлялся въ городъ за провизіей и закусками. У него былъ единственный экипажъ—бѣгунки. Такъ какъ на бѣгункахъ укладывать покупки неудобно, то онъ подъ сидѣніемъ устроилъ ящики. Для того, чтобы не забрасывала его грязь, онъ придѣлалъ съ боковъ защитныя крылья. Отъ этихъ доморощенныхъ приспособленій бѣгунки получили удивительно странный видъ и экипажъ его сталъ извѣстенъ подъ кличкой „летучей мыши“, съ которой онъ, дѣйствительно, имѣлъ нѣкоторое сходство. Во время прогулокъ великіе князья неоднократно встрѣчали его на этихъ бѣгункахъ и необычайный экипажъ очень ихъ заинтересовалъ. Возвращаясь однажды къ себѣ домой, г. Классенъ, услышалъ у себя на балконѣ, тамъ, куда обыкновенно ставилъ онъ свой экипажъ, веселый смѣхъ. То были государыня, и великіе князья. Они пришли осматривать „летучую мышь“. Старикъ долженъ былъ во всѣхъ подробностяхъ объяснить императрицѣ и юнымъ

великимъ князьямъ устройство своего экипажа и назначеніе всѣхъ его приспособленій.

Случалось, что по дорогѣ изъ города, г. Классенъ встрѣчалъ катающуюся императрицу. Каждый разъ, когда онъ задерживалъ лошадь и собирался соскочить съ дрожекъ, чтобы стоя раскланяться съ государыней, Марія Александровна останавливала старика возгласомъ: „Bleiben Sie sitzen! Bleiben Sie sitzen!“

Классенъ не былъ женатъ и Императрица по этому поводу любила подтрунивать надъ нимъ, задавая ему вопросъ:

— „Классенъ, скажите пожалуйста, отчего вы не женились?“

Старикъ, краснѣя до корней волосъ, обычно отвѣчалъ:

— „Не суждено было Ваше Императорское Величество“.

Но Государыня, которую это смущеніе старика не мало смѣшило, продолжала настойчиво добиваться болѣе опредѣленнаго отвѣта. Послѣ нѣсколькихъ такихъ бесѣдъ Классенъ, сталъ прятаться отъ императрицы, что, конечно, не осталось незамѣченнымъ и еще болѣе забавляло ее.

Самъ старикъ Классенъ былъ добрѣйшее существо и его иначе не называли, какъ дядя Классенъ. Я думаю, что очень немногіе знали его полное имя—Егоръ Андреевичъ. Въ Россію онъ прибылъ въ молодыхъ годахъ, съ родными не переписывался, и потому, отвыкъ отъ Германіи. Когда послѣ многихъ лѣтъ отсутствія Классенъ поѣхалъ къ себѣ на родину, онъ скоро соскучился тамъ по Россіи и, возвратился опять въ Крымъ.

Классенъ много читалъ, особенно охотно книги теософическаго содержанія, при чемъ любимымъ его авторомъ былъ мистикъ Юнгъ-Шиллингъ. Отчасти причиной его интереса къ этимъ книгамъ послужилъ необычайный случай съ его братомъ—лютеранскимъ пасторомъ. Послѣдній нѣкоторое время жилъ въ Сѣверной Америкѣ и священствовалъ въ одномъ изъ штатовъ, расположенныхъ возлѣ Миссисипи, сколько помнится, въ Огейо. Соскучившись по родинѣ, онъ возвратился въ Германію и получилъ приходъ въ одномъ мекленбургскомъ мѣстечкѣ. Тамъ онъ, вопреки настойчивымъ совѣтамъ своихъ прихо-

жанъ, нанялъ подъ квартиру давно пустовавшій домъ. Объ этомъ домѣ шла нехорошая молва; рассказывали, что въ немъ живутъ какіе-то духи, не дающіе покоя жильцамъ. Отнеся такіе рассказы къ обычному суевѣрію, пасторъ поселился въ домъ, но въ первую же ночь несказанно былъ пораженъ странными явленіями. Всю ночь въ домъ слышались непонятные звуки, онъ и его домашніе ясно различали топотъ множества ногъ, шуршаніе дамскихъ платьевъ и всевозможные другіе звуки. Принимая все это за игру разстроеннаго воображенія, пасторъ провелъ въ домъ еще двѣ noci. Звуки не прекращались. На третью ночь пасторъ сказалъ по нѣмецки обращаясь къ невидимымъ духамъ: „Всѣ добрые духи славятъ Господа Бога!“ И въ тотъ же моментъ со всѣхъ сторонъ онъ услышалъ множество голосовъ восклицавшихъ: „J tascke! J tascke!“

Этотъ возгласъ на нижнегерманскомъ нарѣчій соотвѣтствуетъ словамъ: „Jeh danke! (благодарю)“.

Не только вечеромъ и ночью, но также и днемъ происходили въ этомъ домѣ странныя явленія. Каждый разъ, какъ пасторъ садился къ столу писать письма или какіе либо документы, а также читать книгу, передъ нимъ, на бумагу, ложилась густая тѣнь, какъ будто кто стоялъ за его спиной. Онъ пробовалъ столъ перемѣщать, садился за другой столъ—тѣнь неизмѣнно продолжала ложиться передъ нимъ.

Эти необъяснимыя и безпокойныя явленія въ концѣ концовъ заставили пастора оставить странный домъ.

Какъ садовникъ, Егоръ Андреевичъ Классень до нѣкоторой степени освоился съ метеорологическими явленіями и по разнымъ признакамъ могъ предугадать погоду, хотя, конечно, не всегда вѣрно. Императрица часто спрашивала его:

— „Классень, какая погода завтра будетъ?“

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ его предсказаній, государыня, смѣясь, назвала его „лжепророкомъ“, и послѣ того обычно обращалась къ нему съ тѣмъ же вопросомъ, именуя его новымъ прозвищемъ.

VII. Въ Ореандѣ.

Императрица Александра Федоровна, супруга Николая I, обычно для поправленія здоровья ѣздила на островъ Сицилію, въ Палермо. Чтобы избѣжать излишнихъ расходовъ, неизбѣжно сопряженныхъ съ такими заграничными поѣздками, императоръ Николай Павловичъ подарилъ императрицѣ Нижнюю Ореанду и построилъ тамъ для нея дворець. Его строилъ К. И. Эшлиманъ; обошелся онъ баснословно дешево и государь не мало дивился цифрѣ, въ какую онъ сталъ. Архитектору Эшлиману назначали награду, причѣмъ предложили самому выбрать ее. Предполагали наградить его или чиномъ, или орденомъ, или единовременной денежною наградою. К. И. Эшлиманъ вмѣсто того попросилъ опредѣлить въ учебныя заведенія на казенный счетъ двухъ его сыновей. Его просьба была уважена и два его сына были помѣщены въ пансіонъ при симферопольской гимназіи.

„Государь Николай Павловичъ,—даря Ореанду Александрѣ Федоровнѣ, имѣлъ неосторожность сказать ей:

— „Этотъ дворець послѣ моей смерти будетъ твоимъ вдовьимъ домомъ“. Государыня, горячо любившая своего супруга, огорчилась этимъ напоминаніемъ о его смерти и послѣ этого она рѣшительно отказалась жить въ Ореандѣ. Она завѣщала имѣніе великому князю Константину Николаевичу. Послѣдній любилъ Ореанду и подолгу жила въ ней.

Великій князь Константинъ Николаевичъ былъ очень доступенъ и простъ въ обхожденіи. При немъ входъ въ Ореанду не былъ возбраненъ публикѣ и великокняжескій паркъ сдѣлался любимымъ мѣстомъ прогулокъ ялтинцевъ и экскурсантовъ. Иногда благодушіе великаго князя простиралось настолько далеко, что онъ дарилъ гуляющимъ дамамъ букеты цвѣтовъ. По этому поводу много шутокъ вызывалъ тотъ способъ, какимъ великій князь передавалъ иногда цвѣты дамамъ. Приготовленный букетъ онъ поручалъ своему вахмистру; тотъ долженъ былъ подать его той дамѣ, которую найдеть самую красивою. Въ какой мѣрѣ вкусъ новаго Париса отвѣчалъ дѣйствительному представленію о красотѣ и отвѣчалъ вкусамъ самаго великаго князя, можно догадываться.

Великій князь очень любилъ дѣтей. Когда онъ пріѣзжалъ къ намъ на дачу, сейчасъ-же начиналъ возню съ монми малолѣтними племян-

никами и племянницами. Иногда онъ приглашалъ ихъ къ себѣ въ Ореанду. Тамъ онъ игралъ съ ними въ прятки, бѣгалъ въ горѣлки, но горѣть отказывался.

— „Ну, ужъ отъ этого избавьте меня—заявлялъ онъ, смѣясь, ребятамъ—горѣть я не буду“.

Любимицей его была моя племянница Валя—бойкая дѣвочка и не безъ нѣкотораго кокетства.

— „А, тебя зовутъ Валей—значить *валить* можно“,—воскликнулъ великій князь и, поднявъ дѣвочку на воздухъ, дѣлалъ видъ, что хочетъ бросить ее на землю.

Нелады съ главнымъ управляющимъ удѣльными имѣніями заставили моего отца отказаться отъ управленія Ореандою. Отецъ выставилъ мотивомъ просьбы объ увольненіи преклонныя лѣта. Но и послѣ отставки отъ должности онъ продолжалъ пользоваться милостивымъ расположеніемъ великаго князя; великій князь Константинъ Николаевичъ по прежнему время отъ времени удостаивалъ нашъ домъ своимъ посѣщеніемъ.

Однажды поздно вечеромъ отецъ, выйдя на балконъ, увидалъ за Ялтою громадное зарево.

— „Это въ Ливадіи или въ Ореандѣ что-нибудь горитъ“,—сказалъ онъ. Предположеніе его оправдалось: горѣлъ дворецъ въ Ореандѣ.

По поводу этого пожара ходитъ много всякихъ вздорныхъ басенъ. Между тѣмъ дѣйствительною причиною пожара было неосторожное обращеніе съ папиросами мальчиковъ—дѣтей дворцовыхъ служащихъ. Они забрались на чердакъ и тамъ курили. Отъ неосторожно брошеннаго окурка загорѣлась сложенная тамъ морская трава; за чердакомъ занялся весь верхъ дворца. Великаго князя и управляющаго въ это время въ Ореандѣ не было. Когда Константинъ Николаевичъ пріѣхалъ изъ Ялты, онъ обратилъ вниманіе на сильный запахъ гари. Стали искать причину тому. Открыли дверь на чердакъ. Токъ воздуха мгновенно усилилъ пламя до громадныхъ размѣровъ, и тогда запылалъ весь дворецъ. Прибывшая изъ Ливадіи пожарная команда, съ одною небольшою трубою, не могла справиться съ пламенемъ. Слабая струя воды, выбрасываемая трубою, вызывала только хохотъ въ зрителяхъ.

Великій князь, убѣдившись въ ея бесполезности, распорядился всё усилія пожарныхъ направить на защиту другихъ построекъ.— „Пусть горитъ дворець!—сказалъ онъ,—спасайте другія постройки! Тогда струю трубы направили на крыши сосѣднихъ флигелей.

Дворецъ горѣлъ жарко, но медленно, и это дало возможность вынести изъ покоевъ всю движимость, спасти окна, рамы и двери, успѣли даже выломать и вынести камины.

Сутки съ лишнимъ горѣлъ дворець. На пожаръ собралась большая толпа зѣвакъ. Любопытные, въ ночь пожара, платили бѣшенныя деньги извозчикамъ за проѣздъ изъ Ялты въ Ореанду: по 20 и даже по 30 руб. въ оба конца.

Великій князь рассказывалъ отцу, что въ толпѣ, присутствовавшей на пожарѣ, онъ слышалъ, какъ многіе говорили:

— „Дворецъ сжегъ самъ великій князь: онъ хотѣлъ уничтожить компрометирующія его бумаги. Оттого онъ и не велѣлъ тушить пожаръ“.

Константинъ Николаевичъ отнесся къ этой праздно болтовнѣ съ презрѣніемъ: онъ посмѣялся надъ глупцами, между тѣмъ злая сплетня пустила глубокіе корни, и въ обществѣ и по сіе время живуть сказки о поджогѣ дворца.

На предложенія построить новый дворець великій князь отвѣчалъ:

— „Я самый бѣдный изъ братьевъ и у меня нѣтъ денегъ на это“.

Онъ поселился послѣ пожара во флигелѣ.

Въ Ореандѣ—въ числѣ другихъ лицъ—мнѣ привелось неоднократно видѣть молодую княгиню Воронцову, супругу князя Семена Михайловича Воронцова.

Жена свѣтлѣйшаго князя Михаила Семеновича Воронцова, рожденная гр. Браницкая, не отличалась семейными добродѣтелями, и также какъ и ея мужъ, имѣла связи на сторонѣ. Единственный сынъ князя, Семень Михайловичъ, не походилъ на отца ни наружностью, ни талантами, ни душевными качествами; это былъ бѣлобрысый увалень, надъ которымъ, знающіе его, подтрунивали, называя „бѣлугою“. Отецъ бывало въ шутку говаривалъ:

— „Сенька не сынъ князя, а сынъ какого нибудь курьера или вахмистра“.

Женился Семеновъ Михайловичъ на вдовѣ—Маріи Васильевнѣ Столыпиной, урожденной княжнѣ Трубецкой, женщиной замѣчательно красивой и неглупой, но очень легкомысленной. О походе ея въ Парижъ и внезапной смерти ея мужа, Столыпина, много говорили нехорошаго.

Старики были противъ этого брака, и, когда въ алушкинской церкви вѣнчали молодую чету, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ и княгиня-мать не захотѣли присутствовать при обрядѣ вѣчанія. Не были они и за свадебнымъ столомъ.

Молодой княгинѣ очень хотѣлось имѣть наслѣдника. Она прибѣгала ко всякаго рода медикаментамъ, обращалась за помощью къ ворожеямъ и къ разнымъ шарлатанамъ, но изъ этого ничего не вышло. Тогда княгиня задумала выдать за своего чужого ребенка. Попыткѣ этой, не безъ вѣдома старой княгини, помѣшала графиня Шуазель, очень дружившая со стариками. Она помѣстилась въ проходной комнатѣ и, когда несли въ спальню молодой княгини подысканнаго ребенка, графиня предупредила ея свекровь. Старики рѣшительно возстали противъ подобнаго подлога и передачи ихъ родового имени и титула безвѣстному дитяти: такимъ путемъ затѣя молодой княгини потерпѣла крушеніе и ей не пришлось по смерти мужа остаться владѣлицей Алушки. Тѣмъ не менѣе она вывезла послѣ его смерти всю движимость дворца, страшно тѣмъ опустошивъ его; только, по счастью, замѣчательной воронцовской библіотекою пренебрегла она“.

VIII. Семья архитектора.

До покупки у графа Сухтелена того участка земли, гдѣ теперь помѣщается дача „Пляжи Сарай“, Карлъ Ивановичъ Эшлиманъ жилъ съ семействомъ поблизости отъ этого мѣста,—на дачѣ генерала Ермолова (теперь эта дача принадлежитъ Семѣ Бабуниныхъ, называется она „Горная Щель“). Въ то время долину Ялты густо покрывали лѣса, служившія подчасъ надежнымъ пріютомъ разнаго рода бродягамъ и людямъ, стоявшимъ внѣ закона.

— „Очень немногіе—разсказываетъ Каролина Карловна—помнятъ знаменитаго крымскаго Зелимъ-хана—разбойника Алима. Это была

оригинальная личность, о походе котораго говорилъ нѣкогда весь Крымъ. Красавецъ собою, смѣлый до безразсудства и неизмѣнно великодушный, Алимъ главнымъ образомъ учинялъ разбои и грабежи въ Таушанскихъ лѣсахъ. Неожиданно, верхомъ на горячемъ конѣ, вооруженный съ ногъ до головы, появлялся онъ изъ-за дубовъ и буковъ, росшихъ по сторонамъ большой дороги, что идетъ изъ Симферополя въ Алушту, передъ почтовымъ дилижансомъ и грознымъ окликомъ: — „Стой!“ — останавливалъ экипажъ.

— „Показывайте, что у кого есть! — приказывалъ Алимъ — Показывайте, ничего не утаивая!“ И путешественники послушно доставали ему свои драгоценности и деньги. Разбойникъ отбиралъ себѣ львиную долю, а остальное возвращалъ собственникамъ. Тѣхъ, кто пытался скрыть отъ него деньги или цѣнныя вещи, Алимъ жестоко наказывалъ своею нагайкою. Часть добычи Алимъ щедро раздѣлялъ между бѣдняками изъ татаръ. Конечно, тѣ за это очень любили его и всѣми мѣрами содѣйствовали ему, если онъ попадалъ въ опасное положеніе. Власти долго не могли изловить отважнаго разбойника. Поймали его въ Симферополь, въ городскомъ саду. Алимъ, утомленный переѣздомъ, неосторожно на ночь укрылся въ бесѣдкѣ городского сада, привязавъ около нея своего коня. По этому коню узнали о присутствіи въ бесѣдкѣ неуловимаго джигита. Его арестовали; судили и, два раза прогнавъ сквозь строй, сослали въ Сибирь.

Этотъ-то самый Алимъ неожиданно и нанесъ намъ визитъ на дачу, когда мы жили въ „Горной Щели“. Я была тогда еще совсѣмъ юною. Моя мать на дворѣ солила огурцы; мы, дѣти, были около нея. Отца дома не было. Къ воротамъ подъѣхалъ молодцоватый татаринъ, соскочилъ съ коня и подошелъ къ намъ.

— „Гдѣ хозяинъ?“ — спросилъ онъ мою мать.

Не подозрѣвая, кто такой прибывшій гость, и въ то время не обратившая вниманія на крайнее смущеніе нашей прислуги, мать объяснила татарину, что мужа нѣтъ дома, и когда онъ вернется, она въ точности не знаетъ. Татаринъ простился съ нами и, вскочивъ на коня, также быстро исчезъ, какъ и появился. Только, когда всадникъ скрылся за деревьями, рабочіе назвали моей матери грозное имя неожиданнаго гостя“.

Карлъ Ивановичъ Эшлиманъ умеръ на восемьдесятъ пятомъ году жизни, въ 1893-мъ году (4-го апрѣля). За этотъ длинный промежу-

тогъ времени его дѣти успѣли сами состариться; одинъ изъ сыновей, Александръ Карловичъ, профессоръ механики Петровско-Разумовской академіи и Московскаго Императорскаго Техническаго училища, еще при жизни отца выслужилъ полную пенсію и вышелъ въ отставку. Семья „старого планжи“ къ этому времени давно уже разбрелась въ разныя стороны *). Перешло въ другія руки и имѣніе семьи Мауреръ—Азекъ. При отцѣ оставалась одна Каролина Карловна, и ей, какъ самому близкому человѣку, повѣрялъ старикъ свои воспоминанія, рассказывалъ о былыхъ давнихъ дняхъ своей молодости, о встрѣчахъ и бесѣдахъ съ разными людьми александровской и николаевской эпохъ.

—„Я много разъ уговаривала отца—рассказываетъ Каролина Карловна—заняться составленіемъ мемуаровъ; онъ на своемъ вѣку встрѣчался со многими замѣчательными лицами и былъ очевидцемъ достопримѣчательныхъ событій; его памятные записки, безъ сомнѣнія, представляли бы большой интересъ, но отецъ, когда заходилъ объ этомъ разговоръ, каждый разъ отвѣчалъ мнѣ:

—Мемуары только тогда имѣютъ цѣну, когда они написаны правдиво, подробно и откровенно: мнѣ пришлось-бы беспокоить тѣхъ, кто давно въ гробу лежитъ, ворошить память не только людей достойныхъ и честныхъ, но также многихъ, кто этими качествами не обладалъ. Не хочу своими записками никого огорчать. Пусть, что извѣстно мнѣ дурного про нихъ, умретъ со мною.

Отклоняя мои уговоры о составленіи мемуаровъ, отецъ въ то же время охотно дѣлился со мною своими воспоминаніями. Въ осенніе и зимніе вечера, когда холодный порывистый вѣтеръ вздымалъ сердитую волну на морѣ и бушевалъ въ горахъ, наметая на вершинахъ Яйлы сугробы снѣга, онъ, сидя въ своемъ покойномъ креслѣ, начиналъ рассказывать о прошломъ, рассказывалъ интересно, ярко характеризуетъ лица и событія...

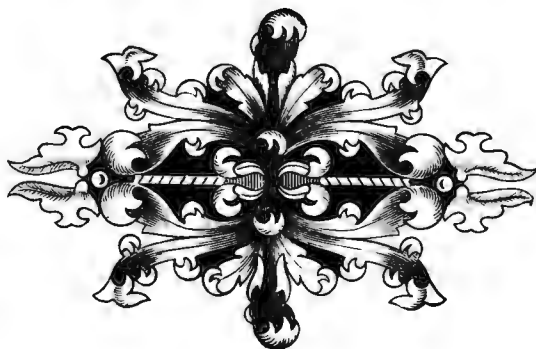
Очень сожалѣю, что въ свое время не записывала его рассказы. Теперь мнѣ трудно ихъ вспомнить: память измѣнила, и, боюсь, что многое за давностью времени могу спутать“.

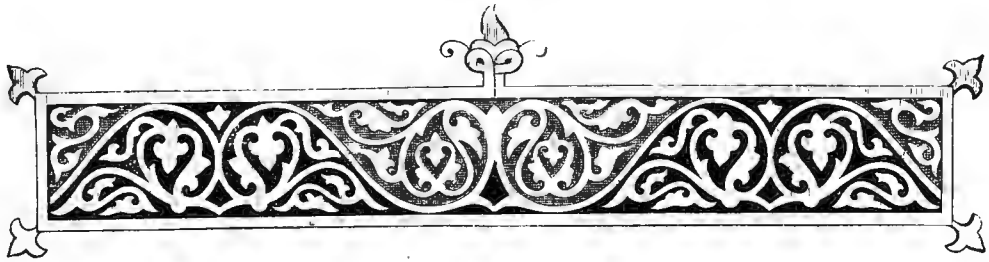
*) Кромѣ указанныхъ Александра Карловича и Каролины Карловны, Карлъ Ивановичъ Эшлиманъ выростилъ: 1) сыновей: Эммануила Карловича, служившаго инженеръ-механикомъ на одномъ заводѣ, Михаила Карловича—окончившаго Петровско-Разумовскую сельско-хозяйственную академію и женатаго на сестрѣ извѣстнаго русскаго электротехника Яблочкова—Екатерины Николаевнѣ, и Владиміра Карловича, архитектора и художника; и 2) дочерей: Софію, Елизавету, Марію и Анну.

Я перевелъ рѣчь на событія Крымской войны.

Эти опасенія Каролины Карловны Эшлиманъ врядъ-ли имѣютъ достаточныя основанія. Внося новыя подробности въ біографіи упоминаемыхъ ею лицъ, „воспоминанія“ Каролины Карловны, сличенныя мною съ другими источниками, разбросанными въ отдѣльныхъ изданіяхъ и въ историческихъ журналахъ, изумили меня ихъ строгой точностью.

В. Кашкаровъ.

ПИСЬМА ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ ВИТГЕНШТЕЙНА *).

Кёнигсбергъ, 3 Января 1813 г.

Надѣюсь, милый другъ, что Вы, отбросивъ колебанія, прїѣдете ко мнѣ сюда; моя главная квартира устроена, и войска расквартированы по окрестностямъ.

Мой корпусъ присоединяется къ Чичагову, такимъ образомъ у меня будетъ меньше дѣла. Мы проведемъ прїятно вмѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Прїѣзжайте же скорѣе.

Пруссаки поднимаются массами на защиту праваго дѣла. Остатокъ французской арміи стоитъ на Вислѣ, даже дальше, противъ Данцига, но онъ тамъ долго не останется; страна скоро вполнѣ очистится.

Необходимо, чтобы австрійцы высказались за насъ; миръ тогда будетъ прочный и продолжительный. Что касается насъ, то я думаю, что наше дѣло окончено; намъ остается только поддерживать нашихъ союзниковъ и не итти дальше.

Могу безъ хвастовства сказать, что сдѣлалъ прекрасную компанію. За нее благодарить меня вся Россія. Много со всѣхъ сторонъ шлютъ привѣтственныхъ писемъ. Но, хотя я и прїобрѣлъ имя въ Европѣ, я не скрываю о себѣ, что у меня есть завистники, стараю-

*) „Lettres du Feld-Maréchal Prince de Sajn-Wittgenstein-Berlebourg à sa femme, pendant les guerres Napoléoniennes, 1804—1814, réunies par les soins de Madame la Princesse Leonille de Sajn-Wittgenstein-Sajn, née Princesse Variatinsky (Lausanne 1905).

Переводъ этихъ писемъ разрѣшенъ издательницей только одному лицу, которое было указано племянницей княгини Леониллы Ивановны, Маріею Петровной Зиновьевой, родной внучкой фельдмаршала Петра Христіановича, по матери. Въ имѣньи ея „Стройницѣ“, Подольской губ. воздвигнуть на высококомъ берегу Днѣпра памятникъ фельдмаршалу Витгенштейну. Москвичамъ М. П. Зиновьева известна своей благотворительностью, и дѣятельнымъ сотрудничествомъ въ „Братолюбивомъ обществѣ“ съ покойной княгиней Надеждой Борисовной Трубецкой, его учредительницей.

Письма изъ названнаго сборника за 1812 годъ были напечатаны въ одномъ журналѣ, посвященномъ войнѣ отечественной. П. Б. (младшій).

щіеся повредить мнѣ всеми способами, но это имъ не удастся. Впрочемъ, я уже не долго буду заботить ихъ. Отечество спасено; я теперь стану заботиться только о томъ, какъ бы немного отдохнуть. Остальное пусть дѣлають безъ меня.

25 Марта 1813.

Врагъ разбитъ, другъ мой, мы захватили у него двѣ пушки и взяли много плѣнныхъ. Съ нашей стороны потеря незначительна. Пруссаки сражались превосходно. Я хотѣлъ начать атаку сегодня, но горячность пруссаковъ увлекла ихъ, и пришлось начать сраженіе еще вчера. Вы уже, безъ сомнѣнія, знаете, что Даренбергъ и Черниковъ взяли въ плѣнъ цѣлую дивизію (двѣнадцать пушекъ и три знамени).

Я ставлюсь главной квартирой въ Изербегѣ. Вы будете жить въ комнатахъ императрицы Екатерины; тамъ есть ея портретъ.

Можете пуститься въ путь завтра.

Альтенбургъ, 22 Апрѣля 1813 г.

Дѣло подъ Люценомъ было блестящее. Наполеонъ разбитъ. Мы отняли у него шесть пушекъ и взяли много плѣнныхъ. Императоръ Александръ самъ присутствовалъ и подвергался большой опасности. Мы потеряли очень много людей, а особенно много пруссаки. Наполеонъ отброшенъ больше, чѣмъ на 10 верстъ, и сраженіе прекратилось только съ наступленіемъ ночи. На слѣдующій день я хотѣлъ возобновить атаку, къ несчастью, у меня не осталось зарядовъ, и пришлось остановиться. Непріятель на своемъ мѣстѣ, и не трогается. Бюловъ отнял Галле, а Клейстъ—Лейпцигъ. Все будетъ рѣшено на этихъ дняхъ.

До свиданія, другъ мой, я страшно усталъ: три дня не ложился.

Вердорфъ, 24 апрѣля 1813 г.

Государь прислалъ мнѣ орденъ св. Андрея; Вы, безъ сомнѣнія, порадуетесь этому извѣстію. Еслибъ у меня хватило боевыхъ запасовъ, все было бы кончено; а теперь приходится дать еще сраженіе. Постараюсь пробыть здѣсь какъ можно дольше, чтобы не пришлось вторично переправляться черезъ Эльбу. Австрія, какъ говорятъ, готова объявить войну; будемъ надѣяться; это было бы счастливымъ событіемъ.

Сколько крови пролито въ этотъ день! Прусскіе генералы Блюхеръ и Шарнгорстъ ранены, а также многіе изъ нашихъ.

Гадербергъ, 27 Апрѣля 1813 г.

Вмѣсто того, чтобы подвигаться впередъ, я долженъ отступать, дорогой другъ, благодаря королю Прусскому, приказавшему Клейсту и Бюлову отступать. Поэтому совѣтую Вамъ ѣхать въ Франкфуртъ на Одеръ, извѣстите меня, гдѣ Вы остановитесь завтра. Я постараюсь не пустить непріятеля черезъ Эльбу. Мы стараемся выиграть время, пока австрійцы не выскажутся.

Вамъ должно быть очень непріятно повсюду встрѣчать массу обозовъ и прусскихъ солдатъ.

Я заваленъ дѣломъ. Пусть у Васъ лошади всегда стоятъ на готовѣ; если услышите, что непріятель приближается, поѣзжайте въ Кенигсбергъ.

Бауценъ, 4 мая 1813 г.

Я все еще въ Бауценѣ, дорогой другъ; непріятель не отваживается на рѣшительное дѣло. У моего арріергарда каждый день были стычки, и онъ забралъ по крайней мѣрѣ полторы тысячи плѣнныхъ; непріятель потерялъ шесть тысячъ человекъ. Мы снова переходили въ наступленіе. Армія въ 80 тысячъ человекъ погонится за Наполеономъ. Барклай присоединяется къ намъ; изъ этого можно видѣть, что мы сильны.

Вы хорошо сдѣлали, что уѣхали изъ Франкфурта.

У меня нѣтъ ни минуты отдыха. Я часто буду писать Вамъ.

Лобау, 11 Мая 1813 г.

Посылаю Вамъ Келлера, мой другъ; онъ нездоровъ. Боюсь, какъ бы не захворалъ серьезно.

У насъ было кровопролитное дѣло. Наполеонъ собралъ все свои силы и напалъ на насъ близъ Бауцена. У него войска было почти вдвое противъ нашего. Не смотря на это, мы въ первый день удержали за собой поле битвы. На слѣдующій день дѣло началось на разсвѣтъ и шло хорошо; французы были разбиты на всѣхъ пунктахъ, мы взяли пушку и много плѣнныхъ. Но къ вечеру, пруссаки, атакованные на нашемъ лѣвомъ флангѣ, были принуждены отступить,

что заставило и насъ сдѣлать то же. Отступленіе совершилось въ величайшемъ порядкѣ. Мы и пруссаки не потеряли ни одной пушки.

Но зато въ эти два дня мы лишились покрайней мѣрѣ десяти тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными. Бѣдный Остерманъ раненъ. Келлеръ Вамъ все расскажетъ.

Когда Барклай соединится со мной, я попрошу Государя поручить ему командованіе всей арміей. Теперь среди насъ столько генераловъ старше меня. Рѣшеніе Австріи ожидается съ нетерпѣніемъ. Если его не послѣдуетъ, намъ придется итти на Хемницъ, гдѣ мы найдемъ всѣ наши резервы. Если Австрія объявитъ войну, мы снова вернемся къ наступленію.

Посылаю Вамъ, милый другъ, письмо отъ Государыни съ пасхальнымъ яйцомъ для Васъ. Храни Васъ и дѣтей Господь.

Близъ Севенберга, 15 Мая 1813.

Пока Австрія еще не объявила войну, мы принуждены отступать понемногу.

Непріятелю, преслѣдующему насъ и нападающему на насъ ежедневно, не удалось отнять у насъ ни единого колеса, между тѣмъ какъ мы, еще не далѣе какъ вчера, отбили у него восемнадцать пушекъ.

Объявленіе войны со стороны Австріи ожидаютъ послѣ завтра: мы готовимся къ великимъ событіямъ. Бернадоттъ двинулся. Вальмодень и Бюловъ—подъ его начальствомъ. У меня свалилась съ плечъ большая тяжесть: главное командованіе передано наконецъ Барклаю.

И такъ я команду русскими, Блюхеръ-пруссаками, а Барклай тремя соединенными арміями. Мое положеніе было невыносимо, когда у меня подъ начальствомъ было четыре генерала старше меня. Я цѣлые пять мѣсяцевъ мучилъ Государя, чтобы онъ рѣшился поручить командованіе одному, и теперь стану дѣлать, что мнѣ прикажутъ.

Остерманъ, кажется, отправился въ Чехію; онъ писалъ мнѣ, но не сказалъ, гдѣ находится. Я совѣтовалъ ему поѣхать въ Бадень, гдѣ воды очень полезны для раненыхъ.

Хеймницъ, 20 Мая 1813.

Мы укрѣпляемся со сто тысячной арміей на Хеймницкихъ позиціяхъ, другъ мой. Я думаю, что повторится то-же, что въ послѣднюю компанію: мы будемъ переходить съ одной позиціи на другую, все отступая.

Я не сочувствую подобному способу дѣйствія, но вѣдь не я распоряжаюсь. Австрія еще молчитъ. Я радъ, что начальство съ меня снято, потому что никогда не рѣшился бы вести войну подобнымъ способомъ. Наполеонъ проситъ перемирія, чтобы начать переговоры о мирѣ. Мы, кажется, согласимся, и, боюсь, попадемъ въ просакъ.

Теперь, другъ мой, поговорю о себѣ. Третьяго дня я получилъ весьма пріятный сюрпризъ: письмо изъ Петербурга отъ столичныхъ купцовъ, посылающихъ мнѣ вексель на пятнадцать тыщъ рублей. Государь разрѣшилъ мнѣ принять эти деньги. Я отвѣтилъ, что куплю близъ Петербурга землю, которая останется для моего потомства навсегда памятью о благодарности купечества города, и прибавилъ, что такъ закрѣплю это имѣніе*), чтобы оно навсегда осталось въ нашемъ роду. Государь же говоритъ, что Россія, такъ же, какъ и онъ, никогда не забудетъ услугъ, оказанныхъ мною родинѣ. Городъ Дерптъ предоставилъ три тысячи рублей въ мое распоряженіе. Я предназначаю этотъ даръ для раненыхъ офицеровъ. Петербургское дворянство съ своей стороны пишетъ мнѣ большую благодарность черезъ предводителя. Посылаю Вамъ всѣ эти документы, мой другъ, чтобы Вы ихъ сберегли вмѣстѣ съ векселемъ.

Мнѣ писала Императрица—мать, поручая мнѣ принца Евгенія Вюртембергскаго.

Храни Васъ Господь. Какъ скоро будетъ заключенъ миръ, Вы прїѣдете ко мнѣ.

Мы вмѣстѣ поѣдемъ къ сестрѣ.

Хеймницъ, 24 Мая 1813 г.

Такъ какъ заключено перемиріе на срокъ болѣе шести недѣль, и моя штабъ-квартира остается здѣсь, то посылаю къ Вамъ Аванасьева,

*) Дружноселіе.

чтобы онъ привезъ Васъ. Намъ удастся прожить здѣсь нѣкоторое время, и возможно, что будетъ заключенъ миръ. Императоръ австрійскій прибылъ на границу, и онъ будетъ вести переговоры отъ лица всей Европы, а особенно—Германіи; никто не можетъ сдѣлать этого лучше его, такъ какъ у него армія въ полтораста тысячъ человѣкъ, и онъ можетъ дѣйствовать, въ случаѣ, если бы Наполеонъ не принялъ условій.

Прощайте, мой другъ, ожидаю Васъ съ нетерпѣніемъ. Главная квартира Государя будетъ въ Рейхенбергѣ.

Пріѣзжайте какъ можно скорѣе.

Хеймницъ, 9 Августа 1813.

Вы въ Прагѣ, мой другъ, и спрашиваете, куда ѣхать, если не пріятель подойдетъ къ ней? Это мало вѣроятно, но въ такомъ случаѣ надо ѣхать въ Ольмюцъ, находящійся совершенно въ сторонѣ отъ операціонной линіи. Жители Праги напрасно ѣдутъ въ Вѣну; тамъ скорѣе могутъ потревожить. Сегодня я еще приближаюсь къ Саксонской границѣ; непріятель встрѣтилъ два дня тому назадъ въ Гобель Циттау, думая тѣмъ остановить наше движеніе. Вчера и сегодня онъ стоялъ, не двигаясь напротивъ австрійскаго генерала Нейперга. У меня былъ Остерманъ; я нахожу, что онъ вполне здоровъ.

Сейчасъ выѣзжаю.

Альтенбургъ, 17 Августа 1813 г.

Я надѣялся скоро увидаться съ Вами, другъ мой, но дѣло затягивается.

Вамъ нельзя пріѣхать въ Франкфуртъ, потому что туда переносится театръ военныхъ дѣйствій. Дѣло было очень сложное. Еслибъ мнѣ предоставили свободу дѣйствія, я легко взялъ бы Дрезденъ; а вмѣсто того, меня остановили въ Пирнѣ, и вся армія собралась подъ стѣнами Дрездена, между тѣмъ какъ ей слѣдовало бы итти на Лейпцигъ. Такимъ образомъ потеряли три дня, а арміи дали время подойти къ Дрездену и встрѣтить насъ за укрѣпленіями. Мы бились цѣлыя сутки и не подвинулись ни на шагъ. На слѣдующій день насъ атаковали большія силы, которыя мы отбросили на всѣхъ пунктахъ.

Надо Вамъ сказать, что всѣ эти дни стояла отвратительная погода: дождь не переставалъ лить; а на третій день, не знаю по ка-

кой причинѣ, мы получили приказаніе отступить. Дороги въ ущельяхъ непроѣзжаемы: наши артиллерійскія лошади не въ силахъ итти дальше; войско сильно страдаетъ. Утѣшительнаго нѣтъ ничего. Дѣлаютъ все, чтобы напортичь, но думаю, что это не удастся.

Императоръ австрійскій прислалъ мнѣ крестъ Маріи Терезіи—малый крестъ,—ибо по статуту надо начинать съ малаго. Посылаю Вамъ грамоту, чтобъ не потерять ея.

Непріятель преслѣдуетъ насъ весьма слабо (къ нашему счастью, такъ какъ онъ могъ бы захватить всѣ наши пушки). Мы уже потеряли много багажа.

Несчастному Моро отняли ноги.

Прощайте, милый другъ, завтра я буду въ Теплицѣ.

Близъ Теплица, 18 Августа 1813.

Богъ, кажется, за насъ: Онъ внушилъ намъ атаковать непріятеля, что намъ вполне удалось: это, надѣюсь, поправитъ наши дѣла. Корпусъ Вандама почти уничтоженъ подъ стѣнами Лейпцига. Намъ досталось пять генераловъ, 36 пушекъ и больше пяти тысячъ плѣнныхъ, Блюхеръ, съ своей стороны, также на голову разбилъ французовъ, взявъ 55 пушекъ и три тысячи плѣнныхъ.

Бюловъ, въ арміи принца шведскаго, разбилъ ихъ при Пристенцѣ. Судя по всему этому, дѣла принимаютъ лучшей оборотъ. Оставайтесь же, пока, спокойно въ Прагъ, другъ мой, посмотримъ, что дѣлать дальше.

У бѣднаго Остермана оторвало руку.

Прощайте, мой другъ, я радъ, что могу отправить Вамъ письмо болѣе утѣшительное, чѣмъ предыдущее.

Теплицъ, 20 Августа 1813 г.

Вы хорошо сдѣлали, другъ мой, что заговорили о нашихъ раненыхъ; надѣюсь, что порядокъ возстановится, потому что мы пошлемъ Кикина, чтобы устроить все это.

Наши дѣла идутъ прекрасно, но къ сожалѣнію, мы этимъ не умѣемъ пользоваться. Непрiятель отступаетъ на всѣхъ пунктахъ. Блюхеръ уже отнялъ двѣсти двѣ пушки. Бернадотъ—сорокъ, а мы шестьдесятъ двѣ. Непрiятель бросаетъ оружіе и бѣжитъ. Но если мы будемъ сидѣть сложа руки, онъ скоро сконцентрируется и еще можетъ сыграть съ нами плохую штуку, но такъ какъ Господь—нашъ Вождь, то я не сомнѣваюсь, что дѣла пойдутъ хорошо. Барклай получилъ Георгія первой степени; онъ его вполне заслужилъ; это было хорошее дѣло.

Роздано еще много наградъ, но больше ничего не могу сказать Вамъ.

Пирна, 24 Августа 1813 г.

Опять мнѣ пришлось открыть компанію, мой другъ!

Судьба назначила Гувіону-Сень-Сиру быть моимъ противникомъ; онъ былъ разбитъ и отступилъ къ Дрездену; я атаковалъ его на границѣ Богеміи въ ту минуту, когда онъ того не ожидалъ, и вотъ почему сраженіе не было жарко. Я преслѣдовалъ его до Дрездена, гдѣ онъ заперся. Мы потеряли всего около четырехсотъ человѣкъ убитыми и ранеными.

Блюхеръ преслѣдуетъ непрiятеля во всю. Вотъ хорошія вѣсти, не правда ли?

Скажите графинѣ Остерманъ, что мужъ ея здоровъ; онъ постоянно при мнѣ.

На этихъ дняхъ надо ожидать большого дѣла противъ Блюхера и Бернадота. Принцъ шведскій, вѣроятно, недалеко.

Да поможетъ имъ Господь; предстоитъ нанести непрiятелю очень важный ударъ.

Сегодня надѣюсь занять Пирну.

Господь наградитъ Васъ, что Вы заботитесь о нашихъ раненыхъ; это доброе дѣло.

Теплицъ, 30 Августа 1813 г.

Я увѣренъ, что вы были встревожены въ Прагѣ, узнавъ о близости непрiятеля къ Теплицу. Много народа бѣжало, и бѣглецы внесли

тревогу. Но нѣтъ ничего страшнаго, мой другъ. Непрiятель только слѣдовалъ за моими передовыми отрядами, направившимися на Дрезденъ; а такъ какъ это стѣсняло движенiе Наполеона, котораго преслѣдуютъ Блюхеръ и Бернадотъ, то онъ съ гвардiей пытался отбросить меня.

Теперь, надѣюсь, пойдемъ впередъ.

Мнѣ грустно слышать, что бѣдный Ротъ такъ боленъ. Я знаю, что Государь пожаловалъ ему десять тысячъ рублей.

Что же касается до назначенiя его Генераль-лейтенантомъ, то думаю, что это не состоится, такъ какъ онъ и въ Генераль-майоры произведенъ еще недавно. Кланяйтесь ему и скажите, что я сдѣлаю все возможное, чтобы онъ получилъ хорошую награду.

Не могу писать больше: ѣду въ лагерь.

Петерсвальде, 3 Сентября 1813.

Я все еще передвигаюсь между Теплицемъ и Пирной, другъ мой. Вчера у моего авангарда было блестящее дѣло; мы взяли больше семи сотъ плѣнныхъ.

Армiя, не знаю почему, не двигается. Впрочемъ, дѣла идутъ хорошо. Бернадоттъ одержалъ блестящую побѣду надъ Нейемъ, командовавшимъ четырьмя корпусами. Въ послѣднемъ рапортѣ короля шведскаго говорится, что взято болѣе восьмидесяти пушекъ и десяти тысячъ плѣнныхъ. Здѣсь генераль Фридманъ захватилъ по дорогѣ въ Лейпцигъ генерала и полторы тысячи плѣнныхъ.

Жаль, что мы теряемъ столько времени.

Передайте, пожалуйста, Роту, что онъ получилъ орденъ Краснаго орла. Скажи ему также, чтобъ слушался доктора и не слишкомъ много двигался.

Кульмъ, 6 Сентября 1813 г.

Въ честь именинъ императрицы Елизаветы мы вчера немного прохватили Наполеона, желавшаго выйти изъ Нолендорфскаго ущелья. Я его хорошо встрѣтилъ съ австрiйцами, и вечеромъ онъ сталъ отступать.

Ней виновенъ, что не удалось причинить ему большого вреда. Австрійцы дѣйствовали прекрасно. Наполеонъ самъ командовалъ, и въ дѣлѣ была его гвардія.

Вы прекрасно дѣлаете, что ухаживаете за ранеными; только боюсь, какъ бы Вы не захватили какой болѣзни. Сіонъ говоритъ мнѣ, что Вы часто навѣщаете ихъ, и воздухъ тамъ врядъ ли хорошъ; остерегайтесь-же, другъ мой, и берегите себя.

За время двухъ недѣль сегодня первый день, что не было стычки. До сихъ поръ то непріятель нападалъ на насъ, то мы на него. Это начинается мнѣ чертовски надоѣдать, такъ какъ съ этими стычками теряешь слишкомъ много народа.

Сегодня государь пріѣзжалъ ко мнѣ на аванпосты и спросилъ себя позавтракать; я его угостилъ ветчиной, которую Вы мнѣ прислали. Она очень хороша, только ужъ мало осталось. Пришлите еще по первой возможности.

Напишите графинѣ Толстой, что я въ честь Императрицы Елизаветы и побилъ Наполеона. Особенное удовольствіе доставляетъ мнѣ то, что онъ лично командовалъ.

Кульмъ, 9 Сентября 1813 г.

Пользуюсь курьеромъ, котораго отправляетъ князь Горчаковъ, чтобы послать тебѣ нѣсколько словъ, дорогой другъ мой. Послѣ дѣла 5-го числа непріятель отступилъ къ Дрездену, а мы остаемся здѣсь. Пора мнѣ отдохнуть: вотъ уже мѣсяць, что не проходитъ дня безъ стычки.

Мы скоро уйдемъ отсюда; у насъ здѣсь рѣшительно во всемъ недостатокъ.

Положеніе непріятеля должно быть самое жалкое; французы начинаютъ питаться кониной.

Дорога отсюда до Дрездена покрыта трупами и павшими лошадьми. Погода ужасная; дождь льетъ, не переставая. Никогда въ Россіи мнѣ не случалось видѣть подобной осени.

Надѣюсь,—что Вамъ скоро можно будетъ пріѣхать въ Делау, Ваше любимое мѣсто пребыванія. Онъ уже занятъ нашими войсками. Какъ скоро мы перейдемъ черезъ Эльбу и вступимъ въ Лейпцигъ,—что, вѣроятно, совершится въ скоромъ времени,—можете пріѣхать.

Я не писалъ Вамъ, что мой бѣдный поваръ умеръ отъ пули, выпущенной случайно дуракомъ Емеліаномъ.

Я пробуду здѣсь по крайней мѣрѣ четыре дня.

Остаюсь на вѣки Вашъ.

Кульмъ, 10 Сентября 1813 г.

Я получилъ вчера Ваше письмо черезъ Кочубея, и очень смѣялся, узнавъ, что Вы постоянно ходите пѣшкомъ потому, что скупитесь купить пару лошадей. Чтобъ избавить Васъ отъ издержекъ, я распорядился послать Вамъ лошадей.

По всѣмъ вѣроятіямъ, мы еще до 15 двинемся на Лейпцигъ. Я иду авангардомъ. Беннигсенъ замѣнитъ меня здѣсь.

Боюсь, чтобы бѣдный Ротъ не кончилъ какъ Коцебу.

Берегите себя; не ходите слишкомъ часто въ госпиталь. Говорятъ, что Баварцы перешли на нашу сторону; повидимому это правда. Вотъ, стало быть, еще хорошее подкрѣпленіе. Наполеонъ все еще не хочетъ уходить изъ окрестностей Дрездена, но думаю, что голодъ скоро принудитъ его къ этому.

Дуксъ, 16 Сентября 1813 г.

Наконецъ-то мы двинулись, мой другъ, идемъ на Эрфуртъ. Если хотите быть поближе ко мнѣ, поѣзжай въ Карлсбадъ; оттуда, если мы пойдемъ дальше, Вы поѣдете къ моей сестрѣ*). Шведскій кронпринцъ черезъ Росбахъ направляется къ Лейпцигу. Беннигсенъ тамъ, а Блюхеръ будетъ преслѣдовать непріятеля; лишь только онъ удалится отъ Дрездена. Мы идемъ на Комотау, Маріенбергъ и Хемницъ.

*) Гр. Келлеръ.

Когда приѣдете въ Карлсбадъ, то будете отъ меня совершенно въ такомъ же разстояніи, какъ теперъ. Вюртембергцы присоединяются къ намъ.

Келлеръ просилъ меня крестить у него ребенка и собирался дать ему мое имя, не зная еще, будетъ ли это мальчикъ или дѣвочка. Напишите ему, что я согласенъ на это съ удовольствіемъ.

Комотау, 19 Сентября 1813 г.

Я преслѣдую Наполеона, поспѣшно отступающаго. Къ несчастью, черезъ-чуръ долго забавлялись въ Теплицѣ, и мы пришли слишкомъ поздно, чтобы быть въ состояніи сильно повредить ему, иначе ему досталось бы похуже, чѣмъ при Березинѣ.

Сейчасъ проѣхалъ курьеръ Тильмана, и сказалъ, что Наполеонъ уже за Лейпцигомъ. Стало быть, онъ лично спасенъ.

У Тильмана было дѣло два дня тому назадъ вмѣстѣ съ Плаговымъ. Они взяли три тысячи плѣнныхъ и пять пушекъ.

Вотъ что я могу сообщить Вамъ, другъ мой; самъ я здоровъ. Однако вчера я свалился вмѣстѣ съ лошадыю и немного ушибъ ногу. Придется похромать нѣсколько дней.

Теперь наши войска въ сборѣ. Непрiятель не предпринялъ ничего серьезнаго, однако онъ подошелъ къ Лейпцигу; вѣроятно, тамъ мы дадимъ битву.

Аннабергъ, 22 Сентября 1813 г.

Завтра буду въ Цвикау. Стало быть, все удаляюсь отъ Васъ. Лишь только непрiятель очиститъ окрестности Дрездена, напишу Вамъ. На этихъ дняхъ мои казаки будутъ въ Эрфуртѣ, такъ что могу получить извѣстіе о сестрѣ.

Начинаемъ дѣйствительно двигаться. Шведскій принцъ и Блюхеръ должно быть уже перешли Эльбу, чтобъ направиться къ Лейпцигу. Моментъ чрезвычайно интересный. Я приѣхалъ въ Аннабергъ и нахожу, что городъ прелестенъ; впрочемъ, таковы всѣ Саксонскіе города. Здѣсь есть кружевные фабрики; посылаю Вамъ образцы ихъ издѣлій. Можетъ быть, я плохо выбралъ; не сердитесь. Кружева мнѣ кажутся

очень красивы; изъ нихъ Вы можете себѣ сдѣлать чепчики. Спина у меня здорова, только представляетъ изъ себя географическую карту всѣхъ цвѣтовъ—желтаго, чернаго и сиваго!

Благодарю Васъ, другъ мой, что не слишкомъ часто ходите въ госпиталь. Это дѣло доброе: но зараза страшна.

Борна, 29 Сентября 1813 г.

Началось послѣднее дѣйствіе, другъ мой, и мнѣ кажется, мы приближаемся къ развязкѣ. Армія Наполеона сосредоточена въ окрестностяхъ Лейпцига, и наши войска ее такъ окружаютъ, что у нея нѣтъ выхода. Всѣ пути ей перерѣзаны; дороги кишатъ нашими партизанами.

Чернышевъ въ Касселѣ; онъ отнялъ двадцать семь пушекъ и взялъ много плѣнныхъ.

Сестра въ Готѣ, а мужъ ея въ Штеттинѣ. Я здѣсь встрѣтилъ брата Келлера и просилъ сообщить ему, что подхожу; думаю, что наши казаки уже тамъ.

Вотъ письмо для Бяратинскаго; перешлите его ему.

Не удивляйтесь, мой другъ, что пишу такъ плохо; три ночи не смыкалъ глазъ; меня будятъ каждую минуту.

Прощайте, дорогой другъ, скоро увидимся; такъ не можетъ долго продолжаться.

Р. S. Сію минуту узналъ официально, что баварцы за насъ. Выѣзжайте, чтобы приблизиться ко мнѣ и къ сестрѣ. Поѣзжайте на Карлсбадъ, и оттуда на Эрфуртъ.

7 Октября 1813 г.

Радостная, прекрасная вѣсть, дорогой другъ: Наполеонъ разбитъ; онъ бѣжитъ! Двѣсти тридцать пушекъ, больше тринадцати генераловъ и до двадцати пяти тысячъ челоѣкъ въ нашихъ рукахъ. Лористонъ, Ренъ, Мармонъ въ плѣну. Понятовскій потонулъ въ Эльстерѣ. Мы преслѣдуемъ бѣгущую армію; все, что есть нѣмецкаго, переходитъ на нашу сторону: саксонцы, поляки, баварцы, гессенцы; и все это къ

намъ переходить съ артиллеріей. Творится что-то неслыханное. Мы тоже понесли значительныя потери. Такой битвы во вѣкъ не будетъ. Семьсотъ тысячъ человѣкъ на одномъ полѣ сраженія!

Генералъ Шевичъ и Мантейфель убиты. Въ моемъ корпусѣ осталось мало людей. Мы утѣшаемся, видя, что конецъ близокъ.

Мое появленіе въ Лейпцигѣ вызвало радость. Меня узнали и привѣтствовали криками. Бѣдный городъ сильно пострадалъ; мы его взяли приступомъ, такъ какъ онъ былъ занятъ французами. Блюхеръ, Беннигсенъ и я, мы вступили въ него съ разныхъ сторонъ. Барклай и Беннигсенъ произведены въ графы.

Я получилъ орденъ Маріи Терезіи первой степени, и, кажется, готовятся брилліанты. Впрочемъ, мнѣ ничего не надо.

14 Октября 1813 г.

Такъ какъ я получилъ приказаніе двигаться дальше, то не буду имѣть счастья обнять Васъ еще нѣсколько времени, мой другъ, но мы далеко не уйдемъ, потому что почти достигли Рейна.

Мы здѣсь остановимся. Вы же побудьте у моей сестры въ Готѣ, если захотите. Кстати, не церемоньтесь съ нею относительно хозяйства и ведите его сами. Она теперь не въ состояніи имѣть хорошаго стола: французы ограбили ее до нитки и даже утащили всю кухонную посуду.

Она теперь почти въ бѣдности съ своими девятью дѣтьми; семь лѣтъ она жила, нуждаясь, такъ какъ ея доходовъ не хватало, чтобы содержать французовъ, стоявшихъ у нея. Я опредѣлилъ двухъ ея сыповей въ Гродненскій полкъ. Пятеро у нея еще дома. Не можете себѣ представить, до чего она измѣнилась; навѣрное, горе ее состарило. Она посѣдѣла.

Заботьтесь же сами о своемъ столѣ, какъ дѣлалъ я, и пусть это ей ничего не стоитъ. Что же касается ея мужа, я постараюсь черезъ Государя добыть ему мѣсто въ Германіи*), такъ какъ все начинаютъ снова организовывать.

Сестра передастъ Вамъ это письмо; еще разъ поручаю ее Вамъ.

*) Графъ Келлеръ былъ назначенъ прусскимъ посломъ въ Вѣну.

Гота, 16 Октября 1813 г.

Сестра ждет Васъ съ нетерпѣніемъ. Я нанялъ для Васъ помѣщеніе въ городѣ. Французы бѣгутъ здѣсь такъ же, какъ въ Россіи; они умираютъ дорогой и все жгутъ на своемъ пути. Я остаюсь здѣсь, чтобы взять Эрфуртъ, гдѣ непріятель укрѣпился; можетъ случиться, что взятіе города потребуетъ нѣкотораго времени.

Мы ждемъ Васъ съ нетерпѣніемъ. Я устраиваю свою штабъ-квартиру въ имѣніи сестры, въ милѣ отъ Эрфурта.

Ганау, 18 Октября 1813 г.

Я благополучно прибылъ сюда, другъ мой; переправы черезъ рѣки хороши, но дороги очень плохи; если не станетъ морозить, грязь будетъ ужасная.

Городъ, хотя великъ, но некрасивъ. Я живу у помощника мэра, у котораго порядочный домъ. Завтра ѣду въ Савернъ. Остановлюся въ Люневиллѣ, и если дороги окажутся хороши, ты пріѣдешь ко мнѣ на нѣсколько дней и увидишь Францію. Я вышлю кого-нибудь Вамъ на встрѣчу.

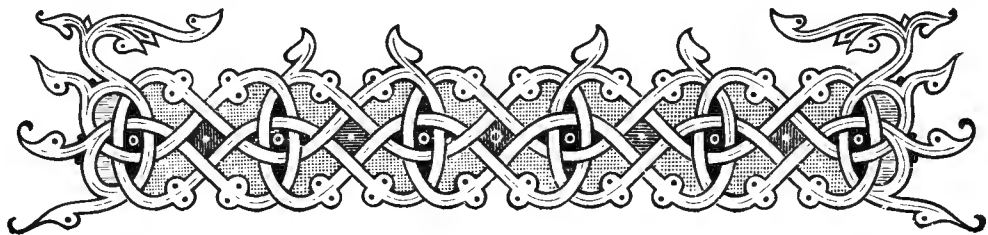
Кстати: не знаю, не остался ли у Васъ одинъ изъ моихъ эполетъ; другой здѣсь. Перешлите мнѣ его.

Дѣла идутъ прекрасно. Шварценбергъ разбилъ Л...*) и взялъ двѣнадцать пушекъ. Его авангардъ уже былъ въ Шомонъ, и онъ со всей арміей направляется въ Труа, въ тринадцати миляхъ отъ Парижа.

Непріятель отступаетъ на всѣхъ пунктахъ и стягивается къ Шалону на Марнѣ. Какъ видите, мы приближаемся къ Парижу. Надѣюсь, что не пройдетъ и двухъ недѣль, какъ все будетъ рѣшено. Жители до сихъ поръ принимаютъ насъ хорошо.

*) Вѣроятно Латуръ-Мобуръ, которому раздробило ногу при Лейпцигѣ. Маршалъ Ларистонъ былъ тоже разбитъ и взятъ въ плѣнъ, но не Шварценбергомъ, а русскимъ генераломъ Емануелемъ.

РУССКІЕ ВЪ ПАРИЖѢ ВЪ 1814 ГОДУ

Замѣтка *).

Александръ I былъ очаровательно любезенъ по отношенію къ Франціи. Въ *Moniteur*ѣ отъ 2-го апрѣля 1814 г. было объявлено: „Военные всѣхъ чиновъ, находящіеся въ настоящее время въ Парижѣ, по какимъ либо обстоятельствамъ, или для поправленія отъ ранъ,—не имѣють надобности скрываться, такъ какъ они совершенно свободны“. Но эта любезность все же не гарантировала отъ непріятностей. Корпусъ жандармовъ, очень преданный Наполеону, открыто относился враждебно къ иностранцамъ. Австрійскій главнокомандующій, князь Шварценбергъ, приказалъ было ихъ разоружить и уволить, но префектъ полиціи выпросилъ отъѣну этого распоряженія. Волненіе между ними росло. Капитанъ отряда, помѣщавшагося въ казармахъ Минимъ, просилъ префекта полиціи съѣздить и уговорить его отрядъ. Префектъ пріѣхалъ утромъ и сталъ говорить рѣчь о поддержаніи добраго порядка, но былъ прерванъ криками: „Мы хотимъ быть съ императоромъ!“. Въ этотъ моментъ нѣсколько озлобленныхъ солдатъ бросились на него, но были остановлены офицерами. Префектъ объявилъ тогда, что желающіе могутъ уйти со службы и „присоединиться къ императору“, но безъ оружія; они получаютъ паспорта и должны удалиться не позже 6 часовъ вечера. Только 4 человѣка оставили службу. Русскіе казаки, глядя на Францію какъ на завоеванную страну, стали дѣлать рекогносцировки и брать то, что плохо лежало. На новомъ мосту они устроили даже рынокъ для сбыта захваченнаго. Губернаторъ Парижа, генераль Сакенъ, назначилъ по деревнямъ особыхъ охранителей. *Къ его особѣ былъ прикомандированъ префектомъ Парижа особый агентъ, чтобы удерживать*

*) По мемуарамъ Пакье, Мирбо и даннымъ Парижскаго Національнаго Архива.

жизать ею отъ распоряженій, моуцихъ повредить порядку и спокойствію, какія онъ могъ по неопытности сдѣлать.

Роялисты вездѣ уничтожали вензеля Наполеона и сбрасывали его изображенія. Нѣкто де-Мобрейль дошелъ до того, что проѣхался по бульварамъ, привязавъ крестъ Почетнаго Легіона къ хвосту своей лошади. Его чуть не убили.

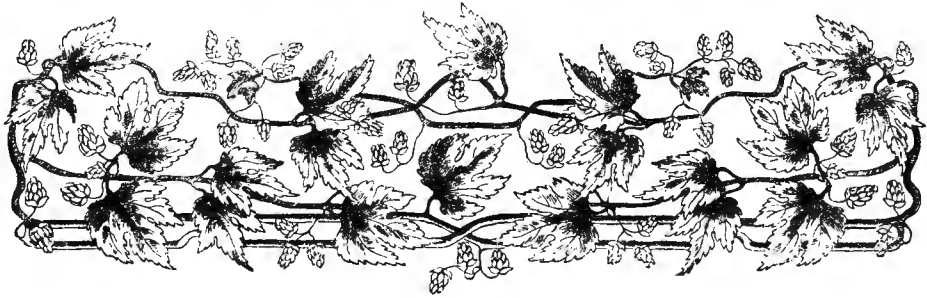
2-го апрѣля Талейранъ давалъ обѣдъ Александру. Во время обѣда префекту Парижа донесли, что, по приказанію одного изъ адъютантовъ Государя, сегодня въ оперѣ дають „Торжество Траяна“, и самъ Александръ хочеть быть тамъ съ королемъ прусскимъ. Префектъ спросилъ Талейрана, извѣстно ли ему это? Тотъ переговорилъ съ Александромъ, и эта опера была замѣнена „Весталкой“. Дѣло въ томъ, что „Торжество Траяна“—было составлено въ честь Наполеона. Въ особенности конфузно было положеніе короля прусскаго во время сцены, когда Траянъ, изъ милости къ одной знатной дамѣ, бросаетъ попавшее ему въ руки письмо ея мужа, повергающее Траяна въ большую опасность. Сцена эта была взята съ природы. Она произошла съ Наполеономъ въ Берлинѣ, и знатная дама была княгиня Гацфельдъ.

Въ воскресенье, 3 апрѣля, Александръ посѣтилъ сенатъ, гдѣ ему поднесли декретъ о низложеніи Наполеона. Онъ сказалъ: „Я—другъ французовъ; то, что вы сдѣлали, еще болѣе увеличило нашу дружбу. Разумно и справедливо дать Франціи прочныя и либеральныя учрежденія: мои союзники и я будемъ покровительствовать свободѣ вашей“. Потомъ онъ добавилъ: „Чтобы показать, что я хочу заключить съ вашей націей прочный союзъ, я возвращаю вамъ всѣхъ французскихъ плѣнныхъ“. Популярность Александра возрастала въ Парижѣ все болѣе и болѣе; онъ всюду ѣздилъ одинъ и посѣщалъ общественныя учрежденія, сопровождаемый оваціями.

С. Фарфоровскій

Парижъ, 1912.

АДОЛЬФЪ ИВАНОВИЧЪ ДОБРЯНСКІЙ-САЧУРОВЪ

(Родился 6 (18) декабря 1817 г.—умеръ 6 (19) марта 1901 г.)

Первый періодъ жизни: 1817—1848 гг.

(Время до выступленія на общественное поприще).

Адольтъ Ивановичъ Добрянскій происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, выводимаго имъ отъ Томова Сова, который, по его словамъ, въ X вѣкѣ переселился съ Руси въ Угрію съ княземъ Гейзою, былъ тамъ воеводою и мужественно защищалъ православіе отъ посягательствъ католиковъ. Дворянство Добрянскихъ, какъ полагалъ Адольтъ Ивановичъ, было признано жупаномъ Кендешемъ изъ Макомвизы въ 1445 году и Мараморышскою законодательною палатою въ 1763 году. Дѣдъ и отецъ А. И. Добрянскаго были священники. Его мать—Шарлотта Андреевна, урожденная Сепешгазій (дочь Левочскаго городского головы), была очень образованной женщиной и говорила на пяти языкахъ: нѣмецкомъ, мадыарскомъ, французскомъ, латинскомъ и, отчасти—русскомъ.

Адольтъ Ивановичъ Добрянскій родился 6 (18) декабря 1817 года въ селѣ Рудлевѣ (Земплинской стѣлицы), гдѣ его отецъ—Иванъ Ивановичъ—былъ настоятелемъ прихода. Первые годы дѣтства Адольтъ Ивановичъ провелъ у своихъ родителей, гдѣ и научился русскому чтенію и письму.

Когда А. И. Добрянскому исполнилось пять лѣтъ, его отправили для изученія нѣмецкаго языка къ бабушкѣ Варварѣ Сепешгазій въ городъ Левочу; здѣсь онъ прошелъ также первые два класса гимназій (1827—1828 гг.). Послѣдующіе классы онъ проходилъ: третій въ Рож-

нявѣ (1829 г.) гдѣ, кромѣ того, хорошо научился мадыарскому, языку; четвертый и пятый—въ Мишковцѣ (1830—1831 гг.), гдѣ, подъ руководствомъ мѣстнаго православнаго духовенства, познакомился съ догматами и обрядами православной церкви. Шестой классъ (въ то время послѣдній)—опять въ Левочѣ, такъ какъ неподалеку отъ этого города находилось село Завадка, въ которое былъ тогда переведенъ изъ Рудлева его отецъ. Во всѣхъ классахъ гимназіи А. И. Добрянскій шелъ первымъ ученикомъ.

Высшее образованіе А. И. Добрянскій получилъ по двумъ факультетамъ: философскому—въ Кошицахъ (1833 г.) и Ягрѣ (1834 г.) и юридическому—въ Ягрѣ (1835—1836 гг.). Уже въ годы студенчества сложилось сваянофильское міросозерцаніе А. И. Добрянскаго, и онъ былъ духовнымъ вождемъ ягерской славянской молодежи. Надо замѣтить, что въ Ягрѣ онъ даже подвергался преслѣдованію со стороны лицейскаго начальства за свое ревностное посѣщеніе православнаго храма. И широкое славянолюбіе и преданность православію, столь характерныя для всей послѣдующей жизни и дѣятельности А. И. Добрянскаго, развились и окрѣпли въ немъ подъ воздѣйствіемъ угро-сербскаго православнаго духовенства. Даже первую книгу на общерусскомъ языкѣ онъ получилъ отъ серба (Исаковича). Поэтому-то на склонѣ лѣтъ Адольфъ Ивановичъ любилъ называть себя Срѣмцемъ въ честь Срѣма (земли на югѣ Угрии), гдѣ такъ много православныхъ сербскихъ монастырей.

По окончаніи университетскихъ наукъ онъ недолгое время занимался юридической практикой, а затѣмъ отправился въ Шавницу и поступилъ для изученія горнаго дѣла и лѣсоводства въ Горную и Лѣсную Академію, въ которой и прослушалъ полный, четырехгодичный курсъ. Тутъ А. И. Добрянскій познакомился съ русскими изъ Россіи и Галичины и представителями другихъ славянскихъ племенъ, пріѣзжавшими учиться въ знаменитую тогда академію (нынѣ же совсѣмъ заглохшую подъ мадыарскимъ управленіемъ).

9 (21) іюня 1840 года онъ былъ назначенъ практикантомъ въ Виндшахту, около Щавницы, а въ 1842 году его сдѣлали тамъ же кунстофицеромъ.

2 (14) мая 1846 года А. И. Добрянскому,—за его четырехлѣтнюю полезную службу, изобрѣтенія и улучшенія и особенно за заслуги по предупрежденію наводненій въ шахтахъ—была назначена награда въ

200 гульденовъ. Въ томъ же (1846) году онъ былъ вызванъ въ Вѣну для слушанія высшей математики, механики, архитектуры и машиностроенія и занятій въ строительныхъ мастерскихъ Вѣнско-глокницкой желѣзной дороги подъ руководствомъ лучшихъ специалистовъ-инженеровъ.

22 апрѣля (4 мая) 1847 года А. Добрянскому приказано ѣхать въ Чехію, гдѣ ему удалось затѣмъ открыть каменно-угольныя копи, а черезъ мѣсяць онъ назначенъ кунстофицеромъ въ Брандейзель, въ той же Чехіи. Кромѣ того, Адольфъ Ивановичъ много способствовалъ развитію каменноугольнаго дѣла въ Моравіи и австрійской Силезіи.

Въ бытность въ Чехіи онъ познакомился съ В. В. Ганкою и другими дѣятелями Славянскаго Возрожденія, что еще болѣе укрѣпило славянофильскія воззрѣнія А. И. Добрянскаго.

Второй періодъ жизни: 1848—1886 гг.

(Время самой оживленной государственной и общественной дѣятельности).

16 (28) марта 1848 г. А. И. Добрянскому данъ приказъ вернуться въ Угрію. Въ апрѣль онъ представился министру финансовъ Кошуту, а затѣмъ поѣхалъ снова въ Виндшахту, около Щавницы, гдѣ находилась у своихъ родителей его жена съ дѣтьми. Здѣсь словаки восторженно встрѣтили А. И. Добрянскаго и избрали его депутатомъ въ угорскій сеймъ; однако выборъ былъ насильственно отмѣненъ на мѣстѣ, въ городкѣ Нѣмцахъ, и депутатомъ объявленъ нѣмецъ-мадяронъ Эмерихъ Шенбери (прежде Шенбергъ).

Мадьяры, видя въ А. И. Добрянскомъ предводителя всѣхъ угорскихъ славянъ, хотѣли его схватить и предать казни. Поэтому Адольфу Ивановичу пришлось спасаться бѣгствомъ отъ мадьярскихъ шовинистовъ, боровшихся за свою *свободу*, основанную на *рабствѣ* всѣхъ не-мадьярскихъ народностей Угріи.

21 сентября (3 октября) А. И. Добрянскій получилъ 4-недѣльный отпускъ въ Завадку, куда вскорѣ и отправился къ отцу. По дорогѣ онъ узналъ о казни нѣсколькихъ словацкихъ патріотовъ, что еще болѣе подтвердило его предположенія о грозящей ему опасности. Онъ скрывался то у своего отца на Спишѣ, то у зятя Явицкаго въ Мальцовѣ. Когда же пришло австрійское войско подъ начальствомъ графа Шлика и стало побѣждать мадьяръ, А. И. Добрянскій поселился въ Пряшевѣ,

гдѣ собиралъ подписи подѣ прошеніемъ къ императору Францу-Іосифу о присоединеніи Угорской Руси къ Галичинѣ. Этимъ путемъ угро-русское населеніе хотѣло навсегда избавиться отъ притѣсненій мадьяръ.

Вскорѣ стали подходить новыя мадьярскія войска, и генераль Шликъ началъ отступать. А. И. Добрянскій, ѣхавшій на свадьбу своего брата Константина Ивановича, едва не попался въ руки гонведамъ (въ ночь съ 4 (16) на 5 (17) февраля 1849 года), успѣвъ во-время укрыться отъ выстрѣловъ въ сосѣднемъ лѣсу. Когда же и на слѣдующій день Кошутовы солдаты продолжали искать Адольфа Ивановича, мѣстные русскіе крестьяне дали имъ отпоръ, взяли въ плѣнъ мятежниковъ и отдали ихъ въ руки отступавшаго австрійскаго войска. Послѣ этого А. И. Добрянскій отправился въ Галицкую Русь, гдѣ остановился въ Тыличѣ у священника Михаила Криницкаго. Здѣсь его жена родила сына Мирослава; съ ними были еще дочь Ольга и сынъ Владиміръ. Когда здоровье жены улучшилось, А. И. Добрянскій уѣхалъ въ Перемышль, гдѣ познакомился съ епископомъ (позднѣ митрополитомъ) Григоріемъ Яхимовичемъ и крылошанами: Полянскимъ, Вытушинскимъ, Ганилевичемъ и Іосифомъ Левицкимъ, который впоследствии посвятилъ ему свое сочиненіе.

Далѣе мы видимъ А. И. Добрянскаго въ столицѣ Галицкой Руси—гор. Львовѣ. Здѣсь онъ былъ съ большимъ почетомъ принять русскими патріотами (онъ прямо изъ гостинницы поѣхалъ въ архіеп. зданіе при св. Юрѣ, гдѣ и жилъ съ семьей). Во Львовѣ А. И. Добрянскій познакомился съ Куземскимъ, Малиновскимъ, Лотоцкимъ, Величковскимъ, братьями Хоминскими, Гуркевичемъ, Петрушевичемъ, Зубрицкимъ и многими другими дѣятелями Галицкой Руси. А. И. Добрянскій участвовалъ въ засѣданіяхъ „Головной рады русской“ и въ депутаціи, высланной радою для поднесенія намѣстнику графу Голуховскому прошенія о присоединеніи Угорской Руси къ Галицко-Владимирскому королевству, подписанаго угро-русской интеллигенціей. Потомъ А. И. Добрянскій поѣхалъ въ Вѣну узнать, почему нѣтъ отвѣта на это прошеніе. Замѣститель министра внутреннихъ дѣлъ, два раза долго разговаривавшій съ А. И. Добрянскимъ, сказалъ ему, что „правительство не можетъ допустить, чтобы Угорская Русь освобождалась собственными силами отъ ига мадьяръ, такъ какъ это вело бы непремѣнно къ неурядкамъ, и что желаемому воссоединенію австрійской Руси противустоятъ важныя интересы государства“ (Автобіографія).

19 апрѣля (1 мая) 1849 года А. И. Добрянскій былъ назначенъ помощникомъ гражданскаго комиссара при русскомъ войскѣ графа Франца

Зичія, а 13 (25) іюня—гражданскимъ комиссаромъ при 3 корпусѣ генерала Ридигера. Послѣдній очень цѣнилъ совѣты А. И. Добрянскаго, знавшего хорошо мѣстность, людей и общее положеніе вещей въ Угріи. На прощаніе Адольфъ Ивановичъ получилъ отъ Ридигера благодарственное письмо. Вообще А. И. Добрянскій пользовался большимъ уваженіемъ и любовью со стороны военно-начальствующихъ лицъ, что послѣдними не разъ подчеркивалось и на дѣлѣ. Такъ, напр., князь Паскевичъ подарилъ ему два драгоцѣнныхъ пистолета.

А. И. Добрянскій участвовалъ въ большихъ сраженіяхъ при Вацовѣ и Дебрецинѣ. А въ селѣ Артандѣ близъ Великаго Варадина ему пришлось присутствовать при приѣмѣ графомъ Ридигеромъ мадьярской военной депутаціи, которая отъ лица всей арміи просила о присоединеніи Угріи къ Россіи. Подъ Вилагошемъ А. И. Добрянскій былъ единственнымъ представителемъ Австріи, и ему передали плѣнныхъ.

Во время похода Адольфу Ивановичу пришлось пережить немало тяжелыхъ минутъ, вслѣдствіе чего пошатнулось его крѣпкое здоровье. Онъ вездѣ освобождалъ изъ тюремъ заключенныхъ мадырами ни въ чемъ неповинныхъ славянскихъ дѣятелей, слѣдилъ, чтобы не было грабежей, и заботился о продовольствіи войска. Интересно при этомъ отмѣтить, что мѣстное мадырское населеніе не хотѣло отпускать съѣстныхъ припасовъ для австрійскихъ солдатъ, наоборотъ, для русскихъ воиновъ имъ дѣлалось все охотно. Это мадыры объясняли тѣмъ, что австрійцевъ считаютъ своими врагами, а русскихъ—союзниками, такъ какъ послѣ окончанія возстанія примуть подданство Россіи. За свою дѣятельность въ качествѣ военнаго комиссара при русской арміи въ 1849 году, А. И. Добрянскій былъ награжденъ сразу двумя орденами: св. Владимира 4 ст. (указъ данъ 20 авг. (1 сент.), грамота—16 (28) сент. 1849 г.) и св. Анны 3 ст. (указъ данъ 21 авг. (2 сент.), грамота—2 (14) сент. 1849 г.) Это необычайное пожалованіе надо объяснять по всей вѣроятности тѣмъ, что къ ордену Владимира его представилъ князь Паскевичъ, а къ ордену Анны—генераль Ридигеръ. Замѣтимъ при этомъ, что австрійскій императоръ разрѣшилъ А. И. Добрянскому русскіе ордена принять и носить, русскую же медаль въ память похода съ надписями „За усмиреніе Венгріи и Трансильваніи“—и „Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!“—принять, но не носить (объ этомъ сохранилось особое письмо графа Зичія отъ 20 іюня (2 іюля) 1850 года), можетъ быть потому, что видѣлъ въ послѣдней надписи намекъ на предложеніе русскому царю угорской

короны; въ австрійской же медали за угорскій походъ А. И. Добрянскому отказано (бумага вѣнскаго „Platz Commando“ отъ 2 (14) дек. 1882 года).

Нѣкоторое время (въ 1849 году), А. И. Добрянскій управлялъ въ качествѣ верховнаго комиссара Сегединскимъ округомъ, но вскорѣ опасно заболѣлъ и оставилъ эту должность. Тотчасъ по выздоровленіи А. И. Добрянскій вмѣстѣ съ братомъ—каноникомъ Викторомъ Ивановичемъ и другими угро-русскими патриотами отправился въ Вѣну просить императора о присоединеніи Угорской Руси къ Галичинѣ. Члены депутаціи, имѣвшіе полномочія отъ Пряшевскаго епископа Іосифа Гаганца и обѣихъ угро-русскихъ консисторій, были милостиво приняты императоромъ Францемъ-Іосифомъ, но удовлетворенія своей просьбы не добились. Однако, образованіе Ужгородскаго округа и назначеніе А. И. Добрянскаго и другихъ угро-руссовъ на административныя должности въ Угорской Руси въ значительной степени объясняются впечатлѣніемъ, произведеннымъ этимъ посольствомъ на вѣнскія правительственные круги. 3 (15) октября 1849 года Адольфъ Ивановичъ былъ назначенъ вторымъ окружнымъ докладчикомъ (референтомъ) и правителемъ канцеляріи въ Ужгородѣ.

Дѣятельность А. И. Добрянскаго на этомъ поприщѣ была весьма благотворна для Угорской Руси. Онъ добился назначенія русскихъ чиновниковъ, ввелъ въ дѣлопроизводство русскій языкъ, сдѣлалъ русскія надписи на улицахъ, призналъ русскую церковь официальной и, вообще, высоко поднялъ національное самосознаніе среди угро-русскаго населенія.

Однако, патриотическая дѣятельность А. И. Добрянскаго не могла понравиться мадьярскимъ политикамъ, стремившимся къ поработченію угро-русскаго народа; они добились того, что Адольфъ Ивановичъ, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ своего назначенія, былъ (приказомъ командующаго войсками Кошицкаго военнаго округа генерала Бордоло, отъ 19 февраля (3 марта) 1850 года) посланъ въ Шарышъ въ качествѣ королевскаго комиссара для разслѣдованія злоупотребленій жупана и другихъ чиновниковъ.

Дальнѣйшая (съ 1850 по 1861 гг.) служебная карьера А. И. Добрянскаго протекала слѣдующимъ образомъ.

30 апрѣля (12 мая) 1850 г. Бордоло вызвалъ А. И. Добрянскаго для устнаго доклада о командировкѣ въ Кошицы, гдѣ послѣдній и остался

опять въ качествѣ референта. Въ концѣ 1850 года А. И. Добрянскій получилъ двѣ командировки въ Шарышскую столицу для разбора жалобъ крестьянъ на притѣсненія помѣщиковъ.

4 (16) марта 1851 года А. И. Добрянскій назначенъ окружнымъ референтомъ въ Будапештъ, а 14 (26) марта—тамъ же секретаремъ перваго класса при угорскомъ намѣстничествѣ.

Императорскимъ указомъ отъ 9 (21) іюня 1853 г. назначенъ членомъ намѣстническаго совѣта съ жительствомъ въ Великомъ Варадинѣ, а императорскимъ указомъ отъ 23 мая (4 іюня) 1860 г. переведенъ на ту же должность въ Будапештъ.

Въ бытность свою въ Великомъ Варадинѣ А. И. Добрянскій часто состоялъ членомъ и предсѣдателемъ разныхъ комиссій и исполнялъ самыя отвѣтственныя порученія. Особенно отличился онъ при устройствѣ земельныхъ отношеній освобожденныхъ въ 1848 году крестьянъ, при постройкѣ желѣзныхъ и другихъ дорогъ, осушкѣ болотъ и регуляціи рѣкъ (такъ, напримѣръ, А. И. Добрянскій сдѣлалъ судоходною рѣку Марошь и сократилъ ея теченіе на 10 миль; также сократилъ теченіе рѣкъ: Кереша и Беретва на 53 мили и Самоша—на 27); главная заслуга А. И. Добрянскаго состоитъ въ томъ, что онъ все это выполнилъ съ малыми затратами, такъ какъ заинтересовалъ этимъ дѣломъ мѣстное населеніе.

За всѣ эти заслуги А. И. Добрянскій получилъ въ 1857 году орденъ Желѣзной короны 3 ст., а 22 декабря того же (1857) г. (3 янв. 1858 г.) ему пожаловано рыцарское достоинство съ прибавленіемъ *Сачуровъ* (von Szacsurov); онъ купилъ передъ тѣмъ село Сачуровъ, въ Земплинской стѣлицѣ, которое впоследствии продалъ.

Въ 1859 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ отличился при покупкѣ лошадей для австрійской арміи, сражавшейся тогда въ Италіи. Въ томъ же (1859) году императорско-королевскій геологическій институтъ избралъ его членомъ-корреспондентомъ за заслуги при химико-геологическомъ изслѣдованіи минеральныхъ источниковъ.

Въ 1861 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ былъ командированъ изъ Будапешта въ Мукачевъ для ревизіи мѣстной тюрьмы.

Въ 1861 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ былъ избранъ отъ Шарыша депутатомъ въ угорскій сеймъ, но едва онъ въ немъ появился,

какъ мадьярскіе шовинисты встрѣтили его криками: „молчать“, „долой его“ и не только не дали произнести замѣчательную рѣчь (впослѣдствіи напечатанную по-нѣмецки), но даже отмѣнили его выборъ. Когда же А. И. Добрянскаго-Сачурова населеніе избрало вторично, власти вновь отмѣнили выборъ. Положеніе А. И. Добрянскаго-Сачурова въ Будапештѣ сдѣлалось невыносимымъ и онъ, безъ предварительнаго полученія отпуска, уѣхалъ въ Вѣну и ходатайствовалъ предъ императоромъ о переводѣ его въ столицу Австріи. Ему, однако, вмѣсто удовлетворенія просьбы, было приказано немедленно вернуться въ Будапештъ для исполненія своихъ служебныхъ обязанностей (бумага графа Форгача отъ 1 (13) ноября 1861 года).

Въ бытность въ Вѣнѣ (весною 1861 г.) Адольфъ Ивановичъ прочелъ нѣкоторымъ собравшимся у него мѣстнымъ славянамъ свою рѣчь, которую онъ хотѣлъ было произнести въ угорскомъ сеймѣ во время преній объ адресѣ (онъ не могъ этого сдѣлать потому, что мадьярское большинство нарочно отложило провѣрку его полномочій до окончанія преній). Вскорѣ послѣ этого упомянутая произнесенная рѣчь была напечатана на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *„Рѣчь депутата угорскаго сейма Адольфа Добрянскаго по вопросу объ адресѣ“* (*„Rede des ungarischen Landtags-Adgeordnetén Adolf Ritter von Dobrzansky in der Adress-Angelenheit“*, Вѣна, 1861 г., стр. 130).

Въ первой части этой замѣчательной рѣчи Адольфъ Ивановичъ разсматриваетъ отношеніе Угріи къ другимъ частямъ Габсбургской монархіи и на основаніи историческихъ данныхъ доказываетъ, что Угрія такъ же, какъ и Чехія, состоитъ съ Австріею не въ персональной, а въ реальной уніи (хотя въ случаѣ пресѣченія династіи Габсбурговъ объ онѣ снова обратились бы въ самостоятельныя избирательныя королевства).

Во второй части рѣчи А. И. Добрянскій-Сачуровъ требуетъ правъ на національное существованіе для не-мадьярскихъ народовъ Угріи и предлагаетъ раздѣлить ее на пять автономныхъ національных областей: нѣмецко-мадьярскую, сербскую, румынскую, русскую и словацкую, соглашаясь, впрочемъ, на исключительное употребленіе мадьярскаго языка въ общемъ сеймѣ и другихъ центральныхъ учрежденіяхъ. Каждый изъ перечисленныхъ народовъ долженъ имѣть свои низшія, среднія и высшія юридическія школы; въ единственномъ же тогда Будапештскомъ университетѣ преподаваніе можетъ вестись на мадьярскомъ языкѣ.

Говоря о не-мадьярскихъ народахъ, Адольфъ Ивановичъ особенно подробно останавливается на историческихъ правахъ угро-русовъ, которые издавна пользовались полною автономіею и даже особымъ привилегированнымъ положеніемъ. Въ доказательство этого А. И. Добрянскій-Сачуровъ приводитъ множество неизданныхъ до тѣхъ поръ грамотъ, найденныхъ имъ главнымъ образомъ въ архивѣ Лелескаго монастыря (Земплинской стѣлицы). Эта часть рѣчи имѣетъ особенную научную цѣнность, какъ первое, — послѣ оконченнаго въ самомъ началѣ XIX в. труда Базиловича, — серьезное, основанное на документальныхъ данныхъ, сочиненіе по исторіи Угорской Руси, не утратившее своего значенія и до настоящаго времени.

Въ 1862 г. А. И. Добрянскій-Сачуровъ получилъ, по случаю 1000-лѣтія Россіи, русскій орденъ Анны 2 ст., а въ 1863 г. ему пожалованъ австрійскій чинъ гофрата.

Императорскимъ указомъ отъ 22 мая (3 іюня) 1864 г. онъ назначенъ совѣтникомъ-докладчикомъ угорской придворной канцеляріи въ Вѣнѣ. До введенія дуализма (1867 г.) и образованія отвѣтственнаго министерства въ Будапештѣ, канцелярія эта была высшимъ правительственнымъ органомъ для Угріи, такъ что должность совѣтника придворной канцеляріи соотвѣтствовала должности министра.

Въ 1867 г. угорская придворная канцелярія была упразднена, и Адольфъ Ивановичъ, не желая быть орудіемъ воинствующаго мадьяризма, вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя служенію родному народу на закарпатской окраинѣ Русской Земли.

Изъ плодовъ болѣе ранней дѣятельности А. И. Добрянскаго-Сачурова въ этомъ направленіи отмѣтимъ основаніе въ 1864 г. литературнаго общества св. Василія Великаго въ Ужгородѣ, сыгравшаго важную роль въ угро-рускомъ возрожденіи и дожившаго до начала XX вѣка, когда оно было преобразовано въ паевое книгоиздательское товарищество „Уніо“.

Въ 1865 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ былъ избранъ отъ Шарыша депутатомъ угорскаго сейма, въ которомъ онъ и оставался до конца 1868 года. Въ сеймѣ Адольфъ Ивановичъ проявилъ кипучую и разностороннюю дѣятельность, о которой можно лучше всего судить по произнесеннымъ имъ, въ 1867—1868 годахъ, рѣчамъ. (Болѣе же раннихъ рѣчей намъ не удалось достать. Возможно, что онѣ и не были

изданы, такъ такъ раньше угорскій сеймъ былъ областнымъ и только съ 1867 г. получилъ самостоятельное значеніе).

1) 27 октября (8 ноября) 1867 года онъ говорилъ о мѣстномъ самоуправленіи по поводу запроса о роспускѣ правительствомъ Ягерской стѣличной комиссіи (подобіе земскаго собранія) за политическое выступленіе. По мнѣнію А. И. Добрянскаго-Сачурова, мѣстное самоуправленіе не подчинено (субординировано) правительству, а сочинено (координировано) съ нимъ. Такъ вѣдь всегда было въ Угріи, такъ обстоитъ дѣло и въ Австріи. Дѣйствія правительства нарушаютъ конституцію. Впрочемъ, Адольфъ Ивановичъ не присоединился ни къ одному предложенію, такъ какъ сеймъ, не протестовавшій противъ болѣе крупныхъ правонарушеній, — въ Семиградѣ и Рѣкъ, въ Хорватіи и Славоніи, гдѣ въ послѣднее время даже навязывали депутатовъ, чѣмъ подтасовывали выборы, — поступилъ бы непоследовательно, защищая права мадьярскихъ самоуправленій, которыя (это видно изъ поведенія Земплинской стѣлицы по отношенію къ населяющему ее русскому народу) часто представляютъ не интересы населенія, а взгляды отдѣльных лицъ — членовъ комиссіи. А. И. Добрянскій-Сачуровъ былъ за то, чтобы сеймъ, обсудивъ предложеніе, просто перешелъ къ очереднымъ дѣламъ, въ надеждѣ на внесеніе правительствомъ законопроекта о мѣстномъ самоуправленіи.

2) 1(13) декабря 1867 года онъ выступилъ съ рѣчью, направленной противъ законопроекта о принятіи Угріей части австрійскаго государственнаго долга. А. И. Добрянскій-Сачуровъ признается, что всегда былъ противникомъ дуализма, но разъ послѣдній получилъ силу закона, то Угрія тѣмъ самымъ освобождается отъ платежа австрійскихъ долговъ. Къ тому же угорская половина монархіи бѣднѣе и болѣе обременена налогами; пусть лучше Австрія увеличитъ налогъ на доходы съ капиталовъ: тогда она не только покроетъ перерасходъ, но и настолько окрѣпнетъ, что Угрія будетъ смотрѣть на нее, какъ на могущественнаго и постояннаго союзника. При этомъ Австрія должна немедленно позаботиться объ удовлетвореніи справедливыхъ требованій чеховъ и другихъ славянъ, а также положить предѣлъ произволу графа Голуховскаго, политика котораго довела Галицкую Русь до небывалаго упадка. Угрія, съ непредставленными въ сеймѣ Хорватіей и Славоніей, и безъ того слишкомъ обременена; а вѣдь политика переобремененія — наихудшая политика! Для пріобрѣтенія или сохраненія свободы Угріи нужны не войско и не налоговыя жертвы, а скорѣйшее разрѣшеніе вопросовъ національныхъ и социальныхъ. Придерживаясь такого взгляда и не

желая брать на себя отвѣтственности за послѣдствія принятія законопроекта, А. И. Добрянскій-Сачуровъ присоединился къ предложенію Коломана Тисы.

3) 24 іюня (6 іюля) 1868 года А. И. Добрянскій-Сачуровъ выступилъ по поводу законопроекта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ податяхъ, защищая при этомъ свою поправку.

4) 25 іюня (7 іюля) 1868 года говорилъ противъ законопроекта, вводившаго налогъ на дома, что было бы особенно обременительно для крестьянскаго населенія Угріи.

5) 7(19) октября 1868 года А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ своей рѣчи защищалъ министерскій законопроектъ объ учрежденіи, вмѣсто одного, восьми апелляціонныхъ судовъ въ разныхъ частяхъ Угріи, высказавшись при этомъ противъ мнѣнія сеймовой комиссіи, которая, въ ущербъ не-мадьярскимъ народностямъ, отстаивала учрежденіе только двухъ апелляціонныхъ судовъ—въ Будапештѣ и въ странѣ семиградскихъ секлеровъ, въ гор. Вашархелъ-на-Марошѣ. А. И. Добрянскій-Сачуровъ указывалъ на опасность для Угріи отъ недовѣрія не-мадьярскихъ народностей къ правосудію, а, коснувшись исторіи вопроса, говорилъ и объ особыхъ правахъ въ Угорской Руси Мукачевскаго „domini arcis“ т.-е. владѣльца Мукачевскаго замка.

6) 8(20) октября 1868 года А. И. Добрянскій-Сачуровъ посвятилъ свою рѣчь вопросу о вмѣшательствѣ свѣтской власти въ брачныя дѣла. Онъ приписывалъ причину неудовлетворительности церковныхъ властей всѣхъ вѣроисповѣданій Угріи государственному вмѣшательству и особенно подчеркивалъ, что, вопреки условіямъ уніи, уніатскіе епископы не избираются духовенствомъ и народомъ, а назначаются властями, что они придерживаются больше западныхъ каноновъ, чѣмъ восточныхъ, и что аппеляція отъ ихъ судовъ по брачнымъ дѣламъ противозаконно восходитъ къ римскому престолу.

7) 13(25) ноября 1868 года рѣчь А. И. Добрянскаго-Сачурова была посвящена законопроекту о народностяхъ. Въ виду большой важности этого вопроса передаемъ болѣе подробно содержаніе рѣчи вождя угрорусскаго народа. Указавъ на огромное значеніе для Угріи національнаго вопроса, отъ благополучнаго разрѣшенія котораго зависитъ необходимое условіе ея государственнаго существованія—внутренній миръ,—

А. И. Добрянскій-Сачуровъ заявляетъ, что не можетъ поддерживать законопроекта большинства комиссіи, а напротивъ требуетъ того, чтобы въ основу подробнаго обсужденія былъ положенъ проектъ меньшинства. Основное различіе между обоими проектами заключается въ томъ, что первый изъ нихъ, умалчивая о фактическомъ и законномъ существованіи всѣхъ остальныхъ народовъ государства, даетъ основаніе стремленію возвести мадьярскій народъ на степень единственнаго государственнаго народа—вершителя судебъ государства. Такое поведеніе большинства комиссіи ораторъ считаетъ несогласнымъ со всѣмъ предшествующимъ поведеніемъ сейма, выразившаго въ адресахъ 1861 г. готовность сдѣлать народностямъ всѣ уступки, согласныя съ единствомъ и цѣлостью государства и основными устоями тысячелѣтней угорской конституціи. Въдѣ не-мадьярскіе народы большею частью жили въ Угріи еще до прихода мадьяръ, отчасти же заняли ее вмѣстѣ съ мадьярами; во всякомъ случаѣ сообща защищали ее кровью и денежными жертвами. Кромѣ того, какъ въ Семиградѣ и Хорватіи, такъ и въ собственной Угріи, каждый народъ не только самъ всегда называлъ и называетъ себя народомъ, но таковымъ онъ является и въ законодательствѣ.

Въ доказательство этого Адольфъ Ивановичъ разсматриваетъ порознь историческія права народовъ словацкаго, румынскаго, сербскаго, нѣмецкаго, ясъ-кунскаго (половецкаго) и русскаго и въ подтвержденіе своего положенія ссылается на многочисленныя королевскія грамоты и сеймовые законы. „Уважаемой палатѣ извѣстно“, говорилъ онъ, „что народы ясъ-кунскій и русскій, по свидѣтельству исторіи, отчасти населяли уже передъ приходомъ, отчасти же, соединившись съ мадьярами, сообща создали это отечество, въ качествѣ первыхъ союзниковъ мадьярскаго народа съ самаго начала имѣли свою особую территорію и народное самоуправленіе, а въ законѣ 47: 1498 года они, будучи упомянуты вмѣстѣ (Philistei, Cumanii et Rutheni), получили на поминаніе, что, если бы они посмѣли въ граничащихъ съ ихъ территоріями округахъ (стѣлицахъ) нарушить спокойствіе, т.-е. и впредь освобождать крѣпостныхъ, то они вызываются на судъ палатина.

„Несомнѣннымъ дѣлаетъ это утвержденіе... относительно русскихъ прежде всего тотъ стародавній обычай, по которому ихъ территоріей подъ названіемъ „dicatus“ (воеводство) пользовались также и для титула, какъ св. Эмерихъ, который первый завелъ при королевскомъ дворцѣ преобладавшую въ теченіе столѣтій, пользовавшуюся значительнымъ вліяніемъ, русскую стражу и, по свидѣтельству исторіи, умеръ въ ка-

чествѣ „dux Russorum“, такъ Бѣла при Андреѣ I, а позднѣе Іоаннъ Корвинъ и властвовавшіе надъ русскими семиградскіе князья...

„Подтверждаютъ это относительно русскаго народа... тѣ королевскія грамоты, въ которыхъ находится подпись „dux Ruthenorum“, какъ и тѣ грамоты, въ которыхъ упоминаются чиновники русскихъ воеводъ. Такова между прочимъ и обнародованная въ трудѣ Феѣра (Fejér), Codex diplomaticus, выданная въ 1299 г. Бережскимъ жупаномъ очень интересная грамота, въ которой онъ называетъ себя чиновникомъ русскаго воеводы „Nos Seorgius, comes de Beregh, officialis Leu Ducis Ruthenorum“ (т.-е. „Мы Георгій, жупанъ Бережскій, чиновникъ Русскаго Воеводы Льва“).

„Подтверждаютъ это относительно русскихъ въ особенности данныя въ 1562, 1572 и 1648 гг. подтвержденія полученныхъ отъ королей Угрии привилегій; королевскіе рескрипты, обращенные къ совокупности русскаго народа (universitati populorum Ruthenorum), изъ которыхъ очень важенъ рескриптъ, данный въ 1551 г... касающійся отношеній между обществомъ и іерархіею; далѣе официальные грамоты Бережской стóлицы 1747 г... и многочисленные законы нашего отечества, а именно законы 32:1500, 6:1572, 4:1574, 36:1615, 48:1618, 52:1681, 27:1687, особенно же вышеупомянутый законъ 47:1498.

„Итакъ, народы словацкій и румынскій уже передъ приходомъ мадьяръ пользовались самостоятельною государственною жизнью въ этой странѣ; народы сербскій и нѣмецкій, хотя въ значительной своей части и поселились позже въ этой странѣ, но поселились подъ условіемъ народнаго самоуправленія; соединившіеся же искони съ мадьярскимъ народомъ народы ясь-кунскій и русскій, какъ первые союзники мадьяръ и участники въ приобрѣтеніи этой страны, искони имѣли собственное народное самоуправленіе.

„Всѣ эти народы... вездѣ, и во всемъ считались равноправными по слѣдующему принципу нашей стародавней конституціи, Steph. decl. I. cap. 6 § 3: „nam unius linguae Toris regnum impecille et fragile est“ (т.-е. „ибо царство съ однимъ языкомъ и однимъ обычаемъ слабо и хрупко“), что далѣе поясняется въ § 4: „Propterea jubeo te, fili mi, ut bona voluntate eos nutrias et honeste teneas, ut tecum libentius degant quam alibi habitent“, (т.-е. „Поэтому я повелѣваю тебѣ, сынъ мой, охотно ихъ питать и держать въ чести, чтобы они предпочитали оставаться съ тобою, чѣмъ жить въ другомъ мѣстѣ“; изъ наставленія

угорскаго короля Стефана I сыну Эмериху, вошедшаго въ законникъ; стр. 3—5).

Въ доказательство исконной равноправности народовъ Угрии А. И. Добрянскій-Сачуровъ ссылается далѣе на королевскіе титулы разныхъ временъ: „rex Pannoniarum“ (король Панноній), „rex utriusque Pannoniae“ (король обѣихъ Панноній), „rex Ungariae“ или „rex Hungariae“, (король Угрии), а не „rex Hungarorum“ (король мадьяръ), между тѣмъ какъ языческіе князья X вѣка назывались „dux Ungarorum“ (князь мадьяръ); на прямое указаніе законника, что народы (nationes), мадьярскій (со слившимся съ нимъ ясь-кунскимъ), словацкій, румынскій, русскій и сербскій были первоначально равноправны, а со времени крестьянскаго возстанія въ началѣ XVI в. различались лишь въ томъ отношеніи, что одни народы,—напр., мадьярскій,—за исключеніемъ привилегированныхъ сословій,—утратили право свободнаго перехода, другіе,—напр., русскій и ясь-кунскій,—сохранили его; наконецъ, на то, что „вслѣдствіе крестьянскаго возстанія законъ отнялъ право свободнаго перехода не у отдѣльныхъ лицъ, а у отдѣльныхъ народовъ, какъ корпорацій,—въ явное доказательство того, что отдѣльные, въ только что приведенномъ законѣ перечисленные народы всегда считались юридическими лицами; далѣе слѣдуетъ отмѣтить, что въ согласіи съ этимъ по 3 и 4 раздѣлу II части тройнаго законника являющееся политическимъ факторомъ *населеніе государства*, т.-е. *пользующееся правами населеніе* (populus), состояло изъ привилегированныхъ сословій всѣхъ народовъ, точно также какъ римская республика вначалѣ состояла только изъ патриціевъ, или дворянъ.

„Но уже въ тройномъ законникѣ мы находимъ, что подъ выраженіемъ „populus“ (населеніе) разумѣется собственно и „plebs“ (простой народъ), что, слѣдовательно, только на основаніи существующихъ привилегій разумѣлись подъ этимъ названіемъ не собственно (improprie), въ духѣ тогдашнихъ временъ, одни привилегированные классы; и какъ въ римской имперіи были приняты позже въ ряды населенія (populus) и не-дворяне, такъ случилось и у насъ, а потому въ нашемъ отечествѣ съ 1848 г. всѣ жители государства или *всѣ народы вмѣстѣ* составляютъ *населеніе*, или политическій факторъ государства“ (стр. 6).

Опровергнувъ въ дальнѣйшемъ возраженія мадьярскихъ шовинистовъ противъ мнѣнія объ исконномъ равноправіи угорскихъ народовъ, Адольфъ Ивановичъ переходитъ къ повѣствованію о постепенномъ упадкѣ этого равноправія и самоуправленія: „Правда, что уже съ XVI,

а еще больше съ XVII столѣтія можно было замѣтить въ нашемъ законодательствѣ то стремленіе, которое достигло апогея во Франціи въ концѣ XVIII в., и которое, какъ кажется, до сихъ поръ не прошло въ нашемъ отечествѣ, я разумю *несчастное стремленіе къ государственной централизациі, считающее государство не средствомъ, а цѣлью, слѣдовательно, несмотря на фразы о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, убивающее всякое свободное движеніе, а потому держащее западныя части Европы въ постоянномъ кипѣніи, и очень угрожающее нашему отечеству*“ (стр. 8).

Но стремленіе это сперва не было направлено противъ не-мадьярскихъ народовъ: введя единообразіе въ судопроизводствѣ и управленіи и уничтоживъ національныя территоріи (русскую—въ 1746 г.), оно не коснулось равноправности народовъ.

„Только въ концѣ XVIII в. была изъ Франціи пересажена въ наше отечество идея той чрезмѣрной централизациі, которая, не довольствуясь единообразіемъ въ управленіи и судопроизводствѣ, хотѣла осуществить централизацию и относительно народности, или господство одного народа надъ остальными; а отсюда можно объяснить тотъ поступокъ законодательной власти 1791 года, что она съ одной стороны не только сохранила, но и пригласила на сеймъ яськунскіе и гайдуцкіе округа, тѣ самыя, которые были вышеприведенными законами окончательно упразднены; а съ другой стороны уничтожила покоящіяся на государственномъ-правовомъ основаніи привилегіи сербскаго народа.

„На сеймѣ 1790—91 г. впервые пытались употреблять мадьярскій языкъ на ряду съ латинскимъ въ качествѣ языка сеймовыхъ совѣщаній; и хотя эта попытка вслѣдствіе возникшихъ затрудненій не имѣла тогда особенно важныхъ послѣдствій,—все же на этомъ сеймѣ положено было основаніе къ нѣкоторому предпочтенію мадьярскаго языка, такъ какъ предписано было обученіе мадьярскому языку во всѣхъ общественныхъ школахъ, а равно и право употреблять его въ областныхъ учрежденіяхъ, и избранъ особый государственный комитетъ для обработки языка. А на этой основѣ возникли мадьярскія національныя образовательныя учрежденія и вообще доводящія до невозможности верховенство мадьярскаго языка надъ остальными законы 1830, 1836, 1840, 1844 и 1848 гг.“ (стр. 8—9).

Далѣе ораторъ излагаетъ вкратцѣ сущность каждаго изъ этихъ законовъ и въ слѣдующихъ словахъ изображаетъ значеніе ихъ для

не-мадьярскихъ народовъ Угрии: „Эти постановленія вышеуказанныхъ законовъ 1830, 1836, 1840, 1844 и 1848 гг. очень оскорбляли не-мадьярскіе народы государства, ибо такимъ образомъ, личная свобода была сильно ограничена, и равноправность народовъ была нарушена въ томъ отношеніи, что вмѣсто безразличнаго латинскаго языка выступилъ, притомъ еще въ болѣе широкихъ предѣлахъ, языкъ живого народа, и на основаніи этихъ законовъ гражданину-мадьяру, одному при знаніи одного своего материнскаго языка къ каждой должности, способному къ осуществленію всѣхъ политическихъ правъ, было дано больше правъ, чѣмъ не-мадьяру, который, кромѣ своего родного языка, — а если хотѣлъ считаться образованнымъ, кромѣ классической латыни, — не могъ обойтись безъ изученія мадьярскаго языка, если хотѣлъ получить лишь какое-нибудь, даже самое скромное мѣсто, или только глубже осуществлять политическія права, словомъ, жить, какъ гражданинъ государства“ (стр. 10).

Но ни эти законы, ни направленные къ возвеличенію мадьярскія дѣйствія намѣстничества и адреса сейма 1860-хъ годовъ вовсе не уничтожили существованія не-мадьярскихъ народовъ: вѣдь, въ 1848 г. было учреждено представительство не какого-либо народа, а всего населенія, „на основаніи котораго“, — говоритъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ, — „и мы заняли свои мѣста въ этой палатѣ“ (стр. 10). Свое положеніе Шарышскій депутатъ подтверждаетъ цитатами изъ сеймовыхъ адресовъ, упоминающихъ о нѣсколькихъ народахъ Угрии и высказывающихъ за полное ихъ равноправіе. а подводя итоги своей рѣчи, между прочимъ замѣчаетъ, что существованіе и равноправность не-мадьярскихъ народовъ обезпечены такими актами, которые, имѣя характеръ договоровъ, не могутъ быть измѣнены, а тѣмъ болѣе отмѣнены одною стороною или большинствомъ голосовъ“ (стр. 11).

Въ заключительной части своей рѣчи А. И. Добрянскій-Сачуровъ заявляетъ: „Въ виду всего этого, я не считаю пріемлемымъ проектъ большинства, который, какъ я сказалъ, отрицая существованіе народовъ государства, какъ-бы стремиться ввести употребленіе понятія „мадьярскій народъ“, вмѣсто „населеніе“; ибо я убѣжденъ, что такое измѣненіе основныхъ государственныхъ законовъ, т.-е. конституціи, не можетъ быть юридически проведено иначе, какъ на основаніи добровольнаго соглашенія въ этомъ смыслѣ заинтересованныхъ народныхъ корпорацій“ (стр. 12).

Проектъ большинства заключаетъ въ себѣ духовную смерть не-мадьярскихъ народовъ, а смертию нельзя наказывать народы, состав-

вляющіе къ тому же большинство населенія; впрочемъ, по мнѣнію оратора, мадьярскій народъ для того недостаточно силенъ.

„Этого, господа“, — продолжалъ Адольфъ Ивановичъ, — „не слѣдуетъ упускать изъ виду ни относительно государства, которое, состоя изъ нѣсколькихъ народовъ, не можетъ отступить отъ слѣдующей своей указанной въ конституціи цѣли, — что оно обязано одинаково поддерживать благосостояніе всѣхъ этихъ народовъ — и, такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи не можетъ подавлять большинствомъ голосовъ свои составныя части; ни при частныхъ обществахъ, которыхъ общія собранія на основаніи закона 1849 года („de societatis actionariis“, т. е. „объ акціонерныхъ обществахъ“) во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ могутъ, правда, переголосовывать всѣхъ остающихся случайно въ меньшинствѣ членовъ общества, но не относительно опредѣленной уставомъ цѣли, такъ какъ ея измѣненіе, хотя бы принятое общимъ собраніемъ, даетъ меньшинству право выйти изъ общества и потребовать назадъ вложенныя деньги съ соответствующимъ процентомъ“ (стр. 13).

По этому мнѣнію вождя угро-русовъ, сеймъ не имѣетъ права даже приступить къ обсужденію проекта большинства.

Переходя къ проекту меньшинства, ораторъ замѣчаетъ, что проектъ этотъ, „который съ одной стороны обезпечиваетъ основанное на нашей конституціи существованіе и развитіе народовъ государства и даже справедливыя національныя притязанія меньшихъ народныхъ обломковъ; съ другой стороны — не требуетъ для отдѣльныхъ народовъ *территорій, чего бы они, однако, на основаніи исторіи и законовъ могли требовать*; даже опредѣляетъ исключительное употребленіе мадьярскаго языка какъ въ законодательствѣ, такъ и въ дѣлопроизводствѣ центральнаго правительства, что они, однако, на основаніи упомянутыхъ законовъ также могли бы оспаривать, — представляетъ весьма удобное основаніе для подробнаго обсужденія (стр. 13).

Хотя законопроектъ этотъ „требуетъ для *отдѣльныхъ народовъ гораздо меньше*“ того, чего они имѣли бы право требовать, Адольфъ Ивановичъ готовъ уступить большинству во всемъ, что *не заключаетъ духовной смерти не-мадьярскихъ народовъ*“, напр., въ вопросѣ о національныхъ флагахъ, о границахъ административныхъ дѣленій Угрии и во всемъ другомъ, „если бы было оговорено:

„1) что *всѣ народы*, которые перечислены въ 25 раздѣлѣ 3 части тройнаго законника, *составляютъ одно нераздѣльное населеніе (populus) угорскаго государства*;

„2) что народы эти призваны въ качествѣ корпорацій единственно къ развитію своего языка и народности, слѣдовательно къ дѣятельности на культурномъ полѣ, и что въ этомъ отношеніи каждый народъ оставленъ своимъ собственнымъ силамъ безъ права имѣть притязанія на какую бы то ни было помощь другого народа или государства;

„3) что народамъ этимъ, какъ корпораціямъ, не подобааетъ пользование никакими другими правами, особенно—политическими, такъ какъ политическій факторъ всего государства, области или отдѣльной общины есть законно собранное представительство населенія государства, области или общины, а также всякій гражданинъ лично безъ различія народности“ (стр. 14).

Отмѣтивъ, что эти пункты не содержатъ въ себѣ ничего новаго, кромѣ того ограниченія, что народамъ не принадлежатъ политическія права; выразивъ готовность принять даже проектъ большинства, если въ него будутъ включены эти три пункта,—что могло бы успокоить хоть самыя умѣренныя партіи не-мадьярскихъ народовъ; извинившись, что противъ своего обыкновенія произнесъ такую длинную рѣчь,—что было необходимо, для того, чтобы свѣтъ и Угрія знали, какъ умѣренны были требованія не мадьярскихъ народныхъ депутатовъ,—А. И. Добрянскій-Сачуровъ кончаетъ свою рѣчь слѣдующими словами:

„Общество нашего отечества должно узнать, что согласному рѣшенію національнаго вопроса *не помѣшали* находящіеся въ совершенномъ меньшинствѣ и дѣлающіе всѣ согласимыя съ жизнью народовъ уступки *народные депутаты*, а помѣшало то, высказанное съ другой стороны, требованіе, по которому мы должны были отречься отъ единственной коренящейся въ нашихъ основныхъ законахъ *гарантіи нашей народной жизни* и даже *рѣшить нашу народную смерть*,—а въ подобномъ рѣшеніи мы даже не считаемъ компетентными ни себя, ни все законодательное собраніе.

„Если же, несмотря на то, было бы рѣшено большинствомъ голосовъ исключеніе не-мадьярскихъ народовъ изъ нашего законника или ихъ уничтоженіе,—мы какъ послушные граждане, не можемъ, правда, сопротивляться такому проявленію власти,—но едва ли такое рѣшеніе

національнаго вопроса будетъ кого-либо одушевлять, или въ минуту опасности побуждать къ жертвамъ; а потому прошу уважаемую палату, чтобы она изволила... принять во вниманіе, что государство—не цѣль, а средство къ благополучію всѣхъ народовъ, т.-е. населенія, и что въ случаѣ замѣны единственно законнаго населенія (*populus*) мадьярскимъ народомъ и хорватскіе представители не могли бы занять мѣста въ этой палатѣ, такъ какъ съ ними законодательныя собранія, согласно ихъ адресамъ 1861 г., желали договариваться, какъ со свободнымъ народомъ.

„Я знаю, какъ трудно стоящему на вершинѣ могущества, будь то отдѣльный человекъ или корпорація, уступать или хотя, какъ въ настоящемъ случаѣ, немного отступить отъ намѣченнаго пути, ибо льстивыя слова унижающихся передъ силою всегда любятъ преувеличивать, даже представлять несокрушимымъ могущество; знаю, что многіе отъ рѣшенія путемъ закона духовной смерти не-мадьярскихъ народовъ ждуть ихъ скорѣйшаго *омадьяренія*, а тѣмъ самымъ значительнаго увеличенія мадьярскаго народа, что еще болѣе затрудняетъ отступление отъ намѣченнаго пути.

„Но я убѣжденъ въ томъ, что стоящіе на вершинѣ могущества больше всего должны остерегаться возвеличенія со стороны льстецовъ и примириться съ тою вѣчною истиною, что *всякое мірское могущество преходяще*. Итакъ, сильный долженъ, даже съ успѣхомъ, тогда только можетъ исполнить справедливыя, а тѣмъ болѣе основанныя на естественномъ правѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на положительномъ законѣ притязанія, пока его могущество еще не поколеблено, или пока его уступчивость можетъ считаться плодомъ доброй воли.

„Что же касается будущаго *омадьяренія* не-мадьярскихъ народовъ, то его возможности я не отрицаю относительно тѣхъ обломковъ, которые находятся разсѣянными по мѣстностямъ, населеннымъ преимущественно мадьярскимъ народомъ, особенно если мадьярскій народъ, какъ мы того хотимъ, будетъ не угнетателемъ остальныхъ народовъ, а ихъ вождемъ, чтобы мы такимъ образомъ могли пользоваться благословеннымъ согласіемъ; *омадьяреніе* же многомилліонныхъ массъ не-мадьярскихъ народовъ, принимая во вниманіе не только то существенное обстоятельство, что народы эти составляютъ большинство населенія государства, но и наше географическое положеніе, я считаю совершенно невозможнымъ, будучи убѣжденъ въ томъ, что и *Урїя такъ мало будетъ или можетъ быть когда-либо мадьярскою, какъ Турція будетъ или можетъ быть когда-либо турецкою*“ (стр. 15—16).

Кромѣ перечисленныхъ рѣчей, А. И. Добрянскому-Сачурову принадлежатъ еще „Запросъ“ и „Предложеніе“, которые касались слѣдующаго:

8) *Запросъ* министру юстиціи о томъ, намѣренъ ли онъ еще въ текущую сессию внести три законопроекта, направленныхъ къ ликвидація остатковъ крѣпостного права во всей Угріи (тогда обсуждались 2 законопроекта, касающіеся виноградниковъ, значить выгодные почти исключительно мадьярамъ; несмотря на это, А. И. Добрянскій-Сачуровъ защищалъ эти законопроекты, такъ какъ желалъ блага и своимъ національнымъ противникамъ мадьярамъ).

9) *Предложеніе* сеймовыхъ депутатовъ А. И. Добрянскаго-Сачурова и двухъ Румынъ—Влада и Медана сейму постановить, чтобы министръ вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія въ возможно скоромъ времени внесъ законопроектъ объ устройствѣ національныхъ соборовъ румынской и русской униатскихъ церквей, а пока добился созыва временныхъ соборовъ на такомъ же основаніи, какое уже принято въ законодательномъ порядкѣ для православной церкви (въ *предложеніи* указывается, что условія униі угорскихъ румынъ и русскихъ—сохраненіе восточнаго обряда, церковнаго права и выборъ епископовъ—не соблюдаются: избирается одинъ только семиградскій митрополитъ, остальныхъ епископовъ назначаетъ папа; въ брачныхъ дѣлахъ не соблюдаются законы восточной церкви; даже обрядъ приходитъ въ упадокъ).

Въ 1867 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ, какъ сказано, вышелъ въ отставку и по истеченіи срока депутатскихъ полномочій поселился въ своемъ имѣніи—селѣ Чертежномъ, гдѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, по прежнему принималъ видное участіе въ жизни Угорской Руси.

Его вторичному избранію въ сеймъ мадьяры, правда, воспрепятствовали грубою силою, но онъ состоялъ председателемъ основаннаго имъ въ 1864 г. Общества Василія Великаго въ Ужгородѣ. Его стараніями въ Пряшевѣ учреждено Общество Іоанна Крестителя. Кромѣ того, Адольфъ Ивановичъ давалъ направленіе и оказывалъ поддержку угро-русскимъ и даже словацкимъ повременнымъ изданіямъ, а также принималъ дѣятельное участіе и въ галицко-русской печати. Но особенно много занимался А. И. Добрянскій-Сачуровъ церковными дѣлами. Видя, что послѣдніе остатки Православія въ угро-русской церкви—восточный обрядъ и восточные каноны—приходятъ въ упа-

докъ, что на назначеніе епископовъ правительство смотритъ, какъ на орудіе омадьяриванья, а римско-католическіе епископы видятъ въ этомъ средство для обращеніе въ латинство,—Адольфъ Ивановичъ не могъ не задумываться надъ тѣмъ, какъ бы спасти свою церковь отъ непрощенныхъ опекуновъ—латинскаго духовенства и мадьярскихъ властей: плодомъ этихъ размышленій была слѣдующая программа:

1) учрежденіе, кромѣ существующихъ Мукачевской и Пряшевской, еще третьей—Мараморышской—русской уніатской епархіи, съ возведеніемъ епископа Мукачевскаго въ санъ митрополита;

2) митрополитъ и епископы избираются, согласно условіямъ уніи, духовенствомъ и народомъ;

и 3) высшая власть въ угро-русской церкви принадлежитъ собору, состоящему, какъ въ православныхъ церквахъ угро-сербской и угро-румынской, изъ представителей духовенства и мірянъ.

Въ случаѣ осуществленія этихъ предначертаній, угро-русская церковь, ставши могла бы безпрепятственно приступить къ очищенію обряда и возстановленію древнихъ каноновъ (съ учрежденіемъ митрополіи, въ дѣла о разводѣ, напр., не могли бы вмѣшиваться не признающіе никакого развода латинскіе архіепископы).

Первою попыткою провести въ жизнь эту программу, принятую и румынами въ примѣненіи къ своей церкви, было вышеупомянутое предложеніе (1868 г.) сеймовыхъ депутатовъ Добрянскаго-Сачурова, Влада и Медана.

Обстоятельства, казалось, благопріятствовали осуществленію намѣреній, А. И. Добрянскаго-Сачурова. Сеймъ только-что принялъ законъ (9: 1868) объ автономіи угро-сербской и угро-румынской православныхъ церквей, въ 9-й статьѣ котораго было оговорено, что, если бы въ Угріи явились православные—не-сербы и не-румыны, то правительство обязано дать и имъ широкую автономію. На какомъ же основаніи могла законодательная власть отказать уніатамъ въ томъ, что она только-что дала и въ будущемъ обѣщала давать православнымъ?

Вопросъ объясняется просто:

Мадьярамъ стыдно было признаться, что они согласились на автономію православныхъ церквей только изъ боязни отнимать у нихъ

права, полученныя ими отъ австрійскихъ императоровъ (отчасти въ XVII—XVIII вв., отчасти въ эпоху абсолютизма 1850-хъ годовъ); что автономію эту они, мадьяры, при первомъ удобномъ случаѣ обратятъ въ пустой звукъ, а давать автономію тѣмъ, у кого ея еще нѣтъ, они и вовсе не намѣрены.

Мадьярскіе политики развили поэтому агитацію за автономію въ Угріи всей католической церкви со включеніемъ русскихъ и румынскихъ униатовъ. Съ этой цѣлью въ 1868 г. примасъ Угріи, кардиналъ Шиморъ, созвалъ въ Будапештѣ католическій соборъ изъ представителей угорскихъ католиковъ (и униатовъ) какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго званія.

На соборъ прибылъ также А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ качествѣ представителя Землинскаго округа. Онъ потребовалъ, чтобы угро-русская церковь была въ будущемъ представлена на общемъ соборѣ угорской католической церкви корпоративно, т.-е. чтобы члены общаго собора отъ угро-руссковъ избирались на ихъ особомъ соборѣ, и при этомъ заявилъ, что онъ и угро-русскіе единомышленники только въ томъ случаѣ примутъ участіе въ работахъ собора, если послѣдній заранѣе дастъ свое согласіе на исполненіе этого ихъ требованія. Однако, мадьярское большинство собора, къ которому примкнулъ и Мукачевскій епископъ Панковичъ съ кучкою своихъ прислужниковъ, не пошло на встрѣчу справедливымъ требованіямъ угро-руссковъ. Оно лишь приняло автономію руководимой мадьярами католической церкви. Въ виду этого, Адольфъ Ивановичъ покинулъ соборъ и составилъ противъ его рѣшенія возраженіе, одобренное также и другими истинными представителями угро-русской церкви и покрытое множествомъ подписей ея членовъ. Это мужественное заявленіе признаннаго національнаго вождя Угорской Руси и тождественное ему выступленіе угро-румынъ были одною изъ причинъ того, что всѣ разглагольствованія членовъ собора остались безъ послѣдствій, и мадьярамъ тогда не удалось безповоротно подчинить угро-русскую церковь. А. И. Добрянскій-Сачуровъ обнаружилъ при совѣщаніяхъ свои глубокія богословскія познанія, на которыя ничего не могли возразить даже враги. Его рѣчь, сказанная на соборѣ 31 Мая (12 Юня) 1869 года была напечатана въ мадьярской газетѣ „Autonomia“ (1869, № 147). Вопросу объ автономіи угро-русской церкви посвящена также и принадлежащая его перу передовая статья въ „Свѣтъ“ за 1871 г. (№ 2 и „Прибавленіе“ къ нему).

Шовинизмъ и ненависть мадьяръ по отношенію къ А. И. Добрянскому-Сачурову усиливались съ каждымъ годомъ. Мадьяры еще въ

1848—49 и 1868 г. г. хотѣли убить Адольфа Ивановича, но этого имъ сдѣлать къ счастью не удалось. Послѣ засѣданій католическаго собора, къ числу враговъ вождя Угорской Руси присоединились также и нѣкоторые мадьярскіе и мадьяронскіе священники съ угро-русскимъ измѣнникомъ епископомъ Панковичемъ во главѣ. По наущенію послѣдняго въ 1870 году, во время общаго собранія членовъ Общества св. Василя Великаго въ Ужгородѣ, мадьярскіе гонимцы напали на коляску, въ которой ѣхалъ сынъ Адольфа Ивановича—Мирославъ Адольфовичъ († 1898 г. въ Холмѣ), и, получивъ на вопросъ: „Кто ѣдетъ?“ отвѣтъ: „Добрянскій“, вытащили юношу изъ коляски и нанесли ему нѣсколько ударовъ саблями по головѣ, причинивъ глубокія раны, которыя—окажись въ коляскѣ, вмѣсто 21-лѣтняго юноши, 52-лѣтній вождь угро-руссовъ—могли бы быть смертельными. Для угорскихъ отношеній характерно то, что совершенное средь бѣла дня это дикое, возмутительное преступленіе осталось совершенно безнаказаннымъ.

Покушеніе на Адольфа Ивановича имѣло весьма печальныя послѣдствія для дальнѣйшаго культурнаго развитія Угорской Руси. Онъ не могъ уже больше появляться на собраніяхъ угро-русскихъ Обществъ и своимъ убѣдительнымъ и краснорѣчивымъ словомъ воодушевлять ихъ на работу. Поэтому ихъ дѣятельность стала замѣтно падать, пока не замерла окончательно. Прекратили свое существованіе также и газеты: сперва „Свѣтъ“ (1867—1871), затѣмъ, его преемникъ—„Новый Свѣтъ“ (1871—1873). Вмѣсто нихъ сталъ выходить полумадьярскій „Карпатъ“, который, по смерти своего редактора священника Н. Ю. Гомичкова, несмотря на тринадцатилѣтнее существованіе (1873—1886), не могъ, однако, продолжаться изъ-за недостатка читателей, не сочувствовавшихъ мадьярофильскому направленію этой газеты.

Въ 1875 г. Адольфъ Ивановичъ ѣздилъ въ Россію, гдѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ. Изъ большихъ городовъ онъ побывалъ въ Варшавѣ, Вильнѣ, Петроградѣ, Москвѣ и Кіевѣ; поклонился православнымъ русскимъ святынямъ; представлялся государю цесаревичу Александру Александровичу, который его „съ небывалою снисходительностью принималъ и увѣрялъ, что высоко будетъ держать всегда прапоръ славянскій“ (изъ письма А. И. Добрянскаго-Сачурова къ проф. А. С. Будиловичу, написаннаго въ концѣ 1894 года). Былъ въ Петроградскомъ отдѣлѣ Славянскаго Комитета, познакомился со многими русскими людьми: К. П. Побѣдоносцевымъ, который потомъ съ нимъ переписывался и нерѣдко навѣщалъ его въ Иннсбрукѣ, И. П. Корниловымъ, гофмаршаломъ Г. П. Алексѣевымъ, въ малороссійскомъ имѣніи кото-

раго гостилъ нѣсколько недѣль, кн. Дундуковымъ-Корсаковымъ, М. Н. Катковымъ, И. С. Аксаковымъ, С. М. Соловьевымъ и другими.

Живя въ имѣніи, А. И. Добрянскій-Сачуровъ много посвящалъ времени литературнымъ трудамъ; за эти (1869—1881) годы, кромѣ уже упомянутыхъ, имъ были напечатаны слѣдующія сочиненія:

„Проектъ политической программы для Руси австрійской“ (1881 г.), „Патріотическія письма“ (1873 г.), „О западныхъ границахъ Подкарпатской Руси, со временъ св. Владиміра“ (1880 г.), „Отвѣтъ угро-русскаго духовенства Пряшевской епархіи своему епископу“ (1881) и „Аппеляція къ папѣ отъ имени угро-русскаго духовенства Пряшевской епархіи по вопросу о ношеніи униатскими священниками бороды“ (1881 г.).

Остановимся на разсмотрѣніи основанной мысли и содержанія каждаго изъ этихъ сочиненій.

Въ разсужденіи „Проектъ политической программы для Руси австрійской“ (1871 г.) А. И. Добрянскій-Сачуровъ доказываетъ необходимость автономіи для всей австрійской Руси, подъ которой онъ разумѣетъ не только русскія части Галичины и Буковины, но также и Угорскую Русь. Последняя согласно проекту должна, послѣ устранения двойственности, составлять одно административное цѣлое съ Галичиной и Буковиной и находиться въ составѣ федераціи австро-угорскихъ народовъ, которая будетъ именоваться Австріей. Отсюда и происходитъ принятое авторомъ названіе,—*австрійская Русь*.

Ходъ всего изложенія слѣдующій.

Галицко-русскій, или австрійско-русскій, вопросъ не является мѣстнымъ, наоборотъ, въ его разрѣшеніи заинтересовано все австро-угорское государство. Такъ какъ оно должно, рано или поздно, преобразоваться изъ дуалистическаго въ федеративное, то и австрійской Руси необходимо заранѣе выяснить свои требованія и выработать опредѣленную политическую программу.

„Представляю затѣмъ Радѣ русской,—говоритъ авторъ,—на которой лежитъ обязанность защиты правъ цѣлой Руси австрійской, покорнѣйшее внесеніе, дабы возвала всѣхъ патріотовъ изъ Галиціи,

Угорь и Буковины до предложенія требованій, и дабы на основаніи тѣхъ же занялась составленіемъ полной *политической* программы“ (стр. 4).

При изложеніи программы необходимо исходить изъ того соображенія, что русскій народъ, живущій въ Австріи, является „только частью одного и того же народа русского, мало—бѣло—и великорусского,—имѣеть одну съ нимъ исторію, одни преданія, одну литературу и одинъ обычай народный“ (стр. 9—10).

Это народно-бытовое единство русскаго народа не въ силахъ нарушить даже сепаратистическая дѣятельность украинomanской партіи, которая,—по мнѣнію автора,—когда убѣдится въ „невозможности воскресенія Украины въ предѣлахъ монархіи австрійской“ должна будетъ солидарно трудиться со „всею интеллигенціею нашей“ (стр. 6).

Затѣмъ указывается на недовольство дуализмомъ всѣхъ (за исключеніемъ нѣмцевъ и мадьяръ) народовъ государства, такъ какъ онъ построенъ на противоестественномъ началѣ господства нѣмецко-мадьярскаго меньшинства надъ славяно-романскимъ (румыны и итальянцы) большинствомъ.

Дуалистическая система въ частности очень невыгодна и для русскаго народа, такъ какъ дѣлитъ его на двѣ части: австрійскую (Галичина и Буковина) и угорскую (Угорская Русь). Итакъ, Австрія должна преобразоваться изъ дуалистическаго государства въ *федерацию народовъ*. А такъ какъ большинство ея населенія составляютъ славяне, то отсюда вытекаетъ необходимость, чтобы Австрія была какъ во внутренней, такъ и во внѣшней своей политикѣ вполнѣ *славянскимъ* государствомъ.

Обсуждая положеніе восточнаго вопроса и касаясь вмѣстѣ съ тѣмъ могущества Германіи, только что объединившейся послѣ удачной для нея франко-прусской войны (1871 г.), авторъ выражаетъ увѣренность, что объединенной Германіи будетъ служить противовѣсомъ Россія, „разумѣется, въ союзѣ съ племенемъ славянскимъ“ (стр. 30).

Говоря о будущей, неизбежной войнѣ Россіи съ Германіей изъ-за балканскаго вопроса, А. И. Добрянскій-Сачуровъ дѣлаетъ свои предположенія, которыя свидѣтельствуютъ не только о его горячемъ славянолюбіи, но и замѣчательно вѣрномъ пониманіи задачъ славянской политики Россіи.

Такъ какъ будущая русско-нѣмецкая, или славяно-германская, война должна привлечь на сторону Россіи всѣхъ славянъ, то необходимо предварительно достигнуть русско-польскаго примиренія. Для этого,—по мнѣнію автора,—желательно и справедливо было бы въ лицѣ политики славянской, дабы Поляки назадъ приобрѣли природныя и нравственныя условія своего быта и развитія національнаго въ предѣлахъ цѣлой имперіи россійской, такъ само было бы совершенно справедливо и необходимо, еслибъ они точно исполняли всѣ основательныя требованія державной идеи россійской“ (стр. 41).

Въ своемъ „Проектъ“ А. И. Добрянскій-Сачуровъ затронулъ многіе вопросы внутренней и внѣшней политики Австріи, разсмотрѣвъ ихъ въ тѣсной связи съ положеніемъ и ролью русскаго народа и всего славянства. Впослѣдствіи онъ къ этимъ вопросамъ еще вернулся, и въ цѣломъ рядѣ сочиненій разработалъ ихъ болѣе подробно.

Замѣчавшееся уже въ началѣ 1870-хъ годовъ, съ одной стороны, распространеніе въ Галичинѣ поддерживаемаго поляками украинофильства, которое уже тогда стало принимать формы мазепинства, а съ другой—косность „старо-русской“ партіи, заставили всегда чутко прислушивавшагося къ народнымъ дѣламъ А. И. Добрянскаго-Сачурова выступить во львовской газетѣ „Слово“ съ цѣлымъ рядомъ статей подъ общимъ заглавіемъ „Патріотическіи писма“. Въ нихъ онъ задался цѣлью разсмотрѣть четыре основныхъ вопроса: 1) малорусское движеніе въ южной Россіи, 2) малорусское движеніе въ Австріи, 3) возрожденіе славянскихъ народностей въ Австріи и Турціи и, наконецъ, 4) панславизмъ и его послѣдствія (стр. 4). Но въ отдѣльномъ оттискѣ (Львовъ, 1873 г., стр. 157) изложены только первый вопросъ и часть второго.

Въ предисловіи (стр. 3—11) авторъ разъясняетъ цѣль и стиль своихъ „Писемъ“, при чемъ особенно подчеркиваетъ вредъ, приносимый русскому дѣлу въ Австріи, какъ украиноманствомъ, подъ знаменемъ котораго искажается правописаніе, дѣлается безобразнымъ малорусское нарѣчіе и поддѣлывается исторія (стр. 7), такъ и рутенствомъ, которое, хотя и считаетъ себя русскимъ движеніемъ, но для русскаго народа тогда сдѣлало еще очень мало, почему и нуждается въ совершенно новыхъ началахъ для своей работы (стр. 9—10).

Въ первой части „Патріотическихъ писемъ“ (стр. 13—74), посвященной исторіи украинофильства въ Россіи, А. И. Добрянскій-Сачу-

ровъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что движеніе это въ первой половинѣ XIX в. имѣло характеръ социальный (въ отличіе отъ Славянскаго Возрожденія, имѣвшего народную, или даже политическую окраску), и что въ благородномъ стремленіи къ освобожденію и просвѣщенію крестьянъ, малорусскіе патріоты шли рука объ руку съ великорусскимъ обществомъ. Только подъ воздѣйствіемъ романтизма и особенно Славянскаго Возрожденія украинофильство стало народно-политическимъ движеніемъ. Дѣятели Славянскаго Возрожденія часто принуждены были начинать съ изобрѣтенія азбуки, выбора правописанія и образованія литературнаго языка; за все это безъ всякой надобности принялись ихъ малорусскіе подражатели, нашедшіе себѣ въ свою очередь подражателей въ лицѣ польскихъ комиссаровъ и мадьярскихъ министровъ...

Свою странную поэзію украинофильскіе дѣятели внесли въ правописаніе, этнографію и исторію. Заговоривъ объ исторіи, авторъ указываетъ на то, что малорусское козачество не было едино, а дѣлилось на городовыхъ и запорожскихъ козаковъ, изъ которыхъ первые издавна, а вторые со временъ Стефана Баторія были въ зависимости отъ Польши, и что казаки никогда не составляли особаго народа (стр. 62). Когда же возникли правильныя войска, то одна часть козаковъ поступила на военную службу, а другая—занялась земледѣліемъ и слилась съ сельскимъ сословіемъ (стр. 63). Но свободные прежде казаки не могли примириться съ крѣпостнымъ состояніемъ; поэтому только освобожденіе крестьянъ окончательно упрочило единство всего русскаго народа.

Во второй части, посвященной „малорусскому движенію въ Австріи“, авторъ задается цѣлью: во-первыхъ, точно и всесторонне опредѣлить наши австрійско-русскія и обще-русскія задачи и, во-вторыхъ, найти новые пути для достиженія лучшихъ и счастливѣйшихъ отношеній (стр. 76). Съ этой цѣлью Адольфъ Ивановичъ разбираетъ основныя теченія русской исторіи (стр. 81—157), причѣмъ отмѣчаетъ единство всей русской земли со включеніемъ Галичины въ дотатарскій періодъ (862—1240 г.г.), съ особеннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдитъ за собираніемъ Руси отъ Калиты до Екатерины II и въ яркихъ краскахъ изображаетъ печальныя для западныхъ вѣтвей русскаго народа послѣдствія навязанныхъ имъ поляками Люблинской и Брестской уній. Разсматривая новѣйшую исторію австрійской Руси, А. И. Добрянскій-Сачуровъ между прочимъ говоритъ, что „изъ исторіи предыдущихъ столѣтій давно увѣрились мы въ національномъ единствѣ всѣхъ русскихъ отраслей“, а потому даже находясь подъ властью Габсбурговъ

и исполняя обязанности австрійскихъ гражданъ, мы всегда должны трудиться для осуществленія общерусскихъ задачъ. И лишь въ тѣсной связи съ нашими общерусскими задачами и въ духъ нашего историскаго призванія могли бы наши спеціальныя австрійско-русскія задачи „пріобрѣсти истинно патріотическій смыслъ и историческое значеніе“ (стр. 153—154). Указавъ далѣе на то, что въ первое время послѣ присоединенія къ Австріи правительство признавало наши племенные связи со всѣми прочими отраслями русскаго народа (стр. 156), и что галицкіе и угорскіе русскіе доказали свою преданность престолу между прочимъ „въ лютыхъ войнахъ съ Наполеономъ“ (стр. 157),—А. И. Добрянскій-Сачуровъ ставитъ вопросъ: почему остались невыполненными до сихъ поръ наши главнѣйшія австрійско-русскія и общерусскія задачи? (стр. 157). На этомъ и кончается разбираемый оттискъ.

Занимаясь церковными и общественными дѣлами, Адольфъ Ивановичъ не забывалъ также о наукѣ, особенно объ исторіи своей родины—Подкарпатской Руси, вопросъ о западныхъ границахъ которой, даже современныхъ, все еще считается спорнымъ, и нерѣдко, даже подъ перомъ выдающихся ученыхъ, получаетъ невѣрное освѣщеніе. Желая разъяснить хоть историческую сторону этого вопроса, А. И. Добрянскій-Сачуровъ помѣстилъ въ львовскомъ „Словѣ“ (1880 года) статью „О западныхъ границахъ Подкарпатской Руси, со временъ св. Владимира“ (перепечатанную въ томъ же году въ Журналѣ „Мин. Нар. Просв.“, часть 208, стр. 134—159). Указавъ на то, что, по даннымъ Начальной лѣтописи, „Русь граничила въ X в. на юго-западъ съ государствами Польскимъ, Чешскимъ и Угорскимъ“ (стр. 134), но что вопросъ объ этихъ границахъ не разработанъ, авторъ въ первой части статьи (стр. 135—139) на основаніи историческихъ документовъ, подтверждаемыхъ данными этнографіи (и теперь еще „между рѣками Дунайцемъ и Выслокомъ находится 172 русскихъ селеній, съ 129 русскими церквами и свыше 90,000 русскихъ жителей“—стр. 138), доказываетъ справедливость мнѣнія галицкаго историка Д. И. Зубрицкаго, „что древняя Русь простиралась до самаго Кракова, который самъ построенъ, по его мнѣнію, на почвѣ искони русской“ (стр. 138—139); во второй же части (стр. 139—159) Адольфъ Ивановичъ разсматриваетъ исторію Спиша (гдѣ онъ, какъ извѣстно, провелъ свое дѣтство) и доказываетъ, „что нынѣшній Спишъ входитъ въ составъ земель искони русскихъ, составляетъ часть наслѣдія св. Владимира“ (стр. 139). Въ этомъ его убѣждаетъ не только исторія, но и то обстоятельство, что коренные жители Спишской земли и теперь еще называютъ русскими „свою народность и славянскую церковь... Лишь въ ближайшемъ

сосѣдствѣ латинскихъ монастырей, основанныхъ мадьярами и поляками, совращены были русскіе спishaки въ римскую церковь, а съ тѣмъ вмѣстѣ пострадалъ и ихъ языкъ; по внушенію латинскихъ ксендзовъ, эти окатоличенные спishaки стали называть себя съ конца XVIII вѣка словаками, хотя ихъ говоръ рѣзко обличаетъ ихъ русское, а не словенское происхожденіе“ (стр. 155). Въ заключеніе А. И. Добрянскій-Сачуровъ указываетъ въ общихъ чертахъ древнія русско-чешскую („по водораздѣльному кряжу между теченіемъ р.р. Вага и Грона“—стр. 159) и русско-угорскую („по Дунаю между городами Остригономъ (Gran) и Вацовымъ (Waizen)“ и далѣе ломаною линіею до Семиградскихъ Альпъ) границы, которыя онъ затѣмъ разсматривалъ подробно въ своей неизданной статьѣ объ Угорской Руси.

Не добившись осуществленія своего проекта автономіи угро-русской церкви, Адольфъ Ивановичъ тѣмъ не менѣе продолжалъ всѣми силами оберегать ее отъ латинизаціи, которой настойчиво добивались мадьярскіе шовинисты. Подъ ихъ давленіемъ еще въ 1840-хъ г.г. оба угро-русскіе епископа стали брить бороды, а въ 1862 г. Іосифъ Гаганецъ, епископъ Пряшевскій, дважды воспретилъ ношеніе бороды священникамъ своей епархіи. Запрещенія эти остались однако безъ послѣдствій, такъ какъ вѣрная своей церкви и народности часть духовенства продолжала носить бороды. Поэтому въ 1880 г. преемникъ Гаганца—епископъ Николай Товтъ, опять подъ давленіемъ свыше, издалъ циркуляръ, грозившій за ношеніе бороды и длинныхъ волосъ строгими наказаніями и приказывавшій благочиннымъ слѣдить за его исполненіемъ.

Тогда А. И. Добрянскій-Сачуровъ составилъ отвѣтъ епископу, подписанный 14 священниками (первымъ подписался писатель А. И. Павловичъ), въ которомъ на основаніи постановленій Флорентійскаго собора („пусть латиняне бреютъ, а греки растятъ бороды“), папскихъ буллъ и практики угро-румынскихъ, хорватскихъ и итало-греческихъ униатовъ доказывается обязательность для униатскаго духовенства соблюденія восточнаго обряда вообще, и ношенія бороды и длинныхъ волосъ въ частности, и недѣйствительность всякаго, даже епископскаго или патріаршаго, распоряженія, внушающаго униатамъ неуваженіе къ греческому обряду. Въ заключеніе подписавшіеся выражаютъ готовность претерпѣть мученичество за свой обрядъ и намѣреніе апеллировать къ папскому престолу.

Подписавшіе этотъ отвѣтъ священники получили (каждый отдѣльно) отъ епископа новое напоминаніе о необходимости брить бороду, въ

которомъ между прочимъ говорится, будто духовенство Пряшевской епархіи добровольно отказалось отъ даннаго уніатамъ позволенія носить бороду, и только съ 1848—1849 г.г. нѣкоторые священники опять стали носить ее изъ либерализма, а съ 1860 г.—изъ либерализма и націонализма.

Замѣтивъ однако сильный отпоръ среди духовенства, еп. Николай обратился въ римскую конгрегацию *de propaganda fide* (вѣдающую, какъ извѣстно, дѣла пропаганды на Востокъ и уніатскихъ церквей) съ вопросами: 1) оставить ли въ силѣ свое распоряженіе? и 2) можетъ ли онъ наказывать непослушныхъ воспрещеніемъ служить (суспенсією)? Конгрегация отвѣтила, что циркуляръ остается въ силѣ, а непокорныхъ епископъ можетъ наказывать, но воспрещеніе служить онъ можетъ примѣнять только послѣ троекратнаго напоминанія. О такомъ рѣшеніи конгрегации Товтъ оновѣстилъ духовенство своей епархіи особымъ циркуляромъ.

На эти дѣйствія епископа Николая А. И. Добрянскій-Сачуровъ отвѣтилъ составленіемъ для духовенства Пряшевской епархіи аппеляціи къ папѣ, въ приложеніяхъ къ которой были напечатаны: 1) первый циркуляръ епископа (по-латыни); 2) его же—изданное по приказанію министра вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія—распоряженіе, чтобы священники запретили школьникамъ русскія привѣтствія (особенно „Слава Іисусу Христу!“) и пріучили ихъ къ мадыарскимъ (по-мадыарски); 3) отвѣтъ 14 священниковъ (по-латыни, стр. 3—7); 4) отвѣтъ каждому изъ нихъ епископа (по-латыни) и 5) второй циркуляръ (по-латыни).

Въ самой аппеляціи (по-латыни, стр. 11) Адольфъ Ивановичъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что епископъ издалъ свои распоряженія подъ давленіемъ мадыарскихъ шовинистовъ, мечтающихъ о созданіи „на развалинахъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій Угріи... какой-то независимой мадыарской церкви“ (стр. 1); напоминаетъ о постановленіяхъ Флорентійскаго собора и папскихъ буллъ; опровергаетъ утвержденія еп. Николая, будто уніатамъ только дозволено, а не прямо предписано носить бороды и длинные волосы, и будто духовенство Пряшевской епархіи добровольно отказалось отъ этого права, а затѣмъ опять начало растить бороды изъ либерализма; отмѣчаетъ допускаемая епископомъ, другія уклоненія отъ восточнаго обряда, презрительное отношеніе его къ послѣднему, а также къ русскому и церковно-славянскому языкамъ, которые въ официальной перепискѣ замѣнены

мадьярскимъ, вводимымъ исподволь даже въ богослуженіе; обвиняетъ архіерея въ желаніи исправлять постановленія соборовъ и папъ и даже „подвергать критикѣ дѣйствія апостоловъ и Самого Спасителя“ (стр. 10) и наконецъ, покорнѣйше просить папу: 1) отмѣнить (кассировать) постановленіе Пряшевскаго епископа и 2) внушить послѣднему, чтобы онъ не поддавался воздѣйствію мадьяръ, а напротивъ позаботился о возстановленіи въ епархіи восточнаго обряда во всей его чистотѣ.

Въ 1880-хъ годахъ галицкіе поляки предприняли рядъ рѣшительныхъ мѣръ съ цѣлью полнаго національнаго обезличенія галицко-русскаго народа. Прежде всего они постарались о томъ, чтобы отъ русскаго населенія Галичины было избрано какъ можно меньшее число представителей въ австрійскую Державную Думу. Дѣйствительно, при выборахъ 1879 г., въ вѣнскій парламентъ было избрано вмѣсто прежнихъ 16-ти, только два русскихъ депутата: В. Д. Ковальскій и Д. М. Кулачковскій. Подорвавъ, такимъ образомъ, вліяніе русскихъ галичанъ на политическую жизнь страны, поляки рѣшили ослабить также и значеніе русской церкви, для чего призвали на помощь іезуитовъ и, отдавъ въ ихъ распоряженіе два богатѣйшихъ униатскихъ монастыря—Добромилъскій и Лавровскій,—поручили имъ воспитаніе, въ чисто-польскомъ духѣ, русскихъ монаховъ-василіанъ. Кромѣ всего этого, польскіе политики усиленно поддерживали мазепинское движеніе, одновременно преслѣдуя всякое, даже самое малѣйшее, проявленіе русскаго національнаго самосознанія.

Въ это тяжелое для Галицкой Руси время лучшіе ея представители обратили свои взоры на Адольфа Ивановича Добрянскаго-Сачурова и попросили его переѣхать изъ Чертежнаго во Львовъ, чтобы стать во главѣ народной работы и помочь изстрадавшейся Галицкой Руси отстаивать свои права отъ бѣшеннаго натиска польскихъ шовинистовъ.

Адольфъ Ивановичъ съ полною готовностью принялъ предложеніе галицко-русскихъ патріотовъ, радуясь вмѣстѣ съ тѣмъ тому, что можетъ, наконецъ, оставить мѣсто своего вынужденнаго уединенія и замѣнить кабинетныя занятія живымъ практическимъ трудомъ на пользу столь горячо имъ любимой Галицкой Руси.

Осенью 1881 года А. И. Добрянскій-Сачуровъ переѣхалъ одинъ во Львовъ и остановился у зятя Ю. М. Геровскаго, а затѣмъ, устроившись окончательно, выписалъ семью.

Адольтфу Ивановичу предстояло трудное дѣло. Онъ засталъ въ Галицкой Руси общее уныніе и замѣтилъ несогласіе даже тамъ, гдѣ должно было бы царствовать единодушіе. Многіе патриоты хотя и работали для народа, но каждый порознь, почему и не могли представлять достаточной силы для успѣшной борьбы съ польскими угнетателями. Вообще чувствовалось отсутствіе объединяющаго начала, не было программы, которая бы спланивала русскихъ галичанъ въ одно идейное цѣлое.

Съ прибытіемъ А. И. Добрянскаго-Сачурова сразу началось оживленіе среди русскихъ галичанъ, а прежнее ихъ уныніе смѣнилось бодростью и вѣрой въ лучшее будущее.

Адольтфъ Ивановичъ былъ избранъ предсѣдателемъ общества „Русское Касино“, гдѣ сходились для дружеской бесѣды русскіе жители Львова. Благодаря вліянію и умѣнію этого, всеми признаннаго, русскаго вождя, сблизились между собой галицко-русскіе дѣятели, а кромѣ того старшее поколѣніе пошло навстрѣчу молодежи, чѣмъ устранялось нежелательное отчужденіе „отцовъ“ отъ „дѣтей“.

Достигнувъ большихъ результатовъ въ дѣлѣ объединенія русскихъ патриотовъ, А. И. Добрянскій-Сачуровъ обратилъ свое вниманіе также и на дѣло сплоченія представителей галицко-русской печати и, вообще стремился къ примиренію, во имя общей работы, руссофиловъ и украинофиловъ. Однако обстоятельства помѣшали Адольтфу Ивановичу осуществить всѣ его благія намѣренія.

Польскіе политики воспользовались случаемъ перехода изъ уніи въ православіе крестьянъ села Гниличевъ и затѣяли политической процессъ.

Адольтфъ Ивановичъ и его дочь Ольга Адольтфовна (по мужу—Грабаръ) вмѣстѣ съ другими русскими патриотами были въ Январѣ 1882 года неожиданно арестованы и посажены въ тюрьму, въ которой просидѣли подъ предварительнымъ слѣдствіемъ и во время судебного разбирательства цѣлыхъ полгода.

Наконецъ, 28 Апрѣля (10 Мая) 1882 г. подсудимымъ былъ объявленъ обвинительный актъ, содержащій нелѣпное обвиненіе въ государственной измѣнѣ и требующій преданія ихъ смертной казни. Главнымъ свидѣтелемъ противъ Адольтфа Ивановича былъ приславшій изъ

Будапешта полную клеветы и явной лжи записку угорскій министр-президентъ Коломанъ Тиса († 1902 г.), который нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ предлагалъ вождю угро-руссомъ министерскій портфель...

Въ своей защитительной рѣчи, произнесенной въ 9 и 10 засѣданіяхъ суда, А. И. Добрянскій-Сачуровъ подвергъ обвинительный актъ убійственной, уничтожающей критикѣ. Отмѣтивъ въ немъ всѣ противорѣчія и явныя подтасовки, Адольфъ Ивановичъ приходитъ къ выводу, что прокуроръ стремился, очевидно, внушить подсудимымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему галицко-русскому народу слѣдующее:

„а) что образованіе, честность, трезвость и незапятнанный образъ жизни, признанныя неоднократно Высочайшими мѣстами и лицами, заслуги въ отношеніи къ престолу и государству и неизмѣнная вѣрность при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ никого не могутъ охранить отъ публичнаго поруганія его имени, отъ матеріальнаго разоренія и даже тюремнаго заключенія; что всѣ означенныя качества могутъ служить даже поводомъ для обвиненія, если противъ подобнаго лица представляется подозрѣніе, что онъ приверженъ своей народности и пользуется особеннымъ уваженіемъ своихъ соплеменниковъ;

„б) что, сообразно съ этимъ, ношеніе Высочайшихъ отличій, особенно орденовъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ считаться отягчающимъ вину обстоятельствомъ;

„в) что основные государственные законы, обезпечивающіе каждому народу его языкъ и національность, свободу науки и образованія, свободу печати и совѣсти, ни мало не связываютъ прокурора и вообще власти, коль скоро имъ угодно заподозрить въ комъ-нибудь побочную цѣль при пользованіи этими законами;

„г) что каждый можетъ спастись отъ уничтоженія своей чести и имущества лишь тѣмъ... (*Предсдатель призываетъ подсудимаго къ порядку*);

„д) что мы, слѣдовательно, должны всячески обособлять нашу литературу отъ нашихъ заграничныхъ соплеменниковъ, должны отказаться отъ литературы въ собственномъ смыслѣ слова, особенно же старательно избѣгать знанія или употребленія нашего древне-славянскаго церковнаго языка, читать исключительно рекомендуемыя обвинительнымъ актомъ—за специально австрійскія тенденціи—украинофиль-

скія изданія, особенно же писанныя фонетическимъ правописаніемъ; должны воздерживаться отъ взаимныхъ посѣщеній и закрытой переписки, хотя бы то между родными, въ крайнемъ же случаѣ, можемъ пользоваться открытыми письмами, если не желаемъ провиниться въ угрожаемой смертью государственной измѣнѣ;

„е) что мы должны съ отвращеніемъ избѣгать, какъ опаснѣйшихъ враговъ Австріи, нашихъ православныхъ соплеменниковъ во Львовѣ, Буковинѣ и Угріи и вообще всѣхъ приверженцевъ греко-восточной церкви; должны, по примѣру г. прокурора, называть ихъ браннымъ именемъ схизматиковъ и питать убѣжденіе, что если бы кому-либо изъ греко-уніатовъ заблагоразсудилось перейти къ греко-восточной церкви, по одиночкѣ или въ сообществѣ нѣсколькихъ лицъ, то это была бы, по обвиненію, апостазія, т.-е. отпаденіе къ язычеству, и что подобнымъ лицамъ никакъ нельзя вѣрить въ переходъ по религіозному убѣжденію, а наоборотъ, слѣдуетъ разсматривать ихъ, безъ дальнихъ околичностей, какъ государственныхъ измѣнниковъ;

„ж) что редакторы должны въ будущемъ издавать свои журналы на такомъ языкѣ и правописаніи, а вдобавокъ въ такомъ церковномъ и политическомъ направленіи, какое нравится г. прокурору, подъ страхомъ не только частыхъ конфискацій и, слѣдовательно, матеріальнаго разоренія редакторовъ, но и ихъ ареста, какъ государственныхъ измѣнниковъ, если они напечатаютъ статьи, противъ которыхъ ни законъ, ни прокуроръ не могли возразить въ свое время, и хотя бы съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ;

„з) что общества, гдѣ занимаются чтеніемъ газетъ, билліардною и карточною игрою или устройствомъ общественныхъ увеселеній, и которыя потому очень подозрительны въ политическомъ отношеніи, никакъ не могутъ избирать въ свои предсѣдатели лицъ хорошей репутаціи, особенно же имѣющихъ знаки Высочайшаго отличія; въ противномъ же случаѣ, они должны быть судимы въ государственной измѣнѣ“. (*Прокуроръ прерываетъ подсудимаго, а предсѣдатель кричитъ лишь его слова.*)

Свою замѣчательную рѣчь А. И. Добрянскій-Сачуровъ закончилъ слѣдующими словами:

„Я не знаю за собой никакой вины, которая могла бы возбудить противъ меня подозрѣніе. Если же дѣло идетъ о томъ, что я пользо-

вался правами, которыя обезпечены каждому гражданину основными законами, то я не думаю, чтобы кто-нибудь въ мірѣ могъ осудить меня по этому поводу. Если приговоръ нарушаетъ основные законы, то онъ самъ противозаконенъ, а потому такой случай не только поколебаль бы нашу правовую почву, но и вызвалъ бы крикъ негодованія какъ здѣсь, такъ и за границею и нанесъ бы намъ всенародное посрамленіе“.

17 (29) Іюля 1882 г. присяжные вынесли А. И. Добрянскому-Сачурову и шести другимъ подсудимымъ (всѣхъ было 11 человекъ) оправдательный приговоръ.

Когда Адольфъ Ивановичъ вышелъ изъ зданія суда, его встрѣтили кликами „ура“ тысячная толпа народа, а русская молодежь подняла на руки своего вождя-страдальца.

Въ тотъ же день вечеромъ состоялся ужинъ въ честь освобожденныхъ. За общемою трапезою собралось около ста представителей русскихъ галичанъ изъ Львова и провинціи, чтобы засвидѣтельствовать невинно-пострадавшимъ горячую признательность и общую любовь народа.

Адольфъ Ивановичъ въ своей рѣчи поблагодарилъ собравшихся за дорогое для него вниманіе и при этомъ заявилъ, что долженъ завтра же покинуть Львовъ и переселиться въ Вѣну.

КРИСТИНЪ

Крестинъ.

Война съ Россіей въ 1812 году и отступленіе отъ Москвы, стоившіе Франціи столько крови, не помѣшали французамъ довѣрить Наполеону еще безчисленную армію, погибшую въ 1813 году. Наконецъ, ему до послѣдней минуты предоставляютъ право организовывать національную гвардію, забирать сокровища, не смѣя даже поморщиться; и если бы онъ былъ въ Парижѣ при его защитѣ, Парижъ защищался бы до послѣдней крайности. По счастью, онъ оказался отрѣзаннымъ отъ своей столицы и послѣ битвы подъ Монмартромъ, Парижане убѣдились, что силы союзниковъ были слишкомъ велики, чтобы бояться Корсиканца. Тогда они храбро обрушили свой гнѣвъ на пораженнаго непріятели, передъ которымъ дрожали 24 часа тому назадъ. Никакіе подвиги не свидѣтельствовали о ихъ удрученности и о желаніи сбросить съ себя иго; это были низкіе рабы, которые благодаря снисходительному обхожденію съ ними союзниковъ, на другой же день, стали дерзкими въ тѣхъ оскорбительныхъ статьяхъ конституціи, которые они смѣютъ предписывать своему законному королю.

По моему эта конституція оскорбительна даже для союзныхъ монарховъ, и съ ихъ стороны большая неосторожность позволять провозглашать въ своемъ присутствіи и какъ бы съ ихъ одобренія, губительные для монархіи принципы, которые, если вкоренятся во Франціи, то не замедлятъ въ скоромъ времени поколебать власть и во всей Европѣ. Но они не видятъ опасности, или же хотятъ добровольно ей подвергаться. Въ эту минуту ихъ ослѣпляетъ и опьяняетъ слава успѣха, но рано или поздно они очнутся и поймутъ свою ошибку. Но они сами удивлены тѣмъ, что находятся въ Парижѣ и побѣдили Наполеона, и это удивленіе сильно вредитъ ихъ осторожности. Если бы нашъ добрѣйшій Государь, не вмѣшиваясь въ вырабатываемую для Франціи конституцію, ограничился тѣмъ, что сказалъ Талейрану и его сообщ-

никамъ слѣдующее: „Надѣюсь, что вы повергнете вашъ Сенать къ стопамъ Людовика XVIII, прося его о забвеніи тѣхъ преступленій, которыми Франція была полна за послѣдніе 25 лѣтъ“, этого было бы достаточно для того, чтобы король Франціи вернулся въ нее просто, со всѣми присущими его рожденію правами, безъ того, чтобы кто нибудь помыслилъ предписывать ему какія либо условія. Я увѣренъ, что конституція эта не примѣнима и не долговѣчна. Думаю, что король сможетъ ее уничтожить, если сумѣетъ воспользоваться мнѣніемъ народа, который всецѣло противъ этихъ мошенниковъ, сообщниковъ Бонапарта. Но если онъ хочетъ влиять (что вполне въ его характерѣ) и притворно одобряетъ то, что ненавидитъ всей душой, а также дать время укорениться новому порядку вещей, тогда (попомните меня) мы увидимъ во Франціи новыя смуты.

Но мнѣ, какъ и вамъ, дорогая княжна, мало до этого дѣла, лишь бы Россія процвѣтала и залѣчивала свои многочисленныя раны. Пусть французы пожираютъ другъ друга, я буду желать блага только ихъ князьямъ и никогда этой ужасной націи, и эти пожеланія не будутъ нарушать моего покоя, до тѣхъ поръ пока событія будутъ происходить на французской землѣ. Въ этотъ моментъ политическое устройство Европы является великимъ дѣломъ, на которое каждый смотритъ съ открытыми глазами. Но это не дѣло одного дня, какъ Наполеоновскій миръ, для него потребуется цѣлый конгрессъ, который создастъ свою эпоху, какъ Вестфальскій.

„Что такое Вестфальскій миръ?“ спросилъ меня вчера Титовъ. „Эго миръ, положившій конецъ тридцатилѣтней войнѣ“. — „Ахъ, я знаю эту тридцатилѣтнюю войну, называемую „Крестовыми Походами“. Вотъ каковы его познанія! Г-жа де Нуазевиль сказала мнѣ всего лишь нѣсколько словъ, о ссорѣ князя Бориса съ его belle-soeur изъ за свадьбы, о которой она говоритъ лишь какъ о возможности. Я не скажу ей, что вы мнѣ объ этомъ писали, но очень Вамъ благодаренъ за интересныя подробности. Эта Лиза, которая не хочетъ ни Браницкаго, ни Голицына, никогда о ней и не думавшихъ! Вотъ уморительно, — но имѣя такую сумасбродную мать, нельзя ожидать ничего кромѣ глупостей. Я не стану ее поздравлять, такъ какъ совершенно не желаю возобновлять съ ней переписки, изъ страха, чтобы она не предложила мнѣ свою Катеньку.

Я въ восторгѣ, узнавъ наконецъ отъ Васъ самой, что вы лѣтомъ собираетесь въ Москву. Конечно, я буду имѣть счастье Васъ тамъ ви-

дѣтъ, если Богъ дастъ, буду живъ, такъ какъ я никогда и не собирался въ Подолію. Мнѣ нужно жить въ городѣ, или вообще въ болѣе населенномъ мѣстѣ, чѣмъ у графа Маркова, гдѣ никогда не видно даже кошки. Мнѣ нужны тѣ пособія, въ видѣ книгъ и другихъ предметовъ для занятій, которые имѣются въ столицѣ (даже сожженной). Я много читаю, мало выхожу и до безумія люблю свой очагъ, когда имѣю въ немъ все, что мнѣ по душѣ.

Мнѣ очень хотѣлось быть въ Петербургѣ, въ это интересное время, но это было невозможно изъ-за моего здоровья. Положимъ даже, если бы я хорошо себя чувствовалъ, то мнѣ не позволили бы этого сдѣлать расходы. Все здѣсь стало такъ дорого, такъ необычайно дорого, что съ моими маленьки средствами не приходится откладывать ни одного рубля. Я счастливъ тѣмъ, что свожу концы съ концами. Къ тому же я ни за что не сталъ бы отрываться отъ своихъ дѣлъ, что надѣлало бы много непоправимаго. Я надѣюсь, что перемѣна къ лучшему въ торговыхъ договорахъ и разумномъ начальствѣ установитъ наконецъ равновѣсіе между доходами и расходами, но если же ничего этого не произойдетъ, то мнѣ придется навсегда остаться въ Москвѣ доживать свои грустные дни.

Понимаете ли Вы возложенное на Шувалова порученіе, и представляете ли его себѣ ужинающимъ съ Бонапартомъ, Коленкурромъ, Савари, Маре и Бертраномъ? Онъ живой человѣкъ среди мертвецовъ и вернувшись можетъ сказать, что побывалъ въ аду, гдѣ бесѣдовалъ съ знаменитыми тѣнями. О! если онъ сумѣетъ въ эти первыя минуты заставить ихъ говорить о интересныхъ вещахъ!

Княжна Туркестанова.

Петербургъ 30 Апрѣля 1814 г.

Сообщите мнѣ пожалуйста про всѣ Московскія торжества: это доставитъ мнѣ большое удовольствіе. У насъ все кончено, и теперь каждый ожидаетъ возвращенія кого-нибудь изъ своихъ. Сегодня вечеромъ пріѣзжаетъ генералъ Winsingerode, вотъ кто расскажетъ много интереснаго, я напишу Вамъ все что услышу. Думаютъ, что Государь такъ скоро не вернется, ибо ему предстоитъ еще много путешествій. Послѣ Лондона онъ поѣдетъ въ Голландію, потомъ вернется въ Парижъ, послѣ чего въ Вѣну, Дрезденъ, Берлинъ и наконецъ къ намъ черезъ южныя провинціи. Вотъ что рассказываютъ, и такимъ образомъ нужно

предполагать, что его увидятъ въ Петербургѣ лишь къ концу лѣта. Вѣроятно, 18-го Бонапартъ покинулъ Фентенбло, онъ ѣдетъ въ Провансъ, чтобы сѣсть тамъ на корабль и отправиться на свой островъ. Съ нимъ ѣдетъ, изъ жалости къ нему, нѣкій г-нъ Друэ. Можетъ быть это какой нибудь отъявленный негодяй, задержавшій въ Варенѣ Людовика XVI и ожесточенно голосовавшій за его смерть, вѣроятно это онъ—и тогда вполне понятно, что онъ сопровождаетъ Бонапарта. Наконецъ-то французская земля очистится отъ него. Марія-Луиза, вновь превратившись въ барышню, вернется къ себѣ со своимъ отцомъ, который, надо сознаться, играетъ въ настоящее время печальную роль. Впрочемъ ни онъ ни она мнѣ совершенно не интересны, такъ какъ ея бракъ былъ весьма пошлымъ. Исторія Мюрата пока не подтверждается и что будетъ съ Неапольскимъ королевствомъ еще неизвѣстно, но надо надѣяться, а особенно желать, чтобы никто изъ этой адской шайки не позорилъ бы больше ни одного трона. Сенатъ послалъ вице-королю Италіи декретъ о низложеніи Наполеона; извѣстіе объ этомъ напечатано въ Берлинской газетѣ, такъ же какъ извѣстіе о пожалованіи Лагарпу голубой ленты, которое кажется очень страннымъ и возбуждаетъ общее сомнѣніе. Говорятъ, что этотъ Лагарпъ тоже скоро пріѣдетъ въ Петербургъ. Многіе поговариваютъ уже о путешествіяхъ, особенно же путешествіи въ Парижъ. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ начинаютъ собираться въ путь. Если же и я начну свои сборы, то только для поѣздки въ Москву.

Меня ничуть не интересуетъ видѣть что бы то ни было, наоборотъ, мое равнодушіе меня даже сердитъ иногда, а иногда кажется мнѣ ниспосланной съ неба милостью. Что же касается до моихъ сестеръ, то мнѣ очень хочется, чтобы здоровье Остермана позволило бы имъ присутствовать на коронаціи Людовика XVIII. Это событіе настолько интересно, что даетъ пищу ихъ разговорамъ тетъ, на всѣ дни нашей жизни.

Я не ошиблась, предвидя весь шумъ, который должна была на-дѣлать свадьба Лизы Голицыной съ прекраснымъ *Идеаломъ* и всѣ вздорные толки, которые она должна была вызвать. Теперь оказывается, что мать де Ферзи совсѣмъ не Palfi, а просто Сапaglia, что вызываетъ всеобщій смѣхъ.

Говорятъ, что мужъ княжны Голицыной родомъ изъ страны Арлекиновъ, что мать его ужасная дрынъ и что онъ простой солдатъ. Это вздоръ, но когда люди захотятъ насмѣхаться, то всегда найдутся къ

этому поводы. Что же касается до сумасбродной матери, то она уже написала своему брату графу Шувалову, прося его объявить объ этомъ бракѣ Государю и испросить у него разрѣшеніе прекрасному узнику. Скоро все Петербургское общество перекочуетъ въ деревню: одни на Каменный Островъ, другіе въ Павловскъ, чтобы быть вблизи отъ Императрицы. *Princesse Boris* меня очень приглашаетъ ѣхать съ ней, но я объ этомъ и не думаю. По правдѣ сказать, ея домъ слишкомъ шуменъ, столько молодежи—княгиня Куракина, дѣти... я уже отсюда вижу, что я не буду имѣть покоя даже по утрамъ; ко мнѣ будутъ приходить во всѣ часы дня, что меня очень бы стѣсняло, поэтому я предпочитаю оставаться у себя и ждать, чтобы какая-нибудь добрая душа довезла бы меня до Москвы. Моя княгиня Юсупова до сихъ поръ ни слова не говоритъ о наймѣ дачи, и одинъ Богъ знаетъ, что она собирается дѣлать. Вашъ аббатъ *Mallserbe*, котораго Вы сравниваете съ г-номъ *La Terté* и *Milleville*, мнѣ не нравится, несмотря на его хорошія убѣжденія, которыя должны бы были сдѣлать изъ него хорошаго христіанина. Онъ отказывается соборовать умирающую г-жу *Durieff* потому, что ея духовникомъ былъ аббатъ *Perrin*. По моему это не хорошо, но Богъ съ нимъ.

Кристинь.

Москва, Суббота 9 Мая 1814 г.

Постижимо ли это, что 9 (21) Мая идетъ снѣгъ, что все вокругъ замерзаетъ, печи топятся, что нельзя выставлять двойныхъ рамъ и выходить безъ шубы! Вотъ что у насъ происходитъ такъ же, какъ вѣроятно и у васъ. Мое сердце сжимается болью и я вспоминаю слова одного французскаго плѣнника въ Нижнемъ въ Декабрѣ 1812 г. „Боже! какой ужасный холодъ въ этой странѣ и эти варвары зовутъ ее своей родиною!“ Она, дѣйствительно, должна имѣть большія преимущества, чтобы вознаграждать за неприятности, причиняемыя такимъ ужаснымъ климатомъ.

Ледяные вѣтры смѣняются безъ промежутка ужаснѣйшими жарамы; то же, что называется весной и осенью, совершенно неизвѣстно Россіи. Распредѣляя свои благодѣянія, Провидѣніе уничтожило эти два прелестныхъ времени года цвѣтовъ и фруктовъ, что дѣйствительно ужасно жаль...

Изъ двухъ одно: или Людовикъ XVIII, воспользовавшись восторженнымъ настроеніемъ народа, съ перваго же момента отмѣнить конституцію,

или же не пройдетъ года, какъ мы увидимъ во Франціи новыя смуты. Но онѣ будутъ, я надѣюсь, только внутреннія, и въ этомъ случаѣ признаюсь, я буду къ нимъ совершенно равнодушенъ. Я сталъ большимъ эгоистомъ, лишь-бы наша Россія была спокойна и счастлива, издали же я готовъ желать другимъ націямъ полнаго процвѣтанія, какъ желаютъ добраго дня тѣмъ, къ кому относятся равнодушно.

Я ни слова не вѣрю о пожалованіи Лагарпу голубой ленты, это было бы подѣ стать Кутайсову, но такія вещи не встрѣчаются при двухъ послѣдовательныхъ царствованіяхъ. Къ тому же я думаю, что Лагарпъ ничего такого не добивается; и любить почести и отличія меньше наблюдательныхъ философскихъ системъ. Нивелеръ ему понравится больше, чѣмъ повышение, полученное за написанное имъ. Храни насъ Богъ отъ его вліянія. Зачѣмъ онъ пріѣдетъ въ Россію? Добрый и честный русскій крестьянинъ еще не созрѣлъ, чтобы къ нему можно было прилагать принципы, которыми руководствуются Швейцарскіе кантоны. Если захотятъ сдѣлать его счастливымъ такимъ путемъ, то очень быстро все потеряютъ. Я на тысячу верстъ отбрасываю эту мысль, осуществленіе которой заставило бы меня сейчасъ же бѣжать изъ этой страны.

Г-нъ Дивовъ умеръ почти безболѣзненно, онъ лежалъ въ кровати всего лишь 48 часовъ и не подозрѣвалъ опасности. Я видѣлъ его наканунѣ: онъ ѣлъ съ аппетитомъ и шутилъ съ художникомъ, который у него живетъ. Онъ говорилъ ему: „я надѣну, дорогой Феррари, великолѣпный халатъ, красивый колпакъ и вы нарисуете меня пишущимъ завѣщаніе“. И онъ отъ всей души смѣялся надъ этой прекрасной шуткой. Онъ говорилъ любезности своей Танюшкѣ: „когда имѣешь счастье пользоваться услугами m-elle Тани, то нечего и думать о смерти и можно еще смѣяться сколько хватитъ силъ“. Потомъ онъ мнѣ говорилъ о дѣлахъ: „черезъ шесть лѣтъ я расплачусь со своими долгами, послѣ чего поѣду поправляться въ Неаполь и вернусь совершенно здоровымъ, устраивать мое Соколово и сажать тамъ чудныя деревья...“ На другой день онъ скончался. Это было третьяго дня, 7 Мая. Жена его умерла 8 Мая, въ прошломъ году. Завтра почтовый день, мы его хоронимъ, вотъ почему я написалъ свои письма заранѣе. Если почта принесетъ мнѣ что-нибудь требующее отвѣта, то я припишу его здѣсь. На этихъ дняхъ я жду графа Маркова и пока еще самъ не знаю, гдѣ его помѣщу. Его больной племянникъ занимаетъ домъ его сестры, такъ что я поручилъ искать по всей Москвѣ ему квартиру.

Воскресеніе. 10 ч. вечера. Пришла почта. Я получилъ письмо отъ графа Маркова, помѣченное 5 Мая, а отъ Васъ, ни отъ г-жи де-Нуазевиль ни слова, ни даже газеты... виновата-ли въ этомъ небрежность почтальона? Я предпочелъ бы эту причину всякой другой. Погода въ сто разъ хуже, чѣмъ вчера, и если это такъ продолжится, то завтра поѣдутъ на саняхъ.

Понедѣльникъ 11 Мая.

Зима усиливается съ каждымъ часомъ, погода такова, что нельзя выпустить собаку на улицу. Несмотря на это я былъ на похоронахъ и у г-жи Евверсъ, къ Арсеневой же не успѣлъ зайти. На похоронахъ княгиня Барятинская мнѣ сказала, что Булгаковъ пишетъ своему брату, что слухи о пожалованіи голубой ленты Лагарпу вполне вѣрны. Въ такомъ случаѣ храните въ тайнѣ все, что я Вамъ о немъ говорю. Онъ меня не любитъ и во время устроенной имъ въ Швейцаріи революціи, преслѣдовалъ мою семью. *Motus*.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ 12 Мая 1814 г.

Я кажется Вамъ уже говорила, что отношусь къ Вашимъ письмамъ съ такимъ же кокетствомъ, какъ мать къ личику своей дочери. Послѣднее Ваше письмо доставило мнѣ такое наслажденіе, что мнѣ захотѣлось показать его въ свѣтѣ и я прочла его тѣмъ, кто въ этомъ понимаетъ. Г-жа Строганова является уже обычной слушательницей, поэтому она повторила то, что уже много разъ говорила о Вашихъ письмахъ. То же скажу Вамъ и о *princesse Voldemar* и объ Апраксиной, которая разсыпалась въ похвалахъ Вашей особѣ; но все это ничто, и Вы, конечно, этого ожидали. Главное же заключается въ томъ, что Вы обязаны этому письму цѣлымъ о Васъ разговоромъ. Онъ произошелъ при г-жѣ Свѣтчиной, прелестной женщиной по уму, знаніямъ и вкусу. Не знаю почему, но она была сильно предубѣждена противъ Васъ, знаю только одно, что когда однажды я заговорила о Васъ, я не могла продолжать, такъ какъ она мнѣ закрыла ротъ, но не тѣмъ, что дурно о Васъ говорила, а тѣмъ, что отнеслась съ большимъ недо-вѣріемъ къ сказанному мною. Я ушла очень недовольная и просила г-жу де Нуазевиль прійти какъ нибудь со мной и вмѣстѣ поработать надъ обращеніемъ г-жи Свѣтчиной, но эти планы все оставались не осуществленными. Вчера же случай представился самъ собой: я поѣхала къ Свѣтчиной и встрѣтилась тамъ съ г-жею де Нуазевиль, которая

скоро вспомнила, что должна была передать Ваше письмо, что она и сдѣлала. Я сейчас же распечатала его, оно было отъ 1 Мая и прочла, потомъ, обратившись къ князю Гагарину beau-frère Свѣтчиной сказала ему: „Не хотите ли прослушать нѣсколько вѣрныхъ и хорошо выраженныхъ мыслей?“ Онъ протянулъ руки и я дала ему первый листъ, который такъ ему понравился, что онъ началъ усиленно его хвалить. Нѣсколько дней тому назадъ графъ Марковъ прочелъ ему одно изъ Вашихъ писемъ, отъ котораго онъ пришелъ въ большой восторгъ и это явилось довершеніемъ. Услыша восклицаніе Гагарина, Свѣтчина захотѣла прочесть письмо, но я ей его не дала, и вложивъ въ эту игру все возможное кокетство, продолжала его не давать, возбуждая вмѣстѣ съ тѣмъ ея любопытство и желаніе его прочесть. Но наконецъ, она поймала его, прочла, тоже съ большимъ удовольствіемъ, послѣ чего мы заговорили о Васѣ. Г-жа де Нуазевиль отлично мнѣ вторила, и скоро мы одержали побѣду, сраженіе было выиграно. Будь это другой человѣкъ, чѣмъ г-жа Свѣтчина, я не пошевелила бы пальцемъ, но для нея дѣло другое, такъ какъ она очень выдающаяся женщина, и мнѣ было крайне непріятно ея предубѣжденіе противъ человѣка, созданнаго, чтобы ее цѣнить, и котораго и она неизбѣжно должна находить въ своемъ духѣ. Итакъ, вы примирены, никогда не ссорившись.

Мы получили изъ Парижа много писемъ и газетъ. Между прочимъ г-жа Гурьева мнѣ прислала ту, въ которой напечатано оправданіе Коленкура, по поводу убійства герцога д'Авинскаго; оказывается, если хочешь этому вѣрить, онъ никогда даже не получалъ приказа его арестовать, что этотъ приказъ былъ данъ нѣкому генералу Ordener, а что онъ Коленкуръ былъ ни при чемъ, и былъ обвиненъ въ этомъ преступленіи лишь потому, что покинулъ Страсбургъ въ моментъ отъѣзда Ordener. Въ той же самой газетѣ напечатано письмо Коленкура нашему Государю и отвѣтъ послѣдняго, который очевидно снимаетъ съ него всякое подозрѣніе. Богъ знаетъ насколько это вѣрно, но г-нъ Дюльбуръ увѣрялъ меня, что ему трудно будетъ оправдаться во Франціи, чѣмъ въ Россіи, что все настолько увѣрены, что онъ везъ герцога д'Авинскаго въ Винсенъ, что никакія газеты въ мірѣ не смогутъ его оправдать. Его присоединеніе до сихъ поръ еще не напечатано и неизвѣстно, что съ нимъ будетъ.

Взгляды на конституцію кого-то неизвѣстнаго доставили Вамъ удовольствіе; эта брошюра очень осмысленна и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше Шатобріана, которая въ лучшихъ мѣстахъ испорчена нѣкоторыми обстоятельствами. Слышите ли Вы? Это противная нація!

Боже, какими они мнѣ кажутся отвратительными! А этотъ бѣдный Людовикъ XVIII, я бы ни за что не хотѣла быть на его мѣстѣ! Всѣ плѣнные освобождены и получили разрѣшеніе уѣхать; никто изъ нихъ не увозить съ собой моего сожалѣнія, лишь г-нъ Дюбуръ (хвалившій мою ногу) увозить мой башмакъ, чтобы заказать мнѣ по немъ нѣсколько паръ въ Парижѣ.

Вообще не думаю, чтобы эти господа могли похвастаться оказаннымъ имъ въ Россіи пріемомъ, развѣ только Вандамъ будетъ расхваливать г-жу Корсакову.

Прощайте, будьте здоровы и передайте отъ меня Титову тысячу любезностей, онъ великолѣпенъ со своими Крестовыми походами. Такія ошибки ему свойственны, однажды онъ увѣрялъ меня самымъ серьезнымъ образомъ, что знавалъ въ Ригѣ г-жу де Севинье, находившуюся въ связи съ Тучковымъ и писавшую плохіе романы...

Онъ спуталъ г-жу де Севинье, изъ произведеній которой не читалъ ни страницы, съ г-жей Крюденеръ.

КРИСТИНЬ.

Москва 18 Мая 1815 г.

Такъ какъ я никогда не пишу черновыхъ писемъ и не оставляю у себя съ нихъ копій, то въ большинствѣ случаевъ къ тому времени когда получаютъ на нихъ отвѣты, я забываю ихъ содержаніе. Тщегно стараюсь припомнить, о чемъ писалъ Вамъ въ томъ посланіи, которому обязанъ хорошимъ мнѣніемъ г-жи Свѣтчиной... Я начинаю думать, что издали я кажусь лучше чѣмъ вблизи. Каждый предметъ выигрываетъ на извѣстномъ благопріятномъ для него разстояніи, и искусство заключается въ томъ, чтобы вѣрно найти это разстояніе, я думаю, чтобы видѣть меня въ хорошемъ свѣтѣ, надо смотрѣть на меня на разстояніи 728 верстъ. Конечно, для меня это очень непріятно и обидно, но, что дѣлать, приходится съ этимъ мириться. Вы знаете, что въ Москвѣ у меня мало друзей и не желая оскорблять званіе друга, (унижать значенія слова другъ), я скажу, что вижу со стороны своихъ знакомыхъ очень мало къ себѣ дружелюбія. Когда-то то же приблизительно было и въ Петербургѣ. Можетъ быть, въ началѣ своего тамъ пребыванія я былъ самъ во многомъ виноватъ; но девять лѣтъ тому назадъ, когда я вышелъ изъ заключенія, всѣ двери оказались для меня закрытыми, хотя

одинъ Богъ знаетъ, что не въ одну эпоху своей жизни я не былъ такъ достоинъ хорошаго пріема отъ Русскихъ и даже правительства, какъ въ то время, но оно первое дало тонъ и примѣръ несправедливаго отвращенія.

Лишь одинъ графъ Толстой, котораго я не зналъ, пришелъ мнѣ на помощь съ мужествомъ и прямою, тѣмъ болѣе похвальными, что на него, въ качествѣ генераль-губернатора, было возложено объявить мнѣ приказъ самой суровой ссылки. Своимъ разказомъ, въ моемъ единственномъ разговорѣ съ этимъ благороднымъ человѣкомъ, мнѣ удалось заставить его принять участіе въ моей судьбѣ. Онъ сказалъ мнѣ: „Придите ко мнѣ опять вечеромъ, я поговорю съ Государемъ“. Вечеромъ все измѣнилось. Не то чтобы въ отношеніи ко мнѣ была восстановлена полная справедливость, что не сдѣлано даже и по сей часъ, но всякое преслѣдованіе было прекращено, и я по крайней мѣрѣ могъ спокойно жить тамъ, гдѣ—скажу Вамъ откровенно—долженъ былъ получить вознагражденіе и удовлетвореніе за потерянное. Это былъ періодъ моего полного отказа отъ всякой надежды на счастье, удачу; перебирая мысленно все, что я дѣлалъ за послѣдніе десять лѣтъ, тѣ несправедливости и униженія, отъ которыхъ столько страдалъ, успѣхи моихъ товарищей по службѣ, истинную цѣнность которыхъ и убѣжденія я зналъ, я твердо сказалъ себѣ, что въ успѣхѣ, котораго добиваются незаслуженно, также какъ и въ немилости, падающей на васъ въ минуту, когда вы жертвуете всѣмъ, чтобы хорошо служить, все зависитъ отъ случайности и интригъ. Я также увидѣлъ, что одинокій иностранецъ, основывающійся на своихъ небольшихъ заслугахъ, всегда остается въ тѣни и забвеніи, которыя, впрочемъ, можетъ быть лучше успѣха, обычнымъ спутникомъ котораго является всегда безпокойство. Я ни о чемъ не жалѣю, ничего не хочу, я приблизительно счастливъ, насколько это возможно въ мои годы, когда независимость является первымъ благомъ.

Если Богъ мнѣ ее сохранить и соблаговолить увеличить ее по мѣрѣ того, какъ годы увеличатъ мои потребности, я буду благословлять Его такъ же искренно и съ такой же благодарностью, какъ если бы онъ послалъ мнѣ милліоны. Я кончаю свое письмо, но вижу, что почти ничего не отвѣтилъ на Ваше и все говорилъ только о себѣ. Простите это человѣку, который непосредственно поддается своимъ мыслямъ и чувствамъ, не считаясь съ приличіями. Вѣроятно, Вамъ случалось испытывать то же самое и я увѣренъ, что часто, взявшись за перо, Вы не знаете, куда поведетъ его Ваша мысль. Вчера я видѣлъ Вашу тетюшку.

Разсказала ли Вамъ г-жа де Нуазевиль про сдѣланную мной на дняхъ глупость? Я получилъ отъ нея пакетъ, въ которомъ думалъ найти отъ Васъ письмо, и мнѣ казалось, что я уже держалъ его въ рукахъ; вдругъ я вижу на двухъ конвертахъ Вашъ почеркъ: читаю первый, — г-жѣ Арсеневой, второй, конечно, мнѣ, распечатываю его не читая надписи и съ первой же строки вижу „дорогая тетя“. Ахъ, Боже мой, что я сдѣлалъ и какъ я разсѣянъ, сказалъ я себѣ, конечно то мое, и я быстро срываю вторую печать и опять попадаю на роковое „дорогая тетя“. Увы, оба были для г-жи Арсеневой, и я ихъ распечаталъ, но эта поспѣшность объясняется цѣнностью Вашихъ писемъ, хотя мои годы должны бы были ее сократить. Дѣло въ томъ, что я былъ такъ смущенъ своей разсѣянностью, что не спалъ всю ночь, что бываетъ со мной всякій разъ, когда что-нибудь хлестнетъ меня по нервамъ. Представьте себѣ, въ какомъ я былъ неловкомъ положеніи, особенно съ моими сѣдыми волосами, когда мнѣ пришлось итти каяться въ своемъ промахѣ Вашей тетушкѣ. Это могло быть едва простительно двадцатилѣтнему молодому человѣку; но я встрѣтилъ лишь одну доброту и великодушіе.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 19 Мая 1814 г.

Ахъ, какъ Вы трогательны съ Вашимъ снѣгомъ, морозомъ и плохой погодой! Вотъ уже три дня, что у насъ стоитъ настоящее лѣто, и въ то время какъ Вы мнѣ пишете о топкѣ каминовъ и саняхъ, у меня открыты окна, ярко свѣтитъ солнце, и въ комнатѣ стоятъ великолѣпные цвѣты. Посудите сами, какое впечатлѣніе произвело Ваше письмо. Г-жа Апраксина, которая обожаетъ Москву и всегда защищаетъ ее передъ Петербургомъ, увѣряла на дняхъ, что весна тамъ начинается раньше и лѣто продолжается дольше, чего я никогда не находила; климатъ обѣихъ столицъ совершенно одинаковый. Вчера, прійдя къ ней, я торжествовала, что могла сообщить ей, что 11 Мая у Васъ выпалъ снѣгъ и что погода такова, что нельзя собаку выпустить на улицу, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ у насъ не было ничего подобнаго. Наконецъ, погода такъ хороша, что я горю желаніемъ быть въ деревнѣ, и мнѣ кажется, что несмотря на то, что зимой я совсѣмъ не ходила, теперь я могла бы ходить цѣлыми днями. Я думаю, что буду жить на Каменномъ Островѣ, такъ какъ графиня Лита не ѣдетъ въ Павловскъ съ Императрицей. Ея мужъ сдѣланъ предсѣдателемъ комитета по постройкамъ, которыя будутъ производиться къ встрѣчѣ Государя, и потому

онъ долженъ оставаться въ Петербургѣ; онъ будетъ жить на Каменномъ Островѣ, что даетъ ему возможность быть цѣлыми днями въ городѣ. Княгиня Юсупова нанимаетъ дачу тамъ же, а г-жа Строганова мнѣ уже предложила жить у нея на дачѣ.

Вы видите, что затрудненіе у меня лишь въ выборѣ. Если домъ княгини Юсуповой достаточно великъ, то я выберу ее, если же нѣтъ, то ея сестру Литу, у которой буду пользоваться еще лучшимъ обществомъ. Я въ восторгѣ, что поѣду подышать воздухомъ и видѣть зелень. А все-таки путешествіе въ Москву лежитъ у меня на сердцѣ, но возвращеніе сестеръ можетъ явиться для меня препятствіемъ. Если онѣ пріѣдутъ прямо въ Москву, и это будетъ въ концѣ моего пребыванія, то я увижу ихъ очень мало; я думаю, что мнѣ лучше ѣхать тогда, когда я узнаю, что онѣ уже пріѣхали, и вмѣстѣ съ ними проѣхать къ тетѣ на четыре или пять мѣсяцевъ. Я совершенно равнодушна ко всѣмъ удовольствіямъ и шуму Петербурга, и у меня давно уже не лежитъ къ нимъ сердце, и если даже, какъ говорятъ, къ намъ пріѣдутъ Тальма и г-жа Дюшезнуа, я готова пожертвовать удовольствіемъ любоваться ими для счастья спокойно провести зиму въ Москвѣ среди своихъ. Что Вы объ этомъ думаете? Стоите ли Вы за эти планы? Скажите мнѣ это совершенно искренно, я еще ничего не рѣшаю и могу все измѣнить въ зависимости отъ того, будетъ ли мнѣ это удобно, и я хочу знать Ваше мнѣніе. Главное же мнѣ не хотѣлось бы жариться на Коммерческой въ эти чудные дни, которыхъ у насъ и безъ того бываетъ такъ мало. Я получила письмо отъ г-жи Остерманъ, которая поручила мнѣ меблировать ея квартиру. Она требуетъ, чтобы все было красиво, нарядно, прочно и дешево. Я въ недоумѣніи, какъ все это совмѣстить. Я уже была въ ея квартирѣ со столярами; нужно отдѣлать 7 комнатъ, что не легко съ небольшими деньгами, все чрезвычайно дорого.

Я думаю, что уже больше не увижу Маркова; онъ уѣзжаетъ сегодня, а я съ нимъ не простилась какъ слѣдуетъ, это меня слишкомъ огорчило бы, я это чувствую. Богъ знаетъ, увидимся ли мы когда-нибудь. Несмотря на то, что всѣ мы знаемъ, что можно умереть во всякомъ возрастѣ, все-таки тяжело надолго разставаться со стариками, и это всегда невольно наводитъ на грустные мысли. Я всѣмъ сердцемъ хочу, чтобы онъ вернулся къ намъ раньше двухъ лѣтъ, которые онъ рѣшилъ остаться въ Подоліи.

Я его очень полюбила, и мнѣ было большимъ удовольствіемъ встрѣчать его въ обществѣ; въ немъ есть что-то доброе и чуткое; мнѣ

бы очень хотѣлось, чтобы дочь его, которую онъ такъ сильно любить, сдѣлала бы его счастливымъ, а также, чтобы Богъ открылъ бы ему глаза на нѣкоторыя истины, которыя послужили бы ему большимъ утѣшеніемъ. Но не нужно ни въ чемъ отчаяваться! Прощайте, пора разстаться. Ко мнѣ пришелъ какой то неизвѣстный господинъ, совершенно разорившійся, ему нужна помощь нашего благотворительнаго комитета, и я должна его выслушать.

Будьте здоровы. Думайте иногда обо мнѣ. Передайте отъ меня г-жѣ Толстой тысячу нѣжностей.

КРИСТИНЬ.

Москва, 26 Мая 1814 г.

Спрашивая мое мнѣніе о времени Вашего возвращенія въ Москву, дорогая княжна, Вы какъ будто хотите поставить ловушку моей правдивости и чистосердечію, такъ какъ если я склонюсь въ сторону Вашего скорѣйшаго прїѣзда, но на короткій срокъ, то Вы скажете, что я не дорожу тѣмъ, чтобы Васъ видѣть дольше, если же я посоветую Вамъ отложить Ваше путешествіе до возвращенія княженъ, чтобы пробыть съ ними дольше, что Вы будете въ правѣ думать, что я не стремлюсь Васъ видѣть скорѣе. Итакъ, я ничего не рѣшаю и говорю: прїѣзжайте скорѣе и оставайтесь съ нами подольше, и не выхожу изъ этихъ границъ. Но сравнивая свѣжесть бесѣдокъ Каменнаго Острова и зеленые берега Невы, съ ужасной лѣтней пылью торговыхъ улицъ, я не могу не забыть себя совершенно ради Васъ и не желать, чтобы Вы провели лѣто на воздухѣ, вмѣсто комнатъ Вашей тетюшки, которая никогда не открываетъ ни одной форточки, несмотря на 19 градусовъ. Прошу вѣрить, что это самый безкорыстный совѣтъ, какой я когда-либо давалъ въ своей жизни. И съ моей стороны это большая заслуга. Я пишу въ Среду на Четвергъ, потому что съ минуты на минуту, ожидаю графа Маркова. Вотъ уже восемь дней, что онъ въ дорогѣ, и онъ не привыкъ путешествовать такъ медленно. Я очень радъ, что Вы оцѣните его справедливо, я заранѣе былъ увѣренъ, что и онъ Васъ оцѣнитъ и не ошибся.

Я думаю, что онъ пробудетъ здѣсь недѣлю, и мы съ нимъ много поговоримъ о Васъ. Дѣйствительно, въ его лѣта, уѣзжая на два года, нельзя не бояться, что не вернешься, хотя онъ изъ хорошей породы въ смыслѣ здоровья. Его отецъ умеръ 76 лѣтъ, сестрѣ теперь 77, и

если она не обладает большой свѣжестью, то по крайней мѣрѣ она очень живая и здоровая. Не помню, отъ котораго числа было мое письмо, въ которомъ я опровергалъ извѣстiе о голубой лентѣ Лагарпа, но мнѣ хотѣлось бы знать, дошло ли оно до Васъ; мнѣ кажется, что Вы на него не отвѣчаете, или же можетъ быть я еще не получилъ этого отвѣта. Пока я очень волнуюсь, получили ли Вы его. Г-жа Толстая занялась богомольемъ, на нее нашло ни съ чѣмъ не сравнимое усердiе. На нее влiяетъ графиня Протасова; онѣ не пропускаютъ ни одной вечерней службы и по утрамъ бывають у двухъ обѣднѣ, не забывая постовъ и всего тому подобнаго. Великимъ постомъ маленькiй Протасовъ былъ боленъ, и доктора приказали ему ѣсть скоромное; мать, не желая возставать противъ этого и желая справедливо возмѣстить это нарушенiе, лишила себя рыбы на всѣ семь недѣль и жила только грибами, кашами и сухимъ горохомъ. Графиня Толстая перевозноситъ это до небесъ, но она напрасно старается проповѣдывать примѣромъ и словомъ, ея дочери не могутъ воспринять этого режима. „Представьте себѣ“, говорила мнѣ на дняхъ Евдокiя, „мы встаемъ съ разсвѣтомъ, чтобы итти въ церковь и приходимъ всегда раньше священника; мы ждемъ его, видимъ, какъ онъ облачается, и до обѣдни выслушиваемъ столько не нужныхъ молитвъ, что когда она начинается, мы положительно изнемогаемъ. Если бы все кончалось этимъ, это было бы еще сносно, но мама сейчасъ же тащитъ насъ на другую службу: ей никогда одной не бываетъ достаточно“. Мать смѣется надъ всѣмъ этимъ и продолжаетъ дѣлать по своему. Несмотря на это, барышни не принимаютъ участiя въ паломничествѣ, берутъ только Сашу, такъ какъ это было обѣщано во время его болѣзни. Графиня тоже везетъ съ собой жену своего духовника, и старую Калмыкову; я думаю, что скука путешествiя будетъ той жертвой, которая увеличитъ цѣнность молитвы. Въ это время можетъ вернуться мужъ, такъ какъ я не вижу, зачѣмъ нуженъ генералъ-лейтенантъ шести тысячамъ солдатъ, возвращающимся на родину, и такъ какъ отъ него давно нѣтъ писемъ, я увѣренъ, что онъ въ пути и появится въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Я съ нетерпѣнiемъ жду его; сначала онъ ничего не расскажетъ, но потомъ сердце заговоритъ, и Ваня Нарышкинъ, его адъютантъ, мнѣ все расскажетъ. Титовъ говоритъ, что послѣ того, какъ онъ долго не хотѣлъ вѣрить обвинявшимъ Толстого въ небрежности и нерадѣнiи къ службѣ, ему пришлось повѣрить этимъ къ несчастью вполнѣ основательнымъ обвинениямъ. Читать и подписывать бумаги, рѣшать, посылать курьера, для него пытка; секретари, приготовивъ все, ждуть по два, по три и четыре дня, пока онъ сочтетъ возможнымъ прочесть ихъ работу, исправить ее или признать ее правильной. Въ военномъ дѣлѣ все требуетъ быстроты,

и такая медленность можетъ только вредить стоящему во главѣ арміи. При томъ же онъ окружаетъ себя людьми недалекими какъ Муромцовъ, которые никогда не смотрятъ правильно на вещи, и все это сильно вредить ему, и ему будетъ очень трудно загладить тяжелое впечатлѣніе.

Говорятъ, что Государь пріѣдетъ въ Іюнь, и своимъ усердіемъ Москва подражаетъ Петербургу: говорятъ также о томъ, чтобы собрать съ дворянства пятнадцать милліоновъ на памятникъ. вмѣстѣ съ уваженіемъ, которое я долженъ отдавать предводителямъ дворянства, я думаю, что самымъ прекраснымъ памятникомъ для Москвы было бы устройство домовъ для несчастныхъ, не имѣющихъ ни крова ни очага; такъ какъ если Вамъ говорятъ, что Москва вновь строится, не вѣрьте. Исключая нѣкоторыхъ готовыхъ бараконъ, она осталась такою, какъ Вы ее оставили. Полиція придирается ко всѣмъ тѣмъ, которыя хотятъ возстановивать свои дома, заставляя ихъ выравнивать улицы, улицы будутъ выровнены и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ останутся безъ домовъ. Она не разрѣшаетъ никакихъ, даже самыхъ маленькихъ деревянныхъ построекъ, ни даже службъ и сарайчиковъ безъ камина, и такъ какъ кѣрпичъ съ 16 рублей поднялся на 44 за тысячу, то судите сами, что этотъ матерьялъ не доступенъ бѣднымъ. Правда, что съ деньгами можно обойти всякій законъ, но тѣ, кого надо подкупать, такъ многочисленны и жадны, что это средство не всѣмъ доступно. Я твердо вѣрю, что въ этомъ отношеніи мы приближаемся къ лучшему, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что мы достигли такой крайности въ злѣ и злоупотребленіяхъ, а говорятъ, что крайности соприкасаются. Надѣюсь, что Государь посѣтитъ Москву; нужно, чтобы онъ убѣдился собственными глазами, что представляетъ изъ себя этотъ несчастный городъ; боюсь, что это не будетъ еще такъ скоро.

Четвергъ, 28 Мая.

Пріѣхалъ курьеръ графа Маркова, онъ увѣряетъ меня, что графъ будетъ здѣсь черезъ часъ. Это не мѣшаетъ мнѣ передать Вамъ сто тысячъ нѣжностей отъ Титова, который хочетъ между прочимъ, чтобы я Васъ увѣрилъ, что онъ никогда еще не любилъ ни одну женщину (въ которую не былъ влюбленъ) такъ, какъ любить Васъ. Я очень жалѣю, что онъ не женился на Fragile, Вы имѣли бы чуднаго зятя.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 28 Мая 1814 г.

Вернувшись изъ Тихвина, я нашла Ваше письмо отъ 18. Я не могла Вамъ отвѣтить сейчасъ же, такъ какъ была совершенно разбита этимъ путешествіемъ. Мнѣ пришлось взять ванну и отдохнуть, чтобы

вновь набраться силы. Вы напрасно меня благодарите за все то, что было сказано у г-жи Свѣтчиной, я только возстановила правду. Я уже давно искала случая, который представился въ этотъ день самъ собой, и была очень счастлива показать, высказать все то уваженіе и дружбу, которые я къ Вамъ питаю. Не будемте никогда говорить о Вашемъ прошломъ, забудьте, если можно, всё непріятности, несправедливости и огорченія, сдѣланныя Вамъ людьми.

Живите настоящимъ со всѣми тѣми, которые Васъ любятъ и такимъ образомъ мы достигнемъ предначертанной Провидѣніемъ минуты. Запасайтесь матерьялами, чтобы начать новое существованіе болѣе реальное, чѣмъ это. Не думайте, что такъ говорить съ Вами меня заставляетъ мое паломничество, — чтобы сказать Вамъ это, мнѣ не нужно было ѣхать въ Тихвинъ, — увѣряю Васъ, что это моя всегдашняя мысль. Чтобы вернуться къ путешествію скажу Вамъ, что мы совершили бы его очень пріятно, если бы не дождливая погода. Первый день мы сдѣлали 190 верстъ въ 20 часовъ, лучше ѣхать не возможно. Но вотъ темныя густыя тучи все испортили, скоро полилъ ливень, люди оказались въ жалкомъ положеніи, и мы рѣшили остановиться на первой же станціи. Оставалось не больше четверти версты, когда экипажъ застрялъ въ такой ужасной грязи, что переднія колеса совершенно въ нее погрузились, и двигаться оказалось невозможнымъ. Дились цѣлые потоки. Princesse Boris вообразила, что мы валимся и начала такъ кричать, какъ будто бы ее рѣзали. Въ такія минуты я не пугаюсь, какъ другіе, и, чувствуя бесполезность разсужденій, становлюсь необычайно серьезна. Я предложила ей пересѣсть въ кибитку, въ которой ѣхалъ ея поварь, и когда она ушла, я осталась спокойно ждать людей и лошадей, которыхъ должны были прислать изъ сосѣдней деревни, чтобы меня вытащить. вмѣсто этой помощи кибитка вернулась обратно, чтобы увезти меня одну, а экипажъ остался въ грязи. Ни одна душа не хотѣла притти ему на помощь, такъ какъ эти негодяи мужики хотѣли денегъ и не говорили этого сразу. Наконецъ, послѣ многихъ напрасныхъ словъ имъ дали 25 рублей и они поѣхали. Благодаря этому намъ пришлось ночевать въ деревнѣ. Экипажъ пріѣхалъ въ 3 ч. утра, а въ шесть мы поѣхали и пріѣхали въ Тихвинъ къ 8 часамъ вечера, сопровождаемые небольшимъ дождемъ. Уставши до смерти, мы сейчасъ же улеглись. На другой день погода была великолѣпная, и я отправилась къ ранней обѣднѣ. Такъ какъ я совершаю это паломничество уже въ шестой разъ, то весь монастырь меня знаетъ и мои добрые друзья монахи были очень рады меня видѣть, и на правахъ старой знакомой мнѣ пришлось выслушивать массу всякаго вздора. Я должна сознаться,

что очутилась вовсе не въ мирномъ пристанищѣ и еще меньше смиренномъ: всѣ монахи были недовольны: одни отцомъ экономомъ, другіе отцомъ казначеемъ; братъ Павелъ жаловался на брата Антонія, братъ Бартоломей на отца Филиппа, наконецъ, они пожирали другъ друга, и какъ я Вамъ уже говорила, мнѣ пришлось выслушать массу разсказовъ. Вздыхая, я уговаривала ихъ жить мирно и взаимно терпѣливо и снисходительно переносить другъ друга. Несмотря на это, въ этой общинѣ есть религіозные люди, которые не мѣшаются въ эти передряги и которыхъ я давно люблю за ихъ простое и доброе сердце. Мы оставались тамъ съ Четверга вечера до Воскресенья утромъ, когда мы двинулись въ обратный путь и вернулись сюда въ Понедѣльникъ въ 9 ч. вечера. Вотъ точное описаніе моего паломничества. Мнѣ почти хочется Вамъ сознаться, что больше я не поѣду съ доброй княгиней. Ея страхи въ дорогѣ очень неприятны для тѣхъ, кто ихъ не имѣетъ. Я люблю путешествовать одна, это гораздо удобнѣе.

Умоляю Васъ дать мнѣ свѣдѣнія о графѣ Марковѣ, какъ перенесъ онъ путешествіе, здоровъ ли, и не устала ли его дочь? Разскажите мнѣ побольше о всемъ, что его касается, особенно же о его здоровьѣ. Передайте ему отъ меня тысячу нѣжностей, Вы никогда не скажете слишкомъ много. Я не хочу опровергать, что искренно къ нему привязана, и мнѣ кажется, что его сердце поняло мое, онъ долженъ меня любить, я въ этомъ почти увѣрена. Что же касается до меня, то гдѣ бы онъ ни находился, я буду часто думать о немъ и жалѣть, что онъ не тамъ, гдѣ я. Я горячо желаю, чтобы его пребываніе въ Подоліи не было бы такъ продолжительно, какъ онъ предполагаетъ. Если бы онъ могъ устроить свои дѣла и вернуться въ Петербургъ на будущій годъ, я была бы очень счастлива.

Мы слышимъ много разговоровъ о Парижѣ и о томъ, что тамъ происходитъ. Молодой Потемкинъ вернулся, я увижу его у его матери, гдѣ сегодня обѣдаю. Сыновья *princesse Boris* прислали массу брошюръ, которыя мы будемъ читать сегодня вечеромъ у графини Строгановой; тамъ будетъ, вѣроятно, больше чувства, чѣмъ здраваго смысла. Но пускай, все равно нужно быть въ курсѣ того, что говорится во Франціи и что дѣлаетъ и предполагаетъ дѣлать это отродье.

Г-нъ *Vaudreuil* въ Парижѣ. Трубецкой только что вернувшись оттуда говорить, что онъ не узналъ этого города и что его возвращенность достигла такого предѣла, что внушаетъ отвращеніе. Но что удивительно, такъ это то, что никто изъ нашихъ молодыхъ людей имъ

не восхищается. Въ этой странѣ еще ничего не установилось и ждуть еще разныхъ распрей. Тяжело придется бѣдному королю, хотя пока всё въ восторгѣ отъ него и его поведенія. Герцогиня d'Angoulême все время плачетъ, и у нея постоянно красные глаза. Герцога де Berry очень хвалятъ, кажется, что на него смотрять какъ на настоящаго наследника.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 5 Юня 1814 г.

Судьба моя на это лѣто рѣшена: я ѣду на Каменный Островъ 15 сего мѣсяца къ княгинѣ Юсуповой, которая не хочетъ уступить меня сестрѣ. Я буду имѣть удовольствіе жить на берегу Невы около церкви и чуднаго сада г-жи Лаваль. Я надѣюсь, что буду имѣть возможность гулять, такъ какъ вотъ уже 8 мѣсяцевъ, что я забыла о существованіи своихъ ногъ; я совершенно не хожу даже по саду. Сойти со своихъ 113 ступеней, для того чтобы прогуляться, даже не приходитъ мнѣ въ голову. Къ тому же тотъ образъ жизни, который я веду заставляеть меня такъ дорожить утромъ, что мнѣ даже не хочется его терять. Только отъ 8 ч. утра и до 4 ч. я располагаю своимъ временемъ, такъ какъ хочу и могу заниматься, читать, давать урокъ Надеждѣ и т. д. Наконецъ, мнѣ нужно имѣть все утро въ моемъ распорядкѣ безъ нарушенія. Но въ деревнѣ будетъ совсѣмъ другое. Любите ли Вы длинные Юньскіе дни и эти свѣтлыя ночи, чарующія столькихъ людей? Я же этого не переношу, постоянный свѣтъ и ночи безъ темноты навѣваютъ на меня ужасную необъяснимую грусть. Я люблю, когда утро, вечеръ и ночь ощутительно и послѣдовательно смѣняють другъ друга. Этотъ свѣтъ приводитъ меня въ отчаяніе, и когда я возвращаюсь къ себѣ въ 12 ч. ночи, я тщательно закрываю всё ставни и зажигаю свѣчи и лампы, стараюсь создать себѣ настоящій вечеръ, чтобы почитать часокъ передъ сномъ.

Что Вы скажете о Фердинандѣ XII, который свергнулъ Кортесовъ и конституцію? Онъ не хочетъ ни того, ни другого. 12 казалось, что вся власть находилась въ рукахъ этихъ людей, 13 пріѣзжаетъ король и одной погой опрокидываетъ все это; онъ объявляетъ недѣйствительнымъ все установленное этой властью, возстаетъ противъ конституціи и тѣхъ, кто ее создалъ, и говоритъ, что хочетъ царствовать по примѣру своихъ предшественниковъ. Мы еще не знаемъ подробностей всего происшедшаго, но фактъ тотъ, что Кортесы уже потеряли свое значеніе и что Bardau получилъ объ этомъ официальные свѣдѣнія. Вотъ что, я думаю, выведетъ изъ моды конституцію и Людовикъ XVIII, если захочетъ, можетъ опереться на этотъ примѣръ. Замѣтьте, пожалуйста, что кажется Испаніи предназначено сдѣлать Франціи много добра.

Кристинъ.

Москва, 11 Іюня 1814 г.

Я буду говорить съ Вами исключительно о графѣ Марковѣ, котораго Вы такъ сильно покорили, что отъ Васъ только зависѣло бы повести дѣло дальше настолько, насколько оно можетъ идти. Во первыхъ, пріѣхавъ къ сестрѣ, онъ мнѣ сказалъ: „Ахъ, Боже мой, сколько женщинъ! Если Васъ не очень стѣснить, то я поѣду къ Вамъ, оставивъ здѣсь всѣхъ своихъ, и мы можемъ тогда свободнѣе говорить“. Это стѣсняло меня, но все таки доставляло удовольствіе. Мы быстро кончили съ политической темой, чтобы перейти къ разговору о его дочери, и въ первый же вечеръ, говоря о ней, упомянулъ Ваше имя разъ двадцать. На слѣдующій день онъ говорилъ о Васъ уже независимо отъ дочери, спрашивалъ меня, что Вы могли о немъ сказать.— „Она хвалитъ Васъ при всякой возможности, и Вы внушили ей къ себѣ настоящую симпатію“.— „Она говоритъ Вамъ все это ради шутки“.— „Нѣтъ, это весьма серьезно, и доброе расположеніе не можетъ вызывать никакихъ шутокъ, но я прошу Васъ вѣрить, что ея отношенія къ Вамъ чисто дружеское“.— „Тѣмъ хуже“, отвѣтилъ онъ, „я предпочелъ бы, чтобы въ немъ было что-нибудь иное. Что касается до меня, то я нахожу ее прелестной, и будь я тридцатью годами моложе, я сказалъ бы ей это смѣлѣе“. Черезъ нѣкоторое время онъ продолжалъ: „Но почему княжна Туркестанова заговорила съ Вами обо мнѣ?“— „По поводу Вашей дочери, а также потому, что она знаетъ наши отношенія и потому что въ своихъ письмахъ къ ней я часто говорилъ о Васъ“.— „Покажите же мнѣ ея письма“. Я шутилъ, въ свою очередь, и говорилъ, что переписка существуетъ только для тѣхъ, къ кому она относится. Попросивъ ихъ разъ, онъ возвращался къ этой просьбѣ разъ десять подрядъ, и такъ настойчиво, что въ тотъ же вечеръ, ложась спать, я отобралъ всѣ письма, гдѣ Вы о немъ пишете, спрятавъ все-таки то, въ которомъ Вы меня браните за совѣтъ говорить съ Вами и отложивъ одиннадцать, гдѣ Вы хвалите его, его дочь, и высказываете пожеланія счастья для него. На другой день, какъ я этого и ожидалъ, онъ опять повторилъ свою просьбу, и я принесъ ему одиннадцать своихъ писемъ, но въ одномъ не оказалось конца, такъ какъ я спряталъ второй листъ, гдѣ говорилось о графѣ Толстомъ, и въ томъ, что я ему показалъ не было ничего такого, чего нельзя было бы прочесть. Онъ все-таки былъ заинтригованъ отсутствіемъ этого окончанія, но я сказалъ ему смѣясь, что сохранилъ только то, что ему показываю, что прошу вѣрить мнѣ на слово, и что онъ больше ничего не увидитъ. Тогда онъ принялся

читать, съ такимъ вниманіемъ и удовольствіемъ, что мнѣ казалось, что онъ вотъ, вотъ поцѣлуетъ написанныя Вами строки. Разговоръ по поводу писемъ продолжался все утро. „Я хочу ей написать, сказалъ онъ мнѣ, и оставлю у Васъ свое письмо; могу ли я ей сказать, что читалъ ея письма?“—„Ахъ, Боже мой, конечно, отвѣтилъ я, такъ какъ я и самъ ей это скажу“.

Сейчасъ же послѣ этого получилось Ваше письмо отъ 28 Мая, я ему его прочелъ и онъ пришелъ отъ него въ восторгъ. „Конечно, сказалъ онъ, я начну съ ней переписку, но къ несчастью я ей даже на это и не намекалъ, она видитъ меня такимъ, какъ я есть, такъ какъ называетъ *старикомъ*. Скажите ей, пожалуйста, что мнѣ еще нѣтъ 70 лѣтъ и что настоящая старость начинается лишь въ 75 лѣтъ. Вы чувствуете, мой дорогой, что когда дѣйствительность не говоритъ ничего хорошаго, то приходится устанавливать ложныя истины. Весь разговоръ продолжался въ этомъ тонѣ, но ужасный насморкъ, продержавшій его въ постели до 3-хъ часовъ, и бостонъ, заставившій его сидѣть до 2 ч. ночи, не позволили ему писать и только въ день своего отъѣзда онъ сѣлъ за свой письменный столъ, чтобы писать г-жѣ Гурьевой и Вамъ. Къ несчастью ему помѣшали, и ему пришлось прервать Ваше письмо. Онъ просилъ меня Вамъ передать, что въ деревнѣ будетъ нагонять упущенное и что онъ надѣется, что Вы сдѣлаете ему честь отвѣчая на письма. Онъ будетъ очень польщенъ, увидя, что, чтобы написать ему, Вы не ждали его письма, но онъ еще этого не знаетъ, такъ какъ Ваше письмо отъ 5 Іюня, въ которомъ Вы общаете ему письмо со слѣдующей почтой, пришлю только послѣ его отъѣзда.

Онъ безконечно меня спрашивалъ о Васъ, увѣряя, что у Васъ должно быть чрезвычайно нѣжное сердце и говорилъ: „отъ благочестія до любви, одинъ шагъ: *то и другое слабость*“. Это, кажется, слова Вольтера, но говоря ихъ, онъ доказываетъ, что обращеніе его еще далеко не подвинулось впередъ. Мнѣ кажется, что на этотъ счетъ не слѣдуетъ льстить себя слишкомъ большими надеждами, что онъ и самъ признаетъ развѣ только, говоритъ онъ, въ томъ случаѣ, когда онъ состарѣется и въ 75 лѣтъ остарѣвшіе органы заставятъ его видѣть все въ другомъ свѣтѣ. Итакъ, вотъ его письмо; онъ не хотѣлъ мнѣ его прочесть: „долженъ же я окружить его нѣкоторой таинственностью, такъ какъ эта дѣвушка нисколько ее не вносить“.

Прощайте, дорогая княжна, я сдержалъ свое обѣщаніе и говорилъ съ Вами только о Вашей новой побѣдѣ; его дочь проситъ меня Вамъ

напомнить о ней. Объ испанскомъ королѣ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ. Пошли ему Богъ силы поддержать свои намѣренія. Я въ восторгѣ, что онъ опрокинулъ Кортесовъ, которые были только революціонеры. Не ихъ созывалъ онъ во время своего заточенія въ Байонъ.

Княжна Тургестанова.

Петербургъ, 11 Іюня 1814 г.

Я могла бы держать пари, что отвѣтила Вамъ по поводу Лагарпа и что написала положительно о голубой лентѣ и почему онъ ее получилъ. Если же я этого не сдѣлала, то избавьте меня пока отъ этого разсказа, такъ какъ онъ слишкомъ длиненъ; Вамъ достаточно знать, что онъ съ Талейраномъ повелъ вещи такъ, какъ онѣ произошли. Онъ давно былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ *Rénéveut* и Вы понимаете, что за это одолженіе ему должны быть благодарны и что нужно было вознаградить его явнымъ образомъ.

Цѣнить онъ или нѣтъ, то что ему дали, я ничего не знаю, но дѣло въ томъ, что это отличіе ставить его въ чинъ генераловъ-лейтенантовъ, который, если онъ вернется въ Швейцарію, будетъ ему ни къ чему. Государь покинулъ Парижъ 18 Мая и желая избѣгнуть церемоній, которые не преминули бы устроить при его отъѣздѣ, онъ уѣхалъ не предупредивъ никого. Наканунѣ онъ простился съ королемъ, назначилъ на слѣдующій день большой парадъ, и пока всѣ принимали въ немъ участіе онъ удалился, чтобы вернуться къ себѣ, переодѣться и сейчасъ же уѣхать. То же самое, сдѣлалъ нѣсколькими днями позднѣе Великій Князь Константинъ; онъ пріѣхалъ къ намъ съ мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ во Франціи. Хотя вчера въ Исаакіевскомъ Соборѣ намъ и читали его содержаніе, но я ни слова не поняла, такъ какъ министръ юстиціи читалъ его на ухо Государынѣ, поэтому и остальные оказались не счастливыѣ меня. Всѣ очень недовольны, что онъ не представилъ этого чтенія секретарю съ хорошимъ голосомъ и легкими. Всѣмъ извѣстно только то, что пока не будетъ никакого раздѣла земель и что для обсужденія границъ союзниковъ будетъ созванъ особый конгрессъ.

Посмотримъ, какъ эти господа подблѣять сладкій пирогъ, лишь бы серединку его не дали Австріи, чему я буду очень рада. Вчера большой парадъ былъ устроенъ въ Исаакіевскомъ Соборѣ, потому что въ Казанскомъ идетъ ремонтъ. Толпа была невѣроятная. Великій Князь

сопровождалъ верхомъ карету Императрицы-матери, высшіе чины и мы всѣ составляли шествіе, жара въ церкви и внѣ ея была ужасная.

Будущее Воскресеніе я переѣзжаю на Каменный Островъ, гдѣ, кажется, останусь все лѣто. Вы правы: торговыя улицы и домъ моей тетки въ это время невыносимы. Не понимаю, какъ Арсеньевъ можетъ мириться съ тѣмъ страннымъ образомъ жизни, который онъ ведетъ. Быть герметически закупореннымъ въ теченіе всѣхъ двѣнадцати мѣсяцевъ года, это возможно только экзотическимъ растеніямъ, но какъ переносить это онъ, представляющій изъ себя растеніе мѣстное! Я тысячу разъ пыталась исправить его отъ этой маніи, но всегда безуспѣшно; бѣдная тетя, ей хотѣлось бы поѣхать въ деревню, но увы, онъ заставляеть ее потѣть цѣлыми днями. Читая вчера о пріѣздѣ графа Маркова къ сестрѣ, я много смѣялась: вѣрю, что онъ не могъ оставаться тамъ изъ-за суеты и шума, которые тамъ его встрѣтили, на его мѣстѣ я сдѣлала бы то же самое, и скорѣе переѣхала бы къ Вамъ. Онъ писалъ Гурьеву, жаловался на насморкъ; надѣюсь, что онъ скоро отъ него отдѣлается. Онъ, вѣроятно, видитъ графиню Толстую, да, кстати, что это у нея за манія таскать своихъ дочерей къ двумъ обѣднямъ? Она надоѣдаетъ имъ до смерти и думаетъ этимъ сдѣлать ихъ благочестивыми, но изводя ихъ такими тяжелыми обязательствами, она совершенно отвратить ихъ отъ благочестія. Въ ихъ годы было бы достаточнымъ бывать у обѣдни разъ въ недѣлю и каждый день читать имъ по часу религіозныя книги, чѣмъ таскать ихъ въ церковь ежедневно. Для нея это другое дѣло, она знаетъ, что дѣлаетъ, но для дочерей, надоѣдая имъ столькими обязательствами, она не достигнетъ цѣли.

Съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь при Дворѣ, я бываю у обѣдни чаще, чѣмъ прежде, такъ какъ теперь мнѣ это очень удобно благодаря близости дворцовой церкви. Не знаю, на какомъ основаніи Вы ждете графа Толстого, такъ его отрядъ и не думаетъ возвращаться, говорятъ даже, что вся армія Бенигсена пойдетъ въ Данію, гдѣ изъ-за Норвегіи происходятъ какія-то недоразумѣнія. Не думаю, чтобы Толстой вернулся, но ничего объ этомъ не говорите его женѣ, такъ какъ я сама въ этомъ не увѣрена и, можетъ быть, это ложные слухи.

Прощайте, будьте здоровы, жду Вашего перваго письма, гдѣ Вы, вѣроятно, напишете мнѣ о графѣ Марковѣ больше, чѣмъ написали г-жѣ де Нуазевиль, которая прочла мнѣ Ваше письмо, гдѣ Вы описываете затрудненіе бѣднаго графа, когда очутившись среди двадцати старухъ, ему пришлось выбирать себѣ комнату.

Кристинь.

Москва, 22 Іюня 1814 г.

Ваше письмо отъ 11 Іюня доказываетъ, что Вы въ такомъ настроеніи, отъ котораго страдаешь сильнѣе, чѣмъ отъ физической боли. Я знаю это состояніе и умѣю ему сочувствовать. Тутъ нечего дѣлать, какъ только стараться отвлечься. Это болѣзнь людей пресыщенныхъ и особенно избалованныхъ состояніемъ и успѣхомъ, а также тѣхъ, которые видятъ нравственную невозможность достиженія своихъ желаній, когда желанія эти достигаютъ извѣстной силы. Прежде я страдалъ именно отъ этого. Меня излѣчилъ возрастъ, отнявъ силу желаній.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, мои желанія были такъ же сильны, какъ лучи горячаго солнца, теперь же они напоминаютъ мягкій и пѣжный лунный свѣтъ, немного меланхолическій, но который никогда не ранитъ. Вотъ что выигрываешь, стараясь, и что составляетъ счастливое возмѣщеніе за все потерянное. Сердце остается нѣжнымъ и отзывчивымъ, умъ становится гибкимъ и сдержаннымъ, и въ результатѣ любишь себя меньше, а другихъ больше и чувствуешь больше возможности больше заниматься другими. Я напрасно пишу Вамъ о Вашемъ послѣднемъ письмѣ. Когда Вы получите это, Вы можетъ быть уже забудете о томъ, которое мнѣ писали и о томъ, что его вызвало, такъ какъ иногда, минута, мгновеніе, слово, мѣняютъ настроеніе и какъ по волшебству разжигаютъ сердце.

Отъ графа Маркова я еще не имѣю никакихъ извѣстій. Васильчиковъ, пріѣхавшій сюда съ договоромъ о мирѣ, говорилъ моимъ друзьямъ, что встрѣтилъ его въ Орлѣ вполне здоровымъ, откуда я заключаю, что теперь уже онъ, вѣроятно, проѣхалъ Кіевъ. Я не видѣлъ Васильчикова, съ которымъ я знакомъ, но мнѣ бы очень хотѣлось послушать его рассказы о Парижѣ, откуда онъ уѣхалъ послѣ Государя. Итакъ, послѣ Вѣнскаго конгресса, насъ выпроводили за нашъ миръ, и наши финансовыя надежды рушились. Очень странно, что въ договорѣ, подписанномъ въ Парижѣ, Россія обозначена такъ же, какъ Мекленбургъ или какое нибудь другое маленькое княжество, то-есть ни ея имя, ни имя Государя не упоминается ни разу, и при Вѣнскомъ дворѣ она просто подразумѣвается подъ названіемъ союзника. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы договоръ былъ заключенъ между Французскимъ Королемъ, Русскимъ Императоромъ и его союзниками, а не между Императоромъ Австрійскимъ и его союзниками, какъ это сдѣлано. Такъ какъ

въ дѣйствительности Россія играла первую роль и должна была стать въ первомъ ряду,—это она увлекла Австрію—и я удивляюсь, какъ она согласилась быть поставленной за ней такъ скромно. Или я ничего въ дѣлахъ не понимаю, или же совѣтчики Государя сдѣлали промахъ. Я понимаю, что молодыя головы могли сдѣлать такую оплошность, но Разумовскій съ своимъ надменнымъ характеромъ удивляетъ меня такой забывчивостью. За послѣдніе 10 лѣтъ мы постоянно забываемъ въ нашихъ договорахъ значеніе этикета и ранга. И дай Богъ, чтобы забыли только это въ несчастномъ Тильзитскомъ мирѣ, за который мы только что расплатились такъ дорого. Кто повѣритъ, читая заключенный въ Парижѣ 18 Мая договоръ, что два мѣсяца тому назадъ русская армія вступила туда побѣдительною? Между тѣмъ всенародныя дѣйствія создаютъ въ исторіи славу государей и націй, и если бы я имѣлъ честь быть Министромъ Государя, я никогда бы не согласился на то, чтобы Парижскій миръ былъ подписанъ безъ вмѣшательства уполномоченнаго русскаго министра, который бы взялъ верхъ надъ австрійцемъ. Это не помѣшало бы отложить обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ до Вѣнскаго конгресса, но покрайней мѣрѣ, публика, которая отъ одного конца Европы до другого рветъ другъ у друга Парижскій договоръ о мирѣ, не имѣла бы основанія спрашивать, куда же дѣвались русскіе? Что думаетъ объ этомъ князь Юсуповъ? Прошу Васъ, если Вамъ придется быть съ нимъ подъ одной крышей, напомнить ему обо мнѣ. Почему онъ не служить? У него зрѣлая голова, онъ любитъ свою страну и былъ бы ей полезенъ.

Но современная система выставляетъ впередъ молодежь, вотъ почему происходитъ столько оплошностей, и князь Юсуповъ показался бы слишкомъ серьезнымъ нашимъ молодымъ людямъ. На дняхъ одинъ изъ этихъ вліятельныхъ господъ говорилъ, что мужчина послѣ 40 лѣтъ годенъ лишь для отставки. Въ другихъ же странахъ для отвѣтственныхъ ролей выбираютъ людей именно въ этомъ возрастѣ. Поэтому мы часто видимъ, что дѣла у нашихъ сосѣдей идутъ лучше, чѣмъ у насъ.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 18 Іюня 1814 г.

Въ Понедѣльникъ вечеромъ я водворилась въ своей настоящей резиденціи. Помѣщеніе, которое я имѣю въ этомъ году, гораздо пріятнѣе и лучше прошлогодняго. У меня три предестныхъ комнаты, изъ которыхъ одна моя спальня, другая кабинетъ, весь отдѣланный кисеей, и

третья ванна съ диванами вокругъ; свѣтъ въ нее падаетъ сверху и дѣлаетъ ее пріятнѣе еще потому, что тамъ можно купаться, когда захочется. Остальное въ домѣ соотвѣтствуетъ тому, что я Вамъ пишу про свое помѣщеніе и вообще эту дачу нельзя сравнить съ прошлогодней.

Я очень довольна быть на воздухѣ, особенно же по вечерамъ. Свѣжесть, которой я дышу, освѣжаетъ мои мысли, часто развѣиваетъ грусть, и я успокаиваюсь и чувствую себя довольной. По сосѣдству съ нами живутъ г-жа Гурьева и графиня Строганова, и такимъ образомъ у меня подъ руками всѣ мои знакомые, но я не прочь оставаться почаще одной, съ своими книгами, такъ какъ мое отвращеніе къ свѣту растеть съ каждымъ днемъ. Ахъ, если бы я могла жить такъ, какъ мнѣ вздумается! Но нѣтъ, приходится говорить, быть любезной, ѣздить, принимать, и пока я буду связана со Дворомъ, это будетъ такъ продолжаться, и я буду жить для другихъ больше, чѣмъ для себя.

Вчера, Императрица-мать устроила для Великаго Князя Константина въ Павловскѣ чудный праздникъ. Говорятъ, что все было прелестно устроено: сначала былъ спектакль, потомъ балетъ въ разныхъ уголкахъ сада; въ одномъ устроенномъ изъ розъ павильонѣ танцовали, въ другомъ былъ приставленъ ужинъ, всюду устроены триумфальныя арки, цифры; дамы были въ очень нарядныхъ туалетахъ, мужчины всѣ во фракахъ, чтобы чувствовать себя свободнѣе, хозяйка была замѣчательно пріятлива, что всѣхъ располагало къ веселью, такъ что впечатлѣніе получалось прелестное. Разказала мнѣ все это княгиня Юсупова, которая была тамъ, я же ѣхать отказалась. Дѣлать платье, причесываться, особенно же ѣхать 25 вереть по 25 градусной жарѣ, мнѣ показалось слишкомъ тяжелымъ. Въместо этого я провела все утро одна въ своемъ кабинетѣ, а обѣдала съ m-elle Гурьевой у княгини Гагариной, молодой женщины, которую мы очень любимъ. Послѣ обѣда мы сдѣлали большую прогулку, и я провела вечеръ со старой графиней Салтыковой, матерью г-жи Гурьевой, которая была совершенно одна, такъ какъ вся семья была на праздникѣ. Я никогда не избѣгала общества старыхъ женщинъ, если только они не были сварливы и угрюмы, у этой же отличный нравъ. Мы говорили о томъ, что дѣлалось 50 лѣтъ тому назадъ, и я ни минуты не скучала. Итакъ, вотъ какъ я провела этотъ день, а если бы поѣхать въ Павловскъ, то навѣрное устала бы до смерти.

Я видѣла Федора Голицына, что мнѣ доставило большое удовольствіе, онъ сталъ толще, чѣмъ когда-либо. Я содрогнулась увидя его,

но не нашла въ себѣ достаточно силы сказать ему, что онъ еще по-толстѣлъ. Онъ такъ толстъ, что будь я его женой, я ни минуты не имѣла бы покоя, зная, что онъ можетъ умереть тогда, когда ожидаешь этого всего меньше. Мнѣ кажется, что съ человѣкомъ такихъ размѣровъ никогда нельзя рассчитывать на долгую жизнь, но что я, навѣрное, могу сказать это то, что ни мой мужъ, ни любовникъ не будутъ на него походить. Но, Боже мой, что за глупости я Вамъ говорю.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 21 Іюня 1814 г.

Если бы я знала графа Маркова десять лѣтъ тому назадъ и ему было бы столько лѣтъ, сколько и теперь, а мнѣ десятью годами меньше, увѣрю Васъ, что если бы ему пришло въ голову на мнѣ жениться, я согласилась бы съ величайшимъ удовольствіемъ и, конечно, не только съ цѣлью получить его имя, пользоваться его положеніемъ и состояніемъ и только. Ничего подобнаго! Съ моими взглядами, я увѣрена, что очень любила бы его, оставалась бы всегда вѣрной ему и сдѣлала бы его счастливымъ. Я никогда не была ни кокеткой, ни легкомысленной, молодые люди мнѣ не нравились; я стремилась къ успѣху, и мнѣ хотѣлось, чтобы меня находили милой, но не вѣтренные и пустые молодые люди, — мнѣ нужны были люди имѣющіе извѣстность, вѣсь и значеніе. Вы знаете, что у насъ мало выдающихся въ этомъ отношеніи молодыхъ людей, вотъ почему я всегда устраивалась такъ, чтобы быть съ людьми зрѣлаго возраста, ихъ похвалы мнѣ льстили больше и поднимали мое тщеславіе и я говорила себѣ: „эти знаютъ больше шалопаевъ, они должны быть лучшими судьями и, вѣроятно, любя мое общество, не смотря на мои юные годы, они находятъ во мнѣ какія-нибудь заслуги“. Итакъ, если бы съ тѣми взглядами, которые я тогда имѣла, я вышла бы замужъ за г-на Маркова, мнѣ казалось бы, что я имѣю рядомъ съ собой Алкивиада и любила бы его, а внушенные мнѣ нравственные принципы оградили бы меня въ будущемъ отъ всякихъ безумій“. Теперь уже все это кончилось для меня, я не хочу больше ни выходить замужъ, ни нравиться, ни быть любимой. Когда это встрѣчается, не знаю почему, но мнѣ хочется оторваться отъ всего, ничего не любить въ этомъ мірѣ и жить лишь пассивно.

Вотъ что, сказать по совѣсти, я нахожу въ глубинѣ своего сердца. Можетъ быть, я ошибаюсь, и все это только временное настроеніе. Дай Богъ, чтобы это было такъ! Чтобы вернуться къ разговору о

Марковѣ, скажу Вамъ, что онъ всегда очень располагалъ меня къ себѣ, что я очень недовольна тѣмъ, что его больше не вижу и что очень рада переписываться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что это даетъ мнѣ возможность время отъ времени наставлять его на путь истинный. Ему необходимо читать нотаціи, во-первыхъ, за тѣ слова, что Вы приводите въ Вашемъ письмѣ: „та и другая—слабость“. Это такъ мало правдиво, такъ какъ одно (благочестіе) является истинной силой, такъ какъ если въ него искренно вѣрятъ, то какую даетъ оно намъ силу. По моему г-нъ Вольтеръ сказалъ лишь глупость, и я не понимаю, почему философія послѣ его смерти сдѣлала его героемъ. Итакъ, я буду покорять Вашего старика письмами, такъ какъ разговоръ еще не удался. Увидимъ, что изъ этого выйдетъ.

Писала ли Вамъ г-жа де Нуазевиль о назначеніи Раццо di Borgo русскимъ министромъ въ Парижѣ? Эти свѣдѣнія официальные, и все посольство уже назначено, исключая Boutiaquine, такъ только иностранцы. Мнѣ хотѣлось бы знать мнѣніе г-жи Толстой объ этомъ новомъ порядкѣ вещей? Прежде она не любила Поццо, потому это было наоборотъ, она часто видѣлась съ нимъ въ Вѣнѣ и находила его очень любезнымъ, особенно же умнымъ. Консерваторъ познакомитъ Васъ съ засѣданіемъ законодательнаго корпуса; рѣчь короля мнѣ очень нравится, а также то, что онъ перечисляетъ сдѣланное имъ отъ девятнадцатаго года своего царствованія. Нѣкоторые нашли его смѣшнымъ, я же, наоборотъ, очень разсудительнымъ. Вообще, пока все, что дѣлалось этимъ вполне разумно.

Пока прошу вѣрить, что дѣвица Марія Луиза ѣдетъ посѣтить островъ Эльбу, откуда она вернется въ свои владѣнія Парижъ и Тизансъ. Признаюсь, что въ этомъ визитѣ на Эльбу я ничего не понимаю, и если Вы понимаете это лучше меня, то, пожалуйста, объясните мнѣ.

Кристинь.

Москва, 2 Іюля 1814 г.

Не будете ли Вы такъ добры, передать потихоньку этотъ пакетъ г-жѣ Гурьевой, предложивъ ей переслать его сыну въ Дрезденъ и не говоря о моемъ участіи, такъ какъ она создана для того, чтобы все портить, о чемъ меня уже предупредили. Это письмо г-жи Толстой къ ея мужу, настоящаго мѣстопробыванія котораго она пока не знаетъ; она умоляетъ меня передать его Гурьеву черезъ почту или Петербургъ. Я нахожу, что послѣдній путь вѣрнѣе, а конвертъ, написанный матерью,

вѣрнѣ всего остального. Итакъ Вы смѣло можете говорить отъ имени г-жи Толстой, что я нашелъ умѣтнымъ приложить къ ея посланію и просьбѣ похвалы г-ну Гурьеву по поводу его военныхъ успѣховъ. Я безконечно уважаю образованность этого молодого человѣка, его принципы и твердость, и считаю его способнымъ служить своему краю, и отличиться на болѣе полезномъ поприщѣ, чѣмъ армія. Если же, противъ моихъ ожиданій, это порученіе потерпитъ неудачу, то Вы перемѣните адресъ и напишите его такъ, какъ это нужно для почты, и будьте добры отправить его со всѣми предосторожностями.

Я въ восторгѣ, что Вы начнете переписываться съ графомъ Марковымъ, и даже надѣялся получить вчера Ваше первое письмо, но можетъ быть, Вы ихъ посылаете прямо и это, конечно, будетъ скорѣе. Ахъ какъ я хотѣлъ бы, чтобы онъ зналъ Васъ 10 лѣтъ тому назадъ, вернувшись изъ Парижа и отдавъ ту справедливость, въ которой никто не можетъ Вамъ отказать, онъ устроилъ бы свое счастье и счастье своей дочери. Судьба этого ребенка была бы совершенно другой, а Вы, которой я интересуюсь также нѣжно и горячо, какъ дочерью Маркова, Вы были бы счастливы съ этимъ милымъ и добрымъ въ жизни человѣкомъ и счастливѣе, чѣмъ съ какимъ-нибудь болѣе молодымъ и болѣе красивымъ человѣкомъ. Вы не правы, говоря, что теперь не думаете ни о бракѣ, ни о томъ, чтобы нравиться. Во первыхъ, часто нравятся тогда, когда наименѣе объ этомъ думаютъ, такъ естественность цѣнится больше искусства. Что же касается до плановъ о бракѣ, то очень разумно ихъ не дѣлать, рѣшать же рѣшительно противъ весьма не кстати.

Въ этомъ нужно положиться на обстоятельства, и Провидѣніе, которое лучше насъ знаетъ, что нужно намъ для нашего конечнаго блага. Бракъ и безбрачіе имѣютъ свои преимущества и минусы, но нѣжному и любящему сердцу жить въ одиночествѣ труднѣе, хотя, если Вы это нѣжное сердце соедините съ сердцемъ, не умѣющимъ отзываться на нѣжность, тогда мученія его стануть тысячу разъ тяжелѣе.

Вы хотите проповѣдывать графу Маркову, но я боюсь, чтобы не смотря на Вашъ умъ и краснорѣчіе Вашъ голосъ не остался бы „*масомъ вопіющимъ въ пустыни*“. Впрочемъ, если есть какая-нибудь надежда произвести впечатлѣніе, то предупреждаю Васъ, что это будетъ возможно только при ловкихъ приемахъ, какъ бы нечаянно бросая умно и весело среди свѣтскихъ бесѣдъ нѣкоторыя истины. Предъ Вами широкое поле для изошренія Вашихъ способностей, и слава успѣха должна быть

пропорціональна трудностямъ. Я привезъ съ собой изъ Парижской тюрьмы трактатъ о христіанскихъ истинахъ, составленный однимъ заключеннымъ, какъ я священникомъ (маркизомъ de la Roussière) для его дѣтей, которые благодаря его заключенію остались заброшенными. Я никогда не читалъ ничего болѣе умилительнаго, трогательнаго и убѣдительнаго. Я точно списалъ его отъ начала до конца, рѣшивъ слѣдовать тѣмъ правиламъ, которыя авторъ предписывалъ своимъ дѣтямъ, т. е. читать разъ въ годъ этотъ трактатъ.

Однажды въ деревнѣ, мнѣ пришлось въ разговорѣ привести эту рукопись и повѣдать ее графу Маркову. Послѣ того, что я ему сказалъ, онъ очень внимательно ее прочелъ, но на слѣдующій день вернулъ мнѣ ее со словами способными заледенить самое горячее сердце: *„Возьмите, мой дорогой, вотъ Ваша книга, это самая скучная капуцинида, которую я когда-либо читалъ въ своей жизни“*. Я не могъ бы быть хорошимъ миссіонеромъ, такъ какъ этотъ отвѣтъ убилъ во мнѣ всякую надежду на успѣхъ, и я уже съ нимъ не говорилъ.

Во время грабежа Москвы, я потерялъ эту рукопись со всѣми своими книгами и бумагами.

Я такъ же, какъ и Вы, въ восторгѣ отъ рѣчи короля и всего его поведенія. Я твердо увѣренъ, что не долженъ и не могу судить о томъ, что меня еще немногo огорчаетъ, а именно о присутствіи тамъ Талейрана, но на это должны быть серьезныя причины, которыя намъ объяснить время. Что же касается до 19 лѣтъ его царствованія, то эта логика здѣсь весьма умѣстна: такъ какъ, если бы считалъ иначе, то какъ будто бы признавалъ законность революціи и правленія директоріи, консульства и императорское, что не можетъ и не должно быть. Къ тому же онъ имѣлъ бы видъ избраннаго короля, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ онъ царствуетъ по своему законному праву со смерти Людовика XVII, хотя обстоятельства и мѣшали ему примѣнять свою власть. Но это не ново: Карлъ II, вернувшись на Англійскій тронъ, въ 1660 году отмѣчалъ всѣ свои дѣйствія съ VI года своего царствованія, считая себя королемъ со дня смерти своего отца, и не признавая управленія Кромвеля, несмотря на то, что тогда, какъ теперь во Франціи, пришлось оставить нѣсколько законовъ, и учрежденій созданныхъ протекторомъ.

Я завидую Вашему прелестному помѣщенію, Вашей ваннѣ и свѣжести деревни: мы здѣсь задыхаемся, но это долго не продлится.

„Жизнь—царю, честь—никому“. Будучи флигель-адъютантомъ Императора Александра Николаевича, онъ принужденъ былъ выйти въ отставку за рѣзкое слово, по поводу поѣздки Государя на Парижскую выставку и поселиться въ деревнѣ, гдѣ вскорѣ прославился, какъ образцовый хозяинъ.

Статья Вольдемара Зегера „Александра III въ Фреденсборгѣ“ очень живо выявляетъ образъ Царя-Миротворца во всей его обаятельной простотѣ и добротѣ.

Письма князя П. А. Вяземскаго къ А. А. Воейковой дышатъ той добродушной мѣткостью, за которую Пушкинъ назвалъ его острымъ.

Въ концѣ письма А. Н. Муравьева къ графинѣ А. Д. Блудовой о перестройкѣ кievскаго собора св. Софіи помѣщенъ дневникъ Сестренича, перваго митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, обнимающій время отъ 1797 по 1798 гг. и заключающій въ себѣ подробное описаніе жизни Сестренича при дворѣ Павла Петровича; заслуживаетъ упоминанія разговоръ съ Государемъ, гдѣ говорилось о возможности переѣзда Папы въ Петербургъ, дабы спасти его отъ Бонапарта.

П. В. (младшій).

Сочиненія и письма П. Я. ЧААДАЕВА. Подъ редакціей М. Гершензона. Т. I. Книгоиздатель-

ство „Путь“ М. 1913. Стр. VII+440. Цѣна за два тома 5 руб.

Почтеннѣйшій трудъ М. Гершензона выполненъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Редактору пришлось, какъ говоритъ предисловіе, розыскивать разбросанныя писанія знаменитаго отступника въ продолженіе почти девяти лѣтъ. Въ этомъ изданіи собраны: письма Чаадаева болѣе, чѣмъ къ 35 лицамъ съ 1820 по 1856 годъ. „Mémoire sur Geistkunde“,—чрезвычайно любопытный „мистическій дневникъ“ Чаадаева, состоявшій изъ выписокъ Штиллинга и библиомантическихъ замѣтокъ автора,—„Lettres sur la philosophie de l'histoire“, „Отрывки“, число которыхъ значительно возросло, показанія Чаадаева на допросахъ 1826 и 1836 годовъ, „Apologie d'un fou“, Mémoire au comte Benkendorf, и наконецъ завѣщаніе Чаадаева, его долговныя росписки и счетъ его долговъ и имущества. Изъ 185 сочиненій впервые печатаются 91, кромѣ того большинство документовъ относящихся къ Чаадаеву, но писанныхъ не имъ, также публикуется въ первый разъ.

Сочиненія и письма сопровождаются подробнѣйшими учеными примѣчаніями, среди которыхъ находятся письма различныхъ лицъ къ Чаадаеву.

Къ книгѣ приложенъ прекрасный портретъ, исполненный фототипическимъ способомъ съ оригинала, находящагося въ Московскомъ музеѣ П. И. Щукина.—

Книга издана превосходно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913 годъ.

(Годъ 51-ый).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1913 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Садовой у Ермолая, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 12 до 4 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Журналъ выходитъ на старыхъ основаніяхъ съ привлеченіемъ новыхъ сотрудниковъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщикъ долженъ заявить № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ видѣ приложенія подписчикамъ будетъ разослано собраніе статей и примѣчаній почившаго составителя „Русскаго Архива“ Петра Ивановича Бартенева.

Отвѣтственный редакторъ Н. С. Бартенева.

Издатель и составитель Петръ Бартенева (младшій).

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

1913

4—5

стр.

441. О русскихъ художественныхъ промыслахъ. Статья Графа П. С. Шереметева.
484. Н. О. Кутлубицкой. Сообщено И. Бронскимъ.
514. Переписка Кристина съ княжной Туркестановой.
553. По пути на Индію. Статья П. Л. Юдина.
572. Къ исторіи Московскаго Университета. Сообщено А. Ф. Кони.
580. Кое-что изъ иппологін. Замѣтка Безсмертнаго.
582. Переписка Н. П. Игнатъева, посла въ Константинополь, съ А. Н. Карцовымъ, консуломъ въ Иерусалимъ.
623. Челобитная боярина Ф. И. Шереметева царю Алексѣю Михайловичу. Сообщено Г. С. Ш.
625. Земщина и казаки при избраніи на царство Михаила Романова. Статья А. Соболевскаго.
629. Графъ Матіасъ-Сигизмундъ Шликъ. Одинъ изъ претендентовъ на руку царевны Прины Михайловны. Статья В. Нашарова.
665. А. И. Добрянскій-Сачуровъ. Статья Ф. Ф. Аристова.

МОСКВА

Синодальная Типографія

1913

Письмо въ редакцію.

Приступивъ къ 2-му переработанному изданію „Критико-Біографическаго Словаря русскихъ писателей и ученыхъ“, я разослалъ писателямъ и ученымъ, адреса которыхъ мнѣ были извѣстны, циркуляры съ просьбою о присылкѣ біо-библіографическихъ свѣдѣній. Вопросы и пункты этого циркуляра сводятся къ слѣдующему:

Біографія: 1) Имя и отчество. 2) Годъ, мѣсяць и число рожденія. 3) Мѣсто рожденія. 4) Кто были родители? 5) Вѣроисповѣданіе. 6) Краткая исторія рода. Главнымъ образомъ: были ли въ родѣ выдающіеся въ какомъ-либо отношеніи люди? 7) Ходъ воспитанія и образованія. Подъ какими умственными и общественными вліяніями оно происходило. 8) Начало и ходъ дѣятельности. 9) Замѣчательныя событія жизни.

Библіографія: 1) Перечень написаннаго или переведеннаго, съ точнымъ обозначеніемъ: а) если рѣчь идетъ о **книгѣ**: года, мѣста, формата и количества страницъ, в) если о **журнальной статьѣ**—года, № и названія періодическаго изданія, гдѣ она появилась, с) если о **газетныхъ статьяхъ** (главнѣйшихъ, конечно), то въ какихъ именно газетахъ и въ какомъ году они появились. 3) Не были ли (гдѣ, когда и кѣмъ) переведены произведенія на иностранныя языки? 4) Не появились ли гдѣ-нибудь біографическія свѣдѣнія (если появились, то въ какой книгѣ или въ какомъ № періодическаго изданія)? 5) Не были ли помѣщены гдѣ-нибудь портреты? 6) Псевдонимы.

Сверхъ того, я прошу не отказать мнѣ въ присылкѣ **фотографической карточки**.

Къ сожалѣнію, адреса очень многихъ писателей и ученыхъ остались мнѣ неизвѣстны. Поэтому я посредствомъ печати обращаюсь ко всѣмъ лицамъ, причастнымъ къ литературѣ, журналистикѣ и наукѣ, съ просьбой не отказать мнѣ въ доставленіи свѣдѣній о себѣ, примѣнительно къ вышеизложенной программѣ.

Очень важно для изданія, чтобъ указанныя свѣдѣнія были присланы не позже 1 Іюля с. г.

Отвѣты прошу направлять по адресу: С.-Петербургъ, Загородный, 21. профессору **Семену Аванасьевичу Венгеру**.

Съ истиннымъ уваженіемъ

С. Венгеровъ.

О РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛАХЪ

Мы лѣнны и не любопытны.

Пушкинъ.

Настоящая статья, гостепрѣимно принятая „Русскимъ Архивомъ“, содержитъ нѣкоторыя дополненія къ докладу того же названія, изданному Московскимъ Губернскимъ Земствомъ, еще не разсмотрѣнному губ. земскимъ собраніемъ. Кустарный Совѣтъ Московскаго Губернскаго Земства выразилъ желаніе имѣть болѣе подробныя объясненія къ тѣмъ предложеніямъ, которыя были высказаны составителемъ настоящаго доклада по кустарной промышленности, въ минувшую сессію 1911 года Губернскаго Земскаго Собранія, и были приняты собраніемъ. Предложенія эти касались необходимости вызвать къ жизни трудъ по исторіи русскихъ художественныхъ промысловъ, начиная съ раннихъ временъ; обращали вниманіе на необходимость облегченія доставки кустарямъ хорошихъ и доступныхъ образцовъ, главнымъ образомъ древне-русскаго искусства; наконецъ касались вопроса о желательности созданія, на ряду съ существующими, болѣе доступнаго широкимъ, менѣе обезпеченнымъ слоямъ населенія, типа предметовъ художественно-кустарнаго производства.

Послѣдовательная исторія русскихъ художественныхъ ремеслъ и вопросъ о происхожденіи нашихъ кустарныхъ промысловъ, до сихъ поръ не были предметомъ изученія подробнаго нашихъ ученыхъ. Были основательно изслѣдованы нѣкоторыя эпохи и нѣкоторыя отрасли производства, но цѣльной работы отъ начала Руси до нашихъ дней не сдѣлано. Между тѣмъ это вопросъ весьма интересный и практически очень важный, хотя

работа сложная. Нужно объединить данные, начиная съ курганных находокъ, съ данными лѣтописей и другихъ письменныхъ свидѣтельствъ, нужно изучить все сохранившееся во дворцахъ, монастыряхъ, частныхъ собраніяхъ, музеяхъ, сопоставивъ съ позднѣйшими историческими свидѣтельствами, какъ печатными, такъ и архивными, собирая крупницы отовсюду. Во всякомъ случаѣ такая работа принесла бы обильные плоды и необходимо поэтому ее вызвать къ жизни.

Взгляды ученыхъ на вопросъ различны. Одни совершенно почти отрицаютъ серьезное значеніе за старинными русскими ремеслами, или, если и признаютъ, то объясняютъ существующія простымъ подражаніемъ: другіе, напротивъ, указываютъ на весьма многія мѣстныя, своеобразныя, производства. Раскопки древнихъ кургановъ и могильниковъ разныхъ мѣстностей Россіи давно обнаружили множество предметовъ, какъ простой утвари, такъ и роскоши, въ родѣ колець, браслетовъ, серегъ, равно какъ и примѣры того, что и предметы простой утвари еще въ давнія времена украшались художественными орнаментами. Кузнечно-слесарныя и деревянныя издѣлія, ткани, гончарныя издѣлія, бочарныя, кожаныя, предметы вооруженія, серебряныя украшенія, глиняная посуда, полива, кость, все это находится уже въ курганномъ періодѣ нашей исторіи.

Настоящій краткій обзоръ вовсе не имѣетъ цѣли представить полную картину нашихъ древнихъ промысловъ, это лишь намекъ, напоминаніе о желательности подобныхъ работъ.

Указанія на художественную промышленность древности встрѣчаются еще на зарѣ нашей исторіи, въ періодѣ эпическомъ, и рассыпаны въ нашихъ былинахъ. Уже былины, воспѣвающія Кіевскую дружинную Русь, упоминаютъ иногда о тканяхъ, о рѣзбѣ по дереву, объ изразцахъ, о крашенинѣ. Находимъ въ нихъ, напр., упоминаніе о сапогахъ и чеботахъ зеленого сафьяна и женскихъ туфляхъ, или узнаемъ, что у Чурилы Пленковича въ дружинѣ были „однорядочки голубь скурлатъ“.

Читаемъ, что рѣзбой по дереву украшались корабли, и былина о Соловьѣ Будимировичѣ поетъ, что у его корабля:

Носъ, корма—по туриному
Бока взведены по звѣриному,

при чемъ нельзя не узнать въ этомъ стихѣ богатой рѣзбы, едва ли не сѣвернаго типа. сохранившейся у насъ и въ Скандинавскихъ странахъ.

Въ другой былинѣ богатырь Дюкъ Степановичъ говоритъ князю Владиміру:

А у моей сударыни-матушки
Печи были муравлены.

Правда, можетъ быть это и позднѣйшее наслоеніе въ былинѣ.

Производство крашенины, сохранившееся до сего времени и являющее много красивыхъ узоровъ, также воспѣвается:

Приходилъ ко ласкову князю съ подарками,
Принесъ сукно смурое
Да крашенину печатную*.

Въ раннихъ письменныхъ источникахъ встрѣчаются также указанія на внѣшнія черты быта.

Арабскій писатель X вѣка Ибнъ-Фодланъ оставилъ намъ подробное описаніе жизни богатаго Русса, одежда котораго, по его словамъ, была шелковая съ византійскими золотыми пуговицами, а шапка оторочена соболемъ. Онъ говоритъ также, что жены Руссовъ носятъ богатѣйшія украшенія; а въ описаніи погребенія передаетъ, что скамья въ лодкѣ была покрыта вышитыми коврами и римской шелковой матеріей и такими же подушками; далѣе, что русскія женщины особенно любятъ зеленый бисеръ и дорого за него платять.

Описывая Русскихъ, другой иностранецъ, миссіонеръ французскаго короля Людовика IX, Вильгельмъ де-Рубрукъ, говоритъ, что „мущины носятъ епанчи, какъ и нѣмцы“.

Письменные свидѣтельства эти подтверждаются сохранившимися лицевыми изображеніями.

На миниатюрахъ Сильвестрова сборника, гдѣ помѣщено сказаніе о перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба, князя и бояре имѣютъ шапки съ мѣховой выпушкой, длинную червленую, златотканую епанчу, такъ называемое корзно, укрѣпленную застежкой. Такого рода кочь или корзно, въ видѣ теплой княжеской мантии или епанчи на мѣху, большею частью бѣличьемъ, иногда краснаго цвѣта, съ застежкой, ясно видны на замѣчательной иконѣ собранія Ник. Петр. Лихачева,—святые Борисъ и Глѣбъ,—бывшей на выставкѣ минувшаго Съезда художниковъ.

* Кырша Даниловъ, Древн. росс. стих., 8.

Киевская Русь безъ сомнѣнія обладала уже утонченной культурой и потому не должно удивлять извѣстіе лѣтописи, что князь Владиміръ выковалъ для своей дружины серебряныя ложки, а вел. кн. Изяславу монахи дали „кладки, на нихъ же кланешеса“, т. е., вѣроятно, молитвенные коврики. Не мудрено, что князь Святославъ въ 1075 году хвалясь передъ послами нѣмецкаго короля Генриха IV. показывалъ имъ „безчисленное множество злато и сребро и паволоки“¹. Не разъ встрѣчается въ древнихъ свидѣтельствахъ и упоминаніе про „оружіе многоцѣнное“. Производство оружія было давнее и тянется въ продолженіи многихъ вѣковъ. являя образцы и мѣстнаго производства искусной работы, сохранившіеся главнымъ образомъ въ Оружейной палатѣ².

Чтобы имѣть представленіе о любви къ украшеніямъ богатыхъ людей уже XI—XII вѣковъ, стоитъ указать на примѣръ варяга Шимона, который далъ на построеніе кіево-печерской церкви 100 гривенъ золота и золотой поясъ въ 50 гривенъ; также сына его суздальскаго тысяцкаго Георгія, который въ 1130 году прислалъ въ Киевскую лавру 500 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота на украшеніе гробницы преп. Феодосія. Слѣдовательно, рѣзба по камню существовала уже въ тѣ времена. Отъ XIII вѣка сохранились знаменитые рельефы Дмитровскаго собора во Владимірѣ, церкви Покрова на Нерли и особенно замѣчательные Юрьевъ-Польскаго собора. Упомянемъ, что остатки каменныхъ гробницъ, кромѣ извѣстныхъ кіевскихъ, находятся еще и въ старой Рязани и другихъ мѣстахъ.

Украшеніе предметовъ обихода, усовершенствованіе самыхъ простыхъ предметовъ, видно, напр., изъ того, что при Владимірѣ Мономахѣ, помимо простыхъ саней, дѣлались еще и „красныя“; на такихъ болѣе красивыхъ саняхъ были перенесены мощи св. Бориса и Глѣба, о чемъ говоритъ сказаніе о перенесеніи мощей: „вставивше на сани на красны яже бѣша на то учинены“.

Деревянное производство особенно было распространено, а особенно славились, какъ „древодѣлы“. Новгородцы. Новгородскіе рѣзные кресты напр. XIV вѣка, сохранившіеся до нашихъ дней свидѣлствуютъ объ ихъ искусствѣ. Интересны и деревянныя рѣзные доски для печатанія крашенины, также пряничныя доски³. Вообще издѣлія изъ дерева играли весьма большую роль въ убранствѣ домовъ.

¹ Лавр. лѣт., 74, 78, 85.

² См. подробнѣе въ статьи И. Е. Забѣлина, „О металлч. производствѣ въ Россіи“ Зап. И. Арх. Об., 1852.

³ См. извѣстное изданіе графа А. А. Бобринскаго: „Русскія народныя деревянныя издѣлія“.

О XII вѣкѣ довольно много сохранилось извѣстій въ литературныхъ памятникахъ того времени; такъ напримѣръ Даниилъ Заточникъ, вспоминая свои лучшія времена, говоритъ о червленыхъ сапогахъ на боярскомъ дворѣ, въ которыхъ и онъ самъ, вѣроятно, щеголялъ до своей ссылки. Или вотъ еще его же обращеніе къ князю: „Егда ляжете на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни, господине, подъ единымъ платномъ лежаще“... Также и вышепомянутый французскій миссіонеръ Рубрукъ пишетъ: „Русскія женщины убираютъ головы такъ же, какъ и наши, платья свои съ лицевой стороны украшаютъ бѣличьими и горностаевыми мѣхами, отъ ногъ до колѣнъ“. Припомнимъ здѣсь же и плачь Ярославны въ Словѣ о полку Игоревѣ:

Омочу бебрянъ рукавъ во Каялѣ рѣкѣ...

Тотъ же Даниилъ Заточникъ говоритъ, что и въ его время женщины были щеголихами: „приничюще къ зеркалу и мажущесе румянцемъ“.

Другое произведеніе того же XII вѣка „Слово о богатомъ и убогомъ“ рисуетъ намъ богатаго русскаго человѣка, одѣтаго въ багряницу и паволоку, обладающаго бѣлыми иноходцами, украшенными золотой сбруей и золочеными сѣдлами.

Обличитель при этомъ упрекаетъ богатыхъ, что у нихъ „на обѣдѣ служба бѣ многа, сосуды златомъ сковани и серебромъ..., чаши серебряны великыя позлащены, кубци и котли“...

Въ грамотѣ князя Ростислава епископу 1150 года упоминаются различные предметы обихода: „полавочникъ“, „скатерти“ и „убрусы“. безъ сомнѣнія не простой работы.

Такія же свидѣтельства встрѣчаются и отъ XIII вѣка.

Лѣтопись говоритъ, что въ 1204 году въ княжеской дружинѣ раздавались даже голоса: „мало ли есть, княже, 200 гривень“; и объясняетъ: „не кладяху на своя жены златыхъ обручей, но хожяху жены ихъ въ серебрѣ“*.

Вотъ, напримѣръ, изображеніе лѣтописью 1252 года князя Даниила Галицкаго. Онъ выѣзжалъ на конѣ съ сѣдломъ изъ жженаго золота, стрѣлы и сабля его были съ золотыми насѣчками, украшенными хитрой рѣзьбой. Одежда его была изъ греческаго оловира, шелковая съ золотой

* Ипат. лѣт., 112, 119.

тканью и съ „кружевы златыя“. Сапоги его были изъ „зеленаго хза шиты золотомъ“, т.-е. сафьянные.

Помимо описаній и изображеній, сохранились въ рѣдкихъ случаяхъ и самые предметы стародавняго времени. Такъ сохранился напр. булатный шлемъ 1216 года князя Ярослава-Ѳеодора Всеволодовича Переяславскаго, обложенный чеканными серебряными и позолоченными бляхами съ вычеканеннымъ изображеніемъ Спасителя, великомученика Георгія, Василя Великаго и Ѳеодора, а также архистратига Михаила съ слѣдующей русской надписью: „Великыи Архистратиже Господень Михаиле, помози рабу своему Ѳеодору“; слѣдовательно шлемъ этотъ русской работы. Онъ былъ найденъ подъ кочкой близъ рѣки Колокши, гдѣ была извѣстная битва, и теперь находится въ Оружейной палатѣ*).

Не будемъ подробно останавливаться на вопросѣ, какъ у насъ въ древнее время зародились художественныя издѣлія и слѣдить за различными, какъ и вездѣ, чужеземными вліяніями, важно, что уже въ раннее время художественныя издѣлія производились мѣстными мастерами. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что всѣ эти украшенія возникли на верхнихъ слояхъ общества. Припомнимъ, что Феофилъ, писатель XII вѣка, передаетъ, что въ Россіи очень распространены издѣлія изъ драгоценныхъ металловъ.

Въ дѣлѣ напр. производства эмали вліяніе было Византійское; но эмалевыя издѣлія стали затѣмъ также выдѣлываться и въ Россіи. Напр. золотая діадема Кіевскаго клада 1889 года, по изслѣдованію Ник. Павл. Кондакова, принадлежитъ XII вѣку, при чемъ византійскій типъ уже значительно измѣнился. Знаменитое Суздальское оплечье уже русской работы.

Мозаика пришла къ намъ изъ Византіи, но въ работахъ греческихъ мастеровъ въ Кіевской Софіи принималъ участіе св. Олимпій Печерскій. Производство это пресѣклось на долго и только позднѣе возродилось трудами Ломоносова.

Золотое и серебряное дѣло были особенно распространены. Крестъ преп. Евфросиніи Полоцкой 1161 года свидѣтельствуетъ своей надписью, что сдѣланъ русскимъ мастеромъ. Оклады образовъ были иногда замѣчательны. Любовь къ украшенію драгоценными металлами видна и въ

* Бронная зала, т. 11.

княжескомъ подаркѣ Псковичамъ: „турей рогъ окованъ златомъ“. Также напр. позднѣйшія работы въ родѣ ковшика съ птицами на черневомъ полѣ и надписями: „Гамаюнъ“, „Мелькаееть“, „Неясытъ“, русской работы, хранящагося въ ризницѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Особенно сканное дѣло и филигрань получили большое при-мѣненіе въ Россіи, также чернь, нынѣ вовсе угасшая.

Что предметы художественнаго производства, о которыхъ встрѣчаются письменныя или лицевыя свидѣтельства, или образцы которыхъ сохранились въ подлинникахъ, не были единоличными произведеніями, видно изъ того, что напр. въ Кіевскихъкладахъ находятъ слѣды мастерскихъ, именно каменные формы для отливки серегъ.

Вышеупомянутый Даніилъ Заточникъ говоритъ въ томъ же своемъ посланіи, что „рожденіе желѣзу творить... надыманіе мѣшное“. т.-е. упоминаетъ объ огнѣ, раздуваемомъ мѣхами.

Издавнимъ было и производство замковъ, и лѣтопись 1169 года упоминаетъ ключи „церковные“¹.

Существовало и весьма развилось литье колоколовъ, также производ-ство печатей, особенно въ Новгородѣ, главнымъ образомъ свинцовыхъ, съ чеканкой и надписями, бывшихъ въ употребленіи князей и частныхъ лицъ.

Какъ литейщики въ XII вѣкѣ особенно славились Владимірцы. Они же славились какъ искусные „каменосѣчцы“. или „каменьницы“.

Было извѣстно и производство поливы. Такъ въ Бѣлогородкѣ нашлись поливные плитки X—XII вѣковъ и даже открылась въ землѣ цѣлая гончарная печь съ сосудами, а въ Кіевѣ, въ 1908 году, при раскопкахъ усадьбы Петровскаго нашлись слѣды цѣлаго ряда мастер-скихъ для изготовленія этихъ плитокъ.

Что древняя Русь знала не одну простую глиняную посуду, это видно изъ „Вопросовъ Кирика“. гдѣ находимъ слѣдующій вопросъ: „Достоитъ ли глиняну сосуду молитву дати осквернившуся, или толико древяну, а иныхъ избивати?“ Епископъ отвѣчалъ: „яко же древяну, также глиняну, тако мѣди и стьклу и серебру и всему твориться мо-литва“. Ясно, что было и стеклянное производство².

¹ Лавр. лѣт., 152.

² Аристовъ, Промышленность древней Руси, 110.

Кожаное производство древнѣйшее. Выраженіе „квась устьяный“, т.-е. квась, въ которомъ вымачиваютъ кожу, встрѣчается въ лѣтописи рано. При Дмитріи Донскомъ встрѣчается упоминаніе про „тшанъ кожевничій“, уже обложенный пошლიной, явный признакъ, что промыселъ былъ распространенъ.

Холстъ и полотно были не только грубые, какъ напримѣръ такъ называемые „яричь“ и „толстина“, но и болѣе тонкіе: „частина“ и „тончица“. Извѣстно также, что Мстиславъ Волынскій обложилъ жителей Берестя десятиной отъ льна, слѣдовательно льноводство было также распространено.

Выдѣлывались и суконныя издѣлія. Такъ, при перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба, Владиміръ Мономахъ „повелѣ метать поволоки, фафудью и орничѣ, бѣль людемъ“. Проф. Аристовъ говоритъ, что орницей называлась суконная одежда, происходящая отъ греческаго *καπουδιά*, впоследствии. фуфайка¹. Впрочемъ, Карамзинъ считаетъ орницы опушками у кафтановъ отъ греческаго *βρα*, а „фафудью“—кафтанъ съ поясомъ отъ греческаго *φαφουδοτος*².

Было и войлочное производство. Такъ шатры бывали войлочные и полотняные. Въ 1207 году вел. кн. Всеволодъ на берегу Оки „сѣде въ полсянница“; войлочная же часть шатра служила спальней³.

Не разъ упоминаются въ древнихъ свидѣтельствахъ различные ремесленники, существованіе которыхъ подтверждается и другими данными; упоминаются напримѣръ, кузнецы въ Курскѣ, въ житіи преп. Феодосія Печерскаго.

Что ремесла издавна существовали на Руси, видно уже изъ статей Русской Правды, гдѣ положено за убійство ремесленника и ремесленницы 12 гривенъ, вдвое больше противъ обыкновеннаго человѣка.

Въ лѣтописныхъ источникахъ встрѣчаются слѣдующія названія: кузнецы, котельники, плотники, каменщики, кожевники, серебряники, швецы и др. Въ 1200 году въ битвѣ съ Литвой напримѣръ убили „страшка серебряника вѣсця“⁴.

Въ XIV столѣтіи упоминаются мастера, освобожденные татарами отъ пошлинъ ярлыкомъ хана Узбека 1313 года: „ремесленницы...

¹ Аристовъ, 139.

² Карамзинъ, И. Г. Р., I, пр. 330; II, стр. 215.

³ Лавр. лѣт., 182.

⁴ Новгород. лѣт., 25.

писцы... каменные здатели, или деревянные или... мастера каковы“...¹.

Вышеупомянутыя пошлины съ производства снова указываютъ на существованіе многихъ мастерскихъ. Въ 1410 году въ Москвѣ была пошлина „съ серебрянаго литья“.

Лубочное производство также древнее. Псковская правая грамота 1463 года говоритъ: „и княжой бояринъ Михайло да Клемента соцкой тое вы бы досмотрѣли, и на лубъ *выписали*“...². Въ 1577 году изъ Новгорода „государскіе лубы“ повезли къ Москвѣ³. Названіе Московской улицы Лубянка не указываетъ ли на производство здѣсь лубка? Припомнимъ и церковь Троицы на Листахъ у Сухаревой, гдѣ торговали лубочными картинами, листами. Вообще названія мѣстностей заслуживаютъ вниманія. Припомнимъ напр. названія мѣстностей Кіева: „Кузнечныя ворота“ XII вѣка, урочища: Гончары, Кузнецы, Кожемяки; Новгородскій „Плотницкій конецъ“ и позднѣйшія Московскія урочища: Бараши, Кадаши, Хамовники, Скатертный переулокъ, Серебряная слобода и пр. Любопытно, что въ селѣ Рогачевѣ, Моск. губ., и окрестныхъ деревняхъ сильно распространены именно роговой промыселъ.

Какъ были устроены производства въ древней Руси, сказать точно трудно, но изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ свидѣтельствъ можно заключить, что существовали уже и артельные черты. Въ этомъ отношеніи замѣчательно указаніе, что когда напримѣръ вел. кн. Изяславъ захотѣлъ перестроить церковь Бориса и Глѣба, то онъ призвалъ къ себѣ „старѣйшину древодѣловъ“; въ другомъ случаѣ упоминается „старѣи огородникомъ“ и что старшина этотъ назвался Жданъ и былъ богатъ, ибо ежегодно въ день св. Николая дѣлалъ большой праздникъ. Здѣсь, по мнѣнію проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, „безспорно скрываются зачатки артельныхъ организацій“. Припомнимъ къ тому же и позднѣйшія, XIV вѣка, дружины иконниковъ въ Новгородѣ съ ихъ старѣйшинами и мастерами.

Также Новгородскіе литейщики и вѣсовщики серебра въ XIV вѣкѣ въ договорахъ съ нѣмцами отвѣчаютъ „за свою братію“ круговой порукой и цѣлуютъ на томъ крестѣ, слѣдовательно здѣсь уже явилось ремесленное артельное устройство съ поручительствомъ. Также въ

¹ Собр. Г. Гр. II, № 7.

² Ак. Юр. 4, с. 3.

³ П. С. Р. Л. I, Новг., 174.

XV вѣкѣ напр. серебряникъ Федоръ Жеребецъ говорилъ на судѣ: „на всѣхъ есть дилъ и на всю землю, и вѣсилъ съ своею братьею ливцы“¹.

Въ Псковской Судной Грамотѣ упоминаются и мастеръ, и ученикъ, и плата за ученіе, и наниматели.

У насъ склонны большею частью отрицать всякое мѣстное значеніе и своеобразное, самобытное основаніе промысловъ. Были разумѣется вліянія и ближняго востока и Византіи, и Скандинавовъ, и Нѣмцевъ, и Италіи, но на произведеніяхъ русской художественной промышленности нельзя не видѣть чего-то своего, особаго. Отпечатокъ ихъ совершенно своеобразный и это-то своеобразие должно быть отмѣчено и изучено.

На зарѣ нашей исторіи Византія имѣла огромное вліяніе на русское искусство. Во время путешествія еще Ольги въ Царьградъ ей сопутствовали шесть родственницъ и восемнадцать прислужницъ, обѣдавшихъ, какъ и княгиня, въ императорскихъ палатахъ и получавшихъ дары. Съ того времени, по предположенію Забѣлина, вошли въ употребленіе кика и лѣтникъ съ длинными рукавами², одежда, сходство съ которой нашель въ самомъ концѣ XVII вѣка Петр. Андр. Толстой въ одеждѣ венеціанокъ.

Въ зодчествѣ и иконописи вліяніе Византіи безспорное. Извѣстно, что епископъ Евремъ, построившій городъ Переяславль въ 1090 году, согласно свидѣтельству Лаврентьевской лѣтописи, „во Греціи бо бывъ и тамо всякой красотѣ научився“³.

Но уже къ 1190 году Кіевскій вел. князь Рюрикъ Ростиславичъ, по словамъ Ипатьевской лѣтописи, „имѣя любовь не сыту о зданіяхъ... изобрѣте бо подобна дѣлу и художника во своихъ си пріятелехъ, именемъ Милонѣга, Петръ же по крещенію“⁴.

Припомнимъ далѣе заботы вел. кн. Андрея Боголюбскаго по построенію и украшенію многихъ храмовъ Владиміро-Суздальской области, которыя были особенно усердны. Извѣстно, что къ нему сте-

¹ П. С. Л. IV, 126.

² Забѣлинъ, Бытъ царицъ.

³ Лавр. лѣт., 89.

⁴ Ипат. лѣт., 152-3.

кались мастера не только изъ чужихъ земель, изъ Греціи, изъ Нѣмецъ. но онъ находилъ ихъ затѣмъ и у себя: „не ища мастера отъ Нѣмецъ, но налѣзе мастера отъ клеветъ св. Богородицы и отъ своихъ—иныхъ лѣяти, иныхъ крыти, иныхъ извѣстью бѣлити“¹.

Украшенія Андрея Боголюбскаго церкви во Владимірѣ были замѣчательны и такъ описываются лѣтописцами: „всякими узорочьи удиви ю..., златомъ и финифтомъ и всякою добродѣтью... ковано золотомъ“. Упоминаются и жемчужныя украшенія, и паникадилы, и сосуды золотыя и серебряныя.

Въ приведенномъ отрывкѣ упоминается финифть. Откуда и когда произошелъ этотъ художественный промыселъ? Была финифть турецкая и финифть греческая, и западная. Въ настоящее время мастера финифти сохранились только въ Ростовѣ, но промыселъ этотъ падаетъ, о чемъ будетъ упомянуто ниже².

Въ письменныхъ свидѣтельствахъ не разъ упоминаются и имена художниковъ-мастеровъ, иногда принадлежавшихъ къ высшему кругу общества. Занятіе художественными ремеслами было не чуждо отдѣльнымъ князьямъ. Такъ на примѣръ меньшей сынъ Всеволода III „Большого гнѣзда“, князь Святославъ, возобновившій знаменитую церковь въ Юрьевѣ-Польскомъ, украшенную извѣстными рельефными изображеніями. „чудну рѣзаннымъ камнемъ“, былъ, по словамъ Тверской лѣтописи, и самъ хорошимъ рѣзчикомъ по камню и собственноручно украшалъ свою церковь³.

О князѣ Владимірѣ Васильковичѣ записано, что онъ въ 1288 году „икону списа на золотѣ намѣстную Св. Георгія“. По преданію, превосходную по кисти икону Владимірской Божіей Матери, находящуюся въ соборѣ во Владимірѣ, писалъ съ подлинной митрополитъ Петръ. Вообще о русскихъ мастерахъ не разъ упоминаютъ источники.

При построеніи княземъ Даниломъ Галицкимъ церкви въ Холму 1254 года, упоминается украшеніе изъ галичскаго бѣлаго и зеленаго

¹ Новг. лѣт. 11; Лавр. стт. 173.

² Въ 1590 году старецъ Іосафъ Лужный далъ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю два креста сканной работы съ финифтью, или напр. князи Ив. Ав. Воротынскои чашу серебряную, черенъ хрустальной съ каменіемъ въ серебрѣ съ финифтомъ. [Арх. Варлаамъ, опис. древностей Кир.-Бѣлоз. мон., с. 40, 52].

³ Тверск. лѣт. Полн. собр., т. XV, стр. 355.

холмскаго камня и что сдѣланы были „узоры тѣ нѣкимъ хитрецомъ Авдѣемъ“.

Плано Карпини, доминиканскій монахъ, бывшій у монголовъ въ 1245 году, видѣлъ тамъ „одного Русса, золотыхъ дѣлъ мастера, по имени Козьму“, который показывалъ сдѣланные имъ для хана престолъ и печать. Тронъ этотъ былъ „изъ слоновой кости, изумительно вырѣзанный; было тамъ также золото, дорогіе камни, если мы хорошо помнимъ, говоритъ доминиканецъ, и перлы; и на тронъ, который сзади былъ круглымъ, взбирались по ступенямъ“¹.

Указаніе на русскихъ мастеровъ не разъ встрѣчается въ княжескихъ завѣщаніяхъ: напр., „поясъ старый новгородскій“, поясъ „Шишкина дѣла“, поясъ „Макарова дѣла“. Здѣсь кетати замѣтить, что пояса были особенно излюбленными предметами художественнаго рукодѣлья въ древней Руси. Припомнимъ богатый поясъ варяга Шимона; также поясъ боярина Захарія Ивановича Кошкина, послужившій предметомъ извѣстной ссоры на свадьбѣ Василія Темнаго, когда Кошкинъ, двоюродный дядя невѣсты, дочери Маріи Θεодоровны Голтяевой-Кошкиной, замѣтилъ во время пира свой родовой поясъ на князѣ Вас. Юр. Косомъ и сорвалъ его съ послѣдняго. Вѣроятно, это были пояса въ родѣ того пояса Византійскаго образца, который изображенъ на недавнемъ портретѣ Фердинанда Болгарскаго.

Припомнимъ еще, что когда къ Ганзейскимъ нѣмецкимъ людямъ пришелъ отъ Новгородскихъ бояръ нѣкто Борисъ Сильвестрычъ, то говорилъ, что его прислали по торговымъ дѣламъ бояре, которыхъ назвалъ „три ста золотыхъ кушаковъ“².

Въ дѣлѣ насажденія промысловъ большую роль сыграли монастыри и отдѣльные подвижники. Извѣстно, напр., что пр. Θεодосій Печерскій по ночамъ „сѣдѣше прядый волну“, что находимъ въ Печерскомъ Патерикѣ. Въ житіи того же угодника разсказывается, что кievопечерскіе монахи въ его время сами пряли и изготовляли себѣ бѣлье, „платна дѣлая“³.

Извѣстно также, что въ XI вѣкѣ тѣ же иноки „копытца плетяще и клубуки и ина ручная дѣла строяща и тако носяще въ городъ про-

¹ Плано Карпини, Исторія Монголовъ, изд. Суворина, стр. 56—7.

² Русс. Лив. А. № 75, с. 54—61. Бережковъ, о торговлѣ Руси съ Ганзою, с. 247.

³ Лавр. лѣт., стр. 76.

даяти и тѣмъ жито купяху⁴. Слѣдовательно, устанавливался и сбытъ произведеній на сторону. Предполагають, что копытца—это чулки, а плетеные клубуки здѣсь означаютъ вязаные колпаки¹.

Можетъ быть здѣсь надо видѣть скорѣе валяльное дѣло. Шапками древней Руси были такъ называемые клубуки и киверы. Извѣстно, что въ черныхъ клубукахъ сидѣли въ 1152 году приближенные князя Владиміра. послѣ его смерти, а вышеупоминавшійся Рубрукъ говоритъ, что русскіе мужчины „на головѣ имѣють войлочныя шапки. заостренная кверху длиннымъ остриемъ“². Слѣдовательно, валяльное искусство, упоминаемое въ XIII вѣкѣ, очень давнее.

Сохранилось извѣстіе, что въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ были монахи „умѣющіе рукодѣліе дѣлающе... одѣяніе и прочее, яже къ тѣлесной потребѣ“.

Есть наконецъ преданіе, что существующій нынѣ промыселъ на посадѣ у Свято-Троицко-Сергіевой Лавры, рѣзба по дереву и изготовленіе разныхъ крестовъ, иконъ, ложекъ и пр., восходитъ ко временамъ преп. Сергія и что даже самъ преподобный умѣлъ рѣзать по дереву. Справедливо ли такое мнѣніе, сказать трудно, но есть определенное свидѣтельство житія, что преп. Сергій умѣлъ плотничать и однажды своему старцу лично сдѣлалъ сѣнцы, не ожидая прихода позваннаго старцемъ плотника. Въ ризницѣ Лавры доселѣ сохраняется деревянные потиръ и дискось, на которыхъ, по преданію, служилъ преп. Сергій. Образецъ ложки старинной работы съ изображеніемъ пр. Сергія, благословляющаго Дмитрія Довского, можно видѣть въ вышеуказанномъ изданіи графа Бобринскаго, перепечатанный въ изданіи журнала Studio „Peasant art in Russia“.

Извѣстно также, что преподобный самъ шилъ для братіи сапоги. Припомнимъ, что онъ происходилъ изъ боярскаго рода и въ этомъ отношеніи рукодѣліе его получаетъ особый интересъ, какъ примѣръ знанія ремеслъ и смиренія.

По свидѣтелямъ принца Буххавскаго XVI вѣка „у бояръ на столахъ по большей части ставились блюда и бокалы деревянные, искусно сдѣланные монахами въ нѣкоторыхъ обителяхъ; одни заздравные кубки были серебряные³“:

¹ Аристовъ, стр. 143.

² Рубрукъ, Пут. въ вост. страны, изд. Суворина, стр. 87—88.

³ Древ. Рос. Госуд., отд. 1., с. 1849.

Замѣчательны по своей тонкой работѣ рѣзные и прорѣзные кресты, иногда кипарисные русской работы, которыхъ не мало сохранилось до нашихъ дней.

Особенно распространено было на верху общества женское художественное рукодѣліе. Татищевъ, на основаніи не дошедшихъ до насъ лѣтописей свидѣтельствуемъ, что первая монахиня изъ русскихъ княженъ, дочь Всеволода III, Янка, сама учила монахинь грамотѣ, пѣть и шить, и что другая дочь того же вел. князя, Верхуслава, также занималась художественнымъ рукодѣліемъ и учила другихъ: „сама прилежала трудамъ и рукодѣліямъ, швеніямъ златомъ и серебромъ, яко для себя и своихъ дѣтей, паче же для монастыря“¹.

О Февроніи Муромской разсказывается, что она умѣла ткать: „юноша вииде въ храмину и узрѣ видѣніе чудно, сѣдѣше бо едина дѣвица и ткаше красна, передъ нею же заецъ скача“.

Въ томъ же житіи говорится, что она же передъ своей кончиной „своими руками шіяше воздухъ, на немъ же лики святыхъ“ и скончалась „единого святаго ризъ еще не дошивъ, лице же нашивъ, преста, и воткне иглу, и приверьте нитію“².

Княгиня Василіса, по свидѣтельству лѣтописца 1365 года, также, начавъ жить въ монастырѣ св. Зачатія, „тружаяся рукодѣлемъ“, при чемъ не ходила въ мовнѣ и не носила рубашекъ, а суровую власяницу.

Кромѣ этихъ письменныхъ свидѣтельствъ, до насъ дошли и самыя произведенія женскаго рукодѣлія древности. Сохранилась, напр., превосходная, шитая шелками, золотомъ и серебромъ плащаница въ ризницѣ Св. Софіи Новгородской 1456 года съ надписью, что это даръ вел. кн. Вас. Вас. Темнаго и его семьи; можно, слѣдовательно, думать, что женское рукодѣліе великокняжескаго семейства.

Въ Рязанской Крестовой церкви хранится также воздухъ, шитый на шелку въ 1486 году дочерью Василія Темнаго, княгиней Анной Васильевной, женой рязанскаго князя Василія Ивановича.

Въ Новгородской Софіи хранится пелена 1541 года съ надписью: „шила пелену кн. Анна Оболенская въ домъ св. Софіи“... и другая

¹ Татищевъ, III, 329.

² Памяти, старин. русск. лит., I, 32, 34.

пелена 1543 года: „шила золотомъ и серебромъ пелену кн. Ксенія Шуйская“; она же шила сохранившійся тамъ же „покровъ десяти пядей образъ Іоанна архіепископа новгородскаго, золотомъ и серебромъ и шолки различными цвѣты“¹.

Чѣмъ ближе къ нашимъ временамъ, тѣмъ больше сохранилось подобныхъ трудовъ. Царица Анастасія Романовна Юрьева, первая супруга Грознаго, была искусная мастерица шить шелками и золотомъ, и многія ея работы сохранились. въ томъ числѣ шитая пелена съ изображеніемъ св. Никиты Переяславскаго².

Она же устроила въ Москвѣ „Слободу бѣлильную“ на Ордынкѣ, бывшую въ заведываніи Постельнаго приказа³.

Иностранецъ Петрей, описывая нравы Московскаго царства, свидѣтельствуеть, что художественное рукодѣлье встрѣчалось не въ единичныхъ случаяхъ среди знатныхъ женщинъ, но было весьма распространено; онъ говоритъ: „въ домашнемъ хозяйствѣ лучшія и знатнѣйшія женщины... сидятъ въ заперти въ своихъ комнатахъ и обыкновенно шьютъ, либо вышиваютъ на полотнѣ ширинки золотомъ, серебромъ и шелками; онѣ очень искусны въ этомъ дѣлѣ и мастерицы вышивать по всякому узору. нѣкоторыя даже до того, что перещеголяютъ иныхъ швей въ шитьѣ жемчугомъ, и рукодѣлья ихъ вывозятся въ дальнія страны“.

Въ XVII вѣкѣ въ Московскомъ кремлевскомъ государевомъ дворцѣ существовала особая мастерская свѣтлица, помѣщавшаяся въ деревянныхъ хоромахъ. а съ 1625 года для той же цѣли была выстроена особая „каменная свѣтличная палата“. Самое слово „свѣтлица“ указываетъ на свѣтлое помѣщеніе, гдѣ работали. съ двустороннимъ свѣтомъ⁴. Въ этой свѣтлицѣ работали „царицны рукодѣльницы... бѣлыя и золотныя мастерицы“. Здѣсь работали „золотное и шелковое пяличное дѣло“, шили церковные предметы, домашніе наряды, вошвы, шапки, ожерелья, башмаки, ширинки. Здѣсь же дѣлали царскій кречатій нарядъ. т.-е. одежду для соколиной охоты. столь любимую царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

¹ Забѣлинъ, Быть царицъ.

² Въ музеѣ древностей Владиміра-на-Клязьмѣ.

³ Забѣлинъ, Быть царицъ.

⁴ Даль приводитъ: „въ рабочей свѣтелкѣ кругомъ все окна“. Во Владимір. губ. свѣтлицей называется ткацкая изба. Свѣтлица чистая—свѣтлая комната съ голландской печью.

Шитье было разное: гладью и высокимъ швомъ, на чеканное дѣло, въ петлю, въ цѣпки, въ вязъ, въ ломъ, сканью въ аксамитное дѣло и т. д.

Распространено было и низанье, т.-е. украшеніе тканей жемчугомъ и камнями.

Завѣдывали дворцовымъ рукодѣліемъ особыя „свѣтлишныя боярыни“.

Было и канительное производство и существовали особые канительные мастера съ 1614 года.

Такимъ образомъ, царицына свѣтлица была своего рода художественнымъ средоточіемъ прикладного искусства стараго Московскаго государства, подобно тому, какъ на половинѣ царя процвѣтали иконописная, оружейная и серебряная мастерскія.

Исторія этой дворцовой мастерской началась ранѣ XVII вѣка. Известно, что золотошвейное дѣло процвѣтало въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ въ началѣ царствованія Михаила Феодоровича сосредоточивалась и вся дворцовая свѣтлишная работа, ибо тамъ жила великая старица Марѳа Ивановна, рожд. Шестова, мать царя Михаила. Припомнимъ и прежнихъ княжихъ и царственныхъ рукодѣльницъ.

Кромѣ дворца, рукодѣліе было распространено и въ боярскихъ домахъ и многія боярыни особенно славились своимъ искусствомъ. Такъ, напр., въ XVII вѣкѣ славилась Дарья Прок. Милославская, жена Ивана Богдановича Милославскаго, у которой брали иногда работы ея во дворецъ, напр., въ 1677 году у нея взяты: „вошвы шитые по червчатому бархату золотомъ и серебромъ, травы оксамичены“; уплочено 40 рублей, т.-е. около 400 на наши деньги.

Славилась въ Москвѣ и свѣтлица боярыни Волынской. Исторія „О невинномъ заточеніи боярина Матвѣева“ передаетъ, что мужъ ея, окольнічій Василій Волынскій, вошелъ въ силу только „супруги своей по всехвальному въ Москвѣ въ тѣ времена всякаго золотомъ и серебромъ дорогого шитья въ своемъ домѣ гораздо знаменитыхъ швей художеству“. Самъ же онъ былъ человѣкъ безызвѣстный и безъ искусства своей боярыни ничѣмъ бы не выдвинулся*.

* Забѣлицъ, Быть царицъ.

Въ богатой ризницѣ Св. Софіи Новгородской сохраняется также надгробный покровъ краснаго атласа съ вышитымъ изображеніемъ святителя Іоанна Новгородскаго съ надписью 1613 года: „тщаніемъ и труды князя и боярина Дашкова жены его княгини Дарьи Ивановны“ *.

Стоить обозрѣть ризницы монастырей, хотя бы Московскихъ, на примѣръ богатѣйшей ризницы Троице-Сергіевой Лавры и др., чтобы убѣдиться, сколько пелень, воздуховъ, ризъ и другихъ издѣлій превосходной работы съ чудными блѣдными тонами, зелеными, фіолетовыми, розовыми и не рѣдко представляющихъ работу царицъ и царевенъ. Особенно славились мастерствомъ сестры царя Алексѣя Михайловича. не замужнія и дожившія до пожилыхъ лѣтъ, главн. обр. Татьяна Михайловна, также царевна Софія Алексѣевна.

Ими иногда искусно украшались орнаментами и рукописныя богослужебныя книги, и подобныя работы царевенъ сохранились въ ризницахъ, напр. Саввино-Сторожевскаго монастыря. таково и евангеліе Московскаго Успенскаго собора, украшенное заставками работы царевны Ирины Михайловны. Подобныя работы можно видѣть на замѣчательной Романовской, юбилейной, выставкѣ въ Чудовомъ монастырѣ.

Русскія княгини и боярыни не только сами знали рукодѣлія, но и обучали своихъ крестьянъ ремесламъ. Къ сожалѣнію у насъ имѣется мало свидѣтельствъ о томъ источникахъ, но и того, что сохранилось, довольно, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. Въ этомъ отношеніи драгоцѣнна не такъ давно отысканная хозяйственная переписка второй половины XVII вѣка боярыни Прасковьи Андреевны Хованской со своими ключницами.

Въ одномъ письмѣ изъ Костромской деревни Филипповой одна ключница пишетъ своей боярынь, посылая полотно и гребенины, и спрашивая насчетъ крашенины, упоминаетъ цвѣта „желтый“ и „вишневъ“, говоритъ про „скатерть шахматную, что Степка училась“. Ясно, что въ вотчинѣ было обученіе женскому рукодѣлію; посылаетъ кромѣ того въ Москву „чулочки“. Спрашиваетъ также, какъ боярынь прикажетъ дѣлать тенета, очевидно для охоты.

Забота о полученіи образцовъ и узоровъ весьма занимала мастерицъ. Другая ключница Московскаго дома пишетъ той же княгинѣ:

* „Цвѣтникъ“. К. П. Степанова, см. нашъ очеркъ „Звездъ“.

„по твоему, государыня, указу со здоровьемъ отъ тебя, государыня, ко княгинѣ Аннѣ Володимировнѣ ходила и объ узорахъ была челомъ и она пожаловала; и тѣ, государыня, узоры послала я къ тебѣ“.

Изъ той же переписки князей Хованскихъ узнаемъ, что жена извѣстнаго стрѣлецкаго полковника Матв. Осип. Кровкова дѣлаетъ той же княгинѣ Праск. Андр. Хованской „подубруснички тафтяныя“ и „подзатыльники“.

Читаемъ далѣе, что княжна Аксинья Иван. Хованская посылаетъ черезъ брата для его жены, а своей невѣстки, кораллы: „да послала и тебѣ пятнадцать коралковъ бѣлыхъ и тебѣ бы пожаловать. велѣтъ сдѣлать погвицы на тотъ подобей, что у тебя на собольей шубѣ на отласной цвѣтной“...

Украшеніе домашней утвари, одежды, вооруженія и проч., служило предметомъ самыхъ утонченныхъ заботъ. Стоитъ обратить вниманіе на примѣръ на слѣдующій наказъ боярина князя Петр. Ив. Хованскаго въ 1675 году, съ Дона въ Москву, женѣ своей, вышеупомянутой Прасковѣ Андреевнѣ: „да пришли ко мнѣ тесомочку бѣленькую шелковую на узду, вели ее выткать на кружки... надобно 15 аршинъ. И я послалъ съ Пронькою образчикъ. И ты, матка моя Андреевна, не полѣнись, сдѣлай сама, чтобы она была поглаже, а не узловата... А камошки для того я и прислалъ назадъ—и тѣхъ стало въ узду, которые ты прислала съ Клидкою“*.

Слѣдовательно „узоръ“, „подобей“, „образчикъ“ играютъ весьма большую роль.

Борисъ Годуновъ много способствовалъ насажденію искусства въ Россіи и не даромъ князь Ив. Мих. Катыревъ-Ростовскій говоритъ про него: „строителенъ зѣло“.

Царь Алексѣй Михайловичъ, любившій украшать монастыри, церкви, дворцы, строитель Коломенскаго дворца, много способствовалъ усовершенствованію промысловъ иконописнаго, рѣзнаго, оружейнаго, золотого, серебрянаго, алмазнаго, сафьяннаго и др. Данный имъ Саввиному монастырю лучшій въ Россіи колоколь, вылитъ былъ русскимъ мастеромъ, Александромъ Григорьевичемъ, въ 1667 году. Его иконописная

* О князьяхъ Хованскихъ. с. 64, 56, 50.

мастерская во дворцѣ особенно славилась, а въ „Мастерской палатѣ“, въ послѣдствіи названной „Оружейной“ изготовлялись замѣчательныя издѣлія. Оружейный приказъ образовался изъ „Оружейной палаты“, которая была еще въ XVI столѣтіи. Здѣсь сосредоточивались лучшіе мастера: рисовальщики, чеканщики, золотари, серебрянники, рѣзчики, финифтьщики и др. Расцвѣтъ Оружейной палаты былъ именно въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Сохранилось много именъ русскихъ бронниковъ, напр. особо славившійся Никита Давыдовъ, выработавшихъ особый московскій обликъ оружія; но многое погубило въ пожаръ 1737 года. Тогда же погибли дѣла „Золотой палаты“.

Замѣчательныя заботы Тишайшаго царя о сафьянномъ дѣлѣ. Имъ были основаны цѣлые заводы сафьяннаго дѣла, напр. въ селѣ Чашниковѣ Московскаго уѣзда и въ Москвѣ на Яузѣ. Въ 1670 году напр. было сдѣлано 3615 сафьяновъ. Сохранились документы, царскіе указы о сафьянномъ дворѣ въ Торжкѣ и теперь славящагося кожанымъ производствомъ*.

Слѣдуетъ обратить вниманіе и на желѣзные заводы по р. Истрѣ въ с. Павловскомъ XVII-го столѣтія, о которыхъ много сохранилось данныхъ. Не ихъ ли слѣды живутъ въ современномъ кузнечно-слесарномъ производствѣ сосѣднихъ крестьянъ Звенигородскаго уѣзда?

Патр. Никонъ, великій строитель, положилъ начало въ окрестностяхъ Новаго Іерусалима производству изразцовъ, необходимыхъ ему для украшенія монастыря. Образцы этихъ изразцовъ можно видѣть въ настоящее время въ Новомъ Іерусалимѣ, къ сожалѣнію грубо раскрашенные при реставраціи, а также, въ лучшемъ состояніи, въ сосѣднемъ селѣ, Ярополецѣ, Волоколамскаго уѣзда, пріобрѣтенные владѣльцемъ графомъ И. И. Чернышевымъ-Кругликовымъ, гдѣ изъ нихъ на усадьбѣ образована цѣлая комната въ оранжереѣ. Самъ Никонъ зналъ рукодѣліе и лично во время ссылки сдѣлалъ кресло съ рѣзною спинкою и точеными ножками, о чемъ гласитъ надпись: „...сіѣ стуль сдѣланъ смиреннымъ Никономъ патриархомъ“... [Арх. Варлаамъ древ. Кир.-Бѣл. м., 77].

Очень красивы издѣлія изъ слюды, столь рѣдко сохранившіяся. Въ описаніи Москвы по списку конца XVII вѣка говорится, что „въ царскихъ палатахъ и въ боярскихъ и великоможныхъ людей храминахъ во окна дѣлаютъ окончины и великіе изрядные фонари разными

* О состояніи сафьян. дѣла при царѣ Алекс. Мих. И. Федорова, с. 3, 7.

образцы⁴. Иногда такія слюдяныя издѣлія украшались фигурами птицъ, звѣрей и проч., вилетавшимися въ окна.

Производство черепицы, имѣвшей большое примѣненіе до середины XVIII вѣка, достигало замѣчательныхъ образцовъ поливы. Стоитъ обратить вниманіе на черепицу московскаго Кремля, на эти чудные, теплые, зеленые тона и сравнить съ современными образцами черепицы, чтобъ понять, какъ выше было производство прежняго времени. Теперь начали, кстати, ремонтъ Кремля и одна изъ башенъ, близъ Спасской, возобновлена новой черепицей. Она неприятнаго яркаго зеленого цвѣта и ничего общаго со старой черепицей не имѣетъ. Неужели же всю старую черепицу Кремля предположено постепенно замѣнить новой? Будемъ надѣяться, что это не будетъ допущено!

Производство игрушекъ очень старое. Въ 1634 году находимъ игрушки, салазки, санки царевича Алексѣя Михайловича. Игрушки были распространены и въ обществѣ и находились на рынкѣ. Въ царскихъ записныхъ расходныхъ книгахъ Петра Великаго и Екатерины I-й находимъ, что 26 декабря 1721 года: „куплено въ Москвѣ разныхъ игрушекъ государынѣ царевнѣ Натальѣ Петровнѣ и великому князю и княжнѣ... три коровы, два коня, два оленя, четыре барана, двѣ пары лебедей, два пѣтуха, одна утка, при ней трое дѣтей, городъ съ солдатами, три баула, за все заплачено четыре алтыня двѣ деньги⁴. Невольно напрашивается вопросъ, не есть ли это тоже самое производство, остатки котораго уцѣлѣли и до нашихъ дней въ предѣлахъ Троицкаго посада?¹—Интересны и рисунки иллюстрированнаго букваря, гравированные Леонтиемъ Бунинымъ, по которымъ учился царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Въ 1711 году Петръ Великій перевелъ мастеровъ „разныхъ художествъ“ изъ Московской мастерской въ Петербургъ, поставивъ ихъ подъ наблюденіе иностранцевъ. Древне-русское искусство съ той поры замерло²). . . Слѣдуетъ обратить особое вниманіе и на самый языкъ и названія въ дѣлѣ старинныхъ производствъ, напр. виды украшеній предметовъ: чешуйчатые, ячейчатые, грановитые, дорожчетые, трав-

¹ Сбор. выпис. о Петрѣ Великомъ, Викторова.

² О древнемъ искусствѣ въ быту см., помимо Забѣлина, „Бытъ царей и царицъ“ и „О металл. произ. въ Россіи“, въ трудахъ: Саввантова „Описаніе стар. царскихъ утварей и т. д.“ и Викторова „Описаніе книгъ Дворцовыхъ приказовъ“, также кратко у Костомарова „Очеркъ домашней жизни великор. народа“ и др.

чатые, ложчатые, струйчатые и т. п.; этимъ слѣдовало бы составить цѣлый словарь.

Князь Алексѣй Мих. Черкасскій, которому Петръ Великій поручилъ строеніе и украшеніе Петербурга, по словамъ изслѣдователя русской старины, П. А. Безсонова, является создателемъ въ Россіи многихъ художественныхъ ремеслъ. Въ этомъ отношеніи было бы весьма важно отыскать труды князя Черкаскаго, которые могутъ найтись въ дѣлахъ по строенію Петербурга. Вотъ цѣлая работа напр. для почтеннаго общества „Старый Петербургъ“. Князь А. М. Черкасскій особенно любилъ примѣненіе сибирскихъ камней къ золоту и серебру, и это было не безъ вліянія сибирскаго его продолжительнаго управленія. Въ приданомъ его дочери, графини Варвары Алекс. Шереметевой, есть подобныя издѣлія.

Любовь самого Петра Великаго къ ручной работѣ общеизвѣстна. Онъ занимался токарнымъ дѣломъ по дереву и кости, слесарнымъ дѣломъ и др. Мастерская палата его отца была, конечно, ему хорошо извѣстна и не здѣсь ли приобрѣлъ онъ вкусъ къ рукодѣлію? Въ этомъ отношеніи едва ли онъ былъ исключеніемъ, но мало сохранилось у насъ указаній о томъ объ обществѣ XVIII вѣка.

Вотъ нѣсколько примѣровъ: князь А. Д. Меншиковъ въ Березовѣ самъ производилъ плотничныя и столярныя работы, тамъ же рукодѣльничала княгиня Нат. Бор. Долгорукая, рожд. графиня Шереметева. Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ хранятся три шитыхъ воздуха золотомъ и жемчугомъ по атласу работы Екатерины II. Припомнимъ и труды Ломоносова, его работы мозаичныя.

Намъ извѣстно, что въ концѣ XVIII вѣка въ селѣ Уборахъ, Звенигородскаго уѣзда, Московской губ., въ 1790-хъ годахъ у владѣльца, Звенигородскаго узднаго предводителя дворянства. Вас. Влад. Шереметева была въ домѣ собственная „столярная“ мастерская, гдѣ онъ работалъ, о чемъ упоминается въ сохранившейся перепискѣ.

Даже въ недавнее сравнительно время Василій Алексѣевичъ Шереметевъ, бывшій московскій губернскій предводитель дворянства, имѣлъ у себя въ домѣ большую столярно-слесарно-токарную мастерскую съ многими станками. гдѣ онъ любилъ заниматься и лично выдѣлывать различныя вещи, бывшія на кустарной выставкѣ 80-хъ годовъ, гдѣ получилъ даже за нихъ награду. Любовь эту онъ унаслѣдовалъ

отъ своего отца, Алекс. Васильев. Шереметева, любившаго всякое рукодѣліе.

Что помѣщики въ XVIII вѣкѣ стремились къ насажденію среди своихъ крестьянъ промысловъ, тому примѣромъ служить извѣстіе, что графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, сынъ фельдмаршала, въ срединѣ XVIII столѣтія развивалъ промыслы у себя въ деревняхъ. Среди нихъ особенно процвѣли два: въ Павловѣ и Ворснѣ, Горбатовскаго у., Нижегород. губ., создалось сильное производство стальныхъ издѣлій, ножей, клинковъ, замковъ и пр., доселѣ существующее, а въ селѣ Ивановѣ-Вознесенскомъ, Владимирской губ., развилось на почвѣ старинныхъ набоекъ, тамъ бывшихъ въ распространеніи, производство матерій; теперь Иваново это большой фабричный городъ, Иваново-Вознесенскъ, называемый „Русскій Манчестеръ“.

Исторія этихъ двухъ промысловъ представляла бы весьма большой интересъ, но къ сожалѣнію вопросъ этотъ весьма мало разработанъ, хотя есть архивныя данныя середины XVIII вѣка. Возможно, что до графа П. Б. Шереметева уже занятъ былъ тѣмъ же въ Павловѣ тестъ его, вышеупомянутый князь А. М. Черкасскій, отъ котораго перешло къ Шереметевымъ село Павлово. Мѣстные жители въ 1869 году свидѣтельствовали, что ихъ промыслу много содѣйствовалъ желѣзный заводъ на р. Таркѣ, устроенный гр. П. Б. Шереметевымъ, существовавшій до 1770 года¹. Нѣкоторыя данныя о ивановскихъ павловскихъ издѣліяхъ приводятся въ приложеніи.

Слѣдуетъ замѣтить, что владѣлецъ этихъ селъ гр. П. Б. Шереметевъ, человекъ хозяйственнаго склада, былъ большой любитель строить и самъ входилъ въ подробности работъ. Сохранились даже собственноручныя чертежи, напр. какъ дѣлать паркеты. Въ Кусковѣ есть красивый столъ съ видомъ всей усадьбы, работы маркетри, съ подписью русскаго мастера: „наклеивалъ Никифоръ Васильевъ“. Заботы о промыслахъ шли вмѣстѣ съ другими занятіями: театромъ въ Кусковѣ, школой, художественной мастерской, откуда вышли нѣсколько извѣстныхъ портретистовъ, садоводствомъ и проч.

Особой славой пользовались его крестьяне, какъ искусныя рѣзчики по дереву. Много образцовъ сохранились въ подмосковномъ селѣ

* „Павлово и Ворсма“, въ память посѣщенія Наслѣдника Николая Александровича, А. Смирновъ, с. 26.

Останкинъ, временъ сына его, гр. Ник. Петровича Шеретева, которое журналъ „Старые Годы“ называетъ „музеемъ деревянной рѣзбы“. Здѣсь умѣстно привести и отзывъ польскаго короля Станислава Понятовскаго, изъ его дневника, описавшаго Останкино въ слѣдующихъ словахъ: „Бельэтажъ весь деревянный, но съ такимъ искусствомъ отдѣланный и украшенный, что никогда нельзя было бы подумать, что онъ былъ сдѣланъ изъ дерева. Изъ тѣхъ нѣсколькихъ сотъ мастеровъ и художниковъ, которые тамъ работали, можно было насчитать не болѣе четырехъ, пяти иностранцевъ, а остальные были не только чисто русскіе, но почти всѣ люди самого графа Шеретева; если бы фактъ этотъ не былъ констатированъ, трудно было бы этому повѣрить, до такой степени исполненіе всей работы отличалось изяществомъ“.

Откуда произошелъ нынѣ угасающій, но еще существующій въ Ростовѣ, промыселъ финифтяный? Преданіе въ самомъ Ростовѣ указываетъ на Москву и начало XVIII вѣка, но, конечно, онъ болѣе ранній. Мѣстный мастеръ—въ изданномъ пособіи для мастеровъ—Конст. Фуртовъ свидѣтельствуетъ, что промыселъ поддерживался любителями и цѣнителями хорошей финифти, „особенно помѣщиками“. Теперь этимъ промысломъ занято въ Ростовѣ 30 человекъ въ 10 семьяхъ, но качество работы упало, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Тотъ же Фуртовъ жалуется на отсутствіе у нихъ добрыхъ художественныхъ образцовъ¹.

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ помѣщицкой культуры XVIII вѣка. Артем. Петр. Волынской, извѣстный кабинетъ-министръ, въ инструкціи своей своему дворецкому о управленіи дому и деревень требуетъ, чтобы крестьянская молодежь обучалась ремесламъ: „выберите отъ семей выростковъ ребятъ, которые бѣдные, и отдайте ихъ добрымъ мастерамъ учить кузнешному, не въ годы, но съ рядью за ученье, и платить за то мои деньги; также, когда выучатся, купить имъ нужные инструменты на мои жъ деньги... Также... велите выучить колесниковъ, бочарниковъ и сани дѣлать“. Далѣе: „сдѣлать... широкіе станы для полотень оброшныхъ и суконъ сермяжныхъ. И понеже у насъ полотна и сукна дѣлаютъ зѣло узки... для того дается вамъ образцовая за мою печатью холстина, которую разослать по всѣмъ деревнямъ“².

¹ К. Фуртовъ. Финифтяное производство. Ростовъ, изд. продается въ Успенск. соборѣ.

² Инстр. дворецкому Ив. Немчинову. Пам. Древн. Письм. XV, 3, 31.

М. В. Даниловъ, артиллеріи маіоръ, въ запискахъ своихъ 1771 года. говоритъ о сестрѣ Дарьѣ: „восьми лѣтъ возраста своего отвезена была отъ отца нашего въ Москву и отдана въ домъ Софьѣ Алексѣвнѣ Милославской, у которой жила лѣтъ шесть и выучилась тамъ пріизрядно вышивать всякими цвѣтами и золотомъ, какое шитье, въ тогдашнее время былъ въ Москвѣ въ манеръ самое лучшее“¹.

Екатерина II въ 1795 году, 12 января, пишетъ графу Ал. Григ. Орлову-Чесменскому: „Благодарю васъ за поздравленіе меня съ побѣдами... Благодарю также за присылку ковра и въ награжденіе трудившимся въ работѣ онаго посылаю на раздѣлъ тысячу рублей“². Ясно, что это мѣстное производство вотчинъ Чесменскаго. Ковры вообще крѣпостного времени бывали поразительные, очень теперь цѣнятся и также мало изучены.

Среди крестьянъ князя Безбородки были искусные столяры, выдѣлывавшіе мебель по лучшимъ иностраннымъ образцамъ, заслужившіе слѣдующій восторженный отзывъ извѣстной художницы Виже-Лебрень: „Въ разныхъ постройкахъ находились крѣпостные, къ которымъ онъ относился съ великой добротой и которыхъ онъ заставилъ обучиться разнообразнымъ ремесламъ... Онъ показалъ мнѣ комнаты, полныя мебелью, и нельзя было отличить копіи отъ оригиналовъ“. Та же г-жа Виже-Лебрень говоритъ, что „русскіе ловки и умны, ибо обучаются всѣмъ ремесламъ съ необыкновенной легкостью“³.

Въ подмосковной Купавнѣ, принадлежавшей кн. Юсупову, по свидѣтельству англичанки Вельмонтъ: „производство шалей и шелковыхъ тканей прекрасной выдѣлки доведено до великаго совершенства, также образцы матерій для мебели, нисколько не уступающіе тѣмъ, которые мнѣ случалось видѣть въ Ліонѣ“. Припомнимъ и знаменитыя шали, столь нынѣ цѣнныя, помѣщика Колокольцова⁴.

Или вотъ, напримѣръ, нѣсколько отрывковъ изъ частной переписки самаго конца XVIII вѣка, живо переносащихъ въ русскую деревню той эпохи и ея мирнымъ занятіямъ. Письма эти изъ села Уборъ, Звенигородскаго уѣзда. Московской губерніи. Изъ нихъ видно, что жена владѣльца вышеупомянутаго села, Анна Семен. Шереметева,

¹ Зап. М. В. Данилова, 1722—62, Казань 1913, Изд. „Молодыя силы“, с. 25.

² Кам. фур. жур. 1795. Прил. 109.

³ *Memories de M-me Vigee-Lebrun* III, 71-72.

⁴ Русск. Арх. 1873, с. 1881.

рожд. княжна Львова, въ тѣхъ годахъ устроила у себя въ Уборахъ женскую руководѣльную мастерскую-свѣтлицу, гдѣ шили, напимѣръ, въ тамбуръ шелками и пр., при чемъ упоминается, что сдѣланныя вещи продавались. Она сама была искусная мастерица, и сохранилось въ нашей семьѣ нѣсколько ея собственныхъ работъ.

Такъ Анна Семеновна писала въ 1791 году изъ Уборъ своему другу Аннѣ Арт. Паниной въ Петербургъ: „Мое упражненіе... шью платье и очень хорошо, полу почти вышила и юбку начали, шью самъ пять... Спроси, матушка, не надобно ли кому будетъ, и послѣ также не закажутъ ли по атласу этимъ узоромъ... Женщины мои очень жадеаютъ шить, только все мнѣ надобно начинать самой. У меня еще новая забава: ѣзжу верхомъ всякій день“...

Въ томъ же письмѣ: „Пожалуй, постарайся, матушка, запродать мои платья, а цѣна, какую ты хочешь, и что будутъ давать, а мнѣ ты на эти деньги купишь кружева нитянаго“.

Въ другомъ письмѣ она же пишетъ: „Пишешь, матушка, о платьяхъ, что къ вамъ привезли. Очень бы желала имѣть узоръ, а у меня теперъ есть кисея; я бы вышила... А у меня теперъ шьютъ платья бумагой въ тамбурѣ съ рѣшетками, и узоръ широкій и довольно хорошъ, а другую подожду твоего узора“¹.

Въ селѣ Остафьевѣ, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, у жены поэта князя П. А. Вяземскаго, прабабушки моей, княгини Вѣры Ѳедоровны, рожденной княжны Гагариной, жила съ 1811 года много лѣтъ въ домѣ бывшая ея крѣпостная Лиза, ставшая Елизаветой Савостьяновой, искусная мастерица, обучавшая дѣвочекъ англійскому шитью, такъ называемой *broderie anglaise*.

Англійское шитье процвѣтало также въ селѣ Хмѣлевомъ, Ливенскаго уѣзда, Орловской губерніи у Алексѣя Вас. Шереметева, гдѣ работали художественныя издѣлія, изъ которыхъ многія сохранились у его потомковъ: также бѣлыя скатерти съ шахматнымъ рисункомъ.

У М. Н. Неклюдовой, въ Орловской губерніи, по „Разсказамъ бабушки“ [Римской-Корсаковой], была мастерская, гдѣ дѣвушки обучались вышивать на пальцахъ². Въ Рязанской губерніи у одного по-

¹ Арх. гр. С. Д. Шереметева. Переписка А. С. Шереметевой.

² „Разсказы бабушки“, 293.

мѣщика производились женскія работы по узорамъ¹. Особое распространение получили также выдѣлывавшіяся дома работы изъ бисера, образцы которыхъ сохраняются въ иныхъ домахъ и встрѣчаются у антикваріевъ. Подобное собраніе небольшое, но любопытное, существуетъ у Варв. Петр. Шнейдеръ въ Школѣ Народнаго Искусства въ Петербургѣ.

Издѣлія изъ папье-маше Московскаго уѣзда, Троицкой волости едва ли не основаны владѣльцемъ ея, кн. А. М. Черкасскимъ. Современные тамошніе „лакировщики-живописцы“ говорили мнѣ, что въ старину дѣды ихъ дѣлали болѣе всего табакерки.

Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, какъ еще крѣпко въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка держится стародавній укладъ въ деревнѣ. Смѣнились моды и на смѣну стараго русскаго руководѣля пришло другое, болѣе иностранное, но бытовая сторона та же, что и въ допетровское время. Можно сдѣлать заключеніе, что едва ли подобные примѣры были единственными. Мы только мало имѣемъ письменныхъ свидѣтельствъ, да не имѣемъ и желанія изучить хотя бы то, что сохранилось, вполне оправдывая слова Пушкина, что „мы лѣнны и не любопытны“.

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ помѣстной культуры.

Въ концѣ XVIII въ началѣ XIX столѣтій существовало очень много фарфоровыхъ и фаянсовыхъ заводовъ.

Начало фарфоровыхъ заводовъ въ Россіи относится къ царствованію Елизаветы Петровны къ 1745 году. Глина для этого завода вывозилась изъ Гжельской волости Московской губ. Вскорѣ возникъ въ с. Вербинкахъ Дмитровскаго уѣзда знаменитый заводъ Гарднера и еще нѣсколько заводовъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Извѣстно, что князь Вас. Алексѣев. Хованскій, по словамъ Вигеля, ввелъ въ Кіевской губерніи въ 1793 году производство фаянса и фарфора.

Перечислимъ заводы только Московской губерніи: въ 1806 году князь Ю. В. Долгоруковъ основалъ фарфоровую фабрику въ селѣ Кудиновѣ въ 48 вер. отъ Москвы, которая существовала до 1812 года.

¹ А. Павлишинъ, Рязан. помѣщики и ихъ крѣпостные, с. 78.

Вс. Андр. Всеволожскій и Ив. П. Поливановъ въ 1813 году основали въ селѣ Елизаветинѣ Богородскаго уѣзда фабрику фарфоровой посуды, гдѣ было два горна и посуды выдѣлывалось болѣе 40.000 штукъ при 70 рабочихъ. Издѣлія ихъ отличались высокими качествами; см. напр. чашку въ Музеѣ Петерб. Общества Поощренія съ мѣткой: *Fabrique Wsevoljskoj*. Послѣ 20-хъ годовъ фабрика эта по наслѣдству перешла къ Всевол. Ник. Сипягину, женатому на М. Вс. Всеволожской и мѣтка стала S.

Въ 1814 году въ селѣ Архангельскомъ Звенигородскаго уѣзда князь Ник. Бор. Юсуповъ основалъ фарфоровый заводъ, существовавшій до 1831 года. Мастера были выписаны изъ Севра. Въ продажу издѣлія не поступали. Выдѣлывалась посуда съ портретами, видами и т. п.

Въ 1818 году открылся фарфоровый заводъ въ с. Лыцовѣ Коломенскаго уѣзда, основанный Ник. Сер. Кудиновымъ, крестьяниномъ помѣщика Курманолѣва, „который, замѣтивъ способности 22-хъ лѣтняго Кудинова къ лѣпному дѣлу, предложилъ ему устроить фабрику, для чего отвелъ ему землю и помогъ обстроиться“. Заводъ этотъ существовалъ до 1885 года и имѣлъ большіе обороты, наприм. въ 1856 году было выработано на 23000 руб., при 60 рабочихъ.

Въ 1830-хъ годахъ Ѳ. Ѳ. Кокочкинъ, бывшій Московскій директоръ Театровъ, основалъ у себя въ с. Бреховѣ Звенигородскаго уѣзда небольшой заводъ фарфора и фаянса. Онъ даже взялъ на себя поставку узорныхъ изразцовъ по стариннымъ рисункамъ для печей возобновлявшихся кремлевскихъ теремовъ. Въ Бреховѣ сохранились три вещи бывшаго завода въ китайскомъ вкусѣ по англійскимъ образцамъ.

Въ Московской губерніи позднѣе возникло довольно много фарфоровыхъ и фаянсовыхъ заводовъ, основанныхъ купцами и крестьянами*.

Припомнимъ еще нѣсколько примѣровъ вліянія помѣщиковъ исключительно по Московской губерніи.

Происхожденіе, напримѣръ, столярно-мебельнаго производства, имѣющаго въ настоящее время большое распространеніе въ сѣверо-

* См. подробнѣе въ книгѣ А. В. Селиванова „Описаніе фабрикъ и заводовъ фарфора и фаянса“.

западной части Московскаго уѣзда и сосѣдней юго-восточной части Звенигородскаго уѣзда, обязано владѣльцамъ сельца Середникова, юношескаго мѣстопребыванія Лермонтова, родственнымъ ему Столыпинамъ, что подтверждали въ началѣ 80-хъ годовъ многіе старики кустари земскому статистическому изслѣдователю, проф. Исаеву, введшему это свидѣтельство въ свою работу, но объяснившему его въ духѣ своего времени, владѣльческимъ „тщеславіемъ“. Теперь этимъ промысломъ однако заняты 64 селенія двухъ указанныхъ уѣздовъ съ болѣе чѣмъ 4000 кустарями...

Корзиночный промыселъ и плетеніе въ селѣ Большихъ и Малыхъ Вяземахъ, Звенигородскаго уѣзда, обязаны существованіемъ своимъ мѣстной владѣлицѣ свѣтл. княгинѣ Татьянѣ Васильевнѣ Голицыной, рожд. Васильчиковой, женѣ бывшаго Моск. ген.-губ. князя Д. В. Голицына, при чемъ для развитія этого промысла она входила въ сношеніе съ за-границей. Теперь это одинъ изъ распространенныхъ промысловъ, усовершенствованный, слѣдящій за послѣдними требованіями жизни.

У насъ большинство нашихъ историковъ совершенно проглядѣло эту культурную сторону прошлой помѣщичьей эпохи и только въ послѣднее время въ трудахъ напр. проф. Туганъ-Барановскаго и П. Б. Струве отмѣчена роль помѣщичьихъ хозяйствъ для крупно и заводско-фабричной дѣятельности, но о мелкой кустарной промышленности нѣтъ указаній. Съ особенной любовью у насъ сосредоточиваютъ свое вниманіе на исключительныхъ, темныхъ, сторонахъ крѣпостного права и выуживаютъ часто изъ официальныхъ, судебныхъ документовъ, всевозможныя отрицательныя стороны, чтобы лишній разъ помянуть лихомъ прошлое, даже издають книги на эту тему роскошнымъ образомъ. Односторонность такого отношенія явная. Не лучше ли обратить внимательный взоръ на все то, что несомнѣнно существовало добраго въ художественномъ отношеніи, а быть можетъ и воспользоваться культурнымъ достояніемъ нашихъ предковъ? Приведенныхъ примѣровъ о роли помѣщичьяго хозяйства на развитіе, едва ли не въ виду зимней безработицы, мелкихъ крестьянскихъ промысловъ въ XVII, XVIII и XIX столѣтіяхъ во всякомъ случаѣ достаточно, чтобы обратить наконецъ вниманіе на необходимость подробнаго изученія этого вопроса. Едва ли поэтому правъ былъ и В. О. Ключевскій, когда говорилъ, что „на протяженіи двухъ столѣтій учреждались дорогіе дворянскіе кадетскіе корпуса... разводились въ боярскихъ теплицахъ тропическія растенія, но... не открыли ни одной чисто-народной,

общеобразовательной или земледѣльческой школы". Основаніе помѣщиками многихъ промысловъ, которые прочно вошли въ жизнь и передались дальнѣйшимъ поколѣніямъ, съ этимъ выводомъ находится въ явномъ противорѣчii.

Старая традиція продолжается и во второй половинѣ XIX вѣка и, благодаря общему подъему интереса къ художественной промышленности за самое послѣднее время, въ связи съ общеевропейскимъ движеніемъ къ оживленію мѣстныхъ народныхъ промысловъ, получила большое развитіе. Можно бы составить цѣлую книгу, если заняться описаніемъ всего того, чѣмъ заняты въ наши дни многіе и многіе владѣльцы и особенно владѣльцы въ уцѣлѣвшихъ своихъ родныхъ гнѣздахъ по всему лицу нашего отечества, образцы чего такъ недавно еще украшали выставку кустарныхъ промысловъ на Аптекарскомъ островѣ, напр. чудныя издѣлія Кіевской мастерской г-жи Давыдовой, превосходныя кружева А. Н. Нарышкиной и т. д. Много художественно-кустарныхъ мастерскихъ основано и въ городахъ, но мы ограничимся лишь предѣлами Московской губерніи, съ которыми ближе всего имѣетъ дѣло Московское земство, обративъ вниманіе исключительно на художественныя издѣлія.

Столярная мастерская г-жи Мамонтовой въ Абрамцовѣ существуетъ уже болѣе 30 лѣтъ и работы ея хорошо извѣстны всѣмъ любителямъ. Здѣсь выдѣлывается мебель, дѣлаются рѣзные иконостасы по древнимъ образцамъ и др. издѣлія. Художественной стороной занята была въ этой мастерской извѣстная художница, покойная Е. Д. Полѣнова, а теперь рисунки доставляетъ Н. Я. Давыдова. Въ той мѣстности столярнаго дѣла не было вовсе, а теперь изъ 200 выпущенныхъ школой мастеровъ многіе остались на мѣстѣ.

Мастерская въ селѣ Спасскомъ, Клинскаго уѣзда, созданіе мѣстной владѣльцы, княгини А. В. Львовой, существуетъ лѣтъ 20. Здѣсь въ продолженіи 4 лѣтъ ученицы обучаются разнообразному рукодѣлію, не только шитью, кройкѣ и вязанію чулокъ, но и болѣе сложному вышиванію шелками, золотомъ и серебромъ и также преимущественно по древне-русскимъ образцамъ.

Ремесленное училище въ селѣ Покровскомъ-Рубцовѣ, Звенигородскаго уѣзда, основано мѣстной землевладѣлицей З. Г. Морозовой. Здѣсь обучаются столярному и рѣзному дѣлу.

Остальные, сравнительно недавно открытыя мастерскія всё заняты разнаго рода женскимъ рукодѣліемъ. Такъ четыре года, какъ существуетъ въ селѣ Петровскомъ-Дурневѣ, Звенигородскаго уѣзда, основанная мѣстной землевладѣлицей княгиней Л. В. Голицыной, устроившей здѣсь же „Кружокъ трудовой помощи въ селѣ Покровскомъ“ съ большимъ помѣщеніемъ для мастерской. Здѣсь ткуть тонкую пряжу, пользуясь мѣстными ткачихами сосѣдняго села Дмитровскаго. Мастерская выдѣлываетъ на холстѣ искусныя платья, скатерти, салфетки, зонтики, прелестныя по своимъ узорамъ.

Другая мастерская при селѣ Измалковѣ, того же Звенигородскаго уѣзда, заведена В. Ѳ. Самариной тоже четыре года тому назадъ. Здѣсь выдѣлываются отличныя скатерти и подушки съ вышивками по холсту.

Въ Московской губерніи есть еще нѣсколько мастерскихъ, но предметы ихъ работы не художественныя, напр., дорожныя корзины, вязанье и пр., а потому опускаются.

Такимъ образомъ наши усадьбы продолжаютъ художественно-промышленное просвѣщеніе прежняго времени и дай Богъ имъ успѣха, если только не повторится безсмысленное движеніе громить и жечь ихъ, яко бы въ цѣляхъ социальной справедливости...

Какимъ же путемъ привлечь вниманіе русскихъ историко-художественныхъ силъ къ подробной разработкѣ даннаго вопроса и издать иллюстрированный трудъ для общедоступнаго пользованія? Быть можетъ слѣдовало бы обратиться къ разнаго рода учреждениямъ: Университетамъ, Академіи художествъ, Археологическимъ Институтамъ, Обществу поощренія, Строгановскому училищу, училищу барона Штиглица и другимъ ученымъ и художественнымъ учреждениямъ съ предложеніемъ привлечь силы для подобной работы, для чего можно было бы ассигновать нѣкоторую сумму. По крайней мѣрѣ, хотя бы поставить на очередь изученіе этого вопроса въ виду его большого, не только общаго, но и прикладнаго значенія.

Обозрѣвая нынѣ существующіе многочисленные промыслы Московской губерніи, остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ художественную сторону и способны къ художественному усовершенствованію. Изъ промысловъ по обработкѣ металловъ въ этомъ отношеніи должны быть отмѣчены промыслы: слесарный и мѣдно-литейный;

по обработкѣ минеральныхъ веществъ промыслы: изразцовый, гончарный, фарфоро-фаянсовый, полировка камня, камушный, гранильный, выдуваніе бусъ; по обработкѣ волокнистыхъ веществъ: разнородное ткачество, позументы и галуны, кружева, золото-кружевное производство, аграмантное, басонное, бахромное, набойки, золотошвейное дѣло; изъ обработки животныхъ продуктовъ: роговой промыселъ, костяной и издѣлія изъ кожи; изъ деревянныхъ промысловъ: рѣзной, токарный, игрушечный, корзиночный и плетеніе. Кромѣ того, существуютъ еще промыслы: иконописный, ювелирный, искусственныхъ цвѣтовъ, лаковое производство изъ папье-маше, выдѣлка подносовъ *. Въ прежніе годы существовалъ промыселъ по выработкѣ филиграни—издѣлій изъ серебряной проволоки, но теперь онъ совершенно исчезъ, таковъ на примѣръ архіерейскій посохъ въ ризницѣ Симонова монастыря.

Такимъ образомъ, многіе изъ нынѣшнихъ промысловъ носятъ художественный характеръ, но не всѣ процвѣтаютъ. Теперь, благодаря содѣйствію земства, нѣкоторые промыслы, начинавшіе угасать, возрождаются вновь, опираясь на правильную художественную помощь, отсутствіе которой и уронило иные промыслы, превратившіе ихъ въ рутинную передачу, безъ какого бы то ни было личнаго творчества.

Не отрицая серьезнаго значенія цѣлага ряда условій производствъ, полагаю все же, что однимъ изъ главныхъ вопросовъ—это улучшеніе художественной техники ихъ. Для этой цѣли весьма полезно продолжить тотъ благой починъ, который началъ московскимъ земствомъ нѣсколько лѣтъ назадъ, въ смыслѣ облегченія знакомства современнаго кустаря съ образцами художественныхъ производствъ прежнихъ временъ. Слѣдуетъ поэтому увеличивать число предметовъ въ музеѣ образцовъ и доставать рисунки со старинныхъ издѣлій. Быть можетъ явилась бы возможность даже изданія подобныхъ рисунковъ, доступныхъ кустарямъ по цѣнѣ. Важно и созданіе совершенно новыхъ рисунковъ и образцовъ, но опирающихся на старое.

Среди промысловъ губерніи желательно обратить особенное вниманіе на тѣ, которые носятъ художественную печать и способны поэтому при усовершенствованіи выдержать соревнованіе съ машин-

* Болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ обширномъ и обстоятельномъ трудѣ П. А. Вихляева „Моск. губ. по мѣстному изслѣдованію 1898—1900“. „Промыслы“, т. IV, изд. Моск. губ. земства, стр. 1—659.

нымъ трудомъ; гвозди же и катушки кустарные поддерживать невозможно.

Для цѣлей облегченія выбора образцовъ и усовершенствованія вкуса кустарей слѣдовало бы устраивать временныя выставки издѣлій, преимущественно русской художественной старины разныхъ эпохъ, собирая для этого такіе образцы, которые могли бы служить такимъ прикладнымъ цѣлямъ. На эти выставки слѣдуетъ привлекать кустарей, гдѣ будетъ совершенствоваться ихъ вкусъ. Въ Москвѣ много любителей старины и они пошли бы навстрѣчу такимъ чисто прикладнымъ выставкамъ.

Вопросъ, на который, кромѣ того, слѣдовало бы обратить вниманіе, это общій характеръ предметовъ современнаго кустарнаго производства. Вполнѣ сознавая трудность исполненія многихъ предметовъ, требующихъ и доброкачественнаго, цѣннаго матеріала, и художественности исполненія, а потому въ общемъ представляющихся довольно дорогими, составитель доклада считалъ бы полезнымъ обратить вниманіе руководителей дѣла на желательность изготовленія предметовъ и другого рода, а именно болѣе доступныхъ по цѣнѣ менѣе обезпеченному кругу покупателей. Было бы весьма интересно выработать даже образцы предметовъ, напр. первой необходимости для недорогого жилого помѣщенія, соблюдая при этомъ два основанія: красоту формы, при доброкачественности матеріала, и сравнительную недороговизну. Если обратить вниманіе на обстановку квартиръ большинства Россійскихъ обывателей, то нельзя не придти въ ужасъ отъ того, что царитъ въ нихъ. Отбросы претензіознаго международнаго хлама въ стилѣ „модернъ“, вмѣстѣ съ отечественными подражаніями тому же хламу, все это производитъ жалкое впечатлѣніе, являясь проявленіемъ полнѣйшаго безвкусія и свидѣтельствуя о низкомъ уровнѣ современной отечественной культуры. Между тѣмъ за послѣдніе годы проявляется несомнѣнный интересъ къ красотѣ у широкихъ слоевъ населенія, начинаютъ любить красоту и нашихъ старинныхъ производствъ, и этотъ поворотъ слѣдуетъ имѣть въ виду при заботахъ объ усовершенствованіи русскаго хозяйственно-ремесленнаго дѣла. Можно было бы объявить, напримѣръ, конкурсъ для подобныхъ работъ и привлечь такимъ путемъ художественныя силы.

П Р И Л О Ж Е Н І Я

Къ стр. 462.

Въ архивѣ нашемъ есть документы XVIII вѣка о такъ называемомъ Павловскомъ заводѣ, а наиболѣе ранній изъ найденныхъ 10 января 1754 года, гдѣ выборные крестьяне, въ силу указа графа Петра Бор. Шереметева, пишутъ ему донесеніе о посланныхъ имъ для починки вещей: „объ отправленіи на починку на Павловскомъ Вашего Сіятельства заводѣ ларя и спуску“. Особенно интересенъ слѣдующій указъ 50-хъ годовъ XVIII вѣка, изъ котораго видно, что въ Павлово посылались владѣльцемъ образцы издѣлій:

Села Павлова выборнымъ

„Присланны отъ васъ при отпискахъ ножи складные, замочки, ружья и прочее получены. И такихже ножей складныхъ двѣ дюжины, одну дюжину съ рѣзными деревянными череньями, другую съ костяными Павловской вотчины отобраннымъ для разныхъ подѣлокъ мастерамъ велѣтъ сдѣлать, при томъ смотрѣть, чтобъ чисто и хорошо были отдѣланы, которые къмъ сдѣланы будутъ прислать при отпискѣ ко мнѣ немедленно. Да при семъ послано для образца ружье Нѣмецкое, которое отдать означеннымъ же мастерамъ, велѣтъ противъ ево здѣлать 4 ружья и чтобъ какъ стволы, приборы и ложи точно во всемъ противъ ево сдѣланы были, а на стволахъ и на замкахъ подписать имена тѣхъ мастеровъ, кто будетъ дѣлать: при томъ въ стволы употреблять желѣзо самое мяхкое, которое набрать изъ обломковъ подковныхъ и гвоздей и пристрѣлять, чтобы, цѣльно били. И какъ отдѣланы будутъ и образцовое прислать ко мнѣ немедленно и о полученіи посланнаго письма писать“ *.

* Фонтанный архивъ гр. Шереметева. Перениска графа П. Б. Шереметева съ управителями съ 1744—68. Почеркъ этой черновой отписки одного изъ секретарей 1750 годовъ.

Павловское производство продолжалось и при сынѣ его, графѣ Николаѣ Петровичѣ Шереметевѣ. Вотъ нѣсколько данныхъ за его время.

Лѣтомъ 1798 года мимо Павлова, въ 4 верстахъ, черезъ дер. Лаптево проѣзжалъ, ѣдучи въ Казань, Императоръ Павелъ, гдѣ на этой станціи пилъ кофе, и Павловскіе крестьяне, въ силу приказа графа Николая Петровича, поднесли ему разныя „слесарныя вещи“, о чемъ подробно доносили, говоря, что отъ пожалованныхъ Государемъ 500 рублей они „отреклись“. Они подробно описываютъ милостивое вниманіе Государя и его разспросы: „одна ли фабрика его Сіятельства, или по домамъ, и гдѣ сдѣланные товары производимъ въ продажу и сколько могутъ сдѣлать ружей?“ Выборные—Василій Бѣлозеровъ и Николай Поцѣлуевъ—отвѣчали: „фабрика вашего Сіятельства состоитъ при крестьянскихъ домахъ, гдѣ и работаютъ и тѣ сдѣланные товары по силѣ даннаго бывшему родителю вашего Сіятельства, а нашему милостивому Государю, графу Петру Борисовичу, изъ государственной мануфактуръ-коллегіи, сентября отъ 7 дня прошлаго 761 года съ прочетомъ указа въ продажу производится внутри Россійскаго Государства въ разныхъ городахъ и у портовъ, ружей же могутъ сдѣлать до трехъ тысячъ“*.

Или вотъ, напр., донесеніе отъ 7 декабря 1789 года другихъ выборныхъ, Михайлы Безбрызгова и Ивана Томарова графу Николаю Петровичу: „Именнымъ вашего Сіятельства за подписаніемъ руки декабря отъ 1 дня прошлаго 798 года повеленіемъ велено отдать сдѣлать здѣшнему самому лутчему мастеру противъ присланнаго при немъ двуствольнаго аглинскаго ружья одно такоежъ двуствольное, а другое одноствольное съ таковыми жъ точно украшеніями и чеканкою, каковыя значатся на вышесказанномъ образцовомъ ружьѣ, стараясь сколько возможно отдѣлать оныя самую чистою и соотвѣтственною во всемъ настоящему оригиналу работою. И по силѣ онаго вашего Сіятельства именнаго повелѣнія означенныя ружья здѣшняго села Павлова лутчими двоими мастерами одноствольное Алексѣемъ Чертовиковымъ, а двуствольное Иваномъ Кругловымъ сдѣланы, кои, равно и присланное образцовое.... ружье при семъ къ вашему Сіятельству въ С.-Петербургъ... посылаются“. Къ донесенію приложенъ реестръ, что было для этой работы куплено: для одноствольнаго ружья „куплено въ Москвѣ для

* Фонтанный архивъ гр. Шереметева. По селу Павлову, № 142. Получено 18 іюня 1798 года.

сдѣланія ложи ореховое дерево, дано 4 руб. 50 коп., для украшенія онаго куплено золота на 6 руб. 67 коп.“. Мастеру Алексѣю Чертовикову за сдѣланіе 35 рублей. Къ двуствольному орѣховое дерево на 5 рублей, для украшенія золота на 42 руб. 84 коп. и мастеру Ивану Круглову 60 рублей... „да съ положеннаго нашего тягла податей не заплачено 18 руб. Итого 125 руб. 84 коп.“*.

Въ томъ же 1798 году павловскіе мастера выполнили для графа Николая Петровича слѣдующія вещи, посланныя выборнымъ Василиемъ Бѣлозеровымъ при слѣдующемъ спискѣ:

- „Два замка большихъ.
- Двѣ пары львовъ подсвѣшниками.
- Двѣ пары стремянъ.
- Одна пара львовъ трехъ подсвешныхъ.
- Одна пара стремянъ и муштукъ.
- Шесть паръ обувальницъ.
- Одна пара припекальныхъ щипцовъ.
- Одна пара прививальныхъ щипцовъ.
- Четыре ножницы бумажные.
- Двѣ пары львовъ замками.
- Одинъ шпантонъ.
- Одно копье.
- Восемь замковъ мѣдныхъ.
- Пятьдесятъ замковъ шатчениныхъ.
- Три давки сахарныхъ.
- Одна пара двойныхъ орешныхъ давковъ.
- Шесть замковъ Рыжниковыхъ.
- Дюжина давогъ орешныхъ.
- Пара лядуногъ.
- Одиннадцать ножей кухмистерскихъ.
- Пять паръ разъемныхъ.
- Одна скалница.
- Одна пара мушкатантовъ мѣдныхъ.
- Двѣ пары пистолѣтъ же.
- Пара ножей охотничьихъ.
- Дюжина ножей столовыхъ Лохтева.
- Дюжина ножей столовыхъ Богатьлева.
- Дюжина ножницъ Коровинскаго.

* Фонтанный архивъ гр. Шереметева. По селу Павлову. Рапортъ 7 декабря 1799 года.

Двѣ дюжины ножей столовыхъ Елисеена.
 Двѣ дюжины конфетныхъ.
 Пятьдесятъ замковъ Гудковыхъ.
 Дюжина ножей складныхъ перочинныхъ Жукова.
 Дюжина перочинныхъ ево же.
 Дюжина перочинныхъ двойныхъ.
 Одинъ кромысль стоячей.
 Пара кромысловъ простыхъ.
 Двѣ фузеи малыхъ.
 Шестеры съемы мѣдныхъ.
 Семеры съемы желѣзныхъ.
 Одинъ пиногоръ.
 Одинъ замокъ уткой.
 Одинъ замокъ Рыжиковъ.
 Четыре замка Чюлкова.
 Три замка Ворожейкина.
 Одинъ замокъ Талгина.
 Одна фузея простая.
 Двѣ фузеи Чартовикова.
 Одна фузея со штыкомъ.
 Одинъ стуцаръ.
 Одинъ шпантонъ.
 Одна лѣбарда*.

Въ нашемъ домовомъ собраніи оружія сохранились и образцы работъ Павловскихъ мастеровъ, напр. ружье № 1033 съ гладкимъ стволомъ, отъ двухъ среднихъ поясковъ отдѣланныхъ гранями; надъ камерой вырѣзанъ листъ; на ложѣ серебряный щитокъ съ гербомъ гр. Шереметевыхъ. На замочной доскѣ надпись: „Иванъ Овсяниковъ. Село Павлово“.

Также пара пистолетовъ, № 1190 и 1191, съ гладкими стволами и также съ гербомъ и надписью на замочной доскѣ того же мастера Ивана Овсяникова.

Безъ сомнѣнія, среди нашего оружія есть и еще Павловскія издѣлія, но изъ подписныхъ извѣстны только приводимыя.

Кромѣ Павлова существовалъ у графа Петра Борисовича еще желѣзный заводъ въ селѣ Карачаровѣ Муромскаго уѣзда, на Окѣ*.

* Карачарово было дано въ приданое за дочерью его графиней Варварой Петровной, при выходѣ ея замужъ за графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, отъ которыхъ перешло къ гр. Уваровымъ и въ настоящее время принадлежитъ графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ Уваровой.

Этому заводу была между прочимъ заказана чугунная черепица для крыши Петербургскаго Фонтаннаго нашего дома въ 1755 году, о чемъ сохранился слѣдующій документъ:

„Вѣдомость о дѣлѣ впредь на Карачаровскомъ желѣзномъ заводѣ кровельной чугунной черепицы.

Прошедшаго декабря отъ 22 дня 1754 года въ присланномъ изъ Санктъ-Петербурга въ Москву въ домовую канцелярію за подписаніемъ ея сіятельства графини государыни руки указъ, между прочимъ, написано: о дѣлѣ въ селѣ Карачаровѣ, на заводѣ на крышу Питербургскаго дома черепицы, поговоря обстоятельно съ доменнымъ мастеромъ, что посыланъ былъ для ученія въ Тулу, котораго взять нарочно въ Москву; ту черепицу самую тонкую можетъ ли онъ дѣлать, и ежели оставя на томъ заводѣ другія работы, дѣлать одну черепицу, то въ какое время на крышу всего дома можетъ сдѣлать и сколько будетъ въ каждой штукѣ вѣсу и штукъ въ судѣ, и ту черепицу, ежели отправить прямо изъ Карачарова водою на баркахъ, то во что путь обойдется: и о всѣмъ вышешисанномъ, учиня обстоятельную вѣдомость, и выливъ на заводѣ штуки двѣ прислать въ Санктъ-Петербургъ немедленно, понѣже де на полатахъ кровлю за течью надлежитъ перекрыть. А сколько по смѣтѣ той черепицы надобно штукъ, о томъ де писано будетъ впредь.

Да сего января отъ 16 дня въ присланномъ же изъ Санктъ-Петербурга въ Москву въ домовую канцелярію, за подписаніемъ его сіятельства государя руки указъ между прочимъ написано:

Тайный Совѣтникъ баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ прислалъ къ его сіятельству записку, что пишетъ къ нему изъ Тулы купецъ Родіонъ Баташевъ. Присланные въ Тулу его сіятельства мастеровыя люди у него на заводѣ были и въ литьѣ де досокъ аккуратно имъ показано и къ дѣлу того разныхъ рукъ черепицы и опоки и прочей инструментъ понѣскольку имъ данъ. И по силѣ прежде посланнаго указу образцовыя штуки, какъ вылиты будутъ, велѣно прислать къ его сіятельству немедленно.

А по справкѣ въ домовой канцеляріи въ присланныхъ изъ села Карачарова отъ приказнаго Александра Дедешина о выплавкѣ въ прошлыхъ 1753 и 1754 годахъ на Карачаровскомъ ихъ сіятельства желѣзномъ заводѣ во время доменнаго дѣйствія штыковаго чугуна и прочихъ чугунныхъ вещей вѣдомостяхъ показано

	Пуд.	Фун.
а именно:		
Въ 753-мъ году марта съ 7 апрѣля по 28 число имѣлось 80 выпусковъ въ выплавкѣ чугуна штыковаго	8917	—
Разныхъ линейныхъ вещей 10 выпусковъ вѣсомъ	741	21 $\frac{1}{2}$
Итого	9658	21 $\frac{1}{2}$
Въ 754-мъ году марта съ 18 мая по 10 число чугуна шты- коваго	8971	—
Разныхъ литейныхъ вещей, вѣсомъ	211	28
Итого	9182	28
А въ вышеписанныхъ привезенныхъ подъячимъ Никитою Подымовымъ и Карачаровскаго желѣзнаго завода доменнымъ и ли- тейными мастерами съ завода господина Баташева въ чугунной черепицѣ вѣсу		
а именно		
1-го сорту въ настоящей кровельной	—	9 $\frac{1}{4}$
2-го сорту что дѣлается на спускъ	—	15 $\frac{1}{2}$
3-го сорту въ шеломчатой что на углы	—	19 $\frac{1}{2}$
И ежели выплавку чугуна въ нынѣшнемъ 755-мъ году поло- жить по примѣру вышеписанныхъ 753-го и 754-го годовъ, то над- лежало бѣ быть въ выходѣ настоящей черепицы кровельной кромѣ спуску и угловъ, считая изъ 9000 пудъ чугуна, 36000 черепицъ.		
А ежели вполъ	18000	
А буде четвертая часть	9000	
А буде жъ пятая часть	7290	

А по объявленію въ домовой канцеляріи означеннаго Карачаров-
скаго завода доменнаго мастера Василя Засоева и по разговорамъ съ

нимъ, изъ объявленнаго де числа, ежели въ нынѣшнемъ 1755 году въ выплавкѣ будетъ чугуна 9000 пудъ, полнаго числа черепицы 36-ти тысячъ, никакъ сдѣлать невозможно, а сколько де числомъ въ полы или 4-я и 5-я доля выйдетъ, того онъ Засоевъ подлинно сказать не знаетъ, понѣже де во время доменнаго дѣйствія выплавка чугуна бываетъ въ сутки 250 пудъ и больше и меньше и къ литью де оной чугуна берется желѣзными ковшами по полупуду и оттого де литье остается по немалому числу и выливается въ песокъ въ штыковой чугуна для того, что де въ литейныя вещи брать изъ горну не успѣвають, а что точно будетъ, того онъ сказать не можетъ, понѣже де на Карачаровскомъ заводѣ чугунной черепицы никогда не дѣлалось.

А мѣрою показанная черепица:

1	сорту	длина	9	вершковъ,	ширина	5 $\frac{1}{2}$	вершковъ.
2	"	"	12	"	"	5 $\frac{1}{2}$	"
3	"	"	5 $\frac{1}{2}$	"	"	9	"

Генваря 23 дня.

1775 года⁴¹.

Въ 766 году желѣзный заводъ въ Павловѣ былъ преобразованъ и даны были указанія объ устройствѣ дальнѣйшаго производства, о чемъ сохранилось слѣдующее распоряженіе:

Указъ въ домовую мою канцелярію управителямъ

О фабрикѣ слесарной, которая въ селѣ Павловѣ, изъ оставленныхъ мастеровыхъ людей учрежденія никакого не сдѣлано, въ чемъ разсмотрѣніе и учрежденіе поручилъ я Николаю Володимировичу² общее съ вами на такомъ основаніи.

1. Съ тѣхъ всѣхъ мастеровыхъ людей положенное вытное тягло снять и по тому тяглу денежныхъ доходовъ и прочихъ мірскихъ поборовъ никакихъ не требовать.

2. Для той фабрики построить надлежащее по тому мастерству строеніе.

¹ Фонтанный архивъ гр. Шеретева. Докладныя дѣла графа Петра Борисовича Шеретева 1755 года. Копія.

² Ник. Влад. Шеретеву, внучатному племяннику, помогавшему въ управленіи.

3. Дѣлать имъ ружья, ножи, ножницы, щипцы, замки и пр., что лучше употребляется въ продажу, а изъ тѣхъ вещей самымъ лучшимъ мастерствомъ осмую часть, прочее же посредственное, какое въ продажу лучше можетъ произойти.

4. Всякой вещи, что за нее мастеру заплатить, надлежитъ положить цѣну.

5. Мастеровымъ за ихъ работу платить по положенной цѣнѣ, сколько когда сдѣлаетъ, деньги.

6. Учредить изъ нихъ человѣка, чтобъ что сдѣлано будетъ, принималъ у мастеровыхъ противъ пробы; которой же хуже пробы сдѣлаетъ, то принимать безъ заплаты денегъ или ломать, чтобъ чрезъ то имѣли тщаніе лучше дѣлать и приводить въ лучшее состояніе.

7. Тѣхъ всѣхъ мастеровыхъ поручить въ смотрѣніе одному человѣку, который бы надъ ними въ мастерствѣ ихъ зналъ и въ порядочномъ житѣ имѣлъ смотрѣніе и за вины могъ штрафовать.

8. Какія же работы по дому моему сверхъ написанныхъ на продажу вещей приказано будетъ дѣлать, за то платить, по оцѣнкѣ работы, имъ деньги.

9. Тѣмъ всѣмъ вещамъ что подѣлано будетъ продажѣ быть въ Москвѣ и въ селѣ Павловѣ, для чего надобно содержать особыя лавки.

10. Ежели къ той фабрикѣ потребны будутъ такія мастерства, какихъ въ Павловѣ нѣтъ, оное, ежели по разсмотрѣнію отъ той фабрики будетъ польза, можно опредѣлить, сыскавъ на то способнаго человѣка.

11. Къ дѣлу жъ ружей, ножевыхъ черенковъ всякое дерево и кость всегда присылаться будутъ отъ меня.

12. Протчіе же матеріалы желѣзо и что къ той работѣ принадлежитъ будетъ покупаться; а стволы у лучшихъ ружей дѣлать изъ обломковъ подковныхъ, гвоздиныхъ и пр., которые велѣтъ собирать, такъ какъ прежде о томъ уже было приказано.

13. Напередъ всѣмъ вещамъ, какія тамъ на продажу дѣлать будутъ, велѣтъ на пробу сдѣлать по нѣскольку штукъ; а что съ мате-

ріалами и работою всякая станеть, процѣнить, почему за нихъ взяты будутъ можно и какая отъ всякой вещи будетъ прибыль и сколько той прибыли за содержаніемъ всей фабрики получить будетъ можно, учиня вѣрной счетъ, прислать ко мнѣ на разсмотрѣніе.

14. Всему жъ вышеписанному учрежденію напередъ сдѣланъ планъ, какъ оное начать и какимъ порядкомъ идтить можетъ, и будетъ ли отъ того прибыль; ежели будетъ какая, положи въ счетъ и то, что нынѣ съ нихъ берется по тяглу, которое совсѣмъ ужъ уничтожится, при томъ включая, что на строеніе той фабрики и на дѣло инструментовъ надобно будетъ употребить и въ какое время то окупится и, учиня изъ всего того положенія экстрактъ, на какомъ основаніи той фабрикѣ остаться, прислать ко мнѣ на разсмотрѣніе, почему разсмотря точнымъ указомъ, на какомъ основаніи быть, отъ меня и опредѣлится.

Въ томъ же нашемъ архивѣ есть много дѣлъ по селу Иванову. Извлекаемъ нѣсколько наиболѣе раннихъ.

Генваря 20 дня по указу Вашего Сіятельства домовой канцеляріи отпускомъ ноября 2 полученному въ селѣ Ивановѣ ноября 10 чиселъ 1765 году в силу приказанія его высокородія Николая Володимировича * выдано села Иванова крестьянину Ивану Мятвѣеву сыну Гарелину на покупку для твацкой вашего сіятельства фабрики пряжи по данной ему пробѣ на щетъ Ивановской вотчины сего 1766 году оброчной суммы двѣсти рублевъ.

Государю Графу Петру Борисовичу

Государынѣ Графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ

По указу вашего сіятельства домовой канцеляріи писанному марта отъ 10, полученному въ селѣ Ивановѣ марта 21 чиселъ 1767 году велѣно намъ нижайшимъ за присланные при указѣ вашего сіятельства изъ домовой канцеляріи вытканные в такцкихъ свѣтлицахъ манифактуры: скатертей, салѣтокъ і полотна за беленіе ивановской вашего сіятельства вотчины крестьянскимъ женкамъ изъ оброчной вашего сіятельства суммы пядесять пять рублевъ сорокъ пять копѣекъ выдать...

Іюля 26 дня 1767.

* Ник. Вл. Шереметева.

Доношеніе въ домовую канцелярію.

Вытканныя въ ткацкихъ свѣтлицахъ суровыя скатерти, салфетки и серпанку надобно отослать для бѣленія въ село Иваново, которыя къ той отсылкѣ обшиты и увязаны въ восьми тюкахъ.

Николаевъ.

Февраля 13 дня 1771.

Указъ его Сіятельства государя нашего графа Петра Борисовича изъ домовой канцеляріи въ село Иваново выборнымъ Ивану Гандырину и Ивану Грачову. Посланы къ вамъ при семь указѣ въ село Иваново вытканныя въ Москвѣ на ткацкой фабрикѣ скатерти и салфетки и серпанки, а сколько какихъ званіемъ и мѣрою тому приложенъ при семь реэстръ на наемныхъ подводахъ того села съ крестьяны, которые вамъ по тому реэстру принять и отдать крестьянскимъ женкамъ для бѣленія и какъ выбѣлены будутъ, то велѣть на полотняныхъ фабрикахъ выкатать и прислать при отпискѣ въ Москву, а за провозъ оныхъ скатертей и салфетокъ по рядѣ деньги заплатить изъ доходовъ его Сіятельства и о приѣмѣ оныхъ скатертей и салфетокъ репортовать въ домовую канцелярію.

Александръ Долгоноговъ.

Февраля 10 дня, 1771.

Въ приложенномъ къ этому документу реэстрѣ упоминаются:

Двѣ скатерти съ травчатыми каймами 5 арш. ширины съ большими крестами 11 арш. 2 вер., другая такая же, но 11 арш. 12 вер., три чешуйчатыхъ, четыре подножныя шахматныя $58\frac{1}{2}$ арш., $48\frac{3}{4}$ арш. и $59\frac{1}{2}$ арш. и 60 арш. двѣ мелко-шахматныя въ $59\frac{1}{2}$ арш. и 59 аршинъ.

Всего во всѣхъ 8 тюкахъ было: скатертей съ травчатыми каймами 5-ти аршинной ширины 2, четырехъ аршинной ширины 3, итого 5. Подножныхъ разныхъ узоровъ $445\frac{1}{4}$ арш. Салфетокъ съ травчатыми каймами чешуйчатыхъ 344 салфетки, подножныхъ разныхъ узоровъ $3221\frac{1}{4}$ арш., съ поперешными каймами 245 салфетки, серпанки $163\frac{1}{2}$ аршина.

Государю сіятельнѣйшему графу Петру Борисовичу.

По указу вашего сіятельства за подписаніемъ руки писанному въ Ивановѣ ноября отъ 5 дня 1763 году, нами нижайшими на полотняныхъ фабрикахъ Ивановской вотчины у крестьянъ станы въ дѣйствиі сего іюля 2 дня 1771 году свидѣтельствованы, а именно у Ефима Грачова двѣсти одиннадцать становъ, у Ивана Гарелина сто сорокъ девять становъ и о семъ вашего сіятельства домовая канцелярія да благоволить быти извѣстна.

вашего сіятельства села Иванова выбраны іванъ Гандуринъ, Иванъ Грачевъ челомъ бьемъ*.

іюня 2 дня 1771.

Подана іюня 13, 1771. № 1246.

Графъ Павелъ Шереметевъ

* Фонтанный архивъ гр. Шереметева, по селу Иванову, дѣла 1766, 1767, 1771 гг.

НИКОЛАЙ ОСИПОВИЧЪ КУТЛУБИЦКОЙ

III.

Какъ всѣ добрые люди, Кутлубицкой былъ вспыльчивъ и въ этомъ отношеніи до нѣкоторой степени походилъ на своего Августѣйшаго Патрона.

Иногда ему приходилось „за грубость“ ударить придворнаго лакея, и это черезъ Нарышкина или Кутайсова доходило до Государя, который тогда приказывалъ Кутлубицкому „не показываться ему на глаза“, что по выраженію самого Кутлубицкаго означало, что ему давали отдохнуть и что „Государь его *въ этотъ день* къ себѣ не потребуетъ“, тогда какъ въ обыкновенное время онъ „даже и ночью не совсѣмъ раздѣвался, чтобы быть готовымъ на призывъ Императора.“

Но иногда его вспышки стоили ему дороже: такъ извѣстенъ случай, уже записанный со словъ самого Кутлубицкаго, *) что будучи однажды въ Петергофѣ, онъ ночью былъ позванъ въ спальню Императора, который спалъ съ открытымъ окномъ съ вставленной въ него сѣткой отъ комаровъ.

„Какъ тебѣ не стыдно“, сказалъ Кутлубицкому Государь, „ты знаешь, что я сплю только передъ разсвѣтомъ, а на взморьѣ въ кабакѣ такой шумъ, что не даютъ мнѣ покою. Пойди—уйми ихъ...“

„Да только смотри, *строю не распривляйся*,“ добавилъ онъ при уходѣ Кутлубицкаго.

*) Ханенко Рус. Арх. 68.

Кутлубицкой, обезпокоенный неудовольствіемъ Государя, въ взволнованномъ состояніи, пошелъ на взморье прямой дорогой черезъ садъ, по золотой лѣстницѣ, а верховую свою лошадь приказалъ прислать ему туда съ казаками.

Войдя въ трактиръ, Кутлубицкой спросилъ содержателя. вмѣсто котораго вышелъ приказчикъ въ халатѣ, съ трубкой въ зубахъ, и такъ дерзко отвѣчалъ Кутлубицкому, что тотъ немедленно приказалъ казакамъ выпороть его погайками, что, конечно, тутъ же и было исполнено.

Однако, вспомнивъ заключительныя слова Императора „не расправляйся строго“ и узнавши на другое утро, что выпоротый приказчикъ, къ сожалѣнію, тоже купецъ, онъ вынужденъ былъ уплатить ему 6000 рублей „за безчестіе“, лишь бы случай этотъ не сдѣлался извѣстнымъ Государю.

Однако И. П. Кутайсовъ, который давно не долюбливалъ Кутлубицкаго, находилъ случай доносить объ его промахахъ Императору: но и Кутлубицкой въ свою очередь всегда умѣлъ защитить себя отъ послѣдствій этого наушничества, и изъ рассказовъ Ханенки извѣстно, какъ Кутайсовъ былъ наказанъ Павломъ, получивъ отъ него 40 ударовъ тростью изъ воловьей жилы, которая всегда стояла у него въ кабинетѣ, Кутлубицкой же оставался попрежнему любимцемъ Императора.

Но вотъ *въ концѣ 1798 г.* всѣ историки единогласно отмѣчаютъ сильную перемену въ Императорѣ.

Придворная интрига постепенно стала отодвигать отъ него самое Императрицу, а съ ней Нелидову и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя до того времени пользовались его расположеніемъ. На ихъ мѣсто выдвигались той же интригой Лопухины и графъ Паленъ, будущій устроитель и глава заговора.

Въ Петербургѣ началось царствованіе Анны Петровны Лопухиной.

Кутайсовъ, какъ добрый послушникъ этой партіи, не подозрѣвая, къ какому концу все это приведетъ, входилъ все въ большую и большую силу, проявляя новые таланты въ качествѣ сводника.

„Среди этой толпы царедворцевъ,“ говоритъ Н. К. Шильдеръ, „только одинъ баронъ П. А. Фонъ-Деръ-Паленъ зналъ чего онъ хотѣлъ, зналъ къ чему онъ стремился, другіе же, обуреваемые своими мелкими эгонистическими расчетами, не вѣдали даже, что они творять.“

Первой жертвой этого новаго направленія, какъ извѣстно, сталъ Ю. А. Нелединскій, удаленный отъ Двора 22 Юля 1798 г., послѣ указанія Кутайсова: „вотъ кто слѣдить за Вашимъ Величествомъ днемъ и ночью и все передаетъ Императрицѣ“.

28 Юля оставилъ должность генераль-адъютанта товарищъ по службѣ Кутлубицкаго—Плещеевъ, а Паленъ сдѣланъ въ тотъ же день Петербургскимъ генераль-губернаторомъ. Удалилась отъ Двора Нелидова, ушелъ А. Б. Куракинъ, Ховенъ, Гейкингъ и др.

27 Октября ушелъ отъ Двора и Н. О. Кутлубицкой*), принужденный переѣхать въ Петербургъ на частную квартиру для занятія новой должности „члена военной коллегіи по артиллерійской экспедиціи“. Въ тотъ же день Палену и Кутайсову выпала счастливая доля получить графскіе титулы и брилліантовые знаки высокаго ордена.

Отдыхъ Кутлубицкаго отъ личной службы при Императорѣ былъ довольно продолжителенъ, и онъ былъ призванъ обратно лишь лѣтомъ 1800 года.

Кутлубицкой воспользовался этимъ отдыхомъ въ свою пользу и въ Августѣ 1799 года женился на дочери члена Адмиралтействъ-Коллегіи—Авдотѣ Савельевнѣ Ваксель, къ которой одновременно сватался и генераль Аракчеевъ.

Но вопреки совѣтамъ своей матери (отецъ ея тогда уже умеръ), Авд. Сав. отказала Аракчееву и вышла за Кутлубицкаго, не безъ участія въ этомъ сватовствѣ самого Императора, которому Ваксели были лично извѣстны.

*) Въ архивѣ Кутлубицкаго отъ этого времени сохранилась бумага слѣдующаго содержанія: № 19580, отъ 29 Октября 1798 г., изъ Госуд. воен. коллегіи.

„По Высочайшему Его Импер. Вел-ва приказу, отданному въ 27 день с. Октября, между прочимъ написано: Свиты Е. И. Вел. Генераль-лейтенантъ Кутлубицкой назначается членомъ военной коллегіи по артиллерійской экспедиціи“. Госуд. воен. коллегія приказала: о семъ Высочайшемъ Е. И. В. повелѣніи вамъ дать знать съ тѣмъ, чтобы вы въ исполненіе того для вступленія въ Присутствіе явились въ означенную сей коллегіи артиллерійскую экспедицію; а оной же предписано, чтобы она, допустя васъ до того, учинила вамъ на новую должность присягу“. Подписали: генераль-майоръ Северинъ, секретарь Турутинъ, губ. секр. Башинскій.

Самъ Н. О. Кутлубицкой приписывалъ это почетное удаленіе проискамъ И. П. Кутайсова.

Аракчеевъ въ то время былъ инспекторомъ всей артиллеріи и начальникомъ Артиллерійскаго Департамента, членомъ котораго былъ и Кутлубицкой.

Со стороны Аракчеева однако не замѣчается мщенія за сватовство по адресу Кутлубицкаго; быть можетъ это объясняется лишь тѣмъ, что уже 1 Октября 1799 г. Аракчеевъ былъ вторично отставленъ отъ службы по поводу кражи кистей и галуна съ извѣстной артиллерійской колесницы; а въ 1800 году Кутлубицкой успѣлъ оказать опальному Аракчееву крупную услугу, спасши его отъ царскаго гнѣва по поводу постройки имъ своего грузинскаго дома артиллерійскими солдатами¹⁾.

Съ 7 Января 1799 года Кутлубицкой фактически командовалъ Гвардейской Артиллеріей, такъ какъ оффиціальнй ея начальникъ Аракчеевъ не могъ въ дѣйствительности нести этого командованія, будучи обремененнымъ дѣлами Инспектора Артиллеріи. Съ разрѣшенія Государя, командованіе Гвардейской Артиллеріей Аракчеевъ передалъ Кутлубицкому.

Что Кутлубицкой и здѣсь заслужилъ общую любовь подчиненныхъ,—видно изъ Исторіи Гвардейской Артиллеріи²⁾, гдѣ указано, что онъ и въ этой роли „не переставалъ спасать отъ гнѣва судьбу многихъ полезныхъ офицеровъ для Государства, и пользуясь большимъ довѣріемъ Государя, не только никогда не злоупотребилъ имъ, но *всегда употреблялъ его на добрыя и полезныя дѣла*“.

Независимо отъ сего, онъ ретиво принялся за порученное ему артиллерійское дѣло, „помогая его совершенствованію не только въ гвардейскомъ баталіонѣ, но и въ армейскихъ частяхъ“, куда долженъ былъ, по повелѣніямъ Государя, часто выѣзжать для инспекцій³⁾. Въ это время Павломъ была предпринята общая реорганизация всей армейской артиллеріи (исключеніе ея изъ состава полковъ и формированіе

1) Тогда Кутлубицкой указалъ флигель-адъютанту Балабину, посланному Государемъ на свиданіе, кружный путь на Грузино, а самъ послалъ своего кучера къ Аракчееву кратчайшимъ проселкомъ, съ предупрежденіемъ Аракчеева о грозящей ему бѣдѣ, за что тотъ навсегда считалъ себя обязаннымъ Кутлубицкому; хотя искреннихъ отношеній между ними никогда не существовало вслѣдствіе полной противоположности ихъ характеровъ.

2) Соч. Потоцкаго 1896 г.

3) Въ 1799 г. генерал-лейтен. Кутлубицкой по Высочайшему повелѣнію командированъ на инспекцію артиллерійскихъ баталіоновъ Батурина, при чемъ командованіе Гвард. Арт. онъ сдалъ временно Булыгину.

въ отдѣльныя артиллерійскія части) и въ этомъ сложномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ не малую роль сыгралъ, какъ въ артиллерійской коллегіи, такъ и на мѣстахъ Н. О. Кутлубицкой*).

Эта реорганизація по достоинству оцѣнена специалистами дѣла и является одной изъ важнѣйшихъ данныхъ въ успѣхахъ Русскаго оружія, которое смогло противостоятъ въ эпоху Отечественной войны нашествію артиллерійскаго подпоручика Бонапарта. Какъ бой подъ Бородинымъ, такъ и другія сраженія несомнѣнно дали бы болѣе тяжелыя боевыя картины и послѣдствія, если бы вѣрная идея Императора не получила передъ тѣмъ быстрого и реальнаго осуществленія. Однимъ изъ видныхъ ея проводниковъ въ Русскихъ войскахъ былъ и Н. О. Кутлубицкой, въ чемъ не малая его заслуга передъ родиной.

Въ бумагахъ Кутлубицкаго между прочимъ осталась интересная записъ его ежедневныхъ расходовъ, относящихся къ этому времени, когда онъ не жилъ во Дворцѣ и былъ вынужденъ болѣе тщательно считать свои приходы и расходы.

Вотъ эта собственноручная его записъ:

1799 г. Февраль.

14-го	За 3 куска полотна	300 р.	Вышло рубахъ всѣ оныя рубахи и вещи даны Дементію на руки.
	За 1 кусокъ батиста	100 р.	
	За 1 дюж. чулокъ бумажныхъ	30 р.	
	За 1/2 дюж. шелковыхъ	60 р.	
	За образъ на благословеніе	60 р.	Отданы А. Марчевской.
	За ларчикъ	70 р.	
	За кусокъ полотна	60 р.	
	За 1 дюж. чулокъ бумажныхъ	30 р.	Отданы Кондр. Осип. Завар.

*) Что не мѣшало ему пополнять свои знанія не только чтеніемъ, но и посѣщеніемъ лекцій, будучи генералъ-лейтенантомъ. Послѣ лекціи извѣстнаго боевого офицера артиллериста Базина Кутлубицкой сказалъ ему: „отъ васъ я въ одинъ вечеръ научился болѣе, нежели изъ 3 толстыхъ книгъ (объ артиллеріи), у меня лежащихъ“. (П. Потоцкій).

За комодъ	70 р.	
Портному Матвѣю за сюртукъ .	50 р.	
За матерію на сюртукъ	30 р.	
Каретнику	25 р.	
Дементію на расходъ	50 р.	
За 12 колпаковъ	10 р.	Изъ оныхъ 6 отданы Дементію на руки, 6 Конд. Осип. Завар.

Конд. Осип. 150 р.

Всего. 1095 р.

15-го За серебро вѣсомъ 36 ф. 70 зол., коего штуки слѣдующія:
подносовъ 2, кофейниковъ 2, чайникъ 1, молочникъ 1, поло-
скат. 1, сахарница 1, солонокъ 10, ложекъ суповыхъ 2,
соусн. 4, столов. 18, чайн. 12, ножей 18, вилокъ 18,
всего 1212 р.

16-го За 50 четвертей овса 185 р.
Осип. Марчевскому 400 р.
Ив. В. Неелову на дорогу . . . 100 р.

685 р.

17-го 12 паръ нитяныхъ чулокъ . . . 16 р. (Дементію на руки).
Лаврову за батюшку 1000 р.
Познанскому 4000 р.
Фед. Ник. Кондакову 1000 р.
Лунину 200 р.
Дм. Фед. Раевскому 450 р.
Кузнецу. 5 р.

18-го За тонкую скатерть и двѣ дю-
жины салфетокъ 120 р.
За 3 толст. скатерти и 3 дюж.
салфетокъ 105 р.
Каретнику Николаю 25 р.

21-го Горбунцову въ долгъ 1000 р.
Б. Герасимову за табакерку за
чехоль 10 р.

	Золотыхъ дѣлъ мастеру Голо-		
	вину за вензеля и др.	100	р.
24-го	Кондрату въ долгъ.	2000	р.
27-го	Скурчевскому.	500	р.
28-го	За столов. часы	300	р.
	Ив. Ив. Власову долгу	50	р.
М а р т ъ .			
2-го	Сестрѣ Варварѣ	300	р.
	За табакерку	350	р.
	Пара пистолетовъ и кинжалъ .	150	р.
3-го	Подпоручику Вас. М. Игнатьеву	500	р. въ долгъ.
	М. А. Гарновскому	100	р.
	За коляску	600	р.
6-го	Машерамскому за вещи и квар-		
	тиру новую	1000	р.
8-го	Фролову Ст. Ст. въ долгъ . . .	300	р.
	Тоже Бреверну.	100	р.
	Батюшкѣ дано	500	р.
	Дементію на расходъ	„	
	Итого.	19000	р.
17-го	Берейтору	25	р.
22-го	Въ банкѣ 8-лѣтній за г. Ермолова.	480	р. (въ долгъ).
	Извозчику за пару лошадей на		
	дворъ	5	р.
	Каретнику за разбитыя стекла.	10	р.
А п р ѣ л ь .			
1-го	Платье сестрѣ Варварѣ	50	р.
	Батюшкѣ куплено	100	р.

Хомуты съ приборомъ	100 р.	
За ямскіе кафтаны, равендучные кафтаны, съ кушаками, рука- вицами	100 р.	
Кузнецу за ковку	40 р.	
<i>Поручику Арапетову</i>	150 р.	(въ долъ).
Коновалову	50 р.	

М а й.

7-го	Батюшкѣ дано	550 р.
16-го	За батюшку Гулбатову уплачено. Долгу Родоконетью	1000 р. 500 р.
21-го	Свѣтайлову подарено За коляску За клавикорды сестрѣ Варварѣ.	50 р. 500 р. 150 р.
28-го	Отцу Свѣтайлову	25 р.
29-го	Портному Матвѣю За платки батистовые и перчатки	200 р. 60 р.
30-го	Молодому Мигаю, выпущенному въ офицеры Задатку за карету	100 р. 50 р.

І ю н ъ.

8-го	Бѣдному капитану Федорову подъ судомъ	50 р.
10-го	<i>За цѣпочку Дунюшкѣ</i>	200 р.
14-го	<i>Парумалтеру за Андрюшку</i>	20 р.
18-го	Гудовичу въ долгъ Пантелею Кузмичу въ долгъ Батюшкѣ дано	250 р. 200 р. 100 р.

Іюль.

12-го	За двое штановъ.	70 р.
	<i>Фрукты для Дунюшки</i>	30 р.
23-го	Батюшкѣ и Свѣтайлову.	480 р.
30-го	<i>Парукмахтеру за Андрюшку</i>	25 р.

Августъ.

14-го	За карету четырехмѣстную.	1150 р.
17-го	<i>Людямъ и двѣкамъ у Дунюшки</i>	50 р.
18-го	<i>Расходу на свадьбу</i>	500 р.
20-го	Дунюшкѣ на расходы.	200 р.

Сентябрь.

15-го.	Дунюшкѣ на расходы.	500 р.
--------	-----------------------------	--------

Октябрь.

15-го	Дунюшкѣ на расходы.	500 р.
-------	-----------------------------	--------

Ноябрь.

5-го	Долгу Ярію уплачено	3200 р.
10-го	Дунюшкѣ на расходы	1500 р.

Декабрь.

19-го	Дунюшкѣ.	2000 р.
25-го	Ей же на расходы.	2500 р.

отвѣтственность за подобные проступки“, Государь вновь оставилъ Кутлубицкаго при себѣ; сказавъ ему: „Ну, Николка, опять ты будешь при мнѣ подвижнымъ комендантомъ; *идь я буду—тамъ и ты*. Отпусти своихъ животовъ въ Петербургъ, а самъ въ придворномъ экипажѣ поѣзжай въ Петергофъ и приготовь тамъ все къ моему приѣзду,—я завтра туда переѣзжаю.“¹⁾

Получивъ командорскій крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, Кутлубицкой вновь поселился во Дворцѣ и не оставлялъ Императора до его кончины.

Но не участвуя 1½ года во дворцовой жизни и будучи уже женатымъ, Кутлубицкой не могъ удѣлять все свое время одной службѣ и не успѣлъ быстро ориентироваться въ окружавшихъ Императора интригахъ и новыхъ лицахъ; тѣмъ болѣе, что новымъ приказомъ Императора 12 Ноября 1800 г. онъ былъ назначенъ комендантомъ еще необитаемаго Михайловскаго Дворца, энергично занялся его благоустройствомъ и подготовкой къ переѣзду въ него Императора. Кутлубицкой хлопоталъ и горячился, встрѣчая мелочныя противо-дѣйствія изъ экспедиціи строеній, отъ придворной конторы и др. учреждений, и наконецъ 1 Февраля 1801 года Государь переѣхалъ въ этотъ новый Дворецъ, и Кутлубицкой могъ быть фактически при его особѣ.

Жена его въ это время была нездорова, будучи беременна первымъ ребенкомъ, и Кутлубицкой былъ озабоченъ, такъ сказать, сразу на два фронта.

Что зналъ комендантъ Кутлубицкой о готовящемся заговорѣ, по исторической литературѣ неизвѣстно, но внѣшняя охрана Дворца была своевременно усилена, конечно, не безъ вѣдома коменданта, еще въ Февралѣ мѣсяцѣ. Ночью 8-го Марта о заговорѣ зналъ уже и Императоръ Павелъ. *Отъ кого онъ зналъ?* Исторія также умалчиваетъ... но 9-го рано утромъ онъ, еще лежа въ постели, послалъ именно Кутлубицкаго за Паленомъ, и когда тотъ явился²⁾, ясно далъ ему понять, что ему извѣстно о заговорѣ. Повидимому, какъ въ 1793 году, такъ и на этотъ разъ миссія генерала Кутлубицкаго была болѣе важной, чѣмъ это представляется на первый взглядъ, ибо вторымъ моментомъ этой

¹⁾ Рус. Арх. 66.

²⁾ въ 7 час, утра.

мисси могло лишь быть препровожденіе Генераль-Губернатора въ Петропавловскую крѣпость... Первыя-же слова Императора: „Графъ Паленъ! Вы были здѣсь въ 1762 году“... не сулили для Генераль-Губернатора ничего отраднаго! Фраза Павла „*on veut renouveler 1762*“ — заставила затрепетать Генераль-Губернатора... По словамъ Палена „*le regard de l'Empereur était pénétrant, plein de soupçons et terrible; mon sang se glaça dans mes veines, et je sentis un moment que la salive me manquait dans la bouche pour parler*“.... Смѣлая ложь и рѣшимость спасли Палена въ тяжелую для него минуту....

„*Je me fie à Vous*“ сказалъ Императоръ, протягивая Палену руку, „*et je respirai*“ заканчиваетъ Паленъ...

Кутлубицкому въ свою очередь не оставалось ничего болѣе, какъ возвратиться къ своимъ обыденнымъ занятіямъ коменданта, считая свою миссію по отношенію Генераль-Губернатора *volens-nolens*—законченной....

Кутлубицкой не могъ не знать о готовящемся событіи, но онъ не былъ въ правѣ послѣ сказаннаго, открыто раздѣлять подозрѣніе противъ Палена, какъ не допустилъ ихъ самъ Павелъ, что Генераль-Губернаторъ стоитъ во главѣ заговора. Исторія не знаетъ примѣровъ такого исключительнаго предательства, которыхъ надо искать „скорѣй въ трагедіяхъ Шекспира, чѣмъ въ дѣйствительной жизни;“ поэтому, не мудрено, что честный и преданный Государю Кутлубицкой черезъ 2 дня далъ себя арестовать тому-же Генераль-Губернатору за нѣсколько часовъ до событія 11 Марта, когда Паленъ сослался на распоряженіе о томъ *самого Императора*, имѣя при себѣ *чистые бланкеты объ арестахъ за подписомъ Павла*. Сомнительно, чтобы Кутлубицкой могъ уже сдѣлать что нибудь въ послѣднія минуты для спасенія Императора. если бы и былъ на свободѣ, разъ миссія его 9 Марта осталась не законченной; въ лучшемъ случаѣ онъ могъ лишь оправдать на себѣ его фразу: „*идъ я буду—тамъ и ты*“. Но судьба и Паленъ распорядились иначе: комендантъ Кутлубицкой былъ арестованъ въ первую голову, какъ это постигло затѣмъ въ ту же ночь А. С. Кологривова, П. Θ. Малютина, П. Х. Оболянинова и А. Л. Нарышкина.¹⁾

Обстоятельства, при которыхъ былъ арестованъ Н. О. Кутлубицкой, изложены съ его словъ А. П. Ханенкой въ Рус. Арх. 1866 г. и повторяютъ ихъ излишне.²⁾

¹⁾ И. П. Кутайсовъ, какъ извѣстно, этой чести не удостоился!

²⁾ Ихъ краткость объясняется условіями тогдашней цензуры, а не неосвѣдомленностью самого Кутлубицкаго, который болѣе часа излагалъ подробности этого событія Императору Николаю Павловичу въ 1836 году.

12 Марта комендантомъ новой императорской резиденціи сдѣлался герой предшествующей ночи Бенигсенъ, и Кутлубицкому, которому утромъ объявили, что Государь скончался отъ апоплексическаго удара, дѣлать въ Михайловскомъ Дворцѣ было болѣе нечего.

Когда схоронили Императора. Кутлубицкому нечего было дѣлать и въ Петербургѣ.

Назначенный шефомъ 1-го артиллерійскаго баталіона, онъ числился имъ повидимому номинально и ждалъ лишь разрѣшенія отъ бремени своей жены и ея выздоровленія, чтобы оставить Петербургъ и переселиться въ пожалованное ему Императоромъ Павломъ имѣніе въ Нижегородской губерніи, что ему и удалось исполнить послѣ рожденія въ Сентябрѣ 1801 г. перваго его сына Павла,¹⁾ зимой того же 1801—2 года.

Изъ аттестата № 459, отъ 9 Августа 1801 г., подписаннаго „шестого класса графомъ А...“²⁾ изъ комиссаріатскаго депо Его Величества. видно, что „дача съ денщикъ и раціонъ жалованья“ прекращена Кутлубицкому съ 1 Сентября 1801 г. А 2 Сентября 1802 г. отношеніемъ генерала Сухарева Кутлубицкому въ Арзамасскую его деревню высланъ патентъ на чинъ Генераль-Лейтенанта (въ которомъ онъ былъ съ 1798 года), подписанный 18 Августа 1802 г. Императоромъ Александромъ Павловичемъ, „такъ какъ ему, Кутлубицкому, патента на этотъ чинъ понынѣ дано не было“, что и слѣдуетъ считать временемъ его официальной отставки.

Кутлубицкому исполнилось къ этому времени 26 лѣтъ; возрастъ, въ который въ наше время часто начинаютъ службу.

Вѣрный своимъ привычкамъ, отставной Генераль-Лейтенантъ первымъ дѣломъ сталъ хлопотать объ освобожденіи отъ военной службы своего денщика, котораго зналъ лично Императоръ Павелъ, но потерпѣлъ и въ этомъ неудачу. Это видно изъ нижеслѣдующаго письма къ нему отъ 4 Декабря 1802 года изъ Петербурга:

¹⁾ Воспріемницей отъ купели этого ребенка, крещеннаго именемъ покойнаго Императора и родившагося (20 Сентября) въ день рожденія того же Императора, согласилась быть вдовствующая Императрица Марія Феодоровна, всегда благосклонно относившаяся къ Кутлубицкому, какъ до, такъ и послѣ кончины Павла, о чемъ свидѣтельствуетъ длинный рядъ рескриптовъ Государыни къ Кутлубицкому съ 1801 по 1828 г., сохранившихся въ его бумагахъ.

²⁾ Апраксинымъ.

Батюшка Николай Осиповичъ.

Безъ оправданія виновать и не умѣю принести ни малѣйшаго оправданія въ томъ, что долго не отвѣчалъ на письма Ваши, прошу только великодушно прощенія и обещаюсь впредь быть исправнѣе.

Касательно бывшаго деньщика Вашего сообщаю Вамъ, что *нынѣ* не только весьма трудно, но и *совершенно невозможно* нижнихъ служителей, не выслужившихъ 25 лѣтъ, отставлять отъ службы. Военная Коллегія *сами въ оное входитъ* и представляемыхъ таковыхъ служителей распределяетъ или въ инвалиды, или въ бутошники по городамъ. Посему не согласитесь ли Вы сдѣлать ему другого какого добра, на примѣръ: опредѣлить въ *гардейскую артиллерию* или арсеналь и подобное тому *покойное мѣсто*. На что и буду ожидать Вашего извѣщенія.

Прошу вѣрить, что вѣчно остаюсь Вашимъ вѣрнѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугой.

Козадавлевъ.

Жизнь Кутлубицкаго въ деревнѣ ни чѣмъ не замѣчательна: онъ занимается въ ней хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей. Строить огромную церковь во имя своего благодѣтеля Императора Павла, на что издерживаетъ значительную часть своего состоянія, заключающагося въ пожалованномъ имѣніи, которое закладываетъ для этой цѣли въ Банкѣ. Казанскія земли, пожалованныя ему указомъ 1 Марта 1801 г., продаетъ, чтобы расплатиться съ петербургскими долгами: саратовскія земли, дополученныя имъ въ царствованіе Александра I по тому же указу Павла, какъ дальнія и безводныя, продаетъ за безцѣнокъ, и остается жить въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ д. Костянѣ, гдѣ обстраиваетъ себѣ усадьбу, сохранившуюся вмѣстѣ съ его домомъ до настоящаго времени.¹⁾

Изъ деревни онъ ведетъ обширную переписку преимущественно съ родственниками своими и своей жены—Вакселями, Сорохтинными, Корсаковыми, Войцеховичами и др., а изъ государственныхъ дѣятелей поддерживаетъ регулярную переписку лишь съ Ник. Сем. Мордвиновымъ, съ которымъ былъ въ тѣсной дружбѣ²⁾.

¹⁾ Нынѣ въ ней помѣщается земская больница.

²⁾ Переписка эта, опубликованная въ Рус. Старинѣ 98 г. и Рус. Арх. 1912 г. лишній разъ подтверждаетъ высокую гуманность и патриотизмъ какъ Н. С. Мордвинова, такъ и друга его, Н. О. Кутлубицкаго, бывшаго на 20 лѣтъ моложе Мордвинова.

Изъ Арзамаса Н. О. часто ѣздилъ въ Саровскую обитель на богомолье и къ старцу Серафиму, который оказывалъ ему постоянное расположеніе.

Во время войны съ Наполеономъ Кутлубицкой не оставался празднымъ и игралъ значительную роль въ сборѣ и формированіи ополченія отъ Нижегородской губерніи, за что впоследствии былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени.

Сыновой своихъ по домашнемъ воспитаніи помѣстилъ обоихъ *рядовыми* въ гвардію; старшаго Павла въ конную гвардію, откуда онъ произведенъ былъ въ офицеры въ Л. Гв. Конно Егерскій полкъ*), младшаго Николая въ Л. Гв. Конно-Егерскій, старшую дочь Анну выдалъ замужъ за сосѣда помѣщика И. Е. Караулова, младшую Юлію—за подполковника Конной Артиллеріи Станкевича (въ Малороссіи).

Событіемъ въ жизни Ник. Осип. было посѣщеніе въ концѣ 30-хъ годовъ г. Нижняго-Новгорода Государемъ Николаемъ Павловичемъ, которому Кутлубицкой представлялся особо отъ другихъ дворянъ. и долго съ нимъ наединѣ бесѣдовалъ о царствованіи Императора Павла и его бывшей службѣ при немъ... Осенью 1842 года Кутлубицкой посѣтилъ Гатчину, гдѣ былъ обласканъ Николаемъ Павловичемъ и всей царской семьей. Послѣ обѣдни къ старику Кутлубицкому подошелъ почетный ординарецъ въ мундирѣ временъ Императора Павла (Рус. Арх. 66).

*) Старшій сынъ Кутлубицкаго, Павелъ Николаевичъ, крестникъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Александра Павловича, рожд. 20 Сентября 801 г. Въ конной гвардіи рядовымъ съ 1818 года; произведенъ корнетомъ въ Л. Гв. Конно-Егерскій полкъ 23 Февраля 1820 года. Въ Январѣ 1831 года произведенъ въ ротмистры съ увольненіемъ въ отставку, преждевременно сдѣлавшись неспособнымъ къ службѣ, разбитый параличемъ въ 29 лѣтъ. Не имѣя возможности двигать рукой и ногой, скончался въ Костянкѣ 12 Іюля 1841 г., гдѣ и погребенъ. Женатъ былъ на В. Я. Блаватской, отъ брака съ которой имѣлъ сыновей Николая и Юсіфа. Юсіфъ Павловичъ умеръ холостымъ. отъ Николая же Павловича черезъ бракъ его съ Л. И. Панютиной идетъ дальнѣйшая вѣтвь Кутлубицкихъ. П. Н. Кутлубицкой былъ отличнымъ фронтовикомъ и часто наряжался ординарцемъ къ Императору Николаю Павловичу, Вел. Кн. Михаилу Павловичу, во внутренній караулъ къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и др. случаяхъ. О немъ сохранился рассказъ, что Великій Князь Николай Павловичъ, принимая отъ него рапортъ въ Конной Гвардіи, сказалъ: „Не знаю, палашъ ли прятенуть къ Кутлубицкому или Кутлубицкой къ палашу.“ П. Н. былъ очень небольшого роста, что можетъ быть и заставило его выйти изъ Конной-гвардіи въ Конно-Егерскій полкъ, гдѣ служилъ и младшій его братъ Николай Николаевичъ.

Изъ этой повѣдки Кутлубицкой привезъ въ деревню 2 легкія конныя пушки, которыя ему были подарены Государемъ на память объ его бывшей службѣ въ баттареѣ Павла Петровича.

Въ Декабрѣ 1840 года Кутлубицкой скоронилъ въ Костянкѣ свою жену Авдотью Савельевну, въ 41-мъ году старшаго своего сына Павла, разбитаго параличемъ, въ 42-мъ старшую свою дочь Анну (по мужу Караулову), послѣ чего вскорѣ переѣхалъ на жительство въ Малороссію къ сестрѣ своей В. О. Войцеховичъ, на хуторъ Никольскій, Городнинскаго уѣзда, Черниговской губерніи, передавъ Нижегородское имѣніе младшему сыну Николаю Николаевичу.

Здѣсь Ник. Осип. сошелся съ Черниговскимъ Предводителемъ Дворянства А. И. Ханенкой, который посѣщалъ Кутлубицкаго на хуторѣ Никольскомъ, и черезъ 17 лѣтъ послѣ его смерти помѣстилъ нѣкоторые изъ его рассказовъ въ Русскомъ Архивѣ 1866 года.

Въ 60 слишкомъ лѣтъ Ник. Осип. еще ѣздилъ верхомъ, а въ 70 ходилъ пѣшкомъ за 6 верстъ въ Городню къ заутренѣ. Но ноги постепенно отказывались ему служить и послѣдніе два года своей жизни онъ почти не выходилъ изъ комнаты, но много читалъ и часто писалъ своему сыну, интересуясь его хозяйствомъ до мельчайшихъ подробностей.

Врожденное ему добродушіе сказывалось во всемъ до послѣднихъ дней его жизни. Такъ, незадолго до кончины, онъ получилъ извѣщеніе о присылкѣ ему крупной денежной суммы изъ Нижегородскаго имѣнія. Услужливый почтмейстеръ самъ привезъ посылку къ нему на хуторъ, но когда стали вскрывать ее, то обнаружилось, что большинство золотыхъ замѣнено мѣдными монетами. Почтмейстеръ былъ сильно встревоженъ отвѣтственностью до потери мѣста включительно, но Николай Осиповичъ успѣшилъ его успокоить, расписавшись въ полученіи денегъ въ полной суммѣ.

Подъ конецъ жизни у старика обнаружилась водянка, отъ которой онъ и умеръ утромъ 15 Іюля 1849 года, въ 75-лѣтнемъ возрастѣ.

Похороненъ онъ въ Городнѣ у церкви Св. Василія Великаго; но вслѣдствіе расширенія этого храма въ 50-хъ годахъ могила Николая Осиповича очутилась внутри храма подъ поломъ его сѣвернаго предѣла.

У изголовья почившаго поставленъ кіотъ съ изображеніемъ Святителя Николая (день его именинъ), Равноапостольнаго Князя Владимира (день его кончины) и пророка Аввакума (2 Дек. день его рожденія). Подъ иконой Святителя Николая врѣзана мѣдная доска, на которой значится: „На семь мѣстѣхъ погребено тѣло Генераль-Лейтенанта и Кавалера Н. О. Кутлубицкаго, родился 1775 года, Декабря 2, скончался 1849 года Іюля 15“.

Н. О. Кутлубицкой. человекъ глубоко вѣрующій и религіозный. оставилъ послѣ себя длинный рядъ поминаній объ усопшихъ рабахъ Божіихъ, и впереди ихъ всѣхъ, его четкимъ, красивымъ почеркомъ записано:

Императоры:

Павель Петровичъ!!
Александръ Павловичъ.
Константинъ Павловичъ.

Императрицы:

Екатерина Алексѣевна!!
Марія Феодоровна.
Елизавета Алексѣевна.

Генваря 13. Марта 11. Апрѣля 21, 26. Мая 3, 21. Іюня 16, 29.
Іюля 22. Августа 30. Сентября 5, 20. Октября 14, 24. Ноября 6, 19, 24.
Декабря 12.

Въ другой записи указано:

„Въ новой церкви служить панефиды и вынимать за упокой всякую обѣдню объ усопшихъ рабахъ Божіихъ:

1) Благочестивѣйшемъ Государѣ Императорѣ Павлѣ Петровичѣ 11 Марта, 29 Іюня, 20 Сентября.

2) Обѣ избавителѣ отечества благовѣрномъ князѣ Михаилѣ Смоленскомъ 16 Апрѣля, 8 Ноября.

3) Архіепископѣ Павлѣ ¹⁾ 6 Ноября и Архіепископѣ Веніаминѣ ²⁾.

1) ?

2) Бывшемъ архіепископѣ Нижегородскомъ и Арзамасскомъ (1800—1811), извѣстномъ авторѣ „Новой скрижали“.

IV.

Въ цѣляхъ болѣе подробной характеристики Н. О. Кутлубицкаго, не лишнее привести здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ его личной переписки, изъ которой выясняются его взгляды на многіе жизненные вопросы.

Приводимъ изъ нихъ предпочтительно тѣ, которыя имѣютъ одновременно и бытовой интересъ и сами по себѣ наиболѣе оригинальны.

Вотъ на примѣръ выписка изъ духовнаго завѣщанія Николая Осиповича, составленнаго имъ въ 1818 г., которое и для нашего времени представляется не совсѣмъ обычнымъ.

Завѣщаніе это подписали свидѣтели:

1) Генералъ отъ артиллеріи, Сенаторъ и Кавалеръ Алексѣй Ивановичъ *Корсаковъ* (родственникъ по женѣ).

2) Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ и Кавалеръ Карлъ Федоровичъ *Модерахъ*.

3) Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ и Кавалеръ Дмитрій Ивановичъ *Ръзановъ* (оберъ-прокуроръ Сената).

4) Генералъ *Петръ Петровичъ Коновницынъ*.

Въ завѣщаніи сказано: „Такъ какъ мы люди всѣ смертны, то желательно и мнѣ заблаговременно устроить по силѣ возможности судьбу моей любезной супруги А. С., съ которой я по милости Божіей прожилъ почти 20 лѣтъ въ тишинѣ и добромъ согласіи, и которая была мнѣ во всемъ доброй помощницей. Желая успокоить ее на случай моей смерти, которая съ нами во всякій часъ неразлучна, чтобъ она сама могла имѣть покойную жизнь и до кончины своей ни мало не зависѣла бы отъ дѣтей, послѣ насъ оставшихся а потому все оставляется въ ея пожизненное владѣніе съ правомъ залога, но чтобы ни одной души, ни одного четверика земли въ партикулярныя руки не продавать и не закладывать“.

2) Послѣ смерти жены имѣнія раздѣлить такъ, чтобы братъ имѣлъ противъ сестры только вдвое, ибо мущина долженъ непременно служить Царю и Отечеству, а женщина остается въ неизвѣстности, и ея судьба подѣ завѣсой. Привыкши жить у родителей при порядочномъ состояніи, получаетъ по закону, лишась вдругъ родителей, 14-ю часть, чего ей по образу воспитанія и на годичное содержаніе не достаточно . . .

3) По кончинѣ моей черезъ 6 недѣль отпустить на волю моего камердинера съ женой и дѣтьми и всѣхъ тѣхъ дворовыхъ людей съ семействами ихъ, которымъ выйдетъ 25 лѣтъ службы, считая съ прошлаго 1801 года, и наградить ихъ всѣхъ по 500 руб., а камердинера 1000 р., а если не пожелаютъ уйти, то, выдавъ денежные награды, отвести имъ у церкви каждой семьѣ по тягловому усаду и дать земли по 3 дес. въ полѣ для обработки, а повинностей господскихъ никакихъ не требовать“...

Николаю Осиповичу впрочемъ приходилось неоднократно передѣлывать это завѣщаніе, такъ какъ онъ самъ пережилъ и свою жену и старшаго сына.

Вотъ характерная выдержка изъ просьбы Кутлубицкаго на имя Императрицы Маріи Ѳеодоровны по поводу недоданныхъ ему земель, слѣдуемыхъ по Высочайшему повелѣнію 1 Марта 1801 г., написанная Кутлубицкимъ 11 Марта 1803 г.

„Все счастье и самая жизнь моя возсотворены токмо едиными и непосредственными благодѣяніями блаженной и вѣчной памяти достойная Всемиловѣйшаго Государя моего, вѣчно любезнаго сердцу твоему въ Бозѣ почивающаго супруга. Никто изъ людей не былъ тогда моимъ ходатаемъ, да и нынѣ нѣтъ у меня иного ходатая и свидѣтеля, кромѣ Самого Всевѣдца Бога и материнскаго призрачія В. И. Величества“.

Къ М. И. Донаурову о томъ же пишетъ:

„Я нажилъ на себя тягостный и важный долгъ, приводящій меня въ крайнее разстройство, и если я теперь получу земли не тамъ, гдѣ ждалъ, а въ отдаленнѣйшихъ губерніяхъ, то необходимо лишусь болѣе половины всего пожалованнаго мнѣ Государемъ имѣнія.

Но кого же просить, къ кому обратиться? Я какъ былъ военный человекъ—того не знаю. Я теперь безъ всякой протекціи и быть можетъ, *не смотря на бывшее отъ меня всегда къ людямъ одно добротство*, теперь не только никто не снизойдетъ къ моей просьбѣ, но не захотятъ обо мнѣ и припомнить. Но Васъ я знаю по доброму основанію Вашего сердца; въ Васъ однихъ я не могу усомниться. За это я Вамъ болѣе уже не услужу, но я всегда зналъ и *увѣренъ, что Вы всегда добро дѣлали не иначе какъ для самаго добра.*

Не скрою отъ Васъ, что одновременно я обращаюсь и къ Государынѣ, но быть можетъ она уклонилась уже отъ всякихъ просьбъ и протекцій; если же нѣтъ, то прошу ей о томъ при случаѣ напомнить и доложить“.

Многіе взгляды Николая Осиповича на службу, семью и проч. выясняются изъ его писемъ къ младшему сыну Николаю Николаевичу, офицеру лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка. впоследствии Нижегородскому губернскому предводителю дворянства.

Вотъ, на примѣръ, письмо его къ сыну въ Декабрѣ 1826 года, когда тотъ былъ еще юнкеромъ.

„Другъ мой Николинъка, поздравляю тебя съ днемъ твоего ангела и желаю, чтобы тебя въ этотъ день произвели въ прапорщики.

Я вижу изъ твоего письма, что вашъ полкъ переводятъ въ Гатчино. Тогда вы можете съ восхищеніемъ видѣть тѣ прелестныя мѣста, гдѣ отецъ вашъ имѣлъ счастье служить своему доброму Царю и Отцу-Благодѣтелю. Когда случится тебѣ быть во Дворцѣ, то пройди въ кабинетъ его, гдѣ увидишь стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ и одинъ управлялъ всѣмъ царствомъ... Поцѣлуй этотъ стулъ съ почитаніемъ; и что вновь увидишь достопримѣчательнаго, не оставь меня подробно извѣстить, ибо я съ этимъ дорогимъ мѣстомъ разстался уже 26 лѣтъ“.

„Въ отсутствіе брата позаботься объ его лошадакахъ, чтобы были сбережены, пока онъ въ отлучкѣ, если онъ въ вашемъ эскадронѣ, а если въ другомъ—то попроси того офицера, которому онъ поручилъ. Да смотри, чтобы и люди безъ него не зашалили, тебѣ слава Богу уже 18-й годъ, и можешь самъ видѣть, что дурно, что хорошо, за что надо пожурить или похвалить. Только смотри, черезчуръ не горячись, не то кровь испортишь, а ее нужно беречь. Это я по себѣ знаю“...

„Есть люди, которые только что женятся въ мой возрастъ (50 лѣтъ), а я съ 70-лѣтнимъ теперь только могу равняться, да и то не со всякимъ¹⁾. На дняхъ у насъ одинъ солдатъ въ 80 лѣтъ женился—вотъ человѣкъ сберегъ здоровье, и ты учись и съ 18 лѣтъ не пускайся во всѣ тяжкія. Это говорить тебѣ искренній твой другъ и отецъ“.

„...Дай Богъ здоровья твоему доброму генералу и всѣмъ г.г. офицерамъ, что желаютъ узнать обо мнѣ, а въ особенности доброму твоему командиру Тихону Федотовичу, что не оставляетъ тебя своими дружескими наставленіями и отеческой бережливостью. Увѣренъ я, что ты свободное время по пустякамъ не тратишь, а лишній разъ заглянешь въ умную книжку. *Учиться, другъ, никогда не поздно, и мы въ 50 лѣтъ учимся и не стыдимся, ибо въ ученьѣ свѣтъ, а неученье—тьма*“.

Въ 30-хъ годахъ, когда сынъ Николая Осиповича былъ уже гвардейскимъ офицеромъ, онъ писалъ къ нему:

„Благодарю тебя, другъ мой, за копію съ рѣчей царскихъ къ полякамъ, хотя я уже ихъ имѣю 2 недѣли назадъ, но за твое вниманіе къ изреченію царскому очень много я тебѣ благодаренъ! И да наградить тебя за это самъ Богъ, *ибо кто чтитъ Царя земною, тотъ угоденъ и Небесному!* Думаю, что послѣ такихъ рѣчей поляки выкинуть изъ головъ свою дурь, особливо если обѣщано, что въ 24 часа и духу не будетъ поганаго ихъ гнѣздища. Посмотримъ, станутъ ли они своихъ кровныхъ воспитывать инымъ манеромъ, чѣмъ какъ сами были воспитаны²⁾).

Въ другомъ письмѣ къ сыну Н. О. пишетъ:

„Я не отнимаю отъ тебя твоей воли на счетъ службы. Служи гдѣ хочешь въ гвардіи или арміи—это твое дѣло, но *служить всякому дворянину должно!* Въ деревнѣ зайцевъ есть кому гонять и безъ васъ,

¹⁾ Здѣсь Николай Осиповичъ преувеличиваетъ свои немощи. Такъ онъ находить нужнымъ писать 18-лѣтнему сыну, а въ 1839 году, будучи уже самъ въ 65-лѣтнемъ возрастѣ, онъ писалъ тому же сыну-ротмистру: „Если правду сказать, по вашему вѣку молодые люди никуда не голятся. Видимъ мы,—какъ старое дерево скрипитъ, да скрипитъ, а молодое валится. А отчего? Отъ образа нынѣшней модной жизни, которой мы не знали, и отъ которой да сохранить тебя Господь“, и добавляетъ: „Приготовь мнѣ новую верховую лошадку и вели ее хорошенько верхомъ объѣздить, чтобы хорошо ходила шагомъ и *калопомъ, а то рысью мнѣ стало не по лѣтамъ*“ (65 лѣтъ!).

²⁾ Какъ извѣстно уже изъ предыдущаго,—отецъ Ник. Осипов. былъ выходецъ изъ Польши, почему мнѣніе Ник. Осип. о полякахъ особенно примѣчательно!

молодцовъ. Есть дворяне *дармопды*, тысячами они въ разныхъ губерніяхъ душатъ бѣдныхъ зайцевъ, пуще, чѣмъ французовъ; то-то рыцари! А служить нѣтъ охоты, тутъ сразу всѣ немощи найдутся. Надѣюсь, что ты новый походъ на ремонтерство не промѣняешь, это дѣло мирнаго времени. Что же касается перехода изъ гвардіи, то спишись съ полковникомъ Дубельтомъ, что командуетъ полкомъ Принца Оранскаго, и переходи съ Богомъ. Или попроси нашего добраго П. П., котораго причислили по арміи и отдали его дивизію пріятелю Ностицу, и тотъ доволенъ будетъ имѣть у себя гвардейскаго офицера въ своей дивизіи. Можешь повидаться съ своимъ пріятелемъ Кв. Щербатовымъ, что у Свѣтлѣйшаго Адъютантомъ. а если случится, то и ему самому представишься; онъ навѣрное обо мнѣ вспомнить и тебя къ себѣ перетащить, если это будетъ согласно съ твоимъ желаніемъ. Но я предувѣдомленъ, что ты не любишь адъютанскаго мундира; дѣло твое, я и въ этомъ не перечу, но все же думаю, что будучи при Свѣтлѣйшемъ адъютантомъ, ты бы скорѣе попалъ въ полковники“.

Характерны письма Ник. Осип. къ сыну относительно женитьбы. Въ 38-мъ году онъ по этому поводу пишетъ:

„Я увѣренъ, что ты на распутной не женишься и насъ, стариковъ, отъ такой невѣстки избавишь, а что ты вздумалъ найти себѣ подругу, это доброе дѣло. Помни пословицу: *„Кто въ 20 неумень, въ 30 не женатъ, а въ 40 не боится, тому и вѣкъ оставаться такъ“*.

Сыщется по тебѣ бѣдная и честная дворянка—и хорошо; ты ее хоть и не жирно, а прокормишь на свои 400 душъ, которыя отъ меня получишь.

Если приглянется изъ купческаго званія, то прежде всего смотри, *чтобы была воспитана и добрая христіанка*, но купческія дочери нынѣ сильно избалованы какъ на нарядахъ, такъ и на экипажахъ, а потому надо, чтобы и „*прилагательное*“ было, чтобы гвардіи штаб-офицеру не стыдно было съ ней въ люди показаться, съ чѣмъ ее вывозить и кормить. Ищи же себѣ подругу, ибо Вашему Высокородію скоро минетъ 30 лѣтъ, то и пора чужихъ оставить. Впрочемъ помни, что жена не башмакъ... и т. д.“

Но такъ какъ сынъ Н. О. все еще не женился, то черезъ годъ онъ ему писалъ объ этомъ вновь:

„Дай Богъ тебѣ хорошій успѣхъ въ 4-ногихъ кобылахъ, если избѣгаешь двуногихъ... Странно, что не находишь дворянки, такъ поищи въ Москвѣ въ купеческомъ собраніи. Оно тамъ много моднѣе и веселѣе нашихъ „благородныхъ“. Смотри, князь Салтыковъ—не хуже другихъ дворянъ, а подхватилъ тамъ себѣ лихую и образованную, да и прегрузную, такъ неужели для другихъ уже не будетъ счастья? Или посмотри въ Харьковѣ, тамъ есть не только наши, но и грузинскія сестры, быть можетъ тамъ не обожжешься и на горячихъ сливочкахъ. Впрочемъ не забудь, мой другъ, *самаго главнаго, что жена не лапоть, съ ною не скинешь*“... и т. д.

Но такъ какъ сынъ и въ 840-мъ году еще не женился, то Н. О. писалъ уже иначе:

„Если ты, какъ пишешь, не желаешь брать на шею обузы, то иди, другъ, въ Соловецкую обитель, авось попадешь въ архимандриты, только смотри—почаще мой ручки, чтобы барыни могли съ удовольствіемъ къ онимъ прикладываться!

„Ну а Арсенія*) участь довольно завидная. Какъ бы г-жа Андреевская не пустилась его провожать въ Каменецъ-Подольскъ на своихъ лихихъ оленяхъ, ему будетъ тогда честь и слава пуце Фотія“.

Вотъ одно изъ писемъ Н. О. къ дочери въ концѣ 30-хъ годовъ:

„Нужно всегда заботиться употреблять все наше время на благое, а нечестію—чуръ ему! Вѣдь тамъ не спросятъ ни о танцахъ, ни о балахъ, ни о модныхъ рукавахъ, ни о чепцахъ, а потребуютъ наши добрыя дѣла... Увы мнѣ грѣшному: съ чѣмъ же я предстану? Ибо я не могу сказать: „*Се азъ и чада мои*“. Четверо васъ у меня, и у всѣхъ васъ странныя мысли отъ поганаго воспитанія.... Видно, что пока на семъ брэнномъ свѣтѣ, то весь вѣкъ безъ толку суетимся... Громы гремятъ, а гдѣ и города проваливаются, а мы не унываемъ и все свое творимъ, да творимъ.

*) ? (интересно было бы разъяснить) про кого идетъ рѣчь.

Однако я становлюсь сильно старъ, пора видно отказаться отъ всѣхъ мірскихъ хлопотъ, отъ которыхъ голова идетъ кругомъ: былъ помоложе—перевертывался, а теперь стало тяжело“.

Но тутъ же старикъ оживляется и приписываетъ: „а крестница то моя Мартусова въ 30. лѣтъ, больная и глухая, выходитъ замужъ! Да за кого, за 20-лѣтняго вертушку, поручика малороссійскаго Капелку, *голаю, якъ святой турецкій!*“

Хозяйственныя распоряженія Н. О. по имѣнію къ сыну весьма обширны; среди нихъ обращаютъ на себя вниманіе нижеслѣдующія выдержки:

„Хорошо, другъ мой, ты сдѣлалъ, что далъ лицамъ неимущимъ по четверику ржи для розговенья, но только смотри, чтобы господа сборщики не вздумали при урожаѣ собирать лихвы, что съ ними бываетъ; а что выдано, то можно будетъ и собрать“...

Или еще:

„Именинникамъ всѣмъ вообще, начиная со священника и кончая послѣднимъ рабомъ и рабыней въ домѣ и на дворѣ, подарки въ день ангела *выдавать непременно*, какъ это я всегда самъ дѣлалъ, и о чемъ отмѣтки найдешь въ записной моей книгѣ“.

Но случаются и обратныя, напримѣръ:

„Лѣвѣтевъ и пьяницъ учи прилежно, и если они не исправятся и обманываютъ, то покорми березовой кашей ложекъ до 50 и даже въ крайности до 100, *глядя по пдоку*“.

Въ позднѣйшемъ письмѣ 1847 года къ сыну старикъ пишетъ:

„Прозящимъ давай, но такъ, чтобы другая рука не знала, кому подала первая. Мы здѣсь гости, выпущенные на здѣшній земной свѣтъ поглядѣть и *потрудиться*, а потомъ надо собираться на тотъ свѣтъ... Хочу не хочу,—а ступай съ отвѣтомъ: гдѣ былъ? *что путнаго сдѣлалъ?* Помни, что здѣсь *пріобрѣтешь*, то здѣсь и *останется*, а намъ самимъ въ награду за все нужна 1 сажень земли и добрые люди, и *если мы успѣемъ ихъ пріотловить*, то они за насъ и помолются“

За годъ до кончины онъ пишетъ:

„Не знаю, якъ се мнѣ сробить, а хотѣлъ бы передъ смертію путемъ еще хотъ разъ побачить Царя съ Царицей и Царятками, да полюбоваться въ Петербургѣ на два новые храма, придѣлъ Маріи Магдалины въ Воскресенскомъ соборѣ, да въ Измайловскомъ полку соборъ Троицкій и еще взглянуть на монументъ Александру I-му, а потомъ поѣхать за Неву въ Петропавловскій соборъ въ послѣдній разъ поклониться *почившему* и почившимъ, отслужить панефиду, а за тѣмъ уже съ Богомъ домой, но не знаю,—допустить ли Богъ“.

А. И. Ханенко пишетъ о старикѣ Кутлубицкомъ въ Русскомъ Архивѣ 66 года:

„Все семейство его чрезвычайно влекло къ себѣ всякаго. У нихъ, бывало, чувствуешь себя настоящимъ человѣкомъ: нѣтъ ни приторной угодливости, ни холодной вѣжливости, все у нихъ такъ тепло, горячо и свободно, все просто и все отъ души . . . Пословица: „Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше“ въ ихъ обществѣ не приходила въ голову. Они были очень религіозны и съ особымъ усердіемъ посѣщали церковь. Любимымъ чтеніемъ были книги религіозныя, но они выписывали и охотно читали и другія книги . . . *Бѣдный всегда здѣсь былъ не только надѣленъ, но и обласканъ; нуждающемуся искали сами—какъ бы помочь дѣйствительнѣе.* Глядя на этотъ старый домъ, я думалъ въ такихъ-то домахъ жила когда-то правда и счастье вмѣстѣ съ нашими дѣдами“.

Таковъ былъ типъ домохозяина—Гатчинца, „опричника“ Павловскаго царствованія . . .

Въ настоящее время остается лишь послѣднія слова Ханенки „нашими дѣдами“ замѣнить „нашими прадѣдами“.

V.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о супругѣ Николая Осиповича—Евдокіи Савельевнѣ рожденной Ваксель, на которой онъ женился 17 Августа 1799 г. Она, была какъ сказано выше, дочь умершаго уже тогда Совѣтника Государственной Адмиралтействъ Коллегіи

Савелія Савельевича Ваксель. Мать же ея Анна Ивановна „Вакселева“ жила до глубокой старости.*)

Авдотья Савельевна родилась 19 Февраля 1777 года и была только на 1¹, года моложе Н. О. Кутлубицкаго (ровесница Анны Петровны Лопухиной). Императоръ Павелъ содѣйствовалъ ея браку, былъ къ ней расположенъ и называлъ „Колибри“, какъ пишутъ—за малый ростъ, но очевидно, что для „Колибри“ мало сказать о ростѣ, а надо предполагать и извѣстный блескъ и красоту, чѣмъ повидимому и она отличалась среди своихъ современницъ.

Императоръ Павелъ (въ 1800—1801 г.г.) заходилъ къ Кутлубицкимъ, когда они жили въ Михайловскомъ Дворцѣ, и часто шутилъ съ Авдотьей Савельевной.

Ханенкой записано, какъ Павелъ спросилъ ее:

„Страшенъ ли я, какъ говорятъ, и боитесь ли Вы меня?“ и на отвѣтъ Авд. Сав.: „нѣтъ, Вы не страшны, и я Васъ не боюсь“ продолжалъ: „А красивъ ли я?“ „У васъ чудесные глаза“, отвѣчала Авд. Сав.

Отъ времени выѣздовъ ея на вечера въ Михайловскомъ Дворцѣ передавался разсказъ, что Авд. Сав. было вредно всходить по лѣстницамъ, которыми такъ изобилуетъ этотъ замокъ, и ее по нимъ обыкновенно вносилъ гайдукъ Николая Осиповича. Ноша была не тяжела, ибо сохранилась атласная туфля Авд. Сав., которая можетъ быть впору только маленькой дѣвочкѣ. На одинъ изъ маскарадовъ въ ВЫСОЧАЙШЕМЪ Присутствіи Авд. Сав. одѣлась „рыбкой“, при чемъ ей повидимому не хватило на туалетъ „чешуи“, что и по сіе время случается съ дамами. Николай Осиповичъ, увидя ее уже готовой къ выѣзду или

*) Кто была урожденная Анна Ивановна—намъ неизвѣстно, но судя по перепискѣ ея съ Кутлубицкими, слѣдуетъ предполагать, что *Корсакова*; Дондукова-Корсакова она часто упоминаетъ въ своихъ письмахъ, называя своимъ племянникомъ.

Алексѣй Ивановичъ Корсаковъ (генералъ отъ артиллеріи, сенаторъ, см. выше подлиси на духовномъ завѣщаніи Кутлубицкаго) вѣроятно былъ ея братомъ. Это видный генералъ, въ красномъ мундирѣ, высоко держащій голову на портретѣ, оставшемся послѣ Кутлубицкаго.

Вѣроятно къ той же Аннѣ Ивановнѣ Ваксель относятся слова *Князя Потемкина* въ письмѣ его отъ 1-го Ноября 1789 г. (Бантышъ-Каменскій), по взятіи Измапла ѣхавшаго въ Петербургъ, (чтобы устранить возрастающее вліяніе П. А. Зубова) гдѣ онъ какъ предлогъ своей поѣздки выставляеть, что ѣдетъ: „для удостовѣренія—такъ ли хороша Вакселева жена, какъ объ ней вездѣ говорятъ“ . . . Не даромъ же и дочь ея Государь называлъ „Колибри“.

вѣрнѣе къ *выходу* въ другой этажъ, занимаемый Императорской фамиліей) и зная, что Павелъ не любитъ „откровенностей“, предложилъ ей переодѣться, но конечно это было легче предложить, чѣмъ исполнить. и Авд. Сав. на отрѣзъ отказалась . . . Тогда Ник. Осипов. заперъ ее на ключъ въ комнатѣ и ушелъ одинъ. Что было по возвращеніи Ник. Осип. преданіе умалчиваетъ, но Императоръ Павелъ замѣтилъ отсутствіе Авд. Сав. и сказалъ о томъ Кутлубицкому, который сослался на ея нездоровье.

Мы упомянули уже выше, что на Авд. Сав. намѣревался жениться Аракчеевъ. Этому намѣренію повидимому сочувствовала мать Авд. Сав. Анна Иван. „Вакселева“, которая въ этомъ направленіи давала дочери болѣе или менѣе настоятельные совѣты, но та отказалась имъ подчиниться. Ник. Осип. въ это время былъ въ южной Россіи на инспекціи артиллерійскихъ баталіоновъ, что для него выхлопоталъ Аракчеевъ, всякими способами желавшій тогда сплавить Кутлубицкаго изъ Петербурга. Авд. Сав. писала Ник. Осип., какая опасность ей угрожаетъ, и настоятельно требовала скорѣйшаго его возвращенія. Кутлубицкой поторопился закончить свою инспекцію и пріѣхалъ въ Петербургъ. ¹⁾

Вмѣшательство Императора положило конецъ нарастающимъ недоразумѣніямъ, и Кутлубицкой сдѣлался формальнымъ женихомъ Авд. Сав., а Аракчеевъ благоразумно устранился отъ конкуренціи, опасаясь гнѣва Императора, котораго впрочемъ не избѣгъ въ очень скоромъ времени послѣ свадьбы Кутлубицкаго уже по другому поводу.

Авд. Сав. была нрава живого и общительнаго, любила наряды. выѣзды и собачекъ-болонокъ. Попавъ 24 лѣтъ въ деревню, она занималась хозяйствомъ, воспитаніемъ дѣтей и пріемами сосѣдей-помѣщиковъ, которыхъ было тогда болѣе чѣмъ достаточно и которые жили на широкую ногу ²⁾.

¹⁾ Письма Авд. Сав. относительно Аракчеева долго сохранились въ архивѣ Ник. Осип., но нынѣ утрачены.

²⁾ Вотъ на примѣръ выдержка изъ писемъ того времени Авд. Сав. къ мужу: „Анна Ивановна Анненкова ѣдетъ въ 10 экипажахъ на 100 лошадей ко мнѣ обѣдать. Безъ тебя я совсѣмъ пропала. Но какъ ты знаешь, всѣ женщины проворны на выдумки, — я рѣшилась избавить себя отъ хлопотъ и безпокойства и велѣла сказать, что вчера поутру уѣхала встрѣчать тебя въ Пензу, и скрылась съ Павликомъ (сыномъ) въ контору къ управляющему. А онъ en grand seigneur уже прислали ѣздового, что ихъ Высококомочества сейчасъ будутъ. Пускай А. И. одна съ ними возится какъ захочетъ, а я право

Авд. Сав. вела обширную переписку съ многочисленными петербургскими и московскими знакомыми и родственниками преимущественно по французски и по англійски (съ Вакселями, Сорохтинными, Корсаковыми, Обресковыми,*), Голенищевыми-Кутузовыми, Мордвиновой и др.), а на зиму часто уѣзжала вмѣстѣ съ мужемъ въ Москву или Петербургъ повеселиться и повидать своихъ родственниковъ.

Изъ бумагъ Авд. Сав. видно, что у нея были братья Левъ, Аполлонъ и Николай Савельевичи, которые владѣли деревнями въ Вологодской, Костромской и Смоленской губерніяхъ.

Изъ нихъ Левъ Савельевичъ, какъ видно изъ писемъ (1810 года) занималъ должность Правителя Канцеляріи Совѣта у принца Ольденбургскаго въ Твери и пользовался его милостями, равно какъ и его супруги вел. княгини Екатерины Павловны. Ему подолгу приходилось бывать за границей и въ Англій. Такъ мать его пишетъ къ Авд. Сав.:

„Левушка въ Твери у Принца и пользуется милостями великой княгини и ея супруга. За вояжъ его въ Англію онъ получилъ 250 червонцевъ (около 10.000 р.) и крестъ ему назначенъ Анна съ алмазами, да аренду дали на 12 лѣтъ... и т. д.“

боюсь, что они меня задержатъ, а завтра мнѣ надо ѣхать къ тебѣ въ Пензу . . . Ну вотъ сейчасъ высокопарная отъѣхала во всей пышности: 3 кареты, 4 брички, 1 линейка и безъ числа тележекъ и повозокъ, да сегодня утромъ обозъ ихъ проѣхалъ на 50 подводахъ, а хвостъ его еще осгася въ Арзамасѣ. А. И. о ней сказала, что, чертъ ее возьми, Государь не могъ бы имѣть больше свиты, и что такую обузу не накормить и двумя быками. Посуди, сколько надо было одного оса, а она хотѣла пробыть 3 дня, да еще везетъ съ собой 13 человекъ знакомыхъ. Счетъ какъ у апостола, только 1 лишній. Какое было обьяденіе, какая слопачка! Ты не представишь, какъ мы смѣялись“.

Тогда въ Арзамасскомъ уѣздѣ и ближайшихъ сосѣднихъ проживали въ своихъ помѣстьяхъ: кн. Салтыковы (Серг. Вас., сынъ посла при Людовикѣ XVI), Пашковы (Вас. Алекс. оберъ-гофмаршалъ), кн. Голицыны (Петръ Алексѣев.), гр. Скавронскіе, Бутурлины, Ермоловы, Тучковы, Безсоновы, Свѣчкины, Обресковы, Полочаниновы, Анненковы, Бравины, Соловцовы и проч. и проч. . . . Ближайшимъ сосѣдомъ Кутлубицкихъ былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Безсоновъ, который имѣлъ у себя въ Спасскомъ огромный дворецъ съ фасадами Расстрелин, въ которомъ всегда гостили безчисленные его знакомые. Знаменитый архитекторъ для составленія плана дворца, говорятъ былъ напоентъ Безсоновымъ до безчувствія и увезенъ въ его имѣніе, гдѣ и содержался подъ бдительнымъ надзоромъ, пока не выполнилъ своей работы. Дворецъ этотъ впоследствии принадлежалъ барону Дм. Гр. Розену (брату игуменіи Митрофаніи), послѣ смерти котораго имѣніе было продано и нѣкогда блестящій дворецъ нынѣ стоитъ въ развалинахъ и заустѣніи.

*) Сенаторъ Обресковъ шуточно именуется Авд. Сав. въ своихъ письмахъ. „La Reine d' indifference“, вспоминая ея выѣзды въ царствованіе Павла.

Самъ онъ пишетъ Кутлубицкому въ Февр. 1810 года:

„Признаюсь, что виновать—долго не писалъ къ Вамъ, но скитаясь и шатаясь по всему свѣту столько лѣтъ, я по прибытіи моемъ изъ Англіи успѣлъ только одинъ разъ пообѣдать у своей матушки. При своихъ обязанностяхъ Правителя Канцеляріи Совѣта работаю неутомимо и ночи по три просиживаю за перомъ надъ бумагами. Хотѣлось бы Васъ обнять послѣ 8-лѣтней разлуки, но знаю, что не отпустить. Однако думаю, что это не далеко: я уповаю вскорѣ быть окружнымъ начальникомъ и тогда навѣрно къ Вамъ приѣду“.

Авд. Сав. скончалась 30 Декабря 1840 года, 64 лѣтъ отъ роду, въ Костянкѣ, гдѣ и погребена въ фамильномъ склепѣ подъ Петропаловской церковью. выстроенной Ник. Осип. въ память Императора Павла I.

Характерны письма Авд. Сав. къ мужу за время его отсутствія изъ Костянки:

Костянка 19 Дек. 1806 г. 2 часа ночи.

„Я тебя ждала сегодня, любезный другъ Николушка, но вмѣсто тебя прибыло твое письмо. Мнѣ крайне прискорбно будетъ, если тебя Главнокомандующимъ выберутъ. *) Бога ради старайся какъ нибудь отдѣлаться, пусть лучше Ивана Савиновича выберутъ. Удивительно мнѣ и даже прискорбно, что ты такъ долго думаешь пробыть въ Нижнемъ! Кажется тебѣ тамъ дѣлать нечего, а ежели дожидаться Долго-рукова, то попроси у Губернатора, онъ тебя черезъ эстафету и уведомишь. Ты посуди, другъ мой, что я одна и чрезвычайно беспокоюсь. Мнѣ здѣсь смерть скучно, а тебѣ въ Нижнемъ вѣроятно весело: театры, собранія и чертъ знаетъ что! . . .

Очень я довольна, что ты въ карты не играешь, но только не знаю,—вѣрить ли мнѣ Вашему Превосходительству? Эти проклятыя карты мнѣ и по ночамъ спать не дають....

Твой вѣрный и разумный другъ, ни на что не склоняющійся, ни на убѣжденія, ни даже на опыты (!), хотя бы они Богъ знаетъ чего стоили, вѣрная твоя „Дунюшка“.

*) Рѣчь идетъ объ ополченіи отъ Нижегородской губерніи, по дѣламъ котораго Ник. Осип. и уѣхалъ въ Нижній на дворянское собраніе.

13 Юня 1806 г. Изъ Костянки въ Саратовъ, куда Н. О. Кутлубицкой поѣхалъ разыскивать и продавать земли, пожалованныя еще Императоромъ Павломъ и полученныя имъ въ царствованіе Александра I.

„Мы читаемъ, рисуемъ и гуляемъ пѣшкомъ, только моего Коленьки—воркуна—нѣтъ съ нами. Очень скучно безъ тебя, и ты еще знаешь, много я тревожусь мыслями, а именно боюсь, другъ мой, чтобы тебя не заманили играть въ карты. Прошу тебя ради Бога—воздержись! Вспомни, что у тебя трое дѣтей, а объ себѣ я не говорю, и наши запутанныя обстоятельства. Будь здоровъ и весель и не бѣяни меня, что много ворчу о картахъ, но никогда этого не перестану“...

Страхи Авд. Сав. относительно картъ едва ли были основательны: Николай Осиповичъ всю жизнь расходы свои ежедневно записывалъ въ книги, и тамъ на каждой страницѣ къ концу дня можно видѣть скромныя записи: „въ б.....нѣ—50 р.“, „въ б...с....нѣ—25 р.“ и очень рѣдко: „въ бостонѣ—75 р.“. Только во времена Императора Павла подозрительны его записи въ книжкахъ, слѣдующія иногда подрядъ въ одинъ день, такъ напримѣръ (17 Февр. 1789 г.).

„Познанскому 4000, Фед. Ник Кондакову 1000. Лунину 200. Дм. Фед. Раевскому 450, а всего 5650“, а на какой предметъ—того въ записи, увы, не указано!..

Въ свою очередь Авд. Сав. отнюдь не отличалась той мягкостью права, которая такъ характерна для Ник. Осип. Это видно даже изъ небольшихъ ея записочекъ къ мужу въ родѣ слѣдующей:

„Я тебя, другъ Николинъка, опять сегодня на сердце наведу, но что же дѣлать, если меня вывели изъ терпѣнія! Посылаю къ тебѣ въ Нижній свою Матрену; куда хочешь, туда и дѣвай ее. только домой не привози, ибо она меня до крайности разсердила, и я рѣшилась на ней всеѣмъ другимъ примѣръ показать и сослать ее. У ногъ тебя прошу: *продай ее!* А держать ее больше не буду, не буду—хоть бы она золото ковала“.

Остается добавить, что дѣвичья фамилія Авд. Сав.. *Waxel*, англійскаго происхожденія и имѣетъ въ гербѣ своемъ звѣзду и якорь.

Сообщилъ **Ив. Бр-ній.**

КРИСТИНЪ

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 25 Юня 1814 г.

Не сердитесь на меня, что пишу вамъ всего нѣсколько словъ, но князь Феодоръ Голицынъ, взявшійся доставить вамъ эту записку, въ то же время передастъ вамъ отъ меня тысячу любезностей. Посылаю вамъ небольшой бумажникъ съ лиліями, которыя я велѣла наложить на него, такъ какъ сама не умѣю вышивать. Сегодня утромъ я написала г. Моркову, адресуя письмо въ Летичевъ: этотъ адресъ дала мнѣ г-жа Гурьева.

Я здорова, чувствую себя въ деревнѣ прекрасно; здѣсь ноги стали мнѣ опять служить; стану упражнять ихъ, пока будетъ хорошая погода; когда возвращаешься въ городъ, ихъ какъ будто у меня совсѣмъ нѣтъ. Г-жа Эверсъ продолжаетъ благодарить васъ за ваши заботы о ней; мнѣ кажется, что ея здоровье вовсе не такъ плохо; боюсь для бѣдной женщины осени: это гибельное время года для больныхъ; листопадъ опасный моментъ. Пишите же мнѣ, что вы дѣлаете, гдѣ вы большею частью пребываете? Ваши письма становятся рѣдки. Прощайте, до свиданія.

Кристинъ.

Москва, 6 Юля 1814 г.

Бумажникъ прелестенъ; я сначала не понялъ какое его употребленіе, но кн. Феодоръ научилъ меня этому, и мнѣ это показалось какимъ-то волшебствомъ и прекрасной выдумкой. Вещица модная: на ней лилія; а главное—она отъ васъ. Будьте увѣрены, что я очень цѣню бумажникъ, но если бы онъ былъ вашей работы, онъ сдѣлалъ бы мнѣ еще въ тысячу разъ больше удовольствія. Упрекну m-me Эверсъ

за упущеніе въ вашемъ воспитаніи: какъ она не научила васъ вышивать. Княжны должны всегда умѣть вышивать лиліи, чтобы поднести какой-нибудь шарфъ или другое украшеніе героямъ, имѣющимъ право носить ихъ. Сколько французенокъ на этотъ случай потрудились усердно.

Вы правы, князь Феодоръ страшно растолстѣлъ; я вчера провелъ съ нимъ вечеръ у Наталіи Абрамовны. Его жена прелестна; они подумываютъ провести зиму здѣсь; эта перспектива радуетъ меня: получился бы пріятный домъ, а мы въ этомъ нуждаемся.

Очень радъ, что переписка съ гр. Морковымъ началась. Вслѣдствіе огромнаго разстоянія отвѣты будутъ запаздывать, но этой бѣдѣ помочь нельзя. Я еще не получилъ извѣстія о его прибытіи, хотя онъ уѣхалъ уже четыре недѣли тому назадъ.

Меня ждетъ ванна; стыдно разстаться съ вами ради сѣрнистой воды, превращающей меня на весь остатокъ дня въ человѣка, съ неприятымъ запахомъ, но приходится покориться. Это 13-ая ванна, а я долженъ взять ихъ 18. Надо стараться за время жаровъ уничтожить зачатки крапивной лихорадки, возвращающейся съ наступленіемъ зимы. Чтобы вознаграить меня за отвратительный запахъ сѣры, добрый г. Эверсъ прислалъ мнѣ нѣсколько горшковъ резеды и цвѣточнаго горошка, наполняющіе мою комнату благоуханіемъ. Старикъ поправился; женѣ его лучше, чѣмъ я смѣлъ надѣяться весной. Скоро Обергъ поселится въ ея сосѣдствѣ, что ее успокоитъ; ея чрезвычайная худоба постоянно тревожитъ его.

Прощайте; это не письмо, а небольшая благодарность мимоходомъ за хорошенькій бумажникъ, доставляющій мнѣ удовольствіе, какъ будто я его получилъ не за выигранное пари. Вѣроятно, больше я ничего и не увижу отъ Бурбоновъ! Таковъ свѣтъ: они принуждены щадить, ласкать и осыпать милостями убійць, готовыхъ погубить ихъ, если бы то было въ ихъ власти, оставляя въ тѣни добрыхъ и вѣрныхъ слугъ, никогда не измѣнявшихъ ихъ интересамъ и всѣмъ пожертвовавшихъ ихъ дѣлу. Я не отношу этого къ себѣ, слава Богу я не французъ,—но ко всѣмъ честнымъ людямъ, лишившимся всего на ихъ службѣ.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 6 Юля 1814 г.

Только что вернулась отъ г-жи Литта, куда ѣдила нарочно за новостями, чтобы сообщить вамъ ихъ, такъ какъ начинаю замѣчать, что мои письма становятся пусты. И вотъ, что я узнала:

Вчера прибылъ курьеръ отъ Императора, отправленный изъ Дувра. Онъ возвѣщаетъ возвращеніе Государя въ концѣ мѣсяца. Но къ вечеру въ Павловскъ пріѣхалъ другой курьеръ отъ короля Вюртембергскаго. Король пишетъ Государынѣ, что Императоръ измѣнилъ маршрутъ, что онъ уѣзжаетъ изъ Карльсруэ, не будетъ останавливаться ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ, заѣдетъ въ Веймаръ и скоро будетъ здѣсь. Это извѣстіе, конечно, взволновало всѣхъ; воображали, что онъ можетъ прибыть уже сегодня, и полиція забѣгала по домамъ, предупреждая, что надо устроить иллюминацію. Не знаю, точно-ли было выполнено въ городѣ это предписаніе, но на моемъ островѣ все тихо, и не видно ни одного лишняго огонька. Дѣло въ томъ, что Государь можетъ прибыть завтра, а, можетъ быть, только черезъ недѣлю: это будетъ зависѣть отъ времени, которое онъ проведетъ съ женой въ Карльсруэ и у сестры въ Веймарѣ. Вѣнскій конгрессъ отложенъ до Сентября или Октября, такимъ образомъ Государь можетъ провести здѣсь шесть недѣль. Не знаю, приметъ ли онъ всѣ праздники, которые для него готовятся. Строятъ триумфальную арку на петергофской дорогѣ, готовятся молебствія безъ конца, балы, фейерверки, а, главное, великолѣпный праздникъ на Биржѣ. Мнѣ кажется, что безъ императрицы Елизаветы все это не удастся, а мы положительно не знаемъ, когда она вернется. Говорятъ, что Австрія отдадутъ одиннадцать милліоновъ жителей, и у насъ оспариваютъ Польшу, т. е. Галицію, которую императоръ желаетъ имѣть, чтобы возстановить королевство Польское, королемъ котораго онъ сдѣлается. Богъ знаетъ, что правда изъ всего этого. Но я боюсь, что конгрессъ не пройдетъ мирно и что въ концѣ концовъ при сведеніи счетовъ всѣ перессорятся. Герцогъ Сера-Капріоли долженъ былъ уѣхать вчера въ Вѣну: но онъ отложилъ свой выѣздъ и поѣхалъ на дачу. Возвращеніе Императора внесетъ много шума на Каменный Островъ, гдѣ Государь, вѣроятно, поселится. Мнѣ это досадно: я люблю спокойствіе, которымъ мы наслаждаемся и котораго лишимся; всѣ сдѣлаются точно помѣшанные. Впрочемъ, я рѣшила нигдѣ не показываться, начиная со Двора. Въ самый день пріѣзда Императора я начинаю курсъ лѣченія, чтобы разбить опухшую железу на шеѣ, и это будетъ прекраснымъ

предлогодъ, чтобы сидѣть дома. Понимаете ли вы всю прелесть пребыванія въ своемъ уголкѣ въ капотѣ, съ книгой или перомъ въ рукахъ, въ хорошенькой комнатѣ, выходящей въ садъ, между тѣмъ какъ больше половины города будутъ мучиться изъ-за туалетовъ и метаться по баламъ и фейерверкамъ.

Какое блаженство не тормошиться. Вы, конечно, изъ-за этого лишились описанія всѣхъ этихъ празднествъ, но обѣщаю вамъ поставить на ноги нѣсколькихъ любителей зрѣлищъ, которые доставятъ мнѣ подробности и у васъ въ нихъ не будетъ недостатка. Каковы письма г-жи де Нуазевиль въ это голодное время? Если они длинны и интересны, повергаюсь ницъ передъ ея талантомъ, но отказываюсь отъ подражанія ей, потому что я прямо становлюсь въ тупикъ. Сегодня ровно годъ, какъ я ѣхала изъ Москвы въ Петербургъ. Сколько вещей случилось за эти двѣнадцать мѣсяцевъ! Сколько перемѣнъ! Сколько непредвидѣнныхъ событій въ Европѣ! А для меня ничто не измѣнилось, до такой степени ничто, что я все еще какъ будто живу въ 1813 г. Повѣрите ли? Ни одной новой мысли. Счастье это, или несчастье? Какъ по вашему? Рѣшите вопросъ. Прощайте, будьте увѣрены, что моя искренняя дружба къ вамъ останется также неизмѣнной.

КРИСТИНЬ.

Москва, 20 іюля 1814 г.

Ваше письмо отъ 6 пошло только 10, такъ что всѣ ваши новости опровергнуты приказаніемъ отъ 7-го объ отмѣнѣ всякихъ празднествъ.

Думаю, что никто не отнесся къ этому приказанію съ большимъ равнодушіемъ, чѣмъ вы, дорогая княжна, такъ какъ вы намѣревались оставаться въ своей хорошенькой комнаткѣ въ то время, какъ другіе будутъ тормошиться.

Я одобряю и раздѣляю вашъ вкусъ въ этомъ отношеніи; не знаю ничего болѣе утомительнаго, чѣмъ празднества для тѣхъ, кто имѣетъ въ нихъ какую нибудь роль, и болѣе скучнаго для тѣхъ, кто смѣшивается съ толпой. Наши провинціальныя депутаты не раздѣляютъ моего мнѣнія; они въ отчаяніи; они съѣхались сюда со всѣхъ концовъ имперіи, и на бульварахъ только ихъ и видно; каждый изъ нихъ рассчитывалъ блеснуть краснорѣчіемъ, присутствовать на Высочайшихъ торжествахъ, получить какую-либо милость и вернуться въ свою провинцію торжествующимъ.... Но они встрѣтили здѣсь приказъ, разрушив-

шій всё ихъ планы, и имъ приходится убираться съ носомъ. Только князь Грузинскій и его шурина Трубецкой уѣзжаютъ съ удовольствіемъ на свою ярмарку, и я увѣренъ, что въ Макарьевѣ сожгутъ фейерверкъ, узнавъ, что Императоръ отпускаетъ „короля Волги“ въ его владѣнія: нельзя себѣ представить, чтобы Макарьевская ярмарка могла имѣть какой-либо блескъ безъ этого верховнаго судьи, разрѣшающаго всё споры между татарами, прибывающими изъ Астрахани, чтобы повергнуть ихъ на его рѣшеніе. Въ отсутствіи князя некому было бы ихъ дуть кулаками, что было бы пагубно для честныхъ людей и черезъ чуръ выгодно для плутовъ. Слышали ли вы когда нибудь о его приговорѣ по дѣлу о кускѣ полотна, въ краѣ половины котораго одинъ плутъ обвинялъ купца? Этотъ плутъ въ качествѣ доказательства представилъ свое полотно и полотно купца; ширина была одинакова, также какъ тонкость, и разрѣзъ соотвѣтствовалъ, такъ что случай являлся весьма затруднительнымъ. Между тѣмъ ничего нельзя было рѣшить безъ доказательства... И вотъ князь остроумно придумалъ, вооружившись безконечнымъ терпѣніемъ, пересчитать нитки въ томъ и другомъ кускѣ. Въ одномъ оказалось на 7 больше, чѣмъ въ другомъ; и тотчасъ же виновный получилъ должное возмездіе за свой обманъ: на него посыпался градъ кулачныхъ ударовъ, послѣ чего онъ раскаялся въ своемъ плутовствѣ. Полиція заставила бы заплатить обѣ стороны и ничего бы не рѣшила. Если бы въ каждомъ округѣ былъ князь Грузинскій, многое пошло бы лучше.

Я не вѣрю въ вашу апатію ко всему, происшедшему за этотъ годъ; она невозможна, и смѣю сказать, преступна, если бы существовала. Какъ, вы не чувствовали, что съ васъ свалилась большая тяжесть съ исчезновеніемъ Бонапарта? *Его необычайное* могущество, тяготившее надъ всѣмъ и грозившее раздавить насъ, не казалось вамъ невыносимымъ? Перенеситесь къ тому, что каждый русскій испытывалъ два года тому назадъ; припомните этотъ мрачный *небосклонъ*, покрытый тучами, всеявшими ужасъ во всё души, пока Провидѣніе и доблесть русскаго оружія не разсѣяли ихъ. Ахъ! Боже мой! Какая разнища въ положеніи, и какъ мнѣ пріятно сознавать это ежеминутно.

Еще разъ повторяю, что не вѣрю вамъ: вы не заглянули себѣ въ душу, прежде чѣмъ говорить, и напрасно умаляете свой патриотизмъ.

Прибылъ г. Нарышкинъ, адъютантъ графа Толстого. Онъ не говоритъ всего, что рассказывалъ Титовъ, но сообщаетъ многое и утверждаетъ, что нерѣшительность графа невообразима и вѣчно будетъ помѣхой

для преуспѣванія его по службѣ. Онъ не можетъ рѣшиться подписать самое неотложное письмо раньше 3 или 5 дней, а иногда и цѣлой недѣли. Онъ смотритъ только глазами Муромцева, а Муромцевъ видитъ все криво; однимъ словомъ отчасти по несчастью, отчасти по его собственной винѣ дѣла его въ эту компанію въ самомъ печальномъ положеніи.

Нарышкинъ прибавляетъ, что Алексѣй, избалованный матерью, окончательно испорченный отцомъ, въ настоящее время представляетъ изъ себя самаго пустого и невыносимаго мальчишку во всей арміи. Мнѣ изъ-за всего этого жаль бѣдной графини; она ожидаетъ возвращенія мужа съ нетерпѣніемъ, а онъ пишетъ отъ 7 іюня, что еще не предвидитъ, когда ему возможно будетъ уѣхать изъ польской арміи.

Что это за железы, требующія лѣченія? Я не люблю слышать про ваше малѣйшее нездоровье. Увѣряютъ, будто бы Государь прибылъ 14 мая, но обитатели Карповки частенько меня забываютъ: я не получилъ вчера ничего съ почтой и знаю только слухи, которымъ мало вѣрю. Получилъ письмо отъ графа Моркова, еще ничего не имѣющаго изъ Петербурга, даже газетъ. Какое удовольствіе ему доставитъ ваше письмо! Но, если вы каждый разъ станете ждать его отвѣта, чтобы писать, это то будетъ случаться рѣдко, потому, что письма идутъ по меньшей мѣрѣ три недѣли. Прощайте, добрая, дорогая княжна.

Княжна Турвѣстанова.

Каменный Островъ, 13 Іюля 1814 г.

Я исполнила ваше порученіе, передавъ Гурьевой письмо къ ея сыну. Оно отправлено. Я передала его отъ имени гр. Толстой; но, если бы даже оно было передано отъ васъ, я увѣрена, что не послѣдовало бы ни малѣйшаго затрудненія: Гурьева не можетъ имѣть причинъ отказываться отъ передачи вашего письма ея сыну. Почему вы воображаете, что къ вамъ относятся такъ плохо въ ея домѣ? Вѣроятно, до васъ дошли какія-нибудь сплетни, въ которыхъ нѣтъ и тѣни правды. Я говорила о васъ съ Гурьевой всего одинъ разъ и должна сознаться, что она какъ будто предубѣждена противъ васъ; она даже рассказывала о вашемъ пребываніи въ Александровскомъ и о сплетняхъ княгини Долгорукой, ея матери, Модена и проч. и проч. Но когда я упомянула въ свою очередь о васъ, она, не колеблясь ни минуты, повѣрила всему, что я ей сказала, и Бутурлинъ, присутствовавшій, чтобы поддержать меня, можетъ удостовѣрить вамъ вѣрность факта. Да я и не

знаю, какая у нея можетъ быть личная причина, чтобы не любить васъ, и повторяю, что ваше письмо было бы переслано такъ же, какъ письмо графини Толстой.

Возвѣщаю вамъ прїѣздъ Государя, о которомъ только что узнала. Онъ прибылъ въ Павловскъ вчера вечеромъ; сегодня утромъ въ семь часовъ былъ въ Казанскомъ соборѣ, и его ждутъ на Каменный Островъ; весь штабъ уже здѣсь, и только что мимо моихъ оконъ проѣхалъ Вязьмитиновъ съ пикетомъ императорской гвардіи. Вы вѣдь знаете, что Государь отказался отъ всѣхъ приготовлявшихся празднествъ; онъ не хочетъ ни триумфальной арки, ни какой либо церемоніи; поэтому поспѣшили снять всѣ лѣса для иллюминаціи и для трибунъ. Суетня, которую высочайшій прїѣздъ вызоветъ на нашемъ островѣ, пугаетъ меня заранѣе; но мой страхъ нельзя сравнить съ испытываемымъ очень многими, судьба которыхъ можетъ измѣниться, такъ какъ говорятъ о многочисленныхъ перемѣщеніяхъ въ министерствѣ. Столько партій столкнутся; увидимъ, кто одержитъ верхъ; но увѣряю васъ, что мнѣ жалъ бѣдняковъ, которыхъ все это коснется; у нихъ упадетъ охота ко всему, по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней. Ахъ, Боже мой, какъ мелочно все, что происходитъ на нашей планетѣ.

Всѣ люди вообще кажутся мнѣ похожими на тѣ пылинки, которыя мы видимъ вертящимися въ солнечномъ лучѣ: однѣ поднимаются, другія спускаются; пылинка, бывшая наверху, возвращается внизъ; идетъ вѣчное движеніе, производящее, можетъ быть, въ концѣ концовъ необходимый порядокъ. Какое ваше мнѣніе объ этомъ? Не глупость ли я говорю? Понимаете вы меня?

Мои сосѣди Гурьевы не изъ послѣднихъ встревоженныхъ возвращеніемъ Государя; надъ ихъ головами скопилась темная туча; увидимъ, какой вѣтеръ подуетъ въ эту сторону. Если зять Нессельроде будетъ въ милости, то буря можетъ миновать; если же нѣтъ, прощай министерство и особнякъ на набережной. Мнѣ будетъ ихъ жалъ: я ихъ полюбила, и кромѣ того Гурьевъ честный человѣкъ; у него, можетъ быть, не хватаетъ способностей для занимаемаго имъ поста, но ничего нѣтъ на совѣсти; онъ прямъ и не дѣлится съ взяточниками.

Г-жа де Нуазевиль, вѣроятно, уже сообщила вамъ о томъ, что (Татіана*) выходитъ за Потемкина, сына отъ перваго брака княгини

*) Ставшая въ послѣдствіи столь извѣстной своей благотворительностью вообще, а монастырямъ особенно.

Юсуповой *). Женихъ не представляетъ изъ себя ничего особеннаго, но добрый малый. Онъ хорошо служить, скоро будетъ произведенъ въ полковники и имѣеть десять тысячъ крестьянъ, чѣмъ нельзя пренебрегать въ нашъ вѣкъ; кромѣ того онъ влюбленъ и обѣщаетъ быть прекраснымъ мужемъ. Дѣвица прелестна. Я боялась, не романтична ли она нѣсколько; однако она выходитъ замужъ безъ особенной любви, но охотно. Теперь надо будетъ позаботиться о Софѣ, которую труднѣе пристроить, потому что она не такъ красива, какъ ея сестры. Я не беспокоюсь о Лизѣ Трубецкой. У нея въ лицѣ какое-то особенно счастливое выраженіе, такъ что съ перваго взгляда ей можно предсказать блестящую партію. А за кого-же мы выдадимъ бѣдную Евдокію Толстую?

Вотъ ее бы мнѣ хотѣлось пристроить, но не думаю, чтобы это оказалось такъ легко; могу биться объ закладъ, что она не будетъ имѣть успѣха въ свѣтѣ. Тетушка говорила мнѣ, будто въ Москвѣ прошелъ слухъ, что Толстой снова будетъ посланъ въ Парижъ. Думаю, что это вздоръ, такъ какъ тамъ посломъ Поццо; развѣ только онъ *ad interim*. Кстати, по поводу этого слова: мнѣ съ нѣкотораго времени очень хочется учиться латыни. Какъ вы думаете, можно ли при прилежаніи выучиться въ годъ понимать древнихъ авторовъ? Нѣкоторые увѣряютъ меня, что это возможно, а другіе утверждаютъ противоположное. Что Вы скажете мнѣ на это? Знакома-ли Вамъ латынь?

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 20 Іюля 1814 г.

Если вы думаете, что я буду проводить время за письмами къ гр. Моркову, то очень ошибаетесь; мнѣ вообще такъ надоѣло всякое писаніе, что часто приходится принуждать себя, чтобы взяться за перо. По совѣсти говоря, за мной былъ отвѣтъ вашему старику, и вотъ почему я написала ему; иначе, не смотря на похвальное рѣшеніе, принятое мною въ минуту его отъѣзда, я увѣрена, что откладывая со дня на день, въ концѣ концовъ ничего бы не сдѣлала. Подольская губернія такъ далеко; требуется по крайней мѣрѣ шесть недѣль, пока письмо дойдетъ туда, и на него получится отвѣтъ; такимъ образомъ я не предвижу, чтобы эта переписка могла очень стѣснить меня. Во всякомъ случаѣ не думайте, чтобы она могла нанести ущербъ моей перепискѣ съ вами; удовольствіе, доставляемое мнѣ вашими

*) Урожд. Энгельгардтъ, племянница кн. Потемкина.

письмами всегда будет побуждать меня продолжать ее, хотя на новости страшный голодъ.

За эту недѣлю, что Государь здѣсь, не случилось ничего достойнаго передачи. Мнѣ кажется, что волненіе, возбужденное его прїѣздомъ, постепенно улеглось, умы почти успокоились, и тучи разсѣялись. У моихъ сосѣдей Гурьевыхъ все благополучно. При первомъ свиданіи съ главой семьи, Государь весьма лестно отозвался о Дрезденскомъ комендантѣ; онъ повторилъ нѣсколько разъ, что очень доволенъ имъ, что онъ съ первыхъ шаговъ прекрасно зарекомендовалъ себя, и онъ очень радъ, что молодой человѣкъ избралъ военную карьеру. Теперь онъ вполне посвятилъ себя ей и получилъ чинъ генераль-маіора. Этого было достаточно, чтобы разсѣять тревогу семьи; мужъ все разсказалъ женѣ, а она, по очень естественному побужденію, сообщала это всѣмъ каменно-островцамъ. Кромѣ того вернулся милый другъ Толстой (гофмаршалъ), а черезъ нѣсколько времени и Нессельроде, который, какъ мнѣ кажется, пользуется милостью Государя. Однимъ словомъ, все идетъ удовлетворительно для этой семьи, чему я очень рада. Я рѣшила прїостановить мои посѣщенія къ нимъ, пока не замѣтятъ моего отсутствія. Мнѣ хотѣлось испытать г-жу Гурьеву, увѣряющую, что обожаетъ меня; и на четвертый день она явилась, дѣлая мнѣ тысячу нѣжныхъ упрековъ, что я ее забыла. Поэтому, я въ тотъ же вечеръ отправилась къ ней, и маленькія удачи послѣднихъ дней не повліяли на ея обычную любезность. Увѣряю васъ, что считаю ее очень доброй особой, и дочь гр. Моркова была бы очень счастлива, вступивши со временемъ въ эту семью; но мнѣ кажется, что это дѣло очень трудно устроить, несмотря на ея богатство (пожалуйста, чтобъ это осталось между нами). И зачѣмъ г-жѣ Хюсю понадобилось быть матерью этой дѣвочки? Или зачѣмъ г. Морковъ не отправилъ эту мать обратно во Францію, хотя бы построивъ ей для того золотой мостъ, въ случаѣ надобности. Какое она тяжелое прїятствіе на жизненномъ пути ея дочери!

Я обѣдала вчера у княгини Борисъ со всей семьей Мишеля: сыномъ, дочерьми, зятями; не знаю, отъ нихъ ли у меня закружилась голова, но только въ концѣ обѣда я почувствовала себя такъ дурно, что должна была встать изъ-за стола и лечь; укусь, эфиръ и всякія соли, которыя княгиня Мишель всегда имѣетъ при себѣ, помогли мнѣ; она прислала мнѣ весь свой запасъ, и я оправилась менѣе, чѣмъ въ четверть часа. Кн. Мишель показала мнѣ вчера спокойнѣе обыкновеннаго; повидимому она очень занята Терци и въ восторгѣ отъ этого брака, который я считаю очень удачнымъ для Лизы; хотя она и

внучка покорителя Нарвы, но не думаю, чтобы нашла между соотечественниками такого жениха; надо сознаться, Bergamasque стоит своего золота.

Мишель очень подурнѣлъ, облысѣвъ и растолстѣвъ; впрочемъ. онъ довольно пріятный собесѣдникъ. Онъ мнѣ рассказывалъ очень интересно о послѣднихъ минутахъ Эммануила Сень-При. Сень-При скончался такимъ же истиннымъ христіаниномъ, какимъ былъ при жизни. Узнавъ о томъ, что онъ раненъ, всѣ его сестры поспѣшили къ нему, чтобы ухаживать за нимъ, но уже не застали его въ живыхъ. Братъ (подольскій губернаторъ) прибылъ тоже слишкомъ поздно, но, по крайней мѣрѣ, онъ могъ нѣсколько утѣшить старика-отца, находящагося въ ужасномъ состояніи. Третій Сень-При (Людовикъ) и молодой Дама, повидимому, остаются во Франціи, также какъ герцогъ Брольи, пріѣхавшій въ Россію только за матерью.

Всѣ господа изъ свиты Императора отзываются о Людовикѣ XVIII, какъ о совершенствѣ. До сихъ поръ онъ держитъ себя превосходно. Сожалѣюгъ о Жозефинѣ, которую любили, чего она заслуживала; она могла бы жить счастливо при новомъ правительствѣ. Никто не интересуется Маріей-Луизой, непомѣрно глупой и гордой. Рассказывала-ли я вамъ анекдотъ, который мнѣ написали изъ Вѣны о королѣ Римскомъ? Кажется, нѣтъ. Однажды пожелали, чтобы одинъ изъ маленькихъ эрцгерцоговъ его поцѣловалъ, но послѣдній отступилъ, говоря: „Фи, я не цѣлуюсь съ французами“. Маленькій Бонапартъ весь покраснѣлъ и закричалъ: „*Вы невоспитанный мальчишка!*“ Много рассказываютъ объ его живости, не знающей предѣловъ; гувернантка напрасно старается обуздать его; онъ не обращаетъ на нее никакого вниманія. Его любимое выраженіе: „*Я такъ хочу, такъ должно быть*“. Что изъ этого выйдетъ, одинъ Богъ знаетъ. Всѣ маршалы по наружности очень преданы королю; повидимому, ни одинъ не жалѣетъ Бонапарта. Коленкуръ женился на нѣкой мадамъ де-Канези, очень хорошенькой женщинѣ, и будетъ жить въ своемъ помѣстьѣ.

Вотъ такъ-то идетъ все на свѣтъ или скорѣе среди атомовъ, то поднимающихся, то спускающихся поочередно. Поццо ди Борго, какъ кажется, прочно устроился въ Парижъ, и слухи о графѣ Толстомъ—вздоръ; между тѣмъ онъ произведенъ въ *général en chef* и если жена его этого не знаетъ, можете сообщить ей и поздравить ее отъ меня. Невыносимый Муромцевъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты; было бы то же и съ Титовымъ, если бы онъ держался спокойно. Завтра

всѣ отправляются въ Петергофъ, гдѣ пробудутъ до 23. Княгиня Юсупова, хотя очень неподвижная по природѣ, тоже двигается въ путь. Я же предвкушаю много удовольствій въ моемъ уединеніи; во первыхъ, три утра въ полномъ одиночествѣ у себя въ комнатѣ; затѣмъ мы будемъ обѣдать у слѣпного барона Строганова. Говоря „мы“, подразумѣваю также г-жу де-Нуазевиль; поѣдемъ мы съ ней туда въ дрожкахъ. Послѣ этого пойду гулять съ ней въ деревеньку, называемую Малой Швейцаріей; она меня угоститъ земляникой со сливками; а вечеръ проведу тихо и мирно у г-жи Гурьевой. Все это мнѣ весьма улыбается и гораздо пріятнѣе платя со шлейфомъ, придворнаго обѣда и вида сотни тысячъ плошекъ. Ахъ, другъ мой, будь у меня 40 тысячъ рублей капитала, увѣряю васъ, я бы завтра же перемѣнила свою жизнь; но у меня ихъ всего 30, и придется пробиваться на моей вышкѣ по меньшей мѣрѣ еще года три. А трудно взбираться на сто тринадцать ступеней. Но надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что Господь по своей милости избавитъ меня въ эту зиму отъ хожденія по другимъ лѣстницамъ, кромѣ лѣстницы тетушки. Да, безъ всякаго сомнѣнія, осенью вы меня увидите въ Москвѣ. Прощайте, протягиваю вамъ руку, возьмите ее, если сможете.

Кристинь.

Москва, 27 Іюля 1814 г.

Узнавъ о вашихъ опасеніяхъ касательно вашихъ сосѣдей Гурьевыхъ, я въ то же время услышалъ о посѣщеніи Императрицей цвѣтниковъ m-me Гурьевой, и мнѣ кажется, что это посѣщеніе возвѣщаетъ благопріятный вѣтеръ, который разсѣетъ нависшую надъ ихъ головами тучу. Нѣтъ, до меня не дошло никакихъ сплетенъ о m-me Гурьевой; она сама выражала свою непріязнь ко мнѣ нѣсколько разъ и даже письменно; если ужъ сказать вамъ все, то еще въ 1812 г. она писала гр. Моркову: „Я не высказываюсь свободно въ своихъ письмахъ къ вамъ, такъ какъ знаю, что г-нъ К. можетъ прочесть ихъ, а я ему не довѣряю“. Между тѣмъ она была на столько неосвѣдомлена, что когда писала это въ Подольскую губернію, то я уже три года жилъ въ Москвѣ. Но это, тѣмъ не менѣе, служить доказательствомъ ея неблагопріятнаго мнѣнія обо мнѣ, и, согласитесь, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего ободряющаго, ничего, что бы побудило меня поручать ей мои письма къ ея сыну. Я знаю, что г. Морковъ пытался разубѣдить ее, и такъ какъ вы были такъ добры также замолвить съ своей стороны словечко, то, можетъ быть, это и имѣло какія либо послѣдствія; во всякомъ случаѣ я стану ждать доказательствъ, прежде чѣмъ просить у

нея одолженія, какъ бы незначительно оно ни было. Если у васъ найдется какъ нибудь время, я вамъ расскажу всю эту александровскую исторію, случившуюся 18 лѣтъ тому назадъ и представлявшую изъ себя коварное злоупотребленіе моей молодостью. Я тогда не достаточно зналъ людей, чтобы замѣтить западню, которую мнѣ устроилъ важный сановникъ (Австрійскій посланникъ Кобенцль); но у меня хватило сообразительности, чтобы понять, что разъ попавшись, для меня будетъ очень опасно открыть настоящую причину. Я молчалъ, предоставивъ всѣмъ обвинять меня; но на слѣдующій же день я открылся графу Моркову, чтобы имѣть опору въ будущемъ, и онъ поддерживалъ меня каждый разъ, когда дѣло касалось этой интриги. Не стоитъ писать объ этомъ, а какъ нибудь я вамъ все расскажу.

Ваше сравненіе съ пылинками очень вѣрно и остроумно; я его вполне понимаю, и ваши сомнѣнія показываютъ слишкомъ много скромности. Но, Боже мой, какой вы философъ для вашихъ лѣтъ! Можно подумать, что вамъ по крайней мѣрѣ 60. Видно, что вы не читаете пустяковъ. Ваши занятія тоже, вѣроятно, серьезны, такъ какъ вы собираетесь приняться за изученіе латыни. Я не въ состояніи дать вамъ въ этомъ отношеніи совѣта и могу служить только плохимъ примѣромъ. Въ дѣтствѣ меня обучали латинскому языку, но я не учился ему; я питалъ отвращеніе къ подобнаго рода сухому заучиванію, не дающему ничего воображенію и стѣснявшему крайнее легкомысліе моего ума, при которомъ я съ трудомъ могъ останавливаться на самыхъ интересныхъ предметахъ, какъ скоро для того требовалась нѣкоторая послѣдовательность. Съ годами я почувствовалъ все неудобство незнанія этого основного языка и въ 40 л. собирался серьезно приняться за изученіе его. Я пригласилъ опытнаго учителя; припомнилъ первое начало, что должно было облегчить дѣло; но признаюсь вамъ, что послѣ трехъ лѣтъ усердной работы успѣхи оказались настолько незначительны, а испытываемое отвращеніе и скука настолько велики, что я отказался навсегда отъ продолженія изученія латыни. Нѣтъ ничего труднѣе конструкціи этого языка: но вмѣстѣ съ тѣмъ ничто не сравняется въ энергіи и краснорѣчіи съ латинскими авторами. Я убѣдился въ этомъ, разбирая отрывки съ моимъ учителемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увидалъ, что только въ дѣтствѣ можно запомнить столько словъ безъ связи и столько правилъ безъ основанія, каковы многочисленныя исключенія изъ общихъ правилъ.

Если вы приметесь за это изученіе, я васъ пожалѣю, если побѣдите трудности, преклонюсь передъ вами. Но, въ сущности, зачѣмъ

вы хотите взять такой трудъ на себя? Французская литература такъ богата, что всю жизнь можно читать, такъ сказать, одни образцовыя произведенія. Чего желать большаго вамъ, женщинѣ, не имѣющей никакого дѣла, при которомъ латынь была бы необходима? Переводы латинскихъ книгъ, кажется, плохи: Делиль не сумѣлъ передать всю неподражаемую грацію Виргилія; Дюро-де-ла-Малль не даетъ вѣрнаго понятія о Тацитѣ и далеко не передаетъ его энергической скатости, президентъ Деброссъ слабый переводчикъ Саллюстія,—все это правда, однако, за исключеніемъ изящества слога, они повторяютъ факты со словъ историка и воспроизводятъ граціозные образы поэтовъ. Окупается ли удовольствіемъ прочесть все это въ подлинникѣ трудъ, затраченный на достиженіе этого? И кромѣ того число латинскихъ книгъ, особенно такихъ, которыя можетъ читать женщина, очень невелико. Много между ними весьма нескромныхъ. Совѣтую вамъ взвѣсить все, прежде чѣмъ приступить къ этому трудному предпріятію. Но главное, взвѣсьте способности, данныя вамъ природой для изученія языковъ, потому что есть люди настолько счастливо одаренные въ этомъ отношеніи, что подобный трудъ является для нихъ пустякомъ.

Напримѣръ мой врачъ Обергъ—удивительный человѣкъ: я его научилъ въ Подоліи французскому языку, какъ научилъ бы другого цѣсенкѣ; а онъ не зналъ ни аза. Въ деревнѣ, гдѣ онъ живетъ теперь, онъ нашелъ себѣ англичанина, и тотъ въ полгода какими-то фокусами вполне ознакомилъ его съ языкомъ. Онъ пишетъ мнѣ по англійски письма, отъ которыхъ не отрекся бы и членъ Парламента. Это рѣдкій и драгоценный даръ природы, и если онъ выпалъ и вамъ на долю, принимайтесь за латынь; если же нѣтъ, то ограничьтесь языками, которые знаете. Dixi.

Я въ восторгѣ отъ замужества Татіаны, и желалъ бы, чтобы Софи тоже вышла за компанію ей; это такая добрая дѣвушка, что навѣрное составитъ счастье мужа. Что касается Лизы Трубецкой, то князь Теодоръ утверждаетъ, что она могла бы стать его двоюродной сестрой, выйдя за богача Браницкаго; это была бы великолѣпная партія. А относительно Евдокіи, я раздѣляю ваше мнѣніе: ее не легко будетъ пристроить; но если она полюбитъ кого нибудь, кто будетъ ей отвѣчать тѣмъ же, помяните мое слово, онъ станетъ ея мужемъ, будь онъ даже *Bergamasque*. А *Bergamasque* въ этомъ домѣ, синонимъ всего презрѣннѣйшаго. Но дѣти этой семьи—мальчики и дѣвочки—имѣютъ желанія на столько опредѣленныя и рѣшительныя, они привыкли выражаться такъ свободно и такъ стойко держаться своего, несмотря на всѣ мате-

ринскія увѣщеванія, кончающіяся всегда уступкой со стороны матери, что Евдокія никогда не пожертвуетъ своей склонностью. Очень важно, чтобы она встрѣчалась за просто только съ молодыми людьми, которые могутъ подойти ей въ мужья. Мать считаетъ своихъ дочерей ни во что не посвященными, какъ трехлѣтнихъ дѣвочекъ: между нами—она ошибается: онѣ невинны и чисты, но слишкомъ о многомъ освѣдомлены, что, по моему, не было бы великой бѣдой, если бы знаніе было передано имъ матерью, потому что могло бы служить имъ предохраненіемъ; но оно идетъ отъ подругъ, и мать объ этомъ ничего не вѣдаетъ. Дѣвица Куэно предобрая особа; она любитъ дѣвочекъ, какъ родныхъ дѣтей, но она проста, ограничена и ровно ничего не смысляетъ. Этой зимой у нея на столѣ лежали письма Мирабо къ Софіи, и кто-то засталъ Евдокію углубившейся въ чтеніе ихъ; этотъ кто-то, рассказавшій мнѣ о томъ на слѣдующій день, спросилъ м-ль Куэно, откуда могла взяться эта книга? — „Мнѣ ее одолжили“, —наивно отвѣтила она, — „пре-лестная книга“. — Между тѣмъ вы знаете, что „*La nouvelle Heloise*“ и „*Les liaisons dangereuses*“ не болѣе вредныя вещи, чѣмъ письма, писанныя Мирабо его возлюбленной изъ Венсенской тюрьмы. Самая горячая, страстная любовь изображается въ нихъ на каждой страницѣ огненными чертами, и въ 50 изъ этихъ писемъ встрѣчаются самыя зажигательныя описанія.... Посудите сами о впечатлѣніи, какое подобное чтеніе можетъ произвести на душу молодой семнадцатилѣтней дѣвушки. Прежде я предупредилъ бы мать; но продолжительный опытъ доказалъ мнѣ, что дѣло непременно оканчивается ссорой, когда начинаешь давать людямъ совѣты о вещахъ, близко касающихся ихъ, и указываешь несостоятельность системы, принятой ими и считающейся ими за лучшую. А по мнѣнію гр. Толстой ея дѣвицы примѣрныя, и она говоритъ: „Это неудивительно, онѣ не расстаются съ мадемуазель Куэно, развѣ только, когда идутъ ко мнѣ“.

Попробуйте разубѣдить ее въ этой пріятной увѣренности, и конечно, вы сдѣлаетесь личностью непріятной въ домѣ. Я видалъ это десятки разъ и вотъ почему молчалъ. Сохраните все это про себя; это вылилось изъ подъ моего пера потому, что я знаю, съ кѣмъ говорю.

12 іюля гр. Морковъ еще не получилъ вашего письма, что вижу изъ его послѣдняго посланія, помѣченнаго этимъ числомъ и полученнаго мною сейчасъ. Нѣсколько дней тому назадъ онъ извѣстилъ меня о пріѣздѣ графини Сенъ-При въ Мензибожъ къ знаменитому врачу по фамиліи Гакельшмитъ. Вотъ что онъ пишетъ мнѣ сегодня:—я спишу его слова, но предварительно надо вамъ сказать, что Мензибожъ всего въ 12 верстахъ отъ имѣнія, гдѣ живетъ графъ.

„Графиня Сень-При пріѣхала въ Мензибожь; она въ ужасномъ положеніи. Я хотѣлъ навѣстить ее, но она не принимаетъ никого: она вся покрыта ранами, харкаетъ кровью и почти не въ состояніи говорить. Я послалъ къ ней сегодня утромъ своего доктора Клейна подъ предлогомъ, что желаю подробнѣе узнать о состояніи ея здоровья; но на самомъ дѣлѣ Гакельшмитъ самъ проситъ объ этомъ, чтобы составить консилиумъ. Не пишите еще пока о всемъ этомъ графинѣ Толстой; когда наступитъ время, я вамъ сообщу“.

Судя по этому, положеніе серьезное, такъ какъ гр. Морковъ никогда не преувеличиваетъ. У графини, повидимому, кровь испорченная. Мужъ ея въ Парижѣ.

Вотъ и ваше письмо отъ 20-го съ хорошими вѣстями о сосѣдяхъ, сохраняющихъ стало быть большой особнякъ на набережной; я очень радъ этому; а еще болѣе радъ повышенію графа Толстого, потому что не ожидалъ подобнаго. Но невыносимый Муромцевъ, какъ вы его мѣтко называете, сдѣлается еще невыносимѣе, а Титовъ, находящійся въ Вѣнѣ, повѣситъ съ досады, что не подождалъ. Теперь онъ ожидаетъ возвращенія графа Остермана, а ваша тетушка, у которой я обѣдалъ вчера, прочла мнѣ письмо отъ княженъ, изъ котораго, повидимому, можно заключить, что раненый проведетъ зиму въ Германіи; про себя же онѣ пишутъ, что вернутся однѣ при первой оказіи. Все это разозлитъ нашего Василія Петровича.

Цѣлую ручку, которую вы мнѣ протягиваете, оканчивая ваше письмо, и очень радуюсь, что вы не оставили намѣренія навѣстить осенью тетушку, очень одинокую въ отсутствіе трехъ сестеръ.

Но объясните мнѣ ради Бога, почему и какимъ образомъ вамъ будетъ легче обойтись безъ Двора черезъ три или четыре года, чѣмъ теперь? Вамъ нуженъ капиталъ въ 40 тысячъ, а у васъ всего 30. Развѣ вы копите и надѣетесь увеличить этотъ капиталъ въ 3 года? Я спрашиваю не изъ любопытства, но исключительно изъ участія.

Увы! 10 тысячъ могутъ сдѣлать васъ счастливой или, по крайней мѣрѣ, способствовать устройству вашей жизни, и вы ихъ не находите въ странѣ, при Дворѣ, гдѣ эта сумма все равно, что зерно ячменное! Малѣйшая протекція у Е. В. доставила бы вамъ приданое, обыкновенно выдаваемое фрейлинамъ, выходящимъ замужъ. Попросите эту сумму сами или черезъ друзей въ подходящую минуту; я увѣренъ, что получить будетъ

не трудно. Можетъ быть, тому не бывало примѣра; тѣмъ лучше: тѣмъ скорѣе можно надѣяться на успѣхъ. Ахъ, если-бъ я былъ Императоромъ, какую независимую судьбу я устроилъ вамъ! Но, Боже мой, даже не надо быть для этого государемъ. Вы окружены людьми, не знающими, куда дѣвать свое богатство и никогда не думающими о чужомъ счастьи.

Это непостижимо! Нѣтъ, если бы я разбогатѣлъ, мое сердце не очерствѣло бы, я это чувствую; я бы считалъ, что богатство только тѣмъ и доставляетъ счастье, что можно имъ дѣлиться, а что излишекъ, который оставляешь себѣ, превращается какъ бы въ золотую тюрьму, куда заключаешь собственное сердце.

Какъ ни прекрасна тема, мнѣ некогда долѣе распространяться о ней; время бѣжить, а письмо и безъ того нескончаемое. Между тѣмъ надо переговорить съ г-жей де-Нуазевиль, которую я началъ укорять за ея молчаніе, когда меня прервало ея письмо. Но завтра предстоятъ еще два значительныхъ посланія, одно къ графу Моркову, второе къ гр. Толстой. Прощайте! Похлопочите, чтобъ вамъ выдали приданое, для того чтобъ Вы могли разстаться съ дворцомъ, какъ другія получаютъ приданое, выходя замужъ, въ чемъ часто потомъ раскаиваются. Вы не будете раскаиваться разставшись съ тѣмъ, что васъ стѣсняло, и несмотря на ваше рѣшеніе, это не помѣшаетъ вамъ выйти замужъ, если представится хорошій и вѣрный случай. Не знаю, желаю ли я этого, потому что узнать, удаченъ или неудаченъ бракъ, можно только послѣ совершившагося факта, но увѣренъ только въ одномъ положительно: что желаю вамъ больше, чѣмъ кому либо на свѣтѣ, безоблачнаго и прочнаго счастья, какого вы вполнѣ заслуживаете.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 27 Іюля 1814 г.

Вѣроятно, я плохо выразилась, говоря вамъ о своей апатіи и о томъ, что съ прошлаго года ничто не измѣнилось для меня. Я, конечно, принимала участіе въ счастіи и славѣ Императора и русской арміи, но всѣ событія, случившіяся за послѣдній годъ, не внесли никакого измѣненія ни въ мое внѣшнее положеніе, ни въ душевное настроеніе; 27 Іюля 1814 г. для меня совершенно то-же, что было 27 Іюля 1813 г. Вотъ все, что я хотѣла сказать вамъ, и меня къ тому побудило чувство грусти, составляющей мое обычное настроеніе за послѣдніе три или четыре года. Не станемъ больше думать объ этомъ и возвращаться къ

этому вопросу. Если ваши бульварные депутаты недовольны, что их остановили на такомъ пріятномъ пути, то доѣхавшіе сюда испытали не меньше разочарованія: они надѣялись фигурировать и получить какія-либо милости, а вернутся, не выдавъ ничего, кромѣ праздника въ Петергофъ и нѣсколько тысячъ плошекъ. Вчера предполагался прекрасный праздникъ въ Павловскѣ: съ спектаклемъ на открытомъ воздухѣ, балетомъ и различными увеселеніями. Приглашенія разсылались за 2-3 дня; весь городъ волновался цѣлые сутки, добывая лошадей и экипажи. Княгиня Борисъ уѣхала въ 8 часовъ утра съ дочерью Куракиной, съ Софи и съ Лизой Трубецкой; княгиня Юсупова тоже поѣхала, и на Каменномъ Островѣ остались только г-жа Гурьева, княгиня Долгорукая, баронъ Строгановъ и я. Я приняла похвальное рѣшеніе отобѣдать у Строганова и увлекла туда г-жу Гурьеву. Каково же было наше удивленіе, когда, вставъ изъ за стола, мы увидали г-на Гурьева: оказалось, что никакого праздника нѣтъ: начавшійся въ часъ дня дождь и черныя тучи, обѣщавшія то-же на вечеръ, заставили Императрицу измѣнить планъ; все было отмѣнено, и три четверти отправившихся на праздникъ оказались въ своихъ экипажахъ у петербургской заставы. И такъ всѣ вернулись домой, и я не знаю, что происходитъ въ Павловскѣ. Но до сихъ поръ моя княгиня не возвращалась; Богъ знаетъ, гдѣ она и гдѣ проведетъ ночь. Я въ домѣ одишенька, только подъ охраной моихъ двухъ молодыхъ людей: Потемкина и молодого Юсупова, живущихъ какъ разъ надо мной. Татьяна Голицына прекрасно справляется съ своей ролью невесты: она не дичится и не держитъ себя слишкомъ свободно; она сумѣла найти середину, и я увѣрена, что эта молодая особа умнѣе, чѣмъ про нее думаютъ. Ея будущая свекровь относится къ ней ласково; съ семьей же Щербатовыхъ нелады; но за это вознаграждаетъ князь Юсуповъ, очень довольный свадьбой.

Я недавно показала ему мѣсто вашего письма, касящееся его: онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ и передать вамъ его привѣтъ. Италія не привела въ восторгъ моихъ сестеръ; онѣ пишутъ, что желаютъ возвратиться въ Россію, если даже графиня Остерманъ не вернется въ нынѣшнемъ году. Я не говорю имъ ни *да*, ни *нѣтъ*; онѣ должны знать, что дѣлаютъ. Я понимаю, что можетъ надобѣсть скитанье по свѣту съ двумя лицами, большею частью недовольными другъ другомъ, но не понимаю, чтобы можно было устоять противъ желанія увидать храмъ Св. Петра и Ватиканъ; мнѣ кажется, что Римъ и Іерусалимъ такіе города, которые пріятно увидѣть, каковы бы ни были годы. По крайней мѣрѣ это единственныя путешествія, которыя я

желала бы совершить. (Простите, прошу васъ, мое недостаточное увлеченіе Швейцаріей).

То, что вы мнѣ сообщаете объ Алексѣ Толстомъ меня не удивляетъ; я никогда не признавала его способнымъ стать чѣмъ нибудь; его слишкомъ баловали, и со времени отъѣзда мосье Фавра онъ не занимался ничѣмъ серьезнымъ. Вообще, моя бѣдная графиня Толстая, такая умная, образованная и достойная, совсѣмъ не сумѣла воспитать своихъ дѣтей! Я никому не скажу этого, но это такъ, да вы это сами знаете. Когда ея старшей дочери было 7 лѣтъ, графиня строила планы о воспитаніи этой дѣвочки. Но не одинъ изъ нихъ не осуществился, и она дѣлала совершенно противоположное тому, о чемъ мечтала. Не въ первый разъ мнѣ приходится видѣть подобныя вещи, и если бы мнѣ случилось выйти замужъ и имѣть дѣтей, я, можетъ быть, совершила бы тотъ-же грѣхъ, хотя мнѣ и кажется, что это для меня было бы невозможно. Однако, прощайте. Много словъ наговорено, а сказано мало. Мы живемъ во время, когда новости изсякли. Кстати, что это за больной, за которымъ вы ухаживаете, и который въ вашихъ письмахъ хранить свое инкогнито? Это интересуеть меня и м-мъ де Нуазевиль. Можно подумать, что это прошлогодній дрезденскій пациентъ, изъ-за котораго было столько тревоги. Назовите намъ вашего больного, если хотите вернуть намъ покой. Боже мой, какъ грустно кончилъ вашъ сыроваръ! Ужасно! А его проклятый „Vocabulaire“. Сожгли ли вы его? Я этого требую отъ вашей честности. Пусть объ этомъ не будетъ больше и рѣчи. Въ огонь, въ огонь! Такая судьба постигла ваше письмо, послѣ того, какъ я прочла эту ужасную исторію.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 3 августа 1814.

Вотъ вы стараетесь внушить мнѣ отвращеніе къ латинскому языку; графъ де-Местръ говорилъ мнѣ, также какъ вы, о чрезвычайной трудности изученія его, если не начать въ дѣтствѣ. Три разныхъ слова для выраженія одного глагола—это нѣчто ужасное! Скажу вамъ, что я выучиваюсь языкамъ очень легко: читать и писать по итальянски я научилась въ полгода и читаю Аріосто и Тассо. Я занималась этимъ языкомъ отъ 15 до 18 лѣтъ, потомъ не имѣла случая возвращаться къ нему, но, несмотря на то, не забыла его; я не говорю по итальянски такъ же свободно какъ по французски, потому что не имѣю привычки, но все-таки выражаюсь безъ затрудненія. Въ настоящее время я читаю Дѣянія Апостольскія по итальянски. Лондонское Библейское Общество прислало сюда два экземпляра Новаго Завѣта на этомъ языкѣ—на са-

момъ изящномъ тосканскомъ нарѣчіи;—Голицынъ далъ мнѣ одинъ изъ нихъ, а второй—графу де-Местру. Я занимаюсь этимъ чтеніемъ каждое утро, и мнѣ никогда не приходится прибѣгать къ помощи французскаго. Восемь лѣтъ тому назадъ мнѣ захотѣлось учиться по англійски, и я пригласила учителя, съ которымъ прекрасно начала; но онъ вздумалъ бѣжать изъ Петербурга, никто не знаетъ, почему и куда. М-ръ Коллинсъ—такова была его фамилія,—оставилъ мнѣ грамматику, по которой я занималась еще нѣкоторое время: но затѣмъ послѣдовала поѣздка въ Москву, назначеніе ко Двору, переселеніе во дворецъ, разсѣянная, шумная жизнь съ безконечными выѣздами, такъ что нечего было и думать объ англійскомъ, а между тѣмъ я увѣрена, что примись я снова за него, я бы сильно подвинулась въ теченіе года. Изъ этого вы видите, что у меня есть нѣчто общее съ вашимъ докторомъ. Но я увѣрена, что онъ имѣетъ надо мной большое преимущество въ терпѣніи, никогда не принадлежавшемъ къ числу добродѣтелей моего характера. За нѣсколько лѣтъ я много поработала надъ собой въ этомъ отношеніи, но все же часто бываютъ вспышки нетерпѣнія. Вотъ что меня останавливаетъ главнымъ образомъ: при всемъ моемъ рвеніи къ латинскому языку мнѣ пришлось бы много работать, и если бы дѣло не пошло такъ быстро, какъ бы я того желала, занятіе мнѣ скоро надоѣло бы, и въ концѣ концовъ я бы только потеряла много времени, которое могла бы употребить лучше. Впрочемъ, въ консультаціи, которую я собрала по этому вопросу, большинство сказала *нѣтъ*, и оно одержало верхъ. Стало быть, забудемъ о латыни и станемъ читать по французски, какъ вы совѣтуете. Кстати, по этому поводу: получили вы уже въ Москвѣ сочиненіе г-жи де-Сталь о Германіи? Мнѣ одолжили эту книгу, и я нахожу ее довольно интересной. По моему въ общемъ ее нельзя назвать хорошей: въ ней нѣтъ плана, нѣтъ послѣдовательности, но встрѣчаются очень милыя подробности, удачныя выраженія, и она читается безъ скуки. У г-жи Сталь масса идей, и многія, столь же справедливыя, какъ глубокія, выражены весьма изящно; но нельзя отрицать, что у нея есть и плохія вещи. Постарайтесь добыть эти письма о Германіи и прочтите описаніе Интерлакенскаго праздника: это очень мило. Вы правы, я не читаю ничего легкомысленнаго, это меня не занимаетъ, если даже написано мастерски; это вовсе не въ моемъ духѣ; уже два года, что я не открывала никакого романа, хотя и появилось нѣсколько, имѣющихъ успѣхъ. Это не результатъ моей работы надъ собой, а пришло съ годами.

Графиня Остерманъ нашла, что черезъ-чуръ дорого путешествовать съ лишнимъ экипажемъ и поэтому предложила моимъ сестрамъ

возвратиться въ Россію съ г-жей Васильчиковой, находящейся въ Эгрѣ. Онѣ ѣдутъ въ Москву и какъ только придутъ туда, я также пушусь въ дорогу.

Все это мнѣ разсказалъ Николай Долгорукій, прибывшій курьеромъ изъ Вѣны; онѣ не понимаетъ этой экономіи, заставляющей г-жу Остерманъ разстаться съ двумя лицами, бывшими ей столь полезными и сдѣлавшимися ей необходимыми. Еслибъ еще этотъ супругъ и супруга жили между собой, какъ большинство смертныхъ; но у нихъ и недѣли никогда не проходитъ безъ ссоры (хотя они и обожаютъ другъ друга). Всегда нуженъ былъ между ними посредникъ, чтобы улаживать ссору. Съ другой стороны не могу надивиться необходимости экономіи, когда обладаешь великолѣпнымъ состояніемъ, очень плохимъ здоровьемъ и не имѣешь дѣтей! Для кого же копить? Для родственниковъ, которые даже спасибо не скажутъ! Ну, пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ. Если сестры изъ-за этого лишатся удовольствія увидать Италію, онѣ за то вернуться на родину, чтобы жить спокойно.

Я слышала, что гр. Сенъ-При была очень больна, но не знала, чѣмъ именно. Братъ ее, навѣстившій меня, сообщилъ мнѣ объ этомъ, а письмо гр. Моркова подтверждаетъ, что положеніе ея серьезное. Если она умретъ, не думаю, чтобы мужъ очень огорчился: эта женщина буквально отравляла ему существованіе. Разскажу вамъ въ другой разъ, какъ устроюсь, чтобы имѣть 40 тысячъ. Сегодня не могу писать больше. Приѣхала г-жа Литта, и нужно итти бесѣдовать съ ней. До свиданія.

Кристинѣ.

Москва, 6 Августа 1814 г.

Да, я, конечно, сжегъ вокабулярій покойнаго и еще *много кое-чего*. Мать умѣетъ вездѣ открывать грязь. Книги и библіотека этого человѣка были таковы, что вы себѣ и представить не можете. Нѣтъ крайности, до которой человѣкъ не способенъ дойти, предаваясь страсти, сгубившей этого несчастнаго. Другія страсти тоже таковы; любовь создала и чудовищъ и героевъ; честолюбіе заставляетъ губить людей, какъ мухъ; месть ведетъ къ убійству и клеветѣ; распутство убиваетъ душу еще скорѣе, чѣмъ истощаетъ тѣло... Счастливъ, кто умѣетъ предохранить себя отъ страстей или удержаться на скатѣ, ведущемъ къ гибели.

Вотъ вамъ прекрасная проповѣдь, которую я вовсе не имѣлъ намѣренія читать. Ваше письмо отъ 27-го порадовало и огорчило меня; я прекрасно понимаю ваше объясненіе, въ которое плохо вдумался, читая его въ одномъ изъ вашихъ послѣднихъ писемъ. Не сѣуйте на свое спокойствіе! Не слѣдуетъ ли предпочитать его сильнымъ движеніямъ души, опасеніямъ, волненіямъ, даже надеждамъ, почти всегда обманчивымъ? Я, Богу извѣстно, не всегда былъ спокоенъ, но доволенъ, что теперь достигъ этого, и черезъ два года вы будете также раздѣлять мой взглядъ. Я хорошо знаю чувство, возбуждаемое апатіей, которой вы страдаете; но извѣстно ли вамъ, что заставляетъ переносить противоположное состояніе? Нельзя пользоваться полнымъ счастьемъ на землѣ; это неопровержимая истина, которую богословы причисляютъ къ доказательствамъ безсмертія души. Исходя изъ этого, вѣрьте, что спокойствіе съ его скукой и грустнымъ однообразіемъ есть зло меньшее, чѣмъ сердечное волненіе, правда дающее яркіе проблески счастья, но всегда однимъ или другимъ способомъ причиняющее большія мученія. Мы всѣ влачимъ нашу цѣпь, или, выражаясь болѣе христіанскимъ образомъ, всѣ мы несемъ свой крестъ; постараемся же дѣлать это не подавая виду и весело, станемъ помогать другъ другу и посмѣемся надъ ропотомъ нашей людской природы, разсудивъ, какъ все это непродолжительно, и обращая наши взгляды на ту родину, гдѣ благороднымъ способностямъ души уже не будутъ мѣшать желанія земныхъ чувствъ, съ которыми намъ постоянно приходится бороться.

Но вотъ я опять впалъ въ проповѣдническій тонъ..... Лучше поговорю съ вами о графѣ Морковѣ, приславшемъ мнѣ прилагаемое письмо къ вамъ; онъ, вѣроятно, сообщаетъ вамъ о смерти бѣдной г-жи Сень-При, скончавшейся 23 Іюля. Онъ тотчасъ же поѣхалъ, чтобы опечатать бумаги и вещи покойной, взялъ дѣтей къ себѣ и приказалъ набальзамировать тѣло, предполагая, что родные захотятъ перевезти его въ фамильный склепъ. Онъ мнѣ поручаетъ сообщить грустное извѣстіе г-жѣ Толстой, и я уже написалъ графинѣ Протасовой, чтобы она передала вѣсть своему другу, у которой уже, вѣроятно, оставалось мало надежды послѣ того, какъ я просилъ г-жу Протасову сообщить ей послѣднія извѣстія. Увы, жизнь бѣдняжки г-жи Сень-При была не изъ счастливыхъ, не смотря на ея состояніе, на прекраснаго мужа, котораго она любила, и на прелестныхъ дѣтей! Повторяю, у каждаго есть свои горести, и наше личное горе кажется намъ всегда самымъ тяжелымъ. Я сегодня то и дѣло начинаю читать мораль, точно мною овладѣло какое-то бѣшенство.

Маленькая Моркова прихварываетъ: ее поятъ молокомъ и поговариваютъ, что ее надо увезти въ Италію. Графъ приглашаетъ меня ѣхать съ ними. Если бы этому путешествію суждено было осуществиться и я могъ бы быть полезенъ, я не сталъ бы колебаться, хотя и не люблю путешествій. Но все это останется проектомъ, какъ тысячи другихъ вещей.

Я также, какъ вы, не понимаю, чтобы княжны, доѣхавши до самой Италіи, не имѣли случая увидеть эту прекрасную страну. Но какъ знать, что заставляетъ ихъ вернуться! Кто знаетъ, каковы лица, съ которыми онѣ живутъ? Экзальтированная женщина, человекъ, у котораго голова не въ порядкѣ—все это достаточныя причины, чтобы желать разстаться съ этими людьми, не видя возможности быть имъ болѣе полезнымъ. Я увѣренъ, что онѣ расскажутъ вамъ многое, чего не могли написать и что заставить объяснить ихъ возвращеніе какъ поступокъ весьма естественный.

По случаю возвращенія Императора дается много празднествъ, конца которыхъ ждуть съ нетерпѣніемъ въ надеждѣ, что за удовольствіями наступитъ очередь дѣлъ, и мы увидимъ хотя начало преобразованій въ томъ грабительствѣ, которому подвергается публика. Это грабительство доведено до послѣднихъ предѣловъ въ Москвѣ, его надо прекратить рано или поздно. Зачѣмъ вы скрываете нашего генералъ-губернатора въ Петербургѣ? Видѣли ли вы его? Прощаютъ ему 1812 годъ? Пришлетъ ли намъ его Государь обратно? Напишите, что знаете объ этомъ.

Сообщаю г-жѣ де-Нуазевиль, что мнѣ пишетъ маркизъ Ла-Мозонфоръ изъ Парижа. Я сейчасъ получилъ письмо отъ него. Его первоначальный энтузіазмъ значительно остылъ.

КРИСТИНЪ.

Москва, 13 Августа 1814 г.

Говоря откровенно, не могу считать г-жу Остерманъ настолько мелочной, чтобы она рѣшилась лишить себя столь же пріятнаго, какъ и полезнаго, общества изъ за мелочнаго денежнаго разсчета, къ которому нѣтъ никакого основанія, принимая во вниманіе ея большое состояніе. Это постыдный и неудачный предлогъ, можетъ быть скрывающій причину еще болѣе постыдную, выставить которую не рѣши-

лись. Вотъ какъ я думаю, не зная дѣйствующихъ лицъ. Я слыхалъ, что г-жа Остерманъ любезна, но вспыльчива и ревнива... Всѣ страсти, затемняющія разсудокъ, мѣшаютъ способности здраво размышлять и заставляютъ дѣлать тысячу глупостей! Увидите, что княжнамъ пришлось пережить не мало неприятныхъ минутъ, и что онѣ считаютъ себя очень счастливыми вернуться къ своей милой тетушкѣ. Я былъ бы радъ, еслибъ по своемъ возвращеніи онѣ нашли свой домъ сгорѣвшимъ и обрѣли свою прежнюю независимость; но домъ г-жи Арсеньевой почти что ихъ собственный. Если у васъ есть 30 тысячъ капитала и у каждой изъ вашихъ сестрицъ столько же, то, можетъ быть, соединившись, вы можете жить своимъ хозяйствомъ. Будьте увѣрены, что нѣтъ существованія болѣе счастливаго; желаю вамъ, главное, тагъ устроиться.

Я прочелъ книгу г-жи Сталь о Германіи мелькомъ и только отрывками въ тѣ четыре дня, которые г-жа Сталь провела здѣсь. Она одолжила мнѣ единственный экземпляръ, сохранившійся отъ уничтоженія всего изданія по приказанію Бонапарта, не выставившаго тому иныхъ причинъ, кромѣ упорнаго замалчиванія ею всего, касающагося его. Я непремѣнно приобрѣту эту книгу. Я согласенъ съ вами, что г-жа Сталь чрезвычайно умна, но ея книги безцѣльны. Ея ненасытное честолюбіе побуждаетъ ее писать безъ перерыва, чтобы занимать собой всю читающую Европу. Эта женщина знала яркіе проблески счастья, но также цѣлые періоды уязвленнаго самолюбія, какъ бываетъ со всѣми, живущими однимъ этимъ чувствомъ. Она была создана, чтобы пользоваться любовью общества за свою любезность, но это счастье постоянно смущалось тѣмъ неприятнымъ, что ей приходилось читать въ критики на ея произведенія и ея мнѣнія.

Вотъ письмо отъ графа Моркова. Онъ мнѣ пишетъ: „По какой роковой случайности Провидѣніе, благодаря которому для насъ создано столько великаго и благотворнаго, допускаетъ на ряду съ тѣмъ такіа смѣшныя и скандальныя вещи, какъ происшедшее въ Лондонѣ между принцемъ и принцессой Уэльскими? Оно, повидимому, желаетъ держать насъ въ вѣчномъ страхѣ о нашемъ будущемъ, чтобы мы никогда не забывали, какъ нуждаемся въ Его помощи во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни! Сообщите это размышленіе княжнѣ Туркестановой, чтобы она видѣла, что я ужъ вовсе не такой отверженный, какъ она думаетъ“.

Вся семья Сень-При съ губернаторомъ и гувернанткой у г-на Моркова. Г-жа Толстая сообщаетъ мнѣ, что пришлетъ съ слѣдующей почтой

письмо къ сестрѣ Софіи, и въ этотъ промежутокъ она узнаеть, что сестры уже нѣтъ въ живыхъ. Какъ вы думаете, будетъ она этимъ сильно огорчена? Здѣсь никто не горюеть: у покойницы здѣсь не было друзей; ея сверстники даже не поражены, и это нѣсколько удивляетъ и шокируетъ меня. Товарищъ дѣтства (если можно примѣнить этотъ терминъ къ женщинамъ), умирающій въ 38 лѣтъ, всегда производитъ нѣкоторое впечатлѣніе; но въ этомъ случаѣ нѣтъ и слѣда чего-нибудь подобнаго: эту смерть приняли, какъ будто скончалась Анна Борисовна, или кто нибудь, кого никогда не видали, между тѣмъ какъ смерть брата вызвала большое участіе. Но, Богу извѣстно, что г-жа Сенъ-При при своей ворчливости и вспыльчивости имѣла доброе и отзывчивое сердце, въ которомъ Небо отказало князю Георгію; но онъ забавлялъ, а что забавляетъ, то нравится, и о томъ жалѣють,—жалѣя ради себя изъ эгоизма больше, чѣмъ изъ безкорыстнаго чувства.

Вчера я ходилъ въ Кремль смотрѣть, какъ поднимали новый крестъ на колокольню Ивана Великаго. Съ задачей справились очень быстро при помощи кабестановъ и рукъ. Этимъ начинается возстановленіе этого прекраснаго мѣста, подвергнувшагося поруганію. Я никогда не поднимался на знаменитую колокольню и вздумалъ сдѣлать это вчера; я пересчиталъ ступени и съ удовольствіемъ могу сообщить вамъ, что до первой площадки ихъ ровно 113. Стоя подъ этими огромными колоколами, я думалъ о васъ и говорилъ: вотъ я на высотѣ башенки, гдѣ она обитаетъ; я искалъ вашихъ оконъ; со всѣхъ сторонъ ихъ виднѣлись сотни тысячъ, но вашихъ я не увидалъ. Я поднялся вдвое, втрое выше, могъ окинуть всю Москву однимъ взглядомъ, но, вѣроятно, надо бы подняться на Вавилонскую башню, чтобы увидеть жилище друзей, обитающихъ за 700 версть.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 10 Августа 1814.

Конечно, я могу скопить 40 тысячъ, только откладывая изъ денегъ, получаемыхъ отъ Двора. Мнѣ и въ голову не пришло бы увеличить свой маленькій капиталъ инымъ средствомъ. Нѣтъ на свѣтѣ человѣка, имѣющаго право сдѣлать мнѣ денежный подарокъ. Отъ одной только г-жи Арсеньевой я могла бы принять его безъ возраженій. Но за исключеніемъ ея, нѣтъ человѣка, отъ котораго я пожелала бы получить хотя копѣйку, не столько изъ гордости, какъ изъ деликатности, которая заставляла-бы меня считать себя недостаточно благодарной. И это чувство отравляло бы мнѣ жизнь и ставило бы меня въ настоящую

зависимость. Я стану урѣзывать себя, еще нѣсколько лѣтъ буду карабкаться на свои 113 ступеней и скоплю еще нѣсколько тысячъ. Я не легко теряю бодрость духа; во всю свою жизнь я стойко добивалась того, что разъ задумала. Я всегда шла по извѣстному пути, отъ котораго не уклонялась. Слава Богу, такой образъ дѣйствія доставилъ мнѣ кое-что. Почему не стѣснить себя еще, если хочешь достигнуть независимости? Я принята ко Двору въ 1808 г., когда у меня было 16 тысячъ рублей; въ это время мнѣ пришлось значительно увеличить мои расходы на туалетъ; годъ пребыванія прусской королевы въ Петербургѣ обошелся мнѣ очень дорого; въ продолженіе 17 дней у насъ ежедневно давались праздники, балы, маскарады, спектакли въ Эрмитажѣ, вечера у Императрицы; затѣмъ обрученіе великой Княжны Екатерины, — однимъ словомъ, каждый день нуженъ былъ новый туалетъ, и можете себѣ представить, сколько пришлось изтратить. И вотъ, не вдаваясь въ слишкомъ большую роскошь, я все же одѣвалась, какъ всѣ, но, несмотря на то, въ этотъ первый годъ своей придворной жизни я все же отложила тысячу рублей. Въ слѣдующіе годы дѣло пошло еще лучше, и вообще съ 1808 по 1814 г. мой капиталъ увеличился до 30 тысячъ. Правда, что къ этой суммѣ прибавилось пять тысячъ рублей отъ выиграннаго процесса; но остальные девять тысячъ — чистая экономія. И не воображайте, чтобъ я отказывала себѣ во всемъ; вовсе нѣтъ: кромѣ необходимаго, я позволяла себѣ даже нѣкоторыя прихоти, напримѣръ свою мебель, — и почти каждое лѣто ѣздила въ Москву повидаться съ тетушкой. Какъ все это устроивалось? Не знаю. Но такъ какъ мнѣ удавалось до сихъ поръ, то я и не теряю надежды, что черезъ три года къ моимъ тридцати тысячамъ прибавятся еще десять. Тогда я покину Дворъ и, по обыкновенію, при отставкѣ получу еще десять тысячъ; такимъ образомъ у меня окажется всего 50.

До сихъ поръ мнѣ не приходилось встрѣтиться съ вашимъ московскимъ губернаторомъ, хотя онъ живетъ не далеко, у своего друга Головина; но я слышала, что онъ уже не вернется на свой постъ и имѣетъ намѣреніе путешествовать для поправленія здоровья. Его преемникомъ называютъ генерала Тормасова, или князя Горчакова. Не думаю, чтобы это рѣшилось до отъѣзда Императора.

Свадьба Лизы Голицыной назначена на будущее воскресенье, и *идеалъ* съ нетерпѣніемъ ждетъ освобожденія отъ тещи, уже теперь порядочно надоѣвшей ему. Г-жа и г-нъ Терци поѣдутъ вдвоемъ въ Бергамо, потому что княгинѣ Мишель невозможно будетъ уѣхать теперь, такъ какъ вопросъ объ опеку далеко не рѣшенъ и каждый день появ-

ляются новые векселя. Мнѣ кажется, что именно мысль о путешествіи безъ тещи больше всего радуеть Терци.

Судя по вашему послѣдному письму къ г-жѣ де-Нуазевиль, г-жѣ Сень-При очень плохо; если ей не суждено жить, да поможетъ ей Господь въ ея послѣднія минуты и пошлетъ ей легкую кончину. Ея мужъ не будетъ ее оплакивать, она сдѣлала его порядочно несчастнымъ! И воспитаніе дѣтей отъ того выиграеть. Такъ какъ у г-жи Остерманъ нѣтъ дѣтей, ей слѣдовало бы взять Ольгу: это было бы добрымъ дѣломъ. Что же касается г-жи Толстой, то у нея достаточно собственныхъ блондинокъ, чтобъ еще прибавлять къ нимъ блондинку Сень-При.

КРИСТИНЪ.

Москва, 20 Августа 1814.

Я нахожу, что вы устраиваете свои денежные дѣла чрезвычайно умно и обдуманно, и такъ какъ успѣхъ увѣнчиваетъ ваши усилія, то это должно заставлятъ васъ смотрѣть спокойно на будущее и можетъ облегчить вамъ всѣ небольшія непріятности въ вашемъ теперешнемъ положеніи. Но вы достаточно знаете людское сердце, чтобы думать, что есть такое положеніе, гдѣ можно бы найти полный отдыхъ и удовлетвореніе. Вы теперь чувствуете неудобства жизни въ свѣтѣ; при другихъ обстоятельствахъ вы познакомились бы съ темными сторонами отдаленія отъ него. Если бы Господу угодно было допустить, чтобы душа всегда бывала преисполнена набожности, замѣняющей и превосходящей всѣ привязанности, то мы чувствовали бы себя вполне счастливыми и въ кельѣ и въ пустынѣ; но какому набожному сердцу не знакомы тѣ минуты пустоты, когда Духъ Божій какъ бы покидаетъ насъ, оставляя въ жертву слабости нашей природы. Подобныя испытанія ожидаютъ васъ при спокойномъ существованіи. Не заблуждайтесь; боюсь, какъ бы вы не стали сожалѣть о прошломъ и не почувствовали пустоту и скуку при переходѣ изъ придворнаго общества, всегда вѣжливаго, въ общество людей, занятыхъ интересами болѣе мелочными и вращающихся въ кругу мыслей болѣе ограниченномъ.

Г-жа Толстая знаетъ о смерти своей сестры; она такъ огорчилась ею, что не могла отвѣтить мнѣ, а поручила это мосье Праделю, гувернеру маленькаго Протасова; но извѣстіе, что племянники и племянницы находятся у г-на Моркова такъ взволновало ее, что не будучи въ состояніи писать сама, она потребовала, чтобы Прадель написалъ графу Моркову о немедленной высылкѣ дѣтей съ гувернеромъ въ Тро-

ицкое. Откровенно говоря, я предпочелъ бы, чтобы она подождала недѣлю и тогда написала сама. Я боюсь, какъ бы графъ Морковъ не увидалъ въ этой поспѣшности (письмо Праделя было послано съ нарочнымъ) того же, что усматриваю я, т.е. какъ будто страха передъ его домомъ. Графъ очень чутокъ и щепетилень на этотъ счетъ, и его образъ дѣйствія въ данномъ случаѣ заслуживаетъ большей деликатности. Дѣти г-жи Сенъ-При не увидятъ ничего неприличнаго у г-на Моркова, и они слишкомъ юны, чтобы понять темную сторону въ семейной жизни. Поэтому я считаю поступокъ г-жи Толстой неделикатной, почти обидной поспѣшностью. Графъ Морковъ можетъ сказать, что не знаетъ, кто такое г. Прадель и не считаетъ себя обязаннымъ исполнять приказанія, переданныя ему черезъ лицо, о самомъ существованіи котораго онъ даже не подозрѣваетъ. Чрезмѣрная щепетильность иногда походить на гордость, и поступокъ г-жи Толстой можно понять именно такъ.

Такъ вотъ княжна Лиза превратилась въ „Бергамеска“; ну, дай Богъ ей счастья! Вполнѣ понимаю радость мужа, что пришлось проститься съ кроткой тещей. Кажется, что въ общественныхъ дѣлахъ ничто не закончится до возвращенія изъ Вѣны. Кого вы пришлете управлять нами? Графа ли Ростопчина или его преемника, и въ такомъ случаѣ, кто имъ будетъ? Москвичи не могутъ обходиться безъ новостей.

Я нѣсколько времени не видалъ г-жи Эверсъ; она встрѣтила меня сдержанно и церемонно: ей пришло въ голову, что я дуюсь на нее, и что какой-то злой духъ возстановилъ меня противъ нея... Богъ знаетъ, откуда у нея подобныя мысли. Бѣдняжка проста и безхитростна, какъ ребенокъ. Здоровье ея мужа ухудшается; она какъ будто не замѣчаетъ того; но мнѣ это ясно. Если онъ умретъ, г-жѣ Эверсъ невозможно будетъ жить одной; ее придется помѣстить гдѣ-нибудь, гдѣ за ней будутъ ухаживать, или найти ей пансіонъ въ хорошей семьѣ, гдѣ бы она имѣла возможность ходить въ церковь, такъ какъ это единственное, въ чемъ она нуждается за порогомъ дома.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 14 Августа 1814 г.

Право, вы удивительный человекъ, и я преклоняюсь передъ вашимъ гениемъ, благодаря которому вы удивительно мило приступаете ко всѣмъ возможнымъ вопросамъ; правда и то, что вы обращаетесь къ людямъ, такъ сказать кокетничающимъ вашими письмами: какъ

только получается письмо, которымъ можно похвастаться, мы не пропускаемъ случая сдѣлать это. Знайте же, что письмо, адресованное г-жѣ де-Нуазевиль находится въ карманѣ графини Строгоновой, которая, не удовольствовавшись его прочтеніемъ, непременно пожелала показать его мужу; а такъ какъ мужа утромъ не было дома, то мы оставили письмо у нея, чтобъ она показала ему. Рассказываю вамъ это, чтобы поддержать въ васъ доброе намѣреніе постоянно писать намъ. Я также получила письмо отъ гр. Моркова, но онъ мнѣ ничего не пишетъ о г-жѣ Сень-При; очевидно онъ забылъ, что я знала ее. Но зато онъ много говоритъ о дочери, жалуясь на ея плохое здоровье; особенно ея слабость, повидимому, тревожитъ его; дѣйствительно, дѣвочка трясется всѣмъ тѣломъ. Это ужасно. Богъ знаетъ, къ чему это можетъ привести, но я видѣла, какъ она не въ состояніи была сама ѣсть за столомъ. Я думаю, что ее слишкомъ пичкали лѣкарствами и вмѣсто того, чтобы укрѣпить ея нервы, ей ихъ совершенно испортили. Я отъ всего сердца желаю, чтобы дѣвочка поправилась, и не было больше разговоръ о поѣздкѣ въ Италію; мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ вы уѣзжали.

Я не жалѣю о г-жѣ Сень-При, но повторяю, что говорила въ послѣднемъ письмѣ: дай Богъ, чтобъ ей удалось покаяться, и миръ ея душѣ! Сестры горюютъ о ней: обѣ были привязаны къ ней. Мужъ ея вздохнетъ теперь, и дѣти только выиграютъ отъ такого рѣшенія Провидѣнія, потому что ихъ воспитаніе станетъ лучше, когда ея не будетъ, чтобы стѣснять мужа. На мѣстѣ г-жи Сень-При я бы отдала дѣвочку въ институтъ; увѣряю васъ, ей тамъ будетъ лучше, чѣмъ у тетокъ.

Полученныя на этихъ дняхъ новости кажутся мнѣ лишенными всякаго вѣроятія: сообщали о заговорѣ, открытомъ въ Парижѣ. Зачинщиками одни называли Савари, Коленкура и Камбасереса; другіе—Марію Луизу. О заговорѣ упоминаетъ Гамбургская газета, а между тѣмъ это вздоръ: въ письмахъ изъ Парижа говорятъ, что все спокойно. Я не считаю вещь невозможной: при пестротѣ населенія этого города и тамъ найдутся элементы всевозможныхъ смуть. Меня не удивляетъ нѣкоторое разочарованіе Ла-Мезонфора; у него общая всѣмъ эмигрантамъ манія иллюзій; онъ вообразилъ, что королю недостаточно будетъ половины владѣній, чтобъ заплатить за его брошюры, и теперь его надежды оказываются обманутыми. Тоже самое съ маркизомъ Де-Ла-Ферте. Онъ уѣхалъ въ надеждѣ стать генераль-лейтенантомъ и каждый вечеръ составляетъ партію Людовику XVIII. Всѣ эти господа не-

много сумасшедшіе; между ними одинъ только герцогъ Полиньякъ благо-
горазуменъ. По моему также очень хорошо, что герцогъ Ришелье не
возвращается во Францію; аббатъ Николь, пріѣхавшій изъ Одессы,
повторяетъ это всѣмъ и каждому. Мнѣ это извѣстіе пріятно, потому
что даетъ надежду еще разъ увидать г-на Ришелье, котораго я люблю
и глубоко уважаю.

Кристинъ.

Москва, 27 Августа 1814 г.

Премного вамъ обязанъ за старанія выдвинуть мои незначитель-
ныя заслуги и пріобрѣсти мнѣ уваженіе вашихъ друзей; я высоко
ставлю мнѣніе графини Строгоновой; повторяйте ей при каждомъ слу-
чаѣ, что я лучше своей репутаціи, которую начинаю считать очень
плохой, что вывожу изъ стараній, прилагаемыхъ, чтобы выставить меня
въ хорошемъ свѣтѣ передъ порядочными людьми. А между тѣмъ, если
разсудить хорошенько, кто лица, пустившія про меня плохую славу,
то не пришлось бы придавать много вѣры ихъ рассказамъ. Этой бѣдѣ
поможетъ время, и ею нечего огорчаться больше, чѣмъ слѣдуетъ, какъ
вообще всѣмъ, чему нельзя помочь.

Я не вѣрю въ парижскіе заговоры: думаю не найдется сумасшед-
шихъ, серьезно пожелавшихъ бы снова посадить на тронъ Бонапарта.
Изъ затруднительнаго положенія короля пожелаютъ извлечь все, что только
будетъ можно, но дальше дѣло не пойдетъ. Я получилъ еще письмо
отъ Ла-Мезонфора, помѣченное 1-мъ Августа, гдѣ онъ убѣждаетъ меня не
вѣрять смутьянамъ и недовольнымъ и увѣряетъ, что все изумительно
успокаивается.

Я очень доволенъ, что герцогъ Ришелье остается въ Россіи, разъ
вамъ это пріятно; но не могу не удивляться, что человекъ, семья ко-
торого обязана своимъ состояніемъ и знатностью Бурбонамъ, не ѣдетъ
къ своему государю въ минуту необходимости. 12 лѣтъ тому назадъ
герцогъ Ришелье былъ во Франціи и велъ переговоры объ условіяхъ,
которымъ готовъ былъ подчиниться, поселившись во Франціи и служа
Бонапарту. Консулъ требовалъ очень многого, и герцогъ предпочелъ
вернуться въ Россію. Но теперь не вижу, что его задерживаетъ; развѣ
только, что онъ не считаетъ положеніе прочнымъ короля, но, если смѣю
сказать, по моему мнѣнію именно это должно было бы заставить его
вернуться на свой постъ больше, чѣмъ какая нибудь личная выгода.
Пріятно было бы видѣть въ немъ благородный характеръ французскихъ

рыцарей, не рассчитывавшихъ ничего и знавшихъ только короля, честь и свою даму. Правда, по возвращеніи во Францію противъ герцога Ришелье говорило бы его нежеланіе поднять оружіе на Бонапарта. И это былъ также расчетъ... а, повторяю: всякій рассчитывающій рыцарь уже лишился духа своего сословія. Возьмите, на примѣръ, Эммануила Сень-При, Ланжерона, герцога Брольи и еще нѣкоторыхъ другихъ, не измѣнившихъ своимъ убѣжденіямъ и никогда не покидавшихъ прямого пути! Впрочемъ, не имѣя удовольствія быть лично знакомымъ съ герцогомъ Ришелье и не зная причинъ, которыми онъ можетъ руководиться, я не имѣю права его судить, и поэтому все, что говорю вамъ, не болѣе какъ отвлеченное разсужденіе, можетъ быть неосновательное, и которому я не придаю цѣны.

Г-жа Мятлева провела здѣсь двѣ недѣли; она уѣзжаетъ завтра. Хорошо ли вы знакомы съ ней? Знаете ли вы г-жу Мейланъ и ея мужа? Знаете ли г-жу Тончи, г-жу Жераръ, г-жу Елену Пушкину? Напишите мнѣ, пожалуйста, знакомы ли вы съ этими дамами? Пребываніе здѣсь г-жи Мятлевой заставило меня вращаться въ ихъ кругу, онѣ болтаютъ довольно умно на своемъ жаргонѣ, имѣютъ много претензій, вовсе лишены здраваго смысла, единственнаго, чему я придаю значеніе. Г-жа Мятлева точно королева среди всѣхъ ихъ, а эти дамы какъ будто трутся о нее около, чтобы позаимствовать отъ нея, хотя внѣшнимъ образомъ, то, чего въ нихъ нѣтъ и чего они не уловятъ, потому что качества, данныя отъ природы, не приобрѣтаются.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 27 Августа 1814.

Сегодня всѣ отправляются къ г-жѣ Демидовой, гдѣ домашній спектакль. Даютъ „Défiance et Malice“, а затѣмъ „Entrevue“. Участвуютъ хозяйка и знаменитая дѣвица Лунина. Обѣ играютъ хорошо. И я бы могла насладиться ихъ талантомъ, получивъ приглашеніе; но не воспользовалась имъ. Я такъ давно не была въ театрѣ, что совершенно отвыкла и не нахожу уже въ немъ удовольствія.

Вернувшись въ городъ, князь Борисъ разошлетъ карточки съ извѣщеніемъ о помолвкѣ Татіаны и у него будутъ приемы. Не знаю, что вамъ писала о Потемкинѣ г-жа де-Нуазевиль, но я не нахожу его Грандиссономъ черезъ мѣру; онъ сдержанъ и цѣломудренъ иногда до глупости. Онъ говоритъ, что влюбленъ, очень счастливъ, а смотря на него можно подумать, что онъ женится только потому, что маменька ска-

зала ему: „Женись, сынъ мой, я этого желаю“. Однимъ словомъ, тутъ что-то для меня непонятное, и я желала бы, чтобы вы увидали все, чтобы объяснить мнѣ. Г-жа де-Нуазевиль часто теряетъ терпѣніе, но такъ какъ нашъ женихъ грѣшитъ только избыткомъ добродѣтели, то мы рѣшаемся молчать. Молодой Юсуповъ, несмотря на всю свою взбалмошность и многое въ немъ смѣшное, часто бываетъ пріятнѣе своего своднаго брата. Нѣтъ, я не люблю Грандиссоновъ. Однако и Юсуповъ не въ моемъ вкусѣ.

Молодые супруги Bergamasque въ упоеніи другъ другомъ; маркизь называетъ жену *Лили*, а маркиза именуетъ его *Коко*. Теща вполне довольна, а также и братья. Шуваловъ пріѣхалъ, сегодня ему даютъ обѣдъ у Терци, гдѣ будутъ всѣ родные.

Интересно бы послушать Шувалова о его путешествіи съ Бонапарте,¹⁾ но не знаю, гдѣ мнѣ удастся увидать его. Онъ пріѣхалъ изъ Рима, привезъ съ собою старыя папскія туфли и много четокъ, благословенныхъ его святѣйшествомъ. Пріѣхалъ также генералъ Келеръ и г-нъ де-Ноаль, въ качествѣ министра, но не посла, вслѣдствіе чего Поццо ди-Борго можетъ остаться въ Парижѣ. Нѣкій графъ Лэзэ, племянникъ г-на де-Бріанъ, сказалъ мнѣ, что вашъ другъ Ла-Мезонфоръ назначенъ личнымъ секретаремъ короля и получилъ квартиру въ Тюльери. Это его развеселитъ и возвратитъ ему здоровье. Герцогъ Ришелье испросилъ отпускъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы съѣздить во Францію съ единственной цѣлью представиться королю; но онъ, повидимому, рѣшилъ остаться на службѣ Россіи, что очень просто, потому что у себя на родинѣ онъ почти чужой. Никто еще не видалъ г-на де-Ноаля; онъ остановился въ гостинницѣ и живетъ очень скромно; съ нимъ молодой Сень-Викторъ, родной племянникъ Сень-При, и графъ Ламуссели, атташе при посольствѣ. Какую роль будутъ играть эти господа, увидимъ, но можно предвидѣть, слава Богу, что не такую, какъ проконсулъ Коленкуръ.

Вы спрашиваете меня о вашемъ московскомъ начальникѣ? Онъ получилъ отставку по своему прошенію и, говорятъ, поселится со всей семьей въ Петербургъ. Наконецъ я его встрѣтила; мы провели вмѣстѣ вечеръ у г-жи Гурьевой; Ростопчинъ казался очень веселымъ собесѣдникомъ: всѣ имъ были довольны, и я также. Онъ жалуется на здоровье, но по моему снѣ имѣетъ видъ вовсе не плохой, лицо у него не такое желтое, какъ прежде. Вамъ на его мѣсто пришлютъ Тормасова или Горчакова. Кого вы желали бы? Того мы вамъ и пришлемъ.

¹⁾ Шуваловъ сопровождалъ Наполеона на о-въ Эльбу.

КРИСТИНЪ.

Москва, 3 Сентября 1814 г.

Я уже давно замѣтилъ, что скупость изсушаетъ сердце и наконецъ дѣлаетъ смѣшнымъ тѣхъ, кто ей поддается. Но несмотря на это, часто повторяющееся наблюденіе, я не могу не удивляться, когда вижу, какъ богатые люди дѣлаютъ изъ-за какихъ-нибудь копѣекъ гадости, *изобличающія ихъ!* Какъ это у нихъ не хватаетъ ума, чтобы противиться такимъ низменнымъ искушеніямъ. Сажени дровъ, стоящей 10—15 руб. было бы достаточно, чтобы доставить удовольствіе на недѣлю и доказать, что вы обязательны... Нѣтъ, страсть подсказываетъ сотню ложныхъ причинъ, скрывающихъ настоящую, и все же ее не скроешь. И вотъ любовь къ этимъ 15 рублямъ оказывается въ сердцѣ лица, имѣющаго триста тысячъ доходу и тратящаго только четверть этой суммы. Какія мы презрѣнныя созданія! Ибо тѣ, кто не скупъ, имѣютъ другія слабости, которыя тщетно скрываютъ, и на всѣхъ на насъ, сколько насъ ни есть, лежитъ печать нашихъ прародителей. Чужія несовершенства заставляютъ меня смиряться, такъ какъ я начинаю сознавать, что и я имѣю свои недостатки, столь же видимые для чужихъ глазъ, хотя самолюбіе и обманываетъ часто въ этомъ отношеніи.

Скажите мнѣ: унаслѣдовалъ ли молодой Потемкинъ скупость отъ своей матери? Надѣюсь, что нѣтъ, такъ какъ онъ Грандиссонъ. Досадую на себя, что не сообщилъ вамъ раньше мысли, пришедшей мнѣ: если у этого молодого человѣка есть сердце, ему слѣдовало бы сдѣлать что-нибудь для г-жи де-Нуазевиль; что ему стоило бы пожертвовать сотней крестьянъ изъ десяти тысячъ, дарованныхъ ему Небомъ. Грандиссонъ сдѣлалъ бы еще не то для гувернантки Генриетты Байронъ; а чѣмъ же Татіана хуже этой англичанки. Но часто люди, имѣющія наилучшія намѣренія, не дѣлаютъ того, что должны бы сдѣлать потому, что никто не наводитъ ихъ на подобную мысль. Не удастся ли вамъ пробудить въ молодомъ человѣкѣ такое намѣреніе, подѣйствовавши на его самолюбіе. Говорю „пробудить“, потому что, если его сердце доступно благодарности, мысль эта должна сама собой найтись въ его душѣ. Г-жа де-Нуазевиль не обыкновенная гувернантка, не подарками платьевъ или шалей можно выразить ей свою благодарность. Ее необходимо обезпечить, чтобы она могла имѣть пріятную, независимую старость, не прибѣгая ни къ чьей помощи, потому что только въ такомъ случаѣ является возможность сохранить всѣхъ своихъ друзей.

Ничто такъ не располагаетъ любить насъ, какъ если мы не нуждаемся въ людяхъ, которые насъ любятъ. Подумайте, что можно внушить вашему Грандиссону въ этомъ отношеніи. Вы такимъ образомъ сдѣлали бы дѣло, достойное васъ. Но прошу васъ, сохраните въ секретъ мою просьбу, потому что какъ бы ни были хороши руководящія намѣренія, смѣшно вмѣшиваться въ дѣла человѣка, котораго никогда не видалъ. Татіана могла бы попросить его о томъ; это было бы очень умѣстно.

Я радъ, что вы переѣхали въ городъ: при той ужасной погодѣ, какая стоитъ, вы бы навѣрное простудились.

Извините меня, но *Лили* и *Коко* смѣшны, если людямъ не 15 лѣтъ; а вѣдь *Лили* 25. Ну, дай Богъ, чтобъ этотъ *Коко* имъ и остался; измѣненіе одной гласной *) внесло бы ужасное измѣненіе въ эту супружескую нѣжность. Однако, извините: я забылъ, что пишу не г-жѣ де-Нуазевиль; эта шутка для нея, а не для фрейлины; но уже слишкомъ поздно, чтобы начать посланіе сначала.

Вотъ письмо отъ графини Толстой, которая проситъ васъ переслать его мужу черезъ г-жу Гурьеву. Она получила письмо отъ 30 Іюля изъ Альтоны; графъ уже три мѣсяца не получалъ отъ нея писемъ. Онъ еще не знаетъ, когда ему можно будетъ вернуться.

Я ничего не слыхалъ объ этомъ мѣстѣ *Ла-Мезонфора*, мнѣ кажется, это ложное извѣстіе, потому что онъ не писалъ мнѣ ничего подобнаго въ своемъ письмѣ отъ 1 Августа. Прощаюсь съ вами, чтобы отправиться обѣдать къ г-жѣ Мятлевой, уѣзжающей только сегодня. Мнѣ жаль ея общества: она любезна, добра и весела, что часто составляетъ самое притягательное качество въ обществѣ.

Не могу скрыть, что Москва въ восторгѣ отъ отставки Ростопчина. Рассказываютъ, будто онъ написалъ женѣ: „Наконецъ Его Величество оказалъ мнѣ милость, избавивъ меня отъ управленія этой *мошенницей*“. Не ручаясь за подлинность фразы, во всякомъ случаѣ могу васъ увѣрить, что *мошенница* въ долгу у него не остается и платитъ ему той же монетой.

*) Игра словъ; измѣнивъ въ имени *Сосо* послѣднее *о* на *и*, получается *сосои*, т. е. рогатый.

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ, 3 Сентября 1814.

Я нахожу поступокъ г-жи Толстой, требующей возвращенія племянниковъ черезъ Прадоля, совершенно неприличнымъ. Дай Богъ, чтобы г. Морковъ не догадался о настоящей причинѣ этого выступленія и приписалъ бы чувству поспѣшности, проистекающую только изъ гордости. Да, тутъ одна гордость, и я не понимаю, чтобъ ее такъ ставили на первый планъ, да еще при той религіозности, которую мнѣ часто приходилось наблюдать въ графинѣ Толстой. Ахъ, Боже мой, какое же значеніе имѣютъ выполненіе обрядовъ, хожденіе къ обѣдни, чтеніе! Повидимому, все это только внѣшнее. А между тѣмъ вѣдь не это проповѣдывалъ намъ Тотъ, къ Кому мы обращаемся съ подобнымъ служеніемъ. Самоотреченіе, уничтоженіе, полное смиреніе—вотъ что нужно и чего здѣсь нѣтъ. Каково бы ни было горе г-жи Толстой, она не должна была бы поддаваться первому чувству, которое можетъ оскорбить человѣка, постушившаго прекрасно. Мнѣ кажется, я на ея мѣстѣ написала бы г-ну Моркову, благодаря его за участіе, оказанное имъ въ этомъ случаѣ, и только послѣ подобной благодарности попросила бы прислать дѣтей. Я увѣрена, что г. де Сенъ-При поступилъ бы такъ же, и, скажу вамъ, что его братъ Людовикъ, находящійся здѣсь, непріятно пораженъ поступкомъ графини. Онъ съ своей стороны поспѣшилъ написать г. Моркову, чтобы выразить ему свою благодарность. Кромѣ того, какъ вы замѣчаете совершенно вѣрно,—что неприличное могутъ увидать дѣти, и что они понимаютъ въ этомъ возрастѣ? Развѣ лучше было бы оставить ихъ у евреевъ, гдѣ умерла мать? Это было бы безсмыслицей, и еще разъ я не одобряю поступка графини Толстой, и если какъ нибудь рѣчь зайдетъ объ этомъ между нами, я безъ обиняковъ выскажу ей свое мнѣніе.

Г-жа де-Нуазевиль была у меня вчера; она прочла мнѣ ваше послѣднее письмо, и вовсе не желая умалять достоинство г-жи Мятлевой, которую вы находите такой любезной и очаровательной—какова она и есть на самомъ дѣлѣ—я все же нахожу, что вы нѣсколько преувеличиваете, сравнивая ее съ другими женщинами, совершенно незначительными. Она воспитана, жила съ дѣтства при дворѣ и въ большомъ свѣтѣ, считающемся хорошимъ, во всякомъ случаѣ представляющимъ всѣ блестящія стороны цивилизаціи, и гдѣ надо имѣть тактъ, вкусъ, хорошія манеры. Г-жа Мятлева провела свою жизнь въ этой

средѣ, слѣдовательно, совершенно естественно, что она такова, какова есть, хотя бы въ ней и не было ничего особеннаго. Она, можетъ быть, лучше многихъ другихъ, но я не нахожу въ ней ничего выдающагося и увѣряю васъ, что она произвела на васъ нѣкоторое впечатлѣніе только потому, что за послѣднее время вы встрѣчали однихъ гримасницъ въ родѣ Елены Пушкиной и компаніи. У васъ слишкомъ развитой вкусъ, чтобы любить подобный жанръ и не распознать неподдѣльнаго. Я все это сказала г-жѣ де-Нуазевиль, но прошу васъ не думать, чтобы я относилась къ г-жѣ Мятлевой несправедливо. Боже, меня сохрани!

Какой день 30 Августа здѣсь! Сколько осчастливленныхъ людей, сколько пожалованныхъ милостей, сколько сіяющихъ лицъ! Есть пожалованные въ князья, въ камергеры, въ кавалерственныя дамы ордена Св. Екатерины,—словомъ радость полная. Однимъ почеркомъ пера создано десять сіятельствъ, ибо всѣ Салтыковы стали ими; одиннадцать дамъ получили орденъ Св. Екатерины; съ полдюжины лицъ произведены въ камеръ-юнкеры. На долю моихъ друзей на набережной выпалъ орденъ Св. Владиміра 1-й степени въ ту минуту, когда думали, что все рухнетъ для нихъ. Я очень рада, что они опять всплыли на поверхность, хотя многимъ это принесло огорченіе. Я провела у нихъ вечеръ 30; удовольствіе старались сдерживать; но что меня забавляло—это толпа, явившаяся поздравить съ лентой столь неожиданной, но поднявшей акціи семьи; и я увѣрена, что среди этой толпы были многіе въ душѣ бѣсившіеся. Какъ все это жалко!

Я видѣла г. де-Ноая, аккредитованнаго посломъ въ полной формѣ и беру назадъ всѣ свои слова по этому поводу. Это человѣкъ лѣтъ 35, пріятной внѣшности и скромный на видъ. Говорятъ, что онъ нѣсколько ограниченъ; не могу ничего сказать на этотъ счетъ. Проведя съ нимъ вечеръ у княгини Борисъ, я слышала, какъ онъ бесѣдовалъ съ г. де-Местромъ о литературѣ. Все, что онъ говорилъ, было очень кстати; съ меня и этого достаточно. Ему устроили великолѣпный пріемъ, чѣмъ онъ, повидимому, остался очень доволенъ. Онъ все еще живетъ въ гостинницѣ „Европа“, но полагаютъ, что займетъ особнякъ, гдѣ жилъ Коленкуръ. Поццо поселился въ отелѣ Телюссонъ, но такъ какъ онъ не имѣетъ полномочій посла, то, вѣроятно, уступить свое помѣщеніе другому. По здѣшнимъ слухамъ его преемникомъ будетъ или Кочубей, или баронъ Строгоновъ, находящійся въ Швеціи.

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ, 14 Сентября 1814 г.

Съ нетерпѣніемъ жду возвращенія сестеръ; 3-го ихъ еще не было въ Москвѣ. Г-жа Апраксина собирается уѣхать на будущей недѣлѣ. Не пишите мнѣ больше сюда; однако не говорите, пока, ничего у тетушки. Если бы меня что-нибудь задержало, она стала бы тревожиться, а я не хочу ее беспокоить.

Изъ вашихъ разсужденій о томъ, что Потемкинъ долженъ былъ бы сдѣлать для г-жи де-Нуазевиль, видно, что вы живете въ 728 верстахъ отъ Петербурга. Еслибъ вы были на мѣстѣ дѣйствія, вы увидали бы, что трудно внушить благія мысли человѣку настолько апатичному. Вы себѣ представить не можете равнодушія этого молодого человѣка, даже невѣстѣ не оказывающаго вниманія больше, чѣмъ необходимо, а о другихъ ужъ и говорить нечего. Вначалѣ я думала, что онъ растерялся отъ счастья, но теперь вижу, что уже таковъ онъ по природѣ. Онъ увѣренъ, что женится на Татіанѣ и потому не тревожится: ничто его не волнуетъ и не трогаетъ; у него нѣтъ дурной мысли; онъ не сдѣлаетъ дурного поступка; но можно ручаться, что никогда великодушный порывъ или что-либо живое, страстное не проснется въ его душѣ. Онъ какъ будто не думаетъ ни о чемъ, а между тѣмъ не разсѣянъ и не занятъ. Богъ его знаетъ, о чемъ онъ думаетъ; мы ровно ничего не понимаемъ. Предположимъ, что Татіана вечеромъ пожаловалась на легкое нездоровье; на слѣдующій день онъ не пришлетъ освѣдомиться, самъ не придетъ раньше 3 часовъ—своего обычнаго часа, и ужъ много, если увидавъ свою хорошенькую невѣсту, вспомнить, что ей нездоровилось наканунѣ. До сихъ поръ у него нѣтъ дома, онъ не завелъ лошадей; а когда ему говорятъ объ этомъ, онъ отвѣчаетъ: „Подумаю“, и конецъ. Однажды онъ попросилъ меня переговорить съ княгиней, чтобы поторопиться свадьбой; я замѣтила, что ему негдѣ поселиться съ женой. А онъ отвѣтилъ: „Да, это правда, надо подумать“ и не сдѣлалъ ни шагу, чтобы найти домъ. Понимаете вы все это? И какъ послѣ того, у такого человѣка могла бы явиться мысль подобная той, которая пришла вамъ въ голову! Это невозможно; и даже, если ему ее внушить, онъ никогда не отзовется на нее. Вотъ каковъ нашъ женихъ въ ожиданіи свадьбы. Послѣ того, прошу васъ избавить меня отъ совѣтовъ ему.

Я показала ваше письмо г-жѣ де-Нуазевиль, и мы посмѣялись вашей фантазіи. Г-жа де-Нуазевиль смотритъ на Потемкина тѣми же глазами, что я, и покоряется судьбѣ, надѣясь, что Татіана будетъ управлять мужемъ и найдетъ счастье. Его спокойствіе иногда выводитъ княгиню изъ себя, и она не можетъ удержаться, чтобъ не высказать ему этого; но видя, что дочь не протестуетъ, въ концѣ концовъ умолкаетъ, тѣмъ болѣе, что его нельзя упрекнуть ни въ чемъ предосудительномъ съ самого рожденія. Но вы правы, говоря, что г-жа де-Нуазевиль заслуживаетъ, чтобы позаботились о ея будущности. Это не обыкновенная гувернантка; она хорошо воспитала этихъ молодыхъ дѣвушекъ, и разница между тремя меньшими и старшей говоритъ безусловно въ пользу воспитательницы. Во всякомъ случаѣ я обезпечила бы г-жу де-Нуазевиль не крестьянами, а деньгами; она распорядилась бы ими по своему усмотрѣнію. Мнѣ кажется, что главное для нея было бы перевезти и устроить въ Россіи ея дочь съ дѣтьми. Если бы у нея были средства выписать ихъ, я не сомнѣваюсь, что она сдѣлала бы это немедленно.

Нѣсколько записокъ 1814 года.

(Изъ времени пребыванія княжны въ Петербургѣ).

Если бы я не любила васъ, милый Крестинъ, какъ люблю, то, увѣряю васъ, никогда въ жизни не позволила бы себѣ высказать свое мнѣніе о данной особѣ. Богъ по своей милости далъ мнѣ сердце неспособное дѣлать зло. Я вполне понимаю ваше поведеніе и нахожу эту женщину очень счастливой при всѣхъ постигшихъ ее невзгодахъ. Немногіе люди обладаютъ вашей деликатностью и думаютъ какъ вы. Но, повторяю, я понимаю и то и другое. Если когда нибудь случай сведетъ меня съ г-жей Б., будьте увѣрены, что я отнесусь къ ней не такъ, какъ всѣ ваши знакомые, а съ особеннымъ удовольствіемъ поступлю сообразно вашимъ желаніямъ; моя нѣжная и искренняя дружба къ вамъ не измѣнится ни въ какомъ случаѣ.—Большое спасибо за бумагу *Joseph*; я буду ее очень беречь.—Сестра спала хорошо; никого не разбудили и не побеспокоили; я одна не спала. Я легла въ грустномъ настроеніи, и это нѣсколько мѣшало мнѣ спать; но подъ утро я заснула и пишу вамъ, еще лежа въ постели.

Вы мнѣ сдѣлали прекрасный подарокъ, приславши щетки; онъ для меня очень цѣненъ; но вы бы могли мнѣ подарить простыя безъ всякой серебряной оправы. Повторяю, вы удивительно щедры и ра-

зоряетесь изъ-за трехъ сестеръ, постоянно дѣлая намъ подарки. Я сохраню вашу записку, чтобъ побѣсить Титова. Разъ эта роковая княгиня Горчакова пригласила васъ вечеромъ, приходите къ обѣду. Катя провела ночь хорошо и чувствуетъ себя здоровой.

*

Не думаю, чтобы сестрѣ можно было выѣхать вечеромъ, милый Крестинъ, хотя сегодня она чувствуетъ себя хорошо. Вчера она была у князя Θεодора, наконецъ приѣхавшаго. Сегодня у г-жи Пушкиной бостонъ, который ей не подходитъ. Г-жа Апраксина у г-жи Волковой. Однимъ словомъ предвижу, что она остается дома, а такъ какъ мнѣ хотѣлось бы собраться съ мыслями хотя въ продолженіе часа, то умоляю васъ приѣхать къ намъ и занять сестру; можетъ быть, вы ее увезете къ князю Θεодору, который будетъ радъ ей. Устройте это, милый, и доставьте мнѣ нѣсколько свободнаго времени, чтобы исполнить мои обязанности: вы окажете мнѣ большое одолженіе.

*

Вы очень вѣрно предсказали: погода или, можетъ быть, ходъ болѣзни не давали намъ дня на столько хорошаго, какъ вчерашній: между тѣмъ припадокъ былъ не такъ силенъ и былъ короче: онъ начался въ часъ по полудни и кончился около шести. Прежде онъ продолжался цѣлый день. Надѣюсь, что ночь пройдетъ хорошо. Мнѣ досадно, что нездоровье лишаетъ меня удовольствія видѣть васъ у себя; я рассчитывала на это, потому что вы баловали меня всѣ эти дни, и съ надеждой ждала наступленія обычнаго часа; когда мнѣ принесли записку, надежда исчезла; но признаться ли вамъ? Еще не прочтя записку, я подумала, что вамъ мѣшаетъ приѣхать глупый балъ у князя Георгія Долгорукаго. Простите мнѣ, прошу васъ, это подозрѣніе. Проглотите три порошка сѣры и поправитесь.

*

Понимаете ли вы Θεодора, и видана ли подобная разсѣянность? Пригласить насъ обѣдать и уѣхать въ тотъ же день. Мы поспѣшили къ г-жѣ Апраксиной, къ нашему обычному прибѣжищу, а вы куда дѣвались? Мнѣ, право, досадно, что я заставила васъ пройтись, чтобъ поклониться двери любезнаго князя Георгія.

*

Дѣло обошлось лучше, чѣмъ я ожидала, потому что ночь прошла хотя и не вполне спокойно, но сносно. Но помните мое отчаяніе, когда утромъ, одѣвшись я увидала, что сестра не хочетъ итти въ церковь, ссылаясь на страхъ, и увѣряя, что убѣжить оттуда. Наконецъ я добилась, чтобы она пошла со мной и имѣла счастье видѣть, что она не безучастно подошла къ Св. Причастію. Она сильно плакала,

и я привела ее домой болѣе спокойной. Послѣ того было опять два припадка; однако видно, что она старается удержаться отъ нѣкоторыхъ движеній, и я поддерживаю ее въ борьбѣ, высказывая, что она должна быть увѣрена въ побѣдѣ въ такой день какъ сегодня. Пока я пишу вамъ, она въ гостинной съ Титовымъ, г-жей Апраксиной и тетушкой; дѣло идетъ сносно; можетъ быть произойдетъ улучшение; я вѣрю въ милосердіе Божіе. Но я, милый Крестинъ, я несчастная; я совершила великій грѣхъ въ день Рождества, сильно разсердилась на самаго ужаснаго изъ дядей. Увѣряю васъ, что онъ невыносимъ.

*

Вчера сестра чувствовала себя хорошо; насъ весь день не было дома: утромъ были у княгини Голицыной, чтобы видѣть персидскаго посла, обѣдали у г-жи Апраксиной, вечеръ снова провели у Θεодора, гдѣ оставались до полуночи. Сестра спала хорошо, проснулась веселѣе обыкновеннаго, но къ полудню снова наступило дурное расположеніе духа, и до сихъ поръ она еще не спокойна. Однако я отвезу ее къ князю Θεодору, гдѣ она поиграетъ въ бостонъ. Если вы придете къ намъ теперь, то застанете; если же нѣтъ, то предупреждаю, что въ семь насъ уже не будетъ. То, что вы мнѣ говорите о себѣ, совершенно лишено смысла; вы никогда не надоѣдите мнѣ, но всегда будете для меня интересны. Я васъ очень люблю и думаю, что вы также ко мнѣ привязаны, слѣдовательно должны быть убѣждены, что я хочу васъ слышать всегда. Даже говоря со мной какъ съ духовникомъ, вы бы не переступали границъ: такъ должно быть между людьми понимающими и любящими другъ друга. Слышите вы это, милостивый государь?

(Княжна Туркестанова уѣхала обратно въ Петербургъ 3 Января 1815 г., увозя съ собой одну изъ своихъ сестеръ, почти лишившуюся разсудка за четыре мѣсяца до того).

ПО ПУТИ НА ИНДІЮ

I.

Минуло въ текущемъ (1913) году двѣсти лѣтъ со времени задуманнаго Петромъ Великимъ весьма важнаго для обогащенія Россіи предпріятія—отысканія торговаго пути въ Индію, неосуществленнаго только потому, что во главѣ его были поставлены люди, далеко не отличавшіеся честностью, добросовѣтностью, опытомъ и запасомъ нужныхъ знаній. Большую ошибку сдѣлалъ въ этомъ случаѣ геніальный вождь, довѣрившись не личному выбору, а... протекціи...

Объ этомъ печальномъ событіи писалось у насъ, правда, много; однако въ большинствѣ изданныхъ сочиненій предшествовавшія и сопровождавшія его обстоятельства недостаточно освѣщены съ патріотической точки зрѣнія, и въ иныхъ—встрѣчаются и невѣрныя свѣдѣнія, основанныя на слухахъ, а не на фактахъ, благодаря чему не вяжутся они ни съ дѣйствительностью, ни съ здравой логикой. Даже позднѣйшія изслѣдователи „Хивинскаго похода“ А. Хребтовъ и генераль И. Д. Попко допустили въ свои произведенія многія несообразности.

Пользуясь недавно отысканными документами Астраханскаго архива и малоизвѣстными изысканіями академика Миллера, тайн. сов. Соймонова, доктора Лерха (въ „Сочиненіяхъ и переводахъ ежемѣсячныхъ“ 1760, I, 1763 т. II, и за 1790—1791 гг.), рѣшаюсь припомнить въ настоящую годовицу печальную участь, постигшую замышленное предпріятіе. Мнѣ хочется отгнать болѣе закулисную сторону его, о которой мало кто вѣдаетъ...

Великій императоръ однимъ изъ первыхъ обратилъ самое серьезное вниманіе на юго-восточныя окраины наши, мечтая черезъ нихъ

завязать прочныя торговыя сношенія съ Средней Азіей и особенно съ богатыми странами—Бухаріей и Индіей. Обстоятельства свачала благопріятствовали его замысламъ. Организованная въ 1713 году, по его иниціативѣ, сибирскимъ губернаторомъ княземъ Голицынымъ экспедиція отыскала въ верховьяхъ р. Амура залежи „песочнаго“ золота. Немного времени спустя было получено извѣстіе о существованіи такого же металла на полуостровѣ Мангышлакъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то р. Аму-Дарья несла свои воды въ бурное Каспійское море. Какъ было донесено Петру, жившіе на этомъ полуостровѣ туркмены нарочно „не задолго передъ тѣмъ“ отвели ея теченіе въ Аральское море, „дабы привести себя въ безопасность отъ всякихъ нападений“ *).

Полуостровъ этотъ находился въ верхней части Тукъ-Карагайскаго залива, куда удобно было проникать на судахъ изъ Астрахани. Купцы послѣдней—русскіе и татары—часто набѣжали туда для торговыхъ дѣлъ съ туркменами. Къ одной изъ такихъ компаній въ томъ же 1713 году явился „знаменитый мужъ Ходжа Нефисъ, туркменскаго колѣна Сапырь“, и просилъ, чтобы его взяли въ Астрахань, такъ какъ онъ имѣетъ сообщить русскому императору предложеніе, „касающееся до великой пользы Россійскаго Государства“.

Нефиса отправили въ Петербургъ, гдѣ онъ настойчиво убѣждалъ государя взять подъ свое покровительство лежащую по р. Аму-Дарьѣ страну, въ которой находится песочное золото, увѣряя при этомъ, что туркмены будутъ помогать ему въ его предпріятіяхъ. Прибывшій слѣдомъ въ столицу князь Голицынъ подтвердилъ это показаніе. Тоже самое говорилъ и бывший при русскомъ дворѣ хивинскій посланникъ, предложившій императору построить на старомъ устьѣ Аму-Дарьи крѣпость съ гарнизономъ въ 1000 человекъ.

Доставленныя свѣдѣнія заинтересовали Великаго Петра. Желая „доставить песочное золото въ свою землю черезъ купечество и открыть затѣмъ Россіи новую для торговли дорогу въ Индію“, онъ прежде всего рѣшилъ произвести изслѣдованіе, „подлинно ли р. Аму отведена въ Аральское море и возможно ли ее вернуть въ прежнее русло“.

*) По свѣдѣніямъ „Топографіи Оренбургской губерніи“ Рыжова, Аму-Дарья была завалена хивинцами послѣ одного набѣга Яицкихъ казаковъ на ихъ владѣнія подъ начальствомъ атамана Печая. П. Ю.

Дѣло это было поручено Кабардинскому князю Александру Бековичу, знавшему татарскій языкъ, который служилъ въ Императорской гвардіи капитаномъ поручикомъ.

По словамъ академика Миллера, онъ пользовался большимъ расположеніемъ государя, какъ вѣрный и преданный ему слуга, отличавшійся „благоразуміемъ“, „бодростью“ и всѣми тѣми качествами. „кои въ произведеніи такого дѣла казались потребными“. Но едва ли можно согласиться съ такимъ мнѣніемъ, ибо, кромѣ указанныхъ достоинствъ. въ столь опасномъ и отвѣтственномъ назначеніи, требовались еще доля опытности и нѣкоторыя научныя познанія, которыми, къ сожалѣнію, не обладалъ туземный князь, мало чему обучавшійся и совершенно незнакомый съ жизнью и запросами русскаго народа. Скорѣе всего въ данномъ случаѣ играло роль его близкое родство съ вліятельными правительственными сферами, среди которыхъ въ ту пору не послѣднее положеніе занималъ вышеуказанный сибирскій губернаторъ, князь Голицынъ, на дочери коего онъ былъ женатъ. Безъ сомнѣнія въ этомъ дѣлѣ старался больше сіятельный тестъ для того, чтобы такъ или иначе выдвинуть своего „милаго зятюшка“, ради благополучія дочери. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Бековичъ на первыхъ же порахъ сталъ прибѣгать, для прославленія себя, къ такимъ приемамъ, которые ничуть не рекомендовали его, какъ честнаго исполнителя царской воли и добросовѣтнаго слугу Родины.

Вмѣсто того, чтобы, ради успѣшнаго окончанія порученнаго дѣла, подобрать себѣ людей знающихъ и опытныхъ и немедленно приступить къ подготовительной работѣ, онъ, по полученіи назначенія, поѣхалъ гостить въ Кабарду, откуда захвативъ нѣсколько „вѣрныхъ своихъ пріятелей“, лишь весной 1715 года направился изъ Астрахани воднымъ путемъ къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря для отысканія стараго устья Аму-Дарьи. Признаки ея показались ему въ заливѣ Карабугасъ. Но онъ, не провѣривъ этого обстоятельства тщательно, поспѣшилъ возвратиться въ Петербургъ, чтобы повѣдать царю о результатѣ развѣдокъ.

Въ то время Петръ собирался за границу. Князь (въ Январѣ 1716 года) едва успѣлъ захватить его въ Либавѣ, откуда императоръ готовился къ отплытію въ Копенгагенъ, и высказалъ ему „великую надежду о добромъ окончаніи сего предпріятія“, представивъ составленную имъ карту восточныхъ береговъ Каспійскаго моря. Государь,

видимо, остался доволенъ сообщенными свѣдѣніями и въ награду за ревностную службу пожаловалъ его чиномъ капитана гвардіи.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, пылкій и энергичный царь изъ Либавы же (14 Января) послалъ сенату указъ, требуя немедленно снарядить къ Хивинскому хану посольство, поставивъ во главѣ его Бековича, съ тѣмъ, чтобы онъ совершилъ свой путь подлѣ р. Аму-Дарьи, осмотрѣлъ прилежно ея теченіе, существующія на ней плотины, и сдѣлалъ выводы, какимъ образомъ возможно обратить ее въ старыи токъ, заперевъ все прочія устья, идущія въ Аральское море.

Въ особой за своимъ подписомъ инструкціи Петръ Великій указывалъ устроить на этой рѣкѣ морскую гавань и около нея крѣпость, „а буде можно“, по осмотрѣ, то соорудить таковую же, или городъ, близъ плотины Аму-Дарьинской.

Князю велѣно настойчиво склонять Хивинскаго хана къ вѣрности и подданству Россіи, „объщая ему наследственное владѣніе ханствомъ“, для чего разрѣшалось оставить на службѣ у него часть нашей гвардіи, дабы „онъ за то радѣлъ къ нашимъ интересамъ“.

Но особенно требовалъ императоръ,—убѣдить послѣдняго въ посылкѣ съ двумя русскими „своихъ людей“ „водою вверхъ по Сыр-Дарьѣ до г. Яркенда для смотрѣнія золота“, и на отправку одного купчины по Аму-Дарьѣ для отысканія ближайшаго и удобнаго „водяного или сухого“ пути въ Индію.

Кромѣ того, поручалось Бековичу, „будучи въ Хивѣ, развѣдать и о бухарскомъ Эмирѣ и ежели можно, склонить его въ подданство, а если нельзя, то хоть добиться отъ него дружбы“.

Съ этою цѣлью были заготовлены грамоты въ Хиву. Бухару и Великому Моголу Индѣйскому.

Для выполненія намѣченнаго плана Государь повелѣлъ нарядить изъ морскихъ офицеровъ поручика Кожина и „пять или болѣе навигаторовъ“, ради „употребленія ихъ въ посылки“: однихъ въ Индію, другихъ къ Яркенду, съ развѣдываніемъ о существующихъ тамъ „пряныхъ зельяхъ и другихъ товарахъ“, при чемъ въ помощь Кожину приказано дать „двухъ добрыхъ, но не старыхъ людей изъ купчества“.

Посольство предполагалось отправить из Астрахани подъ видомъ торговаго каравана, въ сопровожденіи 100 драгунъ и 2 тыс. казаковъ, возложивъ на послѣднихъ постройку крѣпостей, подъ наблюденіемъ двухъ инженеровъ „изъ Колоновыхъ учениковъ“, для чего хотѣли снабдить ихъ кирками и лопатами. На охрану же заводимыхъ городовъ отрядить 4 тыс. регулярныхъ войскъ.

Слѣдомъ за этимъ 27 Января былъ командированъ флота лейтенантъ Александръ Кожинъ произвести осмотръ восточной части Каспійскаго моря съ тѣмъ, чтобы сдѣлать самое подробное, по морскимъ правиламъ, описаніе береговъ его, впадающихъ рѣкъ, гаваней, острововъ, съ положеніемъ всего того на карту; провѣрить карту, доставленную кн. Бековичемъ, и, гдѣ нужно, исправить ее.

Каково же было въ послѣдствіи удивленіе лейтенанта, когда составленная имъ карта не имѣла ни малѣйшаго сходства съ картой князя, которую послѣдній чертилъ „больше по словеснымъ извѣстіямъ, чѣмъ по собственному изслѣдованію“. Оказалась громадная разница съ дѣйствительностью. Но вмѣсто того, чтобы исправить, или хотя сознать сдѣланную ошибку, Бековичъ по прежнему упорно держался своихъ убѣжденій, сознательно обманывая тѣмъ императора, ради сохранения за собой репутаціи усерднаго и способнаго офицера...

II.

Все лѣто 1716 года провелъ князь въ приготовленіяхъ къ предстоящему морскому походу. Изъ находившихся въ Казани шведскихъ плѣнниковъ составилъ онъ эскадронъ драгунъ подъ начальствомъ „искуснаго и храбраго“ майора Каспара Фронхенберга, „дворянина изъ Силезіи“. Тамъ же принялъ онъ Пензенскій пѣхотный полкъ. Изъ Воронежа прибылъ къ нему полкъ Крутоярскій, а въ Астрахани къ отряду этому присоединился Риддеровъ полкъ.

Ему было приказано совершить морское путешествіе съ этими тремя полками. Драгуны и казаки пока оставались „въ сборѣ“, такъ какъ имъ предстоялъ сухопутный походъ только въ слѣдующемъ году.

Помимо корабельныхъ мастеровъ и разнаго ремесленнаго люда, въ составъ экспедиціи были назначены морскіе офицеры: капитаны

Лебедевъ и Рентель, лейтенанты Давыдовъ, Кожинъ и Унтерлейгента и штурманъ Брандъ, а также туркменецъ Ходжа Нефисъ. Отрядъ размѣстился на 100 судахъ, частію взятыхъ готовыми въ Астрахани, частію нарочито построенныхъ въ Казани.

Въ половинѣ Сентября 1716 года экспедиція вышла въ открытое море, направившись къ мысу Тукъ-Караганъ, гдѣ, „для поспѣшествованія сообщеній“ съ Астраханью, была заложена первая русская крѣпость, названная Тукъ-Карагайской, въ 150 верст. отъ устья р. Эмбы и въ 250 вер. отъ Гурьева городка. Гарнизонъ въ ней былъ оставленъ Пензенскій полкъ съ командирами его полковниками Ѳаддеемъ Сеитов. Хрущовымъ и подполковниками Иван. Иван. Анненковымъ и Петр. Алексѣев. Соковнинымъ.

Въ 120 верс. къ югу отъ него находился другой заливъ, соединившійся съ Каспійскимъ моремъ узкимъ каналомъ, который по имени Бековича былъ названъ Александромъ-баемъ. Здѣсь князь заложилъ другую крѣпость—Александровскую, оставивъ въ ней, вслѣдствіе безопасности мѣстоположенія отъ непріятельскихъ нападений, три пѣхотныя роты подъ командой одного маіора.

Подавшись на 300 верстъ далѣе по побережью морскому, при заливѣ Карабугасъ устроили еще крѣпость Красноводскую, которою заняли полки Крутоярскій и Ридеровъ.

Какъ объявили туркмены, въ ста верстахъ отсюда находилось то мѣсто, гдѣ раньше Аму-Дарья впадала въ Каспійское море. Отыскавъ этотъ слѣдъ, Бековичъ прошелъ нѣсколько времени въ глубь степи. Верстъ за пять отъ берега кое-гдѣ попадались ему раковины. Но дальше пропали всякіе признаки, по которымъ можно было бы судить о древнемъ руслѣ туркменской рѣки. Однако, не смотря на увѣренія поручика Кожина, что и эти мнимые слѣды ничуть не доказываютъ прежняго ея положенія, князь настойчиво утверждалъ, что найдетъ плотину, если будущимъ лѣтомъ пойдетъ въ этомъ направленіи съ драгунами и казаками.

Онъ не сталъ вдаваться въ дальнѣйшія изслѣдованія Каспійскаго побережья, собрался и, поручивъ начальство надъ построенными городами коменданту Красноводской крѣпости, полковнику Фонъ-дербъ-Вейдену, вдвоемъ съ Кожинымъ, отправился, „по причинѣ замерзанія

моря“, сухимъ путемъ черезъ Гурьевъ городокъ, въ Астрахань. куда прибылъ въ Февралѣ 1717 года.

Повидимому, онъ торопился выполнить послѣднее и болѣе важное порученіе царя—посольскую миссію къ хану Хивинскому, владѣнія котораго находились на востокъ отъ Каспійскаго моря, за трудно проходимыми пустынными степями, гдѣ не было ни рѣкъ, ни озеръ, а воду приходилось добывать изъ нарочито устраиваемыхъ проходящими караванами колодезь.

Страна эта была расположена по берегамъ р. Аму-Дарьи и представляла собой небольшое и мало-сильное государство, промышленявшее торговлей, разбоями и сбытомъ плѣнниковъ изъ персіянъ и русскихъ, которыхъ иногда накапливалось тамъ до 10 тыс. человекъ. Хивинцы заставляли ихъ обрабатывать рисовыя и хлопковыя поля и проводить арыки для орошенія послѣднихъ. Доставляли этихъ плѣнниковъ туда киргизъ-кайсаки, кочевавшіе между Аму-Дарьей и устьями рѣкъ Эмбы и Яика. туркмены мангыгиланскіе, а иногда и приволжскіе калмыки. Отсюда продавали ихъ въ другія владѣнія Великой Бухаріи.

Населеніе Хивы составляли по городамъ сарты, „отправлявшіе купечество“, народъ тихій и смирный, и узбеки, жившіе своими юртами въ „полѣ“ и занимавшіеся, помимо хлѣбопашества, разбоями и грабежами, всегда помогая хану въ его „насилъственныхъ предпріятіяхъ“. Послѣднихъ насчитывалось въ Хивинской области не болѣе 7 тыс. Поэтому, на случай враждебныхъ дѣйствій въ большихъ размѣрахъ, ханы хивинскіе приглашали наемныя войска изъ киргизъ и туркменцевъ. Лишь только гонцы изъ Хивы появлялись въ ихъ кочевьяхъ съ извѣстіями о грабежныхъ намѣреніяхъ хана, они, какъ алчные волки, въ „великомъ числѣ“ съѣзжались къ нему на добычу.

Не задолго предъ тѣмъ отъ ханства этого отдѣлилось небольшое княжество Аральское, ограничивавшее свои владѣнія устьями р. Аму-Дарьи. Владѣлецъ его происходилъ изъ рода прежнихъ Хивинскихъ хановъ и считалъ свою власть въ княжествѣ наследственной, какъ это было раньше въ Хивѣ. Но необузданные и своевольные жители послѣдней искоренили династію своихъ государей и стали управляться ханами изъ киргизскихъ султановъ, которыхъ такъ же „сберегали и умерщвляли“, легко, какъ легко намѣчали и избирали. если „народъ почиталъ себя отъ хана обиженнымъ“.

Въ 1717 году правилъ ханствомъ Хивинскимъ султанъ Ширгазы, сынъ киргизскаго хана Абулхаира, принявшаго въ 1730 году подданство Россіи. До выступленія своего въ походъ, кн. Бековичъ три раза посылалъ къ нему гонцовъ съ извѣщеніемъ о своемъ прибытіи въ качествѣ посланника отъ русскаго императора¹⁾ но ни одинъ изъ этихъ посланныхъ возвратился въ Астрахань, должно быть потому, что хивинцы нарочито задержали ихъ, чтобы прекратить всякій доступъ русскимъ въ свою страну.

Въ то время начальникъ экспедиціи не придалъ этому обстоятельству большого значенія, думая, по своей недалекости, что всѣ они или погибли безъ дороги въ безводной пустынь, или ограблены степными разбойниками.

Безъ всякихъ предосторожностей, еще до Пасхи отправилъ онъ часть войскъ въ Гурьевъ городокъ, а самъ съ остальнымъ отрядомъ только въ Іюль выступилъ изъ Астрахани. Караванъ его состоялъ изъ эскадрона шведскихъ драгунъ, двухъ ротъ пѣхоты, посаженныхъ на коней, нѣсколькихъ артиллерійскихъ офицеровъ и служителей съ припасами и аммуниціей и разныхъ морскихъ и административныхъ чиновъ. Изъ желавшихъ присоединиться къ нему купцовъ съ товарами—русскихъ, татаръ, бухарцевъ и „другихъ вольныхъ“, князь выбралъ только 200 человекъ. Кромѣ того посольство сопровождали: 500 астраханскихъ русскихъ дворянъ и ногайскихъ мурзъ съ татарами, столько жегребенскихъ казаковъ и 1500 яицкихъ, подъ командой атамана Никиты Бородина²⁾.

Въ Астрахани остался поручикъ Кожинъ, обѣщаясь нагнать экспедицію черезъ нѣсколько дней. Но когда тамошній комендантъ полковникъ Вердеревскій³⁾ хотѣлъ понудить его къ скорѣйшему отъѣзду, онъ категорически отказался слѣдовать за отрядомъ.

¹⁾ Въ первый разъ былъ посланъ грекъ Кириакъ, во второй—астраханскій дворянинъ Иванъ Воронинъ, имя третьяго посланца—осталось неизвѣстнымъ.

²⁾ Г. А. Ткачевъ въ книгѣ „Гребенскіе, Терскіе и Кизлярскіе казаки“ 1911 г. стр. 44, увѣряетъ, что эти Гребенскіе казаки составляли „полкъ“ подъ начальствомъ „атамана (г.) Басманова“. Смѣемъ завѣрить почтеннаго терскаго историка, что у нихъ въ то время „полковой“ организаціи не было. А полки казачьи никогда не управлялись „атаманами“. П. Ю.

³⁾ Въ ту пору (до 1719 г.) Астрахань управлялась воеводами (комендантами), подчинясь Казанскому и Астрахан. губернатору „ближнему боярину“ Пет. Самойл. Салтыкову. Первымъ губернаторомъ Астраханскимъ былъ Арт. Петр. Волинскій, назначенный въ іюнь 1719 года. П. Ю.

—Бековичъ—измѣнникъ!—кричалъ морякъ.—Онъ для того утверждалъ несуществующіе слѣды Аму-Дарьи, чтобы отдать порученное войско въ руки варварамъ!..

Это восклицаніе привело воеводу въ смущеніе. Пришлось невольно повѣрить его словамъ и усомниться въ успѣхѣ предпріятія, когда, нѣсколько дней спустя, было получено извѣстіе о постигшемъ семью Бековича несчастіи,—точно провидѣніе Божіе предвѣщало печальный конецъ отправленнаго въ Хиву отряда, заранѣе наказывая его предводителя за неправильныя дѣйствія...

Семья эта пріѣхавшая съ княземъ въ Астрахань, послѣ отправленія его въ походъ, поѣхала обратно въ Петербургъ Волгою. Надо же было случиться такъ, что судно, на которомъ она продолжала свой путь, дало течь и столь быстро наполнилось водой, что не представлялось никакой возможности спасти помѣщавшихся въ трюмѣ пассажировъ. Вслѣдствіе этого жена и двѣ дѣвочки погибли въ волнахъ многоводной рѣки и только какимъ-то чудомъ спасся сынъ, находившійся на палубѣ съвшею на мель барки.

Когда, говоритъ академикъ Миллеръ, вѣсть о томъ достигла Бековича, онъ впалъ въ глубокую печаль, которая „не допустила его чинить распоряженія съ надлежащею предосторожностью“, благодаря чему будто бы онъ „не могъ предвидѣть той опасности, какой подвергъ потомъ себя и ввѣренное войско“...

Добравшись до Гурьева на судахъ, дальше отрядъ пошелъ сухимъ путемъ, но не по тому направленію, которое было намѣчено годомъ раньше. Въмѣсто обслѣдованія стараго русла Аму-Дарьи для отысканія предполагаемой на ней плотины, князь удалился на перерѣзъ чрезъ Киргизскія степи къ впадавшимъ въ Аральское море рукавамъ существующей рѣки Аму.

Въ два дня достигли р. Эмбы, переправившись чрезъ нее на плотахъ. На пятый день хода отсюда, былъ полученъ царскій указъ: немедленно отправить надежнаго и знающаго туземные языки челоуѣка черезъ Персію въ Индію, дабы онъ развѣдалъ о „всѣхъ обстоятельствахъ“ встрѣчающихся ему на пути странъ, а особливо „о песочномъ золотѣ“ и возвратился въ Россію на Китай и Бухарію.

Для миссіи этой Бековичъ выбралъ находившагося въ его свѣтѣ Мурзу Тевкелева¹⁾, который направился моремъ на Дербентъ, намѣреваясь пробраться оттуда сухопутьемъ въ Шемаху и Испагань. Но и это предпріятіе постигло несчастіе: судно, слѣдовавшее съ нимъ, занесло вѣтромъ въ Астрабадъ, гдѣ правитель Сефи-Кули-Ханъ арестовалъ его. Правда, мурза успѣлъ дать знать о своемъ задержаніи Россійскому посланнику въ Испагани Арт. Пет. Волинскому, и тотъ выхлопоталъ у шаха приказъ о его освобожденіи, но случилось это уже тогда, когда отрядъ Бековича потерпѣлъ въ Хивѣ пораженіе. Изъ боязни, должно быть, продолжать дальнѣйшій путь, Тевкелевъ рѣшилъ вернуться въ Астрахань...

III.

Черезъ два мѣсяца самаго тягостнаго похода посольство достигло предѣловъ Хивинскаго ханства. Миновавъ безводныя степи, отрядъ приближался къ г. Ургенчъ, находившемуся южнѣ Аральскаго моря въ 100 верс. отъ самой Хивы. Вдругъ, къ ужасу своему, Бековичъ увидѣлъ, что караванъ его со всѣхъ сторонъ окружаютъ полчища узбековъ, туркменъ, киргизъ и другихъ сосѣдственныхъ народовъ, приблизительно въ количествѣ 24 тыс. человекъ, подъ начальствомъ хана. Непрiятель всѣми мѣрами старался прекратить ему дальнѣйшій путь. Въ продолженіи трехъ дней русское войско принуждено было выдерживать непрерывныя натиски враговъ, медленно, шагъ за шагомъ, подвигаясь все ближе и ближе къ столицѣ ханства. „Сколь жестоки были нападенія, говорятъ очевидцы, столь храбро чинилось сопротивленіе“, наводя непомѣрный страхъ и трепеть на непріятеля, груды тѣлъ котораго устилали кругомъ кровавый слѣдъ русскаго отряда. Слухи о непобѣдимости урусовъ достигли Хивы, откуда жители спѣшили спасать бѣгствомъ себя, семьи свои и свои пожитки, думая, по своему варварскому разумѣнію, что русскіе перерѣжутъ ихъ всѣхъ, какъ только вступятъ въ городъ²⁾.

¹⁾ Тевкелевъ былъ уроженецъ Оренбургской губерніи и происходилъ изъ знатныхъ башкиръ. Впослѣдствіи (въ 1763 г.) онъ дослужился до чина ген.-маіора.

²⁾ Считаю необходимымъ отмѣтить, что у вышеуказаннаго г. Ткачева, ссылающагося на „И. Д. Попко“ (г.), приведенъ (на стр. 44—47) разсказъ объ этомъ походѣ какого-то казака Демушкина, будто бы вышедшаго изъ Хивинскаго древнимъ старцемъ, представляющій собой сплошной вымыселъ, не подтверждаемый ни печатными, ни архивными источниками. Кѣмъ, когда и гдѣ онъ записанъ, не извѣстно. Между тѣмъ у гребенцовъ даже во времена Екатерины II совсѣмъ не было грамотныхъ... П. Ю.

Присмирѣли послѣ того киргизскіе и туркменскіе джигиты¹⁾. не рѣшаясь больше съ гикомъ нападать нестройными толпами на сомкнутое каре русскихъ воиновъ, которые изъ-за искусственныхъ прикрытій—орудій и обоза—поражали ихъ мѣткими пушечными и ружейными выстрѣлами, не подпуская близко къ себѣ. Выпускаемыя неприятелемъ изъ луковъ стрѣлы не достигали расположенія русскаго отряда и не причиняли ему урона. Хивинцамъ казалось издали, будто не убываетъ русское войско совсѣмъ и твердо стоитъ, точно заколдованное отъ вражескихъ поражений. Съ ужасомъ видѣли они, что не сломить имъ упорство прибывшихъ „шайтановъ“²⁾, которые производили невѣдомый имъ дотолѣ громъ и изрыгали огонь и молніи.

Приуныли и сановники хивинскіе, видя кругомъ по ширинѣ безпредѣльной степи сотни погубленныхъ воякъ своихъ. Приумолкъ и храбравшійся ханъ, предчувствуя свою неизбѣжную гибель, если русскіе завладѣютъ Хивой. Что дѣлать тутъ? На что рѣшиться? Какія предпринять мѣры противъ нашествія невѣрныхъ?

Насталъ четвертый день пребыванія ихъ въ Хивинской странѣ. Нигдѣ уже не показывались трусливые наѣзники. Отхлынули туркмены. Замолкъ гуль по степи злобныхъ узбековъ. Безмолвствовала станъ хивинскій. Должно быть, происходило тамъ что либо необычайное!...

Рано по утру въ этотъ день одинъ изъ приближенныхъ Ширгазья, сартъ Досимъ-бай, исполнявшій при немъ обязанности казначея, обратился къ нему:—Безразсудно поступаемъ, ханъ, надѣясь силою оружія побѣдить россіянъ, которыхъ всѣ почитаютъ непобѣдимыми. Сіе можно учинить только хитростью и обманомъ. Надо стараться захватить въ свои руки ихъ предводителя, а прочее сдѣлать будетъ не трудно!...

Ханъ бесѣдовалъ по этому поводу съ „знатнѣйшими своего народа“. И тѣ одобрили предложеніе Досима. Въ качествѣ переговорщиковъ въ русскій лагерь были посланы два Хивинца „со знаками“. Когда ихъ привели къ Бековичу, они сказали ему:

— Пришли мы отъ своего народа съ миромъ...—Предпринятое съ хивинской стороны сопротивленіе произошло по невѣднiю хана,

¹⁾ Джигитъ—всадникъ, наѣздникъ.

²⁾ Шайтанъ—дьяволъ.

который не зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло и съ какимъ намѣреніемъ россияне вступили въ его землю. Теперь, получивъ отъ своего пріятели калмыцкаго хана Аюки увѣдомленіе, для чего Бековичъ, Ширгазы приказалъ прекратить всякія непріяТЕЛЬСКІЯ дѣйствія и готовъ принять посла Русскаго Императора съ подобающею почестью. Ханъ просить у князя милостиваго позволенія прислать въ русскій лагерь своихъ старѣйшинъ, чтобы договориться съ нимъ о его пріемѣ.

Сначала, рассказываетъ Т. С. Соймоновъ, Бековичъ не хотѣлъ вѣрить ихъ коварному извиненію, ибо не могъ постичь, почему никто изъ отправленныхъ имъ посланцевъ не достигъ Хивы. Послѣ сдѣланнаго на него хивинцами нападенія, онъ думалъ „не безъ вѣроятности“, что всѣ они были задержаны изъ злого намѣренія, дабы не могли сообщить въ Астрахань о непріязненныхъ приготовленіяхъ хана. Того же мнѣнія держались и всѣ офицеры отряда—русскіе и шведы. Только одинъ князь Саманавъ (персъ, принявшій православіе и находившійся на русской службѣ) былъ противнаго мнѣнія.—Можно ошибиться въ принятомъ подозрѣніи,—сказалъ онъ Бековичу.—Лучше допустить посланныхъ хана—говорилъ онъ на военномъ совѣтѣ,—вступить съ ними въ мирные переговоры и тѣмъ привести въ исполненіе возложенное на посольство порученіе, чѣмъ подвергать свою судьбу неизвѣстному рѣшенію оружія.¹⁾

„Если, говоритъ академикъ Миллеръ, добавить къ этому тягостное душевное состояніе“, въ которомъ находился Бековичъ, послѣ трагической кончины горячо любимой жены и дѣтей, то не трудно понять, какъ легко „могъ склониться онъ, чтобы повѣрить ласканіямъ невѣрныхъ непріятелей“.

Переговоры продолжались четыре дня, въ теченіе которыхъ въ русскій отрядъ прибывали все новые и новые посланцы „для подтвержденія хавской склонности къ миру“. Наконецъ, было рѣшено—ѣхать князю на аудіенцію къ хану въ сопровожденіи вооруженной команды. Для успокоенія тѣхъ и другихъ въ чистотѣ и вѣрности заявленныхъ намѣреній обѣ стороны „учинили взаимную присягу“.

На слѣдующій день, подъ конвоемъ 500 яицкихъ казаковъ²⁾ Бековичъ отправился съ нѣсколькими офицерами въ непріяТЕЛЬСКІЙ

¹⁾ „Ежемѣсяч. сочиненія“, 1763, т. I, стр. 29.

²⁾ Но г. Ткачевъ утверждаетъ, со словъ Демушкина, что Бековича сопровождали къ хану 300 гребенскихъ казаковъ. П. Ю.

лагерь, который отстоялъ отъ русскаго такъ далеко, что нельзя было услышать ничего послѣднему о томъ, что тамъ происходило.

Едва казачій отрядъ вступилъ въ Хивинскій станъ, какъ непріятель со всѣхъ сторонъ окружилъ его. Всѣхъ офицеровъ тотчасъ же заключили подъ стражу. Кто пробовалъ сопротивляться, тѣхъ тутъ же изрубили, сдавшихся добровольно „лишили вольности“.

Чтобы захватить и прочихъ, оставшихся въ русскомъ лагерѣ воиновъ, ханъ, по словамъ Миллера, заставилъ Бековича послать къ „главному командиру“, маіору Франкенбергу приказъ—разбить отрядъ на мелкія команды и вести ихъ въ назначенныя хивинцами квартиры, для того якобы, чтобы „идучи по разнымъ дорогамъ, онѣ тѣмъ способомъ могли запасться всѣмъ потребнымъ“.

Но маіоръ, „довольно уразумѣвъ“ истинную цѣль этого требованія, отказался исполнить приказаніе князя. Вскорѣ онъ получилъ другое, потомъ третіе такое же повелѣніе, но остался „непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи“. Онъ отвѣтилъ посланнымъ.

— Мнѣ не трудно понять, что князь чинить сіи приказанія принудительнымъ образомъ. Я готовъ повиноваться такому повелѣнію, если онъ самъ, прибывши въ лагерь, лично отдастъ мнѣ его; но посланіямъ не вѣрю.

Черезъ нѣсколько времени Бековичъ прислалъ четвертый приказъ, угрожая въ немъ Франкенбергу, „яко послушнику команды“, „жестокимъ наказаніемъ“, ежели онъ тотчасъ же „не раздѣлитъ войско въ показанныя квартиры“.

Къ сожалѣнію, для насъ потомковъ, какъ и для современниковъ, осталось непроницаемой тайной то важное обстоятельство, какая рѣзкая причина понудила князя принять столь рѣшительное распоряженіе. Не знаемъ мы и того, о чемъ и какъ говорилъ съ нимъ ханъ и какимъ образомъ произошло насиліе первымъ воли послѣдняго.

Здѣсь все—отъ начала до конца—является страннымъ и непонятнымъ. Съ точки зрѣнія русскаго человѣка, преданнаго Царю, родинѣ и вѣрѣ своихъ отцовъ трудно допустить даже мысль, чтобы русскій офицеръ могъ утрашиться угрозъ врага и учинить приказаніе на погибель своихъ братьевъ, хотя бы подъ мечемъ непріятели. Не-

вольво поэтому рождается подозрѣніе, что подъ давленіемъ заманчивыхъ и ласковыхъ рѣчей хана. Бековичъ дѣйствовалъ сознательно, выдавая русскій отрядъ на растерзаніе врагамъ Россіи. Безъ сомнѣнія Ширгазы переманилъ его на свою сторону обѣщаніями награды, почестей и большихъ отличій. Мало образованному кабардинцу, непроникнутому искренно русскими идеалами, не составляло большого преступленія забыть покровительствующее ему отечество. Что онъ терялъ послѣ этого? Частица привязанности его къ нему—семья—погибла! Ему оставалось одно изъ двухъ: смерть или измѣна!.. Видимо, онъ предпочелъ послѣднее, хотя жестоко въ томъ ошибся!..

Но если Бековичъ съ княземъ Самановымъ попали въ ловушку и не могли сами выбраться оттуда, то оставшіеся въ лагерь офицеры, во главѣ съ маіоромъ Франкенбергомъ, считавшимся, по словамъ Миллера, человѣкомъ мужественнымъ, храбрымъ и опытнымъ, должны были бы понять, кажется, всю ненормальность и преступность издаваемыхъ Бековичемъ приказаній...

Хивинцы были настолько хитры, осторожны и дальновидны и какъ его опутали, что не позволяли ему отправлять въ оставшіяся отрядъ его письма иначе, какъ только съ своими джигитами. Если бы приказанія эти отвозили въ лагерь наши казаки, то они, навѣрно, рассказали бы тамъ о своемъ и князя Бековича подневольномъ положеніи.

Уже одно это должно бы дать понять маіору Франкенбергу, что князь со всей командой попалъ въ бѣду и находится въ большой опасности. Однако маіоръ не принялъ рѣшительно никакихъ попытокъ для освобожденія вѣроломно захваченнаго хивинцами отряда, хотя въ его распоряженіи находилось еще болѣе 2¹/₂ тыс. хорошо вооруженныхъ и крѣпкихъ духомъ воиновъ съ пушками, огнестрѣльными и разрывными припасами, какихъ не было у хивинцевъ.

Если съ такими силами Франкенбергъ не могъ окончательно побѣдить врага и выручить команду Бековича, то по крайней мѣрѣ онъ нанесъ бы ему большой уронъ и могъ бы пробиться сквозь нестройныя вражескія толпы обратно въ Россію, или съ честью сложить кости свои и боевыхъ товарищей на полѣ брани.

Во всякомъ случаѣ, по полученіи имъ послѣдняго угрожающаго приказа, онъ долженъ былъ бы итти со всѣмъ оставшимся отрядомъ

въ боевомъ порядкѣ до хивинскаго лагеря, чтобы узнать истинное положеніе дѣла и провѣрить подлинность изданнаго Бековичемъ приказанія.

Однако, все еще сомнѣваясь, по словамъ Т. С. Соймонова, въ искренности княжескаго повелѣнія, майоръ тѣмъ не менѣе рѣшился на этотъ разъ безпрекословно исполнить категорическое требованіе своего начальника. „Положившись на власть Божію“, онъ сталъ „ожидать, какою она и порученному войску опредѣлитъ судьбину“. Печальнѣе всего то, что не нашлось никого въ русскомъ отрядѣ удержать его отъ такого безумнаго шага!...

Лишь только отрядъ былъ раздробленъ на мелкія части и разведенъ по разнымъ мѣстамъ, какъ враги, насѣвши на нихъ большими скопищами, сумѣли расправиться съ храбрыми русскими воинами. обезоружили ихъ и отвели въ неволю. Всѣ военныя потребности, боевые припасы, сабли, ружья, пушки, аммуниція и товары слѣдовавшихъ въ караванѣ купцовъ достались въ руки коварныхъ побѣдителей. Бековичъ видѣлъ потомъ, какъ по улицамъ Хивы разгуливали въ костюмахъ русскихъ солдатъ и казаковъ узбеки и туркмены, продавая на базарѣ пограбленную добычу. И понялъ онъ тутъ, какое несчастье постигло ввѣренное ему войско и кто былъ виновникомъ его гибели! Но льстивые враги не пощадили и его, такъ скоро передавшагося на сторону непріятеля: ему отрубили голову, а находившійся съ нимъ князь Самановъ былъ изрубленъ въ куски *).

Послѣ того долго ликовали хивинцы, радуясь столь легкой побѣдѣ надъ непобѣдимыми русскими. Ханъ Ширгазы, думая, что совершилъ великое геройское дѣло, поспѣшилъ сообщить о томъ своему сосѣду, Эмиру Бухарскому. отправивъ туда особое посольство съ извѣстіемъ, что „посланника Россійскаго императора, очень знатнаго мужа, отъ котораго оба хана могли опасаться потери своихъ владѣній, онъ истребилъ со всѣмъ при немъ находящимся народомъ“,—и послалъ ему, въ знакъ уваженія, голову убитаго Бековича, дабы и Эмиръ могъ раздѣлить съ нимъ эту радость. Ужаснулся владѣлецъ бухарскій столь варварскому злодѣйству, неслыханному даже въ азіатскихъ стра-

*) И. Д. Попко („Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ“ стр. 241), за нимъ г. Ткачевъ—увѣряютъ однако, что съ Бековича „живого“ содрали кожу. Сперва съ головы, потомъ съ рукъ и съ ногъ“. Эту сказку повторяетъ и А. Хребтовъ („Хивинскій походъ“ 1875 г., стр. 19). Едва ли однако могъ онъ быть живъ послѣ такого истязанія? Ц. Ю.

нахъ. Узнавъ о совершившемся событіи за долго до прибытія въ свою столицу хивинскихъ пословъ, онъ выслалъ на встрѣчу имъ гонцевъ, приказавъ ему спросить ихъ.

— Человѣкоядецъ ли вашъ ханъ? Если такъ, то отвезите ему обратно присланный подарокъ. Я не хочу принимать никакого участія въ вашемъ безчеловѣчномъ дѣлѣ!...

IV.

Гибель отряда Бековича причинила большое Петру Великому огорченіе. Непріятно и досадно было ему, что не осуществилась его завѣтная мечта проложить торговый путь въ Индію. Но Императора удивилъ и подбодрилъ благородный поступокъ Эмира Бухарскаго. Снова родилась надежда, при посредствѣ этого владѣльца, завязать прочныя сношенія съ богатой страной Монголовъ. Съ этою цѣлю въ томъ же году онъ отправилъ къ Эмиру черезъ Персію секретаря нашей коллегии иностранныхъ дѣлъ, итальянца Флоріо Беневени, знавшаго языки: персидскій, турецкій и татарскій. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, что успѣлъ сдѣлать послѣдній въ интересахъ Россіи. Повидимому, и онъ не добился положительныхъ результатовъ, ибо торговля съ средне-азиатскими ханствами стала развиваться у насъ только со времени царствованія Императрицы Анны Іоанновны, послѣ принятія русскаго подданства киргизскими ордами: Малой, Средней и Каракалпакъ, когда, по проекту секретаря сената Кириллова, былъ заложенъ въ 1735 году на устьѣ р. Ори городъ Оренбургъ, съ туземнымъ мѣновымъ дворомъ при немъ.

Разумѣется, при такихъ обстоятельствахъ, не представлялось уже никакой надобности содержать гарнизоны въ заложенныхъ Бековичемъ крѣпостяхъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Съ гибелью главы экспедиціи и отряда, крѣпости эти не могли принести никакой существенной пользы предпринятому начинанію. Коменданты ихъ помышляли лишь о томъ, какъ бы спасти свои команды отъ могущаго быть на нихъ нашествія со стороны обрадованныхъ побѣдою надъ русскими хивинцевъ.

Получивъ извѣстіе о постигшемъ посольство несчастіи, гарнизоны первыхъ двухъ—Карагайской и Александровской—снялись поспѣшно и на имѣвшихся у нихъ въ постоянной готовности морскихъ судахъ благополучно достигли Астрахани. Но войскамъ Красноводскаго укрѣп-

ленія пришлось выдержать въ продолженіи нѣсколькихъ дней натиски жаждавшихъ русской крови и добычи Мангышлакскихъ туркменцевъ, тѣхъ самыхъ, которые годъ назадъ обѣщали черезъ своихъ представителей, помогать Императору Петру въ задуманныхъ имъ для ихъ же пользы предпріятіяхъ; очевидно, натравленные ханомъ Ширгазы, они мечтали завладѣть гарнизономъ крѣпости такъ же легко, какъ хивинцы отрядомъ Бековича. Но попытка ихъ не удалась. Комендантъ полковникъ Фонъ-дербъ-Вейденъ приказалъ устроить изъ мучныхъ кулей шанцы на перешейкѣ, соединявшемъ Красноводскій полуостровъ съ твердой землей, и когда нестройныя толпы непріятели порывались приступить къ нимъ, выстрѣлы крѣпостныхъ орудій и ружейные залпы гарнизона сметали ихъ съ „великимъ урономъ“. Всѣ вражескія атаки были отбиты безъ ущерба крѣпостного состава.

Боясь однако повторенія новыхъ нападеній, Вейденъ заблаго-разсудилъ убраться по добру-по здорову въ предѣлы Россіи, оставивъ мучныя загражденія въ добычу голодному врагу. Но видно, рокъ злой тяготѣлъ надъ этой экспедиціей! По пути, не доѣзжая нѣсколько верстъ до Астрахани, поднялся сильный противный вѣтеръ. Два судна съ 400 солдатами загнало къ западнымъ берегамъ Каспійскаго моря, гдѣ они, наткнувшись на подводные камни, получили пробоины и пошли ко дну. унося съ собою въ морскую пучину и часть Красноводскаго гарнизона.

Такъ грустно завершилась первая попытка къ покоренію туземныхъ племенъ Средней Азіи, находящихся нынѣ подъ властью Русскаго Императора. Въ ту пору, вслѣдствіе наступившихъ обстоятельствъ,—приготовленій къ персидскому походу,—Петръ Великій не могъ отомстить виновникамъ этихъ бѣдствій за причиненное Россіи зло,—не успѣлъ наказать лукаваго хана за его варварскій поступокъ. Но что не удалось сдѣлать Царю и Государству, то сдѣлали тѣ самые плѣнники, которыми такъ вѣроломно завладѣла Хива.

Ни въ одномъ азіатскомъ владѣніи не жилось такъ тягостно имъ, какъ въ этой разбойнической странѣ, гдѣ съ ними обращались хуже, чѣмъ съ выючными животными. При самой скудной пищѣ хивинцы заставляли ихъ исполнять самыя тяжелыя крѣпостныя, полевыя и домашнія работы, за малѣйшій проступокъ наказывая ударами воловьего бича. Особенно съ злобой и ненавистью относились ханъ и его подданные къ русскимъ плѣнникамъ. Многіе изъ послѣднихъ не выдержали непосильнаго гнета рабства и скончали свои скорбные дни на далекой чужбинѣ безъ покаянія и молитвы, или хоть капли сочувствія близ-

кихъ своихъ, такъ какъ хивинцы не допускали къ умиравшимъ въ емерднхъ сакляхъ „урусамъ“ ихъ собратьевъ по неволѣ съ послѣднимъ словомъ любви. Они не дозволяли даже хоронить умершихъ плѣнниковъ въ общихъ могилахъ, а, какъ негодную тварь, выбрасывали за городскія стѣны на съѣденіе волкамъ и шакаламъ.

Прошло лѣтъ десять тягостнаго ихъ прозябанія. Въ 1728 году нѣкоторые изъ русскихъ и персіянъ уговорились между собою избавиться отъ ненавистнаго плѣна.

Чтобы скорѣе достичь цѣли, заговорщики прежде всего рѣшили умертвить хана, а потомъ произвести разгромъ города. Конечно, одни они, безъ посторонней помощи, не могли совершить такого подвига. Зная, что владѣлецъ Аральскій давно добивался завладѣть Хивой, чтобы возвратитъ свои исконныя наслѣдственныя права, они обратились къ нему съ просьбой оказать имъ въ ихъ дѣлѣ поддержку. Послѣдній охотно согласился, обѣщая выставитъ до 5 тыс. вооруженныхъ всадниковъ. Повидимому, былъ назначенъ и день для совмѣстнаго нападенія на Хиву. Но планъ этотъ разстроили два персіяннина, служившіе у хана евнухами. Улучивъ удобную минуту, они раньше назначеннаго времени убили его во дворцѣ. Заговоръ такимъ образомъ обнаружился. Узнали узбеки и о замыслахъ Аральскаго князя. Не желая имѣть надъ собой наслѣдственнаго повелителя, они окружили русскихъ, не давъ имъ возможности снестись съ послѣднимъ. Однако 80 человекъ изъ нихъ успѣли скрыться въ одну высокую крѣпостную башню, гдѣ стойко въ продолженіи двухъ недѣль отбивались отъ насѣдавшихъ враговъ, тщетно ожидая помощи отъ князя. Всѣ усилія горожанъ выбить ихъ оттуда не имѣли успѣха. Непріятельскія нападенія не причиняли почти никакого вреда осажденнымъ. Тогда какъ послѣдніе вооруженные чѣмъ попало, бросая сверху внизъ камни, кирпичи, палки, стрѣлы, наносили чувствительные удары разъяренной толпѣ хивинцевъ.

Можетъ быть, и еще нѣсколько недѣль продержались бы въ такомъ положеніи плѣнники. Но голодъ и недостатокъ воды довели ихъ до того, пишетъ Т. С. Соймоновъ, до чего „не могла довести сила непріятельскаго оружія“. Они принуждены были сдаться, выговоривъ себѣ „спасеніе жизни“, такъ какъ доказали, что убійство хана было совершенно не ими.

Когда все было кончено, дня черезъ два къ Хивѣ подступилъ съ своимъ войскомъ князь Аральскій. Услышавъ о сдачѣ русскихъ, онъ повернулъ назадъ, не предпринявъ ничего противъ города.

Но владѣльцы рабовъ поняли теперь, что съ русскими нельзя поступать такъ, какъ, по варварски, поступали они съ персами. Россіяне доказали, что при случаѣ, умѣютъ постоять за себя. Благодаря этому, участь ихъ была нѣсколько облегчена. Во избѣжаніе повторенія подобнаго явленія, трусливые хивинцы поспѣшили избавиться отъ буйныхъ полоняниковъ. И продали часть ихъ въ Бухару. Въ числѣ послѣднихъ угодили туда сотникъ Гребенскаго войска Тихонъ Даниловъ, игравшій, повидимому, не послѣднюю роль въ описанномъ возмущеніи. Съ нимъ вмѣстѣ были отправлены астраханскій дворянинъ Егоръ Ходаковъ и астраханскій посадскій Алексѣй Иванъ Монастырскій.

Четыре долгихъ лѣта провелъ гребенецъ въ тамошней неволѣ, когда въ 1732 году астраханскій армянинъ Мелкасъ (Миносъ) Вартановъ, будучи по торговымъ дѣламъ въ Бухарѣ, выкупилъ его за 150 руб. и доставилъ въ Астрахань, откуда губернская канцелярія отпустила его на родину въ войско.

Почти одновременно другой армянинъ, по имени Аритунъ (Арутюнъ), числящійся хивинскимъ купцомъ, купилъ въ Хивѣ за 115 руб. другого гребенца казака Ивана Яковлева. Послѣдняя сдѣлка была совершена въ присутствіи указаннаго купца Вартанова и гребенскаго же казака Ивана Романова Баюшкова, который по словамъ Яковлева, „и нынѣ въ плѣну въ Хивѣ находится“.

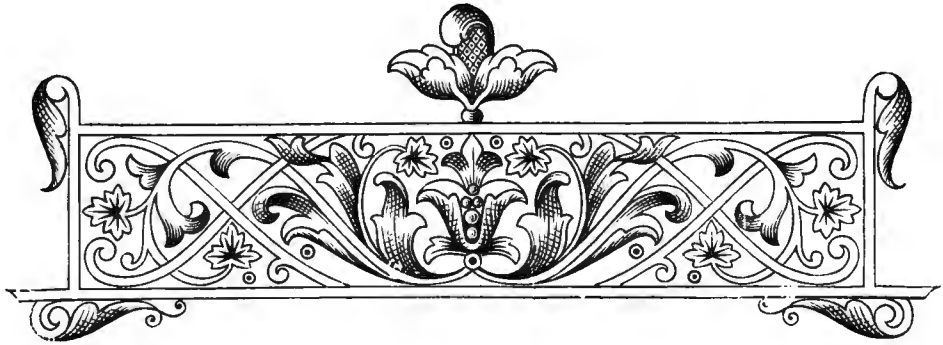
Такъ какъ, по причинѣ бѣдности и полоненнаго раззоренія, оба они возвратить покупщикамъ „откупныхъ“ денегъ были не въ состояніи, то просили Военную Коллегію отпустить имъ необходимую сумму изъ казны. По сношеніи о томъ съ сенатомъ, указами 19 Марта и 23 Апрѣля 1734 года предписано было астраханскому губернатору ген.-м. Измайлову, —буде окажется по свидѣтельствваніи, что армяне Малкосъ и Аритунъ подлинно выкупили изъ плѣна Данилова и Яковлева, то выдать имъ деньги изъ „госпитальныхъ“ суммъ.¹⁾

Какъ тотъ, такъ и другой не знали грамоты. Тѣмъ не менѣе въ слѣдующемъ 1735 году Тихонъ Даниловъ былъ „отобранъ въ Гребенскомъ Щедринѣ городкѣ отъ войска въ станицу атаманомъ“.²⁾

П. Юдинъ.

¹⁾ Въ то время Сѣверный Кавкавъ и всѣ находившіяся тамъ казачьи войска подчинялись Астраханскому губернатору. П. Ю.

²⁾ Дѣла Астрах. архива за 1734 г., протоколы губер. канцелярій 1735 г.—Но г. Ткачевъ (стр. 44) увѣряетъ, что вернулись изъ этого плѣна „древними“ старцами казаки Щедринъ ст. Петръ Стрѣжковъ и Черьниской—Иванъ Демушкинъ. Однако фамиліи эти мнѣ не встрѣчались въ указанномъ архивѣ, хотя я разобралъ его весь до основанія. П. Ю.

КЪ ИСТОРИИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

I.

Императорскаго Московскаго Университета Юридическаго Факультета
Студентъ Николай Гавриловъ

Въ продолженіи 1848-49 Академическаго года, обязанъ слушать лекціи
4-го курса:

1. Церковнаго Законовѣдѣнія—Пр. Терновскаго.
2. Римскаго Права—О. П. Крылова.
3. Уголовнаго Судопроизводства—О. П. Баршева.
4. Гражданскаго практическаго Судопроизводства—О. П. Морошкина.
5. Общепароднаго права --О. П. Лешкова.
6. Законовъ о Государственныхъ повинностяхъ и Финансахъ—И. Д. А. Мильгаузена:
7. Энциклопедіи Законовѣдѣнія, съ обзорніемъ Иностранныхъ Законодательствъ.—

Студенты могутъ въ свободное отъ сихъ лекцій время, посѣщать лекціи и другихъ отдѣленій, но не иначе какъ съ разрѣшенія своего Декана и съ дозволенія Преподавателя избираемаго предмета и при томъ на все время курса.

Ректоръ университета (подпись) Д. Перевощиковъ.

Деканъ Юридическаго Факультета (подпись) С. Баршевъ.

№ 14.

Сентября 15 числа.

1848 года.

Особья постановленія для Студентовъ университета.

1. Казенные и своекоштные Студенты, Православнаго и другихъ исповѣданій, должны говѣть и приобщаться Св. Таинъ ежегодно и объ исполненіи этой важнѣйшей обязанности представлять своевременно Инспектору данныя отъ кого слѣдуетъ письменныя свидѣтельства.

2. Являться Студентамъ въ показанные часы на лекціи Преподавателей, назначенныя въ выдаваемыхъ имъ табеляхъ, которыя они должны всегда имѣть при себѣ; не являющіеся же по какимъ-либо уважительнымъ причинамъ или по болѣзни, должны немедленно о томъ доносить письменно Инспектору, который, при малѣйшемъ сомнѣніи, поручаетъ своимъ помощникамъ дознаніе истины донесеніи, не ограничиваясь свидѣтельствами о болѣзни, выдаваемыми отъ медиковъ, не принадлежащихъ къ Университету.

3. Во время чтенія Гг. Профессорами въ Аудиторіяхъ лекцій, Студенты и Слушатели должны сохранять всю пристойность и уваженіе, коими обязаны мѣсту своего образованія и присутствію своихъ Наставниковъ. Опоздавшій $\frac{1}{2}$ часомъ не можетъ входить въ Аудиторію, въ которыхъ читаются лекціи и считается отсутствующимъ.

4. Каждый Студентъ обязанъ быть на производимыхъ Гг. Преподавателями репетиціяхъ и на установленныхъ годичныхъ и полугодичныхъ экзаменахъ. Никакія оговорки о болѣзни или другія причины не будутъ принимаемы въ уваженіе, если не было своевременно донесено Инспектору, такъ, чтобы онъ могъ, на основаніи общихъ законовъ, удостовѣриться о болѣзни и времени выздоровленія; и потому Студенты, получившіе и на годичныхъ испытаніяхъ неудовлетворительные балы, равно совсѣмъ не явившіеся на оныя къ кому либо изъ Гг. Профессоровъ, если они не исполнили вышеизложеннаго правила, относительно увѣдомленія Инспектора о болѣзни, ни подъ какимъ предлогомъ не будутъ допускаемы къ новымъ экзаменамъ послѣ вакаціи.

5. Студентъ, пробывшій два года на одномъ и томъ же курсѣ и неудостойный по экзамену къ переводу на высшій курсъ, на основаніи 31 § правилъ 1834 года для годичныхъ испытаній, увольняется изъ Университета, какъ неблагонадежный къ дальнѣйшему продолженію наукъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ объявилъ желаніе перейти на другой факультетъ. Сему же подвергается пробывшій два года на одномъ курсѣ и совсѣмъ не явившійся на экзаменъ, безъ доставленія своевременно законныхъ доказательствъ о причинѣ неявки. При переходѣ изъ другого Университета, пробывши въ немъ на одномъ курсѣ годъ, принимается на тотъ же самый курсъ, но не болѣе какъ на одинъ годъ, по прошествіи коего, если не перейдетъ на слѣдующій курсъ, подлежитъ исключенію на основаніи циркулярнаго предписанія Г. Министра Народнаго

Просвѣщенія отъ 3-го Ноября 1837 года за № 2748. Студентъ одного Университета можетъ быть принятъ, съ зачетомъ времени, на другой; но не иначе какъ на тотъ же самый курсъ, въ коемъ находился и на основаніи вышеозначенныхъ постановленій, то есть, ежели только причины, побудившія его оставить Университетъ, въ коемъ прежде обучался, будутъ уважены Г. Попечителемъ и если онъ представитъ одобрительное свидѣтельство отъ того Университета.

6. Студентъ, оставившій одинъ изъ Университетовъ и желающій, по истеченіи послѣ того полугодія, поступить въ другой, долженъ подвергнуться въ послѣднемъ испытанію, отъ выдержанія котораго зависѣтъ будетъ принятіе въ соотвѣтственный знаніямъ его курсъ и сообразно съ тѣмъ зачетъ времени пребыванія его въ прежнемъ Университетѣ.

7. Для перевода на высшіе курсы Студентъ долженъ имѣть въ общемъ выводѣ балловъ не менѣе 3-хъ (если при этомъ случаѣ не будетъ въ какомъ либо предметѣ единицы) и если Инспекторъ, на основаніи 29-го пункта данной ему инструкціи, дастъ одобрительное свидѣтельство въ поведеніи; но для полученія званія дѣйствительнаго Студента требуется общій балъ $3\frac{1}{2}$ по всѣмъ специальнымъ предметамъ Факультета или Отдѣленія, а для степени кандидата $4\frac{1}{2}$.

8. На казенное содержаніе и въ стипендіаты преимущественно принимаются: ученики Гимназій Московскаго Учебнаго Округа, окончившіе курсъ ученія съ похвалою, равно оказавшіе отличныя познанія на Университетскихъ экзаменахъ или въ продолженіи курсовъ; благотворительное же содержаніе и пособіе изъ собираемой за ученіе Студентовъ суммы предоставляется, по особымъ правиламъ, на основаніи предписанія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 24-го Іюня 1845 года за № 6128, Студентамъ, кромѣ первокурсныхъ и при томъ отличныхъ по успѣхамъ въ наукахъ и съ удостовѣреніемъ Инспектора о бѣдномъ ихъ состояніи и хорошей нравственности.

9. Воспрещается подъ опасеніемъ строгаго изысканія, употребленіе партикулярнаго платья и всякая перемѣна въ цвѣтѣ и покроѣ форменной одежды. Всѣ Студенты должны имѣть при мундирахъ (съ петлицами изъ позумента) и мундирныхъ сюртукахъ трехъ-угольная шляпа и шпаги. Трехъ-угольная шляпа съ серебряными кистями и петлицею изъ гладкаго позумента носится всегда по формѣ, а не съ поля, шпага безъ темляка носится при мундирѣ прямо въ португелѣ, а при мундирномъ сюртукѣ въ разрѣзѣ онаго. Во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, по утрамъ въ праздничные дни и въ публичныхъ собраніяхъ Студенты должны быть въ мундирахъ при шпагахъ и трехъугольныхъ шляпахъ; на гуляньяхъ внутри города и за городомъ, въ театрахъ могутъ быть въ мундирныхъ сюртукахъ при шпагѣ и въ трехъугольныхъ шляпахъ; мундирные сюртуки безъ шпаги и фуражки оставляются токмо для

хожденія въ Университетъ на лекціи; мундиры и мундирные сюртуки должны быть застегнуты на всѣ пуговицы даже и подъ шинелью; воспрещается также носить палки, зонтики и курить въ публичныхъ мѣстахъ и собраніяхъ табакъ и сигары.—За нарушеніе сихъ правилъ виновные будутъ подвергаемы, на основаніи 25-го пункта данной Инспектору Инструкціи, въ первый разъ выговору, со внесеніемъ о томъ въ особую книгу, во второй—такому же выговору съ арестомъ и отмѣткою въ табели, въ третій разъ, какъ неисполнители приказаній высшаго Начальства и ослушники будутъ исключены изъ Университета.

Примѣчаніе. Лѣтомъ, въ праздничные дни, при мундирахъ со шпагою и трехъ-угольною шляпою носятся бѣлыя форменныя брюки, въ прочіе дни подъ мундирнымъ сюртукомъ дозволяются темнозеленыя подъ цвѣтъ мундира, а сѣрыя можно носить тогмо въ лѣтнее вакаціонное время; шинели лѣтнія и зимнія должны быть непременно форменныя.

10. На основаніи предписанія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, изъясненнаго въ предложеніи Г. Помощника Попечителя отъ 11-го числа Іюля 1835 года за № 1086, при встрѣчѣ съ генералами Студенты должны отдавать имъ честь, прикладывая лѣвую руку къ шляпѣ по примѣру Офицеровъ, а при встрѣчѣ съ особами Императорской фамилии, становиться въ фронтъ, отдать честь и, буде въ шинели, то спустить оную съ лѣваго плеча.

11. Во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ Студенты обязаны оказывать надеждающее уваженіе къ мѣсту и чинамъ, чѣмъ соблюдается честь носимаго мундира и главнѣйшій наружный признакъ благовоспитанности.

Примѣчаніе. Всѣ означенныя въ 9, 10 и 11 статьяхъ правила Студенты должны исполнять какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ въ вакаціонное время и во время бытности въ отпуску.

12. Студенты при полученіи билетовъ на свободное прожитіе въ Москвѣ, обязаны въ то же время подавать Инспектору записки о мѣстѣ жительства и о каждой перемѣнѣ онаго доносить подъ строгою за несоблюденіе сего отвѣтственностію; билеты для прожитія и увольнительные на вакаціонное время выдаются Инспекторомъ, отпуски въ учебное время могутъ быть только по особенно уважительнымъ причинамъ и не иначе, какъ съ разрѣшенія Г. Попечителя, но такіе отпуски ни въ какомъ случаѣ не принимаются, какъ оправданіе, если воспользовавшіеся ими не явятся на экзамены или не выдержатъ оныхъ.

Примѣчаніе. 1) Билеты по истеченіи сроковъ должны быть возвращаемы въ то же время Инспектору. 2) Въ случаѣ утраты какимъ-либо образомъ билета. Студентъ долженъ подать куда слѣдуетъ явочное прошеніе объ утратѣ, и безъ представленія узаконенной копіи, выдачи новаго билета производимо не будетъ.

13. Строго воспрещается входъ въ трактиры, гдѣ есть продажа крѣпкихъ напитковъ, биллиардная игра и проч.: по сему предмету Градская Полиція, во исполненіе Высочайшей воли, будетъ имѣть надлежащее съ своей стороны наблюденіе.

14. Чиновники, въ томъ числѣ Кандидаты и Дѣйствительные Студенты. Фармацевты и Слушатели, имѣющіе позволеніе посѣщать лекціи, обязаны являться на оныя не иначе, какъ въ мундирныхъ фракахъ того вѣдомства, къ коему принадлежатъ, занимать особо назначенныя имъ мѣста и сохранять всю должную пристойность; въ противномъ случаѣ немедленно воспрещается имъ входъ на лекціи; при важнѣйшихъ же съ ихъ стороны проступкахъ и нарушеніи порядка, вмѣстѣ съ воспрещеніемъ входа въ Университетъ, Начальство ихъ будетъ увѣдомлено о происшедшемъ для надлежащаго взысканія.

15. Поступающій въ Студенты или получившій дозволеніе посѣщать Профессорскія лекціи обязанъ въ то же время явиться къ Г. Инспектору.

16. Студентъ, имѣющій пребываніе въ вакаціонное или учебное время въ другомъ какомъ либо городѣ, въ которомъ находится Университетъ, по прибытіи въ то же время долженъ явиться къ тамошнему Инспектору Студентовъ, на основаніи циркулярнаго предписанія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 24 числа Декабря 1844 года за № 1646.

17. Сверхъ общаго надзора за Студентами, по наблюденію за точнымъ ходженіемъ ихъ на лекціи и нравственностію, помощники Инспектора раздѣляются слѣдующимъ образомъ: по Словесному Отдѣленію Г. Зайковскій, по Математическому Г. Соханскій, по 1-му и 4-му курсу Юридическаго Факультета Г. Пантовъ, по 2-му и 3-му того же Факультета Г. Цызыревъ, по 1-му курсу Медицинскаго Факультета Г. Югель, по 2-му и 3-му Г. Романовскій, по 4-му и 5-му Г. Фурсманъ.

На основаніи утвержденнаго Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 15-го Іюня 1845 года положенія, установленъ въ Московскомъ Университетѣ денежный сборъ съ своекоштныхъ Студентовъ по сорока руб. съ каждаго въ годъ (исключая дѣтей Священно и церковно-служителей Православнаго исповѣданія) на слѣдующихъ правилахъ: 1) Сроки для взноса платы назначаются: 1-го Января и 1-го Іюля, такъ, чтобы платежъ производился всегда по полугодно впередъ, считая съ сихъ чиселъ, хотя представившій плату поступилъ и не въ началѣ полугодія, а въ продолженіи онаго. 2) Плата вносится за вновь вступающихъ при самомъ приѣмѣ, а за прочихъ не позже двухъ мѣсяцевъ, считая съ начала полугодія; тѣ же, кои въ теченіи этого времени не внесутъ платы, исключаются немедленно изъ Университета, съ обозначеніемъ въ выдаваемыхъ имъ свидѣтельствахъ причины ихъ исключенія. 3) Студентъ,

перешедшій изъ другого Университета, увольняется отъ платы за полугодіе, за которое она внесена уже имъ въ томъ Университетѣ; 4) внесенная плата остается въ пользу Университета, хотя бы студентъ выбылъ изъ онаго и прежде истечения времени, за которое она внесена; 5) отъ платы освобождаются тѣ изъ своекоштныхъ Студентовъ, которые представляютъ свидѣтельства мѣстнаго Начальства, по установленной формѣ о недостаточномъ ихъ самихъ или родителей ихъ состояніи; 6) собранная сумма опредѣляется: а) на вспоможеніе бѣднѣйшимъ изъ своекоштныхъ Студентовъ, какъ въ продолженіи, такъ и при окончаніи курса ученія, по даннымъ отъ Г. Министра правиламъ; б) на выдачу пособій отличнѣйшихъ изъ своекоштныхъ Студентовъ недостаточнаго состоянія, для дальнѣйшаго усовершенствованія по окончаніи ими Университетскаго курса; в) въ случаѣ недостатка штатныхъ и экономическихъ суммъ на необходимыя расходы по содержанію Университета, особенно по Студенческой больницѣ.

Инспекторъ Студентовъ (подпись неразборчива).

МАЛОЛѢТНОМУ ВОСПИТАНИКУ

Благороднаго при Университетѣ Пансіона.

Чтобы онъ старался быть таково, какъ здѣсь изображено.

Дитя добродѣтельное при имени *Богъ* чувствуетъ въ невинномъ сердцѣ своею радостью, любовью, страхъ и почтеніе.—„Кто сдѣлалъ это,—такъ думаетъ онъ;—что я живу на свѣтѣ, что я здоровъ, что я веселъ, когда веду себя хорошо?—Кто маленькимъ моимъ товарищамъ и всѣмъ большимъ сдѣлалъ такое же добро?—Кто для всѣхъ насъ создалъ такъ много прекрасныхъ вещей? И мы всѣхъ ихъ лучше—это *Богъ*. Онъ всѣхъ больше, всѣхъ сильнѣе.—Сколько Онъ къ намъ милостивъ—мы Его не видимъ, а Онъ насъ знаетъ, все намъ даетъ. Какъ же не любить и не почитать Его, какъ не быть къ Нему благодарными? Онъ намъ всѣмъ Отецъ... Отецъ...“ восклицаетъ оно—и дитя такое щасливо.

I. Какъ добродѣтельное дитя понимаетъ и любитъ Бога?

„Великій Государь нашъ имѣетъ отъ Бога власть надъ нашими батюшками и надъ нами. Сколько людей въ государствѣ, а Онъ объ нихъ печется и всѣмъ дѣлаетъ добро. Я чувствую къ Нему въ сердцѣ благоговѣніе.—О есть ли бы мнѣ поскорѣе вырасть и научиться всему, чтобы служить Ему и отечеству такъ охотно, такъ усердно, какъ тѣ, которыхъ Онъ милостиво жалуетъ и которыхъ всѣ любятъ и почитаютъ“.

II. Какъ оно чувствуетъ благоговѣніе къ Государю и любовь къ Отечеству?

„Какъ нѣжно батюшка и матушка меня любятъ, сколько они ласкаютъ меня, тѣшатъ, всѣмъ довольствуютъ, какъ ради, когда веду себя порядочно.—

III. Сколько оно чувствуетъ любовь къ родителямъ?

Я буду и все такъ поступать. Я ихъ сердечно люблю и почитаю. Сколько я ихъ обрадую, когда они услышатъ, что я прилѣженъ, нерѣзовъ и послушенъ“—
Такъ говорить само себѣ наше прекрасное дитя и такъ поступаетъ.

IV. Какъ оно
почитаетъ на-
ставниковъ
своихъ?

„Начальники, учителя, надзиратели поступаютъ со мною какъ родные мои. Они хвалятъ и отъ всѣхъ отличаютъ меня, когда я отмѣнно хорошо учусь, и когда бываю скромнѣе, а ежели что худое сдѣлаю, то какъ имъ быть довольнымъ. Они выговариваютъ мнѣ и отводятъ меня отъ всего, чтобъ я не былъ дурень. О, они меня любятъ и хотятъ мнѣ добра. Я буду и съ своей стороны любить ихъ, почитать и во всемъ слушаться. Куда какъ весело тогда ихъ видѣть и быть съ ними: какъ они ласково и приятно будутъ на меня смотрѣть. Придетъ батюшка, они меня похвалятъ, а это ему очень будетъ приятно.“—Вотъ чувствованія добронравнаго дитяти.

V. Какъ оно
ведетъ себя въ
классѣ?

„Прежде всего я попрошу Бога; чтобъ Онъ помогъ мнѣ все вытверживать и помнить; въ классѣ буду сидѣть смиренно, учтиво; безъ спросу и позволенія не встану никогда съ мѣста; буду слушать и примѣчать, что говоритъ мой учитель, и ежели спросить меня, постараюсь отвѣчать исправно. *Прекрасно!* скажетъ онъ и всѣ товарищи на меня посмотрятъ.—Какъ тогда мнѣ будетъ весело, у меня все будетъ въ порядкѣ; перо очинено, чернильница чиста, тетради шиты и написаны какъ надобно. Учитель и за то меня похвалитъ, подпишетъ мнѣ *хорошо* и скажетъ всѣмъ:—*Вотъ прилѣжной ученикъ!*—Такъ то и вы дѣлайте“.

VI. Какъ по-
ступаетъ при
повтореніи
уроковъ и во
время отдыха?

„У меня есть уроки,—говоритъ онъ ввечеру при повтореніи.—Я тотчасъ примусь за нихъ; прочту сперва одну строчку; вспомню какъ изъяснялъ учитель; повторю ее два, три раза и замѣчу наизусть, проговорю безъ книжки; ежели ошибусь еще посмотрю, пока выучу наконецъ твердо; а послѣ такимъ же образомъ поступлю и далѣе, и скоро, скоро весь урокъ у меня поспѣетъ.— Тутъ сдѣлаю и другое, что задано, или перепишу, что нужно, на бѣло. А тамъ гулять, да какъ же? Вѣдь, не рѣзвиться, не кричать, не толкать другъ дружки, не бѣгать безпрестанно. О, такъ дѣлаютъ только избалованные мальчишки. Нѣтъ, я буду всегда подлѣ надзирателя своего; онъ мнѣ скажетъ, гдѣ я зашлаюсь слишкомъ. Съ маленькими товарищами моими буду друженъ, учтивъ, услужливъ; мы никогда не поссоримся, будемъ играть вмѣстѣ, а если захочется побѣгать или во что поиграть, то напередъ спрошусь, да и то играть стану тихонько“.

Вотъ миниатюрной портретецъ прекраснаго, добраго и умнаго дитяти. Имѣйте его, любезный воспитанникъ, всегда передъ глазами, и ведите себя точно такъ, какъ будто съ васъ снятъ зтотъ образецъ; тогда вы будете и сами прекрасное, доброе и умное благородное дитя.

На оборотѣ сего:

Учебная табель для

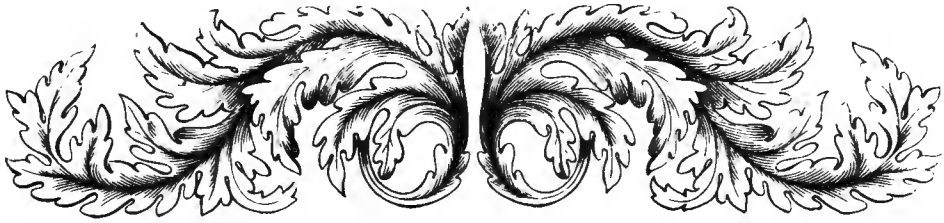
Классы.	Танцованья.				
	Фехтованья.				
	Музыки.				
	Рисованья.				
	Аглинскаго.				
	Французскаго.				
	Нѣмецкаго языка.				
	Латинскаго языка и Миеологии.				
	Юриспруденціи и политики.				
Послѣобѣденные часы.					
Классы.	Христіанск. закона и нравствен.				
	Россійскаго судопроизводства.				
	Натуральной Исторіи и Физики.				
	Всеобщей Исторіи.				
	Географіи.				
	Фортификаціи и Артиллеріи.				
	Гражданской Архитектуры.				
	Алгебры и Тригонометріи.				
	Геометріи.				
	Ариметки.				
	Россійск. яз., Риторики и Логики.				
	Чистаго письма.				

Благороднаго университетскаго пансіонера.

Утренніе часы.

Дни.	Понед. Вт. Ср. Четв. Пятн. Суб.
Имена учащихъ въ Благородномъ Университетскомъ пансіонѣ	

Сообщилъ А. Ө. Кони.

КОЕ-ЧТО ИЗЪ ИППОЛОГИИ

Воспоминаніе гусара прошлаго вѣка.

Посвящается памяти Ген.-Ад. Фельдмаршала Г. В. Гурко.

„Heer baron! *) а вы слышали, что въ Крулевство дивизія скоро придетъ?“ — докладываетъ факторъ, явившись какъ-то раннимъ утромъ, во время кампанента подъ Варшавой. — „Что ты врешь, откуда ты знаешь?“ — „Ну и какъ же Срулю не знать, когда хорошій гешефтъ будетъ: господа все богатые, да и зачѣмъ бы тогда и пантафлѣвая почта у еврейчиковъ была бы“!

Къ удивленію, жидъ былъ хорошо освѣдомленъ, и всего недѣли черезъ три послѣ этого разговора прочитали мы въ приказѣ, что на Рембертовскомъ плацу будетъ смотръ командующимъ войсками Ген.-Ад. Гурко вновь прибывшей изъ Россіи кавалерійской дивизіи.

Воспользовавшись свободнымъ днемъ, собрались мы взглянуть на вновь прибывшихъ, среди коихъ было много однокашниковъ, — главное же, конечно, — новость: свои товарищи за многіе годы пріѣлись уже.

Рембертовскій плацъ, на коемъ былъ назначенъ смотръ, даже для насъ бывалыхъ стариковъ былъ въ началѣ пугаломъ, а уже кажется, и безъ войны мы виды всякіе перевидали подъ командой своего, дѣйствительно незабвеннаго, генерала. На этомъ плацу было все, кромѣ равнинъ: болота непролазныя, вырубки изъ-подъ лѣса, овраги, а главное — неразорвавшіеся снаряды, — бывало пойдеть

*) Жиды въ тѣ времена такъ обращались къ г.г. офицерамъ.

полкъ въ атаку въ первые еще года и—смотрѣть издали,—тамъ, какъ на войнѣ, люди и лошади валятся.

На плацу первое, что бросилось въ глаза, это—конскія тѣла, на нашъ взглядъ, кратко характеризуемая—„крючки“. У насъ же все иное прочее, до казацкой джигитовки включительно, было въ большомъ порядкѣ, но „тѣла“ было первое и главное. „Пока жирная лошадь похудѣетъ, худая—сдохнетъ“ любилъ говаривать Ген. Гурко.

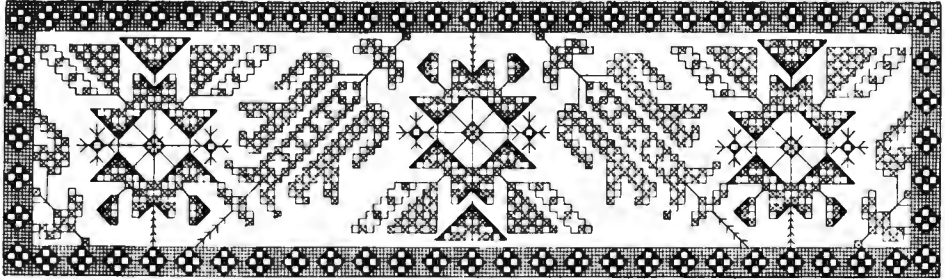
Мы не преминули своимъ пріятелямъ изъ пришедшей вновь дивизіи объяснить, что, пожалуй, дальше ихъ и смотрѣть начальство не будетъ. Прибыль и самъ Гурко; объѣхалъ, нахмурился и подалъ сигналъ: „сборъ начальниковъ“, и всѣ собрались. За Ген. Гурко всталъ его начальникъ штаба, а за нимъ—громадная свита; передъ Гуркой выстроились всѣ г.г. офицеры вновь прибывшей дивизіи со своимъ начальникомъ дивизіи во главѣ.

—„Господа! Давно, когда я обучался въ корпусѣ, учили меня, между прочимъ, и иппологии,—и зналъ я тогда, что у лошади полагаются ребра, но войска Высочайше ввѣреннаго мнѣ Округа этихъ костей мнѣ никогда не показывали, и я о нихъ забылъ.... Я больше ничего не скажу“.... Повернулся и уѣхалъ... Поняли всѣ сразу . . . И на слѣдующій годъ дивизія эта не только сравнялась съ нами, но и перещеголяла.

Безсмертный.

Арзамасскій уѣздъ.

Переписка Н. П. Игнатъева съ А. Н. Карцовымъ.

Игнатъевъ.

Константинополь, 13 Апрѣля 1865.

Такъ какъ журналы уже занялись проектомъ французской императрицы касательно уничтоженія существующаго и постройки новаго храма общими силами всего христіанства, то, вѣроятно, мѣстное духовенство различныхъ вѣроисповѣданій занято этой несбыточной мыслью. Желательно, чтобы вы слѣдили за впечатлѣніями мѣстными и сообщили мнѣ, какъ отзываются о проектѣ греки, армяне, а въ особенности латине и протестанты.

Мы не должны показывать вида противникамъ нашимъ, что озабочиваемся осуществленіемъ французскаго плана. Зная нелѣпость его, а также, что всякое измѣненіе нынѣшняго status quo будетъ намъ въ ущербъ, мы не можемъ сочувствовать затѣямъ императрицы Евгеніи, но оффиціально мы не высказываемся противъ предложенія, чтобы напрасно не раздражить автора, въ увѣренности, что для исполненія возникнутъ такія трудности, такія препятствія, которыя никто не будетъ въ состояніи преодолѣть. Пока мы ограничиваемся, когда спрашиваютъ мнѣнія нашего французы, англичане или нѣмцы, выставленіемъ фактическихъ трудностей исполненія и выраженіемъ сомнѣнія осуществленія мысли, противъ которой въ принципѣ ничего не имѣемъ, лишь бы существующія права нашихъ единовѣрцевъ не были нарушены. Мы надѣемся, что духовенство, не только греческое, но армянское и даже католическое воспротивится посредствомъ протестовъ въ случаѣ надобности святотатственному разрушенію храма Господня, которымъ такъ дорожили наши предки. Однимъ словомъ, дѣйствуя не въ пользу проекта, при случаѣ, подъ рукою, совмѣстно съ нашими единовѣрцами, мы должны поступать такъ, чтобы отвѣтственность за неудачу французскаго проекта пала отнюдь не на насъ, а на все хри-

стіанство или на Порту. Мы должны остерегаться подать поводъ французскимъ агентамъ къ обвиненію насъ въ антагонизмъ, скрытомъ личиною равнодушія, а, тѣмъ болѣе, въ явномъ противодѣйствіи всему тому, что предлагается Франціею. Мнѣ кажется—что планъ императрицы Евгениі не можетъ удасться ни въ какомъ случаѣ и тогда французы возвратятся къ возобновенію Купола.

Я считалъ нужнымъ сообщить вамъ довѣрительно вышесказанное для опредѣленія вашего Standpunct'a въ случаѣ разговора по этому поводу съ духовенствомъ различнаго вѣроисповѣданія и вашими коллегами.

Новому армянскому Патріарху я посовѣтовалъ на ухо подать протестъ Портѣ противъ мысли разрушить существующій храмъ. Онъ хочетъ заняться этимъ дѣломъ и подписаться вмѣстѣ съ коптами, сирійцами и греками. Хорошо бы, если бы и католиковъ туда же ему удалось увлечь. Черезъ армянъ легче сдѣлать, и насъ не замѣтятъ. Передайте привѣтъ мой Патріарху и скажите, что я его ожидаю съ нетерпѣніемъ. Желаю вамъ добраго здоровья. Преданный вамъ

Н. Игнатьевъ.

Карцовъ.

Іерусалимъ, 8/20 апрѣля, 1865.

Милостивый Государь, Николай Павловичъ!

Въ Лазареву субботу, 27-го марта, Патріархъ прислалъ ко мнѣ утромъ діакона своего, Паренія, съ просьбою передать о. Леониду, чтобы онъ, во время предстоящихъ служеній Страстной недѣли и Пасхи не приходилъ въ храмъ для священнодѣйствія, такъ какъ онъ воспрещаетъ ему совершеніе таинства, а просятъ меня передать это Архимандриту во избѣжаніе скандала публичнаго передъ цѣлымъ соборомъ наложенія на него запрещенія и предупрежденія о. Леонида, который распускалъ слухи, что въ Вербное воскресеніе онъ явится на литургію. Не смотря на все желаніе мое быть въ сторонѣ отъ этихъ духовныхъ распрей, я долженъ былъ исполнить волю Патріарха и предупрежденіе было въ тотъ же день сдѣлано черезъ секретаря ввѣреннаго мнѣ консульства, такъ какъ въ то время Архимандритъ отказывался меня принимать.

Въ понедѣльникъ 29-го Марта, я получилъ отъ о. Леонида письмо прилагаемое при семь въ подлинникѣ. На это письмо я словесно отвѣчалъ ему черезъ г-на Юзефовича, что никакъ не могъ дать ему письменнаго отвѣта, во первыхъ потому, что слова Патріарха переданы были мнѣ черезъ третье лицо и изустно, слѣдовательно, за точность ихъ я ручаться не въ состояніи и, во вторыхъ, считаю всякую переписку между нами лишнею, такъ какъ мы живемъ съ нимъ на одномъ дворѣ и я готовъ по первому его зову явиться къ нему или принять его у себя. Что же касается до узнаванія болѣе точнаго смысла словъ Патріарха, то совѣтую Его Высокопреподобію объяснитья по этому предмету съ Его Блаженствомъ лично или черезъ своего драгомана.

Въ Страстную пятницу о. Леонидъ уѣхалъ въ Саввинскую обитель, откуда возвратился на второй день Пасхи и тотчасъ явился ко мнѣ съ официальнымъ визитомъ. На другой день я былъ у него, и онъ говорилъ со мною совершенно дружески, а сегодня опять навѣстилъ меня какъ самаго добраго пріятеля. Хотя я нѣсколько удивленъ этому быстрому переходу отъ ненависти къ дружбѣ, не могу, однако, не порадоваться, что это будетъ для меня большимъ облегченіемъ въ дѣлѣ отправки въ Россію уволенныхъ монаховъ. Передавая мнѣ паспорта ихъ, Архимандритъ сообщилъ, что объ указѣ Святѣйшаго Синода имъ объявлено и что дальнѣйшее о ихъ судьбѣ распоряженіе совершенно зависитъ отъ консульствъ. Я въ тотъ же день поставилъ имъ на видъ, что имъ необходимо немедленно ѣхать въ Россію: на это іеромонахъ Іоаннъ подалъ мнѣ письменный отзывъ, прилагаемый у сего въ подлинникѣ, а іеродіаконъ Арсеній, который уже давно страдаетъ грудью и еще до назначенія своего въ миссію оставилъ службу въ С.-Петербургской Духовной Академіи и, по совѣту докторовъ, собирався ѣхать за границу для пользованія въ тепломъ климатѣ, объявилъ мнѣ, что сегодня же вечеромъ представить въ консульство при бумагѣ свидѣтельство здѣшнихъ докторовъ, что при настоящемъ состояніи его здоровья возвращеніе въ Россію сопряжено было бы съ дѣйствительною для него опасностью. Оба увѣряютъ меня, что вполне убѣждены въ необходимости немедленно повиноваться указу Святѣйшаго Синода, и что, если ходатайства ихъ не будутъ уважены, то они тотчасъ же отправятся въ Россію. Всѣ эти отзывы ихъ весьма затрудняютъ меня для выполненія предписаній Вашего Превосходительства отъ 190 и А. Д. отъ 22 Февраля № 673, такъ какъ ни въ одномъ изъ означенныхъ предписаній не принято въ соображеніе того обстоятельства, что консульство могло бы со стороны осужденныхъ встрѣтить какое либо сопротивленіе или отговорки.

Сейчасъ передали мнѣ, что о. Леонидъ уже нѣсколько разъ обходилъ греческихъ епископовъ и членовъ Иерусалимскаго синода, умоляя ихъ ходатайствовать за него передъ патріархомъ, но совершенно безуспѣшно. Патріархъ намѣренъ продолжить временное отрѣшеніе о. Леонида отъ священнодѣйствія и писать на дняхъ въ Святѣйшій Синодъ и князю Горчакову, съ настоятельною просьбою объ отозваніи Архимандрита изъ Иерусалима и назначеніи другого Начальника миссіи.

Съ отличнымъ почтеніемъ А. Карцовъ.

Карцовъ.

Иерусалимъ, (18) 30 Апрѣля 1865.

Милостивый Государь, Николай Павловичъ,

Имѣю честь представить у сего подъ открытою печатью донесеніе мое на имя Г. Директора Азіятскаго Департамента отъ сего числа за № 44, съ покорнѣйшею просьбою о дальнѣйшемъ направленіи оваго по назначенію.

12-го апрѣля Патріархъ былъ у меня съ поздравленіемъ по случаю Пасхи. Рѣчь зашла у насъ объ 17-мъ, днѣ рожденіи Государя Императора, и Патріархъ спросилъ меня, въ какой церкви намѣренъ я быть въ этотъ день. Я отвѣчалъ ему, что предпочиталъ бы быть на Святыхъ Мѣстахъ, если бы только литургія и молебствія могли быть на русскомъ языкѣ. Въ отвѣтъ на это Его Блаженство тотчасъ объявилъ мнѣ, что будетъ служить молебенъ и обѣдню на Голгоѣѣ на русскомъ языкѣ самъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Мелетіемъ и всѣми епископами.

Вчера я былъ на Голгоѣѣ; всѣ ектеніи, Апостоль и Евангеліе были на русскомъ языкѣ, и Патріархъ самъ нѣсколько возгласовъ произнесъ по русски, и при выносѣ Св. Даровъ помянулъ Государя Императора, Государыню Императрицу, Цесаревича Наслѣдника и весь Августѣйшій Домъ. Молебствіе было по русскому обряду съ провозглашеніемъ великаго многолѣтія, что не въ обычаѣ у здѣшняго греческаго духовенства; затѣмъ всѣ присутствовавшіе были приглашены въ Патріархію на завтракъ, во время котораго Его Блаженство первый тостъ предложилъ за здоровье Государя Императора. Вообще Патріархъ былъ особенно внимателенъ и любезенъ.

Съ отличнымъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

А. Карцовъ.

Игнатъевъ.

Буюкъ-Дере, 7 Іюня 1865.

Французское правительство конфиденціально поручило своему послу узнать мнѣніе нашего министерства касательно проэкта Барера. Князь Горчаковъ объявилъ Талейрану, что, не узнавъ предварительно моего мнѣнія, не выскажетъ своего, прося меня узнать довѣрительно въ словесныхъ объясненіяхъ съ Патріархомъ мнѣніе греческаго духовенства. Такъ какъ Блаженнѣйшаго Кирилла нѣтъ здѣсь, и неизвѣстно, когда онъ вернется, то я рѣшился сообщить довѣрительно проектъ Барера вамъ, чтобы вы въ бесѣдѣ съ Патріархомъ „пощупали“ его и удостовѣрились въ томъ, есть ли, можетъ быть, надежда, что нѣкоторые изъ предложенныхъ мѣръ имъ допущены будутъ и какія именно встрѣтятъ сильнѣйшую оппозицію. Между нами сказано;—полагая, что проектъ эготъ будетъ опровергнуть Патріархомъ, и зная его взглядъ на происки французовъ, могъ бы тотчасъ опровергнуть бредни нашего коллеги, но князю Горчакову очень не хочется отвѣчать постоянно non possumus на предложенія французовъ по купольскому вопросу и, par acquit de conscience, слѣдуетъ распросить Патріарха. Съ ловкостью вамъ свойственною, вы конечно избѣгнете опасности оставить въ Патріархѣ убѣжденіе, что мы готовы вмѣстѣ съ французами подкапываться подъ права греческаго духовенства въ Іерусалимѣ; распросы наши должны, напротивъ, доказать Патріарху, что мы дорожимъ его мнѣніемъ и желаемъ воспользоваться его опытностью, прежде нежели вступать въ диспутъ съ французами. Если мы предложенія послѣднихъ будемъ постоянно опровергать, то можетъ произойти одно неудобство: Наполеонъ на стѣну полѣзетъ, чтобы принудить турокъ помимо насъ сдѣлать ему уступки на Святыхъ Мѣстахъ для удовлетворенія клерикаловъ.

Я вамъ послалъ разрѣшеніе пріѣхать сюда, но не теряю надежды, что письмо это застанетъ васъ еще въ Іерусалимѣ, и что, такимъ образомъ, вы привезете нужные мнѣ отвѣты Патріарха или, лучше сказать, его замѣчанія на проектъ Барера. Эготъ послѣдній, кажется, вернется въ Іерусалимъ.

Искренно вамъ преданный

Н. Игнатъевъ.

Карцовъ.

Иерусалимъ.

Милостивый Государь, Николай Павловичъ!

Благосклонное письмо Вашего Превосходительства отъ 31 Августа / 12 Сентября я имѣлъ честь получить изъ рукъ Архимандрита Антонина, который благополучно сюда прибылъ 11 / 23 Сентября, и чѣмъ болѣе знакомлюсь съ отцомъ Антониномъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что это истинное съ вашей стороны самоотверженіе. Но очень прискорбно будетъ, если здѣсь не упрочится о. Антонинъ, хотя бы въ смыслѣ предположеній вашихъ о соединеніи миссіи Іерусалимской съ Константинопольскою. Онъ пользуется особеннымъ уваженіемъ Патріарха, и я убѣжденъ, что и по новымъ своимъ къ нему служебнымъ отношеніямъ, онъ въ самое короткое время успѣетъ приобрести къ себѣ полное довѣріе Его Блаженства. Что же касается меня, то ручаюсь за самыя мирныя съ нимъ отношенія. Я такъ убѣжденъ въ его безпристрастіи, что заранѣе объявляю себя виновнымъ во всемъ, въ чемъ только онъ признаетъ справедливымъ обвинить меня передъ вами.

14-го сентября о. Антонинъ служилъ литургію въ Воскресенскомъ храмѣ вмѣстѣ съ Патріархомъ и участвовалъ въ торжественной церемоніи воздвиженія Святаго Животворнаго Креста. Послѣ литургіи онъ былъ у меня и разговоръ случайно коснулся дѣла о Куполѣ. Отецъ Антонинъ сказалъ мнѣ, что онъ имѣетъ отъ Вашего Превосходительства порученіе поговорить съ Патріархомъ, но я объявилъ ему, что, получивъ отъ васъ то же приказаніе, я уже успѣлъ его исполнить, хотя и не имѣю еще письменнаго изложенія 4-хъ пунктовъ г-на Барера, отправленныхъ мнѣ съ пароходомъ Эльборусъ. Въ доказательство прочиталъ ему донесеніе мое къ Вашему Превосходительству отъ 19 по 31 Августа о разговорахъ моихъ съ Его Блаженствомъ по этому поводу. Находя, что ему уже нечего объясняться о томъ же съ Патріархомъ. О. Антонинъ заранѣе далъ мнѣ утѣшительное увѣреніе, что вы останетесь довольными способомъ веденія мною этихъ переговоровъ. Увѣреніе это тѣмъ болѣе для меня цѣнно, что до сихъ поръ я еще не смѣлъ ни съ кѣмъ совѣтоваться по этому дѣлу.

Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга

А. Карцовъ.

Игнатъевъ.

Буюкъ-Дере, 8/20 Сентября 1865.

Депеши ваши, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Андрей Николаевичъ, о разговорахъ вашихъ съ Патріархомъ касательно четырехъ пунктовъ Барера и собранія нужныхъ намъ историческихъ документовъ получены. По отсутствію русскихъ париходовъ, отвѣчаю вамъ въ частномъ письмѣ въ надеждѣ, что мои іероглифы, да еще на русскомъ языкѣ, ни одинъ австрійскій чиновникъ не разберетъ.

Прежде всего считаю долгомъ высказать вамъ мою признательность за скорое, ловкое и дѣльное исполненіе порученія. Разговоръ вашъ съ Патріархомъ о четырехъ пунктахъ представляетъ достаточный, по моему мнѣнію, базисъ для дальнѣйшихъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ. Главное было высказать расположеніе (до извѣстныхъ предѣловъ) соглашенію уступить въ мелочахъ, а устранить существенно вредное для православныхъ интересовъ и, вырвавъ изъ рукъ Барера предлогъ, заставить французское правительство признаться открыто, что возобновленіемъ Купола оно ищетъ другой, совершенно иной цѣли: торжества латинскаго духовенства надъ православнымъ.

Я писалъ въ Петербургъ, что *последнее* слово могло бы быть касательно проекта Барера: а) принятіе первыхъ двухъ пунктовъ въ той формѣ, какъ вы изложили въ вашемъ № 93; б) устраненіе двухъ послѣднихъ и замѣна французскихъ предложеній проектомъ введенія повсемѣстнаго (т.е. во всѣхъ трехъ галлереяхъ) принципа, существующаго для нижнихъ аркадъ Ротонды; в) лампадки могли бы быть однообразной формы *во всей* Ротондѣ и „если императрицы пожелаютъ поднести греческому духовенству, въ видѣ приношенія своего Храму Гроба Господня, то православное духовенство, вѣроятно, приметъ съ благодарностью и поспѣшитъ повѣсить новыя лампадки на верхней галлерей.—“

Я предупредилъ князя Вице-Канцлера, что мы не въ правѣ и не въ состояніи предложить греческому духовенству сдѣлать большія уступки безъ соотвѣствующихъ вознагражденій, которыхъ, впрочемъ, и не отыщешь. Я объявилъ, что это шахматъ того, что мы можемъ уговорить Патріарха уступить и что въ этомъ духѣ слѣдовало бы отвѣтить Патріарху, чтобы не прекратить вполне переговоровъ по Купольскому вопросу.

Очевидно, что уступки, означенныя выше, будутъ имѣть нѣкоторый вѣсъ и значеніе единственно въ томъ случаѣ, если Патріархъ въ глазахъ французовъ, при ихъ непосредственныхъ къ нему обращеніяхъ, будетъ оставаться непреклоннымъ, отстаивая со свойственнымъ ему упорствомъ права свои и опираясь на почтенное, знакомое латинянамъ, *pop possumus*. Видя неуспѣхъ Барера съ этой стороны и что съ Патріарха непосредственно нечего взять, французское правительство станетъ податливѣе въ переговорахъ съ нами, мы разыграемъ роль посредствующихъ, примиряющихъ; защищающихъ права православнаго духовенства, но благоразумно стремящихся къ примиренію и соглашенію. Мы возьмемся съ разными отрицательными оговорками сдѣлать Патріарху Іерусалимскому предложеніе *d'un compromis*, въ смыслѣ вашихъ заключеній въ бесѣдѣ съ Его Блаженствомъ, и тогда Патріархъ можетъ, въ видѣ особаго снисхожденія и огромной уступки, согласиться на наше предложеніе. Такой ходъ, такой образъ дѣйствій придастъ значительный вѣсъ и ему, и правамъ греческаго духовенства и *нимъ*. Такимъ образомъ, можетъ быть, чего нибудь и добьемся. Иначе, т.-е. если при обращеніи непосредственнымъ Барера или Лафона къ Патріарху французскіе агенты увидятъ, что безъ насъ можно достигнуть нѣкоторыхъ пунктовъ (первыхъ двухъ) то французское правительство будетъ считать эти уступки столь мало важными и естественными, что оно и не поставитъ ихъ въ цѣну, а сосредоточитъ всѣ настоянія свои на третьемъ пунктѣ, требуя неотступно отъ насъ именно этой уступки и нашей *pression morale* на греческое духовенство.

Я убѣжденъ, что мнѣ было бы достаточно намекнуть на эту мысль, чтобы вы постигли все ея значеніе въ дальнѣйшихъ переговорахъ и навели на нее ловкимъ образомъ, вамъ свойственнымъ, Патріарха Кирилла. Патріархъ будетъ въ своей роли Хранителя Правъ Восточной церкви въ Іерусалимѣ,— а мы въ своей политической.

Прошу васъ передать Патріарху глубокій мой поклонъ и сказать, что я и семейство просимъ его благословенія.

Очень радъ, что вы отыскали ключъ заколдованнымъ Іерусалимскимъ документамъ. Г. Paul отыщемъ и примемъ за бока.

Надѣюсь, что о. Антонинъ скоро доѣдетъ до Іерусалима и умиротворитъ духовную миссію.

Передайте о. Антонину привѣтъ мой. Наше пароходное общество собирается возстановить сирійскую линію.

Вы ничего не пишете о томъ, какъ добрались до Іерусалима и гдѣ держали карантинъ. Прекратилась ли у васъ холера? Желаю вамъ добраго здоровья и прошу васъ вѣрить въ искренность моихъ къ вамъ чувствъ.

Н. Игнатьевъ.

Карцовъ.

Іерусалимъ, 29 Сент. / 11 Окт. 1865.

Милостивый Государь, Николай Павловичъ!

Лишнимъ считаю говорить, какъ много меня порадовало письмо Вашего Превосходительства отъ 8 / 20 Сентября и милостивое одобреніе вами моихъ дѣйствій, о которыхъ я имѣлъ честь представить отчетъ въ № 93. Патріархъ поручаетъ передать вамъ, что онъ ежедневно молится о васъ и посылаетъ вамъ, Екатерину Леонидовну и княгиню свое благословеніе.

Патріархъ вполне понялъ роль, которой ему надо держаться будетъ въ случаѣ, если французскіе агенты начнутъ вступать съ нимъ въ непосредственные переговоры по Купольскому дѣлу. Я старался объясниться съ Его Блаженствомъ съ величайшей осторожностью, дабы не затронуть его самолюбія и успѣлъ безъ особеннаго труда. Блаженный Кириллъ далъ мнѣ честное слово, что никакія нападенія французовъ не подѣйствуютъ на него и что съ ними онъ останется вѣрны свойственному его характеру упорству. Однимъ словомъ, мы можемъ быть съ этой стороны совершенно спокойными, съ французами онъ не отступитъ отъ „non possumus“ и не проронитъ ни слова о тѣхъ уступкахъ, которыя онъ готовъ сдѣлать русскому посредничеству.

Говоря о лампадахъ, я намекнулъ на мысль, что, можетъ быть, если дѣло уладится, Государыня Императрица сама пожелаетъ сдѣлать это приношеніе для освѣщенія купола. Патріархъ отвѣчалъ мнѣ, что подобное приношеніе принято будетъ съ глубокою признательностью, тѣмъ болѣе, что со временъ царя Алексѣя Михайловича, который прислалъ ко Гробу Господню богатое Евангеліе, въ здѣшней греческой Патріархіи, имѣющей такъ много пожертвованій изъ Россіи отъ частныхъ лицъ, нѣтъ ни одного приношенія отъ Ав-

густѣйшихъ членовъ нашей царской фамиліи, между тѣмъ какъ всѣ святыни католиковъ украшены приношеніями императоровъ германскихъ и австрійскихъ, королей французскихъ, испанскихъ и португальскихъ и другихъ католическихъ владѣтелей.

Вслѣдъ за этимъ Патріархъ перешелъ къ разговору о дѣлѣ монастырскихъ имѣній въ Княжествахъ. Напрасно я старался остановить Его Блаженство, говоря ему, что дѣло это до меня рѣшительно не касается, что я въ немъ ничего не понимаю и что это будетъ совершенно лишняя трата словъ. Патріархъ почти со слезами просилъ меня выслушать его и передать вамъ душевную его просьбу не допускать совершеннаго раззоренія и униженія ввѣренной ему Патріархіи. Съ глубокимъ прискорбіемъ узналъ онъ черезъ Намѣстника своего, Іакова, что драгоманъ русской миссіи былъ поочередно у всѣхъ пребывающихъ въ Константинополѣ православныхъ іерарховъ, уговаривая ихъ склониться на предложеніе князя Кузы и подписать соглашеніе. Безъ сомнѣнія, продолжалъ Патріархъ, Россія не можетъ одна противодѣйствовать всѣмъ другимъ европейскимъ державамъ; но если бы въ дѣлѣ этомъ она съ полною искоренностью соединилась съ Портою и дѣйствовала съ ней за одно, то, можетъ быть, и могла бы достигнуть результатовъ менѣе невыгодныхъ. Онъ хорошо знаетъ, что теперь трудно поправить *промадную ошибку, сдѣланную г. Новиковымъ*, но если и должны погибнуть интересы православія на Востокѣ, если должна будетъ Россія уступить силѣ обстоятельствъ, лучше же политическое самолюбіе принести въ жертву, и совершенно отклониться отъ всякаго соглашенія, чѣмъ ей, — какъ старшей дочери этой церкви, — явно и въ глазахъ всего міра одобрять приговоръ раззоренія и уничтоженія престарѣлой своей матери, — восточной церкви. Что же касается лично Его Блаженства, то онъ никогда не согласится на предложенія кн. Кузы. Отъ предшественника своего онъ получилъ Іерусалимскую Патріархію богатую и не можетъ добровольно поставить себя въ положеніе передавать ее преемнику своему въ нищенскомъ состояніи. Латинское вліяніе всѣми силами стремится душить здѣсь православный элементъ. Въ истекшіе два года, лишенный доходовъ съ княжества, Патріархъ изстратилъ всѣ свои сбереженія на противоборство латинамъ. Послѣднія средства Патріархіи состоятъ изъ небольшихъ капиталовъ въ русскомъ и вѣнскомъ банкахъ и нѣсколькихъ имѣній въ Бессарабіи. Между тѣмъ расходы ея не уменьшаются. Такъ на примѣръ, до сихъ поръ Патріархія тратила ежегодно около 300 тыс. піастровъ единственно на раздачу печенаго хлѣба бѣднѣйшимъ изъ православныхъ арабовъ въ одномъ только Іерусалимѣ и постоянно платила за нихъ всѣ

повинности. Теперь насталъ рекрутскій наборъ: не имѣя денегъ, Патриархъ на дняхъ призывалъ къ себѣ всѣхъ арабскихъ старшинъ и объявилъ имъ, что греческіе монастыри, при настоящихъ обстоятельствахъ, уже не въ силахъ уплачивать за нихъ рекрутскую повинность правительству; поэтому онъ просилъ ихъ, чтобы наиболѣе достаточные заплатили за бѣдныхъ. Это произвело между нами сильное неудовольствіе. Далѣе, греческій монастырь имѣетъ въ Іерусалимѣ около 150 собственныхъ домовъ, въ которыхъ бесплатно помѣщаются бѣдныя арабскія семейства; кромѣ того, монастырь тратитъ ежегодно около милліона піастровъ на наемъ домовъ для подобныхъ же бѣдныхъ; однако Патриархъ вынужденъ будетъ прекратить раздачу хлѣба и не только расходы на наемъ жилищъ для православныхъ арабовъ, но даже и собственные дома монастыря отнять отъ бѣдныхъ, которые ихъ занимаютъ, и отдавать въ наемъ постороннимъ, для поддержанія денежныхъ средствъ Патриархіи. Его Блаженство не можетъ безъ ужаса предвидѣть послѣдствія этихъ мѣръ, которыя черезъ потерю доходовъ изъ княжествъ сдѣлаются скоро необходимыми; средства же католиковъ день ото дня увеличиваются и нѣтъ сомнѣнія, что они съ искусствомъ воспользуются для своей пропаганды неизбѣжными отъ этихъ реформъ неудовольствіями православныхъ жителей Палестины.

Въ 1857-мъ году селеніе Бетжала, близъ Виѳлеема, было исключительно населено православными арабами, числомъ около трехъ тысячъ. Латинскій Патриархъ Валерга успѣлъ тогда, черезъ французское консульство, приобрести себѣ тамъ участокъ земли, на которой началъ строить церковь и духовную академію: въ короткое время около 300 Бетжалскихъ арабовъ перешли въ католицизмъ. Чтобы остановить успѣхи латинской пропаганды Блаженный Кириллъ поспѣшилъ построить въ Бетжалѣ великолѣпный храмъ и школу, на что истратилъ тогда около 7 милліоновъ піастровъ. Какъ будетъ онъ въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовать въ будущемъ? Прежнимъ Іерусалимскимъ пашамъ греческій монастырь имѣлъ обыкновеніе давать по временамъ значительные бакшиши. Иззеть-паша не получилъ еще ни одного золотого, почему и кривитъ съ греками, не кончаетъ въ ихъ пользу ни одного дѣла и видимо начинаетъ клонить на сторону латинъ.

Въ заключеніе Блаженный Кириллъ повторилъ мнѣ свое увѣреніе, что если греческая Патриархія утратитъ доходы съ Княжествъ, то въ весьма недалекомъ времени, можетъ быть лѣтъ черезъ 20 или 25, представительство ея при Св. Гробѣ сдѣлается ничтожнѣе коптскаго; грековъ совершенно задушатъ латины, начнутъ душить и самые копты,

которыхъ средства, съ развитіемъ въ Египтѣ хлопчатобумажнаго промысла, день ото дня увеличиваются. Онъ умоляетъ васъ имѣть состраданіе къ безсильному теперь греческому духовенству, которое оказало Православной церкви немаловажную услугу тѣмъ, что въ теченіи столѣтій, цѣною величайшихъ пожертвованій, умѣло въ рукахъ своихъ сберечь для православнаго міра драгоцѣнныя Палестинскія Святыни.

Я отвѣчалъ Патріарху, что не замедлю частнымъ письмомъ въ точности передать Вашему Превосходительству все имъ сказанное и что рѣшаюсь на это только потому, что знаю, какъ много вы лично уважаете Его Блаженство. При этомъ, считаю долгомъ однако убѣдительно просить Вашего милостиваго снисхожденія къ смѣлости, съ которою я утруждаю вниманіе Ваше предметомъ, вовсе выходящимъ изъ района ввѣренной мнѣ части. Но такъ мнѣ жалокъ былъ старикъ Патріархъ, въ такомъ сильномъ волненіи говорилъ онъ со мною, что я не нашелъ возможнымъ отказать отъ исполненія его просьбы.

Въ письмѣ отъ 18 / 30 Сентября я упоминалъ о трехъ главныхъ дѣлахъ, которыя греческая патріархія имѣетъ въ настоящее время съ губернаторомъ Палестины: 1) дѣло убійства итальянца близъ Ильинскаго монастыря, 2) Млечной Пещеры, и 3) завѣсы въ Виодеемскомъ вертепѣ Рожденія. Ни одно изъ этихъ дѣлъ не кончено еще.

По дѣлу Млечной Пещеры Иззеть-паша конфиденціально говорилъ мнѣ, что онъ получилъ отъ Порты одобреніе всѣхъ своихъ дѣйствій, но для окончанія дѣла ему предписывается ожидать дальнѣйшихъ инструкцій. О Завѣсахъ въ Вертепѣ онъ адресовалъ ноту французскому Консульству, при которой, препровождая копіи протестовъ двухъ Патріарховъ, онъ объясняетъ Консульству, что не можетъ при такихъ протестахъ, самовольно дать разрѣшеніе на измѣненіе существующаго порядка вещей и совѣтуетъ Францисканцамъ обратиться съ ихъ претензіями въ Константинополь. Между тѣмъ изъ другого источника узналъ я, что Францисканцы уговариваютъ армянъ взять свой протестъ назадъ, обѣщая имъ за то полное свое содѣйствіе въ дѣлѣ одного участка земли близъ Виодеемскаго храма, участка, бывшаго у нихъ до сихъ поръ въ общемъ владѣніи съ греками, который они домогаются пріобрѣсти въ исключительную собственность. Патріархъ Исаія, какъ слышно, начинаетъ поддаваться на эти предложенія католиковъ. Вообще армяне такъ ненавидятъ грековъ, что постоянно готовы поддерживать противъ нихъ латинъ, въ ущербъ даже собственнымъ интересамъ. Блаженный Исаія человекъ вовсе необразованный

и ума недалекаго. Ивановъ, который такъ много толковалъ мнѣ о совершенно невѣдомомъ мною существованіи сагманатрутыка, не замедлитъ возвратиться въ Константинополь и въ подробностяхъ передастъ Вашему Превосходительству о составѣ здѣшней армянской Патриархіи. Но между тѣмъ, не изволите ли признать возможнымъ, при первомъ удобномъ случаѣ пугнуть Патриарха Исаію Эчміадзинскимъ Католикосомъ. По моему мнѣнію, это было бы не лишнимъ.

Вчера же Иззетъ-паша довѣрительно передалъ мнѣ нѣкоторыя подробности по дѣлу о Ханке, съ убѣдительною просьбою держать ихъ въ совершенной тайнѣ. Въ то время, какъ онъ узналъ намѣренія здѣшняго накиба Талеба-Вафа-Алеми-Эффенди продать часть Ханке французамъ, онъ призывалъ его къ себѣ и, въ присутствіи нѣсколькихъ членовъ меджилиса, бранилъ его самыми оскорбительными словами. Талебъ, вѣроятно, жаловался въ Константинополь брату своему Омару, который, какъ оказывается, весьма въ хорошихъ отношеніяхъ съ однимъ изъ драгомановъ французскаго посольства. Нѣтъ сомнѣнія, что это посольство вступилось за обиженнаго, потому что съ послѣднею почтою Иззетъ получилъ отъ Фуада-паши сильный выговоръ за оскорбленіе, нанесенное Іерусалимскому вакибу. Между тѣмъ Талебъ не унываетъ и на дняхъ поступилъ на утверженіе паши актъ, которому накибъ продаетъ драгоману французскаго генеральнаго консульства въ Іерусалимѣ, турецкому подданному Хатѣ-Карло одну лавку, составляющую принадлежность зданія Ханке. Внутренняя стѣна этой лавки прилегаетъ ко внутреннимъ кельямъ Святогробскихъ францисканцевъ и рядомъ съ ней находится наглухо задѣланная мраморная арка, которая во время крестноносцевъ служила западною дверью въ Святогробскій храмъ. Паша остановилъ утверженіе акта подъ предлогомъ неосновательности представленныхъ документовъ; онъ даже поручился мнѣ, что пока останется Палестинскимъ губернаторомъ, продажа эта не состоится; но при этомъ обратилъ вниманіе мое на дерзость подобнаго поступка со стороны Талеба-Эффенди,—дерзость, которую можно объяснить лишь только совершенной увѣренностью въ полной поддержкѣ со стороны французскаго посольства. Въ виду этого, паша недоумѣваетъ, дѣйствительно ли Порта имѣетъ намѣреніе взять все зданіе Ханке въ собственное свое владѣніе и, если это состоится, то не съ той ли цѣлью, чтобы сдѣлать уступку Франціи.

Въ письмѣ отъ 8/20 Сентября Ваше Превосходительство изволите милостиво распрашивать меня объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ возвращеніе мое въ Іерусалимъ. Десятидневный карантинъ

устроенъ былъ въ Колоніи, въ полуторачасовомъ разстояніи отъ города. Но, пользуясь консульской властью, я съ кавасомъ своимъ проѣхалъ прямо домой, на русскія постройки и послалъ объявить пашѣ, что карантинъ буду я держать въ своемъ домѣ и просилъ его прислать мнѣ гвардіоновъ. Такъ просидѣлъ я для внѣшняго приличія два дня, въ теченіи которыхъ всѣ имѣли ко мнѣ свободный доступъ. На третій же день я настоялъ, чтобы сняли въ Колоніи этотъ карантинъ, не имѣвшій рѣшительно никакого смысла, такъ какъ изъ Яффы ежедневно пробирались въ Іерусалимъ бедуины и феллахи помимо всякихъ карантиновъ и дорогъ.

Что касается до эпидеміи, то ея уже нѣтъ нигдѣ въ цѣлой Палестинѣ, кромѣ самого Іерусалима и ближайшихъ окрестныхъ селеній. Въ теченіе всего лѣта холеры здѣсь почти не было и она являлась только изрѣдка, спорадическими случаями. Но недѣли съ двѣ назадъ, эпидемія начала пріобрѣтать здѣсь нѣкоторую осѣдлость, такъ что въ самомъ Іерусалимѣ смертныхъ случаевъ бываетъ ежедневно отъ 7-ми до 10-ти. Доктора увѣряютъ однако, что она не можетъ здѣсь пріобрѣсть болѣе значительнаго развитія, такъ какъ сильныя жары должны скоро прекратиться.

Временное прекращеніе плаванья по сирійской линіи нашими пароходами произвело здѣсь впечатлѣніе самое невыгодное для чести русскаго Общества Пароходства и Торговли. Третьяго дня неожиданно явился на Яфскомъ рейдѣ пароходъ „В. К. Константинъ“; простоявъ на якорѣ самое короткое время, онъ ушелъ по сирійской линіи, не сообщаясь съ Яффою. Однако агентъ нашъ успѣлъ узнать отъ капитана, что въ слѣдующее воскресенье явится пароходъ „Юнона“, съ направленіемъ на Александрію; но возобновлена ли наша линія, капитанъ „Константина“ сказать не умѣлъ. Естественно, что при такихъ неожиданныхъ появленіяхъ нашихъ пароходовъ, русское консульство въ Іерусалимѣ никакъ не будетъ въ состояніи пользоваться ими для своевременнаго отправленія почты. Это удивляетъ меня тѣмъ болѣе, что Іерусалимъ и Яффа соединены телеграфическими нитями, какъ съ Бейрутомъ, такъ и съ Александріею.

Съ отличнымъ уваженіемъ и искреннѣйшею преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ и почтительнѣйшимъ слугою

А. Карцовъ.

Игнатьевъ.

Пера, 20 Октября, 1 Ноября, 1865.

Письмо ваше, почтеннѣйшій Андрей Николаевичъ, отъ 29 Сентября / 11 Октября получилъ и спѣшу отвѣтить по пунктамъ на вопросы, затронутые вами: 1) составленный, вслѣдствіе удачнаго исполненія возложеннаго мною на васъ порученія, проектъ соглашения по Купольскому вопросу и основанный на свѣдѣніяхъ, вами сообщенныхъ, посланъ въ Парижъ какъ конфиденціальное выраженіе мнѣнія касательно максимума того, что можетъ быть предложено русскимъ правительствомъ греческому духовенству. По полученіи отзыва французскаго правительства приступимъ къ дальнѣйшимъ переговорамъ.

Такимъ образомъ намъ, можетъ быть, удастся отстоять не только галерею и входъ въ нее за греками, но даже воспользоваться этимъ случаемъ для утвержденія прочнымъ соглашеніемъ, писаннымъ между Россією, Турцією и Францією,—сохраненія на будущее время *status quo* собственности православнаго духовенства. Конечно, такой исходъ труденъ, но былъ бы нашимъ торжествомъ. 2) Касательно дѣла о монастырскихъ имѣніяхъ Патріархъ введенъ сообщенными ему изъ Константинополя свѣдѣніями въ страшное заблужденіе. Дѣло находится въ томъ же,—если не въ лучшемъ положеніи, нежели то, въ которомъ Блаженнѣйшій оставилъ его при своемъ отъѣздѣ изъ Константинополя прошлою весною. Я не отступилъ еще ни на шагъ образовавшейся коалиціи всѣхъ гарантирующихъ Державъ. Не могу даже понять, что дало поводъ образовавшемуся недоразумѣнію. Я спрашивалъ обыкновенныхъ корреспондентовъ Патріарха, и всѣ они отперлись, отзываясь, что ничего подобнаго, переданнаго вамъ Блаженнѣйшимъ, не писали и не могли писать, такъ какъ это было бы совершенно противно истинѣ.

Остается одно предположеніе: Архимандритъ Іаковъ по глупости не понялъ происходящаго, или кто нибудь съ умысломъ написалъ чушь Патріарху, чтобы поселить въ немъ сомнѣніе относительно дѣйствій русской миссіи. Намѣстникъ Іаковъ долженъ былъ знать, что драгоманъ русской миссіи обходилъ всѣхъ іерарховъ вовсе не съ цѣлью уговорить ихъ согласиться на предложенія (какія?) князя Кузы и подписать какое-то соглашеніе, а единственно для того, чтобы вывести и греческое духовенство и русскую миссію изъ глупаго и фальшиваго положенія, въ которое іерархи насъ поставили внезапнымъ

измѣненіемъ (скрытымъ отъ насъ) своего прежняго рѣшенія и самовольнымъ удаленіемъ изъ комиссіи своего представителя, возвращеніе котораго стоило мнѣ передъ тѣмъ столько хлопотъ съ турками, французами и даже представителями другихъ государствъ. Странно сказать, но мнѣ пришлось уговаривать, упрашивать іерарховъ защищаться и не оставлять непровергнутою ложь, возведенную на греческое духовенство Повѣреннымъ Румынскаго Господаря. Я долженъ былъ доказывать іерархамъ, что они дадутъ своимъ безтолковымъ молчаніемъ оружіе врагамъ своимъ, лишаютъ насъ средствъ защищать ихъ и предоставляютъ большинству, враждебно расположенному греческому духовенству къ миссіи,—основываться въ донесеніи своемъ конференціи державъ единственно на лживыхъ донесеніяхъ Негры, который увѣрившись въ молчаніи духовенства, безъ зазрѣнія совѣсти приводитъ неосновательныя цифры, живые документы и проч. въ подтвержденіе румынскихъ выводовъ. Во избѣжаніе недоразумѣнія и для придавія большаго вѣса моей попыткѣ вразумить іерарховъ, я снабдилъ Ону письменной инструкціей, копія которой, по просьбѣ іерарховъ, вручена имъ нашими драгоманами. Для окончательнаго разъясненія дѣйствительнаго значенія данныхъ мною совѣтовъ, посылаю вамъ копію съ этой инструкціи. Прикажете перевести довѣрительно и совершенно частно письменно ее Патріарху.—Впрочемъ, духовенство одумалось и недѣлю спустя сдѣлало то, что я ему совѣтовалъ: опроверженія духовенства написаны, предъявлены и напечатаны.—О другомъ пока и рѣчи нѣтъ. Что же касается до предложенія Кузы, то Патріархъ знаетъ, что я имъ не даю никакой вѣры и что я одинъ противодѣйствовалъ осуществленію видовъ Господаря или, лучше сказать, Франціи.

3) Никто болѣе меня не соболѣзнуетъ истощенію средствъ Іерусалимской Патріархіи и никто болѣе меня не желаетъ увеличенія ея имущества, богатствъ и проч. для того, чтобы греческое духовенство могло успѣшнѣе бороться съ безчисленными врагами православія. Вотъ почему мнѣ кажется, что для Патріарха и даже для церкви било бы выгоднѣе и практичнѣе получить своевременно надлежащія и достаточныя вознагражденія (*indemnité*) за свои монастырскія имѣнія, нежели вѣчно ожидать снятія секвестра и возвращенія захваченныхъ имущества. Во всякомъ случаѣ, Патріархъ долженъ мнѣ отдать справедливость, что никто не защищалъ и не защищаетъ православныя греческія интересы въ Константинополѣ съ такимъ жаромъ и усердіемъ, какъ я. Слѣдую въ этомъ, какъ и во всемъ, непремѣнной волѣ

постояннаго Покровителя православія на Востокъ,—Русскаго Царя и всегдашней политикѣ нашего правительства.

4) По дѣлу Ханке и Млечной пещеры отвѣчаю вамъ официально. Вполнѣ одобряю дѣйствія ваши, поведшія къ успѣшному посредничеству между Иззетъ-пашою и Патріархомъ.

5) Къ несчастію, желаніе ваше пугнуть Патріарха Исаію Католикосомъ Эчміадзинскимъ не можетъ быть исполнено по очень простой причинѣ.—Католикосъ Матеосъ умеръ, а преемникъ не будетъ избранъ ранѣе шести мѣсяцевъ. Но я буду имѣть въ виду мысли ваши. Патріархъ Армянскій прислалъ мнѣ съ Ивановымъ (прозваннымъ здѣсь „ходячимъ сахманатрутюномъ“) четки изъ оливковаго дерева и благословеніе. Поблагодарите, прошу васъ, и за то, и за другое и посовѣтуйте жить въ мирѣ съ православными. Армяне ничего не выиграютъ союзомъ съ латинами; съ нами имъ естественнѣе сойтись, потому что заступиться за нихъ передъ турками и латинами мы можемъ, основываясь на Эчміадзинѣ и нашихъ армянахъ.

6) О справедливыхъ жалобахъ вашихъ на непослѣдовательность и легкомысленность нашего парходнаго общества я говорилъ съ здѣшнимъ главнымъ агентомъ, и на этомъ не останавлиюсь. Вообразите, что пакетъ вашъ, вамъ посланный, сданъ былъ въ агентство наше въ Александретѣ. Подобной исторіи мы впредь не допустимъ. Я поставилъ на видъ обществу парходства необходимость быть исправными въ передачѣ нашихъ корреспонденцій, тѣмъ болѣе, что въ важныхъ случаяхъ (т. е. какъ только замѣшаны Святогробскіе интересы) мы рѣшительно не можемъ полагаться на иностранные парходы, развѣ за исключеніемъ турецкихъ, гдѣ перлюстрація не развита и не доведена до такого безстыдства, какъ на французскихъ и австрійскихъ парходахъ.

Передайте мой душевный привѣтъ Патріарху и отцу Антонину. Прошу у обоихъ благословенія. Дѣла у меня сегодня много, и безпрестанныя посѣщенія отрываютъ отъ занятій письменныхъ. Не знаю, успѣю ли перечестъ набросанныя вамъ строки.

Желаю вамъ добраго здоровья и полнаго успѣха.—Ваша поѣздка въ Парижъ не можетъ состояться, къ сожалѣнію, ранѣе того, что выяснится по Купольскому вопросу, вслѣдствіе затѣянныхъ нынѣ

объясненій или, по крайней мѣрѣ, поѣздки Патріарха въ Константинополь. Тогда мы спишемся съ вами. Искренно вамъ преданный

Н. Игнатъевъ.

Игнатъевъ.

Пера, 2-го Декабря 1865.

Посылаю вамъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Андрей Николаевичъ, довѣрительную депешу для настоящаго положенія переговоровъ нашихъ съ французами о Куполѣ. Ихъ чрезвычайно озадачила наша умѣренность, и вообще замѣтно, что чѣмъ болѣе мы будемъ предлагать имъ средствъ для того, чтобы покончить соглашеніемъ безобиднымъ для обѣихъ сторонъ, тѣмъ скорѣе французское правительство будетъ поставлено въ тупикъ и принуждено снять маску... Въ дѣйствительности Наполеонъ хотѣлъ бы дотянуть переговоры до паденія купола и тогда налечь на турокъ, и подъ носомъ у насъ приобрѣсти несравненно большія права, нежели тѣ, о которыхъ заявляетъ теперь французскій агентъ. Едва ли Патріархъ Кириллъ согласится на нынѣшнее предложеніе Drouin de Lhuys'a (дать ключъ двумъ приставамъ русскаго и французскаго консульства), но очень желательно было бы приискать какойнибудь *mezzo termine*, отъ котораго французы не могли бы отказаться. Если бы Патріархъ, паче чаянія, согласился бы на передачу ключа греческой двери въ галерею въ руки привратниковъ, назначенныхъ русскимъ и французскимъ консульствами, то полагаю, что французское правительство было бы очень озадачено необходимостью отказаться отъ любимой мечты: дожидаться разрушенія купола. Можетъ быть, вы, вмѣстѣ съ Патріархомъ придумаете какуюнибудь комбинацію пригодную. Полагаюсь на ваше благоразуміе и тактъ. Главное, чтобы Патріархъ не вообразилъ, что мы добиваемся приставить своего привратника и завладѣть греческимъ ключомъ. Если такая мысль влѣзетъ въ голову упрямому старику, онъ сдѣлается подозрительнымъ, недовѣрчивымъ до крайности и съ нимъ, какъ со всѣми греками, мы тогда „ничего не подѣлаемъ“. Будьте крайне осторожны въ разговоръ съ нимъ и предупредите, что, если мы доводимъ довѣрительно до свѣдѣнія Его Блаженства подобныя предложенія французовъ, то единственно для того, чтобы ничто отъ него не было скрыто,—довѣріе наше полное, и желали бы воспользоваться его мудростью и проч. и не дѣлать французамъ такихъ контръ-предложеній, которыя не могли бы соответствовать видамъ

Патріарха. На письмо ваше отъ 10/22 Ноября, мною полученное. отвѣчаю по пунктамъ: 1) представленіе ваше сообщено въ Петербургъ и подкрѣплено самымъ сильнымъ образомъ моимъ ходатайствомъ.

2) Не совѣтую пускаться въ Парижъ безъ вѣдома министерства Иностранныхъ Дѣлъ, пока переговоры нынѣшніе о Куполѣ не пришли къ какому либо окончанію или Патріархъ не выѣдетъ изъ Іерусалима. Я предупредилъ П. Н. Стремоухова о вашемъ намѣреніи, попрошу сообщить согласіе министерства Иностранныхъ Дѣлъ на 28 д. (остаться тогда можете, какъ предполагаете) во Францію по телеграфу.

3) Передайте привѣтъ мой о. Антонину; если успѣю извернуться до отхода парохода, напишу ему два слова.

Поздравляю васъ съ прошедшими именинами. Желаю вамъ добраго здоровья и успѣха. Мой глубокой поклонъ Патріарху.

Н. Игнатьевъ.

Игнатьевъ.

Пера, 15/27 Декабря 1865.

Спѣшу сообщить вамъ *допрительно*, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Андрей Николаевичъ, что вашъ политическій соперникъ, злой духъ Купола, Бареръ, былъ въ Константинополѣ, посѣтилъ вмѣстѣ съ Мутье Аали-пашу и старался внушить туркамъ свои убѣжденія; убѣдить ихъ въ превосходствѣ, въ невинности и практичности изобрѣтеннаго имъ способа порѣшить споръ между латинами и православными. Обдѣлавъ свои дѣлишки здѣсь, обдумавъ новыя козни съ посломъ и Боре (виновникомъ войны восточной), вашъ пріятель—пустозвонъ отправился на югъ и, вѣроятно, это письмо дойдетъ до васъ только тогда, когда Бареръ давно будетъ уже въ Іерусалимѣ. Убѣжденъ, что вы обратите его прыть въ пыль и прахъ и, что называется, вокругъ пальчика обведете.

Судя по нѣсколькимъ бесѣдамъ, бывшимъ послѣ проѣзда Барера между Мутье и мною. прихожу къ заключенію, что французы,—на случай, если не удастся насъ за носъ провести,—основываютъ всѣ свои надежды на циническомъ разчетѣ: они не хотятъ допустить под-

держанія существующаго Купола, паденіе и окончательное разрушеніе котораго ожидается ими съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Мутье даже проговорился одному пріятелю моему, что онъ надѣется, что Паша, отбивая штукатурку и т. п., разломаетъ и расшатаетъ старый остовъ Купола, который весьма скоро долженъ рухнуть. Французы даже не скрываютъ отъ насъ, что по ихъ мнѣнію, паденіе Купола, выстроеннаго греками, уничтожить фактически status quo, существующія права грековъ и что тогда легче будетъ латинскому міру сладить съ нами, съ турками и даже съ греческимъ Патріархомъ. Если бы свалился одинъ остовъ купола (la calotte), то радость французовъ была бы далеко не полною, а имъ хотѣлось бы всего болѣе, чтобы *тамбуръ* былъ поврежденъ, чтобы слетѣла ненавистная верхняя галерея и чтобы православные не могли болѣе указывать на существующую дверь. Каковы христіане, двигатели великихъ и великодушныхъ идей!

Дѣйствительно, споръ сосредоточивается между нами и французами на тамбурѣ и галереѣ, слѣдовательно всѣ усилія наши должны быть направлены, чтобы предохранить эти части храма отъ грозящаго разрушенія при неизбѣжномъ паденіи остова Купола (calotte). Слѣдуетъ и намъ, и грекамъ хорошенько всмотрѣться въ условія мѣстныя, т. е. заблаговременно опредѣлить степень устойчивости тамбура, удержится ли галерея, нельзя ли предупредить ея паденіе, укрѣпить какими либо незамѣтными для латинянъ способами (желѣзными связями и т. п.),—сколько времени можетъ остаться эта часть спорнаго строенія въ нынѣшнемъ положеніи. Перетолкуйте обо всемъ этомъ довѣрительно съ Патріархомъ, изучите архитектурныя условія, обдумайте планъ обороны, сообразите условія успѣха и изыщите со свойственною вамъ проникательностью и находчивостью средство для одолѣнія коварныхъ замысловъ Мутье, Барера и Комп. Упомянутыя свѣдѣнія, а равно мнѣніе Патріарха Кирилла и ваши собственные мнѣ необходимо имѣть въ непродолжительномъ времени. Прежде, нежели выяснится вопросъ и опредѣлится наилучшій планъ обороны.—вашъ отъѣздъ изъ Іерусалима немислимы: пеняйте на неугомоннаго товарища вашего. Впрочемъ, надѣюсь, что вы такъ скоро поведете дѣло и такъ скоро доставите мнѣ необходимыя и обстоятельныя свѣдѣнія, что налетѣвшая туча скоро разсѣется и осуществленіе вашихъ личныхъ плановъ сдѣлается снова возможнымъ.

Пишу вамъ официально по дѣлу о тайной перепродажѣ турками французамъ комнаты, находящейся на терассахъ храма Іерусалимскаго между куполомъ и Гробомъ Господнимъ, и Церковью Воскресенія. Вотъ

вамъ не мѣшало бы провѣрить содержаніе письма плута араба потому, что не поручусь, что онъ насъ не морочитъ своими сказками, впрочемъ, *il n'y a pas de fumée sans feu*, и очень можетъ статься, что тутъ кроются какія-либо новыя шашни французовъ. Пусть Патріархъ посуетится немного для открытія истины и принятія надлежащихъ мѣръ. Ему, можетъ быть, и хорошо пріобрѣсти эту комнату, но надо быть осмотрительными: французы, пожалуй, воспользуются этимъ для оправданія своего пріобрѣтенія другой части вакуфа, находящейся подъ французскимъ мѣстоположеніемъ. Последнее, пожалуй, будетъ горше перваго. Можетъ статься, что французы съ умысломъ подучатъ Омера обратиться къ намъ съ подобными предложеніями. Предоставляю вамъ разобрать всѣ эти хитросплетенія. Вамъ и книги въ руки.

Прошу васъ, любезнѣйшій Андрей Николаевичъ, передать мой поклонъ и поздравленіе съ наступающими праздниками Патріарху и отцу Архимандриту Автону. Примите пожеланія мои съ Новымъ Годомъ и вѣрьте моей преданности

Н. Игнатьевъ.

P. S. Письмо ваше отъ 21 Ноября получилъ. Благодарю Патріарха за благосклонность. О нашемъ орденѣ (Меджидіе) я тотчасъ написалъ въ Азіятскій департаментъ и не получилъ до сихъ поръ отвѣта. Вѣроятно, затеряли или ждуть случая для огульнаго представленія.

Игнатьевъ.

Пера, 29 Декабря 1865 года.

Хотѣлъ, было, написать вамъ о многомъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Андрей Николаевичъ, но постоянныя посѣщенія различныхъ лицъ отняли у меня все утро; теперь успѣю вамъ написать только нѣсколько словъ. Бареръ уже, вѣроятно, въ Іерусалимѣ. Между нами сказано, не смотря на его позицію и Мутъе, французское правительство начинаетъ сбавлять свои неумѣстныя требованія: о двухъ клеркахъ уже рѣчи нѣтъ и, кажется, примутъ нашъ проектъ соглашенія, основанный на разговорѣ нашемъ съ Патріархомъ. Опасаюсь очень, чтобы мнимое соглашеніе—не было бы хитрою ловушкой и ожидаю, во всякомъ случаѣ, тысячу крючковъ и закорючекъ. Намъ придется ух о остро держать и слѣдить за каждымъ шагомъ архитектора. Едва ли при такихъ обстоятельствахъ вамъ можно думать о поѣздкѣ въ Парижъ.

Что же дѣлать—несчастье. Я, впрочемъ, ходатайствовалъ предъ Азіятскимъ департаментомъ о дарованіи вамъ кратковременнаго отпуска (при теперешнихъ обстоятельствахъ я не могу взять на свою отвѣтственность уволить васъ безъ вѣдома М. И. Д.) и авось сдадутся на мое краснорѣчіе. Тогда, имѣя отпускъ въ карманѣ, вамъ можно будетъ улучшить минуту удобную, послѣ того какъ положеніе дѣлъ вполнѣ опредѣлится и перестройка будетъ условлена между нами и Патріархомъ. Для переговоровъ щекотливыхъ съ нимъ присутствіе ваше совершенно необходимо. Пока вы ему еще ничего не говорите объ успѣхѣхъ соглашенія. Не будучи увѣренъ въ подобномъ результатѣ, я, на всякій случай, передалъ вамъ предъ тѣмъ предложеніе французское о двухъ привратникахъ, чтобы заpastись заблаговременно личнымъ мнѣніемъ Патріарха. Неудобоисполнимость была очевидна, но запросъ сдѣлалъ я *par acquit de conscience*.

Знаете ли вы о существующемъ предположеніи назначить васъ въ Корфу? Какъ не жалко будетъ мнѣ разстаться съ такимъ консуломъ Іерусалимскимъ, какъ вы, но очевидно, оставлять васъ вѣчно въ Святотомъ Градѣ значило бы мѣшать вашей карьерѣ. Состоится ли это предположеніе или нѣтъ, но я убѣжденъ, что вы увѣнчаете славнымъ окончаніемъ мудренаго Купольскаго вопроса пребываніе ваше въ Іерусалимѣ. Надо непремѣнно намъ обставить перестройку такъ, чтобы не мы, а плутоватые галлы попали въ западню.

Полагали назначить въ Корфу Петковича, но я отстаивалъ выборъ хорошаго русскаго и по справедливости долженъ былъ указать на васъ, какъ на достойнаго кандидата въ числѣ двухъ другихъ.—Такъ какъ въ Петербургѣ до подписанія указа ни въ чемъ нельзя быть увѣреннымъ, то прошу васъ никому не давать виду, что означенное предположеніе вамъ мною сообщено. Поздравляю васъ съ Новымъ Годомъ и желаю вамъ всего лучшаго. Преданный вамъ

Н. Игнатьевъ.

Игнатьевъ.

Пера, 12 Января 1866.

Еще въ началѣ Декабря, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Андрей Николаевичъ, писалъ я П. Н. Стремоухову о необходимости вамъ вѣхать въ отпускъ, прося увѣдомить о согласіи министерства, непо-

средственно по телеграфу. Съ предпоследнимъ парходомъ получилъ я отвѣтъ, что поѣздка ваша во Францію должна быть отложена, что отецъ вашъ самъ сознаетъ необходимость сего и самъ о томъ пишетъ. Съ послѣднимъ парходомъ Стремоуховъ увѣдомляетъ, что объ отпускѣ вашемъ при нынѣшнемъ положеніи Купольскаго вопроса не можетъ быть и рѣчи. Вотъ какъ уладите дѣло съ Патріархомъ, а потомъ съ архитекторами и начнутъ мостки (лѣса) ставить, тогда снова возбудите вопросъ и тогда вамъ дадутъ возможность отдохнуть на лаврахъ. А дѣйствительно, будутъ лавры, если все пойдетъ хорошо.

Сегодня получите отъ меня пространную инструкцію. Кажется, ничего не упустилъ изъ виду, что могло бы быть вамъ необходимо для объясненія съ Патріархомъ. Для подкрѣпленія вашихъ словъ и для полученія положительнаго обстоятельнаго письменнаго отвѣта Патріарха—пишу ему краткое письмо, переводъ котораго при семъ прилагается. Уладьте дѣльцо, Андрей Николаевичъ, не ударьте лицомъ въ грязь. Пустите въ ходъ все ваше краснорѣчіе, всю вашу опытность,—случай единственный для пріобрѣтенія славы. Рѣдко приходится нашимъ агентамъ на востокъ быть въ такомъ видномъ, выгодномъ положеніи (*—qui ne risque rien, ne gagne rien!*), какъ вы теперь—при критическомъ положеніи Купольскаго вопроса. Опасаюсь, чтобы старикъ Патріархъ не спасовалъ и не сдѣлалъ своимъ словамъ какихъ либо неудобныхъ оговорокъ. Всего хуже, если у насъ выйдетъ недоразумѣніе, разногласіе съ православнымъ духовенствомъ. Кажется, Патріархъ долженъ былъ бы быть удовлетворенъ теперь, но надо намъ дѣйствовать въ этомъ щекотливомъ вопросѣ съ крайнею осмотрительностью и осторожностью. Требовать письменнаго согласія на всѣ пункты нынѣшнихъ предположеній отъ Патріарха,—нельзя, ибо легко возбудить обычную греческую подозрительность (подумаетъ, что мы устраиваемъ западню); а не худо бы Его Блаженству въ отвѣтъ на мое посланіе черкнуть, что онъ согласенъ на перестройку Купола, съ уничтоженіемъ евангелистовъ и надписей, съ сохраненіемъ *status quo*, но съ обязательствомъ освѣщать лампы верхней галереи въ извѣстные латинскіе праздники (оба духовенства условятся при нашемъ посредствѣ въ какіе именно). Не мѣшало бы и намъ имѣть подобный „документецъ“ на случай будущихъ обвиненій, но, впрочемъ, лучше несравненно ограничиться словеснымъ объясненіемъ Патріарха и его краткимъ отвѣтомъ на мое письмо, нежели возбуждать опасное подозрѣніе и давать пищу мнительности грековъ. Полагаюсь на вашъ тактъ и ловкость. Дѣло уладилось въ Парижѣ, вопреки *Drouyn de Lhuys*, Мутъе и Бареру. Послѣдній страшно разбѣсится и повѣситъ

ность, когда узнаеть, что его проекты обратились въ прахъ;—пока намъ надо дѣйствовать такъ, чтобы о томъ онъ не догадывался и не зналъ ни въ какомъ случаѣ—о предварительныхъ переговорахъ нашихъ съ Патріархомъ. Успѣемъ порадоваться, когда дѣло вполне обдѣлано будетъ.

Можете сообщить отцу Архимандриту Антонину о нынѣшнемъ положеніи интересовавшаго его вопроса. На его тактъ и скромность можно вполне положиться, а можетъ быть онъ намъ пригодится знаніемъ греческаго языка для увѣщаній Патріарха. Надо непременно добиться благопріятнаго результата, пустивъ въ ходъ все средства и вліянія. Хотѣлъ я, было, сдѣлать здѣсь нужныя внушенія постоянному совѣтнику Блаженнаго Кирилла, г. Константиридесу, но побоялся какой либо нескромности съ его стороны и рѣшился ожидать вѣстей отъ васъ, не говоря никому ни слова и даже не сообщая Мутъе, что знаю о Парижскомъ соглашеніи.

Если уладится съ Патріархомъ, предвижу еще много затрудненій и закорючекъ со стороны французскихъ агентовъ. Но авось мы все это преодолѣемъ. Вопль латинства будетъ большой, но пусть съ папою и католиками раздѣливается французское правительство. Намъ какое дѣло до нихъ.

Гарантию въ сохраненіи *status quo* на будущее время и отстраненіи дальнѣйшихъ притязаній латинянъ на галлерю и пр. будетъ служить, кромѣ самого факта перестройки и освѣщенія греками лампъ въ латинскіе праздники,—пятая статья протокола прежняго, новыя дополнительныя условія наши съ французскимъ правительствомъ и наконецъ, если подпиши уполномоченныхъ трехъ державъ (Франціи, Турціи и Россіи) будутъ казаться недостаточнымъ ручательствомъ, можно будетъ впоследствии уговорить турокъ выдать свидѣтельство Патріарху, основанное на соглашеніи трехъ державъ о сохраненіи *status quo*. Такъ какъ добыть подобныя свидѣтельства отъ трусливыхъ турокъ трудно, то намъ объ этомъ упоминать не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что подобное требованіе было бы даже излишнею предосторожностью, не имѣющей практическаго значенія. Придержите это средство до поры до времени въ карманѣ. Можетъ быть, и безъ него обойдемся, а надо приберечь что нибудь для Патріарха на будущее, когда начнется перестройка и выйдутъ неизбѣжныя недоразумѣнія.

Кажется, изъ Іерусалима можно телеграфировать шифромъ въ Константинополь, но я не увѣренъ, что у васъ въ консульствѣ есть

шифръ. Всѣ телеграммы en clair извѣстны Аали-пашѣ прежде, нежели мнѣ. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ буду ожидать о результатѣ вашихъ объясненій съ Патріархомъ и увѣренъ, что вы избѣгнете недоразумѣнія и преждевременной огласки.

Въ случаѣ непосредственныхъ обращеній Барера и К-о къ Патріарху, Его Блаженствѣ лучше всего отвѣчать уклончиво, съ тѣмъ, чтобы не возбудить какихъ либо надеждъ хвастливыхъ галловъ до окончательнаго соглашенія между нами и французскимъ правительствомъ.

Въ заключеніе не худо бы знать и вамъ, и Патріарху, что я пытался убѣдить Аали-пашу (мѣсяца два тому назадъ) рѣшиться на возобновленіе Купола именемъ Султана (любимая мечта Патріарха), но осторожный и робкій министр иностранныхъ дѣлъ объявилъ, что, хотя турецкое правительство и желало прежде принять на себя это предпріятіе, но нынѣ при разногласіи явномъ, существующемъ въ этомъ вопросѣ между Франціею и Россіею и при опасной настойчивости послѣдней, Султанъ ни подъ какимъ видомъ не приметъ на себя тяжелой обязанности, могущей его вовлечь въ столкновеніе съ Императоромъ Наполеономъ. Это откровенное признаніе малодушной слабости должно служить Патріарху вящимъ доказательствомъ выгоды и пользы соглашенія между нашимъ и французскимъ правительствомъ. Единодушное согласіе двухъ императоровъ становится необходимостью, единственнымъ залогомъ возобновленія Купола.

Мнѣ сегодня столько дѣла, что не успѣлъ перечитать написаннаго вамъ, но полагаю, что достаточно выяснилъ вамъ мысль мою,—что отъ васъ ожидаетъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.

Государь принимаетъ особенное и сердечное участіе въ счастливомъ окончаніи этого затруднительнаго вопроса. Да поможетъ вамъ Богъ. Вѣрьте въ искренность моихъ къ вамъ чувствъ.

Н. П. Игнатьевъ.

Игнатьевъ.

Пера, 9/21 Марта 1866 года.

Мнѣ приходится, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Андрей Николаевичъ, не меньше вашего сѣтовать на неисправность русскихъ паро-

ходовъ. Я высказалъ сѣтованія наши Штейгеру и главному директору Чихачеву. Обѣщаются быть исправнѣе впередъ, но жалуются на Яфскій рейдъ. — Нѣсколько писемъ вашихъ по милости пароходныхъ сообщеній разомъ попали въ Константинополь и во всѣхъ отношеніяхъ не во время: я не могъ вамъ отвѣчать съ первымъ (прямымъ) пароходомъ по необычайному стеченію переписки, заботъ и хлопотъ, надѣльныхъ намъ переворотомъ въ Княжествахъ. Къ тому же въ утро отхода парохода была у насъ конференція.—Сегодня у меня есть часокъ времени и потому отвѣчу вамъ по порядку.

Прежде всего—позвольте выразить вамъ большое спасибо за успѣшное, отмѣнно-ловкое исполненіе возложеннаго на васъ щекотливаго порученія по Купольскому вопросу. Патріархъ теперь попался намъ въ руки и отречься отъ своего согласія на перестройку не можетъ. Вамъ и книги въ руки. Вы вполне заслужили особую признательность Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и взяли генеральное консульство съ бою. Я по долгу совѣсти отдалъ вамъ справедливость и въ донесеніи, и въ письмѣ къ вице-канцлеру. Авось дѣло пойдетъ хорошо. Эпингеръ скоро будетъ въ Константинополь и, получивъ отъ меня нужныя свѣденія, отправится къ вамъ.

Мутье и Бареръ, видимо, работаютъ противъ устроеннаго нами соглашенія. Надѣюсь, что имъ не удастся теперь передѣлать рѣшеніе французскаго императора. Поздновато спохватились.

Я отмалчиваюсь и жду, чтобы самъ Мутье заговорилъ. Совѣтую вамъ не дразнить по пустому Барера, а оставить его въ полномъ невѣдѣніи до поры, до времени. Лучше было бы грекамъ держать языкъ за зубами, тѣмъ болѣе, что въ католическихъ журналахъ уже начали появляться статьи, обличающія нескромность и имѣющія цѣлью подзадорить французское правительство и католическія державы. Оказывается, что при первоначальныхъ переговорахъ между Мутье и Лобановымъ было условлено ничего не сообщать духовенству, ни католическому, ни греческому. Французы упрекаютъ теперь меня въ томъ, что я официально испросилъ согласіе Патріарха, тогда какъ они исполнили данное обѣщаніе, скрывъ все отъ Папы и т. д. Наполеона задорятъ тѣмъ, что „онъ, значить, исполнилъ только волю греческаго Патріарха, а взаимнаго соглашенія не было“ и пр.

Конечно, нельзя считать отстраненными всѣ препятствія и затрудненія. Главныя начнутся только тогда, когда *abré provisoire* будетъ

устроенъ и куполь разобранъ. Пусть французы начнутъ плутовать и мошенничать, чтобы обойти условія заключенныя и вернуть что нибудь неожиданное въ пользу латинянъ. Нужно будетъ слѣдить очень пристально за французскими продѣлками.

Я писалъ въ Петербургъ о пользѣ удаленія Барера и замѣнѣ его лицомъ болѣе безпристрастнымъ во время купольскихъ работъ. Не знаю, достигнетъ ли М. И. Д. желаемого результата.

Юзефовичъ дѣйствительно сыгралъ непозволительную шутку. Безъ секретаря трудно вамъ отлучиться изъ Иерусалима. Впрочемъ, А. Д. вамъ такого секретаря назначилъ, что управленія консульствомъ никакъ нельзя ему поручить даже на сутки. Хорошо, что вамъ недолго осталось перебиваться въ Иерусалимѣ. Страненъ какъ нельзя болѣе выборъ Василевскаго. Онъ былъ пѣвчимъ въ Константинопольской миссии и находился въ Петербургѣ безъ куска хлѣба, отыскивая священническаго мѣста. Человѣкъ онъ честный, добрый, тихій, трудолюбивый, но ограниченный и, сколько мнѣ извѣстно, необразованный. Я сожалѣлся надъ нимъ и для переписки формуляровъ и денежныхъ департаментскихъ отчетовъ взялъ его сначала въ качествѣ вольнонаемнаго писца, потомъ канцелярскаго чиновника и, наконецъ, по просьбѣ Воеводскаго, согласился зачислить помощникомъ столоначальника въ хозяйственное отдѣленіе, откуда ему не слѣдовало выходить. Теперь изъ Василевскаго хотятъ сдѣлать дипломата. Рѣшительно не понимаю, что съ нимъ будемъ дѣлать въ будущемъ: онъ ни слова по французски не говоритъ, между прочими дипломатическими недостатками. Я сообщилъ откровенно мое мнѣніе П. Н. Стрѣмоухову, но приказъ уже былъ отданъ за двѣ недѣли передъ тѣмъ и Василевскій къ вамъ отправленъ. Что касается до Алемито совершенно раздѣляю ваше мнѣніе. Торга съ нимъ заключать нельзя, даже даромъ комнату взять опасно. Пусть беретъ Патріархъ если хочетъ, но пожалуй основываясь на *présédent* этомъ францисканцы тотчасъ на крышу взберутся съ другой стороны. Ссориться съ ихъ почтеннымъ арабскимъ семействомъ тоже не приходится. Водите ихъ за носъ до поры, до времени, но скажите, что покупать мы не намѣрены, ибо комната принадлежит Вакуфу, а сей послѣдній распроданъ по частямъ и въ иностранныя или даже въ частныя руки быть не можетъ; запродажная записъ, пожалуй, не будетъ признана турецкимъ правительствомъ. Омаръ, здѣсь находящійся, не менѣе Талеба умѣетъ надождать и приставать. До сего времени живемъ мы съ нимъ въ ладу, но всякій

разъ одинъ отвѣтъ: „едва ли согласятся купить, впрочемъ,—написано въ Петербургъ, увидимъ что будетъ“.

Я такъ и ожидалъ, что Патріархъ струситъ, когда спохватится, что написалъ мнѣ важное. Копія отправлена, вѣроятно, Константенидесу—совѣтнику и руководителю Блаженнѣйшаго. Оправится ли теперь Патріархъ отъ своего страха и усвоится ли онъ вполнѣ съ условіями перестройки Купола?

Эпингеръ, вѣроятно, захватилъ съ собой желаемые планы, смѣты и проч.

Утѣшите Патріарха касательно монастырскихъ имѣній. Конечно, всѣ державы, за исключеніемъ Россіи, единодушно стараются скорѣе покончить вопросъ этотъ и въ самомъ дурномъ для духовенства смыслѣ. Переворотъ, совершенный въ Княжествахъ, едва ли улучшить положеніе потому, что наследники Кузы не захотятъ выпустить изъ рукъ то, что пріобрѣтено совершившимся уже фактомъ, за который они не несутъ даже нравственной отвѣтственности. Но Россія не измѣнила своего положенія въ этомъ вопросѣ. Я упорно задерживаю, согласно желаніямъ духовенства, насколько могу, работы комиссіи, собираюсь опять (на первой конференціи) настаивать на учрежденіи *caisse centrale*, а между тѣмъ подъ рукою поручилъ агентамъ нашимъ въ Княжествахъ стараться расположить предводителей господствующей партіи, и преимущественно умѣренныхъ консерваторовъ, къ полюбовному окончанію спора соглашеніемъ съ духовенствомъ. Если вамъ удастся внушить, наконецъ, эту мысль румынамъ и они рѣшатся заявить свою готовность на прямыя,—безъ посредства гарантирующихъ державъ,—переговоры съ духовенствомъ, надо будетъ сему послѣднему, не теряя ни минуты времени, отрядить въ Княжества довѣренное, ловкое лицо для окончательныхъ переговоровъ. Когда соглашеніе состоится, тогда Франціи трудно будетъ противиться во имя интересовъ латинства, и совершившійся фактъ примиренія, поддержанный энергически Россією, будетъ признанъ всѣми безпрекословно. Разумѣется, для возможности примиренія и практическаго рѣшенія требованія духовенства должны быть умѣренны.

Желаю вамъ полнѣйшаго успѣха и добраго здоровья. Искренно вамъ преданный

Н. Игнатъевъ.

Игнатъевъ.

Константинополь, 23 марта / 4 Апрелья 1866.

Вчера я получилъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Андрей Николаевичъ, письмо ваше отъ 10 марта, а за пять дней передъ тѣмъ, отъ 27 февраля. Вѣроятно, печальная вѣсть до васъ достигла уже. Только вчера я узналъ о вашемъ горѣ отъ пріѣхавшаго изъ Петербурга jeune de Langue'a Губастова; принимаю живѣйшее участіе въ скорби вашей, вѣрете въ искренность моего сочувствія. Понимаю вполне, какъ вамъ досадно, что не удалось во время выѣхать изъ Іерусалима, и какъ хочется поскорѣе оттуда вырваться. Надо надѣяться, что освобожденіе ваше близко. Эпингера жду и тогда дѣло перестройки Купола начнется безотлагательно, развѣ, что французы выкинутъ опять какія либо каверзы. Скажите при случаѣ Патриарху, что я рекомендовалъ Эпингера (я опасался, что М. И. Д. вздумаетъ прислать чело-вѣка новаго, не знающаго мѣстныхъ обстоятельствъ и который намъ бы все напуталъ) съ цѣлью быть пріятнымъ Блаженнѣйшему, такъ какъ мнѣ извѣстно, что онъ Эпингера цѣнитъ и ему довѣряетъ.

Не имѣя времени писать о. Архимандриту Антонину, прошу васъ передать ему искренній привѣтъ мой и сообщить вышесказанное довѣрительно. Вѣрить не хочу, чтобы вамъ не удалось всего достигнуть.

Желаю вамъ, уважаемый Андрей Николаевичъ, добраго здоровья, полного успѣха, крѣпости духовной и нравственной, утѣшенія. Поздравляю съ Свѣтлымъ Праздникомъ и заранѣе съ обновкой потому, что убѣжденъ, что представленіе мое уважено будетъ. Искренно преданный вамъ

Н. Игнатъевъ.

Игнатъевъ.

Пера, 6/18 Апрелья 1866 года.

Уважаемый и любезнѣйшій Андрей Николаевичъ, поздравляю отъ души съ ВЫСОЧАЙШЕЙ наградой, которую вы вполне заслужили. Вы уже, вѣроятно, извѣщены Азіятскимъ Департаментомъ непосредственно, и я имѣю право васъ поздравить тѣмъ болѣе, что мѣсяць цѣлый (согласно заведенному порядку) не заикнулся.

Поблагодарите, прошу васъ, Блаженнѣйшаго Кирилла за его любезное поздравительное письмо на Пасху и поздравьте отъ меня съ

Свѣтлымъ Праздникомъ. Я не послалъ своего поздравительнаго письма единственно потому, что чуть, было, не повѣрилъ дважды распущеннымъ слухамъ послѣ паденія Кузы о немедленномъ возвращеніи Патриарха въ Константинополь. Эпингеръ пріѣхалъ. Отправлю его въ Іерусалимъ, какъ только успѣю наладить съ Мутье общую инструкцію архитекторамъ. Дѣло не легкое ломать французскаго посла, который отвергивается и продолжаетъ утверждать, что у него нѣтъ инструкціи отъ правительства французскаго. Пусть лучше Патриархъ ужь дождется Эпингера въ Іерусалимъ, а то хуже будетъ, если они разѣдутся, не договорятся и выйдутъ въ послѣдствіи недоразумѣнія.

Передайте вышеизложенное Отцу Архимандриту вмѣстѣ съ моимъ привѣтомъ. Княжества Дунайскія отнимаютъ у меня столько времени, что писать нѣтъ времени вамъ. Желаю добраго здоровья и успѣха.

Преданный Н. Игнатьевъ.

Іерусалимъ, 8/20 Апрѣля 1866 г.

Карцовъ.

Милостивый Государь, Николай Павловичъ,

Сообщая вамъ сегодня разговоръ мой съ Бареромъ по купольскому дѣлу, сознаюсь, что я въ общихъ чертахъ не могу не согласиться съ его мнѣніемъ о необходимости для архитекторовъ ѣхать въ Парижъ и тамъ, на глазахъ высшихъ судей, то есть нашего посла и французскаго министра Иностранныхъ Дѣлъ, окончательно заняться составленіемъ проекта и смѣты новаго купола. Хорошо зная упрямый, хвастливый и въ высшей степени самолюбивый характеръ французскаго архитектора Маусса, а, кромѣ того, имѣя уже въ памяти опытъ 1863 года, когда въ іюнѣ оба архитектора собирались у меня для разсужденій по тому же дѣлу, смѣю завѣрить Ваше Превосходительство, что здѣсь, при отсутствіи высшей апелляціонной инстанціи, они никогда не придутъ ни къ какому соглашенію, развѣ что Эпингеръ возьметъ на себя совершенно безмолвную и покорную роль, такъ что присутствіе его при перестройкѣ было бы только для формы. Но не допуская и мыслию возможность подобной гипотезы, я полагалъ бы дѣлу дать оборотъ слѣдующій:

Тотчасъ по прибытіи сюда Эпингера, онъ вмѣстѣ съ Мауссомъ долженъ будетъ заняться окончательнымъ составленіемъ проекта abri

provisoire и всѣхъ по этому дѣлу рисунковъ. Трудъ этотъ потребуетъ двухъ недѣль, такъ какъ уже въ Юнѣ 1863 года вопросъ о лѣсахъ былъ рѣшенъ между ними и Эпингеръ принялъ проектъ лѣсовъ Маусса. Но въ тѣ же двѣ недѣли они успѣютъ въ точности изучить всѣ мѣстныя условія, которыя, впрочемъ, имъ обоимъ давно уже извѣстны, сдѣлать замѣтки о размѣрахъ предположеннаго къ сломкѣ и проч. Съ плодами этихъ предварительныхъ занятій они могли бы отправиться во Францію, гдѣ лѣсъ дешевле, чѣмъ въ Одессѣ, хотя и дороже Триеста, но за то во Франціи, сдѣлавъ заказъ, они поочередно могутъ имѣть личное наблюденіе за обработкою отдѣльныхъ бревенъ и въ то же время заниматься составленіемъ смѣты, плановъ и рисунковъ новой постройки, при чемъ каждое между ними несогласіе или недоразумѣніе будутъ получать въ Парижѣ немедленное разрѣшеніе. Здѣсь же спорамъ не будетъ конца; непрерывныя апелляціи въ Константинополь, а оттуда къ Кабинетамъ будутъ задерживать дѣло по цѣлымъ мѣсяцамъ и Богъ знаетъ что изъ этого выйдетъ. Уже теперь Валерга и францисканцы распространяютъ слухъ, что abri provisoire будетъ поставленъ и старый куполъ снятъ, а объ новомъ разговоръ еще впереди, и обстоятельства могутъ измѣниться. Pour déjouer une pareille combinaison, ne faut il pas battre le fer tant qu'il est chaud. Въ теченіи лѣта лѣса будутъ окончательно приготовлены и мало по малу отправлены въ Яффу, а между тѣмъ проектъ и смѣта новой постройки составлены и утверждены по пресѣченіи всѣхъ гордіевыхъ узловъ высшими властями. Передъ выѣздомъ архитекторовъ изъ Франціи, къ осени, были бы также заказаны отдѣльныя части новаго купола, который, такимъ образомъ, при успѣшномъ ходѣ работъ, могъ бы уже быть на мѣстѣ къ будущей 1867 г. Пасхѣ.

Пишу вамъ на скоро и безъ черновой, ни слова изъ этого письма не сообщаю въ Петербургъ, въ той надеждѣ, что, если Ваше Превосходительство найдетъ нужнымъ, то прикажете сдѣлать отсюда выписки для П. Н. Стремоухова. Простите смѣлость моихъ сужденій, но трехлѣтній опытъ вполне убѣдилъ меня въ ихъ истинѣ. Ради Бога, употребите все ваше вліяніе, чтобы сюда скорѣе былъ присланъ Кожевниковъ: ему необходимо будетъ пробыть здѣсь со мною вмѣстѣ по крайней мѣрѣ двѣ недѣли.

Карцовъ.

Jérusalem, le 8 20 Avril 1866.

Monsieur l'Envoyé,

Le Consul général de France, qui vient me voir assez souvent, m'a exprimé, il-y-a quelques jours, tout son étonnement de ce que le gouver-

nement Russe mette tant de lenteur à faire venir son architecte à Jérusalem. M-r Mauss, l'ingénieur français attend son collègue avec la plus vive impatience, les soins de la santé délabrée exigeant impérieusement qu'il aille au plus vite consulter les médecins de Paris. Aussitôt qu'il se sera entendu avec m-r Epinguer pour le projet d'abri provisoire, il partira pour la France, où il espère être suivi par son collègue de Russie dans le but d'y surveiller d'un commun accord, dans un des ports de Midi, l'achat et la préparation des bois, qui pour la simplification de la main d'œuvre si chère et si difficile à Jérusalem devront y être transportés et confectionnés.

Je fis observer à m-r Barrère qu'avant de partir pour la France ces Messieurs auraient probablement à s'occuper aussi des devis et plans de restauration projetés. Il me répondit que quant à présent, il ne pourrait en faire qu'une étude fort superficielle, le plus pressé étant pour le moment d'établir l'abri provisoire, afin de pouvoir procéder avec sécurité au déblaiement des ruines de l'ancienne Coupole. „Quoique la diplomatie soit actuellement tout à fait d'accord en cette affaire. croyez bien, „me dit il, „que les architectes rencontreront plus d'une difficulté pour s'entendre sur des questions de détail; leur amour propre d'artiste s'en mêlant, nous ni pourrons rien nous autres consules, et il leur faudra maint fois avoir recours à un arbitrage plus compétent“. Aussi, dans l'intérêt même de la promptitude d'exécution de l'œuvre, m-r Barrère espère que le plan et les devis seront fait dans le courant de cet été à Paris sous les yeux de m-r Drayn de Lhyset de baron de Boudberg, pendant ce temps les bois auront déjà été confectionnés et avant de quitter la France, les architectes pourraient d'une seule et même fois faire à l'une des fonderies de Toulon ou partout ailleurs les commandes nécessaires pour la nouvelle Coupole qui déjà en 1863 avait été projetée en métal.

Croyant de mon devoir de porter à votre connaissance ces suppositions de mon collègue français, je vous prie, Monsieur l'Envoyé, de vouloir bien agréer l'assurance de ma haute considération et de plus profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être de Votre Excellence
.... etc.

(Signé) A. Kartzow.

Игнатьевъ

Буюкъ-Дере, 15/27 Іюня 1866 г.

Третьяго дня получилъ письмо ваше, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Андрей Николаевичъ, отъ 22 Мая. Султанскій праздникъ и отправленіе экспедиціи въ Петербургъ отняли у меня все время, такъ что я не успѣю вамъ написать все, что хотѣлъ. Не хочу однако пропустить пароходъ, не сказавъ вамъ спасибо за ваши и Эпингера дѣйствія. Кажется, дѣло пошло на ладъ. Хорошо я сдѣлалъ, что не сталъ понапрасну терять время съ Мутье и отправилъ Эпингера въ Іерусалимъ безъ официальныхъ инструкцій, сдѣлавшихся теперь ненужными.

Сочувствуя вполне желанію вашему вырваться скорѣе изъ Іерусалима, жду только увѣдомленія изъ Петербурга, что послѣднія объясненія Будберга съ французскимъ правительствомъ были удовлетворительны (по расчету времени долженъ я получить свѣдѣнія на будущей недѣлѣ), чтобы дать знать вамъ, что можете ѣхать куда угодно. М. И. Д. увѣдомило меня сегодня по телеграфу, что мнѣ предоставляется отпустить васъ, какъ только признаю это возможнымъ. Конечно, не стану задерживать васъ ни одной лишней минуты, но для полнѣйшаго спокойствія вашего и моего нужно получить предварительныя извѣстія изъ Парижа, что все обстоитъ благополучно. Дѣло идетъ о нѣсколькихъ дняхъ. Сообщу вамъ по телеграфу. Секретарь вашъ меня беспокоитъ. Снабдите его самыми точными и положительными инструкціями на разныя, возможныя случайности Іерусалимскія. Не признаете ли вы полезнымъ поручить Василевскому совѣтоваться съ о. Архимандритомъ въ казусныхъ случаяхъ? О. Антонинъ дипломатъ не малой руки, онъ неосторожности не посоветуетъ, лишняго не скажетъ и въ обманъ не дастся. Дипломатическія способности вашего официального помощника секретаря не знаю. Желаю вамъ полнаго удовольствія въ Петербургѣ и добраго здоровья. Жму вамъ мысленно руку.

Н. Игнатьевъ.

Игнатьевъ.

Пера, 24 Ноября/6 Декабря 1866 г.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Андрей Николаевичъ, по всей вѣроятности вы уже въ Іерусалимѣ и черезъ губернатора узнали о телеграфическомъ Визиріальномъ письмѣ, отправленномъ въ понедѣльникъ и предписывающемъ оказывать полное содѣйствіе выгрузкѣ, доставкѣ и постройкѣ лѣсовъ и проч.

Весьма признателенъ вамъ за коротенькія письма, извѣщавшія меня о ходѣ Купольскаго вопроса. Но не знаю, на основаніи какого расчета полагаете вы, что инструкціи консуламъ предупредить васъ въ Іерусалимѣ, тогда какъ я получилъ изъ Петербурга общую инструкцію миссіямъ только двѣ недѣли тому назадъ, т. е. позапрошлымъ пароходомъ, а планы и чертежи мнѣ до сихъ поръ не доставлены изъ Парижа. По смыслу инструкціи я долженъ былъ бы ожидать плановъ для дѣйствія на Порту касательно ломки комнаты вакуфа, но зная мѣстность я рѣшился не откладывать далѣе и приступить къ дѣлу, составивъ инструкцію первому драгоману, принятую французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ и вамъ въ копіи сообщаемую. Портъ большаго и знать не нужно. Вамъ лично, ни г-ну Эпингеру подробныхъ инструкцій не нужно, тѣмъ болѣе, что въ Парижѣ какъ-то оставили этотъ частный вопросъ въ туманѣ.

Такъ, на примѣръ, неизвѣстно, получили ли архитекторы непосредственно, въ Парижѣ, инструкціи о постройкѣ на основаніи составленнаго ими коллективнаго донесенія; слѣдуетъ ли сообщить официально консуламъ смѣту и чертежи и въ такомъ случаѣ гдѣ ихъ взять, такъ какъ для переговоровъ съ Портою и при недоразумѣніяхъ съ французами необходимо посольствамъ имѣть по экземпляру плановъ и чертежей и тому под.

Вообще, благодаря присутствію вашему и Эпингера соглашеніе двухъ правительствъ выразилось удовлетворительно и больше затрудненія предвидѣть нельзя. Съ самаго начала работъ дѣло будетъ нами постановлено надлежащимъ образомъ. Одного только продолжаю опасаться,—чтобы по поводу ломки комнаты вакуфа французы и вообще латинское духовенство не возобновили старыхъ притязаній своихъ на расширеніе католическаго монастыря и завладѣнія терассами вакуфа. Вамъ нужно ухо востро держать.

Надѣюсь, что Патріархъ будетъ доволенъ результатомъ. Сообщите ему все, что было сдѣлано въ защиту православныхъ интересовъ. Желательно, чтобы дѣло объ освѣщеніи галлерей въ латинскіе праздники не встрѣтило бы затрудненія и уладилось бы безъ недоразумѣнія. Передайте Блаженнѣйшему мой искренній привѣтъ.

По полученіи нынѣ отправляемыхъ инструкцій, вы, конечно, условитесь съ Бареромъ и Эпингеромъ о всѣхъ подробностяхъ хода работъ, взаимныхъ отношеній между собою, духовенствомъ и мѣстными

властями, о полицейскомъ порядкѣ, надзорѣ и проч. Если бы вы предвидѣли какія либо мѣстныя затрудненія, недоразумѣнія и столкновенія, то сообщите мнѣ откровенно ваше желаніе и предположеніе касательно дополнительно-коллективныхъ инструкцій и т. п. Я тотъ часъ постараюсь уломать французское посольство и удовлетворить желанія ваши. Теперь французы стали сговорчивые и шелковые по вопросу о Куполѣ. Не кроется ли что подъ этимъ?

Въ числѣ необходимыхъ мѣръ для охраненія работъ и могущихъ случиться бѣдствій, считаю долгомъ обратить вниманіе ваше на предотвращеніе случайнаго или умышеннаго пожара. Латиняне или армяне съ досады способны поджечь лѣса, когда ими загроздять внутренность храма. Если бы греки были недовольны результатами, то и отъ нихъ, пожалуй, станется. Эпингеръ справедливо озабочивался этимъ во время своего послѣдняго пребыванія въ Константинополѣ.

Покорнѣйше прошу васъ извѣстить меня подробно о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ наше окончательное соглашеніе съ французскимъ правительствомъ на мѣстные элементы, т.-е. на православное и латинское духовенство, на Барера, на мусульманъ и проч., а также и о предположеніяхъ вашихъ и архитекторовъ касательно подробностей исполненія.

Выведите Купольный вопросъ на торную дорогу въ Иерусалимъ и желанная вами смѣна не замедлится. Я уже писалъ о замѣнѣ Кожевникова Сученковымъ и буду торопить приѣздъ перваго въ Константинополь. Тутъ я его не забуду и тотчасъ отправлю въ Иерусалимъ. Лишь бы задержанія не было въ командированіи Сученкова изъ Петербурга. Требованіе наше о снятіи гаремныхъ комнатъ съ терасъ храма возбудило жаркій споръ въ совѣтѣ министровъ; многіе сановники изъ старыхъ турокъ хотѣли удовольствоваться корридормъ между тамбуромъ и вакуфомъ. Но послѣ двухъ засѣданій совѣта Аали успѣлъ ихъ убѣдить на уступку и сегодня дали мнѣ о томъ знать. Какъ только согласіе Порты будетъ намъ сообщено официально вы получите дополнительную инструкцію, согласенную съ французами.

Уединеніе Иерусалимское должно васъ поражать еще болѣе прежняго послѣ весело и, вѣроятно, бурно (?) проведеннаго время въ Парижѣ. Корфу наипрїятнѣйшее мѣсто и становится день ото дня важнѣе въ политическомъ отношеніи. Тамъ сосредоточиваются всѣ нити подготавлиющагося противъ Турціи движенія при Адриатической странѣ.

У меня теперь очень много дѣла и заботъ. Жму вамъ крѣпко руку и прошу вѣрить въ искреннюю преданность.

Н. Игнатьевъ.

P. S. Передайте мой поклонъ отцу Архимандриту. Пусть простить, что не пишу за недосугомъ.

Карцовъ.

Jérusalem, le 11 (23) Décembre 1866.

Monsieur l'Ambassadeur,

Je m'empresse de vous accuser la réception exacte des dépêchés sub №№ 826, 827 contenant des instructions si détaillées et si précises pour l'affaire de la Coupole de St. Sépulcre et de vous exprimer à la même occasion ma reconnaissance bien vive pour la lettre privée dont Votre Excellence a daigné m'honorer en date du 24 nov./6 déc. et dans la quelle je vois un nouveau et précieux témoignage de ja gracieuse bienveillance à mon égard.

Ces instructions parfaitement identiques à celles reçues il y a huit jours de Constantinople par mon collègue de France, heureusement pour le succès ultérieur de l'affaire ne laissent plus de marge à aucune espèce de discussion sur les lieux. Il ne reste plus qu'une seule question dans le vague, mais qui, selon moi, ne pourra jamais devenir l'objet de quelque contestation grave: je veux parler de la définition exacte des fêtes latines. auxquelles devront être allumées les lampes de la gallerie supérieure. A ce sujet les instructions portent que les deux Gouvernements ont jugé indispensable que l'usage de l'éclairage réciproque par les latins et les grecs dans *les autres parties* de l'édifice fut également pratiqué dans la gallerie de la Coupole. En tous points et puisque dans les moindres détails complètement d'accord avec moi. m-r de Barrère a cependant profité de la première occasion qui s'est offerte dans l'une de nos dernières entrevues pour me dire que lui personnellement, ne se chargerait jamais d'obtenir du clergé latin la promesse de payer les grecs aux jours des fêtes de l'Eglise d'Orient de la même courtoisie en éclairant les lampes de leurs arcades dans la gallerie de l'orgue; je répondais au Consul Général de France que puisque nous n'étions pas encore appelés à trancher cette question, il'était complètement superflu de nous en occuper à l'avance, d'autant plus que lui, ainsi qu'il m'avait répété maints fois.

espérait bientôt recevoir une autre nomination et que la mienne pour Corfou avait déjà eu lieu. Par respect pour nos successeurs, lui dis-je en riant, nous devrions bien leur laisser à régler ensemble au moins cette petite question de détail—sans quoi ils feraient de trop bons amis. D'une autre côté, l'œuvre de la restauration devant durer près de deux ans, on aurait encore bien de temps devant soi pour débattre des clanes d'une importance si secondaire; et pour ma part, je soutiendrais toujours que si le clergé latin allait s'obstiner dans cette voie de non-réciprocité et de manque de courtoisie envers le clergé grec, il donnerait à la chrétienté une ample preuve d'une mesquinerie bien peu digne du haut et pieux intérêt porté par les deux Souverains à la cause commune.

Je pense que mon successeur ferait bien de toujours éviter avec soin toute discussion à ce sujet jusqu'au temps où la restauration sera amenée à bonne fin l'arrangement en question se trouvant à mon point de vue, bien simplifié par les garanties non conditionnées que nous avons déjà de la part du Patriarche Orthodoxe de Jérusalem. Dans ma précédente lettre j'ai déjà eu l'occasion de faire part à Votre Excellence de l'impression produite sur Sa Béatitude par le communiqué de tous les derniers arrangements qui concernent l'œuvre de la restauration. Quant au Patriarche latin qui vint également me faire une visite, Monseigneur Valerga, en causant avec moi sur cette affaire, en parlait comme d'un fait accompli et sur lequel il n'y avait plus à revenir.

Les huit charpentiers de Paris qu'attendait m-r Eppinguer pour commencer l'établissement des échafaudages dans l'intérieur de la Rotonde viennent d'arriver et déjà nous devons aller hier chez le Gouverneur de la Palestine pour régler d'un commun accord toutes les mesures de police et autre détails indispensables pour la marche régulière et non interrompue des travaux; mais malheureusement Izzet-Pacha qui nous a donné les meilleures assurances de son bon vouloir pour cette affaire, a du subitement partir pour Beyrout afin de s'y justifier devant le Gouverneur Général du Vilayet de Syrie d'accusation tout à fait colomnieuse dont les conséquences ne pourront sans doute lui être préjudiciables en aucune façon. Le Pacha doit revenir à Jérusalem dans 4 ou 5 jours; mais s'il allait tarder d'avantage, les travaux préparatoires commenceraient tout de même le 16 / 28 de ce mois, afin d'éviter tout nouveau retard et de ne point garder les ouvriers sans emploi. M-r de Barrère demande seulement que l'on ne commence pas les journées ouvrières avant huit heures du matin, afin que le clergé latin, qui de son côté avancerait quelque peu

l'heure usuelle de son office. ait le temps de dire sa messe sans encombrés, inutile d'ajouter que notre architecte lui a promis de se conformer autant que possible à cette recommandation tout à fait légitime.

Il ne me reste plus quant à présent, que de porter l'attention de Votre Excellence sur une circonstance. selon moi, bien futile, mais qui par elle même n'en constitue pas moins un écart au plan de la marche des travaux, confirmé en dernier lieu à Paris par les deux parties et dans lequel il est dit que pendant que m-r Eppinguer et l'architecte français veilleront à Jérusalem et à l'établissement des échafaudages dans l'intérieur du temple de St.-Sépulcre et à la préparation sur les lieux de tous les matériaux nécessaires à la réédification du tambour. m-r Mauss et l'aide de l'architecte russe surveilleront à Paris la confection de la carcasse en fer de la Coupole.

Peu de jours avant de départ de m-r Eppinguer son collègue français lui communiqua que lui aussi partirait bientôt pour Jérusalem. A cet effet il allait provisoirement confier sa besogne à Paris à son ancien professeur m-r Constant de Feu, architecte de Sénat. M-r Eppinguer lui fit observer alors, qu'en ce cas il devrait être de retour à Paris à la fin d'avril pour assister à la livraison de la commande exécutée par la fabrique Durand. Il crût en même temps de son devoir de communiquer tout cela sans retard au Conseiller de notre Légation à Paris qui le porta à la connaissance de l'Ambassadeur. Le baron de Budberg répondit qu'il considérait cette circonstance trop futile pour en faire l'objet d'un nouvel entretien avec le Ministre des Affaires Etrangères de l'Empereur des français. Seuls les événements ultérieurs pourront nous prouver si m-r de Budberg a eu raison de n'accorder aucune importance à cet incident; quant à m-r Eppinguer et moi, nous sommes assez du même avis que l'Ambassadeur et tout dernièrement le Consul Général de France m'a dit avoir reçu de m-r Mauss une lettre qui l'avertit de sa prochaine arrivée à Jérusalem pour *fort peu de temps* et afin de donner un coup d'oeil aux travaux de restauration de l'église de Sainte Anne, domaine de la France que cet architecte dirige déjà depuis quatre ans.

Pour ce qui concerne les appréhensions d'un incendie fortuit ou prémédité, je puis certifier à Votre Excellence que m-r Eppinguer ne manquera pas de prendre les mesures les plus énergiques contre éventualité d'un pareil désastre et le prochain paquebot lui apporte deux pompes que par prudence il a fait venir à cet effet de Marseille.

En attendant que je sois à même de Vous fournir de nouveaux détails sur la marche de cette affaire, je vous prie, Monsieur l'Ambassadeur, de vouloir bien agréer l'assurance du plus profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être

de Votre Excellence

le très humble serviteur

(signé) A. Kartzow.

Карцовъ.

Jerusalem, 5 / 17 Janvier 1867.

M-r l'Ambassadeur,

Je crois de mon devoir d'informer Votre Ex-cé que le 1-er janv. n. st. je fus saisi d'une fièvre violente qui trois jours après se transforma en petite vérole.

Grâce aux soins assidus du médecin de l'hôpital russe le docteur Mazaraky, je me trouve actuellement hors de danger et il ne me reste plus de cette maladie qu'un grand affaiblissement des organes visuels. Du reste je suis en pleine période de convalescence, période qui se prolongera de 12 à 15 jours encore.

Malgré mon extrême état de faiblesse, je ne veux pourtant pas laisser partir ce courrier sans informer V. Ex-cé de quelques questions de détail qui précéderont l'inauguration des travaux dans l'intérieur du Temple de St. Sépulcre

Depuis la dernière lettre par laquelle j'eus l'honneur de Vous informer que les ouvriers nouvellement arrivés de France étaient occupés du triage des bois de l'abri provisoire déposés dans l'enceinte de l'Etablissement russe, ses ouvriers continuèrent la même besogne quelque temps encore, mais bientôt des pluies torrentiels interrompirent toute espèce de travaux pendant une période de huit jours. Les mêmes pluies retardèrent le retour d'Izzet-Pacha de Beyrouth

A l'arrivée de Gouverneur de la Palestine à Jérusalem, m-r Eppinger, qui avait déjà préalablement élaboré le mémoire, dont copie ci-jointe, invita de mon consentement le Consul Général de France à s'aboucher avec le Pacha pour obtenir de lui des ordres conformes aux clauses de son mémoire. Mû par un sentiment de délicatesse à mon

égard, m-r de Barrère voulait à toute force attendre mon rétablissement afin de ne faire cette démarche que de concert avec moi. Je lui fis répondre que ma maladie pouvant se prolonger indéfiniment, je trouvais impossible de faire souffrir de nouveau retard à ces négociations préalables sans lesquels ne pouvaient commencer les travaux. Qu'au surplus je le priais lui même de me représenter à cette occasion auprès du Pacha.

M-r de Barrère fut très flatté de cette preuve de confiance de ma part et dans la conférence qui eut lieu chez le Gouverneur de Palestine le 12 janvier en présence de notre architecte et qui avait pour but l'examen de son mémoire, toutes les clauses en furent chaudement appuyées par le Consul Général de France et approuvée par le Pacha.

Conformément à quelques unes des stipulations de ce mémoire dont un exemplaire fut à la même date transmis à Izzet-Pacha avec accompagnement d'une note collective signé par m-r de Barrère et moi il fallait immédiatement procéder à l'enlèvement provisoire des images et des lampes suspendus le long des dix huit piliers de la rotonde, ainsi qu'à l'extérieur de l'Edicule de St. Sépulcre et des grands chandeliers qui se trouvent des deux côtés de la porte d'entrée de cet Edicule.

Il fut décidé qu'on procéderait préalablement à un inventaire exact de tous ces objets; cet inventaire fut fait le 15 janvier en présence des délégués du clergés grec, latin, arménien et cophte, ainsi que des Secrétaires des Consulats de Russie et de France, de celui des architectes et du Drogman du Pacha. Il fut contresigné par toutes les personnes présentes en trois exemplaires qui se trouvent actuellement déposés aux deux Consulats et chez le Gouverneur de la Palestine. Ce soir même tous ces ornements furent enlevés par leur propriétaires respectifs.

Déjà depuis plusieurs jours par ordre de m-r Eppinguer on opérait le transport des bois dans l'intérieur de la ville, en les déposant sur la place de l'Eglise du St. Sépulcre; mais eut lieu l'inauguration solennelle des travaux dans l'intérieur de l'Eglise en présence du Pacha, du Consul Général de France et des délégués des différentes clergés, notre architecte fit importer dans la rotonde les premiers bois de l'échafaudage, qui seront du piliers à l'abri provisoire.

Tout marche sans encombres et me fait espérer que les travaux avanceront avec le meilleur succès.

Veillez..... etc.

_____ (signé) Kartzow.

Игнатъевъ.

Пера, 18 / 30 Января 1867 года.

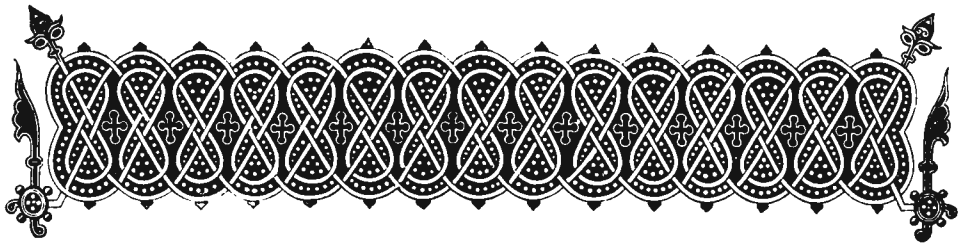
Беру перо единственно для того, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Андрей Николаевичъ, чтобы сказать вамъ, что я получилъ письмо ваше и радуюсь благополучному началу работъ по возведенію лѣсовъ въ храмъ Гроба Господня. Дай Богъ, чтобы обошлось безъ недоразумѣній и впредь. Патріархъ все еще труситъ и умоляетъ меня задержать васъ въ Іерусалимѣ, предсказывая возникновеніе какихъ-то козней французскаго консульства, пытающагося обойти существующія соглашенія и провести нѣкоторыя крючковатыя мысли. Вѣроятно, рѣчь идетъ объ отказѣ Барера уговорить католическое духовенство освѣщать свои галлерей въ православные праздники.

Пока дѣло у васъ идетъ такъ ладно, къ счастью, нѣтъ пици для корреспонденціи между нами. Работы и заботы теперь у меня болѣе, нежели когда-либо. По всей Турціи возникаютъ „вопросы“, такъ называемые, и весною не избавитесь на этотъ разъ отъ пожараща. Греки и сербы лѣзутъ въ драку и если кандіотское возстаніе продолжится, то туркамъ придется плохо. Очень жаль, что вы прихворнули. Надѣюсь, что теперь вы уже на ногахъ, и о болѣзни и помину нѣтъ.

Желаю вамъ всего лучшаго на новый годъ. Пожелать ли вамъ окончательнаго избавленія отъ плѣна Іерусалимскаго и скорѣйшаго переселенія въ рай земной—Корфу? Прошу васъ передать мой искренній привѣтъ Эпингеру. Надѣюсь на него какъ на каменную гору. Почему Маусу не посидѣлось въ Парижѣ? Жму вамъ руку. Вашъ искренній

Н. Игнатъевъ.

ЧЕЛОБИТНАЯ БОЯРИНА Ф. И. ШЕРЕМЕТЕВА ¹

Царю, государю і великому князю Алексею Михайловичю всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Феодка Шереметевъ. В нынешнемъ, государь, во 154-мъ году маія въ 1 день Московсково уезду изъ вотчинки моеи ис сельца ² Архангельсково бѣжали, крестьянишка мои Фомка Чиркинъ да Троѳимко Васильевъ, и нынеча государь вестъ ко мнѣ, холопу твоему, пришла, что те мои крестьянѣ. бѣгаючи отъ мѣня, холопа твоего, — Фомка Чиркинъ живетъ на Ельце на посаде, а Троѳимка живетъ на Лебѣдяни в казачье слободе в Волоотовѣ. Милосердый государь, царь і великнй князь Алексей Михайловичъ всеа Русіи, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь на Елецъ и на Лебѣдянь дать свою государеву сыскную грамоту: ково я, холопъ твой, людишекъ или крестьянишекъ пошлю, чтобъ людишкамъ моимъ техъ бѣглыхъ крестьянишекъ моихъ на Ельце и на Лебѣдяни или в ъномъ городѣ и въ уездѣ переимать, гдѣ ихъ съдутъ. Царь — государь, смилуйся, пожалуй.

Отъ царя і великого князя Алексея Михайловича всеа Русіи по городомъ воеводамъ нашимъ и приказнымъ людямъ. Биль намъ челомъ бояринъ нашъ Федоръ Ивановичъ Шереметевъ: в нынешнемъ-де въ 154-мъ году мая въ 1 день Московсково уѣзду изъ вотчины ево изъ сельца Архангельсково збежали крестьяне ево — Фомка Чиркинъ да Троѳимко Васильевъ и ныне-де тѣ ево бѣглые Фомка

¹ Печатаемая челобитная относится къ послѣднимъ годамъ жизни Феодора Ивановича Шереметева и служитъ удостовѣреніемъ внимательнаго къ нему отношенія молодого царя Алексея Михайловича.

² С. Архангельское нынѣ принадлежитъ князьямъ Юсуповымъ. Оно по наслѣдству перешло по женской линіи къ Верховнику кн. Дмитрію Михайловичу Голицыну, а послѣ него въ родъ князей Юсуповыхъ.

Чиркинъ живеть на Ельцѣ и на Лебедяни на посадахъ и слободахъ (зачеркн.: а Троѣимко Васильевъ живеть на Лебедяни въ Казачьѣ в Долотове слободѣ). И намъ бы ево пожаловать, тѣхъ ево бѣглыхъ крестьянъ Ѡмку Чиркина и Троѣимка Васильева велѣть сыскать в (зач.: И бояринъ нашъ Ѡедоръ Ивановичъ для тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ с сею нашею грамотою *послалъ людей своихъ* і в которой городъ) і какъ боярина нашего Ѡедора Ивановича Шереметева люди с сею нашею грамотою¹ прїѣдутъ и бѣглыхъ ево крестьянъ Ѡмку Чиркина и Троѣимка Васильева гдѣ сыщутъ, і вы б, воеводы, наши и приказные люди по тѣхъ ево бѣглыхъ крестьянъ давали приставовъ² и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ боярина нашего Федора Ивановича Шереметева людемъ давали судъ и которые по суду и по сыску боярина нашего Федора Ивановича Шереметева тѣхъ крестьян і всехъ ихъ отдать за боярина нашего Федора Ивановича людемъ з женами и з дѣтьми и со всѣми ихъ крестьянскими животы а которыхъ (мѣста обсыпались) велѣть давать на порукі.

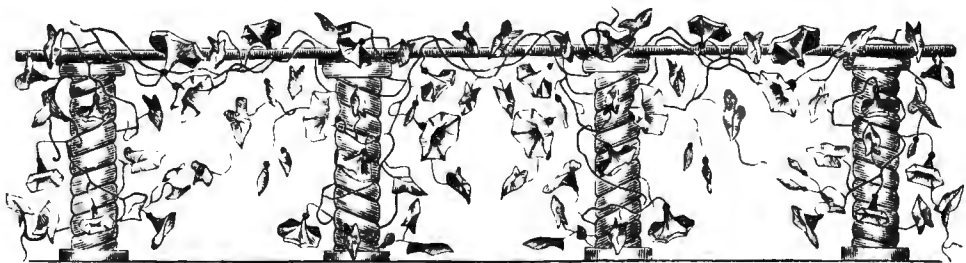
(Зач.: А какъ бѣглыхъ ево крестьянъ къ вамъ приведутъ, і вы б тѣхъ крестьянъ роспрося подлинно отдавали людемъ ево з запискою). Писанъ на Москвѣ лѣта 7154-го (1646 г) июля въ 17 день.

Сообщено Г. С. Ш.

¹ Зач.: „люди ево“.

² Дальнѣйшій текстъ писанъ на оборотѣ склейки подъ выноснымъ знакомъ.

Земщина и казаки при избраніи на царство Михаила Романова

Избраніе на Московское царство юноши Михаила Романова произошло, по словамъ современниковъ, съ чуднымъ единогласіемъ разнородныхъ элементовъ Московскаго собора, какъ-бы по внушенію свыше.

Откуда произошло это единогласіе? Что заставило разнородные элементы собора яко единими усты назвать Михаила?

Проф. С. Θ. Платоновъ въ недавней своей статьѣ „Избраніе М. Θ. Романова въ Русской Исторической Литературѣ“ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1913 г. № 2) объясняетъ причины общаго вниманія соборяныъ къ Михаилу тѣмъ, что онъ былъ кандидатомъ собравшихся въ Москвѣ казаковъ. По мнѣнію проф. Платонова, казаки были болѣе сильны численно, чѣмъ боярскіе дѣти и дворяне, и потому были господами положенія; а кандидатура Михаила была вполне приемлема для земщины. На ней обѣ стороны сошлись.

Въ основаніи мнѣнія проф. Платонова лежитъ указаніе на взгляды и отношенія казаковъ и земщины, находящееся въ распросной рѣчи боярскаго сына Ивана Философова. Философовъ былъ взятъ Поляками въ плѣнъ подъ Москвой въ концѣ Ноября 1612 г. Подвергнутый допросу, онъ сообщилъ, что на Москвѣ у бояръ и у лучшихъ людей есть желаніе просить на царство королевича Владислава, но что прямо говорить о королевичѣ они не смѣютъ, *боясь казаковъ*, а говорятъ вообще, что надо избрать на царство чужеземца. Во всемъ, рассказываетъ Философовъ, казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ, что хотятъ; а дворяне и дѣти боярскія разбѣжались по помѣстьямъ, а на Москвѣ осталось дворянъ и дѣтей боярскихъ всего тысячи съ двѣ, да казаковъ полняты тысячи человекъ (то-есть 4500), да стрѣльцовъ съ тысячи человекъ, да мужики чернь... А дѣлаетъ всякія дѣла, продолжаетъ Философовъ,—князь Дмитрий Трубецкой да князь Дмитрий Пожарскій да Куземка Мининъ.

Проф. Платоновъ вѣритъ каждому слову Философова. Между тѣмъ его показаніе требуетъ строгаго критическаго отношенія.

Философовъ—одинъ изъ тѣхъ земскихъ людей, которые выступили противъ Поляковъ и противъ Владислава. Попадъ въ руки Поляковъ, онъ долженъ былъ придумать что-нибудь въ свое оправданіе. Не имѣя возможности говорить лично о себѣ, онъ объявилъ, что бояре и „лучшіе люди“ вовсе не враги Владислава. Они не называютъ его по имени только потому, что боятся казаковъ. Да въ сущности въ Москвѣ „лучшихъ людей“ почти что нѣтъ; они разбѣжались; осталось такъ мало, что казаки превышаютъ ихъ числомъ болѣе, чѣмъ вдвое. Показаніе Философова складно и логично; но къ нему онъ добавляетъ нектати: всякія дѣла дѣлаетъ не только связанный съ казаками кн. Дмитрій Трубецкой, но и яркіе предводители земщины, кн. Пожарскій и Кузьма Мининъ.

Очевидно, передъ нами показаніе заинтересованнаго человѣка, старающагося выпутаться изъ бѣды. Та его часть, гдѣ говорится о желаніи земскихъ людей поддержать кандидатуру Владислава,—несомнѣнная ложь; мы знаемъ, что земцы собрались подъ Москву именно потому, что не хотѣли имѣть царемъ Владислава. Ничто въ нашихъ источникахъ не указываетъ на страхъ земцевъ передъ казаками. Повидимому, и здѣсь въ показаніи Философова—ложь; этотъ страхъ, какъ сейчасъ увидимъ,—неправдоподобенъ; повидимому, онъ цѣликомъ выдуманъ. Въ связи съ нимъ приходится отнестись скептически и къ числовымъ отношеніямъ казацкихъ и земскихъ силъ, выставленнымъ въ показаніи Философова. Единственное, что въ этомъ показаніи вполне подтверждается источниками, это свидѣтельство о власти Трубецкого, Пожарскаго и Минина.

Проф. Платоновъ вѣрится, какъ мы уже сказали, каждому слову Философова. Въ подкрѣпленіе его свидѣтельства о страхѣ земцевъ передъ казаками онъ приводитъ слова Аврамія Палицына. Въ той главѣ „Сказанія“, которая посвящена избранію Михаила, Палицынъ пишетъ: *„Казацкаго же чина воинство многочисленно тогда бысть и въ прелестъ велику горше прежняго впадоша, вдавѣшея блуду, питію и зерни, и пропивше и проигравше вся свои имѣнія, насилующе многимъ въ воинствѣ, наче же православному христіанству и исходяще изъ царствующаго града во вся грады и селы и деревни и на путехъ грабяще и мучаще немилостивно, сугубѣйше прваго десяторицею. И кто можетъ изглаголати тоя бѣды, тогда сотворшіяся отъ нихъ? Ни единъ бо невѣрныхъ сотвори толка зми, еже они творягу православнымъ христіаномъ различно мучаще. И бысть во всей Россіи мятежъ великъ и нестроеніе злѣйши прваго“.*

Свѣдѣнія, сообщаемыя въ выписанномъ мѣстѣ „Сказанія“, безусловно важны и объясняютъ многое въ событіяхъ времени избранія Михаила.

Палицынъ говоритъ, что казаки разошлись изъ Москвы по всей Россіи и начали грабить *весь* города, села и деревни, разбойничать на дорогахъ и

мучать безъ пощады, добиваясь признаній о скрытомъ добрѣ. Отъ грабежа страдали и многіе изъ „воинства“; но особенно тяжко было крестьянамъ.

Положеніе боярскихъ дѣтей и дворянъ въ Москвѣ было, конечно, печальнымъ. Ихъ звали домой защищать свои помѣстья и своихъ крестьянъ отъ грабительскихъ шаекъ; но имъ необходимо было оставаться въ Москвѣ, чтобы докончить начатое государственное дѣло. Поэтому казаки въ своихъ грабежахъ не встрѣчали сопротивленія, и во всей Россіи, дѣйствительно, происходило нестроеніе злѣе прежняго.

Мы знаемъ, что казацкія шайки, разошедшіяся по Россіи еще въ 1612 г. вскорѣ пробрались даже на окраины Московскаго сѣвера и въ теченіи ряда годовъ терзали крестьянство. Но ихъ насилія происходили уже внѣ Москвы. Слѣдовательно, *въ Москвѣ* казаковъ не могло быть много; они не представляли *тамъ* силы, не имѣли сколько-нибудь выдающагося вождя и не могли внушать страхъ земцамъ. Хозяйничавшіе въ Москвѣ Пожарскій и Мининъ были не на ихъ сторонѣ и, конечно, могли бы организовать охрану „воинства“, если бы она была нужна. Но они заботились не о наведеніи порядка въ Москвѣ,—тамъ его было, очевидно, достаточно, а о скорѣйшемъ завершеніи государственнаго дѣла, чтобы „воинство“ могло имѣть свободныя руки и защищать на мѣстахъ крестьянство.

Мы упомянули, что страхъ земцевъ передъ казаками—неправдоподобенъ. Если мы примемъ цифры, сообщенныя Философовымъ Полякамъ, и повѣримъ, что въ концѣ 1612 г. въ Москвѣ дѣтей боярскихъ и дворянъ было тысячи двѣ, а казаковъ 4500, и тутъ мы должны будемъ признать, что перевѣсъ былъ скорѣе на сторонѣ земцевъ, а не казаковъ.

Мы знаемъ, что дѣти боярскіе и дворяне являлись на службу конны, людны и оружны, то-есть на коняхъ, въ сопровожденіи того или другого числа вооруженныхъ, изъ крестьянъ и дворовыхъ, и съ болѣе или менѣе значительнымъ вооруженіемъ.

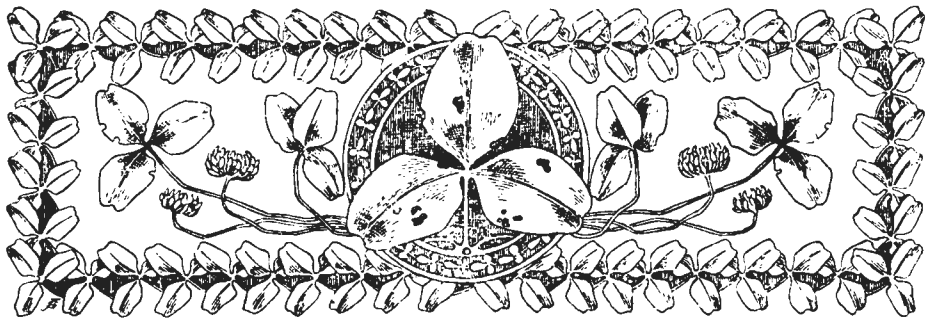
Въ то время, какъ казаки представляли изъ себя плохо организованную, плохо одѣтую и плохо вооруженную пѣшую массу, конные земскіе полки Пожарскаго были дѣйствительнымъ воинствомъ. Противъ сабель и рогатинъ казаковъ земцы имѣли и холодное оружіе, и вошедшее тогда уже въ широкій обиходъ оружіе огнестрѣльное, и доспѣхи. Какъ извѣстно, качество вооруженія имѣетъ для боя существенное значеніе. Дешевая сабля казака, обыкновенной русской работы, то-есть изъ простой русской стали, не могла разрубить даже недорогой желѣзной шапки или кольчуги, между тѣмъ какъ булатный клинокъ сына боярскаго легко разсѣкалъ не только желѣзный листъ, но даже толстый желѣзный гвоздь.

Такимъ образомъ силы земцевъ и казаковъ въ Москвѣ въ концѣ 1612 г. даже въ томъ видѣ, какъ ихъ представляетъ Философовъ, были по меньшей мѣрѣ равны. Во всякомъ случаѣ казаки не могли оказывать на земцевъ столь сильнаго давленія, чтобы вліять на нихъ даже въ дѣлѣ царскаго избранія. Да еще остается вопросомъ, дѣйствительно ли казаки очень интересовались личностью будущаго царя. Судя по ихъ связямъ—въ Тушинское время—съ Поляками и западно-русами (въ родѣ Ружинскаго, Лисовскаго, Салѣги), они не имѣли ничего противъ Владислава. Онъ былъ для нихъ величиною неопредѣленною, малоизвѣстною; но то, что они должны были знать о казакахъ въ Польско-Литовскомъ государствѣ, едва ли могло дѣлать для нихъ кандидатуру Владислава ненавистною. Они могли возстать только противъ кандидатуры лица, изъ числа Московскихъ бояръ, которому молва приписывала жестокое или суровое обращеніе съ ихъ крестьянами и холопами. А такихъ лицъ, какъ извѣстно, было не мало.

Дальнѣйшая судьба оставшихся въ Москвѣ въ февралѣ 1613 г. казаковъ, послѣ избранія ими царя, также не говоритъ о какой-либо значительности ихъ роли. Ихъ атаманы (которыхъ даже имена намъ не извѣстны) тотчасъ исчезли съ историческаго горизонта. Очевидно, за ними не признавали заслугъ въ дѣлѣ избранія на царство Михаила, и ни одинъ изъ нихъ не раздѣлил почестей съ говядаремъ Кузьмою Мининымъ. Повидимому, эти казаки—были служилые казаки Московскаго Юга. Вольница, столь рѣшительно расправившаяся съ Прокопьемъ Липуновымъ за его несвоевременную попытку законодательствовать,—въ это время или находилась съ Заруцкимъ далеко отъ Москвы или грабила крестьянъ и проѣзжихъ на обширномъ пространствѣ Московскаго центра и Сѣвера. Она не приняла участія въ избраніи царя.

А. Соболевскій.

Графъ Матіасъ-Сигизмундъ Шликъ

одинъ изъ претендентовъ на руку царевны Ирины Михайловны *).

I.

Въ рядахъ чешской аристократіи и по сіе время видное мѣсто занимаетъ старый родъ графовъ Шликъ, а въ первой четверти XVII вѣка родъ Шликовъ былъ едва-ли не однимъ изъ самыхъ могущественныхъ магнатскихъ родовъ чешскаго королевства.

Впервые упоминаются Шлики въ чешской исторіи на рубежѣ XIV и XV вѣковъ, когда панъ Индрихъ (Генрихъ) Шлибъ изъ Лажанъ, пользовавшійся особеннымъ благоволеніемъ чешскаго короля Вяче-

*) Матеріаломъ настоящаго очерка послужили главнымъ образомъ документы, хранящіеся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Пностранныхъ Дѣлъ.— „Выѣзды въ Россію иностранцевъ“ и „Датскія дѣла“. Изъ напечатанныхъ источниковъ и историческихъ трудовъ использованы: Олеарій— „Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію“, „Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными“, изданныя II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей, и Русская Историческая Библиотека, издаваемая Археографическою Коммиссіею (т. VIII-й), Fr. Palacky, „Geschichte von Böhmen“, W. Tomek. „Děje kralovství Českého“, „Ottův Slovník Naučný“ (отсюда почерпнута родословная дома Шликовъ), Дм. Цвѣтаевъ, „Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій“, его-же, „Обученіе иноземцевъ-протестантовъ въ Московскомъ государствѣ. М. 1886 г., его-же, „Иностранцы въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“, его-же, „Изъ брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ Московскаго періода. М. 1884 г., Ал. Барсуковъ. „Родъ Шереметевыхъ т. III. Ю. Н. Щербачевъ. Датскій Архивъ. Матеріалы по исторіи древней Россіи, хранящіеся въ Копенгагенѣ. 1326—1690 гг., Л. Кочубинскій, „Братья-подобны и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка“, А. Гильфердингъ, „Собраніе сочиненій“, т. II. (Обзоръ чешской исторіи) и другія сочиненія.

слава IV, открыто выступилъ покровителемъ Яна Гуса. Послѣдній, по удаленіи своемъ изъ Праги, нашелъ первоначально пріютъ въ Козьемъ-Градкѣ (въ Бехинской области) у пана Яна изъ Усти, а, по смерти послѣдняго, во владѣніяхъ пана Индриха Шлика изъ Лажанъ, въ его замкѣ Краковцѣ за Кривоклатомъ¹⁾.

Индрихъ Шликъ былъ женатъ на Констанціи, единственной дочери графа Ролланда Коллальто изъ славнаго рода графовъ де-Камино. Этотъ бракъ предрѣшилъ судьбу его сыновей. Его старшій сынъ, Кашпаръ (род. 1400 г., † 1449 г.), получившій солидное по тому времени образованіе и ученую степень, служилъ долгое время въ должности канцлера при Германскомъ императорѣ и чешскомъ королѣ Сигизмундѣ. За свою службу онъ былъ пожалованъ Сигизмундомъ и его преемниками: Альбрехтомъ II и Фридрихомъ III обширными владѣніями въ сѣверо-западной Чехіи: всею Локетскою областью съ Ангельской горою, Фалькновомъ, Грознегиномъ и Тогенбургомъ. Онъ усердно покровительствовалъ Энею Сильвію Пикколомини, позднѣе занимавшему папскій престолъ подъ именемъ Пія II²⁾. Эта услуга немало содѣйствовала впослѣдствіи дальнѣйшему возвышенію дома Шликовъ. Въ 1437 году Кашпаръ Шликъ, какъ владѣлецъ пожалованнаго ему замка Бассано, возведенъ былъ въ графское достоинство, перешедшее отъ него и къ его наслѣдникамъ.

Кашпаръ умеръ бездѣтнымъ. Его должности и владѣнія наслѣдовалъ его братъ Матвѣй, владѣлецъ Бечева и Быхова. Сыновья послѣдняго—Микулашъ, Иеронимъ и Кашпаръ раздѣлили отцовскія владѣнія и начали собою три вѣтви рода Шликовъ: *Фалькновскую, Локетскую и Островскую*.

Представителей этихъ трехъ вѣтвей мы не разъ видимъ до битвы у Бѣлой Горы на высокихъ административныхъ постахъ въ королевствѣ и въ высшихъ придворныхъ должностяхъ. Имъ принадлежать обширныя земли, они управляютъ городами и владѣютъ многими замками. Въ XV и XVI столѣтіяхъ тѣмъ или другимъ представителямъ этого могущественнаго рода принадлежатъ: Фалькновъ, Индриховичи, Зеебергъ, Нейдекъ, Шенлиндъ, Депольтовицы, Непомысль, Дауповъ, Локеть, Пятипсы, Винтизовъ, Островъ, Киншперкъ, Планова, Гартенбергъ, Шенбахъ, Краслицы, Рабштейнъ, Бечевъ, Верушички, Яблоновъ, Яхимовъ, Гаунштейнъ, Копидляны и другіе замки и имѣнія.

¹⁾ Томекъ „Исторія Чешскаго королевства“, кн. V, § 53.

²⁾ Любовныя похожденія Кашпара Шлика въ Италію въ 1432—33 г.г. послужили Энею Сильвію Пикколомини сюжетомъ для его извѣстнаго романа—„Эвріаль и Лукреція“.

Погибшій въ битвѣ при Могачѣ (въ 1526 г.), графъ Стефанъ Шликъ (род. 24 дек. 1487 г.) открылъ богатые серебрянные рудники въ Йохимсталѣ (Йохимовѣ) и сталъ впервые съ 1517 года чеканить, такъ называемые, *йохимовскіе таллеры*, носившіе также названіе *шликовскихъ*; на Московской Руси они были извѣстны подъ названіемъ „*ефимковъ*“.

Изъ трехъ вѣтвей Шликовского дома особенно выдвинулась островская линія, давшая на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ самыхъ видныхъ представителей этого славнаго рода.

Къ этой линіи принадлежитъ полководецъ императора Фердинанда II, генералъ Индрихъ Шликъ, потомки котораго до сего времени благоденствуютъ въ Австро-Венгріи. Во время тридцатилѣтней войны, когда одни изъ многочисленныхъ родичей Индриха Шлика погибали въ рядахъ протестанскихъ войскъ въ бою или на плахѣ, а другіе, въ поискахъ безопаснаго убѣжища, разсѣялись бездомными бѣдняками по лицу всей Европы и впоследствии потонули въ народныхъ массахъ пріютившихъ ихъ протестантскихъ странъ, Индрихъ Шликъ, подъ знаменами Фердинанда Австрійскаго, удачно сражался съ его противниками въ Нидерландахъ, въ Венгріи и въ Германіи. За эту службу фанатикъ-государь наградилъ его въ 1623 году должностію генераль-фельдцейхмейстера. Въ 1625 году, подъ начальствомъ Валленштейна, Индрихъ Шликъ не менѣе удачно воюетъ въ Сѣверной Германіи и жестоко опустошаетъ Данію. Затѣмъ мы видимъ его въ Венгріи, гдѣ храбрый Георгъ Ракочи беретъ его въ плѣнъ. Индрихъ Шликъ принужденъ былъ выплатить за себя значительный выкупъ. Получивъ свободу, онъ опять поступилъ въ армію Валленштейна, участвовалъ въ его походахъ, причемъ доходилъ до Ютландіи. Въ 1627 году Валленштейнъ, очень благоволившій къ Шлику, назначилъ его маршаломъ. По заключеніи мира съ Даніей, Индрихъ Шликъ оставилъ армію и съ 1632 года занимаетъ мѣсто президента военнаго совѣта. Большую часть нажитаго имъ въ походахъ громаднаго капитала Индрихъ Шликъ затратилъ на скупку обширныхъ владѣній раззоренныхъ чешскихъ дворянъ. Кромѣ наследованной имъ отъ отца Плановы, онъ сдѣлался теперь владѣльцемъ: Поляковъ, Гаунштейна, Медунца, Кунштата, Плосковицъ, Старыхъ Градовъ, Загожанъ и многихъ другихъ имѣній. Умеръ Индрихъ Шликъ въ 1650 году.

Изъ всего многочисленнаго рода Шликовъ только его потомки удержали титулъ и владѣнія въ Габсбургской монархіи и съ первой

четверти XVII вѣка только ихъ однихъ знаютъ родословныя росписи Шликовскаго дома. Поколѣнная роспись остальныхъ вѣтвей, какъ островской линіи, такъ равно докетской и фалькновской, до этого времени очень подробныя, обрываются на двадцатыхъ годахъ XVII вѣка. Причина этому станетъ намъ ясна, когда мы разберемся въ событіяхъ, предшествовавшихъ битвѣ при Бѣлой Горѣ и непосредственно послѣдовавшихъ за нею.

Въ царствованіе императора Матвѣя домъ графовъ Шликъ переживалъ высшій моментъ своего могущества; оно фиксировалось не столько богатствомъ и обширностью владѣній представителей этой фамиліи, не столько тѣмъ, что многіе изъ Шликовъ занимали въ это время важные посты въ государственномъ управленіи королевства, сколько громадною популярностью нѣкоторыхъ представителей этого рода въ народныхъ массахъ королевства. Въ эпоху предшествовавшую бѣлгородской битвѣ, девяносто процентовъ населенія Чехіи исповѣдывали протестанство. Во главѣ *братьевъ подобоевъ*, такъ называли себя чешскіе протестанты, стояли въ это время: Вацлавъ Роуповъ, талантливѣйшій изъ дефензоровъ и графъ Іохимъ-Андрей Шликъ. Послѣдній родился въ 1569 году. Солидное образованіе (онъ окончилъ Женевскую академію) и блестящій ораторскій талантъ рано выдвинули его на переднее мѣсто изъ рядовъ чешской аристократіи. Въ 1605 году Іохимъ-Андрей Шликъ былъ избранъ дефензоромъ, въ слѣдующемъ году мы его видимъ директоромъ утраквистской консисторіи. Въ 1609 году онъ пишетъ „Исторію Гусситскихъ войнъ“. Въ 1611 году онъ занимаетъ должность королевскаго совѣтника и высшаго казначея. Его сынъ отъ перваго брака (съ Анной Любштейнской изъ Коловрата), Юлій Шликъ, въ 1613 и 1614 годахъ состоитъ ректоромъ Пражскаго университета.

Въ Январѣ 1614 года на сеймѣ въ Будеевицахъ, вмѣстѣ съ мужественнымъ Вацлавомъ Роуповымъ, Іохимъ-Андрей Шликъ энергично выступилъ съ требованіемъ ограниченія королевскихъ правъ. Пренія на этомъ сеймѣ приняли настолько острый характеръ, что приверженцы короля Мартиницъ и другіе католики бѣжали изъ Будеевицъ, чтобы только не слышать оскорбительныхъ для короля рѣчей подобоевъ *).

Тогда же Турнъ, Шликъ и Вхинскій заявили агенту саксонскаго курфюрста, что подобои рѣшили свергнуть съ престола Габсбурга

*) Кочубинскій. Братья-подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка, стр. 229.

и предложить корону саксонскому курфюрсту. Саксонец отклонил это предложение ¹⁾).

Въ 1617 году усилившаяся болѣзнь императора Матвѣя побудила его выразить передъ чешскими сословіями желаніе, чтобы они короновали чешскою короною его наслѣдника—Фердинанда Штирійскаго. Жестокія расправы Фердинанда съ протестантами въ Крайнѣ и въ Штирії достаточно ясно опредѣляли его личность и большинство земскихъ чиновъ Чешскаго королевства рѣшительно высказалось противъ его кандидатуры. Къ общему изумленію въ послѣднюю минуту Іохимъ-Андрей Шликъ, избранный сеймовымъ ораторомъ отъ пановъ, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ угрозъ самага Фердинанда и его сторонниковъ: Коловрата, Лобковица и Штеренберка, измѣнилъ своимъ и поддержалъ кандидатуру воспитанника іезуитовъ ²⁾). Послѣдствія этого малодушнаго поступка не замедлили сказаться. Уже вскорѣ послѣ коронованія Фердинанда одинъ изъ главныхъ вождей подобоевъ, храбрый графъ Индрихъ Турнъ, былъ незаслуженно оскорбленъ лишеніемъ званія бургграфа Карлштейнскаго ³⁾). Въ это же время католикъ Михна публично похвалялся, что со вступленія на престолъ Фердинанда полугода не пройдетъ, какъ всѣ мѣщане королевства будутъ обращены въ католиковъ. Другой агентъ правительства, минцистръ Врещовиць пошелъ еще дальше, угрожая: „скоро свалятся на землю головы Турна, Козьей Бородки (Будовца), Шлика и Лобковица“ ⁴⁾).

Взаимныя угрозы завершились возстаніемъ въ королевствѣ. 23-го Мая 1618 года королевскіе намѣстники Ярославъ Мартиницъ и Вильгельмъ Славата были выброшены вождями возстанія изъ оконъ Пражскаго замка. Этотъ роковой въ исторіи королевства день, по образному выраженію чешскаго историка Скалы, сталъ „началомъ и дверью для всѣхъ будущихъ бѣдъ и несчастій чешскаго народа“.

25-го Мая съѣздъ чешскихъ сословій организовалъ новое правительство въ королевствѣ—директорію. Въ составъ ея вошло 30 человекъ, по десяти отъ каждаго сословія. Въ числѣ этихъ директоровъ мы видимъ двухъ Шликовъ: Іохима-Андрея Шлика и Яна-Альбина Шлика (изъ фалькновской линіи). Династія Габсбурговъ была объявлена лишенною престола. Отправленный Фердинандомъ въ Чехію во главѣ десяти-

¹⁾ Кочубинскій, стр. 230.

²⁾ Кочубинскій, стр. 246.

³⁾ Кочубинскій, стр. 251, Томекъ, кн. VII, § 79.

⁴⁾ Кочубинскій, стр. 256.

сячнаго отряда графъ Генрихъ Дампьеръ потерпѣлъ двукратное пораженіе отъ Индриха Турна. Столь же неудачнымъ былъ и походъ другого генерала короля, Карла Бюккуа, знаменитаго вождя испанскихъ войскъ въ Нидерландскую войну. При Ломницѣ Турнъ нанесъ ему пораженіе и заставилъ запереться въ Будеевицахъ, опорномъ пунктѣ чешскихъ католиковъ. Другой чешскій городъ, оставшійся вѣрнымъ королю, крѣпкій Пильзенъ былъ взятъ другимъ генераломъ возставшихъ, графомъ Мансфельдомъ. Паденіе Пильзена придало смѣлость лужицкимъ и силезскимъ земскимъ чинамъ. Они вступили въ союзъ съ чешскими конфедератами. Послами въ Силезію поѣхали Альбинъ Юликъ, Фрувей и Билый.

20-го марта 1619 года умеръ императоръ Матвѣй. Напрасно Фердинандъ II, пытаясь склонить чеховъ къ послушанію, въ грамотѣ о смерти императора завѣрялъ ихъ въ своемъ намѣреніи уважать права королевства и сословій. Весной того же года Индрихъ Турнъ вторгся въ Моравію и организовалъ и тамъ директорію на подобіе чешской. Турнъ подступилъ къ самой Вѣнѣ и едва не захватилъ въ плѣнъ самаго Фердинанда. Однако вскорѣ побѣда Бюккуа надъ Мансфельдомъ заставили директорію отозвать Турна отъ Вѣны въ Чехію.

Чехи, объявивъ Габсбургскую династію лишенною чешскаго престола, избрали королемъ рейнскаго пфальцграфа Фридриха. 24-го Октября въ Вальдсасъ, (въ Верхнемъ Пфальцѣ), гдѣ въ то время находился со своею семьею Фридрихъ Пфальцскій, прибыло блестящее чешское посольство. Во главѣ его были Роуповъ и графъ Іохимъ-Андрей Шликъ; послы въ тотъ же день были приняты на аудіенціи. Андрей Шликъ на нѣмецкомъ языкѣ привѣтствовалъ пфальцграфа, Роуповъ на французскомъ—его супругу, графиню Елизавету (дочь Іакова I Англійскаго). Фридрихъ охотно принялъ чешскую корону. День 24 Октября закончился веселымъ обѣдомъ*).

Выборъ подобоевъ оказался очень неудачнымъ. Фридрихъ не сумѣлъ расположить къ себѣ чешскій народъ, а своею безпечностью и легкомысліемъ поставилъ на карту и свою корону и судьбу Чешскаго королевства. Обойдя талантливаго и храбраго чешскаго полководца Индриха Турна, онъ ввѣрилъ защиту правъ и независимости Чешской земли иностранцамъ: нѣмецкому принцу Христіану Ангальту

*) Кочубинскій, стр. 324.

и венгерскому вождю Борнемиссъ, а также наемному генералу графу Мансфельду. Бой у Бѣлой Горы рѣшилъ судьбу королевства и чешскаго народа. Войско короля Фридриха было на голову разбито. Дальше всѣхъ защищался небольшой моравскій отрядъ, предводителями котораго были молодой Турнъ и Индрихъ Шликъ. Окруженные на мѣстѣ, которое и тогда называлось Гвездою (Звѣздой), воины отряда сражались до послѣдней капли крови и почти всѣ полегли на полѣ сраженія*). На томъ же бѣлгородскомъ побоищѣ погибли братья Стефанъ и Криштофъ-Арноштъ Шлики, сыновья Стефана Шлика изъ Велехова.

Три мѣсяца спустя послѣ бѣлгородскаго сраженія, пришелъ тайный приказъ отъ императорскаго двора, повелѣвавшій арестовать всѣхъ прежнихъ дефензоровъ, директоровъ и другихъ вождей возстанія. Въ одинъ день и въ одинъ часъ, 20-го Февраля 1621 года, тѣ изъ нихъ, кто пребывали въ Прагѣ, были внезапно схвачены, а нѣсколько дней спустя доставлены въ тѣ же тюрьмы и остальные, проживавшіе въ другихъ городахъ и замкахъ королевства. Всего арестовано было 48 человѣкъ. Юхимъ-Андрей Шликъ, занимавшій до битвы у Бѣлой Горы должность высшаго судьи и фогта Верхней Лужицы, схваченъ былъ по приказу саксонскаго курфюрста въ Саксоніи.

Чрезвычайный судъ, засѣдавшій въ Прагѣ, подъ предѣлательствомъ князя Лихтенштейна, приговорилъ вождей возстанія къ смертной казни. 21-го Юня 1621 года въ 5 часовъ утра, по сигналу, изъ Пражскаго замка осужденныхъ, одного за другимъ, стали выводить изъ Староградской ратуши на сосѣднюю площадь, гдѣ уже возвышался, покрытый чернымъ сукномъ, эшафотъ. Городскія ворота были заперты, улицы, выходящія на площадь, заняты войсками. Передъ ратушей на возвышеніи сидѣли судьи и цесарскіе комиссары. Передъ ними проводили осужденныхъ къ эшафоту. Первымъ былъ казненъ Юхимъ-Андрей Шликъ, за нимъ обезглавлены: Вацлавъ Будовець, Гарантъ Полжиць, Гаспаръ Каплеръ изъ Сулевиць и т. д. Во все время казни музыканты били въ бубны и трубили, чтобы не было слышно рѣчей осужденныхъ. Всѣ они мужественно встрѣтили смерть. Головы 12 главныхъ вождей, и въ первую очередь, голова Шлика, были насажены на желѣзные шести на башнѣ старо-градскаго моста.

За казнью вождей подобоевъ послѣдовали дальнѣйшія расправы. 728 пановъ и рыцарей, изъ числа принесшихъ повинную, лишены были

*) Томекъ, кн. VII, § 80.

своихъ замковъ и помѣстій, до 30.000 семействъ, въ томъ числѣ 158 аристократическихъ родовъ, навсегда должны были оставить королевство, лишенными всего своего имущества¹⁾.

Янъ-Альбинъ Шликъ, сотоварищъ Іохима-Андрея Шлика по директоріи, оказался счастливымъ своего сородича. Присужденный къ смертной казни и къ потери имущества, онъ укрылся въ Циттау. Въ 1628 году онъ еще былъ живъ. О дальнѣйшей его участи ничего не извѣстно. Изъ трехъ его сыновей (Криштофъ-Бедрихъ, Криштофъ-Корель и Іохимъ-Андрей) первый умеръ въ 1627 году, второй погибъ на войнѣ въ 1632 году и послѣдній умеръ въ 1666 году. О судьбѣ остальныхъ представителей этого многочисленнаго рода извѣстно только то, что они разбрелись по дворамъ протестантскихъ князей, чтобы окончательно сойти со страницъ исторіи.

Во время тридцатилѣтней войны на короткій мигъ для чеховъ мелькнулъ лучъ надежды на лучшую долю. Побѣды Густава-Адольфа поколебали могущество Габсбурга, 11 Января 1632 года, союзные со шведами, саксонцы, подъ предводительствомъ Арнима, бывшего офицера Валленштейна, вторгнулись въ Чехію и, не встрѣтивъ нигдѣ сопротивленія, вступили въ Прагу. Пріѣхавшій туда же саксонскій курфирстъ пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Многіе изъ чешскихъ эмигрантовъ возвратились тогда въ свое отечество и вступили опять во владѣніе своими имѣніями. Въ числѣ ихъ были вождь подобоевъ храбрый Индрихъ Турнь, находившійся теперь на военной службѣ короля Шведскаго, и Вацлавъ изъ Роупова, высшій канцлеръ чешскій при королѣ-неудачникѣ Фридрихѣ I Пфальцкомъ. Во главѣ торжественной процессіи, графъ Турнь и Вацлавъ Роуповъ сняли съ желѣзныхъ шестовъ мостовой башни головы двѣнадцати своихъ друзей, мучениковъ за свободу Чехіи, и торжественно похоронили ихъ въ Тайницкомъ костелѣ²⁾.

Семь мѣсяцевъ отдыхала Чехія отъ кровавыхъ репрессій Фердинанда II-го, но военное счастье опять перешло на его сторону и чешскіе эмигранты вновь принуждены были оставить свою родину, на этотъ разъ навсегда.

¹⁾ Палацкій „*Dejiny narodi ceskeho v Cechah a na Morave*“, Томекъ, кн. VIII, § 81, Гильфердингъ. „Обзоръ чешской исторіи“, Кочубинскій, стр. 342—343.

²⁾ Томекъ, кн. VIII, § 82.

Десять лѣтъ протекло со времени этой послѣдней попытки чешскихъ эмигрантовъ устроиться у себя на родинѣ и вотъ, когда ясно обнаружилось, что погасли послѣднія надежды на возвратъ въ отчизну, одинъ изъ чешскихъ эмигрантовъ, представитель фамиліи графовъ Шликъ неожиданно появляется при дворѣ московскаго царя,—перваго государя недавно воцарившагося дома Романовыхъ.

II.

День склонялся къ вечеру, когда 10 ноября 1642 года три иноземца вѣхали въ ворота Гостиннаго двора Псковскаго Печерскаго монастыря. Старшой изъ пріѣзжихъ, по виду человѣкъ шляхетной породы, назвавшій себя Матіасомъ, объяснялъ въ распросныхъ рѣчахъ монастырскимъ властямъ, что ѣдетъ онъ самъ-третьей изъ Датской земли, „гонить“ къ великому государю—къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, гонить по большому дѣлу: везетъ царю „листъ“ (письмо) отъ датскаго короля Христіануса.

По тому времени, къ какому относятся описанныя ниже событія, пріѣзды иноземцевъ уже не были въ диковинку на Руси, они не вызывали въ пограничныхъ русскихъ властяхъ ни прежняго тревожнаго недоумѣнія, ни былого переполоха. Тогда тянулось на вольные русскіе клѣба, къ столярной Москвѣ, много всякаго иноземнаго люда. Со второй четверти XVII вѣка дорога на Москву стала торнымъ путемъ для выходцевъ едва-ли не всѣхъ странъ Западной Европы. Сюда ѣхали искать фортуны, животовъ и чести: служилые люди разнаго званія и чина, заморскіе торговые люди и гости, мастеровые всѣхъ цеховъ, рудознатцы, и т. д. Въ глазахъ всякаго рода авантюристовъ и просто предприимчивыхъ людей Московія являлась тогда какъ бы новымъ Эльдorado, новою Обѣтованною Землею. Отъ проживавшихъ въ Москвѣ иноземцевъ шли добрыя вѣсти, самыя заманчивыя письма. Московскіе нѣмцы—а подъ ними русскіе люди XVII вѣка разумѣли не только подлинныхъ нѣмцевъ и цесарцевъ (австрійцевъ), но также голландцевъ, датчанъ, англичанъ, французовъ и представителей другихъ западно-европейскихъ странъ—писали своимъ землякамъ, что устроились они хорошо, живутъ въ полномъ достаткѣ, отъ московскихъ властей и туземнаго населенія обидъ ни въ чемъ не видятъ и въ своей вѣрѣ никакого утѣшенія отъ „идолопоклонниковъ“ московитовъ не терпятъ.

О природныхъ богатствахъ страны шли рассказы прямо таки сказочные, наконецъ,—такъ думали на Западѣ—отъ Московіи рукой

подать и въ Персію, и въ Индію—эти прославленные страны неисчерпаемыхъ богатствъ. Подобныя вѣсти и рассказы, подъ часъ значительно преувеличенныя, разжигали любопытство и алчность разоренныхъ Тридцатилѣтней войной нѣмецкихъ дворянъ, вторыхъ сыновей англійскихъ и шотландскихъ бароновъ и джентри, голландскихъ и англійскихъ купцовъ, нѣмецкихъ и датскихъ безработныхъ мастеровыхъ и ремесленниковъ. Весь этотъ бездомовый или малоимущій людъ жадно устремлялся въ Московское государство: одни на время, съ цѣлью нажитья на чужбинѣ, чтобы затѣмъ коротать дни на родинѣ, другіе ѣхали сюда навсегда.

По такому положенію вещей монастырскія власти спокойно отнеслись бы къ пріѣзду трехъ иноземцевъ, если бы Матіась не заявилъ, что онъ везетъ письмо къ царю. Такой необычный случай требовалъ особой осторожности. Игумень монастыря, Макарій, и Яковъ Неѣловъ сочли необходимымъ немедленно донести обо всемъ псковскимъ властямъ. Пріѣзжихъ нѣмцевъ препроводили на другой же день во Псковъ къ воеводѣ, околичному князю Василю Петровичу Ахамашукову-Черкасскому.

Воевода помѣстилъ Матіаса и его спутниковъ на подгороднемъ Нѣмецкомъ гостинномъ дворѣ. Къ пріѣхавшему нѣмчину былъ посланъ голова гостинно-нѣмецкаго двора Димитрій Нефневъ и съ нимъ переводчикъ и толмачъ. Головѣ приказано было доподлинно дознаться: для чего нѣмчинъ Матіась изъ Датской земли присланъ, изъ какого города, и сколь давно выѣхалъ онъ, и на какіе города путь держалъ, имѣется-ли проѣзжій листъ у него, какого онъ чину человекъ и люди, что при немъ, королевскіе или его люди?

Матіась показалъ:

—Посланъ я къ великому государю, къ Москвѣ, съ листомъ датскаго короля Христіануса и листъ тотъ за его королевскою печатью. Имѣется у меня и проѣзжій листъ. Имя мое Матіась графъ фонъ-Шликъ, и уроженецъ я Богемской земли. Владѣлъ тамъ своими городами, а какъ цесарскіе люди тою землю повоевали, учалъ я служить Христіанусу королю. И тому будетъ лѣтъ съ четырнадцать. Изъ Датской земли, изъ города Глюкштадта, поѣхалъ я въ прошломъ году въ августъ мѣсяцѣ. До Риги ѣхалъ на кораблѣ, и корабль тотъ погодьемъ задержало на морѣ. Изъ Риги отъѣхалъ тому двѣ недѣли. Которые со мною два нѣмчина пріѣхали, тѣ не королевскіе, а мои дворовые люди.

Въ подтвержденіе своихъ словъ Матіасъ Шликъ прислалъ съ Нефевымъ воеводѣ проѣзжій листъ.

Проѣзжій листъ гласилъ: „добророжденный, нашъ особенно любительный господинъ, Матіасъ-Сигизмундъ графъ фонъ-Шликъ повѣдалъ намъ, что онъ надумалъ ѣхать въ Москву къ великому князю съ прошеніемъ, и того ради, просилъ дать ему для его надобья нашу королевскую проѣзжую грамоту. И мы на то соизволили. Почему просимъ всякихъ людей, кто бы они не были, большихъ и меньшихъ начальныхъ людей и офицеровъ и всѣхъ приказныхъ людей, на морѣ и на сушѣ, особенно вышеназваннаго великаго князя подданныхъ всякаго чину, кто бы они не были, чтобы его вышеупомянутаго графа, его людей, лошадей и бумаги, что съ нимъ, не только свободно пропускать, но сверхъ того всякое ему вспоможеніе оказывать“.....

При дальнѣйшихъ опросахъ графъ Матіасъ показалъ:

—Когда государевы послы, окольнічій и намѣстникъ шатскій, Степанъ Матвѣевичъ Проѣстевъ, да дьякъ Иванъ Патрикѣевъ съ послами иныхъ земель въ Датской землѣ, въ Копенгагенѣ, у короля Христіануса были, присутствовалъ на отпускѣ русскихъ пословъ и я. А послѣ того, какъ поѣхалъ король въ городъ Глюкштадтъ, взялъ онъ меня съ собою въ тотъ городъ и тамъ далъ мнѣ листъ къ царю о своемъ королевскомъ дѣлѣ. Что написано въ томъ листу, о томъ мнѣ безъ Государева указа сказать нельзя. Ёду я къ государю не для службы, а что въ проѣзжей грамотѣ написано, что отпущень я къ Государю по моему прошенію, то написалъ по королевскому приказу его, короля, думный дьякъ.

Въ заключеніе Матіасъ Шликъ сказалъ, что буде его съ тѣмъ королевскимъ листомъ псковскія власти къ царю въ Москву не отпустятъ, не мѣшкающая поѣдетъ онъ назадъ въ Датскую землю.

Наружный осмотръ письма убѣдилъ, что оно дѣйствительно адресовано на имя царя. Дольше задерживать Шлика во Псковѣ не осмѣлились, и его съ обоими слугами въ сопровожденіи сына боярскаго Василія Трусова отправили въ Москву. Шлику дали подводы и поденный кормъ, по расчету двѣ гривны на день, на 17 дней пути. Обо всемъ случившемся окольнічій, князь Ахамашуковъ-Черкасскій, послалъ въ Москву подробное донесеніе.

Въ Москвѣ къ извѣстію о пріѣздѣ Шлика съ письмомъ датскаго короля отнеслись съ особеннымъ интересомъ. Дѣло въ томъ, что именно

въ это время шли съ датскимъ дворомъ переговоры по очень важному дѣлу. Предпринята была вторая при новой династїи попытка породниться съ датскимъ королевскимъ домомъ. Первая была сдѣлана въ 1622 году. Отправленные тогда къ датскому королю Христіану IV послы: дворянинъ князь Алексѣй Львовъ и дьякъ Жданъ Шиповъ вели переговоры о бракѣ царя Михаила Ѳеодоровича съ племянницею Христіана, княжной Доротеей-Августою, дочерью шлезвигъ-голштинскаго герцога Іоанна-Адольфа. Сватовство, какъ извѣстно, закончилось неудачею и послѣ другой, столь же неудачной попытки, взять за себя свояченицу шведскаго короля Густава Адольфа, маркграфиню Екатерину Бранденбургскую, Михаилъ Ѳеодоровичъ женился на русской боярышнѣ Евдокїи Лукьяновнѣ Стрѣшневой.

Отъ этого брака родились: сынъ Алексѣй и три дочери—всѣ красавицы собою. Старшая изъ нихъ, Ирина, родившаяся 22 апрѣля 1627 года, вступила уже въ дѣвичій возрастъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ мечталъ выдать дочь за иноземнаго принца. Его выборъ остановился на Вальдемарѣ-Христіанѣ Гюльденлеве графѣ Шлезвигъ-Голштинскомъ. Графъ Вальдемаръ, третій сынъ короля датскаго Христіануса IV-го, родился „отъ жены съ лѣвой руки“, какъ выразился Петръ Марселисъ въ Посольскомъ приказѣ,—отъ графини Христіны Мункъ.

Наши историки, справедливо указываетъ Ю. Н. Щербачевъ, ошибочно называютъ Вальдемара, слѣдуя русскимъ источникамъ, королевичемъ и принцемъ: въ дѣйствительности онъ не имѣлъ ни того, ни другого титула *).

Въ декабрѣ 1640 года въ Данїю снаряженъ былъ гонецъ, переводчикъ изъ обрусѣвшихъ иноземцевъ, копенгагенскій уроженецъ Иванъ Ѳоминъ (Иванъ Бекеръ фонъ-Дельденъ). Гласнымъ поводомъ его командировки выставлены были переговоры о нарушенїи голштинскимъ герцогомъ условїй договора о транзитной торговлѣ черезъ Россїю съ Персїей, но за этимъ явнымъ порученїемъ скрывалось другое—главное: собрать подробныя свѣдѣнїя о королевской семьѣ, и въ особенности о Вальдемарѣ. Послу наказано было не только вывѣдать все о лѣтахъ, наружности, умѣ и характерѣ королевича, но также, во чтобы то ни стало, достать его портретъ, написанный „подлинно“, „безъ приписи“ (безъ прикрасъ), и для этого подкупить „писца“ (художника) и, если

*) Ю. Н. Щербачевъ. Датскїй Архивъ. Матерїалы по исторїи древней Россїи хранящїеся въ Копенгагенѣ 1326—1590 гг., стр. 219.

окажется нужнымъ, замедлить отъѣздъ, помѣшкать недѣлю или двѣ, притворившись больнымъ, и не скупиться на подарки. Для отвода глазъ велѣно было заказать портреты самого короля и обоихъ его старшихъ сыновей¹⁾).

Өоминъ въ точности исполнилъ порученіе.

Датскій дворъ, если не былъ вполнѣ увѣренъ, то во всякомъ случаѣ догадывался о тайной цѣли посланничества Ивана Өомина и королевскій секретарь не безъ вѣдома короля заявилъ послу:

— Если государю вашему королевичъ Вальдемаръ надобенъ для воинскаго дѣла, король отпуститъ его къ царскому величеству.

Не подлежитъ сомнѣнію, въ то время Христіану IV улыбалась мысль пристроить сына въ Москвѣ, породнивъ его съ царскимъ домомъ. Только этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ 1641 году король снаряжаетъ въ Москву посольство и послами ѣдутъ графъ Вальдемаръ и Грегерьсъ Краббе. Гласнымъ порученіемъ выставлено было: заключить болѣе тѣсный союзъ съ царемъ, выговоривъ разныя льготы для датской торговли; между прочимъ, они должны были добиваться разрѣшенія для датчанъ устраивать въ Россіи канатные заводы, учредить компанію для вывоза кожи и юфти, получить согласіе на ежегодный вывозъ извѣстнаго количества хлѣба, добиться согласія на съѣздъ на лапландской границѣ для установленія рубежей и т. д.²⁾ За этими явными порученіями скрывался тайный наказъ короля сыну: въ случаѣ, если бы стали сватать за него Ирину Михайловну, принять предложеніе, но обезпечить себѣ свободу вѣроисповѣданія и просить для окончанія дѣла прислать къ королю московскихъ пословъ.

Послы благополучно прибыли въ Москву. Вальдемаръ имѣлъ всѣ данныя понравиться царю. Өоминъ въ своемъ донесеніи царю такъ описывалъ юношу: королевичъ Вальдемаръ двадцати лѣтъ, волосомъ русъ, ростомъ не малъ, собою тонокъ, глаза сѣрые, хорошъ лицомъ, здоровъ и разуменъ, знаетъ по-латыни, по-французски, по-итальянски, по-верхне-нѣмецки, знакомъ съ воинскимъ дѣломъ.

Однако, по прибытіи датскаго посольства въ Россію, вопреки ожиданіямъ королевича, разговора о сватовствѣ въ Москвѣ не подняли,

¹⁾ Д. Цвѣтаевъ. Протестанство и протестанты въ Россіи, стр. 477.

²⁾ Цвѣтаевъ. Протестанство и протестанты въ Россіи; Ю. Н. Щербачевъ. Датскій Архивъ.

и когда Вальдемаръ показалъ датскому торговому агенту Петру Марселису тайный наказъ короля, послѣдній даже не счелъ возможнымъ обратиться къ русскому правительству съ какимъ-либо вопросомъ о сватовствѣ. Царя Михаила Ѳеодоровича сильно смущала законность рожденія принца и по этому поводу наводились тщательныя справки. Установленъ былъ негласный сыскъ: какъ относятся къ Вальдемару сопровождающіе его датчане. Свѣдѣнія получены были удовлетворительныя: состоявшіе при посольствѣ русскіе пристава доносили, что Грегерсъ Краббе и всѣ другіе люди короля почитаютъ королевича государскимъ обычаемъ.

Послы отбыли изъ Москвы, ничего не сдѣлавъ.

Въ апрѣлѣ 1642 года въ Данію было отправлено русское посольство: окольникій Степанъ Матвѣевичъ Профстевъ и дьякъ Иванъ Исаковъ Патрикѣевъ. Имъ поручено было закончить переговоры о торговомъ договорѣ и завести рѣчь о сватовствѣ. Король, раздраженный требованіемъ московскаго правительства поставить имя царское выше имени королевскаго, встрѣтилъ пословъ очень сухо. „Докончанія“ торговаго договора не состоялось; неудачно закончились и переговоры о сватовствѣ. Датскій дворъ не согласился на то, чтобы графъ Вальдемаръ крестился въ православную вѣру, а русскіе послы отказались обѣщать королевичу опредѣленныя земли въ Московскомъ государствѣ. Христіанъ IV замѣтно охладѣлъ въ своемъ желаніи женить сына на русской царевнѣ. Причиною тому могло быть и то, что около этого времени при Датскомъ дворѣ образовалась партія хлопотавшая о бракѣ Вальдемара съ дочерью бывшаго чешскаго короля, неудачника Фридриха Пфальцкаго.

Послы возвратились назадъ. Въ Москвѣ, за якобы нерадѣніе царскимъ интересамъ, ихъ ждала опала.

Въ бытность свою при датскомъ дворѣ Матіасъ Шликъ наблюдалъ за перипетіями переговоровъ и, когда съ отъѣздомъ русскихъ пословъ Профстева и Патрикѣева, онъ увидѣлъ, что дѣло со сватовствомъ готово разстроиться, у него въ головѣ мелькнула смѣлая мысль: выступить соискателемъ руки царевны. Онъ имѣлъ полное основаніе считать себя по рожденію женихомъ не хуже графа Вальдемара, такъ какъ родъ графовъ Шликовъ, какъ мы видѣли выше, былъ одинъ изъ древнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ графскихъ родовъ Чешскаго королевства,

Олеарій, познакомившійся со Шликомъ въ Москвѣ, когда тотъ уже принялъ православіе и носилъ русское имя князя Льва Александровича Шляковскаго, категорически указываетъ, что нѣкоторые изъ извѣстныхъ ему лицъ не безъ основанія полагали, что Шликъ имѣлъ виды на бракъ съ царевною Ириной Михайловной.

Конечно, раскрыть свои тайныя намѣренія передъ датскимъ королемъ Шликъ не отважился: его намѣренія шли въ разрѣзъ съ планами короля. Правда, дѣло со сватовствомъ не ладилось. У царевны Ирины Михайловны явилась въ лицѣ пофальцкой принцессы соперница, но врядъ ли затѣя о бракѣ Вальдемара съ дочерью государя, лишенаго престола и владѣній, хотя-бы и единовѣрца, могла въ такой же мѣрѣ улыбаться королю, какъ бракъ его сына съ дочерью могущественнаго и богатаго русскаго государя. Во всякомъ случаѣ Шликъ имѣлъ достаточно основаній до времени скрывать отъ датчанъ свои планы.

Въ Москвѣ пріѣздъ Шлика объяснили иначе. Тамъ могли предположить, что Шликъ везетъ съ собою королевское письмо касательно брака Вальдемара съ царевной.

III.

Матиаса Шлика помѣстили въ Москвѣ въ домъ Ивана Грамотина, обычно мѣстопробываніи датскихъ пословъ. Псковскій приставъ Василій Трусовъ, „сказывавшій въ Посольскомъ приказѣ пріѣзжаго датскаго нѣмчина графа Матиаса“, въ томъ-же ноябрѣ мѣсяцѣ билъ челомъ отъ его имени царю, „чтобы Государь поволилъ бы ему (Шлику) видѣться съ Петромъ Марселисомъ“.

Царь разрѣшилъ.

„Гамбургскій гость“, „датскій морской капитанъ“, Петръ Марселисъ былъ датскимъ торговымъ агентомъ въ Россіи и однимъ изъ владѣльцевъ городищевскихъ чугунныхъ заводовъ*). Умный и ловкій человекъ, при томъ не всегда щепетильный въ выборѣ средствъ, Петръ Марселисъ сумѣлъ приобрести вліятельное положеніе при московскомъ правительствѣ и выраженное Шликомъ желаніе повидать этого чело-

*) Заводы находились въ 12 верстахъ отъ Тулы, на рѣкѣ Тулицѣ. Основателемъ этихъ первыхъ на Руси желѣзныхъ заводовъ былъ голландскій гость Андрей Денисовичъ Виніусъ, но въ 1637 году онъ принялъ къ себѣ въ компаньоны Петра Марселиса и голландскаго купца Тилемана Акему.

вѣка является вполне понятнымъ, когда мы учтемъ его значеніе при московскомъ дворѣ.

29-го Ноября Марселисъ видѣлся со Шликомъ и послѣ того скзывалъ въ Посольскомъ приказѣ:

— У Матиса на подворьѣ я былъ, и съ нимъ, Шликомъ, видѣлся. Говорилъ онъ мнѣ, что онъ отпущенъ къ великому государю, къ его царскому величеству, отъ датскаго Христіануса короля съ королевскою грамотою въ прошломъ году въ августѣ мѣсяцѣ изъ города Глюкштадта. Писана та грамота объ немъ, а что сверхъ того въ грамотѣ писано, того онъ не вѣдаетъ. Ту королевскую грамоту велѣно ему подать царскому величеству самому и рѣчью ему говорить приказано, а какой съ нимъ словесный приказъ, того онъ не сказалъ. Чаю я, что ему отъ короля наказано править царскому величеству челобитье и поздравленіе. Да онъ-же, Матисъ, говорилъ мнѣ, Петру, что отпускаючи его къ царскому величеству, король Христіанусъ приказывалъ ему, чтобы онъ, пріѣхавъ къ Москвѣ, совѣтовался обо всемъ со мною, Петромъ, и безъ моего вѣдома ничего не дѣлалъ. А какъ я нынѣшнимъ лѣтомъ былъ у датскаго короля Христіануса, мнѣ отъ короля о томъ Матисѣ королевскій приказъ былъ, чтобы я объ немъ порадѣлъ. А самъ Матисъ въ то время отъ короля отпущенъ былъ еще до моего пріѣзда. Родомъ Матисъ изъ королевства Чешскаго, человекъ именитый; изговянь отъ цесаря за вѣру.

О жестокой расправѣ съ чехами Фердинанда Австрійскаго русское правительство было достаточно освѣдомлено: среди офицеровъ иноземцевъ много было выходцевъ изъ Цесарской земли и изъ Германіи. О неистовствахъ и погромахъ, учиненныхъ войсками Тилли и Валленштейна, разсказывали очевидцы этихъ событій. Были и такіе офицеры, что до поступленія на русскую службу, сами служили въ войскахъ Валленштейна.

2-го Декабря 1642 года графъ Шликъ торжественно по посольскому обычаю представленъ былъ царю въ Золотой Палатѣ Кремлевскаго дворца.

За Шликомъ присланы были сани государевой конюшни. По бокамъ сани были покрыты медвѣжьимъ мѣхомъ. Провожатымъ его былъ приставъ Лаврентій Раевскій. Отъ паперти Благовѣщенскаго собора, и отъ Краснаго крыльца до Фроловскихъ воротъ и по Ильинскому

крестцу до самаго дома Ивана Грамотина, гдѣ проживаль Шликъ, выстроены были по обѣ стороны пути стрѣльцы съ пищалями. На паперти собора и на крыльцѣ стояли въ „чистомъ платьѣ“ дворяне и дѣти боярскія, гости и подъячіе. Въ сѣняхъ Золотой Палаты сидѣли въ золотѣ и въ черныхъ шапкахъ дворяне, дьяки и гости. Михаилъ Ѳеодоровичъ возсѣдалъ на царскомъ мѣстѣ въ средней Золотой Подписной палатѣ. Онъ былъ облаченъ въ царское платье съ діадемой и держалъ въ рукахъ скипетръ. Возлѣ государя были выстроены рынды въ бѣломъ платьѣ и въ золотыхъ цѣпяхъ. Справа отъ царя стояли нѣкоторые изъ князей, слѣва сидѣли бояре, окольничіе и дворяне большіе— всѣ въ золотомъ платьѣ и въ черныхъ шапкахъ.

Сани остановились у мостковъ противъ передняго быка Казенной Палаты. Отсюда графъ Шликъ прослѣдовалъ съ приставомъ Раевскимъ папертью Благовѣщенскаго собора и Крыльцомъ въ сѣни Золотой Палаты: здѣсь встрѣтили его дворянинъ князь Ѳеодоръ Оболенскій и дьякъ Иванъ Переносовъ, привѣтствовавшій его краткою рѣчью*).

Предшествуемый этими „встрѣчниками“ графъ Шликъ вступилъ въ царскую палату.

Окольничій Василій Ивановичъ Стрѣшневъ, на котораго возложено было „явить“ царю датскаго посланца, ударивъ челомъ Михаилу Ѳеодоровичу, провозгласилъ:

— Великій Государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, брата вашего Христіануса, короля датскаго, Матіасъ графъ фонъ-Шляковъ вамъ, великому Государю челомъ ударилъ.

Царь милостиво пожаловалъ графа къ рукѣ. Матіасъ принесъ челобитье и поздравленіе короля. Тогда царь, поднявшись съ мѣста спросилъ про здоровье короля:

— Братъ нашъ любительный, Христіанусъ король, здоровъ-ли?

*) Переносовъ привѣтствовалъ его: „Великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, любя брата своего, государя вашего Христіануса, короля датскаго, и тебя, Матіаса, жадуя, велѣлъ встрѣтить тебя его царскаго величества дворянину князю Ѳеодору Тимофеевичу Оболенскому, да мнѣ дьяку—Ивану Переносову“.

Матіасъ, отвѣтивъ царю про здоровье короля, почтительно подалъ государю королевскую грамоту и два письма самого Шлика къ царю. По приказу царя печатникъ, думный дьякъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Лихачевъ, принявъ письма, отъ имени царя спросилъ о здоровіи графа. На томъ государевомъ жалованіи Шликъ билъ опять челомъ царю....

Аудіенція закончилась объявленіемъ государева жалованія:

— Графъ Матіасъ,—возгласилъ думный дьякъ Лихачевъ—великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ тебя своимъ государевымъ жалованіемъ и отъ своего царскаго стола яствою и питьемъ...

На этомъ аудіенція закончилась. „Встрѣчники“ проводили Шлика до конца сѣней Золотой Палаты. Тѣмъ же порядкомъ, какимъ прибылъ графъ Матіасъ во дворець, онъ отбылъ теперь къ себѣ на подворье.

Нѣкоторое время спустя, къ нему на домъ прибылъ стольникъ, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и, согласно установленному на этотъ случай церемоніалу, поставилъ ему пожалованный царскій столъ *).

*) Стольнику князю Юрью—гласилъ приказъ царя,—пріѣхавъ на дворъ къ Матіасу, выйти изъ саней, у лѣстницы, и идти къ нему въ хоромы, а за собою велѣтъ нести скатерть и судки, яство и питье; а пришедъ въ хоромы, молвить рѣчь: „Божьею Милостью великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, любя брата своего Христіануса, короля датскаго и нныхъ (земель), а тебя, Матіаса графа, жалючи, прислалъ тебѣ отъ своего государскаго стола яству и питье!“ А сказавъ это, на столъ скатерть послать и судки поставить, и вина и яству, и питье подавать по росписи, а подавъ вина и поставивъ яству на столъ по росписи, взять ковшъ питья и молвить: „Чаша великаго Государя, царя и великаго князя Михаилъ Ѳеодоровича, всеа Русіи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, и его царскаго величества, сына Государя, царевича, князя Алексѣя Михайловича, да здравствуютъ государи: великій Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи самодержецъ, и сынъ его Государскій, Государь Царевичъ, князи Алексѣй Михайловичъ на многія лѣта! Да будетъ межъ великимъ государямъ нашимъ его Царскимъ величествомъ и сыномъ его, Государемъ Царевичемъ и межъ королевскимъ величествомъ дружба и любовь множится и прибавляется!“

Сказавъ это, напередъ самому ковшъ выпить, а послѣ поднести Матіасу графу и приставу чашу подать. А будетъ графъ Матіасъ учнетъ говорить чтобы онъ (князь Юрій) съ нимъ вмѣстѣ сѣлъ за столъ государево жалованье ѣсть и пить, стольнику князю Юрью сѣсть на конецъ стола и подносить ему вино и медъ, а яству велѣтъ поставить

Шлику опредѣлено было казенное содержаніе. Въ докладъ изготовлена была справка, какое содержаніе выдавалось королевскимъ гонцамъ въ предшествующее время. Даны были справки о дачѣ казеннаго корма Вилиму Фандегудену, Ванъ-Торсену, Гольмеру и другимъ. Постановлено было выдавать датскому нѣмчину, графу Матіасу Шляковскому, поденнаго корму и питья съ Дворца: по 4 чарки вина боярскаго, по кружкѣ меду вишневаго, по 2 кружки меду паточнаго, по кружкѣ меду обарнаго, по 2 ведра пива добраго на день; изъ Большого приходу: по 2 хлѣба, да по 2 калача двухденежнымъ, по гусю или по уткѣ, или по тетереву, по 2 части говядины, или баранины доброй, по 4 части ветчины, по 20 яицъ, по фунту масла коровьяго на день; на мелкое—на крупу, на соль, на уксусъ, на лукъ и чеснокъ, на капусту—по 2 алтына на день.

Людымъ его—двумъ человѣкамъ, пожаловано было поденнаго корму: по хлѣбу, да по калачу двуденежному, по 4 части говядины, да по 4 части ветчины или баранины, по 2 чарки вина и по 2 кружки пива. Дача меду имъ не была указана за тѣмъ, что самому графу Матіасу питье съ Дворца велѣно было давать нескудно.

Помимо указанной выдачи съѣстныхъ продуктовъ графу Шлику опредѣлена была дача топлива и казеннаго освѣщенія: по 2 воза дровъ на недѣлю, да въ поварню и въ избу по возу дровъ на 2 дня и на день по 2 деньги на свѣчи.

Предъявленный Шликомъ королевскій листъ представлялъ собою простое рекомендательное письмо. Король писалъ царю: „Здѣсь у насъ объявился, какъ мы пришли въ наше государство, сей добророжденный, нашъ особенно любительный, господинъ Матіасъ-Сигизмундъ графъ фонъ-Шлигъ, который покорно доложилъ, что онъ намыслилъ ѣхать въ вашъ стольный городъ и нѣкоторое время пробыть, прося насъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ письмомъ. Его, какъ человѣка, и его умѣніе намъ хвалили и онъ вамъ пригоденъ будетъ. Того ради вы соизволите,

но росниси. А будетъ графъ Матіасъ напередъ станеть нить Государево и Царевичево многолѣтнее здоровье, и ему дать въ томъ волю. А, выпивъ графу Матіасу и приставу подать. А послѣ того нить чаша датскаго Христіануса короля и при той чашѣ молвить: „Чаша за здоровье Христіануса короля датскаго и иныхъ (земель) и его королевскаго величества дѣтей!“ И, сказавъ, чашу выпить и Матіасу подать. А, подавъ чашу, ѣхать къ государю царю и великому князю Михаалу Теодоровичу, всеа Русіи. А будетъ Матіасъ учнетъ его дарить, и ему тѣ подарки принять, коли будетъ дарить добрыми дарами, а худыхъ не брать.

ради насъ, доброименованнаго графа въ его дѣлѣ милостиво принять и его при вашемъ царскомъ дворѣ въ воинскихъ дѣлахъ или въ иномъ, въ чемъ пригоже, пожаловать. И за то мы въ нашей любви также готовы воздать вамъ. Въ заключеніе передаемъ васъ во охраненіе Всемогущаго Бога“.

Письмо Шлика болѣе подробно излагало его желаніе.

„Наияснѣйшій король датскій, государь мой милостивый, здоровья добраго и счастливаго на долгія неизмѣримыя времена государственованія и во всемъ благословенія Божьяго, счастья изобильнаго и покоя и много всего добраго со мною своимъ слугой вашей cesарской милости отъ Господа Бога Всемогущаго истиннымъ чистымъ сердцемъ желаетъ,—писалъ Шликъ: также и всему наияснѣйшему cesарству вашей cesарской милости желательную пріязнь объявляетъ на вѣчныя времена. А что меня къ вашему cesарскому величеству съ листомъ своимъ королевскимъ прислалъ и обо мнѣ писалъ милостивому царю, то причиною того то, что въ нашемъ римскомъ cesарствѣ и въ королевствѣ чешскомъ война жестокая, мучительство великое, кровь христіанская по вся дни льется и миръ не наступаетъ, а оттого вельми много выгнанныхъ князей, и графовъ, и государей, и разныхъ людей по чужимъ сторонамъ волочится и въ изгнаніи пребываютъ, чужимъ добромъ питаюсь, а иные безъ милосердія замучены, всѣ ихъ имѣнія и животы отобраны, пожжены и опустошены.

„Ради такой воинской причины и немилосерднаго мучительства, наияснѣйшій король датскій по моему прошенію къ вашей cesарской милости меня послалъ и въ листѣ своемъ обо мнѣ писалъ, чтобы ваша cesарская милость меня къ службѣ своей соизволили принять, а устно повелѣлъ сказать, что съ нашимъ cesаремъ Фердинандомъ IV, королемъ чешскимъ, наияснѣйшій король датскій на томъ замирились, что никто изъ нихъ въ своей землѣ, на своей службѣ, не будетъ держать: cesарь римскій датскихъ людей, а король датскій cesарскихъ людей. Такой же миръ у него съ королемъ испанскимъ. Послы этихъ государей одновременно съ послами*) вашей cesарской милости были, и для того король меня тогда же съ послами вашей cesарской милости не отпустилъ, а только послѣ отпуску пословъ. И я теперь къ вашей cesарской милости пріѣхалъ и прошу соизволить меня къ службѣ своей принять. Всѣ мои города, и замки, и животы cesарь отнялъ, и я,

*) Шликъ имѣеть въ виду околыничаго С. М. Профстева и дьяка П. И. Патрикѣва.

теперь убогій выгнанецъ, только милостью короля живу и многихъ другихъ. Вашей цесарской милости обѣщаюсь вѣрно служить до тѣхъ поръ, пока Богъ изволить намъ миръ дать. А если бы я вашей цесарской милости не потребенъ былъ-бы къ службѣ, покорно прошу, чтобы ваша цесарская милость меня назадъ къ королю датскому отпустить изволили. Покорно прошу, чтобы ваша цесарская милость вѣчнымъ государемъ моимъ былъ, руды котораго съ низайшимъ покореніемъ цѣлую“.

Письмо было подписано:

„Вашей цесарской милости наивснѣйшаго цесаря и монарха и великаго князя слуга покорный Матьяшъ Жигимонтъ графъ Схляриковъ *)“.

Въ другомъ письмѣ, написанномъ на нѣмецкомъ языкѣ, графъ Шликъ поставлялъ царя въ извѣстность о своемъ умѣніи и знаніяхъ: „Вашему царскому величеству подданственно объявляю, въ чемъ я навъченъ: въ ратномъ строеніи, въ конной и пѣхотной рыцарской службѣ, въ сооруженіи и укрѣпленіи крѣпостей, городовъ и шанцевъ, пушечномъ и нарядномъ строѣ и что къ тому военному дѣлу принадлежитъ, также и въ языкахъ иныхъ земель: французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ, испанскомъ, чешскомъ, польскомъ и въ итальянскомъ; обо всемъ этомъ и буду я радѣть“.

Пріѣзды и поступленія на русскую службу знатныхъ и родовитыхъ иностранцевъ не были въ диковинку на Руси въ первой четверти XVII вѣка. Въ спискахъ выѣзжихъ иноземцевъ этого времени мы видимъ: графа Астона, Лесли, Гамильтона и Гордона—представителей старѣйшихъ дворянскихъ родовъ Шотландіи, англійскихъ дворянъ—Мориса, Вудгета и Шоу, французскаго дворянина барона де-Ремона, нѣмецкихъ дворянъ—фонъ-Хареслебена, фонъ-Менгдена, фонъ-Штадена, фонъ-Гове, Фукса-фонъ-Стразбурга, Либенау-фонъ-Лилиенклау и другихъ, сербскаго князя Великомирова, грека Палеолога и т. д. Русскіе государи издревле охотно принимали на свою службу „родомъ честныхъ“

*) Въ документахъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранились только переведенныя на русскій языкъ копіи королевскихъ и Шликовскихъ писемъ. Читая ихъ, немало удивляешься, какъ грамотен того времени ухитрились искажать фамилію Шлика. Его пишутъ: Шляковскимъ, фонъ-Шляковымъ, Фюншляковымъ и, наконецъ, Схляриковымъ.

иностраницевъ. Прїѣзжіе, сообразно своему положенію на родинѣ, ставились „въ версту“ тѣмъ или другимъ старо-русскимъ дворянскимъ родамъ, и съ этого времени наравнѣ съ ними несли службу и получали государево жалованіе.

Шлика приняли на службу, и 10 Февраля 1643 года онъ снова удостоился представленія царю, на этотъ разъ въ Столовой избѣ. Думный дьякъ Ѳ. Ѳ. Дихачевъ отъ лица Государя опять спрашивалъ его о здоровьи и объявилъ, что „для прошенія датскаго короля Христиануса онъ принятъ на государеву службу и великій государь жалуетъ его „за выѣздъ“. серебрянымъ золоченымъ кубкомъ, серебряною столою, двумя кусками бархата („рытаго червчатого и золотого съ серебромъ по зеленой землѣ“), двумя кусками камки („куфтера червчатого и адаманки лазоревой“), двумя кусками сукна („багреца червчатого и лундыша вишневаго“), двумя „сороками“ соболей, двумястами рублей, аргамакомъ, со всѣмъ конскимъ нарядомъ, и мериномъ.

Поденный кормъ на этотъ день былъ выданъ въ двойномъ размѣрѣ.

Эти царскія милости были слабымъ утѣшеніемъ для графа Шлика, разочарованнаго въ своей главной мечтѣ—въ полученіи руки царевны Ирины Михайловны.

Уже съ первыхъ дней пребыванія въ Москвѣ Шликъ убѣдился, что царскій дворъ не оставилъ мысли о бракѣ Вальдемара съ царевною. Въ этомъ непосредственно могли его убѣдить разговоры съ Марселисомъ, котораго русское правительство снаряжало теперь въ Данію улаживать дѣло со сватовствомъ.

4-го Декабря 1642 года Марселиса позвали въ Посольскій приказъ. Ему напомнили прежнія службы его отца, Гаврилы Марселиса, и его собственныя службы и полученныя за то многія царскія милости и жалованія, за этимъ предисловіемъ послѣдовало предложеніе ѣхать въ Данію и poradьтъ для великаго государя—сладить дѣло съ бракомъ. Разумѣется, въ поощреніе ему были обѣщаны богатыя награды. Марселисъ, самъ ревностный протестантъ, указалъ боярамъ, что ему завѣдомо извѣстно, что король ни въ какомъ случаѣ не согласится на перекрещиваніе Вальдемара въ православную вѣру и что ему о томъ даже рѣчи завести невозможно подъ опасеніемъ немедленной королевской опалы.

На это бояре ничего не сказали, а нѣсколько дней спустя, Марселисъ получилъ официальное извѣщеніе, что онъ назначенъ посломъ въ Данію. Составленъ былъ наказъ, въ которомъ царь обѣщалъ, что онъ будетъ держать королевича въ большомъ пріятельствѣ и въ государственной чести, пожалуетъ ему города Суздаль и Ярославль съ уѣздами, волостями и со всякими доходами, а также и иные города, села и волости, какіе ему годны будутъ, что „въ его вѣрѣ неволи ему не будетъ“.

Марселисъ сталъ готовиться къ отъѣзду.

Какъ разъ въ это время графъ Матіасъ подаетъ челобитную, что онъ и одинъ изъ его слугъ, Анцъ, желаютъ принять православіе. Это заявленіе знатнаго иноземца встрѣчено было съ особеннымъ удовольствіемъ. 12-го Февраля 1643 года, по приказу царя, Матіаса Шлика и Анца отправили „подъ началъ“ для подготовленія къ таинству крещенія въ Чудовъ монастырь. Графу дано было русское молитвенное имя—Левъ, а человѣку его русское имя Федоръ*).

Отправляясь „подъ началъ“, Шликъ заперъ свое имущество, запечаталъ его, ключи взялъ съ собою, а надзоръ за домомъ и лошадьми возложилъ на другого пріѣхавшаго съ нимъ слугу—Исаака Буколтова. Въ помощь ему онъ оставилъ еще четырехъ вновь нанятыхъ имъ слугъ. Списокъ всѣхъ своихъ слугъ онъ передалъ въ Посольскій приказъ.

Марселисъ уже готовился тронуться въ путь, когда отъ Шлика поступило челобитье, что слуга его Буколтовъ самовольно уѣзжаетъ съ Марселисомъ и подговорилъ другого его слугу, Онуфрія Симонова,

*) Отправляемымъ подъ начало даны были богатые дары. „Для подначальства, въ чемъ ему, графу, подъ началомъ быть, послано ему Государева жалованья съ Казеннаго двора платье:“ однорядка вишневаго сукна съ серебряными золочеными пуговицами, хабенъ вишневаго обьяри съ золотой нашивкою, тафтяные фериши на черевахъ бѣличьихъ съ нашивкою, зеленымъ шелкомъ и золотомъ, фериши холодные, тафтявые, съ нашивкою гвоздичнымъ шелкомъ съ золотомъ, кафтанъ мелкотравный червчатой камки, съ серебряной нашивкою, шапка чернаго бархата съ чернымъ лисьимъ околышемъ, сорочки, порты, верхній и нижній пояса, сафьянные червчатые сапоги, чюлки, штаны камчатые и понсъ въ штаны всего на 54 рубля, да ожерелье бурминскихъ зеренъ съ бахрамою.

Слуга Шлика, Анцъ, получилъ: англійскаго сукна однорядку, киндяковые фериши, киндяковой кафтанъ, штаны англійскаго сукна, рубашку и портки полотняные, два шелковыхъ пояса, шапку суконную съ пуховымъ околышемъ, барановые сапоги и чулки—всего на 8 рублей.

бѣжать съ покраденными вещами хозяина. Буколтовъ, дѣйствительно, собирался уѣзжать съ Марселисомъ. На предъявленныя къ нему обвиненія онъ показалъ, что онъ служить къ Шлику никогда не просился и „крѣпости“ ему на себя не давалъ, такъ какъ онъ государевъ человекъ; Онуфрія бѣжать не подговаривалъ. Бьетъ на него челомъ Матіасъ—пояснялъ Буколтовъ—въ досадѣ, что онъ ѣдетъ въ Датскую землю съ Петромъ Марселисомъ.

Графу Матіасу была причина досадовать на отъездъ слуги. Довѣрилъ ли онъ самъ ему въ минуту откровенности свои планы о женитьбѣ на царевнѣ или тотъ провѣдалъ о томъ какимъ либо другимъ путемъ, но только несомнѣнно тайныя намѣренія Шлика раскрыты были голштинскому и датскому дворцамъ ни кѣмъ другими, какъ Марселисомъ и Буколтовымъ. Марселисъ сообразилъ, какую выгоду онъ можетъ извлечь для себя отъ датскаго дворца, если во время разоблачить затѣю Шлика. И, по всей вѣроятности, забиралъ онъ съ собою въ Данію Буколтова, именно какъ свидѣтеля, могущаго уличить графа Матіаса. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить внезапный отъездъ Буколтова послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ Россіи. Изъ того обстоятельства, что Шликъ никому другому, а ему, довѣрилъ свой домъ и имущество, мы должны вывести заключеніе, что онъ пользовался полнымъ довѣріемъ графа, и ужъ потому самому не могъ быть недовольнымъ имъ. Очевидно, другія соображенія руководили Буколтовымъ, когда онъ вдругъ надумалъ ѣхать въ Данію.

Попытка со стороны Шлика путемъ тяжбы задержать Буколтова въ Россіи опять такъ очень характерный эпизодъ. Несомнѣнно, Шлику былъ крайне нежелателенъ его отъездъ.

За отсутствіемъ уликъ, Буколтова отпустили въ Данію. Онуфрія Симонова не сыскали.

Ознакомленіе Матіаса Шлика съ православнымъ ученіемъ и съ чиномъ православнаго богослуженія возложено было на чудовскаго іеромонаха о. Митрофана. 25-го марта, въ Лазареву субботу, состоялся обрядъ крещенія. Крестнымъ отцомъ былъ бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ. Купель обита была настрафильнымъ червчатымъ сукномъ, по краямъ купель и въ самую купель впущена была на одну четверть аршина кайма изъ него. Купель завѣшена была „запономъ“ изъ желтаго атласа.

„Для крещенія“ дано было новообращенному князю Льву Шляковскому государево жалованіе*).

На слѣдующій день новокрещенецъ получилъ столъ и отъ государя и отъ крестнаго отца. Сверхъ того прислалъ ему послѣ заутрени патриархъ Іосифъ съ ключаремъ Иваномъ увѣщанную фруктами вербу.

Изъ-за этой вербы между княземъ Шляковскимъ и его приставомъ Лаврентіемъ Раевскимъ возникло любопытное тяжбное дѣло, очень характерное для нравовъ XVII вѣка. Князь Левъ въ великій понедѣльникъ подалъ на своего пристава челобитную, что тотъ взялъ у него и оставилъ у себя и раздарилъ роднѣ патриаршую вербу и яству, а также нѣсколько вещей изъ жалованныхъ царемъ и привезенныхъ имъ съ собою. Приносимые Шлику въ монастырь отъ царскаго стола по воскреснымъ и субботнимъ днямъ свѣжую рыбу, яблоки, груши, вишни и другія лакомства, Лаврентій Раевскій отбиралъ въ свою пользу и отправлялъ къ себѣ на домъ. Когда князь Левъ послалъ Лаврентьева сына съ именнымъ перстнемъ и съ ключами на свой дворъ, чтобы тотъ взялъ тамъ на расходы деньги, молодой Раевскій ключи и деньги принесъ, а перстня не вернулъ, заявивъ ему, что якобы нечаянно потерялъ его. Пытался также Лаврентій Раевскій склонить его къ недобрымъ поступкамъ: такъ однажды принесъ ему фляжку горячаго вина и приказывалъ ему пить то вино. Когда князь Левъ отказывался, ссылаясь на постные дни и что безъ вѣдома архимандрита и іеромонаха Митрофана вино пить онъ не смѣетъ, Лаврентій уговаривалъ его пить безъ ихъ вѣдома и, получивъ отказъ, донесъ отцу Митрофану, будто князь Левъ безъ его вѣдома держитъ у себя въ келіи вино и пьетъ. Іеромонахъ Митрофанъ понапрасну сильно укорялъ Льва. Въ другой разъ опять принесъ ему вино Лаврентій,

*) Шликъ получилъ: золотой крестъ съ камнями, съ червчатыми искорками и съ черныи, цѣною въ 5 руб. 30 алтынъ, сорочку и порты тафтяные, цѣною въ 10 рублей, пристяжное къ сорочкѣ ожерелье, низанное въ шахматномъ порядкѣ, съ лаловыми пуговицами и яхонтовыми зернами, цѣною въ 40 рублей, верхній шелковый съ золотомъ поясъ съ такими же кистями, цѣною въ 1 рубль 28 алтынъ и 4 деньги и поясъ нижній, кружковый шелковый тесьмы съ серебрянною оковою, цѣною въ 1 рубль 15 алтынъ. Кромѣ того ему-же, князю Льву, передано съ Казеннаго двора, какъ вышелъ онъ изъ купели: чехоль-шуба кунья съ бобковымъ ожерельемъ, атласный кафтанъ золотой опашень объяринный, ферязи, однорядка скорлатная, шапка бархатная, штаны камчатые, „турскій“ сафьянъ на башмаки и сапоги, два ожерелья стоячія и одно отложное, да тафля, низанная жемчугомъ, на 150 рублей. А всего дано было на сумму свыше 288 рублей 27 алтынъ. Въ этотъ счетъ не входитъ то имущество, которымъ одарилъ своего крестника бояринъ Шереметевъ.

чарокъ съ пять, и снова уговаривалъ пить: это де вино доброе, двойное, такое вино жена его пьетъ, и пусть Левъ жены его не безчеститъ и пьетъ то вино; Шляковскій опять отказался. „И нынѣ—показывалъ князь Левъ—какъ пѣли молебень, при архимандритѣ, келарѣ, при всѣхъ соборныхъ старцахъ и при многихъ другихъ честныхъ людяхъ, Лаврентій, подойдя къ нему, сказалъ съ большимъ шумомъ и махая шапкой: „спасибо тебѣ на твоей чести“,—и ему, Льву, отъ того былъ великій стыдъ.

Иеромонахъ Митрофанъ подтвердилъ показанія Шлика.

Раевского замѣнили другимъ приставомъ. И ему, князю Льву, приказано было размѣняться взаимно взятыми вещами. Пристава присудили посадить на недѣлю въ тюрьму, но, по случаю Страстной недѣли и Пасхи, отерочили отбытіе наказанія до Фоминой недѣли.

6-го апрѣля новокрещенный удостоенъ былъ представленія Государю.

—Великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всеа Руссіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель,—возгласилъ думный дьякъ Ѳ. Ѳ. Лихачевъ—новокрещенъ князь Левъ Шляховскій вамъ, великому государю, челомъ ударилъ и на вашемъ царскомъ жалованіи челомъ бьетъ.

Царь пожаловалъ князя къ рукѣ и велѣлъ спросить о его здоровіи. Исполнивъ это, царскій печатникъ „сказалъ князю государево жалованіе“:

—Великій государь велѣлъ тебѣ сказать: пріѣхалъ ты къ нашему царскому величеству служить и билъ намъ челомъ, чтобы тебя пожаловать, велѣтъ крестить въ православную христіанскую вѣру; мы тебя пожаловали, крестить въ православную христіанскую вѣру велѣли, и ты бы намъ служилъ и прямилъ и былъ надеженъ на наше царское жалованіе, которымъ и нашею царскою милостью мы тебя за твою службу не оставимъ

Свою рѣчь печатникъ закончилъ перечисленіемъ вновь жалуемыхъ князю вещей и денегъ. Ему были пожалованы: атласная золотая на соболяхъ шуба съ серебряными позолоченными пуговицами, горлатная шапка, серебряный вызолоченный кубокъ, серебряная золоченая стопа, сереб-

ряная золотая братина, серебряный золоченый ковшъ, куски атласа золотнаго, свѣтлозеленаго и лазореваго, червчатый бархатъ, три портища по 10 аршинъ камки желтой (куфтеръ), лазоревой и камки кармазина и сорокъ соболей.

Князь Левъ Шляковскій приглашенъ былъ къ царскому столу. Посадили его ниже бояръ, но выше казначея.

Тогда-же были пожалованы ему двѣ тысячи четвертей помѣстнаго оклада и денежный окладъ въ размѣрѣ 300 рублей въ годъ. Изъ дома Грамотина Шликъ переѣхалъ въ подаренный ему домъ въ приходѣ Введенія въ Китай-городѣ—въ бывшій печатный дворъ. На ремонтъ дома отпущено ему было 7-го мая 300 рублей. Поденный кормъ опредѣленъ былъ ему первоначально въ 60 рублей въ мѣсяць, а съ 10-го мая, согласно его челобитью, былъ повышенъ до 90 рублей. Сверхъ того ему отпускали конскаго корму на 10 лошадей, дровъ по 10 возовъ на недѣлю, по 4 деньги въ день на свѣчи, и питье—въ прежнее размѣрѣ.

IV.

20-го Марта 1643 года Марселисъ представилъ королю письмо, въ которомъ были изложены московскія условія. Христіанъ IV, сильно тѣснымъ шведами, охотно согласился отпустить своего сына. 8-го Апрѣля послѣдовалъ отвѣтъ короля на письмо царскаго посла Петра Марселиса. Король соглашался на предложеніе касательно брака графа Вальдемера съ царевной Михайловной и высказалъ надежду, что Вальдемару будетъ разрѣшено поставить протестантскую церковь, спрашивалъ, на чей счетъ будетъ содержаться дворъ Вальдемара, и выражалъ увѣренность, что его сыну предоставятъ право одѣвать своихъ служащихъ, какъ онъ хочетъ.

17-го Апрѣля того-же года король отправилъ новую грамоту къ царю. Въ ней онъ отступался отъ „поляка“ Матвѣя Сигизмунда Schlaukoff'a, котораго въ прошломъ году рекомендовалъ царю. Противно обѣщанію полякъ этотъ,—увѣдомлялъ король царя Михаила Ѳеодоровича,—поступилъ не по пригожу, и потому король предоставлялъ царю дѣлать съ нимъ, что хочетъ. Письмо заканчивалось выраженіемъ благодарности по поводу удовлетворенія изъ царской казны Бахерахта за пропавшее у него въ Архангельскѣ добро*).

*) Ю. Н. Щербачевъ. Датскій Архивъ, стр. 219—230.

Это первое со дня отъезда Марселиса письмо короля къ царю несомнѣнно было вызвано опасеніемъ, какъ бы Шликъ, принявшій православіе, не отгѣснилъ бы своего соперника графа Вальдемара. Такъ какъ Михайль Ѳеодоровичъ имѣлъ достаточныя основанія за плѣнь отца и другія польскія обиды относиться къ полякамъ особенно недружелюбно, то король дѣлаетъ попытку набросить тѣнь на происхождение Шлика, выставивъ его полякомъ. Секретарь голштинскаго посольства Олеарій, рассказывающій намъ исторію обращенія Шлика въ православіе и за эту перемѣну вѣроисповѣданія очень неблаговолившій къ нему, говоритъ еще опредѣленнѣе о его самозванствѣ:

„Этотъ графъ Шляковскій, о которомъ я говорилъ выше, прибылъ въ 1640 году въ Голштинію и Данію, и трогательно жаловался его княжеской свѣтлости и его величеству королю Христіану IV, какъ его, происходящаго ихъ графскаго рода Шликъ, ради евангелической религіи, преслѣдуютъ католики. Онъ такъ убѣдительно излагалъ свои дѣла, что эти государи были тронуты состраданіемъ, оказали ему всяческую милость и дали по его горестной просьбѣ ему рекомендацію и прочее къ его царскому величеству въ Московію. Когда онъ по этому королевскому предложенію былъ хорошо принятъ въ Москвѣ, онъ высказалъ весьма свободный образъ мыслей, сталъ говорить, что онъ прибылъ въ страну, чтобы принять русскую религію и остаться у его царскаго величества. Русскимъ это очень понравилось, особенно потому, что онъ былъ знатнаго рода—русскіе это очень цѣнятъ, и знали къ тому же латинскій и польскіе языки; его охотно приняли и крестили, сдѣлали его княземъ и дали ему имя—князь Левъ Александровичъ Шликъ. Ему стали отпускать ежемѣсячное жалованіе наличными деньгами въ размѣрѣ 200 рейхсталеровъ. Нѣкоторые думали, что онъ имѣлъ виды на бракъ съ великой княжной Ириной Михайловной. Когда онъ однако узналъ, что идутъ переговоры о выдачѣ ея за иностраннаго графа и что по этому поводу уже два посольства были отправлены изъ Москвы въ Данію, онъ почувствовалъ очень большую досаду; однако, въ концѣ концовъ, онъ остался доволенъ, что за него выдали дочь знатнаго боярина. Когда съ теченіемъ времени, упомянутый нами, его величество король датскій, узналъ, что этотъ Шликъ не изъ столь высокаго рода, но просто поданный польскаго графа Каспара фонъ Денгоффа и что онъ воспользовался рекомендаціей только для того, чтобы перебѣжать, великому князю сообщена была истина и принесено было ему извиненіе за предложеніе, хитростью добытое. Его царскому величеству было крайне непріятно узнать объ этомъ обстоятельстве, но онъ не захотѣлъ отнять уже

разъ дарованную милость: онъ оставилъ за нимъ титулъ князя и жалованіе, которые и теперь ему принадлежатъ, но его строго призывали къ отвѣту и бранили за то, что онъ выдалъ себя за графа фонъ-Шлика. И послѣ этого, какъ и въ наши дни, онъ писалъ себя княземъ Львомъ Александровичемъ Шляковскимъ и считался среди дворянъ или гофъ-юнкеровъ царя.“¹⁾

Русскіе историки А. Барсуковъ и Д. Цвѣтаевъ²⁾ приняли на вѣру сообщеніе Олеарія и пишутъ о Шликѣ, какъ о дѣйствительномъ самозванцѣ, между тѣмъ уже одно сопоставленіе датъ письма короля и царскихъ пожалованій Шлику, сдѣланныхъ въ Маѣ мѣсяцѣ, показываетъ, что попытка короля очернить Шлика не имѣла успѣха въ Москвѣ. Также трудно повѣрить, чтобы при датскомъ дворѣ могли бы попасть въ просакъ и безъ повѣрки показаній Шлика признать въ полякѣ-авантюристѣ представителя графскаго двора Шликовъ. Фамилія эта была слишкомъ хорошо извѣстна въ Даніи. Даже если принять ту дату пріѣзда Шлика къ голштинскому двору, какую указываетъ Олеарій, т. е. 1640 годъ, то и тогда за два года его пребыванія при дворахъ голштинскаго герцога и датскаго короля было достаточно времени для того, чтобы обнаружить самозванство Шлика. Вѣдь, какъ разъ въ это самое время шли переговоры о бракѣ Вальдемара съ дочерью бывшаго чешскаго короля Фридриха Пфальцкаго, а дворъ чешскаго короля былъ хорошо освѣдомленъ о представителяхъ фамиліи Шликъ.

Очень можетъ быть, передъ тѣмъ, какъ прибыть къ голштинскому двору, Матиасъ Шликъ дѣйствительно служилъ въ войскахъ Каспара Денгофа. Въ годы тридцатилѣтней войны мы видимъ представителей, какъ нѣмецкой, такъ и чешской аристократіи, на службѣхъ и протестантскихъ, и католическихъ генераловъ. Графы Мансфельдъ и Бернгардъ Веймарскій вербовали себѣ офицеровъ въ рядахъ германскаго и австрійскаго дворянства. Изъ родословной Шликовъ извѣстно, что графъ Янъ-Арноштъ Шликъ, изъ фалькновской линіи, умершій въ 1623 году, состоялъ на службѣ у графа Мансфельда. Изъ той же линіи Криштофъ-Корель умеръ на войнѣ въ 1633 году, состоя на службѣ также одного изъ протестантскихъ генераловъ. Какъ мы видѣли выше, маршалъ Индрихъ Шликъ сражался въ это же время въ вой-

¹⁾ Олеарій. Описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію. Книга III, глава 24.

²⁾ Дм. Цвѣтаевъ. Протестанство и протестанты въ Россіи, стр. 355—370, А. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, т. III, гл. 13.

скахъ Валленштейна, при чемъ двоекратно воевалъ въ голштинскихъ и датскихъ земляхъ.

Извѣтъ датскаго короля не повліялъ на судьбу Шляковскаго. За него была выдана замужъ дочь знатнаго и богатаго боярина, Марѳа Васильевна Шереметева, единственная дочь нижегородскаго воеводы Василія Петровича, любимаго племянника ближняго боярина Ѳеодора Ивановича Шереметева. Василій Петровичъ Шереметевъ не завѣдывалъ никакимъ отдѣльнымъ учрежденіемъ, но неотлучно состоялъ при Дворѣ и въ спискѣ лицъ, которымъ царь поручалъ Москву во время своего отсутствія. На царскихъ обѣдахъ Василій Петровичъ занималъ слѣдующее мѣсто послѣ дяди своего Ѳеодора Ивановича Шереметева*). Если не осуществилась завѣтная мечта Шлика—жениться на царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ, то все же въ извѣстной мѣрѣ онъ могъ считать себя удовлетвореннымъ, такъ какъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича фамилія Шереметевыхъ первенствовала въ рядахъ московской знати.

Свадебные расходы Шлика, въ ихъ нѣкоторой части, отнесены были за счетъ казны.

Пріѣзжавшій въ томъ же году въ Москву, голштинецъ Олеарій видѣлъ молодыхъ вскорѣ послѣ свадьбы и пользовался гостепріимствомъ князя въ его собственномъ каменномъ домѣ, который, какъ указано выше, находился недалеко отъ Идьинскаго крестца, въ приходѣ Введенія, у Гостиннаго двора.

„Послѣ богатѣйшаго угощенія—разсказываетъ Олеарій—графъ Шликъ отозвалъ меня особо отъ остальныхъ гостей, повелъ въ другую комнату и сказалъ, что самая большая честь и благорасположеніе, какіе только могутъ быть оказаны гостю въ Россіи, состоятъ въ томъ, что жена хозяина, какъ домоправительница, сама выходитъ къ пирующимъ, и такъ же какъ и хозяинъ, потчуетъ гостя. А такъ какъ я, служа у его свѣтлости, герцога Голштинскаго, очень пріятенъ ему, то, въ честь и въ уваженіе герцога, котораго многими высокими милостями пользовался онъ во время своихъ странствованій и гоненій, онъ желаетъ и мнѣ оказать подобную честь. Вслѣдъ за симъ явилась супруга графа, весьма красивая собою, хотя и подрумяненная, въ подвѣчномъ платьѣ въ сопровожденіи другой женщины, которая несла графинѣ съ

*) Ал. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, т. III, гл. 13.

водкой и чарку. Войдя въ комнату, хозяйка поклонилась сперва своему мужу, потомъ мнѣ, затѣмъ приказала налить чарку водки, поднесла ее къ своимъ губамъ, и потомъ поднесла сама чару мнѣ и попросила вышить меня, что повторила три раза. Послѣ этого графъ пожелалъ, чтобы я поцѣловалъ хозяйку; но такъ какъ я непривыченъ былъ къ такой чести, то и поцѣловалъ только руку у графини. Графъ не удовольствовался этимъ, настаивалъ, чтобы я поцѣловалъ графиню въ губы и, изъ уваженія къ нему, я долженъ былъ исполнить по ихъ обычаю его просьбу. Въ заключеніе графиня подарила мнѣ носовой платокъ изъ бѣлой тафты, вышитый золотомъ и серебромъ и украшенный длинною бахрамою. Такими платками жены и дочери знатныхъ господъ дарятъ обыкновенно къ свадьбѣ невѣсть; такъ и на подаренномъ мнѣ платкѣ вышито было мелкими буквами имя Стрѣшнева, которое принадлежало брату отца великой княгини^{*)}.

V.

Съ грамотою короля отъ 8-го Апрѣля Марселісъ вернулся въ Россію и торжественно былъ принятъ царемъ, какъ датскій посланникъ. Онъ не преминулъ подать челобитную о возмѣщеніи якобы понесенныхъ имъ въ Даніи убытковъ, хотя при отправленіи туда щедро, не въ примѣръ другимъ посламъ, надѣленъ былъ на расходы и соболями и деньгами, а лично для себя обезпечилъ привилегію на желѣзный промыселъ въ Россіи на 20 лѣтъ.

Въ приказѣ заготовлена была отвѣтная грамота королю. Въ ней дано было царское согласіе на всѣ условія короля и обѣщана прибавка денежнаго приданого въ суммѣ 300 тысячъ рублей. Королевичу разрѣшалось взять съ собой изъ Даніи 300 человекъ. Всѣ земли, принадлежащія ему въ Даніи, должны были остаться въ вѣчномъ наследственномъ владѣніи обоихъ супруговъ. Королевичу и всѣмъ служащимъ при немъ гарантирована была свобода вѣронсповѣданія.

За это же время Марселісъ вкупѣ съ другими видными представителями протестантской колоніи въ Москвѣ, Генрихомъ Келлерманомъ и ротмистромъ Андреемъ фонъ-Менгденомъ, выхлопываетъ разрѣшеніе построить кирку за Землянымъ Городомъ между Фроловскими и Покровскими воротами.

*) Олеарій. Описаніе путешествій гоштинскаго посольства въ Московію.

19-го Іюня 1643 года Марселись тайно докладываетъ государю подробности своего посольства, а 20-го Іюня послѣдовалъ приказъ государя отвести подъ кирку указанное челобитчиками мѣсто—это былъ огородъ Никиты Зюмина*).

Отвѣтную грамоту въ Данію повезъ Марселись.

Въ Октябрѣ 1643 года графъ Вальдемаръ съ громадною свитою, съ послами Олавомъ Пасбиргомъ и Стрено Вилленомъ, которымъ поручено было королемъ завершить съ боярами окончательную грамоту о бракѣ королевича съ царевной, и съ Марселисомъ, пожалованнымъ королемъ за его службу въ потомственные дворяне, тронулся въ далекій путь, къ уже знакомой ему Москвѣ. Его сопровождалъ пасторъ Фильгоберъ.

Марселись не замедлилъ увѣдомить царя объ отъѣздѣ королевича и посольства и закончилъ извѣщеніе новою просьбою для себя государева жалованія. Царь назначилъ ему награду. За этимъ извѣщеніемъ слѣдуетъ второе, что королевичъ послалъ впередъ себя въ Ригу сто человѣкъ своей свиты и 80 лошадей, „а я—указывалъ Марселись—долженъ былъ вашего царскаго величества честь оберегать и многими нарочными подарками дарить, для чего принужденъ былъ деньги занимать“. Черезъ нѣкоторое время слѣдуетъ опять просьба: простить всѣ долги въ Россіи его брата и т. д. Все было выплачено за счетъ казны.

Торжественно встрѣчали королевича Вальдемара повсюду въ Россіи, подносили высокому гостю хлѣбъ-соль, золотую и серебряную посуду, соболей и цѣнныя ткани. По прибытіи королевича въ Москву, его помѣстили въ Кремлѣ, на старомъ Царево-Борисовомъ дворѣ.

28-го Января 1644 года въ Грановитой палатѣ состоялся торжественный пріемъ посольства. Послы открыто заявили, что Христіанъ IV отпустилъ сына для вступленія въ бракъ съ царевной Ириной Михайловной и просили царя укрѣпить договоръ о бракѣ крестнымъ цѣлованіемъ. Отъ имени царя имъ отвѣчалъ думный дьякъ. Онъ завѣрялъ пословъ о желаніи царя имѣть королевича въ ближайшемъ присвоеніи. Послы подвели Вальдемара къ царю, тотъ обнялъ его и посадилъ рядомъ съ собою по правую сторону. Налѣво отъ царя сидѣлъ царевичъ Алексѣй Михайловичъ. Въ томъ же порядкѣ сидѣли они и за

*) Дм. Цвѣтаевъ. Протестанство и протестанты въ Россіи, стр. 75—77.

царскимъ столомъ. И государь и царевичъ богато одарили своего будущаго родственника.

Съ 8-го Февраля начинаются усиленные уговоры и просьбы, чтобы королевичъ съ царемъ и царской семьей вѣрой соединился. На эти уговоры Вальдемаръ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Переговоры затянулись и вскорѣ взаимныя отношенія между царемъ и королевичемъ, кстати замѣтимъ, очень несдержаннымъ, сильно обострились.

Вальдемаръ рѣшилъ бѣжать изъ Москвы. 9-го Мая въ третьемъ часу ночи онъ дѣлаетъ попытку осуществить свое намѣреніе и въ сопровожденіи 15 человекъ втайнѣ отъ словесъ и остальной свиты покидаетъ свой дворецъ и направляется къ Тверскимъ воротамъ. Встрѣчный караулъ заступилъ было ему дорогу, но датчане вступили съ ними въ рукопашную и, многихъ поранивъ шпагами, прочистили себѣ дальнѣйшій путь. Къ нимъ присоединилось еще около 15 человекъ, конныхъ и пѣшихъ. У Тверскихъ воротъ караулъ, усиленный собравшимися во множествѣ стрѣльцами, одолѣлъ датчанъ. Въ свалкѣ сильно побили и самаго королевича. Датчане, оставивъ одного изъ своихъ товарищей въ плѣну, укрылись во дворцѣ королевича. Когда стрѣльцы съ плѣнникомъ поровнялись съ соборомъ Николы Гостунскаго (плѣнника вели въ Кремль), его товарищи снова напали на нихъ, шестерыхъ ранили, а одного на смерть закололи и плѣнника отбили.

На царя и близкихъ къ нему это побоище произвело удручающее впечатлѣніе. Наряжено было слѣдствіе. Къ королевичу обратились съ просьбой, чтобы онъ розыскалъ, кто изъ его людей произвелъ такое безчинство и виновныхъ въ убійствѣ казнилъ бы смертью. Князь Сицкій и думный дьякъ Львовъ предупредили Вальдемара, что, буде королевичевы люди и впредь такъ будутъ дѣлать, царскіе люди терпѣть того не стануть. Королевичъ завѣрилъ, что онъ разыщетъ и накажетъ виновныхъ. Объ участи самаго королевича въ буйствѣ и о его попыткѣ бѣжать въ то время, повидимому, не подозрѣвали.

Исторія эта, можетъ быть, и заглохла бы, но тутъ вмѣшался старый соперникъ Вальдемара князь Левъ Шляковскій. Онъ написалъ на королевича изобличащій доносъ. Доносилъ князь Шляковскій, что приходилъ къ нему королевичевъ нѣмчинъ и тотъ нѣмчанъ сказывалъ ему, князю Льву, что свейскій (шведскій) секретарь Лаврентій Грелля писалъ де князю изъ Риги о государевыхъ дѣлахъ, но письма тѣ датскіе королевскіе люди перехватили и королевичевъ моршалоку ему, нѣмчину, выговаривалъ со спѣсью, зачѣмъ де онъ со свейскимъ секретаремъ ссылается; съ того самаго числа не сталъ ему маршалокъ вѣрить и учалъ отъ него оберегаться. Онъ же—нѣмчинъ королевичевъ, ска-

зываетъ ему, князю Льву, что королевичъ хотѣлъ самъ—третей бѣжать изъ Москвы, назвавшись именемъ комнатнаго своего человѣка. Съ нимъ долженъ былъ бѣжать его фурьеръ, по русски, поясняя князь Шляковскій, — „вожжей“. Отецъ того вожжаго многое время былъ во Псковѣ торговымъ человѣкомъ. Добавляя нѣмчинъ: когда была свалка стрѣльцовъ съ датчанами, обронилъ королевичъ свой мѣшечекъ и свою шпагу; объ мѣшечкѣ онъ очень тужилъ, шпагу же и по сію пору не нашли. О такомъ королевичевомъ побѣгѣ послы датскіе очень кручинились и говорили, что они рады были бы уѣхать изъ Москвы безъ него.

Донось князя Шляковского вынудилъ Вальдемара сознаться въ своемъ поступкѣ. Онъ показаль, что у него, дѣйствительно, было намѣреніе выѣхать за Тверскія ворота и что стрѣльца онъ самъ убилъ. Михайль Ѳеодоровичъ, глубоко оскорбленный поведеніемъ Вальдемара, послалъ ему строгій выговоръ.

Какъ извѣстно, бракъ царевны съ Вальдемаромъ не состоялся. 12-го Іюля 1645 года скончался царь Михайль Ѳеодоровичъ, а 18-го Августа того же года царица Евдокія Лукьянишна. За день до ея смерти Вальдемару дана была прощальная аудіенція. Новый государь, Алексѣй Михайловичъ, объявилъ королевичу, что онъ, положивъ дѣло о бракѣ на судъ Божій, отпускаетъ его съ честью и надеждой, что дружба между датскимъ королемъ и московскимъ государемъ продолжится и на будущее время. Королевича и его людей, не исключая пастора Фильгобера, богато одарили. 20-го августа длинный обозъ датчанъ оставилъ Москву.

Какъ же протекала служба князя Шляковского за время этого двухлѣтняго пребыванія датчанъ въ Россіи? Извѣстно, что въ 1644 году онъ находился на службѣ въ Свіязскѣ, остальное время, повидимому, пребывалъ въ Москвѣ, занимаясь въ Посольскомъ приказѣ.

Уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича, весной 1646 года, князь Левъ Александровичъ назначенъ былъ воеводою въ Алатырь, ему ввѣрена была защита границы отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Годъ спустя, его постигаетъ царская опала: онъ былъ сосланъ въ Соловки, откуда возвращенъ только въ 1648 году. Какой проступокъ вызвалъ эту кару, не извѣстно. Барсуковъ и Цвѣтаевъ, опираясь на Олеарія, полагаютъ, что наказаніе явилось результатомъ раскрытія самозванства Шлика. Съ этимъ нельзя согласиться. Обличительное письмо датскаго короля, какъ мы видѣли выше, датировано 1643 годомъ, а царская опала постигаетъ князя въ 1647 году. Явная несообразность. Да и самый родъ наказанія—ссылка въ монастырь заставляеть думать, что въ данномъ случаѣ Шляковскій понесъ наказаніе не за какую либо

вину служебную или гражданскую, если можно такъ выразиться, а за проступокъ религіознаго характера, что вполне возможно допустить, вспомнивъ заявленіе Оларія о его „нѣсколько свободномъ образѣ мыслей“.

На время ссылки женѣ князя, Марѣѣ Васильевнѣ, опредѣлена была дача поденнаго корма и питья, противъ прежняго жалованія ея мужа, въ половинномъ размѣрѣ. Въ 1648 году, по возвращеніи изъ ссылки, князь Шляковскій билъ челомъ, что онъ „съ женишкою и людишками помираеть съ голоду: пить и есть нечего“. По его челобитной ему положили жалованіе, но опять въ половинномъ размѣрѣ. Позднѣе онъ подаетъ челобитную на Данила Ивановича Траханіотова, что тотъ написалъ имя его безъ „вича“, между тѣмъ, какъ государь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ его „вичемъ“.

По справкѣ оказалось, что въ 1646 году поденный кормъ и питье были ему писаны съ „вичемъ“, со времени ссылки въ Соловки по 13 января 1649 года безъ „вича“, а потомъ опять съ „вичемъ“. Конца этого дѣла въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ не имѣется, но изъ другихъ дѣлъ посольскихъ, видно, что онъ былъ удовлетворенъ въ своемъ челобитѣ. Неоднократно домъ его служилъ помѣщеніемъ для цесарскаго посольства. Въ 1655 и 1656 годахъ его домъ былъ отведенъ въ пользованіе пословъ императора Фердинанда III и въ 1658 году, какъ помѣщеніе для пословъ Леопольда Венгерскаго¹⁾. Изъ этого факта можно заключить, что по тому времени домъ Шляковского былъ изъ лучшихъ въ Москвѣ. Въ грамотѣ объ отводѣ его дома посламъ князь Шляковскій каждый разъ написанъ съ „вичемъ“.

Бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ, крестный отецъ Льва Шляковского, повидимому, долго не оставлялъ крестника своими милостями. Въ составленномъ имъ осенью 1644 года завѣщаніи онъ сдѣлалъ такую запись: „Да крестнику моему князю Льву Александровичу Шлякову-чешскому дать вотчину мою, въ Коломенскомъ уѣздѣ, деревню Ивановскую, Кобяково тожь, съ деревнями и пустошами. А буде князя Льва Александровича судомъ Божьимъ не станетъ бездѣтна, и та вотчина внукѣ моей, а его князь Львовѣ княгинѣ Марѣѣ Васильевнѣ; а буде внукѣ моей не станетъ бездѣтной, и та моя вотчина брату ея, Петру Васильевичу Шереметеву“.

Позднѣе бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ измѣнилъ свою волю и въ изустной памяти 1649 года отказалъ Кобяково своему внуку Никитѣ Ивановичу Шереметеву²⁾. Эту перемѣну распоряженія завѣщателя исто-

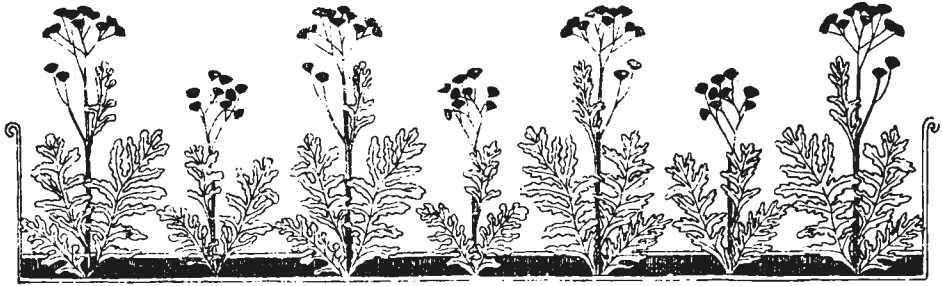
¹⁾ „Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранныхъ“, т. III, стр. 271—272, 295, 333—334.

²⁾ Ал. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, т. III, стр. 251—252, 509, 512, Дм. Цвѣтаевъ. Протестанство и протестанты въ Россіи, стр. 368—369.

рики Барсуковъ и Цвѣтаевъ учли опять, какъ доказательство самозванства Шлика. Но такой выводъ является неотвѣчающимъ датамъ; объ даты: дата совершенія завѣщанія и дата отмѣны его, напротивъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ устраняють предположеніе, что на волю завѣщателя повліяло обличительное письмо датскаго короля. И вообще, нужно сказать, русскіе бояре—современники князя Шляковскаго вовсе не были такими простачками, чтобы полагаться на письма иностранныхъ государей. Уже одна исторія съ samozванствомъ Джемидитрія Перваго заставляла ихъ очень критически относиться къ показаніямъ и свидѣтельствамъ иностранцевъ. А здѣсь, къ тому же, русскій Дворъ этого времени прекрасно былъ освѣдомленъ о положеніи дѣлъ въ Чехіи непосредственно отъ своихъ же агентовъ. Во второмъ томѣ „Памятниковъ дипломатическихъ отношеній древней Россіи съ державами иностранными“ *) напечатаны документы трехъ Русскихъ посольствъ къ императору Матвѣю. Они обнимаютъ промежутокъ времени съ 1612 по 1617 годъ. Еще Гильфердингъ въ своей исторіи Чехіи настойчиво рекомендовалъ чешскимъ ученымъ ознакомиться съ этими матерьялами, какъ съ весьма важнымъ источникомъ для чешской исторіи начала XVII вѣка. И, дѣйствительно, мы въ нихъ, особенно въ донесеніяхъ Ивана Ѳомина, пробывшаго при цесарскомъ дворѣ съ 1614 по 1617 годъ, находимъ яркую картину внутренняго состоянія Чешскаго королевства въ эпоху Матвѣя. Послѣдній предпочтительно жилъ въ Прагѣ, поэтому здѣсь же имѣлъ свое мѣстопробываніе и русскій посланникъ „переводчикъ“ Иванъ Ѳоминъ. Хотя въ докладѣ о своемъ посольствѣ онъ не упоминаетъ по фамиліямъ вождей подобоевъ, но несомнѣнно, онъ всѣхъ ихъ хорошо зналъ, а въ томъ числѣ и нѣкоторыхъ представителей фамиліи Шликъ. Этотъ Иванъ Ѳоминъ посланникъ къ императору Матвѣю въ 1614—1617 годахъ и Иванъ Ѳоминъ царскій гонецъ въ Данію въ 1641 году,—въ годъ пребыванія графа Матіаса Шлика при датскомъ дворѣ, надо полагать, одно лицо. Тогда нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что именно встрѣча и бесѣда Шлика съ Иваномъ Ѳоминымъ и натолкнули перваго на мысль отпра- виться въ далекую Московію.

В. Кашкаровъ.

*) „Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными“, томъ II-й. Въ 1613 голу, отправлены были къ императору Матвѣю посолъ Ушаковъ и дьякъ Заборовскій, съ 1614—1617 годъ были русскими послами при императорѣ: переводчикъ Иванъ Ѳоминъ и подъячій Первой Михайловъ, въ 1616 году посланы къ цесарскому двору: посланникъ Лукьянъ Мясной и подъячій Ѳедоръ Постниковъ.

АДОЛЬФЪ ИВАНОВИЧЪ ДОБРЯНСКІЙ-САЧУРОВЪ

Третій періодъ жизни: 1882—1901 гг.

(Время самой плодотворной литературной дѣятельности).

Переѣхавъ въ Вѣну, Адольфъ Ивановичъ поселился въ небольшой квартирѣ и жилъ на очень скромныя средства, такъ какъ значительную часть своей пенсіи посылалъ въ Чертежное женѣ, которая управляла имѣніемъ.

Образъ жизни вождя угро-русовъ отличался большой простотой. Вставалъ онъ рано и, принявъ холодную ванну, бралъ полученныя газеты, которыя прочитывалъ, идя въ кофейню. Тутъ онъ принималъ въ качествѣ лѣчебнаго средства нѣсколько стакановъ воды и, продолжая читать газеты, выпивалъ чашку кофе съ небольшою булкой. Послѣ этого снова пилъ воду, дочитывалъ газеты и отправлялся домой. Закуривъ трубку, онъ садился за письменный столъ и занимался до самаго обѣда. Случалось иногда и такъ, что за работой забывалъ совсѣмъ объ обѣдѣ, который всегда былъ очень скромный и никогда не состоялъ больше чѣмъ изъ двухъ блюдъ. За обѣдомъ въ ресторанахъ онъ встрѣчался со своими знакомыми, которые совершали съ нимъ обычную послѣобѣденную прогулку. Какая бы ни стояла погода, Адольфъ Ивановичъ обходилъ быстрою походкою по Рингштрассе два раза всю внутреннюю часть Вѣны. Послѣ такой прогулки онъ возвращался домой, гдѣ и занимался до поздней ночи, а иногда и до разсвѣта. Такъ проходили у него всѣ будни. Въ праздники его жизнь принимала другой характеръ. Не заходя въ кофейню и не принимая никакой пищи, онъ отправлялся къ 8-ми час. утра въ греческую православную церковь, прослушавъ тамъ утреню, шелъ въ униатскую церковь и оставался здѣсь до конца богослуженія, а затѣмъ спѣшилъ къ обѣднѣ въ русскую православную церковь. Придя домой, Адольфъ

Ивановичъ посвящалъ весь день отдыха отъ недѣльнаго напряженнаго труда.

Кромѣ того, Адольфъ Ивановичъ долженъ былъ жертвовать однимъ, много двумя вечерами въ недѣлю и отправляться къ знакомымъ, гдѣ собирався за стаканомъ чая тѣсный кружокъ вѣнскихъ славянъ. ожидавшихъ всегда съ нетерпѣніемъ его прихода. Адольфъ Ивановичъ являлся всегда точно въ назначенное время и сразу вносилъ съ собою веселость и бодрое настроеніе. И о чемъ тогда не говорилось! О Руси и славянствѣ, объ искусствѣ и литературѣ, о религіи и наукахъ, о вѣчныхъ вопросахъ человѣческаго существованія и о современныхъ злобахъ дня! Всегда далеко за полночь продолжалась такая дружеская бесѣда, и неохотно расходились ея участники.

Въ собраніяхъ русской и славянской молодежи Адольфъ Ивановичъ бывалъ рѣдко, такъ какъ не хотѣлъ своимъ посѣщеніемъ давать повода къ разнаго рода гоненіямъ или подозрѣніямъ. Однако, былъ одинъ день въ году, именно 6-е Декабря (день его рожденія), который онъ проводилъ всегда среди молодежи. Въ чествованіи Адольфа Ивановаича принимало живое участіе и старшее поколѣніе, и не только живущіе въ Вѣнѣ, но и за границей, присылали свои поздравленія и пожеланія.

Особенно торжественно былъ отпразднованъ день рожденія Адольфа Ивановича 6 / 18 Декабря 1886 года. Утромъ къ нему явилась съ поздравленіемъ депутація отъ вѣнскаго чешскаго политическаго Общества „Еднота“. а въ полдень—отъ вѣнской славянской молодежи, которая поднесла юбиляру адресъ слѣдующаго содержанія:

„Адресъ славянской студенческой молодежи въ Вѣнѣ великому ея учителю Адольфу Ивановичу Сачурову-Добрянскому въ день его рожденія 6-го Декабря 1886 года въ знакъ признательности и преданности.

„Милостивый Государь,

„Глубокоуважаемый Адольфъ Ивановичъ!

„Съ нетерпѣніемъ ожидался Славянскою студенческою молодежью день Вашего рожденія и радостно привѣтствуя его, она имъ пользуется, чтобы Вамъ, глубокоуважаемый Несторъ славянскаго возрожденія, преподнести въ даръ свои чувства глубокой признательности и искренней преданности.

„Неусыпная Ваша дѣятельность, не ищущая громкости, извѣстности и признательности, но полная самоотверженія и самопожертвованія, служила пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ указаніемъ и руководствомъ для Вашихъ сподвижниковъ, лучшихъ сыновъ всѣхъ славянскихъ племенъ.

„Вашъ глубокій умъ, Ваши всеобъемлющія знанія, Ваши неистощимыя силы, Вашъ непоколебимый патріотизмъ и безграничная преданность славянскому дѣлу. Ваша незыблемая вѣра и при всемъ этомъ неподражаемая простота встрѣчаютъ не у одной только славянской молодежи радостное удивленіе и вызываютъ повсемѣстно въ славянствѣ уваженіе, преданность и любовь къ Вамъ и воодушевленіе для общаго всѣмъ намъ славянскаго дѣла.

„Если же Вы въ этотъ важный въ Вашей жизни день припомните себѣ всю Вашу дотеперешнюю дѣятельность и посмотрите на сумную картину, представляемую сегодня Славянствомъ, не унывайте и не думайте, что голосъ Вашъ остался голосомъ вопіющаго въ пустынь.

„Нѣтъ, великій нашъ учитель! Мы, представители всѣхъ славянскихъ племенъ, Русскіе, Сербы и Хорваты, Чехи и Словаки, Болгары и Словенцы, мы Славянская молодежь, готовая пожертвовать всѣ свои силы и способности добру и преуспѣванію славянства, исповѣдуемъ съ Вами и за Вами:

„Есть лишь одинъ, болѣе чѣмъ 100-милліонный, славянскій народъ и представляетъ онъ собою отдѣльный и самостоятельный славянскій міръ. Мы желаемъ съ Вами его объединенія и единства и готовы вездѣ и всегда содѣйствовать достиженію этой цѣли. Славянскій народъ живетъ своей собственной жизнью и имѣетъ свою самостоятельную, болѣе чѣмъ тысячелѣтнюю культуру. Если же, по неимѣнію свободы, отдѣльныя славянскія племена болѣе или менѣе отторгнуты исконными врагами Славянства отъ своей славянской культуры, и выброшена имъ чужая, западная, то считаемъ это явленіе только временнымъ и преходящимъ, и конецъ ему предвидится въ скоромъ будущемъ.

„Соединятся опять всѣ Славяне въ своей славянской народной святой православной церкви, завѣщанной имъ Равноапостольными Святыми Кирилломъ и Меѳодіемъ, Просвѣтителями Славянъ. Бросятъ также западные Славяне чуждое германско-романское письмо и воз-

вратятся къ своей народной славянской азбуцѣ, данной славянамъ святыми славянами Апостолами.

„Всѣ мы высоко держимъ знамя высокообразованнаго нашего старославянскаго языка и, считая его общимъ нашимъ достояніемъ, завѣщаннымъ намъ предками нашими, мы вмѣстѣ съ тѣмъ желаемъ имѣть общимъ одинъ живой славянскій языкъ.

„По Вашимъ указаніямъ и подъ Вашимъ предводительствомъ, маститый нашъ вождь, мы достигнемъ цѣли—совершеннаго единства славянскаго народа, его полной свободы, для другихъ народовъ недостижимаго и враговъ нашихъ устрашающаго величія, съ Вами мы доживемъ до того, что славянскій народъ займетъ въ мірѣ первенствующее положеніе, *возродитъ человечество и поведетъ его по пути развитія и совершенства!*

„Такъ пусть же будетъ для Васъ утѣшеніемъ въ тяжелое время, переживаемое теперь славянствомъ, и наградою за Ваши многолѣтніе, неусыпные труды, что сѣмена, засѣянные Вами всходятъ повсемѣстно, приносятъ уже роскошные плоды, и что Вы имѣете многихъ послѣдователей, и воскликните съ нами многозначительныя слова чудной нашей церковной пѣсни:

«**Съ нами Богъ! Разумѣйте, языцы, и покарятъ еса, яко съ нами Богъ».**

(Слѣдуютъ подписи: 40 русскихъ, 7 болгаръ, 26 сербовъ, 14 словаковъ, 23 хорвата, 24 словенца и 66 чеховъ. *Всего 200 подписей*).

Вечеромъ въ честь А. И. Добрянскаго-Сачурова былъ устроенъ торжественный ужинъ, на которомъ произнесли рѣчи представители русскихъ, чеховъ, словаковъ, хорватовъ, словенцевъ, сербовъ и болгаръ. Въ своемъ отвѣтѣ на привѣтствія Адольфъ Ивановичъ, коснувшись положенія славянства, высказалъ надежду на лучшее будущее великаго племени, если только оно будетъ неуклонно развивать свою культуру: ибо спасеніе славянства не въ политикѣ, а въ просвѣщеніи и истинно-христіанской любви. Адольфъ Ивановичъ получилъ также много письменныхъ и телеграфныхъ привѣтствій со всѣхъ концовъ славянскаго міра (кромѣ, конечно, поляковъ). Болѣе всего телеграммъ было отъ австрійскихъ сербовъ (между прочимъ отъ всѣхъ сербскихъ членовъ

далматинскаго сейма). Большинство славянскихъ поврежденныхъ изданій помѣстили объ А. И. Добрянскомъ-Сачуровѣ сочувственныя статьи.

Принятый Адольфомъ Ивановичемъ порядокъ жизни часто нарушали прїѣзжіе славяне, которые не могли отказать себѣ въ томъ, чтобы не повидаться и не побесѣдовать съ славянскимъ „Несторомъ“ или „патріархомъ“, какъ называли А. И. Добрянскаго-Сачурова. Одинъ видный русскій ученый, не заставъ Адольфа Ивановича дома, по этому поводу сказалъ: „славянину быть въ Вѣнѣ и не говорить съ А. И. Добрянскимъ то же, что католику быть въ Римѣ и не видѣть папу“.

Въ бытность въ Вѣнѣ, Адольфъ Ивановичъ содѣйствовалъ основанію такихъ общеславянскихъ органовъ, какъ „Парламентеръ“, „Велеградъ“ и „Славянскій Свѣтъ“. Въ первомъ изъ нихъ А. И. Добрянскому-Сачурову принадлежала большая часть самыхъ важныхъ статей, а также многія мелкія замѣтки, часто появлявшіяся безъ всякой подписи.

Благодаря А. И. Добрянскому-Сачурову была также учреждена въ Вѣнѣ община православныхъ чеховъ, положившая начало кирилло-меоодіевскому движенію среди чешскаго народа. Живя въ Вѣнѣ, Адольфъ Ивановичъ большую часть своего времени посвящалъ литературнымъ трудамъ. За эти годы (1882—1887) имъ были напечатаны слѣдующія важныя сочиненія: „Апелляція И. Г. Наумовича“ (1883 г.), „О современномъ религіозно-политическомъ положеніи австро-угорской Руси“ (1885 г.), „Наименованіе австро-угорскихъ русскихъ“ („Nomenclation der österreichisch-ungarischen Russen“, 1885 г.), „Матеріалы для памятной записи галицкихъ русскихъ“ („Material zur Denkschrift der galizischen Russen“, 1885 г.), „Программа для проведенія національной автономіи въ Австріи“ („Programm zur Durchführung der nationalen Autonomie in Oesterreich“, 1885 г.), „Въ день праздника св. великомученика Димитрія“ („Am Festtage des heiligen Grossmättyrers Dimitrij“, 1886 г.) и „Разъясненію и истинѣ“ („Der Aufklärung und der Wahrheit“, 1887 г.).

Разсмотримъ основную мысль и содержаніе каждаго изъ этихъ сочиненій.

Однимъ изъ послѣдствій Львовскаго процесса было отлученіе отъ церкви свящ. И. Г. Наумовича, обвиненнаго въ „схизмѣ“. т.-е. провер-

женности къ православію. Всегда чутко относившійся къ страданіямъ поборниковъ русской церкви и народности, А. И. Добрянскій-Сачуровъ и на этотъ разъ оказалъ нравственную поддержку И. Г. Наумовичу и составилъ для него апелляцію къ папѣ, въ которой вопросъ былъ поставленъ такъ широко, что тяжущимися сторонами являются уже не отлученный отъ церкви скалатскій священникъ и лишенный кафедры львовскій митрополитъ, а весь вѣрный кприлло-меоодіевскимъ преданіямъ галицко-русскій народъ и стремящіеся олатинить и ополячить его польскіе паны, ксендзы и монахи.

Эта „Апелляція“, составленная и поданная папѣ на латинскомъ языкѣ, была затѣмъ издана въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: *„Апелляція къ папѣ Льву XIII русскаго униатскаго священника мьстечка Скалатъ (львовской митрополіи въ Галиціи) Іоанна Наумовича противъ великаго отлученія его отъ церкви по обвиненію въ схизмѣ. 1883 года. (Переводъ съ латинскаго языка“).*

Указавъ на вызванную отсутствіемъ собора необходимость апеллировать прямо къ папѣ, какъ патріарху, и на полезную для церкви и народа дѣятельность И. Г. Наумовича, Адольфъ Ивановичъ разбираетъ далѣе (стр. 8—37) допускаемыя въ галицко-русской церкви уклоненія отъ восточнаго обряда и другія злоупотребленія, и крайнему ея упадку противопоставляетъ цвѣтущее состояніе церквей православныхъ.

Говоря о дѣлѣ И. Г. Наумовича, авторъ „Апелляціи“ доказываетъ полную несостоятельность какъ по формѣ, такъ и по существу митрополичьяго приговора (стр. 38—68), вызваннаго желаніемъ свалить отвѣтственность за переходъ Гниличекъ въ православіе, съ постоянно нарушающихъ главное условіе уніи—чистоту восточнаго обряда, церковныхъ властей, на его поборника И. Г. Наумовича. Въ заключеніе Адольфъ Ивановичъ отъ имени И. Г. Наумовича проситъ папу „отмѣнить этотъ приговоръ и возстановить меня въ прежнемъ моемъ званіи“ (стр. 69) и бросаетъ еще одинъ взглядъ на печальныя послѣдствія уніи: „Благодаря ухищреніямъ нашихъ враговъ,.. разстроены у насъ порядокъ въ божественныхъ службахъ, перепутаны обязанности, названія и самыя даже права власти епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, ослаблена церковная дисциплина,.. уничтожены соборы епархіальные, областныя, во всемъ господствуетъ хаотическій беспорядокъ, вслѣдствіе чего мы утратили всякое вліяніе на дѣла собственной церкви и даже всякую надежду на возрожденіе. Мало того, мы на опытѣ

убѣдились, что намъ, считающимся словно рабами, не можетъ дать помощи даже покровительство св. апостольскаго римскаго престола...

„При такомъ положеніи дѣль никто..., вѣроятно, не удивлялся бы. если бы русскіе униаты, не безъ основанія приписывающіе догматической униі угрожающую опасность лишиться установленій церкви греческой и потерять, сверхъ того, свою національность, для предотвращенія такой, угрожающей имъ нравственной смерти, бросили самую унию, давно уже возвратились въ лоно греко-восточной церкви“ (стр. 69—70).

Кончается „Апелляція“ указаніемъ на опасное для церкви распространеніе пантеизма и матеріализма, на фарисейство латинскихъ монаховъ и, наконецъ, на необходимость христіанской любви, которая „подастъ ее (побѣду), безъ сомнѣнія, и церкви Христовой противъ сильнѣйшихъ враговъ ея, прекратитъ несогласіе, длѣющееся 800 лѣтъ между Востокомъ и Западомъ, и на мѣсто его возстановитъ прочное единеніе церквей и непоколебимое согласіе между вѣрующими“ (стр. 72).

Вынужденная разлука съ родиною не порвала крѣпкой нравственной связи А. И. Добрянскаго-Сачурова съ его земляками, которые по прежнему спрашивали его совѣта во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Къ нему же обращались съ вопросами о положеніи русскаго народа въ Австро-Угріи и публицисты изъ Россіи. Одинъ изъ нихъ, П. Ф. Левдикъ издалъ въ Москвѣ въ 1885 году составленный А. И. Добрянскимъ-Сачуровымъ на общерусскомъ литературномъ языкѣ меморандумъ „О современномъ религіозно-политическомъ положеніи австро-угорской Руси“ (Москва, 1885 г. стр. 52). Большая часть этого сочиненія была первоначально напечатана въ газетѣ „Новый Проломъ“ (Львовъ, 1884 г., №№ 157—167, подъ заглавіемъ „*Наши дѣла*“). Этотъ меморандумъ составленъ въ видѣ отвѣтовъ на полученныя Адольфомъ Ивановичемъ письма галицко-русскихъ патриотовъ о задачахъ русской печати въ Австріи.

Особенно подробно разбираетъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ русско-чешскія отношенія (стр. 9—27), причемъ высказывается за замѣну дуализма и автономіи областей умѣренной (т. е. не исключающею сильной центральной власти) автономіею народностей: если же почему-либо не удастся ея достигнуть, такъ лучше ужъ вернуться къ государственной централизациі. Особенно интересна мѣткая характеристика различнаго положенія народовъ Австро-Угріи, которые Адольфъ Ивановичъ дѣлитъ на шесть разрядовъ: 1) „народы, не только свободно

развивающіеся, но и безусловно господствующіе надъ другими и вообще вліяющіе на судьбы государства“ (стр. 15)—мадьяры и поляки; 2) „народы, не господствующіе надъ другими, но пользующіеся достаточнымъ просторомъ для своего всесторонняго развитія и вліяющіе... болѣе или менѣе на судьбы государства“ (стр. 10)—нѣмцы, чехи, словенцы и итальянцы; 3) „хорватскій народъ, свободно развивающійся въ земляхъ хорватской и славонской, но не вліяющій на судьбы государства“ (стр. 16); 4) „народъ румынскій, у котораго нѣтъ достаточнаго простора для своего развитія, такъ какъ масса его подчинена неограниченному господству инородцевъ. Но есть по крайней мѣрѣ маленькій уголокъ (Буковина), гдѣ частица его дышетъ свободно; да,—не прочь даже отъ пріобрѣтенія нѣкотораго рода господства надъ кореннымъ русскимъ населеніемъ, превышающимъ и численно румынское“ (стр. 17); 5) „сербскій народъ, хотя не располагающій въ предѣлахъ монархіи ни малѣйшимъ уголкомъ. въ которомъ было бы ему возможно развиваться или по крайней мѣрѣ свободно дышать, но который, однако, по счастью не разнясь въ языкѣ съ хорватами, можетъ безпрепятственно употреблять свой языкъ въ хорватской, славонской и далматинской земляхъ“ (стр. 17) и 6) русскіе и словаки, „у которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго клочка земли, въ которомъ они могли бы свободно дышать, или хоть по крайней мѣрѣ безпрепятственно употреблять свой языкъ,—словомъ. нѣтъ уголка, въ которомъ они могли бы чувствовать себя дома“ (стр. 17). Различіе въ положеніи австро-угорскихъ народовъ опредѣляется степенью ихъ вѣрности престолу и отечеству: мадьяры и поляки награждаются за свои постоянные мятежи, а австро-угорскіе русскіе и угорскіе нѣмцы, словаки, хорваты, сербы, румыны „страдаютъ лишь за свою вѣрность, обнаруженную въ польско-мадьярскихъ бунтахъ“ (стр. 38). Интересны также тѣ мѣста, гдѣ Адольфъ Ивановичъ совѣтуетъ своимъ землякамъ не ждать помощи отъ Рима, всегда наказывавшаго русскій народъ за вѣрность ему, и вообще отъ „черезчуръ уже гордаго, но тѣмъ не менѣе отживающаго уже свой вѣкъ дряхлаго Запада“ (стр. 36). а также не впадать въ отчаяніе и не содѣйствовать, а, по возможности, противоодѣйствовать начавшемуся уже массовому переселенію въ Америку, которое можетъ привести къ тому, что „вся австро-угорская Русь... перестанетъ существовать“ (стр. 44). Кончается разбираемый меморандумъ указаніемъ на создаваемую всѣми русскими людьми въ Галичинѣ необходимость созыва областного собора галицко-русской церкви.

„Въ виду того,—говоритъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ,—что главное препятствіе нашего народнаго развитія и нашего какъ духовнаго,

такъ и матерьяльнаго благостоянія кроется въ неограниченной опекаѣ иноплеменниковъ, которой подчиненъ нашъ народъ, вопреки всѣмъ положительнымъ основнымъ законамъ государства, во всѣхъ безусловно направленіяхъ, то, слѣдовательно, опеку эту необходимо прекратить, и прекратить во-первыхъ въ дѣлахъ церкви, такъ какъ она угрожаетъ тутъ исчезновеніемъ нашей святыни, съ которой неразрывными узами связана вся наша народная жизнь, которая, слѣдовательно, болѣе всего лежитъ на сердцѣ всякаго изъ насъ, какаго бы онъ ни былъ политическаго направленія, и что этого прекращенія опеки въ дѣлахъ церкви возможно достигнуть только путемъ воссоединенія нашей церкви съ православной, греко-восточной, въ униі же лишь въ крайности, при строгомъ наблюденіи не подлежащихъ перемѣнѣ постановленій флорентинскаго собора, слѣдовательно возстановленіемъ всѣхъ достохвальныхъ установленій восточной церкви; въ виду всего этого, патриоты наши считаютъ необходимымъ:

1) „Созвать къ предварительному совѣщанію изъ галицкихъ, буковинскихъ и вѣнскихъ униатовъ русской народности, по крайней мѣрѣ по шести лицъ духовнаго и мірскаго званія, которыя приобрѣли довѣріе народа, отличившись знаніями, ревностью и самостоятельностью;

2) „приготовить на этомъ предварительномъ собраніи матерьялъ касающійся церковной администраціи, преимущественно же утвержденные правительствомъ статуты церковей сербской и православной румынской въ предѣлахъ Угорщины и предложенный римско-католическою церковью Угорщины проектъ такого же статута церковной автономіи: разобрать созваніе собора и рѣшить всѣ относящіяся къ нему вопросы“ (стр. 46—47). Перечисливъ эти вопросы, авторъ высказывается за то, чтобы:

4) „Созвать, согласно съ рѣшеніями помянутаго предварительнаго собранія, областной соборъ, что принадлежитъ къ правамъ и обязанностямъ митрополита или, при отсутствіи его, старшаго по чину архіерея области“ (стр. 48).

Далѣе Адольфъ Ивановичъ въ 21 пунктѣ перечисляетъ постановленія, которыя долженъ бы принять соборъ для „полнаго возстановленія учрежденій восточной церкви, значить, нашего обряда, во всей его первоначальной чистотѣ, а вмѣстѣ и улучшенія матерьяльнаго благостоянія священства“ (стр. 48).

Но достиженіе связанныхъ съ созывомъ собора цѣлей „возможно лишь при сосредоточеніи всѣхъ нашихъ напряженныхъ силъ пока исключительно на разрѣшеніи этого „церковнаго вопроса“, болѣе важнаго въ настоящее время, чѣмъ какаѣ бы то ни было политическая дѣятельность“ (стр. 51). Но если духовенство, особенно члены образованной по этому вопросу комиссіи, не исполнять всенароднаго желанія, — „мы будемъ *обязаны* прибѣгнуть къ разбирательству церковнаго вопроса... въ газетахъ, въ брошюрахъ, въ „Русской Радѣ“, въ народныхъ даже собраніяхъ и на вѣчахъ“ (стр. 51). Это, можетъ быть, подѣйствуетъ даже на Вѣну и Римъ. А въ противномъ случаѣ „мы не будемъ виноваты, если весь народъ нашъ послѣдуетъ примѣру двѣнадцати милліоновъ своихъ братьевъ, чтобы въ воссоединеніи съ православіемъ найти вѣчный и прочный путь къ своему спасенію...“ (стр. 52). Эта книга въ Австріи запрещена.

Вопроса о наименованіи русскаго населенія Австро-Угріи, которое въ XIX в. по политическимъ соображеніямъ стали официально называть „рутенскимъ“. Адольфъ Ивановичъ касался еще въ началѣ 1860-хъ годовъ въ статьѣ, напечатанной въ издававшейся Ткалцемъ на нѣмецкомъ языкѣ газетѣ „Zukunft“, гдѣ была между прочимъ высказана теорія А. И. Добрянскаго-Сачурова о происхожденіи латинскаго слова „Ruthenus“ (русскій). Съ 1870-хъ и особенно 1880-хъ гг. вопросъ этотъ еще болѣе обострился, такъ какъ поляки въ своихъ интересахъ создали украинomanскую партію, а самыхъ видныхъ русскихъ патріотовъ въ Галичинѣ не постыдились обвинить въ государственной измѣнѣ. Кромѣ искусственныхъ терминовъ „рутенскій“ и „русинскій“, стали употреблять еще болѣе комичныя въ примѣненіи къ Червонной Руси, никогда не входившей въ составъ Украины, выраженія „украинскій“ и „украинско-русскій“.

Это заставило А. И. Добрянскаго-Сачурова выступить въ центральномъ органѣ австро-угорскихъ славянъ — „*Парламентеръ*“ (1885 г., № 7 и отд. оттискъ, Вѣна, 1885, стр. 23) со статьёю „*Наименованіе австро-угорскихъ русскихъ*“ („*Nomenclation der österreichisch-ungarischen Russen*“).

Въ началѣ статьи (стр. 3) авторъ объясняетъ, что о 3¹/₂ милліонномъ русскомъ населеніи Австро-Угріи правящіе ея круги знаютъ очень мало, такъ какъ оно имѣетъ въ рейхсратѣ всего трехъ представителей, а въ палатѣ господъ — ни одного. Не удивительно поэтому, что и въ наименованіи этого народа царитъ большая путаница. Выяснить эту сторону дѣла и является задачей статьи.

Далѣ (стр. 4—8) Адольфъ Ивановичъ указываетъ на то, что употребительное въ старину и сохранившееся въ Галичинѣ названіе „русинъ“ (какъ „болгаринъ“, „сербинъ“) имѣетъ смыслъ лишь въ единственномъ числѣ; что греки могли передавать русское „с“ черезъ „θ“, „и“ черезъ „η“, а все слово „русинъ“ черезъ Ρουθηνος; что множ. число подревне-русски было „Русь“, по-греч. „οἱ Ρῶς“, а русская земля — „Русь“, „Ρωσία“; что по-латыни греч. „Ρουθηνος“ было передано черезъ „Ruthenus“, рядомъ съ которымъ впрочемъ всегда употреблялось и правильное „Russus“ (иногда „Russus seu Ruthenus“), а „Русь“ — „Ρωσία“ черезъ „Russia“, но ошибка была допущена во множ. ч., гдѣ стали употреблять выраженіе „Rutheni“ (рядомъ съ „Russi“); что, впрочемъ, термины „Ruthenus“, „Rutheni“, „Russus“, „Russia“ всегда употреблялись безразлично въ примѣненіи ко всѣмъ вѣтвямъ русскаго народа. Всѣ эти свои положенія авторъ подтверждаетъ примѣрами.

Переходя отъ исторіи къ современному положенію дѣла, А. И. Добрянскій-Сачуровъ констатируетъ, что всѣ русскіе люди Австро-Угріи и Россіи называютъ себя въ муж. родѣ „русинъ, руснакъ“ или „русскій“, въ ж. р. только „руска“, и каждый изъ нихъ „утверждаетъ, что говорить „по-русски“, нисколько даже не подозрѣвая того—если его этому не учили въ школѣ,—что филологи и этнографы стараются различать другъ отъ друга велико, мало, бѣло, червоно и черно-руссовъ“ (стр. 9). Народъ различаетъ нарѣчія по старымъ городамъ: „москали“ или „москвичи“, „новгородцы“, „галичане“ и т. д. Русскіе говоры Австро-Угріи авторъ дѣлитъ на двѣ группы: а) лемковскіе (лемки—оставшіеся русскими потомки бѣлохорватовъ. ⁹/₁₀ которыхъ омадярилось, ословачилось или ополячилось) и б) бойковскіе съ гупульскими, подолянскими и долишнянскими (все это потомки бѣлосербовъ). Указавъ на то, что и лемки, и бойки одинаково называютъ свой языкъ, даже духовенство и церковь—„русскими“, что таковыми ихъ считаютъ и ихъ сосѣди—словаки, поляки, мадьяры („orosz“,—введенное недавно официальное „ruthén“ непопулярно среди мадьяръ) и вѣмцы („Russnak“ у нихъ употребляется лишь въ уничижительномъ смыслѣ, какъ „Polaken“ вмѣсто „Polen“), что „русскими“ называютъ галичанъ и австрійскіе официальныя документы XVIII в., и многіе серьезные ученые съ Шафарикомъ во главѣ, что до 1810 г. во Львовскомъ университетѣ читались на русскомъ языкѣ даже лекціи, а послѣ этого года читавшіе ихъ профессора продолжали свою дѣятельность въ Россіи.—А. И. Добрянскій-Сачуровъ переходитъ къ разсмотрѣнію взглядовъ по данному вопросу извѣстнаго проф. Бидермана (автора двухтомнаго капитальнаго труда „Die ungarischen Ruthenen“—„Угорскіе рутены“, Иннсбрукъ;

1862—67 гг.), который хотя и признаетъ русскихъ Австро-Угрии настоящими русскими, но совѣтуетъ имъ называть себя „рутенами“ въ отличіе отъ великорусовъ—обрусѣлыхъ финновъ, татаръ и монголовъ. Указавъ на то, что подобное переименованіе „противно происхожденію, чувству и совѣсти народныхъ массъ“, Адольфъ Ивановичъ такимъ образомъ доказываетъ несостоятельность единственнаго аргумента, приводимаго Бидерманомъ:

„Ассимиляція ляхскихъ, т. е. польскихъ, затѣмъ финскихъ и татарскихъ, отчасти даже монгольскихъ племенъ восточными русскими, которыхъ въ новое время произвольно называютъ великоруссами, такъ же само подтверждается исторіею. какъ поглощеніе литовцевъ, печенѣговъ, хозаръ, половцевъ или кумановъ западными русскими, которыхъ теперь называютъ, между прочимъ, рутенами; доказано и то, что послѣднюю группою поглощались также татары и черкесы, и что даже названіе украинскихъ козаковъ перешло на нихъ отъ черкесовъ, которые называются по-русски „касогами“.

„Относительно чистоты происхожденія между обѣими упомянутыми русскими группами существуетъ поэтому, вѣроятно, лишь то различіе, что западная группа, къ которой относятся русскіе нашей монархіи, завершила поглощеніе чуждыхъ элементовъ уже въ XIII в., значить, давно; а съ тѣхъ поръ сама страдаетъ отъ поглощенія чуждыми элементами, особенно польскими, словацкими, мадьярскими и румынскими; между тѣмъ какъ восточная группа все еще успѣшно продолжаетъ ассимиляцію чуждыхъ элементовъ, т.-е. свое мнимое загрязненіе.

„Поглощать чужіе народы или быть поглощаемымъ есть исключительно проявленіе мощи или безспія, словомъ политическаго положенія народа въ данное время, что мы можемъ наблюдать не только у русскихъ, но и у нѣмцевъ, хотя оба эти народа все еще могутъ считаться сравнительно наименѣ смѣшанными въ Европѣ.

„Нѣмцы въ старое время ассимилировали великое множество полабскихъ славянъ и брежанъ, поморянъ, мекленбургцевъ, славяно-лѣтскихъ прусовъ, а равно и нижне-австрійскихъ и тирольскихъ славянъ; они, (нѣмцы), не только начали, но и успѣшно продолжали до недавняго времени также ассимиляцію латышей и финновъ (эстовъ) въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, равно какъ и славянъ въ Каринтіи, Штирії, Чехіи, Моравіи и Силезіи. Даже теперь нѣмцы еще нисколько не перестали посредствомъ поглощенія славянъ Познани и Лужицъ загрязнять свою

кровь, такъ какъ они послѣдняго не только не боятся, но даже считаютъ себя въ этомъ весьма заинтересованными, а потому настойчиво содѣйствуютъ этому находящимися въ ихъ распоряженіи средствами духовнаго и матеріальнаго могущества.

„Несмотря на то, я не думаю, чтобы вовсе не смѣшанные съ лѣтскими и финскими элементами и даже менѣе смѣшанные со славянскими южные нѣмцы въ видахъ сохраненія своего болѣе чистаго нѣмецкаго происхожденія были склонны отдѣлять себя по происхожденію отъ сѣверныхъ нѣмцевъ и даже сдѣлавшееся имъ милымъ имя „нѣмцы“ („Deutsche“) замѣнить другимъ, на примѣръ, по аналогіи выраженія „рутены“ („Ruthenen“), заимствованнымъ изъ латинскаго—впрочемъ совершенно правильнымъ—выраженіемъ, „тевтоны“ („Teutonen“). Болѣе того, я, кажется, могу съ нѣкоторымъ основаніемъ полагать, что южные нѣмцы нисколько не сердятся на своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ за продолженіе ассимиляціи остатковъ славянъ въ Пруссіи и Силезіи, а также въ Познани и Лужицахъ и даже тогда едва ли бы стали сердиться, если бы вслѣдъ за полной и окончательной ассимиляціею этихъ славянскихъ элементовъ послѣдовала германизация расположенной на лѣвомъ берегу части нынѣ еще во всякомъ случаѣ относящагося къ русской имперіи Царства Польскаго—что далеко не невозможно, а скорѣе, наоборотъ, обусловлено перенаселенностью Германіи, которая неохотно отдаетъ своихъ сыновъ Америкѣ“ (стр. 16—18).

Къ тому же стремятся и малые народы, примѣръ чему поляки, которые въ Галичинѣ продолжаютъ пользоваться полученнымъ отъ имперіи могуществомъ для насильственнаго ополяченія кореннаго населенія. „Даже малюсенькіе народцы, которыхъ собственная сила ниже нуля, стараются на основаніи кое-какихъ фикцій добиться отъ могущественныхъ имперій привилегированнаго положенія и впадаютъ на основаніи этихъ привилегій въ манію величія, которая выражается какъ разъ и въ стремленіи насильственно денационализировать другіе народы“. Какъ австрійскіе нѣмцы не согласились бы переименоваться въ „тевтоновъ“, такъ и русскіе Австро-Угріи не хотятъ быть „рутенами“. Да и правительству пора оставить подобныя „мелочныя припирки, недостойныя великой державы“. До 1848 г., продолжаетъ авторъ, въ Австріи не только русскіе назывались „рутенами“, но и румыны въ Угріи, Семиградьи и Военной Границѣ—„волохами“ („Walachen“), а въ Буковинѣ—„молдаванами“ („Moldauer“), сербы же считались „иллирійцами“ („Ullugier“). Мадьяры же, до 1849 г. правильно называвшіе русскихъ „русскими“ („rosz“), давали румынамъ имя „волоховъ“ („oláh“), сер-

бамъ-католикамъ (такъ назыв. „шокцамъ“ и „буневцамъ“) — „рацовъ“ (мад. „gacsz“, лат. „Rasciani“), и православнымъ сербамъ — „дикихъ рацовъ“ („vad gacsz“). По отношенію къ румынамъ и сербамъ эти придирки съ 1849 г. исчезли; одни русскіе все еще слывуть „рутенами“.

Въ заключительной части своей статьи (стр. 20—23) А. И. Добрянскій-Сачуровъ говоритъ, что по-русски названіе „русинъ“ такъ же правильно, какъ „болгаринъ“ или „армянинъ“, а въ нѣмецкомъ языкѣ всѣ они бессмысленны; что названіе „Малая Русь“ („Kleinrussland“, „Russia minor“) въ примѣненіи къ Галичинѣ вполне законно, какъ употребительное еще съ XIV вѣка, но въ примѣненіи къ Поднѣпровью съ древнею столицею Кіевомъ оно такъ же недопустимо, какъ наименованіе „Великою“ Руси восточной, которую вѣдь южане считаютъ своею колонією; что „малорусскаго“ языка нѣтъ и быть не можетъ, какъ нѣтъ языка „малопольскаго“: ибо въ австрійской Малой Польшѣ образованные классы говорятъ на общепольскомъ литературномъ языкѣ, а низшіе классы — по-мазовецки; что названіе „малорусскій“ особенно неудобно потому, что „никто не хочетъ быть малымъ и вообще безъ нужды унижаться“ (стр. 22); что, впрочемъ, ученые вольны употреблять какую угодно терминологию, но государство, не называющее своихъ польскихъ гражданъ „Polaken“, но „Polen“, обязано „и своимъ русскимъ гражданамъ давать единственно правильное названіе, которое живетъ въ устахъ народа, соотвѣтствуетъ духу нѣмецкаго языка и, будучи соединено съ прилагательнымъ „австрійскій“ или, въ случаѣ надобности, „австро-угорскій“, не оставляетъ желать ничего лучшаго и въ смыслѣ ясности и точности“ (стр. 23). Этими словами и кончается разбираемая статья.

Львовскимъ процессомъ и насильственнымъ удаленіемъ съ кафедръ митрополита Іосифа Сембратовича польскіе политики воспользовались не только для усиленнаго насажденія въ Галичинѣ украинomanства (для чего былъ нарочно вызванъ изъ Россіи Кулишъ), но и для нанесенія русской униатской церкви въ Галичинѣ смертельной раны, — раны, которая за 30 лѣтъ не только не зажила, а, наоборотъ, постоянно растравляемая слугами Польши и Рима, привела, наконецъ, къ пробужденію православнаго сознанія въ русскихъ народныхъ массахъ. Для окончательной латинизаціи галицко-русской церкви поляки рѣшили предоставить исключительное право на занятіе епископскихъ кафедръ монахамъ, а послѣднихъ отдать на воспитаніе іезуитамъ.

Поляки добились отъ папы „апостольской конституціи“ отъ 30 апрѣля (12 Мая) 1882 г. „Singulare praesidium“. Предписанныя

этимъ папскимъ распоряженіемъ передача русскаго Добромилскаго монастыря іезуитамъ и изытіе галицкихъ монаховъ изъ-подъ власти ихъ епископовъ съ подчиненіемъ римской конгрегаціи „de propaganda fide“, проведенныя притомъ въ очень грубой формѣ, до глубины души возмутили русскихъ людей въ Галичинѣ, которые протестовали на двухъ народныхъ собраніяхъ и даже отправили къ вѣнскимъ властямъ особую депутацію. Когда же все это не привело къ желанной цѣли, А. И. Добрянскій-Сачуровъ собралъ обширный матеріалъ для меморандума, который и былъ обнародованъ сперва въ „Парламентеръ“ за 1885 г., а затѣмъ изданъ отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ: *„Матеріалы для памятной записки галицкихъ русскихъ о мѣропріятіяхъ, проводимыхъ въ послѣднее время въ жизнь подѣ предлогахъ реформы галицкаго чернаго духовенства и угрожающихъ самому существованію галицкой греко-католической церкви“* („*Material zur Denkschrift der galizischen Russen über die Massregeln, welche neuester Zeit unter dem Vorwande einer Reform des galizischen Regularclerus in's Leben gerufen, die griechisch-katholische Kirche Galiziens in ihrem Bestande gefährden*“, Вѣна, 1885 г., 173 стр. мелкаго шрифта). На основаніи этого матеріала былъ составленъ меморандумъ, поданный русскими галичанами императору и правительству.

Въ своемъ сочиненіи Адольфъ Ивановичъ сперва (стр. 3—8) вкратцѣ рассказываетъ исторію Галичины, указываетъ на несообразность даже съ точки зрѣнія автономіи областей соединенія галицко-владимирскаго королевства съ другими частями бывшей Рѣчи Посполитой въ одну, притомъ слишкомъ большую, коронную область, на необходимость раздѣла Галичины на восточную и западную, на несправедливость польскаго владычества надъ русскими галичанами и на стремленіе поляковъ совсѣмъ уничтожить самостоятельность галицко-русской церкви; затѣмъ такимъ образомъ излагаетъ сущность учиненнаго надъ послѣднею насилія:

„Подѣ тѣмъ предлогахъ, что въ греко-уніатскихъ монастыряхъ Галичины господствуетъ безпорядокъ, что поэтому весь монашескій орденъ, если онъ долженъ соотвѣтствовать своему назначенію, нуждается въ немедленной реформѣ, которую самъ протоигуменъ ордена (провинціалъ) предоставилъ іезуитамъ, послѣдніе добились въ Римѣ апостольской конституціи отъ 30 Апрѣля (12 Мая) 1882 г.“ (стр. 8—9). Изложивъ содержаніе этой конституціи, А. И. Добрянскій-Сачуровъ приходитъ къ такимъ выводамъ о неизбежныхъ послѣдствіяхъ папскаго посланія, если оно останется въ силѣ:

„а) Орденъ іезуитовъ останется во владѣніи греко-католическимъ Добромилльскимъ монастыремъ и устроеннымъ тамъ новиціатомъ, откуда этотъ орденъ въ теченіе немногихъ лѣтъ наполнить своими воспитанниками всѣ греко-католическіе монастыри Галичины, а, слѣдовательно, какъ можно болѣе незамѣтнымъ образомъ, аннектируетъ ихъ съ ихъ значительнымъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣнитъ все греко-католическое черное духовенство своими питомцами.

„б) Эти питомцы,—исключительно предназначенные къ занятію всѣхъ вліятельныхъ церковныхъ степеней, должностей и учебныхъ кафедръ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, призванные также къ исполненію обязанностей настоятелей приходовъ,—въ непродолжительномъ времени возьмутъ въ свои руки управленіе всею греко-католическою церковью въ Галичинѣ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, и, такимъ образомъ, искони служащій польскимъ національнымъ тенденціямъ орденъ іезуитовъ получитъ необходимыя средства и нужное вліяніе, чтобы имѣть возможность провести направленные къ уничтоженію греческаго обряда проекты 1717 и 1751 годовъ, не опасаясь серьезнаго сопротивленія этому со стороны греко-католическаго духовенства или вѣрующихъ“ (стр. 18).

Разсмотрѣвъ далѣ историческую и юридическую сторону вопроса и доказавъ, что постановленія папскаго посланія нарушаютъ церковные и гражданскіе законы.—въ заключеніе своего сочиненія А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ слѣдующихъ словахъ высказываетъ убѣжденіе, что русскіе галичане только въ православіи могутъ найти спасеніе своей церкви и народности:

„Такъ какъ въ теченіе продолжительнаго времени замѣчается колебаніе греческаго обряда въ Галичинѣ, и постановленія обсуждаемой апостольской конституціи, проведеніе которой, къ сожалѣнію, все болѣе подвигается впередъ, являются насиліями, которыя во всякомъ случаѣ позволяютъ совѣмъ оставить подъ сомнѣніемъ дальнѣйшее существованіе этого обряда, а, слѣдовательно, и греко-католической церкви,—то насчитывающіе около трехъ милліоновъ коренные жители Галичины поставлены передъ альтернативою: или утратить свою національную святыню и свою народность, т. е. свое существованіе, чтобы раствориться въ искони враждебномъ имъ польскомъ народѣ, или путемъ отбазы отъ католическаго догмата, т. е. воссоединенія съ православною церковью, навсегда избавиться отъ всякаго вмѣшательства

въ ихъ церковныя дѣла ихъ непрощенныхъ польскихъ опекуновъ, въ частности польскихъ іезуитовъ, и такимъ образомъ избѣжать подготавливаемой гибели ихъ національной жизни“ (стр. 173).

Въ примѣненіи къ Угорской Руси на то же намекаетъ Адольфъ Ивановичъ въ письмѣ къ примасу Угріи кардиналу Шимору отъ 25 Сент. (7 Окт.) 1869 г. Еще яснѣе высказана та же мысль въ найденной въ бумагахъ А. И. Добрянскаго-Сачурова и относящейся къ 1874 или 1875 году (на что указываетъ одновременное упоминаніе епископовъ Гаганца и Пастелія; даты нѣтъ) „Запискѣ о современномъ положеніи Руси Червонной, то-есть Галицкой и Угорской“, гдѣ между прочимъ читаемъ:

„Австрійское правительство выступило на окончательную борьбу съ русскою церковью и народностію.

„Убѣдившись въ этомъ, немногіе оставшіеся вѣрными церкви представители русской интеллигенціи въ Галиціи и Угорщинѣ рѣшились употребить всѣ свои усилія, чтобы отразить направленный противъ русскаго народа ударъ. Единственнымъ средствомъ къ этому они сочли принятіе православія. Къ этому издавна стремится весь простой народъ и все почти низшее духовенство. Австрійская конституція не ставитъ этому никакихъ формальныхъ затрудненій. Но что значать въ Австріи народныя желанія и положительныя законы, когда они не согласны съ желаніями правительства, располагающаго деньгами и штыками“.

Разобранное сочиненіе рисуется А. И. Добрянскаго-Сачурова не только, какъ глубоко вѣрующаго христіанина и горячаго патріота, но и какъ выдающагося богослова, церковнаго историка и канониста и тонкаго знатока народной души, отъ котораго не укрылась непоколебимая преданность галицкаго крестьянства православной вѣрѣ, такъ ярко сказывающаяся въ наши дни.

Проектъ преобразованія Австро-Угріи изъ федераціи областей въ федерацію народовъ былъ одною изъ любимыхъ мыслей А. И. Добрянскаго-Сачурова. Еще въ 1849 г. онъ настаивалъ на объединеніи всѣхъ русскихъ областей Габсбургской монархіи, въ 1849—50 гг. онъ стремился къ образованію въ Угріи хотя бы одного русскаго округа, въ 1861 г. въ своей произнесенной рѣчи (напечатанной по-нѣмецки) онъ высказывался за преобразованіе Угріи на началахъ автономіи народностей,

въ рѣчи 13 (25) Ноября 1868 г. требовалъ сохраненія за угорскими народами значенія корпорацій, призванныхъ заботиться о развитіи своего языка и народности, а въ „Проектѣ политической программы для Руси австрійской“ (1871 г.) онъ прямо указывалъ на необходимость устраненія дуализма и предоставленія автономіи каждому народу. Но наиболее подробно А. И. Добрянскій-Сачуровъ развилъ свой взглядъ на этотъ вопросъ въ изданной въ 1885 г. въ Москвѣ книгѣ „О современномъ религіозно-политическомъ положеніи австро-угорской Руси“. Она произвела огромное впечатлѣніе на австро-угорскихъ славянъ и была предметомъ всесторонняго обсужденія въ ихъ печати. Польскія газеты привели изъ нея выдержки, чешскія—посвятили ей рядъ статей, а въ общеславянскомъ „Парламентерѣ“ были изложены точки зрѣнія на этотъ проектъ: словенцевъ, чеховъ, угорскихъ сербовъ и даже французскаго политика Жюля Ферри. Все это заставило Адольфа Ивановича высказаться подробнѣе, что онъ и сдѣлалъ въ своемъ сочиненіи—*„Программа для проведенія національной автономіи въ Австріи“* („*Programm zur Durchführung der nationalen Autonomie in Oesterreich*“), напечатанномъ сперва на столбцахъ „Парламентера“ за 1885 г. и въ томъ же году появившемся въ видѣ отдѣльнаго оттиска въ 167 стр.

Авторъ подробно разбираетъ отношеніе къ идеѣ національной автономіи отдѣльныхъ австро-угорскихъ народовъ, излагая при этомъ ихъ историческія права. Затѣмъ онъ указываетъ на то, что теперь всѣ эти народности „воюють другъ съ другомъ и тратятъ свои силы въ ожесточенной борьбѣ, которую вызвала, поддерживасть и будетъ всегда поддерживать единственно нынѣшняя система автономіи областей“ (стр. 26). Изъ сеймовъ эта борьба вносится въ рейхсратъ, который становится неработоспособнымъ. Автономія областей ведетъ къ застою въ законодательствѣ, потерѣ времени, притупляющей патріотизмъ всеобщей усталости, волненіямъ среди угнетаемыхъ народовъ и репрессіямъ со стороны народовъ-угнетателей, даже кровавымъ возстаніямъ, а въ будущемъ и къ вмѣшательству иностранныхъ государствъ; къ непомерной избалованности привилегированныхъ народовъ, разсматривающихъ „все государство, какъ свою вотчину“. къ уменьшенію любви къ государству и паденіе его престижа, а черезъ ослабленіе національнаго чувства,—къ матеріализму и, наконецъ, къ анархіи (стр. 26—30).

Съ уничтоженіемъ коронныхъ областей, Австрія,—по проекту А. И. Добрянскаго-Сачурова,—должна раздѣляться на слѣдующія „національныя административныя области“ (nationale Verwaltungsgebiete):

„1) Нѣмецкая административная область составила бы изъ нынѣшнихъ коронныхъ областей Нижней Австріи, Верхней Австріи, Зальцбурга, Тироля и Форарльберга, далѣе изъ непосредственно граничащихъ съ этими коронными областями, сплошь заселенныхъ нѣмцами, частей Чехіи, Моравіи, Каринтіи и Штиріи.

„2) Юго-славянская административная область охватывала бы Далматію и Крайну, Истрію, Терсть (Triest), Горицу и Градиску, далѣе словенскія части Каринтіи и Штиріи.

„3) Чешская административная область должна бы быть образована изъ славянскихъ частей Чехіи и Моравіи, равно какъ и изъ Силезіи.

„4) Польская административная область должна была бы состоять изъ великаго воеводства (вел. герцогства) Краковскаго, затѣмъ изъ прилегающихъ чешскихъ воеводствъ (герцогствъ) Освѣтмскаго и Заторскаго, равно какъ изъ также прилегающихъ, совсѣмъ ополяченныхъ западныхъ частей Галичины.

„5) Галицко-русская административная область охватывала бы неполяченную часть Галичины и Буковину.

„6) Наконецъ, чтобы навсегда обезпечить... имперской столицѣ и резиденціи достойное и соответствующее ея особеннымъ интересамъ самостоятельное положеніе въ имперіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, придать ей одинаково привлекательный для всѣхъ австрійскихъ народовъ, чисто австрійскій отпечатокъ, а тѣмъ самымъ заинтересовать всѣ племена имперіи въ подъемъ ея благосостоянія и значенія,—Вѣна со своими предмѣстями должна бы образовать особую... шестую самостоятельную административную область.

„Послѣ устраненія дуализма получили бы приращеніе:

„а) Нѣмецкая административная область отъ присоединенія прилегающихъ къ Нижней Австріи частей Угріи, сплошь заселенныхъ нѣмцами... и охватывающихъ всю Визельбургскую столицу и большую часть столицы Эйзенбургской и Эденбургской;

„б) юго-славянская административная область, которая должна бы быть соединена съ Хорватією и Славонією, а также съ Рѣкою (Fiume)

и славянскими частями столицъ Залянской и Эйзенбургской, а затѣмъ съ областью, образованной въ министерство Баха сербской Воеводины, равно какъ и съ Босніею и Герцоговиною,— особенно выиграла бы въ объемѣ;

„в) чешская административная область, на долю которой выпали бы тѣ столицы Угріи, которыя содержатъ сплошное словацкое население и поэтому уже въ министерство Баха образовали особую, а именно Пресбургскую административную область Угріи;

„г) галицко-русская административная область, на долю которой выпалъ бы населенный русскимъ племенемъ сѣверо-востокъ Угріи, т.-е. въ общихъ чертахъ образованная въ министерство Баха Кошицкая административная область, за исключеніемъ, однако, румынскихъ частей столицъ Мараморышской и Угочанской.

„Итакъ, послѣ устраненія дуализма слѣдовало бы образовать еще румынскую и мадьярскую административныя области:

„7) Румынская административная область должна была бы охватывать Семиградье въ тѣхъ границахъ, въ какихъ оно находилось въ министерство Баха, далѣе существовавшія въ то время столицы Арадскую, Южно-Бихарскую, Сатмарскую и Чанадскую съ румынскими частями бывшей Военной Границы, а также столицъ Бекешской, Темешской, Мараморышской, Угочанской и Буковины.

„8) Пространство и составныя части мадьярской административной области обозначаются такимъ образомъ сами собою“ (стр. 59—61).

По проекту автора. каждая изъ этихъ областей „имѣла бы свой сеймъ (въ Вѣнѣ усиленную представителями предмѣстій городскую думу)... свое намѣстничество... (въ Вѣнѣ магистратъ...)“ (стр. 61). Кругъ вѣдѣнія сеймовъ можетъ остаться такимъ, какъ теперь, или даже быть суженъ, „лишь бы онъ остался для всѣхъ одинаковымъ“. „Единственно въ дѣлахъ, касающихся народности, т.-е. языка, церкви и школы (насколько они не касаются религіозныхъ обществъ, какъ таковыхъ), какое бы то ни было суженіе компетенціи сеймовъ было бы вредно“ (стр. 61).

„Въ тѣхъ національныхъ административныхъ областяхъ, въ которыхъ нельзя избѣжать большихъ и однородныхъ иноязычныхъ остро-

вовъ, какъ, на примѣръ, въ румынской—саксонскаго и мадыарскаго, или замѣтно различіе мѣстныхъ интересовъ и историческихъ воспоминаній, что вѣроятно случилось бы въ нѣмецкой административной области, или, наконецъ, проявляется различіе соперничающихъ другъ съ другомъ религіозныхъ обществъ,—случай, который могъ бы встрѣтиться, на примѣръ, въ юго-славянской и даже галицко-русской административной области,—кромѣ областныхъ, должны были бы собираться еще окружные сеймы для рѣшенія тѣхъ сеймовыхъ дѣлъ, которыя вслѣдствіе господствующаго различія въ интересахъ не могли бы съ должнымъ спокойствіемъ обсуждаться на областномъ сеймѣ или могли бы привести къ нарушенію правъ меньшинства.

„Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оказывается неизбѣжнымъ созывъ окружныхъ сеймовъ, необходимо и учрежденіе окружныхъ правительствъ, какъ они существовали въ началѣ 50-хъ годовъ въ министерство Баха“ (стр. 62); послѣднія для удобства управленія должны быть учреждаемы и въ случаѣ обширности области или по требованію мѣстныхъ условій. Все же число сеймовъ и правительствъ (областныхъ и окружныхъ) будетъ меньше теперешняго. Описывая выгодныя послѣдствія національной автономіи (стр. 62—65), Адольфъ Ивановичъ приходитъ къ заключенію, что она сдѣлаетъ Австрію сильною внутри и могущественною во внѣ.

Въ сочиненіи „Программа для проведенія національной автономіи въ Австріи“ А. И. Добрянскій-Сачуровъ коснулся множества политическихъ, экономическихъ, правовыхъ, религіозныхъ, историческихъ и даже филологическихъ (на примѣръ, объ отношеніи словенцевъ къ хорватамъ) вопросовъ и при этомъ проявилъ свои обширныя познанія и большую самостоятельность мысли.

Въ 1885 г. все славянство праздновало 1000-лѣтіе блаженной кончины своего просвѣтителя—св. равноапостольнаго Меѳодія, архіепископа Моравскаго и Паннонскаго, а въ 1886 г. исполнилось 1000-лѣтіе изгнанія изъ Моравіи его учениковъ и начала жестокихъ гоненій латинскаго духовенства на славянскую церковь. На эту печальную годовщину откликнулся и А. И. Добрянскій-Сачуровъ, много пострадавшій за свою вѣрность кирилло-меѳодіевскимъ завѣтамъ. Памяти первыхъ мучениковъ за славянскую церковь посвятилъ онъ одно изъ своихъ самыхъ замѣчательныхъ церковно-историческихъ изслѣдованій, которое было сперва въ рукописи прочтено въ чешскомъ переводѣ на торжественномъ собраніи чешскаго политическаго общества „Еднота“

въ Вѣнѣ 26 Окт. (7 Ноября) 1886 г. его председателемъ д-ромъ Живнымъ, а затѣмъ по-нѣмецки напечатано авторомъ въ „Парламентеръ“ (1886 г., № 46, и отд. оттискъ въ 40 стр.) подъ заглавіемъ: „*Въ день праздника святого великомученика Димитрія*“. (*Am Festtage des heiligen Grossmartyrers Dimitrij*“, Вѣна, 1886; это сочиненіе издано также и по-чешски).

Указавъ на особенное почитаніе, оказываемое великомученику Димитрію Солунскому во всемъ славянскомъ мірѣ, авторъ переходитъ къ ученикамъ первоучителей и высказываетъ предположеніе, что самъ Меѳодій былъ архіепископомъ автокефальной славянской церкви съ мѣстопробываніемъ въ Бѣлградскомъ монастырѣ близъ Остригома (въ теперешней Угріи), Агаѳонъ (или по-славянски Гораздъ) митрополитомъ Моравскимъ, а Савва—Срѣмскимъ. По смерти Меѳодія нѣмецкое духовенство и поддерживающее его моравское правительство не допустили назначенія преемника Меѳодію (каковымъ, по его желанію, долженъ бы быть Агаѳонъ—Гораздъ); поэтому переселившійся вслѣдствіе гоненій въ столицу Угріи—Остригомъ бывшій Моравскій митрополитъ, а равно и митрополитъ Срѣмскій подчинялись Цареградскому патріарху и положили начало существующимъ донынѣ, хотя и совсѣмъ олатиненнымъ, митрополіямъ Остригомской (глава ея состоитъ всегда и „княземъ-примасомъ“ Угріи) и Бацко-Колоцкой (на югѣ Угріи). Исторія этихъ двухъ митрополій, т. е. греко-славянской церкви въ Угріи (и отчасти Моравіи) и посвящено изслѣдованіе. По мнѣнію Адольфа Ивановича, до конца XII в. угорская церковь была православною; въ концѣ XII в. при Бѣлѣ III послѣдовало принятіе уніи, которая, однако, была враждебно встрѣчена народомъ, и отъ которой часто отрекались цѣлые монастыри и даже епископы. Тотчасъ послѣ введенія уніи латинскіе монахи начали при содѣйствіи свѣтской власти отнимать у славянскихъ чернецовъ монастыри, а на ихъ земляхъ селить нѣмецкихъ и итальянскихъ колонистовъ. Однако систематическая латинизація началась лишь съ 1308 г., когда династія Арпадовичей вымерла и на угорскомъ престолѣ стали возсѣдать итальянцы, нѣмцы и поляки. Впрочемъ, сторонниковъ восточнаго обряда разыскивали и преслѣдовали еще въ XVI в. даже на Словачинѣ. Въ господствующей же церкви изъ смѣшенія латинскаго и греческаго обрядовъ образовался „обрядъ угорской церкви“ („*ritus ecclesiae hungaricae*“), который „удалось совсѣмъ искоренить только въ XVIII в., хотя его остатки тамъ и сямъ и теперь еще замѣтны въ римско-католической церкви Угріи“ (стр. 21). Въ XIII в. пала, по словамъ А. И. Добрянскаго-Сачурова, славянская церковь среди словенцевъ и запад-

ныхъ хорватовъ, а также среди прибалтійскихъ и полабскихъ славянъ; въ XV—XVI вв., послѣ отчаянной защиты въ періодъ гуситства,— среди чеховъ. „Только на востокъ австрійской монархіи восточная церковь... удержалась: частью въ своей полной самостоятельности, какъ греко-восточная или православная церковь, частью въ зависимости отъ римскихъ папъ, какъ церковь греко-уніатская или греко-католическая“ (стр. 28).

Въ только-что разобраннымъ краткомъ изслѣдованіи, основанномъ на документальныхъ данныхъ и полномъ смѣлыхъ обобщеній, содержится цѣлая программа для будущаго историка угорской церкви, который долженъ, разобравъ, по возможности, всѣ архивныя данныя, провѣрить выводы Адольфа Ивановича. Кое-что для этого сдѣлано имъ самимъ въ многочисленныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ большею частью въ томъ же „Парламентарѣ“ (напр. 1887, № 10); но другія занятія и невозможность даже вѣзда въ Угрію помѣшали ему закончить начатое дѣло.

Славянофильскія воззрѣнія А. И. Добрянскаго-Сачурова и проповѣдуемая имъ идея замѣны автономіи областей автономією народностей съ проведеніемъ полной ихъ равноправности вызвали сильное неудовольствіе значительной части чешскаго общества, рассчитывающей на приобрѣтеніе для бывшаго чешскаго королевства какого-то особаго положенія въ составѣ Габсбургской монархіи. Представитель этого направленія въ 1880-хъ годахъ, чешскій журналъ „Славянскіе Листы“ (1887 г., № 6) очень рѣзко выступилъ противъ „Парламентера“ и автора помѣщенной въ немъ (1887 г., № 10) статьи о денационализациі славянъ въ средніе вѣка, гдѣ на основаніи исторіи и фактовъ доказывалось, что народъ, утратившій всѣ свои національныя особенности, долженъ рано или поздно лишиться и своего языка.

Этимъ авторомъ былъ Адольфъ Ивановичъ, который и не замедлил отвѣтить „Славянскимъ Листамъ“ въ особой обширной статьѣ, напечатанной въ „Парламентарѣ“ (1887 г., №№ 18—21 и отдѣльнымъ оттискомъ въ 99 стр.), подъ заглавіемъ: „Разъясненію и истинѣ“ („*Der Aufklärung und der Wahrheit*“). Указавъ на вызвавшія статью обстоятельства и выяснивъ различіе между основными взглядами чешскаго журнала и своими, А. И. Добрянскій-Сачуровъ совѣтуетъ чехамъ не увлекаться областною автономією, а, напротивъ, возможно лучше отмежеваться отъ нѣмцевъ и постепенно возстановить въ себѣ утраченныя черты славянской народности. Народъ Адольфъ Ивановичъ

сравниваетъ съ ежомъ, „особенность котораго,—то, что у людей мы называемъ народностью,—заключается въ его щетинистой кожѣ, которая защищаетъ его отъ всякаго хищнаго животнаго только до тѣхъ поръ, пока она въ цѣлости“ (стр. 4).

Переходя отъ общихъ положеній къ частнымъ вопросамъ, авторъ подробно разбираетъ утвержденія „Славянскихъ Листовъ“, будто чешская азбука лучше всего передаетъ всѣ славянскіе звуки, и съ большимъ знаніемъ дѣла и остроуміемъ доказываетъ преимущество передъ нею кириллицы, которую совѣтуетъ принять всѣмъ славянамъ (стр. 11—59). Далѣе разсматриваются вопросы объ общеславянскомъ языкѣ (стр. 59—84), которому Адольфъ Ивановичъ въ 1888 г. посвятилъ особую статью, о министерствѣ бар. Баха (стр. 84—86), о чемъ подробнѣе въ „Программѣ для проведенія національной автономіи въ Австріи“ и, наконецъ, объ историческомъ значеніи Великоморавскаго государства (стр. 86—93), которое „Славянскіе Листы“ старались всячески умалить, забывая о безсмертныхъ заслугахъ Первоучителей и призвавшаго ихъ князя Ростислава.

Въ разобранной статьѣ Адольфъ Ивановичъ имѣлъ случай проявить свои обширныя познанія въ области славянской филологіи и исторіи, высказать свои—сходные съ воззрѣніями нашихъ славянофиловъ—взгляды на сущность и значеніе народности и показать на дѣлѣ, какъ близки могутъ и должны быть русскому человѣку интересы каждой изъ вѣтвей славянской липы.

Когда австрійское правительство перевело зятя А. И. Добрянскаго-Сачурова Ю. М. Геровскаго изъ Галичины (гдѣ онъ прослужилъ болѣе 20 лѣтъ!) въ самую отдаленную провинцію государства—въ Тироль, Адольфъ Ивановичъ, хотя и былъ опечаленъ такой несправедливостью, однако обрадовался близости своей дочери Алексіи Адольфовны и зятя Юліана Михайловича и, оставивъ свою одинокую жизнь въ Вѣнѣ, переселился въ 1887 году къ нимъ, въ гор. Иннсбрукъ. Здѣсь онъ, какъ и въ Вѣнѣ, продолжалъ свою правильную, трудовую жизнь: занимался гимнастикой и водолѣченіемъ, поднимался на высокія горы, много читалъ и писалъ; былъ любимцемъ и руководителемъ иннсбрукской славянской молодежи. Первые восемь лѣтъ (1887—1895) онъ жилъ въ семьѣ своей дочери, когда же Геровскіе переѣхали въ Черновцы, А. И. Добрянскій-Сачуровъ остался совершенно одинъ и къ тому же вдали отъ родного народа. Не могъ онъ переселиться ни въ свое имѣніе Чертежное, ни вообще въ Угрію, Галичину или Буко-

вину, ни даже въ Россію (по австрійскимъ законамъ, пенсія должна быть расходуема внутри государства; поэтому, переселившись въ Россію, Адольфъ Ивановичъ лишился бы своей скромной пенсіи, на которую жилъ); не могъ онъ поѣхать и въ Прагу, находившуюся на военномъ положеніи, или какой-либо другой славянскій городъ. Осенью 1900 г. въ Иннсбрукъ переѣхала изъ Чертежнаго жена Адольфа Ивановича—Элеонора Осиповна.

За время пребыванія въ Иннсбрукъ, А. И. Добрянскій-Сачуровъ напечаталъ слѣдующіе свои труды: „Взглядъ А. И. Добрянскаго на вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ“ (1888 г.), „По истинѣ“ („Zur Steuer der Wahrheit“, 1888), „Къ разъясненію защиты греко-славянской церкви со стороны апостольскаго римскаго престола“ („Zur Aufklärung des Schutzes der griechisch-slavischen Kirche seitens des Apostolischen römischen Stuhles“, 1888 г.), „Партиійная жизнь славянъ въ Чехіи“ („Das Parteiwesen der Slaven in Böhmen“, 1889 г.), „Римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ и греко-славяне“ (1892 г.), „Календарный вопросъ въ Россіи и на западѣ“ (1894 г.), „Плоды ученія гр. Л. Н. Толстого“ (1896 г.), „Куда мы дошли?“ (1898 г.), „Сужденіе православнаго галичанина о реформѣ русскаго церковнаго управленія, проектируемой русскими либералами нашего времени“ (1899 г.) и „Гдѣ выходъ?“ (1901 г.).

Въ концѣ 1880-хъ гг. зять Адольфа Ивановича проф. А. С. Будиловичъ*) былъ занятъ составленіемъ своего большого труда „Общеславянскій языкъ“ (увѣнчаннаго затѣмъ Петроградскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ Кирилло-Меѳодіевскою премією и изданнаго въ 1892 г. въ двухъ томахъ). Желая узнать мнѣніе по этому вопросу своего знаменитаго тестя, онъ обратился къ нему съ рядомъ вопросовъ, на которые А. И. Добрянскій-Сачуровъ отвѣтилъ обстоятельнымъ письмомъ, напечатаннымъ, съ согласія автора, въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ (1888 г., №№ 183, 184 и 188) и отдѣльнымъ оттискомъ (Варшава, 1888 г. стр. 24) подъ заглавіемъ: „Взглядъ А. И. Добрянскаго на вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ“.

Указавъ на то, что всѣ славяне, кромѣ поляковъ, признаютъ „необходимость духовнаго объединенія всѣхъ вѣтвей славянскаго народа, именно посредствомъ общеславянскаго языка, каковымъ по общему согласію долженъ быть языкъ русскій“ (стр. 1), авторъ доказываетъ необходимость очищенія послѣдняго отъ ненужныхъ нѣмецкихъ и романскихъ словъ, странно образованныхъ глаголовъ на „ировать“ („напр.,

*) А. С. Будиловичъ, передъ смертью былъ редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

телеграфировать вмѣсто телеграфовать“—стр. 3), и читаемыхъ на нѣмецкій ладъ греческихъ словъ (въ родѣ „библіотека“—βιβλιοθήκη; стр. 2—6). „А какъ легко русскимъ сдѣлать это!“—восклицаетъ Адольфъ Ивановичъ.—„Стоитъ лишь основать славянскую академію словесныхъ наукъ, которая въ виду предстоящаго объединенія въ языкѣ является необходимою уже для того, чтобы выработать примѣненіе азбуки ко всѣмъ нарѣчіямъ, издать общеславянскую энциклопедію и т. п. Эта академія уже при составленіи помянутой энциклопедіи могла бы поставить себѣ цѣлью очищеніе русскаго языка, а сверхъ того привела бы въ порядокъ и исторію славянъ, составляемую до сихъ поръ тоже по вкусу не-славянъ“ (стр. 6). „Да, очищеніе языка не представляетъ для русскихъ особеннаго затрудненія. Русскій языкъ самъ по себѣ богатъ словами и формами, старославянскій—тоже, а въ славянскихъ нарѣчіяхъ находится среди мало пригоднаго плеонастическаго матеріала многое, чѣмъ можно и должно воспользоваться“ (стр. 7). Послѣ такого очищенія общеславянскій языкъ могъ бы занять „мѣсто не-славянскихъ языковъ: во-первыхъ, въ устныхъ и письменныхъ сношеніяхъ славянъ между собою, а во-вторыхъ—въ высшей области наукъ“ и проникнуть „не только въ верхніе, но постепенно и въ низшіе слои всѣхъ вѣтвей славянскаго народа“ (стр. 8). Далѣе (стр. 7—22) Адольфъ Ивановичъ говоритъ о томъ, какихъ уступокъ (преимущественно въ школьной области) можно требовать отъ каждой изъ живущихъ въ разныхъ политическихъ условіяхъ частей славянскаго племени въ пользу общеславянскихъ церковнаго и гражданскаго (т.-е. церковно-славянскаго и русскаго) языковъ? Дѣло сводится къ изученію этихъ языковъ и преподаванію на нихъ нѣкоторыхъ предметовъ.

При этомъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ даетъ краткій обзоръ политическаго положенія славянъ. Касаясь польскаго вопроса, онъ говоритъ, что съ нимъ „пора покончить... тѣмъ или инымъ способомъ. Если бы поляки Русскаго Государства... искренно отказались отъ своихъ мечтаній и политическихъ заблужденій и были готовы занять подобающее положеніе среди славянъ, къ которымъ до сихъ поръ относились враждебно, то думаю, что имъ въ краяхъ, заселенныхъ болѣе или менѣе сплошною польскою стихіей, возможно было предоставить значительный просторъ въ употребленіи своего нарѣчія“ (стр. 10).

Кромѣ уступокъ въ пользу общеславянскаго языка въ школьной области, А. И. Добрянскій-Сачуровъ совѣтуетъ еще славянамъ: „а) не заниматься творчествомъ новыхъ словъ, а брать ихъ изъ общеславянскаго языка; б) замѣнить выраженія какъ нововыкованныя, такъ и

взятыхъ изъ другихъ сосѣднихъ нарѣчій, но не привитыхъ еще прочно народному множеству, выраженіями, употребляемыми въ русскомъ языкѣ; в) употреблять изъ находящихся въ мѣстныхъ говорахъ синонимовъ преимущественно тѣ, хотя бы менѣе обыкновенные, менѣе распространеныя, которые находятся и въ русскомъ языкѣ, г) разъяснять какъ значеніе русскаго и старославянскаго языковъ, значеніе для славянъ, и преимущества кириллицы, и стараться о введеніи ихъ въ жизнь по возможности. д) употреблять въ сношеніяхъ со славянами общеславянскій языкъ“ (стр. 23).

Статья А. И. Добрянскаго-Сачурова весьма интересна не только своими выводами и широкой постановкой затронутого вопроса, но также и тѣмъ, что будучи написана *по-русски*, *даетъ представленіе о языкѣ автора*.

Мееодіевскія торжества 1885 г. вызвали въ давно утратившихъ свою національную церковь словенцахъ и чехахъ неудержимое стремленіе во что бы то ни стало добиться на своей родинѣ возстановленія въ богослуженіи церковно-славянскаго языка и восточнаго обряда. Во главѣ этого движенія стоялъ проживавшій до середины 1887 г. въ столицѣ Австріи и пользовавшійся среди славянъ огромнымъ вліяніемъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ.

Однако противъ этого законнаго стремленія славянъ рѣшительно выступило высшее латинское духовенство, а архіепископъ Горицкій со всѣми четырьмя епископами своей митрополіи издалъ въ 1888 г. пастырское посланіе, обвинявшее поборниковъ славянскаго обряда въ желаніи повелѣвать церковью и вмѣшиваться въ дѣла епископовъ, въ предпочтеніи національныхъ интересовъ церковнымъ, въ невѣрности Австріи и ея монарху и запрещавшее ксендзамъ поддерживать столь опасное движеніе подъ страхомъ суровыхъ наказаній.

Отвѣтъ Адольфа Ивановича на это посланіе былъ сперва помѣщенъ въ „Парламентеръ“, а затѣмъ изданъ отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ: „*По истинѣ. Отвѣтъ на заподозриваніе славянскаго народа Горицкой митрополіи*“ („*Zur Steuer der Wahrheit. Eine Antwort auf die Verdächtigungen des Slavenvolkes der Görzer Metropole*“, Вѣна, 1888 г., стр. 56).

Указавъ на происходящую на территоріи Горицкой митрополіи вѣковую борьбу коренной славянской стихіи съ пришлою итальянскою

(стр. 3—10), Адольфъ Ивановичъ очень мѣтко доказываетъ полную несостоятельность всѣхъ пяти пунктовъ посланія (стр. 10—15), высказываетъ и обосновываетъ совершенно православный взглядъ на Церковь (13—23), а авторовъ пастырскаго посланія уличаетъ въ томъ, что они, съ одной стороны исключая изъ церкви мірянъ и даже низшее духовенство, а съ другой—отожествляя Церковь съ Богомъ, дѣлаютъ изъ епископовъ какихъ-то боговъ (стр. 47). Указавъ на то, что посланіе составлено въ интересахъ не католицизма, а итальянскаго націонализма, авторъ въ концѣ статьи (стр. 48—56) доказываетъ допустимость съ католической точки зрѣнія существованія національныхъ церквей со своими особыми обрядами и вредъ—даже опасность—латинизаціи для католической церкви.

Гораздо осторожнѣе поступили епископы Чехіи и Моравіи, предоставившіе незавидную роль защитниковъ латинства ищущимъ ихъ милости профессиональнымъ политикамъ и зависимымъ отъ нихъ журналистамъ. Противъ защищаемаго младочешскими „Народными Листами“ („*Národní Listy*“) движенія въ пользу возстановленія славянскаго обряда у чеховъ въ 1887 г. почти одновременно выступили старочешскій „Гласъ Народа“ („*Hlas Naroda*“) и клерикальный „Чехъ“ („*Čech*“), которымъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ и не замедлилъ дать отвѣтъ, напечатанный сперва въ „Парламентерѣ“, а затѣмъ вышедшій отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ: „*Kъ разъясненію защиты греко-славянской церкви со стороны апостольскаго римскаго престола*“ („*Zur Aufklärung des Schutzes der griechisch-slavischen Kirche seitens des Apostolischen römischen Stuhles*“, Вѣна, 1888 г., стр. 164).

Посвятивъ первыя страницы органу старочеховъ, которыхъ онъ обвиняетъ въ заискиваніи у поляковъ и мадяръ, Адольфъ Ивановичъ остальную часть брошюры посвящаетъ разбору и опроверженію положеній „Чеха“, доказывая, что самая идея Вселенской или Католической Церкви предполагаетъ существованіе церквей помѣстныхъ, національныхъ, ведущихъ свое начало со временъ апостольскихъ (стр. 8—21), главными же виновниками навязыванія германцамъ и славянамъ латинскаго—въ частности римскаго—національнаго обряда были не папы, а римско-нѣмецкіе императоры, на которыхъ падаетъ отвѣтственность и за раздѣленіе церквей (стр. 21—65); но кирилло-меѳодіевская церковь пустила въ чешскомъ народѣ глубокіе корни, почему для отгнѣсенія ея потребовались вѣковыя усилія королей и аристократіи, особенно не въ мѣру превозносимаго многими императора Карла IV (стр. 73—92). Далѣе авторъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что ученіе

Яна Гуса и Иеронима Пражскаго носить не протестантскій, а православный характеръ (стр. 97—103); указываетъ на то, что раздѣлу Австріи въ 1866 г. помѣшалъ не чешскій католицизмъ, а Россія (стр. 103—104), и что возстановленіе славянскаго обряда у чеховъ вовсе не невозможно (стр. 105—115); совѣтуетъ послѣднимъ не подражать антиславянской политикѣ поляковъ, ведущей ихъ къ гибели (стр. 115—122), возстановить славянскій обрядъ въ Чехіи и Моравіи: начать слѣдуетъ съ введенія его въ одной изъ церквей такихъ общинъ, гдѣ ихъ двѣ или нѣсколько, предоставленія священникамъ славянскаго обряда права избрать въ каждой епархіи изъ своей среды „архипресвитера“ и назначенія двухъ викарныхъ епископовъ славянскаго обряда (для Чехіи и для Моравіи),—къ этой организаціи могли бы затѣмъ по собственному желанію присоединяться общины съ одной церковью (стр. 123—119). Упомянувъ затѣмъ о томъ, что католическая пропаганда—вслѣдствіе принятой системы латинизаціи—имѣетъ весьма малый успѣхъ, особенно сравнительно съ миссіонерскою дѣятельностью русской церкви (стр. 130—135 и 146—159), которая создала величіе Россіи и всегда спасала ее въ трудныя времена (стр. 136—142),—Адольфъ Ивановичъ говоритъ, что единство Церкви должно выражаться только во всеобщемъ признаніи догматовъ (догматъ, по православному пониманію, котораго держался и А. И. Добрянскій-Сачуровъ, есть то, „во что всегда, всюду и все вѣрили“—стр. 157) и взаимной любви (стр. 157—159). Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ, что времена, когда церковь и государство могли навязывать народамъ чужой языкъ и обычаи, прошли (стр. 159—163), и что происходящее среди чеховъ движеніе въ пользу славянскаго обряда носить католическій характеръ, который можегъ однако смѣниться противокатолическимъ, если пастыри не станутъ во главѣ стада (стр. 163—164).

Для осуществленія политической программы А. И. Добрянскаго-Сачурова, т.-е. дарованія народамъ Австро-Угріи дѣйствительнаго равноправія и самоуправленія, особенно важно было содѣйствіе располагающимъ значительнымъ числомъ мѣсть въ рейхсратѣ чеховъ. А между тѣмъ безраздѣльно господствовавшая среди нихъ съ 1860-хъ годовъ старочешская партія заодно съ мадьярами и поляками добивалась еще большаго расширенія автономіи областей и приносила реальные интересы чеховъ и всего славянства въ жертву несбыточнымъ мечтамъ о воскрешеніи подъ скипетромъ Габсбурговъ былого чешскаго королевства (въ которомъ, встать сказать, оказалось бы около 3.000.000 нѣмцевъ). Безплодность дѣятельности старочеховъ и постоянныя заискиванія ихъ у мадьяръ, поляковъ и нѣмецкихъ консерваторовъ лишили

ихъ всякаго довѣрія въ народъ и создали благопріятную почву для выступления младочеховъ. Чтобы возстановить свое пошатнувшееся положеніе, старочехи устроили въ сентябрѣ 1888 г. партійный съездъ. Этому съезду и связаннымъ съ нимъ вопросамъ о желательной политической программѣ для чеховъ Адольфъ Ивановичъ посвятилъ брошюру „Партійная жизнь славянъ въ Чехіи“, („*Das Parteiwesen der Slaven in Böhmen*“, Люблина, 1889 г., стр., 99).

Послѣ краткаго введенія, въ которомъ указывается на пренебреженіе старочеховъ къ ближайшимъ родичамъ—словакамъ и даже моравамъ (стр. 3—5), авторъ разбираетъ рѣчи старочешскихъ вождей: Ригера (стр. 6—12 и 43—84), проф. Квичалы (стр. 12—19), проф. Брафа (стр. 19—25) и Тоннера (стр. 25—43). При этомъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ отмѣчаетъ отрицательныя черты старочешской партіи: высокомерное отношеніе къ избирателямъ, раболѣпіе передъ поляками и мадьярами, нерадѣніе о національныхъ интересахъ чехо-славянскаго племени и экономическихъ нуждахъ низшихъ классовъ населенія, особенно сельскихъ хозяевъ. Особенно интересны приведенные по поводу разбираемыхъ рѣчей краткіе очерки исторіи Польши (стр. 29—38), о паденіи которой сожалѣлъ „едва одинъ процентъ населенія бывшей польской Рѣчи Посполитой“ (стр. 37), а также независимыхъ нѣкогда отъ Угріи Семиградья (стр. 58—60) и Хорватіи (стр. 60—64) и, наконецъ, самой Угріи (стр. 64—80), хозяйничаньемъ въ которыхъ мадьяръ, неимѣющихъ на то никакого—даже „историческаго“—права, такъ восхищались старочехи.

Разбирая далѣе (стр. 84—95) резолюцію съезда, Адольфъ Ивановичъ совѣтуетъ чехамъ не увлекаться своими мнимыми историческими правами, а добиваться національнаго равноправія и самоуправленія, на которыхъ, вѣдь, настаивалъ и Палацкій до 1866 г., и которыя вовсе не исключаютъ и возстановленія въ будущемъ чешской государственности. Въ заключительной части брошюры (стр. 95—99) авторъ указываетъ на успѣхи младочеховъ и близкое паденіе старочеховъ, отмѣчаетъ нѣкоторые недостатки младочешской партіи и необходимость установленія общей программы для всѣхъ чешскихъ партій (не исключаяющей, конечно, ихъ особыхъ партійныхъ программъ). Изложеніемъ которой и кончается разбираемое сочиненіе. Отмѣтимъ при этомъ, что предсказанія А. И. Добрянскаго-Сачурова сбылись: на ближайшихъ выборахъ старочехи потерпѣли полное пораженіе, и ихъ мѣста въ парламентѣ заняли младочехи.

Несочувствіе правящаго меньшинства Австро-Угріи къ политическому проекту Адольфа Ивановича, который, по его мнѣнію, одинъ могъ спасти габсбургскую монархію и, вообще крайняя бессмысленность съ австрійской точки зрѣнія господствующей въ обѣихъ половинахъ имперіи правительственной системы управленія, убѣдили богатаго опытомъ А. И. Добрянскаго-Сачурова въ томъ, что судьбы средне-дунайскихъ народовъ рѣшаются не ими самими и не ихъ законнымъ государемъ, а могущественнымъ главою возстановленной римско-нѣмецкой имперіи; что, слѣдовательно, судьба греко-славянскаго міра вообще, и австро-угорскихъ славянъ и румынъ въ частности, зависитъ не столько отъ внутренней политики габсбургской монархіи, сколько отъ международныхъ отношеній. Чтобы раскрыть глаза Россіи и всему славянству на важность переживаемаго момента, А. И. Добрянскій-Сачуровъ посвятилъ этому вопросу статью „*Римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ и греко-славяне*“, напечатанную за подписью Сръмецъ въ „Славянскомъ Обозрѣніи“ (Петроградъ, 1892 г.).

Указавъ на ту зависимость отъ Гогенцоллерновъ, въ какую уже попали Австро-Угрія и Италія, а скоро могутъ попасть и всѣ небольшія средне-европейскія и балканскія государства, авторъ разсматриваетъ хорошія и дурныя стороны и внутренній строй нарождающейся огромной римско-нѣмецкой имперіи, при чемъ высказываетъ свое отрицательное отношеніе къ существованію малыхъ „мнимо-самостоятельныхъ“ государствъ въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, міровой торговли и огромныхъ армій. Далѣе Адольфъ Ивановичъ указываетъ на необходимость образованія балканской федераціи и на несправедливое отношеніе Австро-Угріи къ населяющимъ ее румынамъ и славянамъ (кромѣ, конечно, поляковъ, которыхъ вмѣстѣ съ мадьярами авторъ часто называетъ „будущими нѣмцами“) и разсматриваетъ порознь современное положеніе и настроеніе австро-угорскихъ хорватовъ, сербовъ, словенцевъ, чехо-славянъ, русскихъ, румынъ и, наконецъ, несочувствующихъ своимъ верхнимъ слоямъ польскихъ и мадьярскихъ народныхъ массъ. При этомъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ высказываетъ свои религіозныя, національныя и политическія убѣжденія: сочувствіе православію, греко-славянскому (со включеніемъ румынъ, мадьяръ и др.) единству и автономіи народностей и отрицательное отношеніе къ католицизму и уніи, всякимъ мелкимъ національнымъ сепаратизмамъ и автономіи областей. Въ заключеніе авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ.

„Задуманная въ Берлинѣ римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ уже далеко подвинулась въ своемъ образованіи. Воля стоящаго

во главѣ тройной лиги германскаго императора имѣть рѣшающее значеніе не только въ могущественной Германіи, но также въ Австро-Угріи и Италіи...

„...Сосѣднія мелкія государства не въ состояніи будутъ долго удержаться...

„Такимъ образомъ, втихомолку и безъ кровопролитія можетъ постепенно совершиться въ близкомъ будущемъ образованіе могущественной римско-нѣмецкой имперіи, въ которую войдутъ всѣ германцы европейскаго материка, затѣмъ итальянцы, румыны, греки, турки, албанцы, всѣ западные и южные славяне, а также осколки славянъ восточныхъ, французовъ и финновъ. Единственнымъ условіемъ благополучнаго для нѣмцевъ исхода этого процесса является сохраненіе европейскаго мира...

„Вопросъ лишь въ томъ, согласятся ли Россія и Франція представить Гогенцоллернамъ безмятежный миръ на все время совершенія и завершения этого грандіознаго политическаго процесса? Хотя мы и не посвящены въ тайны кабинетовъ петербургскаго и парижскаго, однако считаемъ себя вправѣ дать на этотъ вопросъ отвѣтъ отрицательный. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предположить, что они будутъ безучастными зрителями того, такъ слабая еще нынѣ сплоченность римско-нѣмецкой имперіи постепенно будетъ возрастать, по мѣрѣ подавленія самостоятельности и мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, и большинства населеній Австро-Угріи и Италіи, угрожая залить потокомъ тевтонизма множество то единовѣрныхъ, то единокровныхъ съ Франціей и Россіей народовъ срединной Европы!..

„Кромѣ того, могутъ ли Россія и Франція равнодушно смотрѣть на утвержденіе въ Европѣ диктатуры Гогенцоллерновъ? . . . Вѣдь и донинѣ много уже вреда причинили Гогенцоллерны французамъ какъ враги, а русскимъ какъ друзья. Соединенными силами должны теперь Россія и Франція позаботиться о томъ, чтобы спасти отъ ига тевтонизма не-нѣмецкіе народы Австро-Угріи и Италіи, ожививъ въ нихъ инстинкты самохраненія и надежды на свободную народную будущность. А такъ какъ въ пользу Гогенцоллерновъ работаютъ сверхъ нѣмцевъ еще поляки и мадьяры, какъ нѣмцы будущаго, то политика Россіи и Франціи должна быть одновременно обращена на обузданіе этихъ, до нельзя раздутыхъ нынѣ народностей. Это немедленно привело бы къ распаденію сложившагося зерна римско-нѣмецкой имперіи

и постепенно ободрило бы подавленные нынѣ Пруссіею мелкія нѣмецкія государства, которыя подъ главенствомъ Австріи могли бы образовывать, — конечно, въ этнографическихъ границахъ нѣмецкаго племени, — независимый отъ Пруссіи союзъ южно-германскихъ государствъ. Тогда открылась бы не только для греко-славянской и романской, но и для германской Европы возможность свободного народнаго развитія, не сдерживаемаго, какъ нынѣ, безконечными вооруженіями и ненасытнымъ властолюбіемъ прусскаго тевтонизма“.

Галицкіе и угорскіе латинизаторы въ своемъ стремленіи навязать русскимъ униатамъ обрядъ западной церкви съ особенною ненавистью смотрѣли — и доннынѣ смотрятъ — на старый юліанскій календарь, который имъ давно бы хотѣлось замѣнить новымъ, григоріанскимъ. Но всѣ ихъ усилія до сихъ поръ остаются тщетными. Понимая великую важность освященнаго церковнымъ преданіемъ и связывающаго всѣ христіанскіе народы Востока календаря, А. И. Добрянскій-Сачуровъ не могъ равнодушно слушать смущавшіе мало знакомое съ календарнымъ вопросомъ русское общество толки о замѣнѣ юліанскаго календаря григоріанскимъ и выступилъ съ обстоятельною и глубоко продуманною книгою „Календарный вопросъ въ Россіи и на Западѣ“ (за подписью С р ѣ м ца. Петроградъ, 1894 г., стр. 105).

Послѣ краткаго введенія (стр. 1—4) съ указаніемъ на тягостное впечатлѣніе, произведенное въ православномъ и даже униатскомъ мірѣ статьею Покровскаго („Простѣйшій способъ введенія у насъ новаго сгиля“ „Славянскія Извѣстія“, 1891 г., №№ 16—17), Адольфъ Ивановичъ разсматриваетъ сперва исторію календарнаго вопроса на Западѣ (стр. 4—43), причемъ особенно подчеркиваются признанная всѣми авторитетными учеными ложность самой основы григоріанскаго календаря (Прутенскихъ таблицъ и 300.000-лѣтняго цикла епактъ Дилію) и вызванныя насильственнымъ введеніемъ его кровавыя смуты, немало способствовавшія разложенію римско-католической церкви и римско-нѣмецкой имперіи. Опровергая затѣмъ шагъ за шагомъ всѣ „мнѣнія и заключенія“ Покровскаго (стр. 43—64), авторъ не только уличаетъ его въ полномъ незнакомствѣ съ вопросомъ, но по поводу нѣкоторыхъ его утвержденій на основаніи исторіи доказываетъ самостоятельность и силу православной церкви (стр. 65—69) и крайній упадокъ церкви римской (стр. 69—72), которая отъ папскаго ига „можетъ избавиться только путемъ возвращенія къ здоровымъ традиціоннымъ основаніямъ церкви Христовой, т.-е. посредствомъ воссоединенія съ православною церковью“ (стр. 71). Съ послѣднею воссоединятся,

по мнѣнію автора, всего скорѣе католическіе славяне, англиканцы и французы. Въ концѣ книги (стр. 95—105) А. И. Добрянскій-Сачуровъ высказываетъ свой „взглядъ на реформу календаря“, который сводится къ слѣдующему: „немедленное исправленіе юліанскаго календаря признается, на приведенныхъ основаніяхъ. ненужнымъ и притомъ опаснымъ въ виду настроенія народовъ, крѣпко за него держащихся. Но возможность исправленія считается допустимою и до истеченія слѣдующихъ двухъ тысячелѣтій, когда оно окажется необходимымъ“ (стр. 95); лучше всего подождать, пока „въ слѣдующія столѣтія“ астрономы опредѣлятъ „великій солнечный годъ“ и путь луны; но вселенскій соборъ (безъ котораго нельзя измѣнять утвержденнаго первымъ вселенскимъ соборомъ календаря) можетъ и раньше внести поправки въ юліанскій календарь, который, „въ отношеніи простоты, легкости и практичности, до сихъ поръ остался еще не превзойденнымъ“ (стр. 96); однако Церковь даже въ случаѣ исправленія должна „удержать ради своего авторитета старый календарь“ (стр. 97) съ тою только разницею, что каждый 128 годъ считался бы простымъ: выкидывать же 12 дней ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, а лучше, по примѣру I собора (перенесшаго равноденствіе съ 25 на 21 марта), перенести равноденствіе на 9 марта; всего лучше было бы вставить 8 дней, чтобы равноденствіе пришлось на 1 марта, которое можно бы сдѣлать (какъ было въ старину) началомъ года; а годы слѣдовало бы считать не только по невѣрному счету отъ Рождества Христова, но и отъ сотворенія міра: небольшую поправку предлагаетъ Адольфъ Ивановичъ и въ исчисленіи луннаго года; но главное, во избѣжаніе бывшихъ на Западѣ печальныхъ послѣдствій поспѣшной реформы календаря, нужно быть очень осторожнымъ, ибо „ничто не понуждаетъ православную церковь немедленно предпринять измѣненія въ календарѣ“ (стр. 104).

Въ 1896 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ помѣстилъ въ „Галичанинѣ“ статью „*Плоды ученія гр. Л. Н. Толстою*“, переизданную затѣмъ Святѣйшимъ Синодомъ въ двухъ книжкахъ (Петроградъ, 1896, стр. 77+48). Въ этомъ сочиненіи Адольфъ Ивановичъ разбираетъ религіозно-философскія воззрѣнія яснополянскаго писателя и моралиста и національно-политическія ихъ послѣдствія. Не касаясь религіозно-философской стороны вопроса, замѣтимъ, что отрицательное отношеніе Адольфа Ивановича ко взглядамъ Л. Н. Толстого усугублялось опасеніемъ, что проповѣдь „непротивленія злу“ можетъ вызвать въ порабощенныхъ западныхъ и южныхъ славянахъ упадокъ энергіи и безусловную покорность судьбѣ. Главная мысль сочиненія та, что славянамъ необходимо стремиться къ лучшему будущему, анархическія же теоріи

Л. Н. Толстого опровергають необходимость объединенія отдѣльных славянскихъ народностей для достиженія своего идеала.

„Нѣмцы и другіе западники,—говоритъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ,—восхищаются, комментируютъ и превозносятъ гр. Л. Н. Толстого по извѣстнымъ причинамъ, но и тѣмъ у нихъ все кончается... Зато ученіе Толстого съ разрушительной силой распространяется среди славянъ, въ первомъ же ряду среди словаковъ. Этотъ бѣдный народъ, страдающій столь много отъ мадьяръ и находящійся сегодня въ отчаянномъ положеніи, нуждается въ сильныхъ и мужественныхъ ратникахъ за народное дѣло, чтобы сохранить свой элементъ отъ гибели. Но ряды борцовъ между молодымъ поколѣніемъ уменьшаются и можетъ скорѣй придти къ тому, что славно начатое дѣло Коллара, Штура и Гурбана для возвышенія словацкаго народа не найдетъ себѣ достойныхъ послѣдователей и защитниковъ“. (Кн. I, стр. 7).

Вообще отмѣтимъ, что среди зарубежныхъ славянъ было распространено мнѣніе, что Л. Н. Толстой является противникомъ славянской идеи. Къ тому же и самъ писатель никогда не высказывалъ своихъ симпатій специально къ славянскому дѣлу. Когда, послѣ введенія въ Россіи народнаго представительства, въ русскомъ обществѣ ожилъ интересъ къ славянскому вопросу, московское общество „Славія“ отправило Л. Н. Толстому письмо слѣдующаго содержанія:

Москва, 23 іюня/6 Іюля 1909 г.

Дорогой Учитель

Левъ Николаевичъ!

Всеславянское общество „Славія“ чествовало память дня сожженія великаго чешскаго реформатора Яна Гуса. Былъ разведенъ костеръ, около котораго представители славянскихъ народностей говорили рѣчи. Тутъ же вспомнили другаго великаго славянина-реформатора, Льва Николаевича Толстого, и было рѣшено отправить, въ знакъ глубокаго уваженія ко всей жизни и дѣятельности великаго писателя Земли Русской, картину съ изображеніемъ сожженія Яна Гуса.

Всеславянское общество „Славія“ въ Москвѣ, ставящее своей задачей распространеніе среди славянства идей свободы, равенства и братства съ особенной гордостью сознаетъ, что въ нашъ вѣкъ національнаго шовинизма и религіозной нетерпимости живетъ и работаетъ геніальный мыслитель и художникъ слова, который неустанно провоз-

глашаетъ идеи національной солидарности (основанной на общечеловѣческихъ началахъ) и принципъ единого христіанства. Эти идеи особенно должны быть дороги славянству, которое погибало отъ того, что подчеркивало не то, что объединяетъ духовно людей, а, наоборотъ, то, что ихъ разъединяетъ. Раньше всегда говорили: „я православный“, „я католикъ“, „я протестантъ“, а также: „я русскій“, „я чехъ“, „я полякъ“, „я болгаринъ“, „я сербо-хорватъ“ и т. д.

Общество же „Славія“ говоритъ: „я христіанинъ“, „я славянинъ“, „всѣ люди должны быть братьями не только по крови, но и по духу“.

Или какъ прекрасно выразился чешскій поэтъ Янъ Колларъ:

„И пусть на зовъ твой „славянинъ“,
отвѣтитъ эхо „человѣкъ“.

Общество надѣется, что Вы осчастливите его принятіемъ его скромнаго дара.

Предсѣдатель: Чехъ С. Кѳничекъ.

Секретарь: Русскій Ө. Аристовъ.

На это письмо былъ полученъ отъ Л. Н. Толстого слѣдующій знаменательный отвѣтъ:

Ясная Поляна, 8 Іюля 1909 г.

Дорогіе братья.

Письмо ваше глубоко тронуло меня. Всей душой желалъ бы быть хоть въ самой малой долѣ тѣмъ, чѣмъ вы меня признаете.

Не могу не вѣрить въ исключительное значеніе славянства для объединенія не только христіанъ, но и всѣхъ людей, какъ прекрасно выражена эта мысль у Коллара. Благодарю за подарокъ.

Левъ Толстой.

Въ 1910 году Л. Н. Толстой имѣлъ новый случай высказаться по славянскому вопросу: подготовительный комитетъ по устройству славянскаго съѣзда въ Софіи послалъ ему приглашеніе. На это приглашеніе великій писатель Земли Русской отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ, высказавъ сожалѣніе, что по нездоровью и преклонному возрасту не можетъ лично принять участія въ работахъ съѣзда, въ

заключеніе писалъ: „моя вѣра въ то, что та основа всеобщаго религіознаго единенія, которая одна можетъ, все болѣе и болѣе соединяя людей, вести ихъ къ свойственному имъ благу, что эта основа будетъ принята прежде всѣхъ другихъ народовъ христіанскаго міра народами именно славянскаго племени“.

Изъ приведенныхъ писемъ ясно видно, какъ сочувственно относился къ славянскому дѣлу Л. Н. Толстой, который является не только великимъ писателемъ Земли Русской, но и гениальнымъ сыномъ славянства, вѣрящимъ въ его „исключительное значеніе“.

Мрачныя предположенія А. И. Добрянскаго-Сачурова такимъ образомъ сами собой отпадаютъ, но они характерны тѣмъ, что выражали взгляды не одного Адольфа Ивановича, а многихъ просвѣщенныхъ зарубужныхъ славянъ, не раздѣлявшихъ философскихъ взглядовъ Л. Н. Толстого, но всегда преклонявшихся передъ нимъ, какъ величайшимъ художникомъ слова.

Въ 1898 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ напечаталъ въ „Галичанинѣ“ свое сочиненіе „Куда мы дошли? Разсужденіе стараго австрійскаго патріота о нынѣшнемъ положеніи въ Австріи“, которое затѣмъ появилось въ видѣ отдѣльнаго оттиска (Львовъ, 1898 г., стр. 95). Въ этомъ сочиненіи авторъ задается вопросомъ: къ чему привела Австрію современная конституція, и много ли потеряло бы австро-угорское государство, если бы конституція была отменена. Доказывая основную мысль своей статьи,—что конституція не принесла никакой пользы,—Адольфъ Ивановичъ подробно разбираетъ тяжелое положеніе покоренныхъ народовъ Англіи, которая хотя и является родоначальницей конституціонной свободы, но въ то же время никогда не гнушалась угнетать побѣжденных національностей и тѣмъ самымъ сдѣлала въ ихъ представленіи конституціонную свободу горькой ироніей.

„Пресловутая сія конституція,—говоритъ Адольфъ Ивановичъ,—позволяла Вел. Британіи, безъ формальнаго нарушенія законовъ, посредствомъ искусственной маіоризаціи въ законодательныхъ собраніяхъ, препятствовать развитію побѣжденного населенія британскихъ острововъ, безпощадно эксплуатовать и даже истреблять побѣжденное населеніе, чтобы гордымъ представителямъ побѣдителей жило пышно и роскошно. Но сей успѣхъ, не прекратившій, а раздувшій самолюбіе представителей англо-сакскаго племени, сдѣлался для Великой Британіи роковымъ, ибо поощрялъ ее воспользоваться рано достигнутымъ

преобладаніемъ по морямъ къ непрерывнымъ захватамъ и къ беспощадной эксплуатаціи всего захваченнаго, постепенно даже всего міра настолько, что еще и Китайская имперія была войной принуждена допустить въ свои области ввозъ опиума, отравляющаго ся население“ (стр. 21—22).

Далѣе авторъ говоритъ о другихъ государствахъ, пользующихся конституціей по образцу англійской, и поэтому, по его мнѣнію, терпящихъ разнаго рода невзгоды, начиная отъ неудачныхъ войнъ и кончая хищеніями чиновниковъ. Переходя къ Австро-Угріи, А. И. Добрянскій-Сачуровъ съ грустью замѣчаетъ: „Немудрено, если и въ нашей Австро-Угорской монархіи чувствуются горькіе плоды введенной 30 лѣтъ тому назадъ англійской конституціи тѣмъ болѣе, что составныя ея части соединены, не какъ въ другихъ государствахъ племеннымъ сродствомъ или общею всеѣмъ исторіей, а исключительно царствующею габсбургско-логарингскою династіей, представитель которой, императоръ, лишень конституціею непосредственнаго вліянія на ея судьбы“ (стр. 30—31). Подробно разбирая тяжелое положеніе каждаго народа австро-угорской монархіи, доказывая бесполезность требованія признанія за отдѣльными областями „историческихъ правъ“ и защищая автономію народностей въ этнографическихъ границахъ,—А. И. Добрянскій-Сачуровъ, наконецъ, ставитъ ребромъ вопросъ: что нужно сдѣлать для спасенія Австріи отъ неминуемаго распада? Для этого, по мнѣнію автора, необходимо произвести государственный переворотъ съ цѣлью отмѣны конституціи и восстановленія абсолютизма, тѣмъ болѣе, что въ австро-угорской монархіи уже были такіе перевороты.

„Не только въ 1848 году,—говоритъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ,—въ котóромъ прекратилась юрисдикція и другія преимущества дворянства, былъ государственный переворотъ, но онъ былъ также послѣ 1867 года, такъ какъ введеніе дуализма и англійской конституціи, раздувшей ожесточенную борьбу всеѣхъ со всеѣми до чудовищныхъ размѣровъ, были также государственнымъ переворотомъ. Неужели намъ, испытавшимъ уже до сыта, до отвала пагубныя послѣдствія сей конституціи, не радоваться ея устраненію и не способствовать ему? Неужели намъ ждать безцѣльно до поры, когда гнетъ парламентарнаго правленія принудитъ болѣе терпѣливую часть деморализованнаго населенія къ выселенію за океанъ; а менѣе терпѣливую—къ бунтамъ, какъ это случилось уже среди широкихъ мазурскихъ и мадьярскихъ массъ? Неужели ждать до поры, когда въ концѣ-концовъ наша монархія распадется на составныя части?“ (стр. 84—85).

Авторъ тѣмъ болѣе защищаетъ необходимость возстановленія абсолютизма, что Галицкой Руси жилось до введенія конституціи привольнѣе, такъ какъ тогда русское населеніе получало права непосредственно отъ императора, а съ 1867 года было отдано на произволь парламентскаго большинства въ Вѣнѣ и польскаго сейма во Львовѣ. Въ своемъ сочиненіи Адольфъ Ивановичъ далъ дѣльную критику темныхъ сторонъ австрійской государственной жизни и указалъ на выходъ изъ этого положенія. Какъ лойяльный австрійскій гражданинъ, авторъ взглянулъ на вопросъ съ чисто консервативной точки зрѣнія и пришелъ къ выводу о необходимости возстановленія абсолютной власти императора.

А. И. Добрянскій-Сачуровъ, будучи глубоко вѣрующимъ православленнымъ христіаниномъ, не могъ равнодушно относиться къ нападкамъ на православную церковь и ея главную опору—Россію. Защитѣ православія были уже посвящены его сочиненія: „Календарный вопросъ“ и „Плоды ученія гр. Л. Н. Толстого“.

Стоя за участіе въ дѣлахъ Церкви, также и мірянъ, А. И. Добрянскій-Сачуровъ не находитъ ничего противнаго канонамъ въ существованіи должности оберъ-прокурора (стр. 12). Отвѣчая же на раздающіяся въ печати обвиненія русскаго духовенства, Адольфъ Ивановичъ указываетъ на усиленіе у насъ католической и протестантской пропаганды, доказательствомъ чего можетъ служить западное происхожденіе штунды и нѣкоторыхъ другихъ распространяющихся въ Россіи сектъ, и особенно подчеркиваетъ возможность распространенія въ Россіи того безразличнаго отношенія къ религіи, которое давно уже извѣстно въ Западной Европѣ подъ названіемъ „безконфиссійности“ или внѣвѣроисповѣдности.

Въ 1901 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ (за подписью Андинъ напечаталъ по-нѣмецки и по-русски въ журналѣ „Славянскій Вѣкъ“ (Вѣна, 1901 г., №№ 14 и 15) свою статью „Гдѣ выходъ“? („Wo hinaus“?); она является, послѣднимъ, появившимся при жизни автора, сочиненіемъ и кратко излагаетъ тѣ взгляды Адольфа Ивановича на національный вопросъ, которые онъ такъ подробно развилъ и обосновалъ въ цѣломъ рядѣ предыдущихъ литературныхъ трудовъ.

По своему содержанію статья распадается на двѣ части: въ первой изъ нихъ („Славянскій Вѣкъ“, № 14) авторъ доказываетъ необходимость замѣны автономіи историческихъ областей автономіей народностей, а во второй (№ 16, того же журнала)—перечисляетъ недостатки австрійской конституціи и предлагаетъ мѣры къ ихъ устраненію.

Въ первой части статьи А. И. Добрянскій-Сачуровъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что „всѣ австрійскія народности добиваются обезпеченія и развитія не только ихъ языковъ, но также ихъ національности вообще. Онѣ, слѣдовательно, добиваются возможности имѣть безпрепятственное вліяніе на свои духовныя и матеріальныя интересы, коротко, на всѣ тѣ предметы, которые, при явномъ нарушеніи ихъ правъ, подлежатъ компетенціи смѣшанныхъ въ настоящее время сеймовъ.

„И это понятное стремленіе народностей,—говоритъ авторъ, вполне обосновано въ австрійскомъ основномъ государственномъ законѣ, ибо XIX его статья гарантируетъ каждой (само собою понятно, живущей сплошными массами и насчитывающей милліоны) народности ненарушимое право на сохраненіе и на развитіе своей національности и своего языка. Этотъ важный основной государственный законъ, дословно перешедшій въ австрійскую конституцію изъ хорошо обдуманной отмѣнными государственнымъ мужами, такъ называемой, Кремерижской конституціи,—былъ бы способенъ не только удовлетворить всѣ народности, но также держать въ сторонѣ отъ рейхсрата опасныя національныя распри. Австрія, такимъ образомъ, могла бы согласно ея историческому призванію, посвятить себя заботамъ о благоденствіи своихъ какъ малыхъ, такъ и частей большихъ народовъ и безпрепятственно развивать свое могущество, тѣмъ болѣе, что она была свободна отъ заботъ передъ общими революціями, имѣющими обыкновенно мѣсто лишь въ національно-однородныхъ государствахъ“.

„На дѣлѣ, однако, вышло, къ сожалѣнію, совсѣмъ другое. И это потому, что упомянутый важный основной государственный законъ, который принципиально предоставляетъ всѣмъ безъ изъятія народностямъ важныя права, признавая ихъ, такимъ образомъ, юридическими лицами,—молчитъ относительно автономныхъ органовъ, которые, въ качествѣ представителей народностей, были бы призваны осуществлять ихъ права. Предполагалось, очевидно, изданіе дополнительнаго къ нему примѣнительнаго закона, который, благодаря стремленію къ исключительному положенію на историческомъ основаніи со стороны властвующихъ въ нѣкоторыхъ національно-смѣшанныхъ сеймахъ элементовъ, не былъ до сихъ поръ осуществленъ. Недостатокъ примѣнительнаго только закона былъ причиною тому, что важный основной государственный законъ остался мертвою буквою. Этому же обстоятельству слѣдуетъ приписать, что высиженныя и тщательно взлелѣянныя въ національно-смѣшанныхъ

сеймахъ злополучныя національныя распри обострились до такой степени, что дѣлають невозможною плодотворную дѣятельность даже рейхсрата, что угрожаетъ серіозною опасностію и безъ того уже пошатнутому дуализмомъ могуществу австро-венгерской монархіи“.

„Я поэтому и теперь еще считаю осуществленіе и безъ того принципиально гарантированной основнымъ государственнымъ закономъ національной автономіи *единственнымъ непогрѣшимымъ средствомъ*, которое можетъ привести къ основательному оздоровленію запутаннаго положенія вещей во всѣхъ отношеніяхъ и которое, въ виду нынѣшняго положенія дѣлъ, могло бы быть приложено путемъ императорскаго рескрипта“.

Далѣе Адольфъ Ивановичъ говоритъ: замѣна противоестественной автономіи, такъ называемыхъ историческихъ странъ, въ которыхъ взаимно отгалкивающіеся элементы насильно принуждаются къ совмѣстнымъ совѣщаніямъ въ общихъ сеймахъ—естественною автономіею національностей, составляющею, какъ это непреложно доказываетъ группировка его представителей въ палатѣ депутатовъ рейхсрата, общее желаніе населенія,—сдѣлала бы возможнымъ вполне разрѣшить историческую задачу Австріи, заключающуюся въ одинакомъ культивированіи всѣхъ народностей“.

Во второй части своей статьи Адольфъ Ивановичъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ недостатки австрійской конституціи: „Австро-венгерскія автономныя учрежденія состоятъ вообще изъ слишкомъ большого числа членовъ. Это съ одной стороны затрудняетъ, а подчасъ дѣлаеть совершенно невозможнымъ управленіе, а съ другой мѣшаетъ,—благодаря желанію многихъ *блистать своимъ ораторскимъ талантомъ* безъ нужды,—совѣщаніямъ и воспитываетъ для общества *профессіональных парламентарцевъ* и прочихъ карьеристовъ. Кромѣ того, оно поощряетъ къ шатанію всего существующаго и сильно обременяетъ налогоплательщиковъ. Особенное зло представляютъ собою далѣе вѣчные выборы, не дающіе населенію успокоиться, отрывающіе его часто на цѣлыя недѣли отъ обычныхъ занятій, приводящіе притомъ къ пьянству, подкупамъ, запугиваніямъ, словомъ,—деморализующіе всячески населеніе и воспитывающіе, для полнаго торжества распространяемой безнравственности, опасныхъ для общества *выборныхъ агентовъ*“.

Таково содержаніе, небольшой, но интересной своими выводами, статьи „Гдѣ выходъ“?

Съ осени 1900 года Адольфъ Ивановичъ сталъ замѣчать большой упадокъ силъ и послѣ продолжавшейся около полугода болѣзни тихо скончался утромъ 6/19 марта 1901 года.

9/22 марта тѣло Адольфа Ивановича было отправлено для погребенія въ Чертежное; на вокзалъ бранные останки угро-русскаго вождя провожали, кромѣ его вдовы, также славянскіе студенты Иннсбрукскаго университета.

12/25 марта, въ часъ пополудни, тѣло прибыло на ближайшую къ Чертежному желѣзно-дорожную станцію—Межилаборцы, гдѣ было встрѣчено духовенствомъ и народомъ. Гробъ поставили на запряженную четырьмя лошадьми крестьянскую повозку, и за нимъ до самаго Чертежнаго (около 7 верстъ) шла толпа окрестнаго угро-русскаго населенія, а также прїѣзжіе: изъ Галицкой Руси—прис. повѣр. Вл. Ө. Дудыкевичъ (гор. Коломыя), и изъ Буковиню (гор. Черновцы) студенты И. Ю. Цуркановичъ и болгаринъ Цанковъ. Населеніе сель, черезъ которыя слѣдовало печальное шествіе, встрѣчало великаго покойника колокольнымъ звономъ и крестнымъ ходомъ. Особенно торжественно гробъ встрѣтили жители Чертежнаго, которые трижды преклонили кресты и хоругви передъ прахомъ своего покровителя и вождя.

По прибытіи въ Чертежное, гробъ Адольфа Ивановича былъ поставленъ въ убранномъ въ глубокой трауръ залѣ его дома, гдѣ крестьяне всю ночь читали молитвы. Ночью прибыли съ вѣнками представители русскихъ обществъ Галичины.

На другой день (13 (26) марта) 12 русскихъ священниковъ изъ Угрии и Галичины совершили обрядъ отпѣванія. Межилаборскій священникъ о. Вл. Ройковичъ въ своемъ словѣ указалъ на огромныя заслуги покойнаго и на его вѣрность восточному обряду, который онъ защищалъ отъ всякихъ посягательствъ.

Затѣмъ шествіе двинулось на кладбище, гдѣ первымъ говорилъ присяжный повѣренный Вл. Ө. Дудыкевичъ.—„Надъ твоей могилой, великій покойникъ“,—сказалъ онъ,—„мы клянемся, что всегда останемся вѣрными твоимъ завѣтамъ и пойдемъ по пути, который ты намъ указалъ“. Далѣе говорили студенты И. Ю. Цуркановичъ—отъ имени карпато-русской молодежи и болгаринъ Цанковъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ надъ могилою А. И. Добрянскаго-Сачурова была положена бѣлая мраморная плита съ вырѣзаннымъ на ней осмиконечнымъ крестомъ и соответствующей надписью.

Ө. Ө. Аристовъ.

П О П Р А В К И

Въ Январскомъ выпускѣ Русскаго Архива на обложкѣ напечатано (12-ая стр. сверху):

Предисловіе Барона Будберга (посланника въ Парижѣ);

надо читать:

Предисловіе Барона Будберга (посла въ Парижѣ).

Въ томъ же выпускѣ на стр. 126 напечатано (8-ая стр. снизу):

... г-ну Убриль...

надо читать:

... г-ну Убри...

Въ Мартовскомъ выпускѣ на стр. 361 напечатано (стр. 13 сверху) ... въ Изербетѣ...

надо читать:

... въ Цербстѣ...

Юбилейный сборникъ въ память Отечественной войны 1812 года. 1812—1912 г. Съ приложеніемъ 38 рисунковъ и 5 плановъ и картъ. Изданіе Калужскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества. Подъ редакцію **И. О. Цвѣткова.** Калуга, 1912. Два выпуска.

Молодое Калужское Церковное Историко-Археологическое Общество приняло участіе въ торжественномъ празднованіи юбилея Отечественной войны изданіемъ большого сборника, интересно составленнаго и прекрасно напечатаннаго. Само собою разумѣется, всѣ его статьи посвящены событіямъ Отечественной войны, разыгравшимся въ предѣлахъ Калужской губерній, и ихъ разнообразнымъ послѣдствіямъ. Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ этихъ статей: „Отечественная война въ предѣлахъ Калужской губерній“, „О значеніи города Калуги и Калужской губерній въ исторіи Отечественной войны“. „Памятники Отечественной войны въ г. Малоярославцѣ“, „Дѣло подъ Медынью и Медыньскій памятникъ“, „Генералъ-маіоръ Воинъ Ивановичъ Бушентъ“, „Матеріалы для исторіи войны 1812 г., извлеченные изъ архива Калужской Духовной Консисторіи“. Большая часть статей принадлежитъ редактору. **С.**

Карлъ Карловичъ Герцъ (1820—1883). Біографическій очеркъ, съ портретомъ и двумя приложеніями. Составилъ **А. Маленинъ.** Изданіе Имп. Академіи Наукъ на средства капитала имени профессора К. К. Герца. Спб. 1912. Ц. 1 р. 60 к.

Имя московскаго профессора, историка искусства и сотрудника „Московскихъ Вѣдомостей“ К. К. Герца хорошо извѣстно многимъ, не только старикамъ, но и людямъ средняго возраста. Покойный, хотя былъ по происхожденію нѣмецъ,—отличался большою живостью и подвижностью и оставилъ по себѣ въ Москвѣ большой слѣдъ. Г. Маленинъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ біографовъ, которые являются или друзьями, или врагами своего героя. Онъ идетъ по среднему пути и старается быть безпристрастнымъ повѣствователемъ. Онъ не защищаетъ К. К. Герца, какъ ученаго и профессора, и считаетъ, повидимому, справедливымъ даже то изгнаніе ше-

стидесятилѣтняго старика со службы въ университетѣ, которому подвергся въ концѣ жизни Герцъ. Но онъ все же отдаетъ должное ему, какъ дѣятелю. Съ именемъ Герца связано не только возникновеніе, но и открытіе картинной галереи въ московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ; онъ былъ однимъ изъ основателей и однимъ изъ немногихъ первыхъ дѣятелей Московскаго Археологическаго Общества; онъ неустанно, черезъ статьи, рефераты, публичныя лекціи, знакомилъ публику съ новинками въ области русской и заграничной живописи...

Біографія К. К. Герца написана г. Маленинымъ безъ утомительныхъ подробностей, безъ излишнихъ выписокъ изъ документовъ и читается съ удовольствіемъ. **А.**

Тулъскій Успенскій женскій монастырь. Историко-археологическая записка, по поводу совершившагося 300-лѣтія царствующаго дома Романовыхъ. Составилъ **Ник. Ив. Троицкій.** Тула, 1913.

Авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія объ Успенскомъ монастырѣ въ Тулѣ потому, что этотъ монастырь—„строенье“ царя Алексѣя Михайловича. Главная святыня монастыря—чудотворная икона святителя Николая, извѣстная подъ наименованіемъ „Никола Тульскій“, которая изстари и донынѣ почитается особенно казаками. Древность иконы и ея славы не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ по взятіи Казани одною изъ первыхъ церквей этого города была церковь „Никола Тульскаго“; священникомъ при ней въ 1579 г. былъ Ермолай, впоследствии св. Ермогенъ, славный патріархъ московскій. Письмо этой иконы, говоритъ авторъ,—очень древнее, но рука ея—работы конца XVIII в. Никакихъ важныхъ событій въ исторіи Успенскаго монастыря авторомъ не отмѣчено. **С.**

Е. В. ТАРЛЕ. Континентальная блокада. I. Исслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона. Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. К-во „Задруга“. Стр. 739. М. 1913. Цѣна 4 руб.

(Къ этой книгѣ мы вернемся въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913 годъ.

(Годъ 51-ый).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1913 году, за **двѣнадцать выпусковъ** съ пересылкой и доставкой **девять рублей**, для чужихъ краевъ **двѣнадцать рублей**.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Садовой у Ермолая, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 12 до 4 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5⁰/₀.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Журналъ выходитъ на старыхъ основаніяхъ съ привлеченіемъ новыхъ сотрудниковъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщикъ долженъ заявить № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ видѣ приложенія подписчикамъ будетъ разослано собраніе статей и примѣчаній почившаго составителя „Русскаго Архива“ Петра Ивановича Бартенева.

Отвѣтственный редакторъ Н. С. Бартенева.

Издатель и составитель **Петръ Бартенева** (младшій).

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913

6

стр.

707. Изъ стараго быта. Сообщено В. Арсеньевымъ.

720. Варіаціи на тему Кронштадтъ декабриста Барона Штейнгеля. Сообщено В. Крыжановскимъ.

735. Два кругосвѣтныхъ плаванія на корабль «Суворовъ». Сообщено В. М. Кашаровымъ.

754. Изъ архива Н. О. Кутлубицкого. Сообщено И. Бронскимъ.

762. А. В. Горскій въ воспоминаніяхъ одного изъ своихъ учениковъ. Сообщено Н. Г. Высоцкимъ.

770. Шамиль и чеченцы. Статья С. Фарфоровскаго.

775. Ф. Ф. Кокошкинъ. Замятка Пав. Россіева.

778. Воспоминанія А. К. Лелонгъ.

809. Переписка А. Н. Карцова.

817. Волынь и ея историческіе дѣятели отъ Владиміра Святого до Богдана Хмельницкаго. Очеркъ Н. П. Шадурскаго.

844. Переписка Кристина съ княжной Турнестановой.

Внутри обложки: О книгахъ «Сказаніе о явленіи и чудесахъ Пресвятыи Владычицы нашеи Богородицы честныи и славныи Ея чудотворныи іконы нарицаемыи Феодоровскіи, иже на Костромѣ градѣ»; «Русскія ночи» кн. В. Ф. Одоевскаго; «Выставка въ память трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ»; «Континентальная блокада» Е. В. Тарле.

МОСКВА

Синодальная Типографія

1913

Сказаніе о явленіи и чудесѣхъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы честныя и славныя Ея чудотворныя іконы нарицаемыя Θεодоровскія, яже на Костромѣ градѣ. М. 1913.

Московская Синодальная Типографія приняла участіе въ Романовскихъ торжествахъ изданіемъ „Сказанія“ о почитаемой нашимъ царскимъ домомъ костромской Θεодоровской иконѣ. Изданіе это явилось какъ разъ кстати. Интересъ къ древнимъ русскимъ иконамъ вообще, и къ иконамъ Богоматери въ частности, теперь очень силенъ, и тексты повѣстей объ иконахъ, по большей части неизвѣстныя въ печати, иногда даютъ цѣнный матеріалъ для изслѣдованія. Акад. Кондаковъ въ своей „Иконографіи Богоматери“, Сиб. 1911, не былъ знакомъ съ „Сказаніемъ“ и даже, повидимому, считалъ его погибшимъ въ одинъ изъ костромскихъ пожаровъ. Синодальная Типографія ограничилась воспроизведеніемъ текста, славянскимъ шрифтомъ, безъ всякихъ объясненій и примѣчаній.

С.

Кн. В. Θ. ОДОЕВСКІЙ.
Русскія ночи, 429 стр. большая восьмушка. Съ портретомъ автора, предисловіемъ и примѣчаніями **С. Цвѣткова**. Книгоиздательство „Путь“ М. 1913.

Впервые вышедшія въ 1844 году „Русскія ночи“ быстро раскупались и составляютъ нынѣ рѣдкость библиографическую. Еще въ тридцатыхъ годахъ, появляясь отдѣльными разсказами, онѣ обратили на себя вниманіе и повлекли множество подражаній, заимствованій, иной разъ весьма беззастенчивыхъ. Чтобы положить конецъ этому хищенію собственности писательской, кн. Одоевскій рѣшилъ напечатать вновь „Русскія ночи“; написать къ нимъ предисловіе, нѣсколько дополнивъ и видоизмѣнивъ ихъ, но смерть

воспрепятствовала осуществить это начинаніе. Нынѣ оно исполнено книгоиздательствомъ „Путь“. Нельзя не привѣтствовать изданія столь своеобразнаго и любопытнаго творенія какъ „Русскія ночи“. Кн. В. Θ. Одоевскій раздѣлялъ мысль вѣщаго Тютчева:

„Не то, что мните вы, природа,
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ.“

Онъ созвученъ душою съ ея сокровенными струнами. Если „Русскія ночи“ носятъ отпечатокъ нѣкотораго вліянія Шелинга, то въ нихъ не мало мыслей вполне самобытныхъ и глубоко своеобразныхъ.

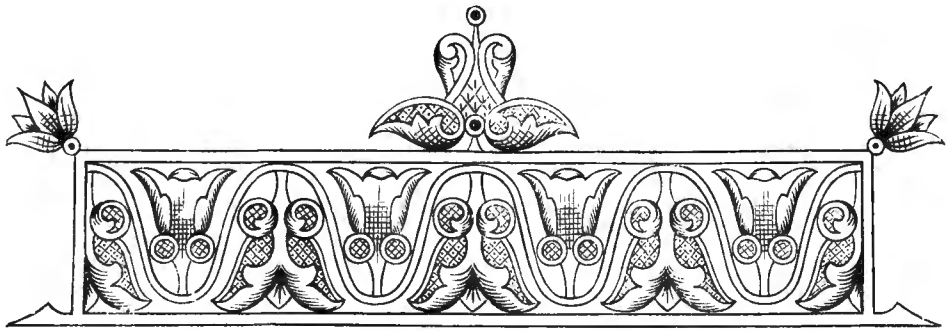
Книга издана весьма изящно и тщательно. Книгоиздательство „Путь“ напечатало въ текущемъ году не мало книгъ любопытныхъ.

Надо надѣяться что не преминутъ вновь издать и остальные два тома сочиненій кн. В. Θ. Одоевскаго, въ коихъ не мало чрезвычайно интереснаго.

Выставка въ память трехсотлѣтія царствующаго дома Романовыхъ, устроенная учениками Московской пятой гимназіи подъ руководствомъ **Н. Г. Тарасова**. М. 1913. Стр. 37. Съ двумя рисунками. Цѣна не обозначена.

Описаніе юбилейной выставки V Московской гимназіи и поѣздка учениковъ ея въ Кострому, Ярославль, Ростовъ Великій весьма примѣчательны. Выставка состояла изъ портретовъ, рукописаній, современныхъ рисунковъ, оружія и утвари, подписей, плановъ, снимковъ, произведенныхъ учениками во время юбилейныхъ поѣздокъ, гербовъ, монетъ и діаграммъ, указующихъ ростъ Россійскаго государства за 300 лѣтъ. Нужно всячески привѣтствовать подобныя начинанія, на примѣрахъ уясняющія молодымъ умамъ откуда пришла мощь Россійская и какъ развивалась она.

П. В. (младшій).

ИЗЪ СТАРАГО БЫТА

Челобитье о раздѣлѣ Д. В. и В. В. Арсеневыхъ.

Копія.

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая
Великая Государыня Императрица
Екатерина Алексѣевна Самодержица
Всероссійская Государыня Всемиловитѣйшая.

Бють челомъ примеръ мазоръ і Вашего Императорскаго Величества ардинарецъ Дмитрей да отставной капитанъ Василии Васильевы дети Арсеневы а очемъ наше прошение тому слѣдуютъ пункты:

1.

В прошломъ 1755-мъ году августа 23 дня отецъ нашъ брегадиръ Василии Еремѣвичъ Арсеневъ недвижимое свое имение в разныхъ городахъ намъ розделилъ а умершаго брата нашего большаго поручика и лейб компаніи гранодера Ивановой жене вдове Александре Дмитриевой дочери з дочерью его Елизаветою и сестре нашей родной девице Анне на части далъ а кому где что дано о томъ отъ него въ Государственной вотчинной коллегіи при челобитье ево сообщенъ реэстръ.

2.

А в прошломъ 756-мъ году означенная племянница наша умре а ис той ево брата нашего Ивана Арсеньева части жена ево а наша невеска вдова Александра взявъ себе к одному месту указную часть а оставшье возвращено к намъ по прежнему токмо ис того оставшего недвижимого покойнымъ родителемъ нашимъ сестре нашей родной

Анне даны в приданья еще два двора крестьянъ а где и кто имяны значить в поданномъ же отъ него родителя нашего в вотчинной коллегии челобитье имянно.

3.

А в прошломъ же 760-мъ году в февралѣ мѣсяцѣ то пожалованное от отца нашего недвижимое имение с людьми и со крестьяны по заручной челобитной и по допросу разделили мы полюбовно а что кому по розделу досталось о томъ значить в томъ нашемъ полюбовномъ розделномъ челобитьѣ и допросѣ имянно.

4.

А сего 1763 году іюня 3 дня мать наша вдова Домна Ивановна брегадира Васильевская жена Еремѣевича Арсеньева недвижимое свое приданое имение с людьми и со крестьяны по заручной челобитной пожаловала намъ о чемъ значить в томъ съ матери нашей заручномъ челобитьѣ имянно жь.

5.

А нынѣ мы Дмитрей и Василей Арсеньевы сметаѣмъ все означенное отца и матери своей недвижимое в разныхъ городехъ имение с людьми и со крестьяны поговоря вторичножъ полюбовно разделили к однимъ местамъ деревнями и по тому нашему розделу я Дмитрей взялъ а я Василей ему брату своему отдалъ в Алексинскомъ уѣздѣ в селе Луковице дворъ помещиковъ со всякимъ дворовымъ и хоромнымъ строениемъ а в томъ дворе дворовыя люди Егоръ Денисовъ у него сынъ Алексеи у Алексѣя сынъ Василей Иванъ Носковъ у него дети Спиридонъ Левъ Антипъ Носковъ у него дети Матвеи Василей Михаила Никифоровъ у него дети Антонъ Афонасеи Федоръ Ильинъ Матвеи Ивановъ у него сынъ Ефимъ Евдокимъ Даниловъ Яковъ Леоновъ Андрей Ивановъ у него сынъ Яковъ вдовы Наталья Васильева Агафья Васильева з дочерми девками Арина Анофріева Федосья Яковлева Варвара Федорова крестьяне во дворе Тимофеи Егоровъ во дворе Федоръ Климовъ во дворе Федоръ Афонасьевъ во дворе Федоръ Павловъ во дворе Григорей Ивановъ во дворе Петръ Даниловъ во дворе Михаило Петровъ вышесписанныя дворовые люди и крестьяне что на мою Дмитриеву часть досталось въ селе Луковице з женами и з детми со внучаты и приимыши да перевезенныя оногъ жь

уѣзду из селца Нарышкина въ село Луковицу дворовои челоуѣгъ Филиппъ Мартыновъ з женою и детми крестьяня Василей Сергѣевъ Андреи Акимъ Кирѣевы дети з женами и з детми и со всемъ ихъ семействомъ да холостои Иванъ Федоровъ да в томже уѣзде в Любюцкомъ стану деревне Тинина да в Пензенскомъ уѣзде селцо Дмитревское Засечное тожъ дворъ помещиковъ со всякимъ дворовымъ и хороннымъ строениемъ з дворовыми людми и со крестьяны з женами ихъ и з детми и со внучаты и с приимыши и с новорожденными у нихъ детми; а я Василѣи Арсеневъ на свою половину взялъ а я Дмитриеи ему брату своему отдалъ в селе Луковице дворъ стариннои помещичей з дворовымъ и хороннымъ строениемъ и с садомъ і прудомъ да в томъ дворе дворовы же люди Тимофеи Потаповъ у него дети Петръ Гаврила Семенъ Василей у Петра сынъ Алексѣй Данила Никитинъ Андреи Ивановъ у него сынъ Иванъ Василей Павловъ у него дети Николаи Лаврентеи Михаила Носковъ Илья Зотовъ у него сынъ Андрей Иванъ Ивановъ у него дети Сергей Василей вдова Анна Евдокимова з дочерью девкою Василисою да в пустоши Кедри прудъ с мельницею крестьянъ во дворе Антонъ Свиридовъ во дворе Матвей Климовъ во дворе Иванъ Васильевъ во дворе Леонъ Дмитриевъ во дворе Парфенъ Аксеновъ во дворе Яковъ Даниловъ во дворе Степанъ Даниловъ вышеписанныя дворовыя люди и крестьяня что ни мое Васильеву часть досталось в селе Луковице з женами и детми со внучаты и съ приимыши да в том же уѣзде селцо Нарышкино и деревню Ларинскую да в Крапивенскомъ уѣзде село Пирогово со всякимъ дворовымъ и хороннымъ строениемъ з дворовыми людми и со крестьяны з женами ихъ и з детми и со внучаты и съ приимыши і с новорожденными детми и со всеми ихъ крестьянскими животы и пожитки а четвертная пашня со всеми угоды по дачамъ и по отказнымъ книгамъ и по всякимъ крепостямъ в техъ селахъ и деревняхъ и с пустошми которая кому досталась а которыя крестьянскія вдовы и девки выданы ис которой ни есть деревни или села за нашихъ же крестьянъ и онымъ быть тамъ где которая выдана или выпущена и подушныя денги—и всякия государственныя поборы платить намъ всякому за свои деревни кому что досталось такожь ежели по темъ деревнямъ явятца чьи чюжия беглыя люди и крестьяне или какия иски будутъ такожь и ис техъ доставшихся намъ деревень явятца жъ беглыя люди и крестьяне и оныхъ взыскивать и за пожилыя годы взыскивать такожь и за беглыхъ отвечать намъ Дмитрию и Василью Арсеневымъ вообще и впредь намъ другъ на друга о разделе не бит челомъ и никакими делы не вчинать а быть по сему нашему полюбовному розделу непременно.

6.

А нынѣ мы изъ Москвы отъезжаемъ вскоре а про полюбовной роздель не допрашиваны і дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелено было сие наше роздельное полюбовное челобитье в государственной вотчинной коллегіи принять а насъ в подтверждение допросить и по допросе то отца и матери нашей недвижимое имение с людьми и со крестьяны что кому по сему нашему розделу досталось за нами справить и для отъказа куда надлежитъ послать указы.

Всемилоствѣйшая Государыня просимъ Вашего Императорскаго Величества о семъ нашемъ прошеніи решение учинить июня — дня 1763 году к поданію надлѣжитъ в государственной вотчинной коллегіи прошение писалъ пищикъ Романъ Розмаховъ.

(Помѣта) записать в регистраторскомъ столѣ бумагу по № 4019-мъ.

(Подлинникъ у В. С. Арсеньева).

Примѣчанія.

Василій Еремьевичъ Арсеньевъ, третій сынъ стряпчаго Еремѣя Яковлев. Арсеньева († 1756 г.),—родился въ 1609 г.,—алексинскій, елецкій, пензенскій и крапивенскій помѣщикъ; жилецъ 1695 г., царедворецъ, комиссаръ артиллер. приказа 1712, артиллеріи и фортификаціи казначей 1729, въ Москвѣ главный въ управленіи артилл. канцеляріи, сибирскій вице-губернаторъ 1728, отставной бригадиръ 1735, его гербъ помѣщенъ въ гербовникѣ Князева, ум. до іюня 1763, женатъ на *Доминѣ Ивановнѣ*, Тульской помѣщицѣ 1763 г., у него дѣти: 1) *Иванъ Васильевъ*, р. 1725 г., поруч. л. кампан. гренадеръ, алексинск. помѣщ., † до 1755, женатъ на Александрѣ Дмитріевнѣ,—дочь *Елизавета Ив.*, ум. 1756 г.; 2) *Андрей Васил.*, р. 1727; ум. до 1755 г.; 3) *Матрена Васил.* ум. 1763, за *Андреемъ Абрам. Арцыбашевымъ*; 4) *Анна Васил.* за *Бор. Мих. Крюковымъ*, 5) *Дмитрій Вас.* р. 1728; первый тульскій губернский предвод. дворянства 1778 и 1781—3, въ службѣ съ 1737, елецкій, пензенскій (с. Дмитріевское-Засѣчное) калужск. и алексинск. (с. Луковцы, дер. Тинино, пуст. Кедрино) помѣщ., адъютантъ Архангелогородск. пѣхотн. п. 1747, затѣмъ въ лейбъ-кампаніи, былъ посылаемъ Имп. Елизаветой со многими секретными

порученіями; въ 1763; при воспріятіи престола Имп. Екатериной, по собственному усердному желанію, вступилъ въ службу секундъ-маіоромъ и былъ на ординарціи у Ея Имп. Велич. и по сему пожалованъ премьеръ-маіоромъ, вахмистръ кавалергардск. корпуса 1764—75, генераль-маіоръ 1771, генераль-поручикъ, именнымъ указомъ 12 сент. 1777, ему пожаловано при отставкѣ посмертное жалованіе; по свидѣтельству его родственника А. Т. Болотова извѣстенъ всей Россіи по своему высокому и великому росту; въ 1796 г. возобновилъ церковь Рождества Богородицы въ родовомъ имѣніи с. Луковцахъ, ум. 14 іюля 1808 г., погребенъ въ церковной оградѣ с. Луковиць Алексинск. у.; женатъ на *Прасковіи Андреевнѣ Кашперовой*, р. 3 ноябр. 1734, ум. 28 февр. 1803 г., у нихъ дѣти: а) *Николай Дм.* р. 1754, ум. 1 ноября 1796, отъ слѣдствія ранъ, полученныхъ подъ Измаиломъ, ген.-маіоръ, кавалеръ орд. св. Георгія 3 степ. б) *Василій Дм.* р. 22 дек. 1755, умеръ 10 февр. 1826, генераль-поручикъ, московскій губернскій предводитель дворянства 1810—1816 г.; в) *Александръ Дм.*, р. 12 мая 1766, умеръ 3 дек. 1819, генераль-лейтенантъ, московскій уѣздный предводитель дворянства 1817—19; д) *Степанъ Дм.* выпущенъ изъ пажей 1800, поручикъ 1802; е) *Евдокія Дм.* за орловск. губернска. предвод. дворянства *Егор. Лаврент. Цуриковымъ* и ф) *Анна Дм.* за кн. *Александр. Андреев. Черкасскимъ*, 6) *Василій Васильевичъ*, р. 1729 (1731 ?), въ службѣ въ гвардіи съ 1748, служилъ въ л. гв. семеновск. п., уволенъ капитаномъ л.-гв. Преображенск. п. изъ поручиковъ и л. кампаній, гренадеровъ 1762, предводитель дворянства Богородицк. у. и тамъ-же депутатъ дворянства 1796—8; кавалеръ орд. св. Владим. 4 ст., Богородицкій, елецкій, калужскій, алексинскій (с. Луковцы, с. Нарышкина, дер. Ларинская) Крапивенск. (с. Пирогово), пензенск. и дѣдиловск. помѣщикъ; ум. въ 1825 (?), портретъ его у внучки Е. Г. Арсеньевой; женатъ на *Ефиміи Никит. Ивашикиной*,—у нихъ дѣти: а) *Дмитрій Вас.*, р. 1761, † 29 окт. 1829, премьеръ-маіоръ, б) *Михаилъ Вас.*, р. 8 нбр. 1768, чембарскій уѣздный предводитель дворянства, дѣдъ М. Ю. Лермонтова, ум. 2 янв. 1810; в) *Евграфъ Вас.* капитанъ, взлетѣлъ на воздухъ со своей галерой 1790; д) *Василій Вас.*, р. 1773, орловск. губ. прокуроръ; е) *Никита Вас.* р. 11 янв. 1775, почетный опекунъ, ген. маіоръ, тайн. сов. кавалеръ орд. св. Георгія 4 степ. ум. 7 авг. 1847; ф) *Григорій Вас.* р. 15 сент. 1777, подполковникъ, ум. 21 сент. 1850; г) *Николай Вас.*, р. 1779, маіоръ, ум. 1845; h) *Александръ Вас.*, капитанъ, i) *Варвара Вас.*, j) *Дирія Вас.* за *Вас. Скерлетомъ*, к) *Марія Вас.*, l) *Ефимія Вас.*, † до 1825, m) *Александра Вас.* за *Демидовымъ*.

Завѣщаніе Е. Д. Цуриковой, рожд. Арсенъевой.

Во имя Святыя Единосущныя Животворящія и Нераздѣльныя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа.

Я раба Божія Орловская помещица дѣйствительная Статская Совѣтница *Авдотья Дмитріева дочь Цурикова* помня общій всѣмъ людямъ часъ смѣртный, но будучи въ полномъ умѣ и совѣршенной памяти при духовномъ отцѣ моемъ и при нижеподписавшихся свидѣтеляхъ, учинила сіе духовное завѣщаніе, коимъ на основаніи высочайше дарованной Россійскому благородному дворянству грамоты 22-й статьи предоставляю въ вѣчное и потомственное владѣніе благопріобретенное мною недвижимое имѣніе, состоящее орловской округи въ селѣ Боклановѣ и дѣревнѣ Богатовой, всего ревизскихъ мужеска пола семь сотъ дѣвятнадцать душъ съ ихъ женами и обого пола въ новъ рожденными дѣтми, и съ принадлежащей къ тому селу и дѣревнѣ землю и прочими угоды, доставшееся мнѣ прошлаго 1789-го года декабря въ 30 дѣнь по купчей крѣпости, флота унтеръ лейтенанта Федора *Головина*¹⁾ отъ жены вдова Ирины Анисимовой дочери урожденной княжны *Хотетовской*²⁾ зятю моему Генералу отъ инфантеріи и разныхъ ордѣновъ кавалеру *графу Евграфу Федотовичу Комаровскому* съ тѣмъ дабы онъ зять мой по смѣрти моей, такъ какъ сіе завѣщаемое ему имѣніе состоитъ въ залогѣ въ Санктъ-Петербургскомъ опекуномъ Совѣтѣ и въ государствѣнномъ заѣмномъ банкѣ представе духовное завѣщаніе къ женѣ въ подлежащѣе присудственное мѣсто испросилъ отъ онаго какъ въ вода себя въ владѣніе тѣмъ имѣніемъ такъ и переводъ уже на себя и того казеннаго долга, цену жъ завѣщанному того имѣніи объявляю по долгу присяги и чистой совѣсти двѣсти восемьдѣсятъ семь тысячъ шесть сотъ рублей, маія 3-го дня 1833-го года, сіе духовное завѣщаніе съ воли и согласія завѣщательницы писалъ коллежскій секретарь *Петръ Матвѣевичъ Вѣликинъ* (?) къ сему духовному завѣщанію Орловская помѣщица Действительная статская совѣтница *Авдотья Дмитріева дочь Цурикова* будучи в твѣрдомъ умѣ и совершенной памяти руку приложила.

¹⁾ Феодоръ Иван. Головинъ (Долгоруков. Росс. Родосл. кн., т. III, с. 108).

²⁾ Княжна Ирина Анисимовна Хотетовская, въ 1 бр. за Петромъ Алексѣевичемъ Нарышкинымъ († 27 авг. 1726), во 2 бр., за Ив. Ив. Головиннымъ († 14 окт. 1575), умерла 21 мая 1793, погреб. въ с. Найденовѣ вмѣстѣ съ 1-мъ мужемъ (Власьев. Потомство Рюрика т. I, ч. I, с. 257—8).

(NB. въ данномъ документѣ и у Власьева на с. 258 указано, что Ирина Семен. Х. жена Феод. Ив. Головина).

Что сіе духовное завѣщаніе дѣйствительно подписано рукою дѣйствительной статской совѣтницы Авдотьи Дмитріевны Цуриковой в полномъ ея умѣ и совершенной памяти въ томъ свидѣтельствую по личному ея прошенію подписуюсь королевскаго Николаевскаго одрина монастыря настоятель духовной ея отецъ игумень Филареть.

Въ томъ же свидѣтельствую и подписуюсь коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Дмитрей Андреевъ сынъ Селеховъ (?).

Въ томъ же свидѣтельствую и подписуюсь коллежскій совѣтникъ Николай Некандровъ сынъ Тутолминъ (?).

Въ томъ же свидѣтельствую подписуюсь Орловскій уѣздный предводитель дворянства подполковникъ Павелъ Николаевъ сынъ Глѣбовъ.

Рядная гр. Е. Е. Комаровской, рожд. Цуриковой.

Лѣта тысяща восемьсотъ втораго генваря въ третій день покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Егора Лаврентьевича Цурикова¹⁾ жена вдова Авдотья Дмитриева²⁾ дочь, зговорила я Авдотья дочь свою девицу Елизавету³⁾ взамужество за генераль майора Его Императорскаго Величества генераль-адъютанта и кавалера Ефграфа Федоровича Камаровскаго⁴⁾, и во благословеніе ей дочери моей дала святыя образа первой Спасителя на немъ риза серебряная вызолочена второй Иверской Божией Матери на ней риза серебряная вызолочена съ камнями, третьей знаменія Пресвятыя Богородицы на ней риза серебряная вызолочена, а приданаго изъ собственнаго моего движимаго имени вещей брали оптовыхъ золота и серебра на тринадцать тысячъ семь сотъ девяносто пять рублей нахтышь серебряной на четыре тысячи триста сорокъ шесть рублей разнаго платья, белья и кровать с приборомъ на шестнадцать тысячъ семь сотъ тритцать девять рублей—а всего по цене на *тритцать четыре тысячи восемь сотъ восемьдесятъ* рублей

¹⁾ Егоръ Лаврентьевичъ Цуриковъ, орловской губерніи предводитель дворянства, д. с. с. (Чернопятовъ. Родословецъ Тульскаго Дворянства).

²⁾ Евдокія Дмитріевна Цурикова, рожденная Арсеньева (см. „родъ дворянъ Арсеньевыхъ“, ч. I, 52).

³⁾ Графиня Елизавета Егоровна Камаровская, рожд. Цурикова, ум. 15 дек. 1847, (Долгоруковъ, кн. 3, с. 158).

⁴⁾ Графъ Евграфъ Федотовичъ Камаровскій, генераль-адъютантъ, въ 1803 возведенъ въ графское дворянство, командиръ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, ум. 1843 (Долгоруковъ Росс. Родосл. книги, ч. III, с. 158).

да изъ недвижимаго имения слѣдующаго ей дочери моей в наслѣдство послѣ означеннаго родителя ее состоящее Орловской губерніи и округи въ селе людскомъ городище сто двадцать пять въ селце пречистенскомъ девяноста две въ деревняхъ воробьевке дватцать две цѣнной сорокъ буниной тринацать боршевке девяноста четыре въ селце сковородовке сто тритцать четыре селе Покровскомъ пять сотъ девяноста две въ деревне новотроицкой девяноста две Слецкой округи въ селце Петровке Грачевка тожь пять десять две, воронежской губерніи землянской округи въ селце Егорьевскаго двести дватцать восемь а всего за означеннымъ родителемъ ее положенныхъ по нынешней пятой ревизіи мужеска пола дворовыхъ людей и крестьянъ тысячу четыреста восемьдесятъ четыре души съ женами ихъ и съ детми, срожденными послѣ ревизіи свиданными изъ собѣственныхъ моихъ деревень за людей и крестьянъ покойнаго мужа моего вдовами и дѣвками со всеми къ упомянутымъ селениямъ землямы то в нынешнемъ настоящемъ владеніи есть и что следовать будетъ ызключая истого однихъ моихъ живущихъ дворовыхъ людей и крестьянъ показанныхъ въ оныхъ селенияхъ по пятой ревизіи, а слѣдующей мне по закону указной части, да ей же дочери моей слѣдующій после показаннаго суда моего в наследство московской каменной домъ, с садомъ со всемъ внемъ каменнымъ и деревяннымъ строениемъ и землею и со всею мебелью состоящей въ тверской части въ приходѣ ржевскія Божія Матери пятаго квартала подъ номеромъ четыреста девятымъ всю безъ остатку къ сей договорной записи покойнаго действительнаго стацкаго совѣтника Егора Лаврентіевича Цурикова жѣна его вдова Авдотья Дмитриева дочь, что я дочь свою родную дѣвицу Елизавету съ Божиємъ благословеніемъ въ замужѣство за генераль-маіора Его Императорскаго Величѣства генераль адъютанта и кавалера Евъграфа Фѣдотовіча Камаровскаго зговоріли и вышеписанное движимое свое имѣніе всѣго на тритцать четыре тысячи восьмь сотъ восьмьдесятъ рублей отъдою да изъ нѣдвижимаго вышѣ писаннаго имѣнія принаглѣжащаго ей Елизаветѣ отъ означеннаго отца ее написали и руку приложили а что въ сей рядной въ писъцовомъ писмѣ въ сѣмнатцатой строкѣ съ низу почіщену написано: тріт: въ томъ я не спору.

У сей зговорной записи генераль маіоръ Дмитрей Васильевъ сынъ *) Арсеневъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

*) Дмитрій Васильевичъ Арсеневъ, р. 1728, тульскій губернс. предводитель дворянства 1781—83, генераль-маіоръ, ум. 14 іюля 1806, (родъ дворянъ Арсеневыхъ, ч. I, с. 40 и 108).

У сей зговорной записи генераль-маіоръ и ковалеръ Александръ Дмитревъ сынъ Арсеневъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ¹⁾.

У сей зговорной записи генераль маіоръ Василей Дмитревъ сынъ Арсеневъ²⁾ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной записи Действительный статскій советникъ Сергей Алексеевъ сынъ Хитрово³⁾ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной записи коллежскій ассесоръ и ковалеръ Александръ Ноконевъ сынъ Салтыковъ⁴⁾ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной записи гвардіи прапорщикъ и кавалеръ Михаилъ (Самойловъ?) Михайловъ сынъ Саловалинъ (?) свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей заговорной записи порутчикъ Александръ Васильевъ сынъ Арсеневъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной записи статскій совѣтникъ Алексѣй Николаевъ сынъ Астафевъ свидѣтелемъ⁵⁾ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной записи надворный совѣтникъ Николай Алексѣевъ сынъ Астафевъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной записи лейбъ гвардіи прапорщикъ князь Александръ князевъ Александровъ сынъ Черкасской⁶⁾ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

¹⁾ Александръ Дмитріевичъ Арсеневъ, р. 12 мая 1766, московскій уѣздный предводитель дворянства 1817—9, ум. 3 дек. 1819, (родъ Арсеневыхъ, ч. I, 52, 109).

²⁾ Василій Дмитріевичъ Арсеневъ р. 22 дек. 1755, московскій губернскій предводитель дворянства 1810—17, ум. 10 февр. 1826 (родъ Арсеневыхъ ч. I, 51—2, 109).

³⁾ Сергій Алексѣевичъ Хитрово, д. с. с. ум. 1811 (Лоб.-Рост., Русское Родосл. книга т. 2, с. 324).

⁴⁾ Александръ Николаевичъ Салтыковъ.

⁵⁾ Александръ Васильевичъ Арсеневъ, р. 9 іюл. 1782, камергеръ, д. с. с. директоръ московскаго театра, ум. 8 сент. 1840 (родъ Арсеневыхъ, ч. I, 65, 113).

⁶⁾ Князь Александръ Александровичъ Черкасскій, сынъ кн. Александра Андреев. Черкаскаго младшаго и жены его Анны Дмитріевны, рж. Арсеневой, р. 24 авг. 1719, состоялъ при посольствѣ въ Лондонѣ 1802, ст. сов. 1816, ум. 28 апр. 1841. (Чернопятовъ. Родословецъ Тульскаго Дворянства), (Московскій Некрополь II, 311).

Зговорную запись писалъ московской палаты гражданскаго суда писецъ крепостныхъ делъ коллежскій регистраторъ сынъ Егоровъ совѣршить (?) по указу секретарь Кореневъ.

1802 года генваря въ 3-й день. Сія зговорная запись писана и въ книги записана въ Московской гражданской палатѣ совѣршить (?) Надсмотрщикъ губернской секретарь Василій Архиповъ.

(На 3-ей стр.) 1802-го года генваря 3-го дня по сей рядной вышеписаннаго приданаго на тритцать четыре тысячи восемьсотъ восемьдесятъ рублей и недвижимое имѣніе принялъ. Евграфъ Комаровскій.

Помѣты: (на 1-й стр.—карандашомъ) № 24.

(сбоку) записать въ 3-й день Генваря.

(внизу) по записной книге № 4.

(Вверху на 2 и 3-й) московской гражданской палаты Секретарь Дмитрій Кореневъ (писано на гербовой бумагѣ 1800 г. 50 р. листъ, „подъ симъ гербомъ писать всякія крѣпости отъ 10000 р. и во много тысящи рублей“).

Рескриптъ Имп. Александра I Н. И. Арсеньеву.

Господинъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Курляндскій Губернаторъ Арсеньевъ*). Примите Мою благодарность за всѣ тѣ услуги, выгоды и уваженія, которые доставлены отъ васъ Любезной Сестрѣ Моей великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ въ проѣздъ Ея Высочества съ Супругомъ ея чрезъ губернію вамъ ввѣренную, и о коихъ свидѣтельство принялъ Я съ совершеннымъ къ вамъ благоволеніемъ. Я увѣренъ, что равное уваженіе и готовность оказана вами будетъ и вновь

*) Николай Ивановичъ Арсеньевъ, р. 3 Ноября 1760, Курляндскій губернаторъ, ум. 2 Февр. 1830. (См. „Родъ дворянъ Арсеньевыхъ“, ч. I, 62 и 112, ч. II, 220—4). Его имѣніе въ Подольск. у. разорено Французами въ 1812, дважды принималъ Людовика XVIII въ Митавѣ, женатъ на княжнѣ Аннѣ Александровнѣ Хованской.

ожидаемымъ Мною гостямъ родителямъ Ея Величества Любезной Моей Супруги¹⁾. Пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

Въ С.-П.Бургѣ.

Іюня 13.

1801 года.

(На вверху листа приписки: полученъ Іюня 20-го Ч. 1801 года.

(Подлинникъ находится у С. Д. Ивашкевича).

Рескрипты на имя И. В. Нарышкина.

1806—1808.

Господинъ лейбъ-гвардіи поручикъ Нарышкинъ 3.

Въ воздаяніе отличной храбрости, оказанной вами въ сраженіи минувшаго Ноября 20-го при Аустерлицѣ противу Французскихъ войскъ, гдѣ вы съ великимъ успѣхомъ отдаваемыя приказаніи въ самомъ сильномъ огнѣ развозили съ мужествомъ и присутствіемъ духа, жалую васъ кавалеромъ ордена святаго равноапостольнаго князя Владимира четвертой степени, коего знакъ у сего къ вамъ препровождая повелѣваю возложить на себя и носить въ петлицѣ съ бантомъ установленнымъ порядкомъ; увѣренъ будучи, что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вѣщему продолженію усердной службы вашей. Пребываю вамъ благосклонный.

Александръ.

Въ Санктъ-Петербургѣ.

29 Января 1806.

(На конвертѣ) Господину лейбъ-гвардіи поручику Нарышкину 3-му при ономъ слѣдуетъ знаки орд. С-го Владимира 4 степ.

(Подлинникъ находится у А. А. Нарышкина).

Господинъ лейбъ-гвардіи поручикъ Нарышкинъ.

Въ воздаяніе отличнаго усердія Вашего къ службѣ, жалую васъ кавалеромъ ордена святаго Анны третьяго класса, коего знакъ при

¹⁾ Въ 1807 Пруссій министръ Гарденбергъ снова предупреждалъ Н. И. Арсеньева о предстоящемъ проѣздѣ Королевы Прусской письмомъ изъ Мемеля отъ 6/18 Іюня. (См. Сбор. Русск. Ист. Общ.).

семь къ вамъ препровождая, повелѣваю возложить на себя, и носить по установленію. Увѣренъ будучи, что сіе послужить вамъ поощреніемъ къ вѣщему продолженію ревностной службы вашей.

Пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ. 30 Октября 1806.

(На конвертѣ:) господину лейбъ-гвардіи поручику Нарышкину.

Господинъ Ротмистръ Нарышкинъ.

Въ воздаяніе отличной храбрости, оказанной вами въ сраженіи противу Французскихъ войскъ при Прейсшъ-Эйлау 26-го и 27-го числа генваря, гдѣ вы находясь адъютантомъ при главнокомандующемъ, посылаемы имъ были съ разными приказаніями въ опасныя мѣста и при сильномъ огнѣ исполняли оныя съ мужествомъ и неустрашимостью, жалуя вамъ золотую саблю съ надписью за храбрость; увѣренъ будучи, что сіе послужить вамъ поощреніемъ къ вѣщему продолженію службы вашей, пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

Бартенштейнъ. 26-го Апрѣля 1807.

(На конвертѣ) господину ротмистру Нарышкину.

Господинъ ротмистръ Нарышкинъ.

Въ воздаяніе отличной храбрости, оказанной вами въ сраженіяхъ 29-го Маія при Гейдельбергѣ и 2-го Іюня при Фридландѣ противу Французскихъ войскъ, гдѣ вы бывъ посланы Главнымъ командующимъ генераломъ отъ кавалеріи барономъ Беннигсеномъ съ важными приказаніями, исполняли оныя, не взирая на жестокой непріятельскій огонь, которому подвергались съ мужествомъ и рвеніемъ, жалуя васъ кавалеромъ святаго Анны втораго класса, коего знакъ у сего къ вамъ доставляя, повелѣваю возложить на себя и носить по установленію; увѣренъ будучи, что сіе послужить вамъ поощреніемъ къ вѣщему продолженію усердной службы вашей, пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

С.-Петербургъ.

20 Мая 1808.

Военный министръ г. Аракчеевъ.

Примѣчаніе. Иванъ Васильевичъ Нарышкинъ, старшій сынъ ген.-маіора Вас. Серг. Нарышкина и жены его Анны Ивановны, рожд. гр. Воронцовой, родился 1779, † 23 Ію. 1818, погребенъ въ церковной оградѣ церкви с. Знаменскаго-Игнацкаго Тарусск. у. Калужск. г. (с. Знаменское) камеръ-юнкеръ, Тарусскій уѣздный предводитель дворянства, Тарусскій (с. Знаменское) и Орловскій (с. Егорьевское) помѣщикъ, былъ адъютантомъ гр. П. Толстого въ 1813 (ср. письмо гр. Толстого къ кн. П. К. Витгенштейну о немъ, напечатанное мною въ „Лѣтописи Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ“ за 1911 г.); женатъ на англичанкѣ, дочери Русскаго морского офицера Генриеттѣ. (въ Православіи Елизаветѣ) Ивановнѣ Метемъ (Mettem), † 1861, погреб. въ церковной оградѣ церкви с. Знаменскаго-Игнацкаго Тарусск. у.—Привою разрешеніе, данное на вступленіе И. В. Н. въ бракъ:

Государь Императоръ по прошеніи вашему жениться на дѣвицѣ англичанкѣ Елисаветѣ Мѣткъ (sic!) всемилостивѣйше вамъ дозволяетъ. Военный министръ Графъ Аракчеевъ.

№ 36. Въ С.-П.Бургѣ.

Февраля 3 дня.

1808 года.

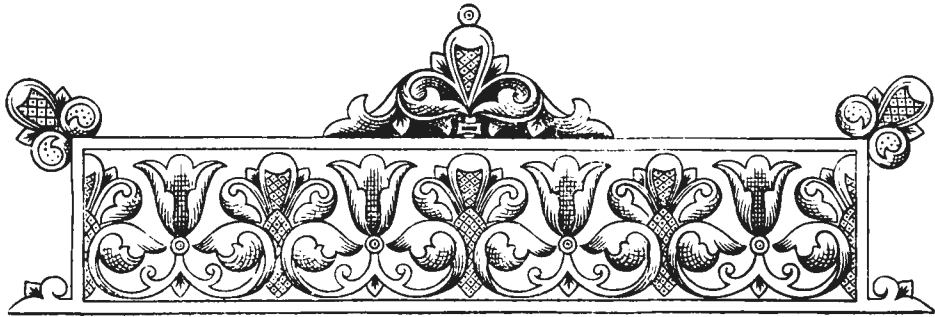
Г. ротмистру Александрійскаго гусарскаго полка

Нарышкину.

(Подлинникъ находится у А. А. Нарышкина).

Сообщилъ В. Арсеньевъ.

ВАРІАЦІИ НА ТЕМУ КРОНШТАДТЪ*)

„A Tale of the times of old!“

Ossian.

Представить не можете, Милосгосударя, съ какимъ удовольствіемъ читаются въ вашей Пчелѣ статьи о флотѣ, о корабляхъ, о Кронштадтѣ, тѣмъ, которые сами нѣкогда служили подъ красивѣйшимъ изъ всѣхъ военныхъ флаговъ—бѣлымъ съ побѣдоноснымъ Андреевымъ крестомъ. Море, со всѣмъ своимъ непостоянствомъ, со всею обманчивостію. со всѣми опасностями,—грозными бурями, вѣроломными штелями, имѣетъ свои неизъяснимыя, высокія прелести, прелести столь же заманчивыя, столь же увлекательныя, столь же неизгладимыя изъ памяти и сердца, какъ и—*sauf le respect pour les jolies dame*—прелести красавиць. Кто разъ „мѣдною“ грудью спознался съ нимъ, до гроба не забудеть, не разлюбитъ его—и, удаленный, съ такимъ же восхищеніемъ слушаетъ рассказы о немъ, какъ Швейцарець свою родимую „*Kanr-des-vaches*“!. Жаль одного старымъ морякамъ, что такія статьи рѣдки въ вашихъ листкахъ, не имѣютъ своего непремѣннаго въ нихъ мѣста. Кромѣ ихъ, сколько есть отцевъ и матерей, которымъ хотѣлось-бы знать, когда, куда и на долго ли поплывутъ дѣти ихъ на громоносныхъ лебедяхъ

*) Предлагаемыя „Варіаціи“ принадлежатъ перу декабриста подполковника барона Владиміра Штейнгеля. Статья эта предназначена авторомъ для „Сѣверной Пчелы“ и не напечатанная тамъ своевременно за неполученіемъ соответствующаго разрѣшенія, разыскана нами въ одномъ изъ архивовъ г. Иркутска. Читатель найдетъ въ ней много интересныхъ штриховъ, характеризующихъ русскій флотъ конца XVIII и начала XIX в.в. Цѣнность „Варіацій“, какъ матеріала для исторіи флота, усугубляется тѣмъ, что они голосъ образованнаго современника, заслуживающаго, по своимъ нравственнымъ качествамъ, полнаго довѣрія.

В. К—рій.

океана. Ей, ей, Милостивые Государи, смѣемъ предсказывать вамъ значительное приращеніе усердныхъ подписчиковъ, если вы „заведетесь“ постоянными корреспондентами въ Кронштадтѣ, Ревелѣ, Швеаборгѣ, Николаевѣ, Севастополѣ, Одессѣ; не мѣшаетъ и „у города“—и будете извѣщать о вооруженіи флота, о выходѣ на рейдъ, объ именахъ и рангѣ кораблей и капитановъ, объ отплытіи, о назначеніи, о возвращеніи, и о всѣхъ случайностяхъ, какія родителей и друзей молодыхъ моряковъ занимать могутъ. Подумайте, не больно ли иногда изъ Берлинской газеты и Гамбургскаго корреспондента узнать болѣе, нежели изъ своихъ газетъ. Представьте, случится бѣдствіе, разобьетъ корабль,—фрегатъ; объ этомъ крылатая молва донесетъ невѣрные слухи до кровныхъ, которыхъ сердцу юные моряки такъ близки, сколько догадокъ, опасеній, горести и слезъ безвременныхъ о „погибшихъ“ между тѣмъ какъ они всѣ спасены, и явили при этомъ случаѣ столько мужества, неустранимости и присутствія духа, что надо бы радоваться только и восхищаться, а не плакать. Несчастіе со всѣми бываетъ, тѣмъ чаще съ моряками; таиться нечего: тутъ нѣтъ ничего безславнаго для флота вообще.

У Англичанъ, за которыми покамѣстъ морская слава, кораблекрушенія почти ежегодны, а купеческой ихъ флотъ каждую осень теряетъ чуть не десятый процентъ. Въ 1799 году, пришедъ на Спитгедской рейдъ, мы любовались ихъ 120 пушечнымъ кораблемъ „Королевою Шарлоттою“ (Queen Charlotte), только-что „съ иголки“. На немъ вице-адмиралъ лордъ Кейтъ отправился тогда въ Средиземное море, и едва дошелъ до Ливорны, корабль взорвало на воздухъ. Отъ чего бы вы думали?.. Сѣно лежало близъ кухни и загорѣлось, ночью!—Они однакожъ не потапли грѣха, все рассказали цѣлому свѣту, какъ дѣло было. Тутъ узнали неимовѣрное присутствіе духа перваго лейтенанта (first lieutenant), который, до послѣдней минуты распоряжался съ полною энергіею моряка, и не хотѣлъ оставить корабля, изъ любви къ нему. И подлинно, было во что влюбиться; мы, тогда молодые, вчуже горевали, узнавъ объ этомъ происшествіи. Горесть наша тѣмъ была сильнѣе, что тутъ погибъ и нашъ, незабвенный для товарищей, молодой, много-обѣщавшій морякъ Куличкинъ, служившій волонтеромъ. Онъ могъ бы съѣхать на берегъ, какъ сами Англичане писали, и не съѣхалъ—Русскій!.. Сказали бы, что въ немъ менѣе духа, нежели въ Англичанинѣ, этой мысли онъ не хотѣлъ, онъ не долженъ былъ пережить; еще повторяемъ—Русской и морякъ! Подобнаго несчастія на нашемъ флотѣ не случалось, и, при нашей дисциплинѣ и порядкѣ быть не можетъ. Правда въ 1800 году, въ самой день

Высочайшаго смотра, при Красной горкѣ, поутру, загорѣлся было у насъ стопушечный корабль „Санктъ“ или какъ матросы называли „Самъ“ Николай; но отъ такой причины, которой, при тогдашнемъ невѣденіи о теоріи возгараемости, простительно было не предупредить осторожностію. Въ Шкиперскихъ каютахъ, около самой крѣпость-камеры, затлѣлась недавно выкрашенная олифою парусина, предназначенная на бортовые сѣтки. Корабль спасенъ догадливостію, проворствомъ и неустрашимостію подшкипера. Имя его должно бы сохраниться въ памяти моряковъ и въ самой исторіи флота; но, именно по молчаливости нашихъ газетъ, оно лишено этой справедливости, и самой примѣръ потерянь для предостереженія другихъ.

Англичане народъ рысковой, у нихъ и не такія еще бѣдствія бываютъ. Въ пятилѣтнее пребываніе нашего флота у Британскихъ береговъ случилось одно, какому также у насъ не бывало примѣра. Военный ихъ бригъ, спѣшившій къ Голландскимъ берегамъ, въ виду крейсеровавшей эскадры „зарылся“ и какъ ключъ ко дну! Онъ шелъ на фордевиндъ, и несъ слишкомъ много парусовъ, при сильномъ волненіи. У нихъ это считается молодечествомъ, и оно часто доводитъ до бѣды, чего впрочемъ они никогда не скрываютъ. У Французовъ недавно въ Архипелагѣ разбило корабль, помнится, Софрэнъ, и они всю подноготную рассказали, не таясь, и не стыдась. Нѣтъ, ей, ей, извѣщайте подробнѣе, откровеннѣе о флотѣ, о моряхахъ, обо всемъ, что „наносить“ моремъ и смолою, увидите, увидите бездну новыхъ подписчиковъ. Пусть молодые моряки пишутъ намъ, черезъ васъ, проще и отчетистѣе; мы будемъ довольны рады, благодарны. Не всѣмъ имѣть талантъ Евгенія Сю, да и къ чему онъ тамъ, гдѣ требуется болѣе правоты и точности. Послушайте совѣта: пустите вашу пчелку на приморскій берегъ; пусть она и съ морскихъ растеній, съ самыхъ моллюсковъ, собираетъ медъ для своихъ сотовъ; отведите для этого особый уголокъ въ ульѣ, подъ этикеткою „Nautica res“.—Для пелагофиловъ этотъ съ присолью медокъ будетъ слаще меда горы Гимета.

Все, что мы здѣсь сказали, пусть послужитъ „прелюдіею“ къ тому, чѣмъ намъ хочется позабавить, если удастся, васъ и вашихъ читателей—моряковъ. Однажды какъ то потѣшили вы насъ сочиненіемъ молодого, любезнаго питомца Нептунова, подъ рубрикою: „Варіаціи на тему: Кронштадтъ“. Изъ этихъ варіацій, пріятныхъ, утѣшительныхъ для уха, для сердца и для самой гордости Русскихъ, нѣкоторые тронули насъ за живое, иныхъ ухо наше почувствовало невѣрность. Мы ждали отъ кого нибудь изъ нашей братьи, смолянскихъ инвалидовъ,

отголоска; но старые моряки, на покоѣ, не очень видно любятъ приниматься за рупоръ; ожиданіе о сѹ пору остается ожиданіемъ: вздумалось самимъ попробовать—подыграть юному моряку. Чувствуемъ несообразность искусства; но такъ и быть просвищемъ хоть на засорившейся квартирмейстерской дудкѣ—„Варіаціи на варіаціи“ какъ бывало разыгрывали смолоду Гантошкина „Горюна“. За аплодированіемъ не гонимся; наша пора куда ужъ прошла!.. Только бы не ошिकाи. Вотъ же тѣ варіаціи, которыя беремъ за тему:

„Вы, ветераны флота временъ Екатерины и Павла... восклицаете: „вотъ то-то бывало у насъ на флотѣ,... вотъ то-то былъ въ наше время флотъ!“

„Знаю, старость пристрастна къ прошедшему; но, есть такія вещи, которыхъ нельзя не признать превосходства“.

„Я не имѣю яснаго, подробнаго понятія о томъ, что былъ Кронштадтъ въ наше время...“

„...Палы. Не отъ того ли произошло это названіе: „Палы, что эта часть низменна, *впали*?“

„Такіе ли были корабли въ наше время“?... (Сѣв. Пч., 1834, № 146.)

Не знаемъ, гдѣ любезный, юной морякъ подслушалъ восклицаніе ветерановъ того времени, надъ которымъ нынѣ забавляются, называя „онимъ временемъ“. Принадлежа къ числу ихъ, мы по-крайней-мѣрѣ, далеки отъ подобныхъ восклицаній. Напротивъ съ восхищеніемъ любуемся настоящимъ, и смалчиваемъ о быломъ; потому-что прошлое мертво, а *post mortem nihil aut bene!*.. Но, когда вызываютъ, надо говорить правду. Просимъ же прослушать.

Нынѣ со стопушечнымъ кораблемъ лавируютъ по Кронштадскому рейду, увѣряетъ юной морякъ; а мы, въ 1795 году съ 74-хъ пушечнымъ кораблемъ, „Сысоемъ Великимъ“ завозами тянулись съ рейда, да свалились съ кораблемъ „Болеславомъ“ и у него форъ-брамъ-стенги какъ не бывало! За то у насъ былъ капитанъ Потапъ Петровичъ!... Нынѣшнее поколѣніе моряковъ едва ли составитъ идею о немъ.—Бывало у Толбухина маяка снимаются съ якоря, а въ Кронштадтѣ слышно. Любимая команда вахтеннаго, лихаго лейтенанта, при навер-

тываніи шпиля, была: „шуми, ребята, шуми!“ и, нечего сказать, шумѣли всѣмъ міромъ преусердно. Тогда только, какъ побывали въ Англіи, узнали истинную прелесть,—сняться, и чтобъ ни гу-гу!.. Изрѣдка Нептуно-державный голосъ лейтенанта и дудочка Боцмана; а при шпилѣ барабанъ и флейточка. Переняли тотчасъ, за этимъ у насъ не станетъ. До Англіи, чуть къ концу сентябрь, и брамъ-стенъги въ ростры; а бомъ-брамъ-стенегъ и не знали: „авраломъ“ становились на якорь, авраломъ поворачивали чрезъ фордевиндъ; даже съ рифами возились по получасу, а потомъ стали спорить у кого „возьмутъ“ скорѣе, и бирали въ полторы минуты, и менѣе. Рѣдкой тогда офицеръ квадрантъ умѣлъ взять въ руки; о секстантахъ чуть еще слышали; барометровъ въ поминѣ не было; за-то вахтенные часто „придерживались къ вѣтру“ и нерѣдко „заглядывали въ нактоузъ“... для наблюденія за курсомъ, конечно. Что такое были штурманы, шкиперы, комиссары, констапели, объ этомъ палець на уста: къ нимъ тогда прилагалась пословица „кѣрица не птица“. Матросы, не говоря о костюмѣ, кто по-развалистѣе, да ноги колесомъ, тотъ и молодець; а солдаты морскихъ баталіоновъ подъ названіемъ „гороховиковъ“ только что толкались и мѣшали дѣлу. За то команда корабля бывала таже деревенька для капитана!.. Храни Богъ! сказать это обо всѣхъ: были исключенія; вспоминаемъ большинство, массу.

Капитаны тогда были лѣтъ уже далеко за сорокъ; румяные, съ окладистымъ брюшкомъ, потому-что изволите видѣть, ранги различались позументомъ по камзолу, вмѣсто того, что нынѣ знакъ различія подвинуть ближе къ головѣ. Бывало съ какимъ-то благоговѣніемъ смотришь, какъ онъ изволить итти къ шлюпкѣ, подпираясь длинною тростию, какія нынѣ употребляются одними священниками. Тогда не соблюдалась строгая точность въ униформѣ; всякой одѣвался по своей фантазіи, или какъ тогда говаривали, „по вольности дворянства“. Можно было встрѣтить капитана въ бѣломъ мундирѣ съ цвѣтнымъ жилетомъ и въ черномъ, атласномъ, короткомъ нижнемъ платьѣ, на которомъ бросалась въ глаза длинная часовая цѣпочка, золотая, украшенная эмалію, съ сердоликовыми и халцедоновыми печатками. Шелковые, бѣлые чулки и башмаки съ большими серебряными пряжками, или короткіе козловые сапоги, непременно со скрыпомъ, для важности; алой, голубой или пестрой платокъ на шеѣ, и круглая шляпа—довершали костюмъ капитана. Шагу съ золотымъ темлякомъ, или безъ темляка, если была золотая съ надписью „За храбрость“ и бѣлой плащъ съ золотыми кистями, непременно уже несъ вѣстовой изъ гребцовъ, идя сзади шагахъ въ пяти или десяти, судя по тому—сердитой

ли командиръ или милостивецъ; чаще, помнится, ходили въ десяти шагахъ. Капитана ожидалъ катеръ или „десятка“ подъ зеленымъ суконнымъ или бархатнымъ зонтикомъ съ золотою бахромою, и рисованнымъ сверху его гербомъ. На круглыхъ шляпахъ гребцовъ были большія бляхи тоже собственнымъ гербомъ капитана, и съ круглымъ, перегнутымъ тулью, султаномъ. Гребцы составляли какъ бы гвардію его, и непременно должны были жить при домѣ; а квартирмейстеръ шляпки былъ въ родѣ метръ д'отеля, если не назначалось другаго, постоянного изъ урядниковъ или кутыръ.

Въ это время флотъ имѣлъ своего Трунсона, и можетъ-быть не безъ Перигринъ-Пихля. Онъ ничего знать не хотѣлъ, что и какъ на сухомъ пути дѣлается и называется; но во всемъ видѣлъ море и морское. У него коляска именовалась барказомъ, линейка катеромъ, дрожки шлюпкою; закрыть ставни, на его языкѣ выходило „задрать порты“— „заряди мушкатонъ“ значило—набей большую пѣнковую трубку кнастеромъ, и т. п. Играя въ бостонъ, нерѣдко съ дамами, онъ всѣ четыре „крали“ называлъ по отечествамъ „услужливыхъ“ старушекъ въ Кронштадтѣ: Спиридоновна, Мелентьевна и т. д. За столомъ, изъ серебряной круглой табакерки, переважно, бралъ щепотку и посыпалъ всякое кушанье—табакомъ, думаете; нѣтъ, перцемъ!.. Словомъ оригиналь, и кто тогда не зналъ Степана Васильевича? Царство ему Небесное! давно покоенъ, а преудивительной былъ капитанъ! Пунши его имѣли десятка полтора названій; а кто „медвѣдя“ бывало откушаетъ; врядъ ли домой доплетется. Весело за то время проводили!.. о, если бъ всё поразсказать! Но перейдемъ скорѣе къ кораблямъ.

Стопушечные корабли были-таки на что нибудь похожи, имѣли довольно прямые батареи, и сидѣли ровно, казисто на водѣ. Особенно красивъ былъ корабль „Ростиславъ“ двухкаютной Катасанова*) постройки; другой „Двѣнадцать Апостоловъ“ славился мѣдною артиллерією, что, при тогдашнемъ дурномъ литіи чугуновыхъ пушекъ, увеличивало его силу. Напротивъ корабли втораго ранга имѣли сѣдливой видъ; корма и носъ были вздернуты, а середина низкая. Шканцы и бакъ цѣлою ступеню были выше узкихъ шкафутовъ, и когда подымались на ростры гребныя суда, выходило нѣчто, похожее на дромадера. Случалось видѣть корабли, при сѣдливой этой фигурѣ, съ переломомъ батареи, оконечностями внизъ. Великой стоило заботы въ

*) Катасановъ при Государѣ Павлѣ Петровичѣ былъ Оберъ-Сарвасромъ флота, и построилъ „Благодать“ и „Михаила“.

Англіи выпрямлять ихъ наружность краскою и бортовыми сѣтками. До того красились въ одну полосу, тоже съ погибью, грубо-желтою охрою, оставляя борты красными; а на шканцахъ зеленою или голубою краскою: но рѣзба гака-борта часто, ни дать—ни взять, походила на Новгородскія расписныя ставни; какихъ ужъ тутъ красокъ не было: бѣлая, красная, синяя голубая, и наконецъ золотистожелтая, рапиментомъ называемая, все скрашивала; но *de gustibus non est disputandum*—давно говорятъ. Такимъ образомъ мы, на настоящемъ „Элегейтенъ“ явились—было пощеголять подобною кормою въ Портсмутъ; но какъ насъ осмѣяли наши же, то мы въ одну ночь грѣхи покрасили одною блѣдно-палевою краскою.

Въ вооруженіи за красотою и чистотою не слишкомъ гонялись; многое часто бывало даже не въ пропорцію. Станутъ ли подымать барказъ, и сей-тали такъ завизжать, что можно подумать—живую свинью палить. Случалось тоже и съ марса-фалами. Марсели крѣпили „по-марсельному“, рубашкою опущенною на марсъ; гафелей и гиковъ не знали, ихъ замѣняли бизань-ру и драйверъ-рей; боканцевъ для яликовъ не было; флагъ и гюйсъ подымались на флагштокахъ.

Корабли не обшивались мѣдью; объ ней еще не знали. Въ 1787 году, когда капитанъ Муловской готовился въ первую кругосвѣтную экспедицію Россіянъ, которой помѣшала Шведская война, приготовленныя для него суда обшиты были мѣдными гвоздями съ широкими шляпками. Муловской палъ въ слѣдующей битвѣ, и славу, которую готовилъ ему покровитель его Графъ Чернышевъ, оставилъ въ наслѣдство знаменитому теперь Крузенштерну. Такъ справедливо: „*l'homme propose et Dieu dispose*“! Когда въ 1795 году, по оборонительному трактату, заключенному съ Англіею въ февралѣ мѣсяцѣ, наша эскадра ушла въ Нѣмецкое море; то вскорѣ корабли обросли бородою, и на силу двигались, сравнительно съ Англійскими. Это заставило нѣкоторые обшить, и когда вводили ихъ въ доки, находили всю подводную часть въ тинистой корѣ, на четверть толщиною, съ ракушками, морскою капустою и нестерпимою вонью; а фальшивую обшивку всю источенную червями. Англичане пожимали только плечами, и повторяли сквозь зубы свой любимый „*God dam!*“—За то мы видѣли зрѣлище, какое нынѣшнимъ счастливымъ морякамъ едвали удастся видѣть. Бывало весь флотъ идетъ полнымъ бакштагомъ, „неся всевозможныя паруса;“ а обшитые мѣдью корабли „имѣютъ одни марсели на изель-гофтѣ“. Такихъ было не много; корабли: „Елена“ бывший нѣкоторое время подъ вице-адмиральскимъ флагомъ Ханыкова; „Ели-

савета“ на которомъ „сидѣль“ вице-адмиралъ Макаровъ; „Ратвизанъ“ которымъ начальствовалъ П. В. Чичаговъ, и потомъ А. С. Грейгъ; фрегатъ „Венусъ“ взятый у Шведовъ храбрымъ Кроуномъ; катера— „Диспачъ“ (Dispatch), купленный у Англичанъ, и „Меркурій“ предъ которымъ „испуганная“ Венусъ спустила флагъ свой.

Перейдемъ собственно ко времени Павла I. Этотъ государь, столь долговременно готовившійся къ своему царствованію, и до того бывшій бездѣйственнымъ только наблюдателемъ, взошелъ на престолъ, Ему съ осьми лѣтъ принадлежавшій, съ преобладающею идеею о необходимости истребить роскошь; положить конецъ злоупотребленіямъ вообще, и вельможъ въ особенности; и водворить повсюду строгой порядокъ съ экономіею. Хотите ли изумленіемъ увѣриться въ отвращеніи Его отъ роскоши, взгляните въ Оружейной Палатѣ на костюмъ Его, въ которомъ Онъ короновался: увидите вещи заготовленные Коммиссаріатомъ для гвардейскихъ солдатъ того времени. Вообще, для приведенія въ дѣйствіе этой преобладающей идеи, взятые мѣры были скоры, рѣшительны, сильны; потому-что давно были обдуманы. Онъ выразились и на флотѣ, на который Государь обратилъ особенное вниманіе: Онъ былъ и остался его генералъ-адмираломъ. Изданъ былъ тотчасъ новый Морской Уставъ. Имъ перемѣнены флаги синій и красный; вмѣсто прежняго и нынѣшняго бѣлаго флага въ углу ихъ помѣщенъ гюйсъ, какъ у Англичанъ. Для сохраненій кораблей, повелѣно желтую краску замѣнить свѣтлымъ тиромъ. Это придало кораблямъ необыкновенный для военныхъ судовъ, и какой-то мрачный видъ, который въ торжественные дни только, и при парадахъ, нѣсколько разъяснялся отъ алыхъ, суконныхъ, съ бѣлою бордюрою, шканць-клетней, какихъ нынѣ уже нѣтъ. Для экономіи въ порохѣ, салютъ въ Царскіе дни отмѣненъ, и это много отняло у эффекта при „расвѣщеніи“ кораблей флагами. Перемѣна мундировъ изъ лебедино бѣлыхъ въ темно-зеленые, какъ ворона крыло, усиливала мрачное впечатлѣніе, особливо въ первый годъ; но вскорѣ привыкли, и нашли этотъ цвѣтъ и удобнѣйшимъ и приличнѣйшимъ. Съ другой стороны, на корабли стало доходить все положенное по штату съ совершенною точностію. Команды обратились къ настоящей службѣ только. Барщинѣ положенъ рѣшительный конецъ, и навсегда. Смѣха достойная пестрота костюмовъ исчезла; ввелось точное соблюденіе формы. Оригиналы вышли въ отставку, и многіе изъ молодыхъ, за отличіе по службѣ, и за приводъ рекрутскихъ партій, повышены чинами. Отъ этого всѣ чины, которые прежде, какою-то жалости достойною гордостію, въ частномъ обращеніи были совершенно разобщены, вдругъ сблизились, что впрочемъ ни мало не повредило дисциплинѣ.

Тутъ узнали, и часто твердили: „Дружба дружбою, а служба службою.“ — Въ 1797 году, когда Государь, поднявъ штандартъ на фрегатъ „Емануиль“ Самъ повелъ двѣ дивизіи бѣлаго и краснаго флаговъ къ Сескару, по соединеніи съ дивизіею синяго флага, пришедшею изъ Ревеля, явилось 47 вымпеловъ. Корабли были хорошо снабжены, и готовы къ бою хоть сейчасъ. До того, флотъ не бывалъ никогда въ такомъ полномъ строѣ. Въ 1800 году явились три новые корабли и два фрегата, составившіе Малтійскую эскадру, и мы видѣли Малтійскій флагъ развѣвающимся въ Кронштадтѣ. „Благодать“ со 138 жерлами была величайшимъ кораблемъ Русскаго флота, и вмѣстѣ свидѣтельствомъ неудобства подобнаго размѣра кораблей для нашего моря и портовъ. Впрочемъ, по краткости времени, не могло и произойти никакой важнѣйшей перемѣны ни въ наружности кораблей, ни въ сущности всего касающагося до благоустройства флота.—Какъ же прикажите намъ восклицать: „Вотъ то то былъ флотъ“?.. Лучше молчать. По крайней мѣрѣ мы останемся въ правѣ попросить юнаго моряка поправить ноты въ своихъ „варіаціяхъ“ и писать впредь: „я знаю, старость не всегда пристрастна къ прошедшему, и охотно готова признавать превосходство настоящаго“.. Между тѣмъ, позвольте. Если дѣло пойдетъ на то, какъ и тогда проявлялась сила Русскаго духа въ морякахъ; мы немножко пріосанились. Вспомните, что этотъ несовершенный флотъ громилъ Турокъ, и заревомъ при Чесмѣ освѣтилъ будущую свою славу. Онъ дрался потомъ со Шведами, въ полтора раза сильнѣйшими, и остался побѣдителемъ; а съ какими средствами? съ какими людьми?.. Многіе корабли въ 1790 году комплектованы были ночными бродягами, нахватаанными полиціею въ Санктпетербургѣ, и даже крѣпостными арестантами изъ Рогервика,—такова была крайность того времени!—Здѣсь кстати помѣстить анекдотъ не многимъ нынѣ извѣстный.

Когда Шведскій флотъ угрожалъ нападеніемъ столицѣ, Императрица Сама изволила посѣтить Кронштадтъ, и замѣтя Капитана надъ портомъ Одинцова, который былъ истинный типъ старыхъ моряковъ того времени, спросила: „А вы какого мнѣнія о Шведскомъ флотѣ?“ — „Ну Матушка, Государыня! я думаю напрасно беспокоиться; Шведской флотъ, ей, ей, двухъ грошей не стоитъ!“! Монархиня улыбнулась, и когда, послѣ троекратнаго сраженія, Шведы были прогнаны, изволила прислать съ нарочнымъ Одинцову золотую табакерку, туго набитую червонцами, приказавъ сказать, что это „тѣ гроши, которыхъ Шведской флотъ не стоилъ“.

При государѣ Павлѣ Петровичѣ, когда въ 1800 году объявлена была война Англичанамъ, надобно было видѣть, съ какимъ духомъ, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ моряки желали сразиться съ гордыми „Джеками“. Насъ не страшило, что опытомъ знали ихъ во всемъ превосходство. И, Богъ знаетъ, что было бы, если бѣ Провидѣніе не положило преждевременный конецъ жизни Государя ими оскорбленнаго. Славный, и всѣми любимый адмиралъ Александръ Ивановичъ Крузъ былъ еще живъ. Въ походѣ, „нести всѣ возможные паруса“; при нападенія на непріятели, „спуститься на пистолетный выстрѣлъ!“—были его обыкновенные сигналы. Исторіографъ флота не ошибется, если припишетъ ему наименование „адмирала на пистолетный выстрѣлъ“. Съ какимъ-то болѣзненнымъ чувствомъ смотрѣли мы всѣ на послѣдующія оборонительныя мѣры, когда обнаружилось намѣреніе не высылать флота изъ портовъ, и выжидать нападенія. Переговоры П. В. Чичагова съ лордомъ Нельсономъ отвратили и послѣднее. Заключенъ миръ. Военные не филантропы, и потому между моряками только и слышно было тогда: „Ахъ! канальство, не удалось!“

Хорошо кавалеристу гарцевать, когда конь во всѣхъ статьяхъ лихой; сполагоря моряку служить и отличаться, когда надежный корабль или фрегатъ летаетъ какъ птица, какъ „Паллада“—заглядѣніе!... съ которой стороны ни посмотри, залюбуешься. А какъ въ наше время бывало!.. Капитанъ прикажетъ поставить послѣдній стапель, посмотритъ, посмотритъ, топнетъ съ досады ногою о шканцы, „экая корова!“ скажетъ, стиснувъ зубы, и уйдетъ въ каюту. А прочность какая была!—Чуть буря, полъ вахты у помпъ; все скрипитъ, все расходится, кницы лопаются, болты высовываются изъ гнѣздъ. Съ такими кораблями пять лѣтъ, въ военное время, несли службу въ Нѣмецкомъ морѣ съ Англичанами. Бывало весь корабль, чтобы, такъ сказать, не развалился, стянуть найтовами, и отливая воду во всѣ помпы безпрестанно, все-таки держатся въ крейсерствѣ до срока, тянутся за Англичанами. Когда послѣ того, чинились въ докахъ, то ихъ моряки не могли надивиться смѣлости Русскихъ; увѣряя, что „за сто гиней“—вы знаете это пес plus ultra Англійскаго соблазна—не принудили бы ихъ служить на такихъ корабляхъ.—Въ 1798 году, въ сентябрь, изъ Ревеля послана была небольшая эскадра въ Англію съ контръ-адмираломъ Карцовымъ. Едва вышла она изъ Категата, какъ ее застигъ штормъ и адмиральской корабль „Принцъ-Густавъ“ изъ плѣненныхъ у Шведовъ, до того раскачалось, что онъ погрязъ въ хлябы Нѣмецкаго моря. По счастью, случился въ виду корабль „Алексій“, на который спаслись адмиралъ и вся команда, только въ чемъ были, прочее все

погибло. При всѣхъ этихъ неудобствахъ, чуть корабль поисправнѣе, служили такъ, что Англичане указывали пальцами. У нихъ въ это время былъ строгій вице-адмиралъ Опсло; онъ бывало, разсердясь, на своихъ капитановъ, говаривалъ имъ: „There is an young captain of the young float; let you teach from him“, (Вотъ молодой капитанъ молодого флота, учитесь у него). Эти слова относились къ капитану „Ратвизана“ П. В. Чичагову. Если наши любезные юные моряки сообразятъ все это, и сличать свои корабли, „скованные“ по Сепингеевой и и Зютермееровой методамъ, и вооруженные Пекансовыми бомбовыми пушками, съ тѣми, какіе „слачивались“ въ наше время, по дѣдовскому обычаю „тяпъ да ляпъ, клѣтка“, и обставлялись пушками, какія Богъ послалъ; то отдадутъ и старикамъ должное. Русская пословица говорить: „Тутъ устой, гдѣ кисель густой!“

Въ настоящее время, когда въ Англійскомъ парламентѣ лордъ Стюартъ, надсѣдающій, кричитъ противъ Россіи, взводя разныя на нее небывлицы, и подстрекая къ войнѣ, очень естественно склоняется мысль всякаго наблюдателя политическаго міра къ возможности разрыва съ Англичанами. Досада беретъ, когда слышимъ, какъ незнающіе дѣла, утверждаютъ: „куда нашимъ съ ними тягаться!“ Нѣтъ, мы не такъ думаемъ. Шансы Англичанъ далеко не равны теперь съ нашими. Надо вспомнить, что у нихъ при номинальной многочисленности кораблей, въ дѣйствительной службѣ не болѣе, сколько нужно для ихъ многихъ инстанцій, и они теперь только хлопочутъ, чтобы укомплектовать флотъ до 35 тысячъ. Если у насъ рекруты на флотъ, то и у нихъ 20 лѣтъ не было выстрѣла. Возгорись война, они ненавистнымъ, насильственнымъ своимъ „пресомъ“ нахватаютъ людей „съ бору и съ сосенки“ кого ни попало, недовольныхъ, непривычныхъ къ пушкамъ, ни къ ружьямъ, и при томъ треть команды ихъ кораблей составляютъ морскіе солдаты, которые, по собственному сознанию ихъ капитановъ,—послушайте Базиля Гала,—только-что служатъ помѣхою въ маневрахъ, и оттого называются ими *empty bottles*— „пустыя бутылки“. Напротивъ у насъ экипажи кораблей составляютъ 45 тысячъ самого дисциплинированнаго войска, въ полномъ цвѣтѣ мужества, съ равнымъ искусствомъ владѣющихъ ружьемъ и веревками, и, что того важнѣе, на кораблѣ—„въ одну душу!“ Съ такими людьми если наши примутъ абордажную методу войны. Англичанамъ врядъ ли сдобровать. Когда бывали драки, драки кровопролитныя, въ Шернесѣ и Чатамѣ, наши всегда ихъ били, не смотря на превосходство числа. Положимъ, имъ и удастся „пощипать“ насъ; что за бѣда?—Подъ Нарвою Русскіе были на голову разбиты, и это повело ихъ къ Полтавѣ, гдѣ Великій

Геній Россіи утвердилъ за нею побѣду. Насъ разобьютъ; никто не удивится: этого дескать и ждать было надо. Всѣмъ „извѣстно“, что Англичане „должны“ побѣждать на морѣ, и Наполеонъ въ этомъ былъ увѣренъ!.- Но, Боже сохрани, если удастся, при первой встрѣчѣ ихъ поколотить, морская слава ихъ навсегда погибла!—Тогда пришибленнаго „Леопарда“ всѣ примутся щипать; таковъ ужъ законъ природы; радъ будетъ, если одной шкурой поплотится. Замѣтимъ еще, мы во всякомъ случаѣ будемъ при своихъ портахъ, и съ шестимѣсячною зимою въ запасъ для исправленія; а при наступленіи осени, и при всякомъ поврежденіи надо переплывать на неугомонный Категатъ и Нѣмецкое море, или исправляться въ нейтральныхъ портахъ, платя за все втри-дорога. Словомъ мать-Россія можетъ быть крѣпко увѣрена, что моряки не ударятъ лицомъ въ грязь. Наваринъ живая порука; а смерть, вылетающая изъ Англійскихъ пушекъ, ни чѣмъ не страшнѣе зівшей изъ пушекъ Ибрагима... Но, порывъ къ отечественной славіи непримѣтно отклонилъ наши варіаціи отъ темы.

...Угодно имѣть ясное понятіе о Кронштадтѣ „нашего времени?“ Слушайте. Мы узнали его, когда докладывали гранитной Кроншлотъ, и только-что начали рыть „Италіанской прудъ“—нашимъ варіаціямъ на эти „варіацію-тему“ не было бы конца, если бы стали переливаться изъ *lamentabile* въ *allegro*, отъ *largo* пускаться въ *ad libitum*; но мы постараемся разыграть *staccato*, или, попросту „на щипокъ“.

Первый военный портъ Россійской имперіи, въ это время, былъ въ совершенномъ запущеніи. Что прочное осталось отъ геніальнаго основателя, съ надписью: „Дѣло являетъ, каковъ былъ трудъ“, то только и держалось. Пушки съ раковинами, на подгнившихъ станкахъ, составляли оборону бастіоновъ и куртинъ, едва держащихся отъ дряхлости. А гарнизонъ?—соотвѣтствовалъ вполнѣ укрѣпленіямъ. Нынѣшнее поколѣніе не въ состояніи представить себѣ настоящаго о немъ понятія. Гарнизонный солдатъ того времени въ такомъ же разстояніи, если не далѣе, стоялъ ниже послѣдняго нынѣшняго рядоваго инвалидной команды, въ какомъ этотъ отъ гренадира лейбъ-гвардіи; повѣрьте безъ преувеличенія. Что за костюмъ линяло-травяно-зеленый! Что за выправка!.. Что за амуниція!.. Нынѣ все это почли бы за самую ѣдкую каррикатуру на военное званіе. Тогда, въ насмѣшку, говорили, что выводъ гарнизонъ въ парадъ, офицеры командовали: „которые въ лаптяхъ въ переднюю, а въ отопкахъ (т. е. въ отоптанныхъ уже въ лаптяхъ) въ заднюю“.—Всѣ войски строились еще въ двѣ шеренги. Бѣдность была такова на всемъ, что даже ко-

пъеса у знаменъ были желѣзные, какъ на простыхъ пикахъ. И этого гарнизона, въ самое время войны со Шведами, было такъ мало, что кадеты Морского корпуса, который тогда помѣщался въ зданіи, занимаемомъ нынѣшнимъ штурманскимъ полуэкипажемъ, выводимы были три раза на земляной валъ, съ ружьями безъ курковъ, для маскированія, чтобъ издали могли быть приняты за войско!... Качаете головою, сомнѣваетесь, не вѣрите?.. Снимаемъ образъ со стѣны!—Послушайте далѣе. У крѣпостныхъ воротъ, которые ведутъ на „косу“, стоялъ часовой въ будкѣ,—это былъ родъ „избушки на курьихъ ножкахъ“—какъ бы вы думали? лѣтъ пятнадцать безсмѣнно! Онъ молодой и продавалъ табакъ „Амафорской“.—Тогда во всѣ караулы ходили по-недѣльно. Въ субботу свечера отдавалось отъ Главнаго Командира, въ приказѣ, кто куда назначался. Отъ этого у моряковъ нашего времени осталась поговорка: „А Прохору Лежневу быть по прежнему“. Былъ, вотъ видите, когда-то мичманъ шалунъ (потомъ однакожъ контръ-адмиралъ) котораго въ заключеніи каждаго приказа оставляли такимъ образомъ на слѣдующій караулъ. Можно легко вообразить, какъ соблюдалась служба при такомъ недѣльномъ „квартированіи“ на гаупвахтѣ.—Полиція была столь слаба, что не проходило ночи безъ грабежа, и даже убійства; ходили на ходуляхъ такъ называемыя „смертовки“ и желѣзными когтями обдирали прохожихъ; около огненной, какъ тогда называли, машины проходу подъ вечеръ не было; и это почиталось какъ бы не отвратительнымъ зломъ. Государь Павелъ Петровичъ всему положилъ конецъ; какъ рукой сняло: гарнизоны сравнялись съ лучшими армейскими полками; у полиціи откуда взялась бдительность.

Внутренность порта и города была не мощеная, и чуть дождь, грязь по колѣно. По отстройкѣ Екатерининскихъ казармъ, когда отъ нихъ провели открытые каналы, подобные прежнимъ Василеостровскимъ, къ морю, для стока нечистотъ; то къ „Заднимъ Паламъ“, безъ насморка, нельзя было приближаться... Не договариваемъ. Кстати объяснить. „Задними Палами“ это мѣсто звалось по аналогіи, а не отъ впалости. Въ Военной и Средней гаваняхъ, въ задніе палы ставились суда, никуда уже негодныя, предназначенныя къ сломкѣ; и слѣдовательно эта часть гаваней почиталась какъ-бы „забросовою“; такова точно была и та часть города. Нынѣ, видно, время отъѣло эпитетъ „Заднія“ и потому юный морякъ не доискался прямого происхожденія этого слова. Дряхлое состояніе гаваней, и прегрязное города, долго бы еще существовали, еслибъ не особенный случай, во многихъ отношеніяхъ, стоящій разсказа. Вотъ видите какъ это случилось. Въ 1801 году,

весною, по вскрытіи рейда, юный Государь Александръ дважды посѣтилъ Кронштадтъ. Возвращенные тогда изъ плѣна Англичане, вооружая свои суда въ Купеческой гавани, куда императоръ приставалъ,— по собственному побужденію раскидывались по реямъ и вантамъ, бросали вверхъ шляпы, и оглашали воздухъ громкими: „Hura! hura! Alexander for ever“! О русскіхъ и говорить нечего: все сливалось въ одинъ истинный восторгъ. Въ этомъ Триумфѣ Государь проходилъ отъ Купеческой гавани до адмиралтейства, и по осмотрѣ доковъ и бесѣдки, садясь въ шлюпку у рундука Средней гавани, отплывалъ изъ Кронштадта, довольный всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ. Въ это самое время контръ-адмиралъ П. В. Чичаговъ возвратился съ благопріятнымъ окончаніемъ порученныхъ ему переговоровъ съ Нельсономъ, и ему Высочайшимъ приказомъ повелѣно „состоять въ свитѣ Государя“. Слыша отъ окружавшихъ Монарха какъ были въ Кронштадтѣ, и какъ Государь былъ всѣмъ доволенъ, Павелъ Васильевичъ съ свойственною ему улыбкою сказалъ: „Попробовалъ бы Государь заглянуть туда, гдѣ сто лѣтъ ни одного Монарха нога не бывала, Онъ увидѣлъ бы совсѣмъ другое“.—Это было пересказано Государю, и при первой встрѣчѣ съ Павломъ Васильевичемъ, Императоръ ему объявилъ, что въ слѣдующій разъ, какъ вздумаетъ ѣхать въ Кронштадтъ, возьметъ его съ собою, и надѣется увидѣть все въ настоящемъ видѣ. Такъ это и случилось. Павелъ Васильевичъ привезъ Государя къ среднимъ воротамъ Военной гавани, гдѣ насилу дождались, что бы отворили бомъ; кое какъ взошли по гнилой лѣстницѣ на гавань, и когда Императоръ пошелъ по гнилому мосту, Павелъ Васильевичъ на каждомъ шагу предостерегалъ Его: „Не оступитесь Государь“! Показавъ магазины Военной гавани, бывшіе въ самомъ жалкомъ положеніи, онъ повелъ Государя по Брамлинѣ, мимо губернскихъ казармъ, запачканныхъ, съ бумажками вмѣсто стеколъ; тутъ встрѣтилась толпа трекающихъ матросовъ съ засучеными брюками, по колѣно въ грязи; они тащили деревянный брусъ. „Что это значитъ?“ спросилъ изумленный Монархъ. „Это люди въ должности скотовъ“, отвѣчалъ Павелъ Васильевичъ, „положено до ста лошадей при адмиралтействѣ, а ихъ нѣтъ и третьей доли, и тѣ обращены на собственное употребленіе“.—Можно представить, какое это произвело впечатлѣніе и на юнаго монарха и на окружающихъ. Отсюда прошли къ Екатерининскимъ казармамъ, чрезъ такъ называвшуюся „Перемычку“, и наконецъ даже въ „Задніе Палы“. Тутъ Государь просто ужаснулся. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ оборотную сторону медали, а не ту, которую обыкновенно „любятъ“ показывать, Императоръ отѣхалъ съ неудовольствіемъ, но съ отличною благодарностію къ контръ-адмиралу Чичагову. На другой же или на третій день, послѣдовало

Высочайшее повелѣніе о составѣ комиссіи исправленія Кронштадскаго порта. Этимъ смѣлымъ и правдивымъ поступкомъ контръ-адмиралъ Чичаговъ проложилъ себѣ путь къ званію Морскаго Министра. Министество его тѣмъ уже составляетъ незабвенную эпоху въ Исторіи Россійскаго флота, что съ него всѣ военныя суда, безъ изъятія, начали обшивать мѣдью. Предчувствуемъ любопытство: „Какъ могъ Кронштадтъ остаться въ такомъ положеніи послѣ царствованія Государа Павла Петровича“? Могли бы отвѣчать удовлетворительно; но мы пишемъ не *Mémoires* а „варіаціи“, которыя становятся можетъ-быть, и безъ того утомительны. Показать ли еще нравственную сторону?... Вызывать ли изъ гробовъ тѣни силачей, питуховъ, оригиналовъ, остряковъ и такъ называемыхъ „раздрогъ“ того времени, о которыхъ пѣвали: „Во первыхъ-то санияхъ... такой-то; во вторыхъ-то санияхъ... такой то“, и припѣвали хоромъ: „Ой-ли“!... Нѣтъ, не достаесть смѣлости. Миръ праху ихъ: они жили въ безмятежномъ духѣ своего „Кронштадскаго“ времени; вотъ все, что о нихъ сказать себѣ позволяемъ.

Юные любезные моряки! не осуждайте же насъ стариковъ. Мы не виноваты, что по закону природы, родились прежде васъ, и не могли имѣть того образованія, которое вашею счастливою звѣздою, вамъ досталось въ удѣлъ. Не забудьте, мы вамъ братья единопутробные: мы изъ тѣхъ же сосцевъ сосали млеко познанія, изъ которыхъ и вы; ваше гуще, сытнѣе передъ вами! Но квасъ, вѣроятно, остается въ одной добротѣ, и мы пили его изъ тѣхъ же серебряныхъ стопъ, съ позолотою внутри, въ которыхъ и вамъ подавали. Священныя связи: они выше всякаго родства!—Нѣтъ, право, не кичитесь надъ нами, стариками.

В. Обвинской. (Баронъ Штейнгель.)

Иркутскъ.

7 октября 1836.

Сообщилъ В. Крыжановскій.

Два кругосвѣтныхъ плаванія на корабль „Суворовъ“

Въ Русскомъ Архивѣ за 1912 года была помѣщена статья „Схимонахъ Сергій“¹⁾—очеркъ жизни и дѣятельности Семена Ивановича Яновскаго, бывшаго правителя россійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ. Напечатанное жизнеописаніе составлено дочерью покойнаго С. И. Яновскаго, игуменьей Калужскаго Казанскаго женскаго монастыря, матерью Ангелиной. Съ рукописью „Схимонахъ Сергій“ инокиня Ангелина, въ мѣрѣ Яновская, передала мнѣ и нѣкоторые другіе документы, касающіеся жизни ея отца, а въ томъ числѣ и, помѣщенные ниже, письмо Семена Яковлевича Уньковскаго о первомъ плаваніи корабля „Суворовъ“ къ берегамъ Аляски и острова Ситхи (въ 1813-мъ году) и „Краткій очеркъ путешествія вокругъ свѣта на корабль „Суворовъ“ въ 1816-мъ году“. Послѣдній очеркъ составленъ самимъ Семеномъ Ивановичемъ Яновскимъ, участникомъ въ этомъ второмъ плаваніи корабля „Суворова“ къ острову Ситхѣ.

Корабль „Суворовъ“²⁾, построенный въ Америкѣ, въ Нью-Йоркѣ, прибылъ въ Кронштадтъ и былъ купленъ Россійской Американской

¹⁾ Русскій Архивъ 1912 года, книга 4-я. „Схимонахъ Сергій, (Семень Ивановичъ Яновскій и его записки).

²⁾ Корабль „Суворовъ“ имѣлъ слѣдующія измѣренія:

длина по палубѣ	99 футовъ.
ширина у миделя	18 футовъ.
глубина ахтеръ-штевня	16 футовъ.
форштевень	14 футовъ.
глубина интрьюма	18 футовъ.

Вмѣстимость имѣлъ 300 тоннъ.

Корабль „Суворовъ“ обладалъ слѣдующими качествами: самый лучшій ходъ его былъ 9 и 9¹/₂ узловъ. Онъ ходилъ бы и лучше, но мачты были укорочены; хорошо всходилъ на волненіе и былъ покоенъ на волнахъ; хорошо поворачивалъ и слушалъ руля; хорошо завировалъ. Кренъ имѣлъ до 30 градусовъ. На кораблѣ было 8 мѣдныхъ пушекъ восьми-фунтоваго калибра, которыя стояли на верхней палубѣ.

С. И. Яновскій.

Компаніей въ 1813-мъ году. Въ томъ-же году онъ отбылъ въ первое кругосвѣтное плаваніе подъ командой лейтенанта Михаила Петровича Лазарева, впоследствии знаменитаго вождя русскаго черноморскаго флота. Ближайшими его помощниками въ этой экспедиціи были: лейтенантъ Семень Яковлевичъ Уньковскій и лейтенантъ П. Ѳ. Повало-Швейковскій.

Въ это первое кругосвѣтное плаваніе корабль „Суворовъ“ отправился 8-го Октября 1813-го года и возвратился въ Кронштадтъ 16-го Іюля 1816-го года.

По окончаніи необходимыхъ исправленій на немъ, Россійско-Американская компанія вторично отправила судно въ плаваніе, опять туда-же, въ Ситху. Въ этотъ разъ „Суворовъ“ долженъ былъ плыть съ другимъ кораблемъ Компаніи—„Кутузовымъ“.

Командиромъ корабля „Суворовъ“ назначенъ былъ въ эту вторую экспедицію лейтенантъ З. И. Панафидинъ, первымъ лейтенантомъ—С. И. Яновскій, вторымъ лейтенантомъ—В. Г. Новосильцевъ, штурманскимъ ученикомъ—Домашевъ и въ качествѣ врача на корабль приглашенъ былъ—г. Берви.

Команда на корабль „Суворовъ“ состояла изъ 36-ми человекъ. Корабль „Кутузовъ“ ввѣренъ былъ капитанъ-лейтенанту Л. А. Гагемейстеру. Ему же поручено было главное начальство надъ обоими судами. Это было второе его кругосвѣтное плаваніе.

Такъ же, какъ и „Суворовъ“, „Кутузовъ“ построенъ въ Америкѣ и изъ Нью-Йорка прибылъ въ Кронштадтъ въ 1813-мъ году. Въ числѣ другихъ пассажировъ прибылъ тогда на немъ изъ Америки французскій эмигрантъ генералъ Морро. Въ Америкѣ корабль носилъ другое названіе—„Аннибалъ“. И быстротою хода, и другими качествами, „Кутузовъ“ значительно превосходилъ своего попутчика—„Суворова“.

Эскадра отбыла изъ Кронштадта 7-го Октября 1816 года. Подробности плаванія сообщаетъ намъ, помѣщенная ниже, записка С. И. Яновскаго.

Сослуживцы по флоту, въ годы своей юности С. Я. Уньковскій и С. И. Яновскій, встрѣтились, по прошествіи многихъ лѣтъ, въ

Калужской губерніи, гдѣ С. И. Яновскій приобрѣлъ небольшое помѣстье и гдѣ Уньковскіе издавна владѣли имѣніями.

С. И. Яновскій использовалъ здѣсь свой досугъ составленіемъ подробнаго описанія совершеннаго имъ кругосвѣтнаго плаванія. Увлечательно написанныя записки объ этомъ путешествіи по Атлантическому и Великому океанамъ были мною напечатаны въ 1898-мъ году въ „Извѣстіяхъ Калужской Ученой Архивной Коммисіи“. Повидимому, при составленіи этихъ записокъ С. И. Яновскій заинтересовался подробностями перваго плаванія корабля „Суворова“, и обратился къ проживавшему тогда въ Калугѣ С. Я. Уньковскому съ просьбой отвѣтить на нѣкоторые его вопросы. С. Я. Уньковскій откликнулся на просьбу своего стараго товарища помѣщеннымъ ниже письмомъ.

Письмо С. Я. Уньковскаго къ С. И. Яновскому

о первомъ плаваніи корабля „Суворовъ“ къ берегамъ Аляски.

Вы желаете, мой дорогой старый товарищъ, имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о плаваніи корабля „Суворова“ кругомъ свѣта съ моимъ другомъ, покойнымъ М. П. Лазаревымъ. Исполняя ваше желаніе, я сдѣлалъ выписку изъ журнала этого моего достопримѣчательнаго плаванія. Въ 1813 году я только что воротился изъ Англій на корабль „Борецъ“; Сентября 21 дня вводилъ въ гавань корабль. Покойный М. П. Лазаревъ пришелъ ко мнѣ и просилъ меня принять корабль „Суворовъ“, готовый къ отправленію въ Ситху, подъ мою команду. Это меня удивило, такъ какъ я зналъ, что Американская компанія сдѣлала уже условіе съ капитанъ-лейтенантомъ Макаровымъ, и корабль стоялъ на маломъ рейдѣ готовымъ къ отплытію. На это Лазаревъ мнѣ сказалъ, что Макаровъ съ офицерами Нахимовымъ и Бестужевымъ потребовали отъ директоровъ новаго дополнительнаго имъ жалованія. Время было позднее, а корабль надобно было отправлять; на Макарова и его товарищей, послѣ такого несвоевременнаго требованія, директоры не рѣшились довѣриться и просили капитана 1-го ранга Спафарьева рекомендовать имъ благонадежнаго офицера. Спафарьевъ зналъ Лазарева, представилъ директорамъ новаго начальника. Лазаревъ согласился на

тѣхъ же условіяхъ, это было наканунѣ моего возвращенія изъ Англіи. Такъ какъ я по списку флотскихъ офицеровъ стоялъ выше Лазарева, будучи его товарищемъ по выпуску изъ корпуса, потому (то) онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе принять въ командованіе корабль „Суворовъ“. Мнѣ показалось недобросовѣстнымъ это предложеніе, такъ какъ онъ уже договорился съ директорами, поэтому я рѣшился изъ одной дружбы отправиться на „Суворовъ“ старшимъ офицеромъ и, сказалъ я, что это будетъ мое послѣднее плаваніе. Любя страшно морское дѣло и зная его хорошо, мы порѣшили раздѣлять всѣ труды, равномерно и исполнять всѣ обязанности безъ уклоненія. Лазаревъ на другой день отправился въ Петербургъ, принявъ инструкціи и условіе, а я, съ позволенія капитана Ратманова, перѣхалъ на „Суворовъ“. Когда я осматрѣлъ команду и вообще нагрузку корабля, то нашель, что корабль „Суворовъ“ вовсе не готовъ на такое долгое плаваніе и въ такое позднее время: сухарные мѣшки положены были на водяныя бочки; ванты не вытянуты, какъ должно; на кораблѣ не оказалось ни одного рулевого, знающаго компасъ; грузъ положенъ неправильно и по неравномѣрности вѣса груза одна сторона его была кривѣе другого. Я тотъ же часъ принялся по возможности исправлять эти важныя непрактическія погрѣшности, и черезъ десять дней все было приведено въ должный порядокъ. Семь человекъ изъ команды оказались больными венерической болѣзнію; ихъ отправилъ въ лазаретъ, а на мѣсто ихъ съ кораблей „Борея“ и „Орла“ взялъ хорошихъ марсовыхъ матросовъ. Такимъ образомъ при энергичной дѣятельности „Суворовъ“ держался на водѣ, какъ слѣдовало ему отплыть въ море. Но, по прибытіи въ Портсмуть, потребовалось перегрузить его вновь. Изъ этого предисловія можно понять, какъ устроилось наше дружеское, изъ трехъ членовъ состоящее, общество, предпринявшее совершить дальнѣйшее морское плаваніе и не измѣнившее другъ другу до конца.

Вотъ вамъ и описаніе представляю въ томъ размѣрѣ, въ которомъ вамъ желательно знать:

8-го Октября 1813 года, рано поутру, когда весь Кронштадтъ спалъ, кромѣ однихъ часовыхъ, мы снялись съ якоря и пошли въ море, и такъ какъ тогда еще продолжалась война съ французами, то зашли въ Карлскорну, гдѣ нашли много англійскихъ судовъ, и отсюда, подъ конвоемъ двухъ фрегатовъ шведскаго и англійскаго, вышли, миновавъ враждующую тогда Данію. Благополучно прошли въ Нѣмецкое море, а 27-го Ноября пришли въ Портсмуть и бросили якорь на

Спитгедскомъ рейдѣ; вошли въ гавань и немедленно занялись перегрузкой корабля и исправленіемъ всего, чего не успѣли сдѣлать въ Кронштадтѣ. Черезъ три недѣли корабль былъ готовъ отплыть въ море, но суперкарго Мольо, 23-лѣтній молодой человѣкъ, проживавъ въ Лондонѣ подъ видомъ заготовленія назначенныхъ товаровъ въ Ситху; жилъ въ свое удовольствіе, о чемъ было донесено правленію Американской компаніи. Наконецъ, 28-го Февраля 1814 года, Мольо воротился изъ Лондона на корабль и мы снялись съ якоря при попутномъ NO вѣтрѣ. 13-го пришли на рейдъ острова Мадеры, гдѣ приняли двухъ быковъ и запаслись провизіей и дней оставили о. Мадеру. 21-го Апрѣля прибыли въ Рио-Жанейро. Здѣсь пробыли до 24-го Мая; снялись съ якоря, рѣшились плыть въ Австралію, потому, что въ южномъ полушаріи въ зимніе мѣсяцы вѣтры отъ Мадагаскара до Китайскаго моря дуютъ NO-вые, противные плаванію, а кругомъ мыса Горна въ эту пору опасно плыть по причинѣ господствующихъ западныхъ вѣтровъ. Спустясь до паралели 42, мы совершали плаваніе почти всегда съ попутнымъ W-мъ вѣтромъ, хотя и бурнымъ, но плаваніе наше было успѣшно. 12 / 24 Августа пришли въ портъ Джаксонъ, находящійся въ 34 южной широты; здѣсь повѣрили свой хронометръ по разстояніямъ солнца и луны, и исправили все, чтобы продолжать свое плаваніе. 2 / 14 Сентября снялись съ якоря, пошли по курсу NNO-та къ берегамъ Ситхи.

28-го Сентября / 3-го Октября открыли новые острова; по отчетливому наблюденію нашему по разстояніямъ солнца и луны, мѣсто ихъ опредѣлили въ 13° 12' 30 „южной широты и 196° 31' 30“ восточной долготы; наименовали ихъ въ честь корабля и полководца нашего островами Суворова. Низменности этихъ пяти острововъ необитаемы и растутъ одни только кокосовыя деревья, съ которыхъ мы сняли большой запасъ орѣховъ. 17 / 29 ноября, отъ Портъ-Джаксона не заходя никуда, прибыли въ Ситху, бросили якорь на маломъ рейдѣ и ошвартовались, прибравъ канаты и паруса до слѣдующаго назначенія къ плаванію. Въ Ситхѣ мы прозимовали. Наше плаваніе изъ Кронштадта замедлялось прихотливыми прогулками суперкарго Мольо во всѣхъ портахъ; онъ руководился хитрымъ и лукавымъ докторомъ Шеферомъ, больше думалъ о своемъ удовольствіи, нежели о интересахъ компаніи. Да, правду сказать, и въ Ситхѣ отчасти кутили, иногда до сумасбродства. 4 / 16 мая 1815 года, по назначенію правителя колоній, мы отправились въ Камчатское море къ островамъ св. Георгія и Павла, гдѣ приняли грузъ 70.000 шкуръ морскихъ китовъ, 1.000 штукъ песцовыхъ мѣховъ, моржевыхъ клыковъ, китовыя усы и си-

вучьи шкуры, съ запасомъ алеутскихъ к.¹⁾ воротились въ Ситху 9 / 21 іюня, сдавъ грузъ, и немедленно получили новый грузъ, назначенный къ отправленію въ Россію. М. П. Лазаревъ получилъ инструкціи, куда намъ заходить при обратномъ плаваніи въ видахъ торговыхъ сношеній, и мы уже были готовы къ отплытію, а за нѣсколько дней до нашего отплытія произошла перемѣна и г. Барановъ рѣшилъ отправить Лазарева въ Охотскъ на бригъ „Марія“, а корабль „Суворовъ“ принять мнѣ. Такое распоряженіе насъ изумило. Тогда я предложилъ Лазареву и Повало-Швейковскому составить Совѣтъ, и мы втроемъ составили актъ, чтобы немедленно оставить Ситху, руководствуясь инструкціями, данными Лазареву правленіемъ Сѣверо-американской компаніи, и той инструкціей, которая дана отъ правителя колоній; а такъ какъ по описи весь грузъ уже находился у помощника суперкарго Красильникова, то ему поручено было вести счета приходовъ и расходовъ. По этому нашему рѣшенію мы 25 іюня / 7 іюля 1815 года, съ разсвѣтомъ, снялись съ якоря и ушли изъ Ситхи, а суперкарго Молю съ докторомъ Шефферомъ²⁾ и

¹⁾ По всей вѣроятности: „котиковъ“.

²⁾ Докторъ Шефферъ, прибывшій на островъ Ситху на кораблѣ „Суворовъ“ 17 ноября 1814 года, оставленъ былъ правителемъ колоній, Александромъ Андреевичемъ Барановымъ, въ виду предстоящей ему командировки на Сандвичевы острова, гдѣ онъ долженъ былъ уладить дѣло относительно груза, захваченнаго владѣтелемъ острова Аттува, королемъ Тамари. Въ 1814 году торговое судно Компаніи, „Берингъ“, остановилось у острова Аттува. Командовавшій судномъ, капитанъ Беннетъ, съѣхалъ на берегъ и расположился тамъ ночевать. Поднявшійся сильный вѣтеръ выбросилъ судно на берегъ. Владѣтель острова Аттува, король Тамари, заявилъ Беннету, что онъ прикажетъ спасти грузъ съ разбитаго корабля и велитъ отнести его въ безопасное мѣсто. А когда это было исполнено, объявилъ ему, что, согласно праву, существующему на Сандвичевыхъ островахъ, всѣ вещи, выкинутыя моремъ составляютъ собственность владѣтеля острова. Протестъ Беннета не имѣлъ успѣха и послѣдній на американскомъ суднѣ воротился въ Ситху. Беннетъ предлагалъ Баранову силой оружія смирить дерзкаго дикаря, но правитель колоній не согласился прибѣгнуть къ силѣ. Онъ рѣшилъ отправить къ королю Сандвичевыхъ острововъ, Томеа-меа, вассаломъ котораго состоялъ владѣтель Аттува, доктора Шеффера и дипломатическимъ путемъ испросить повелѣніе Томеа-меа на удовлетвореніе Компаніи ея убытковъ. Вслучаѣ удачнаго разрѣшенія спора Шефферу поручалось вступить въ переговоры о постоянныхъ торговыхъ связяхъ Компаніи съ островами. Шефферъ хорошо былъ принятъ и Томеа-меа, и Тамари. Послѣдній согласился вернуть Компаніи весь грузъ, отвелъ русскимъ земля въ разныхъ частяхъ острова подъ плантаціи и для устройства факторій. Упоенный этими успѣхами, Шефферъ предложилъ тогда королю просить покровительства могущественной Россіи. Тамари, не понявшій значенія такой просьбы и вытекающихъ изъ нея обязательствъ, согласился было на его предложеніе. Когда-же ему разъяснили въ чемъ дѣло, онъ захвативъ Шеффера, прервалъ его затѣи и на американскомъ суднѣ выслалъ неудачнаго дипломата въ Бантонъ.

В. К.

штурманомъ Самсоновымъ остались на берегу въ домѣ г. Баранова, пируя всю ночь. На пути въ портъ С. Франциско 8 / 20 числа іюля подошли къ порту Бодего, колоніи Россійско-Американской Компаніи; а 9 / 21 іюля вошли въ самый портъ С. Франциско. Здѣсь запаслись свѣжей провизіей; 18 / 30 іюля ушли въ море, миновавъ экваторъ, пришли на видъ материка берега Американскихъ Штатовъ, мѣстечка Ат , въ 9 град. южной широты, легли въ дрейфъ, взяли свѣжей провизіи: свиней, куръ, ананасовъ, банановъ, и направились по направленію къ Лимѣ, столицѣ Перу.

24 ноября 6 декабря пришли въ Калиао, портъ, лежащій въ 12° южной широты, неподалеку отъ Лимы, столицы Перу. Здѣсь мы пробыли 67 дней по случаю торговыхъ дѣлъ. „Суворовъ“, первый русскій корабль, появился у береговъ Перуанскихъ, размѣнявъ свои товары на произведенія перуанскія: хину, мѣдь, перувиамскій бальзамъ, хлопчатную бумагу и завязавъ торговыя сношенія съ директорами Филиппинской компаніи, во главѣ которой былъ тогда извѣстный своимъ просвѣщеннымъ умомъ г. Абадіо; и оставивъ самое выгодное отношеніе въ торговлѣ Американской компаніи съ Филиппинской компаніей, мы простились съ Перуанцами 1 / 11 февраля 1816 года, снялись съ якоря и пошли на югъ къ мысу Горну, 22 марта / 3 апрѣля обогнули мысъ Горнъ при жестокомъ штормѣ, и не заходя никуда, пришли въ Портсмуть 7 / 19 іюня, откуда, по исполненіи необходимыхъ поправокъ корабля, снялись съ якоря. 24 іюня / 6 іюля, и 16 / 28 іюля благополучно пришли въ Кронштадтъ. Во все время нашего 2-хъ лѣтняго и 9 мѣсячнаго плаванія наша дружба трехъ товарищей никогда не нарушалась и только, къ сожалѣнію нашему, мы лишились двухъ добрыхъ матросовъ, оба они умерли отъ сильной чахотки, одинъ въ Ситхѣ, а другой въ Калиао, оба похоронены были подобающей честью. Миръ праху ихъ.

Изъ моего предисловія и выписки изъ моего журнала кажется я все сказалъ, чего (вы) желали отъ меня знать; о подробностяхъ же нашего морского плаванія, кромѣ обыкновеннаго морского журнала, я вѣдь записки историческія, которыя остаются на память моимъ дѣтямъ.

С. Я. Уньковскій.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВОКРУГЪ СВѢТА

на кораблѣ „Суворовъ“ въ 1816-мъ году.

(Памятная записка С. И. Яновскаго).

По исправленіи и по нагрузкѣ обоихъ кораблей („Суворова“ и „Кутузова“), мы вышли изъ Кронштадта 7-го октября и благополучно прибыли въ Копенгагенъ, гдѣ простояли три дня. Тамъ запаслись винограднымъ виномъ, ромомъ, сахаромъ и нѣкоторою живностью.

Въ Эльсинорѣ встрѣтили русскую эскадру—пять кораблей, идущую изъ Архангельска въ Кронштадтъ.

Въ Каттегатѣ, между Скагерракомъ и Норвегіей, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ послѣ разбился корабль „Ингерманландъ“, мы встрѣтили сильную бурю или штормъ отъ Запада, почему подошли къ норвежскимъ берегамъ и потребовали лоцмана. Отважные норвежцы, несмотря на страшную бурю прибыли къ намъ на маленькомъ палубномъ ботикѣ и ввели насъ въ небольшую бухточку, близъ Христианіи, окруженную со всѣхъ сторонъ высокими горами. Въ ней мы простояли сутки весьма спокойно, пока утихла буря.

Норвежцы продавали намъ рыбу и огромныхъ морскихъ раковъ, такъ что одного рака довольно было на двухъ человѣкъ, чтобы хорошо позавтракать.

На другой день вѣтеръ сдѣлался попутный и мы немедленно вышли изъ бухты.

Капитанъ Гагемейстеръ, желая избѣжать пошлинъ, которыя платятся въ Англійскомъ каналѣ, вздумалъ обойти по сѣверную сторону Англии.

Мы прошли между Оркадскими и Шотландскими островами—проливомъ близъ острова Вѣны; вѣтеръ былъ намъ попутный, свѣжій; мы имѣли ходу 8 узловъ; но теченіе изъ Атлантическаго Океана въ проливѣ было такъ сильно, что мы едва подвигались впередъ; однако-

же благополучно, къ вечеру, прошли проливъ и вступили въ Атлантическій Океанъ.

Мы еще не успѣли отойти отъ Шотландскихъ острововъ, какъ вѣтеръ перемѣнился и задулъ отъ запада сильными порывами или шквалами съ дождемъ; мы были въ большой опасности. Опасаясь, чтобы волненіемъ и бурей насъ не выкинуло на Шотландскіе острова, мы легли лѣвымъ галсомъ къ сѣверу, рисковали мачтами и несли большіе паруса: марсели рифельныя всѣми рифами, гротъ-фокъ-рифельныя и безань.

Это было въ половинѣ ноября мѣсяца; наступила ужасная темная, продолжительная, 18 часовая ночь, буря не утихала и мы находились всю ночь въ величайшей опасности. Наконецъ, слава Богу, разсвѣло; мы увидѣли острова, которые уже миновали и внутренно благодарили Бога, за наше спасеніе; мы дошли почти до о. Исландіи, до 62° сѣверной широты.

На другой день вѣтеръ задулъ попутный отъ нордоста и мы пошли далѣе.

Вѣтеръ вскорѣ вскрѣпчалъ и сдѣлался попутный нордостовый штормъ.

Въ это время отъ неблагоразумнаго распоряженія молодого неопытнаго лейтенанта мы едва не погибли. Онъ держалъ рифельный всѣми рифами форъ-марсель и рифельный фокъ, да крюсель. Эта большая парусность на передней мачтѣ при попутномъ штормѣ сильно нагнетала насъ къ низу, отчего одинъ разъ корабль такъ ужасно зарылся въ волны океана, что мы опасались, что онъ не вынырнетъ и останется на вѣки подъ водой.

Въ это время я и капитанъ, оба были на верху и въ одинъ голосъ закричали: „отдай шкоты, руби шкоты!“ Команда была прекрасная, и шкоты въ одинъ мигъ были отданы; корабль закачался и вынырнулъ изъ-подъ воды, принявъ на себя огромную волну океана, которая вся перекатилась черезъ черезъ него. Мы были въ ужасной опасности потонуть, но благодареніе Богу, только изорвали форъ-марсель, а корабль былъ спасенъ.

Мы держали курсъ къ Азорскимъ островамъ и прошли посреди ихъ; вѣтеръ сталъ тише и погода теплѣе и благопріятнѣе.

Корабль „Кутузовъ“, какъ лучшій ходомъ, въ туманѣ съ нами разлучился; рандеву назначены были острова Зеленаго мыса—островъ Мей, т. е. Май, крѣпость Порто-Прая. Мы туда пришли благополучно на третій день послѣ „Кутузова“ и стали на якорь въ 2-хъ верстахъ отъ берега. Рейдъ расположенъ такъ, что корабль закрытъ отъ сѣвера, сѣверо-востока и востока до юго-востока, т. е. онъ закрытъ съ той стороны, откуда дуетъ пасать.

Крѣпость стоитъ на высокомъ мѣстѣ и ограждена валомъ и пушками. Островъ очень гористъ, посрединѣ имѣетъ высокую гору, называемую Адамова Голова. Онъ лежитъ въ самомъ жаркомъ климатѣ и въ долинахъ имѣетъ роскошныя плантаціи; тамъ растутъ пальмы всѣхъ родовъ, сахарный тростникъ; превосходная шелковистая хлопчатая бумага, лимонныя и апельсинныя рощи и другія произведенія жаркаго климата.

Тамъ при насъ было все дешево. Индюшки, куры, бараны продавались очень дешево и мы сдѣлали большой запасъ; апельсины—полъ талера мѣрка, и мы остерегали команду, боясь, чтобы не обѣлись.

На островѣ есть одно допотопное дерево—баобабъ.

Пень или стволъ его не могли охватить девять человѣкъ своими обхватами, должны были приложить еще три обхвата; стволъ идетъ прямо, высоко, а на верху идутъ во всѣ стороны весьма толстыя деревья или вѣтки, составляющія крону. Дерево покрыто большими листьями и каждый годъ приноситъ большой продолговатый плодъ, въ родѣ тыквы, который любятъ обезьяны.

На деревѣ вырѣзаны имена нѣкоторыхъ знаменитыхъ мореплавателей, какъ-то: Кука, Ляперуза и другихъ, Наши офицеры тоже вырѣзали:—русскій корабль „Суворовъ“ 1816 года, декабря ... дня.

Мы здѣсь простояли недѣли двѣ, выкинули такелажъ, исправились и запаслись всѣми сѣстными припасами вдоволь и отправились далѣе въ столицу Бразиліи, Рио-Жанейро.

Изъ Порто-Прая я ѣздилъ верхомъ во внутренность острова и осматривалъ роскошныя плантаціи. Здѣсь никакой пристани нѣтъ; шлюпка пристаеетъ къ берегу, къ которому близко не доходить, то

надобно переходить по водѣ или перелѣзать на матросахъ; между тѣмъ здѣсь много небольшихъ, сажени по двѣ, акулъ или шарковъ, которые такъ и гонятся за шлюпкой до самаго берега, и отъ нихъ надобно отбиваться баграми.

Декабря дня оба корабля—„Кутузовъ“ и „Суворовъ“ перешли черезъ экваторъ и праздновали „праздникъ Нептуну“. Декабря ... пришли благополучно въ Рио-Жанейро, столицу Бразиліи. Тогда здѣсь находился самъ Португальскій король Іоаннъ IV-й, мать его и сыновья: Донъ Педро, бывшій тогда еще лѣтъ 18, и Донъ Мигуель, лѣтъ 8-ми.

Португальскій король Іоаннъ IV оставилъ Европу и свою столицу Лиссабонъ, чтобы не попасть въ руки Наполеона, который вскорѣ ее занялъ своими войсками. Бывши въ Рио-Жанейро, какъ капитаны обоихъ кораблей, такъ и нѣкоторые офицеры, представлялись королю въ его загородномъ имѣніи.

Во время пребыванія нашего въ Рио-Жанейро, португальцы-католики со всею торжественностью праздновали день Рождества Христова. Большая королевская кирка была наполнена знатнымъ народомъ. Какъ самъ король, такъ и вся его фамилія, находились тоже въ киркѣ. Кромѣ большихъ органовъ въ ней былъ большой оркестръ музыкантовъ и большой хоръ отлично хорошихъ пѣвчихъ, въ числѣ которыхъ, намъ сказывали, были и дѣвушки, одѣтыя мальчигами. Служба была самая торжественная. По окончаніи литургіи король со всею царскою свитою возвратился во дворець. Вечеромъ возлѣ церкви зажженъ былъ фейерверкъ и пускали ракеты и бураки.

Столица Рио-Жанейро имѣетъ болѣе двухъ сотъ тысячъ жителей.

Мы здѣсь простояли около трехъ недѣль. Продали нѣсколько бочекъ крупитчатой муки и запаслись ромомъ и сахаромъ.

Въ половинѣ генваря мы, оба корабля, оставили Рио-Жанейро, чтобы идти далѣе мимо мыса Горна въ Перу. Рандеву назначенъ былъ портъ Коллао. На другой день по выходѣ изъ Рио-Жанейро, при большомъ туманѣ, мы разлучились съ кораблемъ „Кутузовымъ“ и послѣ во все время имѣли плаваніе одни.

Мы прошли мимо самого острова св. Екатерины; далѣе мимо устья большой рѣки де ла Платы. Находясь въ 30 верстахъ отъ устья, мы видѣли ея теченіе по океану: она течетъ широкой бѣлой полосой, а морская вода имѣла голубой свѣтъ. Далѣе мы прошли проливомъ между Фолкландскихъ острововъ и берегами Огненной Земли. Такимъ образомъ мы достигли до параллели мыса Горна, но здѣсь встрѣтили сильные противные вѣтры отъ юго-запада. Опасаясь, чтобы насъ не прижало къ мысу Горну, мы легли на юго-востокъ и продолжали плаваніе до 62° южной широты, почти до того мѣста, гдѣ спустя 20 лѣтъ послѣ насъ, какой то англичанинъ открылъ высокіе острова съ огненною горою, которые назвалъ—Новая Шотландія.

Отселѣ мы поворотили на сѣверо-западъ и такимъ образомъ благополучно обошли мысъ Горнъ и всю Огненную Землю; но на высотѣ Хили (Чили) и Вайпарезо встрѣтили противные сѣверные вѣтры и легли отъ берега въ Тихій океанъ.

Здѣсь, по несчастью, когда мы брали рифы, то, по неосторожности молодого вахтеннаго лейтенанта, парусъ закинуло на рею и сбило въ море лучшаго ноковаго матроса; хотя были приняты всѣ средства къ его спасенію; но, къ великому сожалѣнію, онъ утонулъ. Недѣлю спустя послѣ этого, при тихомъ вѣтрѣ мы потеряли другого матроса, который упалъ съ бухшприта и не извѣстно почему не схватился за веревки, которыя ему подавали въ руки.

Недѣлю мы не дошли до порта Коллао и въ морѣ праздновали праздникъ св. Пасхи. На кораблѣ у насъ не было никакой живности и мы разговлялись только солониной съ скоромнымъ масломъ и яйцами. Священника на кораблѣ не было, мы отслужили воскресную службу т. е. часы, пропѣли „Христось Воскресе“, приложились къ образамъ и всѣ между собой похристосовались.

Черезъ недѣлю послѣ Пасхи мы пришли въ портъ Коллао и застали тамъ корабль „Кутузовъ“, который недѣлею прежде насъ пришелъ. Всего нашего плаванія отъ Ріо-Жанейро до порта Коллао было 88 дней—почти три мѣсяца.

Въ 12 верстахъ отъ порта Коллао, при подошвѣ горъ, находится огромная столица всей Перуанской имперіи—г. Лима. Тогда Перу принадлежала Испаніи и управлялась вице-королемъ, но она готова уже была отложиться и сдѣлаться республикой.

Г. Лима имѣеть около 250.000 жителей и въ немъ считается 85 монастырей. Въ окрестностяхъ Лимы находятся самыя большіе въ мірѣ серебряныя рудники, здѣсь ежегодно на монетномъ дворѣ выбивается болѣе 2.000.000 испанскихъ піастровъ, но вывозить деньги запрещено. Насъ, русскихъ офицеровъ, здѣсь принимали отлично хорошо.

Въ наше время здѣсь существовала еще инквизиція, и мы, всѣ русскіе, носили кресты на шеѣ, чтобы насъ не сочли за жидовъ.

Г. Лима лежитъ въ лучшемъ климатѣ, въ 12° южной широты, и производитъ множество всякихъ фруктовъ. Кромѣ денегъ здѣсь все очень дорого, а потому наши офицеры лишнее платье, бѣлье и другія вещи продали испанцамъ и получили за 1 р. ассиг. піастръ, который тогда ходилъ 5 руб. ас.

Г. Лима лежитъ при самой подошвѣ Кордильерскихъ горъ. Нѣкоторыя изъ нихъ покрыты вѣчными снѣгами, а въ числѣ ихъ есть и огнедышашія; высочайшая гора Шимборазо, которая лежитъ въ 6° южной широты, бываетъ видна съ моря за 250 верстъ.—Вершина ея весьма рѣдко бываетъ видна; она имѣеть перпендикулярной высоты слишкомъ 6 верстъ. Знаменитый путешественникъ Гумбольдтъ всходилъ на ея вершину.

Въ Лимѣ никогда не бываетъ ни дождей, ни грозъ и никакихъ воздушныхъ элементовъ, только бываютъ весьма сильныя росы, которыя сильно смачиваютъ землю и даютъ всему плодородіе.

Хотя Лима лежитъ въ самомъ жаркомъ климатѣ, но въ ней довольно прохладно, потому что пассатный вѣтеръ всегда дуетъ съ одной стороны отъ юго-востока—отъ Кордильерскихъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ.

Но въ Лимѣ всякій мѣсяцъ бываетъ землетрясеніе при новолуніяхъ и при полнолуніяхъ, иногда весьма легкія, колебательныя, а иногда довольно чувствительныя. При насъ было два раза. Въ 1756 году вся Лима была разрушена ужаснымъ землетрясеніемъ—почти всѣ дома и церкви были разрушены, народу погибло болѣе 10 т.; мы видѣли одного старца лѣтъ 90, который былъ свидѣтелемъ этого ужаснаго бѣдствія.

Онъ говорилъ намъ, что никакими словами и выраженіями нельзя описать тѣхъ ужасовъ, которые тогда были; первый ударъ послѣдовалъ въ самую полночь, земля колебалась какъ волны, трескалась, разсѣкалась и поглощала людей и дома; тогда крѣпость Коллао была разрушена до основанія и провалилась сквозь землю. Мы для любопытства ходили въ нѣкоторыя развалины наполненныя костями.

Видя такое ужасное бѣдствіе въ столицѣ Лимѣ, люди однако-жъ не побоялись селиться опять на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были разрушены зданія.

Въ Лимѣ насъ, русскихъ офицеровъ, всѣ знатные принимали отлично хорошо, за что мы отплатили имъ роскошнымъ обѣдомъ, на который пригласили всѣхъ знатныхъ съ ихъ семействами. Вице-король прислалъ своего адъютанта, а прочіе, всѣ самыхъ знатныхъ фамилій, пріѣхали съ женами и съ барышнями—обѣдало всего около 30 человѣкъ.

На кораблѣ „Кутузовъ“—столъ былъ накрытъ на шканцахъ, подъ тентомъ; мы офицеры не сажались, а только прислуживали и старались угостить гостей, особливо дамъ; нѣкоторые изъ насъ уже довольно хорошо объяснялись по испански, обѣдъ былъ великолѣпный и гости были русскими весьма довольны. Всего въ Коллао и въ Лимѣ мы пробыли съ небольшимъ 40 дней и провели время весьма пріятно. Потомъ г. Гегемейстеръ отправилъ насъ однихъ на Ситху, а самъ остался еще нѣкоторое время для торговыхъ сношеній и полученія денегъ; и такъ въ іюнѣ мѣсяцѣ мы снялись съ якоря и оставили портъ Коллао. Мы проходили мимо самыхъ Галлопаговыхъ или Черепашихъ острововъ, которые лежатъ въ 5° южной широты; мы на нихъ посылали шлюпки и взяли нѣсколько черепахъ для пици. Отсюда пошли прямо на Ситху. Въ 20° сѣверной широты увидали небольшой о. Розу, прежде видѣнный какимъ то испанцемъ, но неутвержденный на картѣ; мы его обошли кругомъ, опредѣлили широту и долготу и положили на карту. Островъ версты двѣ имѣетъ протяженіе, покрытъ весь кокосовымъ лѣсомъ; довольно высокій, но необитаемый. Отсюда мы пошли прямо на Ситху и 22 іюля, по нашему счету, а по численію на Ситхѣ, 23 іюля благополучно пришли въ портъ Ново-Архангельскъ, отсалютовали крѣпости и она намъ тѣмъ же отвѣчала. Послѣ мы кинули якорь близъ самой крѣпости и ошвартовались.

На слѣдующій, 1818 годъ, корабль „Суворовъ“ отправился въ Россію съ грузомъ дорогихъ товаровъ и благополучно прибылъ въ Кронштадтъ, а я остался на Ситхѣ, женился на дочери бывшаго главнаго правителя, А. А. Баранова, молоденькой дѣвушкѣ Иринѣ Александровнѣ. Свадьба была 7 января 1818 г.

Послѣ Баранова я былъ главнымъ правителемъ всѣхъ Американскихъ колоній. 1821 года оставилъ Америку, а 1822 г. прибылъ въ Петербургъ.

С. И. Яновскій.

Помѣщенное выше письмо С. Я. Уньковскаго о кругосвѣтномъ плаваніи на корабль „Суворовъ“ въ 1814-мъ году и „Краткій очеркъ путешествія на островъ Ситху въ 1818-мъ году“ С. И. Яновскаго воскрешаютъ передъ нами два эпизода изъ исторіи Россійскихъ колоній на берегахъ Сѣверной Америки. Оба эпизода относятся къ послѣднимъ годамъ правленія А. А. Баранова.

Подробный очеркъ жизни и дѣятельности этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго человѣка впервые былъ данъ Кирилломъ Тимофеевичемъ Хлѣбниковымъ, бывшимъ правителемъ главной конторы въ Ново-Архангельскѣ, главномъ поселеніи нашихъ колоній въ Америкѣ. Хлѣбниковъ прибылъ на островъ Ситху въ 1818 году, съ Гагемейстеромъ, на кораблѣ „Кутузовъ“. Онъ пробылъ здѣсь долгое время: отъ начала 1818-го года по конецъ 1832-го. Неся обязанности правителя главной конторы, онъ долженъ былъ постоянно имѣть дѣло съ бумагами, оставшимися отъ Баранова: съ его письмами, отчетами и проектами. Это дало ему возможность основательно познакомиться съ богатымъ матеріаломъ пригоднымъ для біографа перваго правителя Россійскихъ Колоній въ Америкѣ. На обратномъ пути съ острова Ситхи Хлѣбниковъ использовалъ длинный досугъ кругосвѣтнаго плаванія составленіемъ вчернѣ задуманной имъ біографіи Баранова и въ 1835-мъ году выпустилъ ее въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Жизнеописаніе Александра Андреевича Баранова, главнаго правителя Россійскихъ колоній въ Америкѣ. Санктпетербургъ. 1835 года“, „Жизнеописаніе“ посвящено „Его Сіятельству адмиралу, члену Государственнаго Совѣта, всѣхъ Россійскихъ орденовъ кавалеру, графу Николаю Семеновичу Мордвинову“.

Видимому, книжка издана въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ, такъ какъ, просматривая въ теченіи многихъ лѣтъ каталоги книгопродавцевъ антикваріевъ, я ни разу не наткнулся на книгу Хлѣбникова.

А. А. Барановъ былъ родомъ изъ города Каргополя, изъ купеческой семьи. До 1780-го года онъ торговалъ въ Москвѣ и Петербургѣ, затѣмъ переехалъ въ Иркутскъ и основалъ тамъ стеклянный и водочный заводы. Подрядами и откупамъ онъ значительно увеличилъ свое состояніе и сталъ богатымъ человѣкомъ. Возвращавшійся изъ Америки, съ Алеутскихъ острововъ, Г. И. Шелиховъ искалъ подходящаго человѣка для управленія основанной имъ въ Кадьякѣ колоніи. Онъ предложилъ Баранову принять эту должность, но послѣдній, занятый своими торговыми дѣлами, сперва отклонилъ это предложеніе. Вскорѣ убытки, повесенные имъ по принятымъ откупамъ и подрядамъ, и, учиненный чукчами разгромъ Анадырской факторіи, гдѣ находились въ это время его товары, сильно подорвали его матеріальное благосостояніе. Барановъ согласился воспользоваться приглашеніемъ Шелихова.

Послѣ того, какъ капитанъ Берингъ открылъ Алеутскіе острова и показалъ путь въ полярныя страны Америки, русскіе промышленники на небольшихъ суденышкахъ и на байдарахъ стали часто предпринимать поѣздки на востокъ отъ Камчатки и Охотскаго порта. Поѣздки эти приносили имъ большія прибыли. Главною приманкою для нихъ былъ морской боберъ, въ то время въ большомъ изобиліи водившійся въ заливахъ Берингова моря. Басовъ, Наводчиковъ и Толстыхъ посѣтили Беринговъ и Мѣдный острова; Готовъ добрался до Лисихъ острововъ, штурманъ Прибыловъ открылъ острова, названные въ честь него Прибыловыми, и т. д.

Всѣ эти поѣздки носили случайный характеръ и, хотя промышленники, не ограничиваясь личными выгодами, собирали съ туземнаго населенія ясакъ въ пользу правительства, все-же власть послѣдняго въ этихъ странахъ носила призрачный характеръ. Прочное водвореніе русскаго владычества въ Сѣверной Америкѣ начинается только съ 1783-го года, когда бывший рыльскій мѣщанинъ, Григорій Ивановичъ Шелиховъ, сознательно поставилъ себѣ задачу: *упрочить за Россіей новооткрытые острова и земли и привести ихъ обитателей въ ея подданство, упрочивъ это владычество основаніемъ здѣсь постоянныхъ русскихъ поселеній.*

16-го августа 1783-го года Шелиховъ, съ женою и значительнымъ отрядомъ промышленниковъ, на трехъ судахъ, построенныхъ имъ на своей собственной верфи близъ Охотскаго порта, выступилъ въ море. 21-го іюня 1784-го года онъ прибылъ на островъ Кадыякъ. Попытки утвердиться здѣсь были предприняты еще въ 1761-мъ и 1776-мъ годахъ, но враждебныя дѣйствія мѣстнаго населенія не дали тогда возможности осуществить русскимъ промышленникамъ свое намѣреніе. Такое-же враждебное отношеніе къ себѣ со стороны туземцевъ встрѣтилъ на первыхъ порахъ и Шелиховъ. Съ нимъ было около двухсотъ вооруженныхъ людей, русскихъ и алеутовъ, но и такого отряда не достаточно было для покоренія острова силою. Шелиховъ рѣшилъ дѣйствовать инымъ путемъ: ласками и подарками онъ расположилъ къ себѣ наиболѣе вліятельныхъ тоэновъ (старшинъ) и склонилъ черезъ нихъ къ заключенію союза съ нимъ большую часть населенія острова. Это дало ему возможность прочно обосноваться на Кадыякѣ. Въ гавани Трехъ Святителей основано было русское поселеніе, нѣкоторое время служившее главнымъ опорнымъ пунктомъ русскихъ колоній въ Аляскѣ.

Въ 1785-мъ году Шелиховъ снарядилъ экспедицію къ Кенайскому заливу; посланные возвратились, привезя съ собою 20 человекъ заложниковъ отъ разныхъ племенъ. На слѣдующій годъ была отправлена имъ другая экспедиція, на этотъ разъ къ мысу св. Іліи; во время экспедиціи на островъ Афогнакъ и при Кенайской губѣ были выстроены первые въ этихъ мѣстахъ русскія укрѣпленія.

Торговля дѣла въ Сибири помѣшала Шелихову продолжать начатую колонизацію въ аляскинскихъ водахъ. Онъ поставленъ былъ въ необходимость найти себѣ замѣстителя; смѣлый и энергичный А. А. Барановъ являлся въ его глазахъ наиболѣе подходящимъ кандидатомъ.

Шелиховъ не ошибся въ своемъ выборѣ. Его преемникъ явился вполне достойнымъ его замѣстителемъ.

19-го августа 1790-го года, на галіотъ „Три Святителя“, Барановъ отбылъ изъ Охотскаго порта и 28-го сентября того-же года прибылъ въ Кошигинскую бухту на Уналашкѣ. Здѣсь судно должно было застать водою для дальнѣйшаго плаванія, но сильный штормъ разбилъ галіотъ. Большая часть груза и почти все имущество пассажировъ и экипажа поглотила морская пучина.

Посланный на Кадьякъ за помощью, Молевъ, по дорогѣ былъ атакованъ аляскинскими индѣйцами; сопровождавшіе его пять алеутовъ были убиты и самъ Молевъ съ большимъ трудомъ спасся на байдаркѣ къ острову Унгѣ. Такимъ образомъ всѣ надежды на скорую помощь рухнули и Барановъ со своими спутниками оказался обреченнымъ на зимовку въ Кошигинской бухтѣ.

Эта зимовка сопровождавшая частыми голодовками, имѣла ту хорошую сторону, что поставила Баранова въ необходимость на первыхъ-же порахъ основательно ознакомиться съ окрестною странюю и съ тѣмъ населеніемъ, которое теперь ввѣрялось его управленію.

Весною 1791-го года (25-го апрѣля) потерпѣвшіе крушеніе на трехъ большихъ кожаныхъ байдарахъ тронулись въ дальнѣйшій путь и 27-го іюня того-же года Барановъ благополучно прибылъ въ Кадьякъ.

Когда Барановъ вступалъ въ управленіе шелиховскими конторами, по островамъ Алеутской гряды въ разныхъ мѣстахъ дѣйствовали отряды и другихъ частныхъ компаній, купцовъ: Орѣхова изъ Тулы, Панова изъ Вологды, Киселева изъ Иркутска и т. д. Кенайскую губу занимали отряды якутскаго купца Лебедева-Ласточкина. На котиковыхъ островахъ св. Павла и св. Георгія хозяйничалъ, прибывшій на суднѣ Лебедева, мореходъ Прибыловъ. Всѣ они вели хищническую добычу звѣря, безпощадно истребляя естественныя богатства края. Адмиралъ И. О. Крузенштернъ, посѣтившій въ 1804—1805 годахъ Аляскинскія воды, даетъ очень вѣстную характеристику промысловой дѣятельности этихъ предпринимателей.

„Чрезмѣрное увеличеніе промышленниковъ—говоритъ онъ—влекло за собою вредныя послѣдствія, которыя безъ посредства купца Шелихова, положившаго основаніе нынѣшней Американской Компаніи, въ скоромъ времени разрушили бы совсѣмъ сію выгодную торговлю. Каждое, отправлявшееся на звѣриную ловлю судно, принадлежало особенному хозяину, который не думалъ щадить ни алеутовъ, ни звѣрей, приносившихъ ему богатства, словомъ они не помышляли о будущемъ, а старались только о поспѣшномъ наполненіи судовъ своихъ, какимъ бы то образомъ ни было, и объ обратномъ въ Охотскъ возвращеніи. Морскіе бобры и другіе звѣри, при всеобщемъ таковомъ опустошеніи, должныствовали неминуемо истреблены быть въ короткое

время; торговля прервалась бы сама собою, или, по крайней мѣрѣ, остановилась бы на долгое время. Шелиховъ, предвидѣвшій необходимость въ ограниченіи разрушительнаго образа промышленности, старался имѣющихъ участіе въ оной соединить въ одно общество, чтобы управлять имъ по предложенному плану“.

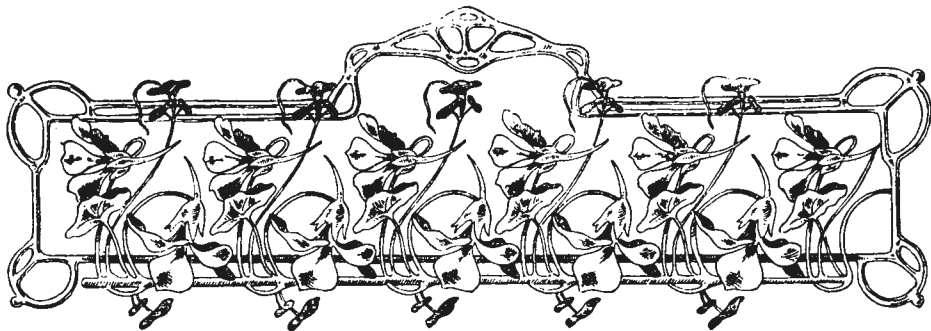
Мысль Шелихова нашла себѣ осуществленіе только въ 1798-мъ году, когда была образована состоявшая подъ Высочайшимъ покровительствомъ Россійско-Американская Компанія, съ правленіемъ въ Петербургѣ. Компаніи предоставлена была торгово-промышленная монополія въ Россійско-Американскихъ владѣніяхъ, на нее-же возложены были обязанности по администраціи края, гражданское и церковное благоустройство колоній.

По смерти Шелихова, его жена и товарищъ, купецъ Голиковъ, соединившіеся съ Компаніей Иркутскихъ купцовъ, увѣдомили Баранова о состоявшемся между ними соглашеніи и пригласили его продолжать службу въ Америкѣ въ качествѣ ихъ уполномоченнаго. Вскорѣ это объединенное товарищество преобразовалось въ упомянутую выше Россійско-Американскую Компанію. Барановъ былъ включенъ въ число акціонеровъ таковой и утвержденъ правленіемъ въ должности и въ званіи *главнаго прівителя колоній въ Америкѣ*. Въ его вѣдѣніе поступили теперь и другія конторы, основанныя русскими промышленниками.

Двадцать восемь лѣтъ (съ 1790 по 1818-й годъ) пробылъ Барановъ въ Америкѣ и, благодаря его энергіи и неусыпной дѣятельности, русскіе переселенцы и промышленники мало по малу прочно заняли все побережье Аляски и большую часть Тлинкитенскаго архипелага. На одномъ изъ острововъ этой группы, на Ситхѣ, Барановъ основалъ укрѣпленный постъ, вскорѣ разросшійся въ небольшой городокъ. Это селеніе, названное имъ Ново-Архангельскомъ, вскорѣ стало главнымъ пунктомъ Русской Америки.

Немало приходится дивиться тому, какъ смогъ Барановъ при тѣхъ незначительныхъ средствахъ, какими располагалъ, и при такомъ маломъ числѣ людей, какіе были въ его распоряженіи, совершить свое большое дѣло: утвердить русское владычество надъ громаднѣйшей территоріей, поддерживать торговыя сношенія съ Китаемъ, съ Сандвичевыми островами, съ Мексикою и съ Южной Америкой.

В. М. Кашкаровъ.

СТАРЫЕ ПИСЬМА И РЕСКРИПТЫ

(Изъ бумагъ Н. О. Кутлубицкаго).

I.

Письмо Н. О. Кутлубицкаго Н. С. Мордвинову

12 Августа 1815 г.

Почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства отъ 22 Юля я получилъ*) . . . да сохранить васъ Всевышній на многія лѣта какъ для любящихъ и почитающихъ васъ, такъ и для нашего Отечества.

Дай-то Богъ, чтобы Государь нашъ батюшка все *тамъ* кончилъ по доброму, къ намъ бы на Русь воротился поскорому, и за семейку свою немалую принялся бы по хорошему! а остальное не честивое сѣмя изъ земли русской велѣлъ бы повыдергать, чтобы дать свободный ростъ плоду русскому; а то у насъ нынѣ ничего почти и не родится путное, а если и уродится, то выйдетъ зелье змѣиное или сѣмя крапивное!

*) Въ этомъ письмѣ Н. С. Мордвиновъ писалъ между прочимъ: „Сей день получено извѣстie, что Буонапарть взятъ на островѣ Реѣ и повезенъ въ заточенie въ Шотландiю. Долго онъ о драгоцѣнной своей жизни торговался и сдался наконецъ *отъ страданiя къ своимъ товарищамъ, коихъ не хотѣлъ подвергать ядрамъ*: таковы были слова при сдачѣ сего *человѣколюбиваго* человѣка! Извѣстie это привезено гр. Шуваловымъ, который прибылъ въ Казанскую церковь при началѣ молебствiя, которое было въ присутствiи Императрицы по случаю занятiя Парижа. Явленiе Шувалова между нами начально смятенное, а потомъ, когда онъ былъ подведенъ къ Государынѣ—радостное восхищенiе. Изъ церкви высланъ былъ чиновникъ для объявленiя народу о поимкѣ адской сей фури и окончанiи войны“.

Очень благодарю васъ за новость, что славнаго атамана разбойниковъ, истребителя рода человѣческаго, насилу-то Англичане доѣхали, и что онъ тоже въ ихъ рукахъ. Хорошо бы они сдѣлали, если-бы ему хотя на толщину листовенную росту убавили, чтобъ онъ впередъ снова дурить не сталъ. Жаль, что остальныхъ разобрали по рукамъ¹⁾ я думаю на томъ свѣтѣ сатана ихъ давно ждетъ, не дождется!

. Скажу вамъ, между прочимъ, о Государственной нашей Макарьевской ярмаркѣ, на которой нынѣшній годъ способа не было бѣдному человѣку что либо купить нужное для домашняго обиходу; на примѣръ, вообразите—желѣзо—россійскій металлъ, не изъ за морей выписанный, и не запрещенный! а одинъ Московскій Купчинъ скупилъ большую его половину и получилъ барыша слишкомъ 600 тыс. рублей, а бѣдный крестьянинъ, который платилъ въ прошломъ году по 2¹/₂ рубл. за пудъ, теперь долженъ былъ платить отъ 4¹/₂—5 р. Одно селеніе недалеко отъ меня по прошлогоднему предполагало купить для храма желѣза 800 пуд. много за 2000 р. а принуждены были заплатить 4000, чтобъ не было остановки въ начатой постройкѣ, а послѣ этого еще говорятъ, что „бѣдный крестьянинъ продаетъ свой хлѣбъ дорого“! а я думаю, напротивъ, очень дешево: когда этакій-же бородачъ, но только *привилегированный мошенникъ*—недоволенъ барышомъ 15—25% въ годъ, а беретъ рубль на рубль и ни на кого не смотреть, то право не знаю, что изъ этого со временемъ выйдетъ! Но все-же: *сохрани насъ, Боже, и избави отъ адуманной монополіи*²⁾

. По гробъ мой, преданный ваш. Пр.-ву Н. К.

¹⁾ Мордвиновъ писалъ: „Добычу раздѣлили союзные Государи: намъ на часть достался Юсифъ, Императору Авендрійскому—Люціанъ, а королю Прусскому—Иеронимъ, Я надѣюсь, что нашего кормить будутъ русскимъ хлѣбомъ и по обряду церковному иногда квасомъ съ огурцами, иногда крошевомъ каустнымъ и нужно поговѣть имъ хорошенько Мясa они откушали много; особенно человѣческаго Потребна имъ пища христіанская“

²⁾ Н. С. Мордвиновъ, какъ извѣстно, былъ предсѣдателемъ Департамента Государственнаго Совѣта по Государственной экономіи, почему Кутлубицкій и писалъ ему объ ярмаркѣ столь подробно. Мордвиновъ, заканчивая письмо свое отъ 22 Іюля, писалъ: „Цѣлую васъ и желаю зависимо расширять поля ваши заѣвами и *богатѣть всеми благами мира*, который ожидать можемъ на долгія лѣта, когда всѣ будемъ читать русскую грамоту, а нечестивую французскую всю сождемъ“.

II.

Изъ писемъ монахини Варвары Васильевны кн. Голицыной. *)

1.

Папенька другъ мой, жалѣю крайне, что не могу сама къ вамъ прѣхать. О покупкѣ деревни Каменскаго Вы спрашивали, но онъ совсѣмъ не продаетъ, а продаетъ Марья Андреевна Прокудина, которая здѣсь въ Москвѣ, 100 душъ въ 40 верстахъ отъ Москвы, Верейской округи, 800 десятинъ земли, и лѣсу 100 десятинъ, есть при деревни и домъ. Послѣдняя цѣна 70 тысячъ; а еще другая въ 45 верстахъ по Петербургской дорогѣ, со всѣми выгодами и домъ который одинъ стоитъ 70 тысячъ рублей, сады, пруды, ранжереи, рѣка Клязьма! въ деревнѣ 100 душъ. Послѣдняя цѣна 125 тысячъ р. и множество лѣсу строевого и земли. Если угодно можно осмотрѣть. Продаетъ *сестра моя родная Анна Васильевна Норова*. Адіеи, любезный другъ, купите! знатно и модно и маменьку тѣмъ утѣшите

2.

Mes cheres amies, ma charmante Maman et mon adorable Papa, je vous prie—не забудьте снабдить шалунью, бѣшенную вашу дочку чаемъ! у меня весь вышелъ. За ваше здоровье *шалымановъ* напою . . нѣтъ, истинно шучу, а къ вамъ отношусь совершенно какъ къ матери и отцу сердобольному. Если буду столь несчастлива, что сами ко мнѣ не будете, то пришлите за что останусь *infiniment obligée* votre sincère amie, дочушка бѣшенная Варвара Голицына 1809 года.

*) См. Рус. Арх. 1912 г. Изъ Архива Н. О. Кутлубицкаго. „Письмо монахини“, настоящія письма помѣщаются дополнительно ввиду ссылки въ нихъ княжны В. В. Голицыной на сестру свою *А. В. Норову*, по которой возможно установить странную личность самой княжны. Въ ранѣ помѣщенномъ письмѣ она говоритъ о своемъ братѣ *Дмитрѣ* Вас. „который въ карты играетъ“ (sic!) Кромѣ того въ письмахъ Варвары Племянниковой (1802 г.) послѣдняя пишетъ Кутлубицкому: „желала бы съ вами породниться черезъ свою внучку княжну Голицыну—она очень на вашего маленькаго (сына) похожа“

В. В. Голицына была монахиней въ Никольскомъ ж. монастырѣ въ г. Арзамасѣ въ началѣ 1800-хъ гг.

III.

Милостивый Государь мой Николай Осиповичъ.

Его Императорское Величество повелѣтъ соизволилъ выбрать вамъ самимъ кого заблагоуразсудите изъ чиновниковъ быть воспріемникомъ сына вашего отъ имени Государя Императора. По полученіи-же изъ комнаты всемилостивѣйше пожалованнаго подарка, не замедлю оный доставить къ вашему превосходительству, о чемъ извѣстя имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью.

Покорный слуга

Москва.

Михайло Муравьевъ.

Октября 7 дня 1801 г. _____

Г. Кутлубицкому *).

Господинъ Генераль-Лейтенантъ Кутлубицкій! Въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 26 прошедшаго Сентября, скажу вамъ, что я съ удовольствіемъ согласна принять отъ купели новорожденнаго сына вашего, почему и поручаю вамъ по своей волѣ избрать кого либо къ заступленію моего мѣста при крещеніи. Впрочемъ пріятно мнѣ при семъ случаѣ увѣрить васъ о моемъ благоволеніи, съ которымъ на всегда пребуду вамъ

благосклонная Марія.

въ Москвѣ

Октября 6-го 1801 года.

IV.

Господинъ Генераль-Лейтенантъ Кутлубицкій!

Я имѣла удовольствіе получить ваше письмо и съ признательностью пріемлю изображенныя въ ономъ чувствованія усердія и приверженности. Отдавая онымъ полную справедливость и желая вамъ

*) Рѣчь идетъ о крещеніи перваго сына Н. О. Кутлубицкаго, Павла, родившагося 20 сентября 1801 г.. Дворъ былъ на коронаціи.

наслаждаться утѣшеніемъ видѣть сына вашего счастливымъ, я охотно возобновляю здѣсь увѣреніе въ совершенномъ доброжелательствѣ, съ каковымъ я пребуду вамъ

благосклонная Марія.

С. Петербургъ.

Декабря 23 дня 1826 г.

(Послѣдній рескриптъ Императрицы)

Г. Ген. Лейт. Кутлубицкій! Я имѣла удовольствіе получить ваше письмо и благодарю васъ за поздравленія и добрыя ваши желанія. Желая взаимно и вамъ здоровья и всякаго блага, повторяю здѣсь изъясненіе благорасположенія съ каковымъ я пребываю вамъ

благосклонная Марія.

въ Павловскѣ

Іюля 23 дня

1828 г.

У.

Милостивый Государь,

Николай Осиповичъ.

Его Импер. Высоч. Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ, согласно желанія В. Пр-ва, изволилъ мнѣ поручить доставить вамъ миниатюрный портретъ Его Импр. Выс. снятый въ дѣтскомъ возрастѣ, *въ томъ вниманіи, что ваше Пр-во были свидѣтелемъ перваго младенчества Ею Высочества.*

Исполняя таковую волю Е. И. В.

и проч.

Покорный слуга

Кн. Илья Долгоруковъ

3 Апрѣля 1848 г.

VI.

Высокопреосвященный Владыко, Милостив. Архипастырь.

Не нахожу словъ какъ принести мою искреннюю благодарность за разрѣшенное пр. Св. Синода позволеніе соорудить мнѣ храмъ Божій во имя Моего Благодѣтеля въ Бозѣ почивающаго Государя Импер. Павла Петровича! Да сохранить Васъ Всевышній своей десницей на многія лѣта! Какъ бы я счастливъ былъ, еслибъ Богъ благословилъ меня оный храмъ скорѣе соорудить и закончить отъ великихъ щедротъ и благодѣяній моего благодѣтеля, дабы изъ рода въ родъ возсылались въ немъ молитвы къ Всевышнему о спасеніи Его Души, *ибо по Божь онъ Единъ, имъ и существую!* Вотъ все мое къ памяти его—вѣрноподаническое приношеніе

(*Михаилу*, архіепископу Черниговскому и Нѣжинскому,
члену Св. Синода).

VII.

Жалоба Кутлубицкаго на Нижегородскаго епископа Моисея обер-Прокурору Кн. Голицыну.

3 Сентября 1819 г.

Милостивый Государь,
Александръ Николаевичъ.

Простите великодушно, что утруждаю Ваше Сіят-во всепокорнѣйшей просьбой, которой, можетъ быть, отвлеку на нѣсколько времени отъ вашихъ занятій—по сдѣланной мнѣ обидѣ Преосвященнымъ Моисеемъ, но она нестерпима, чтобъ не была доведена до вашего свѣдѣнія, какъ главнаго ихъ начальника.

Въ прошломъ 1818 году въ маѣ, вотчинъ моихъ деревни Алемаевой, коихъ приходъ состоитъ въ Вечкусовѣ, священникъ дѣлалъ разныя притѣсненія на счетъ вѣнчанія по дошедшимъ до меня отъ крестьянъ жалобамъ. Я послалъ къ священнику своихъ лошадей и про-

къ Преосвященному Доведа о семъ до свѣдѣнія Вашего Сіят-ва и представляя поступокъ нашего архіерея на ваше снисходительное разсмотрѣніе, препоручаю себя въ ваше благосклоннѣйшее распоряженіе, которымъ имѣлъ счастье столь долгое время пользоваться . . .

Вашего Сіятельства

всепокорнѣйшій слуга Н. К.

Сообщилъ Ив. Бронскій.

Александръ Васильевичъ Горскій въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ *)

Александра Васильевича Горскаго я въ первый разъ встрѣтилъ на приѣмномъ экзаменѣ въ 1858 г., когда поступалъ студентомъ въ составъ XXIII курса Московской Духовной Академіи.

На этотъ экзамень, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго ректора Академіи, архим. С., явились всѣ тѣ наставники Академіи, по предметамъ которыхъ долженъ былъ производиться экзамень. Ихъ было не меньше 5-ти. Въ числѣ ихъ былъ и А. В. Горскій, тогда еще свѣтскій профессоръ. Кромѣ ректора, который пріѣзжалъ за годъ до моего поступленія ревизоромъ въ ту семинарію, изъ которой я поступалъ, я никого не зналъ изъ пришедшихъ къ намъ экзаменаторовъ ни съ виѣшней стороны, ни со стороны ихъ нравственнаго и ученаго характера. И Горскій, горбатый и въ свѣтскомъ официалномъ довольно старомъ фракѣ, мнѣ показался тогда чиновникомъ изъ Духовнаго Правленія, какихъ я въ дѣтствѣ встрѣчалъ на родинѣ, когда они пріѣзжали къ отцу моему съ разными правленскими книгами и за сборомъ овса и ржи съ священно-церковнослужителей... Ректоръ производилъ

*) Помѣщаемыя здѣсь воспоминанія принадлежатъ одному изъ учениковъ знаменитаго ученаго, Александру Ивановичу Раменскому. Раменскій, по окончаніи курса въ Московской Духовной Академіи въ 1862 году, былъ назначенъ учителемъ въ Воронежскую Семинарію по классу церковно-библейской исторіи, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ перемѣщенъ на должность всеобщей и русской гражданской исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ: греческаго языка, православнаго исповѣданія и ученія о богослужбныхъ книгахъ православной церкви. Въ 1873 году, по болѣзни, онъ уволился отъ службы по духовному вѣдомству, и въ 1874 году былъ зачисленъ и. д. столоначальника въ одинъ изъ Московскихъ архивовъ. Здѣсь онъ пробылъ сравнительно недолго: въ 1877 году онъ оставилъ службу въ архивѣ и снова поступилъ на службу въ духовное вѣдомство. Дальнѣйшая судьба Раменскаго неизвѣстна.

Воспоминанія Раменскаго навѣяны были, вѣроятно, смертью А. В. Горскаго. Н. В.

экзаменъ медленно и утомительно. Экзаменъ былъ что-то въ родѣ *духовной инквизиціи*, посредствомъ которой ректоръ хотѣлъ вызнать не только умственные способности и познанія наши, но и черты нравственнаго характера. Пять человѣкъ въ одинъ разъ вызванныхъ должны были отвѣчать изъ 5-ти различныхъ предметовъ, пройденныхъ въ семинаріи. Такимъ образомъ, на срединѣ предъ сонмомъ экзаменаторовъ, приходилось въ необыкновенномъ умственномъ напряженіи стоять болѣе 3-хъ часовъ... Стоишь до того, что голова пойдетъ кругомъ, еле-еле не упадешь!... А ректоръ между тѣмъ бросаетъ медленно и съ небрежной разстановкой на всѣхъ, какъ стоящихъ, такъ и другихъ сидящихъ за партами, пытливые слова и взоры... Вопросы изъ всѣхъ предметовъ были то рядовые, (что по порядку слѣдуетъ изъ предмета), то неожиданные.

Среди такого экзамена, когда до меня дошла чередъ быть спрошеннымъ по церковной исторіи (предмету А. В. Горскаго), вдругъ поразилъ меня неожиданнымъ отрывочнымъ вопросомъ: „А не знаете-ли, зачѣмъ св. Іоаннъ Златоустъ пріѣзжалъ въ Константинополь?“ Такой вопросъ меня смутилъ... Стоять безмолвно казалось неудобнымъ... Я счелъ нужнымъ что-нибудь отвѣтить. „Его звали на Соборъ туда,—сказалъ я,—тогда было дѣло о сочиненіяхъ Оригена“.—„Что же читалъ Златоустъ Оригена?!“ съ нѣкоторымъ пыливо-угрожающимъ выраженіемъ голоса спросилъ меня Горскій. „Читалъ“, отвѣтилъ я. Тѣмъ и кончился мой экзаменъ по церковной исторіи. Какой баллъ мнѣ былъ поставленъ, я не знаю: это дѣлалось секретно.

Потомъ встрѣчались мы въ Академической библіотекѣ, которой онъ былъ библіотекаремъ. Какъ библіотекаръ, на молодого студента онъ не производилъ пріятнаго впечатлѣнія. Видно было, что раздача книгъ студентамъ была для него непріятна. Должно полагать, что онъ почиталъ потеряннымъ это время для своихъ ученыхъ занятій! Впечатлѣніе оставалось отъ него, какъ отъ старой дѣвы, невышедшей замужъ!...

Затѣмъ, помню Горскаго, какъ онъ, 19-го Февраля 1859 г., отправляясь уже въ Москву, для посвященія безъ женитьбы въ *блгые священники*, говорилъ въ Лаврской Трапезной церкви, (въ которую собирались студенты для слушанія литургіи, по неимѣнію церкви въ самой Академіи) проповѣдь изъ словъ Моисея: „помяните лѣта вѣчная, роды родовъ разумѣйте!“ (Проповѣдь эта напечатана въ Приб. къ Твор. Св. Отецъ). Она поражала слушателей необыкновеннымъ жи-

внѣніемъ и твердымъ паѳосомъ, съ которыми она произносилась; но я въ то время, увлеченный германскою философіей и свѣтскою словесностью, мало обратилъ вниманія на проповѣдь...

Затѣмъ, будучи студентомъ, я опредѣленъ былъ въ 1860 году письмоводителемъ академическаго правленія, и съ этого времени ближе уже познакомился съ А. В. Горскимъ. У меня начались съ нимъ отношенія по редакціонному комитету изданія св. отецъ въ русскомъ переводѣ. На имя Правленія академіи нерѣдко адресовались деньги отъ выписываемыхъ твореній св. отецъ изъ правленія, я и долженъ былъ относить эти деньги А. В. Горскому, который и принималъ ихъ отъ меня, какъ членъ комитета, подъ расписку въ особенной для сего книгѣ канцеляріи правленія. При отдачѣ этихъ денегъ меня поражала необыкновенная точность и осмотрительность, съ которыми онъ принималъ деньги. Онъ строго требовалъ, чтобы деньги не вынимались изъ отношеній и находились непременно въ тѣхъ именно отношеніяхъ, при которыхъ они присланы. Это для того, чтобы, какъ онъ самъ же объяснилъ, знать откуда присланы деньги, если онѣ окажутся поддѣльными. Вообще, старикъ съ сѣдой бородой, вѣчно окруженный массою книгъ, когда я ни приходилъ къ нему, при его точности онъ моему воображенію представлялся чѣмъ-то въ родѣ мага или колдуна!... Другіе студенты, выдавшіе его только въ классѣ, смотря на его внѣшній видъ, называли Николаемъ Чудотворцемъ Зимнимъ. Приходя къ нему, я долгомъ своимъ почиталъ каждый разъ подойти подъ благословеніе и поцѣловать руку. Благословивъ, онъ не давалъ цѣловать руки, но быстро отрывалъ ее, и, вмѣсто того, лобызалъ въ уста. При строгости его, я тогда не вѣрилъ и относился съ какимъ-то чувствомъ недовольства къ его лобзанію: мнѣ казалось это какой-то хитростью, обманомъ! Какъ будто въ поцѣлуѣ его передавался тебѣ тотъ злобный на все и на тебя характеръ, съ которымъ представлялся лобзавшій. Потомъ, при бѣльшемъ знакомствѣ, меня онъ началъ интересовать своею таинственностью. Невольно чувствуя къ нему уваженіе, какъ къ человѣку очень ученому, но въ то же время не чувствуя къ нему любви и привязанности, я сталъ вдумываться, что это за человѣкъ? Не скрытный никогда, я видимо для него самого сталъ слѣдить и всматриваться въ его движенія и слова. Можетъ быть, замѣтивши это, и онъ сталъ проще и ласковѣе ко мнѣ. Разъ дѣло чуть не дошло до любезностей. Пришелъ я къ нему вечеромъ, часовъ въ 6-ть, предъ нимъ самоваръ; посадилъ меня на стулъ и предложилъ чаю. Такъ какъ чай былъ сладкій, то я сказалъ, что не пью сладкаго чаю и не привыкъ къ нему, просилъ, чтобы онъ меньше клалъ сахару;

но онъ, напротивъ, положилъ еще больше. Затѣмъ разговоръ перешелъ къ жизни въ Академіи. Онъ представлялъ себѣ какъ-будто быть студентовъ совершенно неизвѣстнымъ. Я захотѣлъ было воспользоваться предметомъ разговора въ свою пользу и выпытать у него тайну тогда щедро производившихся изъ монастырей Московскихъ пожертвованій на Академію. Дѣло въ томъ, что у правительства явилась тогда мысль отобрать у монастырей капиталы. Покойный митрополитъ Московскій придумалъ, не отдавая ихъ въ свѣтскія руки, употребить на духовныя заведенія, и вотъ щедро посыпались на Академію пожертвованія отъ разныхъ монастырей. „Вотъ, заговорилъ я, будетъ хорошо-то жить въ Академіи! Полы будутъ паркетные... Нѣжности будутъ такія... Откуда такія и милости?“ Онъ посмотрѣлъ на меня, улыбнулся и сказалъ только: „да, по русской пословицѣ, если просишь корову, то теленка дадутъ“.

Во время моего письмоводительства въ академическомъ правленіи происходилъ приѣмъ дубликатовъ въ академическую бібліотеку изъ книгъ Синодальной Московской типографіи, передававшихся въ это время въ Публичную Библіотеку... На одной изъ бумагъ по этому дѣлу состоялась довольно длинная резолюція покойнаго преосвященнаго митрополита московскаго Филарета. Резолюціи митрополитъ Филаретъ писалъ скоро и небрежно, такъ что нужна была особенная привычка разбирать ихъ. Я любилъ углубляться въ его почеркъ, и все разбиралъ; но одного слова въ сказанной резолюціи никакъ не могъ разобрать ни по смыслу, ни по начертанію. Показалъ секретарю правленія академіи, чтобы разобрать. „Да, я уже лѣтъ 15 не читаю Филарета!“—сказалъ мнѣ секретарь. „Какъ же быть-то? Надобно въ журналъ внести!“—сказалъ я. „А вотъ что, сказалъ онъ, вы покажите Александру Васильевичу: онъ любитъ это!“

Я пришелъ къ Александру Васильевичу, принесъ бумагу съ таинственнымъ для меня словомъ въ резолюціи Филарета, и объяснилъ, что не могу разобрать А. В. дѣйствительно просіялъ духомъ при видѣ руки Филарета. Съ особенною благоговѣйною любовью взялъ у меня бумагу. Дѣло было въ томъ, что одинъ пунктъ резолюціи гласилъ: „Академія распорядитъ книги“. Этого-то слова: „распорядитъ“ я и не могъ разобрать. „Распорядитъ, распорядитъ, dirigit,—повторялъ А. В., любуясь въ то же время мудростію и красотою выраженія и примѣненіемъ онаго въ отношеніи къ распорядку книгъ въ бібліотекъ.

Однажды, идя къ А. В. съ деньгами и записными тетрадами, я увидѣлъ въ корридорѣ его двухъ молодыхъ женщинъ. Встрѣча женщинъ

въ Духовной Академіи, куда женщины не допускались, и при томъ въ корридоръ верхняго академическаго этажа, гдѣ жилъ Горскій, въ другое время меня удивила бы, но теперь я вполне былъ занятъ мыслью о надлежащей сдачѣ редакціонныхъ денегъ строгому и осмотрительному пріемщику ихъ, и потому появленіе особъ прекраснаго пола въ академическомъ корридорѣ на меня не произвело никакого впечатлѣнія и не возбудило ни малѣйшаго удивленія по своей странности и неожиданности. „Намъ нужно бібліотекаря, какъ пройти къ нему?“—спросили меня женщины. „Я къ нему иду; за мной извольте идти“, отвѣтилъ я имъ. Лишь только я пришелъ въ комнаты А. В. и расположился съ деньгами и документами, какъ отворилась дверь и явились помянутыя женщины. „Что вамъ угодно?“—Спросилъ ихъ Горскій. „Намъ бы нужно Библіотекаря“. „Я“,—сказавъ онъ. „Да намъ того, который неженатымъ постушилъ въ священники“. „Я“.—При этомъ послѣднемъ „я“ обѣ женщины упали тутъ же въ обморокъ. А. В. позвонилъ въ колокольчикъ, явился служитель его, и женщины были выпровожены изъ его комнатъ. Подойдя затѣмъ ко мнѣ, все занятому сдачей денегъ и бумагъ и мало обращавшему вниманія на происходившее, онъ сказалъ: „это все мной интересуются“. Потомъ онъ принялъ отъ меня деньги, и я удалился отъ него, занятый мыслью о другихъ своихъ студенческихъ и канцелярскихъ занятіяхъ, забывъ совершенно о происшедшемъ. Уже по окончаніи академическаго курса, находясь на должности, я какъ-то разъ неожиданно вспомнилъ это событіе. На этотъ разъ мнѣ представилось и психологическое объясненіе паденія въ обморокъ женщинъ. Я думалъ, что женщинамъ этимъ, по свойственному имъ любопытству, хотѣлось видѣть неженатаго священника, потому, что онѣ представляли его себѣ молодымъ и красивымъ. И вдругъ увидѣли предъ собой сѣдого старика. Думаю, что эта-то нечаянность и поразила ихъ до обморока.

Замѣчая во мнѣ вообще недовѣріе къ московскому богословскому направленію и большую склонность и вѣру въ кievское богословское направленіе, однажды, помню, вскользь, А. В. замѣтилъ: „да они по малороссійской пословицѣ: и Богу свѣча и черту кочерга!“ Но я все-таки оставался на сторонѣ кievлянъ, а не москвитянъ, ибо изъ дѣтства любилъ Иннокентія...

Когда писалъ я курсовое сочиненіе объ Эздрѣ (извѣстной Библейской личности) для полученія академической степени, которой я однакожь усиленно не искалъ, такъ какъ мнѣ, какъ и многимъ изъ моихъ товарищей, раздача этихъ степеней казалась неправильною, тогда мнѣ

хотѣлось для точности сочиненія непременно видѣть еврейскій Талмудъ. Горскій далъ мнѣ, хотя и неохотно, двѣ или три главы изъ Талмуда въ нѣмецкомъ переводѣ. Но я этимъ не удовольствовался и твердо рѣшился требовать весь Талмудъ. Пришелъ къ нему. Настойчивость моя, должно быть, удивила его. „Да у насъ нѣтъ его всего!“—И однакожь подошелъ къ шкафу, вынулъ какую-то книгу и разсѣлся предо мной съ такимъ важно строгимъ видомъ ученаго раввина, что я даже испугался и поспѣшилъ скорѣе уйти отъ него, не интересуясь болѣе полнымъ Талмудомъ.

Классныя лекціи Горскаго по церковной исторіи начинались жизнію Иисуса Христа. Излагалъ онъ событія Евангельской исторіи съ чувствомъ благоговѣнія къ нимъ, и молодому русскому сердцу въ этомъ благоговѣніи слышался какъ-будто оттѣнокъ католическаго или нѣмецкаго чувства. Эта молитвенная набожность его въ лекціяхъ, послѣ вкушенія древа познанія добра и зла въ нѣмецкой философіи и свѣтской словесности, производила на меня противоположное впечатлѣніе, хотя впоследствии она и не прошла безслѣдно для меня при самостоятельной разработкѣ всего того, что вынесено было изъ Академіи. Дальнѣйшія лекціи его по исторіи отъ временъ библейскихъ, наполненные массою цифръ, номенклатурою собственныхъ и географическихъ именъ, мнѣ казались скучны и утомительны! Но представляя его всезнающимъ, какъ бы самымъ церковно-историческимъ Архивомъ, я на лекціяхъ его, не слѣдя за чтеніемъ его, отдавался своей фантазіи и по своему воображалъ героевъ добра и зла изъ прошедшей жизни человѣчества. На другихъ товарищей моихъ студентовъ лекціи его производили то же впечатлѣніе и они или вовсе не стали приходить на нихъ, занимаясь себѣ въ номерахъ тѣмъ, что кому нравилось, или нѣкоторые приносили въ классъ и читали во время лекцій книжки свѣтскихъ журналовъ или вновь полученные номера русскихъ газетъ... Замѣтивши это, Горскій однажды призвалъ къ себѣ одного студента и просилъ его передать всѣмъ студентамъ, чтобы въ слѣдующій урокъ его собрались всѣ студенты, такъ какъ онъ на этотъ разъ намѣренъ сказать нѣчто необыкновенное. Болѣе половины дѣйствительно собралось, а много не явилось и на этотъ призывъ. Явившись въ классъ, онъ объяснилъ, что замѣчаетъ въ насъ равнодушіе и холодность къ своимъ лекціямъ, чего у предшествовавшихъ курсовъ не бывало, что объясняетъ эту холодность нашимъ непониманіемъ его лекцій, и потому съ сего дня онъ будетъ уже читать лекціи не съ кафедры, какъ дѣлалъ до сихъ поръ, а устно хочетъ преподавать ихъ намъ. При этомъ онъ просилъ студентовъ, чтобы послѣ первой лекціи, что кому покажется неяснымъ

или недостаточнымъ, тотъ на особомъ листикѣ подавалъ ему свои недоумѣнія и сомнѣнія, которыя онъ и общалъ разрѣшать въ слѣдующій же классъ. Нѣкоторые изъ студентовъ дѣйствительно предлагали такіе письменные вопросы, которые Горскій и разрѣшалъ въ классѣ, но скоро и этотъ обычай исчезъ. Препрежнее равнодушіе овладѣло студентами.

Передъ окончаніемъ курса, онъ опять призвалъ одного студента и спрашивалъ: „Не знаете-ли, почему студенты не ходили на мои лекціи?“—„Да не нравились онѣ студентамъ!“—отвѣчалъ тотъ.—„Я читалъ лекціи по первоисточникамъ; съ ними готовъ я итти на судъ Владыки, на судъ Божій“,—сказалъ на это Горскій.

Послѣ окончанія нашего курса (XXIII) А. В. Горскій опредѣленъ былъ Ректоромъ Академіи.

Ректоромъ Академіи его видѣлъ я въ 1867 г., когда проѣзжая мимо Академіи, на родину, мнѣ захотѣлось видѣть и Академію и Ректора ея. „А, вы не забыли насъ!“—встрѣтилъ меня такими словами Ректоръ. „И никогда не забуду“,—сказалъ я. „Глубокими чертами врѣзалась въ меня Академія!“—„Вы изъ Воронежа?“—продолжалъ Горскій, ну, что какъ у васъ въ Воронежѣ?“ Объясняя Воронежскую жизнь, я сказалъ между прочимъ, что мнѣ кажется, что все-таки тамъ хоть и русскій городъ, а чисто русской интеллигенціи нѣтъ. Много и тамъ поляковъ.—„А и тамъ много!“—замѣтилъ Горскій.—„Много нѣмцевъ; тѣхъ еще, должно быть, Петръ Великій натаскалъ“. (Это слово *натаскалъ* ему понравилось). „У Васъ тамъ былъ де-Пуле!“—продолжалъ Горскій. Я какъ умѣлъ объяснилъ, что такое де-Пуле. „Хоть и умный человѣкъ, говорилъ я о де-Пуле,—а все-таки есть въ немъ что-то католическое, какъ будто уже это въ самой крови... *Орденность*—вотъ онъ къ чему стремится“. „О, вы въ Воронежѣ выдумываете новыя слова!“—замѣтилъ Горскій. „А вы сами-то какъ тамъ живете?“—спросилъ Горскій. „Скучно!“—сказалъ я. „Вы женились бы“,—съ ироніей сказалъ ректоръ. Этой то ироніи я и ждалъ отъ него. Не помню теперь, какъ я назвалъ его; но сказалъ ему что-то въ родѣ слѣдующаго: „Ваше Высокопреподобіе! Да какъ же тутъ жениться? Все тамъ монахи или холостые наставники, и тѣ, которые женаты, какіе то безсемеинные, дѣти умирають. Какъ будто осѣчка человѣчества!“... Мои слова, видимо, подѣйствовали на него; насмѣшливость исчезла, и онъ погрузился въ глубокую задумчивость, такъ что и я молчалъ и онъ молчалъ.

Выручилъ пришедшій докторъ Академіи; но и при немъ смущеніе Александра Васильевича продолжалось. Онъ все еще молчалъ.

— „Вы звали меня!“ говорилъ докторъ.

— „Какъ звалъ? Нѣтъ, не звалъ!“

— „Нѣтъ звали!—продолжалъ докторъ,—потому я и пришелъ къ Вамъ“.

— „Да, вспомнилъ, дѣйствительно звалъ“.

Оказалось, что Горскому нуженъ былъ докторъ потому, что одинъ студентъ Академіи, уѣхавши въ Москву, прислалъ оттуда медицинское свидѣтельство о болѣзни глазами, подъ которымъ значилась надпись доктора Остроглазова. Такое совпаденіе фамиліи съ болѣзнію заставило осмотрительнаго ректора справиться у доктора: „не знаетъ-ли онъ, докторъ, есть-ли въ Москвѣ докторъ Остроглазовъ?... Не помню ужъ, что на это сказалъ докторъ, который скоро удалился; пошелъ затѣмъ и я, облобызавшись на прощаньи съ Александромъ Васильевичемъ.“

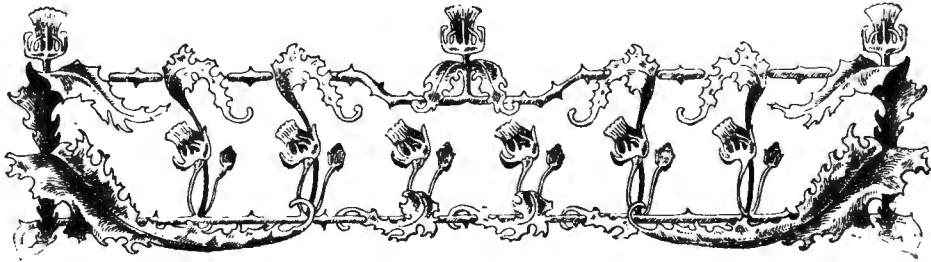
Послѣдній разъ я видѣлъ Горскаго въ 1873 году, на первой недѣлѣ Великаго поста. Уволенный тогда отъ должности, я пришелъ къ нему потому, между прочимъ, что хотѣлось себя повѣрить имъ. Показавъ свой аттестатъ, выданный мнѣ изъ семинаріи, я объяснилъ свое положеніе... Замѣтивъ, что аттестатъ мой измятъ и запачканъ отъ употребленія, такъ какъ онъ служилъ мнѣ и билетомъ, который я долженъ былъ показывать вездѣ¹⁾....., я попросилъ его принести листъ бѣлой бумаги и обернуть аттестатъ мой. „Вы, вѣдь, духовный?“ — „Да, самъ я не просился объ увольненіи изъ духовнаго званія!“²⁾. „Хорошо быть безъ должности,—говорилъ я между прочимъ, но вотъ только денегъ не откуда брать... Вотъ Іисусъ Христосъ училъ учениковъ не заботиться о деньгахъ и объ одеждѣ“...

„Вы не миссіонеръ!“—ласково сказалъ Горскій. И вообще въ этотъ разъ принялъ меня необыкновенно ласково, снисходительно и съ полнымъ участіемъ, замѣтивъ однакожь, что „Академія вамъ ничего не можетъ дать!“ „Немного дамъ я вамъ денегъ“, сказалъ Горскій, вынося изъ кабинета три рубля. И съ участіемъ проводилъ меня до самой двери изъ передней залы. Двигался въ это время онъ уже медленно и трудно....

Сообщилъ Н. Г. Высоцкій.

¹⁾ Нѣсколько словъ далѣе написано крайне неразборчиво.

²⁾ Тоже.

ШАМИЛЬ И ЧЕЧЕНЦЫ

(Неизвестный еще эпизодъ изъ завоеванія Кавказа).

Дѣятельность Шамиля, несмотря на большой интересъ къ ней нашихъ историковъ, до сихъ поръ не вполне освѣщена. Особенно ясно освѣщенъ вопросъ о подготовкѣ возстанія горцевъ и объ слияннн ихъ интересовъ въ одинъ—дѣло борьбы съ русскими. Во время нашего путешествія въ Чечню намъ удалось собрать небольшой матеріалъ по вопросу объ отношеніи къ Шамилю чеченцевъ. Почему то въ исторіи Кавказской войны послѣдніе, укравъ его въ своемъ аулѣ Веденѣ, рисуются ревностными приверженцами Шамиля. Отсюда и родилась традиція, считающая чеченцевъ наиболѣе ярыми противниками русскихъ. По нашему скромному убѣжденію дѣло обстояло не такъ.

Въ 1848 г. въ одномъ изъ горныхъ чеченскихъ аулахъ Дашни раздалась тревога, очень обычная въ то время, черезъ нѣсколько минутъ площадь мечети покрылась вооруженными. Женщины, погнавшія стада вернулись съ криками, что къ аулу ѣдутъ черныя суюлы (лезгины) и дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ на площадь въѣхали лезгины и объявили: „надъ Вашимъ ауломъ Шамилю угодно было назначить набомъ Магому, который скоро пріѣдетъ. Мы отъ его имени объявляемъ Вамъ это, чтобы Вы приготовились къ встрѣчѣ съ той почестью, какая достойна имама“. Сказавъ это лезгины, отправились въ кунацкія. Долго шумѣли чеченцы, не привыкшіе подчиняться ничьимъ приказаніямъ, а особенно переданнымъ лезгианами... Въ концѣ концовъ объявили посланцамъ: передайте Магомѣ, который Васъ прислалъ и скажите ему, что у насъ нѣтъ оловъ, чтобы выѣхать ему навстрѣчу, и нѣтъ дудочниковъ, какъ у Васъ въ горахъ, чтобы достойно его встрѣтить. „Мы выѣдемъ къ нему на коняхъ боевыхъ и вмѣсто дудокъ возьмемъ черныя винтовки и этимъ сдѣлаемъ честь глупому лезгину; но не радъ будетъ онъ такой встрѣчѣ и пусть лучше

не ѣдетъ къ намъ... Желаемъ вамъ счастливаго пути, ваши лошади готовы и сыты, поѣзжайте обратно". „Никогда не забывайте, что чеченцы были всегда свободны и умрутъ свободными". „Какъ надъ соколами смѣшно назначать набомъ ворона, такъ глупо Магомѣ быть начальникомъ надъ нами".

„Въ нашей груди еще бьются сердца львовъ". Одинъ изъ лезгинъ хотѣлъ что то сказать, но ему напомнили, что было бы гораздо лучше съ его стороны, если бы онъ не раздражалъ сходъ словами, а ѣхалъ скорѣе обратно.

Объяснить этотъ поступокъ Шамиля желаніемъ пользы дашнѣвцамъ нельзя. Шамиль видѣлъ въ свободныхъ и непривычныхъ подчиняться его желанію единичныхъ личностяхъ чеченцевъ—опасное противодѣйствіе своимъ намѣреніямъ и не стѣснялся въ выборѣ средствъ, лишь бы они вели прямо къ цѣли, стараясь подавить свободный духъ такихъ обществъ, какъ дашнѣевское. Надо отдать справедливость его уму,—онъ не зная о существованіи Маккіавели, тѣмъ не менѣе пользовался его политикой.

Но то, что геніальный умъ Маккіавелли примѣнялъ въ Италіи и то къ чему прибѣгнулъ его ученикъ Шамиль въ Дагестанѣ—оказали различные результаты. Политика Маккіавелли была непримѣнима къ чеченцамъ. Извѣстно, какъ усиліями долгихъ лѣтъ устроенное Шамилемъ зданіе рухнуло. Чеченцы, своевольный духъ которыхъ Шамиль хотѣлъ уничтожить, первые же отшатнулись отъ него, какъ только проникли въ истинныя намѣренія Шамиля. Здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе, чтобы показать насколько въ Дагестанѣ и Чечнѣ были различны условія, при которыхъ долженъ былъ дѣйствовать Шамиль. Знамя священной войны или такъ наз. Газовата—первый поднялъ въ Дагестанѣ Гази Мухаммедъ (Кази Мулла—какъ его неправильно называютъ у насъ). Пока Газоватъ оставался въ буквальномъ смыслѣ этого слова—„священной войной противъ невѣрныхъ" среди дагестанцевъ не было полнаго сочувствія ему. Гази Мухаммедъ, будучи скорѣе храбрымъ воиномъ, чѣмъ проницательнымъ политикомъ, не могъ понять, что Газоватъ не можетъ вызвать полнаго сочувствія среди дагестанскихъ народовъ до тѣхъ поръ, пока будетъ оставаться „войной противъ невѣрныхъ" въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Фанатизмъ помѣшалъ ему замѣтить того врага, чей гнетъ ложился тяжелымъ бременемъ на дагестанцевъ и на кого необходимо было направить оружіе, чтобы вызвать народное сочувствіе. Этотъ врагъ была: ту-

земная аристократія. Случайное убійство аварскихъ хановъ обратило вниманіе дагестанцевъ на заступившаго мѣсто Гази Мухамедда—Гамзатъ Бека. Несмотря на полную неспособность Гамзатъ Бека это обстоятельство дало ему возможность продержаться въ этомъ званіи полтора года.

Гамзатъ Бекъ въ томъ положеніи, какое выдвинуло его изъ ничтожества, въ связи съ неспособностью къ упроченію—былъ на краю гибели. Но вотъ выступаетъ третій имамъ Шамиль. Онъ зоветъ народъ на борьбу уже не во имя Газовата, а во имя давно желаннаго слова—равенства. Въ лицѣ Булахъ Хана онъ уничтожаетъ послѣднюю отрасль аварской владѣтельной фамиліи, отнимаетъ всѣ привиллегіи у бековъ и вводитъ полное равенство. Съ этой стороны Шамиль становится популярнымъ въ Дагестанѣ и число его сторонниковъ бысто растетъ. Успѣхъ въ борьбѣ съ русскими еще болѣе усиливаетъ его вліятельность и слава о Шамилѣ доходитъ до Чечни, которая тоже признаетъ его имамомъ. Но въ Чечнѣ существуетъ полное социальное равенство. Слѣдовательно для Чеченца Шамиль нуженъ не только, какъ апостоль равенства, но какъ опытный вождь въ борьбѣ. Сначала все идетъ хорошо и дагестанцы и чеченцы довольны. Учрежденныя Шамилемъ власти пока не проявляютъ себя въ смыслѣ угнетенія чеченцевъ.

Но это пока. Скоро наступаетъ суровая дѣйствительность. Гнетъ наибовъ и Мюредовъ становится для привыкшихъ къ свободѣ чеченцевъ болѣе и болѣе невыносимымъ. Самъ Шамиль отступаетъ отъ своей первоначальной идеи. Онъ хочетъ солдатъ превратить въ монаховъ. Чеченцамъ же нуженъ вождь, а не мулла. О равенствѣ не стало и рѣчи. Тамъ, гдѣ было оно, Шамиль стремится его уничтожить, вводя теократическое начало. Изъ практика-бойца, Шамиль дѣлается теоретикомъ-идеалистомъ. Онъ хотѣлъ совершеннаго переворота въ жизни горцевъ, того, чего добивался въ свое время Саванаролла.

Обычное право замѣчается *Шариотомъ*. Шамиль хотѣлъ, чтобы всѣ горцы уничтожили въ себѣ порочныя наклонности и сдѣлались равнодушными ко всему кромѣ борьбы за родину, воздерживались отъ излишествъ, постились и устремляли помыслы къ Аллаху.

„Какъ можно меньше говори,—разъясняетъ свое требованіе Шамиль,—ушамъ и глазамъ воли не давай, какъ можно меньше ѣшь, какъ можно меньше спи и какъ можно больше молись Богу“.

Молитва была основой всего, ее доводили до полного экстаза.

Было выработано нѣсколько приѣмовъ этого.

Абатъ былъ оскверненъ введеніемъ тѣлесныхъ наказаній.

Для иллюстраціи дѣятельности Шамиля достаточно указать, что у заподозрѣннаго въ куреніи табаку отсѣкали голову, другіе же курили свободно.

То, что послужило къ усилению владычества Шамиля среди дагестанцевъ, послужило къ ослабленію его среди чеченцевъ.

Если въ началѣ Шамиль имѣлъ успѣхъ среди чеченцевъ, то успѣхъ этотъ можно приписать его необыкновенному умѣнью утаивать свои цѣли и намѣренія.

Изъ дальнѣйшаго—читатель увидитъ, какъ поступилъ Шамиль съ чеченцами.

Дашнѣевцы разошлись по домамъ съ твердымъ намѣреніемъ не пускать къ себѣ вновь назначеннаго Шамилемъ наиба Магому.

Спустя недѣлю послѣ отъѣзда лезгинъ, въ аулъ Дашни пріѣхали послы, отъ Шамиля и собравши дашнѣевцевъ, прочитали имъ слѣдующее посланіе Шамиля: „Я милостью Аллаха имамъ Дагестанъ и рабъ Аллаха Шамуиль (Самуиль, сокращенное—Шамиль)—храбрымъ Дашнѣевцамъ шлю привѣтъ и миръ.

„Да поможетъ имъ Аллахъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ и помыслахъ.

„Да будетъ такъ. Аминь! Мнѣ очень прискорбно было слышать отъ посланныхъ моимъ наибомъ Магомой мнеридова, какой приѣмъ сдѣланъ однимъ членомъ вашего общества, не понявшимъ, что назначеніемъ отъ себя наиба я преслѣдовалъ цѣли для васъ благія. Борьба, которую предстоитъ вести намъ съ гяурами, требовала отъ меня того, что я сдѣлалъ. По этому считаю поступокъ этотъ необдуманымъ и совершеннымъ подъ вліяніемъ зловредныхъ членовъ общества. Предлагаю вамъ—беречься такихъ людей и выслать ихъ ко мнѣ, чтобы я могъ объяснить имъ, что они сдѣлали“.

Это письмо было прочитано однимъ изъ пословъ, который, какъ видно, принадлежалъ къ духовному сословію. Онъ сталъ осматривать собраніе, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произвело письмо Шамиля. Видя, что нѣкоторые совершенно равнодушно выслушали его, а на губахъ у другихъ пробѣжала ироническая улыбка, онъ обратился къ нимъ съ такими словами: „Чеченцы, что вы скажете на посланіе благочестиваго нашего имама? Неужели ваши сердца не чувствуютъ всей правды, высказанной имамомъ? Вспомните Аллаха и выгоните шайтановъ, овладѣвшихъ вашимъ сердцемъ! Аллаху угодно, что бы вы исполнили волю имама. Иначе—плохо вамъ будетъ не только на этомъ, но и на томъ свѣтѣ“.

Сказавъ эти слова, мулла возвелъ взоръ къ небу. Привыкшій такъ дѣйствовать на лезгинъ, мулла мало зналъ чеченцовъ. Вся его фигура, очевидная неискренность и его угрозы—произвели плохое впечатлѣніе на слушателей. Они, оставаясь вѣрными обычаямъ предковъ, молчали.

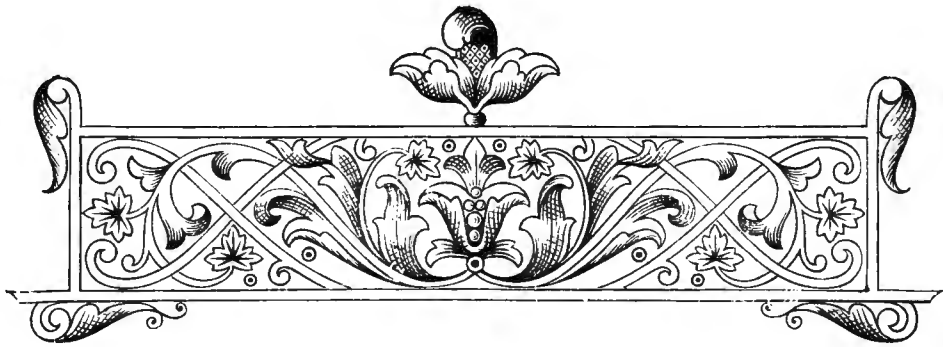
Въ это время выступилъ изъ толпы старикъ Эскале, обращаясь къ лезгинамъ, онъ сказалъ: „ты мулла, побереги свое краснорѣчіе для лезгинъ, ты долженъ только прочесть намъ письмо Шамиля и ждать отвѣта, но ты прибавилъ и свою рѣчь. Можетъ быть ты, какъ святой человѣкъ, долженъ наставлять на путь истины свернувшихъ съ него, но мы еще не свернули съ своего пути и твое краснорѣчіе излишне. Мы не вѣримъ, что намъ станетъ лучше при нашествіи Магомы. Передай Шамилю, что тѣ, кто совѣтовалъ намъ не слушать его—лучшіе люди. Ихъ мы не будемъ остерегаться, а будемъ слушаться“.

„Такъ ли, братья?“ сказалъ старикъ толпѣ; „такъ, такъ“,—закричали всѣ.

Такъ неудачно окончился первый дебютъ Шамиля въ Чечнѣ.

С. Фарфоровскій.

Ө. Ө. КОКОШКИНЪ

Кладбище московскаго Донскаго монастыря приняло двухъ друзей: И. И. Дмитріева и Ө. Ө. Кокoшкина. На могилѣ этого послѣдняго читается: дѣйствительный статскій совѣтникъ Өедоръ Өедоровичъ Кокoшкинъ скончался 9 сентября 1838 года. Такимъ образомъ, приближается 75-лѣтіе со дня кончины виднаго дѣятеля двухъ царствованій, литератора, безъ котораго нельзя представить себѣ ни исторіи русской литературы, ни исторіи отечественнаго театра.

Сельцо Брехово (Звенигородскаго уѣзда Московской губерніи) въ настоящее время одно, хотя и въ слабой степени, хранитъ память о своемъ „старомъ баринѣ“. Родовая усадьба не устояла во всей своей первоначальной уютности и полнотѣ: обстоятельства отняли у нея многое; быть первой четверти пушкинскаго вѣка стушевался; тѣмъ не менѣе, подъ кровлей барскаго дома сохранились еще нѣкоторые предметы, при видѣ которыхъ въ воображеніи воскресаетъ и помѣщикъ переводчикъ Мольера, не чуждый чудачествъ нѣкоторыхъ героевъ французскаго комика, и воздухъ стараго дворянскаго гнѣзда чувствуется, пропитанный французскимъ энциклопедизмомъ и литературой театра, въ который теперь заглянетъ развѣ только историкъ или слишкомъ уже пытливый умъ. Кому же охота теперь молиться старымъ божкамъ?— нѣтъ преемственныхъ жрецовъ въ храмѣ музъ.

Въ Бреховскомъ домѣ хранится гипсовый бюстъ Ө. Ө. Кокoшкина, библіотека его и нѣсколько попорченныхъ вазъ въ китайскомъ стилѣ. По подбору французскихъ энциклопедистовъ и драматурговъ, составляющихъ библіотеку, можно судить, что Кокoшкина увлекали и плѣняли истинное мастерство и искусство, истинная живость въ литературѣ и что онъ стоялъ на уровнѣ просвѣщеннаго вѣка.

„Китайскія“ вазы—это память о бреховскомъ фарфоровомъ заводѣ. А. П. Милюковъ называетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ¹⁾ устройство фарфороваго завода „послѣдней затѣей“ старика Кокоскина, который пробовалъ выдѣлывать салныя свѣчи и торговать мукой, выработанной съ помощью англійскаго локобиля. Было бы интересно оцѣнить кокошкинскій фарфоровый заводъ по сохранившимся еще вещамъ и опредѣлить, имѣлъ ли на него вліяніе заводъ Гарднера и вообще какого качества было его производство. „Старые Годы“ удѣлили уже не мало страницъ фарфору и керамикѣ въ Россіи; въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, въ Московской губерніи, керамическихъ заводовъ—фарфоровыхъ, фаянсовыхъ и цѣнинныхъ—насчитывалось 48. Какой же былъ заводъ изысканнаго классика?

Въ „Словарѣ членовъ Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ 1811—1911“, на 144—145 страницахъ, даны свѣдѣнія о жизни и трудахъ Ѳ. Ѳ. Кокоскина. Въ Бреховѣ уцѣлѣли двѣ рукописныхъ тетради, заключающія: одна—переводъ „Мизантропа“, другая—„Разныя стихотворенія Ѳ. Ѳ. Кокоскина“. На первой рукою его подписано: „Изъ Библиотеки Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, вмѣсто коей посланъ Манускриптъ, исправленный въ правописаніи. 1814 Года Ноября. . . дня“, а на предшествующемъ листѣ имѣется сдѣланная другимъ почеркомъ надпись: „Подаренъ мнѣ въ знакъ Дружескаго расположенія отъ переводчика въ Москвѣ. 1816 года Іюня 15-го дня“.—„Изъ этихъ надписей видно, (любезно поясняетъ внукъ, извѣстный общественный дѣятель и ученый Ѳ. Ѳ. Кокоскинъ,)—что эта рукопись была поднесена моимъ дѣдомъ императрицѣ, затѣмъ возвращена ею въ обмѣнъ на другой исправленный экземпляръ, послѣ чего дана моимъ дѣдомъ на память кому то изъ его друзей и, вѣроятно, этимъ послѣднимъ или его наслѣдниками подарена снова на память моему отцу“.

Какъ камергеръ Ѳ. Ѳ. Кокоскинъ былъ близокъ къ Двору. Какъ „славный актеръ и чтець, любитель и знатокъ искусства, артистъ въ душѣ, умный баринъ и благороднѣйшій человѣкъ“, онъ могъ пользоваться вниманіемъ императрицы болѣе другихъ. И не только Елизавета Алексѣевна, но также и императрица Марія Ѳеодоровна принимала „изліянія его чувствъ глубочайшей благодарности.“ Кокоскинъ былъ женатъ дважды. Первая жена его была Варвара Ивановна, рожденная Архарова²⁾; родилась она 6 іюня 1786 г., скончалась 25 апрѣля 1811

¹⁾ „Историческій Вѣстник“, январь, 1884.

²⁾ Извѣстный ген.-отъ-инф. Ів. Петр. Архаровъ (1745-1815.)

года и погребена въ московскомъ Донскомъ монастырѣ; ихъ дочь отъ этого брака вышла замужъ за Козлова. Вторая жена была артистка московскаго балета, который составилъ изъ крѣпостныхъ. Въ честь второй своей супруги Кокоскинъ переименовалъ, было, Брехово въ Анненское, но это названіе не привилось къ селъцу, которое такъ Бреховымъ и осталось.

Пав. Россіевъ.

Воспоминанія Анны Козьминичны Лелонгъ

I.

Мое дѣтство и моя семья.

Родилась я въ старинной дворянской семьѣ, живущей постоянно въ деревнѣ въ своемъ небольшомъ родовомъ имѣніи Карцовѣ, Рязанской губерніи. Мать моя, Людмила Павловна, урожденная Селиванова, поздно вышла замужъ за моего отца Кузьму Ивановича Соловова, бѣднаго смоленскаго дворянина. Состояніе моего дѣда по отцу, Ивана Степановича Соловова, было разорено въ 12-мъ году во время нашего ствiя французовъ. Отецъ мой 16-ти лѣтъ былъ опредѣленъ юнкеромъ въ Украинскій полкъ; уходя изъ дома мой дѣдъ могъ дать ему на дорогу только 3 рубля, что тогда считалось на ассигнаціи 10 руб. 50 коп.; изъ этихъ денегъ мой отецъ въ Кіевѣ купилъ молитвенникъ, хранимый мной и въ настоящее время. Въ концѣ 30-хъ годовъ проводилось шоссе отъ Москвы до Рязани. Украинскій полкъ назначенъ былъ на производство этихъ работъ. Это было великое событіе для того времени, когда наше глухое мирное мѣстечко, оживилось съ приходомъ Украинскаго полка. Маіоръ этого полка квартировалъ въ Карцевѣ въ домѣ тогда еще бывшей въ живыхъ моей бабушки Анны Ѳоминичны, урожденной Колимпиной; она очень рано вышла замужъ за моего дѣда Павла Петровича Селиванова, имѣла много дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ остались только двѣ дочери: Александра Павловна, самая старшая изъ дѣтей, и самая младшая—моя мать Людмила Павловна. Отецъ мой, бывший Казначеемъ въ Украинскомъ полку, тоже имѣлъ квартиру въ Карцевѣ у одного крестьянина, часто бывалъ въ домѣ моей бабушки и въ концѣ работы шоссе, посватался за мою мать, которая считала себя уже старой дѣвой и не думала выходить замужъ. Ей было въ то

время 33 года; а отцу моему 28 лѣтъ, но жена маіора, какъ то сумѣла уговорить мою бабушку и мать, и свадьба состоялась въ 1837 году 5-го сентября. Полкъ ушелъ, а отецъ мой вышелъ въ отставку и остался полнымъ хозяиномъ въ домѣ моей бабушки, которая была въ это время очень слабая и болъная старушка. Вскорѣ послѣ брака моей матери она скончалась, въ 38-мъ году, дождавшись перваго внука, который умеръ вскорѣ послѣ своего рожденія.—И вотъ семья моей матери, когда родилась я, состояла изъ трехъ лицъ: моей тети Александры Павловны, моего отца Косьмы Ивановича и моей матери Людмилы Павловны. Эти три лица были связаны горячей привязанностью другъ къ другу. Я въ дѣтствѣ не помнила ни одной ссоры, ни одной размолвки между ними, и хотя Карцево принадлежало моей тетѣ, но это было только извѣстно по документамъ: она своихъ правъ на владѣніе никогда не заявляла, всѣмъ завѣдывалъ мой отецъ и все хозяйство было въ его рукахъ. Кромѣ Карцева у насъ еще было въ 7-ми верстахъ имѣнія Борислово, и Подосинки, между Борисловомъ и Карцевымъ. Домашнимъ хозяйствомъ больше занималась моя мать. Тетя моя была нашимъ добрымъ гениемъ. Она, некрасивая собой, никогда никакой привязанности не имѣла, кромѣ какъ къ семьѣ своей младшей сестры и моей матери, которую она обожала; она была старше ея на 10 лѣтъ. Что это за золотое сердце моей тети! Она никогда не пользовалась своими правами владѣлицы имѣнія. У ней былъ какой то столяръ, который ходилъ на оброкъ, какъ говорилось тогда при крѣпостномъ правѣ, жилъ въ Москвѣ и платилъ въ годъ 75 рублей оброка и, вотъ эти деньги были ея личнымъ доходомъ, который почти весь уходилъ на наши дѣтскія нужды и забавы. Маленькая, худенькая, она дѣлала себѣ въ годъ два платья: одно теплое зимнее и другое лѣтнее изъ очень тонкой англійской холстинки. Носила „замшевыя“ башмачки очень мягкіе, которые ей дѣлали свои крѣпостные башмачники. Были у нее, я помню, какія-то два шелковые платья, которыя перешивались, передѣлывались и надѣвались въ самые торжественные дни; дома она всегда имѣла на головѣ бѣлый батистовый чепчикъ съ большой оборкой. Всегда кроткая спокойная, добрая, занятая работой, она вязала чудные узорчатые чулки изъ тончайшей какъ паутина крученой бумаги; эта работа была замѣчательна по своему изяществу. Въ домѣ она занималась больше всего нами-дѣтьми. Любила и всегда сама разливала чай. Лѣтомъ варила съ помощью горничныхъ варенье, дѣлала разныя маринованья, соленья, наливки, какія то шипучія водицы; всего этого заготовлялось большое количество и наполнялись всѣ подвалы.—Но главное ея занятіе было наблюдение за дѣвичьей, гдѣ семь а иногда и больше дѣвушекъ занимались

пряжей льна на самопрялкахъ. Пряжа эта была замѣчательно тонкая; изъ нея крѣпостные ткачи ткали прекрасныя полотна, скатерти, салфетки и полотенца. Лѣтомъ эти же дѣвушки плели кружева изъ самыхъ тончайшихъ нитокъ ими же наряденныхъ. Съ прислугой и вообще со всей нашей дворней она всегда обращалась кротко и любовно. Была очень расчетлива и ея расчетливость иногда доходила до скупости, надъ чѣмъ иногда мать и отецъ добродушно посмѣивались.—Мать моя была совсѣмъ иного характера, любимица семьи, красивая, живая, нервная, часто вспыльчивая, страдала припадками истеріи при сильномъ испугѣ и волненіи; ея сестра и мужъ берегли и любили ее безконечно, все въ домѣ жило для нея и все дѣлалось по ея желанію, все печальное отъ ней скрывали, а также и всѣ хозяйственныя неудачи и затрудненія, пока было возможно, тетя и отецъ улаживали безъ нея, и все худое отъ ней скрывали, чтобы не разстраивать ея. Это соблюдалось всѣми въ домѣ; всѣ ее баловали безъ конца. Насъ она, какъ я теперь помню, очень любила, но на дѣтей мало обращала вниманія и росли мы, хотя и въ одномъ домѣ, но далеко отъ нея. Настоящей нашей матерью баловницей была наша тетя, мы ее тормошили съ утра до ночи, она заботилась о насъ, не спала съ нами ночей, когда мы бывали больны. Мать моя была очень развитая женщина, много читала, знала всю русскую литературу того времени, любила стихи. Пушкина обожала, и всѣ его сочиненія у ней были списаны. „Евгенія Онѣгина“ она гдѣ то добывала прямо рукописью и списывала въ свои тетрадки, которыя и до сихъ поръ цѣлы у меня.—Отецъ мой былъ очень любимъ всѣми окружающими за доброту и честныя убѣжденія. Хозяинъ онъ былъ неутомимый, цѣлые дни проводилъ на воздухѣ и зиму и лѣто. Себѣ лично онъ не позволялъ никакой траты кромѣ необходимаго, но зная самъ нужду, никогда не могъ отказать тому, кто нуждался и послѣ его смерти остались за крестьянами небольшіе долги, которые моя мать не получила. Конечно, эта сумма была ничтожна, такъ какъ при ограниченныхъ средствахъ семьи многого давать не приходилось.

Я родилась въ 1841-мъ году 23 января, сестра Настя родилась въ 1844 году 15 іюня, была у насъ еще маленькая сестра Саша, которая умерла отъ холеры 1848 году.—Съ этого года начинаются мои воспоминанія, вполне ясныя и сознательныя. Помню, что въ этотъ годъ въ началѣ іюня, мы поѣхали погостить всей семьей въ Гремячево къ нашей крестной матери Аннѣ Васильевнѣ Звягиной,—поѣздка къ крестной матери была для насъ съ сестрой всегда большой радостью. Наша крестная была урожденная Селиванова. Имѣніе Гремячево было очень

красиво, окружено красивыми рощами. Кругомъ усадьбы было множество ключей, изъ которыхъ образовались цѣлыя озера прозрачной чудной воды, въ этихъ сажалкахъ, какъ ихъ называли, водились въ большомъ изобиліи налимы громадной величины, на горѣ за ключами былъ лѣсъ Валдай, очень красивый. Вся низина была покрыта незабудками, а въ лѣсу была масса ландышей, а въ августѣ тамъ въ изобиліи росли бѣлые грибы, изъ которыхъ въ Гремячевѣ дѣлали множество разныхъ запасовъ на зиму. Помню, что и намъ въ Карцево присылали огромныя банки маринованныхъ бѣлыхъ грибовъ, которые готовить моя крестная была большая мастерица. Семья моей крестной состояла изъ ея мужа Николая Ипполитовича, очень суроваго старика, съ большими сѣдыми усами; говорилъ онъ очень мало, видали мы его только за обѣдомъ, ужиномъ и чаемъ.—Мы, дѣти, его боялись. Моя же милая, дорогая крестная была вся любовь, свѣтъ и радость, она готова была все сдѣлать, чтобы порадовать насъ, дѣтей. Она много дѣлала добра, но мужъ ея, имѣя большія средства, былъ очень скупъ и давалъ ей на расходъ немного и она на себя тратила очень мало, ничего не носила кромѣ ситцевыхъ платьевъ, имѣя одно шелковое нарядное для торжественныхъ выѣздовъ. Я это одно ея платье и помню, оно много и много разъ перешивалось, но новаго никогда не дѣлалось. Крестная мать обладала очень значительными медицинскими познаніями, которыя получила отъ своего отца и нашего крестнаго Василія Павловича Селиванова, всегда жившаго въ своемъ родномъ имѣніи Любавѣ. Крестная мать лѣчила весь околдокъ, никому не отказывала въ своей помощи, часто на простой крестьянской телѣгѣ ѣздила за десятки верстъ къ больнымъ. У нея въ домѣ была своя аптека, которой могли позавидовать аптеки маленькихъ провинціальныхъ городовъ. У Звягиныхъ былъ сынъ Коля, нашъ сверстникъ по годамъ, котораго я до конца его жизни любила, какъ родного брата. Еще у нихъ въ домѣ на правахъ дочери, жила воспитанница, родственница Николая Ипполитовича, Алефтина Васильевна Исакова.—Ближайшимъ ихъ сосѣдомъ былъ Д. В. Григоровичъ, который въ своихъ сочиненіяхъ часто описывалъ эту мѣстность съ рѣчкой „Смедвой“, протекавшей въ Гремячевѣ, а также и въ имѣніи Григоровича. Мать его француженка Сидонія Петровна, была очень дружна съ Звягиными и часто у нихъ бывала. Д. В. Григоровичъ часто проводилъ лѣто въ деревнѣ у матери и у него въ деревнѣ былъ маленькій романъ съ воспитанницей Звягиныхъ Алефтиной Васильевной Исаковой; этотъ эпизодъ былъ полонъ деревенской идилліи, о которомъ Алефтина Васильевна сохранила на всю жизнь самыя свѣтлыя воспоминанія. Много лѣтъ спустя она вышла замужъ за Бьернклундъ, студента шведа, и до конца своей жизни была нашей

сосѣдкой. Жила въ своемъ имѣніи Строиловъ въ одной верстѣ отъ Карцева. Я съ ней была очень дружна, не смотря на очень большую разницу лѣтъ,—она была много старше меня.—Увлечшись воспоминаніями о Гремячевѣ и его обитателяхъ, я сдѣлала большое отступленіе отъ воспоминаній моего дѣтства, съ того года, который первый остался сознательно въ моей памяти. Итакъ, въ 1848 году мы всѣ, т. е. отецъ, мать и мы съ сестрой Настей (она была на три года моложе меня), въ первыхъ числахъ іюня пріѣхали въ Гремячево, погостить. Помню чудную погоду, садъ передъ домомъ, полный розъ и жасмина, прогулки въ Валдай цѣлой компаніей, ловлю налимовъ въ сажалкѣ; намъ дѣтямъ было очень весело. Но помню, большіе, когда мы съ ними были вмѣстѣ за обѣдомъ или ужиномъ, все говорили о какой-то страшной болѣзни, которая надвинулась на наши мѣста; всѣ ею были очень заняты и очень встревожены. И вотъ, въ одинъ день, когда всѣ спокойно сидѣли на крыльцѣ, подъѣзжаетъ запыленный и на замученной лошади нашъ Карцевскій прикащикъ Ѳеодоръ Ильичъ, братъ нашей няни, съ извѣстіемъ, что наша маленькая сестра Саша (родившаяся въ 46-мъ году) при смерти больна, и что у нашей сосѣдки, бѣдной дворянки Екатерины Осиповны Масловой умерло двое дворовыхъ людей въ одни сутки, такой же болѣзнію заболѣла и наша маленькая сестра. Мы сейчасъ собрались и уѣхали домой въ Карцево, въ страшной тревогѣ, съ матерью былъ истерическій припадокъ, ее едва усадили въ коляску. Разстояніе отъ Гремячева до Карцева было больше 40 верстъ. Мы всегда ѣздили на Зарайскъ, гдѣ кормили лошадей, помню пріѣхали домой вечеромъ, часовъ въ девять. Сестра Саша уже умерла и лежала въ залѣ, хорошенькая, бѣленькая какъ восковая кукла, въ своемъ нарядномъ платьицѣ; насъ скоро спровадили на верхъ въ наши комнаты. Больныхъ въ нашей дворнѣ оказалось уже много. Отецъ мой распорядился приготовить для больныхъ баню въ саду. Баня эта была большая, чистая, просторная, и мой отецъ съ помощью Ѳеодора Ильича все время ходилъ за больными. Докторовъ тогда кромѣ Зарайска не было, и тамъ кажется былъ только одинъ докторъ. Въ 10-ти верстахъ отъ насъ былъ вольно-практикующій докторъ, помѣщикъ Милоградъ, товарищъ моего отца. Онъ былъ военнымъ врачомъ, и такъ же, какъ и мой отецъ женился на барышнѣ помѣщицѣ и жилъ въ своемъ имѣніи „Плешни“, но у этого доктора въ имѣніи тоже была холера и была масса своихъ больныхъ. Къ намъ, я помню, часто пріѣзжалъ въ это время Василій Васильевичъ Селивановъ изъ Любавы, и онъ совѣтовалъ отцу, какъ лѣчить болѣзнь. Помню была въ ходу мята во всѣхъ видахъ. Всѣхъ, въ томъ числѣ и насъ, дѣтей, поили краснымъ церковнымъ виномъ, которое намъ очень нравилось. Больнымъ въ банѣ

во время судорогъ дѣлали горячія ванны подѣ наблюденіемъ моего отца и кажется поили парнымъ молокомъ. Трое дворовыхъ умерли, но большая часть выздоровѣла, крестьянъ умерло, кажется, больше. Эпидемія продолжалась недѣли три.—8-го іюля съ праздника Казанской Божіей Матери, Чудотворная икона которой и до сихъ поръ хранится у насъ въ Карцевѣ, послѣ молебствія у насъ въ домѣ, никто холерой не заболѣвалъ и эпидемія окончилась.

Наша жизнь въ деревнѣ.

Нашъ старый домъ, въ которомъ я родилась, выросла и вышла замужъ, былъ выстроенъ моимъ дѣдомъ Павломъ Петровичемъ Селивановымъ. Незадолго до 12-го года, въ немъ отпраздновано было новоселье. Дѣдъ мой былъ большой эстетикъ, но средства у него были маленькія, и постройкой дома онъ ихъ еще больше разстроилъ. Домъ выстроенъ былъ такъ: середина дома была очень высока, въ ней помещалась большая зала съ балкономъ терассой, по бокамъ стеклянныя балконныя двери, съ каждой стороны было по два большихъ окна, съ боковъ залы были двѣ двери, одна вела въ прихожую или какъ тогда называли „лакейскую“. На противоположной сторонѣ была также дверь въ „дѣвичью“, но она всегда была наглухо затворена и заставлена столомъ. Въ этомъ же направленіи сбоку были еще двѣ маленькія двери, одна вела въ коридоръ и спальню матери, а другая въ столовую. Противъ балконной двери были большія створчатыя двери въ гостинную, въ которой тоже былъ балконъ въ садъ; по бокамъ балкона были огромныя „италианскія“ окна, такъ, что почти вся наружная стѣна была стеклянная. Столовая и спальня были гораздо ниже среднихъ комнатъ; а также „лакейская“ и „дѣвичья“ тоже были ниже залы и гостинной, надъ этими комнатами съ каждой стороны было два верха или, какъ ихъ называли, „антресоли“. Эти верхнія комнатки съ южной стороны дома были прехорошенькія. Одинъ верхъ надъ спальней и дѣвичьей, состоящій изъ трехъ комнатъ,—среднюю называли прихожей, въ ней была лѣстница на чердакъ, лѣстница внизъ, окна въ садъ и большой деревянный ларь называемый „конигъ“, это была комната нашей няни. Вторую комнатку хорошенькую, уютную съ крошечнымъ балкономъ на дворъ, занимала наша тетя Александра Павловна, съ ней вмѣстѣ спала и я, въ этой комнаткѣ было всегда зимой очень тепло, была лежанка изъ пестрыхъ изразцовъ. Надъ моей кроваткой полочка съ образами и всегда горящей лампадой. Образа всѣ были очень старинныя. Рядомъ съ лежанкой былъ мой шкафчикъ съ моими

любимыми вещами: куклами, книгами, картинками и коробочками, которыми я очень дорожила и любила. Съ другой стороны проходной комнаты, была такая же комнатка, въ которой спала сестра Настя. Сначала съ ней помѣщалась дочь моей няни, а потомъ наша гувернантка, въ этой комнатѣ было окно въ садъ и передъ нимъ столъ, на которомъ мы занимались, когда начали учиться. Эта комнатка также была очень удобна и уютна.—Съ другой стороны дома надъ столовой и прихожей былъ второй верхъ, состоящій изъ двухъ комнатъ, одна тоже съ балкончикомъ на дворъ. Въ этой комнатѣ въ стѣнѣ, ведущей въ другую комнату, были сдѣланы шкапы полные книгъ, эта комната и вообще этотъ верхъ во времена моего дѣтства назывался „кабинетомъ“; какъ говорили, это были комнаты моего дѣда, гдѣ онъ занимался, читалъ и работалъ.—Потомъ эти комнаты мать немного передѣлала и по выходѣ моемъ замужъ ихъ отдала намъ и у насъ съ мужемъ было очень хорошенъкое помѣщеніе. Внизу кромѣ залы и гостиной были: столовая и диванная, съ другой стороны: спальня и образная. Изъ прихожей былъ ходъ на одинъ верхъ, а изъ дѣвичьей на другой. Съ каждой стороны балконовъ были на дворѣ два огромныя крыльца. Домъ нашъ стоялъ съ одной стороны окруженный дворомъ-лугомъ; съ одной стороны этого луга была наша кухня, а съ другой стороны надворныя постройки: конюшня, каретный сарай, ледникъ и погребъ. Другая сторона дома выходила въ садъ. Балконъ изъ гостиной велъ въ цвѣтникъ, окруженный сиренью, по бокамъ кусты жасмина, въ клумбахъ піоны, желтыя лиліи, прямо изъ цвѣтника шла дорожка внизъ подъ гору. Садъ оканчивался сиреневой бесѣдкой съ деревянными скамьями, гдѣ лѣтомъ варили варенье, дорожка внизъ съ обѣихъ сторонъ была обсажена розовыми и бѣлыми розами. Внизу сада протекала рѣчка и за рѣчкой въ горѣ былъ родникъ съ прекрасной водой, другой воды у насъ въ домѣ не употребляли, несмотря на то, что около самого дома былъ колодезь, но эту воду почему-то считали невкусною, хотя впоследствии мы ею пользовались постоянно и ничего плохого въ ней не находили. Съ лѣвой стороны дома весь заборъ окруженъ былъ бѣлой сиренью, рядомъ начинался малинникъ бѣлой и красной малины, книзу шли яблони, груши съ обѣихъ сторонъ балкона. Посрединѣ сада справа отъ балкона шла длинная грядка цвѣтовъ, по сторонамъ которой шли вычищенные и усыпанныя пескомъ дорожки, по бокамъ дорожекъ посажены были цѣлыя грядки сплошныхъ кустовъ, чудныхъ сентифольныхъ розовыхъ розъ, черезъ кустъ съ бѣлыми. Розъ у насъ въ саду было такое множество, что изъ ихъ лепестковъ у насъ гнали розовую воду, для этого былъ особенно устроенный „кубикъ“ какъ его называли. Кромѣ розовой воды у насъ приготавливали еще воду мятную

и калуферную; этихъ растений у насъ въ саду было множество. За грядками розъ шла съ одной стороны дорожка вишенъ, а съ другой дорожка сливъ. Въ концѣ сада съ этой стороны была прехорошенькая бесѣдка изъ хмѣля, который вился по кольямъ кругомъ, а наверху изъ длинныхъ согнутыхъ обручей былъ сдѣланъ сводъ, все это лѣтомъ густо обростало хмѣлемъ. Внутри этой бесѣдки стояли кругомъ деревянные лавочки, а въ серединѣ стоялъ столъ. Противъ входа въ бесѣдку росъ большой кустъ бѣлой сирени. Въ этой бесѣдкѣ никогда не было солнца. Мы въ ней въ жаркую погоду проводили иногда цѣлые дни. Направо отъ балкона у насъ были парники, гдѣ выращивались очень рано огурцы, а лѣтомъ было много арбузовъ, дынь и громадныя тыквы. За парниками шелъ огромный валъ со спаржею, которую я, помню, очень любила выбирать вмѣстѣ съ садовникомъ старикомъ Виссаріономъ, съ которымъ я жила въ большой дружбѣ и во всѣхъ его работахъ принимала большое участіе. Дальше въ саду было много дорожекъ съ черной, красной, розовой или, какъ ее называли, „абрикосовой“ смородиной, было много сортовъ крыжовника. Яблочковъ у насъ было много, преобладающими сортами были скороспѣлыя наливныя и „горская зеленка“, которая тогда очень цѣнилась для пастилы, заводъ которой былъ въ Коломнѣ, и зеленку продавали по дорогой цѣнѣ. Кромѣ этихъ сортовъ была титовка, боровинка, бѣль, анисъ зеленый и красный. Груша была въ саду одна; на ней были прекрасныя желтыя, на длинныхъ тонкихъ стебляхъ, довольно крупныя, сочныя плоды, ихъ любила очень наша мать и ихъ всѣ берегли для нея; но благодаря моей дружбѣ съ Виссаріономъ, я всегда имѣла ихъ большой запасъ, которымъ угощала сестру, няню, гувернантку и всѣхъ горничныхъ. Въ саду еще была большая акаціевая бесѣдка, отъ нея недалеко былъ небольшой пчельникъ.—Внизу сада съ лѣвой стороны у рѣчки была баня.—Противъ дома за дворомъ-лугомъ была проѣзжая дорога; за ней скотный дворъ съ избой для дворни, со множествомъ катуховъ, для свиней, гусей, утокъ, куръ и индѣекъ.—Все это водилось у насъ въ изобиліи. Коровъ въ коровникѣ было немного, такъ какъ главный скотный дворъ былъ у насъ въ другомъ имѣніи моей матери, въ Борисловѣ.—За скотнымъ дворомъ шли огороды, березовая роща и около нея гумно съ ригой и сараемъ, для сѣна. Мѣстность около нашей усадьбы очень красивая, разнообразная, гористая. Желая возстановить полную обстановку нашего дѣтства, я должна сказать кое-что о нашей дворнѣ, которая имѣла на наше воспитаніе большое вліяніе и сблизила насъ и сроднила со всѣмъ деревенскимъ людомъ.—Ближе всѣхъ стояли къ намъ наша няня Елизавета Ильинична. Прежде она была горничной нашей матери, ея ровесница, вышла замужъ немного

раньше матери за нашего лакея-башмачника, страстнаго охотника и горькаго пьяницу Ардаліона Семеновича. Няня мужа своего, какъ я теперь понимаю, никогда не любила и даже презирала его. У нихъ только одна дочь Алефтина, лѣтъ на семь старше меня, она всегда была съ нами, мы ее очень любили, выучили ее читать, она была очень красива, и имѣла видъ настоящей барышни. Ей впоследствии дали „вольную“ за услуги няни и выдали замужъ въ Зарайскъ за мѣщанина, наградивши порядочнымъ приданымъ и съ помощью нашей крестной выстроили ей очень маленькій домъ въ Зарайскѣ, гдѣ она живетъ и до сихъ поръ, но конечно уже не въ томъ домѣ, который ей былъ сдѣланъ моими родными. Что за милая была наша няня! Умная, всегда серьезная, очень богомольная;—часто просыпаясь въ дѣтствѣ ночью, я видѣла какъ няня молилась Богу около двери нашей спальни, откуда ей была видна лампадка. А какія хорошія сказки умѣла она намъ рассказывать во время нашихъ дальнихъ прогулокъ. Насъ она очень любила и особенно баловала сестру Настю. Та была всегда лѣнивая, на ходьбѣ часто уставала и няня ее уже большую толстую дѣвочку брала на руки сама, или заставляла свою дочь, Алефтину, нести Настю. Помню, бывало, усядемся мы около нее гдѣ нибудь на опушкѣ лѣса съ корзинами, перебираемъ грибы, ягоды, цвѣты и няня рассказываетъ намъ сказки.—Мнѣ нравилось отдыхать такимъ образомъ, я съ раннихъ лѣтъ умѣла по своему любить природу во всѣхъ ея фазахъ, и сказки няни полныя разныхъ фантастическихъ образовъ имѣли для меня особенный поэтическій смыслъ при таинственной обстановкѣ лѣса. Кромѣ няни у насъ еще были три ея золовки—сестры ея мужа, старыя дѣвы: Аксинья, Александра или „тетя Соня“, какъ мы ее называли и Вѣрушка, самая младшая, но она была уже лѣтъ сорока, когда я стала ее помнить. Эти три сестры жили въ домѣ горничными. Аксинья старшая, была въ родѣ экономки, помогала тетѣ Александрѣ Павловнѣ варить варенье и дѣлать разныя зимніе запасы, она же была и ея горничной. Тетя Соня—пекла чудныя булки, пироги, куличи и т. п. Кромѣ того, такъ какъ мой отецъ былъ церковный староста, то у насъ въ домѣ тетя Соня пекла просфоры. Меньшая, Вѣра, была горничной моей матери и вмѣстѣ съ тѣмъ домашней портнихой, шила намъ всѣмъ платья и бѣлье, въ шитьѣ послѣдняго ей помогали и другія молодыя горничныя. Была еще столовая горничная, Павла, ребенкомъ была любимицей моей бабки; ее выдали за столяра нашего же замужъ, мужъ ея ходилъ „по оброку“ и она жила всегда у насъ въ домѣ, дѣтей у нея не было, на ея рукахъ было столовое и гостинное бѣлье, она же обязана была смотрѣть за чистотой и порядкомъ въ домѣ. Были еще у насъ и молодыя горничныя: Антонина—дочь садовника, Висса-

ріона; мать ея, сестра нашихъ трехъ старыхъ горничныхъ, Надежда умерла холерой, дочь няни, Алефтина, тоже была всегда занята вмѣстѣ съ няней нами, дѣтьми, убирала наши комнаты, чинила наше бѣлье. Кромѣ всѣхъ домашнихъ обязанностей зимой всѣ занимались пряжей льна на самопрялкахъ, а весной съ великаго поста или съ марта начинали вышивать что то въ пяльцахъ гладью или плести кружева на круглыхъ подушкахъ со множествомъ коклюшекъ. Эта работа была очень трудная и у насъ ее дѣлали превосходно. Аксиныюшка наша была настоящая артистка по этой части, даже составляла сама узоры для тонкихъ широкихъ кружевъ и перелинокъ. Кромѣ горничныхъ въ домѣ было два лакея, какъ я уже сказывала, раньше мужъ няни охотникъ и башмачникъ Ардаліонъ и братъ няни Ѳедоръ Ильичъ, холостой, замѣчательной честности человекъ, онъ пользовался полнымъ довѣріемъ моихъ родныхъ, былъ чѣмъ-то вродѣ приказчика. Лѣтомъ наблюдалъ за полевыми работами въ другихъ имѣніяхъ, гдѣ не могъ быть самъ отецъ, а зимой ѣздилъ съ обозами хлѣба въ Коломну, гдѣ былъ тогда единственный хлѣбный рынокъ въ нашей сторонѣ. Кромѣ этихъ лицъ, въ домѣ впоследствии, когда мы стали подростать, былъ молодой портной, учившійся въ Москвѣ—Леонидъ, то же сынтъ Виссаріона, и двѣ дѣвочки Анята и Груша, дочь моей кормилицы, Василисы. Ихъ воспитывали и пріучали къ разнымъ работамъ, готовили въ горничныя для насъ съ сестрой, но имъ крѣпостными горничными не пришлось долго быть, едва они успѣли вырости, какъ крѣпостное право кончилось. Кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, жившихъ въ домѣ, было много дворовыхъ, жившихъ въ скотной избѣ цѣлыми семьями. Многіе изъ дѣтей дворовыхъ были наши сверстники, мы съ ними часто вмѣстѣ играли, купались, подъ надзоромъ няни. Къ намъ часто присоединялись и прочія дѣти, изъ тѣхъ дворовыхъ, которыя до уничтоженія крѣпостного права жили въ Карцовѣ; послѣ ихъ перѣселили въ Подосинки. Играли мы съ дворовыми и крестьянскими дѣтьми подъ покровительствомъ нашей няни, и, кажется, наши родители этого не знали, такъ какъ няня часто, возвращаясь домой, говорила намъ такъ: „дома то при мамашѣ не очень много разговаривайте какъ играли съ ребятами, а то она этого не любитъ“. Это было достаточно, чтобы мы никогда ничего о нашихъ играхъ дома при матери не говорили, а тетѣ бывало не утерпимъ и какой нибудь интересный эпизодъ и расскажемъ, она бывало засмѣется, погрозитъ пальчикомъ и скажетъ: „знаю у васъ няня баловница, смотрите, узнаетъ мамаша, это ей будетъ непріятно“. И вотъ, среди этихъ то лицъ и среди нашей мирной деревенской жизни, прошло наше дѣтство. Славное, милое, хорошее дѣтство. У насъ еще былъ поваръ Тихонъ, онъ же и кучеръ, который

любилъ насъ дѣтей. Придетъ бывало утромъ къ матери, спрашивать, что готовить и всегда пошутить и поболтаеть съ нами, и часто, когда наканунѣ какого нибудь праздника, или именинъ кого либо изъ семьи, онъ заранѣе готовилъ какое нибудь сухое пирожное, на что онъ былъ великій мастеръ, всегда принесетъ намъ на тарелочкѣ по нѣскольку штукечъ печенья. Особенно бывали вкусны у него „яблочныя зефиры“, какъ онъ ихъ называлъ, и эту тарелочку потихоньку передавалъ для насъ нянѣ, чтобы не знала о его баловствѣ мать наша. Садовникъ Виссаріонъ, о которомъ я говорила уже раньше, тоже жилъ всегда у насъ во дворѣ, зимой топилъ печи въ домѣ, кололъ дрова. Онъ былъ грамотный, и по своему большой философъ, очень любилъ читать псалтырь, и „Потерянный рай“ Мильтона. Эту книгу тоже считалъ священной и благодаря чтенію подобныхъ книгъ у него составились свои понятія о вѣрѣ и несмотря на строгое исполненіе всѣхъ православныхъ обрядовъ онъ былъ своеобразный сектантъ. Помню его религіозныя споры со мной, когда я стала постарше, и съ нашимъ старикомъ священникомъ о. Петромъ. Природу и свое дѣло онъ любилъ страстно; кромѣ сада, парниковъ, огородовъ, у него съ отцомъ моимъ былъ маленькій пчельникъ въ саду, доходъ съ котораго при крѣпостномъ еще правѣ отецъ мой всегда дѣлилъ съ Виссаріономъ пополамъ. Денъги свои онъ никому не показывалъ и никому изъ своихъ дѣтей не давалъ, а дѣтей у него было много: двѣ дочери были замужемъ одна въ Борисловѣ, другая въ Подосинкахъ, а меньшая Антонина была горничной у насъ въ домѣ; было еще у него два сына: Вячеславъ кузнецъ и Леонидъ портной. Свои денъги Виссаріонъ всегда прибиралъ гдѣ нибудь въ саду, или на пчельникѣ подъ камнями или въ стѣнѣ кухни, которая одной задней стѣной выходила въ садъ. Дочь его Антонина иногда вынимала эти денъги и передавала своимъ теткамъ, которыя не имѣя личной семейной жизни, обреченныя на вѣчное дѣвство, страстно были привязаны къ своимъ племянникамъ-сиротамъ и онѣ на денъги, похищенныя у Виссаріона, справляли нужды его дочерей. О пропажѣ денегъ Виссаріонъ никому никогда не говорилъ; но ходилъ нѣсколько дней сердитый и мрачный.—Но больше всѣхъ изъ нашихъ крѣпостныхъ слугъ я любила мою милую кормилицу Василису, къ ней я питала такую любовь, какую только можетъ питать ребенокъ къ горячо любимой матери. Говорять, когда ее изъ Карцева переселили въ Борислово, гдѣ у насъ было большое скотоводство и ей поручили вести все молочное хозяйство, я заболѣла съ горя; но я уже помню, когда я была сравнительно уже большая дѣвочка, каждый разъ когда она приходила въ Карцево это былъ для меня день великой радости, разлука большимъ

горемъ. Впослѣдствіи когда я вдовой опять поселилась въ Карцевѣ, моя милая кормилица опять пришла ко мнѣ, и жила со мной до конца своей жизни. Всѣ эти милые мнѣ люди имѣли огромное вліяніе на складъ моего міросозерцанія и весь мой характеръ. Благодаря имъ я полюбила всей душой нашъ простой деревенскій людъ, со всѣми его достоинствами и недостатками. Я, благодаря имъ, сроднилась съ нашимъ народомъ, и до сихъ поръ онъ для меня свой родной. И жизнь среди нихъ для меня навсегда осталась самой пріятной. Наше милое тихое дѣтство прошло среди простой, патриархальной деревенской жизни.— Наша семья была очень религіозна, исполняла всѣ посты и обряды православной церкви. Въ домѣ было много старинныхъ иконъ, изъ которыхъ одна была особенно чтима нашей семьей и всѣмъ окружающимъ насъ деревенскимъ людомъ. Икона эта была „Казанская Божія Матерь“. О ней сохранилось слѣдующее преданіе въ нашей семьѣ. Одинъ изъ предковъ нашихъ, Левъ Юрьевичъ Селивановъ, былъ любимцемъ Императора Петра Великаго и всегда находился при немъ въ званіи „деньщика.“—Разъ когда Императора Петра не было въ Петербургѣ, онъ былъ гдѣ-то съ своимъ войскомъ,—на Льва Юрьевича былъ написанъ ложный доносъ, въ измѣнѣ Государю. Льва Юрьевича Селиванова заключили въ темницу. Онъ ожидалъ пытки и, сознавая себя невиннымъ, горячо молился о своемъ спасеніи.—Помолившись заснулъ и услышалъ, что во снѣ кто-то говоритъ ему: „встань скорѣе! у тебя подъ лавкой образъ Божіей Матери, возьми его и молись ему, и ты будешь оправданъ. И дѣйствительно подъ лавкой, на которой онъ спалъ, лежалъ образъ Казанской Божіей Матери. Сонъ былъ настолько ясенъ, и живъ, что онъ, проснувшись, исполнилъ то, что ему было сказано во снѣ. Вскорѣ послѣ этого доносчикъ сознался въ своей клеветѣ, и Левъ Юрьевичъ пользовался еще большимъ расположеніемъ Императора Петра, чѣмъ раньше. Петръ великій часто, какъ говорятъ, заходилъ къ своему деньщику Льву Юрьевичу Селиванову и угощался у него „анисовкой“. Серебряная чарка, изъ которой пилъ Императоръ, сохранилась у насъ въ домѣ, и я, уже бывши много лѣтъ замужемъ, передала эту чарочку археологу Алексѣю Васильевичу Селиванову. Икона и въ настоящее время находится у меня въ Карцевѣ, и передъ ней всегда, когда я живу дома, горитъ неугасимая лампада. По завѣщанію нашихъ родителей, эта икона должна всегда оставаться въ карцевскомъ домѣ. Въ случаѣ же прекращенія нашего рода или продажи Карцева, эта икона должна перейти въ родъ Селивановыхъ или передана въ церковь погоста Василя Великаго, нашего прихода, гдѣ похоронены всѣ наши предки.—Каждый годъ наканунѣ праздниковъ Казанской Божіей Матери у насъ совершалась всенощная, послѣ

нея былъ молебень съ акаѳистомъ.—Кромѣ Казанской у насъ въ домѣ всегда было водосвятіе 1-го числа каждаго мѣсяца, и всенощная наканунѣ всѣхъ большихъ праздниковъ, всѣхъ именинъ и рожденій отца, матери и тетки.—Много лѣтъ нашего дѣтства проходили однимъ образомъ. Помню, начало зимы послѣ грязной осени всегда меня очень радовало. Проснешься бывало утромъ и видишь все такъ свѣтло хорошо, чисто кругомъ, мягкій, крупными хлопьями падаетъ снѣгъ, не дождешься бывало, когда всѣ встанутъ и насъ позовутъ пить чай и завтракать. Наскоро бывало выпьешь чашку жиденькаго чаю съ молокомъ и прѣсными пышками изъ домашней пшеничной муки. Ёдой насъ не очень баловали, „большіе“ пили чай съ сдобными булочками и куличами, а намъ всегда давали ржаныя или пшеничныя пышки, замѣшанныя на истопинахъ послѣ масла и, вотъ послѣ такого завтрака, попросишься погулять. Надѣнуть на насъ валенки, теплые мѣховыя полушубки. Съ какою бывало радостью выбѣжишь на дворъ и въ садъ. Все покрыто бѣлымъ пушистымъ снѣгомъ. Какъ вездѣ хорошо. Къ намъ бывало примкнутъ наши товарищи-ребятишки, дѣти нашихъ дворовыхъ и крестьянъ. Начнемъ катать шары изъ мягкаго пушистаго снѣга. Наконецъ, няня управившись съ домашними дѣлами, идетъ за нами, зоветъ насъ домой, идти намъ не хочется, но няня пристааетъ неотступно и начинаетъ пускать въ ходъ страшную фразу „пойду скажу мамашѣ, что вы не слушаетесь“;—послѣ этого мы сейчасъ-же бѣжимъ домой и идемъ учиться. Съ 8-ми лѣтняго моего возраста я помню у насъ жила учительница рускаго языка Ольга Сергѣевна Ткачева, высокая, сухая, старая дѣва, умная, суровая, страшная педантка во всемъ. Кромѣ того, что она учила насъ, она занималась съ молодыми горничными рукодѣльемъ. Она кончила курсъ въ Домѣ Трудолюбія въ Рязани, хорошо знала свое дѣло и учила толково. Несмотря на строгость, заниматься съ ней было хорошо. Она жила у насъ года три, но затѣмъ получила мѣсто въ Рязани въ Домѣ Трудолюбія, прожила тамъ пока я вышла изъ пансіона, а послѣ опять поселилась у насъ и прожила съ нами опять года два. Когда мнѣ было 11-ть лѣтъ къ намъ пріѣхала новая гувернантка, знающая французскій и нѣмецкій языки и немного музыку Пелагея Алексѣевна Сырейщикова. Она была совсѣмъ молоденькая дѣвочка, воспитывалась въ богатой купеческой семьѣ. Мы съ ней, дѣти, сейчасъ же подружились, особенно я.—Она прожила у насъ до конца своей жизни. Уѣзжала иногда не надолго на мѣсто къ нашимъ же сосѣдямъ и, оставляя мѣсто, всегда возвращалась въ нашъ домъ, а потомъ, когда здоровье ее стало плохо и я была уже замужемъ, она совсѣмъ переселилась къ намъ, и умерла чахоткой на нашихъ рукахъ.—Учительница она была плохая, но какъ человѣкъ

премилая, добрая, веселая, и я до сихъ поръ вспоминаю ее съ любовью.—И вотъ мы нагулявшись сѣдлись учиться. Учились до обѣда. Обѣдъ у насъ всегда былъ въ часъ дня. Блюда были обильныя, сытныя. Первымъ блюдомъ всегда было что нибудь мясное, называлось, почему то, холодное, и когда это блюдо приносили изъ кухни приходили докладывать „кушанье подано“. Всѣ молились Богу и сѣдлись за столъ.—Когда гостей не было, блюда съ кушаньемъ ставились на столъ около тети, и она раскладывала всѣмъ на тарелки, которыя ей подавала прислуга, потомъ, принимая отъ нея, ставила всѣмъ по указанію тети, которая умѣла всѣмъ угодить и положить каждому то, что кому нравилось. Первымъ блюдомъ всегда былъ или студень, или солонина съ картофельнымъ пюре, или горячая вареная ветчина, а съ ней вмѣстѣ всегда подавали яйца въ смятку. Вторымъ блюдомъ были горячіе щи, или борщъ, или супъ; потомъ жареное—смотря по сезону, буженина изъ свинины, утки, гуси, индѣйка, баранина и телятина. На третье всегда было, что нибудь очень вкусное, или такъ казалось намъ дѣтямъ: бывали разныхъ сортовъ блинчики, вафли, оладьи, разные каши; изъ чего только не дѣлались эти каши: были каши изъ крупы зеленой ржи, эту крупу очень вкусную и душистую умѣла готовить только одна моя кормилица; для этой крупы жали рожь какъ только она начинала наливать до половины зерна.—Потомъ были каши изъ ячменя, полбы, изъ цвѣтовъ розъ; эта каша приготовлялась такимъ образомъ—брали свѣжіе лепестки отъ розъ, мѣсили тѣсто изъ яицъ и картофельной муки и въ это тѣсто клали лепестки отъ розъ, все вмѣстѣ мѣсили и протирали черезъ рѣшето; сушили на солнцѣ. Варили эту кашу на молокѣ, она имѣла видъ каши изъ саго, была вкусная, душистая. Насъ дѣтей заставляли всегда ѣсть горячее какое бы оно не было, съ нашими вкусами не справлялись: я въ дѣтствѣ не любила свеклу, но мнѣ наливали борщъ и я, хотя и съ отвращеніемъ, должна была съѣдать его хоть немного. Мяса намъ давали мало. Жаренаго мы получали всегда очень маленькіе кусочки, но третьяго блюда, каши, оладей, вафель, намъ давали, сколько мы хотѣли. Мать моя по совѣту врачей того времени тоже ѣла мало мяса; а жаркого совсѣмъ не ѣла. Ни свинины, ни гусей тоже не любила и для нее почти всегда были приготовлены отдѣльныя кушанья изъ „бѣлаго мяса“; любимымъ ея блюдомъ была индѣйка, которыхъ у насъ всегда бывало много.—Послѣ обѣда мы опять шли на воздухъ; сани уже были собраны и мы съ наслажденіемъ усаживались въ дровни, въ которыхъ былъ плетеный постельникъ и катались по усадьбѣ, помогали возить солому и кормъ на скотный дворъ; а иногда намъ позволяли покататься по шоссе на погостъ, въ Строилово и Индриково. Въ четыре часа возвращались домой,

и когда стали постарше то садились заниматься опять до половины шестого, а иногда и до шести. Большіе всё всегда спали послѣ обѣда часовъ до 5-ти. Къ 6-ти часамъ подавали чай, и мы всё собирались въ столовую. Послѣ чая всё усаживались тутъ же въ столовой, около круглаго большого стола, на которомъ стояли двѣ сальныя свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ и лоточекъ съ щипцами, очень оригинальной формы, которыми снимали нагаръ со свѣчей.—Мать всегда зимніе вечера читала вслухъ, помню читались: „Отечественная война 1812 года“ Данилевскаго, потомъ романы Евг. Сю. „Вѣчный Жидъ“, „Гордость“, а также романы Дикенса изъ которыхъ у меня больше всего остался въ памяти „Домби и сынъ“.—Многія и даже большинство изъ этихъ книгъ для насъ дѣтей не были интересны, а сидѣтъ молча, когда ихъ читали, было очень скучно, но на это мало обращали вниманія. Мы бывало работаемъ чтонибудь на рукахъ, или вышиваемъ какіянибудь совершенно бесполезныя вещи по канвѣ, или папье-поле.—Столъ, за которымъ мы сидѣли, всегда былъ уставленъ разными домашними лакомствами, пастилой, яблоками, сливами, орѣхами въ меду, намъ всего этого давалось очень немного, находя, что сладкое вредно дѣтямъ. Меня очень часто посылали съ разными приказаніями, зачѣмънибудь въ дѣвичью; нужно было пройти весь домъ изъ конца въ конецъ, что-бы попасть туда. Наша огромная зала никогда почти въ эти семейные вечера не освѣщалась, но ея расположеніе я отлично помнила и въ потьмахъ всегда пробѣгала ее почему то зажмурия глаза, и только въ корридорѣ открывала ихъ. Онъ слабо освѣщался лампадкой изъ образной около спальни. Я любила иногда изъ корридора завернуть туда въ образную. Свѣтъ лампадки тамъ хорошо освѣщалъ иконы и всю маленькую комнатку съ лежанкой съ одной стороны, а съ другой съ большимъ шкафомъ съ разными старинными рѣдкостями и домашними лѣкарствами; бывало, зайдешь туда и помолишься немного; напротивъ образной была дверь въ дѣвичью—цѣль моего путешествія по дому. Тамъ шель говоръ, иногда смѣхъ и пѣніе, всё зимними вечерами сидѣли за пряжей льна на самопряхахъ и какъ мнѣ казалось весело, хорошо у нихъ, а они всегда бывали рады нашему приходу. Передашь приказаніе, за которымъ шла, поболтаешь и опять спѣшишь въ столовую. Если долго проходишь—побранятъ, что не скоро вернулась. И такъ, бывало, всё сидимъ до 9-ти часовъ вечера. Въ девять приходитъ кто-либо изъ прислуги и объявляетъ „кушать подано“; всё идутъ въ залу и садятся за столъ тоже освѣщенный двумя сальными свѣчами. Меню ужина бывало всегда тоже, что и обѣдъ безъ всякаго измѣненія.—Послѣ ужина мы цѣлуемъ руки у отца и матери, обнимаемъ тетку. Насъ крестятъ и мы идемъ спать.—Большіе, иногда,

если было интересное чтеніе, еще посидять съ часъ, разложить еще интересный пасьянсъ, который вечеромъ не сошелся. Наши гувернантки остаются тоже съ большими внизу.—Мы-же съ радостью бѣжимъ на нашъ милый верхъ, поиграемъ въ куклы, разберемъ свои шкафчики и, наконецъ, приходитъ тетя, Пелагея Алексѣевна и насъ укладываетъ спать.

Иногда эти вечера разнообразились. По четвергамъ насъ учили танцевать, а по субботамъ, если не было бани, мы вмѣстѣ съ молодыми горничными играли въ жмурки, прятали булабочку, которую искали подь музыку. По воскресеньямъ, если не было гостей, мы тоже играли въ залѣ, но уже одни въ куклы, такъ какъ молодья и старья горничныя въ субботу послѣ 4-хъ часовъ убирали свою пряжу и всѣ свои самопрялки, а въ воскресенье вечеромъ, съ 6-ти часовъ принимались на гребняхъ чесать ленъ и готовить намыки, для слѣдующей недѣли.

Съ половины ноября начинался рождественскій постъ, всѣ въ домѣ начинали поститься, намъ, пока мы еще были малы, лѣтъ до 8-ми-9-ти, давали молоко и молочную кашу, а съ этихъ лѣтъ постились наравнѣ съ большими.

Помню, закупаюсь къ этому посту масса разной мороженой рыбы, были и крупныя и мелкія. Этими рыбами наполнялось множество корзинъ, утромъ ихъ приносили въ дѣвичью и мать выдавала изъ нихъ на кушанья повару Тихону. Тутъ заказывалось горячее, и рыба подь соусомъ, и жареная. Въ комнату наносился запахъ отъ этихъ корзинокъ, мать и поваръ долго разбирали эту рыбу, твердую какъ камень отъ мороза; и никому не приходило на умъ, что отъ подобнаго занятія можно простудиться.

Мать моя вообще хорошо переносила и холодную и сырую погоду, такъ же пріучили и насъ. Я и до сихъ поръ не боюсь погоды и почти никогда не болѣю простудой.

Сама же мать каждое утро до старости обливалась холодной водой, по совѣту врачей: утромъ рано, бывало, еще при огнѣ, приносить ведро ключевой воды изъ родника, мать становится въ большой жестяной тазъ и на нее выливаютъ эту воду, послѣ этого она надѣваетъ ватное платье и овчинную шубу, сшитую вродѣ полушубка, и идетъ гулять до чая, который у насъ зимой подавался въ 9-мъ часу.

Я вставала очень рано и, бывало, сбѣгу внизъ съ верху, никто меня не видитъ, тетя спитъ, надѣну валенки на босыя ноги закутаюсь въ ватное одѣяло и сяду въ дѣвичьей на лежанку. Дѣвушки уже всѣ сидятъ за пряжей и няня съ ними вяжетъ чулокъ. Увидя меня бывало скажутъ ласково: „вотъ ранняя пташка прилетѣла къ намъ“. Слушаю ихъ рассказы о житѣ бытѣ нашего народа, при тогдашнемъ крѣпостномъ правѣ. Какъ продавали дѣвушекъ въ замужество въ другія барщины, къ другимъ помѣщикамъ, какъ мальчиковъ отдавали въ Москву и другіе города въ ученіе разнымъ мастерствамъ; какъ имъ тамъ жилось, сколько горя эти дѣти видѣли на чужой сторонѣ; какъ многіе помѣщики жестоко обращались съ своими крестьянами, особенно дворовыми, какъ иногда, нуждаясь въ деньгахъ, продавали цѣлыя семьи кому-либо въ услуженіе, или за деньги безъ зачету отдавали молодыхъ людей въ солдаты. Весь этотъ производъ надъ человѣкомъ служилъ доходною статьею для помѣщиковъ; но въ нашемъ хозяйствѣ, у нашего отца и матери, ничего подобнаго не было. Въ замужество дѣвушекъ отдавали въ другія барщины, т. е. продавали ихъ за деньги, но всегда родители невѣсты должны были узнать и съѣздить посмотрѣть то мѣсто, куда сватали ихъ дочь.

Иногда вмѣсто продажи одну дѣвушку мѣняли на другую, брали къ намъ изъ того имѣнія, куда отвозили нашу. И вотъ, я маленькая дѣвочка знакомилась съ нашимъ народомъ по этимъ рассказамъ, полюбила его, поняла всю его ненависть къ своимъ властителямъ и никогда не осуждала ихъ за это.

Кромѣ этихъ рассказовъ я любила слушать ихъ сказки, которыя наши старыя горничныя умѣли такъ хорошо рассказывать, особенно няня и тетя Саша.

Часовъ около семи бывало ктонибудь посмотреть въ коридоръ и сказать: „барыня встала, Богу молится“.

Въ одну минуту побѣжишь на верхъ и юркнешь подъ одѣяло, а иногда спрячешься на лѣстницѣ на площадкѣ и посмотришь, какъ придетъ мать купаться въ дѣвичью; страшно бывало смотрѣть какъ на нее выливаютъ ледяную воду изъ ведра.

Наконецъ, въ 8-мъ часовъ приходитъ самая старшая горничная Аксинья и будить тетю, она встаетъ и приказываетъ вставать и мнѣ; въ другой комнатѣ въ это же время поднимаются сестра Настя, гувер-

нантка, начинается умыванье, одѣванье; все это заставляли насъ дѣлать самихъ, кромѣ прически: насъ причесываетъ няня или Ольга Сергѣевна, сестра Настя стриженная, а я, какъ помню, всегда была съ большими волосами, мнѣ ихъ заплетали въ косы.

И такъ шли наши зимніе дни, похожіе одинъ на другой. Иногда эти дни разнообразились поѣздками къ роднымъ и знакомымъ. Разъ въ годъ къ 4-му декабря мы всѣ ѣздили за 40 слишкомъ верстъ въ Михайловскій уѣздъ въ Бойчицы къ тетѣ Варварѣ Ивановнѣ. Она была двоюродная сестра матери, ея отецъ былъ Иванъ Ѳомичъ Колеминъ, родной братъ моей бабушки Анны Ѳоминичны. Эти путешествія мы очень любили. Для этого запрягались два экипажа: возокъ и повозка. Въ возокъ сажали насъ дѣтей, съ нами садилась тетя, гувернантка и Аксиныюшка, которая всегда ѣздила съ нами въ качествѣ горничной, да и, кажется, у ней въ Бойчицахъ были родные. Мать не могла переносить ѣзды въ возкѣ и помѣщалась съ отцомъ въ крытой повозкѣ. Въ возкѣ бывало очень уютно, проѣхавши немного, тамъ становилось такъ тепло, что намъ позволяли снять шубки и мы оставались въ однихъ ватныхъ платьяхъ. Тетя иногда вязала что-нибудь изъ шерсти, а также и Аксиныюшка. Рассказываютъ онѣ, бывало, намъ про старину, про бабушку Анну Ѳоминичну, про дѣда Павла Петровича, про нашествіе французовъ въ 12-мъ году; все вѣдь это происходило на ихъ глазахъ.

Моя тетя Александра Павловна и ея горничная Аксиныюшка были уже взрослыми во время нашествія французовъ. Рассказы ихъ были для насъ всегда очень интересны. Говорили они такъ: „сначала получались извѣстія съ тревожными слухами, что французы уже близко. Всѣми читался со слезами манифестъ Александра I-го, гдѣ онъ призывалъ всѣхъ стать на защиту родины и старыхъ и малыхъ. Особенно всѣмъ нравились слова Государя, гдѣ онъ говорилъ: „и я отпущу себѣ бороду, надѣну сѣрый кафтанъ и пойду объ руку съ вами, буду защищать до послѣдней капли крови нашу святую отчизну“. Александра I-го всѣ обожали, чтили какъ святого, считали его долго живымъ и послѣ смерти и, говорили, что онъ гдѣ-то далеко живетъ отшельникомъ. Этотъ обѣтъ онъ будто исполняетъ, вслѣдствіе даннаго имъ обѣщанія, что, если благополучно кончится война, онъ сложить съ себя царскія почести и простымъ отшельникомъ, въ нуждѣ и въ бѣдности окончить свою жизнь, а также чтобы замолить грѣхъ юности совершенный имъ во время смерти отца его Павла;—и все таки такой страшный грѣхъ, какъ насильственная смерть Павла, совершенная съ

его согласія, не ставилась ему въ вину. Говорили, что онъ пожертвовалъ отцомъ, чтобы спасти государство, отъ большихъ бѣдъ, которыя ему могло причинить царствованіе Павла.

О 12-мъ годѣ продолжали рассказывать такъ: послѣ вышеупомянутаго манифеста газеты скоро перестали выходить. Всѣ жили въ страхъ и тревогѣ. Многіе считали Наполеона антихристомъ, находили на это указанія въ апокалипсисѣ, и всѣ ждали страшныхъ бѣдъ и конца міра. Многіе знакомые уже выѣхали изъ Москвы, наконецъ, на сѣверѣ стало каждую ночь показываться зловѣщее зарево. Москва отъ Карцева находилась въ 120 верстахъ; но зарево не сходило съ горизонта и никто не зналъ какая ему причина, было ли это зарево отъ пожара или сѣверное сіяніе кроваваго цвѣта. Однимъ словомъ во всемъ видѣли самыя страшныя предзнаменованія. Спустя нѣкоторое время, послѣ появленія зарева, стало извѣстно, что французы въ Москвѣ. Дѣдъ мой Павелъ Петровичъ поступилъ въ ополченіе, и передъ отъѣздомъ на мѣсто своего назначенія уговорилъ мою бабушку съ дѣтьми выѣхать изъ Карцева. И вотъ, пригласили священника, отслужили молебень чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери и наша семья двинулась въ путь: моя бабушка Анна Ѳоминачна, моя тетья Александра Павловна 16 лѣтъ и моя мать 6 лѣтъ, больная лихорадкой.

Бабушка забрала съ собою цѣнныя вещи, двухъ горничныхъ, Аксиньюшку и еще не помню кого, и двухъ лакеевъ. И вотъ нѣсколько экипажей и подводъ двинулось въ путь въ Тамбовскую губернію, гдѣ у моего дѣда были какіе то давнишніе знакомые, съ которыми онъ не видался и не переписывался уже много лѣтъ.

Домъ поручили оставшимся слугамъ; приказали имъ всѣ запасы уничтожить, какъ только французы будутъ близко, домъ и всѣ постройки сжечь. Я воображаю, какъ тяжело было нашему дѣду давать такое приказаніе. Онъ такъ любилъ свой новый и только что отстроенный домъ. Путешествіе въ то время съ конца сѣверной части Рязанской губерніи, почти съ границы Московской, въ Тамбовскую губернію было совершать не легко: не только желѣзныхъ дорогъ, о которыхъ тогда никто понятія не имѣлъ,—а если бы какимъ либо чудомъ, что либо подобное дошло до ихъ свѣдѣнія, то навѣрное бы приняли этотъ рассказъ за волшебную сказку,—но и шоссе нигдѣ еще не было; приходилось ѣхать простыми дорогами на своихъ лошадяхъ съ своимъ запасомъ корма для нихъ; а также съ большимъ запасомъ провизіи и для господъ и для прислуги.

Пріѣхавши въ Тамбовскую губернію въ богатое имѣніе, помѣщиковъ фамилію не помню, моя бабушка нашла у людей, мало ей знакомыхъ, самый радушный пріемъ.

Разсказывала тетя такъ: „кромѣ семьи нашей бабушки, туда уже съѣхалась много другихъ помѣщиковъ изъ подъ Москвы и изъ сѣверной части Рязанской губерніи; сама же помѣщица, выслушавши отъ пріѣзжихъ подробный разсказъ о приближеніи французовъ, простившись съ своими многочисленными и неожиданными гостями, поручивши своимъ слугамъ, ключницѣ и старостѣ служить пріѣзжимъ какъ служили ей, отпустить для ихъ стола все, что будетъ нужно, и, въ случаѣ приближенія французовъ, сдѣлать тоже, что приказывалъ и мой дѣдъ, т. е. все сжечь и уничтожить до прихода непріятеля, съ своей семьей уѣхала въ другое свое имѣніе въ Воронежскую губернію. Въ этомъ имѣніи наша семья прожила до тѣхъ поръ пока стало извѣстно, что французы бѣжали изъ Москвы. Прожили они въ Тамбовской губерніи очень хорошо въ большомъ обществѣ и пользовались полнымъ комфортомъ, благодаря гостепримству отсутствующей хозяйки.

Дома по пріѣздѣ нашли все въ порядкѣ, только прислугой были сѣдены всѣ варенья и выпита вся наливка.

И вотъ, бывало, проводя время въ разговорѣ съ тетей и Аксиньюшкой, закусывая вкусными дорожными запасами, наконецъ мы приближались къ цѣли нашего путешествія къ Бойчицамъ. Тетя Варвара Ивановна, старая дѣвушка, милая, добрая, веселая, очень любившая дѣтей, принимала насъ съ такою радостью и радушіемъ, что трудно выразить это словами. Мы сразу наполняли ея маленькій теплый домикъ и усаживались за кипящей самоваръ и сытный ужинъ.

На другой день пріѣзда мы шли къ дядѣ Николаю Ивановичу, родному брату тети Варвары Ивановны. Его домъ былъ гораздо больше и находился на одномъ дворѣ съ домомъ тети. Николай Ивановичъ былъ очень глухъ и съ нимъ разговаривали въ трубу, имѣющую видъ рожка, которую онъ носилъ всегда съ собою. Дядя былъ женатъ, жену его звали Любовь Степановна. Тетя съ ней не особенно ладила, но обожала своихъ племянниковъ, дѣтей брата,—особенно любила мальчика Ваничку, моего сверстника. У тети мы проживали всегда больше недѣли, праздновали ея именины 4-го Декабря и именины дяди 6-го Декабря. Изъ Бойчицъ мы ѣхали вмѣстѣ съ тетей Варей (какъ мы ее звали) къ двоюродному брату моей бабушки Павлу

Петровичу Колемину, въ его имѣніе Бараково, находящееся въ 7-ми верстахъ отъ Бойчиць. Домъ въ Бараковѣ былъ замѣчательнъ по своей оригинальности; мнѣ въ дѣтствѣ онъ напоминалъ тѣ старинныя замки съ подземельями, въ которыхъ непремѣнно должны были водиться привидѣнія и о которыхъ я начиталась въ старинныхъ романахъ „Ратклифъ“, находившихся въ изобиліи въ библіотекѣ моего родного дѣдушки въ Карцевѣ.

Домъ Павла Петровича Колемина былъ мрачный, деревянный, огромный съ верхомъ. Стѣны были темныя отъ времени, двери всѣ внутри комнатъ были устроены съ тяжелыми блоками, и когда они отворялись и затворялись, то производили страшный шумъ.

Вся обстановка въ домѣ была очень странная. Такъ напр. внутри комнатъ находились бесѣдки; одна я помню напоминала восточную пагоду, украшена была перьями, вѣерами, китайскими куклами, внутри этой бесѣдки стояло четыре фигурныхъ стула, и передъ ними крошечный пестрый столикъ. Это сооруженіе находилось посрединѣ большой комнаты, называемой гостиной, въ которой кромѣ этой бесѣдки было множество другой мебели страннаго вида и множество стеклянныхъ этажерокъ съ разными рѣдкостями и древностями. Здѣсь были разныя окаменѣлости, чучела животныхъ, птицъ. Въ углу на подставкѣ лежала громадная кость, которую называли зубомъ мамонта. Были и прекрасныя вещицы изъ севрскаго фарфора, масса настоящихъ китайскихъ вещей, но все это было такъ пыльно и мрачно, что трудно было найти прекрасное въ этомъ хаосѣ. Рядомъ съ гостиной была диванная, въ ней тоже была посрединѣ бесѣдка изъ плюща, который густо обвивалъ ее. Внутри этой бесѣдки были мягкіе шелковые диваны и посрединѣ столъ. На верху этого сооруженія была полузакрытая плющемъ дощечка съ надписью фигурными разноцвѣтными буквами: „храмъ любви и дружбы“.

Все это насъ удивляло и радовало. Самъ хозяинъ былъ высокій худой старикъ съ красивыми сѣдыми кудрями. Костюмъ его тоже былъ оригиналенъ: онъ носилъ всегда очень высокіе воротнички, подвязанные широкимъ бѣлымъ батистовымъ „жабо“ съ громаднымъ бантомъ, сюртукъ также былъ какой то странный. Когда онъ пріѣзжалъ къ намъ въ Карцево, меня всегда интересовала его шинель, была она свѣтлогоороховаго цвѣта и имѣла 15-ть воротничковъ одинъ другого меньше.

Когда мы вмѣстѣ съ обитателями Бойчицъ прїѣзжали въ Бараково, прямо отъ обѣдни изъ села Кобыльскаго, общаго прихода и Бойчицъ и Баракова, старикъ хозяинъ всегда встрѣчалъ насъ въ прихожей. Былъ онъ очень любезенъ и какъ-то церемонно вѣжливъ; онъ женатъ не былъ, но имѣлъ незаконную семью отъ горничной-крестьянки, которая завѣдывала у него домашнимъ хозяйствомъ, но гостямъ не показывалась, и мои родные и тетя Варвара Ивановна ходили къ ней на верхъ потихоньку отъ Павла Петровича. Говорятъ, что это была замѣчательно кроткая, добрая и хорошая женщина. Дѣтей у нихъ было множество; при нихъ были гувернантки и учитель; но внизъ сходили къ намъ только старшія дѣти, наши сверстники Митрюша и Оеда.

Митрюшу всегда заставляли играть на фортопьянахъ, которыя Павелъ Петровичъ всегда называлъ „клавикордами“.

Кромѣ этого музыкальнаго инструмента у него еще были „гусли“, которыя я только здѣсь и видѣла. Было множество балалаекъ, гитаръ, все это висѣло по стѣнамъ. Павелъ Петровичъ церемонно приглашалъ насъ въ столовую, гдѣ уже были приготовлены чай, кофе, шоколадъ, пироги, пирожки и разное домашнее печенье; хозяйничать, т. е. угощать и наливать чай и кофе онъ всегда просилъ тетю Варю, или нашу тетю Александру Павловну. У него мы бывали цѣлый день, обѣдъ всегда былъ обильный и скоромный; такъ что въ этотъ день всѣ наши постники, по случаю рождественскаго поста, разговлялись и возвращаясь въ Бойчицы говаривали: „всѣ мы оскоромились“ и при этомъ полушутя и полусерьезно прибавляли „ну— да и въ священномъ писаніи сказано: предлагаемое да ѣдимъ“, или такъ: „съ своимъ уставомъ въ чужой приходъ не ходятъ“ и т. д. Говорили, что старикъ всегда былъ „вольтерьянецъ“; онъ обожалъ Екатерину II, Потемкина,—непавидѣлъ Павла и, кажется, имъ былъ обреченъ на безвыѣздную жизнь въ своемъ Бараковѣ.

И вотъ, такимъ образомъ, прогостивши въ Бойчицахъ, пускались въ обратный путь домой. Помню, тетя Варя награждала насъ на дорогу разными домашними лакомствами, пирожными и дарила нѣсколько бутылокъ чуднаго вкуснаго укуса своего приготовления, который она дѣлала замѣчательно хорошо. У насъ тоже всегда готовяли свой укусъ,—но тети Вари укусъ считался вкуснѣе.

Она провожала насъ всегда со слезами, съ нею брали обѣщаніе, что она прїѣдетъ къ намъ гостить на Рождествѣ съ своей горничной-наперницей Фіоной, съ которой никогда не разставалась.

Наконецъ, иногда почти послѣ двухнедѣльнаго отсутствія, возвращались въ наше милое Карцево.

Помню нашъ прїѣздъ; всѣ выбѣгаютъ насъ встрѣчать; сейчасъ же затапливались печи, подавался въ столовую самоваръ и всѣ, перодѣвшись, усаживались въ столовой за чай; усядутся и скажутъ бывало: а что ни говори, и какъ въ гостяхъ ни хорошо, а все дома лучше.

Мы сидимъ за чаемъ, приходитъ Феодоръ Ильичъ и докладываетъ о хозяйствѣ, обо всемъ, что случилось въ наше отсутствіе, а также сообщаетъ и всѣ деревенскія новости.

И вотъ жизнь опять вступаетъ въ свою колею. Зима идетъ своимъ чередомъ, трещать морозы, бушуютъ вьюги, топятся печи, въ холодъ по два раза въ день; но холода не мѣшаютъ намъ продолжать наши зимнія прогулки и катанья. Катаемся мы на ледянкахъ, на салазкахъ и на дровняхъ, запряженныхъ смиренными старыми лошадьми. И такъ проходитъ скучный для всѣхъ, мрачный Декабрь.

Съ половины рождественскаго поста уже начинаются приготовленія къ праздникамъ. Откармливается птица, убиваютъ свиней, на опаливаніи которыхъ мы также всегда присутствовали. Очень было весело и красиво смотрѣть пылающій соломенный костеръ на бѣломъ снѣгу.

Убитую птицу приносили на показъ въ „дѣвичью“; ее сортировали, лучшія штуки отбирали на праздники. Птицы всѣ были жирныя, хорошо отдѣланныя, и за нее птичницы и поваръ Тихонъ получали похвалы. У всѣхъ были довольныя лица, всѣ видимо съ удовольствіемъ думали скоро покушать этихъ вкусныхъ вещей, постный рыбный столъ къ этому времени всѣмъ надоѣдалъ.

За недѣлю до праздника, начинали убирать домъ. Посылали Феодора Ильича съ обозомъ хлѣба въ Коломну. Ждали его, помню, всегда съ большой тревогой, такъ какъ приходилось всю почти дорогу по шоссе ѣхать боромъ и случались часто грабежи. Какъ помню изъ рассказовъ матери и тети, этимъ грабежамъ потворствовалъ бывший тогда становымъ Дмитрій Фил. Дубенскій, страшный взяточникъ. Всѣ эти воры, конокрады были у него на откупѣ. Всѣ это знали, но онъ умѣлъ вести свои дѣла,—дѣлился, вѣроятно, своими доходами съ тѣми, отъ кого зависѣла его служба, и оставался на своемъ

мѣстѣ очень долго. Составилъ себѣ прекрасное состояніе, которое послѣ его смерти все почти было прожито. Дѣти его всѣ вышли прекрасными и идеально честными людьми, такъ что на нихъ не сбылась русская пословица, „что яблочко отъ яблоньки не далеко падаетъ“. Но вотъ наконецъ Федоръ Ильичъ возвращается, помню, почему то это всегда бывало вечеромъ. Онъ привозить изъ Коломны крупитчатую, какъ тогда называли „конфетную“ муку, солодъ и разные предметы нужные для хозяйства: веревки, сошники, ведра, постное и деревянное масло, водку разныхъ сортовъ.

Все это сначала вносятъ въ дѣвичью для осмотра и наносятъ въ домъ страшный запахъ. Потомъ запасы муки, масла и свѣчей убираются въ кладовыя. А вещи нужныя для хозяйства убираются въ сарай.

Домъ убирать и мыть приходили бабы изъ Подосинокъ и Борислова, между ними соблюдалась очередь. Возня бывала страшная, сначала убирали верхъ, а потомъ уже низъ. Отецъ дня за два уѣзжалъ въ Зарайскъ за покупками. Его возвращенія мы дѣти всегда ждали съ нетерпѣніемъ. Приѣдетъ онъ, бывало, усталый, озябшій; и его уже ждуть съ чаемъ. Въ это время изъ саней приносятъ ящики съ покупками, въ нихъ чай, сахаръ, сыръ, икра и разные сласти. Бывало не дождемся, пока отецъ напьется чаю и стануть разбирать покупки. Сначала начинаютъ разбирать разные подарки для прислуги и разные обновки для насъ. Это все покупалось въ лавкѣ Курносова. Обновки насъ не интересовали, къ нарядамъ мы были всегда совершенно равнодушны.

Наконецъ, открывается ящикъ съ разными орѣхами: миндальными, грецкими, американскими, намъ всегда даютъ по немногу, но мы и малымъ довольны. Вообще насъ лакомствами не баловали. При томъ намъ было извѣстно, что на Рождество будетъ елка и на святкахъ мы будемъ получать гостинцы. Вообще было какъ то особенно весело возвращеніе отца изъ Зарайска, точно праздникъ уже совсѣмъ былъ близко. Наконецъ домъ убранъ, баня вытоплена и мы всѣ по очереди ходимъ въ баню. Сначала ходила тетя; она любила жаркую баню, потомъ отецъ, послѣ мать и наконецъ отправлялись мы дѣти съ няней, Пелагеей Алексѣевной и Алефтиной. Ходить въ баню намъ очень нравилось. Идемъ, бывало, зимой, ночью, т. е. когда уже совсѣмъ темно, съ фонаремъ внизъ по саду, иногда деревья бывали покрыты инеемъ и такъ красиво освѣщались огнемъ фонаря. Баня была внизу сада, у

самой рѣчки. Иногда бывала мятель, которая наметала сугробы, и такое путешествіе съ препятствіями тоже очень нравилось намъ.

По возвращеніи изъ бани насъ поили чаемъ, кажется изъ сухой малины съ покупными Зарайскими или Коломенскими булками, что намъ казалось очень вкусно, и насъ укладывали спать.

Наконецъ наступалъ канунъ Рождества—сочельникъ.

Въ прихожую вносились елка, заранѣе привезенная Федоромъ Ильичемъ изъ бора и сохраняемая въ сараѣ.

Послѣ того какъ елка обогрѣлась, ее уже насаженную на деревянный крестъ вносили въ гостинную; двери кругомъ плотно затворялись и мать съ нашими гувернантками, втайнѣ отъ насъ дѣтей, убирали елку. Мы были полны ожиданія, но видѣть ничего не могли. Обѣдъ въ этотъ день былъ совсѣмъ постный безъ рыбы и помню, всегда бывалъ винигретъ и разварка или компотъ изъ разныхъ сушеныхъ плодовъ и ягодъ домашняго приготовленія, купленнаго въ этомъ компотѣ бывалъ только одинъ черносливъ. Часа въ три начинались приготовленія ко всенощной. Весь полъ въ залѣ, корридорѣ, прихожей застилался половиками и рогожами. Въ углу залы столъ покрывался скатертью и устанавливался образами; приготовлялись риза, кадило и стихарь, а также и большія служебныя священныя книги,—все это сохранялось у насъ дома въ особомъ ящикѣ въ шкафу.

Часовъ въ пять приходилъ съ дьякономъ Иваномъ Петровичемъ священникъ отецъ Петръ. Онъ жилъ долго въ нашемъ приходѣ; крестилъ меня, вѣнчалъ а впослѣдствіи крестилъ и моихъ дѣтей; онъ былъ вдовецъ, бездѣтный и былъ очень привязанъ къ нашей семьѣ. У дьякона была семья, и мать моя крестила всегда его дѣтей. Дочь его Анята, впослѣдствіи Анна Ивановна, въ дѣтствѣ почти всегда гостила у насъ, она была по годамъ наша сверстница, а послѣ моей свадьбы переселилась къ намъ совсѣмъ и была настоящимъ другомъ нашей семьи, дѣлила съ нами и радость и горе; никогда съ нами не разставалась, занималась самостоятельно и иногда даже деспотично нашими дѣлами и нашимъ хозяйствомъ. Впослѣдствіи, когда я овдовѣла, она жила со мной въ Карцевѣ и скончалась недавно, уже старухой на моихъ рукахъ.

Съ священникомъ отцомъ Петромъ и дьякономъ Иваномъ Петровичемъ приходили еще два дьячка. Ко всенощной мы всѣ собирались

въ залу, приходили и дворовые, а изъ коридора и дѣвичьей выглядывали всѣ горничныя; приходила сосѣдка, бѣдная дворянка Екатерина Осиповна Маркова со своими дочерьми Анной Емельяновной и Екатериной Емельяновной.

Начиналась всенощная, зажигалось много восковыхъ свѣчей и канделябры на стѣнахъ съ стеариновыми свѣчами; залъ принималъ торжественный, праздничный видъ. Служба совершалась тоже очень торжественно, не спѣша.

Въ концѣ всенощной служили молебенъ Рождеству. Въ концѣ молебна мать бывало шепнетъ что то Пелагеѣ Алексѣевнѣ или Ольгѣ Сергѣевнѣ и та изъ нихъ, кому скажетъ мать, идетъ потихоньку черезъ столовую въ гостинную.

Наконецъ служба кончена всѣ поздравляютъ другъ друга съ наступающимъ праздникомъ. Прислуга и дворовые уходятъ и убираютъ елку. Дьячковъ зовутъ пить чай въ прихожую. Мать отворяетъ дверь и мы видимъ ярко освѣщенную множествомъ восковыхъ свѣчей елку, всю увѣшанную разными лакомствами: конфетами съ картинками, золотыми и серебряными орѣхами, которые мать сама золотила „сусальнымъ“ золотомъ и серебромъ, и дѣлала она это потихоньку отъ насъ, когда мы гуляли или учились.

Висѣло на елкѣ много яблокъ. Мы, увидя елку, приходили въ неистовый восторгъ отъ ея красоты.

Хотя теперешнія дѣти, видя современные елки, съ чудесными картонажами, электрическими свѣчами, нашли бы нашу скромную, но вкусную елку, ничтожной и плохой; но мы лучшей не знали и считали нашу верхомъ совершенства.

Священникъ и дьяконъ въ столовой пили чай. Намъ же было не до чаю, мы все радовались на нашу елку. Наконецъ, проводя священника съ причтомъ, нашу елку гасили, не обрывая украшеній. Намъ дарили по палочкѣ шоколада, и больше мы пока ничего не получали, и шоколадъ намъ строго запрещали ѣсть до завтра, т. е. до Рождества.

Погасивши елку, шли ловить воробьевъ на пироги и я, страстно любившая птицъ, постоянно кормившая ихъ въ дѣтствѣ, нисколько не возмущалась этою варварскою охотою на бѣдныхъ птичекъ. Конечно, больше все намъ нравилась обстановка при которой шла эта ловля.

Ночью брали фонари и метлы, отправлялись тепло одѣтыя съ Тихономъ—поваромъ, Панфиломъ—садовникомъ, и съ нами также няня и молодыя горничныя въ ригу, и тамъ при свѣтѣ фонарей начинали шуршать метлами. Бѣдныя, сонныя, испуганныя пташки падали на землю, ихъ руками собирали въ мѣшокъ и, наловивши такимъ образомъ сколько было нужно для пирога, мы возвращались весело домой, нисколько не возмущаясь такимъ жестокимъ отношеніемъ къ бѣднымъ, спокойно спавшимъ птичкамъ. И все это продѣлывалось въ эту мирную святую ночь, когда мы всѣ такъ радостно были настроены.

Придя домой, мы здѣсь находили мирное предпраздничное настроеніе. Запахъ роснаго ладона оставшійся послѣ всенощной, во всѣхъ комнатахъ лампадки слабо освѣщали большія комнаты. Мы пробирались на верхъ и тихонько укладывались спать. Утро на Рождество начиналось очень рано, часовъ съ 4-хъ уже всѣ были на ногахъ. Аксиныюшка съ тетей Сашей хлопотали съ тѣстомъ для кулича и пирога, которое стояло въ дѣвичьей на лежанкѣ. Поваръ Тихонъ съ провизіей стоялъ тутъ же въ дѣвичьей. Мать выдавала Тихону все, что нужно было для стряпни на этотъ день для дворни.

Намъ тоже въ этотъ день не спалось, мы одѣвались въ новенькія платья, молились съ няней, читали молитвы Рождеству. Часовъ въ 6-ть приходили дворовыя ребятишки, „славили Христа“, получали нѣсколько копѣекъ, а мы уже были готовы ѣхать въ церковь. Я, какъ себя помню, лѣтъ съ 8-ми всегда уже этотъ день ѣздила къ обѣднѣ. На дворѣ было совсѣмъ темно, кто нибудь изъ дворовыхъ ѣхалъ верхомъ съ фонаремъ насъ провожать. Я всегда садилась съ тетей Александрой Павловной на маленькихъ лубочныхъ саночкахъ, очень низенькихъ. Намъ запрягали самую смирную лошадку. Тетя очень боялась ѣзды. На другихъ большихъ саняхъ ѣхали мать, отецъ и сестра Настя, но ее брали не всегда; къ намъ же садилась одна изъ гувернантокъ, и наконецъ, третьи сани, дровни, занимали горничныя, которыя уже убрали домъ и были свободны. Дома оставались хлопотавшія съ куличами и пирогами, а также и столовая горничная Павла, которая съ помощью лакея Ардаліона Семеновича должна была все приготовить къ чаю и завтраку. Въ церковь мы всегда пріѣзжали къ началу обѣдни, мой отецъ былъ церковный староста, а въ его отсутствіе его замѣнялъ Ѳедоръ Ильичъ. Въ церкви у стѣны было длинное возвышеніе, на которомъ становились мы съ тетей, тамъ же стояла дьяконица и другія привилегированныя лица. Мать съ нами не стояла, она всегда

становилась около амвона, что бы лучше слышать. Она плохо слышала, глухота у ней появилась послѣ горячки, которой она хворала незадолго до своей свадьбы; причиной глухоты было то, что послѣ болѣзни она рано вымыла голову.

Обѣдня шла очень торжественно и медленно. Пѣли на клиросѣ любители, и конечно очень плохо. Но священникъ о. Петръ и дьяконъ служили превосходно. По окончаніи обѣдни начинался молебенъ о избавленіи Россіи отъ нашествія французовъ, и такъ какъ многіе тогда еще помнили это великое событіе, то и молебенъ тогда имѣлъ особо большое значеніе. Я помню тетя всегда во время молебна плакала.

Послѣ обѣдни прикладывались къ кресту, поздравляли другъ друга съ праздникомъ.

Въ деревнѣ въ церкви всѣ бываютъ какъ одна семья, всѣ знаютъ близко другъ друга, я и до сихъ поръ нигдѣ себя не чувствую такъ хорошо настроенной какъ въ нашей деревенской церкви на Погостѣ Василя Великаго.

Милая старая церковь! Сколько воспоминаній съ ранняго дѣтства и до сихъ поръ связано съ ней. Въ ней меня крестили, здѣсь я первый разъ исповѣдывалась, здѣсь же меня и вѣнчали. Около нея схоронены мои предки и родители и впоследствии мои дѣти.

Наконецъ всѣ приложились къ образамъ, со всѣми перездоровались и опять уѣлись по санямъ и, весело кланяясь во всѣ стороны народу, ѣдемъ домой. Дома насъ уже ждетъ накрытый столъ, на немъ кипитъ самоваръ и большой кофейникъ съ кофе, которымъ такъ вкусно пахнетъ во всемъ домѣ. Мы всѣ раздѣвшись усаживаемся въ столовой за столъ. Сначала мать давала намъ по кусочку просфоры и тогда уже начинали завтракать и разговляться послѣ сорокадневнаго поста. Чего, чего только не было наставлено на столѣ: куличъ, булка, большая кулебяка съ капустой и яйцами, круглый сдобный паштетъ съ форшмакомъ и воровьями, которые были очень нѣжны и вкусны, какъ въ пирогѣ, такъ и маринованные, а такъ какъ мы ихъ всегда налавливали очень много, то незначительную часть ихъ, жареныхъ или лучше сказать прокипяченныхъ въ маслѣ клали въ пирогъ, а остальныхъ укладывали въ банки и мариновали.

Всѣ послѣ долгаго поста, кушали съ большимъ аппетитомъ и восхищались кулинарнымъ искусствомъ Аксиньюшки, тети Саши и Тихона. Послѣ завтрака всѣ старшіе отправлялись отдыхать, а мы дѣти шли опять любоваться нашей елкой и играть въ куклы. Въ куклы мы очень любили играть, и кромѣ находящихся въ дѣйствительности куколъ, у насъ была масса воображаемыхъ, о которыхъ мы постоянно разговаривали, сочиняли цѣлыя исторіи ихъ жизни; всѣ эти воображаемыя куклы были родственниками или знакомыми нашихъ куколъ. Эти миѳическія куклы писали дѣйствительнымъ письма, въ которыхъ описывалась вся ихъ жизнь, всѣ ихъ радости и огорченія, ихъ путешествія за границу. Вся эта переписка составляла цѣлую литературу. Я сожалею, что у меня ничего не осталось изъ этой переписки.— Отдохнувши большіе приказывали подавать обѣдъ, который почти никто не ѣлъ послѣ такого обильнаго завтрака.

Ѣли мы всѣ съ удовольствіемъ только одно пирожное, которое всегда было приготовлено съ битыми сливками. Я ихъ очень любила. Снаружи ихъ были положены вафли или бисквиты.

Послѣ обѣда приходилъ священникъ съ причтомъ славить Христа. Послѣ пѣнія Рождественскихъ молитвъ ихъ угощали чаемъ.

Потомъ имъ подавали обильныя закуски съ водкой и виномъ.

Проводивши гостей, наши закусывали тоже съ ними, начинали позѣвывать и, поговаривая о томъ, куда предполагали съѣздить на святкахъ и кого ждали къ себѣ на Новый Годъ (нашъ храмовой Праздникъ), отправлялись на покой.

И мы, дѣти, тоже вставшіе въ этотъ день очень рано, съ удовольствіемъ укладывались спать въ наши теплыя постельки; наши маленькія комнатки на верху такъ уютно освѣщались праздничными лампадками.

И такъ весело было засыпать думая, что впереди цѣлыя двѣ недѣли праздниковъ—не надо учиться, можно цѣлые дни играть, гулять, а по вечерамъ вмѣстѣ со всѣми горничными гадать, пѣть „подблюдныя пѣсни“, наряжаться и т. д. И какъ наступали святки, веселью не было конца,—днемъ намъ давали лошадей кататься, по вечерамъ зажигали елку. Гадали такимъ образомъ: клали въ чашку или миску полную воды, кольцо или серьги, накрывали чашку полотенцемъ и

дѣвушки пѣли подблюдныя пѣсни; каждая пѣсня имѣла какое нибудь символическое значеніе.

По окончаніи каждой пѣсни былъ такой припѣвъ: „кому кольцо вынется, тому пѣсня сбудется, не минется“ и тутъ кто-нибудь изъ старшихъ кому были неизвѣстны вещи опущенныя въ воду, опускалъ въ чашку руку и вынималъ чью-нибудь вещь, которая первая попала въ руки.

Потомъ играли въ фанты, искали подъ музыку булабочку, играли въ жмурки. Мы съ гувернантками подъ органъ танцовали кадрили, польку, вальсъ, галопъ. Во всѣхъ нашихъ играхъ, кромѣ танцевъ, принимали участіе всѣ горничныя. Иногда, бывало, въ самый разгаръ нашихъ игръ, послышится шумъ и возня въ сѣняхъ, оказывается пришли ряженые; это нарядились наши дворовые,—кто наряженъ медвѣдемъ, кто его жожакомъ, кто козой; были монахи, цыгане и старики-колдуны съ льяными бородами, лица у всѣхъ были закрыты или такъ загримированы, что ихъ трудно было узнать, тогда и мы и наши горничныя спѣшили также поскорѣе нарядиться, во что попало. Мы чаще всего наряжались мальчиками для чего рубашки косоворотки всегда у насъ были на готовѣ, а также и черные суконные штаны, которые мы надѣвали на гулянья; на голову надѣвали отцову шапку и нарядъ готовъ. Горничныя тоже одѣвались въ бабьи „кички“, поневы, шушпаны, изображали старухъ съ горбами изъ хлопьевъ, или стариковъ въ рваныхъ кафтанахъ съ бородами изъ намыкъ.

Играли на гармоніяхъ, органѣ, всѣ плясали, говорили разныя шутки, остроты. Мать, отецъ и тетя выходили къ намъ изъ столовой разсматривали ряженыхъ, старались узнать знакомыхъ людей, называли по именамъ, часто ошибались; что доставляло большое удовольствіе и возбуждало общій смѣхъ. Шумъ, гамъ стоялъ невообразимый, наконецъ ряженыхъ угощали орѣхами, пряниками, мочеными яблоками и они, оставляя послѣ себя страшную грязь въ залѣ, уходили домой.

Утромъ задолго до свѣта горничныя мыли всѣ полы, гдѣ толпились ряженые и когда мать и отецъ вставали, а это бывало въ 6 часовъ утра, все уже было чисто вымыто, убрано и во всѣхъ печахъ весело трещали дрова. Мать по обыкновенію шла обливаться холодной водой, а отецъ до чаю шелъ по хозяйству, и всѣ вчерашніе медвѣди, жожаки, колдуны и цыгане, выходили изъ своихъ помѣщеній и по указанію отца, принимались за свои обязательныя каждодневныя занятія: шли

за кормомъ для скота, чистили и поили лошадей, кормили куръ, гусей и индѣекъ и утокъ;—и ничто уже въ нихъ не напоминало тѣхъ, шумныхъ, смѣлыхъ, веселыхъ и даже фамильярныхъ съ господами ряженныхъ, какими они были наканунѣ вечеромъ.

Вотъ какъ проводили святки. Днемъ гулянье; катались на лошадяхъ и на ледянкахъ, на салазкахъ. Горы, съ которыхъ мы катались вмѣстѣ съ дворовыми и крестьянскими ребятишками, были естественныя, природныя. Одна гора была между нашимъ садомъ и садомъ нашей сосѣдки Масловой. Наши усадьбы раздѣлялъ рубежь, который почему то назывался „заулокъ“. Заулокъ этотъ шелъ крутымъ спускомъ съ горы къ рѣчкѣ и такъ какъ по немъ носили воду изъ родника, то вся эта дорога была покрыта льдомъ. Кататься съ ней было и жутко и хорошо. Веселью и смѣху не было конца, на этихъ катаньяхъ благодаря постоянному общенію въ играхъ съ крестьянскими дѣтьми я научилась вполнѣ понимать и жизнь и нужды народа. Новольно болтая съ ребятами, мы узнавали всю ихъ семейную обстановку, всѣ ихъ радости и горе, ихъ полную зависимость отъ господъ; приходилось слышать о разныхъ несправедливостяхъ и дикихъ выходкахъ сосѣднихъ помѣщиковъ. И, мнѣ съ дѣтства пришлось узнать всѣ ужасы крѣпостного права и отъ всего сердца желать, что бы участь народа изменилась къ лучшему. Я дѣвченкой всегда была большая демократка, ненавидѣла деспотовъ-помѣщиковъ, нисколько не меньше своихъ крестьянъ и все простое крестьянское мнѣ очень нравилось; я любила принимать участіе во всѣхъ ихъ забавахъ и работахъ; за что мнѣ часто доставалось отъ матери, если она что либо узнавала отъ няни и даже отъ моей милой баловницы тети.

Вечеромъ же мы всегда рядились, гадали и играли въ разныя игры.

Такъ проходила первая недѣля послѣ Рождества.

ПЕРЕПИСКА А. Н. КАРЦОВА

А. Н. Карцовъ — П. Н. Стремоухову.

Иерусалимъ, 5/17 Мая 1866.

Милостивый Государь, Петръ Николаевичъ,

Господа Эпингеръ и Дорогулинъ благополучно прибыли въ Иерусалимъ 3/15 Мая. Вчера я былъ у Баррера съ предложеніемъ приступить къ дѣлу. Онъ и французскій архитекторъ Мауссъ готовы немедленно заняться составленіемъ проекта *abî provisoire* и тотъ часъ приступить къ его сооруженію совмѣстно съ нами, но объ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, т. е. о перестройкѣ Купола, молчатъ упорно, говорятъ, что не имѣютъ на то никакихъ инструкцій. Я замѣтилъ французскому консулу, что онъ мнѣ слово въ слово повторяетъ то же, что маркизь Мутье генераль-адъютанту Игнатьеву, который вслѣдствіе этого долженъ былъ отпустить Эпингера изъ Константинополя безъ всякихъ инструкцій, продержавъ тамъ нашего архитектора три недѣли; изъ чего я невольно заключаю, продолжалъ я, что соглашеніе состоявшееся по купольскому вопросу, вслѣдствіе личнаго объясненія между императоромъ французовъ и русскимъ посломъ не было съ должною относительно исполненія искренностью принято второстепенными агентами Его Величества. Барреръ при словахъ этихъ видимо смутился. Продолжая развивать ту же мысль, я спросилъ его:—во всѣхъ ли пунктахъ правительства наши въ настоящее время теоретически согласны по вопросу о перестройкѣ Святогробскаго Купола?—Французъ отвѣчалъ:—*la dessus il n'y avait plus l'ombre d'un doute, nous sommes d'accord en tous points et m-r Drouyn de Lhuys l'annonçait officiellement*

déjà au mois de mars.—Если такъ, то что же мѣшаетъ архитекторамъ теперь же приступить къ чертежамъ рисунковъ и составленію смѣты предполагаемой перестройки? Зачѣмъ ограничивать ихъ дѣятельность исключительно одними разсужденіями объ абри, о которомъ они уже договорились въ 1863 году. Абри ни что иное какъ лѣса, необходимые при каждой постройкѣ и не только страннымъ, но даже противнымъ здравому смыслу, кажется мнѣ сооружать лѣса и помосты прежде составленія смѣты опредѣленія того, что именно намѣреваются строить. Бареръ всячески старался вывертываться:—*je suis parfaitement de votre avis, mais que voulez vous: m-r Mauss est tres entêté.*—Вотъ ваши слова:—въ Іерусалимѣ они (Эпингеръ и Дорогулинъ) займутся какъ можно скорѣе, чтобы тотчасъ послѣ Пасхи начать работы составленіемъ смѣты и самой точной программы работъ и, какъ только это будетъ сдѣлано, вы получите другое назначеніе, вамъ будетъ назначенъ преемникъ и, по ознакомленіи съ направленіемъ дѣлъ и лицъ, вы получите разрѣшеніе оставить Святой Градъ и пр.

Пасха прошла давно, сегодня Вознесеніе; а тамъ и Троицынъ день,—по неволѣ навертывается воспоминаніе пѣсни о Мальбрукѣ и выраженіе:—*ou à la Trinité. La Trinité se passe—la Coupole ne se fait pas.*—Но ради Бога не заключайте изъ этого, что бессмысленно стремлюсь вырваться изъ Іерусалима. Состоя на службѣ, вполне понимаю, что я долженъ оставаться тамъ, гдѣ мнѣ приказываютъ. Не менѣе того понимаю также, что дѣло которое теперь имѣю въ рукахъ, крайне интересно и самая важность его должна мнѣ воспрещать даже всякіе помыслы объ отлучкѣ въ такое время, когда дѣйствительно присутствие мое, какъ русскаго агента можетъ оказаться необходимымъ. Но посудите сами, пришло ли это время? Если примется проектъ отправленія архитекторовъ въ Парижъ, то консуламъ до осени рѣшительно нечего здѣсь будетъ дѣлать; если не примется, то тѣмъ менѣе будетъ намъ въ Іерусалимѣ дѣйствительнаго занятія. Водотолченіемъ (т. е. любезнымъ разговоромъ съ Барреромъ и постояннымъ въ донесеніяхъ повтореніемъ одного и того же) можетъ заниматься Эпингеръ и безъ консула, такъ какъ онъ не менѣе меня знаетъ вопросъ этотъ со всѣхъ сторонъ.

Между тѣмъ, мнѣ нужно отдохнуть. Хотя вы не были въ Палестинѣ, однако, по слухамъ, вѣроятно, имѣете приблизительное понятіе о томъ, что такое здѣшнее существованіе. Говорю, мнѣ нужно отдохнуть и хоть на одинъ мѣсяцъ высвободиться изъ удушливой и отупляющей Іерусалимской среды. Честью завѣряю васъ, что это не фантазія, не прихоть, а крайняя необходимость. Если вы для пользы

дѣла найдете нужнымъ, чтобы я опять возвратился на нѣкоторое время въ Иерусалимъ,—возвращусь безропотно, но уже съ освѣженной головою, съ новою охотою и новыми силами. Въ такомъ случаѣ Императорское Министерство, можетъ быть, нашло бы возможнымъ согласовать это съ моимъ повышеніемъ, назначивъ меня въ Корфу съ временнымъ оставленіемъ управляющимъ Иерусалимскимъ консульствомъ.

Простите добродушно крайнюю мою назойливость.

Повторяю, пишу не къ начальнику, а потому сердиться на меня не можете; убѣдительно умоляю васъ принять во мнѣ то участіе, которое я вполне заслуживаю. Посовѣтуйтесь объ этомъ съ директоромъ Азіятскаго департамента и если Его Превосходительство не захочетъ, чтобы я здѣсь отупѣлъ и дошелъ до крайнихъ предѣловъ глупости, то протелеграфируйте мнѣ объ отпускѣ черезъ Н. П. Игнатьева. Тогда, вѣрьте, что я хоть на два только дня, а все-таки приѣду въ Петербургъ, чтобы съ сердечной признательностью пожать вамъ руку и благодарить за все для меня сдѣланное. Въ надеждѣ на скорое свиданіе, прошу васъ вѣрить въ глубокое уваженіе и полную искренность чувствъ душевно вамъ преданнаго и искренно васъ любящаго

А. Карцова.

P. S. Ради Бога, не допускайте, чтобы рѣшеніе вопроса объ опредѣленіи праздниковъ, въ которые греки должны будутъ для латинянъ освѣщать свою галерею, перенесенъ былъ въ Иерусалимъ. Изъ этого можетъ выйти страшная чепуха и испортиться все дѣло. Пускай и это рѣшатъ въ Парижѣ.

А. Н. Карцовъ—А. С. Норову

Иерусалимъ.

Милостивый Государь, Авраамъ Сергѣевичъ,

Бывшій секретарь мой, Юзefовичъ, на дняхъ сообщилъ мнѣ, что въ разговорѣ съ нимъ Ваше Высокопревосходительство изволили выставить противъ меня нѣкоторые укоры. Богъ видитъ то глубокое и сердечное уваженіе къ вамъ, которое само собою вкоренилось во мнѣ съ перваго моего съ вами знакомства и всю искренность моей признательности за истинно родственное ко мнѣ расположеніе и всѣ ваши

ласки въ бытность мою въ Петербургѣ. Мнѣ тѣмъ болѣе грустно слышать теперъ, что Ваше Высокопревосходительство составили себѣ такое невыгодное мнѣніе обо мнѣ, не только грустно, вѣрѣте, право, больно. Не знаю, успѣю ли передъ вами оправдаться; позвольте мнѣ, однако, сказать хоть нѣсколько словъ въ свою защиту.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Россіи почти вовсе еще незнакомый съ о. Леонидомъ, я съ изумленіемъ долженъ былъ узнать его совершенно другимъ, чѣмъ вы его знаете. Объ этомъ я тотчасъ написалъ Марьѣ Николаевнѣ Демидовой¹⁾ съ полною искренностью, прося ее о содержаніи моего письма сообщить Вашему Высокопревосходительству. Къ ея посредничеству я въ этомъ случаѣ прибѣгнулъ потому, что боялся, можетъ быть, въ неожиданномъ и скорбномъ разочарованіи моемъ на счетъ о. Леонида, въ письмо мое вкрались бы о немъ выраженія рѣзко противорѣчащія тому мнѣнію, которое о. Леонидъ успѣлъ въ васъ составить о своей личности. Вслѣдствіе этого я здѣсь не рѣшаюсь болѣе распространяться по поводу такого грустнаго вопроса. Но прибавлю только, что добрая наша Марья Николаевна на этотъ разъ измѣнила обычному своему ко мнѣ расположенію, не удостоила меня отвѣтомъ, а только поручила Екатеринѣ Сергѣевнѣ Карцовой²⁾ написать мнѣ, что она вамъ содержаніе моего письма передать не рѣшилась.

По поводу экземпляра „Паломника Даниила“, въ началѣ прошлаго года переданнаго мною Барреру, я на дняхъ безъ церемоніи напомнилъ сему легкомысленному галлу, говоря, что я изъ за него навлекъ на себя ваше неудовольствіе. Онъ очень сконфузился потому, что тогда же при передачѣ сказалъ мнѣ, что онъ самъ будетъ письменно васъ благодарить; между тѣмъ засуетился приготовленіями къ отъѣзду и съ тѣхъ поръ пробылъ во Франціи около девяти мѣсяцевъ.—При этомъ прилагаю письмо, которое онъ тотчасъ же для исправленія своей вины написалъ и передалъ мнѣ съ просьбой переслать къ вамъ въ Петербургъ.

Сегодня утромъ послѣ крестнаго хода Патріархъ вручилъ мнѣ, препровождаемое у сего, письмо на имя Вашего Высокопревосходительства; зная, что вечеромъ отходить русская почта въ Яффу, Блаженнѣйшій Кириллъ сказалъ мнѣ, что не хочетъ пропустить такого вѣрнаго случая.

¹⁾ Племянница А. С. Норова и родственница А. Н. Карцова.

²⁾ Жена С. Н. Карцова, брата А. Н.

Такъ какъ пора отправлять курьера, я долженъ торопиться. Кончаю это письмо убѣдительнѣйшею просьбою не лишать меня милостиваго вашего расположенія и снисходительно принять то, что я на этомъ листѣ могъ почтительнѣйше представить въ свою защиту.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и искреннею сердечною преданностью имѣю честь быть.... и пр.

А. Карцовъ.

П. Н. Стремоуховъ—А. Н. Карцову

С.-Петербургъ, 18 Мая, 1866.

Несказанно виновать передъ вами, что такъ безконечно долго не отвѣчалъ на ваше дружеское письмо отъ 26 Марта, но не можете себѣ вообразить какъ незамѣтно уходитъ день за днемъ при нескончаемой у насъ суматохѣ, такъ что при самомъ искреннемъ желаніи побесѣдовать съ добрымъ пріятелемъ, и не увидишь какъ мѣсяць пробѣжалъ, а отвѣта не написалъ.

Вполнѣ понимаю, что пребываніе въ Іерусалимѣ сдѣлалось для васъ болѣе невыносимымъ чѣмъ когда-либо, но что же дѣлать? ради Бога, возьмите терпѣніе и вѣрьте, что если ваши желанія не исполняются немедленно и безотлагательно, то вовсе не отъ недостатка во мнѣ участія—желанія, а лишь благодаря особеннымъ обстоятельствамъ. Вы сами знаете, что дѣло о Куполѣ придется переслать въ Парижъ, чтобы тамъ добиться составленія общей программы работъ; если это и удастся, то необходимо будетъ направить эту программу къ исполненію на мѣстѣ въ Іерусалимѣ—устранить разомъ всякія противо-дѣйствія французскаго консульства—латинскаго духовенства. Согласитесь, что для новаго человѣка это было бы почти невозможно, и князь рѣшительно не хочетъ слышать о вашемъ переводѣ, покуда Купольское дѣло не будетъ поставлено на твердую почву и не вступитъ на правильный путь. За мѣсто къ Корфу можете быть вполнѣ спокойны; я имѣю положительное согласіе князя и потому мѣсто это остается вакантнымъ и васъ ожидаетъ. Кромѣ того, покуда не рѣшено, кто будетъ назначенъ на мѣсто Кожевникова, потому что не рѣшенъ вопросъ—останется ли постъ въ Руцукѣ консульскимъ или будетъ тамъ учреждено генеральное консульство. Наконецъ въ настоящее время дѣла такъ натянуты въ Турціи и тамъ такъ угрожаютъ важныя событія, что признано рѣшительно необходимымъ, чтобы всѣ агенты оставались

покуда на своихъ мѣстахъ и даже никому изъ нихъ не разрѣшается отпущекъ. По этимъ же причинамъ замедлена отставка, которую просить Лаговскій потому, что въ настоящее время невозможно переводить его преемника. Кажется, что вы не имѣете права сомнѣваться въ моей искренней дружбѣ къ вамъ, а потому я убѣжденъ, что вы повѣрите моему честному слову, что вы не останетесь ни одного лишняго мѣсяца въ Св. Градѣ, какъ только вашъ переводъ окажется возможнымъ. Послѣ этого я смѣю надѣяться, что вы вооружитесь мужествомъ—терпѣніемъ—допьете доставшуюся вамъ чашу до дна, хотя, конечно, не безъ усилія и не безъ гримасъ.

Нужно ли вамъ повторять, что вашими дѣйствіями—донесеніями—министерство постоянно довольно въ высшей степени; кончайте какъ начали—вотъ и все. Вся наша семья, жена моя и дѣти любятъ васъ по прежнему, а я крѣпко цѣлую. Искренно любящій васъ

Петръ Стремоуховъ.

В. Чичеринъ—А. Н. Карцову

Парижъ, 26 ноября/8 декабря 1866.

Я получилъ письмо ваше изъ Бейрута уже послѣ отъѣзда Эпингера и потому не могъ предупредить, что онъ направилъ свой путь черезъ Смирну. Ни въ посольствѣ, ни въ вашей бывшей квартирѣ нѣтъ писемъ для васъ; одно только было письмо получено отъ палестинской комиссіи, я вручилъ его Эпингеру для передачи вамъ. Очень радуюсь сообщенному вами извѣстію, что лѣса благополучно прибыли въ Иерусалимъ. Сегодня я узналъ, что въ Константинополѣ совѣтъ министровъ рѣшилъ изъяснить полное согласіе на тождественныя инструкціи, а также на разрушеніе комнатъ вакуфа; остается предоставить это дѣло на ратификацію султана, что по всей вѣроятности не замедлитъ. Въ программѣ работъ не было до сихъ поръ сдѣлано никакого измѣненія. Для безостановочнаго ихъ хода и для разныхъ заказовъ препровождено вамъ отсюда черезъ Ротшильда сорокъ тысячъ франковъ. Благоволите насъ увѣдомить о ихъ полученіи и предоставленіи въ распоряженіе Эпингера.

Впрочемъ въ непродолжительномъ времени вы, вѣроятно, проститесь со всѣми этими вопросами; вчера я прочелъ Journal de St. Peters-

bourg, что вы назначены генеральнымъ консуломъ въ Корфу, гдѣ васъ ожидаетъ совершенно иная дѣятельность. Примите мои искреннія, поздравленія, хотя къ нимъ и примѣшивается нѣкоторое сожалѣніе, о которомъ не хочу распространяться; вы должны быть очень довольны,— это главное; не нужно быть эгоистомъ и сожалѣть, когда человѣкъ радуется. Примите вмѣстѣ съ тѣмъ увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и совершенной преданности.

Ч и ч е р и н ъ.

А. Н. Карцовъ—П. Н. Стремоухову

Иерусалимъ, 5/17 мая 1866.

..... il (m. Mauss) a pour instructions d'établir l'abri provisoire; on ne lui dit rien des plans ni d'un devis pour la nouvelle Coupole et il ne voudra pas même en parler avec son collègue m-r Eppinguer, avant de recevoir l'ordre formel de qui de droit? Quant à la lenteur qui met dans cette affaire m-r de Moustier, je ne puis me l'expliquer qu'en ce sens: le marquis tiendrait à ce que les architectes fassent d'abord ce en quoi ils se sont déjà accordés—l'abri provisoire et de cette manière éviter de nouvelles et inutiles complications; plus tard ils pourront de concert travailler au plan de la Coupole même. La mauvaise santé de m-r Mauss exige impérieusement qu'il aille pour quelque temps se rafraichir en France: il en a déjà écrit au ministre et attend son congé par chaque courrier. Pourquoi Eppinguer ne le suivrait-il pas, pour faire ensemble la commande des bois nécessaires et puis à Paris, sous les yeux de l'Ambassade de Russie et du ministre des affaires étrangères s'occuper des plans et devis de la reconstruction projetée. La ils trouveront toujours des supérieurs pour les mettre d'accord, tandis qu'ici nous ne pourrions rien sur eux.

Всему этому разговору я придалъ характеръ совершенно частный и впередъ предупредилъ Баррера, что сообщаю ему исключительно личные мои возрѣнія на дѣло. Въ заключеніе я прибавилъ ему, что, если бы Россійское правительство согласилось для ускоренія и упрощенія дѣла отправить архитекторовъ во Францію и тамъ сосредоточить всѣ теоретическія ихъ занятія, я полагалъ бы удобнымъ планы и смѣту новаго Купола, составленные г. Эпингеромъ еще въ 1863 году и съ которыхъ кальки и копии были тогда же частнымъ образомъ переданы французскому архитектору, сообщить офиціально г. Друэнъ де Люису. Г. Мауссу остался бы только трудъ сдѣлать на нихъ свои помѣтки и обоимъ архитекторовъ согласить было бы весьма не долго.

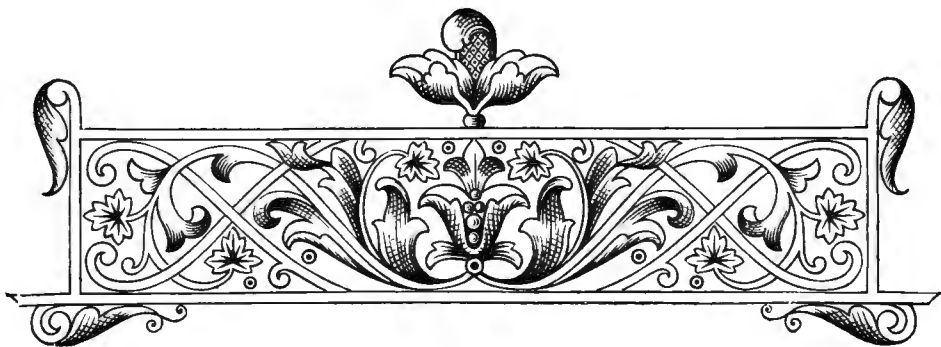
Моя мысль эта была вполне одобрена Барреромъ и онъ увѣрилъ меня, что она непременно будетъ принята французскимъ министерствомъ для ускоренія дѣла весьма близкаго сердцу императора Наполеона.

Вотъ, Ваше Превосходительство, въ точности положеніе этого дѣла въ Иерусалимѣ. Въ частномъ моемъ письмѣ къ Н. П. Игнатьеву отъ 8/20 апрѣля, слѣдовательно, еще задолго до прибытія сюда Эпингера, я уже писалъ почти то же, что и здѣсь, то есть, что при нынѣ существующей личной обстановкѣ со стороны французовъ дѣло будетъ только затягиваться, запутываться и толку не добьемся никакого; я просилъ тогда же Н. П. сообщить это мнѣніе мое въ Петербургъ. Здѣсь въ заключеніе я по совѣсти считаю обязанностью повторить то же: дѣло о перестройкѣ купола должны вырвать не только изъ Иерусалимской среды, но вести его до конца даже помимо Константинополя, иначе это будетъ вѣчнымъ водотолченіемъ. Соглашеніе состоялось въ Парижѣ, тамъ же теоретически долженъ быть разрѣшенъ этотъ вопросъ до послѣдней буквы и въ Св. Градѣ перенесенъ только для практическаго и матеріальнаго выполненія. Это легко тѣмъ болѣе, что, какъ Эпингеру, такъ и Мауссу уже давно въ малѣйшихъ подробностяхъ извѣстны и всѣ условія, и всѣ размѣры существующаго стараго Купола.

Съ отличнымъ почтеніемъ.... п пр.

А. Карцовъ.

Волинь и ея историческіе дѣтели отъ Владиміра Святого до Богдана Хмельницкаго

Хотя прошлое Волини тѣсно связано съ историческими судьбами прочихъ частей юго-западнаго края и отъ начала литовско-польскаго періода до образованія такъ называемыхъ „Лѣвобережной“ и „Правобережной“ Украинь—съ дѣятельностью бывшаго малороссійскаго казачества, но связь эта въ различныхъ историческихъ очеркахъ и монографіяхъ отмѣчена только мимоходомъ. Между тѣмъ, въ періодъ литовско-польскаго владычества главная роль въ борьбѣ западно-русскаго народа за свою самобытность принадлежала именно Волини. Еще съ первыхъ временъ христіанства на Руси Волинь служила оплотомъ православія для западныхъ окраинъ Русскаго государства и отъ Романа Мстиславича до Любарта Гедиминовича была центромъ тѣхъ независимыхъ владѣній русскаго великокняжескаго рода, которыя получили названіе „Малыя Россіи“. Подъ сѣнью своихъ древнихъ святынь Волинь взрастила и воспитала наиболѣе извѣстныхъ ревнителей православія, и подвиги ея сыновъ красной нитью проходятъ черезъ всю исторію западно-русскаго народа.

Когда во второй половинѣ XV и началѣ XVI столѣтія вся юго-западная Русь была опустошена набѣгами заволжскихъ, крымскихъ и бѣлгородскихъ татаръ, на низовьяхъ Днѣпра изъ разоренныхъ селъ Волинской земли появились первые піонеры Запорожья. Впослѣдствіи эта горсть загнанныхъ судьбою на неприступные днѣпровскіе острова звѣролововъ и рыболововъ выросла въ грозную силу и, организованная выходцами изъ Волини, Дашковичемъ и Вишневецкимъ, выступила на свое почти трехсотлѣтнее историческое поприще подъ именемъ „Славнаго низоваго войска запорожскаго“.

Въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII столѣтій кадры Запорожья составляли тоже преимущественно бѣглецы изъ Волыни. Это были тѣ, закрѣпощенные панами, лишенные человѣческихъ правъ, крестьяне, которые, испытавъ на себѣ невыносимый гнетъ польскаго ига, искали здѣсь, за порогами Днѣпра, личной свободы и становились въ ряды безстрашныхъ рыцарей, защитниковъ русской народности и православія.

Такимъ образомъ между Волынью и Запорожьемъ долго существовала живая органическая связь, прекратившаяся только во второй половинѣ XVII столѣтія, когда, по ходу историческихъ событій, область эта, вынесшая среди другихъ составныхъ частей Малороссіи самую упорную и продолжительную борьбу противъ тяжкаго польскаго ига, въ особенности въ періодъ насильственнаго введенія уніи, была въ 1657 году отторгнута отъ присоединившейся къ Россіи Гетманщины и, почти, на полтораста лѣтъ вошла въ нераздѣльные владѣнія Рѣчи Посполитой.

Возникшая послѣ Андрусовскаго мира въ 1667 году „Правобережная“ Украина, хотя и составляла до конца XVII столѣтія тоже подвластную Польшѣ область, но пользовалась автономными правами. Она имѣла собственное гражданское управленіе и такъ же, какъ и русская „Лѣвобережная“ Украина,—своихъ гетмановъ.

Вниманіе наиболѣе извѣстныхъ авторовъ историческихъ изслѣдованій Гетманщины было всецѣло посвящено тѣмъ событіямъ, которыя разыгрались собственно на территоріи обѣихъ Украинъ или вообще имѣли непосредственное отношеніе къ судьбамъ этихъ областей; Волынь же, окончательно присоединенная къ Русскому государству только въ 1793 году и считавшаяся до того времени польской провинціей, не вошла въ эти изслѣдованія. Что же касается имѣющихся въ русской литературѣ отдѣльныхъ описаній юго-западныхъ областей, то хотя они и богаты историческимъ матеріаломъ, но сведены главнымъ образомъ къ очерку исторіи церкви въ юго-западномъ краѣ или относятся къ болѣе позднему періоду историческихъ судебъ этого края.

Приступая къ составленію настоящаго очерка, я имѣлъ въ виду собрать изъ русской исторической литературы въ одно цѣлое все, что относится къ прошлому Волыни отъ начала Русскаго государства до эпохи Богдана Хмельницкаго, такъ какъ съ этой именно эпохой, вплоть до 1793 года прекращается непосредственная связь Волынской земли съ остальными частями Малороссіи, приведеніе же событій, разыграв-

шихся здѣсь въ 10-ти лѣтній періодъ дѣятельности знаменитаго вождя народнаго возстанія и описаніе дальнѣйшихъ судебъ Волыни въ періодъ съ 1667 по 1793 годъ, т. е. отъ Андрусовскаго мира до окончательнаго присоединенія юго-западныхъ областей къ Россіи, было бы повтореніемъ—въ первомъ случаѣ известной монографіи Костомарова „Богданъ Хмельницкій“, а во второмъ—исторіи Рѣчи Посполитой, ибо, какъ уже сказано, съ 1667 по 1793 годъ Волынь не имѣла никакихъ автономныхъ правъ и въ административномъ отношеніи сливалась съ остальными необособленными владѣніями Польши.

I.

Юго-западная часть нынѣшней Волынской губерніи, отъ Почаева до Острога, представляетъ необыкновенно живописную мѣстность. Покрывающіе ее на всемъ этомъ протяженіи высокіе холмы переходятъ мѣстами въ цѣлыя группы горъ, известныхъ въ географіи подъ названіемъ Кременецкихъ и Авратынскихъ.

Отъ границъ Подольскаго плато до обширной низменности, занимаемой сѣверо-восточной частью губерніи, мѣстность изрѣзана глубокими рѣчными долинами и оврагами. Здѣсь, по разнымъ направленіямъ, то огибая крутыя возвышенности, то извиваясь вдоль отлогихъ и низменныхъ береговъ, протекають Горынь, Стырь, Иква и много другихъ рѣкъ, ручьевъ и потоковъ, составляющихъ верховья многоводной Припяти.

Съ одной стороны близость горнаго массива Карпаты, съ другой—дремучіе лѣса, покрывающіе необъятную равнину Полѣсья, дѣлають климатъ этой части Волыни самымъ умѣреннымъ и наиболѣе благоприятнымъ во всей Европейской Россіи. Чрезвычайно плодородная глинисто-черноземная почва даетъ ей роскошную растительность. Густые лиственные лѣса изобилуютъ богатѣйшими древесными породами. Дубъ, ясень, клень, яворъ достигаютъ здѣсь необыкновенно крупныхъ размѣровъ. Нерѣдко, какъ на примѣръ, въ Кременецкомъ уѣздѣ, попадаются буковыя и черешневая рощи.

Но не одними только лѣсами богата юго-западная Волынь: по ея живописнымъ нагорьямъ и скатамъ высокихъ холмовъ раскинулись обширные сады, легли волнистыми полосами хлѣбородныя пашни, а по широкимъ рѣчнымъ долинамъ простерлись тучныя пастбища и сѣнокосы.

Сады, дубравы и рощи Волыни лѣтомъ представляютъ настоящій рай земной. По богатству и разнообразію природы, по красотѣ мѣсть, по своему ровному, мягкому климату юго-западная Волынь можетъ считаться лучшимъ уголкомъ земнаго шара. Здѣсь не бываетъ ни изнурительнаго зноя жаркихъ южныхъ странъ, ни продолжительныхъ засухъ степного пространства, ни морозящихъ затяжныхъ дождей и сырыхъ тумановъ гнилого запада, ни рѣзкихъ стужъ холоднаго сѣвера. Лѣто здѣсь теплое, но не знойное; лѣтніе дожди проливные и хотя и частые (въ особенности въ іюнѣ и іюлѣ), но скоро проходящіе; осень ясная, сухая, безъ тумановъ и холодной изморози; зима снѣжная, но непродолжительная. Зимнія стужи съ мятелями рѣдки. Въ мартѣ земля уже совершенно освобождается отъ снѣжнаго покрова и, обогрѣтая яркимъ весеннимъ солнцемъ, быстро просыхаетъ. Во второй половинѣ мѣсяца здѣсь обыкновенно уже начинаются полевые работы—запашка и посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ, а въ апрѣлѣ весна въ полномъ расцвѣтѣ, съ изрѣдка перепадающими теплыми дождями, съ легкими, игривыми грозами, съ тѣми неописуемо прекрасными, благоухающими и полными звуковъ ликующей природы ночами, которыя знакомы только побывавшимъ въ эту пору въ Волыни.

II.

Коренное населеніе Волынской губерніи составляютъ малороссы. Предки ихъ—дулѣбы или волыняне, жившіе съ незапамятныхъ временъ по верховьямъ рѣкъ Днѣстра, Западнаго Буга и Припяти, принадлежали къ славянскому племени и были извѣстны подъ этимъ именемъ еще VII вѣкѣ.

До нашествія аваровъ (или обровъ, какъ ихъ называетъ русскій лѣтописецъ) волыняне занимали главенствующее положеніе среди остальныхъ многочисленныхъ славянскихъ племенъ, составившихъ одинъ общій военный союзъ. Ко времени возникновенія русскаго государства область, которую населяли собственно волыняне, занимала бассейны рѣкъ Западнаго Буга, Турія, Стыри, Горыни, а также верховья рѣкъ Южнаго Буга и Днѣстра.

Въ началѣ X вѣка они уже находились въ зависимости отъ Кіевскихъ князей и, между прочимъ, участвовали въ знаменитомъ походѣ Олега на грековъ. Съ конца X вѣка вся Волынская земля, ядро которой составляли нынѣшніе Владиміро-Волынской, Луцкій, Дубенскій и Кременецкій уѣзды, стала достояніемъ Владиміра Святого. Онъ осно-

валь здѣсь городъ Владиміръ и соорудилъ въ немъ соборъ Успенія Пресвятой Богородицы и церковь Св. Василя, имя котораго принялъ въ крещеніи. Въ 988 году Владиміръ Св. отдалъ Волинь въ наслѣдіе своему сыну отъ Рогнѣды—Всеволоду. Послѣ него Волинскими удѣльными князьями были: сперва Игорь Ярославичъ, сынъ Ярослава Мудраго, а затѣмъ Олегъ Святославичъ, прозванный Гореславичемъ. Послѣ Олега Святославича Волинскій удѣлъ достался Ярополку Изяславичу, который во время усобицъ въ 1086 году былъ убитъ своими соперниками Ростиславичами.

Въ 1097 году, на первомъ съѣздѣ русскихъ князей въ Любечѣ на Днѣпрѣ,*) княжество Волинское было утверждено за Давидомъ Игоревичемъ, но, будучи обвиненъ въ ослѣпленіи Теробовльскаго князя Василька, онъ лишился этого удѣла. На новомъ съѣздѣ князей въ Увѣтичахъ, въ 1100 году, Давидъ Игоревичъ опять получилъ часть Волинской области съ городами Дубномъ, Острогомъ, Чарторыйскомъ и Бужскомъ; однако, подъ конецъ жизни онъ владѣлъ только Дорогобужемъ (нынѣ село Острожскаго уѣзда, Волинской губерніи), гдѣ и умеръ въ 1112 году.

Отъ Давида Игоревича Волинская земля перешла къ Ярославу Святополковичу. Въ 1123 году, во время междоусобной войны съ Владиміромъ Мономахомъ, Ярославъ былъ убитъ при осадѣ Владиміро-Волинска, и на Волини былъ посаженъ сынъ Мономаха,—Романъ, послѣ смерти котораго она перешла къ другому его сыну,—Андрею.

Въ 1135 году великій князь Ярополкъ Владимировичъ перевелъ Андрея Владиміровича въ Переяславъ, Волинскій же удѣлъ передалъ племяннику своему Изяславу Мстиславичу. Добившись великокняжескаго стола, Изяславъ въ 1146 году перешелъ въ Кіевъ, а Волинь отдалъ племяннику своему Святославу Всеволодовичу.

Впослѣдствіи Святославъ перешелъ въ Сѣверскую область, и, со смертію великаго князя Изяслава Мстиславича, земля Волинская въ 1156 году была раздѣлена на три части: брату великаго князя, Владиміру Мстиславичу, достался Владиміро-Волинскъ съ пригородами, а сыновья Ярославъ и Мстиславъ Изяславичи получили: первый—Луцкъ, а второй Погорынь (по р. Горыни). Спустя нѣкоторое время, Мстиславъ Изяславичъ завладѣлъ и Владиміромъ, гдѣ въ 1160 году пере-

*) Нынѣ мѣстечко Городянского уѣзда, Черниговской губерніи.

строилъ Успенскій храмъ, сооруженный Владиміромъ Святымъ. Этотъ замѣчательный памятникъ русскаго зодчества X—XII столѣтій сохранился до нынѣ.

При Романѣ Мстиславичѣ вся Волынская земля составляла опять одно нераздѣльное владѣніе, къ которому онъ впоследствии присоединилъ и Галичъ.

Романъ Мстиславичъ былъ сперва Новгородскимъ удѣльнымъ княземъ, гдѣ успѣшно отстаивалъ свои земли отъ захвата Андреемъ Боголюбскимъ. Послѣ смерти отца онъ, въ 1168 году, занялъ Владиміро-Волынское княжество.

Въ тѣ времена Волынь часто подвергалась набѣгамъ половцевъ и полудикаго литовскаго племени ятвяговъ. Въ неустанной борьбѣ съ этими врагами онъ наносилъ имъ жестокія пораженія. Грознымъ именемъ Волынскаго князя половцы пугали своихъ дѣтей, а по поводу побѣдъ его надъ ятвягами сложилась даже пословица: „Романе, худымъ живеша—Литвою ореша“.

Съ 1188 года предприимчивый Романъ Мстиславичъ направилъ свои завоевательные планы на Галицкое княжество и пользуясь возникшимъ тогда возстаніемъ бояръ противъ своего князя Владиміра Ярославича, занялъ Галичъ, но былъ вытѣсненъ оттуда угорскимъ королемъ Белой III. Новыя попытки его завладѣть этимъ княжествомъ были тщетны въ теченіе 12 лѣтъ, и только въ 1200 году, со смертію Владиміра, при содѣйствіи польскаго короля Лешка Бѣлаго, онъ окончательно завладѣлъ всѣми галицкими землями, съ присоединеніемъ которыхъ къ Волыни, сдѣлался самымъ могущественнымъ княземъ на Руси. Галицкіе бояре, захватившіе еще при Ярославѣ Осмомыслѣ власть въ свои руки, были усмирены имъ, и смуты, послужившія причиной вмѣшательства Венгріи и Польши во внутренніе дѣла Галицкаго княжества, при немъ уже больше не повторялись. Напротивъ, Романъ Мстиславичъ сталъ самъ оказывать поддержку сосѣднимъ государствамъ, и когда дунайскіе болгары, свергнувъ съ себя византійское владычество, призвали на помощь половцевъ, опустошившихъ всю Тракію, императоръ Алексѣй III-Ангель бѣжалъ подъ его защиту. Князь въ 1202 году разгромилъ половецкія вежи и этимъ заставилъ половцевъ очистить Тракію. Въ томъ же году онъ захватилъ Кіевъ и посадилъ на немъ Луцкаго князя Ингваря Ярославича, а въ 1203 году присоединилъ всю Кіевскую область къ своему Волынскому

княжеству. Могущество и значеніе Романа Мстиславича было такъ велико, что папа римскій Иннокентій III, подь условіемъ принятія католической вѣры, предлагалъ ему корону и свое покровительство, но тотъ съ гордостью отвергъ это предложеніе.

Окончилъ жизнь этотъ замѣчательнѣйшій изъ Волынскихъ князей однако, не своей смертью. Вмѣшавшись въ распри польскихъ князей, онъ, во время похода въ 1205 году, былъ вѣроломно убитъ поляками.

Послѣ Романа Мстиславича осталась вдова и двое сыновей, изъ коихъ старшему, Данилу, было 4, а младшему, Васильку, всего лишь два года отъ роду. При такихъ обстоятельствахъ Волынь снова стала ареною княжескихъ усобицъ. Въ 1207 году, при содѣйствіи польскихъ князей Лешка Бѣлаго и Конрада Мазовецкаго, Владиміро-Волынская земля достается Бельзскому князю Александру Всеволодовичу; въ томъ же году здѣсь укрѣпляется другой соперникъ, неудержавшійся въ Кіевѣ Луцкій князь Ингваръ Ярославичъ; но бояре не влюбились его и пригласили во Владиміро-Волынскъ опять Александра. Въ концѣ концовъ Волынское княжество, кромѣ Луцка, оставшагося за сыномъ Ингвара, Владиміромъ, переходитъ къ одному изъ наслѣдниковъ Романа именно—къ младшему его сыну Васильку. Галицкая же земля, послѣ смерти въ 1228 году Мстислава Удалого, захватившаго ее при помощи Лешка, остается за братомъ Василька Даниломъ.

Братья жили дружно, много заботились о внутреннемъ устройствѣ своихъ областей и, соединясь вмѣстѣ, постепенно расширяли свои владѣнія. Въ походѣ на Польшу они отняли у короля Лешка захваченную имъ во время княжескихъ усобицъ на Руси Червенскую Украину и Берестье (Брестъ) и завладѣли Люблинскими землями. Изъ этихъ приобрѣтеній Берестейская земля досталась Васильку, а остальное,—Червенская Украина и Люблинскія земли,—Данилу.

Въ сороковыхъ годахъ XIII столѣтія Даниилъ Романовичъ окончательно утвердился въ Галицкомъ княжествѣ, въ чемъ много помогъ ему и братъ Василько. Послѣ жестокаго пораженія, нанесеннаго ими при совмѣстныхъ дѣйствіяхъ въ битвѣ 1245 г., подь городомъ Ярославлемъ на берегу рѣки Сана, Ростиславу Михайловичу, добивавшемуся Галича, Даниилъ сдѣлался самымъ могущественнымъ владѣтелемъ Галиціи и въ 1254 году, въ Дрогичинѣ, былъ коронованъ королевскою короной легатомъ папы Иннокентія IV, Онизомъ.

Въ концѣ своей жизни (умеръ въ 1264 году) онъ построилъ и возстановилъ изъ развалинъ послѣ опустошительныхъ войнъ много городовъ; между прочимъ, укрѣпилъ, обстроилъ и украсилъ городъ Холмъ, ставшій его любимымъ мѣстомъ пребыванія и перестроилъ въ немъ сооруженный, по преданію, еще Владиміромъ Святымъ храмъ Рождества Пресвятой Богородицы. Для своего сына Льва, которому отдалъ Перемышль, Даниилъ построилъ въ 1259 году городъ Львовъ (теперь Лембергъ, главный городъ австрійскаго королевства—Галиціи).

Такую же заботливость о благоустройствѣ своихъ владѣній проявлялъ и братъ Даниила, Василько, князь Волинскій, но еще въ началѣ его княженія,—въ 1240 году, Волынь подверглась нашествію татаръ и была разорена и опустошена ими; новое же татарское нашествіе въ 1255, а затѣмъ въ 1285 году довершило ея опустошеніе.

Татарское иго тяготѣло надъ Волыню 80 лѣтъ, пока, наконецъ, въ 1320 году энергичный Литовскій князь Гедиминъ, соединившись съ Южно-Русскими удѣльными князьями, не изгналъ татаръ изъ завоеванныхъ ими областей.

Съ того времени вся Кіевская земля и Волынь считалась соединенными съ Литовскимъ княжествомъ, какъ „равный съ равнымъ и вольный съ вольнымъ“.*)

За 50 лѣтъ до изгнанія татаръ, преемникомъ Волинскаго князя Василька Романовича сдѣлался сынъ его Владиміръ. Послѣ смерти отца въ 1271 году онъ поселился во Владиміръ, Луцкъ же достался его двоюродному брату Мстиславу Даниловичу.

Отличаясь миролюбивымъ характеромъ, Владиміръ Васильковичъ, по признанію историковъ,—большой книжникъ и философъ, избѣгалъ ссоръ со своими сосѣдами, но обстоятельства того времени заставляли его вести непрерывныя войны, въ особенности—съ вторгавшимися въ его владѣнія ятвягами и литовцами. Будучи при томъ союзникомъ польскаго князя Конрада Мазовецкаго, онъ помогалъ ему въ его распряхъ съ другими польскими князьями. Въ спокойные промежутки своего княженія онъ строилъ новые города (между прочимъ Каменецъ

*) Исторія Малороссіи Н. Маркевича, Москва, 1840 г., т. I, стр. 10—11.

на Лоснѣ*), воздвигалъ храмы, снабжалъ ихъ предметами церковнаго обихода и собственноручно переписывалъ нѣкоторыя книги.

Владиміръ Васильковичъ былъ женатъ на дочери брянскаго князя Романа, Ольгѣ. Умеръ онъ въ 1288 году отъ рака въ нижней челюсти и еще при жизни передалъ свои земли помянутому нами двоюродному брату своему, Луцкому князю Мстиславу Даниловичу.

Княженіе Мстислава Даниловича было непродолжительно; онъ умеръ въ 1301 году. Почти одновременно съ нимъ умеръ и старшій братъ его, Галицкій князь Левъ Даниловичъ. Галицкія земли унаслѣдовалъ сынъ его Юрій Львовичъ. Еще при жизни отца онъ получилъ въ удѣлъ послѣ смерти брата своего Шварна, въ 1270 году, Белезь, Червень и Холмъ, но когда города эти захватилъ польскій король Лешекъ Черный,—ему были даны въ берестейской землѣ Дрогичинъ и Мельница; со смертію же дяди, Мстислава Даниловича, онъ приобрѣлъ и всю Волынь.

Въ 1315 году между нимъ и Литовскимъ княземъ Гедиминомъ возникла война. Гедиминъ взялъ Берестье, Дрогичинъ и осадилъ Владиміро-Волыньскъ. Въ сраженіи съ литовцами у этого города Юрій Львовичъ былъ убитъ.

Объединенное Галицко-Волыньское государство, со смертію Юрія Львовича, унаслѣдовали сыновья его Андрей и Левъ. Вскорѣ братья раздѣлились, и второй изъ нихъ получивъ значительную часть Волыни, княжилъ въ Луцкѣ. Такъ какъ польскій Король Владиславъ Локетекъ въ 1324 году извѣщалъ папу римскаго о смерти обоихъ братьевъ, то можно заключить, что они тоже умерли одновременно. Андрею Юрьевичу наслѣдовалъ сынъ его Юрій II, послѣ же Льва Юрьевича наслѣдниковъ въ мужской линіи не осталось, и на Волыни въ 1325 году появляется его зять, православной вѣры литовскій князь Любарть-Дмитрій, одинъ изъ сыновей Гедимины.

Черезъ 11 лѣтъ, а именно въ 1336 году, умеръ и Юрій Андреевичъ, послѣдній Галицкій князь изъ Романовичей, потомокъ Владиміра

*) Нынѣ мѣстечко Каменецъ-Литовскъ, Гродненской губерніи, гдѣ сохранилась до нашихъ дней, воздвигнутая по лѣтописнымъ преданіямъ княземъ Владиміромъ Васильковичемъ величественная башня, цилиндрической формы, съ зубчатымъ верхомъ. Башня эта имѣетъ 16 сажень высоты и 6 сажень въ діаметрѣ у основаніи. Построена она изъ кирпича, въ настоящее время окаменѣвшаго.

Святого, именовавшій себя княземъ „Божією милостію всея Малыя Россіи“. Съ его смертію Венгрія и Польша обнаружили попытки захватить Галицію въ свои руки, и въ 1340 году ея овладѣваетъ польскій король Казиміръ III. Тогда въ борьбу съ нимъ вступилъ, въ качествѣ претендента на Галицкія земли, Луцкій князь Любарть. Борьба продолжалась съ перемѣннымъ для обѣихъ сторонъ счастьемъ тридцать лѣтъ. Казиміръ трижды овладѣвалъ всего Волыню, кромѣ Луцка, но въ концѣ концовъ долженъ былъ отступить. Мужественный Луцкій князь взялъ обратно Владиміро-Волынскъ, Кременецъ и Бельзъ, а по смерти Казиміра, при его преемникѣ Людовикѣ I, расширилъ свои владѣнія до р. Сана (притокъ Вислы) и захватилъ Перемышль (теперь Пржемысль въ Галиціи). Въ этомъ помогаль ему Кейстуть и другіе Литовскіе князья, а также и великій князь московскій Симеонъ Гордый, племянница котораго, дочь Константина, князя ростовскаго, съ 1350 года была второй женой Любарта.

Итакъ, отъ Владиміра Святого, т.е. съ X вѣка, до первой половины XIV столѣтія Волынь была наслѣдственнымъ достояніемъ представителей южно-русскаго великокняжескаго рода; съ появленіемъ же въ 1325 году, въ Луцкѣ Любарта Гедиминовича, она, не утрачивая своей самостоятельности переходитъ во владѣніе литовскихъ князей.

Любарть умеръ въ 1385 году. Сынъ его Ѳедоръ владѣлъ Владиміро-Волынскомъ съ небольшимъ округомъ; Острогъ съ прилегающими землями принадлежалъ служилому князю Ѳедору Даниловичу, родоначальнику князей Острожскихъ, а Луцкъ съ Берестейской областью, послѣ того какъ польско-литовскій король Ягелло назначилъ великимъ княземъ Литовскимъ Кейстута, былъ отданъ сыну послѣдняго, Витовту, который впослѣдствіи получилъ и Владиміро-Волынскъ. Недовольствуясь, однако, своимъ удѣломъ, Витовтъ въ 1390 году бѣжалъ къ Тевтонскимъ рыцарямъ. Черезъ два года онъ помирился съ Ягелло и получилъ титулъ великаго князя Литовскаго. Волынскую же землю, вмѣстѣ съ великимъ княжествомъ Кіевскимъ, въ составъ котораго входили города Овручъ и Житомиръ, получилъ Иванъ Скиргайло, родной братъ Ягелло. Онъ княжилъ всего одинъ годъ и умеръ въ 1393 году, отравленный своими соперниками.

Около того же времени Витовтъ покорилъ всю Подольскую землю, одну часть которой вмѣстѣ съ Сѣверскими землями отдалъ Свидригайлу Ольгердовичу а другую—бывшему Сѣверскому князю Дмитрію Ольгердовичу Корибуту. Свидригайло, въ 1408 г., во время войны у Ви-

товта съ великимъ княземъ Московскимъ Василиемъ Дмитриевичемъ, перешель на сторону послѣдняго, лишился удѣла и послѣ долгихъ злоключеній лишь въ 1440 году снова получилъ Волинь и ту часть Подоліи, которая въ концѣ XIV столѣтія принадлежала Дмитрію Корибуту. Свидригайло былъ послѣднимъ самостоятельнымъ владѣтелемъ Волини. Съ его смертью, въ 1452 году, она изъ самостоятельнаго положенія переходитъ въ непосредственное владѣніе великаго княжества Литовскаго.

III.

По всей территоріи живописной югозападной Волини сохранилось много памятниковъ сѣдой старины. Древніе монастыри и замки, развалины Богъ знаетъ когда и кѣмъ сооруженныхъ укрѣпленій, курганы и насыпи наводятъ на воспоминанія о давно минувшемъ, переносятъ мысли въ эпоху далекихъ историческихъ событій, которыми такъ богатъ этотъ уголокъ Юго-Западнаго края.

Въ городѣ Луцкѣ стоятъ еще развалины огромнаго замка князя Любарта Гедиминовича. Въ замкѣ этомъ былъ нѣкогда православный храмъ во имя Св. Іоанна Богослова, гдѣ похоронены какъ Любартъ, такъ и преемникъ Витовта, Свидригайло Ольгердовичъ. Но отъ храма этого уцѣлѣли только фундаментъ и подземные склепы.

Луцкъ является однимъ изъ старѣйшихъ послѣ Владиміро-Волинска городовъ юго-западной Волини и упоминается въ лѣтописи еще съ 1085 года. Въ XV вѣкѣ онъ былъ первымъ по торговлѣ городомъ во всей Волинской землѣ. Въ 1429 году здѣсь состоялся блистательный съѣздъ сосѣднихъ государей. Это было при великомъ князѣ Литовскомъ Витовтѣ, когда могущество и значеніе его распространилось не только на востокъ, но и на западъ Европы. Въ XV столѣтіи завоевательныя стремленія турокъ сдѣлались особенно опасными. Для совѣщаній объ отраженіи этого общаго врага и былъ назначенъ съѣздъ у Витовта въ Луцкѣ. На съѣздъ этотъ прибыли: польско-литовскій король Ягелло, нѣмецкій императоръ Сигизмундъ съ большимъ числомъ нѣмецкихъ князей, московскій великій князь Василій Васильевичъ съ многими удѣльными князьями, съ боярами и съ митрополитомъ Фотіемъ; затѣмъ, король датскій, папскій посоль, гроемейстеръ прусскій, воевода валахскій, византійскій посоль и ханъ перекопской орды. Императоръ Сигизмундъ приглашалъ съѣхавшихся христіанскихъ государей и владѣ-

тельныхъ вельможъ объединиться и содѣйствовать примиренію и сліянію восточной и западной церквей. Съ своей стороны онъ обѣщалъ настоять на созваніи новаго вселенскаго собора. Затѣмъ Сигизмундъ предложилъ съѣхавшимся государямъ предпринять совмѣстную борьбу противъ турокъ и оказать помощь притѣсняемой ими Византійской имперіи. Но предложенія эти не встрѣтили сочувствія со стороны поляковъ.

На томъ же съѣздѣ нѣмецкій императоръ, въ тайные расчеты котораго входило отдѣленіе Литвы отъ Польши, подаль мысль о предоставленіи Витовту королевскаго достоинства. Поляки протестовали и противъ этого предложенія, хотя король Ягелло соглашался, чтобы корона была принята Витовтомъ изъ его рукъ. Гордый князь предпочиталъ короноваться вѣнцомъ Сигизмунда и пригласилъ нѣкоторыхъ гостей къ себѣ въ Вильну на торжества коронаціи въ слѣдующемъ году.

Въ 1430 году Сигизмундъ дѣйствительно послалъ въ Вильну королевскую корону, но она была перехвачена поляками, и коронація не состоялась. Это такъ огорчило и поразило престарѣлаго 80 лѣтняго Витовта, что онъ заболѣлъ и въ томъ же 1430 году умеръ.

Неподалеку отъ уѣзднаго города Кременца, при мѣстечкѣ Вишневецѣ, сохранился до настоящихъ дней замѣчательный по своимъ размѣрамъ и архитектурѣ древній укрѣпленный замокъ князей Вишневецкихъ. Замокъ этотъ стоитъ на высокой горѣ, у подножія которой протекаетъ Горынь. Построенъ онъ въ 1395 году Сѣверскимъ княземъ Дмитріемъ Ольгердовичемъ Корибутомъ. Вишневецъ въ то время входилъ въ составъ Подольской земли, которая еще въ 1225 году была завоевана татарами. Выдѣлившись въ особую область, земля эта не имѣла своего князя и управлялась атаманами, дѣдичами и вотчинами, платившими ордынскимъ баскакамъ дань. Во второй половинѣ XIV столѣтія здѣсь появились литовцы. Въ 1362 году, предводительствуемые княземъ Ольгердомъ, они разбили татаръ на Синей Водѣ и ослабили ихъ владычество, а черезъ 30 лѣтъ вся Подольская земля была покорена великимъ княземъ Литовскимъ, Витовтомъ. Часть ея, какъ уже сказано въ предыдущей главѣ, онъ отдалъ Сѣверскому князю Дмитрію Корибуту, который избралъ своей резиденціей Вишневецъ, гдѣ и построилъ великолѣпный замокъ. Корибутомъ же, былъ основанъ и городъ Збаражъ.

Дмитрій Ольгердовичъ Корибутъ является родоначальникомъ угасшаго нынѣ рода знаменитыхъ князей Вишневецкихъ. Участвуя въ 1399 году въ несчастной битвѣ Витовта съ татарами на Ворсклѣ, онъ былъ убитъ, удѣлъ же Подольскій достался его сыну Феодору Несвицкому, отъ котораго въ 1440 году перешелъ, одновременно съ Волынью, къ князю Свидригайлу.

Но наиболѣе извѣстною достопримѣчательностью Волыни является Почаевская Лавра, славящаяся среди всего православнаго міра чудотворною иконою Божіей Матери и священною стопою съ неизсякаемымъ источникомъ цѣлебной воды.

Обитель эта существуетъ уже около семисотъ лѣтъ. Основана она была въ 1240 году нѣсколькими иноками, которые, послѣ разоренія татарами Кіева и разрушенія его православныхъ святынь, бѣжали оттуда и здѣсь, на Волыни, среди дремучихъ лѣсовъ, на высокой горѣ, построили церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы.

Чудотворная икона Богоматери была привезена въ Волынь въ 1559 году царградскимъ митрополитомъ Неофитомъ и подарена имъ владѣлицѣ села Орля (нынѣ Урля) Аннѣ Гойской, урожденной Козинской. Гойская пожертвовала эту икону въ 1597 г. Почаевской обители и надѣлила послѣднюю землями и деньгами на постройку общежитія, на содержаніе же монаховъ завѣщала десятую часть доходовъ со своего Почаевского имѣнія.

Въ XVII столѣтіи настоятелемъ обители былъ замѣчательный подвижникъ Преподобный Іовъ, въ мірѣ Іоаннъ Желѣзо. При немъ щедрыми благотворителями Почаевского монастыря были мѣстные дворяне Феодоръ и Ева Домашевскіе, которые въ 1649 году выстроили въ Почаевѣ большую каменную церковь во имя Св. Троицы. Преподобный Іовъ свято почилъ 28 Октября 1661 года.

Нетлѣнные мощи его были открыты кіевскимъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка Почаевскій монастырь былъ обогащенъ благотворительностью извѣстнаго польскаго магната, графа Николая Потоцкаго, старосты каневскаго. На пожертвованіе его, доходившее до двухъ милліоновъ злотыхъ, въ 1771 году былъ заложенъ новый обширный храмъ на мѣстѣ прежняго, освященный во имя Успенія Пресвятой Богородицы и существующій до настоящаго времени.

Храмъ этотъ имѣеть 24 сажени въ длину и 14 сажень въ ширину.

Волинская святыня—Лавра Почаевская—съ незапамятныхъ временъ служить мѣстомъ паломничества для вѣрующихъ. Величіе, красота и богатство этой обители и чудныя ея окрестности поражаютъ всякаго, кто побывалъ здѣсь.

Почаевская обитель находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кременца. Городъ этотъ, между прочимъ, упоминается въ лѣтописи съ 1226 года, когда возлѣ него была битва съ венграми. Батый, во время нашествія своего въ 1224 году на Южную Русь, не могъ взять Кременца; съ такою же неудачей осаждали его татары и въ 1255 году, но спустя послѣ этого пять лѣтъ, а именно въ 1260 году, по требованію появившагося тогда на Волини съ сильнымъ татарскимъ войскомъ одного изъ полководцевъ Батыя, татарскаго темника Бурундая, князь Василько долженъ былъ разрушить неприступныя укрѣпленія Кременца.

На одной изъ высокихъ горъ, окружающихъ городъ, и теперь еще сохранились остатки этихъ древнихъ укрѣпленій. Мощныя стѣны уже разрушены, почти до основанія; устояла только угловая башня, на которой возвышается вытесанный изъ дикаго камня величественный крестъ, вѣнчавшій собою эти когда-то неприступныя твердыни.

Въ Кременецкомъ замкѣ нѣкогда томился болѣе восьми лѣтъ упомянутый въ предыдущей главѣ послѣдній изъ самостоятельныхъ владѣтелей Волини, Литовскій князь Левъ Свидригайло. Полная превратностей судьба этого князя чрезвычайно интересна. Жизнеописаніе его мы и приведемъ здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ.

Свидригайло былъ младшимъ сыномъ Ольгерда Гедиминовича отъ его второго брака съ дочерью Тверскаго князя Юліаніей Александровной. Родился онъ въ 1355 году, крещенъ по православному обряду. Братъ его Ягелло, получившій при крещеніи въ православіе имя Якова, послѣ предательскаго убіенія въ 1382 году дяди своего Кейстута, наследовалъ Литовскій великокняжескій престолъ, а въ 1386 году, сочетавшись бракомъ съ младшей дочерью умершаго незадолго передъ тѣмъ короля венгерскаго и польскаго Людовика Великаго, Ядвигаго, перешелъ въ католическую вѣру подъ именемъ Владислава и вступилъ на польскій престолъ, давъ, такимъ образомъ, Польшѣ новую

королевскую династію Ягеллоновъ. Левъ Свидригайло, по примѣру своего брата, тоже принялъ католицизмъ и былъ нареченъ именемъ Болеслава. Однако, будучи женатъ на дочери тверского князя Бориса и какъ сынъ природной русской княжны, онъ по духу принадлежалъ русскимъ и пользовался ихъ поддержкой. Въ удѣлъ отъ Литвы онъ получилъ Полоцкое княжество, но считая себя обдѣленнымъ и желая расширить свои владѣнія, захватилъ Витебскъ. Оттуда онъ былъ изгнанъ двоюроднымъ братомъ Витовтомъ, съ которымъ велъ долгую борьбу при помощи крестоносцевъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ помирился съ Витовтомъ и получилъ отъ него, какъ упомянуто выше, часть Подоліи и Сѣверскую землю, но въ 1408 году, въ войну Витовта съ великимъ княземъ московскимъ Василиемъ Дмитриевичемъ присоединился къ послѣднему. Война эта окончилась неудачей для русскихъ, и Свидригайло изъ Москвы бѣжалъ къ крестоносцамъ; по дорогѣ онъ былъ схваченъ Витовтомъ и заключенъ въ Кременецкую крѣпость, и только въ 1418 году, при помощи князя Федора Острожскаго, ему удалось бѣжать изъ Кременца въ Венгрію, къ императору Сигизмунду. При содѣйствіи послѣдняго онъ снова помирился съ Ягелло и Витовтомъ, получивъ въ 1420 году въ удѣлъ Новгородъ-Сѣверскій и Брянскъ. Здѣсь онъ спокойно княжилъ въ теченіе 10 лѣтъ. По смерти Витовта русская партія провозгласила его великимъ княземъ Литовскимъ, что было признано и со стороны Ягелло.

Достигнувъ великокняжескаго престола, Свидригайло сталъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, не признавая никакой зависимости отъ польскаго короля, чѣмъ опять вооружилъ противъ себя Ягелло, а въ особенности польскихъ пановъ.

Воспользовавшись этимъ, на него возсталъ его двоюродный братъ, Стародубскій князь Сигизмундъ Кейстутовичъ и въ 1432 году захватилъ все Литовско-Русское княжество. Въ сраженіи на р. Святой, у Вилькомира, Свидригайло былъ разбитъ на голову, послѣ чего въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ скитался въ Венгріи и Валахіи. Когда же въ 1440 году Сигизмундъ Кейстутовичъ былъ убитъ въ Трокахъ, по заговору русской партіи, во главѣ съ княземъ Чарторыйскимъ, Свидригайло снова былъ призванъ на Литовскій великокняжескій престолъ, но, по глубокой старости, отказался отъ этой чести и принялъ, съ согласія поляковъ, только Волынское княжество и часть Подоліи.

Умеръ Свидригайло въ Луцкѣ, въ 1452 году, 97 лѣтъ отъ роду, передавъ свои земли великому княжеству Литовскому.

IV.

Во время присоединенія Волыни къ княжеству Литовскому родственная ей Галиція входила уже въ составъ Польши. Какъ видно изъ главы II настоящаго очерка, послѣдній изъ Галицкихъ правителей потомства Владиміра Св., Юрій Андреевичъ, умеръ въ 1336 году. Боярами былъ призванъ на Галицкій престолъ наслѣдникъ Юрій по женской линіи, Мазовецкій князь Болеславъ Трейдоновичъ, сынъ Маріи Юрьевны, дочери Юрія I Львовича. Вступивъ во Львовъ—тогдашнюю столицу Галиціи,—онъ далъ клятву въ соблюденіи старыхъ правъ и обычаевъ страны, но, какъ католикъ и приверженецъ иноземщины, не былъ любимъ галичанами и, по преданію, въ 1340 году былъ ими отравленъ. Въ томъ же году Галиціей овладѣлъ польскій король Казиміръ III (Великій). Тогда именно и возникла между нимъ и волынскимъ княземъ Любартомъ борьба (см. гл. II), продолжавшаяся тридцать лѣтъ и окончившаяся договоромъ, по которому къ Польшѣ отошла Галиція съ удѣлами Бельзскимъ и Холмскимъ, а за Любартомъ осталась Волынь съ Берестейской областью.

Казиміръ III, основатель такъ называемаго „Вислицкаго“ статута, отличался вѣротерпимостью и былъ вообще добръ и справедливъ ко всѣмъ подвластнымъ ему народамъ. Стѣдя за повиновеніемъ закону, онъ улучшилъ этимъ положеніе безправныхъ до него крестьянъ, за что и былъ прозванъ „королемъ хлоповъ“, т. е. мужицкимъ королемъ. Его Вислицкимъ статутомъ 1368 года опредѣлялись права отдѣльных областей, установившіяся старыми обычаями и порядками. Онъ обуздалъ своеволіе магнатовъ и шляхты, ввелъ въ городахъ Магдебургское право, обеспечивавшее за ними широкое самоуправленіе, установилъ въ своемъ королевствѣ внутренній миръ и порядокъ, высоко поднялъ польскую культуру и основалъ въ 1364 году краковскій университетъ.

При Казиміръ III Польша достигла могущества и расцвѣта. Умеръ онъ въ 1370 году.

Черезъ 16 лѣтъ послѣ смерти Казиміра III, наслѣдовавшая польскій престолъ отъ отца своего Людовика королевича Ядвига, вступивъ съ сильнымъ военнымъ отрядомъ въ Червонную Русь, уничтожила ея самоуправленіе и окончательно присоединила ее къ Польшѣ. Въ 1434 г. къ польскимъ владѣніямъ была присоединена съ такимъ же уничто-

женіемъ самоуправленія и западная Подолія. Въ иномъ положеніи находилась Воынь: она еще сохраняла свою самостоятельность и хотя считалась соединенною съ великимъ княжествомъ Литовскимъ, но въ основѣ этого соединенія, какъ и въ основѣ соединенія съ Литвою всей Южной Руси, лежали равенство и добрая воля. Великій князь Литовскій Ягелло, вступившій на польскій престолъ, вслѣдствіе брака съ королевой Ядвигой, подтвердилъ это грамотой, данной 13 Апрѣля 1409 г. послѣ первой побѣды надъ крестоносцами, одержанной Литвою, благодаря помощи со стороны южно русскихъ князей¹⁾.

Содержаніе этой грамоты слѣдующее:

„Промысломъ Божиимъ и доброю волею становъ нашихъ народныхъ, соединившихъ дѣдовское княжество наше Литовское и по своей волѣ отдавшіяся ему княжества Русскія съ народомъ и королевствомъ польскимъ, постановили Мы и подписали для того пакты соединенія, и казалось бы довольно того; но нѣкоторые чины Литовскіе, на которыхъ доносить намъ гетманъ русскій, не унимаются отрицать полное единство съ нами чиновъ русскихъ и тамошней шляхты, по поводу освобожденія ихъ отъ татаръ. И потому постановляемъ и повторительно утверждаемъ основные и утвержденные пакты соединенія народа русскаго съ народомъ польскимъ и литовскимъ, и быть имъ, яко равный съ равными и вольный съ вольными, вѣчно и непреложно, и права свои русскія имѣть имъ безъ нарушенія, ибо они хороши и потому приняты въ Княжествѣ Нашемъ Литовскомъ вмѣстѣ съ письмомъ русскимъ, или славянскимъ. И по нимъ имѣть всѣ суды и содержать расправы, и владѣніями своими наслѣдными и нажитыми обладать имъ, и, какъ хотять, употреблять безпрекословно и безъ нарушенія иными правами. Такъ же и Рыцарству Русскому съ Рыцарствомъ Польскимъ и Литовскимъ быть въ согласіи, какъ равнымъ съ равными, на всѣхъ расправахъ и урядахъ, безъ всякихъ противорѣчій и помѣшательства. А претензіи и укоризны о давнемъ освобожденіи народа Русскаго отъ ярма татарскаго сильно запрещаемъ и уничтожаемъ, ибо это дѣло значительно заплачено и отслужено Рыцарствомъ Русскихъ противъ враговъ Литовскихъ, измѣнниковъ Литовцевъ, неустойчивыхъ Крыжаговъ и иныхъ наступателей на отечество, отъ которыхъ Руснаки насъ обороняли и головы свои на мѣстѣ положили, а за укоризны имъ строгія наказанія виновникамъ постановляемъ“²⁾.

¹⁾ Исторія Малороссіи Н. Маркевича, т. I, стр. 16.

²⁾ Ibid. стр. 17.

Знаменитая Грюнвальденская или Гронвальдская битва, происшедшая 15 Іюля слѣдующаго 1410 года, въ которой меченосцы понесли страшное пораженіе и самъ магистръ Юнгингенъ былъ взятъ въ плѣнъ, рѣшила судьбу Тевтонскихъ рыцарей. Заслуги малороссійскаго войска, снова участвовавшаго въ этой битвѣ вмѣстѣ съ литовцами, подъ предводительствомъ Витовта, были оцѣнены не только королемъ, но и польской шляхтой. На Городельскомъ сеймѣ въ 1413 году были точно опредѣлены взаимныя отношенія между Польшей и Литовско-Русскимъ государствомъ и подтверждена независимость послѣдняго отъ первой.

Въ томъ же году собраніе епископовъ постановило избрать отдѣльно православнаго митрополита для Западной Руси. Выборъ палъ на болгарскаго выходца Григорія Цимвлака. Въ 1414 году, въ Новогрудкѣ, онъ былъ провозглашенъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси.

Этими событіями, поскольку они касаются исторіи Литовско-Русскаго государства вообще, въ частности же—исторіи Воыни, закончилось царствованіе Ягелло. Онъ умеръ въ 1434 году. Польскій престоль перешелъ по наслѣдству къ сыну его Владиславу Варневичу.

Новому великому князю Литовскому и королю Польскому было тогда всего лишь 10 лѣтъ отъ роду. Въ качествѣ воспитателя и наставника при немъ состоялъ епископъ краковскій Збигнѣвъ Олесницкій, который, по малолѣтству короля, управлялъ государствомъ. Ему Литовская Русь была обязана новой привилегіей, данной именемъ молодого короля 7-го Марта 1435 года въ слѣдующихъ словахъ:

„Воеводства Русскія съ рыцарствомъ тамошнимъ постановляемъ и утверждаемъ на тѣхъ правахъ, привилегіяхъ и вольностяхъ, которыя утверждены и постановлены имъ были отцомъ Нашимъ при добровольномъ соединеніи Руси и Литвы съ державою Польскою; и да не осмѣлится никто въ другихъ Воеводствахъ Нашихъ тѣхъ правъ и привилегій отрицать. Въ дѣлахъ земскихъ и рыцарскихъ, такъ же и въ вѣрѣ, отъ отцовъ наслѣдованной, добрая воля и свобода да не отъемлется; да не входятъ въ распри рыцарство благородное русское съ благороднымъ рыцарствомъ польскимъ и литовскимъ; и тѣ народы да будутъ соединены, какъ равный съ равными и свободный съ свободными, ибо они единоплеменные и по доброй волѣ соединились и освободились отъ ига татарскаго общемою ратіею Русскою и Литовскою; и такъ, во владѣніяхъ и приобрѣтеніяхъ да имѣютъ Руснаки свободу

и волю непреслѣдуемую и ненасилуемую и да судятся сами межъ собой, а въ суды земскіе и градскіе да избирають судей и урядниковъ голосами вольными по правамъ и статутамъ, которые утверждаемъ и отдаемъ подь сохраненіе, ручаясь и за наслѣдниковъ Нашихъ на времена вѣчныя“ *).

Братъ короля Казиміръ IV и сыновья его Янъ-Альбертъ и Александръ присягнули этой хартіи.

Въ 1439 году умеръ венгерскій король Альбертъ и Владиславъ, при содѣйствіи Римской куріи, былъ избранъ королемъ Венгріи. Въ связи съ этимъ Польша, по постановленію сейма, объявила въ 1443 г. войну Турціи; послѣ перемирія война эта возобновилась въ слѣдующемъ 1444 году. Подъ Варной польско-венгерскія войска были разбиты турками, и самъ король Владиславъ погибъ въ сраженіи. На польскій престолъ былъ призванъ сеймомъ младшій братъ Владислава, Казиміръ IV.

Въ долгій періодъ его царствованія Польша расширила свои владѣнія, присоединивъ западную Пруссію и балтійское побережье, русскія же области, входившія въ составъ великаго княжества Литовскаго, со смертію послѣдняго кievскаго князя Симеона Олельковича, умершаго въ 1471 году, были раздѣлены на четыре воеводства: Брацлавское, Кіевское, Волынское и Сѣверско-Черниговское, получившее названіе „Сѣверія Дукатусъ“, то есть герцогство Сѣверское.

Казиміръ IV умеръ въ 1492 году. Польскій королевскій престолъ достался старшему его сыну Яну-Альберту, а великое княжество Литовское—младшему, Александру. Со смертію Яна-Альберта въ 1501 г., Александръ, сохранивъ титулъ великаго князя Литовскаго, былъ избранъ польскимъ королемъ. Въ томъ же году онъ подписалъ такъ называемый Мельницкій договоръ, по которому Литва и Польша объявлялись единымъ нераздѣльнымъ государствомъ, управляемымъ однимъ королемъ, избираемымъ „спольнымъ“ Польско-Литовскимъ сеймомъ и коронуемымъ въ Краковѣ. Политическій и общественный строй въ объединенномъ Польско-Литовскомъ государствѣ носилъ въ то время слѣдующія формы.

Политическія права признавались только за однимъ дворянскимъ сословіемъ, или шляхтой, которая состояла изъ пановъ—титулованной

*) Исторія Малороссіи Н. Маркевича, т. I, стр. 19.

шляхты, рядовой и татарской. Права всѣхъ вообще шляхтичей опредѣлялись особыми „привилеями“, которые были утверждены еще въ 1426 году королемъ Ягелло и ограждались закономъ. По этимъ привилеямъ шляхта пользовалась полной свободой личности и распоряженія имуществомъ, ей принадлежало право избранія государя, право „сеймикованія“ и право занятія всѣхъ административныхъ и судебныхъ должностей въ государствѣ. Главную повинность шляхты составляла военная служба и обязательное участіе въ „посполитомъ рушеніи“. Во главѣ шляхетскаго сословія стояли князья и привилегированная шляхта, или паны. Между шляхетскимъ сословіемъ и крестьянами стояли бояре и мѣщане. Въ составъ бояръ, тоже обязанныхъ военною службою, входили военно-служилые люди и тѣ изъ крестьянъ, которыхъ князья и вельможные паны переводили на боярскую, т. е. военную службу. Къ мѣщанамъ причислялись городскіе обыватели, занимавшіеся торговлей и ремеслами. Крестьяне были подчинены крѣпостному праву помѣщика на нихъ. Право это, опредѣлявшееся привилеемъ Казимира IV, ставило крестьянъ въ крайне суровую зависимость отъ своего господина и лишало ихъ всякой личной свободы. Сословіе крестьянское дѣлилось на двѣ части: одну составляли крестьяне частновладѣльческіе, другую—государственные, или „господари“. Частновладѣльческіе крестьяне подраздѣлялись на три категоріи: „невольной челяди“, „слугъ“ и „тяглыхъ“, или „пригонныхъ“ людей. Непосредственное заимъываніе крестьянскими работами лежало на крестьянскихъ же властяхъ, получавшихъ въ жалованье извѣстную часть дохода съ обрабатываемыхъ крестьянами земель. Власти эти, носившія разныя, смотря по мѣстности, названія, составляли: „волостные и поселскіе пристава“, „десятники“, „старцы“, „сорочники“ и другіе. За единицу обложенія принимались крестьянскіе земельные участки, носившіе названія „дворищъ“—въ Волинскомъ и Турово-Пинскомъ княжествахъ, „селищъ“—въ Смоленской и „жеребьевыхъ“ въ Берестейской земляхъ. За сборомъ натуральныхъ и денежныхъ податей наблюдали особыя крестьянскія власти. Кромѣ „дякла“*) (животнаго, пшеничнаго, овсянаго, дровянаго, сѣнаго и др.) и „мезлева“—(сбора телятами, свиньями, баранами, курами, яйцами и др.), крестьяне платили еще подать съ сохъ, съ рыбы (натурою), съ угля, соли, руды, а также „пенязи“ глинные, чиншевые, поборные и др. На военныя нужды съ нихъ взимались налоги: „подымщина“, „воловщина“, „поголовщина“, „посощина“, „серебщизна“ и др. Частновладѣльческіе крестьяне несли еще нѣкоторыя особыя

*) Вѣроятно, отъ малоросійскихъ словъ вдяка, дякуваты, то есть благодарность, благодарить.

повинности, на примѣръ, подводную. Полное крестьянское хозяйство носило названіе „службы“ или „дворища“.

Положеніе духовенства опредѣлялось особыми привилеями.

Правительственнымъ языкомъ на всей территоріи Литовско-Русскаго государства былъ русскій языкъ. Территорія эта дѣлилась на воеводства и повѣты. Во главѣ воеводства и центральныхъ повѣтовъ стояли воеводы, во главѣ нецентрального повѣта—старосты. Воевода назначался королемъ и управлялъ своимъ воеводствомъ на правахъ королевскаго намѣстника, совмѣщая въ себѣ тройкаго рода обязанности: военную, административную и судебную. Онъ являлся представителемъ правительственной власти по отношенію къ городамъ, пользовавшимся самоуправленіемъ по введенному еще Казиміромъ III Магдебургскому праву и къ частновладѣльческимъ землямъ князей, пановъ, шляхты, бояръ и духовенства. Воевода собиралъ подати, вершилъ судъ, завѣдывалъ доходами съ пахатной земли, выгоновъ, пастбищъ, луговъ, лѣсныхъ угодій, рѣкъ и озеръ; становился во главѣ посполитаго рушенія и т. д. Кромѣ воеводы и каштеляна (помощника воеводы), а въ нецентральныхъ повѣтахъ—старосты, существовалъ еще цѣлый рядъ повѣтовыхъ должностныхъ лицъ. Во главѣ ихъ стоялъ маршалокъ, затѣмъ—хорунжій, городничій и др. За охраною и безопасностью повѣта наблюдалъ „войскій“. Въ нѣкоторыхъ княжествахъ и земляхъ существовали „вряды“, то есть должности ключника и подключаго; они завѣдывали „медовой данью“ и контролировали господарское медо-вареніе.

Кромѣ всѣхъ этихъ должностей, въ повѣтахъ были еще конюшіе, мечники, чашники, подчашіе, стольники, подстоли и др. Повѣтовыми судами были суды: земскій, градскій и подкоморскій. Судовой „градскій“ урядъ составляли судья, подсудокъ и писарь, выбиравшіеся на сеймѣ повѣтовою шляхтою и утверждавшіеся главою государства.

Судами градскими или замковыми вѣдали судовые старосты, а подкоморскими—подкоморіи, у которыхъ были помощники, называвшіеся коморниками „для справъ граничныхъ и земскихъ“. Для приведенія въ исполненіе судебныхъ приговоровъ существовали особыя должностныя лица подъ названіемъ возныхъ; на нихъ возлагалась также обязанность наблюдать за порядкомъ во время суда и опрашивать обывателей о „школахъ“ и т. п. причинахъ, какъ поводахъ къ вчиненію дѣла въ судѣ.

Высшимъ государственнымъ учрежденіемъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ былъ сенатъ; въ составъ сената входили епископы, воеводы, повѣтовые маршалки, каштеляны и министры. Министровъ было шесть: маршалокъ земскій (министръ внутреннихъ дѣлъ), маршалокъ дворный (министръ двора), канцлеръ, (начальникъ государственной канцеляріи, онъ же хранитель государственной печати); затѣмъ, подканцлеръ, земскій подскарбій (министръ финансовъ) и гетманъ найвысшій (военный министръ), онъ же главнокомандующій войсками и главный начальникъ посполитаго рушенія. Органами самоуправленія въ Литовско-Русскомъ государствѣ являлись сеймъ и сеймики. Эти послѣдніе подраздѣлялись на подсеймовый, реляціонный, судово-избирательный и трибунально-элекціонный. На первомъ шляхта выбирала сеймовыхъ пословъ, снабжала ихъ полномочіями; на второмъ заслушивала отчетъ пословъ, вернувшихся съ сейма, а на остальныхъ двухъ, т. е. судово-избирательномъ избирала судей и подсудковъ.

Города Литовско-Русскаго государства, какъ уже было сказано, пользовались Магдебургскимъ правомъ и управлялись радцами и лавниками. Первые завѣдывали полиціей и городскимъ имуществомъ, а также наблюдали за торговлей; вторые отправляли судебныя обязанности. Соединившіяся вмѣстѣ коллегіи радць и лавниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ войтъ, составляли магистратъ.

Вооруженныя силы государства составляли посполитое рушеніе шляхты (оно призывалось лишь въ крайнихъ случаяхъ) и наемныя войска. Князья, паны, духовныя лица, бояре, татары обязаны были „въ часу потребы самы особамы своими войну служиты и выправоваты на службу военну“.

Съ объявленіемъ посполитаго рушенія шляхта въ повѣтахъ собиравалась около своего хорунжія, который долженъ былъ имѣть о каждомъ шляхтичѣ „добрую вѣдомость и печу“. Хорунжій передавалъ собравшуюся шляхту маршалку или каштеляну и представлялъ ему отчетъ „есть ли вси сполна, албо и кто есть“. Маршалокъ или каштелянъ въ свою очередь передавали „рушившуюся“ шляхту воеводѣ, а тотъ уже самъ велъ ее къ гетману найвысшему.

Наемныя войска подраздѣлялись на „людей служебныхъ“, „спяговъ татарскихъ“ и казаковъ. Непосредственно за подписаніемъ Мельницкаго договора, въ самомъ началѣ XIV столѣтія, въ Литовско-Русскомъ государствѣ были учреждены должности „польныхъ“ гетмановъ. Поль-

ный гетманъ являлся главнымъ начальникомъ наемнаго войска, которое прежде находилось подъ вѣденіемъ и командой мѣстныхъ генеральныхъ старостъ и лишь во время похода король назначалъ ему общаго предводителя.

Родственникъ короля Александра, староста Каменецкій Предславъ Лянцкоронскій, былъ назначенъ первымъ гетманомъ войскъ малороссійскихъ, или южно-русскихъ, а тестъ послѣдняго, староста брацлавскій, вивницкій и звенигородскій, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, занялъ должность гетмана литовскихъ войскъ.

V.

Князья Острожскіе издавна были извѣстны какъ ревнители православія и южно-русской народности. Еще предокъ Константина Острожскаго, родоначальникъ князей Острожскихъ, Данииль Дмитриевичъ, выступалъ защитникомъ православныхъ галичанъ отъ польскаго владычества и, по словамъ лѣтописца, „боячыся абы ляхи не чинили имъ якого насилія въ вѣрѣ“, поднялъ въ 1341 году возстаніе противъ короля Казимира Великаго, перебилъ оставленные въ Галиціи отряды польскихъ войскъ и, соединясь съ перемышльскимъ старостой Дашкомъ, разорилъ Краковскую, Сандомирскую и Люблинскую земли, но въ сраженіи на рѣкѣ Вислѣ былъ разбитъ Казиміромъ.

Сынъ его, Ѳеодоръ Даниловичъ, въ концѣ XIV столѣтія владѣлъ на Волыни, кромѣ Острога, Заславемъ, Дубномъ и Корецомъ, былъ вліятельнымъ вельможей и такъ же, какъ и отецъ велъ вооруженную борьбу противъ посягательства Польши на южно-русскія земли. Послѣдній Волынскій удѣльный князь Свидригайло пользовался его особенной дружбой и поддержкой и былъ обязанъ ему освобожденіемъ въ 1418 году изъ заключенія въ Кременецкомъ замкѣ.

Подъ конецъ жизни Ѳеодоръ Даниловичъ Острожскій, подъ именемъ Ѳеодосія, постригся въ монахи и умеръ въ 1441 году въ Кіево-Печерской лаврѣ. Церковь православная причислила его къ лику святыхъ.

Князь Константинъ Острожскій является правнукомъ Ѳеодора Даниловича, у котораго былъ единственный сынъ Василій, прозванный Краснымъ.

Князь Василій Красный такъ же, какъ и отецъ его, отличался большимъ благочестіемъ. Онъ основалъ извѣстный Дерманскій Свято-

Троицкій монастырь, расположенный въ очень красивой гористой мѣстности при селѣ Дермани, между Острогомъ и Дубномъ, и много другихъ православныхъ храмовъ.

Монастырь Дерманскій окруженъ уцѣлѣвшей донинѣ высокой каменной стѣной съ амбразурами и бойницами, изъ чего видно, что обитель эта служила когда-то и крѣпостью. Такія же крѣпости были возведены княземъ въ Заславѣ и Дубнѣ. Онѣ защищали эти города отъ усилившихся тогда татарскихъ набѣговъ.

Въ городѣ Острогѣ каменные укрѣпленія были построены еще дѣдомъ Василя Краснаго, Даниломъ Дмитріевичемъ Острожскимъ, Василій же только обновилъ и расширилъ ихъ и возвелъ въ замкѣ величественный храмъ Богоявленія, а въ городѣ—церковь во имя Св. Василя. Отъ замка и Богоявленскаго храма остались теперь однѣ лишь развалины.

Василій Красный оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: Юрія и Ивана. Первый получилъ въ наслѣдство Заславъ, откуда и произошли князья Заславскіе, а Острогъ съ Дубномъ и Корецомъ достался второму, т. е. Ивану, оставившему послѣ себя сына Константина.

Константинъ Ивановичъ Острожскій родился въ 1460 году. Онъ былъ женатъ на дочери послѣдняго Кіевскаго князя Симеона Олельковича, Олелькѣ, считался однимъ изъ богатѣйшихъ магнатовъ Литовско-Русскаго княжества и пользовался большимъ вліяніемъ при польскомъ дворѣ. Назначеніе его на высокую должность великаго гетмана въ Литвѣ, преобладающее населеніе которой составлялъ православный русскій народъ, имѣло для послѣдняго громадное значеніе.

Въ 1500 году, когда возникла война между Александромъ и великимъ княземъ Московскимъ Іоанномъ III, Константинъ Острожскій былъ назначенъ главнокомандующимъ литовскими войсками и двинулся къ Дорогобужу. Въ сраженіи на р. Ведроши московскія войска, подъ предводительствомъ Юрія Захарьина, нанесли литовцамъ полное пораженіе; намѣстникъ Смоленскій Станиславъ, маршалки Остюковичъ и Хребтовичъ, князья Друцкіе и Мосальскіе и самъ главнокомандующій Константинъ Острожскій были взяты въ плѣнъ, закованы въ цѣпи и привезены въ Москву. Оттуда Острожскій былъ сосланъ въ Вологду, гдѣ его всячески убѣждали перейти въ русскую службу. Въ 1506 году

онъ притворно согласился, получилъ санъ боярина и былъ назначенъ начальникомъ пограничныхъ отрядовъ противъ татаръ.

Незадолго передъ тѣмъ изъ предѣловъ княжества Литовскаго самовольно переѣхалъ въ Москву близкій къ князю Константину Острожскому черкасскій староста, уроженецъ Волыни, Евстафій Дашковичъ. Примѣру Дашковича послѣдовало еще нѣсколько знатныхъ дворянъ изъ западно-русскихъ областей княжества Литовскаго. Это были единомышленники князей Глинскихъ, Новосильскихъ, Одоевскихъ, Бѣлевскихъ и Воротынскихъ, недовольныхъ начавшимися тогда въ Литвѣ притѣсненіями православія и перешедшихъ вслѣдствіе этого на службу къ Московскому Государю. Какая собственно цѣль побудила черкаскаго старосту оставить родину и перейти на службу къ великому князю Московскому—неизвѣстно. Король Александръ, хотя и безуспѣшно, но требовалъ отъ своего тестя, Іоанна III, выдачи бѣглеца.

Въ 1506 году Александръ умеръ, и на польско-литовскій престолъ былъ избранъ младшій братъ его Сигизмундъ первый, а въ слѣдующемъ году князь Острожскій, подъ предлогомъ осмотра вѣрренныхъ ему Московскимъ государствомъ пограничныхъ войскъ, отправился на границу и бѣжалъ оттуда въ Литву. За нимъ послѣдовалъ и Дашковичъ. По ходатайству князя, а также малороссійскаго гетмана Лянцкоронскаго и кіевскаго воеводы Немировича, Дашковичъ былъ прощенъ Сигизмундомъ и отправился на днѣпровскіе острова, гдѣ въ то время обитала вольная дружина поселенцевъ, бѣжавшихъ сюда изъ опустошенныхъ татарами Подоліи, Волыни и другихъ южно-русскихъ областей. Поселенцы эти, устроивъ на неприступныхъ, покрытыхъ непроходимымъ лѣсомъ островахъ засѣки для отраженія нападений дикихъ кочевниковъ пустыннаго края, лежавшаго по нижнему теченію Днѣпра и названнаго поляками „Дикимъ полемъ“, въ первое время послѣ прихода своего сюда занимались охотой и рыболовствомъ, но, защищая свои жилища отъ набѣговъ кочевниковъ, они постепенно привыкли къ военному образу жизни. Изъ мирныхъ рыболововъ и звѣролововъ эти поселенцы перешли въ отважныхъ, неустрашимыхъ воиновъ и стали сами нападать на татарскіе улусы и захватывать военную добычу. Становище ихъ получило названіе „Запорожской Сѣчи“, а сами они стали извѣстными подъ именемъ „Запорожцевъ“.

Появившійся среди этихъ воиновъ-рыцарей Евстафій Дашковичъ былъ избранъ имъ въ „кошевые“ атаманы. До него община запорож-

цевъ не имѣла надлежащаго устройства. Дашковичъ устроилъ ее, вооружилъ ружьями и саблями, ввелъ строгую подчиненность выборнымъ начальникамъ и установилъ суровую дисциплину во время войны. По ходатайству гетмана Лянцкоронскаго, король Сигизмундъ позволилъ „Низовому войску запорожскому“ устраивать хутора выше Днѣпровскихъ пороговъ и далъ Дашковичу во владѣніе Каневъ и основанный Витовтомъ городъ Черкасы.

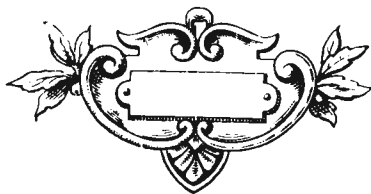
Во второй половинѣ XV и началѣ XVI столѣтій юго-западная Русь стала особенно часто подвергаться опустошительнымъ набѣгамъ татаръ. Въ царствованіе Казимира IV татары образовали въ Крыму особое царство и сдѣлались опасными сосѣдями южно-русскихъ областей Польско-Литовскаго государства. Послѣ отраженія ихъ набѣга въ 1454 году княземъ Иваномъ Острожскимъ, въ Кіевскую землю и на Волынь вторглись заволжскіе татары, предводительствуемые ханомъ Мамакомъ и опустошили незащищенные города и села въ окрестностяхъ Житомира, Кузьмина (нынѣ мѣстечко Староконстантиновскаго уѣзда), Владиміро-Волынска и Кременца. Предавъ огню и мечу эти населенныя мѣста, они перебили множество мирныхъ жителей и увели десять тысячъ плѣнниковъ. Въ 1482 году въ тѣхъ же областяхъ появляется съ огромными полчищами орды союзникъ великаго князя Московскаго Іоанна III, ханъ Менгли-Гирей. Онъ взялъ Кіевъ, опустошилъ его окрестности и разорилъ Житомиръ. Затѣмъ Волынь подверглась страшному опустошенію отъ набѣговъ крымскихъ татаръ въ 1484 и 1489 годахъ, а въ 1491 году на нее опять напали заволжскіе татары, но были разбиты подъ Заславлемъ луцкимъ старостой Симеономъ Юрьевичемъ Гольшанскимъ.

Въ началѣ XVI столѣтія хищные набѣги татаръ на Волынь стали еще болѣе частыми и опустошительными, особенно съ тѣхъ поръ, когда въ 1510 году крымская орда подчинила себѣ ногайцевъ. Взятые крымцами въ плѣнъ 70000 ногайцевъ были поселены ханомъ при устьѣ Днѣстра. Они положили начало Бѣлгородскимъ татарамъ, кочевавшимъ между Измаиломъ и Аккерманомъ, или Бѣлгородомъ. Тогда же возникли и Буджацкіе кочевники. Крымскіе татары, иначе называвшіеся Перекопскими, а также Бѣлгородскіе и Буджацкіе приносили наиболѣе вреда Подоліи и Волыни. Военственный Менгли-Гирей овладѣлъ основанными на югѣ Витовтомъ крѣпостями Дашевымъ (Очаговъ), Тягинемъ (нынѣ Бендеры) и другими, и такимъ образомъ южныя границы со стороны ордынцевъ остались незащищенными.

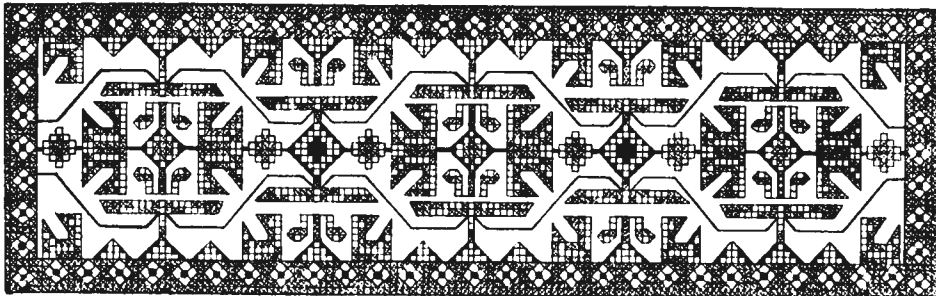
Главными путями, или шляхами для вторженія татаръ въ Южно-Русскія области были: Черный шляхъ, который велъ отъ Черкасъ, Канева и Полоннаго на Волынь и пролегалъ по сѣверной границѣ нынѣшней Подольской губерніи. Затѣмъ, Кучминскій, или Ханскій, начинавшійся у береговъ Кучмины и Кодымы. Онъ врѣзывался въ самую середину Подольской губерніи, и, наконецъ, Волоскій, или Валахскій. Этотъ послѣдній шелъ правымъ берегомъ Днѣстра къ Покутью*).

По своему обыкновенію, татары двигались загонами, миль на 50 въ ширину. Стаи испуганныхъ дикихъ птицъ предвѣщали своимъ крикомъ ихъ страшное появленіе. Путь татарскихъ загоновъ дымился пожарами, зарево которыхъ освѣщало по ночамъ весь горизонтъ. Опустошивъ цвѣтущіе города и села, татары уводили плѣнниковъ въ Крымъ тысячами и десятками тысячъ. Жертвы свои они вели на арканахъ, какъ животныхъ, и обрекали на тяжкія работы или продавали въ Константинополь. Кафа (теперь уѣздный городъ Феодосія на Крымскомъ полуостровѣ) служила центральнымъ рынкомъ для продажи невольниковъ.

Н. П. Шадурскій.

*) Покутьемъ называлась мѣстность, лежащая нынѣ въ Коломыйскомъ округѣ восточной Галиціи, между Днѣстромъ, Черемошемъ и Карпатами.

КРИСТИНЪ

1815 - й годъ.

Крестинъ.

Москва, 11 января.

Надѣюсь, что вы въ настоящее время въ Петербургѣ, но мнѣ жаль княжны Екатерины, а мы, Богъ знаетъ, чего ждали отъ ея прїѣзда. Да поможетъ Вамъ Богъ и да утѣшитъ Онъ Васъ. Я постоянно думаю о Васъ и съ нетерпѣніемъ жду извѣстій о Васъ; но увы! получить ихъ не могу надѣяться раньше будущаго воскресенья.

Theodore забралъ себѣ въ голову непременно уѣхать съ семьей въ пятницу. Онъ настоящее мельничное колесо, никогда не находящее себѣ покоя. Надѣюсь, что онъ отдумаетъ. Правда ли, что Гурьевъ и сынъ ѣдетъ въ Волынъ, какъ говоритъ г-жа Толстая? Постарайтесь узнать это. Николай Голицынъ уже уѣхалъ изъ Летичева; его эскадронъ стоитъ оттуда въ 60 верстахъ; графъ сообщаетъ мнѣ, что онъ этимъ очень доволенъ. Въ его послѣднихъ письмахъ много нѣжнаго для Васъ по случаю новаго года. Я бы вамъ повторялъ это каждый день, если бы слѣдовалъ внушенію своего сердца, но думаю, что надобль бы вамъ еще до Пасхи, и по этому умолкаю.

Сегодня большой вечеръ у Наталіи Абрамовны, а въ четвергъ дѣтскій костюмированный балъ у него же; Поль и Виржина приглашены на оба вечера. Мнѣ кажется, что Виржина Вамъ отчасти обя-

занаэтимъ; но она увѣряетъ, что Мэлианъ ея рыцарь, такъ какъ, по ея словамъ, мужчины лучше умѣютъ служить женщинамъ. Я не разувѣряю ее и не высказываю, что думаю. Какъ жаль сгорѣвшій чудный вѣнскій домъ Разумовскаго! Четыре человѣка сгорѣли; онъ самъ еле спасся!.. Говорятъ что графъ въ отчаяннн. Я приглашалъ его въ Москву, чтобы здѣсь утѣшиться.

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ, 10 января.

Послѣдннє два дня нашего путешествнн были очень тяжелы; сестра страшно волновалась; по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Петербургу, ея отвращеннє къ нему, или скорѣе ея боязнн передъ нимъ, очевидно усиливалась. Наконецъ въ пятницу я уже не знала, какому святому молиться: до того она волновалась; начались нервныя боли, и движеннє экипажа было для нея мученнємъ. Не смотря на 12-ти градусный морозъ, мы ее высаживали два раза, чтобы она немного прошлась. Сѣвъ въ карету, она чувствовала облегченнє не болѣе какъ полчаса, и страхъ снова возвращался. Жестокая мысль, что этотъ страхъ безпричиненъ, очевидно смущала ее, и она постоянно повторяла мнѣ: „Не хочу видѣть княгиню Борисъ, не хочу видѣть мадамъ де Нуазевиль“. Г-жа Апраксина всѣми средствами старалась успокоить ее, но напрасно. Къ вечеру она будто заснула, но вдругъ вскочила въ испугѣ спрашивая: „Прнѣхали?“ Ей отвѣтили: „Нѣтъ“. Я позаботилась поднять стекла, чтобы она не увидала заставы, и мы, такимъ образомъ, вѣхали въ городъ. Она нѣсколько успокоилась и спросила: „Прнѣхали?“ Я отвѣчала: „Да, и надѣюсь, что Богъ тебѣ вернетъ здоровье“. Она перекрестилась и пожелала взглянуть, гдѣ мы проѣзжали. Вскорѣ послѣ того мы доѣхали до дома г-жи Апраксиной и зашли къ ней. Сестра была рада увидеть давно знакомый домъ; подали чай, она съ удовольствнємъ выпила, а м-ше Комбъ, гувернантка Апраксиныхъ успокоила ее относительно ея болѣзни, приводя примѣры людей, вполне излѣчившихся отъ нея. Этотъ разговоръ былъ ей очень полезенъ. Въ одиннадцать часовъ мы поѣхали къ себѣ; я позаботилась отправить нашихъ горничныхъ впередъ, чтобы приготовить все во дворцѣ. Комнаты истопили, накурили, освѣтили; приготовили постели. Моя квартира ей очень понравилась; она легла и тотчасъ заснула, и послѣ утомительнаго дня прекрасно провела ночь, и проснулась только въ 9 часовъ. Я же не сомкнула глазъ, потому что хотѣла знать, какъ

пройдетъ ночь. Сестра проснулась веселая, и день прошелъ прекрасно. Сначала я немного беспокоилась относительно тѣхъ, кто могъ захватить въ этотъ первый день; но, слава Богу, все обошлось лучше, чѣмъ я смѣла надѣяться. Прежде всего прѣхала г-жа Кочетова, одна изъ придворныхъ дамъ, потомъ Рибопьеръ; а послѣ обѣда, когда мы сидѣли вдвоемъ, явился г. Свистуновъ и просидѣлъ цѣлыхъ два часа; закончила же вечеръ княгиня Борисъ. Всѣ разговаривали, стараясь развлечь сестру, она съ интересомъ слушала, и такъ время прошло до 10 часовъ. Когда мы остались одни, она мнѣ сказала, что довольна тѣмъ, что прѣхала сюда, и увѣрена, что ей будетъ здѣсь хорошо. До пяти часовъ она спала хорошо, но тутъ вдругъ проснулась въ испугѣ; съ ней сдѣлался нервный припадокъ, правда не сильный, но мѣшавшій ей уснуть до семи часовъ. Потомъ она заснула еще часъ, но утромъ встала не веселая. Однако она пошла въ церковь, опять видѣлась съ княгиней Борисъ, съ ея дочерьми, г-жей де Нуазевиль, Андреемъ, Гурьевой, и такъ какъ новыя лица ее развлекаютъ, мѣшая ей сосредоточиваться на себѣ, она принимала участіе въ разговорѣ. Однако, она много плакала. Г-жа де Нуазевиль чрезвычайно внимательна къ ней; она увѣряла ее, что она непременно выздоровѣетъ, что у г. де Водрейль бывали припадки хуже, чѣмъ у женщины. Гурьева говорила ей то же, указывая, ужъ не помню, на кого. Ей сдѣлалось лучше, хотя она сильно плакала. Я отвезла ее обѣдать съ Рибопьеръ, гдѣ она видѣла княгиню Юсупову и еще новыхъ лицъ. Тамъ ей было довольно хорошо, и мы вернулись часъ тому назадъ. Она легла, а я пользуюсь этимъ временемъ, чтобы написать вамъ. Я пригласила Крейтона къ ней завтра, предпочитая обратиться къ первому врачу въ городѣ, и хочу, чтобы онъ ее лѣчилъ. Косолапый Апраксиной тоже будетъ; пусть его дѣлаетъ черную работу, а Крейтонъ будетъ прѣзжать три раза въ недѣлю, чтобы судить о дѣйствіи средствъ, которыя онъ предпишетъ, я же день за день стану наблюдать за ея положеніемъ. Она должна серьезно лѣчиться, чтобы избавиться отъ нервныхъ припадковъ, заставляющихъ ее сильно страдать. Одобрите ли Вы мое рѣшеніе?

Я до смерти не забуду всего, что Вы сдѣлали для меня въ это тяжелое время, когда я положительно не знала, куда броситься. Повторяю, я никогда этого не забуду, и Вы останетесь на всю мою жизнь однимъ изъ людей, которыхъ я любила отъ всего сердца. Будьте увѣрены въ этомъ.

Увлеченіе танцами еще во всей силѣ, сегодня балъ у князя Александра Куракина; Императрица будетъ тамъ со всей свитой. 13

балъ при дворѣ по случаю рожденія Императрицы, я на него не поѣду; я буду представляться только въ воскресенье черезъ недѣлю, 17-го. Это я устроила исключительно, чтобъ уклониться отъ бала.

Я предвижу, что іезуитовъ изгонять на этихъ дняхъ. Я вамъ говорила это уже въ Москвѣ; надъ ихъ головой нависла темная туча. Она скоро разразится грозой, такъ какъ обо всемъ написали Императору. Виновникъ всего этого переполоха племянникъ Голицына. Этотъ пятнадцатилѣтній молодой человекъ, будучи въ церкви генерала Кутузова, своего родственника, отказался приложиться къ кресту по окончаніи обѣдни, говоря, что эта церковь не его церковь, что Господь просвѣтилъ его своимъ свѣтомъ, и что онъ убѣдился, что единственная истинная религія есть религія римско-католическая. Кутузовъ отправился къ дядюшкѣ мальчика, министру исповѣданій и завязаному врагу іезуитовъ. Тотъ немедленно послалъ за начальникомъ и порядкомъ намылить ему голову. Князь тотчасъ же взялъ племянника изъ пансіона, и многіе послѣдовали его примѣру. Мальчикъ, по моему мнѣнію, сдѣлалъ глупость, не приложившись къ кресту, такъ какъ католики поклоняются ему такъ же, какъ мы; онъ объяснилъ свое упорство въ данномъ случаѣ такъ, что получается убѣжденіе въ стараніяхъ навязать ему иную вѣру, потому что самому ему подобныя слова не могли бы придти въ голову. Какъ бы то ни было исторія надѣлала много шума, и я не понимаю іезуитовъ, которые въ собственномъ интересѣ должны были бы держаться тихо. Если присяга, которую они должны были принести, открывая свой пансіонъ, идетъ въ разрѣзъ съ ихъ совѣстью, имъ не слѣдовало давать ее. Этой присягой они обязывались никогда не стараться объ обращеніи кого либо подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Они измѣнили Государю и государству, пріютившему ихъ, когда преслѣдуемые, изгоняемые отовсюду, они не находили себѣ пристанища. Это происшествіе очень грустное, и, повторяю, они губятъ себя. Свистуновъ, сынъ котораго у нихъ въ пансіонѣ, тоже ѣздилъ туда, но не взялъ мальчика, и, между нами, я его одобряю. Интересно было бы знать, какъ въ этомъ случаѣ рассуждаетъ, и что дѣлаетъ г-жа Ростопчина.

КРИСТИНЬ.

Москва, понедѣльникъ 18 января.

Поговоримъ о іезуитахъ, которыхъ я люблю и уважаю, и которые меня глубоко огорчаютъ своей страстью обращать въ свою вѣру. И такъ уже, кажется, у нихъ достаточно враговъ, ненавидящихъ ихъ

безъ причины! Еще понадобилось нажать себѣ новыхъ на законномъ основаніи. Каково бы ни было ихъ убѣжденіе въ догматѣ, что нѣтъ спасенія внѣ римско-католической церкви, у нихъ достаточно ума и знанія людей и исторіи, чтобы понимать, что нельзя касаться господствующей церкви въ государствѣ, не подвергая себя непріятностямъ, и что мудрое и предусмотрительное правительство должно тщательно заботиться о предотвращеніи всякихъ происшествій подобнаго рода. Меня удивляло молчаніе Синода относительно Александра Дивова; сомнѣваюсь, чтобы это дѣло прошло незамѣченнымъ; а если бы такъ случилось, то это служило бы доказательствомъ, что у іезуитовъ есть вліятельные друзья. Я бы, во всякомъ случаѣ, совѣтовалъ имъ держаться тихо и оставаться вѣрными присягѣ, которой отъ нихъ предусмотрительно потребовали при ихъ водвореніи въ Петербургѣ. Надо смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія государственныхъ людей, а не фанатиковъ. Не понимаю рвенія, охватившаго Европу въ религіозныхъ вопросахъ; кажется будто наступила реакція послѣ разсудочнаго направленія прошлаго вѣка. Но каждая реакція имѣетъ свои опасныя стороны, потому что обыкновенно не достигаетъ цѣли. Мнѣ тоже приходится въ голову, что выходка молодого Голицына обошлась не безъ участія его дяди, который будучи министромъ исповѣданій, далеко не отличается терпимостью, требуемой его положеніемъ. Не то, чтобы онъ покровительствовалъ греческой церкви въ ущербъ римско-католической,—это было бы понятно и извинительно,—но, повидимому, онъ и вся клика библейскаго общества возстаютъ противъ католическихъ догматовъ обѣдни,—исповѣди, пресуществленія,—имѣя въ виду замѣнить ихъ въ англиканской религіи или даже шотландскимъ пуританизмомъ. У греческой религіи такъ много общаго съ католической, что нельзя касаться догматовъ послѣдней, не коснувшись первой.

Вы, слѣдовательно, не замѣтили никакого удовольствія со стороны княгини Boris и г-жи де Нуазевилль на меня? Г-жа де Нуазевилль чрезвычайна умна: она, повидимому, вовсе не опечалилась моему противодѣйствію ея желаніямъ; но малу по малу перешла въ тонъ, подходящій къ моему, и теперь можно подумать, что она всегда вмѣстѣ со мной считала это невозможнымъ, невысказаннымъ, нелѣпымъ. Я задаю себѣ вопросъ: неужели это написано той-же рукой, которая писала мнѣ совершенно иное? Она предполагала, что я безъ всякаго сомнѣнія стану на ея сторону. Ошибившись, она чувствуетъ, что ея намѣренія не изъ тѣхъ, которыя можно высказывать открыто другимъ, кромѣ людей посвященныхъ, и выпутывается изъ неудобнаго положенія съ изумительной ловкостью.

Графъ сообщаетъ мнѣ, что онъ направилъ на путь истинный—дочь, ни о чемъ не думающую (дай Богъ, чтобы онъ не ошибся). Вотъ что онъ сказалъ мнѣ еще: „Бѣдная мать молодого человѣка заблуждается относительно его поведенія; на примѣръ, она думаетъ, что сынъ ея получилъ 700 рублей изъ денегъ, присланныхъ ею мнѣ; а онъ преспокойно забралъ всѣ 5500 рублей, и опасаюсь, что ко всѣмъ порокамъ, которые за нимъ подозрѣваютъ, въ немъ не присодинялось бы еще лицемѣріе. Онъ выставляетъ на показъ чрезвычайную набожность и слишкомъ ужъ старается держаться такого тона. Онъ въ настоящее время далеко, но думаю, что вернется ко мнѣ, а такъ какъ я намѣреваюсь съѣздить на Кіевскіе контракты, то воспользуюсь этимъ предлогомъ, чтобы дать понять ему, чтобы онъ не возвращался, и такимъ образомъ все будетъ кончено“. Спросите, пожалуйста, г-жу Ростопчину, что она думаетъ о дѣлѣ іезуитовъ, и напишите мнѣ, вѣрно ли, что они заставили заплатить 40 тысячъ рублей за сервизъ Людовика XVI? Мнѣ это кажется невозможнымъ, но здѣсь такъ говорятъ.

Графъ Толстой пріѣхалъ три дня тому назадъ; онъ тотчасъ же извѣстилъ меня, и я отправился къ нему. Со времени Вашего отъѣзда я не былъ у графини, и мнѣ показалось, что мое появленіе у Теодора и Наталіи Абрамовны ее смутило. Я очень люблю ея мужа и буду часто бывать у него, но не пойду къ женѣ, пока она не научится щадить моихъ друзей, на которыхъ она ополчается больше чѣмъ когда нибудь, приписывая имъ мою перемѣну въ отношеніи ея. И совершенно напрасно. Она не разъ видѣла, что хорошо извѣстная мнѣ враждебность не вліяетъ на меня, и что я могу быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ двумя женщинами, которыя не любятъ другъ друга, лишь бы онѣ не говорили одна о другой. Но когда сильный злоупотребляетъ своей силой, чтобы уничтожить слабаго, то надо быть трусомъ и безсердечнымъ, чтобы не стать на сторону притѣсняемаго.

Если я поѣду въ Подолію, я Вамъ сообщу какъ поступать, чтобы я получалъ тамъ Ваши письма, а самъ напишу Вамъ съ дороги и изъ Летичева. Я получу черезъ 10 дней отвѣтъ отъ графа относительно этого путешествія, на которое онъ, вѣроятно, выразитъ свое согласіе. Я уже знаю, что онъ отказался отъ мысли о поѣздкѣ въ Петербургъ, куда Байковъ всѣми силами старался привлечь его, нуждаясь въ его протекціи. Если увидите этого Байкова, расскажите ему о Летичевѣ, но знайте, что онъ плохой человѣкъ, безъ всякой совѣсти, и примите это во вниманіе, какъ въ отношеніи довѣрія къ его словамъ, такъ

и того, что сами будете говорить ему. Повѣрьте, что я люблю Васъ всѣми силами моей души и буду любить по гробъ.

Виржини заболѣла сильной катаральной лихорадкой, и не смотря на то пожелала явиться въ среду у г-жи Тормасовой, а въ четвергъ у Наталіи Абрамовны, не ради удовольствія, какъ сами можете посудить, но чтобъ не подумали, что она не появляется изъ за г-жи Т. Подобное удовлетвореніе самолюбія стоило ей дорого: она слегла, сильно заболѣвъ. Вчера я видѣлъ г-жу Эверсъ, у которой какая то странная боль въ кисти руки.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ 14 Января.

Здоровье сестры опять день хорошо, день плохо, лихорадка возобновилась черезъ день; къ счастью припадокъ начинается въ 7 часовъ утра, такъ что ночь почти всегда проходитъ спокойно. Припадокъ оканчивается къ часу или къ двумъ; остальной день ей не хорошо, но уже въ другомъ родѣ: она только плачетъ и груститъ; мысль о сумашествіи совершенно исчезла, хотя по временамъ она подходитъ къ зеркалу и разсматриваетъ глаза, которые, увѣряю Васъ, такіе же, какъ и у меня, кромѣ небольшой красноты отъ слезъ. Не знаю, что она думаетъ про себя, но уже не говоритъ ни о сумашествіи, ни о Германіи. Въ здоровый день она чувствуетъ себя прекрасно; вчера мы обѣдали у княгини Борисъ, и она разговаривала, какъ и другіе. Крейтонъ заѣзжаетъ каждое утро; онъ снова прописалъ хину и приказываетъ выѣзжать и развлекать сестру даже въ дни припадокъ. Еслибъ Господь послалъ мнѣ милость, и сестра поправилась бы отъ этой тяжелой болѣзни, я могла бы вернуться къ своему обычному образу жизни, который теперь совершенно нарушенъ: я не читаю ничего, не молюсь; постоянно волнуюсь; и если находится свободная минута, то только поздно, когда сестра легла спать. Вѣроятно Богу угодно, чтобъ было такъ, и вѣроятно Его воля, чтобы я на время отказалась отъ своихъ наклонностей иногда послушать проповѣди и подумать. Не говорю, „предаться размышленію“, это было бы слишкомъ высоко для меня. Да будетъ Его воля! Быть можетъ отнятое у меня будетъ мнѣ когда нибудь возвращено.

Г-жа де Нуазевилль взбирается ежедневно на мои 113 ступеней и вовсе не тяготится. Она прекрасная личность, что бы ни говорила г-жа Толстая, мужъ которой, вѣроятно, уже вернулся къ ней. Напи-

шите мнѣ, видѣли ли Вы его, доволенъ ли онъ и какъ намѣревается распорядиться собой. Я напишу графинѣ съ слѣдующей почтой. Мнѣ кажется, что она должна быть очень довольна моимъ отъѣздомъ, чтобы снова обрѣсти Васъ. Съѣздите къ ней, прошу Васъ, и не вѣрьте сплетнямъ. Напишите мнѣ, какъ отвѣтила г-жа де Нуазевилль на письмо, которое Вы мнѣ прочли; она должна была найти его очень разумнымъ. Пока княгиня Борисъ преисполнена лучшихъ чувствъ къ Вамъ; изъ этого надо заключить, что она осталась довольна содержаниемъ этого письма, если только его ей показали. Николай испыталъ новое униженіе отъ Великаго князя, и онъ не можетъ двинуться изъ своего гарнизона; ему не даютъ ни отпуска, ни отставки; его покровителямъ въ Летицевѣ все это, вѣроятно, не нравится; они должны видѣть, что не такого мужа нужно дѣвицѣ Марковой. Молодой человекъ пишетъ матери отчаянное письмо; онъ говоритъ, что преслѣдованіе Великаго князя въ данную минуту лишаетъ его всякой надежды на счастливое будущее. Здѣсь нѣтъ ничего новаго; Богъ знаетъ, что происходитъ на Конгрессѣ. Съ нашей стороны все дѣлаетъ графъ Андрей Разумовскій и Капподистрія, находящійся подъ его начальствомъ.

КРИСТИНЬ.

Москва, Вторникъ вечеромъ, 19 Января.

Въ письмѣ, присланномъ черезъ г. Олсуфьева де Нуазевилль пишетъ мнѣ такія вещи, о томъ, кто лишаетъ отпуска ея протеже, что я объясняю ея слова именно этимъ отказомъ, хотя она, и не упоминаетъ о немъ ни единымъ словомъ. Княгиня и г-жа де Нуазевилль должны понять по этому отказу, что вины молодого человека еще не преданы забвенію. Я Вамъ писалъ въ своемъ вчерашнемъ письмѣ, что мнѣ сообщаютъ о немъ изъ Подольской губерніи. Очень радъ, что на меня не сердятся у Васъ; было бы напрасно; но это одинъ изъ случаевъ, когда надо чувствовать благодарность къ людямъ, если у нихъ хватаетъ благоразумія быть правыми. Я приглашенъ сегодня вечеромъ къ Софіи; предполагаю, что тамъ будутъ *его друзья*, такъ какъ Васъ нѣтъ, чтобы преградить имъ доступъ; но я не пойду. Виржини заболѣла довольно серьезно, и въ этихъ случаяхъ ея единственное утѣшеніе—Поль, и Поль исполняетъ свой долгъ. Знаете, кто еще очень боленъ? Г-жа Толстая; она слегла въ постель неизвѣстно отъ чего, но мужъ, ея говорилъ мнѣ, что она очень боится смерти и упала духомъ. Въ то время, какъ я разговаривалъ въ передней съ мужемъ, пріѣхала Наталія Абрамовна и не была допущена къ княжнѣ, изъ чего я вывелъ заключеніе, что больная считаетъ свое состояніе тяжелымъ, разъ отка-

зывается принимать свою первую подругу и союзницу *по языку*. Я, конечно, желаю отъ всей души быстрого и полного выздоровленія г-жѣ Толстой; но былъ бы радъ, если бы страхъ смерти заставилъ ее размыслить о тщетѣ злословія и маломъ утѣшеніи, приносимомъ имъ людямъ, лежащимъ въ постелѣ. Я не могу сказать Вамъ, въ чемъ ея болѣзнь, говорятъ, будто это ложная жаба; но по моему, тутъ примѣшана и женская болѣзнь, такъ какъ нервная система, повидимому, затронута, и мужъ говоритъ о такомъ упадкѣ физическихъ и умственныхъ силъ, какого онъ никогда у нея не видалъ.

Кристинь.

Москва, 20 января.

Я провелъ часъ у графа Толстого въ его кабинетѣ; женѣ его еще хуже, чѣмъ въ понедѣльникъ, и она все боится смерти, что пугаетъ мужа. Кибальчичъ не пускаетъ никого къ больной, даже г-жу Шереметеву. Онъ увѣряетъ, что не послѣдуетъ ничего серьезнаго, но все же въ этой болѣзни и необычайномъ затворничествѣ есть что-то необыкновенное. Сегодня утромъ я посылалъ справиться о здоровьи; ночь прошла плохо; больная сильно страдаетъ. Я пройду еще сегодня вечеромъ къ мужу и предупрежу его, чтобы онъ скрылъ письма изъ Подолія, изъ которыхъ графиня узнала бы, что тѣло графини Сень-При везутъ сюда; не слѣдуетъ ей сообщать это, пока она больна. Графъ Сень-При приѣдетъ сюда вскорѣ, но дѣтей своихъ онъ оставляетъ у Маркова до его отъѣзда въ Италію.

Четвергъ 21 января.

Тѣло г-жи Сень-При привезли на дворъ, когда я былъ у графа; гробъ тотчасъ же отправили въ Донской монастырь, и завтра графъ втихомолку отправится на кладбище, чтобы опустить тѣло въ семейный склепъ; отпѣваніе было совершено епископомъ Каменецкимъ до перевозки. Г-жа Толстая не узнаетъ ничего до своего выздоровленія. Графъ Толстой поѣдетъ въ Петербургъ къ возвращенію Государя; онъ говоритъ, что намѣревается просить отпуска до октября, проведетъ праздникъ въ Троицкомъ, а осенью переселится въ Петербургъ съ чадами и домочадцами. Мнѣ его жаль лично, потому что онъ—жемчужина между людьми по добротѣ, прямотѣ и честности; но, признаюсь вамъ, я буду очень доволенъ, когда его жена уѣдетъ изъ Москвы. Кумушки потеряютъ своего запѣвалу, и сплетни постигнутъ упадокъ и презрѣніе, когда онъ лишится своей знаменитой поддержки.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 18 января.

Несмотря на насмѣшки г-жи де Нуазевиль, г. Свистуновъ на прекрасномъ пути; религія вполнѣ измѣнила его; онъ сталъ добръ, оказывается благодареніе, вообще совсѣмъ измѣнился; можете называть его мечтателемъ, мистикомъ—чѣмъ хотите, но одно несомнѣнно: что изъ человѣка вѣтреннаго и непослѣдовательнаго, какимъ онъ былъ, онъ сталъ очень основательнымъ.

Возвращаюсь къ сестрѣ. Крейтонъ приказалъ ей брать ванны съ прибавкой небольшого количества водки, чтобы укрѣпить ее. Она начнетъ ихъ завтра. Докторъ продолжаетъ увѣрять, что въ ея болѣзни нѣтъ ничего опаснаго, даже тревожнаго, и что весна принесетъ ей облегченіе. Лишь бы только это прошло, я согласна терпѣливо ждать, но сколько безпокойства предстоитъ еще ей, бѣдняжкѣ! Вчера я представлялась Императрицѣ, и она много говорила о Catherine, увѣряя, со словъ Крейтона, что она быстро поправится. Она милостиво предложила мнѣ нѣсколько вопросовъ о болѣзни сестры и посоветовала почаще вывозить ее, чтобы развлекать. Я такъ и дѣлаю, когда у нея нѣтъ лихорадки, но когда она волнуется, я удерживаю ее дома.

Я обѣдала вчера у Вальполя, котораго прежде находила очень пріятнымъ; но теперь при моемъ настроеніи онъ только до крайности утомилъ меня. Тамъ были Куракинъ и Рибопьеръ съ женами а также Аглая Давыдова. Больше дамъ не было; изъ мужского общества—сливки Петербурга. Изъ кожи вонъ лѣзли, чтобъ быть любезными, наговорили тысячу пустяковъ; вѣроятно и на мою долю пришлось ихъ не мало, но при всей этой болтовнѣ я не могла не содрогнуться, подумавъ о всѣхъ тѣхъ глупостяхъ, которыми мы угощаемъ другъ друга! Если правда, что намъ суждено отдать отчетъ въ каждомъ праздномъ словѣ, то, Боже мой, сколько ихъ у меня на душѣ послѣ обѣда Вальполя! Лиза Куракина слушаетъ болтовню г-на де Ноай, который, по моему, пустой человѣкъ; англичанинъ тоже по временамъ отпускаетъ ей какой нибудь приторный комплиментъ, а мужъ блѣдный съ блуждающимъ взоромъ ни на что ни похожъ. Исторія съ Гагаринымъ заставила его придерживать язычекъ, и онъ точно въ воду опущенный. Мы обѣдали въ 6 часовъ, вышли изъ за стола послѣ семи, и мужчины выпили не мало вина. Пропѣли хоромъ *God save the King*, потомъ подали кофе, а потомъ я поспѣшила уѣхать, и въ половинѣ девятаго уже вернулась

во дворець, въ совершенномъ изнеможеніи, не будучи въ состояніи произнести ни слова.

Кристинь.

Москва, вторникъ, 26 января.

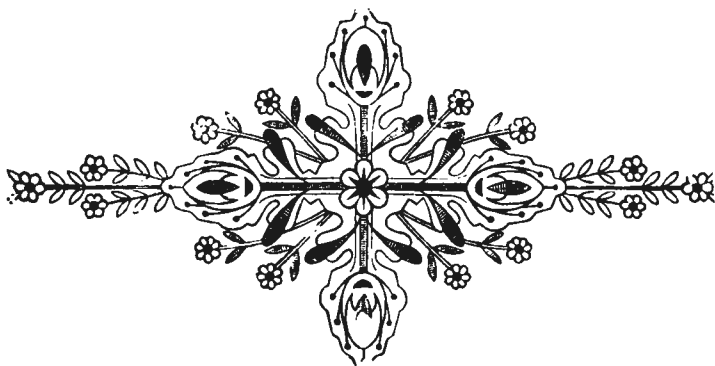
Я въ восторгѣ отъ сказаннаго вамъ императрицей о *Catherine*: это доказываетъ, что она не имѣетъ ничего противъ пребыванія Вашей сестры во дворцѣ, и кромѣ того, всегда лестно внушать участіе владыкамъ міра. Г-жа де Нуазевиль сообщаетъ мнѣ, что послѣ пріѣзда и обратнаго отъѣзда князя, княгиня Борнсъ возьметъ къ себѣ Вашу сестру совѣмъ. Надѣюсь, что вы не воспрепятствуете этому, хотя бы вамъ и не хотѣлось разстаться съ сестрой. Во первыхъ, вы такимъ образомъ станете гораздо свободнѣе, а *Catherine* съ минуты пробужденія до отхода ко сну будетъ среди людей, что ей полезно. А такъ какъ вѣчно говорить съ кѣмъ-нибудь, составляетъ необходимость для княгини, то ваша сестра составитъ для нея настоящую находку. Такимъ образомъ, я во всемъ этомъ вижу только хорошее для обѣихъ сторонъ, а для васъ облегченіе.—Почему вы упрекаете себя за „праздныя“ рѣчи у Вальполя? Ахъ, Боже мой, гдѣ ихъ не говорятъ! Это ужъ значитъ слишкомъ буквально понимать слова Евангелія. Даже у монаховъ бывають часы отдыха, я замѣчають, что наиболѣе любезные въ это время, обыкновенно усерднѣе всего исполняютъ свой строгій обѣтъ. Трапеза для всѣхъ—разрѣшенное время необходимаго отдыха. Не терзайтесь-же тѣмъ, что вы были любезны во время обѣда, напротивъ, позволять себѣ почаще эту любезность, которая такъ естественна въ васъ, которая все украшаетъ и сглаживаетъ житейскія невзгоды. Не допускайте злословія, способнаго повредить ближнему, но легкая насмѣшка и невинная шутка всегда допустима для тѣхъ, кто, какъ Вы, имѣетъ способность такъ удачно владѣть имп.—Вы уже потеряли здѣсь часть своей репутаціи и Маріи Алексѣевны *); мужъ ея на дняхъ сказалъ Sophie: „Вы, кажется, дѣлаетесь такой же сумрачной, печальной и скучной, какъ ваша сестра *Barbe*?“ Софи отвѣчала съ нѣкоторымъ удивленіемъ: „Я рѣшительно не понимаю, что вы хотите сказать; въ сестрѣ нѣтъ ничего подобнаго“. Толстой возразилъ: „Говорятъ, что она такова; я знаю, что прежде можно было пріѣхать изъ за границы, чтобы послушать ея разговоръ два, три часа, а теперь жена увѣряетъ, что она неузнаваема, что она вдалась въ ханженство, въ мистицизмъ, стала мрачна, молчалива—однимъ словомъ, что въ ней произошла

*) Графини Толстой.

перемѣна, огорчающая ея друзей".—Софи тотчасъ отвѣтила. „Но вѣдь г-жа Толстая тоже набожна, а развѣ вы находите, что она изъ за того стала *молчалива?*“.—„О,—отвѣтилъ мужъ, тутъ набожность совершенного иного рода“.—Мнѣ все это рассказывала Софи; но если она вамъ не напишетъ, не говорите ей ничего. Она была возлѣ больной съ княгиней *Théodore*, когда произошелъ этотъ разговоръ; графинѣ, какъ будто стало неловко. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы графъ заговорилъ объ этомъ предметѣ со мной, я бы ему какъ дважды два доказалъ, что онъ самъ не знаетъ, что говорить, и что у его жены только одна мѣрка для оцѣнки людей и сужденія о нихъ: т. е. матеріаль, который они даютъ для ея сплетенъ. Она любитъ и до небесъ превозносить Наталію Абрамовну и ея дѣтей: это святые, ангелы, потому что, выйдя изъ церкви они на клочки раздираютъ ближнихъ и даютъ ей возможность посмѣяться; но люди набожные, строго относящіеся къ болтовнѣ, на ея взглядъ—скучные мистики. Нѣтъ человѣка упрямѣе въ своихъ мнѣніяхъ, чѣмъ графиня Толстая: она создаетъ репутаціи съ антихристіанской гордостью, и мы какъ нибудъ изъ за этого съ ней сдѣшмся; безъ того не обойдется. Въ воскресенье я былъ у нея; она приняла меня въ постели; мужъ былъ ко мнѣ чрезвычайно любезенъ; доложили, что кушать подано; я всталъ.—„Отобѣдайте съ нами“,—сказала графиня.—Извиняюсь, что не могу, я отозванъ.—„Куда?“—Къ г-жѣ де Бролли.—Она сдѣлала ужасную гримасу, и я ушелъ. Вечеромъ я зашелъ къ Теодору; вашъ дядя у двое другихъ игроковъ въ винтъ уговорили меня сыграть 8 робберовъ, что заставило меня остаться ужинать. За ужиномъ я очутился около графа Алексѣя Орлова, съ которымъ мнѣ хотѣлось познакомиться. Я остался имъ очень доволенъ. Послѣ ужина танцовали матадуру; я въ первый разъ слышалъ объ этомъ танцѣ; мнѣ было любопытно взглянуть; затѣмъ послѣдовалъ еще танецъ—я забылъ его смѣшное названіе—и мнѣ захотѣлось тоже посмотреть.... Однимъ словомъ, я вернулся въ 4 часа утра; мой камердинеръ не спалъ и перекрестился, увидавъ меня: онъ думалъ, что уже не случилось ли чего. Это служить доказательствомъ того, какую правильную жизнь я веду.

Сейчасъ у меня былъ Титовъ. Я ему рассказалъ, какъ вы весело обѣдали у Вальполя.—„Что это еще за Польша?“—спросилъ онъ меня.—Англійскій министр.—Тутъ онъ сдѣлалъ сердитые глаза.—„Чего ей надо у иностранныхъ министровъ?“ Это ей можетъ сильно повредить.—Почему, вѣдь были еще другія дамы.—„Да, но Фрейлина не должна позволять себѣ того, что дѣлаютъ другіе; люди, состоящіе при дворѣ, должны быть очень осторожны въ своихъ знакомствахъ съ иностран-

цами; передайте ей, пожалуйста, что она попадетъ въ какую нибудь непріятную исторію съ своими посѣщеніями пословъ“. Я напрасно убѣждалъ его, что фрейлинъ вовсе неизвѣстны государственный тайны, и что она можетъ безъ опасенія бывать у иностранцевъ такъ же, какъ у мѣстныхъ жителей; онъ продолжалъ стоять на своемъ, что вамъ не слѣдуетъ бывать у Поля, и что онъ умоляетъ поставить вамъ это на видъ. Бѣдный Титовъ, онъ считаетъ себя цензоромъ нравовъ и въ качества такого приписываетъ себѣ нѣкоторое значеніе; но въ сущности онъ напичканъ мелочнымъ самолюбіемъ и тщеславіемъ, не меньше кого либо другого. Но онъ прямъ и добръ: это всегда поддерживать его.

Е. В. ТАРЛЕ. Континентальная блокада. Томъ I. Исслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона. Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. К-во. „Задруга.“ Стр. 739. М. 1913 г. Цѣна 4 руб.

Книга проф. Тарле чрезвычайно интересна, какъ для историка и политико-эконома, такъ и для простыхъ читателей. Живо, популярно изложенная, она посвящена вопросу, котораго еще мало касались. Все въ ней сообщаемое основано на массѣ фактовъ, почерпнутыхъ изъ документовъ иностранныхъ архивовъ, и эти факты, въ освѣщеніи автора, даютъ яркую картину экономическихъ отношеній въ Европѣ начала 19 вѣка.

Авторъ обѣщаетъ во II части своего труда болѣе подробно разобрать вліяніе континентальной блокады на промышленность и торговлю другихъ странъ, кромѣ Франціи, но и то, что сообщено въ восьми главахъ, изъ которыхъ каждая посвящена сношенію Франціи съ отдѣльными государствами: Италіей, княжествомъ Бергъ, Ганзейскими городами, Голландіей, Швейцаріей, Испаніей съ Португаліей, Соединенными штатами, Илирійскими провинціями и наконецъ Россіей, — весьма любопытно.

Первыя двѣ главы посвящены разбору взглядовъ Наполеона на торговлю и промышленность. Какъ извѣстно, Наполеонъ видѣлъ въ свободѣ торговли большое зло и единственное спасеніе отечественной промышленности усматривалъ въ покровительствѣ ей.

На первомъ мѣстѣ въ государствѣ должно было стоять земледѣліе, за нимъ обрабатывающая промышленность и наконецъ уже торговля. По-

слѣдняя не пользовалась его благорасположеніемъ. Покровительство своей торговлѣ, по мнѣнію Наполеона, единственная патріотическая политика. Отсюда уже одинъ шагъ до ограниченія промышленности страны отъ всякаго иностраннаго соперничества. Въ данномъ случаѣ, прежде всего—англійскаго.

Покровительствуя торговлѣ Франціи, Наполеонъ въ то же время имѣлъ въ виду при помощи континентальной блокады разорить своего врага—Англію подорвавъ ея торговлю на материкѣ.

Событія 1807 г. сложились крайне благопріятно для достиженія этой цѣли, т. е. для вытѣсненія англійскихъ товаровъ съ европейскихъ рынковъ: Ганзейскіе города и вся Германія повиновались Наполеону. Оставалась только Россія. Привлечь ее на свою сторону въ вопросѣ о блокадѣ англійскихъ товаровъ представлялось для Наполеона задачей первой важности. Тильзитскій миръ и свиданіе Наполеона съ императоромъ Александромъ повлекли за собой разрывъ съ Англіей т. е. офиціальное и полное прекращеніе торговли съ нею. Почему это прекращеніе не могло быть проведено въ жизнь и почему оно вызвало осложненіе, приведшее наконецъ къ войнѣ 1811-12 года, прекрасно выяснено въ главѣ XIX, посвященной отношеніямъ между Франціей и Россіей.

Послѣдняя глава книги содержитъ описаніе того, къ чему привела попытка Наполеона „измѣнить путь міровой торговли“ и сводку того, во что обошлась Европѣ эта попытка. Огромный трудъ проф. Тарле съ начала до конца читается съ неослабѣвающимъ интересомъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913 годъ.

(Годъ 51-ый).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1913 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Садовой у Ермолая, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 12 до 4 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5⁰/₀.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Журналъ выходитъ на старыхъ основаніяхъ съ привлеченіемъ новыхъ сотрудниковъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщикъ долженъ заявить № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ видѣ приложенія подписчикамъ будетъ разослано собраніе статей и примѣчаній почившаго составителя „Русскаго Архива“ Петра Ивановича Бартенева.

Отвѣтственный редакторъ Н. С. Бартенева.

Издатель и составитель Петръ Бартеньевъ (младшій).